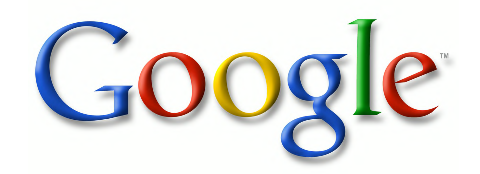
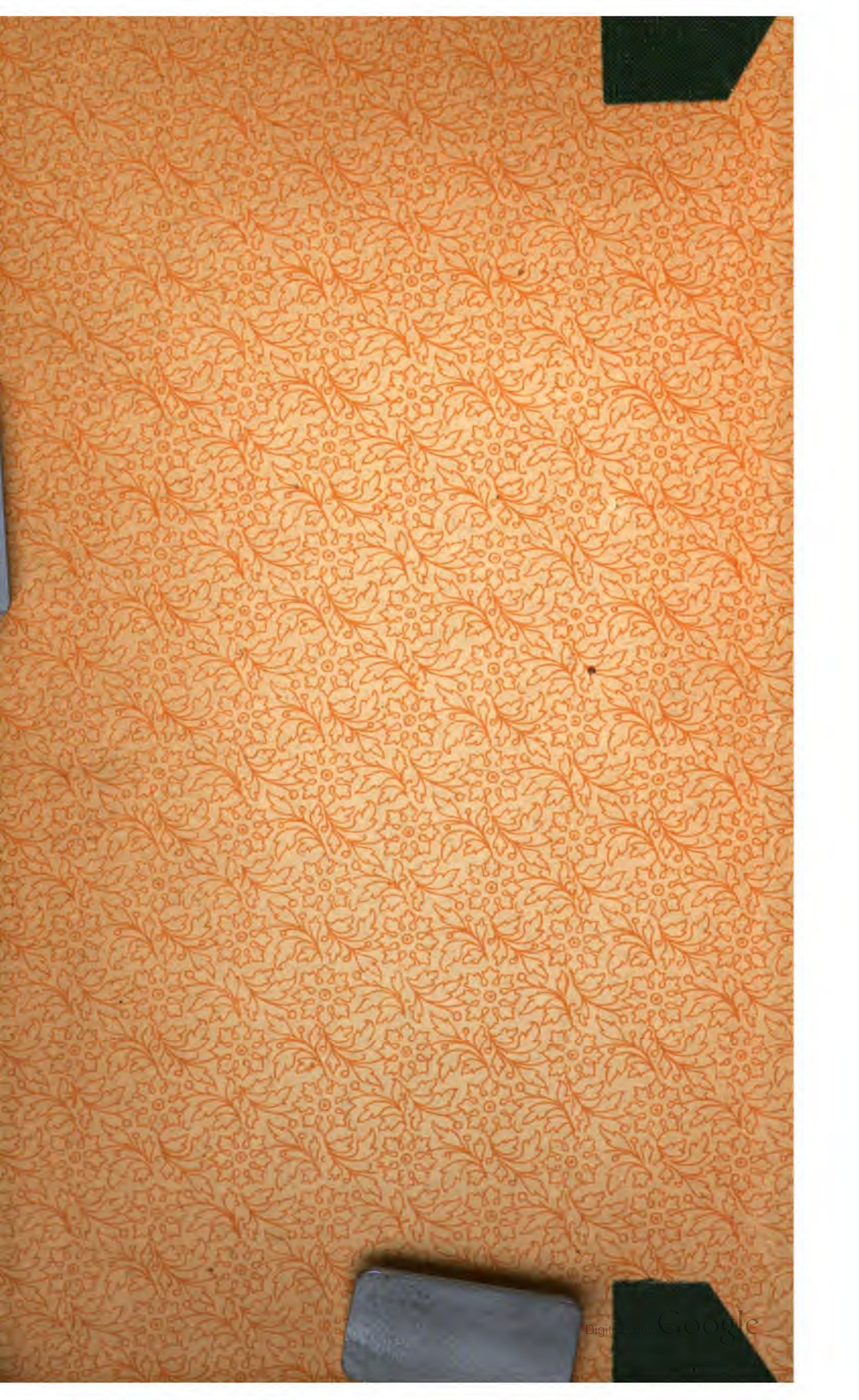

Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ XLVI. — ТОМЪ CCLXVII. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1882.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО-ТРЕТІЙ ТОМЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1882

(656)

ВОЕННЫЯ РЕФОРМЫ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ *).

Великія преобразованія, совершившіяся въ царствованіе Императора Александра II во всѣхъ отрасляхъ государственнаго строя, останутся въ исторіи такими свѣтлыми, такими славными страницами, что никакія несправедливыя и пристрастныя толкованія не могутъ ихъ затемнить.

Къ сожалѣнію, и самыя благотворныя нововведенія возбуждаютъ въ извѣстной части современниковъ не только осужденіе, неудовольствіе, ропотъ, но даже противодѣйствіе. Такое явленіе объясняется частію личными, полемическими побужденіями, частію просто привычкою къ прежнему порядку и непониманіемъ общаго поступательнаго хода человѣчества. Защитники старины, подъ

*) Читатель, болѣе насъ знакомый съ военными реформами прошедшаго царствованія, замѣтитъ, и безъ подписи автора, что его трудъ писанъ, какъ говорится, non ad probandum, sed ad narrandum — не для цѣлей полемическихъ, а для простого изложенія сущности самаго дѣла, которое окончилось прежде, чѣмъ успѣло выясниться до конца. Предъ глазами современниковъ оно являлось разрозненнымъ по частямъ; а въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было сдѣлано ничего, что можно бы выяснить всю програму реформъ въ ихъ цѣлости; безъ того же невозможно никакое основательное сужденіе ни о какомъ дѣлѣ. Только вслѣдствіе такого недостатка такъ-сказать „объяснительной записки" къ совершоннымъ реформамъ возможна была полемика въ печати по этому предмету, не приведшая ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Настоящій трудъ, открывающій собою цѣлый рядъ статей, по нашему мнѣнію, можетъ восполнить такой пробѣлъ и послужить вмѣстѣ матеріаломъ для будущаго историка военныхъ реформъ прошедшаго царствованія.—*Ред.*

знаменемъ консерватизма, отстаиваютъ порядки отжившіе, несовмѣстимые съ современными условіями жизни. И до такой степени иногда укореняются подобные узкіе взгляды, что переживаютъ даже современное поколѣніе, пока не наступитъ время нелицепріятнаго суда исторіи.

Вспомнимъ, сколько злобы, опасеній, мрачныхъ предсказаній вызвало уничтоженіе крѣпостного права, судебныя и земскія учрежденія и столько другихъ великихъ законодательныхъ актовъ шестидесятыхъ годовъ. Конечно, не могли избѣгнуть подобныхъ же толковъ и реформы военныя. Всякая новая мѣра встрѣчаема была въ извѣстной части военнаго и невоеннаго міра съ недовѣріемъ, неодобреніемъ, и подавала поводъ къ превратнымъ толкамъ. Если при каждомъ, даже очевидномъ, усовершенствованіи, какъ напр. въ дѣлѣ оружія, артиллеріи,—всегда являлись сначала противники, предсказывавшіе тысячу неудобствъ и опасностей отъ нововведенія, то естественно, что еще болѣе возбуждали сомнѣній и опасеній такія мѣры, которыя измѣняли общія начала привычнаго военно-административнаго порядка. Дѣйствительно, много было сдѣлано въ теченіе протекшихъ 25 лѣтъ: это было безостановочное движеніе отъ одной реформы къ другой; измѣнилось въ самыхъ основаніяхъ все военное законодательство, сверху до низу; приходилось даже измѣнять во многомъ старыя привычки и нравы. Громадная эта переработка дѣлалась систематически, по опредѣленному плану, строго соображенному по высшимъ указаніямъ самого Императора. Въ колоссальномъ этомъ трудѣ принимали участіе всѣ управленія и части военнаго министерства, отчасти даже съ помощью представителей отъ другихъ вѣдомствъ. Для подробной разработки новыхъ положеній составлялись особыя коммиссіи изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ. Составленные ими проекты разсылались на разсмотрѣніе начальниковъ и другихъ лицъ, отъ которыхъ можно было ожидать полезныхъ указаній. Такимъ образомъ, никакъ нельзя считать совершившіяся преобразованія слѣдствіемъ какихъ-либо предвзятыхъ личныхъ идей, насильственно навязанныхъ; всѣ были выработаны съ крайнею осторожностью, по зрѣломъ и всестороннемъ обсужденіи, на основаніи мнѣній большого числа лицъ компетентныхъ. И несмотря на все это, несмотря на очевидно благопріятные результаты совершившихся преобразованій, возникаютъ по временамъ странные толки объ этихъ преобразованіяхъ. Толки эти, слышные отрывочно среди общества, преимущественно между людьми мало знакомыми съ наукою и практикою военной администраціи, переносятся въ печать на почву раздражительной

полемики и производятъ въ массѣ публики страшную путаницу понятій. Такъ было въ особенности въ 1869 году, въ 1873-мъ, и наконецъ—въ послѣднее время.

Считаемъ излишнимъ доискиваться причинъ и побужденій подобныхъ, періодически предпринимаемыхъ, враждебныхъ нападеній на все совершившееся въ военномъ вѣдомствѣ въ теченіе минувшаго, славнаго царствованія. Каковы бы ни были эти причины и побужденія, во всякомъ случаѣ перенесеніе спеціальныхъ вопросовъ военнаго устройства на почву раздражительной газетной полемики весьма прискорбно и для дѣла, и для службы. Повторяемъ, что подобныя задорныя статьи не могутъ, конечно, бросить какую-либо тѣнь на великое царствованіе; но онѣ могутъ посѣять не только въ средѣ публики невоенной, но и между военными, самыя превратныя понятія о существующемъ у насъ военномъ устройствѣ и законодательствѣ.

Поэтому, отнюдь не желая выходить на арену полемическую, поставимъ себѣ задачею объяснить совершенно объективно сущность произведенныхъ въ прошлое царствованіе преобразованій по военной части, освѣтить, такъ-сказать, вопросы, умышленно или неумышленно затемненные.

Появленіе этихъ вопросовъ въ печати пусть будетъ имѣть одну хорошую сторону—оно дастъ поводъ гласно разъяснить и, можетъ быть, разсѣять тѣ недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя иначе остались бы невысказанными.

Критика коснулась почти всѣхъ частей военнаго устройства:

1) Центральнаго управленія,—т.-е. министерства военнаго.

2) Мѣстныхъ управленій, т.-е. военно-окружной системы, въ связи съ упраздненіемъ армій и корпусовъ въ мирное время.

3) Полевого управленія арміями и корпусами въ военное время.

4) Комплектованія войскъ, сроковъ службы, организаціи арміи и резервовъ.

5) Военно-судной части.

6) Военныхъ расходовъ.

Наконецъ, критиковались не только законодательныя мѣры, но и самыя распоряженія военнаго министерства по всѣмъ частямъ его дѣятельности, въ особенности же по части интендантской и артиллерійской.

Попробуемъ разобрать все это по пунктамъ, насколько позволятъ предположенныя рамки.

I.

Относительно нашего центральнаго военнаго управленія высказывались упреки: а) въ бюрократическомъ направленіи, послѣдствіе котораго будто бы—распложеніе переписки и чрезмѣрное увеличеніе личнаго состава; б) въ стремленіи министерства забрать все въ свои руки, послѣдствіе чего—будто бы какой-то гнетъ бюрократіи надъ войсками.

Для устраненія этихъ-то мнимыхъ неудобствъ нынѣшняго устройства военнаго министерства и предлагаются разныя рѣшительныя мѣры: одними—сократить до-нельзя личный составъ и кругъ дѣйствій министерства, другими—раздробить его, третьими—подчинить его контролю какой-то высшей инстанціи.

Прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ—что разумѣть подъ выраженіями: «преобладаніе бюрократіи», «гнетъ на войска...» и т. п.? Если тутъ разумѣются излишній формализмъ, чрезмѣрно стѣсняющій строевое начальство, вмѣшательство центральной власти во всѣ мелочныя подробности службы,—то можно было бы вполнѣ согласиться, что подобная система была бы въ военномъ вѣдомствѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, вредна и неудобна. Но можетъ ли подобный упрекъ относиться къ тому устройству военнаго министерства, которое установлено Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ 1867 года? Есть ли въ этомъ Положеніи, въ связи съ военно-окружною системою, что-либо такое, что дѣйствительно усилило противъ прежняго бюрократическое направленіе или централизацію?

Чтобъ отвѣчать на эти вопросы, надобно нѣсколько заглянуть въ исторію нашего военнаго управленія и указать, въ чемъ именно Положеніе 1867 года измѣнило существовавшій до того порядокъ.

Всѣмъ извѣстно, что съ самаго учрежденія у насъ министерствъ (1802 г.), все завѣдываніе военными дѣлами отъ прежней военной коллегіи перешло къ «министру военныхъ сухопутныхъ силъ», переименованному впослѣдствіи (1808 г.) въ званіе «военнаго министра». Основанная при императорѣ Павлѣ I «военно-походная канцелярія», собственно для передачи и объявленія въ дневныхъ приказахъ непосредственныхъ Высочайшихъ повелѣній, была тоже подчинена (въ 1808-же году) военному министру, а вскорѣ потомъ совсѣмъ упразднена. Но въ эпоху большихъ наполеоновскихъ войнъ, когда Россіи пришлось дѣйствовать большими арміями, необходимо было учредить особыя управленія армій въ военное время. Тогда и составлено было

извѣстное «учрежденіе 1812 года объ управленіи большой дѣйствующей арміи», долго носившее названіе «Желтой книжки». Учрежденіемъ этимъ создана была должность «начальника главнаго штаба» арміи, и опредѣлены обязанности и кругъ дѣйствій всѣхъ другихъ членовъ полевого армейскаго управленія. Въ 1813 году, когда самъ императоръ Александръ I находился лично при арміяхъ за-границею, при немъ состоялъ въ должности начальника главнаго штаба князь П. М. Волконскій, который силою вещей и сдѣлался докладчикомъ при Государѣ по всѣмъ вообще военнымъ дѣламъ [1]). Императоръ привыкъ къ этому порядку веденія дѣлъ, и по возвращеніи въ Петербургъ въ 1815 году сохранилось и въ мирное время существованіе «главнаго штаба Е. И. В.», рядомъ съ военнымъ министерствомъ. Кромѣ начальника главнаго штаба остались и всѣ прочія должности полевого управленія арміи, не исключая даже генералъ-вагенмейстера, генералъ-гевальдигера и другихъ, которымъ въ мирное время не могло быть никакого дѣла. Такое раздвоеніе военнаго управленія, сохраненное какъ-бы послѣдствіе военнаго времени въ теченіе 12 лѣтъ, представляло совершенную аномалію и подавало поводъ къ такимъ практическимъ неудобствамъ и недоразумѣніямъ, что императоръ Николай I, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, не замедлилъ (26 августа 1827 г.) соединить оба званія (начальника главнаго штаба Е. И. В. и военнаго министра) въ одномъ лицѣ — генералъ-адъютанта графа (впослѣдствіи князя) Чернышева.

Императоръ Николай, съ своимъ свѣтлымъ и практическимъ взглядомъ на дѣла государственныя, не могъ не признавать, что въ военномъ вѣдомствѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, необходимы единство направленія и стройность организаціи. Онъ лично занялся преобразованіемъ военнаго министерства на новыхъ началахъ. Въ архивѣ военнаго министерства, въ дѣлахъ тридцатыхъ годовъ, можно видѣть собственноручныя его записки и резолюціи, въ которыхъ заключались категорическія указанія основныхъ началъ новаго устройства, которое окончательно установилось Положеніемъ 29 марта 1836 года. Военный министръ, сохранивъ за собою титулъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, сосредоточилъ въ себѣ *по прежнему* управленіе всѣми отраслями военнаго управленія; точно такъ, какъ и директоры департаментовъ министерства сохранили за со-

---

[1]) Въ то время военнымъ министерствомъ управлялъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

бою только номинально титулы изъ прежняго состава главнаго штаба Е. И. В.: дежурнаго генерала, генералъ-квартирмейстера, генералъ-провіантмейстера, генералъ-кригсъ-коммисара и т. д.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени наше военное управленіе испытало всѣ выгоды единства своего устройства. Въ теченіе полустолѣтія не представлялось никакого повода къ возбужденію вопроса о какихъ-либо неудобствахъ этого единства; напротивъ того, оно считалось важнымъ преимуществомъ нашимъ предъ другими государствами, въ которыхъ раздвоеніе военнаго управленія сохранилось какъ случайный слѣдъ старинныхъ порядковъ. Иностранцы завидуютъ намъ въ этомъ отношеніи, а мы ищемъ примѣровъ и образцовъ у нихъ. Намъ указываютъ [1]) на то, что въ Англіи статсъ-секретарь по военнымъ дѣламъ есть даже лицо не военное, что онъ раздѣляетъ завѣдываніе военною частью съ главнокомандующимъ. Но можемъ ли мы брать какой-либо примѣръ съ Англіи, страны парламентаризма, гдѣ военный министръ есть по преимуществу представитель интересовъ арміи передъ палатами. Такимъ же политическимъ соображеніемъ оправдывается существующій въ Австро-Венгріи порядокъ, гдѣ начальникъ главнаго штаба имѣетъ прямые доклады у императора; но еще на дняхъ, по какому-то запросу въ палатѣ, военный министръ объяснилъ, что доклады эти дѣлаются не иначе, какъ по предварительному съ нимъ соглашенію. Въ особенности же любятъ у насъ указывать на примѣръ Пруссіи, гдѣ, какъ извѣстно, сохранилось отъ давно-прошедшихъ временъ то же, что̀ было и у насъ нѣкогда, какъ выше сказано. При монархѣ состоитъ особый докладчикъ по дѣламъ личнаго состава —совершенно то же, что была при императорѣ Павлѣ I военно-походная канцелярія, въ лицѣ генералъ-адъютанта гр. Ливена, упраздненная въ первые же годы царствованія императора Александра I. Затѣмъ главный начальникъ *генеральнаго* штаба (нынѣ гр. Мольтке) имѣетъ самостоятельное положеніе; но замѣтимъ, что это не начальникъ *главнаго* штаба въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ этотъ постъ у насъ, въ царствованіе императора Александра I. Что же доказываетъ этотъ примѣръ Пруссіи: что тамъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, господствуетъ сила привычки и традиціи, труднѣе разстаются съ отжившими остатками старины. Пруссія, конечно, пріобрѣла въ послѣднее время сильный авторитетъ, въ особенности въ дѣлѣ военномъ; но развѣ

---

[1]) При этомъ обыкновенно обходятъ такіе примѣры, какъ Франція, Италія, и другія государства, гдѣ не знаютъ раздвоенія высшаго военнаго управленія.

она своимъ образцовымъ устройствомъ войскъ, своими успѣхами военными обязана именно тому, что въ центральномъ ея военномъ управленіи не существуетъ единства и цѣлости? Сами прусскіе авторитеты заявляли о неудобствахъ существующаго у нихъ раздѣленія; неудобства эти устраняются по возможности личными взаимными соглашеніями и тѣмъ высокимъ уваженіемъ, которое пріобрѣла личность графа Мольтке. Но основательно ли ради такого примѣра отказываться отъ нашей цѣльной, стройной организаціи военнаго управленія, установленной такимъ авторитетомъ въ военномъ дѣлѣ, каковъ былъ императоръ Николай I.

Основанія, положенныя имъ въ 1836 году, сохранились у насъ и донынѣ. Преобразованіе военнаго министерства, начатое въ 1862 г. и законченное въ 1867-мъ, не коснулось прежнихъ основныхъ началъ и имѣло цѣлью только привести составъ министерства въ болѣе стройный видъ, упростить весь механизмъ его, сократить дѣлопроизводство (а не расплодить, какъ увѣряютъ нѣкоторые критики). Военный министръ остался тѣмъ же, чѣмъ поставило его Положеніе 1836 года. Можетъ быть, не всѣмъ даже извѣстно, что у насъ военный министръ не только не пользуется какою-либо особенною обширною властью и правами, но напротивъ того, гораздо менѣе самостоятеленъ, чѣмъ гдѣ-либо. Положеніемъ 1836 года, въ лицѣ военнаго министра соединяются двѣ функціи разнородныя: по дѣламъ исполнительнымъ и по личному составу — онъ есть только докладчикъ государя, какъ верховнаго вождя арміи, то же, что долженъ былъ быть начальникъ главнаго штаба его величества; по дѣламъ же хозяйства военнаго и законодательнымъ—онъ не болѣе, какъ предсѣдатель военнаго совѣта. По дѣламъ этого послѣдняго разряда онъ самъ лично никакихъ почти правъ не имѣетъ, и не иначе даетъ разрѣшенія, какъ въ коллегіальномъ порядкѣ, по большинству голосовъ. Въ Положеніи 1867 года не только сохранены эти основныя начала, но еще категорически выражено, что военный министръ обязанъ соблюдать, чтобы не проходили помимо военнаго совѣта тѣ дѣла, которыя по закону подлежатъ его компетенціи.

Самостоятельное значеніе, данное въ нашемъ законодательствѣ военному совѣту, есть важное преимущество нашего устройства. Это одно изъ мудрыхъ основныхъ началъ, указанныхъ императоромъ Николаемъ I, и твердо удержанное въ силѣ его преемникомъ, несмотря на бывшія не разъ покушенія ограничить дарованныя военному совѣту права. Такое высшее коллегіальное учрежденіе въ самомъ составѣ министерства даетъ воз-

можность двигать безъ замедленія и энергично такого рода дѣла, которыхъ рѣшеніе было бы неудобно предоставить самому министру единолично. Тѣмъ не менѣе и самъ министръ не освобождается отъ той доли отвѣтственности, которая лежитъ на предсѣдателѣ коллегіальнаго учрежденія. Между тѣмъ личность членовъ военнаго совѣта поставлена настолько самостоятельно, что въ подобномъ учрежденіи нельзя не видѣть серьёзной гарантіи законности и разумности въ рѣшеніи подлежащихъ ему важныхъ дѣлъ.

Съ предоставленіемъ военному совѣту правъ самостоятельнаго «высшаго въ государствѣ учрежденія для дѣлъ военнаго хозяйства и военнаго законодательства», существовавшій прежде въ государственномъ совѣтѣ «департаментъ военныхъ дѣлъ» потерялъ все свое значеніе. Хотя онъ существовалъ номинально еще до 1864 года, но никогда не собирался и многіе годы не имѣлъ даже предсѣдателя. И въ самомъ дѣлѣ, какія дѣла могли бы поступать въ этотъ спеціально-военный департаментъ? — По учрежденію 1836 года и на основаніи позднѣйшихъ законовъ, военное министерство вноситъ въ государственный совѣтъ представленія по такимъ лишь дѣламъ, которыя превышаютъ компетенцію военнаго совѣта: или какъ новый расходъ, не предусмотрѣнный смѣтою, или какъ законъ, касающійся не одного лишь военнаго вѣдомства отдѣльно. Очевидно, что тѣ и другія дѣла могутъ быть обсуждаемы не иначе, какъ въ тѣхъ же департаментахъ государственнаго совѣта, которымъ подлежатъ того же рода дѣла всѣхъ другихъ вѣдомствъ, т.-е. въ департаментахъ экономіи и законовъ. Разсмотрѣніе такихъ дѣлъ въ особомъ спеціально-военномъ департаментѣ государственнаго совѣта нарушило бы необходимое, какъ въ дѣлахъ общаго государственнаго хозяйства, такъ и въ законодательствѣ, единство взгляда и такимъ образомъ о возстановленіи прежняго департамента военныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ не можетъ быть и рѣчи, пока военный совѣтъ пользуется тѣмъ самостоятельнымъ значеніемъ, которое дано ему императоромъ Николаемъ и которое составляетъ непремѣнное условіе успѣшнаго хода дѣлъ военнаго вѣдомства. Ограничить права военнаго совѣта еще болѣе, чѣмъ они ограничены нынѣ правилами смѣтными и контрольными — значило бы совершенно парализировать всю дѣятельность военнаго министерства.

Все сказанное до сихъ поръ относится къ учрежденію военнаго министерства на началахъ 1836 года. Начала эти сохра-

лись и донынѣ. Посмотримъ же теперь, въ чемъ заключались измѣненія, сдѣланныя въ организаціи министерства въ 1867 году.

Общая мысль этого преобразованія, какъ уже сказано выше, состояла въ томъ, чтобы привести все зданіе въ стройный видъ и упростить весь сложный механизмъ его, а для этого признано было полезнымъ прежде всего слить вмѣстѣ части однородныя по кругу дѣйствій, и уничтожить лишніе наросты, которые въ теченіе времени образовались, болѣе или менѣе случайно, безъ общаго плана. Такъ, прежній департаментъ *инспекторскій* былъ слитъ съ департаментомъ генеральнаго штаба, подъ общимъ наименованіемъ *главнаго штаба*, въ кругъ дѣйствій котораго и вошли всѣ части, относящіяся къ строевому устройству войскъ, ихъ службѣ и личному составу. Поводомъ къ такому слiянію была тѣсная связь, существующая между дѣлами обоихъ названныхъ департаментовъ. Связь эта еще болѣе усилилась съ предпринятыми по всѣмъ частямъ военнаго устройства радикальными преобразованіями. Департаментъ генеральнаго штаба, оставаясь въ тѣсныхъ рамкахъ своей спеціальности, не имѣлъ въ мирное время никакой самостоятельности: въ немъ составлялись маршруты, дислокаціонныя карты и т. п., тогда какъ всѣ общія распоряженія, и въ особенности предположенія объ измѣненіяхъ,—сосредоточивались въ инспекторскомъ департаментѣ, сдѣлавшемся такимъ образомъ центромъ дѣятельности всего военнаго министерства. Притомъ имѣлось въ виду и другое еще соображеніе: съ давнихъ временъ слышались жалобы на односторонность службы генеральнаго штаба и изыскивались мѣры къ устраненію излишней спеціализаціи этого корпуса офицеровъ. Оставаясь въ исключительномъ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера и департамента генеральнаго штаба, офицеры не имѣли даже случаевъ подготовиться къ ожидавшему ихъ званію начальника штаба дивизіоннаго и корпуснаго. Чтобы достигнуть сколько возможно въ самихъ войскахъ сближенія, такъ называемыхъ, «квартирмейстерской» части и «дежурства», вѣрнѣйшимъ средствомъ представлялось совершенное сліяніе этихъ двухъ частей въ одно цѣлое, какъ въ штабахъ войскъ, такъ и въ самомъ министерствѣ. Сліяніе это сразу поставило офицеровъ генеральнаго штаба въ болѣе нормальныя отношенія къ войскамъ и измѣнило самый характеръ дѣятельности всего корпуса. Отсюда какъ послѣдствіе—упраздненіе прежнихъ званій «дежурнаго генерала», генералъ-квартирмейстера, также какъ «дежурнаго штабъ-офицера», «оберъ-квартирмейстера», и т. д. Названія эти сдѣлались совершеннымъ анахронизмомъ. Слѣдовательно, въ этомъ

случаѣ никакъ уже нельзя сказать, будто бы въ преобразованіяхъ послѣдняго времени войсковое устройство приспособлялось къ устройству центральныхъ управленій; совершенно наоборотъ: устройство департаментовъ министерства или главныхъ управленій соображалось съ потребностями войскового устройства.

То же можно сказать и о сліяніи департаментовъ «коммиссаріатскаго» съ «провіантскимъ» въ одно главное управленіе «интендантское», въ параллель тому, что̀ уже съ давнихъ временъ полагалось въ полевомъ управленіи арміи. Образованіе интендантства для снабженія войскъ какъ продовольствіемъ, такъ и всѣми предметами обмундированія и снаряженія, давало значительное сокращеніе въ личномъ составѣ не только въ самомъ министерствѣ, но и въ подвѣдомственныхъ управленіяхъ мѣстныхъ и войсковыхъ. Взамѣнъ прежнихъ званій «генералъ-провіантмейстера» и «генералъ-кригсъ-коммисара», учреждено одно званіе: «главнаго интенданта».

Что касается до департаментовъ артиллерійскаго и инженернаго, то еще ранѣе новаго положенія о военномъ министерствѣ они были слиты съ штабами генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора инженерной части. Сліяніе это было вызвано оказавшимися на дѣлѣ неудобствами прежняго раздѣленія дѣлъ между департаментомъ и соотвѣтствующимъ штабомъ. Раздѣленіе это, неизбѣжно причинявшее замедленіе въ дѣлахъ и частыя недоразумѣнія, было уже ранѣе отчасти устранено соединеніемъ въ одномъ лицѣ двухъ должностей: директора департамента и начальника штаба. Положеніе 1867 года только узаконило это соединеніе и слило каждое изъ управленій въ одно стройное цѣлое.

Затѣмъ въ новое положеніе вошло и главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, которое фактически поступило уже прежде въ прямое вѣденіе военнаго министра, съ отъѣздомъ на Кавказъ бывшаго августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Бывшій до того штабъ его высочества слился съ прежнимъ особымъ управленіемъ такъ-называемыхъ «училищъ военнаго вѣдомства», преобразованныхъ еще прежде изъ бывшихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ. Существовавшій особый совѣтъ военно-учебныхъ заведеній былъ упраздненъ, такъ-какъ дѣла по управленію военно-учебными заведеніями всѣхъ разрядовъ, требовавшія коллегіальнаго разсмотрѣнія, должны были уже поступать въ военный совѣтъ.

Остальные департаменты: медицинскій, аудиторіатскій, иррегулярныхъ войскъ, получили только новыя наименованія главныхъ управленій, и штаты ихъ подведены подъ общую съ дру-

гими главными управленіями форму. Существовавшій въ 50-хъ годахъ особый департаментъ «врачебныхъ заготовленій», перешедшій въ военное министерство изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, уже ранѣе былъ слитъ съ медицинскимъ департаментомъ. Главное управленіе «военно-судное», замѣнившее прежній «аудиторіатскій» департаментъ, получило новое устройство сообразно съ новымъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ. Прежній генералъ-аудиторіатъ преобразованъ въ «главный военный судъ».

Для полноты обзора всего состава военнаго министерства остается упомянуть о существующихъ при военномъ совѣтѣ пяти «главныхъ комитетахъ», на счетъ которыхъ также возбуждались сомнѣнія и нападки. Стоитъ только вникнуть въ цѣль, дѣятельность и составъ каждаго изъ этихъ комитетовъ, чтобы убѣдиться не только въ ихъ пользѣ, но и въ необходимости.

«Военно-кодификаціонный» комитетъ существовалъ и ранѣе преобразованія военнаго министерства [1]). Необходимость его, кажется, не подлежитъ даже сомнѣнію. Работы по составленію и изданію свода военныхъ постановленій и продолженій его есть работа постоянная; но она въ значительной степени усилилась съ того времени, какъ начались въ военномъ вѣдомствѣ крупныя преобразованія по всѣмъ частямъ, такъ-что не только прежній сводъ 1859 года уже не можетъ нынѣ служить руководствомъ, но и новое изданіе 1869 года остается до сихъ поръ недоконченнымъ собственно потому, что и нынѣ многія весьма существенныя части нашего военнаго законодательства еще находятся въ переработкѣ. Главный военно-кодификаціонный комитетъ, не ограничиваясь кодификаціею свода, принимаетъ дѣятельное участіе и въ текущихъ работахъ законодательныхъ, чѣмъ приноситъ несомнѣнную пользу, поддерживая въ работахъ этихъ единство и связь. Въ этомъ отношеніи можно сравнить его съ регуляторомъ въ механизмѣ: онъ облекаетъ въ однообразную форму работы разныхъ управленій и подготовляетъ ихъ къ обсужденію въ военномъ совѣтѣ.

Главный военно-кодификаціонный комитетъ, одинъ изъ всѣхъ состоящихъ при военномъ совѣтѣ, имѣетъ свой особый штатный составъ; всѣ же другіе составлены изъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ другія обязанности и получающихъ содержаніе по этимъ прямымъ должностямъ. Слѣдовательно, на существованіе этихъ комитетовъ не можетъ быть указываемо, какъ на одну изъ при-

---

[1]) Первоначально былъ только „редакторъ" свода военныхъ постановленій, а въ 1859 году учреждена „коммиссія военно-кодификаціонная".

чинъ многочисленнаго состава министерства и значительной стоимости его. Весь расходъ казны на эти комитеты ограничивается добавочными окладами дѣлопроизводителямъ и небольшими суммами на канцелярскія надобности.

Между тѣмъ, каждый изъ этихъ комитетовъ приноситъ несомнѣнную пользу и составляетъ необходимое звено въ общей организаціи министерства. Самый многочисленный по своему составу есть «главный комитетъ по устройству и образованію войскъ». Начало этого комитета относится еще ко времени Крымской войны, когда возникли разныя мысли о военныхъ реформахъ, по инициативѣ графа Ридигера, котораго, конечно, никто не упрекнетъ въ бюрократизмѣ. Первоначально образована была «коммиссія для улучшеній по военной части»; потомъ переименована въ «спеціальный комитетъ», поступившій подъ предсѣдательство великаго князя Николая Николаевича старшаго и, наконецъ, вошедшій въ штатъ военнаго министерства подъ нынѣшнимъ своимъ названіемъ. Комитетъ этотъ составляется исключительно изъ перемѣнныхъ членовъ, ежегодно назначаемыхъ отъ разныхъ родовъ войскъ и нѣкоторыхъ управленій. Въ послѣдніе годы число командируемыхъ лицъ въ составъ комитета значительно увеличилось вслѣдствіе замѣчательнаго развитія работъ комитета по множеству подлежащихъ ему вопросовъ устройства, снаряженія и образованія войскъ. Основательно ли всѣхъ этихъ лицъ причитывать къ числу чиновъ министерства? Ежегодно печатанные отчеты комитета достаточно говорятъ о существенной пользѣ, приносимой имъ прямо *войскамъ*. Вопросы обсуждаются лицами, близко знакомыми съ потребностями войскъ, и потомъ важнѣйшія предположенія сообщаются циркулярно на заключеніе начальствующихъ лицъ и вообще людей компетентныхъ. Ужели и этотъ порядокъ веденія дѣлъ можно укорять въ бюрократизмѣ?

Затѣмъ, учрежденіе комитетовъ военно-госпитальнаго, военно-тюремнаго и военно-учебнаго было вызвано прямыми указаніями практики. Всѣ три служатъ къ объединенію дѣйствій тѣхъ главныхъ управленій, между которыми распредѣлено высшее завѣдываніе названными учрежденіями по спеціальности ихъ круга дѣйствій. Такъ, военно-санитарныя учрежденія (госпитали, лазареты), состоявшія нѣкогда въ исключительномъ завѣдываніи бывшаго коммисаріатскаго департамента, соединяютъ въ своемъ устройствѣ разнородныя стороны, подлежащія вѣденію главнаго штаба, интендантскаго и военно-медицинскаго управленія, отчасти же и инженернаго (въ отношеніи помѣщеній). Долголѣтній опытъ под-

ченія ихъ одному коммисаріатскому департаменту выказалъ явныя невыгоды; притомъ, самое распредѣленіе разныхъ санитарныхъ учрежденій сообразно потребностямъ войскъ, равно какъ и общее наблюденіе за благоустройствомъ ихъ, входя въ кругъ дѣйствій строевого начальства, подлежатъ въ высшей инстанціи главному штабу. Но при такомъ распредѣленіи обязанностей необходимъ былъ какой-либо объединяющій органъ. Эта именно потребность и удовлетворяется главнымъ военно-госпитальнымъ комитетомъ, который есть не что иное, какъ совѣщанія между начальниками или представителями подлежащихъ главныхъ управленій. Практика 16-лѣтняя оправдала такое разрѣшеніе вопроса: въ продолженіе этого времени комитетъ обсуждалъ всѣ мѣры, принимаемыя въ видахъ улучшенія военно-санитарной части, а въ послѣднее время обработывалъ новое положеніе объ устройствѣ этой части при арміи въ военное время.

Такое же значеніе имѣетъ и главный военно-тюремный комитетъ, объединяющій распоряженія главнаго штаба, главныхъ управленій военно-суднаго, интендантскаго и инженернаго. Комитетъ оказалъ въ особенности услугу при устройствѣ вновь военно-пенитенціарной системы сообразно условіямъ новаго военно-суднаго устройства.

Наконецъ, главный военно-учебный комитетъ имѣетъ цѣлью предварительное, предъ внесеніемъ въ военный совѣтъ, обсужденіе такихъ вопросовъ, которые касаются общей системы военнаго образованія и заведеній, подвѣдомственныхъ разнымъ главнымъ управленіямъ. Комитетъ часто соединяется съ военно-кодификаціоннымъ для совмѣстнаго разсмотрѣнія новыхъ проектовъ положеній.

Повторимъ, что всѣ три послѣдніе комитета составляются исключительно изъ лицъ, засѣдающихъ въ нихъ по своимъ прямымъ должностямъ; предсѣдатели же назначаются изъ членовъ военнаго совѣта.

Представленный общій обзоръ составныхъ частей нынѣшняго военнаго министерства, кажется, показываетъ, что въ стройной его организаціи нѣтъ ни одной части лишней, безполезной; всякая часть составляетъ необходимое звено одного общаго цѣлаго. Преобразованіе 1867 года не коснулось основныхъ началъ, положенныхъ въ устройствѣ министерства въ 1836 году; оно имѣло цѣлью только упростить его организацію, сократить его составъ, сліяніемъ нѣкоторыхъ однородныхъ частей. Чрезъ это въ каждой части личный составъ значительно уменьшенъ противъ прежняго; между прочимъ, вовсе упразднены бывшія при департа-

ментахъ «общія присутствія». Эти коллегіальныя учрежденія сдѣлались излишними съ учрежденіемъ военно-окружныхъ совѣтовъ. Вообще личный составъ министерства по штатамъ 1867 года *уменьшился на 326 офицерскихъ чиновъ* и 607 нижнихъ чиновъ (т.-е. писарей) [1]. Сокращеніе числа лицъ дало возможность значительно увеличить оклады всѣмъ оставшимся въ штатѣ чинамъ, *не выходя изъ общей суммы, опредѣленной прежде на содержаніе министерства.*

Это факты положительные, неоспоримые. На чемъ же основаны всѣ голословные упреки о мнимомъ захватѣ власти министерствомъ, о чрезмѣрномъ увеличеніи числа чиновниковъ и распложеніи переписки? Вотъ еще положительныя цифры, заимствуемыя изъ оффиціальныхъ отчетовъ:

По всѣмъ частямъ министерства въ совокупности годичное число номеровъ было:

	Входящихъ:	Исходящихъ:
Въ 1863 г. [2]) (до преобразованія) . .	446,044	332,796
„ 1866 „ (послѣ преобразованія) . .	332,796	228,959
„ 1869 „	273,048	212,956
„ 1872 „	260,179	203,034
„ 1875 „	244,291	186,882

Такимъ образомъ, съ преобразованіемъ министерства объемъ переписки сразу сократился на цѣлую треть номеровъ и затѣмъ постепенно число №№ все понижалось. И это въ такую эпоху, когда, можно сказать, кипѣла дѣятельность военнаго министерства, когда введены новыя смѣтныя и кассовыя правила, значительно усложнившія переписку, когда во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ дѣйствительно переписка возростала въ страшной прогрессіи [3]). Въ военномъ министерствѣ въ періодъ 12-ти лѣтъ (1863—1875) число бумагъ входящихъ и исходящихъ *уменьшилось на 45%!*

Послѣ приведенныхъ убѣдительныхъ цифръ трудно объяснить, на какихъ же данныхъ основываются упреки, будто въ воен-

---

[1]) До преобразованія было 1078 офицерскихъ чиновъ, послѣ преобразованія уже въ 1864 г.—752.

[2]) Цифры до 1863 года не могутъ идти въ сравненіе потому, что до этого года не входили еще въ составъ министерства штабы военно-учебныхъ заведеній, генералъ-фельдцейхмейстера и инспектора по инженерной части. Несмотря на то было уже въ 1861 году входящихъ 380,299 и исходящихъ 270, 819.

[3]) По имѣющимся подъ рукою оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 1868 по 1872 года число входящихъ и исходящихъ номеровъ увеличилось съ 189,689 до 388,257, т.-е. вдвое.

немъ министерствѣ, со времени его преобразованія, расплодились бюрократизмъ и чиновничество? Если приведенная выше цифра сокращенія личнаго состава вызоветъ возраженіе, что предполагаемые расчеты при составленіи новыхъ штатовъ могли и не сбыться, что число чиновниковъ наличныхъ можетъ быть несравненно болѣе штатнаго числа, то за неимѣніемъ подъ рукою точныхъ цифръ за настоящее время можемъ только привести слѣдующія данныя: въ 1873 году, т.-е. 9 лѣтъ спустя послѣ окончательнаго сформированія министерства, было дѣйствительно въ немъ 785 офицерскихъ чиновъ, т.-е. на 33 человѣка болѣе того, что опредѣлено было по штатамъ въ 1864 году (752 чел.), между тѣмъ какъ уже въ то время необходимо было по ходу дѣлъ развить и даже создать вновь нѣкоторыя части, какъ напримѣръ, въ главномъ штабѣ—комитеты мобилизаціонный и по передвиженіямъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ интендантствѣ—техническій комитетъ, и другіе. Необходимость временнаго добавленія нѣкоторыхъ чиновниковъ и даже столовъ въ послѣдствіе бывшей войны служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ постоянномъ составѣ главныхъ управленій излишества нѣтъ. Чиновниковъ безъ опредѣленныхъ должностей подъ разными наименованіями: состоящихъ для порученій, состоящихъ при министерствѣ, и т. п.—гораздо менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, а нѣкоторыя изъ лицъ этой категоріи, хотя и не имѣютъ постоянныхъ текущихъ обязанностей, почти всегда заняты по временнымъ командировкамъ, какъ, напримѣръ, состоящія при интендантствѣ. Наконецъ, еслибъ даже и въ самомъ дѣлѣ оказалось возможнымъ кое-гдѣ сократить нѣсколькихъ чиновниковъ, то едва ли стоило бы объ этомъ поднимать вопросъ.

Но критики требуютъ радикальной передѣлки, существеннаго сокращенія. Появлялись въ печати даже такія крайнія мнѣнія, что предлагалось довести составъ военнаго министерства чуть не до размѣровъ какой-нибудь коммерческой конторы; такія мнѣнія опровергать не стоитъ; но оставаясь въ предѣлахъ благоразумнаго и вполнѣ законнаго желанія возможно сократить и личный составъ, и размѣръ дѣлопроизводства, несмотря на всѣ сдѣланныя уже неоднократно попытки достигнуть этой цѣли, можно, конечно, остановиться на вопросѣ: отчего у насъ, и не въ одномъ военномъ министерствѣ, а во всѣхъ вообще вѣдомствахъ, личный составъ и работа администраціи такъ велики сравнительно съ другими государствами?—Нѣтъ-ли тому какой-либо общей причины, присущей всему нашему государственному строю?—Было же время, когда и у насъ потребности админи-

страціи удовлетворялись очень немногочисленнымъ персоналомъ; но то было время патріархальной простоты, когда всѣ дѣла велись полуграмотными людьми, когда и не требовалось ни строгой отчетности, ни единообразнаго веденія дѣла, когда каждый начальникъ могъ дѣйствовать по своему уму-разуму, хозяйничая, напр., въ полку какъ въ своемъ хуторѣ; когда не было ежедневной заботы о новыхъ улучшеніяхъ, преобразованіяхъ, а все шло привычнымъ путемъ. Постепенно духъ времени вытѣснялъ эту блаженную патріархальность; постепенно вводились новые порядки, и постепенно усложнялась огромная машина всероссійской администраціи. Съ каждою новою реформою прибавлялись новыя колеса въ этомъ механизмѣ. Быть можетъ, когда-нибудь и упростится онъ, хотя для того необходимъ общій пересмотръ почти всего нашего законодательства; но есть условія, которыя едва ли можно когда-либо устранить и которыя ставятъ насъ въ исключительное положеніе сравнительно съ другими европейскими государствами. Россія — это цѣлая часть свѣта; ни въ которомъ другомъ государствѣ и не можетъ быть такихъ разнообразій и сложныхъ соображеній въ виду администратора и законодателя. То, чтó въ другомъ государствѣ достигается одною краткою статьею закона, у насъ требуетъ обширной и сложной регламентаціи. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, по которымъ всякое сравненіе нашихъ порядковъ съ иностранными оказывается не въ нашу пользу. Конечно, можно присоединить и другія второстепенныя причины и между прочимъ—долговременную привычку нашу къ крайней централизаціи: каждая инстанція административная считаетъ своимъ долгомъ «подбирать къ рукамъ» все, чтó ниже стоитъ, и въ то же время боится принять на себя отвѣтственность предъ высшею, предпочитая «испросить разрѣшеніе». Этотъ недостатокъ нашей администраціи и составляетъ главную причину того, чтó привыкли называть «бюрократизмомъ».

Если подобный недостатокъ сколько-нибудь еще замѣчается и въ военномъ вѣдомствѣ, то исправить его можетъ только время, которое одно можетъ осилить вкоренившіяся привычки; но ни въ какомъ случаѣ нельзя винить въ томъ самую систему и сдѣланныя въ прошлое царствованіе преобразованія. Мы привели выше положительные факты и цифры, доказывающіе, что при переустройствѣ военнаго министерства все вниманіе было обращено именно на сокращеніе личнаго состава и дѣлопроизводства, и что цѣль эта дѣйствительно была достигнута въ значительной степени. Можно ли то же самое сказать и въ отношеніи

мѣстной администраціи — покажетъ разборъ *военно-окружнаго* устройства.

II.

Болѣе всего толковъ и нападокъ возбуждалось относительно *военно-окружной системы*, которую почему-то ставили въ противуположность *системѣ корпусной*, приписывая первой характеръ бюрократическій, несогласный съ условіями строевыми и военнаго времени. Притомъ ставили въ упрекъ, что учрежденіе у насъ въ 1864 году военныхъ округовъ было подражаніемъ тогдашнему французскому устройству, въ противуположность системѣ прусской.

Все это показываетъ какое-то странное недоразумѣніе. Чтобы разъяснить его, приходится обратиться къ самымъ элементарнымъ понятіямъ о военной администраціи и къ нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ.

Военныя *силы* государства составляютъ совокупность многихъ разнородныхъ элементовъ:

Войскъ полевыхъ;

Войскъ резервныхъ, или запасныхъ, территоріальныхъ или какихъ-либо другихъ подобныхъ наименованій;

Запаса людей, остающихся въ средѣ населенія, какъ матерьялъ для пополненія арміи по военному составу;

Матерьяльныхъ средствъ, потребныхъ для арміи, въ мирное и военное время, какъ-то: оружія, снаряженія, одежды, продовольствія;

Разныхъ военныхъ учрежденій: военно-учебныхъ, военно-судебныхъ, и проч.

Завѣдываніе всѣми этими разнообразными элементами требуетъ такого военно-административнаго устройства, которое поддерживало бы полную связь и единство между ними, устраняло бы рознь и неурядицу, приводило бы ихъ въ такое стройное соглашеніе, чтобы въ случаѣ войны можно было съ возможною быстротою направить всѣ средства къ одной цѣли — именно, къ сформированію армій и къ обезпеченію ихъ *источниками* снабженія на время войны.

Въ наше время болѣе чѣмъ прежде требуется чрезвычайная быстрота въ приготовленіи армій къ войнѣ, — что привыкли называть «мобилизаціею». Поэтому болѣе чѣмъ когда-либо необходимы единство и стройность въ завѣдываніи и распоряженіи разнородными элементами военной силы.

Въ этомъ отношеніи первый примѣръ подала Пруссія, и вся Европа постепенно должна была усвоить себѣ тѣ начала, которыя были въ Пруссіи послѣдствіемъ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ Наполеономъ I.

Всѣмъ извѣстно, что вслѣдствіе войны 1806 и 1807 годовъ Пруссія вынуждена была ограничить свою армію самою малою цифрою; но чтобы не лишить себя на будущее время возможности когда-либо поправить свои дѣла и возстановить свое политическое значеніе, она должна была обратить армію въ кадръ или школу для подготовленія по возможности большаго числа солдатъ, которые послѣ короткаго обученія возвращаются въ свои дома, въ ожиданіи призыва на службу. Кромѣ людей, разумѣется, нужно было подготовить и запасы матеріальныхъ средствъ и дать самой администраціи такое устройство, которое позволяло бы, въ случаѣ войны, быстро собрать подготовленную массу людей и вещей въ видѣ арміи, численностію своею превосходящую въ нѣсколько разъ кадръ мирнаго времени.

Система эта вполнѣ удалась. Уже въ кампаніи 1813 и 1814 г. она принесла Пруссіи великую пользу, хотя была еще только въ зародышѣ. Она разработывалась позже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и доведена въ наше время до идеальнаго совершенства. Основаніе ея, какъ выше объяснено, *территоріальное*. Географическія и статистическія условія страны замѣчательно облегчали задачу. Прусское королевство въ тѣхъ предѣлахъ, какія получило оно по вѣнскому конгрессу, состояло изъ 8 областей, довольно однообразнаго состава и по пространству, и по населенности. Изъ каждой области можно было образовать раіонъ для комплектованія и снаряженія извѣстной части арміи, именно одного корпуса въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій, и, такимъ образомъ, все государство раздѣлилось на 8 довольно равныхъ и однородныхъ *корпусныхъ округовъ*; въ каждомъ округѣ, соотвѣтствующемъ области, сосредоточились въ одномъ лицѣ всѣ вѣтви военнаго управленія: командиръ корпуса завѣдывалъ въ своемъ округѣ и всѣми военными средствами, и мѣстными военными учрежденіями.

Вотъ стройная машина, которая сдѣлалась идеаломъ для всѣхъ другихъ государствъ. Вездѣ и всегда существовало военное территоріальное дѣленіе, вездѣ было нѣчто похожее на военные *округа*; но устройство ихъ не можетъ быть одинаково; оно видоизмѣняется сообразно общимъ политическимъ, географическимъ и другимъ условіямъ. Такъ напр. во Франціи военные округа назывались «divisions militaires». Это были не дивизіи строевыя,

но территоріальныя; войска, расположенныя въ этихъ округахъ, не совокуплялись въ крупныя единицы, кромѣ полковыхъ. Это было, конечно, несовершенство системы, и послѣ несчастной войны 1870—1871 г., Франція принялась за переустройство своей организаціи, принявъ за образецъ прусскую.

Въ Австріи также существовали всегда военные округа; но при разноплеменности этого государства немыслимо было примѣненіе прусской системы. Правительство австрійское, мало полагаясь на преданность нѣкоторыхъ національностей, входившихъ въ составъ имперіи Габсбурговъ, сочло необходимымъ принять за правило—не оставлять войска въ тѣхъ округахъ, гдѣ они комплектуются; выходила странная аномалія, что каждая часть войскъ должна была получать людей и всѣ запасы изъ дальнихъ мѣстностей отъ обыкновеннаго своего расположенія. Большія измѣненія, сдѣланныя въ австро-венгерскихъ войскахъ послѣ послѣднихъ большихъ войнъ, не могли однакожъ вполнѣ слить эти войска въ одну нераздѣльную армію.

Можно сказать вообще, что ни одно государство въ Европѣ не имѣло возможности примѣнить у себя систему прусскую во всей строгости; вездѣ приходилось приспособляться къ особенностямъ географическимъ, этнографическимъ и политическимъ; но вездѣ въ основаніе преобразованій новѣйшихъ временъ полагалась одна общая цѣль — поставить войска сколько возможно въ такое положеніе, чтобы можно было скорѣе и легче направить всѣ средства къ переходу на военное положеніе; а для этой цѣли необходимо было пріурочить организацію войскъ къ территоріальному дѣленію государства. Нигдѣ не видимъ совершеннаго разобщенія строевого начальства отъ военно-территоріальнаго, и нигдѣ въ мирное время не сохраняется военное дѣленіе на *арміи*.

Обратимся теперь къ нашему отечеству.

Военные округа въ нѣкоторомъ видѣ уже существовали у насъ до начала нынѣшняго столѣтія подъ названіемъ «инспекцій». Раздѣленіе это можно видѣть, не роясь въ архивахъ, на маленькой картѣ, приложенной къ I-му тому сочиненія: «Исторія войны 1799 года», Милютина. — Само собою разумѣется, что устройство этихъ округовъ было крайне элементарно, въ соотвѣтствіе тогдашнимъ несложнымъ требованіямъ военной администраціи. Въ эпоху большихъ наполеоновскихъ войнъ и мы должны были выставить многочисленныя арміи, какихъ не бывало прежде, и тогда, въ подражаніе французамъ, ввести дѣленіе арміи на *корпуса*. Дѣленіе это было, конечно, необходимо

при огромныхъ массахъ войскъ; но такъ какъ Наполеонъ во все время своего владычества не переставалъ вести войны, то въ короткіе промежутки между одною и другою кампаніями не стоило расформировывать корпуса. Только по окончаніи этого воинственнаго періода корпуса были во Франціи упразднены. Названіе это осталось въ Пруссіи за тѣми округами, о которыхъ говорено выше, а у насъ въ Россіи сохранилось уже какъ постоянная строевая единица. Сохранялись у насъ долгое время и арміи, сначала были двѣ, а потомъ одна, подъ названіемъ «первой арміи». Она состояла изъ трехъ армейскихъ корпусовъ (1-го, 2-го и 3-го) и занимала царство польское и западныя губерніи до Западной Двины и Днѣпра. Армія эта, имѣя въ головѣ главнокомандующаго, соединявшаго въ своемъ лицѣ и званіе намѣстника царскаго въ Польшѣ, и сохраняя всѣ органы полевого управленія, какъ въ военное время, — долго служила угрозой для Европы.

Но рядомъ съ этою арміею, составлявшею странную аномалію среди глубокаго мира, существовали по необходимости и учрежденія мирнаго времени: корпуса, не входившіе въ составъ «первой» арміи, были непосредственно въ вѣдѣніи военнаго министра; на окраинахъ же азіатскихъ, корпуса имѣли совершенно иной характеръ: управленіе корпусомъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстное. Такъ, на Кавказѣ корпусный командиръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ начальникомъ края (впослѣдствіи намѣстникомъ и главнокомандующимъ). Оренбургскій и сибирскій корпуса состояли всего изъ нѣсколькихъ линейныхъ баталіоновъ; но корпусный командиръ былъ главнымъ начальникомъ и военнымъ и гражданскимъ въ краѣ. Такое сосредоточеніе власти признавалось совершенно необходимымъ именно потому, что въ тѣхъ краяхъ велась почти постоянная война, а въ краткіе промежутки покоя необходимо было держать всѣ части военнаго управленія во всегдашней готовности къ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, наши окраины, какъ азіатскія, такъ и западныя, европейскія, въ сущности представляли уже устройство сходное съ введенными впослѣдствіи и нынѣ существующими военными округами.

Но и въ средней части европейской Россіи, независимо отъ *строевого* дѣленія войскъ на корпуса, существовали у насъ *округа* спеціально по каждому вѣдомству: были округа внутренней стражи, артиллерійскіе, инженерные, коммисаріатскіе, провіантскіе, военно-учебныхъ заведеній. Но районы этихъ разныхъ округовъ не совпадали, такъ что каждая часть войскъ, расположенная въ извѣстномъ пунктѣ, для удовлетворенія своихъ мате-

ріальныхъ потребностей, должна была обращаться въ разныя стороны: по части обмундированія — туда, гдѣ находилась ближайшая «коммисаріатская коммиссія»; по части продовольствія —шла въ провіантскую коммиссію, или впослѣдствіи къ ближайшему оберъ-провіантмейстеру; по части оружія — въ другой пунктъ, гдѣ находился артиллерійскій арсеналъ, и т. д.—Можно себѣ представить, какія происходили отъ этого неудобства, проволочки, пререканія. Надобно притомъ замѣтить, что каждое изъ мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій имѣло весьма ограниченный кругъ власти и должно было во всѣхъ мелочахъ обращаться къ соотвѣтствующему департаменту, котораго права также были весьма стѣснены, и въ которомъ почти всѣ дѣла проходили коллегіальнымъ порядкомъ (чрезъ общее присутствіе). Кто помнитъ тогдашніе порядки и кто имѣлъ случай испытать ихъ на практикѣ, тотъ не забылъ, конечно, какія тогда происходили пререканія между строевыми начальниками и хозяйственными органами министерства; какія жалобы доходили до центральной власти отъ войсковыхъ начальниковъ; какой былъ ропотъ въ войскахъ, — не говоря уже о крупныхъ злоупотребленіяхъ и воровствѣ,—тому покажутся странными теперь жалобы на мнимый бюрократизмъ и централизацію. Можно себѣ представить, какія затрудненія встрѣтились бы въ отношеніи мобилизаціи при тогдашнемъ разъединеніи мѣстныхъ органовъ военнаго управленія. Можно положительно сказать, что быстрая мобилизація была бы совсѣмъ невозможна. За то въ тѣ времена приведеніе арміи на военное положеніе требовало многихъ мѣсяцевъ времени, несмотря на то, что самыя войска тогда держались въ большомъ комплектѣ, и что существовали не только корпуса, но и арміи [1]).

И вотъ тотъ идеалъ, къ которому желали бы возвратиться противники нашей теперешней военно-окружной системы!

Военные округа у насъ и были созданы именно для того, чтобы устранить испытанныя уже въ продолженіи многихъ лѣтъ огромныя неудобства прежняго разъединенія въ мѣстномъ военномъ управленіи. Объединеніе было тѣмъ необходимѣе, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ подражаніе Пруссіи, военныя силы развивались все болѣе и болѣе въ громадныхъ размѣрахъ, и вездѣ принимались мѣры, чтобы имѣть возможность въ самое короткое время «мобилизировать» всѣ войска, т.-е. привести ихъ на военное положеніе и сформировать арміи *тамъ*,

[1]) Въ 1859 году для приведенія на военное положеніе 4 корпусовъ, т.-е. для сбора 67 тыс. отпускныхъ нижнихъ чиновъ потребовалось болѣе 5 мѣсяцевъ.

гдѣ потребуется по соображеніямъ стратегическимъ и политическимъ.

Для созданія военныхъ округовъ мы имѣли уже готовый образецъ, не въ иностранныхъ государствахъ, но въ устройствѣ нашихъ же окраинъ, гдѣ съ давняго времени существовала мѣстная военная власть, достаточно самостоятельная не только для обычнаго въ мирное время веденія дѣлъ, но и для распоряженій военнаго времени, не обращаясь по всякой мелочи къ центральной власти въ Петербургѣ,—власть, объединяющая въ себѣ начальствованіе и надъ войсками, полевыми и мѣстными, и надъ мѣстными органами хозяйственными. Приходилось только регулировать то, что уже существовало, т.-е. выработать такія положенія, которыя точнѣе и правильнѣе опредѣлили бы власть и кругъ дѣйствій какъ главнаго начальника округа, такъ и подчиненныхъ ему спеціальныхъ отдѣловъ окружнаго управленія: интендантскаго, артиллерійскаго, инженернаго, военно-медицинскаго, и т. д. При разработкѣ этихъ положеній было поставлено цѣлью—придать мѣстному военному управленію достаточную степень самостоятельности, устранить излишнюю централизацію, сохранивъ однако же связь спеціальныхъ отдѣловъ военно-окружнаго управленія съ соотвѣтствующими главными управленіями министерства, въ той мѣрѣ, сколько это необходимо для поддержанія единства и общаго контроля во всѣхъ войскахъ и частяхъ имперіи.

Положеніе 1864 года разрѣшило эту задачу вполнѣ успѣшно, какъ показалъ 16-лѣтній опытъ. Главный начальникъ округа облеченъ такою властью, которая даетъ ему возможность и охранять интересы подчиненныхъ ему войскъ всѣхъ наименованій, и рѣшать на мѣстѣ всѣ могущія встрѣтиться затрудненія или недоразумѣнія между войсками и органами хозяйственныхъ управленій министерства. По дѣламъ хозяйственнымъ въ помощь главному начальнику округа данъ военно-окружной совѣтъ, составленный изъ подчиненныхъ же ему начальниковъ отдѣловъ окружного управленія. Совѣтъ обсуждаетъ и рѣшаетъ такія хозяйственныя дѣла, которыя не могли бы быть предоставлены чьей-либо единоличной власти; это мѣстное коллегіальное учрежденіе есть одно изъ главныхъ средствъ децентрализаціи: оно дало возможность разрѣшать на мѣстѣ такіе вопросы, которые въ прежнемъ порядкѣ должны были восходить до центральнаго управленія,—а между тѣмъ чрезъ это нисколько не стѣсняется власть главнаго начальника округа, которому законъ предоставляетъ въ важныхъ случаяхъ принимать рѣшеніе на свою личную отвѣтственность. Отдѣлы военно-окружного управленія, получая отъ соотвѣтствую-

щихъ главныхъ управленій министерства *общее направленіе*, дѣйствуютъ въ отношеніи *исполненія* подъ прямымъ, *фактическимъ контролемъ* близко стоящей власти.

Но главный начальникъ округа прежде всего есть *командующій войсками* или *главнокомандующій*. Не безъ умысла и присвоено ему это званіе: Положеніе 1864 года поставило его въ прямыя и ясныя отношенія ко всѣмъ безъ различія расположеннымъ въ округѣ войскамъ. Трудно найти въ этомъ Положеніи что-либо препятствующее ему исполнять успѣшно обязанности высшей строевой инстанціи. Напротивъ того, подчиненіе ему всѣхъ органовъ администраціи предоставило ему возможность дѣйствительнѣе охранять интересы войскъ, не жаловаться только центральной власти, но самому принимать надлежащія мѣры. Для облегченія же главнаго начальника въ исполненіи обязанностей его по дѣламъ хозяйственнымъ, въ большихъ округахъ допускается учрежденіе особой должности помощника главнаго начальника, на котораго можетъ быть возлагаемо и предсѣдательство въ военно-окружномъ совѣтѣ.

Противники военно-окружной системы обыкновенно противупоставляютъ ей какую-то «корпусную систему». Но въ такомъ противупоставленіи обнаруживается полное незнаніе дѣла: *корпусъ* есть единица исключительно строевая, тогда какъ округъ есть полное органическое управленіе всѣми военными силами и средствами въ предѣлахъ извѣстной территоріи. Поводъ къ такому странному смѣшенію понятій подало то случайное обстоятельство, что въ одно время съ учрежденіемъ у насъ военныхъ округовъ упразднено было дѣленіе войскъ на корпуса. Упраздненіе это было мотивировано только тѣмъ соображеніемъ, что при существованіи округовъ признавалось *возможнымъ обойтиться* безъ корпуснаго начальства, принявъ за самую крупную единицу въ мирное время — дивизію. Соображеніе это, кромѣ финансовыхъ выгодъ, оправдывалось еще и тѣмъ, что прежніе наши корпуса составляли слишкомъ крупную единицу, которую приходилось часто дробить въ военное время. Но упраздненіе корпусной инстанціи въ мирное время не значило, что новая должность командующаго войсками въ округѣ *замѣнила* упраздненную должность. Хотя дѣйствительно нѣкоторая часть обязанностей корпуснаго командира перешла къ командующему войсками округа, однакожъ другая часть перешла къ начальнику дивизіи, который получилъ бо́льшую самостоятельность. Не надобно забывать, что въ одно время съ Положеніемъ объ округахъ послѣдовало и новое Положеніе объ управленіи дивизіями,

причемъ имѣлась также въ виду общая цѣль — возможная децентрализація. Возстановленіе у насъ корпусовъ по случаю послѣдней войны, сохраненное потомъ и въ мирное время, служитъ наглядным указаніемъ на то, что корпусная организація можетъ уживаться и съ округами; что одна лишняя *строевая* инстанція можетъ возбуждать сомнѣніе развѣ только со стороны экономіи, но нисколько не умаляетъ функцій и значенія военнаго округа.

Управленіе военнаго округа, по своему характеру и значенію, имѣетъ гораздо болѣе сходства съ управленіемъ арміи въ мирное время. Какъ сказано выше, корпусъ въ составѣ арміи есть исключительно *строевая* единица, тогда какъ управленіе арміи сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ отрасли администраціи, также какъ и военный округъ. Есть ли существенное различіе между теперешними военно-окружными управленіями варшавскими или кавказскими и прежними управленіями «первой» арміи или кавказской? Измѣнилось ли военное значеніе и власть главнокомандующихъ или командующихъ въ Варшавѣ и Тифлисѣ съ того времени, какъ Положеніе 1864 г. (и дополнительное къ нему 1865 г.) опредѣлило болѣе точными рамками функціи каждой изъ составныхъ частей управленія, привело весь механизмъ ихъ въ большую стройность и тѣмъ устранило всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ между мѣстными управленіями и министерствомъ?

На чемъ же основано обвиненіе военно-окружного устройства въ томъ, что оно будто бы пригодно только на мирное время, что оно въ противорѣчіи съ условіями военнаго времени? Мы видимъ совершенно противное: организація военно-окружная гораздо болѣе приближается къ условіямъ военнаго времени, чѣмъ всякая другая система, основанная на разобщеніи строевой іерархіи отъ мѣстнаго военно-административнаго устройства. Выше уже замѣчено, что первымъ указаніемъ намъ для образованія округовъ послужило прежнее устройство нашихъ окраинъ, гдѣ постоянно велась война. Первые же военные округа были введены еще прежде составленія общаго Положенія 1864 года, именно въ 1862 году, также на западной нашей окраинѣ: въ Варшавѣ, Вильнѣ и Кіевѣ, и въ такое именно время, когда въ краѣ возникло мятежное движеніе и предвидѣлась возможность европейской войны. Положеніе дѣлъ было таково, что начальство «дѣйствующей арміи», сосредоточенное въ Варшавѣ, не имѣло возможности распоряжаться на всемъ пространствѣ расположенія арміи. Оказалось необходимымъ упразднить это управленіе, и

вмѣсто него образовать три самостоятельные центра военнаго управленія, предоставивъ въ распоряженіе каждаго изъ окружныхъ начальниковъ всѣ мѣстныя средства для энергическаго подавленія возстанія.

Послѣдствія вполнѣ оправдали эту мѣру. Приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ отчета военнаго министра за 1863 годъ:

«Подавленіе вооруженнаго возстанія потребовало особенной распорядительности со стороны мѣстныхъ военныхъ властей и совокупнаго употребленія ими всѣхъ военныхъ средствъ края. Сообщенія были затруднены бродившими по всему пространству его мятежническими шайками, причемъ распоряженія, исходившія изъ Варшавы или Петербурга, не могли бы быть ни столь своевременны, ни столь соотвѣтственны съ обстоятельствами, какъ распоряженія мѣстныхъ командующихъ войсками въ округахъ. Никакъ не могли бы замѣнить ихъ и прежніе корпусные командиры, имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи одни только полевыя регулярныя войска, тогда какъ главные начальники округовъ, дѣйствуя въ гораздо болѣе обширныхъ предѣлахъ власти, распоряжались всѣми войсками края, регулярными и иррегулярными, полевыми и мѣстными, равно какъ и всѣми военными учрежденіями: артиллерійскими, инженерными, интендантскими, врачебными и проч. По всей справедливости заключить можно, что если мятежническія шайки, разбиваемыя войсками, нигдѣ не успѣвали сосредоточиваться въ сколько-нибудь значительныхъ силахъ,—то должно отнести это къ тѣмъ средствамъ, которыя были предоставлены въ распоряженіе командующихъ войсками въ округахъ и къ той степени власти, которою они были облечены»...

Какъ первые три округа, образованные на западной нашей окраинѣ взамѣнъ прежней «первой арміи», такъ и открытый вслѣдъ затѣмъ округъ Одесскій, а въ слѣдующемъ 1864 году и прочіе округа европейской Россіи, вводились въ такое время, когда нужно было не только подавить внутренній мятежъ, но и готовиться на случай внѣшней войны; а потому разграниченіе округовъ было соображено не только съ условіями административными мирнаго времени, но и съ стратегическими [1]. Какъ въ прежнія большія войны мы не могли обходиться одною только дѣйствующею арміею, такъ и еще болѣе въ будущемъ война будетъ происходить на нѣсколькихъ театрахъ дѣйствій. Въ слу-

[1] За исключеніемъ одного Рижскаго округа, который въ первое время былъ открытъ только для того, чтобы избѣгнуть двойственной власти; онъ былъ упраздненъ немедленно по упраздненіи прибалтійскаго генералъ-губернаторства.

чаѣ войны оборонительной, со стороны обоихъ ли сосѣднихъ государствъ, или одного изъ нихъ, каждый изъ трехъ западнихъ округовъ будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ особымъ театромъ дѣйствій. Одинъ главнокомандующій въ Варшавѣ не имѣлъ бы возможности непосредственно распоряжаться на остальныхъ двухъ театрахъ дѣйствій. Если-жъ въ то же время можно было бы опасаться нападенія и съ моря, то округа Одесскій, Петербургскій и Финляндскій также составили бы отдѣльные театры военныхъ дѣйствій и каждый изъ нихъ требовалъ би особой самостоятельной военной власти. Существованіе военныхъ округовъ доставило бы намъ неисчислимыя выгоды: на каждомъ театрѣ мы имѣли бы готовыя полевыя управленія армій, составленныя изъ лицъ вполнѣ освоившихся съ мѣстными условіями. При надлежащемъ направленіи въ мирное время дѣятельности окружнаго штаба и другихъ отдѣловъ управленія война не застанетъ насъ въ расплохъ; каждый театръ дѣйствій будетъ насколько возможно подготовленъ заблаговременно; всѣ начальствующія лица, офицеры генеральнаго штаба, чиновники интендантскіе—знакомы съ краемъ и его средствами. Предназначенныя для дѣйствій полевыя войска находили бы поддержку въ войскахъ мѣстныхъ, съ которыми были бы связаны единствомъ власти.

Не менѣе выгодъ могутъ доставить округа и въ случаѣ войны наступательной. И въ этомъ случаѣ окружныя управленія дадутъ превосходный кадръ для формированія полевыхъ управленій дѣйствующихъ армій. И въ прежнее время, при постоянномъ существованіи «первой» арміи, главнокомандующій, принимая лично начальство надъ войсками, назначенными къ движенію за границу, выдѣлялъ изъ постояннаго варшавскаго управленія то число лицъ, какое было нужно для похода, оставляя прочихъ для управленія мѣстнаго въ тылу арміи. Тоже самое можетъ быть исполнено и нынѣ въ каждомъ изъ округовъ; въ случаѣ назначенія самого начальника округа главнокомандующимъ дѣйствующею арміею обязанности его въ округѣ принимаетъ его помощникъ или окружной начальникъ мѣстныхъ войскъ (какъ предпологалось Положеніемъ 1864 года). Во всякомъ случаѣ, съ переходомъ арміи за границу въ тылу ея остается подчиненное главнокомандующему правильно организованное мѣстное военное управленіе, которое должно служить типомъ и для устройства въ случаѣ нужды заграничнаго управленія въ занятомъ краѣ. Но объ этомъ будемъ еще имѣть случай говорить впереди.

Все сказанное можетъ служить отвѣтомъ тѣмъ, кто находитъ, что наши военные округа не довольно крупны и предлагаютъ

слить по нѣскольку округовъ въ одинъ. Иные даже доходятъ до несбыточнаго предположенія о раздѣленіи всей европейской Россіи на 4 арміи! Както странно слышать подобное мнѣніе рядомъ съ указаніемъ на образцовое военное устройство въ Германіи, гдѣ округъ составляетъ раіонъ одного только корпуса. Насколько немыслимо у насъ раздробить округа такъ, чтобы каждый корпусъ составлялъ отдѣльный административный раіонъ [1]), настолько же было бы несообразно ни съ стратегическими соображеніями, ни съ цѣлями административными дать округамъ слишкомъ обширный раіонъ и слишкомъ большой составъ войскъ. Наши теперешніе округа имѣютъ уже весьма полновѣсный составъ: напримѣръ, въ Варшавскомъ округѣ, обнимающемъ территорію одного царства польскаго, расположено нынѣ болѣе войска, чѣмъ состояло въ трехъ корпусахъ бывшей «первой арміи», хотя она и занимала весь западный край. Не говоря о Кавказскомъ округѣ, заключающемъ въ себѣ и нынѣ цѣлую армію, укажемъ на Московскій округъ, охватывающій раіонъ 12 губерній съ 16-ю милл. народонаселенія, 6-ю дивизіями полевой пѣхоты и большимъ числомъ мѣстныхъ войскъ. Казанскій округъ, при маломъ числѣ полевыхъ войскъ, имѣетъ за то громадное протяженіе (даже и до присоединенія къ нему бывшаго Оренбургскаго округа) и массу мѣстныхъ войскъ, которыя въ случаѣ войны служатъ кадрами для формированія значительнаго числа боевыхъ силъ и запасныхъ частей.

Несоразмѣрная обширность окружныхъ раіоновъ неизбѣжно повела бы къ большимъ невыгодамъ и даже парализовала бы совершенно всю систему. По буквѣ и духу Положенія объ округахъ на главномъ начальникѣ округа лежитъ ближайшій фактическій контроль, какъ по строевой части войскъ, такъ и по мѣстнымъ хозяйственнымъ управленіямъ. Чѣмъ обширнѣе раіонъ, чѣмъ больше въ немъ число войскъ и учрежденій, тѣмъ окружное начальство стояло бы далѣе отъ подвѣдомственныхъ частей, тѣмъ слабѣе былъ бы надзоръ за ними, тѣмъ болѣе управленіе приняло бы именно тотъ бюрократическій характеръ, противъ котораго такъ ратуютъ противники военныхъ округовъ. Если-жъ

---

[1]) Извѣстно, что у насъ большая часть полевыхъ войскъ сгруппирована на западной половинѣ имперіи, и что иначе быть не можетъ. Поэтому пришлось бы Варшавскій округъ раздробить на 4 округа, Виленскій на 3 и т. д. Такое раздѣленіе на корпусные раіоны не имѣло бы никакого смысла, такъ какъ войска у насъ комплектуются не въ самомъ раіонѣ ихъ расположенія, какъ въ Германіи. Наша организація представляетъ ту важную выгоду, что полевыя войска сохраняютъ полную подвижность и не прикованы къ какой-либо мѣстности.

осуществилась бы странная мысль о раздѣленіи Россіи на четыре только округа или четыре арміи, то подобная чудовищная организація была бы равносильна уничтоженію всякой *мѣстной* власти и образованію четырехъ новыхъ министерствъ, сверхъ существующаго центральнаго; каждый изъ отдѣловъ управленія арміи или округа сдѣлался бы передаточнымъ мѣстомъ, чрезъ которое проходила бы только переписка къ тѣмъ исполнительнымъ инстанціямъ, которыя пришлось бы создавать вновь. Сомнительно, чтобы подобная переработка существующей системы повела къ упрощенію и удешевленію управленія.

По поводу предложенія о возстановленіи армій въ мирное время не можемъ не высказать, что это было бы величайшею ошибкою не только въ указанныхъ выше соображеніяхъ административныхъ, но и въ смыслѣ военномъ и политическомъ. Война есть, къ счастію человѣчества, явленіе не вседневное; хотя въ долгіе промежутки мирные и слѣдуетъ готовиться къ войнѣ, въ силу извѣстнаго изреченія: si vis pacem, para bellum, однакожъ, это не значитъ держать постоянно арміи со всѣми ихъ полевыми управленіями, на готовѣ, какъ наканунѣ войны. Притомъ же среди глубокаго мира нельзя предвидѣть, съ кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ вспыхнетъ война, гдѣ и въ какомъ составѣ придется формировать арміи. Большею частію бываетъ даже такъ, что политическія отношенія усложняются постепенно; къ военнымъ мѣрамъ приступаютъ секретно и незамѣтно, не обнаруживая впередъ намѣреній и плановъ. Все это легко исполняется при окружной системѣ и весьма трудно при постоянномъ существованіи армій въ опредѣленномъ составѣ. Всякая передача части войскъ отъ одной арміи къ другой—является уже явнымъ признакомъ предпринимаемыхъ военныхъ мѣръ. Съ развитіемъ приготовленій къ войнѣ придется или перемѣщать главныя квартиры армій, или оставлять главнокомандующихъ на мѣстахъ, перемѣщая только войска ихъ. Такъ и будетъ неизбѣжно, что арміи сформируются тамъ, гдѣ по стратегическимъ и политическимъ соображеніямъ окажется нужнымъ, а главнокомандующіе армій мирнаго времени останутся при однихъ штабахъ своихъ безъ арміи. Можетъ случиться и еще худшее, что каждый изъ главнокомандующихъ будетъ отстаивать цѣлость и неприкосновенность своей арміи и противудѣйствовать надлежащему распредѣленію войскъ, сообразно требованію обстоятельсвъ.

Въ заключеніе остается дать объясненія по поводу еще нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній на военно-окружную систему.

Упрекъ относительно чрезмѣрной многочисленности личнаго состава управленій и распложенія переписки не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Неизвѣстно откуда берутся громадныя цифры, которыми полемическія статьи забрасываютъ читателя и поражаютъ его воображеніе; но вотъ тѣ цифры, которыя имѣютъ оффиціальную достовѣрность.

Всѣхъ офицерскихъ чиновъ (военныхъ и классныхъ), во всѣхъ военно-окружныхъ управленіяхъ, по штатамъ 1864 г. положено—1797.

Во всѣхъ же прежде существовавшихъ управленіяхъ, упраздненныхъ съ открытіемъ округовъ, состояло—2525.

Слѣдовательно, по штатамъ военныхъ округовъ число офицерскихъ чиновъ уменьшилось на 728, т.-е. на 29%.

Девять лѣтъ спустя послѣ открытія округовъ, со всѣми добавленіями къ штатамъ 1864 и 1865 годовъ и съ присоединеніемъ новаго округа Туркестанскаго состояло дѣйствительно—1972.

Слѣдовательно, все-таки менѣе прежняго на 553 чел., т.-е. на 22%.

При составленіи штатовъ военныхъ округовъ, также какъ и центральныхъ управленій, достигнуто было значительное улучшеніе содержанія чиновъ насчетъ уменьшенія числа ихъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою цифръ за послѣднее время, послѣ 1873 года; по всѣмъ вѣроятностямъ, наличное число чиновъ въ военно-окружныхъ управленіяхъ нѣсколько возрасло; но возрастаніе это, какъ уже было въ своемъ мѣстѣ объяснено, есть явленіе довольно общее; во всякомъ случаѣ, въ военныхъ управленіяхъ оно всегда удерживалось въ предѣлахъ строгой необходимости и можно навѣрное сказать, что и нынѣ, несмотря на расширеніе границъ имперіи, на увеличеніе арміи, на громадные хозяйственные запасы,—число служащихъ въ военно-окружныхъ управленіяхъ гораздо менѣе, чѣмъ было въ до-реформенныхъ, упраздненныхъ учрежденіяхъ. Если въ какомъ-нибудь изъ управленій, или при которомъ-либо начальствующемъ лицѣ и бываютъ лишніе чиновники, не положенные по штату, то можетъ ли это быть отнесено къ системѣ военно-окружной, и стоитъ ли объ этомъ возбуждать полемику? Можно скорѣе пожалѣть о томъ, что въ личномъ составѣ управленій штатное число чиновъ ограничено строгою необходимостью мирнаго времени, и что нѣтъ вовсе запаса на случай формированія полевыхъ

управленій въ военное время. Вслѣдствіе послѣдней войны поднятъ былъ вопросъ объ образованіи запаса чиновъ для полевыхъ интендантствъ; но вопросъ этотъ остался безъ послѣдствій по финансовымъ соображеніямъ. Та же причина заставляетъ въ мирное время ограничивать личный составъ не только управленій, но и строевыхъ частей, хотя всякое уменьшеніе въ мирное время очевидно увеличиваетъ затрудненія для формированія тѣхъ и другихъ по штатамъ военнаго времени. При такой необходимости всевозможныхъ сокращеній можетъ ли быть рѣчь о постоянномъ содержаніи въ мирное время полевыхъ управленій на случай войны?

Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, Положеніе о военныхъ округахъ, конечно, можетъ имѣть свои недостатки и, какъ всякое государственное учрежденіе, какъ всякое законоположеніе, не можетъ оставаться навсегда безъ измѣненій. Но прежде, чѣмъ измѣнять Положеніе, необходимо положительнымъ образомъ и категорически опредѣлить, въ чемъ именно состоятъ его недостатки, и убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно оно нуждается въ исправленіи. Къ сожалѣнію случается нерѣдко, что подъ видомъ исправленія недостатковъ существующаго положенія предлагаются мѣры, совершенно извращающія его. Вмѣсто усовершенствованія получается искаженіе.

Въ числѣ мнѣній, высказанныхъ относительно военно-окружнаго управленія, можно признать наиболѣе законнымъ и разумнымъ—желаніе достигнуть по возможности большей децентрализаціи расширеніемъ правъ военно-окружнаго начальства на счетъ центральнаго, и корпуснаго на счетъ военно-окружного. Такое желаніе не только не противурѣчитъ основнымъ началамъ Положенія 1864 года, но оно даже было поставлено при разработкѣ его на первый планъ. Задача была нелегкая: требовалось обдуманно провести черту разграниченія функцій центральной и военно-окружной власти такъ, чтобы удержаться на разумной серединѣ между двумя противуположными условіями: съ одной стороны—расширить сколько возможно кругъ дѣйствій и самостоятельность военно-окружнаго начальства; съ другой же стороны—сохранить за министерствомъ то, что необходимо для единства въ арміи и въ направленіи военнаго хозяйства. Если въ разрѣшеніи этой задачи возможно пойти еще нѣсколько дальше, чѣмъ сдѣлано въ Положеніи 1864 года и нѣкоторыхъ послѣдующихъ дополненіяхъ къ нему, то развѣ весьма незначительно. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ именно могла бы быть расширена компетенція военно-окружнаго начальства? Въ отношеніи къ вой-

скамъ, т.-е. по части строевой, штабной,—до сихъ поръ никогда не было слышно жалобы на какое-либо стѣсненіе командующихъ войсками; кругъ дѣйствія ихъ ограничивается лишь тѣми предѣлами, за которыми рѣшаетъ лишь одна воля Верховнаго вождя Арміи. Предѣлы эти точно опредѣлены законами въ видахъ охраненія единства и единообразія всей арміи. Что же касается до разграниченія круга дѣйствій командующаго войсками округа и корпуснаго командира, то вопросъ этотъ тщательно обсуждался въ весьма недавнее время; но еслибъ несмотря на то въ рѣшеніи его оказалось по опыту какое-либо неудобство, то по всѣмъ вѣроятіямъ оно было бы исправлено обыкновеннымъ установленнымъ на такіе случаи порядкомъ.

Въ отношеніи же къ дѣламъ хозяйственнаго управленія, столь желаемая децентрализація также встрѣчаетъ предѣлы въ существующихъ общегосударственныхъ законахъ, опредѣляющихъ порядокъ составленія и исполненія смѣтъ, испрошенія кредитовъ, контрольной отчетности и отвѣтственности самого министерства. Въ своемъ мѣстѣ было объяснено, что и военный совѣтъ, несмотря на предоставленныя ему обширныя права, дѣйствуетъ въ тѣхъ же предѣлахъ общаго закона. Каждое изъ главныхъ управленій военнаго министерства, неся извѣстную отвѣтственность, должно сохранять за собою и соотвѣтствующую степень дѣятельности, давая хозяйственнымъ дѣламъ общее направленіе. Какъ ни желательно пойти далѣе въ децентрализаціи управленія, необходимо однако же не отступать отъ точно выраженнаго въ Положеніи 1864 года основного начала:—что въ хозяйственномъ управленіи главное *направленіе* дается отъ министерства, а военно-окружныя управленія—суть *исполнительные* органы, дѣйствующіе подъ ближайшимъ фактическимъ наблюденіемъ главнаго начальника округа.

ПѢВЦУ

Изъ посмертныхъ стихотвореній.

(Сообщилъ кн. Д. Н. Цертелевъ).

Какъ селянинъ,—когда грозятъ
Войны тяжёлые удары,—
Въ дремучій лѣсъ несетъ свой кладъ
Отъ нападенья и пожара,

И тамъ, во мрачной тишинѣ,
Глубоко въ землю зарываетъ
И на чешуйчатой соснѣ
Свой знакъ съ заклятьемъ зарубаетъ,—

Такъ ты, пѣвецъ, въ лихіе дни,
Во дни гоненья рокового,
Подъ темной рѣчью хорони
Свое восторженное слово!

Гр. А. К. Толстой.

ОТЧАЯННЫЙ

Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ.

I.

...Насъ было человѣкъ восемь въ комнатѣ,—и мы разговаривали о современныхъ дѣлахъ и людяхъ.

— Не понимаю я этихъ господъ!—замѣтилъ А.:—они отчаянные какіе-то!... Право, отчаянные... Ничего подобнаго еще никогда не бывало.

— Нѣтъ, бывало,—вмѣшался П., уже старый, сѣдоволосый человѣкъ, родившійся около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія:—отчаянные люди водились и прежде; только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ. Про поэта Языкова кто-то сказалъ, что у него былъ восторгъ, ни на что не обращенный, безпредметный восторгъ; такъ и у тѣхъ людей—отчаянность была безпредметная. Да вотъ, если позволите, я вамъ разскажу исторію моего двоюроднаго племянника, Миши Полтева. Она можетъ служить образчикомъ тогдашней отчаянности.

Явился онъ на свѣтъ Божій, помнится, въ 1828 году, въ родовомъ помѣстьѣ своего отца, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ глухой степной губерніи. Мишина отца, Андрея Николаевича Полтева, я еще хорошо помню. Это былъ настоящій, старозавѣтный помѣщикъ, богобоязненный, степенный человѣкъ, достаточно—по тому времени—образованный, немного, правду сказать, придурковатый, да и къ тому же страдавшій падучей болѣзнью... Это тоже старозавѣтная, дворянская болѣзнь... Впрочемъ, припадки у Андрея Николаевича бывали тихіе, и разрѣшались они обыкновенно сномъ да унылостью.—Сердца онъ былъ

добраго, обращенія привѣтливаго, не безъ нѣкоторой величавости: я себѣ всегда такимъ воображалъ царя Михаила Ѳедоровича. Вся жизнь Андрея Николаевича протекла въ неукоснительномъ исполненіи всѣхъ съ давнихъ временъ установившихся обрядовъ, въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣми обычаями древне-православнаго, свято-русскаго быта. Онъ вставалъ и ложился, кушалъ и въ баню ходилъ, веселился и гнѣвался (тó и другое, правда, рѣдко), даже трубку курилъ, даже въ карты игралъ (два большихъ новшества!) не такъ какъ бы ему вздумалось, не на свой манеръ,—а по завѣту и преданію отцовъ—истово и чинно. Самъ онъ былъ высокаго росту, осанистъ и мясистъ, голосъ имѣлъ тихій и нѣсколько хрипловатый, какъ оно часто бываетъ у русскихъ добродѣтельныхъ людей; соблюдалъ опрятность въ бѣльѣ и одеждѣ, носилъ бѣлые галстухи и табачнаго цвѣту длиннополые сюртуки, а дворянская кровь все-таки сказывалась; за поповича или купца никто бы его не принялъ! Всегда, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ и встрѣчахъ, Андрей Николаевичъ несомнѣнно зналъ, какъ надо поступать, чтó надо говорить, и какія именно выраженія употреблять; зналъ, когда должно лечиться и чѣмъ именно, какимъ примѣтамъ должно вѣрить и какія можно оставлять безъ вниманія... словомъ, зналъ все, чтó слѣдуетъ дѣлать... Ибо все-молъ стариками предусмотрѣно и указано—своего только не придумывай... А главное: безъ Бога ни до порога!—Должно сознаться: скука смертельная царила въ его домѣ, въ этихъ низкихъ, теплыхъ и темныхъ комнатахъ, столь часто оглашаемыхъ пѣніемъ всенощныхъ и молебновъ, съ почти непереводившимся запахомъ ладана и постныхъ кушаній!

Женился Андрей Николаевичъ, уже не въ первой молодости, на сосѣдней бѣдной барышнѣ, очень нервической и болѣзненной особѣ, бывшей институткѣ. Она не дурно играла на фортепіано, говорила по-французски на институтскій ладъ; охотно восторгалась и еще охотнѣе предавалась меланхоліи и даже слезамъ... Словомъ—характера была безпокойнаго. Считая жизнь свою загубленной, она не могла любить своего мужа, который «конечно» ея не понималъ; но она уважала... она сносила его; и будучи существомъ вполнѣ честнымъ и вполнѣ холоднымъ, ни разу даже не подумала о другомъ «предметѣ». Къ тому же ее постоянно поглощали заботы, во-первыхъ, о своемъ собственномъ, дѣйствительно слабомъ здоровьѣ; во-вторыхъ, о здоровьѣ мужа, припадки котораго ей всегда внушали нѣчто въ родѣ суевѣрнаго ужаса, а, наконецъ, и о единственномъ своемъ сынѣ Мишѣ, котораго она воспитывала сама съ большимъ рвеніемъ. Андрей

Николаевичъ не мѣшалъ женѣ заниматься Мишей, — но съ условіемъ: ни подъ какимъ видомъ не выступать изъ однажды навсегда назначенныхъ рамокъ, въ которыхъ все должно было вращаться у него въ домѣ! Такъ, напримѣръ: въ святки и подъ Новый годъ, въ Васильевъ вечеръ, Мишѣ позволялось наряжаться вмѣстѣ съ другими «хлопчиками», и не только позволялось, но даже ставилось въ обязанность... Затò—сохрани Богъ, въ другое время! и т. д., и т. д.

II.

Помню я этого Мишу лѣтъ тринадцати.—Это былъ очень миловидный мальчикъ съ розовыми щечками и мякенькими губками (да и весь онъ былъ мякенькій да пухленькій), съ нѣсколько выпуклыми, влажными глазами, тщательно приглаженный и причесанный, ласковый и стыдливый — настоящая дѣвочка! — Одно только въ немъ мнѣ не нравилось: смѣялся онъ рѣдко; но когда смѣялся—зубы его, крупные, бѣлые и по звѣриному заостренные, непріятно выставлялись,—и самый смѣхъ звучалъ чѣмъ-то рѣзкимъ и даже дикимъ—почти звѣрскимъ,—а въ глазахъ пробѣгали нехорошія искры. Мать все хвалила его за тò, что онъ такой послушный и вѣжливый—и съ мальчиками шалунами не любитъ знаться, а все больше льнетъ къ женскому обществу.—«Матушкинъ сынокъ, нѣженка»,—отзывался о немъ отецъ, Андрей Николаевичъ:—но зато въ храмъ Божій ходитъ охотно... И это меня радуетъ». — Одинъ только старикъ-сосѣдъ, бывшій исправникъ, сказалъ разъ при мнѣ о Мишѣ: — «Помилуйте, бунтовщикъ будетъ». И это слово меня, помнится, тогда очень удивило. Бывшій исправникъ, правда, всюду видѣлъ бунтовщиковъ.

Точно такимъ примѣрнымъ юношей оставался Миша до 18-тилѣтняго возраста, до самой смерти родителей, которыхъ онъ лишился едва-ли не въ одинъ и тотъ же день. Живя постоянно въ Москвѣ, я ничего не слышалъ о моемъ молодомъ родственникѣ. Правда, одинъ пріѣзжій изъ его губерніи увѣрялъ меня, будто бы Миша продалъ за безцѣнокъ свое родовое имѣніе; но это извѣстіе казалось мнѣ слишкомъ неправдоподобнымъ! — И вотъ вдругъ, въ одно осеннее утро, на дворъ моего дома влетаетъ коляска, запряженная парой превосходныхъ рысаковъ, съ чудовищнымъ кучеромъ на козлахъ; а въ коляскѣ—облеченный въ шинель военнаго покроя съ двухъ-аршиннымъ бобровымъ

воротникомъ, съ фуражкой на бекрень à la diable m'emporte, сидитъ... Миша!—Увидавъ меня (я стоялъ у окна гостиной и съ изумленьемъ глядѣлъ на влетѣвшій экипажъ),—онъ захохоталъ своимъ рѣзкимъ хохотомъ, и лихо тряхнувъ обшлагомъ шинели, выпрыгнулъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ.

— Миша! Михаилъ Андреевичъ!—началъ-было я...—Вы-ли это?

— Говорите мнѣ: «ты» и «Миша»—перебилъ онъ меня.—Я... это я, собственной персоной... явился въ Москву... на людей посмотрѣть... и себя показать. Вотъ и къ вамъ заѣхалъ.—Каковы рысачки?.. А?—Онъ опять захохоталъ.

Хотя лѣтъ семь прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ Мишу, но узналъ я его тотчасъ. — Лицо у него осталось совсѣмъ молодымъ и по прежнему миловиднымъ,—даже усъ не пробился; только подъ глазами на щекахъ появилась одутловатость—и изо рту пахло виномъ.

— Да давно ли ты въ Москвѣ?—спросилъ я.—Я полагалъ, что ты тамъ въ деревнѣ хозяйничаешь...

— Э! Деревню-то я тотчасъ по боку!—Какъ только родители, царство имъ небесное, скончались—(Миша перекрестился истово, безъ малѣйшаго кощунства) — я сейчасъ, ни мало не медля... эйнъ, цвей, дрей! ха-ха! Дешево спустилъ, канальство! Такой подвернулся шельмецъ. — Ну, да все равно! По крайней мѣрѣ поживу въ свое удовольствіе—и другихъ потѣшу.—Да что вы на меня такъ уставились? — Неужто же въ самомъ дѣлѣ мнѣ было тянуть да тянуть эту канитель?... Голубчикъ, родной, нельзя ли чарочку?

Миша говорилъ ужасно скоро, торопливо и, въ то же время, какъ бы съ просонья.

— Миша, помилуй! — возопилъ я: — побойся ты Бога! на кого ты похожъ, въ какомъ ты видѣ? А еще чарочку! И продать такое хорошее имѣніе за безцѣнокъ...

— Бога я всегда боюсь и помню,—подхватилъ онъ.—Да вѣдь онъ добрый—Богъ-то... проститъ! И я тоже добрый... никого еще въ жизни не обидѣлъ. И чарочка тоже добрая; и обижать... тоже никого не обижаетъ. А видъ у меня самый настоящій... Дяденька, желаете, стрункой по половицѣ пройду? Или попляшу немного?

— Ахъ, пожалуйста, избавь!—Какой тутъ плясъ? Ты лучше сядь.

— Сѣсть-то я сяду... Да чтó вы мнѣ ничего не скажете о моихъ сѣрыхъ? Вы посмотрите, вѣдь львы! пока я ихъ нани-

маю, но куплю непремѣнно... вмѣстѣ съ кучеромъ.—Свои лошади не въ примѣръ выгоднѣе. И деньги вѣдь были, да спустилъ ихъ вчера въ банчишко.—Ничего, завтра наверстаемъ. Дяденька... а что же чарочку?

Я все еще не могъ опомниться.—Помилуй, Миша, сколько тебѣ лѣтъ? Не лошадьми, не карточной игрой тебѣ заниматься слѣдуетъ... а въ университетъ поступить, или на службу.

Миша сперва опять захохоталъ, потомъ свиснулъ протяжно.

— Ну, дяденька, я вижу, вы теперь въ меланхолическомъ настроеніи. Заверну въ другой разъ.—А вы вотъ что: заѣзжайте-ка вечеркомъ въ Сокольники. Тамъ у меня палатка разбита. Цыгане поютъ... Фу ты! ну ты! держись только! А на палаткѣ вымпелъ, а на вымпелѣ ба-альшими буквами написано: «Хоръ Полтевскихъ цыганъ». Змѣемъ вымпелъ-то вьется, буквы золотыя, всякому прочесть лестно. Угощеніе—кто только пожелаетъ!.. Отказу нѣтъ. Пыль по всей Москвѣ пошла... мое почтеніе!... Чтожъ? Заѣдете? Ужъ какая тамъ у меня есть одна... аспидъ! Черна какъ сапогъ, злюща какъ собака, а глаза... уголья! Никакъ не возможно узнать: что она—поцѣлуетъ или укуситъ?.. Заѣдете, дяденька?... Ну, до свиданія!

И внезапно обнявъ и чмокнувъ меня въ плечо, Миша выскочилъ на дворъ, въ коляску, махнулъ надъ головой фуражкой, гикнулъ,—чудовищный кучеръ покосился на него черезъ бороду, рысаки рванулись, и все исчезло!

На другой день я, грѣшный человѣкъ, поѣхалъ-таки въ Сокольники, и дѣйствительно увидалъ палатку съ вымпеломъ и надписью. Полы палатки были приподняты: шумъ, трескъ, визгъ неслись оттуда. Народъ толпился кругомъ. На землѣ, на разостланномъ коврѣ сидѣли цыгане, цыганки, пѣли, били въ бубны; а посреди ихъ, съ гитарой въ рукахъ, въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, юлою вертѣлся Миша.— «Господа! почтенные! милости просимъ! сейчасъ представленіе начнется! Даровое!» — кричалъ онъ надтреснутымъ голосомъ. — «Эй! шампанскаго! хлопъ! въ лобъ! въ потолокъ! ахъ, ты шельма, Поль-де-Кокъ!»—Къ счастью, онъ не увидалъ меня, и я поспѣшилъ удалиться.

Не буду, господа, я распространяться о моемъ изумленіи при видѣ такой перемѣны. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ этотъ смирный и скромный мальчикъ превратиться вдругъ въ пьянаго шалопая?! Неужто же это все въ немъ таилось съ дѣтства, и тотчасъ выступило наружу, какъ только соскочилъ съ него гнетъ родительской власти?—А что пыль пошла отъ него по Москвѣ,

какъ онъ выражался,—въ этомъ уже точно не было никакого сомнѣнія. Видалъ я кутилъ на своемъ вѣку; но тутъ проявлялось нѣчто неистовое, какое-то бѣшенство самоистребленія, какое-то отчаяніе!

III.

Мѣсяца два продолжалась эта потѣха... И вотъ, стою я опять у окна въ гостиной и посматриваю на дворъ... Вдругъ— что за притча!?... входитъ въ ворота тихой поступью послушникъ... Шапонька гречникомъ надвинута на лобъ, волосики изъ подъ ней расчесаны направо и налѣво... длинный подрясникъ, кожаный поясъ... Неужели Миша? Онъ и есть!

Вышелъ я къ нему на крыльцо...—Это что за маскарадъ?— спрашиваю я.

— Не маскарадъ, дяденька,—отвѣчаетъ мнѣ Миша съ глубокимъ вздохомъ:—а такъ какъ я всё мое имущество до послѣдней копѣечки растранжирилъ—да и раскаяніе мною овладѣло сильное,—то я рѣшился отправиться въ Троицкую Сергіеву Лавру грѣхи свои отмаливать.—Ибо какой мнѣ теперь пріютъ остался?... И вотъ пришелъ я къ вамъ проститься, дяденька, какъ блудный сынъ...

Я посмотрѣлъ въ упоръ на Мишу. Лицо все такое-же, розовое да свѣжее (впрочемъ, оно такъ и не измѣнилось у него до конца),—и глаза влажные да ласковые съ поволокой—и ручки бѣленькія... А виномъ отдаетъ.

— Что-жъ!—промолвилъ я наконецъ:—дѣло хорошее—коли другого исхода нѣтъ. Но зачѣмъ же отъ тебя виномъ-то пахнетъ?

— Старая закваска,—отвѣтилъ Миша, и вдругъ засмѣялся— да тотчасъ спохватился, и поклонившись прямымъ и низкимъ, монашескимъ поклономъ, прибавилъ:—Не пожалуете ли что на путь-дороженьку? Вѣдь въ монастырь иду я пѣшкомъ...

— Когда?

— Сегодня... сейчасъ.

— Къ чему же такъ спѣшить?

— Дяденька! мой девизъ всегда былъ: скорѣй! скорѣй!

— А теперь какой у тебя девизъ?

— И теперь тотъ же... Только—къ *добру* скорѣй!

Такъ Миша и ушелъ, предоставивъ мнѣ размышлять о превратностяхъ судебъ человѣческихъ.

Но онъ скоро напомнилъ мнѣ о своемъ существованіи. Мѣсяца два спустя послѣ его посѣщенія, я получилъ отъ него письмо, первое изъ тѣхъ писемъ, которыми онъ впослѣдствіи надѣлялъ меня. И замѣтьте странность: я рѣдко видывалъ болѣе опрятный и четкій почеркъ, чѣмъ у этого безалабернаго человѣка. И слогъ его писемъ былъ очень правильный, слегка витіеватый. Неизмѣнныя просьбы о помощи всегда чередовались съ обѣщаніями исправиться, честными словами и клятвами... Все это казалось—а, можетъ, и было—искреннимъ. Росчеркъ Миши подъ письмомъ постоянно сопровождался особенными закрутасами, черточками и точками,—и много употреблялъ онъ восклицательныхъ знаковъ. Въ томъ первомъ письмѣ Миша извѣщалъ меня о новомъ «оборотѣ своей фортуны». (Впослѣдствіи онъ называлъ эти обороты—нырками... и нырялъ онъ часто). Онъ отправился на Кавказъ служить «грудью» царю и отечеству, въ качествѣ юнкера! И хотя нѣкая добродѣтельная тетка вошла въ его бѣдственное положеніе и прислала ему незначительную сумму,—онъ однако все-таки просилъ и меня помочь ему экипироваться. Я исполнилъ его просьбу и въ теченіи двухъ лѣтъ опять ничего не слышалъ о немъ.

Признаться, я сильно сомнѣвался въ томъ, поѣхалъ ли онъ на Кавказъ? Но оказалось, что онъ точно поѣхалъ туда, по протекціи поступилъ въ Т...ій полкъ юнкеромъ и прослужилъ въ немъ эти два года. Цѣлыя легенды составились тамъ о немъ. Мнѣ ихъ сообщилъ одинъ офицеръ его полка.

IV.

Я узналъ много такого, чего я и отъ него не ожидалъ.— Меня, конечно, не удивило то, что военнымъ человѣкомъ, служакой, онъ оказался плохимъ, даже просто негоднымъ; но чего я не ожидалъ, такъ это того, что и храбрости въ немъ особенной не замѣчалось; что въ сраженіяхъ онъ имѣлъ видъ унылый и вялый, не то скучалъ, не то смущался. Всякая дисциплина его стѣсняла, внушала ему грусть; дерзокъ онъ былъ до сумасбродства, когда дѣло шло только о немъ *лично*; не было такого безумнаго пари, отъ котораго бы онъ отказался; но дѣлать зло другимъ, убивать, драться онъ не могъ, быть можетъ, отъ того, что сердце у него было доброе,—а быть можетъ, отъ того, что «хлопчато-бумажное» (какъ онъ выражался) воспитаніе его изнѣжило. Самого себя истреблять онъ былъ готовъ всячески и во

всякое время... Но другихъ—нѣтъ. «Чортъ его разберетъ», толковали о немъ товарищи:—«дряблый онъ, тряпка—и отчаянный какой-то—просто оглашенный!» — Случалось мнѣ въ послѣдствіи спрашивать Мишу, какой это злой духъ его толкаетъ, заставляетъ пить запоемъ, рисковать жизнью и т. п.? У него всегда былъ одинъ отвѣтъ: тоска!

— Да отчего—тоска?

— Какъ-же, помилуйте! Придешь этакимъ образомъ въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска—хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ.

— Россію-то ты зачѣмъ сюда приплелъ?

— А то какъ же? Нельзя!—Отъ того я и боюсь размышлять.

— Все это у тебя—и тоска эта—отъ бездѣйствія.

— Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька! родной!—Вотъ взять да жизнь на карту поставить—пароли пэ, да щолкъ за воротникъ! Это я умѣю.—Вы вотъ научите меня, что̀ мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть!—Я—сію минуту!...

— Да ты живи просто... Зачѣмъ рисковать?

— Не могу!—Вы скажете: необдуманно я поступаю... Какъ же иначе?... Станешь думать—и, Господи, что въ голову полѣзетъ! Это нѣмцы одни думаютъ!..

Какъ тутъ было разговаривать съ нимъ? Отчаянный—да и полно!

Изъ числа кавказскихъ легендъ, о которыхъ я упомянулъ, разскажу вамъ двѣ, три. Однажды, въ обществѣ офицеровъ, сталъ Миша хвастаться вымѣненной шашкой.—Настоящій персидскій клинокъ! Офицеры выразили сомнѣніе, точно ли клинокъ настоящій? Миша заспорилъ.—Да вотъ,—воскликнулъ онъ наконецъ:—говорятъ—на счетъ шашекъ, первый знатокъ — Абдулка кривой. Поѣду къ нему и спрошу.—Офицеры изумились. — Это какой Абдулка? Что въ горахъ живетъ? Не мирной? Абдулъ-ханъ?—Онъ самый и есть.—Да онъ тебя за лазутчика приметъ, въ клоповникъ засадитъ,—а не то, этой самой шашкой голову тебѣ срѣжетъ. Да и какъ ты доберешься до него? Тебя сейчасъ сцапаютъ.—А я все-таки поѣду къ нему.—Пари, что не поѣдешь!—Пари!—И Миша тотчасъ осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ къ Абдулкѣ. Три дня пропадалъ. Всѣ были убѣждены, что пришелъ оглашенному конецъ. Глядь! вернулся—пьянехонекъ и съ шашкой, только не съ той, которую повезъ, а съ другою. Стали его разспрашивать.—Ничего, говоритъ:—добрый Абдулка человѣкъ. Сперва, точно: кандалы велѣлъ мнѣ на ноги набить и даже на колъ посадить

собирался. Только я объяснилъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ и шашку показалъ.—И не задерживай ты меня, говорю: выкупа, говорю, за меня не жди; гроша у меня за душою нѣтъ—и родныхъ не имѣется.—Удивился Абдулка; посмотрѣлъ на меня единымъ своимъ глазомъ.—Ну, говоритъ, делибашъ ты, урусъ; долженъ я тебѣ вѣрить?—Вѣрь, говорю; я не лгу никогда (и точно, Миша никогда не лгалъ).—Опять посмотрѣлъ на меня Абдулка.—А пить вино умѣешь?—Умѣю, говорю; сколько дашь, столько и выпью.—Опять удивился Абдулка, Аллаха помянулъ. И велѣлъ онъ тутъ своей—дочкѣ, что́ ли, хорошенькая такая, только взглядъ какъ у чекалки,—притащить бурдюкъ. И началъ я дѣйствовать.—А шашка твоя, говоритъ, фальшивая; вотъ, возьми настоящую. И теперь мы съ тобой кунаки.—А пари вы, господа, проиграли, платите.

Вторая легенда о Мишѣ вотъ какого свойства: онъ до страсти любилъ карты; но такъ какъ денегъ у него не водилось и карточные долги онъ не платилъ (хотя шулеромъ никогда не былъ), то играть съ нимъ уже никто не садился. Вотъ однажды началъ онъ приставать къ одному товарищу-офицеру: съиграй да съиграй съ нимъ!—Да вѣдь ты проиграешь—не отдашь.—Деньгами точно не отдамъ—а лѣвую руку себѣ прострѣлю, вотъ этимъ самымъ пистолетомъ!—Да какая мнѣ отъ этого выгода будетъ?—Выгоды никакой—а все-таки любопытно.—Разговоръ этотъ происходилъ послѣ попойки, при свидѣтеляхъ. Точно ли показалось офицеру любопытнымъ Мишино предложеніе—только онъ согласился. Принесли карты, началась игра. Мишѣ повезло: онъ выигралъ сто рублей. И тутъ противникъ его ударилъ себя по лбу.—Какой же я олухъ!—воскликнулъ онъ:—на какую удочку попался! Кабы ты проигралъ, сталъ бы ты себѣ прострѣливать руку—какъ же, держи карманъ!—А вотъ ты и совралъ,—возразилъ Миша:—я и выигралъ—да руку себѣ прострѣлю.—Онъ схватилъ пистолетъ—и бацъ! прострѣлилъ себѣ руку. Пуля пролетѣла насквозь... а недѣлю спустя рана зажила совершенно.

Въ другой еще разъ, ѣхалъ Миша ночью съ товарищами по дорогѣ... И видятъ они, возлѣ самой дороги, зіяетъ узкій оврагъ въ родѣ разсѣлины, темный, претемный, дна не видать. —Вотъ, говоритъ одинъ товарищъ, ужъ на что Мишка отчаянный, а въ этотъ оврагъ не прыгнетъ.—Нѣтъ, прыгну!—Нѣтъ, не прыгнешь, потому что въ немъ, пожалуй, сажень десять глубины, и шею сломить можно.—Зналъ пріятель, за что его задѣть—за самолюбіе... Очень оно было у Миши велико.—А я все-таки прыгну! Хочешь пари? Десять рублей.—Изволь!—И не успѣлъ товарищъ выговорить это слово, какъ уже Миша съ

коня долой—въ оврагъ—и загремѣлъ по каменьямъ. Всѣ такъ и замерли... Прошла добрая минута, и слышатъ они словно изъ земной утробы доносится Мишинъ голосъ, глухо таково:—Цѣлъ! въ песокъ попалъ... А летѣлъ долго! Десять рублей за вами.— Вылѣзай!—закричали товарищи.—Да, вылѣзай!—отозвался Миша: —чорта съ два! вылѣзешь тутъ. Вамъ теперь за веревками да за фонарями ѣхать надо. А пока, чтобы не скучно было ждать, бросьте-ка мнѣ фляжку...

Такъ и пришлось Мишѣ просидѣть часовъ пять на днѣ оврага; и когда его вытащили, у него плечо оказалось вывихнутымъ. Но это нисколько его не смутило. На другой же день костоправъ изъ кузнецовъ вправилъ ему плечо, и онъ дѣйствовалъ имъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Вообще, здоровье у него было удивительное, неслыханное. Я уже сказывалъ вамъ, что онъ до самой смерти сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть лица. Болѣзней онъ не вѣдалъ, несмотря на всѣ излишества; крѣпость его организма ни разу не пошатнулась. Гдѣ бы другой непремѣнно занемогъ опасно или даже умеръ бы, онъ только встряхивался какъ утка на водѣ и расцвѣталъ пуще прежняго. Разъ, тоже на Кавказѣ... Правда, *эта* легенда неправдоподобна, но по ней можно судить, на чтó считали Мишу способнымъ... Итакъ, разъ, на Кавказѣ, онъ въ пьяномъ видѣ свалился въ ручей нижней частью туловища, голова и рука остались на берегу, наружу. Дѣло было зимою, ударилъ сильный морозъ, и когда его нашли на другое утро, ноги его и животъ сквозили изъ-подъ крѣпкой ледяной коры, намерзшей въ теченіи ночи—и хоть бы насморкъ онъ схватилъ! Въ другой разъ (это было уже въ Россіи, подъ Орломъ, и тоже въ жестокій морозъ), попалъ онъ въ загородный трактиръ, въ компанію семи молодыхъ семинаристовъ. Семинаристы эти праздновали свой выпускной экзаменъ, а Мишу пригласили, какъ милаго человѣка, человѣка «со вздохомъ», какъ говорилось тогда. Выпито было чрезвычайно много, и когда, наконецъ, веселая ватага собралась къ отъѣзду, Миша, мертвецки пьяный, находился уже въ безчувственномъ состояніи. У всѣхъ семи семинаристовъ были одни только троечные сани съ высокимъ задкомъ; куда было дѣть безотвѣтное тѣло? Тогда одинъ изъ молодыхъ людей, вдохновившись классическими воспоминаніями, предложилъ привязать Мишу за ноги къ задку саней, какъ Гектора къ колесницѣ Ахиллеса! Предложеніе было одобрено... и подпрыгивая на ухабахъ, скользя бокомъ на раскатахъ, съ задранными къ верху ногами, съ вываленной въ снѣгу головою, проѣхалъ нашъ Миша на спинѣ

все двухверстное разстояніе отъ трактира до города, и хоть бы кашлянулъ потомъ, хоть бы поморщился! Такимъ дивнымъ здоровьемъ надѣлила его природа!

V.

Съ Кавказа онъ опять явился въ Москву, въ черкескѣ съ патронами на груди, съ кинжалюмъ на поясѣ, съ высокой папахой на головѣ. Съ этимъ костюмомъ онъ уже до конца не разстался, хоть и не находился болѣе на военной службѣ, изъ которой его выключили за неявку къ сроку. Онъ побывалъ у меня, занялъ немного денегъ... и тутъ-то начались его «нырки», начались его хожденія по мытарствамъ, или, какъ онъ выражался, по семи Семіонамъ; начались внезапныя отлучки и возвращенія, посыпались красиво-написанныя письма, адрессованныя ко всѣмъ возможнымъ лицамъ, начиная съ митрополита и кончая берейторами и повивальными бабками! Пошли визиты къ знакомымъ и незнакомымъ! И вотъ что слѣдуетъ замѣтить: дѣлая свои визиты, онъ не низкопоклонничалъ и не канючилъ, а напротивъ, держался прилично и даже видъ имѣлъ веселый и пріятный, хотя заматерѣлый запахъ вина сопровождалъ его повсюду—и восточный костюмъ понемногу превращался въ лохмотья.—Дадите, Богъ васъ наградитъ, хоть я этого и не стою, говорилъ онъ, свѣтло улыбаясь и откровенно краснѣя; не дадите, будете вполнѣ правы и сердиться я уже никакъ не стану. Прокормлюсь, Богъ дастъ! Ибо людей бѣднѣе меня и болѣе достойныхъ помощи—много, очень много!—Миша особенно успѣвалъ у женщинъ: онъ умѣлъ возбуждать ихъ сожалѣніе. И не думайте, чтобы онъ былъ или воображалъ себя Ловласомъ... О, нѣтъ! въ этомъ отношеніи онъ былъ очень скроменъ. Унаслѣдовалъ ли онъ отъ родителей такую холодную кровь, или, наконецъ, и тутъ сказывалось его нежеланіе дѣлать кому-либо зло, такъ какъ, по его понятіямъ, съ женщиной знаться—значитъ, непремѣнно женщину обидѣть,—рѣшить я не берусь; только онъ въ своихъ поступкахъ съ прекраснымъ поломъ былъ весьма деликатенъ. Женщины это чувствовали и тѣмъ охотнѣе жалѣли его, и помогали ему, пока онъ, наконецъ, не отталкивалъ ихъ своимъ загуломъ и запоемъ, той отчаянностью, о которой я уже говорилъ... другого слова я придумать не могу.

Зато въ другихъ отношеніяхъ, онъ уже всякую деликатность утратилъ и понемногу спустился до послѣднихъ униженій. Онъ разъ до того дошелъ, что въ Т...мъ дворянскомъ со-

бранія выставилъ на столѣ кружку съ надписью: «Всякій, кому покажется лестнымъ щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева (подлинные документы при семъ прилагаются), можетъ удовлетворить свое желаніе, положивши рубль въ сію кружку». И, говорятъ, нашлись любители щелкать дворянина по носу! Правда, онъ одного изъ этихъ любителей зато, что тотъ, положивши *одинъ* рубль въ кружку, далъ ему *два* щелчка, сперва чуть не задушилъ, а потомъ заставилъ попросить извиненія; правда и то, что часть вырученныхъ, такимъ образомъ, денегъ, онъ тутъ же роздалъ другимъ голышамъ... но все же, какое безобразіе!

Въ теченіи своихъ странствованій по семи Семіонамъ, онъ добрался также до своего родового гнѣзда, проданнаго имъ за безцѣнокъ извѣстному въ то время аффернсту и ростовщику. Аффернстъ былъ дома, и узнавъ о прибытіи прежняго владѣльца, превратившагося въ бродягу, приказалъ не пускать его въ домъ, а въ случаѣ нужды, даже турнуть его въ шею. Миша объявилъ, что въ домъ, оскверненный присутствіемъ мерзавца, онъ самъ не пойдетъ; турнуть же себя никому не позволитъ, а отправится на церковный погостъ поклониться праху своихъ родителей. Онъ такъ и сдѣлалъ. На погостѣ присоединился къ нему старикъ дворовый, бывшій когда-то его дядькой. Аффернстъ лишилъ старика мѣсячины и прогналъ его вонъ изъ усадьбы: тотъ съ тѣхъ поръ ютился въ закуткѣ у мужика. Миша такое недолгое время завѣдывалъ своимъ имѣньемъ, что особенно хорошей памяти о себѣ оставить не успѣлъ; однако, старый слуга все-таки не вытерпѣлъ и, узнавъ о прибытіи своего барчука, тотчасъ побѣжалъ на погостъ, нашелъ Мишу сидѣвшимъ на землѣ между надгробными плитами, попросилъ у него, по старой памяти, ручку и даже прослезился, глядя на лохмотья, которыми облекались нѣкогда выхоленные члены его воспитанника. Миша долго, молча, смотрѣлъ на старика.—Тимоѳей! сказалъ онъ наконецъ; Тимоѳей встрепенулся.—Чего изволите?—Есть у тебя лопата?—Достать можно... А на что вамъ лопата, сударь Михайло Андреичъ?—Хочу себѣ тутъ могилку вырыть, Тимофей;—да и лечь тутъ навѣки вѣчные, между родителями. Вѣдь только одно мѣстечко и осталось у меня на свѣтѣ. Принеси лопату!—Слушаю, сказалъ Тимоѳей; пошелъ и принесъ. И Миша тотчасъ началъ рыть землю; а Тимоѳей стоялъ возлѣ, подперши рукою подбородокъ и повторяя:—«Только и осталось намъ съ тобою, баринъ!» А Миша рылъ да рылъ, отъ времени до времени спрашивая:—Вѣдь не стóитъ жить, Тимоѳей?—Не стóитъ, батюшка.—Ямка уже становилась довольно глубокой. Люди увидали Мишину работу и побѣжали доложить

о ней новому владѣльцу-аферисту. Афферистъ сперва разгнѣвался, хотѣлъ за полиціей послать:—это-молъ кощунство! Но потомъ, вѣроятно сообразивъ, что дѣло имѣть съ этимъ сумасбродомъ все-таки неудобно, можетъ выдти скандалъ—отправился самолично на погостъ,—и, подойдя къ трудившемуся Мишѣ, вѣжливо ему поклонился. Тотъ продолжалъ рыть, какъ бы не замѣтивъ своего преемника.—Михаилъ Андреичъ,—началъ афферистъ:—позвольте узнать, что это вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ видите—могилу себѣ рою.—Это зачѣмъ же?—А затѣмъ, что жить больше не желаю.—Афферистъ даже руками развелъ.—Не желаете жить?—Миша грозно взглянулъ на аффериста: —Это васъ удивляетъ? Развѣ не вы всему причиной?.. Не вы?.. Не ты?.. Не ты, Іуда, меня ограбилъ, воспользовавшись моимъ младенчествомъ? Не ты съ мужиковъ шкуру дерешь? Не ты вотъ этого дряхлеца хлѣба насущнаго лишилъ? Не ты?.. О, Господи! вездѣ одна несправедливость, да притѣсненіе, да злодѣйство... Пропадай, значитъ, все—и я туда же! Не хочу жить, не хочу въ Россіи болѣе жить!—И лопата еще быстрѣе заходила въ Мишиныхъ рукахъ.

«Чортъ знаетъ, что это такое!—подумалъ афферистъ:—вѣдь взаправду закопается».—Михаилъ Андреевичъ,—началъ онъ снова: — послушайте; я передъ вами, точно, виноватъ; мнѣ объ васъ не такъ доложили.—Миша рылъ.—Но къ чему такое отчаяніе? —Миша все рылъ—и землю бросалъ на ноги афферисту:—«на-молъ тебѣ, землеѣдъ»!—Право, это вы напрасно. Не угодно ли будетъ вамъ зайти ко мнѣ—закусить да отдохнуть?—Миша приподнялъ голову.— Вотъ ты теперь какъ! А выпивка будетъ?— Афферистъ обрадовался.—Помилуйте... еще бы!—И Тимоѳея пригласишь?—Отчего же... и его.—Миша задумался.—Только смотри... вѣдь ты меня по міру пустилъ... Одной бутылочкой не полагай отдѣлаться!—Не безпокойтесь... будетъ всего вволю.— Миша всталъ и бросилъ лопату...—Ну, Тимоша,—обратился онъ къ старому дядькѣ—уважимъ хозяина... Идемъ!—Слушаю,—отвѣчалъ старикъ.

И всѣ трое отправились въ домъ.

Афферистъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Съ первоначала Миша, правда, взялъ съ него слово, что онъ крестьянамъ «всякія льготы опредѣлитъ»;—но уже часъ спустя,—тотъ же Миша вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ, оба пьяные, плясали галоппадъ по самымъ тѣмъ комнатамъ, гдѣ, казалось, еще витала богобоязненная тѣнь Андрея Николаевича; а еще часъ спустя—безпробудно заснувшій Миша (онъ былъ очень слабъ на вино)—уложенный въ телѣгу вмѣстѣ съ папахой и кинжаломъ—отправился въ городъ

за двадцать-пять верстъ—и оказался тамъ подъ заборомъ... Ну а Тимоѳея, который все еще стоялъ на ногахъ и только икалъ, конечно, «турнули»: барина не удалось, такъ хоть слугу.

VI.

Опять прошло нѣсколько времени, и я ничего не слышалъ о Мишѣ... Богъ его знаетъ, гдѣ онъ пропадалъ.—Вотъ, однажды, сидя за самоваромъ на станціи Т...го шоссе, въ ожиданіи лошадей, я вдругъ услышалъ подъ раскрытымъ окномъ станціонной комнаты сиплый голосъ, произносившій по-французски:—«Monsieur... monsieur... prenez pitié d'un pauvre gentilhomme ruiné»... Я поднялъ голову, взглянулъ... Облѣзлая папаха, поломанные патроны на разорванной черкескѣ, кинжалъ въ потрескавшихъ ножнахъ, опухшее, но все еще розовое лицо, растрепанные, но все еще густые волосы... Боже мой! Миша! — Онъ уже началъ просить милостыню по большимъ дорогамъ!—Я невольно вскрикнулъ. Онъ узналъ меня, дрогнулъ, отвернулся, и хотѣлъ-было отойти отъ окна.—Я остановилъ его... но что было ему сказать? —Не нравоученіе же читать?!.. Молча протянулъ я ему пятирублевую ассигнацію,—онъ такъ же молча схватилъ ее своей все еще бѣлой и пухлой, хоть и дрожавшей и неопрятной ручкой—и исчезъ за угломъ дома.—Мнѣ не скоро подали лошадей,—и я успѣлъ предаться невеселымъ размышленіямъ по поводу неожиданной встрѣчи съ Мишей; совѣстно мнѣ стало, что я его такъ безучастно отпустилъ.—Наконецъ, я отправился дальше — и, отъѣхавъ съ полверсты отъ станціи, замѣтилъ впереди на дорогѣ толпу людей, подвигавшуюся странной, словно размѣренной поступью. Я нагналъ эту толпу—и что же я увидѣлъ?—Человѣкъ двѣнадцать нищихъ, съ сумами черезъ плечо, шли по два въ рядъ, подпѣвая и подскакивая,—а впереди ихъ отплясывалъ Миша, топая въ ладъ ногами и приговаривая: «Нàчики чикалды, чукъ-чукъ-чукъ! Нàчики-чикалды, чукъ-чукъ-чукъ!» — Какъ только моя коляска поравнялась съ ними, и онъ увидалъ меня, — онъ тотчасъ закричалъ: «Ура! Стой-равняйсь! во фрунтъ, гвардія придорожная!»—Нищіе подхватили его крикъ и остановились,—а онъ, съ обычнымъ своимъ хохотомъ, вскочилъ на подножку коляски и опять гаркнулъ: ура!—Это что же такое?—спросилъ я съ невольнымъ изумленіемъ.—Это?—Это моя команда, армія моя —все нищеньки, Божіи люди, друзья-пріятели! Каждый изъ нихъ, по вашей милости, чарочку пропустилъ,—и вотъ теперь мы всѣ

радуемся и веселимся!.. Дяденька! Вѣдь только съ нищими, съ Божьими людьми и можно жить на свѣтѣ... ей-Богу!—Я ничего ему не отвѣтилъ... но онъ мнѣ въ этотъ разъ показался такимъ добрякомъ, лицо его выражало такое дѣтское простодушіе... Меня вдругъ что-то какъ будто и озарило, и въ сердце кольнуло...—Садись ко мнѣ въ коляску,—сказалъ я ему.—Онъ изумился... —Какъ? въ коляску?—Садись, садись,—повторилъ я:—я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе. Садись!.. Поѣдемъ со мной.

— Ну, какъ прикажете.—Онъ сѣлъ.—Ну, а вы, друзья любезные, товарищи почтенные, прибавилъ онъ, обращаясь къ нищимъ:—прощайте! до свиданья!—Миша снялъ папаху и поклонился низко.—Нищіе всѣ словно опѣшили... я велѣлъ кучеру погнать лошадей, и коляска покатилась.

Вотъ что я хотѣлъ предложить Мишѣ: мнѣ вдругъ пришла мысль взять его ко мнѣ, въ деревенскій мой домъ, отстоявшій верстъ тридцать отъ той станціи,—спасти его, или, по крайней мѣрѣ, попытаться спасти его.—Слушай, Миша,—сказалъ я:—хочешь ты поселиться у меня?.. Будешь ты жить на всемъ готовомъ, платье тебѣ сошьютъ, бѣльё; экипируютъ тебя какъ слѣдуетъ, и деньги тебѣ будутъ выдаваться на табакъ и на прочее, подъ однимъ только условіемъ: не пить вина!... Согласенъ ты?—Миша даже испугался отъ радости; вытаращилъ глаза, побагровѣлъ и вдругъ, припавъ къ моему плечу, началъ цѣловать меня и повторять прерывистымъ голосомъ:—Дяденька... благодѣтель... Дай вамъ Богъ!.. Онъ расплакался наконецъ и, снявъ папаху, принялся утирать ею глаза, носъ и губы.—Смотри же,—замѣтилъ я ему:—помни условіе—вина не пить!—Да будь оно проклято!—воскликнулъ онъ, взмахнувъ обѣими руками, и, вслѣдствіе этого порывистаго движенія, еще сильнѣе обдалъ меня тѣмъ спиртнымъ запахомъ, которымъ онъ весь былъ пропитанъ...—Вѣдь, дяденька, еслибъ вы знали жизнь мою... Вѣдь еслибы не горе, судьба жестокая... За то теперь, клянусь, клянусь, я исправлюсь, я докажу... Дяденька, я никогда не лгалъ—спросите хоть кого... Я честный, но я несчастный человѣкъ, дяденька; ласки ни отъ кого не видѣлъ...

Тутъ онъ окончательно разрыдался. Я постарался его успокоить и успѣлъ въ томъ, потому что когда мы подъѣхали къ моему дому, Миша уже давно спалъ мертвымъ сномъ, уронивъ голову ко мнѣ на колѣни.

VII.

Ему тотчасъ опредѣлили особую комнату и тотчасъ же, первымъ дѣломъ, свели въ баню, что было совершенно необходимо. Всю его одежду, и кинжалъ, и папаху, и дырявые сапоги бережно сложили въ чуланъ, надѣли на него чистое бѣльё, туфли и кой-какое мое платье, которое, какъ это всегда бываетъ съ бѣдняками, какъ разъ пришлось по его сложенію и росту. Когда онъ пришелъ къ столу, вымытый, опрятный, свѣжій—онъ казался до того умиленнымъ и счастливымъ, онъ весь сіялъ такою радостной благодарностью, что и я почувствовалъ умиленіе и радость... Его лицо совсѣмъ преобразилось... У двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ бываютъ такія лица въ Свѣтлое Воскресенье, послѣ причастья, когда они, густо напомаженные, въ новыхъ курточкахъ и накрахмаленныхъ воротничкахъ, идутъ христосоваться съ своими родителями. Миша, то-и-дѣло, осторожно и недовѣрчиво ощупывалъ себя и все повторялъ:—Что это?.. Не на небесахъ ли я?—А на другой день объявилъ, что спать всю ночь не могъ отъ восхищенія! У меня въ домѣ жила тогда старушка тетка съ своей племянницей; обѣ онѣ чрезвычайно смутились, когда узнали о прибытіи Миши; онѣ не понимали, какъ я могъ пригласить его къ себѣ въ домъ! Очень уже худая шла о немъ слава. Но, во-первыхъ, я зналъ, что онъ всегда былъ очень вѣжливъ съ дамами; а во-вторыхъ, я надѣялся на его обѣщаніе исправиться. И дѣйствительно: въ первые два дня своего пребыванія подъ моимъ кровомъ Миша не только оправдалъ мои ожиданія, но превзошелъ ихъ; а дамъ моихъ онъ просто очаровалъ. Со старушкой онъ игралъ въ пикетъ, помогалъ ей разматывать гарусъ, показалъ ей два новыхъ пасіянса; племянницѣ, у которой былъ небольшой голосокъ, онъ аккомпанировалъ на фортепьяно, читалъ ей русскіе, французскіе стихи; разсказывалъ обѣимъ дамамъ веселые, но приличные анекдоты; словомъ, услуживалъ имъ всячески, такъ что онѣ неоднократно выражали мнѣ свое удивленіе, а старушка даже замѣтила, что вотъ какъ люди бываютъ иногда несправедливы... Чего, чего о немъ не говорили... а онъ такой смирный да вѣжливый... бѣдный Миша! Правда, за столомъ «бѣдный Миша» какъ-то особенно торопливо облизывался всякій разъ, какъ только взглядывалъ на бутылку. Но стоило мнѣ погрозить пальцемъ, и онъ поднималъ глаза къ верху и прижималъ руку къ сердцу... «Я-молъ, клялся»... —Я теперь переродился! увѣрялъ онъ меня.—Чтожъ, дай Богъ!

думалось мнѣ... Однако это перерожденіе продолжалось недолго.

Первые два дня онъ былъ очень разговорчивъ и веселъ. Но уже начиная съ третьяго дня, онъ какъ-то затихъ, хотя по прежнему держался возлѣ дамъ и занималъ ихъ. Не то грустное, не то задумчивое выраженіе стало пробѣгать по его лицу, да и самое лицо поблѣднѣло и будто похужѣло.—Тебѣ нездоровится?—спросилъ я его?—Да,—отвѣтилъ онъ;—голова немного болитъ.—На четвертый день онъ уже совсѣмъ умолкъ; все больше сидѣлъ въ уголку, сиротливо склонивъ голову, и своимъ унылымъ видомъ возбуждая чувство жалости въ обѣихъ дамахъ, которыя теперь, въ свою очередь, старались занимать его. За столомъ онъ ничего не ѣлъ, глядѣлъ въ тарелку и каталъ шарики. На пятый день чувство жалости въ дамахъ стало смѣняться другимъ: недовѣрчивостью и даже страхомъ. Миша одичалъ, сторонился отъ людей и все ходилъ вдоль стѣнъ, какъ бы крадучись и внезапно озираясь, точно кто его звалъ. И куда дѣвался розовый цвѣтъ его лица? Оно словно землею перекрылось.—Тебѣ все нездоровится?—спросилъ я его.—Нѣтъ, я здоровъ,—отвѣтилъ онъ отрывисто.—Скучно тебѣ?—Съ чего скучать!—А самъ отворачивается и въ глаза не глядитъ.—Иль опять затосковалъ?—На это онъ ничего не отвѣтилъ. Такъ прошли еще сутки. На слѣдующій день тетка прибѣжала ко мнѣ въ кабинетъ въ большомъ волненіи и объявила, что выѣдетъ съ племянницей изъ моего дома, если Миша долженъ въ немъ остаться. —Отчего такъ?—Да ужъ очень намъ жутко съ нимъ... Не человѣкъ, волкъ, какъ есть волкъ. Ходитъ, ходитъ, молчитъ—да смотритъ такъ дико... Только-что зубами не ляскаетъ. Катя, ты знаешь, у меня такая нервическая... Она же въ первый день очень имъ заинтересовалась... Мнѣ за нее страшно, да и за себя...—Я не зналъ, что́ отвѣчать теткѣ. Не могъ я, однако, выгнать Мишу, котораго я же пригласилъ.

Онъ самъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія.

Въ тотъ же день,—я еще не выходилъ изъ кабинета,—вдругъ слышу за собою глухой и злобный голосъ:—Николай Николаичъ, а Николай Николаичъ!—Я оглянулся: у двери стоитъ Миша, съ страшнымъ, потемнѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ. —Николай Николаичъ!—повторилъ онъ... (уже не «дяденька»). —Чего тебѣ?—Отпустите меня... сейчасъ!—Что?—Отпустите меня, а то я бѣдъ надѣлаю, домъ подожгу, или кого зарѣжу.—Миша вдругъ затрясся.—Велите мнѣ мою одёжу возвратить, да телѣгу дайте до шоссе довезти, и денегъ какую ни на есть малость

дайте!—Да развѣ ты чѣмъ недоволенъ?—началъ-было я.—Не могу я такъ жить!—закричалъ онъ во всю голову.—Не могу я жить въ вашемъ барскомъ, треклятомъ домѣ! Мнѣ гадко, мнѣ совѣстно такъ спокойно жить!... Какъ это только *вы* выносите!—То-есть,—перебилъ я въ свою очередь:—ты хочешь сказать—безъ вина жить ты не можешь...—Ну, да! ну, да!—закричалъ онъ опять:—только отпустите вы меня къ моимъ братьямъ, къ моимъ друзьямъ, къ нищимъ!.. Прочь отъ вашей дворянской приличной, противной породы!—Я хотѣлъ-было напомнить ему объ его клятвенныхъ обѣщаніяхъ, но изступленное выраженіе Мишина лица, его сорвавшійся голосъ, судорожный трепетъ всѣхъ его членовъ,—все это было такъ ужасно, что я поспѣшилъ отдѣлаться отъ него; объявилъ ему, что ему сейчасъ выдадутъ его платье, заложатъ ему телѣгу, и вынувъ изъ ящика двадцатипяти-рублевую бумажку, положилъ ее на столъ. Миша начиналъ уже съ угрозой наступать на меня,—но тутъ вдругъ уперся, лицо его мгновенно перекосилось, вспыхнуло, онъ ударилъ себя въ грудь, слезы брызнули изъ глазъ, и пробормотавъ:—дяденька! ангелъ! вѣдь я погибшій человѣкъ—спасибо! спасибо!—онъ схватилъ ассигнацію и выбѣжалъ вонъ.

Часъ спустя, онъ уже сидѣлъ въ телѣгѣ, снова одѣтый черкесомъ, снова розовый и веселый, и когда лошади тронулись съ мѣста, онъ гикнулъ, сорвалъ папаху съ головы и, размахивая ею надъ головою, отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ долго и крѣпко обнималъ меня и лепеталъ:—Благодѣтель, благодѣтель... спасти меня нельзя!—Онъ даже къ дамамъ сбѣгалъ и ручки у нихъ перецѣловалъ, на колѣни становился, взывалъ къ Богу и прощенья просилъ! Катю я потомъ засталъ въ слезахъ.

А кучеръ, съ которымъ отправился Миша, вернувшись, доложилъ мнѣ, что довезъ его до перваго кабака на шоссе—и что тамъ «они и застряли», стали угощать всѣхъ безъ разбору—и скоро пришли въ безчувствіе.

Съ тѣхъ поръ я уже не встрѣчался съ Мишей, но окончательную судьбу его я узналъ слѣдующимъ образомъ.

VIII.

Года три спустя, я опять находился у себя въ деревнѣ, вдругъ входитъ человѣкъ и докладываетъ, что меня спрашиваетъ госпожа Полтева. Я никакой госпожи Полтевой не зналъ, да и

человѣкъ, докладывавшій мнѣ, почему-то саркастически улыбался. На вопросительный мой взглядъ онъ отвѣчалъ, что барыня меня спрашиваетъ молодая, бѣдно одѣтая, и что пріѣхала она въ крестьянской телѣгѣ въ одну лошадь и сама правила! Я велѣлъ попросить госпожу Полтеву пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ.

Я увидалъ женщину лѣтъ двадцати-пяти, въ одеждѣ мѣщанки, съ большимъ платкомъ на головѣ. Лицо простое, кругловатое, не лишенное пріятности; взглядъ понурый и немного печальный, движенія застѣнчивыя.—Вы госпожа Полтева?—спросилъ я, —и попросилъ ее сѣсть.

— Точно такъ-съ,—отвѣтила она тихимъ голосомъ и не садясь.—Я вдова вашего племянника Михаила Андреевича Полтева.

— Михаилъ Андреевичъ скончался? Давно ли?—Да сядьте, прошу васъ.

Она опустилась на стулъ.

— Второй мѣсяцъ пошелъ.

— И давно вы за него замужъ вышли?

— Я съ нимъ всего годъ пожила.

— Вы теперь откуда?

— Я изъ-подъ Тулы... Село тамъ есть Знаменское-Глушково — можетъ быть, изволите знать. Я тамошняго дьячка дочь. Мы съ Михаиломъ Андреичемъ тамъ и жили... Онъ у моего батюшки поселился. Всего годъ мы съ нимъ пожили.

У молодой женщины слегка задергались губы,—и она поднесла къ нимъ руку. Казалось, она собиралась заплакать— однако одолѣла себя, откашлянулась.

— Мнѣ Михаилъ Андреичъ покойный,—продолжала она,— передъ смертью наказалъ къ вамъ съѣздить; безпремѣнно, говоритъ, съѣзди! И сказалъ онъ мнѣ, чтобы я поблагодарила васъ за всю вашу добрету, и чтобы передала вамъ... вотъ эту... эту самую вещицу (она достала изъ кармана небольшой свертокъ), которую онъ всегда при себѣ имѣлъ... И Михаилъ Андреичъ сказалъ — если вамъ угодно будетъ принять это на память — такъ чтобы вы не побрезговали... Другимъ, говоритъ, я ничѣмъ отдарить ихъ... то-есть, васъ... не могу...

Въ сверточкѣ находилась небольшая серебряная чашечка съ вензелемъ Мишиной матери. Эту чашечку я часто видалъ въ Мишиныхъ рукахъ,—и разъ онъ даже сказалъ мнѣ, говоря про одного бѣдняка, что, стало-быть, онъ голъ — коли у него ни чашечки, ни плошечки—а у меня вотъ хоть эта есть.

Я поблагодарилъ, взялъ чашечку и спросилъ: какой болѣзнью умеръ Миша?—Вѣроятно...

Тутъ я прикусилъ языкъ... но молодая женщина поняла мою недомолвку... Она быстро взглянула на меня, потомъ потупилась, печально улыбнулась и тотчасъ же промолвила:—Ахъ, нѣтъ! это ужъ онъ совсѣмъ бросилъ, съ тѣхъ поръ какъ со мной спознался... Только здоровье его было какое?.. Потерянное совсѣмъ. Какъ бросилъ пить, такъ сейчасъ болѣзнь его и обнаружилась. Такой онъ сталъ степенный; все отцу подсоблять хотѣлъ, по хозяйству аль въ огородѣ... или какая другая случалась работа... даромъ, что дворянскаго былъ роду. Только гдѣ силъ взять?.. Тоже по письменной части хотѣлъ-было заняться—часть эту, вамъ извѣстно, онъ зналъ прекрасно; но руки у него тряслись—и перо держать онъ не могъ, какъ слѣдуетъ... Все себя упрекалъ: бѣлоручка-молъ я, никому добра не дѣлалъ, не помогалъ, не трудился! Убивался онъ очень объ этомъ о самомъ... Говорилъ, что народъ-молъ нашъ трудится—а мы что?.. Ахъ, Николай Николаичъ, хорошій онъ былъ человѣкъ—и меня любилъ... и я... Ахъ, извините...

Тутъ молодая женщина впрямь заплакала. Хотѣлось бы мнѣ ее утѣшить—да не зналъ я, какъ.

— Остался ли у васъ ребёночекъ?—спросилъ я наконецъ.

Она вздохнула.—Нѣтъ, не остался... Да гдѣ ужъ тутъ?—И слезы полились еще сильнѣе.

Такъ вотъ чѣмъ разрѣшились Мишины скитанья по мытарствамъ, завершилъ старикъ П. свой разсказъ.—Вы, господа, конечно, согласитесь со мною, что я имѣлъ право назвать его отчаяннымъ; но вѣроятно, согласитесь также и въ томъ, что онъ не походилъ на нынѣшнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ бы родственныя черты между имъ и ими.—И тамъ, и тутъ, жажда самоистребленія, тоска, неудовлетворенность... А съ чего это все берется, предоставляю судить—именно, философу.

Ив. Тургеневъ.

Буживаль.—Ноябрь, 1881.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ

въ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Сравнительно-историческій очеркъ*).

Времена Екатерины II.—Карамзинъ.

Въ жизни и дѣятельности каждаго выдающагося писателя Екатерининской поры отразилось въ частности то же освѣжающее вліяніе сближенія съ современнымъ умственнымъ движеніемъ остальной Европы,—слѣды котораго можно наблюдать и на общемъ оживленіи литературы. Всѣ эти писатели, какъ бы ни разошлись они потомъ между собою, пытаясь спеціализировать свое направленіе, одинаково исходили отъ могущественной поддержки западнаго образованія. Въ ряды его поклонниковъ приходится зачислить и такихъ открытыхъ приверженцевъ европеизма, какъ молодой Карамзинъ или Радищевъ, и одного изъ родоначальниковъ славянофильства, Болтина, и будущаго піэтиста Лабзина, и масона Лопухина. У многихъ изъ нихъ, своротившихъ потомъ съ избраннаго пути, пора горячихъ увлеченій новыми идеями такъ и останется навсегда украшеніемъ ихъ біографіи, свѣтлой и примиряющей полосой. Видя, какъ тотъ же Лабзинъ, который при Александрѣ I могъ издавать мистическій

*) См. выше, ноябрь, 1881 г. стр. 25.

«Сіонскій Вѣстникъ» и брататься съ двигателями реакціи, когда-то, въ дни молодости, переводилъ жгучія соціальныя комедіи Бомарше и въ предисловіи къ переводу пьесы Мерсье «Судья» утверждалъ, что писатели обязаны содѣйствовать перевоспитанію общественному,—мы не можемъ не отмѣтить лишній печальный примѣръ гнетущаго вліянія, которое оказали на человѣка способнаго мѣстныя условія. Да и въ жизни самого Карамзина, вспоенннаго и вскормленнаго философіей и поэзіей запада, отдавшаго всѣ свои молодые годы на грёзы о свободѣ, истинномъ просвѣщеніи и широкой гуманности, не являются ли тяжкимъ диссонансомъ его старческія нападки на «либералистовъ», оставшихся вѣрными идеямъ его молодости, и старанія во что бы то ни стало охранять и поддерживать исключительно національныя задачи!..

Велики и разнообразны обязательства западу у того писателя, который въ первые же годы является руководителемъ движенія и закрѣпляетъ свое имя за всѣмъ періодомъ,—именно у Екатерины. Несмотря на возраставшее сближеніе ея съ русской дѣйствительностью, данныя которой ей приходилось подбирать мимоходомъ, во время поѣздокъ по Россіи, между церемоніалами и смотрами,—Екатерина навсегда осталась западной писательницей. Знатоки нашей народной поэзіи любятъ отмѣчать, что стародавніе пѣвцы былинъ часто брали для своихъ пѣсенъ «наигрышъ» изъ Константинополя, и только «съигрышъ» изъ Кіева,—подобный же примѣръ видимъ повтореннымъ и въ дѣятельности Екатерины. Наигрышъ давала современная Франція; Вольтеръ и Фридрихъ II раньше насъ провозглашали освободительные принципы или слагали хвалебные гимны новому времени, которые затѣмъ быстро отдавались въ петербургскихъ цивилизованныхъ гостиныхъ;—для русскаго же содержанія или съигрыша служила галлерея ходячихъ сатирическихъ портретовъ, любимыя педагогическія теоріи, недуги современнаго русскаго законодательства. Откровенныя признанія, не разъ вырывающіяся у самой императрицы,—по поводу «Наказа» она даже прямо доходитъ до сравненія себя съ «вороной въ павлиныхъ перьяхъ» [1]),—подтверждаютъ взглядъ на ея дѣятельность, какъ на неутомимую и усердную популяризацію чужеземныхъ соціально-литературныхъ движеній, и на собраніе ея сочиненій, какъ на богатую хрестоматію разнообразныхъ отголосковъ запада. Дѣйствительно, внима-

[1]) Le corbeau de la fable qui se fit un habit des plumes du paon,—изъ письма къ Фридраху.

тельный анализъ ея произведеній на каждомъ шагу побуждаетъ насъ искать внѣшняго импульса. Наказъ законодательной коммиссіи естественно долженъ быть поставленъ здѣсь во главѣ угла;—завѣдомо для всѣхъ, даже въ ту пору, онъ представлялъ искусное сочетаніе гуманныхъ принциповъ, высказанныхъ великими учителями всего тогдашняго поколѣнія, Монтескьё, Вольтеромъ, Беккаріей, и пріобрѣлъ европейское значеніе лишь по необычайности оффиціальнаго заявленія этихъ идей именно въ русской средѣ. Изреченія любимыхъ философовъ и юристовъ были сгруппированы талантливо, съ проблесками еще молодого энтузіазма, который они возбуждаютъ въ составительницѣ сборника; съ горячностью заявляетъ она свое уваженіе къ человѣческимъ правамъ своихъ подданныхъ и обѣщаніе служить имъ («мы сотворены для нашего народа, а не народъ для насъ»),— но и эти взгляды задолго передъ тѣмъ не менѣе категорически высказаны были Фридрихомъ Великимъ при самомъ его вступленіи на престолъ, въ двухъ знаменитыхъ его книгахъ: Anti-Macchiavell и Considérations sur l'état actuel du corps politique de l'Europe, сразу обратившихъ на автора всеобщее вниманіе.

Важную роль играли въ государственныхъ и семейныхъ заботахъ Екатерины вопросы о водвореніи разумныхъ педагогическихъ взглядовъ. Интересъ къ нимъ принималъ у нея разнообразную форму,—то отражаясь въ одной изъ нравоучительныхъ сказокъ, написанныхъ для внуковъ, то въ различныхъ воспитательныхъ инструкціяхъ, то въ осмѣяніи пагубныхъ сторонъ ложнаго воспитанія,—и вездѣ прошли впередъ признанные въ ту пору педагогическіе авторитеты. Взгляды Екатерины на воспитаніе—это взгляды Монтэня, Локка, Дидро, новыхъ нѣмецкихъ педагоговъ. Она поручаетъ Дидро составленіе цѣлой системы народнаго образованія, заводитъ сношенія съ увлекавшимъ тогда всѣ чувствительныя души въ Германіи Базедовомъ, живо интересуется успѣхами его знаменитаго *Филантропина*, который долженъ былъ произвести въ широкихъ размѣрахъ опытъ новаго разумнаго воспитанія; она содѣйствуетъ своимъ взносомъ осуществленію этого учрежденія, какъ-будто готова даже призвать къ себѣ Базедова и получаетъ отъ него обѣщаніе со временемъ открыть въ честь ея новую школу, Catharineum, откуда бы могли выходить образованныя и нравственныя женщины, стоящія въ уровень съ своимъ вѣкомъ [1]). Когда же ей приходится въ обли-

---

[1]) Гротъ, „Заботы Екатерины II о народномъ образованіи", въ Запискахъ академіи наукъ, томъ 36-й, книга I.

чительныхъ своихъ статьяхъ и очеркахъ бичевать невѣжество или варварски-дикое воспитаніе, выводя или длинный рядъ безграмотныхъ петиметровъ, съ господиномъ Фирлюфюшковымъ во главѣ, или тупоумныхъ недорослей, процвѣтающихъ подъ заботливымъ покровомъ госпожъ Чудихиныхъ или Ханжахиныхъ,— то и въ этомъ случаѣ, идя по слѣдамъ англійской и нѣмецкой сатирической журналистики, она служитъ распространенію положительныхъ воспитательныхъ идеаловъ такую же службу, какую Адиссоны, Стили, Рабенеры и Геллерты сослужили идеямъ Локка, Базѣдова или Кампе, очищая для нихъ Авгіевы конюшни невѣжества.

Скрывъ свое живое участіе (несомнѣнно разгаданное Пекарскимъ) въ первомъ же вліятельномъ сатирическомъ журналѣ прошлаго вѣка, во «Всякой Всячинѣ», и приблизивъ къ себѣ его редактора, Козицкаго, Екатерина тѣмъ самымъ признала себя вполнѣ солидарною съ направленіемъ этого обличительнаго органа. Программа же его была вполнѣ заимствована изъ Аддисонова «Spectator'а», и самъ Козицкій, много путешествовавшій по Европѣ и близко знакомый съ новымъ литературнымъ движеніемъ, считалъ особою гордостью указывать время отъ времени въ различныхъ статьяхъ своего журнала на единомысліе его съ западными его образцами. И на многочисленныхъ сатирическихъ отрывкахъ, принадлежащихъ Екатеринѣ, какъ въ этомъ журналѣ, такъ и въ позднѣйшемъ «Собесѣдникѣ», лежитъ живой отпечатокъ тѣхъ пріемовъ, которые въ тотъ вѣкъ успѣли стать рутинными у журнальныхъ сатириковъ запада. Различіе лишь въ томъ, что тонъ насмѣшки гораздо мягче, и сама она имѣетъ менѣе опредѣленный характеръ, бичуетъ слабости общечеловѣческія;—недаромъ «Всякая Всячина» подверглась ожесточеннымъ нападкамъ со стороны болѣе радикальной новиковской группы сатирическихъ журналистовъ. (Екатерина не разъ сѣтовала поэтому на излишнее размноженіе «сатирическихъ листковъ»). Но вѣдь мы видѣли уже не мало примѣровъ, какъ полное жизненныхъ силъ умственное движеніе можетъ ослабѣть и обезличиться въ русской общественной средѣ.

Англійскіе литературные образцы руководили Екатериной не на одномъ только сатирическомъ поприщѣ; мы встрѣчаемъ ихъ вліяніе въ наиболѣе своеобразномъ видѣ ея драматическихъ произведеній,—въ ея историческихъ и былинныхъ драмахъ. Она открыто признается въ подражаніи Шекспиру, хотя попытки ея кажутся ей слишкомъ слабыми («вольное, но слабое подражаніе Шакеспиру», читаемъ мы въ заглавіи ея передѣланныхъ «Винд-

зорскихъ Кумушекъ»); она учится у него умѣнью претворять историческое прошлое въ живые художественные организмы, высвобождается изъ-подъ классической ферулы, вступая въ борьбу съ «обыкновенными өеатральными правилами»,—и русская сцена, какъ бы повинуясь шекспирову указанію, населяется отечественными Олегами, Игорями, Рюриками, даже новгородскими богатырями; русская старина оживаетъ на ней, но не стянутая въ сумароковскомъ жеманномъ убранствѣ, а разцвѣченная народными пѣснями, обрядными играми и плясками. Чужой примѣръ научалъ пользоваться національными элементами; весь серьёзный драматическій отдѣлъ произведеній Екатерины сложился подъ этимъ вліяніемъ, тогда какъ для реальности бытовыхъ картинъ въ комедіяхъ ея могъ служить возбуждающимъ примѣромъ неподдѣльный комизмъ высоко-цѣнимыхъ ею «Виндзорскихъ Кумушекъ», этой истинно *англійской* бытовой пьесы, рѣзко выдѣляющейся изъ комическихъ произведеній Шекспира. Мы не станемъ останавливаться на обычныхъ указаніяхъ необыкновенной важности этой ранней оцѣнки шекспировскаго генія: о необходимости сближенія съ шекспировскимъ театромъ (которое облегчали переводы, французскій—г-жи Дасье и нѣмецкій—Касп. Борка), давно уже говорила новая нѣмецкая критика,—и талантливый предшественникъ Лессинга, Іоганнъ-Эліасъ Шлегель (въ 1741, въ своей параллели между Андреемъ Грифіусомъ и Шекспиромъ: Vergleichung von Andreas Gryphius mit Schakspeare), и Николаи, даже вожди швейцарской школы, наконецъ, самъ Лессингъ, проповѣдывавшій шекспироманію почти за двадцать пять лѣтъ до появленія первыхъ екатерининскихъ пьесъ, навѣянныхъ Шекспиромъ. Наконецъ въ самой Россіи первый переводъ изъ Шекспира (именно отрывокъ изъ «Ромео и Юліи») появился за четырнадцать лѣтъ до этихъ пьесъ (въ новиковскихъ «Вечерахъ»), и сами онѣ почти одновременны съ карамзинскимъ «Юліемъ Цезаремъ». Для насъ важна въ данномъ случаѣ не столько возможность признать за Екатериной честь открытія цѣлаго невѣдомаго міра, сколько несомнѣнный фактъ особаго оживленія ея драматургической дѣятельности съ минуты соприкосновенія ея съ западной стихіей.

Такимъ образомъ и въ публицистической дѣятельности, и въ педагогическихъ своихъ взглядахъ, какъ обличительная писательница и какъ авторъ историческихъ драмъ и бытовыхъ комедій, Екатерина оставалась всегда вѣрна указаніямъ европейскихъ образцовъ, и если ей выпала, по мнѣнію ближайшаго потомства, не только роль плодовитаго и благонамѣреннаго литератора, но

и значеніе руководящаго вождя, то этимъ она обязана именно сильной поддержкѣ со стороны западной литературы. И чѣмъ раньше застаемъ мы ее съ перомъ въ рукахъ, когда живы ея связи съ этой литературой, тѣмъ содержательнѣе ея произведенія, тѣмъ полнѣе отражаются въ нихъ важнѣйшіе вопросы, волнующіе всю Европу, тѣмъ живѣе сказывается реформаторскій задоръ; возьмемъ ли мы вслѣдъ за тѣмъ работы ея послѣдней поры, когда даже воспоминаніе о прежнемъ энтузіазмѣ постепенно задергивалось густою пеленой, она довольствуется безсодержательными бездѣлками, повтореніемъ старыхъ обличительныхъ темъ, мелкими выходками противъ придворныхъ чудаковъ (наприм., Нарышкина, въ честь котораго, въ довольно раннюю пору, выростаетъ даже цѣлый циклъ шутливыхъ разсказовъ «Leoniana»), и, наконецъ, почти совсѣмъ отрекается отъ служенія литературѣ, и тогда ея двигатели,—богобоязненный филантропъ Новиковъ, умѣренный, хотя и бойкій на языкъ Фонъ-Визинъ, идеалистъ Карамзинъ,—кажутся ей опаснѣйшими вольнодумцами.

Автора «Бригадира» и «Недоросля» мы привыкли считать въ сильной степени оригинальнымъ сатирикомъ. Человѣкъ, съумѣвшій живьемъ перенести на сцену помѣщичью и городскую среду своего времени, коснуться самыхъ больныхъ мѣстъ общества и привить комедіи непринужденную реальность,—проникавшійся съ годами нетерпимою національною гордостью и осыпавшій незаслуженною бранью лучшихъ людей и наиболѣе свѣтлыя стороны современной Европы, дѣйствительно долженъ былъ бы, казалось, обладать большою самостоятельностью. Но, чтобъ провѣрить степень оригинальности его пріемовъ, стоитъ собрать воедино различныя разоблаченія сдѣланныхъ имъ заимствованій; рядъ указаній на нихъ начинается еще съ извѣстной книги кн. Вяземскаго (1848 г.) и, какъ увидитъ читатель, не перестаетъ обогащаться и до сихъ поръ. Цѣлыми періодами черпалъ Фонъ-Визинъ свои наблюденія надъ соціальнымъ положеніемъ современной Франціи изъ книги Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle», 1752 года, изъ невинной статейки нѣмецкаго журнала «Literatur und Völkerkunde», отчасти изъ «Философскихъ мыслей» Дидро; Лабрюйеръ, Дюкло, Дюфрени, Вольтеръ, Ларошфуко, даже невинный словарь синонимовъ Жирара подверглись такому же опустошительному набѣгу для «Недоросля», и списная работа вставлена именно тамъ, гдѣ читатель всего скорѣе ожидаетъ оригинальныхъ комическихъ штриховъ, наприм., въ экзаменѣ Митрофанушки изъ географіи, гдѣ извѣстный отвѣтъ Простаковой взятъ изъ одной вольтеровской повѣсти (Jean-

nette et Colin). Въ «Выборѣ гувернера» одна изъ остроумнѣйшихъ выходокъ взята изъ размышленій Ла-Бомелля; «Коріонъ» переложенъ на русскіе нравы изъ Грессе. Къ этому длинному списку мы прибавимъ съ своей стороны высказанную уже нами догадку о возможности вліянія на созданіе Бригадира (и въ особенности всего характера Иванушки) комедіи Гольберга, Jean de France, [1]) и затѣмъ укажемъ на новый, совершенно случайно бросившійся

[1]) Въ содержаніи и нѣкоторыхъ подробностяхъ обѣихъ пьесъ есть много точекъ соприкосновенія. У Гольберга (см., наприм., современный ему нѣмецкій переводъ его пьесы въ „Dänische Schaubühne, geschrieben v. d. Freiherrn Ludw. v. Holberg, Copenhagen, 1756, томъ четвертый) точно также являются два старика, между собою рѣшившіе поженить своихъ дѣтей; дочь одного изъ нихъ въ ужасѣ отъ перспективы выйти замужъ за вертопраха, побывавшаго въ Парижѣ, и сама любитъ молодого человѣка, котораго до поры до времени ея отецъ чуждается (эта блѣдная личность, соотвѣтствующая Добролюбову русской пьесы, и называется весьма сходно съ этимъ, по-нѣмецки *Liebhold*). Навязанный ей женихъ былъ въ Парижѣ всего пятнадцать недѣль, но считаетъ себя настоящимъ парижаниномъ, сыплетъ французскими фразами (наприм., je m'en moque, что̀ говоритъ и Иванушка, вызывая отвѣтъ отца: „что это за мамнокъ?") и ругательствами. Мать отъ него въ восторгѣ, хотя, какъ бригадирша, подчасъ ничего не понимаетъ изъ его словъ. Отца онъ слушается съ будущимъ тестемъ затѣваетъ ссору, даже драку; подобно Иванушкѣ, онъ не хочетъ признавать повиновенія старшимъ и находитъ, что „если старые люди впадаютъ въ дѣтство, то съ ними обращаться нужно какъ съ дѣтьми". Родителей онъ старается выставить въ смѣшномъ видѣ; мать заставляетъ танцовать минуэтъ, а отца пѣть (въ Бригадирѣ, IV, 4,—„матушка! пропойте-ка вы намъ какой-нибудь эръ"). Его сопровождаетъ слуга, который вмѣстѣ съ субреткой Дорой и ея товарищемъ Михелемъ являются, на первый взглядъ, лишними въ датской пьесѣ сравнительно съ русскою; однако въ той роли, которую должна играть Дора, есть опять точки соприкосновенія. У Гольберга, правда, нѣтъ прямого *pendant* къ совѣтницѣ, но взамѣнъ ея введенъ очень сходный пріемъ. Субретка, желая помочь своей барышнѣ, переряживается и выдаетъ себя за madame La Flèche, только-что пріѣхавшую изъ Парижа, слѣдомъ за своимъ милымъ Жаномъ. Хотя онъ никогда не видалъ ее, это льститъ его самолюбію, онъ быстро влюбляется,—и такимъ образомъ мы получаемъ какъ-бы отдаленный первообразъ любовныхъ сценъ между Иванушкой и совѣтницей. Въ рѣчахъ субретки такъ-же осмѣянъ жаргонъ тогдашнихъ модныхъ щеголихъ, влюбленный съ такимъ-же ужасомъ признается въ своемъ отвращеніи къ ожидающему его браку, такъ-же мечтаетъ бѣжать съ дамой своего сердца въ Парижъ, и т. д., какъ Иванушка. Можно было бы привести еще нѣсколько мелкихъ образчиковъ сходства (наприм., въ обѣихъ пьесахъ одинъ изъ стариковъ обращается съ другимъ покровительственно, какъ-бы снисходя къ нему; у Гольберга онъ, по старому обычаю, говоритъ съ нимъ въ третьемъ лицѣ,—въ „Бригадирѣ": „я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ", I, 1),—но достаточно и *общаго* сходства. Указывая на него, мы тѣмъ не менѣе признаемъ у Фонъ-Визина большія отклоненія отъ первообраза, много оригинальныхъ и остроумныхъ чертъ, и въ особенности значительную близость къ русской дѣйствительности (въ разсказахъ бригадира и его жены о военномъ бытѣ, а совѣтника о старомъ судействѣ). Русская пьеса вообще гораздо бойчѣе, хотя и рѣзче впадаетъ въ карриватурность.

въ глаза примѣръ явнаго плагіата: одно изъ украшеній сатирическаго журнала «Стародумъ или другъ честныхъ людей», задуманнаго Фонъ-Визинымъ въ годы его размолвки съ Екатериной и потому неразрѣшеннаго администраціей, переписка между дѣдиловскимъ помѣщикомъ Дурыкинымъ и Стародумомъ о пріисканіи учителя для помѣщичьихъ дѣтей, въ главныхъ своихъ чертахъ, и даже во многихъ выраженіяхъ, взята изъ «Сборника сатирическихъ сочиненій» любимаго въ прошломъ вѣкѣ нѣмецкаго сатирика Рабенера [1]), съ передѣлкой именъ на русскій ладъ,—и все это несмотря на категорическое заявленіе Фонъ-Визина въ предисловіи къ своему журналу, гдѣ говорится прямо, что «переводы изъ сего періодическаго творенія вовсе исключаются, что ни одно сочиненіе, гдѣ-нибудь напечатанное, въ сей книгѣ мѣста имѣть не можетъ, словомъ, что *всѣ сочиненія будутъ совсѣмъ новыя*». И при томъ именно тѣ черты сатирической картины, которыя мы склонны были бы считать отпечаткомъ русской дѣйствительности, — домашняя обстановка русскаго помѣщика, лакейство набивающихся къ нему учителей,

---

1) Sammlung satyrischer Schriften, Leipzig, Johann Gottfr. Dycks, 1752, третья часть, стр. 10—25. Мы имѣемъ въ виду двѣ статьи: 1) Schreiben eines vom Adel an einen Professor, in welchem einen guten Hofmeister zu wählen gebeten, und gesagt wird, was man von ihm für Fähigkeiten verlange, и 2) Antwort des Professors, nebst zwo Taxen von einem geschickten und eilf ungeschickten Hofmeistern. Обѣ статьи значительно сокращены (такъ изъ одиннадцати экземпляровъ плохихъ учителей оставлено пять). Вотъ нѣсколько мѣстъ для сличенія: „Цезуркинъ, ремесломъ піита, желаетъ также имѣть мѣсто у г. Дурыкина... обѣщаетъ каждый разъ для именинъ его превосход. сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, просить по копѣйкѣ за стихъ, да къ светкамъ кафтана съ плеча его превосход., хотя и довольно поношеннаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулитъ. (N. Seines Handwerks ein Poet, erbietet sich ohne Besoldung zu dienen, wenn ihm für eine jede Gratulation von zweihundert Versen baar vier Groschen... Er verlangt alle Weihnachten ein abgesetztes Kleid, es mag so alt seyn, als es wolle... Er ist auch witzig, und satyrisch, man möchte sich vor Lachen anschütten. Böse wird er nicht leicht, man müszte denn seine Verse tadeln).—„Господинъ Кераксинъ знаетъ по гречески, по еврейски, но не знаетъ по русски, что, кажется, для дѣтей его превосход. и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить по русски“. (N. N. redet lateinisch und griechisch, kann aber kein Deutsch. Desto besser schickt er sich zu einem Informator in ein adliches Haus. Es ist ewig zu bejammern, dasz man itzt anfangen will... von dem Adel zu verlangen, dasz sie... deutsch lernen sollen). Мелкія черты сходства разбросаны повсюду. Красоткинъ убирается какъ кукла, берется причесывать дѣтей, выводитъ пятна, вскружилъ голову женѣ профессора (geputzt wie eine Puppe, erbietet sich die junge Herrschaft zu frisiren, macht Dintenflecke aus der Wäsche, gefällt meiner Frau).

ироническія замѣчанія насчетъ новой странной моды учить русскихъ дѣтей по-русски,—все это оказывается точнымъ оттискомъ съ нѣмецкой сатиры, рисовавшей прямо съ натуры... Если же мы къ этимъ *скрытымъ* займамъ прибавимъ многое множество *явныхъ* переводовъ и переложеній, сдѣланныхъ Фонъ-Визинымъ изъ разнообразнѣйшихъ писателей, изъ Гольберга, Гесснера, Битобе, Арно, Буасси, Вольтера и т. д., и съ полной достовѣрностью предположимъ, что остающіяся еще не напечатанными или же не отысканныя политическія разсужденія Фонъ-Визина, (о вольности французскаго дворянства и пользѣ третьяго чина, и политическій меморандумъ для Павла Петровича) были также построены по иностраннымъ образцамъ съ частыми переводами изъ нихъ, подобно дошедшему до насъ «разсужденію о торгующемъ дворянствѣ»,—то получимъ точку зрѣнія на нашего писателя, весьма отличающуюся отъ общепринятой. Богато одаренный отъ природы, но непостоянный и легкомысленный, плохо образованный и потому способный въ лучшіе свои годы (по мѣткому выраженію Вяземскаго) «только-что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями *проповѣдывать выгоду невѣжества*», и осыпать въ своихъ заграничныхъ письмахъ грубой бранью лучшихъ мыслителей Европы, этотъ человѣкъ былъ обязанъ западному вліянію вообще и нарожденному имъ въ Россіи обновляющему движенію лучшими сторонами своей писательской дѣятельности, всею програмкой своихъ сатирическихъ нападокъ. Осмѣивая фальшивое французское воспитаніе, онъ шелъ по пути, проложенному до него; добиваясь поднятія нравственнаго достоинства человѣка независимо отъ усиленія образованности, онъ раздѣлялъ иллюзію западныхъ филантроповъ своего времени; испещряя своего «Недоросля» упованіями на вмѣшательство власти, онъ вторилъ господствующей теоріи о «просвѣщенномъ деспотизмѣ», даже въ мелочахъ онъ, какъ мы сейчасъ видѣли, часто не позволялъ себѣ отступать отъ чужихъ указаній и, чтобъ бороться съ русскими Цезуркиными и Красоткиными, спрашивался у нѣмцевъ. Степень оригинальности его комическаго творчества значительно понижается, и несомнѣннымъ его достояніемъ остается бойкій, неистощимо-насмѣшливый умъ (способный невзначай создать истинно-трагическій характеръ Простаковой), много наблюдательности и еще болѣе пересмѣшничанья, не отступающаго ни передъ какими излишествами, способнаго даже издѣваться надъ тѣмъ, что создало его какъ писателя и вложило въ его созданія живую душу...

Сопоставляя съ Фонъ-Визинымъ его заклятаго соперника Лу-

кина, мы не можемъ не признать, что, послѣдній, безмѣрно уступая ему въ талантливости, превосходитъ его добросовѣстностью пріемовъ. Дарованій у него мало, любовь къ театру большая, чутье необходимости національной сцены, понятной простому, необразованному народу, не даетъ ему покоя, — и онъ не идетъ въ науку къ французамъ и, не смущаясь презрительными отзывами о его работѣ, принимается за свои драматическія передѣлки. Духъ соревнованія съ французскими авторами укрѣпляетъ въ немъ рѣшимость добиться созданія самобытнаго русскаго репертуара. Онъ старается пока обрусить передѣлываемыя пьесы, вводитъ въ нихъ цѣлыя бытовыя сценки, и въ своихъ предисловіяхъ горячо и искренно защищаетъ свою завѣтную идею. Этотъ ученикъ французовъ выучился у нихъ любить свое родное, и его пророческое предсказаніе о пользѣ народнаго театра, «сего для народа весьма полезнаго и потому великія похвалы достойнаго упражненія», до сихъ поръ еще не могло осуществиться. Его скромная дѣятельность остается поэтому весьма симпатичною, несмотря на то, что сводилась на переработку чужого матеріала; онъ считалъ передѣлки пьесъ лишь временнымъ, переходнымъ прибѣжищемъ, въ виду неразвитости творчества, и искалъ готовыхъ и испытанныхъ рамокъ, въ которыя могло бы войти русское бытовое содержаніе.

Совершенно такъ же смотрѣли на этотъ вопросъ многіе изъ нашихъ сатирическихъ журналистовъ прошлаго вѣка. Въ ту пору и надъ ними, и надъ ихъ западными собратьями возносился увлекательный успѣхъ англійской журнальной сатиры; подражать ей стремились всѣ. Лессингъ разсказываетъ о своемъ другѣ Миліусѣ, много работавшемъ въ журналахъ, что часто приходилось ему заставать его за писаньемъ какой-нибудь сатирической статейки, причемъ онъ весь обложенъ былъ англійскими книжками, развернутыми на самыхъ удачныхъ страницахъ. Бесѣдуя съ нѣмецкимъ читателемъ о нѣмецкихъ же домашнихъ дѣлахъ, Миліусъ сначала прочитывалъ подходящую къ случаю статью изъ *Spectator*'а или *Tattler*'а, и затѣмъ развивалъ свою мысль по готовому шаблону; главныя темы осмѣянія были указаны и повторялись съ небольшими измѣненіями, такъ-какъ задачи, преслѣдуемыя приверженцами просвѣтительнаго направленія, были приблизительно однѣ и тѣ же. Это явленіе повторилось и у насъ; если иные журналы, какъ напр. «Полезное съ пріятнымъ» (1769), жили главнымъ образомъ переводами и переложеніями, то другіе, болѣе самостоятельные, научались на иностранныхъ образцахъ осмѣивать домашнія уродства. Бойко написанный очеркъ

самосвторѣцкихъ старинныхъ суевѣрій, съ которыми авторъ сталкивается на каждомъ шагу, попадая изъ одной бѣды въ другую (во «Всякой всячинѣ»), имѣетъ всѣ черты рисунка съ натуры,—а между тѣмъ онъ расположенъ по канвѣ такого же разсказа въ англійскомъ «*Зритель*» и такъ искусно приближенъ къ русскимъ нравамъ, что читается съ удовольствіемъ, какъ вполнѣ оригинальное произведеніе. Но не только въ этихъ транскрипціяхъ (чуждыхъ напр. новиковскимъ журналамъ) выражалось тѣсное общеніе съ образцами. Наши журналисты прошлаго вѣка старались идти въ ногу съ западными своими собратьями въ дружномъ преслѣдованіи задачъ сатиры общечеловѣческой; они также научали гуманности, осмѣивали варварское воспитаніе, рисовали портреты невѣжественныхъ педагоговъ, суевѣрныхъ ханжей, судей-взяточниковъ. Своихъ кровно-русскихъ недуговъ они рѣдко касаются и въ состояніи даже съ увлеченіемъ отдаваться литературной перебранкѣ, въ то время какъ отовсюду выступаютъ передъ ними жгучіе вопросы: крестьянское рабство, чиновничье хищничество, гнетъ сословности. Всѣхъ далѣе впередъ продвинулся на-встрѣчу къ дѣйствительной злобѣ дня Новиковъ, попытавшійся выйти изъ круга сатирическихъ темъ, оффиціально терпимыхъ и узаконенныхъ примѣромъ Екатерины, и уже крестьянскій вопросъ получилъ у него подобающее значеніе,—какъ внезапное запрещеніе его послѣдняго журнала сдѣлало для него дальнѣйшую сатирическую дѣятельность невозможною.

Въ этомъ умѣньи распознать общечеловѣческія задачи литературы и насущные интересы каждаго отдѣльнаго народа заключается одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ публицистической дѣятельности Новикова. Обращаясь къ народнымъ нуждамъ, онъ въ то же время высоко цѣнилъ общее значеніе воинствующаго направленія литературы, исходившаго съ запада, умѣлъ уберечься отъ національной исключительности, — и лучшій по сю пору историкъ русской сатирической журналистики, Аѳанасьевъ, имѣлъ право поставить его въ образецъ новѣйшимъ славянофильствующимъ народолюбцамъ; въ то время дѣйствительно «не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наслѣдованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникли вслѣдствіе слѣпого пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ; нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ» [1]). Увидавъ, что

[1]) Аѳанасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы. М. 1859, стр. 183.

излюбленный имъ видъ общественной дѣятельности совершенно закрытъ для него и что для гласнаго, свободнаго заявленія мнѣній пора проходить, Новиковъ, эта необыкновенно отзывчивая и сострадательная натура, жаждетъ исхода своей человѣчной заботливости о народныхъ нуждахъ и находитъ его опять въ такомъ умственномъ теченіи, которое, придвигаясь къ намъ съ отдаленной европейской окраины, затопляло тогда своими волнами и Францію и Германію. Гуманная сторона масонства подѣйствовала на него столь же обаятельно, какъ дѣйствовала она на непримиримо-реалистическую натуру Лессинга, на Николаи, Фихте и многихъ другихъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей, остававшихся равнодушными къ мистической сторонѣ масонскаго быта.

Масонство, какъ учрежденіе общечеловѣческое, международное, должно было бы, повидимому, отвлекать преданныхъ ему людей отъ заботъ о ближайшихъ житейскихъ вопросахъ родной стороны, прививать космополитическій характеръ всей ихъ дѣятельности,—но именно въ этой-то интернаціональной школѣ русскіе люди научались всѣмъ сердцемъ болѣть о русскомъ народѣ. Новиковъ и его друзья являлись его спасителями во время голода, давали ему дешевое или совсѣмъ безплатное чтеніе (еще въ петербургскихъ безплатныхъ школахъ), учили и лечили его отъ болѣзней, гдѣ могли, заступались за свободу его совѣсти (какъ это дѣлалъ для духоборцевъ Лопухинъ при Александрѣ I), хотя бы и не сочувствовали ученію того или другого религіознаго толка. Впервые вырабатывался у насъ типъ настоящаго филантропа, неблагонамѣреннаго краснобая, какихъ много было тогда, особенно при дворѣ, но человѣка дѣла; многіе изъ новиковскихъ друзей сначала заплатили дань увлеченію модой, ударившись въ скептицизмъ на французскій ладъ; въ молодые годы Лопухинъ всю усадьбу свою застроилъ различными монументами и фантастическими храмами въ честь Вольтера и Руссо; но потомъ, сознавъ, что на этомъ пути они не удовлетворятъ пробуждавшемуся въ нихъ стремленію къ филантропической и общественной дѣятельности, они мало-по-малу сгруппировались подъ покровомъ масонства,—но ранніе, образовательные планы уберегли ихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія мистической стороной его, и ихъ московскій кружокъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ, и важнымъ литературнымъ центромъ. Несмотря на позднѣйшіе проблески исключительности, они вообще чужды были ея и уважали свободу мнѣній; отдалившійся отъ нихъ совсѣмъ въ западническій лагерь питомецъ ихъ Карамзинъ не пересталъ

и послѣ того быть дорогимъ для нихъ, и до сихъ поръ еще вѣрить по крайней мѣрѣ въ нравственное ихъ содѣйствіе его заграничному путешествію. Многіе изъ нихъ были въ то же время и искренними поклонниками новой европейской литературы, въ особенности нѣмецкой; не говоря уже о Шварцѣ, вносившемъ въ дремотную жизнь московскаго университета духъ энергической научной пропаганды, побуждавшемъ учиться и работать массу молодежи и указывавшемъ ей на западные образцы, такое увлеченіе живо сказывается въ даровитомъ и рано сгубленномъ меланхоліею Кутузовѣ, главномъ агентѣ русскаго масонства при нѣмецкомъ масонскомъ конвентѣ. Живя въ Берлинѣ, онъ поддерживалъ близкія связи съ молодой школой нѣмецкихъ поэтовъ, чуть не боготворилъ Клопштока, удивляясь таинственнымъ красотамъ его «Мессіады», которую и перевелъ съ наслажденіемъ. Когда же мы вспомнимъ, что тотъ же Кутузовъ былъ въ то же время однимъ изъ близкихъ людей къ Радищеву и къ его лейпцигскому кружку, мы увидимъ, какъ тѣсно могло иногда соприкасаться масонство съ политическимъ западничествомъ въ одинаково искреннихъ своихъ стремленіяхъ къ обновленію русской жизни.

Стоитъ перечитать длинные списки книгъ, изданныхъ Новиковымъ въ московскій періодъ его дѣятельности, чтобъ убѣдиться, сколько пользы принесла она для поднятія уровня читающей массы. Десятки спеціально-масонскихъ заглавій на первый разъ отпугнутъ насъ, но промежъ ихъ длинныхъ рядовъ мы встрѣтимъ переводы цѣлаго ряда классическихъ произведеній всѣхъ народовъ: тутъ и «Юлій Цезарь» Шекспира, и Лессингова «Эмилія Галотти», «Потерянный рай» и «Мессіада», любимый исстари въ набожной Англіи *Pilgrim's Progress* Джона Бёніана, моральныя произведенія Геллерта, имѣвшія въ свое время сильное вліяніе на умы въ Германіи, аллегорическая повѣсть одного изъ немногихъ политическихъ нѣмецкихъ писателей прошлаго вѣка, Фридриха Карла Мозера «Даніилъ во рву львиномъ» (Daniel in der Löwengrube), гдѣ въ лицѣ Даніила, смѣлаго совѣтника и обличителя при дворѣ Дарія, изображенъ былъ самоотверженный министръ-реформаторъ, проповѣдникъ просвѣтительныхъ идей [1].

---

[1]) Мозеръ знаменитъ своей книгой „Der Herr und der Diener" (Господинъ и слуга), гдѣ подвергнутъ былъ рѣзкому осужденію обычный въ то время даже въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ взглядъ правителей на всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, какъ на своихъ личныхъ слугъ, и установленъ принципъ ихъ отвѣтственности передъ народомъ. Авторъ поплатился за свои теоріи изгнаніемъ изъ Гессенъ-Касселя и долгими годами нужды. Нелицемѣрное служеніе идеѣ передавалось въ

Книги этого рода вмѣстѣ съ разнообразными періодическими изданіями, съ священнымъ писаніемъ на славянскомъ и даже на нѣмецкомъ языкѣ и т. д. распространялись быстро по всей Россіи; число типографій, явныхъ, а иногда и тайныхъ, умножалось не только въ Москвѣ и провинціальныхъ городахъ, но и въ большихъ селахъ, и въ книжную торговлю введена была стройная организація, придавшая еще одну рельефную сторону заслугамъ Новикова. Но, если никто не станетъ отрицать у него большой предпріимчивости и издательской энергіи, проявлявшейся еще въ петербургскую его пору, то все-таки несомнѣнно, что главный разцвѣтъ его издательства и широкихъ книгопродавческихъ операцій относится къ той порѣ, когда онъ вошелъ въ общеніе съ современными двигателями книжнаго дѣла въ Германіи. Достовѣрно извѣстно, что Шварцъ, во время поѣздки въ Германію по масонскимъ дѣламъ, имѣлъ отъ него порученіе завязать прямыя сношенія съ книжными фирмами и изучить всю постановку дѣла. Это порученіе было исполнено и главныя связи завязаны были, какъ говорятъ, съ Лейпцигомъ,—что не замедлило отразиться на образцовомъ устройствѣ новиковскаго издательскаго дѣла. Но кромѣ Лейпцига и тогдашнихъ его магнатовъ книжнаго дѣла, кажется, можно было бы предположить и вліяніе выдвигавшагося тогда новаго нѣмецкаго культурнаго центра, Берлина, и именно извѣстное обаяніе дѣятельности первостепеннаго берлинскаго издателя Николаи. Между Новиковымъ и Николаи чрезвычайно много сходства; въ то же время и писатель, и книгопродавецъ, и журналистъ, создававшій одно изданіе за другимъ, пока не основалъ онъ свою *Всеобщую Нѣмецкую Библіотеку*, прожившую цѣлыхъ полъ-столѣтія, онъ такъ же смотрѣлъ съ идеалистической точки зрѣнія на свое дѣло, группировалъ около себя молодые таланты, интересовался образовательной пропагандой и шелъ долго объ руку съ Лессингомъ и Мендельсономъ. Знать объ оживленной дѣятельности этого оригинальнаго человѣка было легко Новикову (кромѣ общихъ связей съ Германіей) благодаря Кутузову, совсѣмъ основавшемуся въ Берлинѣ,—и врядъ ли мы ошибемся, приписавъ этому ободряющему примѣру извѣстную долю вліянія на широкій размахъ новиковской предпріимчивости.

его семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Его отецъ, не менѣе знаменитый въ свое время юристъ Іоганнъ-Якобъ Мозеръ, за свою книгу о земскомъ самоуправленіи и порицаніе дѣйствій фаворитовъ при виртембергскомъ дворѣ былъ на шестидесятомъ году брошенъ въ крѣпостную тюрьму и выдержанъ тамъ пять лѣтъ въ самомъ тяжкомъ заточеніи. Разсказы о его судьбѣ возмущали потомъ молодого Шиллера.

Если масонство могло дѣйствовать на лучшихъ людей въ своей средѣ облагораживающимъ, смягчающимъ образомъ и доводить ихъ иногда (какъ, напримѣръ, Гамалѣю) до евангельской простоты жизни, безсребренничества и братства съ бѣднымъ людомъ, то съ другой стороны и въ противоположной школѣ, молившейся не Сенъ-Мартену или Вейсгаупту, а Гольбаху и Гельвецію, складывались еще болѣе ретивыя и энергическія натуры, не уступавшія сосредоточеннымъ и скорѣе меланхолически-настроеннымъ своимъ соперникамъ въ любви къ родинѣ и своему народу. Все число тѣхъ молодыхъ людей, которые подъ конецъ царствованія Екатерины шли въ нѣмецкіе университеты, чтобъ войти въ прямое общеніе съ современной наукой, трудно опредѣлить, но оно несомнѣнно было весьма велико. Когда вслѣдствіе указа Павла Петровича, запретившаго русскимъ молодымъ людямъ посѣщать заграничные университеты, составлялись списки тѣмъ, кто уже находился въ Германіи, въ одномъ Лейпцигѣ насчитано было до семидесяти человѣкъ. Эта молодежь, рѣзко вспугнутая и разсѣянная указомъ, была какъ бы прямымъ потомствомъ того ранняго кружка, который незадолго передъ тѣмъ сошелся въ Лейпцигѣ вокругъ Радищева. На первый взглядъ обычные разсказы о томъ, что̀ дѣлалось въ этомъ кружкѣ, гдѣ до того зачитывались Гельвеціемъ, что фанатическій культъ его удивилъ одного изъ его друзей, Гримма, проѣзжавшаго случайно черезъ Лейпцигъ, и доставилъ нѣсколько пріятныхъ минутъ узнавшему о томъ философу,—эти обычные разсказы могутъ произвести впечатлѣніе юношеской забавы моднымъ матеріализмомъ, такой забавы, которая совершенно отдалитъ ихъ со временемъ отъ тяжелой борьбы съ застоемъ и невѣжествомъ, ожидавшей ихъ на родинѣ. На дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Если изъ лейпцигскаго кружка впослѣдствіи выбыли иные менѣе убѣжденные и слабые духомъ члены, то онъ можетъ указать на Ушакова (хоть и рано умершаго) и Радищева, какъ на настоящихъ, сознательныхъ работниковъ, подготовлявшихъ себя для общенароднаго русскаго дѣла.

Широкое образованіе, выдѣлявшее Радищева изъ современнаго молодого поколѣнія и никогда не остановившееся (сорока лѣтъ онъ выучился по-англійски и могъ читать Шекспира въ подлинникѣ), обрекало его на изолированное положеніе въ русскомъ обществѣ. Несмотря на мерцавшій еще тогда у насъ отблескъ просвѣтительнаго вѣка, мало было людей, способныхъ понять складъ ума и убѣжденія Радищева. Небольшая группа молодежи, въ которой видимъ его друга и (какъ тогда думали)

сотрудника его по знаменитому «Путешествію», Челищева [1]), Крылова и немногихъ представителей мелкой прессы, да гостепріимный кружокъ Дашковой и ея брата Воронцова, — вотъ и вся непосредственно близкая къ нему обстановка, гдѣ онъ могъ встрѣтить поддержку и быть самимъ собою. Для остального общества онъ былъ просто таможенный чиновникъ, занятый самымъ прозаическимъ дѣломъ очистки корабельныхъ грузовъ пошлиной. Но и въ интеллигентной средѣ и въ дѣловомъ мірѣ живо сказались въ немъ черты *новаго* человѣка, воспитавшагося въ странѣ цивилизованной. Зрѣлище общей безнравственности и крестьянскаго рабства наполнило его честнымъ негодованіемъ и, не умѣя скрывать своихъ мыслей, онъ всѣми силами души жаждалъ для русской жизни гласности и законности; въ своей тяжкой роли онъ видѣлъ сходство съ однимъ изъ любимыхъ своихъ героевъ, мольеровскимъ Альцестомъ, — и мы уже показали въ другомъ мѣстѣ [2]), съ какою искренней симпатіей онъ дважды вернулся въ своихъ произведеніяхъ къ изображенію неустрашимаго борца за правду, способнаго «говорить истину царямъ», но не съ улыбкой, какъ Державинъ, а безъ прикрасъ, нагало, съ опасностью опалы или изгнанія. Альцестъ какъ бы благословлялъ его именно на это поприще.

Но и въ служебномъ дѣлѣ этотъ человѣкъ остался вполнѣ своеобразнымъ. Всѣ дошедшіе до насъ разсказы рисуютъ его рыцаремъ неподкупности, о которомъ скоро всѣ заговорили въ торговомъ мірѣ; милліонная выгода его не соблазнила, иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на человѣка, у котораго дѣло вершилось на строгомъ основаніи закона, и когда его постигла кара, они единодушно горевали. Съ своей нравственной чистоплотностью и изысканнымъ благородствомъ, этотъ лейпцигскій студентъ, превратившійся въ таможеннаго досмотрщика, производилъ такое же впечатлѣніе диковиннаго явленія, какъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія будущіе декабристы, надворный судья Пущинъ или членъ палаты уголовнаго суда Рылѣевъ, составившіе себѣ не только въ свѣтскихъ кругахъ, но и въ простонародьи репутацію высокой честности и безкорыстія.

Все, чтó привелось этому зоркому и страстному наблюдателю подмѣтить въ окружавшей его жизни, всѣ идеальныя требованія,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, томъ XIII, стр. 200; въ томъ же сборникѣ, т. XII, 96, намеки на прикосновенность Дашковой и Воронцова къ плану написать „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву".

[2]) См. монографію о Мизантропѣ, М., 1881, и также „Вѣстникъ Европы" 1881, мартъ.

которыя онъ могъ предъявить къ ней подъ вліяніемъ видѣннаго и передуманнаго на западѣ, — все это составило сущность его многострадальной книги. И тутъ, по собственному его показанію, главными его руководителями опять же были писатели западные. Для оригинально выбранной формы разсказа,—довершающей иллюзію путешествія дѣленіемъ, вмѣсто главъ, на станціи и обрисовкой серьёзныхъ темъ различными дорожными картинками,—послужила прототипомъ *Sentimental Journey* Стерна, привлекшая автора своимъ глубокимъ юморомъ и чувствительностью. Поводомъ къ рѣзкимъ обличительнымъ картинамъ стариннаго помѣщичества и крестьянскаго безправія, отводящимъ Радищеву такое почетное мѣсто въ ряду провозвѣстниковъ освобожденія крестьянъ, послужило чтеніе возбуждавшей тогда интересъ на западѣ «Исторіи обѣихъ Индій» (Histoire des deux Indes), аббата Рейналя. Жестокое обращеніе плантаторовъ съ своими рабами, описанное чувствительнымъ аббатомъ, нашло отголосокъ въ умѣ русскаго человѣка, устыдившагося при мысли, что и въ его странѣ еще гнѣздится, и притомъ въ необъятныхъ размѣрахъ, такое же зло; импульсъ былъ данъ, сами сложились взятыя прямо съ натуры сцены деревенской дѣйствительности, и гуманное чувство, руководившее авторомъ, подсказало ему мысли, далеко опередившія его первоначальный образецъ,—и прежде всего мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею. То же видимъ и въ другихъ главахъ путешествія, имѣющихъ отношеніе къ инымъ недугамъ, русской жизни; сама Екатерина, порицая вольномысліе, высказанное при этомъ Радищевымъ, обозначаетъ этотъ складъ мыслей прозвищемъ «французскаго заблужденія» и приписываетъ его происхожденіе «разнымъ полумудрецамъ сего вѣка, какъ-то: Руссо, аббе Рейналь и тому гипохондрику подобные» (можно бы прибавить къ этому указанію Бэйля, англійскихъ деистовъ, Гердера). Но негодованіе заставляетъ ее утверждать тутъ же, что Радищевымъ руководила только «любовь распространять гипохондрическія и унылыя мысли», кромѣ того «необузданная амбиція и нетерпѣніе желчи» отъ недостиженія «вышнихъ степеней». А между тѣмъ завѣтныя мысли Радищева пережили и его перу, многія уже осуществились, вошли въ жизнь, другія стали неотъемлемой принадлежностью всякой прогрессивной программы [1]), и вся эта живая, въ иныхъ частностяхъ почти современ-

[1]) По показаніямъ сына Радищева, въ политическую программу его входило освобожденіе крестьянъ, свобода совѣсти, свобода печати, судъ присяжныхъ, отмѣна подушной подати, равенство передъ закономъ и т. д.

нымъ намъ языкомъ написанная, книга, за исключенiемъ двухъ-трехъ мѣстъ, могла бы выйти, наконецъ, изъ вѣкового запрета, поддерживаемаго одною только безотчетной пугливостью.

Приверженность къ идеаламъ, лелѣяннымъ съ ранней молодости, сопровождала Радищева вездѣ. Она сказывается и въ его «Повинной», несмотря на различныя проявленiя смущенiя и подавленности; онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что думалъ принести пользу, надѣялся на свободомыслiе Екатерины, полагая, «что говоритъ доброе» и сочувственное ей; что уже потому «не хотѣлъ сдѣлать возмущенiе, что *народъ нашъ книгъ не читаетъ*, —а можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?» Гроза разразилась, и привела въ содроганiе его сторонниковъ [1]); но Радищевъ и въ Сибири сохраняетъ тѣ же интересы и стремленiя. Сидя въ своемъ Илимскѣ, онъ продолжаетъ дообразовываться, слѣдить (благодаря Воронцову) за новой западной литературой, и возвращается въ Россiю съ такою же преобразовательной жаждой, какъ и прежде. Первымъ его дѣломъ по прiѣздѣ въ калужскую деревню было бы освободить крестьянъ, но указъ, возвратившiй ему только половинныя права, не допускаетъ его до такой мѣры,—и въ его «Описанiи моего имѣнiя» живо сказывается то состоянiе нравственной пытки, которое онъ испытывалъ, бродя по полямъ своего Нѣмцова во время работъ и со стыдомъ размышляя, какъ всѣ эти изнуренные жаромъ жницы и косцы всѣ силы свои полагаютъ на поддержанiе зажиточной жизни его одного. Когда же снова повѣяло свѣжимъ воздухомъ при Александрѣ, мы его опять видимъ за дѣломъ въ Петербургѣ, среди молодежи, рвущейся къ реформамъ; у него есть свой проектъ судебнаго переустройства, основаннаго на введенiи суда присяжныхъ, и смерть застигаетъ его среди приготовленiй къ поѣздкѣ въ Англiю для изученiя на мѣстѣ этого института. Такъ вся жизнь этого единственнаго, быть можетъ, въ прошломъ вѣкѣ открытаго *западника* съ первыхъ же шаговъ на русской землѣ и до старости ушла на служенiе самымъ насущнымъ нуждамъ народа, и его неразрывная связь съ европейской умственной работой не отдалила его отъ Россiи, а приблизила къ ней и указала цѣли и способы ихъ достиженiя. Тотъ же завѣтъ онъ передалъ и немногимъ молодымъ своимъ ученикамъ;—когда Пнинъ (которому преданiе приписывало оду на вольность, включенную

---

1) „Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie,—писалъ тогда Сем. Романов. Воронцовъ: — que fera-t-on pour un crime et pour une révolte en forme? *Cela fait frémir*!“—Архивъ Воронцова, томъ 9-й, 1876, стр. 181.

въ радищевское «Путешествіе») издавалъ въ концѣ прошлаго столѣтія «Санктпетербургскій Журналъ», знакомившій съ европейской публицистикой, задумывалъ *народный* Вѣстникъ, организовывалъ отпоръ славянофильству «Бесѣды», а въ примѣчательномъ для своего времени (и тогда же запрещенномъ) «Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи» (Спб., 1804) заступался за «сословіе земледѣльческое, которое находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцамъ, поступающимъ съ подвластными людьми хуже чѣмъ съ скотами»,—мы видимъ въ этихъ смѣлыхъ попыткахъ отголосокъ убѣжденій старика-Радищева.

Рядомъ съ западничествомъ, пріобрѣтавшимъ къ концу столѣтія уже не мало убѣжденныхъ сторонниковъ, въ екатерининскую пору выростало что-то похожее на славянофильство, не выходя впрочемъ изъ эмбріоническаго состоянія и замыкаясь пока въ чисто-научной области. Въ видѣ отпора историческимъ и политическимъ взглядамъ, высказывавшимся въ различныхъ дилеттантическихъ работахъ западныхъ борзописцевъ, въ родѣ Николая Леклерка, появились первыя историческія разсужденія Болтина. Оскорбленная народная гордость и коренное чувство правдивости, побуждавшее его во что бы то ни стало бороться съ ложью, сдѣлала Болтина писателемъ, а потомъ смѣлая мечта дать русскому народу достойную его исторію сосредоточила его розысканія на области отдаленнаго русскаго прошлаго. Извѣстный охранительный тонъ его произведеній и полемическій жаръ, который онъ вносилъ въ нихъ, ревностно отстаивая отъ западныхъ и русскихъ своихъ противниковъ нашу національную самобытность, привели къ тому, что Болтина до сихъ поръ считаютъ открытымъ славянофиломъ, хотя нѣсколько ужъ слишкомъ старомоднымъ, въ родѣ Шишкова. Различныя данныя, добытыя новѣйшимъ біографомъ Болтина[1]), возстановляя въ правдивомъ свѣтѣ его ученый и публицистическій методъ, рисуютъ намъ совсѣмъ иную личность. Болтинъ не только исходилъ отъ непосредственнаго знакомства съ западной наукой, чтобы, воспользовавшись имъ, потомъ отречься и откреститься отъ Европы, но и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ пользовался западными источниками и высоко цѣнилъ нѣкоторыхъ любимыхъ имъ авторовъ. Онъ увлекался тѣмъ же скептикомъ Бэйлемъ, которому съ ран-

---

[1]) Сухомлиновъ, Исторія россійской академіи, выпускъ пятый. Спб. 1880, стр. 62—296.

ной молодости поклонялся Радищевъ; Вольтеръ, Монтескьё [1]), Руссо были въ его глазахъ крупнѣйшими авторитетами; говоря даже о русскихъ домашнихъ дѣлахъ, онъ прямо ссылается на Руссо, какъ на тонкаго наблюдателя и истиннаго друга человѣчества. Взглядъ Вольтера на свободу и независимость научныхъ изслѣдованій онъ признаетъ вполнѣ разумнымъ и совершенно не противорѣчащимъ христіанству; тотъ же любимый имъ писатель встрѣчаетъ въ немъ большое сочувствіе, когда утверждаетъ, «что гражданская свобода есть залогъ политической силы и независимости» [2]). Сущностью охранительныхъ взглядовъ Болтина была дѣйствительно вѣра въ русскую самобытность, но не въ ту самодовольную, исключительную и насквозь проникнутую нетерпимостью, какою она грезится новѣйшимъ quasi-славянофильскимъ писателямъ; —Болтинъ исходилъ отъ того взгляда, который такъ опредѣленно высказанъ былъ въ одной изъ статей екатерининскаго «Наказа», гласившей, что Россія *есть государство европейское*. Онъ принималъ послѣдствія, истекающія изъ этого положенія, отстаивалъ отъ западныхъ притязаній *равноправность* русскаго міра съ остальными составными частями Европы, въ своихъ сужденіяхъ о явленіяхъ текущей или прошлой жизни европейскихъ странъ относился какъ равный къ равнымъ, а не какъ робкій ученикъ, не смѣющій имѣть своего сужденія, пытался внести историческое объясненіе темныхъ сторонъ русской жизни, считая ихъ переходнымъ зломъ и напоминая противникамъ, что и у нихъ, въ дни феодализма, господствовалъ еще худшій порядокъ вещей, который потомъ уступилъ мѣсто иному строю подъ вліяніемъ новыхъ идей. Того же ждалъ Болтинъ и отъ будущности русской земли; онъ не отстаивалъ крѣпостного права, а напротивъ рисовалъ мрачныя картины его и требовалъ, чтобъ оно отмѣнено было повсемѣстно, лишь съ соблюденіемъ извѣстной постепенности и съ соразмѣрнымъ усиленіемъ народной образованности,—чтобъ оправдался совѣтъ Руссо—освободить и *души* и сдѣлать ихъ способными пользоваться свободой. Такимъ образомъ преобразовательный элементъ входилъ въ значительной степени и въ эту охранительную программу; любя родное, Болтинъ не обрекалъ его на застой или же на поворотъ вспять. Широкое европейское образованіе очевидно уберегло его отъ крайностей, почти неразлучныхъ со всякой рѣзко поставленной консервативно-національной теоріей.

---

[1]) Есть преданіе, что Радищевъ переводилъ изслѣдованіе Монтескьё о величіи и паденіи римлянъ.

[2]) У Болтина начатъ былъ переводъ „Энциклопедіи", доведенный до буквы *К*.

Если отъ такихъ рѣзко выдающихся представителей цѣлыхъ литературныхъ школъ мы обратимся къ остальному составу писателей екатерининской поры, вездѣ встрѣтимъ слѣды того же неизмѣннаго вліянія; всѣ они въ бóльшей или меньшей степени обязаны ему или всею своею репутаціей или серьёзностью своего отношенія къ литературному слову. Легкая и игривая для своего времени «Душенька» Богдановича была близкимъ переложеніемъ граціозной «Психеи» Лафонтена; первые сколько-нибудь самостоятельные наши баснописцы, Хемницеръ и Дмитріевъ, по темамъ своихъ насмѣшекъ руководствуются постоянно или нѣмецкими образцами, Лихтверомъ, Геллертомъ, или же вѣчно-неотразимымъ Лафонтеномъ, и, передѣлывая чужія басни на русскій ладъ, Дмитріевъ вырабатываетъ свой оригинальный слогъ и бойкость сатиры, предшественницы Крылова. Капнистъ поклоняется Мольеру и, позаимствовавъ изъ «Мизантропа» характеристику самоотверженной борьбы изъ-за правосудія, пишетъ свою «Ябеду», одну изъ первыхъ соціальныхъ комедій нашихъ. Его другъ Державинъ учится пріемамъ новой лирики у нѣмцевъ; переводя произведенія Фридриха Великаго, онъ пишетъ свои читалагайскія оды, у Галлера, Гагедорна, Клейста почерпаетъ то религіозное и умозрительное содержаніе своей поэзіи, то легкую анакреонтическую манеру; туманность образовъ и любовь къ сѣверной миѳологической обстановкѣ, проявляющаяся у него въ позднѣйшій періодъ, привились къ его поэзіи, благодаря вліянію «Оссіановыхъ пѣсенъ», вскружившихъ тогда всѣ умы въ Европѣ; его любимыя моральныя темы, развиваемыя въ сатирическихъ одахъ, —нравственное достоинство человѣка, истинное дворянство, основанное не на клочкахъ пергамента, а на служеніи человѣчеству и добрыхъ дѣлахъ, и т. д., — были задолго до него ходячими сюжетами и въ нѣмецкой просвѣтительной литературѣ [1]), вообще довольно близко ему знакомой. Развивая ихъ въ примѣненіи къ русской обстановкѣ и разнообразя мѣстными примѣрами, онъ удачно обрусилъ ихъ, подобно тому, какъ въ легкихъ своихъ вещицахъ, первоначально сплошь подражательныхъ, онъ со временемъ научился вводить русскія народныя черты, придавая имъ новый обликъ, казавшійся привлекательнымъ даже еще пушкинскому поколѣнію. Подобно этому и Княжнинъ, оставляя трагическій тонъ и стараясь въ своихъ комедіяхъ и операхъ рисовать

[1]) Онѣ развиваются, напримѣръ, весьма часто въ произведеніяхъ Фридриха,—а разъясненію высокаго призванія дворянства посвятилъ особую книгу (Vom Adel) любимый въ прошломъ вѣкѣ публицистъ—баронъ von Loën; въ его аргументаціи есть не мало сходныхъ чертъ со взглядами Державина.

деревенскій быть, беретъ основу у Мольера, Детуша, Брюйэ, сплетаетъ ихъ фабулу съ бытовыми картинками, и вмѣстѣ съ самоучкой Аблесимовымъ дѣлается основателемъ народнаго комическаго и опернаго репертуара, который составляетъ такую любопытную черту въ театральной жизни прошлаго вѣка.

Въ немногочисленныхъ, еще только зарождавшихся тогда кружкáхъ людей съ научными интересами, связи съ европейской мыслью еще живѣе. Муравьевъ, воспитатель Александра, имѣвшій въ то же время сильное вліяніе на развитіе таланта Батюшкова, весь ушелъ въ художественное поклоненіе античной поэзіи и итальянскихъ классиковъ; философскимъ своимъ образованіемъ онъ обязанъ изученію шотландскихъ философовъ, и, опираясь на такое рѣдкое тогда развитіе, онъ съ честью проходитъ черезъ смутные конечные годы прошлаго вѣка, принося александровской порѣ нетронутый юношескій идеализмъ. Тѣ же философы деизма, помогавшіе религіозно-настроеннымъ людямъ подниматься духомъ надъ мелкими догматическими спорами, составляли истинное наслажденіе для молодого поколѣнія, учившагося въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Евгеній Болховитиновъ, будущій митрополитъ и ученый изслѣдователь, спасся отъ гнета семинарской схоластики единственно благодаря подобному чтенію и увлекался лекціями Шадена въ московскомъ университетѣ, гдѣ раскрывалась передъ нимъ привлекательная теорія нравственности Шефтсбёри и философскіе взгляды Дидро и Даламбера. Товарищи Евгенія по академіи раздѣляли его вкусы; одинъ изъ нихъ, будучи уже священникомъ, не могъ никогда разстаться съ Жанъ-Жакомъ Руссо, который умѣлъ *трогать* его душу,—и авторъ новой біографіи митрополита Евгенія[1]), сближая эти черты, взятыя изъ жизни, съ одною изъ мастерски написанныхъ страницъ въ радищевскомъ путешествіи, гдѣ приведены жалобы семинариста,—бредущаго пѣшкомъ въ столицу учиться,—на умственное коснѣніе въ бурсѣ и на неудовлетворенную жажду новаго просвѣщенія,—имѣлъ основаніе признать живую вѣрность этой случайно врошенной жанровой картинки.

Если же такому бурсаку выпадала завидная доля докончить образованіе на западѣ, не читать изподтишка умныя книжки, не блуждать по-ломоносовски по столбовой дорогѣ въ погонѣ за слабой и тщедушной русской наукой, изъ него выходилъ бодрый научный работникъ, съ новыми взглядами и свободными убѣж-

---

1) Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, статья г. Тихонравова „Русск. Вѣстникъ" 1869, № 5.

деніями. Троицкому семинаристу Десницкому пришлось довершить образованіе въ Шотландіи,—и онъ вернулся въ Москву, гдѣ передъ нимъ открылась профессура въ университетѣ, горячимъ проповѣдникомъ освободительныхъ идей. Отзываясь сочувственно къ принципамъ, выставленнымъ Екатериною въ «Наказѣ», онъ шелъ дальше и въ образецъ русскимъ преобразованіямъ ставилъ Англію съ ея учрежденіями, культомъ законности [1]), свободой мысли. Но онъ имѣетъ въ виду не только пересозданіе русскаго законодательства на гуманныхъ началахъ, но и перерожденіе самой жизни; въ нее хотѣлъ бы онъ вдохнуть бодрый духъ самодѣятельности, который удивлялъ его въ англичанахъ, завоевавшихъ себѣ вольность долгой выдержкой въ борьбѣ,— уваженіе къ человѣческому достоинству, признаніе женской равноправности, за которую онъ чуть ли не первый на Руси замолвилъ слово.

Пока складывалась, развивалась и потомъ постепенно гасла въ охладѣвавшей атмосферѣ дѣятельность всѣхъ вспомянутыхъ нами писателей и ученыхъ просвѣтительной поры, миссія восемнадцатаго вѣка приходила къ концу; наиболѣе живой отголосокъ дальнихъ революціонныхъ бурь,—книга Радищева,—былъ потопленъ въ равнодушной пучинѣ, и Державинъ напутствовалъ ироничесной эпиграммой несчастнаго собрата-сатирика, отправлявшагося въ свое безконечное искупительное путешествіе. Противъ Новикова уже скоплялись тучи, и общество понемногу впадало въ прежнюю запуганную безучастность. Не могли разомъ остыть и заглохнуть молодыя еще силы, успѣвшія распуститься при сравнительномъ привольѣ предшествующей поры; имъ суждено было пережить внутреннія терзанія, порывы негодованія, презрѣнія къ обществу, лирическихъ стремленій вырваться изъ общественныхъ оковъ; въ нихъ должна была развиться до-нельзя щекотливая нервность, быстрые переходы отъ темныхъ, сладостныхъ восторговъ къ унынію и отъ слезъ къ вызывающему смѣху. Это былъ ихъ способъ борьбы съ рутиной, способъ ребяческій, дышащій незнаніемъ жизни,—но вѣдь его принимали же за что-то великое нѣмецкіе юноши конца прошлаго вѣка, въ этомъ «Sturm und Drang'ѣ», въ сущности не сдвигавшемся съ мѣста, видѣли же они цѣль своего протестующаго существованія! И на Руси тоже не обошлось безъ своего «Sturm und Drang'a», хотя длился онъ

[1]) Любопытно, что вымышленный семинаристъ, выводимый Радищевымъ, необыкновенно высоко ставитъ переведенную Десницкимъ книгу англійскаго юриста Блекстона „Истолкованіе англійскихъ законовъ", и желалъ бы, чтобъ семинаристы чаще заглядывали въ эту книгу, чѣмъ въ святцы.

недолго и не можетъ выказать ни одного крупнаго, созданнаго имъ произведенія подъ-стать къ Гётевскому «Гётцу» или Шиллеровымъ «Разбойникамъ».

Карамзинъ, его другъ Петровъ, и небольшой, но тѣсный московскій кружокъ ихъ, воспитались въ такихъ идеяхъ либеральнаго лиризма. Чувствительность Карамзина удачно встрѣчалась съ мефистофельскими сарказмами Петрова, нѣмецкая начитанность перваго дополнилась англійскими литературными вкусами, отличавшими его друга,—а рядомъ съ ними послѣ бурной жизни и недолговѣчной писательской репутаціи на родинѣ, доживалъ послѣдніе свои годы въ Москвѣ, полубольной, оригинальный до крайности, нелюдимъ Ленцъ, одна изъ первостепенныхъ личностей, двигавшихъ «порой бурныхъ стремленій» въ Германіи [1]). Въ этомъ кружкѣ сначала боготворили Руссо, рвались на волю и въ одиночество, потомъ поэтизировали французскую революцію, американскую войну, швейцарскую свободу; Карамзинъ считалъ своими любимыми героями Франклина и Вильгельма Телля; потомъ научились цѣнить мрачныя красоты британскихъ поэтовъ; Карамзинъ, переводившій сначала дидактическія поэмы швейцарца Галлера или Геснеровы идилліи, увлекается переводомъ Юлія Цезаря или Эмиліи Галотти, гдѣ каждая строка дышетъ ненавистью къ тиранніи и самоуправству. Вѣчная противоположность идеаловъ и дѣйствительности угнетаетъ друзей до мрачной меланхоліи или чуть не до мистической созерцательности, — и вмѣстѣ просиживаютъ они ночи на пролетъ въ небольшой каморкѣ масонскаго братскаго дома, читая «Юнговы Ночи» и смотря на стоявшее передъ ними распятіе. Путешествіе Карамзина заграницу вноситъ нѣсколько болѣе практическаго элемента въ эту жажду обновленной жизни; съ опредѣленными цѣлями литератора и публициста въ западномъ вкусѣ возвращается Карамзинъ и ревностно принимается за дѣло. Его «Московскій журналъ», созданный въ подражаніе новѣйшимъ западнымъ образцамъ, былъ все-таки первымъ, дѣйствительно живо веденнымъ русскимъ литературнымъ журналомъ, слогъ сталъ легче и изгибистѣе, темы шире и разнообразнѣе. Изъ молодого редактора могъ выработаться со временемъ талантливый руководитель литературнаго движенія, представитель новой, лессинговской эстетики, отзывчивый на всѣ живыя явленія въ политикѣ

[1]) Время его жизни въ Россіи до сихъ поръ образуетъ пробѣлъ во всѣхъ его біографіяхъ. Такъ въ самой лучшей изъ нихъ, принадлежащей вѣнскому профессору Ѳр. Шмидту „Lenz und Klinger, zwei Dichter aus der Geniezeit". Berlin, 1878, оно вспомянуто лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

и литературѣ Европы. Но съ этой порой быстраго его писательскаго роста совпадаетъ начало наиболѣе тяжкой полосы для всей литературной дѣятельности въ Россіи. Кругомъ Карамзина начинаютъ рѣдѣть ряды друзей; Петрова уже нѣтъ, и некому охлаждать расплывчивость его чувствительности зрѣлымъ и спокойно-остроумнымъ словомъ; Новиковъ и все его мирное братство въ опалѣ, и до Карамзина доходятъ слухи, что и его собственное положеніе становится небезопаснымъ, что императрица подозрительно слѣдитъ и за его дѣйствіями. Ему приходится одному встрѣчать грудью всѣ ожидающія его невзгоды.

Вчитываясь въ его письма за послѣднія пятнадцать лѣтъ прошлаго вѣка и въ тѣ аллегорическія его произведенія, гдѣ, скрываясь за какихъ-нибудь Филалетовъ или Мелодоровъ, онъ высказываетъ свое личное тревожное или отчаянное состояніе духа, мы ясно видимъ, какъ годъ-отъ-году онъ поневолѣ все болѣе и болѣе отрѣшается отъ прежнихъ надеждъ, отдается сладкогласному и безсодержательному стихотворству, издаетъ невинные альманахи, которые, несмотря на то, цензура находитъ возможнымъ обезображивать, впадаетъ въ прежнюю сентиментальность, задыхается въ своей новой роли и часто стыдится ея. Прожить съ такою печатью безмолвія на устахъ не легко для натуры не особенно сильной, и утомленный, разбитый едва доживаетъ Карамзинъ до лучшихъ дней. Съ воцареніемъ Александра его старые интересы выдвигаются снова на первый планъ, западничество опять дѣлается двигающей силой,—но уже прежней энергіи нѣтъ, жизнь успѣла многому научить, и недавній порывистый юноша, поклонникъ Франклиновъ и Теллей, истолкователь Шекспира и Лессинга,—послѣ недолгой опять западнической журнальной попытки съ «Вѣстникомъ Европы»,—окончательно сворачиваетъ съ прежняго пути, замыкается въ тиши кабинета и за дѣлами давно минувшихъ дней начинаетъ научаться забывать о молодыхъ, горячихъ интересахъ подросшаго на смѣну ему поколѣнія [1]).

Этимъ печальнымъ эпилогомъ вполнѣ естественно замыкается лѣтопись нашего сближенія съ западомъ въ прошломъ вѣкѣ. Еще разъ несомнѣнные факты напомнили читателю, какъ кратка и обрывиста бывала всегда дѣятельность всякаго писателя, который захотѣлъ бы всего себя отдать распространенію истиннаго

[1]) Отмѣтимъ здѣсь же, что одно изъ первыхъ проявленій въ Карамзинѣ желанія когда-нибудь посвятить себя русской исторіи, находящееся въ письмѣ изъ Парижа, въ маѣ 1790 года, коренится въ соревнованіи съ западными народами, которые уже имѣютъ своихъ Юмовъ, Робертсоновъ и Гиббоновъ.

развитія въ родной средѣ. Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ, представители трехъ различныхъ оттѣнковъ этой пропаганды, кончають одинаково. Но, какъ ни печальны эти отдѣльные примѣры, показывая непрочность добытыхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе они служатъ новымъ доказательствомъ скрытой силы того вліянія, которое руководило и ими, да и всѣми талантливѣйшими ихъ современниками. Если, за все прошлое столѣтіе, литература наша не можетъ похвалиться особымъ успѣхами въ оригинальности, самостоятельности, то не возможно не признать, что пути для достиженія этихъ цѣлей были тогда, благодаря общимъ усиліямъ намѣчены, первые шаги сдѣланы, слогъ созданъ, литература подошла ближе къ жизни,—и что всему этому, въ большей или меньшей степени, научила братская помощь литературъ старѣйшихъ.

Девятнадцатому вѣку выпадало на долю пойти далѣе по разровненному пути и отдаться творческому процессу. Намъ предстоитъ теперь изучить, въ какой степени выполнилъ онъ это одними только собственными силами.

Алексѣй Веселовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Какъ цвѣтокъ полевой, безъ ухода
Ты бездомной росла сиротой;
Рано горе пришло, и невзгода
Надъ головкой стряслась молодой.

Ни совѣта, ни слова участья,
Ни поддержки на скользкомъ пути,
Никого, чтобъ въ минуту несчастья
Отъ погибели близкой спасти.

Мудрено-ли, что жертвой обмана
И игрушкой страстей стала ты,
Что погибли талантъ, Богомъ данный,
О любви и о счастьи мечты,

Что забылись, исчезли порывы
Дѣтски-чистой, невинной души,
Какъ забыты родимыя нивы,
Игры дѣтства въ родимой глуши.

II.

Много простору,—земля лишь безплодная,
Степь да болото, да ель, да сосна;
Много народу,—да голь все безродная,—
Спитъ и не встанетъ отъ сна.

Сила таилась въ народѣ природная—
Толкъ отъ нея небольшой;
Ѣстъ насъ, заѣла судьбина негодная,
Нищи мы духомъ, какъ нищи сумой.

Вѣчная ночь, непривѣтно-холодная,
Свѣта не можетъ намъ дать;
Горькая долюшка, доля народная—
Вѣчно все ждать и страдать.

Да, одолѣла пора непогодная;
Дальше—все хуже, конца не видать;
Злая година, година голодная,—
Видно пора умирать.

III.

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ воетъ, гонитъ тучи,
Грозенъ бури свистъ;
Стонетъ, гнется лѣсъ могучій,
Палъ послѣдній листъ.

Въ пляскѣ бѣшеной вружится
Мертвая листва,
Море темное пѣнится
И встаетъ Нева.

По спинѣ ея широкой
Ходитъ валъ сѣдой,
Вѣтеръ гонитъ валъ жестокій
И грозитъ бѣдой.

Къ ночи стихнетъ, но, какъ въ сито,
Дождь стучитъ во тьмѣ,
Мразь осенняя разлита,
Душно, какъ въ тюрьмѣ.

Страшно; за Невой глубокой
Слышенъ, словно стонъ,
Словно благовѣстъ далекій,
Погребальный звонъ..

Смолкнулъ, замеръ звонъ протяжный;
Съ крѣпостной стѣны,
Глухо, медленно и важно,
Мѣрно бьютъ часы.

Вѣтеръ воетъ, солнце скрылось,
Осень на дворѣ;
Все въ углы свои забилось,
Быть глухой порѣ.

Злая осень, осень хмурая,
Залегла кругомъ,
А за ней зима понурая,
Съ долгимъ мертвымъ сномъ.

М—въ.

КИТАЙ-ГОРОДЪ

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Въ «городѣ», на площади, противъ биржи, шла будничная дообѣденная жизнь. Выдался теплый сентябрьскій день, съ легкимъ вѣтеркомъ. Солнца было много. Оно падало столбомъ на средину площади, между громаднымъ домомъ Троицкаго подворья и рядомъ лавокъ и конторъ. Вправо оно свѣтило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широкихъ вывѣсокъ съ золотыми буквами, пестрыхъ навѣсовъ, столбовъ, выкрашенныхъ въ зеленую краску, лотковъ съ апельсинами, грушами, мокрой липкой шепталой и многоцвѣтными леденцами. Улица и площадь смотрѣли веселой ярмаркой. Во всѣхъ направленіяхъ тянулись возы, дроги, цѣлые обозы. Между ними извивались извозчичьи пролетки, изрѣдка проѣзжала карета, выкидывалъ ногами сѣрый, жирный жеребецъ въ широкой купеческой эгоисткѣ московскаго фасона. На перекресткахъ выходили безпрестанныя остановки. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжалъ и махалъ рукой. Растерявшаяся покупательница, не добѣжавъ до другого тротуара, роняла картузъ съ чѣмъ-то съѣстнымъ и громко ахала. По острой, разъѣзженной мостовой грохотъ и шумъ немолчно носились густыми волнами и заставляли вздрагивать стекла магазиновъ. Тучки пыли летѣли отовсюду. Возы и обозы наполняли воздухъ всякими испареніями и запахами,—то отдастъ москательнымъ то-

варомъ, то сиропомъ, то конфетами. Или вдругъ откуда-то дольется струя, вся переполненная постнымъ масломъ или лукомъ, или соленой рыбой. Снизу изъ-за биржи, съ задовъ стараго гостинаго двора поползетъ цѣлая полоса воздуха, пресыщеннаго прѣснымъ отвкусомъ бумажнаго товара, прессованныхъ штукъ бумазеи, миткалю, ситцу, толстой оберточной бумаги.

Нѣтъ конца телѣгамъ и дрогамъ. Везутъ ящики кантонскаго чая въ зеленоватыхъ рогожкахъ съ таинственными клеймами, везутъ распоровшіеся, бурые, безобразно-пузатые тюки бухарскаго хлопка, везутъ слитки олова и мѣди. Немилосердно терзаетъ ухо бѣшеный лязгъ и трескъ желѣзныхъ брусьевъ и шинъ. Тянутся возы съ бочками бакалеи, сахарныхъ головъ, кофею. Разомъ обдадутъ зловоніемъ телѣги съ кожами. И все это облито солнцемъ и укутано пылью. Кому-то нуженъ этотъ товаръ; «городъ» хоронитъ его и распредѣляетъ по всей странѣ. Деньги, векселя, цѣнныя бумаги точно рѣютъ промежду товара въ этомъ рыночномъ воздухѣ, гдѣ все жаждетъ наживы, гдѣ дня нельзя продышать безъ того, чтобы не продать и не купить.

На возахъ и въ обозахъ, рядомъ и позади телѣгъ, ломовой, въ измятой шляпенкѣ или засаленномъ картузѣ, съ мощной спиной, въ красной жилеткѣ и пудовыхъ сапогахъ, шагаетъ съ переваломъ невозмутимо-стойко, съ трудовой лѣнью, покрикивая, ругаясь, похлестываетъ кнутомъ своего чалаго, широкогрудаго и всегда опоеннаго мерина, подъ расписанной дугой. Вотъ лучъ солнца, точно отдѣлившись отъ огненнаго своего снопа, пронизываетъ облако пыли и падаетъ на возъ съ чѣмъ-то темнымъ и рыхлымъ, прикрытымъ рогожей, насквозь промоченной и обтрепанной по краямъ. На возу покачивается парень безъ шапки, съ желтыми, плоскими волосами, красный, въ веснушкахъ, въ пестрядинной рубахѣ съ расстегнутымъ воротомъ, открывающимъ бѣлую грудь и мѣдный тѣльникъ. Глаза его жмурятся отъ солнца и удовольствія. Онъ широко растянулъ ротъ и засовываетъ въ него кусокъ папушника, держа его обѣими руками. На папушникъ намазана желтая икра, перемѣшанная съ кусочками крошенаго лука, промозгло-соленая, тронутая тепломъ. Но глаза парня совсѣмъ закатились отъ наслажденія. Онъ облизывается и вкусно чмокаетъ, а тѣмъ временемъ незамѣтно сползаетъ все по скользкой и смрадной рогожкѣ. Съ воза обдаетъ его гнилью и газами разложенія. Зубы щелкаютъ, щеки раздулись; онъ обѣдаетъ сладко и вдосталь.

А за нимъ, снизу отъ Ножовой Линіи, сбоку изъ Черкасскаго переулка, сверху отъ Ильинскихъ воротъ ползетъ товаръ, и надъ

этой колышущейся полосой изъ лошадей, экипажей, возовъ, людскихъ головъ стоитъ стонъ; рубль купца, свина мужика поютъ свою нескончаемую пѣсню...

II.

У биржи полегоньку собираются мелкіе «зайцы»—жидки, восточники, шустрые маклаки изъ ярославцевъ, греки... Два жандарма, поставленные тутъ за тѣмъ, чтобы не было толкотни и недозволеннаго торга и чтобы именитые купцы могли безпрепятственно подъѣзжать, похаживаютъ и, нѣтъ-нѣтъ, да и ткнутъ въ воздухъ рукой. Но дѣла идутъ своимъ порядкомъ. И на тротуарѣ, и около легковыхъ извозчиковъ, на площади и ниже, къ старымъ рядамъ, стоятъ кучки; юркія чуйки и пальто перебѣгаютъ отъ одной группы къ другой. Двое смѣльчаковъ присосѣдились даже къ жирандоли около колоннъ тяжелаго фронтона. Потомъ они отошли къ углу дома Троицкаго подворья, стали въ двухъ шагахъ отъ подъѣзда и продолжали свои переговоры. Они со всѣхъ сторонъ были освѣщены. Одинъ въ бѣлой папахѣ и длинной черкескѣ желтобураго цвѣта, при кинжалѣ и въ узкихъ штанахъ съ позументомъ, глядѣлъ на своего собесѣдника—скопца разбойничьими, круглыми и глупыми глазами и все дергалъ его за бортъ длиннаго сюртука. Скопецъ немного подавался назадъ, про себя вздыхалъ и часто вскидывалъ глазами кверху.

Кругомъ мальчишки выкрикивали уличный товаръ. Куски краснаго арбуза вырѣзывались издали. А тамъ вонъ на лоткахъ—золотистыя кисти винограда, въ перемежку съ темнокраснымъ, наливнымъ, крымскимъ, величиной въ добрую сливу, и съ подрумяненой антоновкой. Разносчики газетъ забѣгали съ тротуара на средину площади и совали прохожимъ подъ носъ номера листковъ съ яркими заглавными каррикатурами. Парфюмерный магазинъ, съ нояднымъ подъѣздомъ и щеголеватой вывѣской, придавалъ нижнему этажу монументальнаго дома богатыхъ монаховъ европейскій видъ. На углу куполъ башни въ новомъ заграничномъ стилѣ прихорашивалъ всю эту кучу тяжелыхъ, приземистыхъ каменныхъ ящиковъ, уходилъ въ небо, напоминая каждому, что старыя времена прошли, пора пускать и приманку для глазъ, давать архитекторамъ хорошія деньги, чтобы весело было господамъ-купцамъ платить за трактиры и лавки.

А тамъ дальше виднѣлся кусокъ тепныхъ «рядовъ». Лѣстница съ аркой, переходы, мостики, широкія окна манили покупателя

прохладой лѣтомъ, убѣжищемъ отъ дождя и тепломъ въ трескучіе морозы. Узкій переулокъ уходилъ вдоль, къ Никольской, точно корридоръ съ низкимъ, въ одинъ этажъ, корнусомъ, по лѣвую руку. Церковь съ старинными очертаніями главъ и реберъ крыши выглядывала сбоку изъ-за домовъ. Вся небольшая площадь улыбалась точно ядреная купчиха, надѣвшая всѣ свои кольца и серьги; только на волосахъ у ней «головка», а остальное все по модѣ, куплено у нѣмца и дорогой цѣной. Свѣтъ особенно ласково игралъ въ зеркальныхъ стеклахъ дома, гдѣ нѣтъ кое-какихъ лавокъ, а каждое помѣщеніе оплачивается многими тысячами. Домъ одаленный, четырехъ-этажный, по цвѣту какъ будто изъ цѣльнаго камня, не испортилъ бы и лондонскій «Cheapside» или гамбургскій Jungfer-Stieg. Онъ смотритъ на своего сосѣда и радуется. Такого сосѣдства не стыдно. Но тамъ все-таки трактиръ, служатъ молодцы въ рубашкахъ; а въ немъ все на благородный аршинъ и покрой. Швейцары въ ливреяхъ, массивныя двери, чугунныя лѣстницы, глянцовитыя конторки, за конторками тихій, благообразный и выученый народъ, хоть въ любой всемірно-извѣстный домъ, хоть къ самому Ротшильду. Правда, деньги на рукахъ у артельщиковъ; но артельщики сидятъ за рѣшетками, ихъ не видно, да и они по благообразію подходятъ къ дубовымъ рамамъ съ блистающими стеклами.

Только въ одномъ углу площади запоздалые мостовщики разворотили цѣлыхъ полдесятины, стѣсняютъ ѣзду и шутливо перекликаются съ ломовыми и кучерами. Они отдѣлили себя бечевкой и полдничаютъ, сидя на кучѣ голышей вокругъ деревянной чашки, куда они въ квасъ накрошили огурцовъ, луку, вяленой рыбы и хлебаютъ не спѣша, вытянувши ноги, окутанныя въ тряпки поверхъ лаптей. Имъ любо! Солнышко щекочетъ имъ загривки. Дождя, знать, не будетъ до ночи, и то слава Богу!

III.

Въ банкѣ, вверхъ по Ильинкѣ, съ монументальной чугунной лѣстницей и саженными зеркальными окнами, все въ движеніи. Длинная, въ цѣлый манежъ, зала, съ пролетными арками въ обѣ стороны, наполнена гуломъ голосовъ, ходьбой, щелканьемъ щетовъ, скрипомъ перьевъ. Ясеневаго дерева перила и толстыя балясины празднично блестятъ. На нихъ пріятно отдыхаетъ глазъ. Надъ каждымъ отдѣленіемъ вывѣшены доски съ золотыми буквами: «учетъ векселей», «пріемъ вкладовъ», «текущіе счета».

За рѣшетной столько же жизни, какъ и въ узковатой полосѣ, гдѣ толчется и проходитъ публика. Конторисіи, иные съ моднымъ проборомъ, иные подъ гребенку, всѣ въ хорошо сшитыхъ сюртукахъ и визиткахъ, мелькаютъ за конторками: то встанутъ съ огромной книгой и перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, то точно ныряютъ, только головы ихъ видны на нѣсколько секундъ. Всего больше народа у вкладовъ и выдачи денегъ по текущимъ счетамъ.

Сквозь кучку, гдѣ выдѣлялся священникъ съ большимъ наперстнымъ крестомъ, въ шоколадной расѣ, и дама съ кожаннымъ мѣшкомъ, немного тугая на ухо и бестолковая, ловко протискался, никого особенно не задѣвъ, мужчина лѣтъ подъ тридцать, не красавецъ, но замѣтной и своеобразной наружности: плотный, широкій въ плечахъ, повыше средняго роста, съ перехватомъ въ тальѣ длиннаго двухбортнаго сюртука, видимо вышедшаго изъ мастерской француза. Голова его, небольшая, круглая, выпуклая въ бокахъ, съ крутымъ лбомъ, сидѣла на туловищѣ чрезвычайно свободно, поворачивалась часто и легко. Волосы пепельнаго цвѣта, мягкіе, некурчавые лежали на лбу широкой прядью, какъ на бюстахъ императора Траяна. Борода немного потемнѣе, также какъ и усы, расчесана была посрединѣ, гдѣ образовался точно вѣеръ съ цѣлой градаціей оттѣнковъ, начиная отъ ярко бѣловураго на самомъ проборѣ. Губы полускрывали тонкіе усы, ничѣмъ не смазанные. Носъ утолщался къ низу. Посрединѣ его шелъ желобокъ, дѣлавшій его шире и некрасивѣе. Свѣтло-каріе глаза смотрѣли возбужденно. Въ нихъ были видны: и юркость, и сознаніе здоровья и силы, и наклонность все осмотрѣть, взвѣсить и оцѣнить, въ то время, какъ легкія складки вдоль носа и приподнятые углы рта улыбались снисходительно, а при случаѣ и вкрадчиво.

Въ посадкѣ этого мужчины, въ томъ какъ сидѣлъ на немъ сюртукъ, какъ онъ былъ застегнутъ, въ походкѣ и покроѣ панталонъ — опытный глазъ отличилъ бы бывшаго военнаго, даже кавалериста. Звали его Палтусовъ.

Онъ протянулъ руку къ конторисіу, — тотъ въ эту минуту подавалъ дамѣ книгу расписаться, — и чуть-чуть дотронулся до его плеча.

— Евграфъ Петровичъ въ директорской?—спросилъ онъ теноровымъ голосомъ, скоро, тономъ своего человѣка, умѣющаго дѣлать вопросы служащимъ и не мѣшать имъ.

— Какъ же, пожалуйте!—отвѣтилъ конторисіъ съ улыбкой.

Палтусовъ незамѣтно пріосанился, передалъ низкую поярко-

вую шляпу изъ правой руки въ лѣвую и пошелъ къ стекляннымъ дверямъ кабинета, гдѣ сидятъ обыкновенно директора.

На встрѣчу попался ему въ пріемной—тамъ стоялъ диванъ и столъ съ двумя креслами—совсѣмъ круглый человѣкъ, молодой, не старше Палтусова, съ вихромъ на лбу, весь въ черномъ; его веселые темные глаза такъ и бѣгали.

— Ба! Андрей Дмитричъ! ко мнѣ? По дѣлу?

— Переводецъ простой... Зашелъ посмотрѣть на васъ,—сказалъ ласково Палтусовъ.

— Сію минуту. Присядьте. И я тоже здѣсь примощусь. Я—духомъ!

Круглый директоръ присѣлъ на кончикъ дивана. Палтусовъ помѣстился по сю сторону стола. Онъ и не замѣтилъ, что тутъ уже сталъ контористъ съ цѣлой пачкой разныхъ печатныхъ бланковъ, ордеровъ всякихъ цвѣтовъ, длины и рисунка.

— Вы посидите, голубчикъ, — кидалъ слова директоръ, а самъ все подмахивалъ: — я мигомъ. Нынче — каторжный день! Такіе задаются... это что?

— Въ учетный-съ.

— Ладно... Я васъ самъ сведу къ контролеру. Онъ у насъ строгій. Пожалуй, придерется, скажетъ, личность неизвѣстна.

— Знаетъ меня.

— Придерется! А малый-золото! Формалистъ. Въ контролѣ служилъ... Это еще что?

— Это Өедоръ Карлычъ просили подписать,—доложилъ контористъ.

— А ежели провремся?

— Они говорятъ, что ничего.

— Ну коли ничего, такъ я подпишу.

Маленькая бѣлая рука директора такъ и летала по бланкамъ. Подпишетъ вдоль, а потомъ поперекъ, и въ третьемъ мѣстѣ еще что-то отмѣтитъ. Палтусовъ любовался, глядя на эту наметанность. Въ головѣ круглаго человѣчка происходило два теченія мыслей и фактовъ. Онъ внимательно осматривалъ каждый ордеръ и подписывалъ все съ однимъ и тѣмъ же замысловатымъ росчеркомъ, а въ то же время продолжалъ говорить, улыбался, не успѣвалъ выговаривать всего, что выскакивало у него въ головѣ.

— Довольно?—спросилъ онъ, и вздохнулъ.

— Пока все-съ,—отвѣтилъ контористъ.

— Ну, грядите съ миромъ. Дайте передышку.

Контористъ вышелъ. Они остались вдвоемъ.

IV.

— Очень радъ, что зашли,—началъ еще радушнѣе директоръ. Подсаживаясь къ Палтусову, онъ потрепалъ его по плечу и заглянулъ въ глаза.

Тотъ всталъ.

— Боялся помѣшать вамъ.

— Намъ вѣдь всегда некогда. Наше дѣло: чикъ, чикъ, чикъ перомъ, и только пронесите, святые угодники! А то и подмахнешь ордерокъ на полмилліончика... іудейской фабрикаціи. А потомъ и печатай портретъ въ «Кладдерадачѣ!»...

И онъ захохоталъ визгливой дробью.

Палтусовъ вторилъ ему легкимъ барскимъ смѣхомъ.

— Вы захаживайте... Не надолго... Да вѣдь вамъ гдѣ же... Все около женскаго пола...

— Какое!

— Да нечего!.. Куда ни пойдешь, а ужъ Андрей Дмитричъ ведетъ подъ руку то Марью Орестовну, то Людмилу Петровну, то Анну Серафимовну. А супругъ сзади пардесю волочитъ... И все какихъ! Перваго разбора, милліоны все подъ ними трещатъ! Съ золотымъ обрѣзомъ!

Они вышли въ общую залу. Директоръ поддерживалъ Палтусова подъ правое плечо, смѣялся, мигалъ и заглядывалъ въ лицо. Палтусовъ только качалъ головой.

— Все балагурите, Евграфъ Петровичъ.

— Куда ни пойдешь—вездѣ онъ кавалеромъ, и руку сейчасъ согнетъ. И въ Кунцовѣ, и въ Сокольникахъ на кругу, и въ Люблинѣ, опять въ Паркѣ... А зимой! И въ маскарадѣ-то по двѣ маски разомъ... Мы тоже вѣдь имѣемъ наблюденіе...

— А сами-то?

— Чтожъ!.. я маскарады лю-блю-ю,—протянулъ директоръ и быстро опустилъ голову внизъ, къ груди Палтусова.—Люблю. Это развлеченіе по мнѣ.—День деньской здѣсь въ банкѣ-то этой,—съострилъ онъ — ровно рыжикъ въ уксусѣ болтаешься; одурь возьметъ!.. Ни на какое путное дѣло не годишься. Ей-ей! Въ карты я не играю. Ну и завернешь въ маскарадъ. Мужчина я нетронутый... Женихъ въ самой порѣ. Только еще тоски не чувствую.

Онъ остановилъ Палтусова въ проходѣ, противъ лѣстницы, и взялъ его своими короткими руками за бока.

— Чтожъ не сватаетесь?

— Говорю, тоски еще не чувствую. Надъ нами не каплеть. Чтожъ, это вы хорошо дѣлаете, что промежду нашимъ братомъ —купеческимъ сыномъ обращаетесь.—Онъ сталъ говорить тише. — Давно пора. Вы—бравый! И на войну ходили, и учились, знаете все... Такихъ намъ и нужно. Да что же вы въ гласные-то?

— Не собственникъ...

— Эка! Промысловое свидѣтельство! Табачную лавочку! — Пустое дѣло. А вѣдь они у насъ глупятъ такъ, что нѣтъ никакой возможности. Я и ѣздить нынче пересталъ; кричали въ тѣ поры: не надо намъ баръ, не надо ученыхъ, давай простецовъ. Сами рѣчи умѣемъ говорить... Вотъ и договорились!

Директоръ опять подхватилъ Палтусова подъ правое плечо. Палтусовъ улыбался и думалъ въ эту минуту въ отвѣтъ на то, чтó ему говорилъ круглый человѣчекъ. Онъ почти всегда думалъ о себѣ, потому тихая усмѣшка такъ часто и всплывала на его лицѣ.

V.

— Вотъ и контрольная,—довелъ его директоръ до широкой двойной конторки за перилами.

Директору поклонился сухощавый блондинъ съ лысиной, въ цвѣтномъ галстухѣ. Палтусовъ уже видѣлъ его, но по имени не зналъ.

— Вотъ имъ переводецъ,—сказалъ директоръ контролеру.

— Очень-хорошо-съ!—отвѣтилъ тотъ однимъ духомъ, и нахмурилъ брови.

У него въ рукахъ было нѣсколько листовъ, за ухомъ торчало перо, во рту—карандашъ. Онъ что-то искалъ. Щеки его покраснѣли. Нервно перебрасывалъ онъ ворохъ векселей, телеграммъ съ переводами, ордеровъ—и не находилъ. Его нервность сказывалась въ порывистыхъ движеньяхъ рукъ, головы и даже всего корпуса. Онъ, то и дѣло, вертѣлся на каблукахъ. Выхватитъ одинъ бланкъ, отброситъ, потомъ опять схватитъ и насадитъ на мѣдный крючекъ, висѣвшій на стѣнѣ за его спиной, начнетъ снова швырять и выдувать воздухъ носомъ, а лѣвой рукой ерошитъ себѣ рѣдкіе волосы, около лысины.

Кругомъ барьера дожидалось человѣкъ пять, больше артельщики.

— Павелъ Павлычъ! — окликнулъ еще разъ директоръ. — Пожалуста, не задержите Андрея Дмитріевича.

И онъ своими глазками указывалъ Палтусову, какъ тормошится контролеръ.

— Позвольте-съ, — кинулъ тотъ Палтусову, и съ сердцемъ насадилъ на крючекъ еще два бланка.

Палтусовъ досталъ переводъ изъ большого гладкаго портфеля, вѣнской работы въ видѣ пакета. Онъ передалъ сизый листокъ директору. Тотъ сейчасъ же схватилъ глазами сумму.

— Выиграли, что ли, перваго сентября? — спросилъ онъ прищурившись.—Или тетенька какая Богу душу отдала?

— Ни то, ни другое. Такъ, оставались деньжонки...

Вексель былъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Контролеръ вручилъ одному изъ артельщиковъ четыре листка разныхъ цвѣтовъ, перечеркнутые и помѣченные и карандашемъ, и чернилами, и сказалъ вслухъ, такъ-что директоръ и Палтусовъ слышали:

— И все отъ несоблюденія правилъ! А тутъ и задерживай публику!

Директоръ протянулъ ему вексель Палтусова.

— Золото человѣкъ! — сказалъ онъ шопотомъ, отведя Палтусова въ уголъ.—Дорогого стоитъ, а копуга. А вы, голубчикъ, къ намъ на текущій? Вѣдь вы—у насъ?

— Да, пускай лежатъ...

— Бумагъ не будете покупать?

— Можетъ быть...

— Мы этимъ не промышляемъ. Вотъ и биржа... Смотришь на такого русскаго молодца, какъ вы, и оборъ беретъ. Что-ни маклеръ — нѣмчура. Отъ папеньки досталось. А нѣмцы, какъ собаки, вездѣ снюхаются!..

Оба расхохотались.

— Помилуйте, — продолжалъ горячиться директоръ: — Карлушка какой-нибудь паршивый, пара галстуховъ была у него, да кальсоны вязаные, состоялъ на побѣгушкахъ у жида въ Зарядьѣ, а глядишь, годика черезъ три—биржевой маклеръ. Нѣмцы выклянчили—въ двадцати тысячахъ дохода... За невѣстой купцъ беретъ... Сами вы плошаете, господа!

— Дайте срокъ!—вырвалось у Палтусова, и онъ поправилъ тотчасъ же булавку на галстухѣ, точно хотѣлъ сдержать себя.

— Евграфъ Петровичъ!—тихо выговорилъ уже другой контористъ, не тотъ, что былъ въ директорской.—Ждутъ-съ...

И онъ протягивалъ пачку ордеровъ.

— Ну, заболтался; прощайте, голубчикъ, увидимся! въ первомъ же маскарадѣ, октябрь на дворѣ. Павелъ Павлычъ!—крик-

нулъ директоръ черезъ спины и головы артельщиковъ.—Не задержите господина Палтусова—прошу!

Ножки его засѣменили. Молоденькій контористъ еле успѣвалъ догонять его. Директоръ на ходу обернулся и сдѣлалъ Палтусову ручкой.

Исполнительный контролеръ спустилъ свою публику скоро, совалъ имъ въ руки листы съ суровой поспѣшностью. Палтусова онъ отличилъ почтительнымъ приглашеніемъ:

— Пожалуйте въ кассу. Первая вправо-съ!

Касса, гдѣ Палтусову пришлось получить деньги, которыя онъ тутъ же перевелъ на текущій счетъ—разсчетную книжку онъ захватилъ—помѣщалась около той, куда вносили. Пока вписывали ему сумму и переводили деньги изъ одной кассы въ другую, Палтусовъ, облокотившись о дубовый выступъ кассы, смотрѣлъ на то, какъ считали пачки ассигнацій въ сторонѣ, за небольшимъ желтымъ столомъ, усѣяннымъ листками розовыхъ и бѣлыхъ бланокъ. Считало нѣсколько молодцовъ въ чуйкахъ и длиннополыхъ сибиркахъ, посланные хозяевами. Онъ съ особымъ выраженіемъ оглядывалъ и мальчишекъ лѣтъ двѣнадцати, десяти, чумазыхъ, въ рваныхъ полушубкахъ, присланныхъ за кушами или съ кушами въ десятки тысячъ. Они брали пачки, перевязанныя веревочками, развязывали ихъ, мусолили грязные пальцы и принимались считать. Иные и совсѣмъ не считали, а просто доставали пачки изъ холщевыхъ мѣшковъ и накладывали ихъ на прилавокъ, передъ рѣшеткой кассира, безъ всякой бережи, точно картофель или рѣпу. Въ глазахъ Палтусова такъ и рябило. Тысячныя пачки сторублевокъ, выданныя изъ банка и аккуратно сложенныя, возвышались стопками на столѣ, похожи были издали на кипы книжекъ. На текущій счетъ приносили больше засаленныя бумажки, и мальчишки комкали ихъ, укладывая на прилавокъ. Въ десять минутъ передъ глазами Палтусова пропестрѣли сотни тысячъ. И онъ все не могъ надивиться тому, что дѣтямъ неграмотнымъ, безъ всякой опаски и контроля, поручаютъ капиталы.

— Въ такой странѣ и не нажиться?—говорили его разбѣгающіеся каріе глаза:—да надо быть кретиномъ!

VI.

Внизу, у подъѣзда, стояла его пролетка. Онъ ѣздилъ съ мѣсячнымъ извозчикомъ на красивой, но павшей на ноги сѣрой лошади. Пролетка была новая, полуторная. Работнику онъ приплачивалъ шесть рублей въ мѣсяцъ; подарилъ ему три пары замшевыхъ перчатокъ и два бѣлыхъ платка на шею. Платилъ онъ за экипажъ восемьдесятъ рублей.

Палтусовъ получилъ обратно свою разсчетную книжку. Когда швейцаръ подалъ ему очень длинное коричневое пальто, однобортное, съ круглымъ широкимъ воротникомъ-шалью, онъ инстинктивно ощупалъ въ правомъ карманѣ сюртука и портфель, и книжку. Швейцарамъ онъ вездѣ—и въ банкахъ, и въ амбарахъ у богатыхъ купцовъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ—давалъ часто и много на водку.

Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ выбѣжалъ на подъѣздъ и крикнулъ:

— Подавай!...

Другой подалъ Палтусову его мохнатое, лиловое съ чернымъ одѣяломъ, которымъ онъ прикрывалъ ноги. Онъ это дѣлалъ и любя теплоту, и оберегая ноги отъ летучаго ревматизма, схваченнаго, какъ онъ говорилъ, въ Болгаріи, во время перехода черезъ Балканы.

Пролетка стала подъѣзжать; но ее задержалъ цѣлый обозъ, ѣхавшій изъ переулка съ ящиками макаронъ и вермишели. Кучеръ Палтусова выругался; но взглянувъ на барина—замолчалъ. Баринъ степенно натягивалъ на правую руку сѣрую шведскую перчатку и поглядывалъ по сторонамъ, вдыхалъ въ себя свѣжесть улицы, все еще недостаточно нагрѣтой сентябрьскимъ солнцемъ.

Ему давно нравился «городъ». Онъ чувствовалъ художественную красу въ этомъ скопищѣ азіатскихъ и европейскихъ зданій, улицъ, закоулковъ, перекрестковъ. Ему были по душѣ: это шумное движеніе цѣнностей, обозы, вывѣски, амбары, склады, суета и напряженіе огромнаго промысловаго пункта.

«Тутъ сила,—думалось ему всегда, какъ только онъ попадалъ въ «городъ»,—мошна́, производительность!..»

Не на вѣтеръ летятъ тутъ деньги, а идутъ на какое-нибудь новое дѣло. И жизнь подходила къ рамкѣ. Для такого рынка такіе нужны и ряды, и церкви, и краска на штукатуркѣ, и

трактиры, и вывѣски. Орда и Византія и скопидомная московская Русь глядѣли тутъ изъ каждой старой трещины.

Глаза Палтусова обернулись въ сторону яркаго краснаго пятна—церкви «Никола большой крестъ», раскинувшейся на цѣлый кварталъ. Алая краска ярѣла на солнцѣ, бѣлыя украшенія карнизовъ, арокъ, оконъ, куполовъ придавали игривость, легкость храму, стоящему у входа въ главную улицу, точно за тѣмъ, чтобы сейчасъ-же всякій иноземецъ понялъ, гдѣ онъ, чего ему ждать, чѣмъ любоваться.

Палтусовъ заглядѣлся на одну изъ боковыхъ главокъ. Весело у него стало на сердцѣ. Деньги, хоть и небольшія, есть, лежатъ вонъ тамъ, на верху, связи ростутъ, охоты и выдержки не мало... двадцать восемь лѣтъ, воображеніе играетъ и поможетъ ему найти теплое мѣсто въ тѣни громадныхъ горъ изъ хлопка и миткаля, промежду милліоннаго склада чая и невзрачной, но денежной лавчонки серебряника-мѣнялы.

Провезли, наконецъ, макароны и вермишель. Палтусова усадилъ швейцаръ, подоткнувъ съ обѣихъ сторонъ одѣяло, и низко поклонился.

Кучеръ сдѣлалъ головой полуоборотъ и дотронулся до зада лошади синей возжей.

— Въ трактиръ!—приказалъ баринъ.

Пролетка повернула на Варварку, проѣхала мимо церкви Великомученицы Варвары, съ ея окраской свѣжаго зеленаго сыра, и лихо остановилась у подъѣзда двухъ-этажнаго трактира, ничѣмъ не отличающагося на видъ отъ перваго попавшагося заведенія средней руки.

Спертый, влажный воздухъ, съ запахомъ табачнаго дыма, кипятка, половиковъ и пряностей, обдалъ Палтусова, когда онъ всходилъ по лѣстницѣ. Направо, въ просторномъ акваріумѣ-садкѣ вертѣлась или лѣниво двигалась рыба. Этотъ трактирный акваріумъ тоже нравился Палтусову. Онъ всегда подходилъ къ нему и разглядывалъ какую-нибудь матерую стерлядь. Изъ-за буфета выставилась голова прикащика въ нѣмецкомъ платьѣ и кланялась ему.

— Калакуцкій здѣсь?—звонко спросилъ Палтусовъ у молодца при сбереженіи платья.

Молодецъ затруднился. Подскочилъ прикащикъ.

— Калакуцкаго знаете, Сергѣя Степановича?—переспросилъ Палтусовъ.

Прикащикъ закрылъ на секунду глаза и выговорилъ почти на ухо:

— Не примѣтилъ. Навряд-ли-съ.

Палтусовъ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы и взялъ сначала вправо, въ угловую комнату съ каминомъ, гдѣ больше завтракаютъ, чѣмъ пьютъ чай. Тамъ было еще немного народу. Онъ вернулся и прошелъ черезъ рядъ комнатъ налѣво, набитыхъ мелкимъ торговымъ людомъ. Крайняя, почище и попросторнѣе, извѣстна тѣмъ, что тамъ пьютъ чай и завтракаютъ воротилы стараго гостинаго двора. Около часу всегда можно слышать голосъ Пантелѣя Ивановича, перваго «прядильщика», разсуждающаго, поплевывая и шепелявя, о политическихъ дѣлахъ. И половые въ этой комнатѣ служатъ иначе, ходятъ чуть слышно, обращаются къ гостямъ съ почтительной сладостью. Чай и завтраки часто затягиваются, разговоръ хозяевъ переходитъ къ своимъ дѣламъ. Въ воздухѣ запахнетъ сотнями тысячъ. Половые, у притолоки, или въ сторонкѣ у печки, слушаютъ съ неподвижными и напряженными, потѣющими лицами.

И въ этой комнатѣ не было того господина. Они согласились завтракать въ особой комнатѣ, въ «сосновой» или «березовой». Палтусовъ освѣдомился, нѣтъ ли Калакуцкаго въ одной изъ нихъ. И тамъ его не было.

Часы показывали десять минутъ перваго.

— Проводи меня въ березовую, наверхъ,—сказалъ Палтусовъ мальчику-половому, блѣднолицому парню лѣтъ четырнадцати, въ коротенькихъ бѣлыхъ штанахъ и съ плоскими волосами, густо смазанными коровьимъ масломъ.

Мальчикъ провелъ его въ дверь налѣво отъ буфета. Они миновали узкій корридоръ. Мальчикъ началъ подниматься по лѣсенкѣ, съ раскрашенными деревянными перилами и привелъ на вышку, гдѣ дверь въ березовую комнату приходится противъ лѣстницы. Онъ отворилъ дверь и сталъ у притолоки. Палтусовъ оглянулся. Онъ только мелькомъ видѣлъ эту свѣтелку, когда ему разъ, послѣ обѣда, показывали особенности трактира.

— Пошли кого-нибудь пограмотнѣе,—сказалъ онъ мальчику:—и скажи тамъ швейцару, чтобы господина Калакуцкаго проводить сюда.

Подростокъ поклонился по деревенски, тряхнулъ волосами и затворилъ дверь.

Свѣтелка, вся обшитая некрашеннымъ березовымъ тесомъ, приняла его точно въ колыбель. Въ ней чувствовалась свѣжесть дерева; свѣтъ смягчался матовымъ тономъ березы. Самая тѣснота этого чуланчика возбуждала веселость. Стулья, съ высокими спинками изъ рѣзной березы, съ подушками изъ тисненой кра-

ской кожи, зеркало, карнизы, отдѣлка оконъ и дверей перенесли Палтусова въ дѣтскимъ годамъ. Ему казалось, что онъ въ игрушечномъ домикѣ и начнетъ сейчасъ играть съ этой бѣлой мебелью. Изъ окна, надъ столомъ, занимающимъ двѣ трети свѣтелки, видъ на Зарядье и Москву-рѣку тѣшилъ глазъ яркостью и пестротой цвѣтныхъ пятенъ: крыши и куполы, главки, башенки, а дальше муравейникъ синѣющаго Замоскворѣчья и превращалъ трактирный чуланчикъ въ теремъ.

Палтусовъ любилъ все, отзывающееся старой Москвой, любилъ не одинъ «городъ», но разныя урочища Москвы, находилъ ее живописной и богатой эффектами, выискивалъ уголки, пригорки, пункты, откуда открывается какая-нибудь красивая и своеобразная картина. Но мысль его не могла долго оставаться на художественной сторонѣ предмета. Въ этой трактирной свѣтелкѣ чутье его обоняло и нѣчто другое. И даже крыши и главы подъ его ногами говорили ему все о той же бытовой и промысловой жизни. Онъ точно чуялъ въ воздухѣ ростъ капиталовъ и продуктовъ. Въ воображеніи его поднимались его собственныя палаты, въ прекрасномъ старо-московскомъ стилѣ, съ золоченой рѣшеткой на крышѣ, съ изразцами, съ рѣзьбой полотенецъ и столбовъ. Настоящія барскія палаты, но не такія низменныя и темныя, какъ тутъ вотъ, почти рядомъ, на Варваркѣ, хоромы бояръ Романовыхъ, а въ пять, въ десять разъ просторнѣе. Какая будетъ у него столовая! Вся въ изразцахъ и въ стѣнной живописи. Печку монументальную, по рисункамъ Чичагова, закажетъ въ Бельгіи. Одна печка будетъ стоить пять тысячъ рублей. Поставцы изъ темнаго вѣкового дуба. Какіе жбаны, ендовы, блюда съ эмалью будутъ выглядывать оттуда! Вѣдь есть же здѣсь внизу, въ этомъ самомъ трактирѣ, «русская палата», гдѣ всякій ножъ, каждый стаканъ сдѣланъ по рисунку? Но все-таки это трактиръ. Тутъ нѣтъ своего, барскаго, тонкаго вкуса, нѣтъ любви къ вещамъ, заработаннымъ умомъ, бойкимъ умомъ и знаніемъ людей, ихъ душевной немощи и грязи, ихъ глупости, скаредности, алчности... Славно!

VII.

Мечты его прервалъ половой лѣтъ за тридцать, съ подстриженной рыжеватой бородкой и впалой грудью — довѣренный молодецъ, умѣющій служить хорошимъ гостямъ въ отдѣльныхъ комнатахъ.

— Ну вотъ что, голубчикъ,—скоро заговорилъ Палтусовъ, отвернувшись отъ окна:—закусочки намъ сначала, но, знаешь, основательной... Балыкъ долженъ быть теперь свѣжей получки отъ Макарія?

— Самолучшій.

— Не забудь хрящей. Соленыхъ хрящей... Не дурно бы фаршированный калачъ; да это долго.

— Минутъ пятнадцать!

— Такъ не надо. Листовка у васъ хороша-ли?

— Особенная!

Такъ обсуждены были и другія водки и закуски. Половой отвѣчалъ кратко, но впопадъ, съ наклоненіемъ всего туловища и усиленнымъ миганьемъ сѣрыхъ большихъ глазъ.

И процессъ заказыванья въ трактирѣ нравился Палтусову. Онъ любилъ этихъ ярославцевъ, признавалъ за ними большой умъ и тактъ, считалъ самою тонкою, пріятною и оригинальною прислугой; а онъ живалъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Ему хотѣлось всегда потолковать съ половымъ, видѣть складъ его ума, чувствовать связь съ этимъ мужикомъ, способнымъ превратиться въ рядчика, въ фабриканта, въ желѣзно-дорожнаго концессіонера. Фамиліарности онъ не допускалъ, да ее никогда и не было со стороны ярославца. Всего больше лакомился онъ чувствомъ мѣры у такого бѣлорубашника, остриженнаго въ кружало. Онъ вамъ и скандальную новость сообщитъ, и дѣльный торговый слухъ, и статейку рекомендуетъ въ «Вѣдомостяхъ», — и все это кстати, сдержанно, какъ хорошій дипломатъ и полезный собесѣдникъ.

— Съ Богомъ!—отпустилъ Палтусовъ полового.—Тебя какъ звать?

— Алексѣемъ-съ.

— Такъ вотъ, голубчикъ Алексѣй, скажи тамъ внизу, чтобы не прозѣвали Калакуцкаго.

— Сергѣя Степаныча?

— Ты знаешь его?

— Помилуйте!...

Алексѣй не досказалъ; но его блѣдныя большія губы говорили: «мнѣ не знать господина Калакуцкаго!» Онъ отворилъ дверь. Палтусовъ остановилъ его движеньемъ руки.

— Карту винъ принеси съ закуской, и шампанское заморозить.

— Редеръ?—больше утвердительно, чѣмъ звукомъ вопроса выговорилъ Алексѣй.

— Н-да, Редеръ все лучше остальныхъ...—рѣшилъ Палту-

совъ и опустился на диванъ, когда шаги Алексѣя послышались внизъ по лѣстницѣ.

Ему захотѣлось глубоко и сладко вздохнуть. Славное житье въ этой пузатой и сочной Москвѣ!.. Въ Петербургѣ физически невозможно такъ себя чувствовать. Глазъ притупляется. Вездѣ линія—прямая, тягучая и тоскливая. Дождь, изморозь, туманъ, желтый, грязный свѣтъ сквозь свинцовыя тучи и облака. Ѣдешь —все тѣ же дома, тотъ же «прешпектъ». У всѣхъ геморой и катарръ. Въ ресторанѣ—татары въ засаленыхъ фракахъ, въ кабинетахъ темно, холодно, пахнетъ вчерашней попойкой; ѣда—безвкусная; облитые диваны. Ничего характернаго, своего, не привознаго. Нигдѣ не видно: какъ работаетъ, наживаетъ деньги, охорашивается, выдумываетъ яства и питья коренной русскій человѣкъ... То-ли дѣло здѣсь!

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттуда какую-то записку, перечелъ ее, чмокнулъ губами, потомъ разчесалъ бороду передъ зеркаломъ маленькимъ гребешкомъ въ серебряной оправѣ и снова опустился на диванъ. Долго разсматривалъ онъ свою разсчетную книжку. Сумма теперь округлилась. Въ головѣ идутъ разсчеты—быстрые, въ цифрахъ. Онъ поправляетъ ихъ и замѣняетъ другими, приводитъ разныя соображенія. Отдѣлать квартиру необходимо. Правда, у него номеръ прекрасный, въ двѣ комнаты; но все-таки — номеръ. Квартира — клади двѣ тысячи. Надо бы и лошадь. Это выгоднѣе. Онъ платитъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. На это можно держать пару. Вотъ выпадетъ снѣгъ. Онъ и начнетъ съ саней—это втрое дешевле хорошей пролетки или одноконнаго фаэтона. Платья не нужно.

Дверь шумно отворилась. Все пространство ея занялъ очень высокій, вершковъ двѣнадцати, широкій, но не толстый баринъ въ сѣрой шляпѣ, на половину покрытой трауромъ. Онъ похожъ былъ на отставного французскаго генерала или хозяина цирка: длинные съ просѣдью усы, совсѣмъ падающіе на галстухъ, бритое продолговатое лицо, чуть замѣтная мушка подъ нижней губой, густыя русыя брови, лысая голова, подъ гребенку обстриженная тамъ, гдѣ еще росли волосы. Баринъ одѣтъ былъ живописно—съ отложнымъ широкимъ воротникомъ рубашки, въ черномъ, короткомъ, плотнозастегнутомъ пиджакѣ, безъ таліи, и панталонахъ-шароварахъ, къ сапогамъ уже. На груди болталось золотое pince-nez на широкой лентѣ.

VIII.

— C'est parfait!—захрипѣлъ онъ.—А я внизу васъ ищу!

Палтусовъ поднялся, и подскочивъ къ Калакуцкому, протянулъ ему обѣ руки и пожалъ его свободную правую руку. Во всѣхъ этихъ движеніяхъ проскользнула искательность; но улыбающееся благообразное лицо сохраняло достоинство.

— Пожалуйте, пожалуйте, Сергѣй Степановичъ. Я ужъ распорядился закуской! Развѣ васъ не сейчасъ же провели? Я приказалъ...

— Провели...

Калакуцкій немного отдувался и оглянулъ комнату своими тусклыми глазами на выкатѣ съ навислыми вѣками.

— Да мы здѣсь задохнемся!..

— Можно отворить окно...

— Ничего... А веселенькій ватерклозетикъ!..

Онъ разсмѣялся задыхающимся смѣхомъ. Палтусовъ ему вторилъ. Онъ усадилъ барина на диванъ. Тотчасъ же пришло двое половыхъ. Столъ въ минуту былъ уставленъ бутылками съ пятью сортами водки. Балыкъ, провѣсная бѣлорыбица, икра и всякая другая закусочная ѣда заиграли въ лучахъ солнца своимъ жиромъ и янтаремъ. Не забыты были и затребованные Палтусовымъ соленые хрящи. Калакуцкій заказалъ завтракъ: севрюжку по русски, котлеты изъ пулярды съ трюфелями и разварныя групи съ рисомъ. Указано было и красное вино.

— Какой номеръ-съ?—спросилъ Алексѣй.

— Да все тотъ же. Я другого не пью.

И Калакуцкій ткнулъ пальцемъ въ большую карту винъ.

Кушанья поданы были скоро и старательно. Они еще не успѣли покончить съ солеными хрящами и осетровымъ балыкомъ, какъ на столѣ уже шипѣла севрюжка въ серебряной кострюлѣ. За закуской Калакуцкій выпилъ разомъ двѣ рюмки водки, забилъ себѣ куски икры и бѣлорыбицы, засовалъ за ними рожокъ горячаго калача и потомъ больше мычалъ, чѣмъ говорилъ. Но онъ ѣлъ умѣренно. Ему нужно было только притупить первое ощущеніе голода.

Тутъ онъ сдѣлалъ передышку.

— Измучился я, mon bon, долженъ былъ лазить по лѣсамъ... Канальи!.. Безъ своего глаза пропадешь, какъ шведъ подъ Полтавой...

Рѣчь шла о стройкѣ. Калакуцкій давно занимался подрядами

и стройкой домовъ, и все шелъ въ гору. На Палтусова онъ обратилъ вниманіе, знакомилъ его съ дѣлами. Наканунѣ онъ назначилъ ему быть на Варваркѣ въ трактирѣ и хотѣлъ потолковать съ нимъ «посурьёзнѣе» за завтракомъ.

Но Палтусовъ самъ не начиналъ разговора о себѣ. У него былъ на это расчетъ. Калакуцкій—для первыхъ ходовъ,—казался ему самымъ лучшимъ рычагомъ. Нюхъ говорилъ Палтусову, что онъ нуженъ этому «ловкачу»: такъ онъ называлъ его про себя, и подъ этой кличкой даже заносилъ въ записную книжку отмѣтки о Калакуцкомъ.

— Такъ вы совсѣмъ москвичемъ дѣлаетесь?—спросилъ его Калакуцкій за севрюжкой.

— Дѣлаюсь.

— Штука любезная. Мы въ молодыхъ людяхъ нуждаемся, такихъ вотъ, какъ вы. Очень ужъ овчиной у насъ разитъ. Никого нельзя ввести въ операцію... Или выжига, или хамъ!..

— Мнѣ нравится Москва.

— Сундукъ у ней хорошъ, да не сразу его отопрешь, голубчикъ. Хамство ужъ очень меня одолѣваетъ иной разъ,—даже самъ-то овчиной провоняешь... Честной человѣкъ!.. Вечеромъ пріѣдешь—такъ и разитъ отъ тебя!..

Онъ тоже не начиналъ безъ подхода. Говорилъ онъ одно, а думалъ другое. Онъ мысленно осматривалъ Палтусова. Малый, кажется, на всѣ руки, и съ достоинствомъ; такое выраженіе у него въ лицѣ; а это — главное съ купцами, особенно если изъ старовѣровъ, и съ иностранцами. Денегъ у него нѣтъ, да ихъ и не нужно. Однако все лучше, если водится у него пятокъ-десятокъ тысячъ. Заручиться имъ надо, предложить пай.

— Вы, я слышу, mon cher,—заговорилъ онъ, такъ, между прочимъ, пропуская стаканчикъ лафиту,—все съ купчихами?..

— Кое-кого знаю,—сказалъ Палтусовъ, чуть-чуть улыбнувшись, и отеръ усы салфеткой.

— Это хорошо! Продолжайте! Надо завязать связи. У Марьи Орестовны бываете?

— Какъ же.

— Эта изъ мужа веревки вьетъ. Онъ тоже хамъ и самолюбивое животное. Но его надо ручнымъ сдѣлать. Вы этого не забывайте. Вѣдь онъ постъ занимаетъ. Да что же это я все вамъ не скажу толкомъ... Вы вѣдь знаете,—Калакуцкій наклонился къ нему черезъ локоть:—вы знаете, что у меня теперь для большихъ строекъ... товарищество на вѣрѣ ладится?

— Слышалъ,—отвѣтилъ Палтусовъ ласково и сдержанно.

— А знаете, что я въ прошломъ году, когда у насъ было простое компаньонство, предоставилъ моимъ товарищамъ?

— Въ точности не знаю.

— Семьдесять процентиковъ! Joli? N'est ce pas?

— Joli,—повторилъ Палтусовъ.

Онъ не любилъ французить; но выговоръ былъ у него гораздо лучше, чѣмъ у Калакуцкаго.

— Мнѣ бы хотѣлось и васъ примостить. Въ карманъ я къ вамъ не залѣзаю...

— У меня крохи, Сергѣй Степановичъ,—выговорилъ съ благородной усмѣшкой Палтусовъ.

— Ничего. Когда совсѣмъ налажу, скажу вамъ. Что будетъ—тащите. Не на текущемъ же счету по два процента получать!

Палтусовъ понялъ тотчасъ же, почему Калакуцкій сдѣлалъ ему такое предложеніе. Это его не заставило попятиться. Напротивъ, онъ нашелъ, что это умно и толково. Онъ зналъ, что Калакуцкій заработываетъ большія деньги, и всѣ говорятъ, что черезъ три-четыре года, онъ будетъ самый крупный строитель-подрядчикъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ довѣрчивымъ тономъ и сейчасъ же сообщилъ Калакуцкому, какія у него есть деньжонки, не скрылъ и того, въ какомъ онѣ банкѣ лежатъ, и сколько ему нужно, чтобы обзавестись квартирой.

Калакуцкій все это одобрилъ. Они подходили другъ къ другу. Строитель былъ человѣкъ малограмотный, нигдѣ не учился, вышелъ въ офицеры изъ юнкеровъ; но родился въ барской семьѣ. Его прикрывалъ плохой французскій языкъ и лоскъ; вывозили смѣтка и смѣлость. Но ему нуженъ былъ на время пособникъ въ такомъ родѣ, какъ Палтусовъ, гораздо образованнѣе, новѣе, тоньше его самого.

IX.

Послѣ котлетъ принесли шампанскаго. Палтусовъ угощалъ имъ. Калакуцкій принялъ; но счетъ завтрака они раздѣлили по поламъ. Подали кофе и ликеры. Половые ушли, поставивъ три раскрытыхъ ящика съ сигарами.

— Такъ вотъ, любезнѣйшій Андрей Дмитричъ,—заговорилъ Калакуцкій—его глаза уставились на Палтусовѣ:—я васъ хочу нанимать, или съ вами союзъ заключить.

— Въ какомъ смыслѣ? — спросилъ Палтусовъ. Вина онъ выпилъ довольно; но языкъ его былъ также сдержанъ, какъ и въ началѣ завтрака. Только щеки стали розовѣе. Онъ очень отъ этого похорошѣлъ.

— Да въ томъ, сударь мой, что вамъ надо быть моимъ тайнымъ áгентомъ.

— Агéнтомъ?—переспросилъ Палтусовъ, переставивъ удареніе.

— Именно! Ха, ха! Я не въ сыщики васъ беру. Разсудите—вы мнѣ уже говорили, что желали бы присмотрѣться къ дѣламъ и выбрать себѣ, чтó на руку. Ну, не пойдете же вы ко мнѣ въ конторщики, или нарядчики?.. Компаньономъ—у васъ капитала нѣтъ... Пай предложу вамъ съ удовольствіемъ. Но этого мало. Вы можете быть весьма и весьма полезны нашимъ операціямъ и теперь, и послѣ... У меня въ головѣ много прожектовъ. Я цѣлые дни занятъ, разрываюсь, какъ каторжный, и страшно отъ этого теряю... Тутъ надо человѣка отыскать, туда заѣхать, тамъ понюхать. Вотъ и необходимъ áгентъ! Но какой? Вы не обижайтесь... такой, чтобы стоилъ компаньона.

— Понимаю, понимаю,—тихо повторялъ Палтусовъ и глядѣлъ въ стаканъ съ шампанскимъ, точно любовался, какъ иглы тонкаго льда мигали въ винѣ и гнали наверхъ пузырьки газа.

— И не побрезгуете?

— Идея хороша!

— И тянуть нечего. Проволочка всякому дѣлу — капутъ!.. А положеніе простое—процентъ. Вамъ небось сказывали, что я умѣю платить и дѣлиться? Это—первое. Примите добрый совѣтъ...

Тутъ глаза Палтусова слегка покраснѣли.

— Идея прекрасная, Сергѣй Степановичъ!—выговорилъ онъ и всталъ со стаканомъ въ рукѣ. Глаза его обѣжали и свѣтелку съ видомъ на пестрый коверъ крышъ и церковныхъ главъ, и то, чтó стояло на столѣ, и своего собесѣдника, и себя самого, насколько онъ могъ видѣть себя.—У васъ есть иниціатива!—уже горячѣе воскликнулъ онъ и поднялъ стаканъ, приблизивъ его къ Калакуцкому.

— Безъ ученыхъ словъ, голубчикъ!..

— Нѣтъ, позвольте его повторить, Сергѣй Степановичъ! Иниціатива! По-русски почитъ, если вамъ угодно! Отчего мы, дворяне, люди съ образованіемъ, хорошихъ фамилій, уступаемъ всѣмъ этимъ... какъ вы выражаетесь—хамамъ? Отчего? Оттого, что почина нѣтъ. А хамъ—уменъ, Сергѣй Степановичъ!

— Плутъ!—вырвалось у Калакуцкаго.

— Уменъ,— повторилъ Палтусовъ. — Я его не презираю. Такой же русакъ, какъ и мы съ вами... Я говорю о мужикѣ, вотъ объ такомъ Алексѣѣ, что служитъ намъ, о рядчикѣ, десятникѣ, штукатурѣ... Мы должны съ ними сладиться и сказать купецкой мошнѣ: пора тебѣ съ нами дѣлиться, а не хочешь, такъ мы тебя подъ-ножку.

— Отлично! Да вы ораторъ! Разумѣется, намъ слѣдуетъ выкуривать бороду. Я это и дѣлаю...

— За эту идею позвольте чокнуться,—протянулъ Палтусовъ стаканъ къ Калакуцкому.

Тотъ тоже привсталъ. Они чокнулись и три раза поцѣловались. Это сдѣлалось какъ-то само собой.

И Калакуцкій началъ разсказывать анекдоты изъ своей практики: какъ онъ начиналъ, чему выучился, сколько разъ висѣлъ на волоскѣ. Онъ привиралъ, невольно, въ жару разговора, увеличивалъ цифры убытковъ и барышей, щеголялъ своей смѣткой и дѣловой неустрашимостью. Все это отлично схватывалъ Палтусовъ; но хвастливыя рѣчи строителя, возбужденныя виномъ, пары шампанскаго, ароматъ ликеровъ, дымъ дорогихъ сигаръ образовалъ вокругъ Палтусова атмосферу, въ которой его воображеніе опять заиграло. Вѣдь вотъ этотъ подрядчикъ не Богъ знаетъ какого ума, безъ знаній, съ грубоватой натурой, а ведетъ же теперь чуть ли не милліонныя дѣла? И надо поклониться ему за это. Онъ—первый изъ «піонеровъ» - дворянъ пошелъ на развѣдки и сталъ выхватывать куски изо рта толстобрюхихъ лавочниковъ и цѣловальниковъ. Явится онъ, Палтусовъ, а за нимъ и другой, и третій—люди тонкіе, культурные, все понимающіе и почнутъ прибирать къ рукамъ этотъ купецкій «городъ», доберутся до его кубышекъ, складовъ и амбаровъ, настроятъ дворцовъ и скупятъ у обанкрутившихся купцовъ ихъ дома, фабрики, лавки, конторы.

И ему казалось, точно онъ не въ свѣтелкѣ трактира, а на воздушномъ шарѣ, поднялся на двѣсти саженъ отъ земли и смотритъ оттуда на Москву, на Ильинку, на ряды и площади, на толкотню и ѣзду чуть-замѣтныхъ насѣкомыхъ-людей.

— А сегодня, mon cher,—захрипѣлъ опять Калакуцкій:— не угодно ли вамъ будетъ исполнить два порученьица?

Палтусовъ не удивился этой американской быстротѣ осуществленія плана. Онъ выслушалъ внимательно, записалъ, что́ нужно, переспросилъ скоро и точно, и незамѣтно, прощаясь съ строителемъ, привелъ его къ размѣрамъ процента за свои услуги.

— Видите,—сказалъ Калакуцкій, выпрямляя грудь. — Дѣлъ

у меня нѣсколько. Тѣ идутъ своимъ чередомъ. А вотъ по новому товариществу на-вѣрѣ. Расходы, положимъ триста въ пятьдесять рублей,—протянулъ онъ,—и десять процентовъ съ чистой прибыли. Ça vous va?..

Палтусовъ молча поклонился и пожалъ руку Калакуцкому. Въ головѣ его ужъ сидѣло черновое нотаріальное условіе, которое онъ на-дняхъ и подброситъ патрону.

Онъ такъ и назвалъ его мысленно «патронъ». Это ему не очень понравилось. Онъ не хотѣлъ бы ни отъ кого зависѣть. Но развѣ это зависимость? Это—купля-продажа—не больше.

Калакуцкій сѣлъ въ дрожки, парой чубарыхъ лошадокъ, съ пристяжкой, и поскакалъ къ Варварскимъ воротамъ. Палтусовъ остался въ городѣ и велѣлъ кучеру «трогать» въ Славянскій базаръ.

X.

Ресторанъ Славянскаго базара доѣдалъ свои завтраки. Оставалась четверть до двухъ часовъ. Зала, передѣланная изъ трехъэтажнаго базара, въ этотъ ясный день поражала пріѣзжихъ изъ провинціи, да и москвичей, кто въ ней рѣдко бывалъ, своимъ просторомъ, свѣтомъ сверху, движеньемъ, архитектурными подробностями. Чугунные выкрашенные столбы и помостъ, выступающій по-срединѣ, съ купидонами и завитушками, наполняли пустоту огромной махины, останавливали на себѣ глазъ, щекотали по-своему смутное художественное чувство даже у закорузлыхъ обывателей откуда-нибудь изъ Чухломы или Варнавина. Идущій оваломъ рядъ широкихъ оконъ втораго этажа, съ бюстами русскихъ писателей въ простѣнкахъ, показывалъ извнутри драпировки, обои подъ изразцы, фигурныя двери, просвѣты площадокъ, оконъ, лѣстницъ. Бассейнъ съ фонтанчикомъ прибавлялъ къ смягченному топоту ногъ по асфальту, тонкое журчаніе струекъ воды. Отъ нихъ шла свѣжесть, которая говорила какъ будто о присутствіи зелени или грота изъ ноздреватыхъ камней. По стѣнамъ пологіе диваны темно-малиноваго трипа успокоивали зрѣніе и манили къ себѣ за столы, покрытые свѣжимъ, глянцовито выглаженнымъ бѣльемъ. Столики [illegible]еньше, разставленные по обѣимъ сторонамъ помоста и сто[illegible], сгущали трактирную жизнь. Черный съ украшеніями буфетъ подъ часами, занимающій всю заднюю стѣну, покрытый сплошь закусками, смотрѣлъ столомъ богатой лабораторіи, гдѣ разставлены разноцвѣтные пре-

параты. Справа и слѣва въ переднихъ стояли сумерки. Служители въ голубыхъ рубашкахъ и казакинахъ съ сборками на тальѣ, молодцоватые и степенные, молча вѣшали верхнее платье. Изъ стеклянныхъ дверей виднѣлись обширныя сѣни съ лѣстницей на верхъ, завѣшанной триповой веревкой съ кистями, а въ глубинѣ мелькала ѣзда Никольской, блестѣли вывѣски и подъѣзды.

Большими деньгами дышалъ весь отель, отстроенный на славу, немного уже затоптанный и не такъ старательно содержимый, но хлесткій, бросающійся въ носъ своимъ московскимъ комфортомъ и убранствомъ.

Зала ресторана еще не начала пустѣть. Это былъ часъ биржевыхъ маклеровъ и зайцевъ почище, часъ раннихъ обѣдовъ для пріѣзжихъ «изъ губерніи» и позднихъ завтраковъ для тѣхъ, кто любитъ проводить цѣлые дни за трактирной скатертью. Нѣмцевъ и евреевъ сейчасъ можно было признать по носамъ, цвѣту волосъ, короткимъ бакенбардамъ, конторской франтоватости. Они вели за отдѣльными столами бойкіе разговоры, пили немного, но угощали другъ друга, посматривали на часы, охорашивались, разсказывали случаи изъ практики, часто хохотали разомъ, дѣлали нѣмецкіе «вицы». За большимъ столомъ, около самаго бассейна, помѣстилось дворянское семейство, только-что пріѣхавшее: отецъ при солдатскомъ Георгіи на коричневомъ пиджакѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, мать—въ туалетѣ, гувернантка, штукъ пять подростковъ, родственница-дѣвица, бойкая и сердитая, успѣвшая уже наговорить непріятностей суетливому лакею, тыча ему въ носъ мѣстоименіе «вы», къ которому, видимо, не была привычна съ прислугою. Они завтракали на цѣлый день, отправляясь осматривать грановитую палату, царь-пушку, соборы, по дорогѣ синодальную типографію, отслушать молебенъ у Иверской, поѣсть пирожковъ у Филиппова на Тверской и до обѣда попасть въ Голофтѣевскую галлерею, гдѣ родственница должна непремѣнно купить себѣ подвязки и пару ботинокъ и надѣть ихъ до театра. А билеты разсчитывали добыть у барышниковъ. Ближе къ буфету, за столикомъ, на одной сторонѣ, выдѣлялось двое военныхъ: драгунъ съ воротникомъ персиковаго цвѣта и гусаръ въ свѣтло-голубомъ ментикѣ съ серебромъ. Они «душили» портеръ. По правую руку, одинъ съ газетой, кончалъ завтракъ сѣдой, высохшій старикъ съ желтымъ лицомъ и плотно-остриженными волосами—изъ Петербурга, большой баринъ. Онъ ѣлъ медленно и брезгливо, вино пилъ съ водой, и потребовавъ себѣ полосканье, вымылъ руки изъ графина. Лакей говорилъ ему:

«ваше сіятельство». Въ одной изъ нишъ два купца-рыбопромышленника крестились, вставая изъ-за стола. Каждый далъ лакею по мѣдному пятаку. Они потребовали одну порцію селянки по-московски и выпили по три рюмки травнику. Куапдоны имъ понравились.

XI.

Палтусовъ вошелъ въ ресторанъ, остановился спиною къ буфету и оглянулъ залу. Его быстрые, дальнозоркіе глаза сейчасъ же различили на противоположномъ концѣ, у дверей въ комнату, замыкающую ресторанъ, группу человѣкъ въ пять биржевиковъ, и между ними того, кто ему былъ нуженъ.

Подвернувшемуся лакею, съ длинными жидкими бакенбардами, онъ сказалъ ласково:

— Не трудитесь, голубчикъ,—и прошелъ черезъ всю залу. Прислугѣ во фракахъ онъ вездѣ говорилъ «вы».

Онъ намѣтилъ у стола биржевиковъ молодого брюнета съ лицомъ, какія попадаются въ магазинахъ бѣлья и женскихъ модъ, въ узкихъ бакенбардахъ, съ прической «капульчикомъ», въ темно-красномъ шарфѣ, перехваченномъ матовымъ золотымъ кольцомъ. Пиджакъ изъ англійскаго шевіота сидѣлъ на немъ гладко, выказывалъ его округленныя, падающія, какъ у женщины, плечи.

— Карлъ Христьянычъ!—окликнулъ его Палтусовъ. Ему и нужно было этого самаго маклера.

Биржевикъ привсталъ и направилъ на него простоватые масляные глаза.

— Почтеніе!—сказалъ онъ съ умышленной интонаціей русскаго нѣмца-шутника, подражающаго «купецкому» жанру.

И руку подалъ нарочно ребромъ, а не ладонью.

Палтусовъ отвѣтилъ ему въ тонъ.

— Изволили откушать?

— Какъ же! Побаловались. Пора и пошабашить.

— Можно на пару словъ?

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

И обратившись къ остальнымъ, маклеръ сказалъ имъ по-нѣмецки:

— Kinder! Auf Wiedersehen! Precise.

Тѣ почему-то загоготали.

«Карлуша», такъ его звали пріятели, отряхнулся, далъ

лакею на чай, поправилъ галстухъ, и взялъ Палтусова подъ руку. Они пошли, не спѣша, въ угловую комнату, гдѣ никого уже не было.

Разговоръ длился не больше десяти минутъ. Маклеръ стоялъ, а Палтусовъ присѣлъ на конецъ дивана.

Слышны были слова: «пай», «новый корпусъ», «самъ Сергѣй Степановичъ», «пустить въ ходъ», «куртажъ». Нѣмчикъ только кивалъ головой, да игралъ цѣпочкой, и раза два сказалъ:

— Безъ сумлѣнья. Въ настоящемъ видѣ.

Онъ уже иначе не умѣлъ говорить съ русскими, какъ такимъ языкомъ.

— Стало, живетъ?—спросилъ Палтусовъ, поднимаясь и пожимая ему руку.

— Будьте благонадежны...

Маклеръ заторопился.

— Вы ужъ, голубчикъ, извините пожалуста, послѣ биржи... А теперь надо...

Изъ губъ его слетѣло нѣсколько именъ. Изъ залы можно было разслышать:

— Къ Ценкеру, на Моросейку, у Кнопа, Корзинкины... Да еще къ Катуару!..

Вышло новое рукопожатіе.

— Какъ курсà?—спросилъ на ходу Палтусовъ.

— Курсà?

Маклеръ остановился, щелкнулъ языкомъ и выговорилъ:

— Швахъ!

И почти бѣгомъ пустился по ресторану.

Глядя вслѣдъ убѣгавшему нѣмчику, Палтусовъ вспомнилъ сегодняшнія, веселыя рѣчи банковскаго директора. Вотъ хоть бы этотъ Карлуша! Какая ему цѣна? А онъ навѣрно зарабатываетъ тысячъ двѣнадцать, а то гляди и всѣ шестнадцать. Не весело цѣлое утро разъѣзжать по конторамъ, а потомъ бѣгать по биржевому залу. Да вѣдь у него въ головѣ за то ни одной своей мысли! Онъ дальше десятичныхъ дробей врядъ-ли ходилъ. Днемъ колеситъ по Москвѣ и юлитъ на биржѣ; послѣ биржи—обѣдъ, а ночью пляшетъ—невѣстъ себѣ выплясываетъ—до пѣтуховъ; сегодня въ Большой Алексѣевской, завтра на Разгуляѣ, въ Плетешкахъ, послѣ завтра—на Татарской... И выпляшетъ, возьметъ полмилліона, и банковый учредитель будетъ. За то онъ нѣмецъ! А Евграфъ Петровичъ увѣряетъ, что «нѣмцы между собой вездѣ снюхаются».

Онъ улыбнулся. Ему въ сущности нечего было завидовать

этому Карлуши. Такой «капульчикъ» долженъ успѣвать при стачкѣ своего брата нѣмца. Чего-нибудь—позамысловатѣе выгодной женитьбы и маклерскаго дохода—онъ не выдумаетъ! Не тѣ у него мозги!..

У буфета Палтусова кто-то удержалъ двумя руками. Онъ поднялъ голову и разсмѣялся. Съ непритворнымъ удовольствіемъ обнялъ онъ самъ высокаго, немного пухлаго, совсѣмъ бритаго мужчину, одних съ нимъ лѣтъ, въ короткой синей визиткѣ и сѣрыхъ панталонахъ. За-границей его всякій принялъ бы за молодого французскаго нотаріуса или за англійскаго духовнаго, снявшаго съ себя долгополый сюртукъ. Мягкіе русые волосы, съ проборомъ на боку, подстриженные сзади и гладко причесанные спереди, необыкновенно подходили къ крупному носу, золотымъ очкамъ, добрымъ и умнымъ глазамъ этого москвича, къ его заостряющемуся брюшку, тонкой усмѣшкѣ и бѣлымъ рукамъ—огурчикамъ. Держался онъ прямо, даже немного выпрямившись, и не наклонялъ голову, а подавался впередъ всѣмъ туловищемъ.

— Палтусовъ!

— Пирожковъ!

Они громко чмокнули себя въ щеки.

— Гдѣ пропадаете?—спросилъ Палтусовъ, все еще придерживая пріятеля.

— А вы? Я былъ въ деревнѣ съ мая вотъ по сіе время.

— Это и видно.

Палтусовъ указалъ глазами на брюшко Пирожкова.

— Да, есть-таки развитіе сальника. Вотъ все хожу.

— Вы здѣсь завтракаете?

— Покончилъ. Не выпить ли элю?

— Я тороплюсь. Ахъ, какая досада!

Палтусовъ опять нелицемѣрно наморщилъ лобъ. Ему очень хотѣлось покалякать съ этимъ «славнымъ малымъ», котораго онъ считалъ «умницей» и даже «ученымъ». Но дѣло не ждало. Онъ это и объяснилъ Пирожкову.

Пріятель не возмутился; безъ всякихъ переливовъ голоса—какъ говорятъ всѣ почти молодые русскіе — спросилъ онъ у Палтусова, гдѣ тотъ живетъ и что вообще дѣлаетъ.

— Пускаюсь въ выучку къ Титамъ Титычамъ,—сказалъ Палтусовъ нотой, въ которой сквозила совѣстливость.

— Вотъ что! — протянулъ его пріятель. — Чтожъ! штука весьма интересная. Мы не знаемъ этого міра. Теперь новые

нравы. Прежніе Титы Титычи пахнуть уже до-реформенной полосой.

— Да я не литераторъ, Иванъ Алексѣичъ; я — для разживы. Чтожъ такъ-то болтаться?

Глаза Пирожкова повеселѣли.

— Вы — своего рода Станлэй! я всегда это говорилъ. Смѣтка у васъ есть, мышцы, нервы... И Балканы переходили!

Они оба тихо разсмѣялись. Палтусовъ выхватилъ часы изъ кармана.

— Батюшки! двадцать третьяго! Голубчикъ Иванъ Алексѣичъ, заверните... Оставьте карточку... Пообѣдаемъ. Вѣдь вы покушать любите, по прежнему?

— Есть тотъ грѣхъ!

— Въ Эрмитажѣ? Стерлядку по американски, знаете, съ томатами.

По лицу Пирожкова пошла волнистая линія человѣка, знающаго толкъ въ ѣдѣ.

— Такъ на Дмитровкѣ?

— Да-да!.. торопился Палтусовъ.

Они выходили вмѣстѣ. Въ передней Палтусовъ, надѣвъ пальто, опять взялъ Пирожкова за бортъ визитки. Ему вспомнилась ихъ жизнь, года три передъ тѣмъ, въ меблированныхъ комнатахъ у чудака учителя, которому никто не платилъ.

— Ѳаванда-то наша рушилась! — возбужденно сказалъ онъ Пирожкову. — Славно жили! Что за типы были! — И Василій Алексѣичъ съ своей керосиновой кухней... Гдѣ онъ? Пишетъ-ли что? Врядъ-ли!

— Умеръ, отвѣтилъ Пирожковъ, и улыбка застыла у него на губахъ.

Они смолкли.

— Буду ждать! — крикнулъ Палтусовъ изъ сѣней. — Захаживаете-ли когда къ Долгушинымъ?

— По пріѣздѣ еще не былъ.

— Гніютъ на корню! Дворянское вырожденіе!.. — Фраза Палтусова прогудѣла въ сѣняхъ.

XII.

Малый въ голубой рубашкѣ натянулъ на Пирожкова короткое, уже послужившее пальто, и подалъ трость и шляпу. Иванъ Алексѣичъ и зиму, и лѣто ходилъ въ высокой цилиндрической

пляцѣ, которую покупалъ всегда къ Пасхѣ. Онъ пошелъ не спѣша.

Встрѣча съ Палтусовымъ и его отнесла къ той зимѣ, когда они жили въ комнатахъ у учителя ариѳметики, Скородумова, въ переулкѣ, на Срѣтенкѣ, около церкви «Успенья въ Печатникахъ». Тогда Иванъ Алексѣичъ серьёзно подумывалъ о магистерскомъ экзаменѣ. Прошло три года, а онъ все еще не магистръ. Правда, онъ ѣздилъ за-границу; но врядъ ли съ спеціальною цѣлью. Онъ изучалъ много хорошихъ вещей разомъ: и движеніе философскихъ идей, и уличную жизнь, и рестораны, и женщинъ, и театръ, и журнализмъ... Читалъ онъ не мало книжекъ, хаживалъ и въ кабинеты, по своей наукѣ принимался за собираніе спеціальныхъ мемуаровъ и даже заплатилъ три золотыхъ за право имѣть свой столъ съ микроскопомъ. Но какъ-то работы не вышло. Въ Москвѣ время текло опять почти-что такъ, какъ оно текло, когда Иванъ Алексѣичъ кончилъ курсъ кандидатомъ и отдыхалъ, живя въ Лоскутномъ.—И это славная полоса была. Много пили портеру и элю. Цѣлые вечера проводили въ билліардной; за то журналы и книжки читали запоемъ, точно варенье глотали ложками. Иной разъ, не вставая, въ постели, пролеживали до сумерекъ, съ какимъ-нибудь англійскимъ томомъ по психологіи или этнографіи. А тамъ вечеръ— въ театрѣ, молодыхъ актрисъ поддерживали, въ клубѣ любительницъ поощряли, развивали ихъ, покупали имъ Шекспира, переводили имъ отрывки изъ нѣмецкихъ критиковъ, кто не зналъ языка. Споры, бесѣды... На Срѣтенкѣ, у Скородумова, начался непрерывный содомъ. Сколько прошло отличныхъ ребятъ, или забавныхъ, нелѣпыхъ; но съ ними весело жилось. И какія женщины попадались! Пойдутъ всей гурьбой въ концертъ, въ оперу, наслушаются музыки, и до пяти часовъ утра «пивное царство», поютъ хоромъ каватины, спорятъ, иные ругаютъ «итальянщину», дымъ коромысломъ, летятъ имена: Чайковскій, Рубинштейнъ, Балакиревъ, Сѣровъ! На другой день голова трещитъ. Идетъ въ ходъ зельтерская вода. Покойникъ Василій Алексѣичъ — опять полоса... Натура этого скитальца, его причуды, лѣнь, умъ, даровитость; невиданное Пирожковымъ обаяніе на женщинъ, вся жизнь, сотканная изъ нѣжныхъ сношеній съ ними. И на это цѣлый годъ пошелъ.—«Номера» рухнули.—Да и пора было.— Нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ отрезвили. Тутъ ужъ планъ работы выяснился: досуга—вволю.—Хозяйство ведетъ братъ, кушать можно всласть; но и моціону много. Ходи себѣ по липо-

вой аллеѣ и поглощай книжки. — Осень стояла небывалая. И теперь жаль, что поторопился въ городъ; да какъ-то нельзя...

Пирожковъ сталъ въ раздумьѣ подъ навѣсомъ подъѣзда — куда идти? Идти можно — куда захочешь. Но никуда не *нужно* идти Ивану Алексѣичу. Нѣтъ у него ни казенной службы, ни конторы, ни работы въ университетскомъ кабинетѣ. Еще не начиналъ ее. Да и не всѣ тамъ съѣхались, профессоръ въ заграничномъ отпуску, ассистентъ боленъ. — Зайти развѣ по старой памяти въ аудиторію? — Не хочется; что за охота припоминать зады? Слышно, какой-то доцентъ у юристовъ собираетъ аудиторію человѣкъ въ двѣсти, говоритъ ново, смѣло, готовится къ лекціямъ. Недурно-бы; да кажется лекціи-то его поутру, съ десяти часовъ. Почитать развѣ газетъ въ кондитерской? Такъ лучше подняться въ читальню того же славянскаго базара. Тамъ десятка два газетъ. Тяжеленько! Съ нѣкоторыхъ поръ Иванъ Алексѣичъ чувствуетъ иногда легкую одышку, ему непріятны всякіе спуски и подъемы. И печень начала немного пошаливать. Нѣтъ-нѣтъ, да и колотье. Онъ пилъ горькую воду въ деревнѣ.

«Куда же идти?» еще разъ спросилъ себя Пирожковъ и замедлилъ шагъ мимо голубого, всегда привлекательнаго дома синодальной типографіи. Ему рѣшительно не приходило на память ни одного пріятельскаго лица. Зайти въ окружный судъ? На уголовное засѣданіе? Слушать какъ обвиняется въ кражѣ со взломомъ крестьянинъ Никифоръ Варсонофьевъ и какъ его будетъ защищать «помощникъ» изъ евреевъ, съ надрывающею душу картавостью? До этого онъ еще не дошелъ въ Москвѣ...

Москва!.. Онъ имѣлъ къ ней слабость, да и теперь любитъ ее по своему, какъ «этнографическій центръ». Изучать ее было бы занимательно. Разбить на области: фабрики, рабочій людъ, нравы и обычаи вотъ этого самаго «города», расколъ, проституція. Хорошо! Но ежедневныхъ рессурсовъ просто для развитаго человѣка, какъ онъ, съ европейскими привычками, съ желаньемъ послѣ завтрака поговорить о живомъ вопросѣ, найти сейчасъ-же подъ бокомъ кружокъ людей... Этого нѣтъ! Прежде у него былъ Лоскутный, были номера на Срѣтенкѣ... Должно быть молодость проходитъ; старые пріятели разбрелись и слиняли, новыхъ что-то не выростало. Вотъ Палтусовъ еще изъ самыхъ бойкихъ; но его тянетъ къ наживѣ — это ясно!..

Иванъ Алексѣичъ повелъ носомъ. Пахло фруктами, спѣлыми яблоками и грушами — характерный осенній запахъ Москвы въ ясные сухіе дни. Онъ остановился передъ разнощикомъ, присѣв-

жимъ на корточкахъ у тротуарной тумбы, и купилъ пару грушъ. Ему очень хотѣлось пить отъ густого пряного соуса къ дикой козѣ, съѣденной въ ресторанѣ. Груши оказались жестковаты, но вкусны. Иванъ Алексѣичъ не стѣснялся ѣсть ихъ на улицѣ. Онъ любилъ свободу, какою всѣ пользуются на парижскихъ бульварахъ; но оставался джентльменомъ, никогда не позволялъ себѣ никакой рѣзкой выходки: это лежало въ его натурѣ.

Фруктовые запахи, вкусъ грушъ, не утолившихъ вполнѣ его жажды, привели его къ мысли о квасной лавкѣ. Вѣдь это въ двухъ шагахъ. Ходъ съ Никольской. Онъ перешелъ улицу.

XIII.

Проникають къ квасной лавкѣ — одна только и пользуется извѣстностью—чрезъ Сундучный рядъ, подъ вывѣску, которая доживетъ навѣрное до дня разрушенія гостинаго двора, съ его норами, провалившимися плитами и половицами, сыростью, духотой и вонью. Но многіе пожалѣютъ лѣтомъ о прохладѣ Сундучнаго ряда, гдѣ недалеко отъ входа усталый путникъ, измученный толкотней суровскихъ лавокъ и сорочьей болтовней зазывающихъ мальчишекъ и молодцовъ Ножевой линіи, находилъ квасное и съѣдобное приволье...

Иванъ Алексѣичъ студентомъ, и еще не такъ давно, въ «эпоху» Лоскутнаго, частенько захаживалъ сюда съ компаніей. Онъ не бывалъ тутъ больше двухъ лѣтъ. Но ничто, кажется, не измѣнилось. Даже красный полинялый сундукъ, обитый жестью, стоялъ все на томъ же мѣстѣ. И другой поменьше, въ лавкѣ рядомъ, съ боками въ букетахъ изъ розъ и цвѣтныхъ завитушекъ. И также неудобно идти по покатому полу, всё также натыкаешься на ящики, рогожи, доски.

За нѣсколько шаговъ до квасной лавки обдастъ васъ сырой свѣжестью погреба, и ягодные газы начинаютъ васъ щекотать въ ноздряхъ. Доносятся испаренія съѣстного. Три разнощика— безсмѣнно промышляющіе на этомъ мѣстѣ — расположились у входа въ лавку, направо и противъ нея. Они въ постоянной суетѣ. День выпалъ скоромный. У двоихъ имѣлись пирожки съ ливеромъ, съ мясомъ и кашей, съ яйцами и капустой, съ яблоками и вареньемъ. Третій предлагалъ ветчину въ большомъ розовомъ кускѣ съ нѣжнымъ жиромъ, и жареные мозги. Подальше стоялъ рыбникъ для любителей постной ѣды и въ скоромный

день. Разнощики съ фруктами часто проходили мимо, выкрикивая товаръ, и заглядывали въ квасную лавку.

Каждый разъ, когда, бывало, Иванъ Алексѣичъ приходилъ сюда въ пріятельскомъ обществѣ и спрашивалъ:—Съ чѣмъ пирожки? онъ особенно улыбался отъ созвучья съ собственной фамиліей. Не могъ онъ воздержаться отъ точно такой-же улыбки и теперь. Передъ нимъ распахивалъ довольно еще чистую верхнюю холстину жилистый, бѣлокурый разнощикъ, откинувшій отъ тяжести все свое туловище назадъ.

— Прикажете парочку?

Пирожковъ сдѣлалъ знакъ рукой, говорившій: «повремени малость».

Въ просторной лавкѣ безъ оконъ, темной, голой, пыльной, съ грязью по стѣнамъ, по крашеннымъ столамъ и скамейкамъ, по прилавкамъ и деревянной лѣстницѣ—внизъ въ погребъ—съ большой иконой посрединѣ стѣны, все покрыто липкимъ слоемъ сладкихъ остатковъ расплесканнаго и размазаннаго квасу.—Было тамъ человѣкъ больше десяти потребителей. Молодцы въ черныхъ и синихъ сибиркахъ, пропитавшихся той же острой и склизкой сыростью и плѣсенью — одни сбѣгали въ подвалъ и приносили квасъ, другіе—постарше—наливали его въ стаканчики-кружки, внизу пузатенькіе и съ вывернутыми краями. Такіе стаканчики сохранились только въ квасныхъ, у сбитенщиковъ, да по селамъ въ харчевняхъ и шинкахъ.

Свободное мѣсто нашлось для Пирожкова у входа направо. Онъ заказалъ себѣ грушеваго квасу. Публика всегда занимала его въ этой квасной лавкѣ. Непремѣнно, кромѣ гостинодворцевъ, заѣзжихъ купцовъ, мелкаго приказнаго люда, двухъ-трехъ обтрепанныхъ личностей въ нѣмецкомъ платьѣ, какихъ въ Ножевой зовутъ «Петрушка Уксусовъ», очутится здѣсь барыня съ покупками, изъ дворянокъ, соблюдающая свѣтскость, но обѣднѣвшая или скупая. Она наѣдается вплотную, но не любитъ встрѣчаться съ знакомыми и, если можно, не узнаетъ ихъ.

Все смотрѣло и сегодня, какъ тому быть слѣдовало. Иванъ Алексѣичъ оглядывалъ публику, попивая холодный, бьющій въ носъ, мутноватый квасъ. Вотъ и барыня. Она опорожнила три стакана квасу послѣ полуфунтового ломтя ветчины и четырехъ пирожковъ, и собираетъ свои покупки. Барынѣ лѣтъ подъ сорокъ. Она нарумянена. Это видно изъ-подъ вуалетки. Носъ и лобъ ея лоснятся отъ испарины. Губы сжаты такъ, какъ онѣ сжимаются у обѣднѣвшихъ помѣщицъ, желающихъ во что бы то ни стало поддержать «положеніе въ обществѣ». Пирожковъ узналъ

ее. Они встрѣчались въ одномъ домѣ, гдѣ ее терпѣть не могли, но принимали за-просто.

Барыня, должно быть, не разглядѣла Пирожкова. Она встала, прикрикнула на мальчишку, заставила его подать себѣ корзину и пошла къ дверямъ. Онъ привсталъ и сказалъ ей:

— Bonjour, madame!

Она вся выпрямилась, громко отвѣтила ему:—Bonjour, monsieur! и, отворотясь, вышла изъ лавки.

Разнощикъ съ простывшими наполовину пирожками опять выросъ передъ нимъ. Иванъ Алексѣичъ съѣлъ одинъ съ яблоками, повторилъ съ вареньемъ. Это заново зажгло у него жажду. Онъ спросилъ вишневаго квасу и выпилъ его двѣ кружки. Желудокъ точно расперло какими распорками: поднимался оттуда родъ опьянѣнія, пріятнаго и остраго, какъ отъ шампанскаго. Наискосокъ отъ него, за стеклянной дверью, другой разнощикъ наклонился надъ доскою, служившей ему столомъ, и крошилъ мозги на мелкіе куски; посоливъ ихъ потомъ, положилъ на листъ оберточной бумаги и подалъ купцу, вмѣстѣ съ деревянной палочкой—за мѣсто вилки—и краюшкой румяной сайки.

Слюнки полились у Ивана Алексѣича. Онъ позавтракалъ, ѣлъ сейчасъ сладкое, но аппетитъ поддался раздраженью. Гадость вѣдь, въ сущности, это крошево на бумагѣ. А вкусно смотрѣть. За смородиновымъ квасомъ пошли кусочки мозговъ. За мозгами съѣдены были два куска арбуза, сахаристаго, съ мелкими рыхло-сидѣвшими зернами, который такъ и таялъ подъ нёбомъ все еще разгоряченнаго рта.

Выйдя на Никольскую, Иванъ Алексѣичъ придавилъ себя пухлой ручкой по животу, подъ правымъ ребромъ.

«Что же это я?.. Отъ бездѣлья?!»

И ему стало стыдно.

XIV.

Никольская была ему достаточно знакома. Студентомъ онъ покупалъ и продавалъ книги въ лавкѣ Ивана Кольчугина. Сюда же, въ другую лавченку продалъ онъ переводъ книжки по технологіи еще на первомъ курсѣ. За листъ заплатили ему по семи рублей. Тогда онъ перебивался; изъ дому получалъ не всегда аккуратно. Вотъ и лавка стараго серебряника. За стекломъ стоятъ позолоченныя солонки русскаго образца съ крышкой и круглыя для подношенія «хлѣба-соли». Не лучше-ли вотъ это изучать,

чѣмъ засиживаться въ квасной лавкѣ? Тутъ передній вкусъ, рисунокъ, своеобразное изящество...

Но Ивану Алексѣичу показалось, что солонку, которую онъ въ эту минуту разсматривалъ, онъ уже торговалъ разъ, года два тому назадъ. Ему помнилось, что она не серебряная, а мѣдная, позолоченная. Вотъ онъ спроситъ.

— Солоночка-то,—обратился онъ къ прикащику:—вотъ эта, около образа Николая Чудотворца, какая ей цѣна?

— Три съ полтиной!

«Три съ полтиной!—думалъ онъ,—разумѣется не серебреная. Съ перваго слова и такая цѣна!...»

— Да она изъ чего?

— Бронзовая-съ... Черезъ огонь золочена.

Такъ и есть; онъ не ошибся. Вонъ и зеленоватое пятнышко на створчатой крышкѣ отъ времени. И его онъ вспомнилъ.

— Штиблеты лаковые!.. Господинъ! штиблеты! окачивалъ его крикливымъ и сиплымъ теноромъ «носящій», въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу, съ испитымъ лицомъ, подтеками на вискѣ, и въ халатѣ.

Не купить ли?—Иванъ Алексѣичъ испытывалъ ощущеніе малодушнаго позыва къ покупкамъ, такъ, по дѣтски, чего-нибудь... По тѣлу внутри разлилась истома; всего пріятнѣе было останавливаться почаще, перекинуться парой словъ, поглядѣть... А покупка все какъ будто дѣло...

— Цѣна? спросилъ онъ кротко-смѣшливымъ тономъ, хорошо извѣстнымъ его пріятелямъ.

— Шесть рублей, господинъ!

— Будто?—продолжалъ Иванъ Алексѣичъ въ томъ же тонѣ.

Ему припомнилась сцена изъ англійскаго романа въ русскомъ переводѣ, гдѣ юморъ состоитъ въ томъ, что спрашивали: «Что вы желаете за эту маленькую вещь, сэръ?» И опять: «что вы желаете за эту, очень маленькую вещь сэръ?» Въ Лоскутномъ они цѣлую недѣлю «ржали», отыскавъ этотъ отрывокъ и безпрестанно повторяли другъ другу:—Что вы желаете за эту чрезвычайно маленькую вещь, сэръ?

— Шесть рублей—никогда!.. дурачился Иванъ Алексѣичъ.

— Для почину—четыре!.. Нынче праздникъ, господинъ...

— Какой это?

— Опохмѣленья!—и халатникъ показалъ зеленые зубы.

Не купить-ли въ самомъ дѣлѣ? Онъ отдастъ за три рубля. И тотчасъ передъ Пирожковымъ всплыла, какъ живая, сцена: товарищъ его, Чистяковъ, теперь адвокатъ, выдерживалъ экзаменъ

на радостяхъ купилъ у носящаго такія вотъ «штиблеты». И въ тотъ же день въ Сокольникахъ одинъ изъ ботинокъ расползлся отъ носка до щиколки, и онъ остался въ носкахъ. Тоже, какой былъ хохотъ. И умные, искристые, полные комизма глаза покойника Шумскаго видятся ему со сцены, въ пьесѣ, передѣланной съ французскаго, гдѣ онъ приходитъ въ мѣховой шапкѣ, купленной у «носящаго» въ городѣ. И какъ онъ художественно игралъ ощущенье страха, когда явилось у него пятно на рукѣ и онъ увѣрился, что заразился отъ шапки! Давно это — еще гимназистомъ видѣлъ.

— Не надо, голубчикъ,— сказалъ Пирожковъ уже серьезно халатнику.

Носящій началъ приставать. Чтобы отдѣлаться отъ него, Иванъ Алексѣевичъ перебѣжалъ улицу противъ лавки съ тульскими издѣліями. Мѣдь самоваровъ, охотничьихъ роговъ, кофейниковъ, тазовъ слѣпила глаза. Ему показалось, что тутъ много новыхъ вещей, какихъ прежде не дѣлали. Онъ поднялся въ лавку. Теперь его еще больше щемило неудержимое, совсѣмъ дѣтское желаніе что-нибудь купить. Съ полки выглядывало нѣсколько садовыхъ шандаловъ съ пыльными колпаками. Вечера еще стояли теплые. Въ номерахъ гдѣ онъ живетъ—балконъ. Не дурно оставаться подольше на балконѣ.

— Сколько стоитъ?

— Рубль семь гривенъ.

Поторговались. Шандалъ купленъ за рубль пятнадцать копѣекъ. Нести его очень неловко. Иванъ Алексѣевичъ опять перешелъ улицу, поровнялся съ бумажными лавками въ началѣ «глаголей» Гостинаго двора. Захотѣлось вдругъ купить графленой бумаги и записную книжку. Это еще больше его затруднило; но онъ успокоился послѣ этихъ новыхъ покупокъ.

Вышелъ онъ на Красную площадь. День еще потеплѣлъ послѣ полудня. Свѣтъ, вмѣстѣ съ пылью, такъ и гулялъ по длинному полотну мостовой—отъ Воскресенскихъ воротъ до Василья Блаженнаго. Направо давитъ красная кирпичная глыба Историческаго Музея, расползшаяся и въ ширь, и въ глубь, съ ея восточной крышей, башнями, минаретами, столбами, выступами, низменнымъ ходомъ. На разстояніи—Пирожковъ нарочно отошелъ влѣво, ближе къ памятнику — Музей нравился ему теперь гораздо больше, чѣмъ не такъ давно. Онъ мирился съ нимъ. Прежде онъ почти негодовалъ, находилъ, что эта «груда кирпича» испортила весь обликъ площади, заперла ее, отняла у Воскресенскихъ воротъ ихъ стародавнюю жизнь.

Глазъ достигалъ до дальняго края безоблачнаго темнѣющаго неба. Девять куполовъ Василія Блаженнаго, съ перевитыми зубчатыми, точно булавы, главами, пестрѣли и тѣшили глазъ, словно гирлянда, намалеванная даровитымъ ребенкомъ, разыгравшимся среди мрака и крови, дремучаго холопства и изувѣрныхъ ужасовъ лобнаго мѣста. «Горячешная грёза зодчаго»—перевелъ про себя Пирожковъ французскую фразу иноземца-судьи, недавно имъ вычитанную.

Птицы на головахъ Минина и Пожарскаго, протянутая въ пространство рука, пожарный солдатикъ у рѣшетки, осѣвшійся, немощный и плоскій куполъ Гостинаго двора и вся Ножовая линія съ ея фронтономъ и фризомъ, облѣзлой штукатуркой и барельефами, темные пятнистые ящики Никольскихъ и Спасскихъ воротъ, отпотѣлая стѣна съ башнями и подъ нею загороженное мѣсто обвалившагося бульвара; а изъ-за зубцовъ стѣны—легкая ротонда сената, голубая церковь, точно перенесенная изъ Италіи, и дальше—сказочныя золотыя луковицы соборовъ—знакомые, сотни разъ воспринятые образы стояли въ своей вѣковой неподвижности... Площадь полна была дребезжанья дрожекъ и глухого грохота тяжелыхъ возовъ. Пѣшеходы и дрожки тянулись внизъ къ Москвѣ рѣкѣ и по двумъ путямъ въ Кремль. Сѣдоки и извощики снимали шапки, не доѣзжая Спасскихъ воротъ. Изъ Никольскихъ чаще спускались экипажи съ господами.

«Мужикъ, артельщикъ, купецъ, купчиха, адвокатъ» — считалъ Пирожковъ, и минутъ съ десять предавался этой статистикѣ. Въ десять минутъ не проѣхало ни одной кареты, не прошло ни одной женщины, которую онъ способенъ былъ назвать «дамой».

Его точно тянуло въ Кремль. Онъ поднялся черезъ Никольскія ворота, замѣтилъ, что внутри ихъ немного поправили штукатурку, взялъ вдоль арсенала, началъ считать пушки и остановился передъ мѣдной доской за стекломъ, гдѣ по французски говорится, когда всѣ эти пушки взяты у великой арміи.

Вдругъ его кольнуло. Онъ даже покраснѣлъ. Неужели Москва такъ засосала и его? Отъ дворца шло семейство то самое, что завтракало въ Славянскомъ Базарѣ. Дѣти раскисли. Отецъ кричалъ, весь красный, обращаясь къ женѣ:

— Мерзавцы! Канальи! Вездѣ грабежъ!

«И я—изъ ихъ породы,—подумалъ Иванъ Алексѣичъ:—и я направляюсь, должно быть, въ оружейную палату»?

Онъ участилъ шаги и махнулъ извощику. Къ нему подлетѣло нѣсколько пролетокъ отъ зданія судебныхъ мѣстъ.

Поскорѣе въ университетъ, въ кабинеты, хоть сторожа спро-

сить, съ нимъ поболтать, хоть нюхнуть пыльныхъ шкаповъ съ препаратами!.. А крестъ Ивана горѣлъ алмазомъ и бросалъ золотыя искры по небу...

— На Моховую! — крикнулъ Пирожковъ, снялъ шляпу и дохнулъ полной грудью.

XV.

— Вадима Павловича можно видѣть? — освѣдомился Палтусовъ у артельщика.

Передняя, въ видѣ узкаго корридора, замыкалась дверью въ глубинѣ, а справа другая дверь вела въ контору. Все глядѣло необыкновенно чисто: и вѣшалка, и столъ съ зеркаломъ, и шкапъ, разбитый на клѣтки, съ мѣдными бляшками подъ каждой клѣткой.

— Сейчасъ доложу, — сказалъ сухо-вѣжливо артельщикъ и скрылся за дверью.

Это былъ первый дѣловой визитъ Палтусова, по порученію Калакуцкаго, довольно тонкаго свойства. Подрядчикъ хотѣлъ испытать ловкость своего новаго «агента» и послалъ его именно сюда. Палтусову было бы крайне непріятно потерпѣть неудачу.

Его заставили прождать минуты три; но онѣ показались ему долгими. Раза два выпрямлялъ онъ талью передъ зеркаломъ и даже сталъ отряхивать соринку съ рукава.

— Пожалуйте, — пригласилъ его малый.

Онъ прошелъ черезъ комнату, похожую на контору нотаріуса. Тамъ сидѣло человѣкъ пять. Посторонняго народа не было.

— Туда въ уголъ, — указалъ ему одинъ изъ служащихъ.

Надо было зайти за рѣшетку и взять влѣво мимо конторокъ. Оттуда вышелъ полный бѣлокурый мужчина. Палтусовъ замѣтилъ его рѣдкіе волосы и типичное лицо купца-чиновника, какіе воспитываются въ коммерческой академіи. Это былъ завѣдующій конторою, но не самъ «Викторъ Павлычъ». Онъ возвращался съ доклада. Палтусову онъ сдѣлалъ небольшой поклонъ.

Палтусовъ ожидалъ вступить въ большой, эффектно обстановленный кабинетъ, а попалъ въ тѣсную комнату въ два узкихъ окна, съ изразцовой печкой въ углу и письменнымъ столомъ противъ двери. Налѣво — клеенчатый диванъ; у стола — вѣнскій гнутый стулъ, у печки — высокая конторка, за кресломъ письмен-

него стола—полки съ картонами: убранство кабинета, у средней руки конториста.

Палтусовъ назвалъ себя и прибавилъ: — отъ Сергѣя Степановича Калакуцкаго.

Надъ столомъ привсталъ и наклонилъ голову человѣкъ лѣтъ сорока, полный, почти толстый. Его темные вьющіеся волосы, матовое, широкое лицо, тонкій носъ и красивая короткая борода шли къ глазамъ его, чернымъ съ длинными рѣсницами. Глаза эти постоянно смѣялись, и въ складкахъ рта сидѣла усмѣшка. По тому, какъ онъ былъ одѣтъ и держалъ себя, онъ сошелъ бы за купца или фабриканта «изъ новыхъ», но въ выраженіи всей головы сказывалось что-то не купеческое.

Палтусовъ это тотчасъ же оцѣнилъ. Да онъ и зналъ уже, что Вадимъ Павловичъ Осетровъ попалъ въ дѣла изъ учителей гимназіи, что онъ кандидатъ какого-то факультета и всѣмъ обязанъ себѣ, своему уму и предпріимчивости. Разбогатѣлъ онъ на рѣчномъ промыслѣ, гдѣ-то на низовьяхъ Волги.

Руки Палтусову онъ первый не протянулъ, но пожалъ, когда тотъ подалъ ему свою.

— Милости прошу!—и указалъ онъ ему на стулъ.

Вышла маленькая пауза. Глаза Осетрова прозвали въ Палтусовѣ что-то въ родѣ неловкости.

— Я—отъ Сергѣя Степаныча,—повторилъ онъ и началъ скоро, не тѣмъ тономъ, какой онъ желалъ бы самъ придать своимъ рѣчамъ. Началомъ своего визита онъ не былъ доволенъ.

— Да-а?—откликнулся Осетровъ. Онъ говорилъ высокимъ, барскимъ, масляннымъ голосомъ съ маленькой шепелявостью: произносилъ букву «л», какъ «о». Въ этомъ слышался московскій уроженецъ.

— Сергѣй Степановичъ уже бесѣдовалъ съ вами по новому товариществу на вѣрѣ, и онъ теперь хотѣлъ бы приступить къ осуществленію.

«Глупо, книжно!» выругалъ себя Палтусовъ.

— Какъ же,—точно про себя выговорилъ Осетровъ, подвинувъ къ гостю папиросы, и сказалъ съ интонаціей комическаго чтеца:—угощайтесь.

Палтусовъ обрадовался папиросѣ. Она давала ему «отвлеченіе». Онъ однимъ мигомъ построилъ въ головѣ нѣсколько фразъ гораздо точнѣе, кратче и дѣловитѣе.

— Ему бы хотѣлось знать,—продолжалъ онъ увѣреннѣе, и совсѣмъ смѣло поглядѣлъ въ смѣющіеся глаза Осетрова:—можетъ ли онъ разсчитывать и на васъ, Вадимъ Павлычъ?

Осетровъ затянулся, откинулъ голову на спинку стула, пустилъ струю, и изъ насмѣшливаго рта его вышелъ звукъ вродѣ:

— Фа, фэ, фэ!..

«Не войдетъ» — рѣшилъ Палтусовъ и почувствовалъ, что у него въ спинѣ искарапка.

Ему, конечно, не дѣтей крестить съ Калакуцкимъ! Однимъ крупнымъ пайщикомъ больше или меньше—обойдется; у него хватитъ и кредиту, и знакомства. Но обидно будетъ, «по первому же абцугу», дать осѣчку и вернуться ни съ чѣмъ. Надо чѣмъ-нибудь да смазать эту «шельму»,—такъ опредѣлилъ Осетрова Палтусовъ.

— Да зачѣмъ я ему? — спросилъ Осетровъ ласково-пренебрежительно, и такъ посмотрѣлъ на Палтусова, какъ бы хотѣлъ сказать ему: «да вы развѣ не знаете вашего милѣйшаго Сергѣя Степаныча»?

Палтусовъ и это понялъ. Ему надо было сейчасъ же поставить себя на равную ногу съ Осетровымъ, доложить ему, что они люди одного сорта, «изъ интеллигенціи», и должны хорошо понимать другъ друга. Этотъ дѣлецъ изъ университетскихъ смотрѣлъ «докой»,—не чета Калакуцкому. Такимъ человѣкомъ слѣдовало заручиться, хотя бы только какъ добрымъ знакомымъ.

XVI.

— Позвольте, Вадимъ Павлычъ,—началъ уже другимъ тономъ Палтусовъ,—быть съ вами по душѣ. Вы меня, можетъ, считаете компаньономъ Калакуцкаго? Человѣкомъ... какъ бы это выразиться... de son bord?

Онъ не безъ намѣренія вставилъ французское выраженіе, удачно выбранное.

Осетровъ сидѣлъ на креслѣ въ полъ-оборота и смотрѣлъ на него черезъ плечо прищуреннымъ лѣвымъ глазомъ, а губы, скосившись, пускали тонкую струю дыма.

— Вы кто же? — спросилъ онъ мягко, но довольно безцеремонно.

У Палтусова капнула на сердце капелька желчи.

— Я—такой же новичокъ, какъ и вы были, Вадимъ Павлычъ, когда начинали присматриваться къ дѣламъ. Мы съ вами учились сначала другому. Мнѣ ваша карьера немного извѣстна.

Лицо Осетрова обернулось всѣмъ фасомъ. Онъ отнялъ отъ рта папиросу.

— Вы университетскій?

— Я слушалъ лекціи здѣсь,—отвѣтилъ скромно Палтусовъ: онъ скрылъ, что экзамена не держалъ, послѣ того, какъ побывалъ въ военной службѣ, въ кавалеріи.

— Изъ офицеровъ? — съ удареніемъ добавилъ Осетровъ и засмѣялся.

— Да, изъ офицеровъ. Участвовалъ въ послѣдней компаніи,— вскользь сказалъ Палтусовъ и продолжалъ:—думаю теперь войти въ промысловое дѣло. У Калакуцкаго я занимаюсь его порученіями...

— Что получаете?

Этотъ допросъ начиналъ коробить Палтусова, но онъ закусилъ губы и сдержалъ себя. Да это ему и не вредило въ сущности.

— Содержаніе до пяти тысячъ. Съ процентами надѣюсь заработать въ этомъ году до десяти.

— Начало не плохое,—одобрительно вымолвилъ Осетровъ. Вашъ принципалъ—шустрый дворянинъ. Пока—и онъ остановился на этомъ словѣ—дѣла его идутъ недурно. Только онъ забираетъ очертя голову, хапаетъ не въ мѣру... Жалуются на его стройку... Я вамъ это говорю по-просту. Да это и всѣ знаютъ.

Палтусовъ промолчалъ.

— Видите-ли,—Осетровъ совсѣмъ обернулся и уперся грудью о столъ, а рука его стала играть бѣлымъ костянымъ ножомъ:— для Калакуцкаго я человѣкъ совсѣмъ не подходящій. Да и минута-то такая, когда я самъ создалъ паевое товарищество и вотъ жду на дняхъ разрѣшенія. Такъ мнѣ изъ-за чего же идти? Мнѣ и самому всѣ деньги нужны. Вы имѣете понятіе о моемъ дѣлѣ?

— Имѣю, хотя и не въ подробностяхъ.

— Привилегія взята на всю Европу и Америку. Парижъ и Бельгія въ прошломъ году сдѣлали мнѣ заказовъ на нѣсколько сотъ тысячъ. Не знаю, какъ пойдетъ дальше, а теперь нечего Бога гнѣвить... Мои пайщики получили ни много, ни мало—сто сорокъ процентовъ.

— Сто сорокъ!—вскрикнулъ Палтусовъ.

— Да. Будетъ давать и двѣсти, и больше. Когда расширится на всю Россію, да нѣмцевъ прихватимъ...

— Да вѣдь это въ четверо выгоднѣе всякой мануфактуры? —вырвалось у Палтусова.

— Еще бы!.. Шуйское дѣло въ этомъ году тридцать-пять дало, такъ объ этомъ какъ звонятъ!..

— Вадимъ Павловичъ, —одушевился Палтусовъ: —вы, во-

нечно, понимаете... Калакуцкому — онъ уже не называлъ его «Сергѣемъ Степановичемъ»—нужно ваше имя...

— Я въ учредители не пойду... Я ему это сказалъ досконально.

— Ну, просто пай, другой возьмете... для меня сдѣлайте!..

— Для васъ?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Осетровъ.

— Вашъ отказъ поставитъ меня невыгодно. Онъ припишетъ это моему неумѣнію. А вѣдь мы, Вадимъ Павловичъ, люди изъ одного міра. Между нами должна быть поддержка... стачка...

— Стачка?

— Да-съ, стачка развитія и честности. Вы поднялись однимъ трудомъ и талантомъ. Я вижу въ васъ самый достойный образецъ. Вашъ пай, хоть одинъ, дастъ каждому дѣлу другой запахъ; это и для меня гарантія. Я вѣдь пайщикъ Калакуцкаго.

«Экой ты какой, безъ мыльца влѣзешь!» — говорили глаза Осетрова.

— Чтожъ,—помолчавъ сказалъ онъ:—я возьму пая три... не больше.

— Позвольте пожать вашу руку. Вы меня много обязали.— Не посѣтуете, если я съ васъ попрошу взяточку?

— Какую?

— Только уговоръ лучше денегъ. Какъ нѣмцы говорятъ: nicht schlimm gemeint. У васъ паи не всѣ разобраны?

— Нѣтъ еще. Мы удвоили.

— Почемъ они?

— По тысячѣ рублей.

— Могу я просить у васъ два пая?

— Съ удовольствіемъ. Вотъ когда уладимъ. Понавѣдайтесь. —Вы, значитъ, при капиталѣ?

— Такъ, крохи...

— Отъ papa и maman?

— Именно!.. ха, ха!

Произошло рукопожатіе. Осетровъ привсталъ, но до дверей не провожалъ его. Въ передней Палтусовъ далъ двугривенный служителю, и когда спускался съ лѣстницы, почувствовалъ, что у него лобъ влаженъ.

«Не моему принципалу чета»—повторялъ онъ на дрожкахъ по дорогѣ на Ильинку. Этотъ—Руэръ, и лицо-то такое же, точно съ юга Франціи. Онъ Калакуцкихъ-то дюжину съѣстъ. Надо его держаться»...

Оба порученія исполнены, и за второе онъ особенно былъ

доволенъ. Дворянскій гоноръ немного щемило; но все обошлось съ достоинствомъ.

XVII.

Пробило три часа. Въ рядахъ стараго Гостинаго двора притихло. И съ утра въ нихъ мало движенія. Подъ низменными сводами пріютились «амбары»—склады самыхъ первыхъ мануфактурныхъ и торговыхъ фирмъ, всего больше отъ хлопчатобумажнаго и прядильнаго дѣла.— Эти лавки смотрятъ невзрачно, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отдѣланныхъ уже по новому, съ дорогими стеклами въ дубовыхъ и орѣховыхъ дверяхъ, съ фигурными чугунными досками. Вдоль стѣнъ стоятъ соломенные диваны и козлы, на какихъ купцы любятъ играть въ «дамки» и «поддавки». Кое-гдѣ сидятъ сухіе, пожилые прикащики, въ длинныхъ, ваточныхъ чуйкахъ, или просторныхъ пальто съ бобромъ и однозвучно перекидываются словами. Выползетъ, со внутренняго двора, изъ-подъ сводчатыхъ воротъ, огромный возъ съ товаромъ. Лошадь станетъ, вся вытянется, напрягутся жилы. Непомѣрная тяжесть тащитъ ее назадъ, да тутъ еще подвернулся камень, вывороченный изъ отсырѣлой мостовой, покрытой грязью, съ ямами, цѣлыми ручьями въ дождь, съ обвалами и промоинами. Ломовой, съ безсмысленною злостью, хлещетъ лошадь возжами по глазамъ, подъ брюхо, потомъ ухватитъ, что попало—полѣно, доску и колошматитъ свою собственную животину. Мальчишка изъ трактира съ чайникомъ топчется и кричитъ также на лошадь. Сидѣльцы ухмыляются или бранятъ извощика.

— Родимая!—гаркнетъ всѣми внутренностями ломовой и, ухвативъ за супонь, выбѣжитъ на улицу, вмѣстѣ съ возомъ, послѣ чего начинаетъ костить своего бураго:—жидъ, анаѳема, стерва!..

Потомъ опять все тихо. Со двора доносятся голоса, когда идетъ отправка или пріемъ товара. Тамъ цѣлыя горы тюковъ и ящиковъ захватили арки и выползли со всѣхъ сторонъ на средину двора. Вороха рогожъ, циновокъ, плетушекъ, кулей лежатъ тутъ недѣлями и мѣсяцами, мокнутъ, прѣютъ, жарятся на солнцѣ. Одной хорошей искры довольно, чтобы все это вспыхнуло и превратило дворъ въ огненную печь. Но хозяева не боятся. Имъ тутъ хорошо и покойно.—Богъ дастъ, и простоитъ все по-дѣдовски, пока будетъ стоять старый Гостиный дворъ. «Амбары» у нихъ—наслѣдственные; они ихъ покупали на кровныя деньги.

Наемная цѣна имъ высокая. За одинъ створъ до четырехъ тысячъ въ годъ берутъ.

Тяжелый, неуклюжій, покачнувшійся корпусъ глядитъ на двѣ улицы. Посрединѣ онъ сѣлъ къ низу; къ улицамъ идутъ подъемы. Изъ рядовъ къ мостовой опускаются каменныя ступени или деревянные мостки съ набитыми брусьями, крутые, скользкіе, въ слякоть грозящіе каждому, и трезвому, прохожему. Внизу, въ подпольномъ этажѣ размѣстились подвалы и лавки — больше къ Ильинкѣ, гдѣ съѣзжать въ переулокъ и подниматься нестерпимо тяжко для лошадей; а двумъ возамъ нельзя почти разъѣхаться съ товаромъ. А тутъ еще расположилась посудная лавка съ своей соломой, ящиками и корзинками. Насупротивъ, желѣзный и москательный товаръ валяется въ пыли и темнотѣ. Весь этотъ уголъ даетъ свѣжему человѣку чувство «рядской» тѣсноты и скученности, чего-то татарскаго по своему неудобству, неряшеству, погонѣ за грошовой выгодой.

По Варваркѣ, противъ церкви и поближе, дожидалось двое широкихъ хозяйскихъ пролетокъ, съ заводскими жеребцами. Одинъ кучеръ курилъ; другой нѣтъ. Онъ служилъ у безпоповскаго раскольника. По этой сторонѣ линія смотрѣла повеселѣе. Лавки шли всякія, рядомъ съ амбарами первыхъ тузовъ много — и «не пущихъ».

На двухъ створахъ съ дубовыми дверями мѣдныя доски, старательно отчищенныя, ярко выставляли рельефныя слова: «Мирона Станицына сыновья». Снаружи черезъ стекла дверей просвѣчивали бѣлыя стѣны, чугунная лѣстница во второй этажъ, широкое окно въ глубинѣ, правѣе — перила и конторки. Никакого товара не было видно ни на полу, ни по стѣнамъ. У дверей стоялъ, держась за ручку, молодецъ въ синей чуйкѣ. Его обязанность въ этомъ только и заключалась. Амбаръ былъ изъ самыхъ помѣстительныхъ и шелъ подъ крышу. Въ верхнемъ этажѣ — также съ галлереей — находились склады товара, матерій и суконъ. Матеріи производила фирма «Станицына сыновья». Сукно шло съ фабрики жены представителя фирмы, старшаго брата. Младшій находился въ слабоуміи.

Конторщики, въ первомъ отдѣленіи амбара, беззвучно писали и изрѣдка щелкали по счетамъ. Ихъ было трое. Старшій въ нѣмецкомъ платьѣ, въ черепаховыхъ очкахъ, съ клинообразной бородой, въ которой пробивалась уже сѣдина — скорѣе оптикъ или часовщикъ по виду, чѣмъ прикащикъ — нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ поверхъ очковъ на дверь въ хозяйскую половину амбара.

На перилахъ лежало два пальто посторонних лицъ; одно военное; черезъ дверь долетали раскаты разговора. Слышались жидкіе звуки мужского голоса, картаваго и надтреснутаго, и болѣе молодой горловой баритонъ съ офицерскими переливами. Между ними врѣзывался смѣхъ, должно быть, плюгавенькаго человѣчка, какой-то нищенскій, вздутый какъ пузырь, ничего не говорящій смѣхъ...

XVIII.

Вдругъ малый пришелъ въ волненіе, схватился за ручку, широко распахнулъ половинку, нагнулъ голову ниже плечъ и тряхнулъ потомъ головой.

Въ амбаръ вошла «сама». Этого никто не ожидалъ, кромѣ, быть можетъ, старшаго конторщика. Онъ быстро всталъ, выбѣжалъ изъ-за перегородки, сложивши руки на груди, съ переплетенными пальцами, поклонился два раза и полушопотомъ выговорилъ:

— Матушка, все ли въ добромъ здоровьи?

Она поклонилась ему ласково и степенно, какъ кланяются купчихи первыхъ домовъ, одной головой, безъ наклоненія стана. Этой женщинѣ, сквозь прозрачную вуалетку, точно посыпанную золотымъ пескомъ, врядъ ли бы кто далъ больше двадцати-трехъ лѣтъ. Ей было уже двадцать семь. Рослая, съ прекраснымъ бюстомъ, нежирной, но не худой шеей и тонкой, умной головой — она смотрѣла настоящей «дамой». Ее охватывало короткое пальто изъ чернаго фая. Оно позволяло любоваться линіей ея таліи и переходило въ кружевную оборку. Широкіе, моднаго покроя, рукава, также отдѣланные кружевами и бахрамой изъ гофрированныхъ шелковыхъ кусочковъ, выпускали наружу только ея пальцы въ свѣтлосѣрыхъ перчаткахъ. Вокругъ шеи шелъ кружевной высокій барокъ. Изъ-подъ пальто выходило узкое, песочнаго цвѣта, тяжелое платье, спереди настолько высокое, что вся нога, въ башмакахъ съ пряжками и цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ, была видна. На ея лобъ и глаза, глубоко сидѣвшіе въ впадинахъ, легла тѣнь отъ полей шировой «рубенсовской» шляпы съ густымъ темногранатовымъ перомъ.

Въ этой «хозяйкѣ» по костюму было много европейски-живописнаго. Но овалъ лица, сановитость его, что-то неуловимое въ движеньяхъ говорило о коренной Руси, о той почвѣ, на которой она выросла и распустилась. Красавицей врядъ ли бы ее назвали; но всякій бы остановился.

— Кто здѣсь?—тихо спросила она старшаго конторщика и сдѣлала шагъ назадъ. Лобъ ея наморщился.

— Тотъ-съ... офицеръ-съ, Савы Иваныча сынокъ... съ крестомъ... Изволите знать?

Она только опустила глаза и сжала губы. Все лицо ея точно наполнилось презрительнымъ чувствомъ.

— А еще?

— Еще... господинъ Ифкинъ. Такъ кажется ихъ прозванье? Они всегда-съ...

Станицына не дала ему договорить и сказала:

— Доложите.

— Да пожалуйте, матушка.

— Доложите,—повторила она.

Старикъ осторожно притворилъ дверь. Разговоръ смолкъ. Онъ вошелъ и вернулся тотчасъ же. А за нимъ выбѣжалъ рыжій офицеръ, съ краснымъ, лоснящимся лицомъ, завитой, съ какими-то рожками на лбу, еще мальчикъ по лѣтамъ, но уже ожирѣлый, въ уланкѣ съ краснымъ кантомъ и золотой петлицей на воротникѣ. Уланка была сшита нарочно непомѣрно коротко и узко, такъ-что формы корнета выставлялись на показъ при каждомъ поворотѣ. Въ петлицѣ торчалъ солдатскій георгіевскій крестъ на широкой лентѣ и какъ будто большихъ размѣровъ, чѣмъ дѣлаютъ обыкновенно.

— Entrez, entrez... Анна Серафимовна! Какъ же вы это съ докладомъ?!.. Вашъ мужъ приказалъ вамъ сказать, что у насъ женскаго пола нѣтъ. Ха, ха! Мы здѣсь какъ монахи! Даже стаканы у насъ съ чаемъ!

Онъ и смѣялся, и нахально оглядывалъ ее, и какъ-то переминался съ ноги на ногу, позвякивая шпорами и разставляя ноги по-кавалерійски.

Уланъ приходился дальнимъ родственникомъ ея мужу. Онъ въ кампанію пошелъ вольноопредѣляющимся въ гвардію, взялъ пушку; но въ тотъ полкъ, куда поступилъ, все-таки не попалъ офицеромъ. Теперь онъ и спалъ, и видѣлъ, какъ бы ему прикомандироваться, пріѣхалъ въ четырехъ-мѣсячный отпускъ, пьянствовалъ и спускалъ отцовскія деньги въ «макао» и «баккару». Родители его прозывались Сыромятниковыми. Это его немного стѣсняло; за то у него былъ французскій языкъ. И врядъ ли во всей, даже гвардейской, кавалеріи кто такъ умѣлъ носить рейтузы и длинный до носу козырекъ, какъ онъ. Да и никто, когда они стояли подъ Константинополемъ, не слалъ такихъ лаконическихъ французскихъ телеграммъ:

«Papa, perdu dix mille francs. Envoyez traite. Si non — adieu. Ferai un mauvais coup!—Théodule».

Его дѣйствительно звали по русски «Ѳедулъ»; но онъ переименовалъ себя потомъ въ «Теофиля».

Изъ двери показался шватскій, худой, коротвій, съ рѣдкими волосиками на лбу, въ усахъ, смазанныхъ къ концамъ, черноватый, въ коротномъ сюртучкѣ и пестромъ галстухѣ, одинъ изъ захудалыхъ дворянчиковъ, состоявшихъ безсмѣнно при мужѣ Станицыной. За нимъ, кромѣ хорошаго обращенія и того, что онъ зналъ дни имянинъ и рожденія всѣхъ барынь на Поварской и Пречистенкѣ, уже ничего не значилось.

— Madame!—вскрикнулъ онъ и залился смѣхомъ.—Veuillez entrer!.. Вы насъ хотѣли накрыть?! N'est ce pas, Théodule?!..

И оба они ввели ее въ хозяйское помѣщеніе амбара.

XVIII.

Лицомъ къ двери, у большого стола съ двумя низкими пюпитрами, краснаго дерева,—диваны и стулья съ сафьянной обивкой были такіе же,—вытянулъ ноги на средину комнаты, сидя на краю стола, мужъ Анны Серафимовны Станицыной, Викторъ Мироновичъ. Онъ казался головой выше улана. Народъ называетъ такое сложеніе «глистой». Узость плечъ, приподнятыхъ и острыхъ, вытянутая шея съ «кадыкомъ», непомѣрная длина рукъ и ногъ дѣлали его непріятнымъ на взглядъ по одной уже фигурѣ. Голова подходила къ остальному складу: лобъ, сдавленный съ боковъ и сверху сжатый, заостренная макушка и выдающійся затылокъ достаточно говорили о его мозговомъ устройствѣ. Желто-русые волосы вились на вискахъ и на лбу. Въ лицѣ сохранилась моложавость и женоподобная, и мальчишеская, что-то изношенное и недозрѣлое, развратное и безполое. Онъ страдалъ глазами. Красныя вѣки окружали его желтоватые, длинные глаза, всегда съ однимъ и тѣмъ же выраженьемъ подзадориванія и зубоскальства. Рѣсницы по цвѣту были почти свѣтлорыжія. Подъ маленькимъ, раздутымъ къ низу носомъ открывался постоянно улыбающійся ротъ съ бѣлыми, но рѣдкими зубами, какъ у дѣтей. Пепельные волоски чуть пробивались на подбородкѣ, ушедшемъ тоже въ клинъ, съ ямкой по-срединѣ, хотя онъ и не былъ добръ. Купеческое происхожденіе сидѣло во всемъ его

облика; но голосъ, манера тянуть слова на распѣвъ, развинченность пріемовъ, словечки на русскомъ и французскомъ языкахъ и туалетъ дѣлали изъ Виктора Мироновича нѣчто, весьма мало отзывающееся «старымъ Гостинымъ дворомъ». Шили на него исключительно два парижскихъ бульварныхъ портныхъ: Дюсотуà и Бланъ. Галстухи, бѣлье, золотыя мелкія вещи онъ носилъ не иначе, какъ лондонскія, «точно такія», какъ принцъ Галльскій, отъ тѣхъ же самыхъ поставщиковъ.

Въ это утро его худосочное туловище просторно драпировалъ пиджакъ, Низкіе стоячіе воротнички, торчащіе на серединѣ шеи, уходили въ галстухъ цвѣта «vert merveilleux». Пріятели не скрывали того, что Станицынъ краситъ шею особой краской, чтобы она выходила моложавою. Этому онъ также научился за границей. Ноги его, въ панталонахъ прусскаго покроя, на плоской и длинной ступнѣ, не особенно украшивали ботинки съ коричневымъ сукномъ. Руками своими онъ любовался, но съ ногтями до сихъ поръ не могъ сладить, придать имъ красивую овальную форму и нѣжный цвѣтъ, хотя и «лечился» у всѣхъ извѣстныхъ «маникуровъ».

Викторъ Миронычъ былъ на семь мѣсяцевъ моложе жены.

— Bonjour, madame,—сказалъ онъ ей и по-англійски протянулъ ей руку.

Она пожала, вуалетки не подняла и сѣла на диванъ у лѣвой стѣны.

Уланъ и штатскій стояли передъ ней и все хохотали.

— Я вамъ не помѣшала?—спросила она густымъ, немного глухимъ голосомъ.

Въ ея произношеніи слышалось волжское *о*, но не очень сильно. Это придавало большую оригинальность ея говору.

— Чаю не угодно? Съ лимончикомъ?—пошутилъ Станицынъ своей картавой фистулой, отъ которой у жены его давно ходятъ мурашки по тѣлу, точно отъ грифеля.

— Собираетесь? — спросила она больше мужа, чѣмъ его пріятелей.

— Представьте!—закричалъ уланъ;—Викторъ нынче ушелъ въ дѣла!.. Мы пріѣзжаемъ вотъ съ Фифкой...

Анна Серафимовна удивленно вскинула на него рѣсницами. Ея широкія бархатныя брови слегка поднялись.

— Ха, ха!.. Викторъ! Ta femme ne sait pas!.. Вы не знаете, мы такъ Ифкина прозвали... Фифка! Вѣдь хорошо? А?! Что скажете?

Штатскій осклабился.

— Такъ вотъ-съ, пріѣзжаемъ, зовемъ Виктора въ Генералову, привезли устрицъ... Ostende... И вдругъ, упирается! Говорить нельзя, дѣла, не управился. Въ амбарѣ надо сидѣть. Амбаръ! C'est cocasse!

Уланъ перекинулся назадъ всѣмъ своимъ пухлымъ туловищемъ. Въ ушахъ Анны Серафимовны звенѣлъ долго хохотъ обоихъ пріятелей мужа. Она въ бокъ посмотрѣла на него. Онъ все еще не мѣнялъ позы, сидѣлъ на ребрѣ стола и носкомъ правой ноги ударялъ о лѣвую. Одинъ разъ его глаза встрѣтились съ ея взглядомъ. Ей показалось, что она прочла въ нихъ:

— «Зачѣмъ пожаловали?»

Она знала, что ей всегда можно заставить его опустить свои рыжія рѣсницы, но она этого не сдѣлала.

— Tu restes décidément?—французилъ уланъ.

— J'y suis, j'y reste!—съострилъ Станицынъ. Онъ не зналъ въ точности, чья это историческая фраза; но помнилъ, что въ Café de Madrid часто повторяли ее.

Произношеніе у него было изломанное, отзываясь близкимъ знакомствомъ съ актрисами «Folies Dramatiques» и «Théatre des Nouveautés». Основаніе положили гувернеры.

— Ну, Фифка!.. Détalons!.. Chère cousine... Что это вы какія строгія? Точно посѣчь насъ собираетесь. Вы видите: оставляемъ васъ en tête-à-tête... Это всегда хорошо. Какъ бы сказать... добродѣтельно! Викторъ! мы тебя, голубчикъ, подождемъ до пятаго... Идетъ?—Вы позволите?—обратился онъ къ Аннѣ Серафимовнѣ.—Муженька-то въ строгости держите. Не женись, Фифка!.. Правда, за тебя, уродъ, никто и не пойдетъ...

Уланъ схватилъ штатскаго подъ-мышки и однимъ взмахомъ поднялъ его на воздухъ. Тотъ взвизгнулъ. Станицынъ лѣниво и немного безпокойно оглянулся, кисло повелъ губами и сказалъ:

— Ступайте, у меня голова кружится. Des gaillards, comme ça! Точно васъ съ цѣпи спустили.

— Madame, — дурачливо раскланялся уланъ и щелкнулъ шпорами.

— Bien bonjour, Анна Серафимовна,—прибавилъ отъ себя и дворянинъ; онъ по-французски употреблялъ московскіе обороты, вродѣ этого, или «merci bien».

Анна Серафимовна привстала и пожала имъ руки безъ улыбки и молча.

Станицынъ проводилъ ихъ за дверь. Въ конторѣ они еще

довольно долго болтали. По лицу молодой женщины пробѣгали струйки нервныхъ вздрагиваній. Она сняла вуалетку, а потомъ и шляпу. Ея головѣ жарко стало. Почти черные волосы, гладкіе, густые, причесаны были по-старинному, двумя плоскими прядями, и только съ боку на лбу она позволяла себѣ нѣсколько завитковъ; они смягчали строгость очертаній ея лба и линію переносицы. Глаза ея, темносѣрые, съ синеватыми бѣлками и загнутыми рѣсницами кверху, безпрестанно то потухали, то вспыхивали. Брови, какъ двѣ пышныхъ собольихъ кисти, не сростались, но близко сходились при каждомъ движеніи лба. Тогда все лицо дѣлалось сурово, почти жестко. Свѣжій ротъ и немного выдающіеся зубы, а главное, подбородокъ, круглый и широкій, проявляли натуру жены Виктора Мироновича и породу ея родителей, людей стойкихъ, рослыхъ, именитыхъ, долго державшихся старыхъ обычаевъ и состоявшихъ еще недавно въ «безпоповцахъ».

XIX.

Анна Серафимовна хотѣла даже снять пальто, но въ эту минуту вошелъ ея мужъ.

— Здравствуйте-съ,—протянулъ онъ.

Она давно уже была съ нимъ на «вы», «Викторъ Мироновичъ». Онъ часто говорилъ ей «ты» и «Анна», а «вы» употреблялъ въ особыхъ случаяхъ.

Викторъ Мироновичъ прошелъ къ столу и сѣлъ за свой пюпитръ, отхлебнулъ изъ стакана чая и обернулся къ ней.

— Hein?!—пустилъ онъ парижскій звукъ.

Ему онъ выучился въ совершенствѣ.

Ротъ жены его раскрылся, но зубы были сжаты, зрачки глазъ съузились. Она вытянула немного руки и вся выпрямилась на своемъ мѣстѣ.

— Викторъ Мироньгчъ,—начала она, и волжское произношеніе заслышалось сильнѣе:—всему бываетъ предѣлъ.

— Hein?—повторилъ онъ, но уже не тѣмъ звукомъ.

Глаза его вызывающе и глупо поглядѣли на жену. Онъ чего-то ждалъ непріятнаго, но чего—еще не догадывался.

Рука ея опустилась въ карманъ пальто и достала оттуда небольшой портфель изъ черной кожи съ серебрянымъ вензелемъ. Она нагнула голову, достала изъ портфеля двѣ сложенныхъ бумажки и развернула ихъ, а портфель положила на диванъ.

Тутъ она встала и подошла къ нему. Онъ почувствовалъ на лицѣ ея горячее дыханіе.

— Что это? — подзадоривающимъ звукомъ спросилъ онъ и сдѣлалъ ненавистную ей гримасу губами, точно онъ принимаетъ лекарство.

— Ваши векселя,—выговорила она и поблѣднѣла. До тѣхъ поръ щеки ея хранили румянецъ, рѣдко появлявшійся на нихъ.

— Мои?

Онъ всталъ и нагнулся. Его голова, клиномъ вверхъ, съ запахомъ помады и фиксатуара, пришлась къ ея носу и глазамъ. Что-то непреодолимо-противное было для нея всегда въ этой дѣтской «несуразной»—она такъ называла—головѣ, съ ея вьющимися желтыми волосами и чувственнымъ, вытянувшимся затылкомъ.

— Ваши, — еще разъ сказала она и отвела его отъ себя рукой:—Викторъ Миронычъ, вы видите, кѣмъ андоссованы?

Она знала дѣловыя слова.

— Кѣмъ? — нахально спросилъ онъ ее, поднявъ голову, и засмѣялся.

Вся кровь мигомъ бросилась ей въ голову. Она схватила его за руку, силой посадила въ кресло, оглянулась и, нагнувшись къ нему, стала говорить раздѣльно, точно диктовала ему по тетрадкѣ.

— Вотъ до чего вы дошли. Я купила эти документы. Вы знаете, кому вы ихъ выдали. Подпись видна.—Изъ Парижа они пришли или изъ Біаррица,—я ужъ не полюбопытствовала.—Вы мнѣ, Викторъ Миронычъ, клялись—образъ снимали, что больше я объ этой барынѣ не услышу!

Онъ повелъ глазами и дерзкая усмѣшка появилась опять на его губахъ.

— Не смѣйте такъ на меня глядѣть!—глухо крикнула она.— Мнѣ теперь все равно, какія у васъ метрески. Я вамъ не жена, и не буду ею. Значитъ, вы свободны. А я только не хочу, чтобы вы срамили меня и дѣтей моихъ. Разорить ихъ я васъ не попущу!

— Да въ чемъ же дѣло?—нетерпѣливо и на этотъ разъ трусливо спросилъ Станицынъ.

— Я пришла вамъ сказать вотъ что: извольте отъ дѣлъ устраниться. Дайте мнѣ полную довѣренность.—Кажется, вамъ нечего меня бояться?—Только на моей фабрикѣ и есть порядокъ. Но вы и меня кредиту лишаете. Долгу сколько?

— Сколько?—повторилъ онъ совсѣмъ глупо.

— Сто семьдесятъ тысячъ вами одними сдѣлано въ одиннадцать мѣсяцевъ. Хотите, мы сейчасъ Трифоныча позовемъ?—и она указала на дверь.—И это такія, которыя въ извѣстность приведены; а разныхъ другихъ, по счетамъ, да векселей, не вышедшихъ въ срокъ, да карточныхъ... навѣрно столько же. Вы что же думаете?—проживете вы такъ-то больше года?

Онъ молчалъ. Два векселя въ сорокъ тысячъ держитъ въ рукахъ жена. Въ кассѣ значилась самая малость. Фабрика шла въ долгъ. Банки начали затрудняться учитывать его векселя. Это грозное появленіе Анны Серафимовны почти облегчило его.

— А передъ братомъ у васъ и совѣсти нѣтъ,—продолжала она совсѣмъ тихо.—Благо онъ слабоумный, дурачекъ, рукава жуетъ—такъ его и надо грабить... Да, грабить! Вы съ нимъ въ равной долѣ. А сколько на него идетъ? Четыре тысячи, да и то ихъ часто нѣтъ. Я заѣзжала къ нему. Онъ жалуется... Варенька, говоритъ, не даютъ... папиросочекъ... А докторъ ворчитъ... И онъ—плутъ... Срамъ!..

И она отвернула лицо. Глаза ея закрылись, и тѣнь пробѣжала по щекамъ...

— Mais vous êtes drôle,—началъ-было онъ и смолкъ.

— Противно мнѣ!—перебила она повелительно и страстно:—скройтесь вы съ глазъ моихъ! Уѣзжайте и проживайте, гдѣ хотите! Будете получать тридцать тысячъ.

— Двѣ тысячи пятьсотъ въ мѣсяцъ?—со смѣхомъ крикнулъ онъ.

— Да, больше нельзя... Не хотите?—съ разстановкой выговорила она.—Ну тогда раздѣлывайтесь сами. Вамъ негдѣ перехватить. Фабрика станетъ черезъ двѣ недѣли. За васъ я не плательщица. Довольно и того, Викторъ Миронычъ, что вы изволили спустить... Я ѣду!

Станицынъ вынулъ двуцвѣтный фулярный платокъ, обмахнулся и зашагалъ взадъ и впередъ.

Она дѣло говорила; занять можно; но надо платить, а платить нечѣмъ. Фабрика заложена. Да она еще не знаетъ, что за этими двумя векселями пойдутъ еще три штуки. Барыня изъ Біаррица заказала себѣ новую мебель на Boulevard Haussman и карету у Биндера. И обошлось это въ семьдесятъ тысячъ франковъ. Да еще ювелиръ. А платитъ онъ, Станицынъ, векселями. Только не за тридцать же тысячъ соглашаться!

— Mais, ma chère,—началъ онъ:—какъ же я могу... есть, наконецъ, привычки...

— Черезъ три года будете получать вдвое. Я ручаюсь. А

теперь и этого нельзя. И одна моя просьба, уѣзжайте вы поскорѣй, Викторъ Мироныч; вы видите, я не могла васъ дождаться, сюда пріѣхала!..

Она надѣла шляпу, стала посрединѣ комнаты и сложила руки на поясѣ.

— Comme c'est... Станицынъ искалъ слово: — comme c'est propre!.. Отъ жены такая сдѣлка!.. ха! ха!..

— Вы это говорите?!..

— Разумѣется!.. Лучше уѣхать!.. Вы на все способны!..

Онъ приложился къ пуговкѣ воздушнаго звонка.

XX.

Вошелъ конторщикъ.

— Позовите Максима Трифоныча, — сказалъ ему Станицынъ и закурилъ сигару.

Анна Серафимовна отошла къ окну, по другую сторону бюро, и стала завязывать шляпку. Она замѣтила, что мужъ сдѣлалъ невольное движеніе плечами и пустилъ сразу длинную струю дыма. Побѣда одержана: мужъ сдѣлаетъ такъ, какъ она желаетъ. Но была ли эта побѣда? Съ такимъ человѣкомъ немыслимы никакіе уговоры. Чести у него нѣтъ, даже той «купеческой», какая передавалась изъ рода въ родъ въ ея «фамиліи». А вѣдь отецъ его считался по всей Москвѣ «честнѣйшимъ мужикомъ». Откуда же этотъ выродокъ? Мать была «распутная» и пила еще молодой женщиной. Анна Серафимовна не застала ее въ живыхъ, когда сдѣлалась женой Виктора Мироныча, но слыхала отъ добрыхъ людей. Потому, должно быть, и меньшой братъ, Карпъ Мироничъ, родился дурачкомъ, а теперь и совсѣмъ полуумный... Да, этотъ постылый и безстыжій мужъ надѣлаетъ сейчасъ же, за границею, новыхъ долговъ. А какъ его удержишь? Онъ взрослый. Фирма существуетъ! Въ Парижѣ ничего не значитъ, купивши на десять тысячъ франковъ, набрать въ магазинахъ на двѣсти. Еще пожалуй впутаешься съ нимъ такъ, что и жизни не будешь рада! И теперь-то надо доставать денегъ...

Старшій конторщикъ отворилъ дверь и въ два пріема приблизился къ хозяину, съ наклоненіемъ всего корпуса.

— Написать полную довѣренность надо, Максимъ Трифоновичъ, — небрежно выговорилъ Станицынъ.

Онъ подошелъ къ старику и говорилъ ему дальше въ полголоса.

Максимъ Трифоновичъ поднялъ на него глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ.

— На чье имя?—чуть слышно спросилъ онъ.

Станицынъ кивнулъ въ бокъ головой на жену.

— На управленіе фабриками-съ, съ правомъ выдачи...

— Ну да, ну да,—перебилъ его Станицынъ.—Вѣдь вы знаете...

— Черновую прикажете?

— Да ужъ это Анна Серафимовна вамъ укажетъ.

Ей непріятно сдѣлалось, что мужъ сейчасъ же распорядился при ней, не соблюлъ своего достоинства—непріятно не за него, а за себя, какъ за его жену.

— Завтра утромъ ко мнѣ придите и принесите черновую,—откликнулась она и поправила ленту.

— Больше никакихъ приказаній не будетъ?—освѣдомился старикъ.

— Никакихъ,—точно со смѣхомъ отвѣтилъ Станицынъ и застегнулъ пиджакъ.—Я на дняхъ ѣду, Максимъ Трифоновичъ. Все дѣло будетъ вести вотъ Анна Серафимовна... до моего возвращенія,—кончилъ онъ хозяйскимъ тономъ.

Максимъ Трифоновичъ перешелъ глазами отъ Виктора Мироныча къ его женѣ, глядя на нихъ черезъ очки. Онъ перевелъ дыханіе, но незамѣтно. Сегодня утромъ онъ боялся за все станицинское дѣло и надѣялся на одну Анну Серафимовну. Теперь надо половчѣе составить довѣренность, на случай непредвидѣнныхъ «претензій» изъ-за границы.

Станицынъ взялъ съ кресла шляпу и перчатки и, поморщиваясь отъ сигары, надѣвалъ ихъ.

— Можете идти,—отпустилъ онъ Максима Трифоновича.

Обида, женская гордость, гнѣвъ, презрѣніе какъ-то разомъ опали въ душѣ Анны Серафимовны. Она теперь ничего опредѣленнаго не чувствовала. Говорить съ этимъ человѣкомъ ей не о чемъ. Но въ его присутствіи она испытываетъ всегда раздраженіе особаго рода. Точно ей неловко передъ нимъ. И отчего? Все оттого, что у ней въ говорѣ иногда прорывается приволжское *о*, да по-французски она не привыкла болтать. Ее учили, и она можетъ вести разговоръ съ иностранцами за границей; а съ нимъ не рѣшалась никогда, особенно при гостяхъ. А онъ всякія слова выговариваетъ, и произношеніе у него отъ французскаго актера не отличишь; у всѣхъ этихъ «мерзкихъ» по кафе и театрамъ выучился. Она знаетъ ему цѣну, и на его дѣ-

лалъ показываетъ ему, что онъ за человѣкъ, ловитъ его съ поличнымъ, а все-таки онъ считаетъ себя «изъ другого тѣста», бариномъ, джентльменомъ, съ принцами знакомъ; а она — «купчиха». Надобно слышать, съ какимъ выраженіемъ онъ произноситъ это слово. И теперь вотъ онъ струсилъ, разсчелъ, что лучше такъ поладить, чѣмъ со срамомъ вылетѣть въ трубу; а все-таки онъ не признаетъ ея нравственнаго превосходства, не преклоняется передъ ней, и ничѣмъ не заставишь его преклониться. Вотъ это ее и грызетъ, хоть она и не сознается самой себѣ. Такое ничтожество, такая пустельга, какъ Викторъ Мироновичъ, у котораго, какъ у кошки, «не душа, а паръ», и считаетъ себя изъ бѣлой кости, а на нее смотритъ, какъ на кумушку!

Краска опять появилась у ней на щекахъ.

— Васъ пріятели ждутъ,—сказала она съ сердцемъ.

— Дайте мнѣ надѣть перчатки,—возразилъ онъ и задирательно посмотрѣлъ на нее своими воспаленными глазами.

Опять злость закипѣла въ ней. Хорошо, что этотъ человѣкъ уѣзжаетъ: немудрено и отравить его или руками задушить. Въ какую минуту! Одинъ его голосъ можетъ привести въ исступленіе. Минутами всю ее какъ-то корчитъ отъ его голоса и смѣха. Развѣ можно выносить, какъ онъ надѣваетъ, вотъ теперь, перчатки, покачивается, куритъ, а сейчасъ возьмется за шляпу? Все дышетъ наглостью и чванствомъ, закоренѣлой испорченностью купеческаго сынка, уже спустившаго, со смерти отца, до трехъ милліоновъ рублей. Какъ же его заставить преклониться передъ собой, когда весь европейскій «high life», лорды, маркизы, графы, эрцгерцоги толпились на его праздникѣ, гдѣ живыхъ цвѣтовъ было на пятнадцать тысячъ франковъ? Одного нѣмецкаго князька онъ собственноручно оттаскалъ и заплатилъ отступного. Любовницъ отбилъ у двухъ владѣтельныхъ особъ! Гдѣ же ему обойтись тридцатью тысячами рублей? Разумѣется, придется платить и всѣ сто тысячъ. Но и то лучше. Одно она хорошо знаетъ, что она ему своихъ денегъ не дастъ, и фабрики своей не заложитъ. Можетъ дѣтей у ней отнять? Она вся похолодѣла. На это и у него достанетъ ума. Нѣтъ! По чутью, какъ звѣрь, онъ долженъ догадаться, что съ Анной Серафимовной шутки плохи на этотъ счетъ. И головы не свесешь!..

Бѣлки у нея потемнѣли; а зрачки снова съузились.

Въ эту минуту Викторъ Мироновичъ стоялъ у двери и пропустилъ сквозь зубы фистулой:

— Bonjour...

Она не обернулась.

XXI.

Одна, въ хозяйской половинѣ амбара, Анна Серафимовна вздохнула свободно. Она оправилась немного, сѣла въ низкое кресло мужа и, позвонивъ, приказала себѣ подать чаю. Ей принесли стаканъ съ лимономъ. Станицынъ оставилъ на пюпитрѣ нѣсколько не просмотрѣнныхъ фактуръ и счетовъ. Анна Серафимовна позвала еще разъ старшаго прикащика.

Старикъ подошелъ къ ручкѣ. Она отдернула. Глаза его смотрѣли умиленно. Максимъ Трифоновичъ искренно любилъ ее и тайно любовался ею, какъ женщиной, давно прозвалъ ее «королевой» и удивлялся ея дѣловымъ способностямъ.

— До отъѣзда Виктора Мироныча,—сказала она:—я конторой заниматься не буду. Я ужъ на тебя полагаюсь, Трифонычъ, а если нужно усилить счетоводство—возьми еще парня.

При мужѣ она говорила ему «вы»; но съ глазу на глазъ ей, да и самому «Трифонычу», было ловчѣе такъ.

— Тутъ прибрать надо. Есть что къ спѣху?—спросила она, нагнувъ голову надъ бумагами.

— Платежи больше.

— Ну, такъ это—до завтра... Въ кассѣ сколько?

Трифонычъ помялся и съ жалобной усмѣшкой вымолвилъ:

— Наличными—самая малость.

— Хорошо... Завтра довѣренность какъ слѣдуетъ выправить. Я приготовлю. Виктора Мироныча уже безпокоить подписями нечего. Директоръ давно былъ по Рябининской фабрикѣ?

— На той недѣлѣ.

— Написать ему потрудись, чтобы пожаловалъ.

— Слушаюсь.

— Наверху еще не убирались?

— Нѣтъ еще-съ.

— Крикни-ка имъ, что я сейчасъ поднимусь.

Трифонычъ вышелъ и тихо-тихо притворилъ дверь.

Анна Серафимовна сняла опять шляпку, пальто и перчатки, аккуратно положила шляпу и пальто на диванъ, а перчатки—на шляпу, хлебнула раза два изъ стакана и посрединѣ комнаты вся выпрямилась, подперевъ себя руками сзади подъ ребра. Грудь у нея не опала отъ кормленія двоихъ дѣтей. Весь станъ сохранилъ дѣвственныя линіи. Хоть она и никогда не любила мужа, но развѣ она такая, какъ его «француженки», крашеныя, обрюзглыя или сухія, жилистыя? Одни ихъ сиплые голоса —

отвращеніе! Или та вотъ—тоже, страсть-то его, что въ Біаррицѣ познакомились, и теперь его обчищаетъ?.. Вылитая нѣмка изъ Риги,—нога въ полъ-аршина, губы намазаны, глаза на выкатъ. Она видѣла портретъ. — Портретъ-то — штука: шесть тысячъ стоилъ! Еще годъ, другой, и будетъ она въ дверь толщиной. Влюбись онъ въ нее, въ Анну Серафимовну, и тогда все ту же брезгливость будетъ она къ нему имѣть. Онъ для нея не мужчина; но срамиться, имѣя такую жену, съ продажными гадинами, выдавать ихъ по отелямъ за законныхъ женъ?!

Глаза ея окинули отдѣлку лифа и юбку изъ тяжелаго свѣтлопесочнаго фая.

Она задумалась. Этотъ песочный цвѣтъ отзывался «купчихой». Она только тутъ это поняла. Зачѣмъ она выбираетъ такіе цвѣта? Разумѣется, самый купеческій цвѣтъ... «Жозефинка» говорила вѣдь ей, что не слѣдуетъ... А не все равно. Матерья прекрасная, не маркая, износу ей нѣтъ. Да для кого ей «шикъ»-то имѣть? Она любитъ хорошія вещи, и всякій скажетъ, что она «дамой» смотритъ, особенно на улицѣ въ шляпкѣ и въ пальто или накидкѣ. Да, на улицѣ въ шляпкѣ; а вотъ выборъ матерій-то и выдаетъ. Не выбирай она купеческихъ колеровъ и не было-бы такъ часто на лицѣ Виктора Мироновича пренебрежительной усмѣшки:

«Пыжишься тоже, а вкусъ-то изъ Ножовой!»

Платье показалось ей совершенно безвкуснымъ. Она подаритъ его племянницѣ. Не то, чтобы она стыдилась своего званія, нѣтъ. Не желаетъ она лѣзть въ дворянки; но со вкусомъ одѣваться каждый можетъ... И нечего давать всякой дряни предлогъ смотрѣть на васъ свысока, оттого только, что вы цвѣта подходящаго не умѣете себѣ выбирать.

На верху, въ складахъ матерій и сукна, прикащики пріостановились забираться, всѣ причесались и ожидали прихода хозяйки. Верхній амбаръ полонъ былъ свѣта, заходившаго именно теперь къ вечеру. По прилавкамъ и полкамъ играли полосы и «зайчики». Штуки разноцвѣтнаго товара цѣлыми стопами поднимались на прилавкахъ и по полу, у оконъ и столбовъ, поддерживающихъ своды. Запахъ набивныхъ ситцевъ и другихъ бумажныхъ тканей смѣшивался съ болѣе кислымъ запахомъ прессованнаго сукна. Складъ держался въ большой чистотѣ. Кромѣ штукатуренныхъ стѣнъ, ясеневыхъ полокъ и прилавковъ и чугуннаго пола, лѣстницъ и перегородокъ, не къ чему было пристать пыли и грязи.

Трифонычъ слегка поддерживалъ хозяйку подъ лѣвый локоть, когда она поднималась въ верхній амбаръ.

— Съ мѣсяцъ не была здѣсь,—сказала она и оглянула все помѣщеніе.—Тѣсно дѣлается?

— Нѣтъ-съ, еще управляемся,—откликнулся съ поклономъ главный довѣренный приказчикъ, степенный мужчина за сорокъ лѣтъ съ огромной русой бородой.

Оптовыхъ покупателей уже не ждали больше. Анна Серафимовна могла оглядѣть товаръ безъ помѣхи. Ей принесли стулъ; но она не сѣла, а отправилась сначала въ «свое» отдѣленіе, гдѣ лежали сукна. Она знала толкъ въ товарѣ и даже въ фабричномъ дѣлѣ. На своей фабрикѣ почти каждаго мальчишку звала она по имени. Съ главнымъ приказчикомъ отдѣленія суконъ она перекинулась двумя-тремя словами, но въ отдѣленіи шерстяного и бумажнаго товара ей захотѣлось пробыть подольше. И тутъ она многое разумѣла: сортъ товара сразу называла точнымъ именемъ и рѣдко ошибалась въ фабричной цѣнѣ.

XXII.

Около прилавка, въ уровень съ нимъ, положены были штуки какой-то темной бумажной ткани.

Анна Серафимовна развернула верхнюю штуку и спросила приказчика:

— Это—бязь?

— Такъ точно.

— По какой цѣнѣ?

Онъ назвалъ.

— Дешевле стала?

— На двѣ копѣйки спустили,—пояснилъ приказчикъ.

— Все армяне берутъ?

— Такъ точно.

Всѣ приказчики боялись ее гораздо больше, чѣмъ хозяина. Его они давно прозвали «бездонная прорва» и «лодырь». Каждый изъ нихъ старался красть. Имъ уже шепнули снизу, что, должно быть, «сама» беретъ въ свои руки все дѣло. Тогда надо будетъ подтянуться. Кто нибудь непремѣнно полетитъ. Трифоныча они не долюбливали. Онъ усчитывалъ что могъ, и съ главными приказчиками у него часто бывали перебранки. Трифонычъ всегда держалъ руку хозяйки; почему его и считали «наушникомъ» и «старой жилой».

На лѣстницѣ послышались скорые мужскіе шаги. Анна Серафимовна подняла голову. Это былъ Палтусовъ въ шляпѣ и пальто. Она вспыхнула. Ей стало сначала неловко оттого, что онъ ее засталъ въ амбарѣ, среди ситцевъ и суконъ, какъ настоящую хозяйку-купчиху. Но это чувство пролетѣло мгновенно, хотя и заставило ее покраснѣть. Ну чтожъ такое? Она купчиха, владѣтельница милліонной фабрики, занимается дѣломъ; смыслитъ въ немъ. Тутъ нѣтъ ничего постыднаго. Хорошо, кабы всѣ такъ поступали, какъ она.

Когда Палтусовъ подошелъ къ ней, она совершенно оправилась и протянула ему руку.

— Ѣду по Варваркѣ,—мягко заговорилъ онъ, снимая шляпу и низко наклонивъ голову, какъ онъ дѣлалъ только передъ немногими женщинами.—Смотрю, ваша коляска. Спрашиваю. Анна Серафимовна одна въ амбарѣ; а Виктора Мироновича нѣтъ... Вы заняты? Не мѣшаю?..

Отъ его голоса она замѣтно оживилась. Въ немъ было что-то такое, чтó дѣйствовало на нее совсѣмъ особенно. Передъ нимъ она рѣдко совѣстилась своего званія; но зà то ей хочется быть «выше» этого званія, чтобы онъ видѣлъ въ ней «человѣка», а не «кумушку», какъ Викторъ Мироновичъ. И кажется, Палтусовъ такъ и начинаетъ на нее смотрѣть. Его наружность она находила рѣзкой противоположностью фигурѣ и лицу мужа. Ей нравился его складъ, ростъ, выраженіе глазъ, голосъ, манера говорить и держать себя... Онъ—«изъ господъ», съ воспитаніемъ, вездѣ принятъ, служилъ въ кавалеріи и лекціи слушалъ, а не пренебрегаетъ бывать въ купеческихъ домахъ. И держится не какъ баринъ, спустившійся до купцовъ; во все онъ входитъ, обо всемъ обстоятельно разспроситъ, чрезвычайно простъ, никогда не скажетъ ни одной банальной любезности. Съ Викторомъ Мироннычемъ сухо-вѣжливъ. Ни разу у него не ужиналъ. Ему не надо ни его сигаръ, ни его шампанскаго. Такого «барина» она бы пригласила себѣ въ директоры фабрики, еслибъ онъ былъ техникъ. Только она минутами не то боится его, не то въ чемъ-то какъ будто подозрѣваетъ..

— Мѣшаете?—переспросила она:—ни чуть!

— Разсматриваете товаръ?

— Да надо...

Она пошла къ лѣстницѣ и его пригласила рукой. Приказщики вразъ поклонились.

— Сами хозяйничать надумали?—говорилъ ей вслѣдъ Палтусовъ.

— Фабрикой... своей... я давно занимаюсь, а вотъ теперь...

Она остановилась на лѣстницѣ, двумя ступеньками ниже его, и обернулась, глядя на него снизу вверхъ.

— Супругъ уѣхалъ?

— Уѣзжаетъ.

— На долго?

— Не знаю. Чай, на всю зиму.

Ея приволжское «чай» немного рѣзнуло его ухо, но тотчасъ же и понравилось ему. Голова Анны Серафимовны, съ широкими прядями волосъ, блескъ глазъ и стройность стана — все это окинулъ онъ однимъ взглядомъ и остался доволенъ. Но цвѣтъ платья онъ нашелъ «купецкимъ». Она подумала тоже самое и въ одну съ нимъ минуту, и опять смутилась. Ей стало нестерпимо досадно на это глупое, тяжелое, да вдобавокъ еще очень дорогое платье.

— Не угодно-ли чаю?—спросила она, стараясь улыбнуться, у дверей хозяйскаго отдѣленія.

— Не откажусь, если есть.

— Сейчасъ... Максимъ Трифонычъ,—кивнула она въ сторону конторщика.

Палтусовъ вошелъ за нею.

— Вы, значитъ, берете на себя все дѣло?—сказалъ онъ ей тономъ утвердительнаго вопроса.

— Какъ это вы догадались?

— Догадался. И очень радъ.

Они присѣли на диванъ, налѣво отъ входа.

— Викторъ Мироныч,—началъ онъ:—не дѣловой человѣкъ. У него тоска по... бульварамъ.

Палтусовъ разсмѣялся. Ей понравилось, что онъ говоритъ про ея мужа въ тонѣ приличной шутки, хотя и давно раскусилъ его. Такъ она желала бы, чтобъ въ ея присутствіи всѣ говорили о Станицынѣ, пока она считается его женой.

— Да,—спокойно сказала Анна Серафимовна.

Незамѣтно Палтусовъ взялъ ее за руку и почтительно пожалъ.

— Хорошій вы человѣкъ!—тихо вымолвилъ онъ и поглядѣлъ ей въ глаза ласково и кротко.

У ней внутри защекотало. Она слегка выдернула руку и отвернула голову.

— Что же вы это изъ жалости говорите, Андрей Дмитричъ? спросила она.

— Нѣтъ! не изъ жалости!—съ живостью возразилъ онъ.—

Цѣльный человѣкъ!.. Русская культура вотъ такая и должна быть... А точно—онъ какъ бы искалъ слово—судьба ваша...

Онъ не договорилъ. Дверь скрипнула. Прикащикъ подавалъ ему стаканъ чаю.

— Вы не выпьете?—спросилъ Палтусовъ.

— Я ужъ пила.

— Вамъ ѣхать?

— Да, надо.

— И я тороплюсь.

Прикащикъ вышелъ.

— И вы опять соломенной вдовой останетесь?

Палтусовъ во второй заглянулъ ей въ глаза, но на большемъ разстояніи.

— Да я давно соломенная вдова!—вырвалось у Анны Серафимовны.

Оба они поднялись разомъ съ дивана.

XXIII.

Имъ обоимъ пріятно было бы остаться еще вдвоемъ въ этомъ хозяйскомъ отдѣленіи амбара. Но еслибъ у Анны Серафимовны и не случилось экстреннаго дѣла, она бы все-таки поспѣшила уѣхать. Палтусова она принимала нѣсколько разъ у себя на дому; но въ гостиной, въ огромной комнатѣ, на диванѣ, въ роли «дамы», она тамъ не такъ близко сидѣла къ нему, думала не о томъ, слѣдила за собой, была больше стѣснена, какъ хозяйка.

— Можно будетъ занести вамъ визитъ?—спросилъ Палтусовъ съ продолжительнымъ наклоненіемъ головы и протянулъ ей руку.

— Милости просимъ,—весело сказала она и не успѣла высвободить свою руку, какъ онъ поцѣловалъ ее немного выше кисти, гдѣ у ней поверхъ перчатки извивался длинный до локтя и тонкій браслетъ, въ видѣ змѣи, изъ платины.

— Я хотѣлъ разспросить васъ подробнѣе о вашей школѣ.

Они выходили въ наружное отдѣленіе конторы.

— Идетъ порядочно. Только вотъ теперь я рѣже буду ѣздить на фабрику.

«Отъ сердца ли спросилъ онъ про школу?» подумала она и опустила вуалетку. Трифонычъ выросъ передъ нею. Оба конторщика приподнялись съ своихъ мѣстъ. Палтусовъ еще разъ простился и надѣлъ шляпу, когда брался за ручку двери. Она

поклонилась ему и смотрѣла черезъ стекло, какъ онъ вышелъ подъ сводъ рядовъ, повернулъ вправо, спустился съ мостковъ и сѣлъ на пролетку. Его низкая шляпа, изгибъ спины, покрой пальто, лиловое одѣяло на ногахъ, борода съ профилемъ приходились ей очень по вкусу. Все это было и красиво, и «умно». Она такъ и сказала про себя: «умно».

Своимъ подчиненнымъ Анна Серафимовна сдѣлала одинъ общій поклонъ и сказала Трифонычу, подбѣжавшему къ ней, такъ, чтобы никто не разслыхалъ:

— Завтра пораньше зайди... и принеси всѣ платежи, самые нужные.

На что онъ шепнулъ:

— Слушаю, матушка,—и, подавшись назадъ, три раза тряхнулъ сѣдѣющей головой.

Малый у дверей бросился кликать кучера. Подъѣхалъ двумѣстный отлогій фаэтонъ съ открытымъ верхомъ. Лошадей Анна Серафимовна любила и кое-когда захаживала въ конюшню. Изъ экономіи она для себя держала только тройку: пару дышловыхъ, воронуя съ сѣрой и одну для одиночки — она часто ѣздила въ дрожкахъ — темнокараковаго рысака хрѣновскаго завода. Это была ея любимая лошадь. За городомъ въ Паркѣ, или въ Сокольникахъ она обыкновенно говорила своему Ефиму:

— Пусти-ка Зайчика!

Зайчикъ бралъ раза два призы. Дышловыя были отлично выѣзжены. Ефимъ—не очень толстый, коренастый кучеръ, по московски выбритый и съ большими усами. Жилъ сначала въ наѣздникахъ, на помѣщичьихъ заводахъ, пилъ рѣдко, за лошадьми ухаживалъ умѣло, отличался большой чистоплотностью и цѣнилъ въ хозяйкѣ то, что она любитъ лошадей, знаетъ въ нихъ толкъ и *жалѣетъ* ихъ, ѣздитъ умѣренно, зимой не морозитъ ни лошадей, ни кучера, когда нужно посылаетъ нанять извощичью карету. При Викторѣ Мироновичѣ состоялъ свой кучеръ, который въ отсутствіи барина пьянствовалъ и водилъ въ конюшню разныхъ «шлюхъ».

Между Ефимомъ и Анной Серафимовной установилось большое пониманіе.

— Въ Ильинскія ворота проѣдешь,—приказала она ему.

Малый застегнулъ фартукъ. Фаэтонъ тихо пробрался по переулку. Выѣхавъ на Ильинку, Ефимъ взялъ некрупной рысью. Ѣзда на улицѣ поулеглась. Возовъ совсѣмъ почти не видно было. Но трескъ дрожекъ еще перекатывался съ одного тротуара на другой.

Изъ своей легкой на ходу коляски, покачиваясь на пружинахъ шелковой репсовой подушки, Анна Серафимовна глядѣла впередъ, не поворачивая головы по сторонамъ. Она и обыкновенно не дѣлала этого; а теперь ей надо было обдумать много серьёзныхъ дѣловыхъ вещей. Сейчасъ она должна заѣхать къ своему пріятелю-совѣтнику Ермилу Ѳомичу Безрукавкину. Онъ ея банкиръ и душеприкащикъ. Завѣщаніе свое она давно написала. Съ нимъ разговоръ будетъ короткій объ дѣлѣ. Деньги онъ приготовитъ. Ермилъ Ѳомичъ очень обрадуется, что съ завтрашняго дня все поступитъ къ ней на руки. Вотъ только охотникъ онъ до умныхъ разговоровъ. А ей къ спѣху. Ждутъ ее обѣдать къ «тетенькѣ» Марѳѣ Николаевнѣ Кречетовой. Тамъ садятся ровно въ пять. Ее подождутъ; но сильно запоздать она сама не хочетъ. Тетенька—человѣкъ нужный. Она—при хорошихъ деньгахъ; къ племянницѣ большое довѣріе имѣетъ. Придется, быть можетъ, перехватить. У Ермила Ѳомича она не желала бы дисконтировать, хотя онъ съ удовольствіемъ, хоть на двѣсти тысячъ, и больше. Да, неизвѣстно еще, какіе «сюрпризы» приготовитъ муженекъ въ теченіи зимы.

Сквозь эти разсчеты и соображенія нѣтъ-нѣтъ то мелькнетъ лицо Палтусова, то вспомнится голосъ и та минута, когда онъ такъ быстро и ново для нея поцѣловалъ ей руку, выше кисти. И та минута, когда она стояла на лѣстницѣ и разсердилась еще сильнѣе на свое песочное платье. Теперь она опять слегка покраснѣла.

Проходилъ разнощикъ съ ананасомъ и виноградомъ.

— Стой!—крикнула Анна Серафимовна Ефиму.

Она подозвала разнощика. «Куплю тетушкѣ» —рѣшила она; но начала основательно торговаться.

Ананасъ уступили ей за три рубля. Это ей доставило удовольствіе: и не дорого, и подарокъ къ обѣду славный. Скупа ли она? Мысль эта все чаще и чаще приходила Аннѣ Серафимовнѣ. Скупа! Пожалуй, и говорятъ такъ про нее. И не одинъ Викторъ Мироныч. Но правда ли? Никому она зря не отказывала. Въ домѣ за всѣмъ глазъ имѣетъ. Да какъ же иначе-то? На туалетъ—а она любитъ одѣться—тратитъ тысячи три. За то въ школу цѣлый шкапъ книгъ и пособій пожертвовала. Можно-ли безъ разсчета?

Нѣжный запахъ ананаса, положеннаго въ открытый верхъ коляски, достигалъ до ея обонянія. И опять всплыли глаза Палтусова. Глазамъ-то она не вѣритъ. Очень ужъ они мягки и

умны. Такой человѣкъ на каждомъ хочетъ играть, какъ на скрипкѣ...

Ефимъ свернулъ съ Моросѣйки и остановился на просторномъ дворѣ у бокового крыльца въ крытомъ проѣздѣ.

XXIV.

Надо было позвонить. Ермилъ Ѳомичъ жилъ по заграничному. Прислуживали ему камердинеръ и мальчикъ. Какъ холостякъ, онъ дома почти никогда не обѣдалъ; пріѣдетъ изъ города, переодѣнется, и на цѣлый вечеръ въ гости или обѣдать; а то въ театръ, если не сидитъ дома и не читаетъ книжку новаго журнала. До журналовъ—большой охотникъ и до русскихъ запрещенныхъ книгъ. Анна Серафимовна такъ и разочла: заѣхала къ нему теперь, передъ обѣдомъ. Въ своемъ амбарѣ онъ сидѣлъ только до четвертаго часа; а потомъ заѣзжалъ въ два-три мѣста по городу, а иногда въ Замоскворѣчье. Но домой непремѣнно завернетъ, сниметъ визитку, черный сюртукъ надѣнетъ и шляпу другую. Для амбара у него шелковая, высокая, а для гостей—поярковая, какія живописцы за-границей носятъ.

— Дома Ермилъ Ѳомичъ?

Отворилъ камердинеръ небольшого роста, брюнетъ, франтовато и пестро одѣтый.

— Никакъ-нѣтъ-съ. Пожалуйте. Сейчасъ будутъ.

Онъ зналъ Анну Серафимовну. Ермилъ Ѳомичъ ему наказывалъ, что «эту даму» всегда просить и освѣдомляться, не угодно ли чего: чаю, кофею, зельтерской или фруктовой воды.

Домъ у Ермила Ѳомича—небольшой, снаружи не очень внушительный, отдѣланъ художникомъ... Уже въ передней фрески на стѣнахъ и по потолку показывали, что хозяинъ не желалъ довольствоваться обыкновенной барской или купеческой лакейской. Отдѣлка слѣдующихъ комнатъ, библіотеки, столовой, двухъ гостиныхъ, комнаты въ готическомъ вкусѣ, спальной и образной была извѣстна Аннѣ Серафимовнѣ. Она мало понимала въ произведеньяхъ искусства. Картины, бюсты, вазы оставляли ее равнодушной. И своей «тупости» она не скрывала. Мужъ ея не покупалъ картинъ. Деньги шли у него на кутежи, чванство, женщинъ и карты. Развить свой артистическій вкусъ ей было не на чемъ у себя дома, а за-границей на нее нападала ужасная тяжесть и даже уныніе отъ кочеванія по заламъ дрезден-

ской галлереи, Лувра, вѣнскаго Бельведера, флорентинскихъ Уффицій.

Но во второй, маленькой гостиной у Ермила Ѳомича виситъ картина—женская головка. Анна Серафимовна всегда остановится передъ ней, долго смотритъ и улыбается. Ей кажется, что эта дѣвочка похожа на ея Маню. Ей къ новому году хочется заказать портретъ дочери. За цѣной не постоитъ. Пригласитъ изъ Петербурга Константина Маковскаго.

Камердинеръ ввелъ ее въ первую гостиную, съ узорчатымъ ковромъ и золоченой мебелью съ гобленами, и спросилъ, какъ всегда:

— Не угодно ли чего приказать?

Она отвѣтила, что ничего не желаетъ, опустилась у окна въ кресло и тутъ только почувствовала усталость въ ногахъ не отъ ходьбы, а отъ волненій сегодняшняго дня.

Потомъ вынула изъ кармана записную книжечку въ шелковомъ сиреневомъ переплетѣ, прикоснулась кончикомъ языка къ карандашу и записала нѣсколько цифръ.

Надо изложить все Ермилу Ѳомичу покороче и подѣльнѣе насчетъ довѣренности и прочаго. А деньги онъ приготовитъ. Въ банки она не любила вкладывать. Да и не тотъ процентъ. Бумагъ купить—лопнетъ общество или самъ банкъ. Такой же человѣкъ, какъ Ермилъ Ѳомичъ, не лопнетъ. Ему ничего не значитъ давать ей десять процентовъ. Онъ на дисконтъ и всѣ сорокъ получитъ съ ея же денегъ.

Съ четверть часа подождала Анна Серафимовна. Каждый разъ, когда она попадала въ домъ Безрукавкина, ей приходила мысль: почему это Ермилъ Ѳомичъ не присватался за нее десять лѣтъ назадъ? Отецъ отдалъ бы за него непремѣнно. Ему, правда, лѣтъ сильно за пятьдесятъ; а тогда было за сорокъ. Влюбиться въ него трудно; да и за чѣмъ? Жила бы въ почетѣ, покойно, онъ бы ее только похваливалъ, нашелъ бы въ ней добрую помощницу. И какое она добро дѣлаетъ — все бы ему по душѣ. Онъ книжекъ читаетъ больше ея, да и не очень скупъ. Картины его надо бы похваливать, а она не понимаетъ въ нихъ толку. Такъ она и теперь улыбается, когда онъ ей расписываетъ, что вотъ въ этомъ ландшафтѣ есть особеннаго. Она и теперь къ его языку примѣнилась: знаетъ, что есть «сочная кисть» и «колоритъ» и освоилась съ словомъ «зализать» и «компоновка». А тогда и подавно бы примѣнилась. И вдовой раньше бы была. Будто больше ничего и не надо?

Глаза Анны Серафимовны блеснули и прикрылись вѣками.

Еще разъ кусокъ сегодняшняго разговора съ Палтусовымъ припомнился ей. Онъ назвалъ ее «соломенной вдовой»! И она сама это подтвердила. У ней это сорвалось съ языка; а теперь какъ будто и стыдно. Вѣдь развѣ не правда? Только не слѣдовало этого говорить молодому мужчинѣ съ глазу на глазъ, да еще такому, какъ Палтусовъ. Онъ не долженъ знать «тайны ея алькова». Эту фразу она гдѣ-то недавно прочла. И Ермилъ Ѳомичъ, когда разойдется, то эдакимъ точно языкомъ говоритъ.

— А!.. безцѣнная Анна Серафимовна!—раздалось надъ ея головой.

Безрукавкинъ, полный, русый, не очень еще старый, бородатый человѣкъ, въ короткомъ клѣтчатомъ пиджакѣ, на видъ скорѣе помѣщикъ, чѣмъ коммерсантъ, протягивалъ ей обѣ руки.

Она встала. Онъ ее опять усадилъ и, не выпуская рукъ, присѣлъ рядомъ на другое кресло.

— Денегъ надо, Ермилъ Ѳомичъ,—весело начала она.

— Черпайте! Приказывайте! Вашъ слуга и казначей...

— Да, можетъ, моихъ-то не хватитъ...

— Такъ за мои примемся. А развѣ муженекъ?!.

Въ десяти словахъ она ему все изложила. Ермилъ Ѳомичъ слушалъ, закрывъ совсѣмъ глаза, и чуть слышно мычалъ.

XXV.

— Такъ вотъ какъ-съ,—выговорилъ съ удареньемъ Безрукавкинъ и поникъ головой.

— Одобряете?—спросила она.

— Еще бы! Абсолютно!

Онъ встряхнулъ волосами по модѣ сороковыхъ годовъ «à la moujik» и улыбаясь глядѣлъ на свою гостью.

— Еще бы!—повторилъ онъ.—Умница вы, да и какая! Васъ бы надо къ намъ въ биржевой комитетъ или въ думу... Ей-ей! Все это превосходно—и полное мое вамъ одобреніе. Завтра пораньше Трифоныча ко мнѣ... Какую надо сумму и проектецъ довѣренности. У меня есть дока... Изъ нашихъ банковыхъ юрисконсультовъ. Я ему завтра покажу, нарочно заѣду. Такъ вы—онъ началъ говорить тихо—пенсіончикъ супругу-то положили?..

Они оба расхохотались.

— А за пазухой надо сотни тысячъ держать!

— Да я такъ и буду готовиться, Ермилъ Ѳомичъ.

— Пожалуй и не хватитъ!..

Онъ ее жалѣлъ. Съ «дамами» Безрукавкинъ всегда бывалъ любезенъ; но Анну Серафимовну отличалъ особенно. Его влекли къ ней, кромѣ наружности, ея дѣловая натура и «истовый» видъ, умѣнье держать себя. И по части «вопросовъ» можно съ ней пройтись. Серьёзныя книжки любитъ читать; статейку ей укажешь—непремѣнно прочтетъ, слушаетъ его почтительно, споритъ мало, и если съ чѣмъ несогласна, возражаетъ умно. Не разъ и онъ жалѣлъ, почему не пришло ему на мысль присвататься къ ней десять лѣтъ тому назадъ? Очень ужъ онъ сжился съ своей холостой свободой. Все говорилъ: «такъ-то лучше», да и не взвидѣлся, какъ пятьдесятъ семь годковъ стукнуло.

Анна Серафимовна встала и посмотрѣла, который часъ. Пора на обѣдъ къ теткѣ. Ермилъ Ѳомичъ протянулъ ей обѣ руки и задержалъ ее еще минуты на двѣ въ гостиной.

— Когда же мы сядемъ рядкомъ,—спросилъ онъ,—да потолкуемъ ладкомъ?

— Забываете меня, заѣхали бы какъ-нибудь. Я вечера все дома сижу.

— Какова статейка-то въ послѣднемъ номерѣ, а?

Они перешли въ его библіотеку.

— Не читала еще.

— А-а! Прочтите! Знаменіе времени! Вы раскусите, чѣмъ пахнетъ! Есть что-то такое, какъ бы это сказать... Протестація. Пришелъ конецъ нашему квасу-то. Мы шапками закидаемъ! Мы, да мы! А вся Европа намъ фигу кажетъ...

Безрукавкинъ быстро подошелъ къ письменному столу и взялъ книгу журнала. Она была развернута. Онъ надѣлъ-было очки и собрался прочитать Аннѣ Серафимовнѣ цѣлую страницу.

«Батюшки»! испугалась она и начала отступать къ двери.

— Торопитесь?—спросилъ онъ съ книжкой въ рукѣ.

— Да, извините, Ермилъ Ѳомичъ, спѣшу.

— Жаль; а тутъ вотъ есть одно выраженіе. Такъ у насъ еще не писали. Я боялся—остановка будетъ мѣсяца на четыре, однако, до сихъ поръ Богъ миловалъ...

— Вотъ вы какой!..—пошутила она.

— Я такой!.. Это точно. Изъ старыхъ западниковъ... У меня какіе друзья-то были? Кто мнѣ дорогу-то указалъ?.. Храни-молъ, Ермилъ, наши... какъ бы это сказать... инструкціи. Я и храню! Передъ Европой я не кичусь! Наука...

Онъ не докончилъ и подбѣжалъ къ этажеркѣ съ книгами.

— Эту вещицу не видали?

Глаза его заблестѣли, когда онъ поднесъ брошюру къ лицу Анны Серафимовны. Она прочла заглавіе.

— Интересно?—спросила она боязливымъ звукомъ.

Ермилъ Ѳомичъ оглянулъ комнату и продолжалъ шопотомъ и немного въ носъ.

— Я, вы знаете, этихъ господъ не признаю. Они чрезъ край хватили... Додумались до того, что наука, говорятъ, барское дѣло!.. Каково? Наука! А что бы мы безъ нея были?.. Зулусы, или какъ ихъ еще... вотъ что теперь Станлей, американецъ, посѣщаетъ... А есть два-три мѣста... мое почтеніе! Я отмѣтилъ краснымъ карандашемъ.

Анна Серафимовна стояла уже въ дверяхъ передней.

— Ахъ да! вамъ къ спѣху... Не хотите ли просмотрѣть брошюру?

— Боюсь, Ермилъ Ѳомичъ!

— Вы-то?.. Да вы смѣлѣе любого изъ насъ.

— Гдѣ ужъ! Дай Богъ со своей-то домашней политикой справиться.

— Ну, коли такъ, съ Богомъ! Пожалуйте ручку. А если что—не побрезгуйте, заверните въ амбаръ.

— У васъ тамъ и безъ меня много дѣла.

— Какой!.. Такъ, по инерціи... Ей Богу! Сидишь, сидишь... Одинъ вексель учтешь, другой, третій; отчетъ по банку или по обществу просмотришь, въ трактиръ чайку! Китай!.. Ташкентъ!.. По сіе время еще въ татарщинѣ находимся!

И онъ рѣзнулъ себя по горлу.

Въ передней Ермилъ Ѳомичъ собственноручно отворилъ Аннѣ Серафимовнѣ дверь въ сѣни и крикнулъ камердинеру:

— Проводи!

XXVI.

Къ тетушкѣ Марѳѣ Николаевнѣ ѣзды было четверть часа. Минутъ пять она опоздаетъ, не больше. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Ермилъ Ѳомичъ—вѣрный другъ. Онъ считается, какъ и она, скуповатымъ, а по своей части кряжистымъ «дисконтеромъ»; но она знаетъ, что онъ способенъ открыть ей широкій кредитъ. Да до кредита, авось, дѣло и не дойдетъ. Если она и спуститъ весь свой капиталъ въ первые два года, такъ послѣ

выберетъ его. А ея суконная фабрика пойдетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Какой на нее «оборотный» капиталъ нуженъ, она не тронетъ его. Чистаго дохода съ фабрики она не проживетъ, даже еслибы съ мануфактуръ Виктора Мироновича и не получалось никакого дохода, до покрытія его долговъ. Только надо хорошенько все оговорить и слѣдить за нимъ. Пожалуй, придется имѣть вѣрнаго человѣка за границей.

Она задумалась.

Нехорошо! Чтожъ это будетъ, въ сущности? Похоже на шпіонство! Какое шпіонство? Простое наблюденіе... Подъ рукой кому слѣдуетъ дать знать—магазинщикамъ и прочему люду, что хотя онъ и можетъ подписывать векселя, но платить нечѣмъ, все у него заложено, а распоряженіе дѣломъ у жены. Если онъ не уймется—она ему предложитъ дать ей вторую закладную на мануфактуры. Тогда пускай пишетъ векселя. За нею все равно останется его недвижимость. Не хватитъ у ней своихъ денегъ, Ермилъ Ѳомичъ дастъ безъ залога, учтетъ вексель на какую угодно сумму, да и въ банкахъ можно учесть. У ней лично кредитъ солидный—гдѣ хочетъ: и въ государственномъ, и въ торговомъ, и въ купеческомъ, и въ учетномъ.

Все дѣла, да дѣла, разсчеты, подозрѣнія, цифры, рубли. Сушь! А день стоитъ такой радостный. Вотъ пять часовъ; а тепло еще не спало. Даже на весну похоже; воздухъ и грѣетъ, и опахиваетъ свѣжестью.

Анна Серафимовна потянула на себя полы шелковаго пальто. Она не вернется домой до вечера. А вечеромъ засвѣжѣетъ. Кто знаетъ. Быть можетъ, и морозикъ будетъ. Вѣдь черезъ нѣсколько дней на дворѣ октябрь. Ей дадутъ что-нибудь тамъ, у тетки. Она не одного роста съ кузиной, за то худощавѣе.

Коляска ѣхала на добрыхъ рысяхъ. Ефимъ натянулъ вожжи. Лошади, настоявшись до сыта, немного горячились и закусывали, то та, то другая, удила уздечки. Раза два на плохой мостовой порядочно качнуло. Но нить мыслей Анны Серафимовны не прервалась. Дѣла не позволяли ей отдаться своимъ ощущеніямъ. Да она, за послѣднее время, точно отказалась отъ своей жизни. Какъ будто забыла, что ей всего двадцать семь лѣтъ, что считаютъ ее хорошенькой, цѣлуютъ ручки, всячески отличаютъ ее, обходятся съ нею совсѣмъ не такъ, какъ съ женщинами ея круга. Не потому ли, что она слыветъ за милліонершу? Кто знаетъ? И этотъ Палтусовъ точно также...

Она не замѣчала, что уже третій разъ послѣ разговора въ амбарѣ мысль ея переходила къ этому человѣку. Ей хотѣлось

теперь еще сильнѣе, чтобы онъ не смотрѣлъ на нее только какъ на купчиху-скопидомку. Надо ей больше читать; вотъ когда дѣло наладится, послѣ отъѣзда мужа. Она не мало читала и любитъ серьёзныя вещи. Не слишкомъ ли ужъ она скромна? Вонъ хоть бы взять Ермила Ѳомича. Онъ такъ и рѣжетъ. Правда, не всегда у него иностранное слово кстати. Сегодня онъ пустилъ и «протестаціи» и «инерцію»... А вѣдь онъ на мѣдныя деньги учился. Когда онъ ей разъ записку написалъ, такъ ни одной живой «яти» не было. Развѣ у ней такая грамотность? Она изъ пансіона второй ученицей вышла... И дѣтей будетъ сама учить —и русскому, и когда надобность будетъ, такъ и ариѳметикѣ и географіи. Степенность и осторожность ее одолѣваютъ. И людей мало видитъ умныхъ, развитыхъ. А Ермилъ Ѳомичъ промежду нихъ терся лѣтъ еще двадцать пять назадъ; на немъ и осталась эта чешуя... Вонъ онъ «западникъ»—и поди съ нимъ, тягайся!

Ловко, крутымъ поворотомъ влетѣлъ Ефимъ во дворъ одноэтажнаго длиннаго дома съ мезониномъ и крыльями—въ родѣ галлерей—окрашеннаго въ нѣжно абрикосовый цвѣтъ. Дворъ уходилъ въ глубь, гдѣ за чугунной бѣлой рѣшеткой краснѣли остатки листьевъ на липахъ и кленахъ. Домъ Марѳы Николаевны Кречетовой занималъ широкую полосу земли, спускавшейся къ Яузѣ. Изъ сада видны были извилины рѣки, овраги, фабрики, мостъ, а надъ ними, на другомъ берегу, богатыя церкви и хоромы Рогожской, каланча части, и еще дальше башни и ограды монастыря. Точно особенный городъ поднимался тамъ, весь каменный, съ золотыми точками крестовъ и главъ, съ садами и огородами, съ внѣшне-строгой обрядной жизнью древняго благочестія, съ хозяйскимъ привольемъ закромовъ, амбаровъ, погребицъ, сараевъ, рабочихъ казармъ, затѣйливыхъ бесѣдокъ и вышекъ.

XXVII.

Въ переднюю, просторную, низкую, полукруглую комнату, высыпала молодежь встрѣтить Анну Серафимовну. Поднялись говоръ, смѣхъ, оглядыванье туалета, поцѣлуи. Всѣхъ шумнѣе держала себя ея двоюродная сестра, меньшая, незамужняя дочь Марѳы Николаевны—Любаша, широкоплечая, небольшого роста, грудастая дѣвица. Ея темные волосы были распущены по плечамъ. Замѣтный пушокъ легъ вдоль верхней губы. Разомъ, взявшись за руки, накинулись на гостью двѣ дѣвушки, обѣ

блондинки, высокія, перетянутыя, одна въ короткихъ волосахъ, другая въ косѣ, перевязанной цвѣтною лентой—такія же бойкія, какъ и Любаша, но менѣе рѣзкія и съ болѣе барскими манерами. Одна была консерваторка Киселльникова изъ купеческихъ дочерей, другая—учительница Селезнева, дающая уроки по богатымъ купцамъ, изъ чиновничьей семьи. Онѣ очень походили одна на другую и схоже одѣвались; бывали въ однихъ домахъ, разомъ начинали хохотать и кричать, вмѣстѣ бранились съ своими кавалерами и безпрестанно переглядывались. Въ дверяхъ показались два подростка, въ разстегнутыхъ мундирахъ техническаго училища, а за ними уже изъ залы видна была низменная фигура молодого брюнета въ бородкѣ, съ золотымъ pince-nez, въ бѣломъ галстукѣ при черномъ, чрезмѣрно длинномъ сюртукѣ—помощникъ присяжнаго повѣреннаго Мандельштаубъ, изъ некрещенныхъ евреевъ.

— Тетя! Пора!—кричала Любаша, тиская Анну Серафимовну.

Она давно привыкла звать ее «тетя».

— Всего пять минутъ опоздала.

— Жрать смерть хочется!—сошкольничала Любаша на ухо, но такъ, что подруги ея слышали и разразились смѣхомъ.

— Ахъ, Люба!—вырвалось у Селезневой.—Она при посторонних церемонилась.

— Ну, ладно! — отозвалась Любаша. — Тетя! голубушка! шляпка-то у васъ—цѣлый овинъ! А лихо! Только я ни за что бы не надѣла. Пожалуйте, пожалуйте, родительница ужъ переминается.

Она схватила Анну Серафимовну за плечи и больше потащила, чѣмъ повела въ залу.

— Брысь! брысь! Реалисты-стрекулисты!—крикнула она на техниковъ, расталкивая ихъ.—Не пылить!..

Въ залѣ накрытъ былъ столъ во всю длину, человѣкъ на четырнадцать. Особой столовой у Марѳы Николаевны не было. Она не любила и большихъ дубовыхъ шкаповъ. Посуда помѣщалась въ «буфетной» комнатѣ. Бѣлыя съ золотымъ обои, рояль, ломберные столы, стулья, образъ съ лампадкой; зала смотрѣла суховато-чопорно и чрезвычайно чисто. За чистотой блюла сама Марѳа Николаевна, а Любаша, напротивъ, оставляла вездѣ слѣды своей непорядочности.

— Вы незнакомы?—спросила она помощника въ бѣломъ галстухѣ и указывая на Станицыну.

— Не имѣлъ удовольствія встрѣчать,—началъ было онъ.

— Ну, вы вакъ затянете. Тетя моя, то бишь, сестра двою-

родная... ну да это все равно... Анна Серафимовна. Видите, какая прелесть... А это адвокатъ... то бишь, помощникъ Мандельбаумъ.

— Штаубъ, — поправилъ онъ полуобиженно, но улыбающійся... За Любой давали полтораста тысячъ — можно было и православіе принять.

— Ну, все равно! Штаубъ, Баумъ, Шмерцъ. Все едино, что хлѣбъ — что мякина... А вы знаете, тетя милая, у насъ зять.

— Кто? — тихо спросила Анна Серафимовна, все еще не пришедшая въ себя.

— Зять, Сонинъ мужъ. Докторъ Лепехинъ. Вотъ сейчасъ справлялся тоже — скоро ли обѣдать. А я ему говорю: лопайте закуску!

— Любовь Савишна, — покачалъ головой брюнетъ. — Вы все нарочно.

— Сойдетъ!.. Для такихъ кавалеровъ — не начать ли парле-франсе?

И она чуть-чуть не высунула ему языкъ. Дѣвицы шли назади и все «прыскали».

Въ дверяхъ гостиной наткнулись они еще на подростка — въ солдатскомъ мундирѣ, очкахъ, съ большимъ количествомъ прыщей на красномъ потномъ лицѣ. Онъ хлопнулъ каблуками.

— Это ничего, — пояснила Любаша Аннѣ Серафимовнѣ. Изъ училища. — Я имъ всѣмъ говорю: что вы къ намъ шатаетесь; зубрить вамъ надо. Ей богу, директору напишу, чтобъ пробрали. А они все на счетъ любовной страсти. Этакіе-то корпусятники!

Любаша приложила руку къ сердцу, сгримасничала и тряхнула своей гривой. Анна Серафимовна сдержанно засмѣялась и шепнула ей:

— Полно, нехорошо!

— Сойдетъ! — крикнула ей въ отвѣтъ Любаша и ввела въ гостиную.

XXVIII.

На среднемъ диванѣ, надъ двумя портретами «молодыхъ» — писанныхъ тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, бодро сидѣла Марѳа Николаевна и наклонила голову къ своему собесѣднику, доктору Лепехину, мужу ея старшей дочери Софьи, медицинскому профессору, пріѣзжему изъ провинціи. Марѳа Николавна сохранилась: темные волосы, зачесанные за уши, совсѣмъ еще не серебрились даже на вискахъ, красиво сдавленныхъ. Кожа непом-

нѣла противъ прежняго; но все еще была для ея лѣтъ замѣчательно бѣла. Въ линіи носа, въ глазахъ, не утратившихъ блеска, сидѣло фамильное сходство съ племянницей. Она немного согнулась, но не сгорбилась. Голову ея драпировала черная кружевная косынка, надѣтая, по своему, вродѣ платочка. Черное же шелковое платье, съ большой переливной, придавало ей значительность и округляло ея сухой станъ. Она все собирала и какъ бы закусывала свои тонкія губы, почему кумушки и болтали, что она придерживается рюмочки. Но это была чистѣйшая клевета. Марѳа Николаевна, правда, имѣла привычку выпивать за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ тенерифу, но къ водкѣ отроду не прикладывалась.

Обширный диванъ съ высокой рѣзной орѣховой спинкой раздѣлялъ двѣ большія печи—расположеніе старыхъ домовъ—съ выступами, на которыхъ стояло два бюста изъ алебастра подъ бронзу. Обивка мебели, шелковая, темно-желтая, сливалась съ такого же цвѣта обоями. Отъ нихъ гостиная смотрѣла уныло и сумрачно; да и свѣтъ проникалъ сквозь деревья — комната выходила окнами въ садъ.

Зятя Марѳы Николавны Анна Серафимовна видѣла всего два раза: когда онъ вѣнчался, да разъ за границей. Ей показалось, что онъ похудѣлъ и обросъ еще больше волосами. Борода начиналась у него тотчасъ подъ нижними вѣками. На головѣ волосы курчавились и торчали въ видѣ шапки. Ему можно было дать лѣтъ тридцать пять. Въ начинающихся сумеркахъ гостиной блестѣли его большіе, круглые глаза восточнаго типа. Онъ весь ушелъ въ кресло и поджалъ подъ него длинныя ноги. Фракъ сидѣлъ на немъ мѣшковато: профессоръ пріѣхалъ отъ какого-то чиновнаго лица.

— Ахъ! Аннушка!—встрѣтила Марѳа Николавна племянницу своимъ пѣвучимъ голосомъ.—Мы думали—не будешь, спасибо, спасибо!

Старуха приподнялась съ дивана, вышла изъ-за стола, обняла Анну Серафимовну и поцѣловала ее два раза.

— Маменька!—вмѣшалась Любаша.—Я велю давать супъ! Мужчинки!—крикнула она,—полумужчинки! закуску можете травить!.. Маршъ!

— Люба! что ты это мелешь?—не то что очень строго, но все-таки не матерински, остановила ее Марѳа Николавна.

Она давно перестала сердиться на дочь за ея языкъ и обхожденіе. Ссориться ей не хотѣлось. Пожалуй, сбѣжитъ... Лучше на покоѣ дожить, безъ скандала. Марѳа Николавна

только въ этомъ дѣлала поблажку. Въ домѣ хозяйкой была она. Деньги лежали у нея. Всю недвижимость мужъ ей оставилъ въ пожизненное владѣніе, а деньги прямо отдалъ. Люба это прекрасно знала.

— Егоръ Егорычъ, — обратилась она къ зятю. — Наша Аннушка-то какая милая!.. Вы какъ ровно не признали ее.

— Призналъ-съ,—отвѣтилъ горловымъ голосомъ зять, всталъ и протянулъ руку Аннѣ Серафимовнѣ.

Онъ ей никогда не нравился. Она даже побаивалась его учености и рѣзкаго тона. Говорилъ онъ точно ногу или руку рѣзалъ.

— Закусить, милости прошу,—пригласила старуха.—Люба! проси гостей въ залу.

Племянницу Марѳа Николавна придержала въ гостиной и шепнула ей:

— Не привезъ жену-то!.. Такъ скрутилъ. Даромъ, что бойка была. Вотъ я тоже и Любови говорю: дай срокъ-отъ, нарвешься ты вотъ на такого же большака...

Опершись слегка на руку Анны Серафимовны, красивая старуха перешла въ залу, истово перекрестилась большимъ крестомъ, сѣла на хозяйское мѣсто, гдѣ высилась стопа тарелокъ и начала неторопливо разливать щи.

— Сюда, сюда, — указывала она рядомъ съ собою Аннѣ Серафимовнѣ.

Молодежь долго шушукалась и топталась около закуски. Изъ задней двери выплыли двѣ сѣрыя фигуры и сѣли, молча поклонившись гостямъ.

— Гдѣ же Митроша?—спросила Марѳа Николавна.

— Не пріѣзжалъ еще!—откликнулась Любаша,—намъ изъ-за него не...—Она хотѣла сказать «околѣвать», но воздержалась.

Осталось незанятыми два прибора. Подростки и дѣвицы, наѣвшись закуски, загремѣли стульями и заняли уголъ противъ хозяйки.

XXIX.

— Тетя!—крикнула Любаша черезъ весь столъ, упершись объ него руками, знаете, кого мы еще къ обѣду ждали?

— Кого?

— Сеню Рубцова... вы его помните ли?

Анна Серафимовна стала вспоминать.

— Родственникъ дальній,—пояснила Марѳа Николавна:—Анфисы Ивановны покойницы сынокъ. И тебѣ приходится также,—наклонилась она къ племянницѣ.

— Нашему слесарю—двоюродный кузнецъ!..—откликнулась Любаша. Техникъ и юнкеръ какъ-то гаркнули однимъ духомъ.

Профессоръ ѣлъ щи и сильно чмокалъ, посапывая въ тарелку. Прислуживалъ человѣкъ, въ сертукѣ степеннаго покроя, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, а помогала ему горничная, разносившая поджаристыя большія ватрушки. Посуда изъ англійскаго фаянса съ синими цвѣтами придавала сервировкѣ стола характеръ еще болѣе тяжеловатой зажиточности. Въ домѣ всѣ пили квасъ. Два хрустальныхъ кувшина стояли на двухъ концахъ, а по срединѣ ихъ массивный граненый графинъ съ водой. Вина не подавали иначе какъ при гостяхъ, кромѣ бутылки тенерифа для Марѳы Николавны. На этотъ разъ и передъ зятемъ стояла бутылка дорогого рейнскаго. Молодежи поставили двѣ бутылки ланинской воды; но техники и юнкеръ пили за закуской водку, и глаза ихъ искрились.

— Тетя!—крикнула опять Любаша:—Сеня-то какой сталъ чудной! Мериканца изъ себя корчитъ! Мы съ нимъ здóрово ругаемся!

Анна Серафимовна ничего не отвѣтила. Она разслышала, какъ адвокатскій помощникъ сказалъ Любашѣ:

— А вы большая охотница... до этого!..

Тетка старалась ввести ее въ разговоръ съ зятемъ. Онъ обѣихъ давилъ своимъ присутствіемъ, хотя и держался непринужденно, какъ въ трактирѣ, и не выражалъ желанія кого-либо изъ присутствующихъ занимать разговорами.

— Вотъ Егоръ Егорычъ—начала Марѳа Николавна—разсказываетъ про свои мѣста... Про поляковъ... не очень ихъ одобряетъ...

Онъ только повелъ бѣлками и выпилъ послѣ тарелки щей большую рюмку рейнвейна.

— Егоръ Егорычъ,—подхватила съ своего мѣста Любаша,—прославился тѣмъ, что дарвинову теорію приложилъ къ обрусенію!.. Не пущай, какъ у Щедрина!..

Вся молодежь расхохоталась. Мандельштаубъ даже взвизгнулъ, бѣлокурыя дѣвицы переглянулись и толкнули одна другую.

— Люба!—строго остановила мать и покачала головой.

Обросшія щеки профессора пошли пятнами.

— А вы знаете-ли, что такое дарвинова теорія?—спросилъ онъ глухо.

— Гни въ бараній рогъ! Кто кого сильнѣе, тотъ того и жри!..—обрѣзала уже въ сердцахъ Люба.

Она терпѣть не могла своего шурина.

— И будемъ гнуть-съ!—также со злостью отвѣтилъ онъ и ударилъ ножемъ о скатерть.

«Господи!..» подумала Анна Серафимовна, «они подерутся».

Подали круглый пирогъ съ курицей и рисомъ—какіе подавались въ помѣщичьихъ домахъ, до эмансипаціи. Зазвякали ножи, всѣ присмирѣли и въ молодомъ углу ѣли въ запуски... Любаша ужасно дѣйствовала своимъ приборомъ. Анна Серафимовна старалась не глядѣть на нее. Вилку Любаша держала торчкомъ, прямо и «всей пятерней»—какъ замѣчала ей иногда мать, отличавшаяся хорошими купеческими манерами; ножикъ— также, ѣла съ ножа рѣшительно все, а дичь, цыплятъ и всякую птицу исключительно руками, такъ что и подругъ своихъ заразила тѣми же пріемами. Невольно бросила Анна Серафимовна взглядъ на свою кузину. Въ эту минуту Любаша совсѣмъ легла на столъ грудью, локти приходились въ уровень съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ставятъ стаканы, она громко жевала, губы ея лоснились отъ жиру, обѣими руками она держала косточку курицы и обгрызывала ее. Глаза ея задорно были устремлены на зятя и говорили:

«Вотъ дай срокъ, я догложу, задамъ я тебѣ феферу!»

— Какъ вы это страшно сказали, — съ улыбкой замѣтила Анна Серафимовна профессору.

Онъ дожевалъ и, не поднимая головы, выговорилъ:

— Такой народъ!..

— Маменька,—донесся голосъ Любаши:—здѣсь вина нѣтъ... Тамъ рейнвейнъ стоитъ — и она ткнула рукой въ воздухъ;—а здѣсь хоть бы чихирю какого поставили.

Мать показала головой лакею на свою бутылку теперифу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Покорно спасибо. Пожалуйте намъ краснаго!.. Лафиту!

Подозвана была горничная. Мароа Николавна что-то шепнула ей и сунула въ руку ключи.

Въ передней заслышались шаги.

— Вотъ Митроша!—возвѣстила Любаша; потомъ оглядѣла всѣхъ и вскрикнула:—вѣдь насъ тринадцать будетъ!..

Всѣ переглянулись, не исключая и зятя. Мать пустила косвенный взглядъ на двѣ сѣрыя фигуры: одна была приживалка— маіорша, другая—родственница, вдова злостнаго банкрота.

— Ха, ха!—сквозь зубы разсмѣялся зять и поглядѣлъ на

Любашу.—Дарвина имя всуе употребляете, а тринадцати за столомъ боитесь.

— И боюсь! И всѣ боятся, только стыдно сказать... И вы, когда попа встрѣтите, что-то такое выдѣлываете, я сама видала.

Приживалка-родственница безмолвно встала и отошла въ сторону.

— Поставь ихъ приборъ на ломберный столъ,—приказала лакею Марѳа Николаевна.

Всѣ точно успокоились и стали доѣдать рисъ и сдобныя корки пирога. Подали и бутылку краснаго вина. Досталось по рюмкѣ молодому концу стола. Любаша пролила свое вино; юнкеръ началъ засыпать пятно солью и высыпалъ всю солонку.

XXX.

Къ ручкѣ Марѳы Николавны подошелъ сынъ ея Митроша, или «Митрофанъ Саввичъ», какъ звала его сестра, когда желала убѣдить его въ томъ, что онъ «idioтъ» и «чучело». Онъ походилъ на сестру только широкой костью и не смотрѣлъ ни гостинодворцемъ, ни биржевикомъ. Всего скорѣе его приняли бы за домашняго учителя, или даже за отставного военнаго, отпустившаго бороду. Одѣтъ онъ былъ въ модный темный драповый сюртукъ, но все на немъ сидѣло небрежно и точно съ чужого плеча. Рыжеватые волосы, давно нестриженные, выдавались надъ лбомъ длиннымъ клокомъ, борода росла въ разныхъ направленіяхъ. На переносицѣ залегли двѣ прямыя морщины, и брови часто двигались.—Ему минуло двадцать-семь лѣтъ.

Митрофанъ Саввичъ поклонился всѣмъ небрежно и торопливо, и сѣлъ рядомъ съ шуриномъ. Онъ его почиталъ и постоянно ему поддакивалъ. Анна Серафимовна знала напередъ, какъ онъ будетъ себя вести: сначала посидитъ молча, будетъ жадно «хлебать» щи и громко жевать сухую ѣду, а тамъ вдругъ что-нибудь скажетъ насчетъ политики или биржи, и начнетъ кричать сильнѣе, чѣмъ Любаша, точно его кто больно сѣчетъ по голому тѣлу; прокричавшись замолчитъ и впадетъ въ тупую угрюмость. Если за столомъ сидитъ кто, играющій на какомъ-нибудь инструментѣ, онъ заговоритъ о своемъ корнетъ-пистонѣ. Играетъ онъ цѣлые дни, по возвращеніи домой, собравъ на своей половинѣ цѣлую коллекцію мѣдныхъ инструментовъ, а когда устанетъ, призоветъ двухъ артельщиковъ и приказываетъ имъ дѣйствовать на механическомъ фортепьяно. Съ десяти до

четырехъ онъ сортируетъ товаръ: марену, кубовую краску, буру, баканъ, кошениль, скипидаръ, керосинъ. Въ этомъ онъ считается большимъ докой. Передъ обѣдомъ бываетъ на биржѣ. Анна Серафимовна все это знала и почему-то, каждый разъ, говорила себѣ:

«А вѣдь свезутъ его когда-нибудь въ Преображенскую больницу!»

Не прошло и пяти минутъ, какъ Митроша выпилъ квасу и уже кричалъ высокой фистулой по поводу какой-то депеши объ англичанахъ:

— Торгаши проклятые!.. Опять гадить! Ужъ мы ихъ припремъ!.. Эти самые текинцы! Откуда взялись текинцы? Биконсфильдъ!.. Жидовское отродье! И вдругъ въ лорды произвели! Съ паршами-то!

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго повернулъ голову въ своихъ высокихъ стоячихъ воротникахъ при крикѣ «жидовское отродье» И «парши» ему не пришлись по вкусу. Въ другомъ мѣстѣ онъ напомнилъ бы, что и Спиноза былъ тоже «съ паршами», но полтораста тысячъ—все полтораста тысячъ...

Любаша наклонилась къ нему и сказала громкимъ шопотомъ:

— Пускай его!.. Сейчасъ клапанъ-то закроется! У него вѣдь это вдругъ!..

Дѣвицы хотѣли расхохотаться, но просидѣли тихо: каждая имѣла тайные виды на Митрошу.

Шуринъ согласился съ нимъ. Молодежь слышала, какъ онъ съ какимъ-то даже щелканьемъ своихъ бѣлыхъ зубовъ, сказалъ:

— Пустить надо граматы! Индѣйскій народъ за насъ.

«Что за столпотвореніе вавилонское», подумала Анна Серафимовна.—Ее начало давить, какъ во снѣ, когда васъ «домовой» —такъ ей разсказывала когда-то няня—душитъ своей мохнатой лапой.

Рыба, на длинной деревянной доскѣ, покрытой салфеткой, слѣдовала за пирогомъ. Соусъ «по-русски» подавала горничная особо. Любаша, какъ и всѣ, кромѣ Анны Серафимовны—ее научилъ мужъ—ѣла всякую рыбу ножомъ и крошила ее, точно она сбирается мастерить тюрю. Никто не услыхалъ, какъ въ дверяхъ залы показался новый гость, высокаго роста, съ волосами и бородкой каштановаго цвѣта и пробритой верхней губой, что могло бы придавать ему наружность голландскаго или шведскаго шкипера. Но черты его загорѣлаго лица были чисто русскія, не очень крупныя. Круглый носъ и свѣтло-сѣрые глаза, сочныя губы и широкій подбородокъ — все это отзывалось по-

воляьемъ. Вокругъ рта и подъ носомъ появлялись мелкія складки юмора. Онъ держалъ въ рукахъ шотландскую шапочку. На немъ плотно сидѣлъ клѣтчатый коричневый сьютъ. Его сапоги на двойныхъ подошвахъ издавали сильный скрипъ.

— Сеня!—первая увидала его Любаша, бросила салфетку, не утеревшись, и вскочила изъ-за стола.

— Опять тринадцать будетъ!—крикнула дѣвица Селезнева.

Приживалку посадили на прежнее мѣсто. Было не мало хохоту. Новый гость пожалъ руку Марѳѣ Николавнѣ, Любашѣ, ея брату и шурину. Его посадили рядомъ съ Анною Серафимовною.

XXXI.

Ихъ перезнакомили. Дѣйствительно, онъ приходился въ одинаковомъ дальнемъ родствѣ и покойному мужу Марѳы Николавны и ей самой, а стало быть и Аннѣ Серафимовнѣ. Тетка припомнила племянницѣ, что они «съ Сеней» игрывали и даже «дирались», за что Сеню разъ больно «выдрали».

Анна Серафимовна незамѣтно, но внимательно оглядѣла его.

— Какъ васъ звать?—тихо спросила она подъ шумъ голосовъ и стукъ ножей.

— Купеческій братъ Любимъ Торцовъ,—пошутилъ онъ.

Говоръ его не то что отзывался иностраннымъ акцентомъ, а звучалъ какъ-то особенно, по-жестче московскаго.

— Нѣтъ, по отчеству?

— Тихонычъ!—уже совсѣмъ по купечески произнесъ онъ и даже на «о» сильнѣе, чѣмъ она произносила.

Это ей понравилось.

— Вы на Волгѣ все жили?—спросила она.

— На Волгѣ... десять лѣтъ невступно.

— Вѣдь я старше васъ?—ласково выговорила она и въ первый разъ подольше остановила на немъ свои глаза.

Рубцовъ тоже уставилъ глаза въ ея брови: онъ такихъ давно не видалъ.

— Ну врядъ ли,—бойко, немного хриповатымъ голосомъ отвѣтилъ онъ...—Мнѣ двадцать шестой пошелъ. Я вотъ Митрофана на два года моложе.

— А я васъ на два года старше...

Ей и то почему-то было пріятно, что она старше его. На видъ онъ смотрѣлъ тридцатилѣтнимъ.

— И вы,—продолжала она по-немногу спрашивать,—давно съ Волги-то?

— Да... семь годовъ будетъ... Аттестатъ зрѣлости не угодилъ получить. Вы нешто не слыхали? Отецъ въ дѣлахъ разворился въ лоскъ... И мать въ скорости умерла. Сестра въ Астрахани замужемъ. Вотъ я, спасибо доброму человѣку,—и уѣхалъ за море.

— Въ Англіи все были?

— И въ Америкѣ тоже. Какія крохи оставались—я махнулъ на нихъ рукой... Да вы что же все про меня? Вы лучше про себя разскажите. Вонъ вы, сестрица, какая... Вы не обидитесь. Я васъ, помню, такъ звалъ.

— Зовите... И по какой же вы тамъ части?

— Да по всякой... Кой-чему научился, какъ слѣдуетъ. Изъ фабричнаго дѣла—суконное знаю порядочно.

— Суконное!—вскричала Анна Серафимовна.

— А что?

— Какъ это славно!

— Не хотите ли меня брать?

— Что же?

— Смотрите! Дорогъ я!

Онъ разсмѣялся и она съ нимъ. Имъ стало ловко, весело, они сейчасъ почувствовали, что во всемъ обѣдѣ только между собою и могутъ вести они разговоръ людей, понимающихъ другъ друга. Появленіе этого «братца» сегодня, послѣ сцены въ «амбарѣ», предъ открывающейся передъ нею вереницей дѣловыхъ заботъ и одиночества—разомъ освѣжило Анну Серафимовну... Не даромъ, точно по предчувствію, спѣшила она къ теткѣ. Ей, конечно, было бы пріятнѣе найдти въ Семенѣ Тихоновичѣ побольше изящества въ манерахъ и въ говорѣ; но и такъ онъ для нея былъ подходящій человѣкъ... Въ немъ она учуяла характеръ и живой умъ. Такой малый—не выдастъ... Остался мальчикомъ въ погромѣ дѣлъ отца, не пропалъ, учился, побывалъ въ Америкѣ!.. Не шутка! И все-таки не важничаетъ, не тычетъ въ носъ заграницей, говоритъ сильно на «о», напоминаетъ ей своимъ юнымъ дѣтство. Да еще моложе ея на два года!..

Любаша съ прихода Рубцова замѣтно притихла. Она прислушивалась къ разговору его съ Анной Серафимовной, начала насмѣшливо улыбаться, отъ жаренаго—подавали индѣйку, чиненую каштанами—отказалась и сложила даже руки на груди; а ротъ вытерла старательно салфеткой. Она не нападала на этого «брата» такъ смѣло, какъ на шурина, а больше отшучивалась.

За пирожнымъ — яблочный пирогъ со сливками — Рубцовъ, видя, какъ она пустила шарикъ въ носъ одному изъ техниковъ, —сказалъ ей тономъ взрослаго съ дѣвочкой:

— Безъ пирожнаго оставимъ!.. который годокъ-то?

— Двадцать лѣтъ! — отвѣтила она и хотѣла ему показать языкъ.

— Хорошо, что я сегодня здѣсь около бабушки сижу—обратился онъ къ Аннѣ Серафимовнѣ; а то кузиночка-то все книжками меня пужаетъ! Все насчетъ обмѣна веществъ... Штофъвексель. Изъ физіологіи-съ!..

— Я вижу, что тебѣ хорошо тамъ—присосѣдился,—подхватила Любаша и начала шептаться съ подругами.

Всѣ три дѣвицы встали изъ-за стола, гремя стульями. Любаша, когда приходилось «прикладываться»—такъ она называла цѣлованіе руки у матери — не могла не замѣтить Рубцову и Аннѣ Серафимовнѣ:

— Васъ, теперь, я вижу, и водой не разольешь.

— Что мы собаки, что ли? —возразилъ Рубцовъ.—Эхъ, кузиночка! А еще Гамбетту видѣли живого.

XXXII.

Всѣ перешли въ гостиную; но Любаша и остальная молодежь, видя, что Рубцовъ отошелъ къ окну вмѣстѣ съ Анною Серафимовною, потащила всѣхъ въ мезонинъ, гдѣ помѣщался билліардъ. Митроша сѣлъ съ шуриномъ играть въ карты въ вистъ. Для этого приглашена была одна изъ приживалокъ—маіорша. Марѳа Николавна отдыхала послѣ обѣда съ полчасика. За столъ сѣли поздно, и глаза у ней слипались.

Она тихо подошла къ племянницѣ, взяла ее за плечи, поцѣловала въ лобъ и поглядѣла на Рубцова, стоявшаго немного поодаль.

— Видишь, Сеня, сестрица-то у тебя какая.

И старуха нѣжно погладила племянницу по волосамъ. Глаза Анны Серафимовны такъ и горѣли въ полусвѣтѣ гостиной, гдѣ лампа и двѣ свѣчи за карточнымъ столомъ оставляли темноту по угламъ.

Рубцовъ заглядѣлся на свою «сестрицу».

— Вамъ, тетенька, бай-бай?—спросила Анна Серафимовна.

— Я на полчасика... Ты посидишь?

— Дѣтей я не видала съ утра.

— Не съѣдять... Ну, я пойду, велю вамъ сладенькаго подать.

Тутъ только Анна Серафимовна вспомнила про ананасъ. Его сейчасъ принесли. Тетка была тронута и сказала шопотомъ:

— Пускай постоитъ! Тѣмъ не стоитъ давать.

Согнутая спина старухи, съ красивыми очертаніями головы, исчезла въ дверяхъ слѣдующей комнаты.

Рубцовъ указалъ Аннѣ Серафимовнѣ на два кресла у окна.

— Курите?

— Нѣтъ!

— Папенька не позволялъ? Онъ вѣдь на этотъ счетъ строгъ былъ.

— И у самой охоты не было.

Ей дѣлалось все ловчѣе съ нимъ и задушевнѣе, хотя онъ и не смотрѣлъ особенно ласково. Домашнія обиды и дрянность мужа схватили ее за сердце; но она подавила это чувство. Она не станетъ ему изливаться. Послѣ, можетъ быть, когда сойдутся совсѣмъ по родственному.

— У васъ сколько же дѣтокъ? — спросилъ онъ, закуривая собственную хорошую сигару.

— Двое! мальчикъ и дѣвочка.

— Красныя дѣтки? — Про мужа онъ не сталъ разспрашивать: она догадалась—почему, сказалъ только вскользь:—Супруга вашего показали мнѣ разъ на выставкѣ, въ Парижѣ.

Однако она сообщила ему, между прочимъ, когда подали имъ фрукты и конфекты, что беретъ все дѣло въ свои руки.

— Ой-ли? — вскрикнулъ онъ и всталъ.

Тутъ онъ разспросилъ ее про размѣры дѣла, про мануфактуры мужа и про ея суконную фабрику. Объ фабрикѣ она говорила больше и заохотила его посмотрѣть, и про свою школу упомянула.

— Хвалю! — кратко замѣтилъ онъ.

Съ директоромъ у ней мало ладу; а контрактъ его еще не кончился. Директоръ — нѣмецъ, упрямъ, держится своихъ пріемовъ, а ей сдается, что многое надо бы измѣнить.

— Вы бы заглянули! — пригласила она.

— Какъ, вродѣ эксперта? — спросилъ онъ съ удареньемъ на э.

— Вотъ, вотъ!

Прибѣжала Любаша угощать ихъ «своими конфетами», поднесенными ей Мандельштаубомъ.

— Маменька-то, — разсказала она имъ, — ни съ того, ни съ сего, генеральшу прикармливать стала, а та у ней серебряный шандалъ и стащила.

— Ахъ!—пожалѣла Анна Серафимовна.

— Да, всѣ вышли, а она и стибрила. За то настоящая генеральша... У ней кто чиномъ выше изъ салопницъ,—тотъ ее и разжалобитъ скорѣе.

Они ничѣмъ не поддержали ея балагурства. Любаша убѣжала и крикнула имъ:

— Естественный подборъ!..

Анна Серафимовна поняла намекъ. Рубцовъ крякнулъ и мотнулъ головой.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—началъ онъ.—Москательный товаръ и происхожденіе видовъ Дарвина... и приживалки-генеральши!

— Нынче такъ пошло,—точно про себя замѣтила Анна Серафимовна.

— Да, на линіи дворянъ:—какъ мнѣ на той недѣлѣ въ Серпуховѣ лакей въ гостинницѣ сказалъ.

Такъ они и проговорили вдвоемъ. Она узнала, что Рубцовъ еще не поступилъ ни на какое мѣсто. Всего больше разсказывалъ онъ про Америку; но у янки не все одобрялъ, а раза два обозвалъ ихъ даже «жуликами» и прибавилъ, что вездѣ у нихъ—взятка забралась. Францію хвалилъ.

Партія въ вистъ кончилась. Въ залѣ стали играть и пѣть. Любаша играла бойко, но безалаберно, пѣла съ выраженьемъ; но ничего не могла додѣлать.

— Ничего не любитъ кузиночка-то,—выговорилъ Рубцовъ.— Только тѣшитъ себя!

Изъ половины Митроши доносились звуки корнета и гулъ механическихъ фортепьянъ. Профессора онъ поилъ венгерскимъ и угостилъ хоромъ:

«Славься, славься, святая Русь!..»

XXXIII.

Засвѣжѣло. Анна Серафимовна уѣхала отъ тетки въ десятомъ часу. Рубцовъ проводилъ ее до коляски. Она взяла съ него слово быть у ней черезъ три дня.

— Мужъ уѣдетъ, — говорила она ему, — по дѣламъ управлюсь... Тогда на свободѣ... Буду ждать къ обѣду...

Коляска поднималась и опускалась. Горѣли сначала керосиновые фонари, потомъ пошелъ газъ, переѣхали одинъ мостъ, опять дорога пошла на изволокъ, городомъ, Кремлемъ—добрыхъ полчаса на хорошихъ рысяхъ. Домъ тетки уходитъ отъ нея и

послѣ разговора съ Рубцовымъ обособился, выступалъ во всей своей характерности. Неужели и она живетъ также? Чувство капитала, москательный товаръ, сукно: вѣдь не все ли едино?

«Затѣи. Одинъ дудитъ въ трубу, другая озарничаетъ, ничего не любятъ, ни для чего ни живутъ, кромѣ себя. Какъ еще не повѣсятся съ тоски—удивительное дѣло!»

Ефимъ сдержалъ лошадей у крыльца. Анна Серафимовна не громко позвонила. Сѣни освѣщались висячей лампой. Ей отворилъ швейцаръ—важный человѣкъ, приставленный мужемъ. Она его отпуститъ на дняхъ. Бѣлые, подъ мраморъ стѣны сѣней и лѣстницы при матовомъ свѣтѣ лампы отсвѣчивали молочнымъ отливомъ.

На верхней площадкѣ ее встрѣтила нестарая еще женщина —ея довѣренная горничная-экономка, Авдотья Ивановна, въ короткой шелковой кацавейкѣ и въ «головкѣ». Она ходила беззвучно, сохраняла слѣды красивыхъ черть лица и говорила сладкимъ московскимъ говоромъ.

— Что дѣти?—тихо спросила Анна Серафимовна.

— Уложили-съ — започивали. Мадамъ тоже ушедши изъ дѣтской.

При дѣтяхъ состояла англичанка-бонна. Авдотья Ивановна пошла впередъ со свѣчей, черезъ высокія, полныя темноты, парадныя комнаты. Половина Виктора Мироныча помѣщалась внизу. Когда Анна Серафимовна бывала въ гостяхъ и даже дома одна, ни залы, ни двухъ гостиныхъ не освѣщали.

Домъ спалъ, со своей штофной мебелью, гардинами, коврами и люстрами. Чуть слышались шаги обѣихъ женщинъ.

— Баринъ заѣзжали недавно,—не поворачиваясь доложила Авдотья Ивановна.

Она всегда что-нибудь сообщитъ про «барина», хотя Анна Серафимовна и не поощряла этого.

Черезъ корридорчикъ прошли они въ дѣтскую.

— Не разбуди,—шопотомъ сказала Станицына Авдотьѣ Ивановнѣ, останавливая ее у дверей.

Въ дѣтской стоялъ свѣжій воздухъ. Лампадка за абажуромъ позволяла разглядѣть двѣ кроватки съ сѣтками. Мать постояла передъ каждой изъ нихъ, перекрестила и вышла.

Въ своей спальнѣ, съ балдахиномъ кровати, обитымъ голубымъ стеганымъ атласомъ,—Анна Серафимовна очень скоро раздѣлась, съ полчаса почитала ту статью, о которой спрашивалъ ее Ермилъ Ѳомичъ, и задула свѣчу въ половинѣ одиннадцатаго, разсчитывая встать пораньше. Она никогда не запирала дверей.

Часу въ четвертомъ она проснулась и закричала. Ей почудилось во снѣ, что воры забрались къ ней. Спальня тонула въ полутьмѣ лампадки.

— Кто тутъ?!—дико крикнула она и сѣла въ постели, вскинувъ руками.

— Anna! C'est moi!—проговорилъ голосъ ея мужа, нетвердый, но нахальный. Не бойся!..

Она сейчасъ накинула на себя кофточку. Отъ Виктора Мироныча пахло шампанскимъ. Въ полусвѣтѣ виднѣлись его длинныя ноги, голова клиномъ, глаза искрились и смѣялись.

— Что вамъ нужно отъ меня?—гнѣвно и глухо спросила она.

Мужъ уже сидѣлъ у ней на кровати.

— Анна! —говорилъ онъ не очень пьянымъ, но фальшиво чувствительнымъ голосомъ... Зачѣмъ намъ ссориться? Будемъ друзьями... Ты видѣла сегодня—я на все согласенъ... Но тридцать тысячъ... C'est bête!.. Согласись! это... это...

Въ мигъ поняла она, въ чемъ дѣло.

— Вы проигрались?..

— Mais écoute...

— Проигрались? — повторила она, и совсѣмъ сѣла въ постели. Не лгите! Сколько? Сейчасъ же говорите!

Онъ былъ такъ ей гадокъ въ эту минуту, что рука зудѣла у нея...

— Не кричите такъ!... обидѣлся онъ и всталъ.

— Сколько? Ну все равно, завтра мы увидимъ. Но уходите, Викторъ Миронычъ, ради Бога уходите!

— Будто я такъ!.. Je vous donne si peu sur la peau?..

И онъ захохоталъ... Вино только тутъ начало забирать его... Но не успѣлъ онъ повернуться, какъ двѣ нервныя руки схватили его за плечи и толкнули къ двери.

Долго, больше получаса, въ спальнѣ раздавалось глухое женское рыданіе. Анна Серафимовна лежала навзничъ, головой въ подушку.

П. Боборыкинъ.

ЗАМѢТКИ

о

РУССКОЙ ШКОЛѢ

VIII. Школа и церковь *).

Если подъ словомъ «церковь» разумѣть богословское опредѣленіе, какъ христіанское общество, члены котораго соединены однимъ евангельскимъ ученіемъ, то не могло бы и быть вопроса объ отношеніи церкви къ школѣ. Они были бы нераздѣльны по одному и тому же стремленію къ истинѣ, добру и прекрасному, руководствуясь одними и тѣми же евангельскими совѣтами: возлюби ближняго, какъ самого себя; какъ хотите, чтобы съ вами поступали, такъ поступайте и вы; первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга. Тогда школу можно бы было уподобить одному изъ необходимыхъ членовъ живого организма. Но такое представленіе церкви остается только въ идеалѣ; а въ дѣйствительности съ церковью у насъ соединяется извѣстный уставъ, касающійся порядковъ богослуженія и обрядовъ, исправлять которые вѣрено людямъ, для того посвященнымъ и составившимъ изъ себя особое сословіе въ государствѣ. Въ идеалѣ служитель церкви долженъ быть добрымъ пастыремъ и честнымъ учителемъ, берущимъ въ образецъ себѣ самого основателя христіанства; но въ дѣйствительности онъ явился только церковнымъ чиновникомъ, приставленнымъ при храмѣ для исполненія церковнаго устава. Это

*) См. „Вѣстн. Евр." 1881, мартъ и маѣ.

мы говоримъ не въ укоръ нашимъ служителямъ церкви: исторія поставила ихъ въ такія обстоятельства и условія, что имъ и невозможно было явиться иными. Зато тѣмъ болѣе чести тѣмъ немногимъ, которые и при такихъ условіяхъ съумѣли удержаться на высотѣ идеала, какъ христіанскіе пастыри и учители.

Главный недостатокъ нашего духовенства, какъ сословія, съ которымъ соединилось представленіе церкви, это недостатокъ *учительства;* а оно-то и должно бы было поддерживать высшій христіанскій идеалъ жизни, вводить его незамѣтно въ ихъ собственную жизнь, которая могла бы сдѣлаться образцомъ для прочихъ. Отъ недостатка учительства и религіозное чувство народа стало выражаться исключительно въ слѣпой привязанности къ церковной внѣшности, къ обрядамъ, значеніе которыхъ не понималось, и которые даже стали перемѣшиваться съ языческимъ суевѣріемъ, чѣмъ нерѣдко заражались и самые служители церкви. Отсюда понятно, что и дѣятельность духовенства, близкаго къ народу, должна была чуть не исключительно направиться къ исполненію тѣхъ церковныхъ требъ, за которыми народъ только и прибѣгалъ къ церкви, соединивъ съ ними многіе моменты изъ своей жизни, и находя только въ нихъ исходъ своимъ религіознымъ чувствамъ. А жалкія матеріальныя условія жизни этихъ пастырей, жизни, которая находила себѣ поддержку въ приношеніяхъ за требы, заставляли ихъ поддерживать и эту исключительную привязанность къ обрядамъ, предполагать въ нихъ всю сущность христіанства, не разъясняя его духа. Здѣсь забылось и выраженіе: не о единомъ хлѣбѣ сытъ будешь. Просвѣщеніе не распространилось ни въ той, ни въ другой средѣ. При такомъ отношеніи нашего духовенства къ народу, наша школа и не могла выдти изъ церкви. Основателемъ русской школы явилось государство. Оно принудительно отнеслось и къ духовенству, заставляя его заводить школы не только для себя, но и для народа. Съ этимъ вмѣстѣ ему вмѣнено въ обязанность *законоучительство* во всѣхъ государственныхъ школахъ. При школахъ съ пансіонами заводились и особыя церкви съ особыми священниками, которые дѣлались и законоучителями. Въ школы же съ приходящими, приглашались за извѣстную плату приходскіе священники или дьяконы. Такимъ образомъ наша школа связалась съ церковью посредствомъ учительства, которымъ духовенство по своему призванію должно бы было быть связаннымъ со всѣмъ народомъ. Но право управлять школою оно получило только въ своей средѣ—своею собственною, сословною. И надо отдать ему справедливость, что въ XVIII стол. оно обогатило Россію такими школами, если не

въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Черезъ нихъ оно дало много учителей, въ которыхъ нуждались правительственныя школы; но эти педагоги не усиливали его, потому что не оставались въ его средѣ, а переходили въ разрядъ чиновниковъ, т. е. слугъ государственныхъ. Но нельзя сказать, чтобы наше духовенство много работало надъ своими собственными школами и старалось бы ихъ сдѣлать образцовыми педагогическими заведеніями, достойными общаго подражанія. Въ этомъ случаѣ оно не имѣло никакого вліянія на свѣтскія школы. Скорѣе можно сказать наоборотъ: эти послѣднія иногда являлись образцами для первыхъ. Остановившись на школьной схоластикѣ XVII вѣка, семинарскіе педагоги готовили церковныхъ чиновниковъ точно такъ же, какъ правительственныя или свѣтскія школы готовили государственныхъ чиновниковъ, но только при условіяхъ гораздо лучшихъ. Крайне грубые нравы, въ большинствѣ прививаемые съ самаго дѣтства, Богъ знаетъ какими примѣрами, въ простонародной средѣ, поддерживались въ семинаріяхъ самымъ суровымъ и часто безжалостнымъ отношеніемъ наставниковъ къ ученикамъ. Лозою учили ихъ быть проповѣдниками христіанской любви и мира; давали имъ лучшіе образцы для высокопарныхъ проповѣдей, но не давали образцовъ для человѣколюбиваго обращенія съ людьми.

Духъ христіанскаго учительства также не могъ развиться въ такихъ школахъ, потому что онъ былъ вообще невозможенъ въ русской обстановкѣ жизни. Да и въ самомъ дѣлѣ, чему могло учить духовенство, вполнѣ подчиненное государству? Всякая тема, развитая въ духѣ евангельской любви, мира и свободы, была бы принята за подстрекательство къ возмущенію рабовъ противъ господъ, низшихъ противъ высшихъ, подвластныхъ противъ начальства; всякій призывъ къ трезвой жизни показался бы направленнымъ противъ винныхъ откуповъ, значитъ, въ ущербъ государственнымъ доходамъ. Не знаю, нашлась ли бы тема въ вопросахъ о народной, общественной и правительственной нравственности, которую можно было бы разработать въ христіанскомъ духѣ по идеаламъ евангельскаго ученія. Опасно было выбрать даже тему: «любите враговъ вашихъ», потому что за враговъ пришлось бы съ одной стороны принять помѣщиковъ и все служилое сословіе, а это было преступно въ гражданскомъ смыслѣ, съ другой стороны—иноземнаго непріятеля, а любовь къ нему была бы равносильна измѣнѣ. Даже проповѣдывать терпѣніе, и то могло бы показаться неумѣстнымъ, потому что съ терпѣніемъ должна соединяться надежда на небесныя награды, чѣмъ косвенно

присуждались въ адской карѣ тѣ, отъ которыхъ приходилось такъ много страдать, вооружаясь терпѣніемъ. Понятно, что́ долженъ бы былъ вытерпѣть служитель церкви за свои порывы къ учительству, если бы какой-либо власти оно показалось неудобнымъ или непріятнымъ. Не на кого ему было опереться для своей защиты: онъ выдавался головою своимъ собственнымъ начальствомъ.

Послѣ всего этого понятно, что темы для проповѣдей могли браться только изъ догматической части, составляющей богословскую науку. Она-то и заучивалась въ семинаріяхъ; ею и ограничивалось пониманіе религіи; но то, что́ составляетъ въ ней жизненное значеніе, то, что́ одушевляетъ человѣка и незнакомаго съ этою наукою, что́ сливается съ его жизнію и направляетъ ее, не многими выносилось въ свое служеніе. А это-то главное и нужно было для законоучительства въ школахъ. Семинаріи приготовляли догматиковъ, кое-какихъ богослововъ, но не законоучителей, какихъ требуетъ школьный возрастъ. Наше духовенство не такъ поняло слово: «Законъ Божій», введенное въ школьныя программы, и приравняло его ко всѣмъ другимъ наукамъ тѣхъ же программъ. Оно смѣшало церковнаго проповѣдника въ средѣ взрослыхъ людей и законоучителя въ кругу дѣтей и незрѣлыхъ юношей. Вотъ отчего оно выпустило изъ своихъ школъ очень немного истинныхъ законоучителей, которые съумѣли бы поддержать или развить настоящую религіозность въ христіанскомъ духѣ. Религію, управляющую чувствомъ, они смѣшали съ богословіемъ, наукою, которая требуетъ зрѣлаго ума, способнаго къ отвлеченному мышленію. Они составили катихизисъ, который доступенъ взрослымъ людямъ и который никакъ не подходитъ къ дѣтскому развитію. Какъ ни велики научно-богословскія достоинства этой книги, но въ педагогическомъ отношеніи она не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Ученикъ является въ классъ съ полной вѣрой въ бытіе Божіе, и нѣтъ никакой нужды доказывать ему это бытіе отрывочными фразами изъ разныхъ мѣстъ священнаго писанія, силы котораго онъ еще не можетъ оцѣнить. Онъ не понимаетъ, для чего заставляютъ его заучивать наизусть эти фразы на языкѣ, въ которомъ изъ двухъ словъ одно ему непонятно; да часто не больше понятенъ и буквальный переводъ, такъ какъ мысли въ немъ по большей части такъ сжато выражены, что требуютъ обширныхъ объясненій. Снисходительный законоучитель нерѣдко и дѣлаетъ эти объясненія; но переработать ихъ въ своемъ умѣ и послѣдовательно запомнить могутъ только очень даровитые и развитые ученики; большинство же, еще неспособное къ отвлеченному мышленію,

должно ограничиться сильнымъ напряженіемъ памяти, чтобы заучить полупонятныя для нихъ фразы, все же не постигая, съ какой цѣлью требуется отъ нихъ такой трудъ. Главное затрудненіе здѣсь состоитъ не столько въ самомъ заучиваньѣ, которое происходитъ по простой ассоціаціи звуковъ, сколько въ томъ, чтобы запомнить, въ какой связи состоитъ всякій данный текстъ съ вопросомъ, къ которому онъ отнесенъ въ катихизисѣ. Большинство учениковъ скажетъ вамъ твердо каждый текстъ, особенно если вы произнесете ему первое его слово; но попробуйте спросить, къ какому вопросу онъ относится и что̀ доказываетъ, тутъ и увидите, какое смѣшеніе происходитъ и въ памяти, и въ пониманіи. Не убѣждаетъ ли это, что всѣ ваши тексты не имѣютъ силы доказательствъ для ученика, да умъ его и не требуетъ доказательствъ, такъ какъ въ своей вѣрѣ онъ далекъ отъ всякаго скептицизма, которому нужны вѣскія доказательства. Не трогайте же этой вѣры и передавайте однимъ простымъ словомъ то, что̀ принадлежитъ вѣрѣ, не подъискивая доказательствъ изъ разныхъ источниковъ, авторитетныхъ для васъ, но мало доступныхъ для возраста учащихся. Для нихъ самый главный авторитетъ голосъ того наставника, котораго они уважаютъ. Только его живой голосъ способенъ проводить мысль въ юное сердце, а это все, чего можно желать въ интересахъ религіознаго развитія.

Прислушаемся къ отзывамъ всѣхъ учившихся въ русскихъ школахъ. Изъ десяти навѣрно девять скажутъ, что ихъ религіозность скорѣе притуплялась, чѣмъ развивалась отъ непосильнаго труда надъ заучиваніемъ всего того, что̀ имъ предлагалось въ урокахъ Закона Божія, что эта работа скорѣе дѣлала ихъ равнодушными къ вопросамъ вѣры, что религіозность у нихъ всегда была сама по себѣ, а уроки Закона Божія сами по себѣ. Вотъ на эти-то отзывы и необходимо обратить особенное вниманіе и убѣдиться, что наши законоучители не дали своему предмету надлежащей педагогической постановки. Составляя программы и катихизисъ, они имѣли въ виду только богословскую науку, придавая ей значеніе бо̀льшее,. чѣмъ она можетъ имѣть въ школьный возрастъ, и не имѣли достаточно наблюденій надъ психическимъ развитіемъ ростущаго человѣка. Разсчитывая на свѣжую юношескую память, они приравняли къ обыкновеннымъ урокамъ ученіе, нужное для укрѣпленія религіознаго чувства, для сближенія человѣка съ высшимъ христіанскимъ идеаломъ. Они стали задавать учить уроки по страницамъ и въ то же время судить о степени религіозности учениковъ по силѣ ихъ памяти: кто тверже выучивалъ уроки, тотъ являлся и религіознѣе. И самое школьное

начальство заражалось такимъ же взглядомъ и строже наказывало тѣхъ, кто бывалъ неисправнѣе у «батюшки». Нужно ли доказывать, что ученики ставились въ ложное положеніе къ тому ученію, которое должно было проникать въ ихъ сердца и возвышать ихъ души. Страхъ наказанія заставлялъ ихъ также хитрить и съ законоучителемъ, какъ и со всѣми другими учителями, также обманывать его, чтобы только получить удовлетворительный баллъ; спрашивается: гдѣ же тутъ нравственное вліяніе того учебнаго предмета, на который обыкновенно разсчитываютъ въ вопросѣ о нравственномъ воспитаніи? Не можетъ его и быть, если самое ученіе направляютъ только на память, дѣйствуя пассивно на душу.

Но указывая на такіе факты, которые никакъ не назовемъ исключительными, мы въ то же время по чувству справедливости должны прибавить, что были и есть законоучители, которые оставляли по себѣ добрую память въ своихъ ученикахъ; но ихъ число такъ незначительно, что ихъ нужно считать исключеніемъ. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они посмотрѣли на Законъ Божій не какъ на школьные уроки, которые должны выучиваться наизусть въ видахъ награды или подъ страхомъ наказанія, а какъ на сердечныя бесѣды, въ которыхъ разъясняются тѣ или другія нравственныя понятія въ христіанскомъ духѣ, тѣ или другія явленія изъ обыденной жизни. Для такихъ законоучителей даже и малоспособные или лѣнивые ученики одолѣвали всякій трудъ, какой требовался для успѣшнаго экзамена по извѣстнымъ программамъ. Но едва ли кто скажетъ, что именно этотъ трудъ оставилъ въ его сердцѣ нравственные слѣды. Начальство, конечно, судило по экзаменамъ о религіозномъ и нравственномъ направленіи воспитанниковъ.

Говоря откровенно, экзамены по Закону Божію не могутъ имѣть такого значенія, какое связывается съ экзаменами по другимъ учебнымъ предметамъ, и скорѣе наводятъ на ложное заключеніе. Надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ у насъ принадлежитъ мѣстнымъ архіереямъ. Они же дѣлаютъ свои выводы по заученнымъ отвѣтамъ учениковъ на экзаменѣ. Большинство законоучителей боится такихъ экзаменовъ больше чѣмъ сами ученики, чтó очень понятно, если имѣть въ виду іерархическія отношенія. И вотъ, нѣкоторые стараются заранѣе обезпечить себѣ успѣхъ экзамена. За нѣсколько дней они распредѣляютъ между воспитанниками всѣ билеты, по которымъ обыкновенно, слѣдуя обычаю, они экзаменуются. Каждому изъ нихъ ничего не стоитъ твердо выучить отвѣты на одинъ

или два билета. Экзаменъ ведется такъ ловко, что всѣ подъ-рядъ отвѣчаютъ безъ запинки. Архіерей доволенъ, высказываетъ свое удовольствіе и воспитанникамъ и законоучителю, составляетъ выгодное понятіе объ ихъ религіозномъ направленіи. А какое страшное нравственное развращеніе внесено въ юныя сердца, никто этого и не подозрѣваетъ. Что же удивительнаго, если ученики и потомъ въ самой жизни всю свою общественную и государственную службу основываютъ на обманѣ. Они начали дѣлать сдѣлки съ своей совѣстью еще подъ руководствомъ законоучителя. Конечно, мы не хотимъ обвинять всѣхъ законоучителей въ такомъ нечестномъ отношеніи къ дѣлу; наоборотъ, мы даже убѣждены, что большинство изъ нихъ не допускаетъ и мысли о такихъ развращающихъ поступкахъ; но въ то же время и говоримъ не о преданьяхъ старины глубокой, а о временахъ очень къ намъ близкихъ. Мы хотимъ только показать къ чему могутъ приводить экзамены, если имъ придавать особенное значеніе. А они всегда будутъ считаться важными и необходимыми, если на Законъ Божій будутъ смотрѣть просто какъ на уроки на ряду съ другими учебными предметами.

Въ настоящее время, какъ скоро заходитъ рѣчь о недостаточномъ религіозномъ образованіи въ нашихъ училищахъ и предлагается вопросъ о средствахъ улучшить и усилить его, приходится слышать одинъ отвѣтъ отъ большинства нашихъ законоучителей: необходимо увеличить число уроковъ по Закону Божію и съ этимъ вмѣстѣ, конечно, расширить программу богословскаго ученія. Это наводитъ насъ на заключеніе, что дѣйствительные недостатки въ преподаваніи не замѣчаются, что всю вину видятъ только въ недостаткѣ времени и въ маломъ объемѣ богословско-научнаго курса. Но мы спросимъ: гдѣ же предѣлы этого расширенія времени и программы, и усилится ли религіозное направленіе въ учащихся отъ того, что въ программу внесется болѣе догматическихъ подробностей съ подобающими священными текстами, или болѣе подробностей въ изложеніи богослуженія и церковныхъ обрядовъ, или, наконецъ, болѣе фактовъ въ церковной исторіи? Въ отвѣтъ на это мы укажемъ на наши духовныя семинаріи, гдѣ нельзя пожаловаться ни на время, ни на программы по Закону Божію; но развѣ жизнь большинства нашего сельскаго духовенства высказываетъ истинную религіозность и правильное о ней понятіе? Намъ же кажется, что расширеніе программы въ заведеніяхъ не спеціально-богословскихъ скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу, потому что расширять ее можно только въ вопросахъ научныхъ; а всѣ такіе вопросы никакъ не под-

ходятъ къ школьному возрасту; вбивать же богословское ученіе подъ предлогомъ бóльшаго религіознаго развитія, нужнаго для истинно-христіанской жизни и вбивать въ умъ, неподготовленный для принятія высшихъ истинъ, значитъ не согласоваться съ натурой человѣка, въ которой всякое излишество не перерабатывается естественно, а только внушаетъ крайнее отвращеніе. Не слѣдуетъ ли опасаться такихъ же результатовъ отъ стремленія занимать незрѣлые умы разными богословскими вопросами въ неумѣренномъ количествѣ?

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы даже сократить существующія программы, особенно въ догматической части, исключивъ разныя подробности, которыя слишкомъ обременяютъ память учениковъ и не даютъ матерьяла для того, чтобъ могли выработаться правильныя христіанскія понятія. Вся же вина заключается въ томъ, что этотъ учебный предметъ, названный у насъ Закономъ Божіимъ, не разработанъ *педагогически*. Программы для него составлялись высшими представителями церкви, но не представителями педагогіи. Цѣли и средства преподаванія не согласованы съ требованіями возраста. Слишкомъ много разсчитывается дѣйствовать на память, слишкомъ большое стремленіе преклонять къ вѣрѣ умъ, и слишкомъ малыя попытки проникать въ сердце, на которое болѣе всего разсчитываетъ евангельское ученіе, доступное въ своихъ основахъ всякому возрасту.

Не разработанъ этотъ предметъ педагогически, благодаря только тому странному и невѣрному взгляду, котораго всѣ держатся, будто законоучителемъ можетъ быть каждый священникъ, какъ прежде полагалось, что школьнымъ учителемъ можетъ быть всякій мало-мальски грамотный человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ, если требуется основательная педагогическая подготовка для всякаго, желающаго быть хорошимъ преподавателемъ, то тѣмъ болѣе для законоучителя, которому ввѣряется важная задача образовать члена церкви, основанной на любви, мирѣ и свободѣ. Объ этой-то подготовкѣ наши духовныя училища до сихъ поръ не заботились, и не мудрено, что законоучительство у насъ не двигается впередъ вмѣстѣ съ успѣхомъ нашей педагогіи. Оно стоитъ какъ-то особнякомъ, внѣ провѣрки школьнаго начальства, которое не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла священника даже съ оцѣнкою чисто-педагогической, особенно если это начальство принадлежитъ другому вѣроисповѣданію, что у насъ часто встрѣчается. Наши педагоги считаютъ благоразумнымъ сторониться отъ вопросовъ, касающихся преподаванія Закона Божія, предоставляя это дѣло силамъ духовенства; а оно чуждается

педагогіи, основанной на изученіи физической и психической природы человѣка. Вотъ отчего педагогическая сторона нашего законоучительства очень мало разработана, не смотря на то, что между законоучителями были и есть люди талантливые и съ большимъ вліяніемъ на учениковъ. Но они предпочитали не высказываться, хотя и сознавали, что программы стѣсняютъ учительскую ихъ дѣятельность. Вѣроятно ихъ стѣсняла и житейская опытность, выразившаяся въ поговоркѣ: «одинъ въ полѣ не воинъ».

Какъ бы то ни было, но если есть наука о воспитаніи, то необходимо ее выставить на видъ тѣмъ лицамъ, которыя связываютъ школу съ церковью и которыя стараются удержать за собою право на преподаваніе Закона Божія. Имъ настоитъ крайняя необходимость спеціально приготовлять законоучителей-педагоговъ, которые бы могли стать на ряду съ другими дѣятелями школы, а не идти позади ихъ, или совершенно отдѣльно отъ нихъ, какъ люди, будто бы непричастные общему дѣлу, а отмежевавшіе себѣ въ школѣ совершенно особое и мнимо-независимое положеніе. Тогда они обратятъ должное вниманіе на выводы и совѣты извѣстныхъ педагоговъ, которые много старались о всестороннемъ и естественномъ развитіи въ школьномъ возрастѣ.

«Черезъ-чуръ раннее преподаваніе религіи,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—пока еще дѣти не въ состояніи постичь вѣроученіе, скорѣе вредно, нежели полезно; оно заставляетъ ихъ относиться къ Закону Божію равнодушно и даже съ отвращеніемъ; вѣдь религія тогда только можетъ быть благодатною, полезною совѣтницею въ ихъ жизни, когда просвѣтляетъ умъ и согрѣваетъ сердце, а не тогда, когда ее низводятъ до простого предмета памяти»... «Нравственное образованіе,—говоритъ другой,—эта великая основа всего, отъ которой зависитъ все достоинство, всякое истинное благо человѣка и гражданина, должно составлять важнѣйшую отрасль преподаванія. Но только отнюдь не заучиваніемъ десяти заповѣдей и членовъ вѣры. Давно пора отстать отъ душегубнаго механизма мертвящей катихизаціи и путемъ, болѣе отвѣчающимъ свойству человѣческаго духа, позаботиться о просвѣщеніи молодой души. Добродѣтель нельзя изучать, а по катихизису и подавно: это дѣло сердца, а не памяти; она основана не на знаніи, а пріобрѣтается навыкомъ. Наставникъ, имѣющій въ виду склонить малолѣтнихъ къ добру, втунѣ потратитъ трудъ свой, если вздумаетъ посредствомъ катихизиса и текстовъ вселять въ ихъ сердцахъ добродѣтель. Онъ вѣрнѣе достигнетъ цѣли, если кстати, вó-время и въ надлежащемъ видѣ изложенными разсказами увлечетъ ихъ чувства и исполнитъ ихъ фанта-

зію лишь благородными ббразами, а ихъ сердца доблестными порывами» [1]).

Руководствуясь настоящей педагогіей, наши законоучители-педагоги, можетъ быть, согласятся, что уроки по Закону Божію должны быть обращены въ сердечныя бесѣды, которыя сближать учениковъ съ ихъ наставникомъ такъ, что они безбоязненно и съ довѣрчивостью будутъ къ нему относиться со всѣми своими недоумѣніями и сомнѣніями. Въ настоящее время рѣдкому законоучителю приходится выслушивать откровенную исповѣдь юной души по очень простой причинѣ: высказанная громко мысль, несогласная съ вѣроученіемъ, чаще всего встрѣчаетъ суровый упрекъ въ невѣріи или ереси и вмѣсто незлобиваго разъясненія навлекаетъ на юнаго ученика подозрѣніе въ вольнодумствѣ и бываетъ причиной невѣрнаго заключенія о развращенномъ умѣ и испорченной нравственности. Понятно, что такое отношеніе къ неустановившейся мысли юноши, иногда къ возникающему скептицизму, свойственному этому возрасту и говорящему о самостоятельной работѣ ума, не можетъ вызывать на откровенную бесѣду, не можетъ допускать для нея и темъ, близкихъ къ жизни. А между тѣмъ этотъ именно возрастъ особенно нуждается въ такомъ лицѣ, которому можно было бы довѣряться въ своей внутренней борьбѣ, вызываемой разными противорѣчіями дѣйствительности съ высшими идеалами. Но чтобъ сдѣлаться довѣреннымъ лицомъ молодого человѣка въ его душевныхъ безпокойствахъ, не достаточно только считаться законоучителемъ, необходимо съ первыхъ же встрѣчъ показать себя лицомъ, способнымъ понимать молодую душу, способнымъ любить все человѣческое. Нашей молодежи до сихъ поръ не доставало такихъ руководителей. Рѣдкимъ изъ нихъ счастливилось найти теплую христіанскую душу, которая согрѣвала бы ихъ отъ холода полицейскаго воспитанія. Большинство выходило изъ своего школьнаго періода, не зная, на кого указать, какъ на истиннаго друга своей юности, передъ которымъ и потомъ можно изливать свою душу, еще колеблющуюся во многихъ вопросахъ жизни. Вотъ такихъ законоучителей мы представляемъ себѣ пока въ идеалѣ, и думаемъ, что только такіе и могутъ духовно связать школу съ церковью и воспитывать истинныхъ членовъ дѣйствительно христіанской церкви. Для этого не нужно хлопотать объ увеличеніи числа уроковъ по Закону Божію или о расширеніи программы: мы знаемъ, что и одна сердечная бесѣда можетъ заронить много хорошихъ сѣмянъ въ юныя души,

[1] Истор. педагогіи, Шмидта, т. III, стр. 696 и 681.

а и много холодныхъ книжныхъ уроковъ не дадутъ ничего или даже скорѣе поведутъ къ охлажденію.

Рекомендуя замѣнить уроки бесѣдами, мы въ то же время желали бы, чтобы была забыта и всякая мысль объ экзаменахъ; они только ставятъ въ неправильныя отношенія къ самому предмету, какъ учениковъ, такъ и законоучителей, наводя и начальство на ложныя заключенія. Если хоть въ настоящее время судить по экзаменамъ, то слѣдуетъ утверждать, что лучшаго веденія дѣла нельзя и требовать: ученики въ огромномъ большинствѣ твердо отвѣчаютъ на все, означенное въ программахъ. Но видно не этого требуютъ недовольные голоса, раздающіеся отвсюду; видно они судятъ о христіанинѣ не по богословскимъ его познаніямъ, а по жизни и ея стремленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ изученіе гражданскихъ законовъ можетъ образовать хорошаго юриста, а иногда и просто сутягу, а не человѣка, проникнутаго чувствомъ законности, такъ и одно богословское ученіе не образуетъ человѣка, у котораго горятъ въ сердцѣ евангельскія слова: «любите другъ друга», «какъ хотите, чтобъ поступали съ вами, такъ поступайте и вы». Развѣ въ этихъ чувствахъ можно экзаменовать человѣка? А безъ нихъ къ чему служатъ всѣ эти богословскія ученія? Въ нихъ ли должны быть конечные результаты религіознаго образованія? А между тѣмъ что же выходитъ изъ такихъ экзаменовъ? Юноша въ присутствіи архіерея и даже высшаго школьнаго начальства, повидимому, съ убѣжденіемъ, твердо произноситъ высокія нравственныя истины, и очень правильно разсуждаетъ о нихъ; но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не руководствовался ими и не намѣренъ руководствоваться, а можетъ быть, и теперь отвѣчаетъ по фальшивому билету. Здѣсь онъ только пріобрѣтаетъ фарисейскую опытность, какъ выигрывать во мнѣніи людей наружнымъ богопочитаніемъ и показною религіозностью, какъ прикрывать развратъ своего сердца богословскими изреченіями. Такую школу прошли многіе изъ дѣятелей, которые кричатъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи, замазывая пятна отъ своей собственной душевной гнили, накопившейся въ ихъ фарисейской жизни.

Вотъ какія представленія у насъ связываются съ экзаменами по Закону Божію. Не лучше ли было бы не вызывать такихъ явленій, которыя оскорбляютъ истинное человѣческое, а значитъ, и религіозное чувство?

Намъ скажутъ, что на экзаменахъ контролируется православное ученіе законоучителей, о которомъ судятъ по отвѣтамъ учениковъ. Но мы возразимъ, что экзаменъ—дѣло парадное, на ко-

торомъ плохой законоучитель не отличится отъ хорошаго. Каковъ же онъ въ дѣйствительности, можно узнать только въ классѣ, гдѣ слушаютъ его одни ученики. А тамъ, случается, вмѣсто религіи любви и мира проповѣдуется религія вражды. Изъ ревности къ православію, конечно, по неразумію, произносится ожесточенная брань на всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія; католики и протестанты называются еретиками, бусурманами, которымъ не будетъ прощенія и въ загробной жизни, и которымъ всѣмъ одна извѣстная дорога въ адъ. Отъ такихъ угрозъ не удерживаетъ даже присутствіе учениковъ другихъ исповѣданій. Конечно, въ большинствѣ случаевъ этотъ мнимо-религіозный гнѣвъ не производитъ ни на кого особенно сильнаго впечатлѣнія. Въ нашемъ обществѣ настолько развита вѣротерпимость, что проповѣдникъ вражды самъ много теряетъ въ глазахъ своихъ даже незрѣлыхъ слушателей и даетъ лишь поводъ къ шуткамъ и остротамъ. Но за то какъ можетъ пострадать религія любви въ тѣхъ школахъ, куда являются ученики изъ изб и бѣдныхъ хатъ!

Въ настоящее время особенно необходимо подумать о подготовкѣ законоучителей въ виду распространенія народныхъ школъ въ русской землѣ. Пока школы заводились только въ городахъ, не было вопроса, если не о законоучителяхъ, то о священникахъ, которые охотно садились на мѣста законоучителей, поддерживаемые общимъ мнѣніемъ, что всякій священникъ способенъ быть и законоучителемъ, хотя на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Но положеніе нашихъ сельскихъ священниковъ таково, что законоучительство у нихъ всегда будетъ занимать второстепенное мѣсто въ кругу ихъ обязанностей. Народъ, сильно привязанный къ внѣшнимъ церковнымъ обрядамъ, въ исполненіи которыхъ онъ находитъ исходъ естественному религіозному чувству, смотритъ и на своихъ священниковъ не какъ на учителей и наставниковъ, но какъ на оффиціальныхъ исполнителей этихъ обрядовъ. Они же съ своей стороны видятъ свое главное призваніе въ исполненіи разныхъ требъ своихъ прихожанъ и въ огромномъ большинствѣ ни на что другое и не способны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду увеличенія доходовъ, они даже придумали или приняли и такіе обряды, которые церковь никогда не утверждала. Понятно, что все это и должно считаться главными обязанностями, какъ въ ихъ собственномъ сознаніи, такъ и въ сознаніи прихожанъ. Если бы исполненіе всѣхъ этихъ требъ могло ограничиться только предѣлами храма, тогда еще можно было бы распорядиться временемъ и часть его отдать школѣ. Но священнику приходится ѣздить по деревнямъ въ кругу своего прихода

во всякое время, часто по едва проходимымъ дорогамъ; а между тѣмъ школѣ нужны опредѣленные часы, которые часто приходится пропускать изъ-за какой-нибудь требы за нѣсколько верстъ. Уже и теперь повсюду слышится ропотъ, что сельскіе священники оказываются несостоятельными даже въ простомъ посѣщеніи школы, не говоря уже объ удовлетворительномъ преподаваніи. Что же будетъ, когда значительно увеличится число школъ и въ одномъ приходѣ окажется ихъ нѣсколько? Возможно ли будетъ и требовать, чтобы одинъ и тотъ же священникъ посѣщалъ всѣ въ качествѣ законоучителя? При этомъ нужно имѣть въ виду и то, что не каждый и способенъ быть учителемъ; иной, чувствуя свою неспособность, будетъ радъ отклонить отъ себя эту обязанность. И будетъ ли справедливо навязывать человѣку такую работу, которая требуетъ всей души его, и которая безъ того будетъ исполняться кое-какъ, механически, и скорѣе отвратитъ учениковъ отъ разумнаго ученья, чѣмъ привлечетъ къ нему. И какая польза будетъ для школы и для церкви отъ такого невольника-законоучителя? Съ другой стороны, не слѣдовало бы допускать въ школѣ и такихъ священниковъ, которые своими нравственными качествами не заслуживаютъ уваженія прихожанъ. При исполненіи различныхъ требъ, нравственность священника не имѣетъ особеннаго значенія въ глазахъ народа, ему все равно, какой попъ креститъ, вѣнчаетъ, выходитъ въ поля съ иконами и пр.; лишь бы только онъ стоялъ на ногахъ. Но для школы это далеко не все равно. Воспитательная сторона школы сильна нравственностью наставниковъ. Какое же вліяніе на учениковъ можетъ имѣть законоучитель, если дѣти будутъ перешептываться между собою о томъ или другомъ его поступкѣ, не согласномъ съ понятіемъ о представителѣ церкви? Не слѣдуетъ ли оберегать школу отъ такихъ личностей?

Сознаніе, что школа, какъ подготовка къ жизни, необходима, все болѣе и болѣе пробуждается въ народѣ; а между тѣмъ открывающіяся школы встрѣчаютъ помѣху съ той стороны, откуда менѣе всего можно было ожидать ее. Церковь въ данный моментъ оказывается безсильною поддержать ее. Церковные представители въ народѣ, всегда чуждые духа учительства въ стѣнахъ храма, не спѣшатъ и на призывъ школы, чтобы связать крѣпкою и нравственно плодотворною связью между нею и церковью. Они ставятъ даже самое правительство въ положеніе очень невыгодное въ глазахъ народа. Оно обѣщаетъ льготы по воинской повинности тѣмъ ученикамъ народной школы, которые окончатъ въ ней курсъ по опредѣленной программѣ. Но многіе

школы не могутъ выполнить эту программу вслѣдствіе несостоятельности законоучителей: оканчивающіе курсъ не занимались Закономъ Божіимъ и не могли получить обѣщанной льготы. Но чѣмъ же они виноваты, что въ ихъ ученіи относились такъ небрежно? Не подрываетъ ли это довѣріе къ правительству или закону, не подрываетъ ли и самую школу, что́ уже составляетъ большое зло, которое нужно бы было какъ можно скорѣе устранить?

Въ то время какъ церковь оказывается безсильною помочь школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему народу, народная школа съ своей стороны идетъ на-встрѣчу церкви и, можетъ быть, неожиданно для нея начинаетъ оказывать ей большую услугу. Она учитъ дѣтей пѣнію и составляетъ изъ нихъ церковные хоры, которые и поютъ въ праздничные дни при богослуженіи. Мы слышали въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ отъ самихъ крестьянъ единогласное одобреніе такой новизнѣ. Съ восторгомъ они разсказываютъ о томъ, какъ поютъ ихъ дѣти въ церкви. Самая служба для нихъ сдѣлалась осмысленнѣе и привлекательнѣе; они чаще стали ходить въ церковь и молиться усерднѣе подъ впечатлѣніемъ стройнаго дѣтскаго пѣнія. Даже изъ дальнихъ деревень стремятся въ ту церковь, гдѣ есть пѣвчіе. Хоры составляются даже изъ дѣвочекъ тамъ, гдѣ есть отдѣльныя женскія школы, что́ мы нашли въ ярославской губерніи въ селѣ Курбѣ. Это еще болѣе нравится крестьянамъ. Здѣсь пробуждается у нихъ врожденное эстетическое чувство человѣка и удовлетворяется, что́ имѣетъ громадное значеніе и въ смыслѣ нравственномъ, и чѣмъ особенно слѣдуетъ дорожить, такъ-какъ вся обстановка крестьянской жизни очень мало даетъ пищи эстетическому чувству и скорѣе даже подавляетъ его. А какое нравственное вліяніе это должно производить на самихъ поющихъ! Чувствуя, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ богослуженіи, они лучше вслушиваются въ него и привязываются къ церкви, что́, конечно, будетъ имѣть значеніе и впослѣдствіи въ зрѣломъ возрастѣ. Къ крайнему сожалѣнію не всѣ школьные учителя могутъ заниматься этимъ дѣломъ; а изъ тѣхъ, которые могутъ, не всѣ серьёзно смотрятъ на него и не всѣ охотно за него берутся, не понимая, какъ они могутъ возвысить школу въ глазахъ народа. Въ нѣкоторыхъ селахъ, мы слышали, крестьяне даже прощаютъ многіе недостатки учителей, если тѣ водятъ своихъ учениковъ на клиросъ. И не должна ли церковь воспользоваться этимъ новымъ явленіемъ въ русской жизни и поддержать его? Къ сожалѣнію и тутъ мы встрѣчаемъ, что не-

всѣ священники сочувственно относятся къ дѣтскому пѣнію и по застарѣлой ненависти ко всякой новизнѣ не пускаютъ дѣтей на клиросъ. Пока церковь будетъ выставлять такихъ представителей, до тѣхъ поръ нельзя говорить по совѣсти, что она стала въ правильныя отношенія къ русской школѣ. Но время позаботиться объ этой правильности для очевидной пользы обѣихъ.

Наша школа поставлена въ такія условія, что изъ-за нея не можетъ быть борьбы между государствомъ и церковью, какая велась и ведется въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ. У себя мы видимъ совсѣмъ другое явленіе. У насъ церковь или духовенство не отстаиваетъ своихъ правъ на школу; а напротивъ, государство требуетъ отъ церкви принять участіе въ нравственномъ развитіи школы; но представители церкви чуждаются педагогіи и не хотятъ знать ея требованій, считая, что слово Божіе, для котораго они призываются въ школу, выше всякаго ученія и не нуждается ни въ какой посторонней опорѣ. Противъ этого никто не покушается съ ними и спорить. Но нельзя не указать, что они впадаютъ при этомъ въ важную ошибку: Слово Божіе и обученіе Слову Божію не одно и то же. Второе есть дѣло человѣческое и потому требуетъ знанія человѣческой природы, законовъ ея развитія, умѣнья примѣняться къ нимъ и всего того, на что обращаетъ вниманіе наука о воспитаніи. Пренебрегая ею, можно даже повредить и Слову Божію, которое, по ученію Христа, уподобляется сѣмени; а сѣмя для хорошаго всхода требуетъ подготовленной почвы, что́ уже принадлежитъ человѣческому знанію, умѣнью и заботѣ. Понявъ свое истинное призваніе въ школьномъ дѣлѣ, церковь будетъ стараться и приготовлять людей вполнѣ для него годныхъ, которые не будутъ враждебно относиться ко всѣмъ другимъ наукамъ, противуполагая человѣческое божескому съ цѣлью унизить и уничтожить первое вмѣсто того, чтобы показать тѣсную связь между ними въ стремленіи человѣка къ высшей истинѣ, которая и есть основаніе каждой науки. Эта враждебность въ настоящее время нерѣдко высказывается въ классахъ Закона Божія. И нельзя сказать, что она остается безслѣдною для учениковъ; но только направляетъ не въ ту сторону, куда мѣтятъ враги наукъ. Эти люди обыкновенно такъ грубо выражаются, что вызываютъ улыбку недовѣрія и въ то же время непріязненно встрѣчаютъ всякое возраженіе или сомнѣніе, чувствуя себя не въ силахъ разумными доводами подтвердить свои слова. Какъ скоро въ ученикѣ, сколько-нибудь развитомъ наукою, въ которую онъ начинаетъ вѣрить, является неопровергнутое сомнѣніе, онъ уже начи-

наетъ подозрѣвать авторитетность словъ своего законоучителя, отчего, конечно, должно пострадать и то ученіе, которое составляетъ сущность предмета Закона Божія: ученикъ наконецъ не знаетъ, кому и чему вѣрить, чтó составляетъ сущность религіи и чтó должно отнести къ личнымъ взглядамъ преподавателя. И вотъ начало ранняго скептицизма, отъ котораго слѣдовало бы оберегать юношу.

Но въ народной школѣ такой грубый пріемъ возвышать религію (которая того и не требуетъ) на счетъ науки можетъ принести существенный вредъ. Онъ не дастъ правильнаго понятія о религіи и вооружитъ противъ всякихъ научныхъ познаній, значитъ, повредитъ главнымъ стремленіямъ школы. Но въ ней нельзя допускать никакого разнорѣчія, и крайне было бы прискорбно, если бы у насъ явилась борьба школы съ церковью. А она можетъ возникнуть, какъ скоро вопросъ объ образованіи законоучителей будетъ пренебреженъ нашимъ духовенствомъ. Онъ не будетъ разрѣшенъ совершенно удовлетворительно и тогда, если духовенство откажется отъ исключительнаго права занимать законоучительскія мѣста въ низшихъ школахъ, что рано или поздно должно произойти по несоотвѣтствію числа сельскихъ приходовъ съ числомъ школъ. Во всякомъ случаѣ оно крѣпко будетъ стоять, чтобы удержать за собою надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія. Но кому будетъ препорученъ этотъ надзоръ? Если безъ исключенія всѣмъ приходскимъ священникамъ, то дѣло школы нисколько не выиграетъ. Самымъ сильнымъ врагомъ школы обыкновенно является человѣкъ, непонимающій педагогическаго дѣла и желающій показать свою власть надъ нею. При той грубости нравовъ, какою отличаются многіе изъ сельскаго духовенства, интересы школы для нихъ всегда будутъ послѣднимъ дѣломъ; а личные разсчеты, зависть, сварливость, неумѣнье владѣть собою и т. п. будутъ вносить въ школу раздоръ; а клеветы и доносы (къ которымъ, къ сожалѣнію, пристрастны очень многіе изъ этого сословія) будутъ безпрестанно волновать начальство, набрасывая тѣнь подозрѣнія на учителей, можетъ быть, самыхъ добросовѣстныхъ и достойныхъ. Мы говоримъ это не по однимъ отвлеченнымъ соображеніямъ, а на основаніи многихъ фактовъ, извѣстныхъ вѣроятно не намъ однимъ. Священникъ прочитъ молодого учителя, вновь прибывшаго въ сельскую школу, въ женихи къ своей дочери. Но тотъ не показалъ расположенія къ невѣстѣ, и пастырь пылаетъ гнѣвомъ и не гнушается никакими средствами, чтобы уронить учителя въ глазахъ начальства и даже своей паствы; а между

тѣмъ учитель былъ человѣкъ достойный и могъ бы съ успѣхомъ вести школу. Понятно, что, пользуясь правомъ оффиціальнаго надзора, грубый человѣкъ будетъ считать себя въ правѣ и оскорблять личность школьнаго учителя, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, заявлять ему такія требованія, какія не оправдываются никакою педогогіею, а главное, будетъ имѣть развращающее вліяніе на самихъ учащихся дѣтей. Понятно и то, что при такихъ отношеніяхъ священника къ учителю чаще всего виноватымъ будетъ оставаться учитель въ глазахъ начальства, которое всегда будетъ считать щекотливымъ имѣть непріятное дѣло съ духовнымъ вѣдомствомъ. И гдѣ найдетъ себѣ управу оскорбленный или оклеветанный бѣдный учитель? Послѣ многихъ такихъ фактовъ общественное мнѣніе наконецъ будетъ рѣзко высказываться не въ пользу духовенства и мы спрашиваемъ: достаточно ли будетъ обезпечено религіозное образованіе народа и достаточно ли будетъ ограждена церковь отъ разныхъ нареканій и обвиненій въ томъ, что она невнимательно отнеслась къ своему призванію, не пошла на-встрѣчу и духовнымъ нуждамъ народа и не выслала такихъ пастырей, которые могли бы быть доброжелателями, достойными наставниками и друзьями школьному учителю? Такимъ намъ пока представляется въ идеалѣ сельскій приходскій священникъ. Но чтобъ онъ сталъ такимъ въ дѣйствительности, необходимо поскорѣе и всѣми силами позаботиться о томъ, чтобъ духовная семинарія перевоспитала его, не выпуская ни на одинъ мигъ изъ виду, что на ней лежитъ священная обязанность приготовить не только однихъ исполнителей религіозныхъ требъ народа, но и достойныхъ наставниковъ, которые бы поняли значеніе народной школы, какъ естественной союзницы церкви. Тогда вопросъ о законоучительствѣ будетъ рѣшенъ правильно и бояться борьбы между школою и церковью не будетъ никакого основанія. Иначе она непремѣнно возникнетъ къ прискорбію тѣхъ, кому одинако дороги интересы той и другой. Подумать объ этомъ настоятельно, пока еще есть время, но оно съ каждымъ годомъ уходитъ, потому что съ каждымъ годомъ у насъ увеличивается число школъ въ городахъ и деревняхъ, и скоро вопросъ о законоучителяхъ можетъ сдѣлаться вопіющимъ вопросомъ. Современная школа не можетъ довольствоваться тѣмъ, что́ въ настоящій моментъ могутъ предложить ей представители церкви. Помимо ихъ выработался у нея свой идеалъ, отъ котораго она не можетъ отступиться, какъ бы его ни тѣснили люди посторонніе, не имѣющіе понятія о разумныхъ условіяхъ существованія школы. Приходится выбирать одно изъ двухъ: или школа со

своимъ идеаломъ, который необходимо усвоить каждому ея руководителю, или поголовное народное невѣжество—врагъ церкви, государства и самого народа. Слѣдственно, едва ли кому выгодно поддерживать это послѣднее, если не имѣть въ виду своекорыстныя личности, которыя не отказываются въ мутной водѣ ловить рыбу.

IX. Цѣль общеобразовательной школы.

Наши среднія школы называются общеобразовательными. Съ этимъ прилагательнымъ онѣ противуполагаются школамъ спеціальнымъ. Но въ нашихъ понятіяхъ, кажется, не проведена между ними ясная черта; отсюда у насъ является нерѣдко смѣшеніе понятій вмѣстѣ съ недоумѣніемъ, что принять за предметъ общеобразовательный и что за спеціальный. Школѣ ставятъ на видъ цѣль общеобразовательную; а какая цѣль общаго образованія, мы позволимъ себѣ усомниться, что школа вполнѣ выяснила себѣ это понятіе. Стоитъ только просмотрѣть программы всѣхъ нашихъ среднихъ школъ, чтобъ убѣдиться, что эти кабинетныя произведенія составлены безъ всякой общей идеи. По нимъ трудно вывести понятіе о человѣкѣ, получившемъ общее образованіе: по однимъ, это—человѣкъ, получившій столько-то познаній изъ географіи, исторіи, математики, физики и разныхъ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми иностранными языками (предполагая, что все это основательно усвоено, хотя въ дѣйствительности у большинства того не бываетъ); по другимъ, это—человѣкъ, занимавшійся, можетъ быть, и тѣми же предметами, но въ другомъ объемѣ; по третьимъ—человѣкъ, много упражнявшійся надъ грамматиками классическихъ языковъ, надъ чтеніемъ разныхъ отрывковъ изъ классическихъ литературныхъ произведеній и, такъ сказать, понюхавшій кое-что изъ нѣкоторыхъ наукъ. При этомъ вы себя съ недоумѣніемъ спрашиваете: въ чемъ же заключается сущность образованія; по какимъ соображеніямъ въ цѣляхъ образованія одной программѣ нужно занимать будущаго образованнаго человѣка исторіей два часа въ недѣлю, а другой—три; одна считаетъ нужнымъ знакомить съ такими частями математики, до которыхъ другая и не прикасается? Точно такъ же и по всѣмъ прочимъ програмнымъ предметамъ. Значитъ, цѣли общаго образованія не однѣ и тѣ же; а въ такомъ случаѣ и общее образованіе дѣлится также на спеціальности. Тутъ ужъ вы совсѣмъ становитесь въ тупикъ: логическая несообразность ужъ очень поразительна. Начинаете прислушиваться къ объясненію педагоговъ; одни говорятъ, что основы

общаго образованія лежать въ научныхъ познаніяхъ; другіе возражаютъ, что наука дѣло второстепенное; вся сила въ древнихъ языкахъ, которые, пріучая перекладывать чужія мысли съ одного языка на другой, оказываютъ удивительныя чудеса въ умственномъ развитіи. Согласитесь ли вы съ тѣми или съ другими, а все же не устраните отъ себя заключенія, что общее образованіе у насъ дѣлится на спеціальности, и слѣдовательно общее о немъ понятіе еще не выработалось. Затѣмъ, вы можете обратиться къ практикуемымъ учебникамъ: у каждаго своя опредѣленная цѣль, но цѣль исключительно научная, слѣдовательно, болѣе или менѣе спеціальная. Гдѣ же та общая идея, по которой педагогически разрабатывался учебникъ, идея, которая бы опредѣляла объемъ его и тѣсно связывала бы его съ общеобразовательными цѣлями? Каждый преподаватель, считающійся спеціалистомъ по своему предмету, старается передать своимъ ученикамъ какъ можно больше свѣдѣній въ интересахъ своей науки; но у него нѣтъ той общей идеи, которая бы удерживала его въ строгихъ предѣлахъ, опредѣленныхъ разрѣшеннымъ вопросомъ: что нужно для общаго образованія?

Не найдете вы отвѣта на свой вопросъ и въ средѣ тѣхъ, которые оканчиваютъ курсъ въ этихъ общеобразовательныхъ школахъ. У даровитыхъ изъ нихъ окажется, можетъ быть, довольно познаній по разнымъ наукамъ; но зато какъ мало высшихъ понятій, которыя должны бы были связывать въ одно цѣлое всѣ эти разнородныя познанія, пріобрѣтенныя памятью въ разное время, и которыя приводили бы его къ сознанію, для чего ему передавались эти именно познанія. У него въ головѣ много именъ, фактовъ, чиселъ, фразъ, отдѣльныхъ представленій и общихъ заученныхъ мыслей, не всегда, впрочемъ, ясныхъ, которыя скоро забудутся; но у него слишкомъ мало матеріала, чтобы составлять правильныя посылки и изъ нихъ дѣлать вѣрныя заключенія въ вопросахъ, касающихся его жизни и физической, и умственной, и нравственной; у него нѣтъ никакого критерія, чтобы обсуживать явленія жизни, и тѣ общіе выводы, которые выхватываются изъ книгъ и выдаются ему за послѣднее слово науки. Отъ неясности высшихъ понятій у него нѣтъ твердой опоры ни для мысли, ни для поступковъ. Напрасно намъ говорятъ о томъ прочномъ формальномъ умственномъ развитіи, которое является плодомъ изученія классическихъ языковъ. Не оспаривая этихъ плодовъ, мы скажемъ, что по меньшей мѣрѣ странно развивать аппетитъ и не давать пищи, развивать умственныя силы и не давать нужнаго матеріала для того мышле-

нія, на которое вызываетъ жизнь. Не будетъ же думать молодой человѣкъ внѣ школы о періодахъ Цицерона и о герояхъ Софокла или Виргилія. Жизнь встрѣтитъ его множествомъ вопросовъ, для разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, уясненія которыхъ потребуется не только приготовленный крѣпкій умъ, но и выработанныя ясныя понятія о всемъ томъ, что связывается съ нашею жизнію. Безъ нихъ, что сдѣлаетъ вашъ развитый умъ? Цитаты изъ Ѳукидида и Тита Ливія не помогутъ, а настоящій научный матеріалъ, нужный для правильныхъ выводовъ, оказывается очень скудный. Отсюда является блужданіе ума, мечтаніе, вытекающее изъ случайной ассоціаціи понятій, видится недомысліе въ сужденіяхъ и поступкахъ. Очевидно, что образованіе не доведено до конца, что ему недостаетъ чего-то самаго существеннаго. Молодая натура стремится къ жизни, кипитъ, рвется къ дѣятельности, а внутри себя чувствуетъ пустоту, безпочвенность; идеаламъ развиться не изъ чего; остается или предаться животнымъ наклонностямъ, удовлетворенію чувственныхъ аппетитовъ, или искать выхода изъ своего неопредѣленнаго и тяжелаго положенія въ какихъ-либо безумныхъ замыслахъ, въ которыхъ видятся все тѣ же неясныя понятія, неразвитыя наукою. Это ли мы должны назвать образованіемъ? Или намъ укажутъ на тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ знакомили съ разными видами животныхъ и растеній, заставляли дѣлать разныя математическія выкладки, заучивать множество географическихъ и историческихъ именъ и фактовъ, и проч. Да, имъ старательно укладывали въ головы разныя познанія, но приведены ли они въ надлежащую связь между собою, въ такую связь, отъ которой бы просвѣтлѣло въ душѣ, сдѣлалось бы яснымъ для чего и какъ жить, въ какой сферѣ искать себѣ идеаловъ, чтобы почувствовалось, что учатъ для жизни, а не для школы. Ничего этого не видно въ томъ же блужданіи мысли, въ томъ же недомысліи, въ томъ же малосиліи ума въ вопросахъ жизни. Не разрѣшается и здѣсь вопросъ: въ чемъ полагалась сущность общаго образованія. Умственное и нравственное колебаніе отъ недостаточнаго развитія высшихъ понятій не можетъ служить признакомъ образованія.

Въ нашей общеобразовательной школѣ много спеціальностей, которыя безъ нужды считаются очень важными въ виду полноты науки, но которыя, обременяя память, не служатъ къ уясненію и развитію понятій, нужныхъ для общаго образованія. Полнота науки нужна въ спеціальномъ ея изученіи. Спеціальность собственно и заключается въ полнотѣ. Благодаря ей, спеціалистъ

имѣетъ больше возможности примѣнять ее къ потребностямъ жизни и къ изслѣдованію разныхъ явленій въ жизни и въ природѣ. Съ ея помощью онъ усвоиваетъ себѣ научный методъ, которымъ и пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но простое примѣненіе науки къ потребностямъ жизни еще нельзя принять за исключительную принадлежность спеціальности. Полагать этотъ признакъ для отличія спеціальнаго отъ общаго было бы крайне ошибочно и даже вредно въ вопросѣ объ образованіи. Нельзя задаться мыслью учить тому, что не имѣетъ практическаго примѣненія къ жизни, на томъ только основаніи, что это уже спеціальность, которая не должна входить въ кругъ общаго образованія. Странно было бы учить ариѳметикѣ безъ мысли, что она на каждомъ шагу будетъ нужна въ жизни, въ примѣненіи къ разнымъ ея потребностямъ. Говоря о спеціальностяхъ въ нашей средней школѣ, мы разумѣемъ не примѣненіе науки къ жизни, напротивъ, хотѣлось бы, чтобы каждый какъ можно чаще пользовался пріобрѣтенными имъ научными познаніями во всѣхъ случаяхъ жизни. Спеціальность нашей школьной науки заключается въ тѣхъ излишествахъ, которыя увеличиваютъ массу познаній только потому, что они входятъ въ объемъ данной науки, но которыя не прибавляютъ въ головѣ ничего существеннаго для образованія. Для нихъ требуется только память, но не та работа ума, изъ которой выясняются понятія. Въ защиту ихъ обыкновенно говорятъ, какъ же не знать этого образованному человѣку. Но мы припомнимъ, что когда-то говорили то же самое и о греческой миѳологіи, дѣлая ее особымъ научнымъ предметомъ въ школѣ; удерживали и въ исторіи разныя сказки, которыхъ будто бы «стыдно не знать образованному человѣку»:

И дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Но потомъ стали убѣждаться, что настоящее образованіе нисколько не пострадаетъ и безъ этихъ премудростей, и ученики мало-по-малу избавлялись отъ нихъ. Но вмѣсто нихъ стали требоваться другія премудрости, которыя показываютъ, что понятіе объ образованіи у насъ все еще смутно и неопредѣленно. Благодаря этому, оказалось нужнымъ увеличивать число ежедневныхъ уроковъ въ школѣ и распинать учениковъ въ ихъ школьныхъ занятіяхъ. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ образованіе ихъ улучшилось.

Вглядываясь въ занятія нашихъ учениковъ, приходишь къ

мысли, что они учатся больше для школы, чѣмъ для жизни. Большая часть работъ, которыя даются имъ, не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ желанія не оставлять ихъ ума ни минуты въ праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ. Не щадятъ ихъ физическихъ силъ, задавая разные уроки, но не для того, чтобы при этомъ имѣлось въ виду достигнуть какой-нибудь намѣченной педагогической цѣли, а для того, что нужно выполнить въ срокъ данную программу; она же составлена не соразмѣрно съ назначеннымъ временемъ, потому что «нельзя же» будто бы «образованному человѣку не знать», всего того, чтó въ ней напичкано; а преподавателю нельзя же не имѣть въ виду экзаменовъ, по которымъ судятъ объ его стараніи; на экзаменахъ же требуютъ, чтобы ученики выкладывали свои познанія и чѣмъ больше, тѣмъ, конечно, лучше. О всемъ же прочемъ, чтó составляетъ существенное въ образованіи, на экзаменѣ, въ той формѣ, какъ онъ производится, мало узнаешь. И такъ, у школы являются свои особенныя цѣли, которыя отдѣляются отъ цѣли истиннаго образованія; а эта послѣдняя и совсѣмъ забывается въ погоняхъ за успѣшными экзаменами. Но намъ нужно не подобное школьное образованіе, а такое, которое имѣло бы въ виду жизнь, облегчало бы ее, ставило бы человѣка въ болѣе правильныя отношенія и къ природѣ и къ обществу. Для достиженія же этой цѣли школа не можетъ дѣйствовать безъ идеала. А наша школа въ лицѣ преподавателей, преслѣдуя мать всѣхъ пороковъ до истощенія силъ физическихъ, гонясь за точнымъ исполненіемъ программъ и за экзаменами до истощенія силъ умственныхъ, жила безъ идеала, и въ этомъ главный ея недостатокъ, изъ котораго развивались и всѣ другіе. Общее образованіе можетъ только опредѣлиться *по идеалу просвѣщеннаго человѣка*, который и долженъ отвлечь школу отъ всѣхъ ея спеціальностей, опредѣливъ сущность образованія. Тогда у школы будетъ одна общая идея, надъ которою станутъ работать сообща всѣ преподаватели, и каждый своимъ трудомъ будетъ вносить только то, что нужно для осуществленія этой идеи.

Разумѣется, мы не создадимъ себѣ такого идеала, пока у насъ не выяснится понятіе о просвѣщеніи, а оно, надо признаться, крайне затемнено у насъ нашимъ предшествующимъ развитіемъ и ложнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Многое принимали мы за просвѣщеніе, исключая того, чтó должно въ немъ заключаться. Мы не можемъ опредѣлить, когда у насъ впервые явилось это слово, но нельзя не признаться, что оно составилось очень удачно для названія самаго понятія. Въ немъ, хотя

и метафорически, рѣзко выразился признакъ того, чтó мы должны разумѣть подъ истиннымъ просвѣщеніемъ. Этотъ признакъ сближенъ со свѣтомъ, все кругомъ освѣщающимъ, согрѣвающимъ, оживляющимъ. Это тотъ свѣтъ, который вспыхиваетъ въ нашемъ духѣ, освѣщая нашъ умственный и нравственный міръ, вознося нашу мысль на ту высоту, съ которой все видится яснѣе и опредѣляются лучше отношенія человѣка ко всему окружающему. Предлогъ *про* выражаетъ, что этотъ свѣтъ стремится проникнуть какъ бы *насквозь* въ существо, слѣдственно въ самую глубину его, все освѣтить и не оставить ни одного темнаго уголка. Вотъ какое понятіе заключается въ словѣ «просвѣщеніе», судя по его названію. Оно противуполагается слову «невѣжество» въ смыслѣ невѣдѣнія, въ которомъ человѣкъ пребываетъ отъ малаго знакомства съ законами жизни, и которое держитъ собственную его жизнь въ бѣдности среди постоянныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Это противуположеніе выясняетъ намъ, что просвѣщеніе составляетъ міръ высшихъ идей, которыя пріобрѣтаются черезъ изученіе всего, чтó существуетъ и дѣйствуетъ какъ въ насъ, такъ и внѣ насъ. Отсюда просвѣщеніе тѣсно связывается съ ученіемъ, дающимъ свѣтъ разуму и указывающимъ тотъ прямой путь, по которому слѣдуетъ идти человѣку. И такъ, просвѣщеніе не можетъ быть безъ развитія высшихъ понятій, въ которыхъ связывается, но не смѣшивается, все существующее по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ и въ извѣстныхъ между собою отношеніяхъ. Слѣдственно, просвѣщенный человѣкъ не тотъ, у кого много несвязныхъ познаній или такихъ, которыя составляютъ одну какую-нибудь спеціальность, а тотъ, кто черезъ научныя познанія развилъ въ себѣ высшія понятія, которыя опредѣляютъ человѣческую жизнь въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему, т.-е. къ природѣ и къ обществу. Просвѣщеніе вызываютъ присущія человѣку стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру и изящному и сами имъ поддерживаются. Слѣдственно, съ просвѣщеніемъ соединяются всѣ сферы дѣятельности—и ученаго, и администратора, и судьи, и медика, и артиста, и филантропа, независимо отъ тѣхъ спеціальныхъ познаній, которыя имъ нужны для дѣятельности. Можно быть очень ученымъ спеціалистомъ и въ то же время человѣкомъ мало просвѣщеннымъ, т.-е. безъ тѣхъ высшихъ понятій, которыя возвышаютъ человѣческую жизнь, расширяя и освѣщая умственный и нравственный горизонтъ. Съ другой стороны можно быть очень просвѣщеннымъ человѣкомъ безъ всякаго права называться спеціалистомъ по какой бы ни было отрасли наукъ.

Но опредѣляя такимъ образомъ просвѣщеніе и просвѣщеннаго человѣка, мы не можемъ сказать, что во всѣ времена людямъ ясно представлялись эти понятія. Масса, относясь съ уваженіемъ къ самому слову, очень часто враждебно относилась къ передовымъ двигателямъ просвѣщенія, тѣмъ людямъ, которые путемъ изученія жизни и природы стремились расширить умственный кругозоръ или выяснить какія-либо нравственныя понятія, чтобы привести жизнь въ большее соотвѣтствіе съ законами физическими или нравственными. Ихъ новыя открытія развивали и новыя понятія и разрушали ассоціацію представленій и понятій, которая слагалась у современниковъ съ самаго дѣтства, къ которой они такъ привыкли и отъ которой отказаться было бы для нихъ трудно, какъ отъ какой-то святыни. Они дружно вступались за нее, а тотъ, кто ставилъ имъ новую, высшую ступень къ просвѣщенію, являлся въ ихъ глазахъ не просвѣтителемъ, а развратителемъ. Сущность просвѣщенія ускользала изъ ихъ понятія, и этимъ словомъ они называли то, что не составляло просвѣщенія, нерѣдко блескъ свѣтской жизни или даже недостатки людей, которые назывались просвѣщенными только по недомыслію. Это смѣшеніе понятій ввело въ ошибку и Жанъ-Жака Руссо, который вздумалъ доказывать, что просвѣщеніе приноситъ больше зла, чѣмъ добра. Но не смотря на все это, путемъ къ просвѣщенію всегда считалось ученіе, для котораго и назначались ранніе юношескіе годы. Юноша долженъ былъ пройти какую-нибудь школу, чтобы получить право назваться просвѣщеннымъ. Правда, и школа нерѣдко искажала идею просвѣщенія, если не теряла ее совсѣмъ изъ виду, или задавалась такими спеціальными задачами, которыя не выясняли, а затемняли понятія о человѣкѣ и о правильномъ его отношеніи къ обществу. Но тѣмъ не менѣе наука всегда считалась просвѣтительною силою, хотя нерѣдко ставилась такъ, что не могла достигать настоящей цѣли.

Наши школы съ начала прошедшаго столѣтія также заводились во имя просвѣщенія, даже при той скудости наукъ, какія вводились въ нихъ. Но идея просвѣщенія связывалась только съ удовлетвореніемъ тѣхъ нуждъ, какія чувствовало русское государство. Наше просвѣщеніе началось прямо со спеціальностей, слѣдовательно, лишено было той силы, которая составляетъ его сущность: потребности жизни практической взяли сильный перевѣсъ надъ потребностями духовной жизни. Отсюда не могъ развиться и идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Школа работала безъ всякаго идеала, потому что долгое время вели ее Цифиркины

и Кутейкины. Подражая Европѣ, мы ссылались на вѣковые ея опыты безъ всякаго соображенія съ ея историческимъ развитіемъ, учили въ школахъ учебники по разнымъ научнымъ предметамъ, какъ это дѣлалось въ Европѣ, и отличали просвѣщеннаго человѣка отъ непросвѣщеннаго или по французскимъ разговорамъ, или по школьному его диплому, въ которомъ значилось, что онъ учился разнымъ языкамъ и наукамъ. Но этотъ просвѣщенный человѣкъ въ жизни выказывалъ самое скудное развитіе ума, самыя грубыя нравственныя понятія. Оставалось только сожалѣть и время, и трудъ, потраченные имъ на затверживанье учебниковъ, которые скорѣй затемнили, чѣмъ просвѣтили его душу. Конечно, были блистательныя исключенія, которыя съумѣли сами додуматься до высшихъ понятій, иные даже на горе себѣ; но мы разумѣемъ большинство. Была у насъ и такая пора, когда мы отрекались отъ Европы, заподозрѣвая науку въ злоумышленности, и провозгласили свои собственные принципы школьнаго воспитанія: «православіе, самодержавіе и народность», но только на бумагѣ и въ торжественныхъ рѣчахъ; а на самомъ дѣлѣ продолжали безжизненно заучивать учебники съ нѣкоторыми ограниченіями и думать о табели о рангахъ, надъ которой не возвышались наши понятія. Понятіе о просвѣщеніи съузилось до того, что осемнадцатилѣтній юноша, оканчивающій курсъ въ чинѣ девятаго класса, казался чуть-чуть не идеаломъ просвѣщеннаго человѣка; а онъ не замедлялъ проявлять свой идеализмъ на паркетѣ въ бойкихъ и утонченныхъ французскихъ разговорахъ и на службѣ въ казенныхъ наживахъ или въ секретныхъ взяткахъ. Мы знали одного, который безъ краски въ лицѣ говорилъ, что онъ съ удовольствіемъ промѣнялъ бы все свое образованіе на порядочный кушъ денегъ. Вотъ какъ цѣнилось образованіе нашими просвѣщенными людьми. Но если цѣнить на деньги и по совѣсти, то не стоило оно и гроша, хотя казнѣ обходилось не дешево.

Въ послѣдніе годы наши школы много, иногда даже черезъ чуръ много, стали хлопотать объ умственномъ развитіи учениковъ, и каждый преподаватель развивалъ по своему и тянулъ въ свою сторону; растягивали бѣдный умъ, но силачей не выходило. Произошла важная ошибка въ томъ, что средство приняли за цѣль. Учатъ музыкѣ не для того, чтобы развивать кисть руки, а для того, чтобы научить хорошо разъигрывать всякія ноты, а руки уже сами разовьются отъ необходимыхъ упражненій. Невозможно развивать какія-либо силы безъ цѣли дойти до

какого-нибудь опредѣленнаго конца, чтобы получить возможность свободно пользоваться развитыми силами въ данной работѣ. Точно также невозможно развивать однѣ и тѣ же силы съ помощью разныхъ лицъ, не сговорившихся въ общей цѣли. А въ нашей школѣ дѣлалось такъ: развивали силы и ни на чемъ иномъ ихъ не сосредоточивали; вели разными параллельными путями и, конечно, не могли довести до одного общаго пункта, потому что общей конечной цѣли у нихъ не было. Отсюда каждый преподаватель занимался только своими уроками, не видя надобности справляться съ работами своихъ товарищей; отсюда и между программами не было никакой внутренней связи; учебные предметы дѣлились на главные и второстепенные; одни назначались для развитія мыслительной способности, другія для памяти, третьи для воображенія, а иные просто для того, что не нами они заведены въ школѣ. Не было связи даже между программами и количествомъ времени, назначеннымъ для выполненія той или другой программы. Отсюда понятно, что когда заходила рѣчь объ улучшеніи школьнаго образованія, то при неясности общей цѣли, ничего другого не могли дѣлать, какъ переносить учебные предметы изъ класса въ классъ, прибавляя или уменьшая число уроковъ по каждому предмету. Нѣкоторые педагоги чистосердечно заявляютъ, что школьное ученье дастъ значительно лучшіе результаты, если прибавить только по одному уроку на Законъ Божій или на русскій языкъ, или на математику. На вопросъ же: гдѣ для этого взять время, они, не задумавшись, отвѣчаютъ: отнимите часокъ отъ географіи, да часокъ отъ естественныхъ наукъ; образованіе отъ того существенно не пострадаетъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что въ сознаніи большей части нашихъ педагоговъ нѣтъ общаго опредѣленнаго плана? У всѣхъ стремленіе только расширять программы, но гдѣ же предѣлъ этому расширенію? и гдѣ та разумно сдерживающая сила, которая бы соединила въ одинъ планъ всѣ программы и ея части?

Сдѣлать исключительно формальное развитіе умственныхъ силъ цѣлью школы, значитъ задаться тѣмъ же идеаломъ, какимъ задается акробатическая школа, гдѣ развиваютъ физическія силы не для здоровой жизни, не для примѣненія ихъ къ какой-либо опредѣленной работѣ, а для фиглярскихъ штукъ. Развитая сила непремѣнно будетъ акробатствовать, если ей не надъ чѣмъ будетъ работать. Надъ чѣмъ будетъ работать формально-развитый умъ, если у него въ запасѣ оказывается слишкомъ мало матерьяла

для мысли? Предполагать, что онъ можетъ выдумывать самъ вѣрныя мысли и прилагать ихъ къ жизни, значитъ не знать даже элементарной психологіи. Какъ ни будь развитъ умъ съ формальной стороны, но не опираясь на точныя научныя познанія о жизни природы и человѣка, онъ не можетъ правильно обсудить ни одного явленія жизни. Въ своей самонадѣянности онъ, пожалуй, будетъ разсуждать обо всемъ, но будетъ во всемъ выказывать полное недомысліе. Онъ будетъ поражать реторическими фразами, которыхъ у него останется въ памяти много отъ школьнаго ученья, можетъ быть, блестящею рѣчью, но наполненною пустомысліемъ, или сбивчивыми понятіями, или скороспѣлыми заключеніями, которыя имѣютъ силу истины для такихъ же умовъ, какъ онъ самъ. Развѣ это не умственное акробатство? Развѣ такое развитіе даетъ содержаніе для духовной жизни, даетъ твердыя основы, которыя составили бы отпоръ всѣмъ измышленіямъ мечтательныхъ головъ? Что съ такимъ развитіемъ сдѣлаетъ юноша подъ вліяніемъ множества впечатлѣній отъ жизни, если его понятія о человѣкѣ, объ обществѣ, о государствѣ, о гражданинѣ и проч. остались не выясненными, точно такъ какъ и многія нравственныя понятія? А они должны были остаться не выясненными, потому что они выясняются только на основаніи многихъ научныхъ познаній, которыхъ у него слишкомъ мало; вмѣсто же нихъ было въ головѣ много фактовъ, именъ, чиселъ, отрывочныхъ фразъ, которыя ничего ему не выясняли, и скоро забывались. Что мудренаго, что пылкій юноша, утомленный одними формальными безжизненными работами ума въ школѣ, и ища жизни, принимаетъ на вѣру за истину всякую новую мысль, связанную съ жизнію, хотя бы дѣйствительность не представляла никакой почвы для ея осуществленія. Но гдѣ же ему обсудить дѣйствительность, когда ему смутно представляются всѣ ея законы? Онъ набрасывается на чтеніе, но тамъ принимаетъ всякую смѣлую гипотезу за доказанную истину и, пользуясь ею, ставитъ себя въ самое ложное отношеніе не только къ обществу, но даже и къ природѣ.

Изъ всего этого ясно, что та школа еще плохо вооружаетъ юношу, которая думаетъ только объ одномъ формальномъ развитіи ума. Такое развитіе должно быть только однимъ изъ средствъ въ стремленіи къ идеалу, какимъ должна задаваться настоящая школа. А этотъ идеалъ есть идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Съ просвѣщеніемъ же, какъ мы видѣли, соединяются такія познанія, изъ которыхъ выработываются въ душѣ человѣка выс-

шія понятія, необходимыя для того, чтобы поставить себя въ болѣе правильныя, т.-е., разумныя отношенія во всей окружающей жизни. Какія же это высшія понятія? Для выраженія ихъ въ языкѣ существуетъ не много словъ, которыя знакомы какъ безграмотному крестьянину, такъ и высоко-просвѣщенному человѣку. Возьмемъ для примѣра слово *человѣкъ:* оно слышится въ устахъ всякаго, но какъ различны понятія, которыя соединяются съ нимъ. Для одного оно—святѣйшее изъ званій; для другого—не болѣе, какъ простая кличка, отличающая отъ прочихъ животныхъ. Для того, чтобы перейти отъ этого грубаго понятія до возвышеннаго, которое заставляетъ полюбить человѣка, какъ существо нравственное, стоящее неизмѣримо высоко надъ животными, хотя съ физической стороны онъ есть только видъ животнаго, того понятія, которое внушаетъ желаніе служить человѣчеству, нужно постепенно выяснять много низшихъ понятій, относящихся къ міру физическому и нравственному. Просвѣщенный человѣкъ съ высшимъ понятіемъ о человѣкѣ долженъ одинаково вѣрно понимать и природу внѣшнюю и свою собственную, точно такъ же какъ и свои нравственныя отношенія къ людямъ и обществу. Но и этого мало; онъ долженъ понимать и отношеніе настоящаго момента своей жизни ко всѣмъ предшествующимъ, какимъ путемъ дошло общество, народъ, человѣчество до настоящаго момента. Тогда только будетъ ему ясно высшее понятіе о человѣкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о гражданинѣ. Вотъ наше идеальное представленіе просвѣщеннаго человѣка, и вотъ что должна имѣть въ виду школа, разсуждая, къ чему и какъ вести юное поколѣніе. Давайте ему такого матерьяла, съ которымъ онъ могъ бы постепенно возвышаться отъ низшихъ понятій къ высшимъ, не смѣшивая ихъ. Работайте съ нимъ надъ этимъ матерьяломъ, опираясь на законы физическіе и психическіе. При этомъ формальное развитіе ума будетъ совершаться само собою; но при этомъ у него постоянно будетъ увеличиваться запасъ истинъ, на которыя онъ можетъ твердо опираться, принимая впечатлѣнія отъ собственной жизни. Притомъ же нечего опасаться, что забудутся тѣ или другія сообщенныя познанія. Понятіе, выработанное такимъ путемъ, никогда не забудется; оно, напротивъ, вѣчно будетъ развиваться и расширяться. Опредѣляя, какимъ идеаломъ должна задаться школа, мы не мечтаемъ о невозможномъ. Мы не предполагаемъ, что школа, выпуская юношей изъ своихъ стѣнъ, въ состояніи будетъ указывать на нихъ, какъ на воплощенные идеалы. Она должна

образовывать не идеалы, а по идеалу, что не одно и то же, должна поставить юношу на путь самоусовершенствованія, по которому обязательно идти просвѣщенному человѣку; школа, вызывая стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, не будетъ навязывать идеалъ, а предоставитъ каждому въ дальнѣйшей жизни выработывать свой идеалъ въ связи съ дѣятельностью, какую онъ себѣ выберетъ. Истинно-просвѣщенный человѣкъ всегда будетъ искать себѣ дѣятельности, потому что она сдѣлается потребностью его развитой природы, она соединитъ его съ обществомъ и дастъ ему право на званіе гражданина.

Изъ всего нами сказаннаго мы дѣлаемъ такіе выводы:

Стремленіе человѣчества къ просвѣщенію доказывается исторіею. Оно признается добромъ. Школа вызывается этимъ стремленіемъ; слѣдственно, она можетъ исполнять свое жизненное назначеніе только тогда, когда будетъ имѣть въ виду идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Если такой человѣкъ отличается развитіемъ высшихъ понятій, которое пріобрѣтается черезъ научныя познанія, то и школа должна идти этимъ путемъ, примѣняясь только къ пониманію и силамъ каждаго возраста. Отсюда и школа должна дѣлиться по возрастамъ, но никакъ не по сословіямъ, такъ какъ психическіе законы у всѣхъ одни и тѣ же. Общеобразовательная школа должна быть низшая, средняя и высшая; внутреннюю связь между ними долженъ составлять одинъ и тотъ же идеалъ; а различіе—въ разныхъ степеняхъ его достиженія, въ большей или меньшей полнотѣ высшихъ понятій. Всѣ онѣ имѣютъ конечную цѣль одну и ту же—довести до извѣстной ясности понятія о природѣ и человѣкѣ въ отдѣльности и объ отношеніи человѣка къ природѣ, но только въ разныхъ объемахъ. Средняя школа естественно продолжаетъ дѣло низшей, точно такъ какъ высшая—дѣло средней; переходъ изъ одной въ другую долженъ быть свободный. Всѣ учебные предметы должны стремиться къ одной цѣли — дать каждому возрасту столько, сколько онъ можетъ принять, чтобы изъ пріобрѣтенныхъ познаній могли выработаться въ извѣстномъ объемѣ и содержаніи понятія о природѣ и человѣкѣ, понятія, надъ пріобрѣтеніемъ которыхъ долженъ трудиться умъ самодѣятельно, пріобрѣтая въ то же время и формальное логическое развитіе.

Мы утверждаемъ, что общеобразовательная школа не должна задаваться никакими спеціальными цѣлями, несмотря на могущее быть возраженіе, что жизнь, къ которой должна готовить школа, требуетъ труда, работы, дѣла; а они въ свою очередь требуютъ въ наше время спеціальной подготовки. Согласные съ этимъ по-

слѣднимъ, мы убѣждены въ необходимости отдѣльныхъ специальныхъ школъ или учебныхъ мастерскихъ, приноровленныхъ къ общеобразовательнымъ школамъ, изъ которыхъ могли бы туда поступать дѣти старшаго возраста или юноши. Пускай изъ низшихъ школъ поступаютъ дѣти четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста въ учебныя мастерскія или въ низшія сельскохозяйственныя школы; изъ среднихъ школъ переходятъ юноши въ коммерческія училища, въ школы техническія, шкиперскія, въ военныя училища, въ учительскія семинаріи и разныя другія профессіональныя школы; наконецъ, изъ высшихъ школъ — въ университеты и въ высшія спеціальныя заведенія. Тогда не придется видѣть такихъ странныхъ и крайне прискорбныхъ явленій: молодые люди, оставляя школу, не знаютъ, за какое дѣло взяться и куда примкнуть въ то время, какъ вокругъ раздаются жалобы на недостатокъ людей умѣлыхъ и знакомыхъ съ дѣломъ. Не будемъ встрѣчать и такихъ юношей, которые напрасно сѣтуютъ, что школа не дала имъ познаній, нужныхъ для трудовой жизни, для добыванія куска хлѣба. Тогда изъ высшей образовательной школы будутъ стремиться въ университетъ или въ высшую спеціальную школу только молодые люди, дѣйствительно способные заниматься наукою и талантливые, и будутъ доходить тамъ до конца. Теперь же стремятся туда всѣ, даже совсѣмъ неспособные и равнодушные къ наукѣ, потому что неудовлетворенные тѣмъ маложизненнымъ образованіемъ, тѣми безсвязными познаніями, которыя они получали въ школѣ, они не видятъ прямого выхода въ жизнь, чтобы примкнуть къ какой-нибудь работѣ, за неимѣніемъ такихъ среднихъ спеціальныхъ школъ, гдѣ бы они научились прилагать свои силы и познанія къ опредѣленному дѣлу. Они стремятся въ высшее учебное заведеніе въ надеждѣ тамъ найти себѣ удовлетвореніе; но тамъ у нихъ не хватаетъ силъ и терпѣнія дойти до конца, и вотъ на половинѣ дороги, а часто и въ началѣ бросаютъ заведеніе и являются совершенно безпочвенными. Настолько развитые, чтобы разсуждать и все осуждать, они въ то же время оказываются совершенно неумѣлыми ни для какого дѣла. Они начинаютъ скитальческую жизнь и дѣлаются людьми лишними въ общей жизни, тогда какъ этого не должно бы было быть, если бы они во-время могли пройти небольшую спеціальную школу, соотвѣтствующую ихъ силамъ.

Спеціальныя школы, куда могли бы поступать юноши изъ низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ училищъ, легко бы могли быть заводимы и правительствами, и обществами, и част-

ными лицами: онѣ не потребуютъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ могутъ принести огромную пользу. Онѣ не только будутъ распредѣлять по работамъ всѣ наличныя молодыя силы, прошедшія правильную общеобразовательную школу, но въ скоромъ времени поднимутъ и разныя техническія и ремесленныя производства, за которыя будутъ приниматься люди съ понятіями болѣе или менѣе развитыми, и, слѣдственно, способные къ самоусовершенствованію. Вотъ когда будутъ приносить большую пользу всѣ наши общеобразовательныя школы, тѣсно связанныя съ спеціальными, но не слитыя съ ними въ одно.

В. Стоюнинъ.

ЗАКАЛЕНЪ ИЛИ НАДЛОМЛЕНЪ?

Разсказъ Джвсси Фотергилль.

Глава I.—Лоуренсъ-стритъ.

На сѣверо-западѣ Англіи существуетъ нѣкій большой городъ, который я назову Иркфордомъ. Хотя далеко не второй Лондонъ, онъ отличается космополитическимъ характеромъ, нѣсколько отличающимъ его отъ остальныхъ провинціальныхъ городовъ. Это, главнымъ образомъ, крупный фабричный центръ, но многочисленныя отрасли торговли привлекаютъ въ него купцовъ почти всѣхъ категорій и всѣхъ націй; ежедневно можно встрѣтить евреевъ, турокъ, язычниковъ и еретиковъ, принимая слова эти въ самомъ широкомъ смыслѣ, то на улицахъ самого города, то въ любомъ изъ его обширныхъ и многочисленныхъ предмѣстій. Тутъ и греки, и французы, и изобиліе нѣмцевъ; трудно было бы назвать національность, не приславшую хотя бы нѣсколькихъ представителей для населенія этого большого и мрачнаго города. Понятно, что въ такомъ крупномъ центрѣ богатства и торговли люди всѣхъ родовъ и сословій процвѣтаютъ, или наоборотъ, смотря по ихъ обстоятельствамъ или способностямъ, начиная съ торговаго царька, домъ котораго напоминаетъ дворецъ, нисходя черезъ всѣ степени менѣе крупныхъ капиталистовъ, помощниковъ, клерковъ, чиновниковъ, и доходя наконецъ до фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ, негодяевъ и бродягъ, представителей разнообразныхъ ремеслъ и профессій, хорошихъ, дурныхъ и безцвѣтныхъ—въ большомъ городѣ найдется мѣсто представителямъ ихъ всѣхъ—все и вся можно тамъ встрѣтить; высшіе и низшіе частенько сталкиваются на запруженныхъ народомъ улицахъ; но

—и это одна изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ ирфордскихъ жителей — всѣ и каждый, начиная съ торговаго царька на вершинѣ лѣстницы, до нищаго у подножія ея, такъ заняты, что, кажется, будто и ста лѣтъ имъ будетъ мало для осуществленія всѣхъ ихъ намѣреній: они слишкомъ заняты, чтобъ замѣчать, когда наталкиваются другъ на друга на улицѣ, слишкомъ заняты, чтобъ остановиться и поговорить съ пріятелемъ, попавшимся на встрѣчу; если вы дадите себѣ трудъ и согласитесь легкомысленно тратить время на наблюденія за встрѣчей двухъ знакомыхъ въ Иркфордѣ, вы увидите, что они, натыкаясь другъ на друга, узнаютъ одинъ другого съ тѣмъ-то вродѣ содраганія, начинаютъ говорить очень быстро, оба разомъ, причемъ каждый понемногу отодвигается отъ другого, пока наконецъ слегка сцѣпившіеся пальцы медленно не разнимутся и каждый изъ собесѣдниковъ съ короткимъ кивкомъ разсѣянно не пробормочетъ: *прощайте*, послѣ чего можно видѣть, какъ они мчатся по запруженнымъ народомъ улицамъ, съ почти баснословной поспѣшностью, какъ бы желая наверстать только-что законченную жалкую бесѣду, длившуюся ровно полторы минуты. Такія вещи происходятъ въ рабочую пору, въ дѣловые часы. Когда работа на фабрикахъ прекращается, склады и конторы запираются, а толпа на городскихъ улицахъ нѣсколько уменьшается, тогда въ Иркфордѣ старъ и младъ, богачъ и бѣднякъ пользуются досугомъ, который могутъ посвятить развлеченіямъ и отдыху.

Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ предмѣстіями. Есть пространства, застроенныя красивыми домами, стоящими вдали отъ дороги, гдѣ живутъ одни богатые люди. Есть предмѣстья второго разряда, обитатели которыхъ, пожалуй, пользуются довольствомъ, но далеко не богатствомъ. Есть и такія, проходя или проѣзжая по которымъ испытываешь чувство грусти—такъ безконечны ихъ длинныя однообразныя улицы, такъ схожи безконечные ряды маленькихъ домиковъ, такое роковое сходство существуетъ между шарманщиками и слѣпымъ нищимъ съ собакой и всѣми этими «очень бѣдными, но безукоризненно честными» бродягами, расхаживающими по улицамъ этихъ предмѣстій, распѣвая нѣкоторые изъ своихъ печальныхъ гимновъ, или еще болѣе мрачныхъ комическихъ пѣсенокъ. Эти улицы такъ многочисленны, онѣ такъ длинны, такъ однообразны, въ нихъ лѣтомъ такая жара, онѣ такъ безнадежно унылы и сѣры зимою; каждый домикъ въ каждомъ длинномъ ряду такъ неизбѣжно обитаемъ и такъ переполненъ дѣтьми; тележка торговца фруктами проѣзжаетъ по улицамъ съ

такой механической аккуратностью, что право удивляешься, какъ жители могутъ все это выносить.

Въ улицу второго разряда я и желала бы ввести васъ—въ улицу, въ домахъ которой, повидимому, должно обитать счастіе, такъ какъ въ ней живутъ не *очень* богатые и не *крайне* бѣдные люди, а исключительно лица, не принадлежащія ни къ той, ни къ другой категоріи; въ улицѣ этой живетъ одинъ средній классъ. Называется она—Лоуренсъ-стритъ; она довольно длинна и почти на половинѣ своего протяженія дѣлаетъ изгибъ. Дома по сю сторону изгиба меньше и мизернѣе, чѣмъ по ту. Эта вторая часть Лоуренсъ-стрита пользуется нѣсколькими преимуществами надъ первой, включая рядъ каштановъ по обѣимъ сторонамъ дороги, которые, хотя были кривые и малорослые, въ то время только-что начинали распускаться въ прелестнѣйшую сѣть ослѣпительныхъ, изжелта-зеленыхъ молодыхъ почекъ и листьевъ. Было начало мая; эти почки и листья были еще слишкомъ молоды, чтобъ ихъ могла запачкать пыль, поднимаемая проѣзжавшими телѣгами и омнибусами. Загрязниться и они не замедлятъ; но теперь зелень была такъ же свѣжа и блестяща, какъ еслибъ деревья эти стояли не на многолюдной улицѣ, а красовались во многихъ миляхъ отъ человѣческаго жилья.

За деревьями, по обѣимъ сторонамъ улицы, разумѣется, тянулся рядъ домовъ. Это были средней величины, скромные съ виду домики, съ оштукатуренными фасадами, издавна отличавшимися грязновато-сѣрымъ цвѣтомъ. Они казались, да и были непрочно построены. Почти всѣ шторы какъ бы страдали какимъ-то органическимъ недугомъ подниматься криво и свѣшиваться вкось, съ вызывающимъ видомъ.

Въ домахъ этихъ окна были сдѣланы дугой, но крайней мѣрѣ такими окнами отличался домъ, о которомъ у насъ пойдетъ рѣчь. Передъ фасадомъ его разстилался замѣчательно-маленькій садикъ, съ узенькой, убитой краснымъ щебнемъ дорожкой, ведущей къ входной двери. Двери домовъ были расположены по двѣ въ рядъ, бокъ-о-бокъ, что несомнѣнно представляло выгоду для почтальона и торговцевъ, одновременно звонившихъ въ оба колокольчика, и одновременно же справлявшихъ свои дѣла съ двумя домами, но было, по мнѣнію хозяевъ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ, унизительно для лицъ, которымъ приходилось жить въ нихъ. Я желаю только отмѣтить тотъ фактъ, что жить въ этой улицѣ было почти все равно, что жить въ одномъ большомъ домѣ, такъ какъ все происходившее въ одномъ домѣ было явственно слышно сосѣдямъ. Между тѣмъ мѣстность эта пользовалась большой по-

пулярностью и дома въ ней рѣдко стояли пустыми, и почти тотчасъ по выѣздѣ жильцовъ снова бывали заняты, прежде чѣмъ новая штукатурка успѣвала обсохнуть.

Вечеръ былъ теплый и пріятный. Была пятница недѣли, слѣдовавшей за троицынымъ днемъ. Иркфордъ только-что отпраздновалъ свой большой ежегодный праздникъ и снова принимался за работу съ должнымъ усердіемъ. Вѣтеръ, несмотря на май, дулъ юго-западный, а не сѣверо-восточный. Одно изъ дугообразныхъ оконъ перваго этажа въ одномъ изъ домовъ было отворено и въ углубленіи его сидѣли два молодыхъ человѣка за маленькимъ столикомъ, на которомъ виднѣлись кофейныя чашки и ящикъ сигаръ. Они сидѣли въ креслахъ, и между ними царило долгое молчаніе. Вообще кругомъ стояла тишина; случилось такъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ не было кричащихъ дѣтей; прошло около четверти часа съ проѣзда послѣдняго омнибуса, и въ теченіе этого времени ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ.

Но вдругъ молчаніе было нарушено. Поднялся шумъ, превратившійся въ гамъ. Казалось, будто сразу спустили съ цѣпи всѣхъ демоновъ ада. Два омнибуса прогрохотали мимо; одинъ съ одного конца улицы, другой съ другого; какъ только шумъ, поднятый ими, нѣсколько утихъ, явственно послышались звуки уличной шарманки, отчаянно исполнявшей арію съ варіяціями изъ «Madame Angot». Нѣсколько телѣгъ проѣхало по улицѣ въ разныхъ направленіяхъ. Музыкальный инструментъ, такъ неожиданно появившійся на сценѣ, медленно и твердо подвигался къ окну, у котораго сидѣли двое молодыхъ людей. Покамѣстъ смуглый soi-disant итальянецъ, вертѣвшій ручку инструмента, еще не замѣчалъ двухъ много обѣщавшихъ жертвъ. Вдругъ глаза его остановились на нихъ. Съ радостнымъ прыжкомъ, произведшимъ нежданную паузу въ неистовомъ и страшно блестящемъ crescendo, вырывавшемся въ эту минуту изъ его инструмента, онъ кинулся къ открытому окну, какъ орелъ бросается на свою добычу, въ полномъ убѣжденіи, что если молодымъ людямъ понравится его музыка, они дадутъ ему денегъ въ награду за ея прелесть, а если не понравится, то также дадутъ ему денегъ въ видѣ взятки, чтобъ онъ ушелъ и пересталъ терзать ихъ уши.

— Аллахъ! Человѣкъ этотъ насъ открылъ и прямехонько направляется на насъ,—замѣтилъ старшій изъ молодыхъ людей, брюнетъ, съ красивымъ энергическимъ лицомъ и длиннымъ стройнымъ тѣломъ, всей своей позой выражавшимъ полную нѣгу.

— Что за тоска! — пробормоталъ его товарищъ, не поднимая головы, чтобы взглянуть. — Иногда, Массей, я удивляюсь,

что ты здѣсь видишь; бываетъ часто такой же шумъ, какъ въ центрѣ города въ базарный день.

— Я остаюсь здѣсь потому, что мнѣ тутъ удобно въ смыслѣ разстояній и омнибусовъ; кромѣ того моя вдова всячески за мной ухаживаетъ, я лѣнивъ, переѣзжать мнѣ скучно, вставать раньше также, иначе я бы не остался; другими словами, не будь мнѣ здѣсь удобно во всѣхъ отношеніяхъ, я бы переѣхалъ,—возразилъ тотъ, устремивъ глаза на улыбающагося владѣльца шарманки, который, снова принимаясь вертѣть ручку, выпустилъ остатокъ трели и конецъ варіаціи въ видѣ одного дикаго взрыва звуковъ, которымъ поразилъ восхищенныя уши слушателей.

— Кэбъ ѣдетъ. Шарманщикъ не видитъ его—его сейчасъ переѣдутъ,—продолжалъ Филиппъ Массей, жившій въ этомъ домѣ и угощавшій сегодня пріятеля обѣдомъ.

— Пусть его,—равнодушно замѣтилъ Германъ Бергтаусъ.— Мнѣ все равно—я бы даже обрадовался, еслибъ его переѣхали.

Но шарманщикъ въ эту самую минуту замѣтилъ опасность. Ему удалось увернуться изъ-подъ самой лошадиной морды, онъ съ проклятіями быстро ретировался, а экипажъ остановился у маленькой желѣзной калитки сосѣдняго дома.

— Жильцы,—проговорилъ Филиппъ Массей, медленно покуривая сигару и повернувъ голову ровно настолько, чтобъ имѣть возможность наблюдать за дѣйствіями возницы и его сѣдоковъ:—жильцы, жильцы вездѣ, и...

— Жильцы!—задумчиво повторилъ Германъ;—еще жильцы.

— Дѣвушки,—вставилъ Массей, тѣмъ же лѣнивымъ, хладнокровнымъ тономъ.

— Дѣвушки!—повторилъ его пріятель уже съ нѣкоторымъ оживленіемъ.— Это несравненно лучше, чѣмъ еслибъ это были молодые люди. Что это, хорошенькія дѣвушки?

— Эта еще ходитъ въ школу,—продолжалъ Филиппъ, вынувши сигару изо рта и наблюдая съ немалымъ участіемъ, отражавшимся въ его темныхъ глазахъ.—Красивая дѣвочка, очень красивая. Свѣтлые волосы—славная походка, пряма какъ ива. Ахъ!

Съ этимъ восклицаніемъ онъ даже приподнялся и пристально сталъ смотрѣть впередъ. Германъ, будучи не въ силахъ долѣе выносить того, что онъ называлъ своимъ фальшивымъ положеніемъ,—онъ сидѣлъ съ той стороны, откуда ничего не было видно,— вскочилъ и перегнулся черезъ спинку стула своего пріятеля; его бѣлое, добродушное тевтонское лицо и бѣлокурые волосы

составляли яркій контрастъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица и черными волосами Филиппа Массей.

Въ этой позѣ они разсматривали новыхъ сосѣдокъ, или, вѣрнѣе, ту изъ нихъ, наружность которой вызвала восклицаніе съ неслововоохотливыхъ обыкновенно устъ Филиппа.

Она только-что вышла изъ экипажа и стояла съ кошелькомъ въ рукѣ, ожидая пока извощикъ и горничная внесутъ кладь. Она стояла спиной къ молодымъ людямъ, но когда она стала понемногу поворачиваться, слѣдя за переноской багажа, они увидали поразительно-прекрасный блѣдный профиль брюнетки, съ замѣчательно тонкими линіями, которыя критикъ могъ бы назвать слишкомъ тонкими, граничащими съ рѣзкостью. Но выраженіе нѣжныхъ губокъ было очень пріятное. Газовый вуаль былъ откинутъ, такъ что лицо ея казалось какъ бы окруженнымъ мягкой, черной рамкой, которая удивительно шла къ ея аристократической, нѣжной красотѣ. Фигура ея была тонкая, высокая, гибкая; туалетъ отличался крайней простотой и вкусомъ, платье падало длинными, мягкими складками вокругъ ея стана. Въ каждой линіи ея фигуры, во всей ея позѣ сказывалось природное достоинство и изящество; а также и то безыменное нѣчто, котораго не даетъ и врожденная грація, а только привычка къ обществу людей утонченнаго воспитанія—то нѣчто, въ которомъ сказывается благовоспитанная леди.

Она стояла совершенно неподвижно, пока извощикъ не вернулся и тогда спросила его, чтó ему слѣдуетъ.

Окно гостиной Филиппа было отворено, и онъ и его пріятель явственно слышали все происходившее. Она говорила мягкимъ, чистымъ голосомъ, съ произношеніемъ безукоризненнаго изящества: произношеніе это поразило пару ушей, чуткую къ мелодическимъ звукамъ и привыкшую къ тягучему провинціальному говору иркфордскихъ жителей.

— Три шиллинга шесть пенсовъ, миссъ,—проговорилъ ея возница, избѣгая ея взгляда.

— Три шиллинга шесть пенсовъ!—повторила она съ удивленіемъ, еще не вынимая денегъ изъ кошелька.—Три шиллинга шесть пенсовъ за это, за этотъ короткій конецъ? Мнѣ кажется, вы ошибаетесь.

— Со станціи сѣверо-западной желѣзной дороги, миссъ, двое сѣдоковъ, три ящика и множество свертковъ! Я не ошибаюсь, мнѣ кажется—не особенно.

— Съ сѣверо-западной станціи! Эдакій негодяй!—сквозь зубы

пробормоталъ Германъ, продолжая наблюдать съ прежнимъ участіемъ.

— Понятно, я не могу спорить съ вами, — возразила она, доставая требуемую сумму:—но мнѣ право кажется...

— Спросите этихъ джентльменовъ, миссъ. Они вамъ скажутъ,—любезно проговорилъ извощикъ, пряча плату въ карманъ и указывая на окно, у котораго они сидѣли. Она повернулась быстрымъ, полнымъ удивленія движеніемъ, прежде чѣмъ Филиппъ или Германъ успѣли отодвинуться. Она увидала ихъ напряженныя лица, а они увидали блѣдное, нѣжное личико, еще болѣе прекрасное en face, чѣмъ въ профиль: кроткіе, темноголубые глаза, волнистые, темные волосы, густыя пряди которыхъ были откинуты съ низкаго, бѣлаго лба, выраженіе лица не то удивленное, не то презрительное, а теперь надменное когда она поняла, что эти два лица, такъ пристально смотрѣвшія на нее, должно быть, уже давно на нее смотрятъ.

— Вы получили вашу плату,—проговорила она спокойнымъ, невозмутимымъ тономъ.—Добрый вечеръ.

— Добрый вечеръ, миссъ, — проговорилъ онъ, ухмыляясь успѣху своей хитрости, тогда какъ она, не удостоивъ зрителей другимъ взглядомъ, пошла по маленькой, убитой краснымъ щебнемъ дорожкѣ и исчезла изъ виду.

Филиппъ Массей вскочилъ, его смуглое лицо покрылось яркимъ румянцемъ, а брови такъ нахмурились, что совсѣмъ сошлись.

— Какой ты оселъ, Берггаузъ, что сталъ тутъ сзади меня! Что она должна была подумать!—воскликнулъ онъ раздосадованнымъ тономъ.

— Это проклятый дуракъ извощикъ виноватъ. Мнѣ было бы очень пріятно отколотить его! — сказалъ Германъ, подаваясь назадъ, также съ раскраснѣвшимся лицомъ и необыкновенно глупой физіономіей.

— Надѣюсь, что она довольна своими сосѣдями, — сказалъ Филиппъ, съ лица котораго румянецъ не исчезъ, засовывая руки въ карманы и расхаживая по комнатѣ,—эта гимнастика была однако не очень внушительна вслѣдствіе того факта, что два съ половиной шага его длинныхъ ногъ поглощали все пространство, находившееся въ его распоряженіи.

— Что-жъ, важность не большая,—тономъ утѣшенія замѣтилъ Германъ.—Никто, въ такихъ улицахъ не знается съ своими сосѣдями. А если она музыкантша, она скоро отмститъ тебѣ, такъ какъ ты услышишь каждую ноту, и скоро пожелаешь ей чего-нибудь нехорошаго.

— Глупъ ты! — только и сказалъ его пріятель, усаживаясь на стулъ въ самомъ темномъ и отдаленномъ углу комнаты.

— Полно, Массей! Выражайся сдержаннѣе, — проговорилъ Германъ, слегка обиженнымъ тономъ.

— Порядочныхъ глупцовъ мы, должно быть, розыграли! — продолжалъ Филиппъ, — да и какихъ невѣждъ.

— Что-жъ, отправимся мы куда-нибудь? — спросилъ Германъ.

— Отправимся — куда?

— Играть въ крикетъ. Или, — помнится, сестры говорили, что собираются сегодня вечеромъ играть въ крокетъ. Пойдемъ къ намъ, посмотримъ, что онѣ дѣлаютъ.

— Хорошо, сказалъ Филиппъ.

— Быть можетъ, это лучшее, что мы можемъ сдѣлать; да у меня есть и просьба къ миссъ Берггаузъ.

— Ну такъ маршъ! — съ радостью проговорилъ Германъ; и они вышли изъ дому, тщательно избѣгая бросить хотя бы одинъ взглядъ на окна сосѣдняго дома.

Глава II. — Что такое успѣхъ?

Молодые люди повернули изъ Лоуренсъ-стрита, направляясь къ дому отца Германа. Существуетъ поговорка, гласящая, будто «человѣкъ узнается по его друзьямъ». Изреченіе это съ виду будто и мудрое, но допускаетъ сильныя сомнѣнія. Обстоятельства, вліяющія на человѣка при выборѣ его друзей и товарищей, должны быть также приняты во вниманіе. Еслибъ, напримѣръ, о характерѣ Филиппа Массей стали судить на основаніи того факта, что Германъ Берггаузъ самый большой его другъ, или по крайней мѣрѣ, самый близкій къ нему человѣкъ, въ результатѣ получился бы очень неправильный, односторонній взглядъ на всю его личность.

Онъ, подобно сотнямъ, даже тысячамъ молодыхъ людей, жившихъ въ одномъ съ нимъ городѣ, вполнѣ принадлежалъ къ среднему классу. Онъ не происходилъ изъ особенно знатной семьи, не обладалъ большимъ состояніемъ. Отецъ его былъ крупный фермеръ, жившій близъ приморской гавани Фаульгавенъ, въ Іоркширѣ. Собственное общественное положеніе Филиппа было, насколько можно было судить, довольно обезпеченное, если не очень блестящее. Онъ служилъ въ богатой компаніи гражданскихъ инженеровъ, въ городѣ Иркфордѣ. Если онъ не уклонится отъ избраннаго пути, обнаружитъ энергію и умъ, вполнѣ

возможно, что онъ со временемъ займетъ очень солидное и даже блестящее положеніе. Возможно также, хотя и въ меньшей степени, что онъ можетъ застрять въ своемъ настоящемъ положеніи на неопредѣленное количество лѣтъ, не возвышаясь, если и не опускаясь. Ему было двадцать-шесть лѣтъ, онъ служилъ компаніи, въ разныхъ должностяхъ, десять лѣтъ. Въ теченіи этого времени онъ жилъ одинъ на квартирахъ, не совсѣмъ лишенный друзей и не безъ всякаго призора, но и безъ особеннаго изобилія руководителей. У него были родные, отецъ и мать его были еще живы; у него были сестры — двѣ были замужнія; одна младшая, его любимица, еще находилась подъ родительскимъ кровомъ. У него также были братья, разсѣянные по разнымъ частямъ свѣта — такъ какъ ни одинъ изъ сыновей не пожелалъ слѣдовать по стопамъ отца — одинъ братъ былъ въ Индіи, другой въ Австраліи; самъ онъ, младшій, въ значительной иркфордской компаніи.

Исторія его жизни была короткая и простая. Филиппу, когда онъ объ этомъ думалъ, она представлялась въ видѣ ряда повышеній по службѣ, сопряженныхъ съ рядомъ переѣздовъ все въ лучшія и лучшія квартиры, все въ лучшихъ частяхъ города, пока, наконецъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, онъ не поселился въ Лоуренсъ-стритѣ, № 57, въ домѣ одной вдовы, которая, по его словамъ, такъ за нимъ ухаживала, что онъ не намѣревался вовсе покидать ее.

Должно сознаться, что Филиппъ Массей до настоящаго времени былъ личностью, ничѣмъ не выдающейся. Въ теченіи своей десятилѣтней, самостоятельной жизни онъ не сдѣлалъ ничего, хоть сколько-нибудь замѣчательнаго. Онъ не закутился, но и не сдѣлалъ ничего особливо достославнаго. Онъ ухитрился прожить безъ долговъ, исключая мелкихъ и случайныхъ, являвшихся по временамъ и никогда серьёзно не затруднявшихъ его. Развлеченія его ничѣмъ не отличались отъ развлеченій большинства знакомыхъ ему молодыхъ людей. Всѣ они считали своимъ долгомъ часто посѣщать иркфордскіе театры и произносить свои критическія сужденія по поводу пьесъ и пантоминъ, какія на нихъ разыгрывались; они покровительствовали концертамъ и различнымъ увеселеніямъ; по субботамъ, возвращаясь домой со службы рано, они имѣли привычку играть зимою въ мячь, а лѣтомъ въ крикетъ. Они собирались большими группами и затѣвали игру съ представителями соперничавшихъ съ ними клубовъ: для этихъ празднествъ они облекались въ полосатыя jersey яркихъ цвѣтовъ и награждали свои клубы такими же замысловатыми названіями,

имъ были замысловаты цвѣта костюмовъ, составлявшихъ предметъ ихъ восторговъ. На ноги они обыкновенно натягивали чулки еще болѣе замѣчательные, чѣмъ jersey, и гордые родители и восхищенная публика могли видѣть ихъ въ этомъ одѣяніи и въ большомъ числѣ шествующими по улицамъ, по пути къ мѣсту игры или обратно.

Это оказывается обыденной, заурядной карьерой, почти вульгарной по своей обыденности; но она становится менѣе неинтересной, когда подумаешь о надеждахъ, которыми дышатъ всѣ эти молодыя лица—о возможности чего-то лучшаго, какая заключается во всѣхъ этихъ молодыхъ силахъ, о способности дѣйствовать, которая можетъ остаться непробужденной до самаго конца, или обнаружиться во всей силѣ своей и дать полные результаты. Недаромъ говорится въ пѣснѣ: «*Life is not an idle ore*» и пр. [1]).

Но характеръ молодого человѣка можетъ сложиться и подъ вліяніемъ менѣе грандіознаго процесса, который покажетъ, хорошее или дурное преобладаетъ въ немъ, и суждено ли горестямъ или благополучіямъ его на жизненномъ пути въ концѣ-концовъ выработать его личность или изуродовать ее.

Въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ клубовъ для игры въ крикетъ или въ мячъ, съ мистическими названіями: *скорпіонъ*, *тигры*, *свободные странники* и пр., Филиппъ Массей три или четыре года тому назадъ встрѣтилъ Германа Берггауза. Нѣмецъ по имени и происхожденію, Германъ никогда не бывалъ на родинѣ. Отецъ его былъ однимъ изъ богатыхъ брадфордскихъ купцовъ; жена его была прекрасная женщина; домъ ихъ, двери котораго всегда были гостепріимно открыты для «друзей Германа», былъ очень пріятный. Молодой человѣкъ былъ единственный сынъ, судьба благословила его тремя сестрами, склонными баловать его. Безъ особенно глубокой или преданной дружбы, Филиппъ и молодой Берггаузъ всегда были добрыми пріятелями, такъ какъ Германъ, который былъ нѣсколькими годами моложе своего друга, поддавался вліянію, которое Филиппъ Массей, не смотря на свое обыденное прошлое и заурядную карьеру, обыкновенно пріобрѣталъ надъ своими знакомыми. Трудно было бы опредѣлить, въ чемъ заключалось очарованіе, такъ-какъ его манеры были просты и не отличались особенной мягкостью или полировкой; быть можетъ, эта серьёзная простота имѣла въ себѣ

[1]) „Жизнь не есть простой металлъ, но желѣзо, вырытое изъ мрачныхъ нѣдръ земли, накаленное до-красна жгучими опасеніями, погруженное въ цѣлыя урны слезъ, выкованное ударами молота судьбы и этимъ путемъ доведенное до надлежащей формы и примѣненное къ употребленію“.

чарующую силу, такъ-какъ простота въ наше время встрѣчается рѣже прежняго. Онъ слылъ между пріятелями за очень добраго малаго; его не легко было расшевелить, но иной разъ, онъ съ ненарушимой серьёзностью, произносилъ лаконическія, юмористическія изреченія, вызывавшія невольный смѣхъ, и лѣнивымъ тономъ, сыпалъ мѣткіе сарказмы. Быть можетъ, доля очарованія заключалась и въ его наружности, такъ-какъ онъ былъ положительно красивъ, съ смуглымъ лицомъ, напоминавшимъ жителей юга и вызывавшимъ мимолетное воспоминаніе о лицахъ, смотрящихъ съ картинъ Вандика или Павла Веронезе. У него былъ пріятный голосъ, съ легкимъ іоркширскимъ акцентомъ; славные темные глаза, порою загоравшіеся огнемъ, намекавшимъ на болѣе пылкій характеръ, чѣмъ какой ему вообще приписывали.

Ему случалось мрачно хмурить брови, и улыбка его была привлекательная, хотя рѣдкая.

Они съ Германомъ Бергтаузомъ вскорѣ очутились на широкой, многолюдной улицѣ предмѣстья, извѣстной подъ именемъ Carlton-road. Они миновали послѣднія лавки и дошли до той части улицы, на которую падала съ обѣихъ сторонъ тѣнь большихъ деревьевъ. Деревья росли за довольно высокими стѣнами, а позади ихъ виднѣлись большіе, красивые дома въ современномъ вкусѣ и нѣсколько старыхъ домовъ, относящихся къ половинѣ прошлаго столѣтія, когда Ирвфордъ былъ маленькій городокъ, съ меньшимъ числомъ жителей, чѣмъ было ихъ теперь въ одномъ изъ его предмѣстій.

Филиппъ и Германъ повернули въ большія деревянныя ворота, принадлежавшія къ одному изъ этихъ домовъ, и очутились въ зеленомъ, благоуханномъ прелестномъ саду, красота котораго поражала при такой близости къ большому, дымному городу. Когда ворота затворились, уличная толпа совершенно скрылась изъ виду, слышался только топотъ безчисленныхъ ногъ и никогда не прекращавшійся шумъ экипажей.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ Германъ, оглядывая садъ:—не вижу никого изъ сестеръ; а между тѣмъ онѣ положительно говорили, что будутъ играть въ крокетъ. Пойдемъ посмотримъ, гдѣ онѣ.

Они вошли въ домъ, двери котораго стояли настежъ, прошли большую, красивую четырехъ-угольную залу и повернули въ гостиную, гдѣ находилось общество дамъ и мужчинъ, показавшееся Филиппу многочисленнымъ.

— Чтожъ вы, сестры!—крикнулъ Германъ:—Текла, Эмилія! я думалъ, что вы сегодня вечеромъ будете играть въ крокетъ.

— Наѣхало столько гостей; мы нашли, что разговаривать гораздо пріятнѣе, а потому и отказались отъ этой мысли, Германъ, — послышался звучный, отчетливый голосъ, и красивая дѣвушка съ золотистыми волосами двинулась имъ на встрѣчу, отдѣлившись отъ очень оживленно болтавшей группы.—Ты привелъ сюда мистера Массей, обѣщавши ему игру въ крокетъ?— прибавила она, пожимая руку Филиппа.

— Мы пришли сюда потому, что намъ больше дѣваться некуда было,—возразилъ онъ съ братской беззаботностью.

— Благодарю васъ обоихъ за такое лестное посѣщеніе,— сказала она.

— Онъ извращаетъ факты, миссъ Берггаузъ. Мы пришли сюда потому, что онъ...

— Перестань,— добродушно замѣтилъ Германъ:— вспомни, все это происходило въ твоихъ владѣніяхъ.

— Что это за тайна?—спросила Текла.

— У меня къ вамъ просьба,—продолжалъ Филиппъ:—надѣюсь, что вы будете такъ добры, что исполните ее. Но съ этимъ торопиться нечего. Успѣемъ переговорить въ теченіи вечера.

— Очень рада буду исполнить ее, если могу,— отвѣчала она,—а покамѣстъ, слушайте. Мы затѣваемъ игру. Называется она: *группы*; я бы желала, чтобъ вы въ ней участвовали. Согласны? Это такъ весело.

— Какъ только я засвидѣтельствую почтеніе мистриссъ Берггаусъ,—сказалъ Филиппъ, кланяясь, и направился черезъ комнату къ дивану, на которомъ возсѣдала хозяйка дома, красивая матрона, съ открытымъ лицомъ, въ богатомъ туалетѣ, усердно что-то вязавшая изъ ярко-красной шерсти. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно для засвидѣтельствованія ей почтенія, и Филиппъ вернулся на то мѣсто, гдѣ все еще стояла Текла Берггаузъ, разговаривая съ Германомъ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, миссъ Берггаузъ; въ чемъ состоитъ игра?

— Право? Какъ же мнѣ вамъ это объяснить? Видите ли, двое выходятъ изъ комнаты и загадываютъ какое-нибудь слово...

— Множество игръ, мнѣ кажется, начинаются такимъ же образомъ,—вѣжливо замѣтилъ Филиппъ.

— Я это знаю. Оно какъ будто не оригинально, но очень забавно. Теперь намъ нужно слово; мы съ вами выйдемъ и загадаемъ его. Этимъ способомъ вы всего скорѣй научитесь.

— И всего пріятнѣе, — замѣтилъ Филиппъ, выходя за ней въ залу.

— Какое бы слово выбрать!—сказала Текла.—Придумайте такое, которое было-бы очень трудно отгадать.

— Но могу ли я спросить, какая участь постигаетъ это несчастное слово, послѣ того, какъ оно найдено?

— Имъ приходится отгадывать его. Вы подходите къ одной «группѣ», я къ другой, вамъ предлагаютъ всякаго рода вопросы, ваши отвѣты должны быть какъ можно лаконичнѣе, и на основаніи ихъ они должны пытаться отгадать задуманное слово, понимаете?

— Прекрасно, понимаю, что отвѣты должны быть лаконическіе. Но какое же мы выберемъ слово?

— Слово, или мысль. Пусть это будетъ что-нибудь необыкновенное,—оживленно проговорила Текла.

— *Вѣжливость*, или *скромность?*—предложилъ Филиппъ.

— Фи, мистеръ Массей, какъ зло! Что-нибудь отвлеченное, хочу я сказать.

— Музыка будущаго, которую я такъ часто слышу у васъ въ домѣ. Или не взять ли *успѣхъ?*—предложилъ Филиппъ.

— Успѣхъ? — повторила Текла, и остановилась.—Успѣхъ! отлично. Только что̀ такое успѣхъ? Не вижу, какъ имъ удастся отгадать, или намъ опредѣлить. О, какое вы сокровище изобрѣтательности.

— Оно отвлеченное и не избитое; вотъ почему оно показалось мнѣ подходящимъ, — скромно отвѣтилъ Филиппъ, когда они возвратились въ гостиную.

— Вы должны сѣсть здѣсь, — сказала Текла, указывая на стулъ, стоявшій среди группы гостей, — а я пойду туда. — Съ этимъ она оставила его. Филиппъ сидѣлъ, окруженный группой почти совершенно незнакомыхъ ему людей, которые всѣ оживленно наклонялись къ нему и разспрашивали его, въ то время какъ онъ старался удержать въ умѣ слово «*успѣхъ*», и опредѣлить его по методѣ Сократа, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Это — пустая игра, для забавы безпечной молодежи; но онъ какъ бы не замѣчалъ шутки, а доходилъ до корня вопроса.

— Ну-ка, старина, что оно—принадлежитъ къ царству животному, растительному или минеральному? — пытливо спросилъ Германъ.

— Ни къ одному изъ нихъ.

— Отвлеченное?

— Само по себѣ, но не по своимъ результатамъ.

— Качество?

— Скорѣй случайность.

— Хорошее или дурное?
— Смотря по тому, какъ оно достигается.
— О, такъ его можно добиться?
— Да.
— Трудомъ.
— Иногда.
— Желательно оно?
— Большинство людей такъ думаетъ.
— Существуетъ оно?
— Да.
— Оно свойственно мужчинѣ?
— Да.
— Женщинѣ?
— Да.
— Качество?
— Не могу по совѣсти сказать, чтобы это было качество.
— Вѣчное оно?
— Далеко нѣтъ.
— На что оно похоже?
— Не совсѣмъ законный вопросъ, но я отвѣчу вамъ. Оно является въ различныхъ видахъ, смотря по тому, кто на него смотритъ.
— Желали ли бы вы его для себя?
— Радъ былъ бы получить то, чѣмъ его считаю.
— Благодѣтельно оно?
— Иногда; иногда наоборотъ.
— Что за странная вещь! Кто же раздаетъ ее?
— Богиня, раздающая все въ девятнадцатомъ столѣтіи. Имя ей: случай.
— Въ девятнадцатомъ столѣтіи? такъ это вещь современная?
— Она также стара, какъ человѣческое честолюбіе,—обмолвился Филиппъ, причемъ Эмилія, вторая миссъ Берггаузъ, подбѣжала къ нему съ крикомъ:
— *Успѣхъ!*

Когда онъ кивнулъ головой, послышались громкія, торжествующія рукоплесканія.
— Ты очень неостороженъ, Массей, — сказалъ Германъ.— Я въ состояніи цѣлый часъ водить ихъ кругомъ, да около.
— Быть можетъ, я не стремлюсь имѣть *успѣхъ* по этой части. Миссъ Берггаузъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Теклѣ: —могу я поговорить съ вами нѣсколько минутъ?
— Конечно,—живо отвѣчала Текла. Она отличалась живостью

въ рѣчахъ и движеніяхъ и обнаруживала ея еще больше въ обращеніи съ Филиппомъ Массей, чѣмъ съ другими.—Пойдемте въ садъ. Не желаетъ-ли еще кто-нибудь идти въ садъ?

Нѣсколько человѣкъ гостей приняли предложеніе молодой дѣвушки, и вскорѣ они съ Филиппомъ шли рядомъ, по широкой дорожкѣ, разстилавшейся передъ окнами гостиной.

— Просьба моя къ вамъ слѣдующая,—сказалъ Филиппъ.— У меня дома есть сестра, которую я очень люблю. Была рѣчь о томъ, чтобъ ей пріѣхать въ Иркфордъ для посѣщенія курсовъ въ женской коллегіи, потомъ до меня дошли слухи, что это не состоится. Я не ѣздилъ домой на Троицынъ день и только на дняхъ получилъ отъ матери извѣстіе, что Грэсъ дѣйствительно, наконецъ, ѣдетъ. Конечно, она будетъ жить со мной, чему я очень радъ; но она совсѣмъ не знаетъ Иркфорда. Врядъ ли она когда-нибудь въ жизни здѣсь была, а у меня, кромѣ васъ, нѣтъ знакомыхъ дамъ; боюсь, что она страшно соскучится, иначе я бы не просилъ. Вы всегда были такъ добры, что...

— Вы, вѣроятно, желаете, чтобъ мы посѣтили ее? Мы съ удовольствіемъ это сдѣлаемъ. Эмилія и я будемъ у нея, какъ только она пріѣдетъ. Когда вы ожидаете ее?

— Сегодня пятница. Я ожидаю ее завтра, такъ-какъ полагаю, что занятія ея съ понедѣльника начнутся.

— Это вѣрно; моя сестра Луиза посѣщаетъ также курсы латинскаго языка и математики. Мы зайдемъ въ воскресенье, возвращаясь домой изъ церкви, а вы привезете ее къ намъ въ воскресенье вечеромъ, да?

— Очень, очень вамъ благодаренъ, если вы только увѣрены, что мистриссъ Берггаузъ...

— Мама будетъ очень рада. Пойдемте со мной, я сейчасъ же ей скажу,—проговорила дѣятельная Текла, снова увлекая Филиппа въ гостиную и подводя его къ мистриссъ Берггаузъ. Молодой человѣкъ не зналъ, какъ его воспитанная въ деревнѣ сестра отнесется къ такимъ парадньмъ, воскреснымъ визитамъ и выѣздамъ, какіе для нея замышлялись, но былъ обрадованъ дружелюбіемъ, съ какимъ Текла отнеслась къ его просьбѣ.

Мистриссъ Берггаузъ подтвердила всѣ обѣщанія и приглашенія дочери; а затѣмъ, обратившись къ Филиппу сказала:

— Мистеръ Массей, второй директоръ вашей компаніи, говорятъ, скоро женится, и женится прекрасно?

— Грей—да. Но, мнѣ кажется, что онъ вступаетъ въ бракъ, а не просто женится? Невѣсту зовутъ лэди Елизабетъ Престонъ.

— Да, она не богата, но говорятъ очень красива и умна. Что они будутъ жить въ окрестностяхъ Иркфорда?

— Право не знаю. Слышалъ только, что будутъ большія празднества для рабочихъ, и, я полагаю, балъ для нашего брата, и вообще для аристократіи!

— Мистеръ Грей очень милый, не правда ли?

— Милый?—повторилъ Филиппъ съ одной изъ своихъ рѣдкихъ улыбокъ.—Мы, мужчины, вообще не привыкли называть другъ друга милыми. Его въ конторѣ любятъ. Мы давеча говорили объ успѣхахъ, миссъ Берггаузъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Теклѣ:—вотъ, по моему, поразительный примѣръ успѣха, безъ всякой особенной на то причины. Онъ, по смерти отца своего, наслѣдовалъ великолѣпное состояніе; онъ популяренъ и уменъ, и готовится вступить въ бракъ съ одной изъ прекрасныхъ представительницъ аристократіи.

— Развѣ это успѣхъ?—задумчиво спросила Текла.

— Теперь, когда вы спрашиваете, я право въ этомъ не увѣренъ,—откровенно отвѣтилъ Филиппъ.

Въ эту минуту подали всякія яства и питья, послѣ чего гости понемногу разъѣхались, и Филиппъ, возвращаясь домой пѣшкомъ, снова задался вопросомъ, дѣйствительно ли житейскія условія мистера Грея могутъ назваться плодомъ успѣха. Проходя въ своей улицѣ мимо калитки дома подъ № 59, онъ замѣтилъ огонь за зеленой шторой въ окнѣ перваго этажа.

— Желалъ бы я знать, что она подумала о нашемъ поведеніи?—размышлялъ онъ.—Какими дураками должны мы были ей показаться!

Глава III.—Особое порученіе.

Филиппу не пришлось по принятому обычаю облачаться для еженедѣльной партіи въ крикетъ въ ту субботу, которая слѣдовала за его визитомъ къ Берггаузамъ.

Онъ долженъ былъ встрѣтить сестру свою Грэсъ въ половинѣ пятаго, и съ заботливостью, вообще не свойственной людямъ его пола и возраста, особенно неженатымъ, распорядился, чтобъ обѣдъ былъ готовъ къ шести часамъ и намѣревался обѣдать съ нею.

Та компанія, въ которой служилъ Филиппъ, обыкновенно распускала своихъ служащихъ по субботамъ въ два часа. Филиппа рѣдко удерживали долѣе урочнаго времени — онъ для этого былъ слишкомъ маловажной особой, какъ сказалъ бы онъ

самъ. Его работа была исключительно кабинетная, занятія были постоянныя, не особенно увлекательныя. Бывало, что онъ желалъ, въ избыткѣ своихъ силъ и энергіи, чтобъ его дѣятельность была болѣе живая; что онъ завидовалъ тѣмъ изъ товарищей, которымъ оказывались преимущества, довѣрялись болѣе опасныя задачи, которыхъ посылали иногда на край свѣта, съ порученіями по инженерной части, — такія порученія если и соединялись съ большими неудобствами и такой же отвѣтственностью, за то соотвѣтственно солидно и вознаграждались, а опасность и волненія, неразлучныя съ ними, думалъ Филиппъ, должны были служить самымъ крупнымъ вознагражденіемъ. Такого благополучія еще покамѣстъ не выпадало ему на долю. Сегодня, помня, что въ его распоряженіи остаются два съ половиной часа до прихода поѣзда, который долженъ привезти сестру, Филиппъ не торопился уходить, сидѣлъ у своего стола, послѣ того, какъ всѣ остальные клерки разошлись, и разбиралъ бумаги и планы, которые давно уже слѣдовало привести въ порядокъ. Занятый этимъ, онъ сидѣлъ у стола и перо его медленно двигалось по бумагѣ въ то время, какъ майское солнце проливало цѣлые потоки свѣта въ окно и освѣщало его смуглое лицо. Филиппъ сидѣлъ спиной къ двери, ведшей въ кабинетъ мистера Дэй, главнаго и довѣреннаго клерка, а дверь эта, была полуотворена.

Вскорѣ послышались голоса, потомъ раздались и шаги въ кабинетѣ мистера Дэй. Филиппъ полу-сознательно слышалъ, хотя нельзя сказать, чтобъ онъ слушалъ все, что говорилось.

— Вотъ что, Грей! Это письмо только-что получено отъ...— неясный шопотъ, потомъ нѣсколько громче:—куда дѣвались эти люди, Блакъ, Блэкъ, какъ ихъ тамъ звали, которые намъ рекомендовали Байвеля?

— Гм!—раздался голосъ мистера Грея, второго директора, на этотъ вопросъ мистера Старки, старшаго:—не живутъ ли они гдѣ-то на Эджтонской дорогѣ? Право, не помню. Но знаете ли, мнѣ кажется, что это только воркотня этихъ китайцевъ. Они любятъ создавать затрудненія, и англійскій консулъ долженъ болѣе или менѣе обратить на нихъ вниманіе, хотя бы ради формальности. Не думаю, чтобъ въ этомъ было что-нибудь серьезное.

— Я напротивъ, далеко не такъ увѣренъ, что сѣтованія лишены всякаго основанія,—возразилъ мистеръ Старки. — Я бы очень желалъ, чтобъ вы съѣздили въ Эджтонъ сегодня, и подъ рукой бы все разузнали. Мнѣ кажется, на это слѣдуетъ обратить вниманіе.

— Дорогой сэръ!—произнесъ Грей, огорченнымъ тономъ,— я готовъ все сдѣлать, чтобъ быть вамъ пріятнымъ, но сегодня это невозможно. Я уже давно обѣщалъ провести время, отъ сегодня до понедѣльника въ (голосъ понизился)... единственно для моего удовольствія, и лэди Елизабетъ — мнѣ очень жаль, еслибъ дѣло шло о вопросѣ жизни или смерти, чего нѣтъ, я бы постарался, а теперь положительно не знаю, какъ бы это устроить.

— О, если тутъ заинтересована лэди Елизабетъ...—благосклонно началъ мистеръ Старки, и они вышли изъ кабинета, послѣ чего Филиппъ услыхалъ шаги въ корридорѣ, вскорѣ кто-то одинъ вошелъ въ кабинетъ мистера Дэя и позвалъ его съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Гдѣ онъ? — пробормоталъ мистеръ Старки, видя, что на зовъ его не отвѣчаютъ, и придавивъ пуговку звонка въ надеждѣ, что кто-нибудь отзовется.

Филиппъ всталъ съ своего мѣста и вошелъ въ кабинетъ. Мистеръ Старки стоялъ посреди комнаты съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— Мнѣ нуженъ мистеръ Дэй,—сказалъ онъ.

— Мистеръ Дэй ушелъ, сэръ. У него было дѣловое свиданіе, и онъ сказалъ, что такъ-какъ сегодня утромъ дѣла не много, онъ предпочитаетъ отправиться.

— Ну, зачѣмъ у него именно сегодня дѣловое свиданіе?— въ досадѣ проговорилъ мистеръ Старки.

— Не могу ли я чѣмъ служить? — спросилъ Филиппъ, думая о времени, которое онъ не зналъ куда дѣвать.

— Вы не мистеръ Дэй, сэръ, — былъ отрывистый отвѣтъ. Филиппъ, на эту очевидную истину, прошепталъ:—Нѣтъ, желалъ бы я быть имъ; а потомъ прибавилъ вслухъ:

— Но я знаю, гдѣ онъ живетъ, и могу сходить за нимъ, если вамъ угодно.

Мистеръ Старки внимательнѣе взглянулъ на Филиппа, глаза его задумчиво остановились на лицѣ молодаго человѣка.

— Ваше желаніе оказать услугу заставляетъ васъ забыть, что такъ-какъ мистеръ Дэй занятъ, то было бы, вѣроятно, пустой тратой времени идти за нимъ,—замѣтилъ онъ.—Но мнѣ кажется, что вы могли бы исполнить мое порученіе не хуже мистера Дэя, или не хуже всякаго другого, кромѣ мистера Дэя. Во всякомъ случаѣ я хочу испытать васъ. Пойдемте со мной.

Филиппъ послѣдовалъ за своимъ начальникомъ въ его комнату, и тамъ мистеръ Старки снова перечелъ письмо, которое держалъ въ рукѣ.

— Вы не должны говорить о вашемъ порученіи никому изъ вашихъ товарищей,—замѣтилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ Филиппъ, твердо глядя въ проницательные глаза, устремленные на него.

— Мы проводимъ линію желѣзной дороги въ Китаѣ, въ довольно отдаленной мѣстности, отъ порта У.—При посредствѣ тамошняго англійскаго консула мы приняли на себя эту работу и поручили завѣдываніе ею Байвелю. Вы, вѣроятно, помните Байвеля—онъ провелъ здѣсь недѣли двѣ передъ своимъ отъѣздомъ?

— Да, я помню его. Но я никогда не говорилъ съ нимъ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

— Пришлось дать ему весьма значительныя полномочія, отдать подъ его команду англійскіе и ирландскіе корабли и туземцевъ, а также предоставить въ его безконтрольное распоряженіе значительныя суммы денегъ. Какъ вы легко понять можете, постъ этотъ для него былъ важный.

— Конечно, сэръ.

— Ну, вдаваться въ подробности я не считаю нужнымъ; но къ дѣлу: я имѣю сильныя основанія желать узнать что-нибудь о Байвелѣ. Мы имѣли самые лучшіе отзывы о немъ отъ Блэка и Робинзона. Онъ служилъ у нихъ годъ, и, какъ говорили, оставилъ ихъ потому, что они вынуждены были уменьшить число служащихъ, и такъ-какъ они съ тѣхъ поръ обанкротились, это какъ будто было и правдоподобно. Но я долженъ, если возможно, получить о немъ свѣдѣнія; хотя мистеръ Грей относится къ дѣлу безъ особенной подозрительности, ну да онъ (тономъ нетерпѣнія)... онъ никогда никого не заподозритъ и ни на что благоразумное способенъ не будетъ, пока не женится наконецъ на своей леди Елизабетъ Престонъ.—Филиппъ невольно улыбнулся и наклонилъ голову, чтобы скрыть улыбку. Мистеръ Старки продолжалъ:

— Мистеръ Блэкъ, одинъ изъ директоровъ компаніи, въ которой служилъ Байвель, теперь живетъ въ Эджтонѣ и, какъ кажется, очень скромно. Вы должны поѣхать къ нему и разузнать все, что только будетъ возможно. Развѣдайте, откуда онъ родомъ, кто первый рекомендовалъ его Блэку, вообще, что это была за личность. Но въ то же время, вамъ надо стараться не проболтаться. Понимаете?

— Вполнѣ. Прикажете отправляться сейчасъ?

— Да, какъ можно скорѣй. Вы должны понять, какія затрудненія мы для себя создадимъ, если не поладимъ съ этими людьми, которые вообще такъ щекотливы въ дѣлахъ. Мнѣ хо-

чется уладить это дѣло какъ можно скорѣй,—сказалъ мистеръ Старки, казавшійся раздосадованнымъ и измученнымъ.—Почему вы спрашиваете?

— Будь это послѣ пяти часовъ,—началъ Филиппъ.

— Послѣ пяти? потерять нѣсколько часовъ! да это нелѣпо!— сердито проговорилъ онъ.—Что вамъ мѣшаетъ отправиться теперь же?

— Я долженъ встрѣтить мою сестру, молодую дѣвушку, которая никогда здѣсь не бывала—въ половинѣ пятаго. Я бы и не упомянулъ объ этомъ,—прибавилъ Филиппъ, въ видѣ извиненія,— но не знаю какъ быть.

По правдѣ, мысль о поѣздкѣ ему нравилась; ему досадно было думать, что онъ можетъ упустить ее, и въ то же время его удивляло, какъ это онъ сообщаетъ такія подробности именитому главѣ управленія.

— Я готовъ все сдѣлать, чтобы услужить вамъ, но мать моя никогда бы мнѣ не простила, еслибъ я поставилъ Грэсъ въ такое затруднительное положеніе, да и въ субботу вечеромъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ мистеръ Старки, съ прежнимъ спокойнымъ видомъ.—Не заботитесь ни о чемъ, я самъ поѣду встрѣтить вашу сестру; а вы отправляйтесь какъ можно скорѣй.

— Вы, сэръ?—воскликнулъ удивленный Филиппъ.—Я и подумать не смѣю.

— Полноте, — былъ нетерпѣливый отвѣтъ. — Не теряйте больше времени. Я не могу отправиться самъ о немъ разузнавать, это возбудило бы подозрѣнія. Имѣй я возможность замѣнить Грея, я бы это сдѣлалъ; но леди Елизабетъ, вѣроятно, осталась бы недовольна замѣной. Какъ бы то ни было, такъ какъ надо встрѣтить вашу сестру, а не вашъ предметъ, то это устроить довольно легко. Съ какой станціи должна она пріѣхать и какой у нея видъ?

— Она пріѣзжаетъ на станцію въ Parry Street, съ поѣздомъ изъ Іорка; а видъ у нея—говорятъ, что она похожа на меня.

— Отлично! въ половинѣ пятаго, говорите вы? Будетъ исполнено. А теперь, поторопитесь. Прощайте.

— Прикажете дать вамъ знать?

— Ахъ, да! если вы возвратитесь сегодня вечеромъ, я попрошу васъ побывать у меня завтра и обо всемъ мнѣ сообщить. Временемъ не стѣсняйтесь.

— Очень хорошо, сэръ, всегда радъ вамъ служить,—сказалъ Филиппъ, наконецъ дѣйствительно удаляясь.

Пока онъ ѣхалъ на станцію, чтобы тамъ сѣсть на поѣздъ, отправляющійся въ Эджтонъ, находящійся миляхъ въ шести или въ восьми разстоянія отъ Иркфорда, онъ успѣлъ сообразить, что порученіе его дѣйствительно должно быть важное.

— Должно быть, что такъ,—размышлялъ онъ,—если самъ директоръ такъ усердно меня выпроваживаетъ, а самъ отправляется на встрѣчу Грэсъ, это серьезно.

Было почти одиннадцать часовъ вечера, когда кэбъ Филиппа остановился у калитки его дома. Грэсъ пріѣхала. Свѣча горѣла за зелеными шторами, и онъ взглянулъ налѣво—да, и за тѣми зелеными шторами также виднѣлся огонь.

Когда Филиппъ вошелъ въ узкій корридоръ, лицо съ довольно печальнымъ выраженіемъ и, какъ онъ и говорилъ мистеру Старки, поразительно схожее съ его собственнымъ, выставилось изъ двери его гостиной, съ неувѣренной, вопросительной миной, пока онъ окончательно не вошелъ; тогда дверь широко распахнулась и высокая дѣвушка выбѣжала—на сколько можно было бѣгать по такому маленькому корридорчику—изъ его пріемной и бросилась въ его объятія.

— Мой милый Филь! Наконецъ-то! Какъ это не хорошо съ твоей стороны! Да, какой ты сталъ красивый! Я думала, что ты никогда не вернешься!—Она втащила его въ гостиную. Но, что ты дѣлалъ все это время?

— Да вѣдь мистеръ Старки встрѣтилъ тебя во-время, глупенькая?—спросилъ Филиппъ, держа ее далеко отъ себя и любуясь ею.—Позволь мнѣ отвѣтить тѣмъ же. Ты также удивительно похорошѣла.

Смотря на нее, каждый бы сознался, что на Грэсъ Массей смотрѣть пріятно. Высокая, стройная брюнетка, она, можетъ быть, была слишкомъ развита физически для своихъ семнадцати лѣтъ, плеча ея были положительно широки и руки вовсе не малы, а между тѣмъ, цѣлое было такъ гармонично и такъ пропорціонально, что она вовсе не казалась неловкой или нестройной. Въ каждомъ движеніи сказывалась свободная, эластичная грація, скрывающая, или скорѣй обнаруживающая сильный организмъ и развитые мускулы, плоды здоровой жизни на открытомъ воздухѣ. Грэсъ Массей никогда не сдѣлаться Гебой, но изъ нея могла развиться Юнона—величавая, темно-глазая женщина,—такой ее легко было себѣ представить. Въ настоящую мунуту, она была только молоденькая дѣвушка, и любящая сестра.

— Что же старикъ Старки встрѣтилъ тебя?—повторилъ Филиппъ.

— Старикъ Старки встрѣтилъ меня, сэръ. Когда онъ подошелъ ко мнѣ, снялъ шляпу и сказалъ: «Миссъ Масссй, полагаю», я подумала, что ты сдѣлался несравненно вѣжливѣе прежняго, но сильно состарился и...

— Ахъ ты, шалунья! Надѣюсь, что ты не такъ привѣтствовала престарѣлаго представителя, какъ сейчасъ привѣтствовала настоящаго брата.

— О,—воскликнула Грэсъ, задыхаясь отъ смѣха,—что за страшная мысль! Я вела себя какъ—ну, конечно, какъ слѣдуетъ. Мистеръ Старки въ цѣлости доставилъ меня сюда, всю дорогу усердно извиняясь въ томъ, что лишилъ тебя «такого большого удовольствія» и прочее. Онъ оцѣнилъ мое общество.

— Старый шутъ!—весело замѣтилъ Филиппъ.—Ну, слава Богу, наконецъ-то ты здѣсь. Какъ понравилось тебѣ твое помѣщеніе? Ты можешь сейчасъ же начать хозяйничать, если хочешь, предложивъ мнѣ что-нибудь по части пищи и питья, такъ какъ я почти умираю съ голоду.

Грэсъ позвонила, замѣтивъ:

— Можетъ быть, я со временемъ и привыкну, но теперь мнѣ все кажется, что я въ картонкѣ, и должна ходить и двигаться осторожно, чтобы не продавить ногами полъ или кулакомъ стѣну.

— Онѣ-таки тонковаты послѣ Фаульговена, долженъ сознаться,—сказалъ онъ. Ахъ, прибавилъ онъ со вздохомъ удовольствія, садясь за трапезу, которую «его вдова» для него приготовила; еслибъ ты знала, дитя мое, что значитъ пропадать съ голоду среди изобилія.

— Когда же ты ѣлъ въ послѣдній разъ?

— Въ три четверти восьмого, сегодня утромъ.

— Но гдѣ ты былъ, и что ты дѣлалъ?—въ изумленіи спросила она.

— Рыскалъ, ища доказательствъ плутней, которыхъ не нашелъ.

— Доказательствъ плутней?

— Оставимъ это! Это все дѣла; изъ-за дѣлъ же я вынужденъ буду покинуть тебя завтра почти до четырехъ часовъ.

— О, Филиппъ!

— Но однѣ очень милыя молодыя дѣвушки, мои знакомыя, придутъ навѣстить тебя и пригласить къ себѣ.

— Неужели у тебя въ самомъ дѣлѣ завтра дѣло?

— Въ самомъ дѣлѣ. Я долженъ отправиться къ мистеру Старки.

— Должно быть, особенно важное дѣло, что имъ надо заняться въ воскресенье.

— Этихъ словъ я и ждалъ отъ тебя,—сказалъ Филиппъ.

Мало-по-малу ему удалось утѣшить ее, обѣщавъ вернуться во-время, чтобы отправиться съ нею къ Берггаузамъ, и онъ расписалъ Теклу и Эмилію Бергтаузъ самыми привлекательными красками, какими только могло снабдить его собственное воображеніе, пока Гресъ серьезно не замѣтила:

— Мнѣ кажется, что эта миссъ Текла Бергтаузъ должна быть твоей большой пріятельницей, Филь.

— Пустяки,—сказалъ онъ, кусая губы, но не улыбаясь, и съ удовольствіемъ замѣчая, что Гресъ начала зѣвать. Несмотря на ея дремоту, они просидѣли поздно, вспоминая прошлую жизнь дома, въ Фаульгавенѣ, гдѣ Филиппъ не былъ уже три года.

— Мнѣ было двадцать-три года, когда я оттуда уѣхалъ,—сказалъ онъ,—я былъ юноша. Когда-то снова придется тамъ побывать! Славное у насъ имѣніе, Греси, и я часто жалѣю, что ни одинъ изъ насъ не пошелъ по стопамъ отца.

— Земледѣліе! воскликнула Гресъ.—О, Филиппъ, городская жизнь представляетъ гораздо болѣе обширное поприще!

— Много ты смыслишь въ городской жизни. Ступай, ложись, и пусть приснится тебѣ, что ты получила аттестатъ

Она засмѣялась, взяла свѣчку и оставила его.

Глава IV.—Мабель на дождѣ.

Въ понедѣльникъ утромъ Филиппъ и сестра его сидѣли за завтракомъ. Гресъ была въ отличномъ расположеніи духа, въ восторгѣ отъ Теклы и Эмиліи Бергтаузъ, да и отъ всего ихъ семейства, и въ полномъ убѣжденіи, что она будетъ очень счастлива въ Ирвфордѣ.

— Надѣюсь, что оно такъ и будетъ,—разсѣянно замѣтилъ Филиппъ, занятый другими мыслями, вспоминая свое свиданіе съ мистеромъ Старки наканунѣ, какъ онъ докладывалъ ему о своихъ стараніяхъ получить какія-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія о Байвелѣ, которыя однако ничего не дали кромѣ голословныхъ заявленій, что Байвель очень умный малый, но однимъ—«кутила», по другимъ—«сорви-голова», по отзывамъ третьихъ—отличнѣйшій малый, хотя и самъ-себѣ врагъ; какъ принципалъ его поблагодарилъ его за хлопоты, и сказалъ, что вполнѣ удовлетворенъ, но

въ то же время имѣлъ такой видъ, будто этотъ вопросъ еще продолжалъ его тревожить.

Филиппъ завтракалъ съ мистеромъ Старки и его семействомъ,— въ первый разъ удостоился онъ этой чести—и, вернувшись домой, засталъ Грэсъ разодѣтой, натягивающей лайковыя перчатки лимоннаго цвѣта и умирающей отъ нетерпѣнія поскорѣй отправиться въ Carlton Grove, какъ назывался домъ мистера Бергтауза. Текла, Эмилія и Германъ посѣтили ее въ это утро на возвратномъ пути изъ церкви, и она была въ восхищеніи отъ нихъ.

— Ты вѣроятно сейчасъ же отправишься,—проговорила она въ утро описываемаго понедѣльника, вставая изъ-за стола и подходя къ окну.

— Неужели ты ѣздишь въ городъ на крышѣ одного изъ этихъ омнибусовъ? Какъ смѣшно!

— Да, мнѣ пора,—отвѣчалъ онъ, также вставая.

— О,—продолжала Грэсъ, не отрываясь отъ окна,—вотъ эта хорошенькая дѣвушка, которую я замѣтила вчера утромъ, когда сидѣла здѣсь у окошка и собиралась идти въ церковь. Она вышла изъ сосѣдняго дома, вѣроятно съ сестрой. Сестра совершенная красавица, хотя лицо ея мнѣ не нравится, но маленькая смотритъ и хорошенькой и доброй. Взгляни на нее, Филь, не знаешь ли, кто онѣ такія?

Филиппъ заглянулъ черезъ ея плечо и увидѣлъ дѣвушку, о которой сказалъ Герману: «эта еще ходитъ въ школу», младшую изъ двухъ, пріѣхавшихъ на извощикѣ въ пятницу вечеромъ. Это была высокая, худенькая, стройная дѣвушка, на видъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати.

Филиппъ разсматривалъ ее съ участіемъ, въ которомъ самъ не умѣлъ дать себѣ отчета, думая о ней все время не столько, какъ о личности, чѣмъ какъ о сестрѣ той другой дѣвушки. Она была блондинка, съ веселымъ, красивымъ, открытымъ лицомъ, блестящими волосами, блестящими глазами; все въ ней блестѣло, а между тѣмъ и глаза и губы отличались невыразимо кроткимъ и добрымъ выраженіемъ. На ней было платье изъ мягкой, сѣрой ткани, черная косыночка на плечахъ, небольшая шляпа изъ плотной черной соломы покрывала ея свѣтлыя кудри. Она несла нѣсколько книгъ, связанныхъ ремнемъ; туалетъ ея былъ вполнѣ законченъ, перчатки застегнуты на всѣ пуговицы, когда она вышла изъ дому и пошла своей дорогой. Было что-то аристократическое и изящное во всей ея внѣшности, — никакой небрежности. Все на ней было на мѣстѣ, опрятно, въ порядкѣ.

— Куда можетъ она идти такъ рано?—спросила Грэсъ, провожая глазами гибкую, граціозную фигуру дѣвушки.

— Вѣроятно въ школу,—сказалъ Филиппъ, равнодушнымъ тономъ.

— Въ школу—очень можетъ быть. Вѣдь не далеко отсюда есть большая школа для дѣвушекъ, не такъ-ли?

— Да, на Карльтонской дорогѣ, близехонько. Толпы дѣвушекъ туда ходятъ—сотни. Ихъ вѣчно встрѣчаешь на улицахъ.

— Но кто *эта* дѣвушка? Ты знаешь?

— Нѣтъ. Я видѣлъ, какъ онѣ недавно пріѣхали на извощикѣ. Вотъ все, что я о нихъ знаю. Онѣ вѣроятно живутъ рядомъ.

— Должно быть. Ну,—вотъ и твой омнибусъ. Прощай.

Минуту спустя омнибусъ вмѣстѣ съ Филиппомъ исчезъ изъ виду, а Грэсъ пришлось пробираться въ женской коллегіи, курсы которой она упросила любящаго отца и нѣжную мать позволить ей слушать.

Филиппъ съ крыши омнибуса вскорѣ снова увидалъ фигуру своей знакомой незнакомки. Да, она поворачивала въ переулокъ, къ высшей женской школѣ; предположеніе его было вѣрно.

— Желалъ бы я знать, кто онѣ такія?—размышлялъ онъ. Но тутъ знакомый, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, заговорилъ о другомъ, и размышленія Филиппа прекратились.

Прошло нѣсколько дней. Май былъ въ половинѣ, всѣ уже позабыли о Троицыномъ днѣ, среди шума и суетни, сопряженныхъ съ возобновленіемъ занятій, частныхъ, и служебныхъ.

Грэсъ продолжала увѣрять брата, что она совершенно счастлива, а Филиппъ нашелъ въ ней пріятнаго товарища. Дѣвушка изъ Іоркшира была полна жизни и энергіи, и представляла прекрасный примѣръ хваленой смышлености обитателей ея родного графства, обладая умной головой на своихъ юныхъ плечахъ и, вдобавокъ, любящимъ, великодушнымъ сердцемъ. Основной чертой ея характера была честность — честность въ собственныхъ словахъ, дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, поклоненіе чужой честности, способность, такъ-сказать, чутьемъ угадывать нечестность во всѣхъ ея видахъ и горячая, неподдающаяся ни на какіе компромиссы ненависть къ ней, которая, какъ увѣрялъ ее Филиппъ, въ сущности составляла довольно непріятное свойство. Но онъ улыбался, говоря это, и Грэсъ съ радостнымъ замираніемъ сердца сознавала, что онъ любитъ ее за эту честность и что это же качество составляетъ выдающуюся черту его собственнаго характера; что бы онъ ни говорилъ въ шутку или въ насмѣшку, онъ весь проникнутъ искренностью, что разъ, серьёзно давъ слово,

хотя-бы въ незамысловатой формулѣ: «да», «нѣтъ», «сдѣлаю» или «не сдѣлаю», онъ сдержитъ, его чего бы то ни стоило, и сдержитъ не только по буквѣ, но и по духу своего обѣщанія.

Нѣсколькихъ дней было достаточно, чтобъ заставить Грэсъ убѣдиться, что Текла и Эмилія Берггаузъ, въ глубинѣ души, также искренни, какъ она сама и ея братъ, и дружба развивалась съ быстротой, свойственной вообще дружбѣ честной молодежи. Дѣвицы Берггаузъ были неиспорчены сердцемъ, хотя ихъ воспитаніе, постоянные выѣзды, жизнь въ домѣ, двери котораго были всегда открыты и въ которомъ не переводились гости, придали ихъ манерамъ самоувѣренность, а ихъ обращенію нѣкоторую искусственность, которыя сначала озадачили и почти оттолкнули воспитанную въ деревнѣ дѣвушку. Но искренность, которую она вскорѣ открыла подъ этой поверхностью, быстро плѣнила ее сердце, тѣмъ болѣе, что даже студенткѣ, посѣщающей такую серьёзную школу, какъ женская коллегія, было очень пріятно по временамъ давать себѣ отдыхъ отъ занятій и принимать участіе въ общественныхъ развлеченіяхъ, какія каждый могъ найти въ Carlton Grove. Комплиментами не пренебрегала даже особа, по словамъ ея сильно увлекавшаяся «Системой Логики» Милля, и вниманіе, которое пріятели Филиппа оказывали его умной и красивой сестрѣ, отнюдь не было ей непріятно.

Однажды утромъ, черезъ недѣлю съ небольшимъ послѣ пріѣзда Грэсъ, шелъ проливной дождь; Филиппъ поднялся изъ-за чайнаго стола нѣсколько позже обыкновеннаго, и собирался въ городъ. Грэсъ снова говорила объ ихъ сосѣдкахъ, и Филиппъ былъ сильнѣе заинтересованъ разговоромъ, чѣмъ согласился бы въ томъ признаться. По этой ли причинѣ или нѣтъ, онъ опоздалъ на три минуты и, когда онъ отворилъ дверь и выглянулъ, омнибусъ уже заворачивалъ за уголъ улицы. Застегнувъ свой плащъ и раскрывъ зонтикъ, онъ рѣшилъ дойти пѣшкомъ до Карльтонской дороги и тамъ сѣсть въ другой омнибусъ, а, за неимѣніемъ его, доѣхать до конторы въ кэбѣ.

Онъ шелъ по улицѣ съ этой мыслью въ головѣ и нагналъ знакомую фигуру—фигуру одной изъ дѣвушекъ, о которыхъ толковала Грэсъ—ихъ молоденькой сосѣдки, посѣщавшей высшую школу. Сегодня, она была закутана въ длинный, сѣрый непромокаемый плащъ. Филиппъ замедлилъ шаги. Онъ съ необъяснимымъ удовольствіемъ шелъ за нею, тогда какъ она быстро подвигалась впередъ, тщательно приподнявъ платье и обнаруживъ ботинки, показавшіяся Филиппу самой изящной и прочной обувью для дурной погоды, а также часть стройной ноги, соотвѣтство-

вавшей всей ея красивой фигурѣ. Она шла быстро, вдругъ изъ-подъ руки ея выскользнула книга и упала, а она продолжала свой путь, ничего не подозрѣвая, такъ-какъ звукъ паденія былъ заглушенъ стукомъ проѣзжавшей телѣги.

Филиппъ наклонился, поднялъ книгу, и смотрѣлъ на нее съ страннымъ ощущеніемъ удовольствія. Это была дѣйствительно болѣе драгоцѣнная находка, чѣмъ можно было ожидать, такъ-какъ это былъ одинъ изъ ея учебниковъ, а въ школѣ, куда ежедневно собирается болѣе трехсотъ дѣвицъ, необходимо, чтобы каждая изъ нихъ четко надписывала свое имя на своихъ книгахъ. Филиппъ, поднявъ книгу, увидалъ небольшой томикъ, переплетенный въ черный коленкоръ, съ наклееннымъ на немъ бѣлымъ ярлыкомъ, на которомъ было отпечатано: *Иркфорденая высшая школа для дѣвицъ*, съ надписью внизу: Мабель Ферфексъ, V-го класса. Этого мало. Надъ бѣлымъ ярлыкомъ красовался ярко-желтый, на которомъ красными буквами было надписано: «ядъ». Это былъ ярлыкъ, какіе въ аптекахъ наклеиваютъ на стклянки, содержащія опасныя снадобья.

Филиппъ Массей вскорѣ овладѣлъ всѣми этими подробностями и твердо запечатлѣлъ въ умѣ своемъ имя Мабель Ферфексъ, запомнить которое впрочемъ было не трудно. Затѣмъ онъ, въ нѣсколько шаговъ, нагналъ дѣвушку и, приподнявъ шляпу, сказалъ:

— Извините, но вы сейчасъ уронили эту книгу.

— О,—проговорила она останавливаясь и, чисто по-женски, перебирая книги, которыя держала въ рукахъ, съ цѣлью убѣдиться, что въ числѣ ихъ нѣтъ той, которую онъ ей протягивалъ:—дѣйствительно уронила! Очень вамъ благодарна. Я сегодня утромъ такъ торопилась, что не успѣла хорошенько затянуть ихъ.

Она протянула за ней руку, но Филиппъ замѣтилъ:

— Она совсѣмъ мокрая и грязная, такъ-какъ упала на мостовую,—онъ вынулъ платокъ и обтеръ книгу.

— О, — воскликнула Мабель Ферфексъ, улыбаясь: — какъ вамъ не жаль пачкать платокъ!

— Пустое. Если вы идете въ школу...

— Да, иду.

— Быть можетъ, вы позволите мнѣ нести ваши книги; путь мой лежитъ до Карльтонской дороги.

— Вы очень добры. Мнѣ бы не хотѣлось васъ безпокоить, —сказала она; но Филиппъ съ улыбкой взялъ отъ нея связку книгъ, и они пошли рядомъ, направляясь къ Карльтонской дорогѣ.

— Можно узнать, почему вы наклеили на свою французскую грамматику ярлыкъ съ надписью: *Ядъ?*—спросилъ онъ.

Дѣвушка засмѣялась.

— Не я это сдѣлала,—сказала она,—а другая ученица. Ея французскіе глаголы, кажется, причиняли ей большія огорченія, и она говорила, что они для нея хуже яда. Не знаю, откуда она достала эти ярлыки, но они, кажется, очень ее радуютъ, больше тѣмъ радовало бы, еслибъ она справилась съ глаголами, не называя ихъ ядомъ.

Она снова засмѣялась, и Филиппъ замѣтилъ въ ея голосѣ и рѣчи то же изящество, которое поразило его въ рѣчахъ ея сестры; во всей ея манерѣ было нѣчто аристократическое, утонченное, полное отсутствіе аффектаціи, какая-то дѣвственная свѣжесть, вполнѣ очаровательная.

— Такъ вы сами не такого дурного мнѣнія о французскихъ глаголахъ?—спросилъ онъ.

— Я—нѣтъ. Мнѣ кажется, что французскій языкъ, которому насъ здѣсь учатъ, подъ силу и маленькимъ дѣтямъ. Я могу справиться со всѣми нашими уроками, кромѣ ариѳметики.

— Вы находите ариѳметику трудноватой?

— Я нахожу невозможнымъ овладѣть ею съ помощью моего слабаго ума. Эти ужасныя задачи объ экстренныхъ поѣздахъ, проходящихъ столько-то миль въ часъ, и другихъ, которые отправляются вслѣдъ за ними и должны настигнуть ихъ въ опредѣленный срокъ: это ужасно!

Филиппъ засмѣялся.

— Эти не изъ сложныхъ. Быть можетъ, вы не любите ариѳметики?

— Я совершенно лишена математическихъ способностей,—съ покорностью проговорила Мабель. — Но Анджела говоритъ, что я должна заниматься ариѳметикой усерднѣе всего, если хочу получить аттестатъ, а этого ужъ непремѣнно надо добиться.

— Анджела,—повторилъ Филиппъ, медленно произнося это имя, ради удовольствія произнести его. Анджела и Мабель Ферфексъ это не иркфордскія имена, какъ онѣ сами—онъ былъ въ этомъ совершенно увѣренъ—не иркфордскія жительницы.

— Сестра моя, хочу я сказать. Вы—джентльменъ, живущій рядомъ съ нами. А эта дама съ темными глазами, такая красивая, ваша сестра?

— Да, это моя сестра Грэсъ,—сказалъ Филиппъ, втайнѣ сильно польщенный тѣмъ, что они съ Грэсъ обратили на себя

вниманіе и послужили предметомъ размышленій, по крайней мѣрѣ одной изъ миссъ Ферфексъ—быть можетъ, также и другой.

— Я такъ и думала. Иногда она ходитъ въ коллегію въ тѣ же часы, какъ я въ школу. О,—продолжала Мабель, завидѣвъ омнибусъ, въ который Филиппъ и не пытался сѣсть, — какъ бы я желала проѣхаться на крышѣ омнибуса!

— Право? Неужели вы считаете этотъ способъ передвиженія пріятнымъ?

— Нѣтъ, не то. Но я никогда не ѣздила въ омнибусѣ.—Слова эти многое сказали Филиппу.

— Анджела находитъ ихъ ужасными, но она принуждена иногда ѣздить въ нихъ къ ученицамъ, которыя живутъ совсѣмъ за городомъ.

— Ученицы!—повторилъ Филиппъ.

— Да. Она даетъ уроки музыки очень многимъ дѣвушкамъ въ высшей школѣ, у нея есть и другія ученицы за городомъ. Къ нимъ ей приходится ѣздить въ омнибусахъ.

— Понимаю,—сказалъ Филиппъ, сильно желавшій предложить нѣсколько вопросовъ, но инстинктивно чувствовавшій, что сдѣлать это значило-бы злоупотребить ея довѣрчивостью. Она невольно высказала, что онѣ бѣдны. Дорого-бы онъ далъ, чтобы знать, всегда онѣ жили въ бѣдности.

— Такъ это игру и пѣніе вашей сестры я часто слышу? спросилъ онъ, рѣшаясь предложить этотъ вопросъ, какъ вполнѣ безопасный.

— Да. Неправда ли, что она хорошо играетъ и поетъ? Только она говоритъ, что стóитъ давать уроки, чтобы совсѣмъ разлюбить музыку. Не знаю, мнѣ кажется, что если любишь музыку, ни за что отъ нея не отстанешь.

Тѣмъ временемъ они дошли до Карльтонской дороги, и въ ту самую минуту, какъ Филиппъ задавался вопросомъ, многія ли учащіяся дѣвушки такъ думаютъ и такъ выражаютъ свои мысли, она обратилась къ нему, проговоривъ:

— Благодарю васъ, что вы несли мои книги, но больше я васъ безпокоить не буду.

Онъ передалъ ихъ ей, чувствуя, что хотя онъ и высокій молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ, а она пятнадцати или шестнадцати-лѣтняя дѣвочка,—его самымъ рѣшительнымъ образомъ «*отпустили*». Мабель съ привѣтливой улыбкой и исполненнымъ достоинства, хотя и ласковымъ поклономъ, пожелала ему добраго утра и продолжала свой путь.

Онъ слѣдилъ за нею, пока она не исчезла за воротами шко-

ли, кликнулъ извозщика, и въ теченіи всей дороги сидѣлъ, уставившись на свой мокрый зонтикъ, погруженный въ соображенія и предположенія касательно прошлаго, настоящаго и будущаго своихъ сосѣдокъ.

— Анджела Ферфексъ!—повторялъ онъ про себя.—И она даетъ уроки музыки, и у нея такая чудесная сестренка. Что она за славная, блестящая, благовоспитанная маленькая леди! Такая истая леди! думалъ Филиппъ, приподнявъ брови.—Клянусь, она должна представлять рѣзкій контрастъ съ нѣкоторыми изъ своихъ подругъ.

Погруженный въ размышленія объ этомъ, онъ доѣхалъ до конторы.

Глава V.—Анджела.

— Чтожъ, Филиппъ, неужели ты не готовъ?

Голосъ Грэсъ такъ прервалъ его мечты однажды вечеромъ въ началѣ іюня. Очнувшись и поднявъ голову, онъ увидалъ сестру въ красивомъ сѣромъ платьѣ, съ разбросанными по немъ пунцовыми бантами; она надѣвала перчатки и, очевидно, была во всеоружіи.

— Готовъ? Что такое случилось? Куда ты ѣдешь?—спросилъ онъ, встрепенувшись и закрывая книгу, надъ которой, повидимому, мечталъ.

— Что у тебя за память! или вѣрнѣе, какъ она у тебя коротка! Неужели ты забылъ, что сегодня у Берггаузовъ нѣчто въ родѣ вечера, и мы недѣлю тому назадъ обѣщали быть? Будутъ танцы, и я такъ люблю танцовать. Такъ собирайтесь, сэръ!

Филиппъ встряхнулся и одѣлся съ возможной быстротой, не столько потому, что желалъ ѣхать, сколько потому, что не хотѣлъ лишить удовольствія неутомимую и оживленную Грэсъ, любовь которой къ танцамъ и всякаго рода празднествамъ все возростала, и которая, насколько могъ замѣтить Филиппъ, была еще очень далека отъ пресыщенія.

Когда онъ собрался, они вышли, нашли кэбъ на углу и покатили въ Carlton Grove.

Такъ называемые «субботніе вечера» въ этомъ домѣ были очень веселые и пользовались заслуженной извѣстностью въ обширномъ кругѣ друзей и знакомыхъ семьи Берггаузовъ. Приглашеній не разсылалось, но всѣмъ было извѣстно, что въ субботу вечеромъ, круглый годъ, домъ открытъ для всѣхъ друзей, желающихъ посѣтить его; если гостей собиралось достаточно, устраи-

вались танцы въ большой комнатѣ, отдѣланной подъ бильярдную, но которую семейство Берггаузовъ издавна посвятило болѣе общему развлеченію. Текла держалась своеобразныхъ взглядовъ на бильярдную игру, которую находила приличной въ домѣ человѣка неженатаго, или гдѣ было много мужчинъ, но которую считала необходимымъ искоренять тамъ, гдѣ преобладали женщины, какъ враждебную ихъ интересамъ.

— Это развиваетъ въ братьяхъ ужасный эгоизмъ,—говаривала она.—Они запираются съ своимъ бордо и сигарами и постоянно приглашаютъ *«человѣкъ двухъ»* провести вечеръ; но проводится онъ съ ними въ бильярдной, въ то время, какъ мы изнываемъ въ гостиной за романами и изящнымъ рукодѣльемъ.

Германъ, будучи характера мирнаго, никогда не противился этимъ порядкамъ, и, конечно, друзья, посѣщавшіе эти суботніе вечера, ничего не имѣли сказать противъ нихъ.

Человѣкъ двѣнадцать или четырнадцать гостей уже собралось, когда Филиппъ съ сестрою пріѣхали, танцы уже начались. Грэсъ немедленно получила приглашеніе и вскорѣ весело закружилась въ вихрѣ вальса; Филиппъ стоялъ у дверей, не видя свободной дамы и не чувствуя почему-то желанія танцовать.

Текла Берггаузъ подошла къ нему. Она была «свѣжа какъ утро, прекрасна какъ май» въ своемъ бѣломъ платьѣ съ голубыми лентами, съ своими блестящими волосами.

— Миссъ Берггаузъ! я воображалъ, что вы танцуете.

— Нѣтъ, я усаживала родителей и ихъ друзей за карты. Кромѣ того,—великодушно прибавила Текла,—я поставила себѣ за правило, какъ старшая, никогда сейчасъ же не начинать танцовать. Я считаю своей обязанностью къ моимъ гостямъ—пристроить ихъ всѣхъ.

— Весьма похвально! Но такъ какъ всѣ, кромѣ васъ, уже танцуютъ, не сочтете ли вы возможнымъ пожертвовать мнѣ концомъ этого вальса?

— Нѣтъ, мистеръ Массей, не сочту,—спокойно замѣтила Текла, садясь и указывая на стулъ рядомъ съ нею.—Вы обыкновенно не удостоиваете играть роль, но вы впадаете въ этотъ грѣхъ, приглашая меня танцовать съ вами теперь. Вы вовсе не желаете танцовать.

— Ахъ, дорогая миссъ Берггаузъ, неужели вы не думаете, что было бы ужасно, еслибъ всѣ на вечерѣ...

— Представляли такія пустыя возраженія, какъ тѣ, которыя я представила? Конечно, это было бы ужасно! Но мнѣ всегда

казалось, что съ вами я могу говорить откровеннѣе, чѣмъ съ другими. Я думала, что вы не любите притворства.

— Я дѣйствительно не люблю его,—серьёзно сказалъ Филиппъ,—я только шутилъ, говоря это. Вы были мнѣ такимъ добрымъ другомъ, миссъ Берггаузъ; вы такъ добры къ Грэсъ...

— Полноте, я такъ люблю Грэсъ; а что до моей доброты къ ней, это выраженіе неподходящее; едва ли она нуждается въ людской добротѣ. Какъ хороша она сегодня!

Вальсъ кончился. Филиппъ подалъ Теклѣ руку и предложилъ пройтись по саду.

— Съ удовольствіемъ, — сказала она, выходя съ нимъ въ залу.—Кстати, мистеръ Массей, сегодня здѣсь будутъ двѣ мои пріятельницы, съ которыми я желала бы познакомить Грэсъ, такъ какъ онѣ живутъ рядомъ съ вами, и... а, да вотъ и онѣ!

Она высвободила свою руку изъ-подъ его руки и пошла на встрѣчу двумъ особамъ, поднимавшимся по лѣстницѣ. Филиппъ стоялъ въ залѣ и наблюдалъ. Особы были высокія и стройныя, одна брюнетка, другая блондинка. Когда онѣ вошли и стали разговаривать съ Теклой, молодой человѣкъ чуть не протеръ себѣ глазъ, такъ велики были его удивленіе и сомнѣніе. Неужели это—да, это несомнѣнно свѣтлые волосы и милое личико Мабель Ферфексъ, а та другая—глаза его мгновенно обратились на нее—да, онъ тотчасъ же узналъ это прекрасное лицо, блѣдное, съ какой-то молочной бѣлизной, бархатными глазами, съ изогнутыми рѣсницами, низкимъ, бѣлымъ лбомъ, и спускавшимися на него волнами темныхъ, отъ природы вьющихся волосъ. Какъ она была прекрасна! Вмѣсто того, чтобъ уйти, онъ стоялъ точно пригвожденный къ мѣсту, наблюдая за ними съ серьёзнымъ, горячимъ участіемъ. Онѣ, казалось, не видали его. Текла говорила очень быстро.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали! Я ужъ начинала думать, что вы намъ измѣните, и мнѣ это было бы такъ досадно, потому что миссъ Массей здѣсь, и...

Филиппъ, продолжавшій смотрѣть на группу дѣвушекъ, положительно встрѣтилъ въ эту минуту долгій, повидимому, случайный взглядъ прекрасныхъ глазъ.—Боже, подумалъ онъ, что за глаза! Взглядъ этотъ заставилъ сердце его биться; онъ ничего не сознавалъ, кромѣ надежды, что Текла вспомнитъ, что у Грэсъ есть братъ, и представитъ его. Текла такъ и сдѣлала.

— Миссъ Массей, о которой я говорила вамъ; она живетъ рядомъ съ вами, съ братомъ, *и большая моя пріятельница.*— Трехдневнаго знакомства съ симпатичной ей особой было для

Теклы вполнѣ достаточно, чтобъ превратить эту особу въ «большую пріятельницу».—Мнѣ хочется познакомить васъ съ нею; а пока позвольте представить вамъ ея брата.

Все тріо обернулось, и Филиппъ снова удостоился продолжительнаго, чарующаго взгляда.

— Мистеръ Массей, миссъ Ферфексъ, миссъ Мабель Ферфексъ—наши старые друзья, только-что поселившіеся въ Иркфордѣ.

Филиппъ поклонился глубокимъ, продолжительнымъ поклономъ, стараясь продлить его частью и потому, что вдругъ почувствовалъ, что лишился употребленія языка.

Мабель молчала, но на щекахъ ея обозначились ямочки, а глаза смѣялись. Миссъ Ферфексъ заговорила, сказавъ:

— Я нѣсколько разъ видѣла и мистера Массей и сестру его проходящими мимо нашей квартиры.

— Пойдемте же отыскивать сестру его,—сказала Текла.—Пройдемъ ли мы въ гостиную, или... о, мистриссъ Ли!

Она пошла на встрѣчу цѣлой группѣ вновь прибывшихъ гостей, а Филиппъ остался одинъ при обѣихъ миссъ Ферфексъ.

— Не теряли ли вы еще книгъ со времени нашего послѣдняго свиданія?—ничего другого Филиппъ придумать не могъ, въ видѣ вступительнаго замѣчанія.

— О, нѣтъ!—сказала Мабель, засмѣявшись.—Это мистеръ Массей несъ мои книги тогда—помнишь, Анджела?

— Мнѣ кажется,—начала Анджела, но тутъ Луиза, младшая дочь мистриссъ Берггаузъ, прибѣжала, и съ радостными восклицаніями объявила, что Мабель ея собственность. Онѣ исчезли, а Текла продолжала принимать вновь прибывавшихъ.

— Не прикажете ли провести васъ въ гостиную?—спросилъ Филиппъ, предлагая миссъ Ферфексъ руку.

По лицу ея промелькнула печальная, но прелестная улыбка, и она проговорила, поднявъ на него глаза съ молящимъ видомъ, заставлявшимъ невольно подумать: «Какъ прекрасна и какъ безпомощна».

— Благодарю, если васъ это не затруднитъ.

Отвѣтъ, послѣ того молящаго взгляда, могъ показаться нѣсколько банальнымъ, но Филиппъ ничего не видалъ, кромѣ ея магическихъ глазъ, ничего не слыхалъ кромѣ ея патетически мягкаго голоса.

Они прошли въ гостиную, до половины наполненную гостями.

— Знаете вы кого-нибудь здѣсь?—спросилъ Филиппъ.

— Ни единой души, кромѣ хозяевъ. Я въ Иркфордѣ никого не знаю.

— А какъ вамъ нравится нашъ городъ?—снова спросилъ онъ.

Они теперь сидѣли въ уголкѣ на диванѣ. Миссъ Ферфексъ покачала головой съ тою же грустной, плѣнительной улыбкой и, медленно поднявъ глаза, проговорила со вздохомъ:

— Мнѣ онъ не нравится. Я должна стараться привыкнуть къ нему, такъ какъ мнѣ, вѣроятно, придется провести здѣсь остатокъ моей жизни, а я слыхала, что неблагоразумно не дорожить кускомъ хлѣба, хотя бы то была сухая корка,—прибавила она въ полголоса.

— Остатокъ вашей жизни?—повторилъ Филиппъ, тотчасъ же рѣшивъ, что она невѣста человѣка, у котораго въ Иркфордѣ дѣла. Почему онъ раньше не подумалъ о такой очевидной возможности?

— Да, остатокъ моей жизни. Послѣ такихъ несчастій, какія я перенесла, всякій пріютъ покажется дворцомъ, за него держишься, его боишься потерять.

Филиппъ взглянулъ на нее съ почтительнымъ сочувствіемъ; при этихъ таинственныхъ словахъ въ немъ загорѣлось любопытство, поклоненіе и состраданіе. Онъ совершенно не сознавалъ, что смотритъ на миссъ Ферфексъ гораздо пристальнѣе и долѣе, чѣмъ это вообще считается приличнымъ послѣ десятиминутнаго знакомства. Но какъ было воздержаться, когда этотъ милый и грустный голосъ звучалъ въ его ушахъ, когда это прекрасное, блѣдное лицо, эти таинственные, глубокіе глаза, этотъ задумчивый, низкій, бѣлый лобъ, постепенно были обращены къ нему? Ея голосъ, ея взгляды, самая ея близость, какъ-то странно, внезапно, безотчетно очаровывали его; очарованіе это скорѣй напоминало опьянѣніе, дѣйствіе какого-нибудь всесильнаго элексира, чѣмъ сближеніе съ обыкновенной смертной женщиной.

— Что бы ни случилось въ прошломъ, я увѣренъ, что вы не обречены прожить въ Иркфордѣ всю жизнь,—сказалъ онъ, хотя полъ-часа тому назадъ *обречены* не показалось бы ему подходящимъ выраженіемъ для характеристики жизни въ Иркфордѣ.

Снова улыбнулась она странной, печальной улыбкой, медленно покачала головой и подняла глаза.

— Объ этомъ не слѣдуетъ говорить,—сказала она.—Давно они танцуютъ?

— Кажется, только начинаютъ. Могу я надѣяться имѣть удовольствіе танцовать съ вами, миссъ Ферфексъ, если вы не ангажированы?

— Я ангажирована! Кто же бы сталъ ангажировать меня?

— Всякій, кто имѣлъ бы на то возможность, я полагаю,—

твердо сказалъ Филиппъ.—Но со мной-то можно? Надѣюсь, что вы любите танцы?

— Съ удовольствіемъ. Я страстно любила вальсъ въ былые дни,—сказала Анджела.

— Такъ можно просить васъ на слѣдующій вальсъ?

— Съ удовольствіемъ, — повторила миссъ Ферфексъ съ печальной кротостью, окидывая глазами комнату.—А вы кого-нибудь здѣсь знаете?—прибавила она.

— Да, большинство, иныхъ лично, а другихъ по имени.

— Такъ скажите мнѣ, кто этотъ господинъ съ круглымъ лицомъ и начинающими сѣдѣть волосами, который стоитъ на той сторонѣ комнаты и смотритъ на насъ?

Филиппъ взглянулъ, не особенно стремясь наблюдать за кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, кромѣ ея самой.

Человѣкъ, соотвѣтствовавшій ея описанію, дѣйствительно смотрѣлъ на нихъ. Наружность его была самая обыкновенная, лицо его имѣло слишкомъ добродушное выраженіе, чтобы быть совершенно вульгарнымъ, но онъ несомнѣнно не отличался ни изящной внѣшностью, ни изящными манерами. Лицо его было круглое, въ глазахъ замѣчалась проницательность, выдающаяся нижняя губа намекала на рѣшительный характеръ. Онъ серьёзно и съ участіемъ наблюдалъ за Анджелой и Филиппомъ, онъ долженъ былъ видѣть продолжительный, преданный взглядъ послѣдняго и страшныя oeillades первой; не находясь въ душевномъ состояніи Филиппа по отношенію къ миссъ Ферфексъ, автору болѣе ничего не остается, какъ описывать взгляды и движенія этой молодой особы языкомъ внѣшняго міра,—но зрѣлище это не вызывало на его лицѣ насмѣшливаго, презрительнаго или проницательнаго выраженія, а только выраженіе спокойнаго, но положительнаго участія.

— Этотъ,—проговорилъ Филиппъ слегка улыбаясь.—О, это старый чудакъ, который, получивъ приглашеніе на одинъ изъ этихъ субботнихъ вечеровъ, съ тѣхъ поръ аккуратно посѣщаетъ ихъ. Никто не понимаетъ, зачѣмъ онъ ѣздитъ, развѣ, какъ увѣряетъ миссъ Берггаузъ, высматриваетъ себѣ жену въ числѣ ея пріятельницъ.

— Жену! Развѣ онъ не женатъ?

— Нѣтъ, онъ богатый старый холостякъ, кажется торгующій хлопчатой бумагой.

— Забавно, какъ же его зовутъ?

— Джорджъ Фордисъ. Бѣдный старикашка! Мнѣ часто бываетъ жалко его, но я думаю, что онъ страшно скученъ.

— А,—съ улыбочкой промолвила Анджела, такимъ тономъ будто узнала все, что ей требовалось, о мистерѣ Фордисѣ.

Въ эту минуту таперъ заигралъ кадриль. Филиппъ, наскоро извинившись передъ миссъ Ферфексъ, бросился розыскивать Теклу Бергтаузъ. Наконецъ онъ нашелъ ее и, благодаря не вполнѣ приличной торопливости, успѣлъ предупредить другого молодого человѣка, который также было направлялся къ ней.

— Миссъ Бергтаузъ, — сказалъ Филиппъ, наклоняясь къ ней,—могу ли я просить васъ? Лицо его горѣло, глаза блестѣли, онъ былъ очень красивъ и, казалось, жаждалъ милости, о которой просилъ. Текла взглянула на него, разъ, другой и проговорила самымъ обыкновеннымъ тономъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ, это кадриль, кажется?

Она встала, взяла предлагаемую ей руку, и они направились къ бывшей бильярдной, но остановились въ залѣ.

— Миссъ Бергтаузъ, не сочтите меня *слишкомъ* любопытнымъ или дерзкимъ, но скажите, кто такая миссъ Ферфексъ? Что онѣ съ сестрой, испытали большія несчастія?

Текла снова взглянула на него и увидала оживленный взглядъ, раскраснѣвшееся, возбужденное лицо. Сумерки ли были причиной перемѣны, происшедшей въ ней, или ея свѣжія щечки слегка поблѣднѣли?

Она прислонилась къ столу, стоявшему посреди комнаты, и играла лежавшимъ на немъ костянымъ ножемъ, отвѣчая:

— Я легко могу сообщить вамъ всю ихъ біографію. Отецъ ихъ былъ священникъ, достопочтенный Джонъ-Феликсъ Ферфексъ, викарій въ Ненсайдѣ, гдѣ еще такое прекрасное, старое аббатство. Мать ихъ была аристократка и умерла много лѣтъ тому назадъ. Воспитывались онѣ въ тиши, но, какъ вы сами могли убѣдиться, воспитаніе получили самое изысканное. Отецъ ихъ былъ очень ученый человѣкъ и большой любитель всякаго рода художественныхъ и дорогихъ вещей. Онъ потратилъ множество денегъ на картины, венеціанскія зеркала, медали, вазы, всякую всячину, и когда умеръ, года полтора тому назадъ, онѣ остались въ самомъ жалкомъ положеніи. У нихъ есть маленькія средства, очень, очень маленькія, такія, что на нихъ не прожить и одному человѣку. У старшей, Анджелы, большой талантъ къ музыкѣ; я потомъ попрошу ее спѣть.

— О, благодарю васъ!—горячо проговорилъ Филиппъ; причемъ губы Теклы слегка сжались и она продолжала:

— Ея талантъ усердно развивали. Нѣсколько времени послѣ смерти отца онѣ жили среди всевозможныхъ лишеній и

огорченій, сначала у однихъ родственниковъ, потомъ у другихъ, пока, наконецъ, старый другъ ихъ отца не доставилъ Анджелѣ мѣста учительницы музыки въ высшей школѣ, и кромѣ того нѣсколькихъ частныхъ уроковъ. Если она захочетъ трудиться, ей можетъ житься очень хорошо.

— Но какая разница съ ея прежней жизнью!—грустно прошепталъ Филиппъ.

— Конечно,—тѣмъ же положительнымъ тономъ отвѣчала Текла:—но ей очень посчастливилось тѣмъ, что она такъ скоро и такъ выгодно пристроилась. Мабель, сестра ея, ходитъ въ школу. Она прелестное созданіе; маленькое совершенство веселости и кротости, а между тѣмъ такъ умна и даровита. Я просто ее обожаю.

— Но миссъ Ферфексъ,—началъ Филиппъ.

— Да, миссъ Ферфексъ, что-жъ вы хотѣли сказать о ней?

— Конечно, сестра ея прелестная дѣвушка, но ей никогда не сравняться съ миссъ Ферфексъ ни въ чемъ.

— Анджела взрослая, Мабель дѣвочка, ихъ и сравнивать нельзя,—былъ отвѣтъ Теклы.—Мы давно ихъ знаемъ. Папа ѣзжалъ на рыбную ловлю въ Ненсайдъ, и черезъ это мы съ ними познакомились. Я только на дняхъ узнала, что онѣ здѣсь, такъ близко отъ насъ да и отъ васъ также.

— И съ вашей обычной добротой вы сжалились надъ ними, какъ сжалились надо мной и надъ Грэсъ,—сказалъ Филиппъ, въ глазахъ котораго, устремленныхъ на лицо Теклы, загорѣлся лучъ непритворнаго удивленія и искренней симпатіи.

— Пустяки! Какъ вы думаете, будетъ ли Грэсъ дѣйствительно пріятно познакомиться съ нею?

— Я въ этомъ совершенно увѣренъ.

— Прекрасно! Я ихъ познакомлю. Знаете ли вы, мистеръ Массей, что мы такъ здѣсь заболтались, что кадриль кончилась?

— Не можетъ быть!—сказалъ Филиппъ, поднимая голову, и слишкомъ озабоченный, чтобы замѣтить долгій и пытливый взглядъ, какимъ удостоила его Текла.

Выраженіе лица ея становилось все холоднѣе по мѣрѣ того, какъ взглядъ становился продолжительнѣе. Съ довольно жесткой усмѣшкой выслушала она его, когда онъ заборматалъ, что на слѣдующій танецъ ангажировалъ миссъ Ферфексъ, надо отыскать, и съ этимъ оставилъ ее.

Анджела по прежнему на томъ же диванчикѣ, а подлѣ нея помѣщался мистеръ Фордисъ, тотъ самый, что смотрѣлъ на нихъ и о которомъ они говорили. Миссъ Ферфексъ собиралась-было

удостоить своего собесѣдника однимъ изъ своихъ долгихъ, загадочныхъ взглядовъ, какъ вдругъ увидала приближавшагося Филиппа, и взглядъ сталъ подниматься все выше и выше, пока не встрѣтился съ его взглядомъ и уже не отрывался отъ него, только сталъ вопросительный, точно будто она недоумѣвала, что̀ снова привело его къ ней.

— Кажется, нашъ танецъ, миссъ Ферфексъ,—сказалъ Филиппъ, игнорируя мистера Фордиса такъ, какъ еслибъ онъ вовсе не существовалъ.

— Нашъ!—повторила она, вздрогнувъ.—Развѣ я обѣщала танцовать? Я, должно быть, забыла.

Она, однако, встала, взяла руку Филиппа, но уходя, сначала обернулась къ мистеру Фордису и тихимъ, кроткимъ голосомъ спросила свой вѣеръ, который онъ держалъ въ рукахъ.

Онъ ей подалъ его; быть можетъ, милый взглядъ имѣлъ свою прелесть и для пожилого мистера Фордиса, также какъ и для Филиппа Массей. Послѣдній повелъ свою даму въ танцовальную залу, гдѣ только-что начинали вальсировать.

По окончаніи танца, Текла, вѣрная своему слову, воспользовалась случаемъ, чтобы познакомить дѣвицъ Ферфексъ и Грэсъ Массей. Филиппъ, стоявшій тутъ же, тревожно слѣдилъ за происходившимъ, особенно за обращеніемъ сестры своей, Грэсъ. Грэсъ, какъ долженъ былъ замѣтить читатель, отличалась необыкновенно откровеннымъ характеромъ, и Филиппъ, наблюдавшій за нею и знавшій ея различныя мины, почувствовалъ горькое разочарованіе, замѣтивъ холодное, неотзывчивое выраженіе, промелькнувшее на лицѣ ея, когда Анджела Ферфексъ съ однимъ изъ своихъ самыхъ меланхолическихъ взглядовъ, и самой сладкой улыбкой, проговорила нѣсколько словъ, которыхъ Филиппъ не разслышалъ, и протянула руку, какъ ему показалось, съ очаровательной, робкой граціей.

Что же думаетъ Грэсъ?

Филиппъ не замѣтилъ, что хотя Текла говорила любезныя слова, голосъ ея звучалъ рѣзко; что хотя губы ея улыбались, глаза отливали стальнымъ блескомъ и были холодны, какъ ледъ. Его сильно интересовало обращеніе сестры и Анджелы, и глаза его переходили съ лица одной на лицо другой, пока, наконецъ, окончательно не остановились на лицѣ Анджелы, отъ котораго не отрывались до той минуты, какъ онъ замѣтилъ, что съ устъ его неожиданно сорвался вздохъ, сердце забилось и онъ подумалъ—ничего другого и на умъ не шло: «Какъ она прекрасна! Какъ прекрасна!»

Остатокъ вечера онъ провелъ, наблюдая за миссъ Ферфексъ, слушая ея пѣніе. Каковъ бы ни былъ ея врожденный талантъ или музыкальный вкусъ, Анджела Ферфексъ имѣла слишкомъ хорошихъ учителей, чтобы пѣть пустяки. Голосъ ея былъ необыкновенно хорошъ, а вокальная музыка, также какъ и инструментальная, имѣетъ ту особенность, что если исполнитель держитъ тактъ, не сбивается съ тону, да соблюдаетъ условныя модуляціи, восторженный слушатель всегда можетъ найти страсть, выраженіе, глубину—все то, что онъ ощущаетъ въ собственномъ сердцѣ въ этихъ звукахъ.

Такъ было и съ Филиппомъ въ этотъ вечеръ. Пока она пѣла, онъ почти закрылъ глаза и слушалъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Когда она кончила, онъ снова открылъ ихъ и увидалъ, что она окружена цѣлой группой поклонниковъ, умолявшихъ ее еще что-нибудь спѣть. Она украдкой бросила взглядъ въ его сторону, и, казалось, съ упрекомъ спрашивала:

— Отчегоже, вы-то тамъ сидите, и держитесь въ сторонѣ?

Когда вечеръ кончился, Анджела и ея сестра и Филиппъ съ сестрою возвратились домой вмѣстѣ, при свѣтѣ луны и фонарей, по прозаическимъ улицамъ предмѣстья, которыя прежде одному изъ членовъ этого маленькаго общества казались такими банальными, а отнынѣ никогда уже не покажутся такими.

Глава VI.—Соображенія Анджелы за и противъ.

По истеченіи іюля мѣсяца въ иркфордскихъ школахъ и коллегіяхъ настаютъ каникулы и происходитъ настоящее переселеніе учителей, учащихся и родителей на озера, на морской берегъ, на континентъ или въ деревню, «куда-нибудь, за городъ», подальше отъ его пыли, дыма, невыносимой, удушливой жары, отъ грохота телѣгъ и омнибусовъ, отъ мрачныхъ улицъ, если можно, то въ поля, или на прекрасный морской берегъ, или туда, гдѣ есть и прохладныя озера и величавыя горы.

Съ наступленіемъ августа Иркфордъ обыкновенно пустѣетъ, скверы пусты, въ лавкахъ мало покупателей, молодыя особы за прилавкомъ сидятъ печально опустя голову и смотрятъ вялыми, блѣдными, какъ и всякое живое существо среди вредной для здоровья городской жары.

Было начало августа того года, къ которому относится мое повѣствованіе. Былъ понедѣльникъ, въ банкѣ былъ праздникъ. Жара въ городѣ стояла невыносимая; ни единаго облачка

на голубомъ небѣ, ничего кромѣ дыма въ видѣ темно-коричневаго савана, окутывающаго Иркфордъ, дыма, сквозь который солнце свѣтило не мигая, похожее на полу-расплавленный мѣдный шаръ.

Жара, жара повсюду! Жара въ громадныхъ складахъ, въ темныхъ и пыльныхъ конторахъ, жара на каменной мостовой скверовъ, на узкихъ улицахъ. Всего жарче, быть можетъ, въ плохо построенныхъ домахъ предмѣстья, съ ихъ неуклюжими шторами, тонкими стѣнами и дурно запирающимися окнами.

Въ гостиной, занимаемой Анджелой и Мабель Ферфексъ, онѣ обѣ сидѣли въ это знойное утро, шторы были спущены отъ солнца, окна заперты отъ пыли; а между тѣмъ было жарко, душно.

— Какой ужасъ! — восклицала миссъ Ферфексъ съ дивана, на которомъ лежала, слабо помахивая вѣеромъ; лицо ея, отъ сильной жары, отличалось болѣе мраморной блѣдностью, чѣмъ когда-либо. Природа въ этомъ отношеніи гораздо милостивѣе къ инымъ изъ своихъ дѣтей, чѣмъ къ другимъ, и, какъ всегда, своенравна и капризна въ раздачѣ своихъ милостей. Такъ, напримѣръ, невыносимая жара не заставляла краснѣть лицо Анджелы Ферфексъ или Филиппа Массей—скорѣй она дѣлала ихъ красивѣе прежняго; но дѣйствіе ея на наружность мистера Фордиса было по истинѣ печально.

— Какой ужасъ! — повторила Анджела. — Если здѣсь хоть на половину также холодно зимой, какъ жарко лѣтомъ, — я *умру*.

Никакого отвѣта отъ Мабель, сидѣвшей у средняго стола и своими проворными пальчиками искусно гарнировавшей соломенную шляпу чернымъ газомъ, занятіе, отъ котораго при настоящей температурѣ у нея липли руки,—она однако не жаловалась ни на жару, ни на что другое. Ея милое личико было блѣднѣе прежняго, глаза какъ будто потемнѣли и смотрѣли печально, во всей позѣ ея сказывалась апатія утомленія.

— Когда я вспомню нашъ домъ, Несайдъ, садъ, это становится невыносимымъ, я готова *кричать!* — продолжала миссъ Ферфексъ, имѣвшая привычку дѣлать особенное удареніе на послѣднемъ словѣ своихъ замѣчаній.

— Безъ всякаго сомнѣнія, теперь въ Несайдѣ пріятно,— согласилась ея сестра.

— Пріятно! Я думаю. О, какую несчастную жизнь я веду! Какъ я ненавижу, презираю ее! Трудъ и рабство въ теченіи цѣлаго дня, всей недѣли. Изъ-за чего? Изъ-за куска хлѣба! И я, миссъ Ферфексъ дошла до такого положенія!

— Дорогая Анджела, всѣ къ намъ были очень добры. Право, мнѣ кажется, у насъ бездна друзей; посмотри, сколько у тебя учениць.

— Вульгарныя чучелы! Дѣти лавочниковъ, диссидентовъ, дѣти всякихъ ужасныхъ людей.

— Не могу сказать, чтобъ я находила ихъ такими вульгарными.

— Ты безнадежно предана всему низменному и ужасному.

— Неужели! — сорвалось у Мабель; она подняла голову, глаза ея сверкали, щеки горѣли, губы раскрылись, чтобъ отвѣчать на это милое замѣчаніе. Потомъ она ихъ крѣпко сжала, и, снова склонившись надъ работой, молчала, ограничившись этимъ однимъ, неудержимымъ: «*Неужели*»!

— Въ какое время начнется этотъ удивительный праздникъ? —былъ слѣдующій вопросъ Анджелы.

— Они должны зайти за нами въ половинѣ одиннадцатаго, а теперь половина десятаго.

— Въ половинѣ одиннадцатаго! Какъ вспомнишь, что въ такой день отправляешься на пикникъ. Къ тому же въ банкѣ праздникъ! Весь городъ будетъ на улицѣ, и мы будемъ имѣть видъ труппы акробатовъ. Что до меня, я не вижу никакой прелести въ подобныхъ экскурсіяхъ.

— Зачѣмъ же ѣхать, если ты думаешь, что это тебя утомитъ и что ты проскучаешь?

— Какъ ты смѣшна! Понятно, я должна ѣхать. Что̀ бы я стала дѣлать здѣсь цѣлый день? Будетъ два-три человѣка кромѣ насъ съ тобой. Удивительно, право, какъ люди могутъ другъ другу надоѣсть!

— Благодарю за комплиментъ.

— Должна же ты признать Мабель, что едва ли ты для меня общество — ты.

— Нѣтъ, я полагаю, что нѣтъ. Можно быть полезной, въ качествѣ модистки, не будучи подходящимъ обществомъ для своихъ заказчицъ.

— О точно будто я на это намекала! Какія ужасныя вещи ты говоришь. Ты знаешь, что̀ я хочу сказать. Ты ребенокъ.

— Я думала, что дѣти всего лучше другъ съ другомъ ладятъ, — кротко замѣтила Мабель, углы губъ которой какъ-то странно приподнялись.

— Что? По крайней мѣрѣ сегодня одно человѣческое существо позабавитъ меня нѣсколько болѣе, чѣмъ мои *обожаемыя* ученицы и ихъ очаровательные родители. — Мабель не отвѣчала,

но ея тонкія брови сжались; Анджела продолжала, болѣе любезнымъ тономъ, какъ человѣкъ вызывающій на вопросы или коментаріи:

— Бѣдный мистеръ Массей!

На это она также не получила отвѣта, но лицо Мабель горѣло, и она съ нетерпѣніемъ дернула шляпу, которую отдѣлывала.

— Онъ, право, долженъ быть очень добрый малый, несмотря на свою непріятную сестру,—продолжала Анджела тономъ разсужденія.

— Если ты говоришь о Грэсъ, я вовсе не нахожу ее непріятной.

— Быть можетъ, она съ тобой иначе себя держитъ; но имѣй ты несчастіе прожить на свѣтѣ двадцать-два года и быть предметомъ поклоненія ея брата, она вѣроятно наградила бы и тебя своими грубостями. Право смѣшно смотрѣть, какъ эти сестры ревнуютъ своихъ взрослыхъ неуклюжихъ братьевъ. Онѣ, кажется, воображаютъ, что каждая женщина, которая ихъ только встрѣтитъ, погонится за ними. Текла Берггаузъ точно также смѣшна съ своимъ Германомъ, какъ будто я захочу *взглянуть* на такого младенца, какъ онъ!

— Вопросъ въ томъ, захочетъ ли этотъ младенецъ взглянуть на тебя. У него, кажется, и глазъ-то ни для кого нѣтъ, кромѣ Грэсъ Массей.

— Грэсъ Массей!—воскликнула Анджела, вся покраснѣвъ.— Вотъ какъ! Какая она хитрая! Для нея это было бы *великолѣпно*; Бергтаузы такъ богаты.

— Но они оба еще дѣти,—замѣтила Мабель.

— Это правда! — согласилась Анджела, снова умолкая на нѣкоторое время, пока она медленно не приподнялась съ дивана, проговоривъ:—пора одѣваться, я думаю.

— Одѣваться для поѣздки за городъ, чтобы провести цѣлый день въ лѣсу?

— Надѣюсь, что шляпа эта у тебя поспѣетъ вò-время; намъ остается уже не очень много времени,—отвѣчала ея сестра.— Желала бы я знать,—прибавила она, остановившись въ задумчивой позѣ и устремивъ свои чудные глаза на зеленую скатерть, лежавшую на столѣ:—желала бы я знать, чтò люди, въ условіяхъ Филиппа Массей, получаютъ въ годъ, и какія у нихъ надежды на будущее.

— Что намъ до того—тебѣ, хочу я сказать?—быстро проговорила Мабель.

— Душа моя, для меня это очень важно, такъ-какъ я

вполнѣ убѣждена, что онъ скоро сдѣлаетъ мнѣ предложеніе;— какъ взбѣсится его сестра! А какъ могу я дать ему какой бы то ни было отвѣтъ, хорошенько не уяснивъ себѣ этого вопроса?

— Стыдно, Анджела!—воскликнула дѣвушка, поднявъ голову и обнаруживъ раскраснѣвшееся отъ гнѣва личико съ сверкающими глазами.—Слушая тебя, право можно...

Но Анджела съ легкимъ, веселымъ смѣхомъ исчезла и вскорѣ Мабель услыхала ея шаги на-верху; она одѣвалась для экскурсіи, которую онѣ собирались предпринять.

— Очень мнѣ хочется остаться, — прошептала младшая сестра, пальцы которой, несмотря на ея очевидное волненіе, ни на минуту не переставали работать.

Руки Мабель были необыкновенно ловки на всякія подобнаго рода работы; руки миссъ Ферфексъ не снисходили до такихъ низменныхъ занятій.

— Право,—говаривала она, когда желала показаться особенно любящей сестрой,— имѣя такую искусницу-сестру, становишься лѣнивой.

— Очень мнѣ хочется не ѣхать. Я думаю, что Анджела разобьетъ мое сердце, если будетъ такъ вести себя. Чтò въ нашей жизни такого, чтò бы могло дѣлать ее несчастной или недовольной, чего бы она могла стыдиться? А такъ кокетничать, какъ она кокетничаетъ съ Филиппомъ Массей,— если она намѣрена поступить съ нимъ, какъ поступила съ Гарри Бальдвиномъ... о, никогда не забыть мнѣ его лица въ то утро, когда папа объявилъ ему, что Анджела проситъ его возвратить ей слово! Филиппъ Массей такой преданный—онъ такъ слѣпо въ нее вѣритъ. Мнѣ невыносимо видѣть, какъ его обманываютъ, но было бы еще невыносимѣе остаться дома и все это представлять себѣ.

Съ этимъ она закрѣпила послѣднюю стежку своей работы, собрала всѣ остатки въ корзинку и побѣжала на-верхъ со шляпой.

— Только десять минутъ на сборы! Вотъ твоя шляпа, Анджела,—сказала она, кладя ее на столъ, и начиная одѣваться.

— Неужели ты поѣдешь въ этомъ ужасномъ, толстомъ шерстяномъ платьѣ и тяжелой шляпѣ?—воскликнула миссъ Ферфексъ, оживленнѣе обыкновеннаго.

— Полагаю, что да, если не рѣшу вовсе не ѣхать,—довольно сухо замѣтила Мабель, бросивъ почти завистливый взглядъ на легкое, бѣлое, кембриковое платье сестры, на ея свѣжіе, черные бантики, сдѣланные исключительно ея искусными пальчиками.

— Право, Мабель, ты иногда говоришь положительно гру-

быя вещи. А, шляпа-то недурна, неправда-ли? Allons, qu'en dites vous, M-r Massey? и она присѣла своему отраженію въ зеркалѣ.

Это былъ единственный предметъ, къ которому она относилась съ благоговѣніемъ, какъ впослѣдствіи злобно говорила Грэсъ Массей; но дѣвушки склонны судить по наружности.

Затѣмъ Анджела сошла внизъ, и Мабель удалось увидать собственное лицо и судить о впечатлѣніи, производимомъ «ужаснымъ, толстымъ, шерстяннымъ платьемъ и тяжелой шляпой», которыя составляли туалетъ положительно не по сезону для пикника въ очень жаркій августовскій день.

— Не худо было бы имѣть бѣлое платье и соломенную шляпу,—вздохнула Мабель:—но того, чего у меня нѣтъ, я надѣть не могу—это вѣрно. Гдѣ мой зонтикъ? Теперь, пожалуй,и сойти можно.

Она спустилась съ лѣстницы, вошла въ гостиную, по прежнему остававшуюся въ полумракѣ благодаря зеленымъ шторамъ, и застала тамъ Анджелу на диванѣ, а Филиппа Массей на стулѣ возлѣ нея. Они обмѣнивались нѣсколькими словами въ полъ-голоса въ тотъ моментъ, когда она входила; она почувствовала, что вспыхнула.

— Здравствуйте!—сказалъ Филиппъ вставая.—Пришелъ посмотрѣть, готовы ли вы. Грэсъ ожидаетъ миссъ Берггаузъ и Германа.

— Такъ пойдемте теперь къ Грэсъ, этимъ мы выиграемъ много времени,—предложила Мабель.

— Мы всѣ вмѣстѣ дойдемъ до омнибуса въ концѣ улицы,—сказалъ Филиппъ, казавшійся невозмутимо счастливымъ и довольнымъ, и улыбавшійся при всякомъ обращеніи къ Мабель.

— Я иду къ вамъ,—упорствовала она:—мнѣ надо переговорить съ Грэсъ.

Она направилась къ дверямъ, не обращая вниманія на слабое возраженіе Анджелы на счетъ того, что слишкомъ жарко, чтобы вдругъ собраться, а такъ какъ она избрала этотъ рѣшительный путь дѣйствій—имъ болѣе ничего не оставалось, какъ только послѣдовать ея примѣру.

Они такъ и сдѣлали; минуту спустя дѣйствіе было перенесено въ гостинную Грэсъ, съ поднятыми шторами, и только-что прибывшимъ, въ сопровожденіи двухъ пріятелей Германа, обществомъ Берггаузовъ; всѣ они громко и скоро говорили, здоровались и наконецъ отправились in corpore отыскивать омнибусъ, который долженъ былъ довезти ихъ до вокзала желѣзной дороги.

Глава VII.—Въ лѣсу.

Они всѣ шли по улицѣ подъ палящимъ солнцемъ. Тутъ были дѣвицы Ферфексъ, Грэсъ и Филиппъ Массей, Текла и Германъ Берггаузъ, ихъ младшая сестра Луиза, и двое неподдающихся описанію молодыхъ людей, знакомыхъ Германа. Таковъ былъ составъ общества, воспользовавшагося чуднымъ днемъ и праздникомъ въ банкѣ, для поѣздки въ Телламере, помѣстье миляхъ въ пятнадцати отъ Иркфорда, охотно посѣщаемое любителями пикниковъ и всякихъ гуляній.

Въ концѣ Лоуренсъ-стрита стоялъ омнибусъ, который долженъ былъ высадить общество не въ дальнемъ разстояніи отъ вокзала. Текла Берггаузъ и Грэсъ Массей, дружба которыхъ, повидимому, становилась только горячѣе подъ вліяніемъ времени — знакомство ихъ теперь продолжалось *цѣлыхъ* три мѣсяца—немного поотстали, и шли нѣсколько позади остальныхъ, какъ бы составлявшихъ одну большую группу, хотя Филиппъ и Анджела постоянно отдалялись отъ другихъ.

— Рѣшила ли ты, когда тебѣ можно пріѣхать къ намъ, Текла?—спросила ея пріятельница.

— Теперь я могу пріѣхать, когда хотите,—отвѣчала миссъ Берггаузъ, свѣжія щеки которой нѣсколько поблѣднѣли и похудѣли съ того вечера, когда они съ Филиппомъ загадали слово: *успѣхъ*.

— Въ такомъ случаѣ это совершенно зависитъ отъ Филиппа,—сказала Грэсъ. — Я, право, заставлю его на что-нибудь рѣшиться. Для меня просто непостижимо, какъ онъ можетъ жить здѣсь въ пыли и духотѣ, когда могъ бы лежать на скалахъ за нашимъ домомъ въ Фаульгавенѣ! Онъ сказалъ мнѣ, что можетъ получить отпускъ, когда пожелаетъ.

Она говорила съ раздраженіемъ.

— Что-жъ, сегодня по крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы выбраться за городъ,—замѣтила Текла.

— Какое это безцвѣтное, скромное, глупое замѣчаніе въ твоихъ устахъ!—почти гнѣвно возразила Грэсъ.—Неужели ты думаешь, что я не знаю,—продолжала она, нѣсколько понизивъ голосъ,—что̀ все это значитъ? Неужели ты думаешь, что я не знаю, что мы были бы теперь дома, Филиппъ, ты и я, были бы счастливы, какъ цари въ нашемъ миломъ, старомъ саду, не будь онъ ослѣпленъ этой дѣвушкой — совершенно ослѣпленъ! Я ненавижу ее, Текла!

— Тише!—почти со страхомъ прошептала Текла.

— Нѣтъ, я не стану молчать. Я ненавижу ее—эту ужасную, всюду сующуюся кокетку! Она отравила душу Филиппа, испортила его характеръ, — онъ прежде никогда не сердился, ничто не могло вывести его изъ терпѣнія, но вчера вечеромъ, Текла,—понижая голосъ до взволнованнаго шопота,—у насъ съ Филиппомъ произошла почти ссора, и все изъ-за нея; у насъ, которые прежде никогда въ жизни не ссорились. Не уступи я, ссора вышла бы полная. Онъ назвалъ меня «низкой».

— О, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Текла.

— Быть можетъ, онъ не употребилъ этого самаго выраженія; но онъ сказалъ, что чувства мои мелки, исполнены зависти, недостойны меня, что онъ никогда бы не повѣрилъ и пр.: Но, вотъ и омнибусъ.—Онѣ усѣлись въ уголокъ и Грэсъ продолжала свой разсказъ, повидимому возбуждавшій въ Теклѣ болѣе живое участіе, чѣмъ, быть можетъ, возбудило бы болѣе искусное повѣствованіе.

— Я думала, что у меня сердце разорвется,—говорила Грэсъ.—Онъ смотрѣлъ такимъ холоднымъ, сердитымъ, суровымъ. Онъ никогда прежде такъ на меня не смотрѣлъ; когда я вспомню эту женщину, что стала между нами.... Она чуть не плакала.

— Не плачь, Грэсъ, но скажи мнѣ, не серьёзно же ты поссорилась съ нимъ?

— Нѣтъ. Я слишкомъ его люблю для этого. Я уступила, и просила у него прощенія.

— О, какъ я этому рада,—съ долгимъ вздохомъ облегченія промолвила Текла.

— И я даже сказала, что буду съ ней любезна сегодня, а потому, если ты увидишь себя покинутой, а меня расхаживающей съ ней подъ-ручку и все время мило улыбающейся, ты будешь знать причину, и не разсердишься; неправда ли?

— Разсердиться на тебя, изъ-за него, т.-е., я хочу сказать, нѣтъ, Грэсъ!

— Не будь у нея этой прелестной маленькой сестры, я бы давнымъ давно съ ней раззорилась, — продолжала Грэсъ, — но она такое милое, доброе созданіе, и такъ терпѣлива! Я иногда плакать готова, видя, какъ она ангельски выноситъ утонченный эгоизмъ сестры. «Анджела»! какъ же! Я знаю другое имя, которое шло бы къ ней гораздо больше.

Занятыя облегченіемъ своихъ сердецъ, онѣ доѣхали до того пункта, гдѣ должны были выйдти изъ омнибуса и отправиться

въ вокзалъ. Текла и Грэсъ вышли послѣднія и Филиппъ, стоявшій у дверецъ, чтобы высадить ихъ, шепнулъ сестрѣ:

— Вчера вечеромъ, Грэсъ, ты мнѣ что-то обѣщала и не держишь своего слова.

— Ты, кажется, почти не далъ мнѣ случая его сдержать,— отвѣчала она также тихо, и глаза ихъ встрѣтились.

Между братомъ и сестрою было замѣчательное сходство въ наружности, манерахъ и движеніяхъ, сходство, простиравшееся даже до вспыхивавшей въ глубинѣ ихъ темныхъ глазъ молніи гнѣва, до загоравшагося въ ней теплаго, любовнаго свѣта. Въ эту минуту они обмѣнялись взглядомъ примиренія, какъ бы поцѣлуемъ прощенія.

— Ты не будешь имѣть основанія повторить это, если только захочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, милая ты моя дѣвочка,— отвѣчалъ онъ тѣмъ же тихимъ голосомъ, а затѣмъ, вмѣсто того, чтобы снова присоединиться къ Анджелѣ, онъ предоставилъ Грэсъ подойти къ ней, и самъ пошелъ съ Теклой Берггаузъ.

Комбинація не оказалась особенно удачной, хотя Грэсъ въ точности исполняла условіе, по крайней мѣрѣ букву его. Она мило улыбалась Анджелѣ, также мило улыбавшейся въ отвѣтъ; Грэсъ нѣсколько времени говорила своей спутницѣ что-то пріятное, но даже до прибытія ихъ въ вокзалъ онѣ уже были не однѣ, къ нимъ присоединился Германъ Берггаузъ и одинъ изъ его пріятелей. Глаза Грэсъ метали молніи, и она повторяла въ душѣ:

— Она самая ужасная кокетка, какую я когда-либо видѣла. Если Филиппъ на минуту отойдетъ отъ нея, она не знаетъ покою, пока кто-нибудь другой не начнетъ за ней увиваться. Это постыдно, и я ненавижу ее.

«Ненавижу» было слово, слишкомъ часто срывавшееся съ устъ пылкой Грэсъ, но въ настоящемъ случаѣ чувство, наполнявшее ея сердце, ближе отвѣчало этому понятію, чѣмъ когда-нибудь прежде.

Путешествіе въ Телламере было не изъ удачныхъ, хотя разговоръ не прерывался и смѣхъ слышался часто. Грэсъ старалась добросовѣстно исполнить обѣщаніе, данное брату, но почему-то —по винѣ ли миссъ Ферфексъ или прочихъ дѣвицъ—было вполнѣ очевидно, что Анджела чаще бывала окружена мужчинами, чѣмъ дѣвушками, чаще занята оживленной бесѣдой съ молодымъ человѣкомъ, чѣмъ съ дѣвушкой. Филиппъ отошелъ отъ нея въ надеждѣ вскорѣ увидать ее и Грэсъ настолько же занятыми другъ другомъ, насколько бывали Грэсъ и Текла, но вмѣсто того онъ

черезъ нѣсколько времени уже терзался ревностью при видѣ Анджелы, повидимому занятой крайне оживленнымъ и интимнымъ разговоромъ съ однимъ изъ пріятелей Германа, въ то время какъ Грэсъ сидѣла возлѣ нея, вытянувшись въ струнку, съ раскраснѣвшимся лицомъ, сжатыми губами, мрачно насупивъ брови.

Какое у нея сердитое лицо, когда она нахмурить брови,— подумалъ Филиппъ, не подозрѣвая, что его собственный лобъ еще грознѣе нависъ надъ отуманенными глазами.

Они сошли съ поѣзда на маленькой станціи Телламере, и нѣкоторое время шли всѣ вмѣстѣ, прошли мирную деревню, поднялись на крутую гору, вышли на деревенскую дорогу, съ которой свернули въ прекрасный лѣсъ, составлявшій часть помѣстья нѣкоего мѣстнаго аристократа, и сегодня, какъ и въ другіе опредѣленные дни, открытый для публики.

Въ этомъ лѣсу царила чарующая прохлада. Длинныя, развѣтвлявшіяся аллеи, узенькія извилистыя дорожки, мрачныя, величавыя сосны, яркая зелень кустарниковъ, вмѣстѣ съ спокойствіемъ, безмолвіемъ и тишиной августовскаго полудня, постепенно заставили умолкнуть голоса гуляющихъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ совершенно лишенъ нѣкотораго пониманія природы и способности наслаждаться ея многообразными видоизмѣненіями. Они проникли въ самую чащу лѣса и шли все дальше, пока не отыскали мѣстечка, которое показалось имъ достаточно уединеннымъ; миссъ принялись разставлять завтракъ, который привезли съ собою.

Но все-таки надъ ихъ обществомъ тяготѣла какая-то принужденность. Мабель усѣлась возлѣ Луизы Берггаузъ подъ развѣсистымъ букомъ, въ сторонѣ отъ прочихъ, но Текла необычно рѣзкимъ и сердитымъ голосомъ позвала Луизу помогать разставлять кушанья, и такимъ образомъ молодая дѣвушка осталась одна; ея глубокіе, печальные задумчивые глаза были устремлены на ряды темныхъ елей, окаймлявшихъ опушку лѣса.

Вдругъ тѣнь встала между нею и деревьями,—поднявъ голову, она увидала Филиппа Массей.

— Здоровы ли вы сегодня? вы смотрите усталой? — сказалъ онъ, бросаясь на траву возлѣ нея и глядя ей въ лицо, которое быстро покрылось слабымъ румянцемъ.

Лицо Филиппа измѣнилось, оно казалось исхудалымъ, измученнымъ, вокругъ рта образовалась какая-то черта, его большіе, темные глаза горѣли тревожнымъ пламенемъ. Глаза эти такъ упорно были устремлены на лицо Мабель, что она, наконецъ, поспѣшно проговорила:

— Что случилось? Почему вы такъ страшно на меня смотрите?

— Я смотрѣлъ, чтобы убѣдиться — похожи ли вы, хоть сколько-нибудь, на сестру? Знаете ли, мнѣ не удалось уловить даже самаго слабаго сходства.

— Право? — тихо проговорила Мабель, смущенно опуская глаза подъ его взглядомъ и чувствуя, что сердце ея сильно бьется. О, хоть бы что-нибудь могла она сказать, хоть бы единымъ словомъ могла его предостеречь! Несомнѣнно, что это слѣдовало бы сдѣлать. Но съ другой стороны унижать собственную сестру, своего единственнаго друга, свою единственную покровительницу, и къ тому же совершенно безцѣльно. Не въ такомъ былъ настроеніи Филиппъ, чтобы повѣрить чему бы то ни было говорившему противъ Анджелы — хотя бы ангелъ сошелъ съ неба открыть ему это.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ: — вы совсѣмъ непохожи. Нельзя и подумать, что вы сестры.

— Говорятъ, что я похожа на нашу мать, а Анджела на отца, — сказала Мабель.

— Да. Но она была вамъ матерью, не такъ ли?

— Да, т.-е. я другой матери не знала.

— А! Это — отношенія сестры вашей къ вамъ, хочу я сказать — объясняетъ многое, — сказалъ Филиппъ. — Нравятся ли вамъ поѣздки въ лѣсъ? — прибавилъ онъ.

— Иногда; не сегодня.

— Нѣтъ? Отчего?

— Мы какъ будто не дружны. Поѣздка эта не веселая, никто ею не наслаждается, — уклончиво отвѣчала Мабель, которой все представлялся взглядъ Филиппа, — она чувствовала себя несчастной, подавленной, безпомощной.

— Какъ вы думаете, согласилась-ли бы сестра ваша пѣть, еслибъ вы попросили ее? — спросилъ Филиппъ. — Мнѣ кажется, это было-бы прелестно, именно здѣсь въ сосновомъ лѣсу; да и голосъ у нея дивный. Я увѣренъ, что она бы могла.

— Не знаю, — медленно проговорила Мабель.

— Еслибъ вы ее попросили, — настаивалъ онъ.

— Я? Почему должна она пѣть по моей просьбѣ?

— Потому что вы все можете съ ней сдѣлать. Она мнѣ сказала: ни въ чемъ не могу я отказать ей — моей маленькой Мабель. Это ея собственныя слова.

Губы Мабель сжались; она сильно покраснѣла; слезы стыда, гнѣва, униженія навернулись на глазахъ.

— Вы ее попросите?—продолжалъ онъ.

— Послѣ завтрака,—кротко проговорила Мабель.

— Хорошо, когда вы найдете удобнымъ,—неохотно отвѣчалъ онъ, и остался возлѣ Мабель до окончанія трапезы.

Завтракъ не отличался оживленіемъ. Грэсъ Массей завладѣла Луизой Берггаузъ, и онѣ усѣлись въ сторонкѣ, болтая о своихъ учителяхъ и профессорахъ въ школѣ и коллегіи. Тщетно Германъ пытался принять участіе въ разговорѣ. Его прогнали, и онъ удалился безутѣшнымъ. Текла Берггаузъ, вопреки своимъ обычнымъ откровеннымъ, веселымъ стараніямъ занимать общество, открыто и исключительно кокетничала съ самымъ пустымъ изъ пріятелей брата, болтая всякій вздоръ, за который она, вѣроятно, покраснѣетъ, когда вспомнитъ о немъ въ тиши ночной, и по временамъ смѣясь надъ своимъ собесѣдникомъ. Филиппъ и Мабель сидѣли рядомъ подъ развѣсистымъ букомъ; оба молчали; онъ, погруженный въ наблюденія за Анджелой, она, съ сердцемъ тяжелымъ какъ свинецъ, съ полными слезъ глазами, которыхъ она почти не осмѣливалась поднять. Анджела, одна изъ всего общества, повидимому, наслаждалась вполнѣ. Германъ Берггаузъ, отосланный Грэсъ, искалъ утѣшенія у миссъ Ферфексъ, ей было весело, она была очень довольна сознаніемъ, что поглощаетъ все вниманіе двухъ мужчинъ изъ общества, тогда какъ третій ничего окружающаго не видитъ, кромѣ ея, ничего не желаетъ, кромѣ одного ея взгляда, кромѣ одного слова съ ея устъ.

— Чтожъ—онъ получитъ его со временемъ,—рѣшила она, въ глубинѣ души.

Такъ прошелъ завтракъ. Горекъ показался онъ инымъ изъ присутствовавшихъ; часы страшно тянулись. Мабель сдержала слово; она попросила Анджелу пѣть. Анджела оказалась любезной и исполнила просьбу. Они всѣ пили чай на старой фермѣ, стоявшей въ полѣ, и при наступленіи сумерекъ, когда на небѣ начали показываться звѣзды, когда замолкла послѣдняя пѣсня самой запоздалой птицы, они двинулись по благоухающимъ тропинкамъ къ деревнѣ и возвратились на станцію.

О. П.

ПОСМЕРТНЫЙ РОМАНЪ ФЛОБЕРА

Bouvard et Pécuchet. Paris, 1881 *).

Поклонники Флобера—а ихъ немало и у насъ въ Россіи—должны были ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ посмертнаго его романа, вѣсть о существованіи и содержаніи котораго проникла въ газеты вскорѣ послѣ кончины автора. Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Флоберъ напечаталъ только философскую фантазію (Tentation de Saint-Antoine) и три небольшіе разсказа, соединенные подъ общимъ заглавіемъ: «Trois contes»; тѣмъ интереснѣе было возвращеніе его въ область современнаго романа, въ ту область, въ которой, благодаря «Madame Bovary» и «Education sentimentale», создалась и упрочилась его литературная извѣстность. Окончить «Bouvard et Pécuchet» Флоберу не удалось; но планъ романа, сохранившійся вполнѣ, показываетъ, что конецъ его былъ уже близокъ. Мы знаемъ изъ воспоминаній Зола, что Флоберъ шелъ впередъ не прежде, какъ по окончательной отдѣлкѣ написаннаго; оставшись въ живыхъ, онъ едва ли измѣнилъ бы многое въ готовыхъ частяхъ «Bouvard et Pécuchet». Мы можемъ, поэтому, спросить себя, увеличитъ ли посмертное сочиненіе Флобера его авторскую славу, укрѣпитъ ли оно положеніе, занимаемое французскимъ экспериментальнымъ или натуралистическимъ романомъ?

Передавать содержаніе «Bouvard et Pécuchet» мы не будемъ, предполагая, что оно извѣстно нашимъ читателямъ; напомнимъ

---

*) Авторъ статей о современномъ европейскомъ романѣ, начатыхъ ранѣе въ „В. Е.", начнетъ въ нынѣшнемъ году новый рядъ этихъ изученій. Настоящая статья довершаетъ характеристику Флобера разборомъ его послѣдняго произведенія, не вошедшаго въ прежній трудъ г. Z. Z.—*Ред.*

только, что два буржуа-холостяка, неожиданно, на старости лѣтъ, сдѣлавшись рантьерами, посвящаютъ свои досуги самымъ разнообразнымъ занятіямъ, сначала съ цѣлью увеличить доходъ съ имѣнія, потомъ просто съ цѣлью узнать то, что ихъ интересуетъ. Безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому, они изучаютъ земледѣліе, садоводство, химію, анатомію, медицину, археологію, исторію, философію и многое другое, пробуютъ свои силы въ качествѣ лекарей, писателей, спиритовъ, актеровъ, френологовъ, воспитателей, впутываются въ политику, дѣлаются вѣрующими, опять перестаютъ вѣрить, и наконецъ, все испытавъ и во всемъ разочаровавшись, возвращаются къ своему прежнему ремеслу—перепискѣ бумагъ,—возвращаются къ нему не по необходимости, а по призванію. Главной причиной скачковъ, дѣлаемыхъ Буваромъ и Пекюше, является шаткость научныхъ выводовъ, затруднительность или невозможность достигнуть *увѣренности* въ чемъ бы то ни было, признать что-либо абсолютной, несомнѣнной истиной. Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы показать, какихъ жгучихъ, глубоко-важныхъ вопросовъ коснулся Флоберъ въ своемъ послѣднемъ романѣ. Жажда знанія, невозможность удовлетворить ее вполнѣ, болѣзненное исканіе истины, приводящее къ скептицизму, а затѣмъ къ равнодушію или отчаянію—темы не новыя, но вѣчно свѣжія и живыя, потому что ихъ безпрерывно затрогиваетъ дѣйствительность. Разнообразіе связанныхъ съ ними комбинацій такъ велико, что нечего опасаться повтореній, даже послѣ «Фауста». Онѣ допускаютъ и трагическую, и трагикомическую, и чисто комическую обработку. Стремленіе къ достовѣрности можетъ возбуждать въ насъ удивленіе или насмѣшку, сочувствіе или досаду, смотря по тому, чѣмъ оно вызвано, чѣмъ поддерживается, какую имѣетъ въ виду цѣль, какою силою располагаетъ. Поразительное въ геніальномъ или высоко-даровитомъ человѣкѣ, почтенное въ труженикѣ, оно жалко въ педантѣ, смѣшно въ глупцѣ, ожидающемъ, что жареные голуби сами собою найдутъ дорогу въ его желудокъ. Какую именно разновидность этого стремленія хотѣлъ изобразить Флоберъ—вотъ первый вопросъ, вызываемый его романомъ. Разрѣшить его нелегко, потому что герои романа не всегда остаются живыми лицами, вѣрными своей натурѣ; устами Бувара и Пекюше по временамъ говоритъ самъ Флоберъ.

Задуманы Буваръ и Пекюше несомнѣнно какъ типичные представители того рода людей, который всегда имѣлъ даръ шевелить желчь Флобера—какъ ограниченные, тупые буржуа, погрязшіе въ мелочахъ пустой, безцвѣтной и безцѣльной жизни. При

первой встрѣчѣ, въ слѣдующихъ за нею бесѣдахъ они являются близкими родственниками знаменитаго Жозефа Прюдомма, съ нѣсколько меньшей развѣ дозой пошлаго самодовольства. «Женщинъ они обѣ считали легкомысленными, сварливыми, упрямыми, признавая, впрочемъ, что онѣ иногда бываютъ лучше мужчинъ, иногда — хуже (это напоминаетъ уже не Прюдомма, а еще болѣе извѣстнаго monsieur de la Palisse). Какъ люди, много перенесшіе, они отзывались одинаково дурно о корпусѣ инженеровъ путей сообщенія и объ управленіи табачной монополіей, о торговлѣ и о театрахъ, о флотѣ и о всемъ человѣческомъ родѣ». Они повторяютъ по цѣлымъ недѣлямъ одну понравившуюся имъ остроту, пережовываютъ старыя фразы о роскоши и іезуитахъ, говорятъ провинившемуся работнику: «несчастный! ты позоришь деревню, бывшую свидѣтельницей твоего рожденія»! Буваръ высоко поднимается въ глазахъ Пекюше съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній, по совѣту перваго, снялъ съ себя фланелевую фуфайку — и не простудился. Любознательностью Буваръ и Пекюше отличаются съ самаго начала; но любознательность эта ничѣмъ не выше той, которая заставляетъ фланера засматриваться на окна магазиновъ или примыкать къ толпѣ, глазѣющей на грызню собакъ, на драку уличныхъ мальчишекъ. Они ходятъ на публичныя лекціи, но профессоръ арабскаго языка интересенъ для нихъ не меньше всякаго другого; засѣданіе академіи занимаетъ ихъ наравнѣ съ кулисами маленькаго театра. Они разсуждаютъ иногда о причинахъ революціи, но это для нихъ такой же предметъ разговора, какъ модный судебный процессъ или мелкое историческое событіе съ загадочнымъ оттѣнкомъ. Такими дилеттантами знанія — дилеттантами самаго невысокаго разбора — застаетъ ихъ непредвидѣнная перемѣна въ судьбѣ Бувара, благодаря которой они могутъ промѣнять роль писцовъ на роль землевладѣльцевъ и дать полный просторъ своей жаждѣ знанія или своему любопытству. Въ новый кругъ дѣйствій они переносятъ старую умственную атмосферу; на всемъ предпринимаемомъ ими лежитъ все та же печать безнадежной ограниченности. Пекюше, читая учебникъ садоводства, принимаетъ позу, въ которой изображенъ садовникъ на обверткѣ книги; это сходство льститъ ему и увеличиваетъ его уваженіе къ автору учебника. Украшаютъ свой садъ оба друга точно такъ же, какъ могли бы это сдѣлать самые заядлые буржуа, полъ-жизни проведшіе за прилавкомъ и купившіе, на старости лѣтъ, дачу въ окрестностяхъ Парижа. Они воздвигаютъ въ саду «этрусскую могилу», т.-е. четырехугольникъ изъ черной глины, похожій на собачью конуру, даютъ деревьямъ

форму креселъ, оленей или павлиновъ, устраиваютъ на мѣстѣ нѣчто въ родѣ остроконечной шляпы, предназначенной изображать китайскую пагоду, прикрѣпляютъ къ калиткѣ пятьсотъ трубокъ самой разнообразной формы и приглашаютъ всѣхъ сосѣдей любоваться этими чудесами. Послѣ увлеченія садоводствомъ идетъ увлеченіе кухней; они приготовляютъ небывалые консервы, невозможные кремы, и считаютъ себя при этомъ «весьма серьёзными людьми, занятыми полезнымъ дѣломъ». Переходъ отъ ручного труда къ научнымъ занятіямъ не производитъ въ Буварѣ и Пекюше замѣтной перемѣны; въ медицинскихъ книгахъ ихъ интересуютъ больше всего примѣры необыкновенной тучности или чрезвычайно продолжительныхъ запоровъ, въ физіологіи имъ кажутся особенно важными общія мѣста о возрастѣ, полѣ и темпераментахъ; «они были очень рады узнать, что языкъ—органъ вкуса, что ощущеніе голода исходитъ отъ желудка». Изучая естественную исторію, они удивляются тому, что у птицъ есть крылья, у сѣмянъ—оболочка; не умѣя пользоваться микроскопомъ и ничего, вслѣдствіе этого, подъ нимъ не разбирая, они сомнѣваются въ дѣйствительности сдѣланныхъ съ помощью его открытій. Подъ предлогомъ изученія археологіи, они заводятъ у себя нѣчто въ родѣ магазина игрушекъ для взрослыхъ дѣтей; одинъ изъ нихъ щеголяетъ шлемомъ, другой фехтуетъ алебардой. Читая исторію революціи, они жалѣютъ, что между роялистами и патріотами сразу не состоялось соглашенія: сколько бѣдствій было бы такимъ образомъ предупреждено! Пекюше предпринимаетъ исправленіе ошибокъ противъ исторіи, сдѣланныхъ въ романахъ Дюма. Занимаясь декламаціей трагедій, они возводятъ себя на степень артистовъ; Пекюше отпускаетъ усы, Буваръ старается быть похожимъ на Беранже. Десять лѣтъ спустя послѣ погруженія ихъ въ науку или въ науки, они не могутъ сказать о женщинахъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, которыя они твердили въ день первой своей встрѣчи. Они вызываютъ духовъ, вѣрятъ въ волшебный ящикъ, стараются имѣть видѣнія, отыскиваютъ клады. Короче, въ концѣ книги, какъ и въ началѣ, Буваръ и Пекюше—все тѣ же чудаки, все тѣ же «bons hommes» (выраженіе самого Флобера), играющіе въ науку, но столь же мало способные понять ее, какъ и любой изъ другихъ шавиньольскихъ или іонвильскихъ буржуа, нарисованныхъ Флоберомъ. Очевидно, что съ такими героями тема, выбранная авторомъ, могла быть обработана—безъ внутреннихъ противорѣчій—только въ одномъ направленіи, въ одномъ смыслѣ: въ смыслѣ подавляющаго дѣйствія, производимаго на слабый умъ богатствомъ и разнообразіемъ

современной науки. Стремленіе «обнять необъятное», исходя отъ Буваровъ и Пекюше, напоминаетъ развѣ афоризмъ Кузьмы Пруткова и заключаетъ въ себѣ нѣчто неотразимо-комическое, какъ всякій слишкомъ яркій контрастъ между средствомъ и цѣлью, между намѣреніемъ и исполненіемъ. Буваръ и Пекюше, мучимые неутолимой жаждой знанія, пробѣгающіе изъ конца въ конецъ все необозримое поле науки—это мухи, воображающія себя двигателями тяжелаго экипажа, или лягушки, пытающіяся раздуть себя до толщины быка. Изобразить ихъ напрасныя усилія, ихъ пыхтѣнье и ихъ натуги—задача весьма благодарная, особенно для юмориста, какимъ несомнѣнно былъ Флоберъ. Вездѣ, гдѣ авторъ остается въ предѣлахъ этой задачи, изъ-подъ его пера выходятъ правдивыя, умныя страницы, полныя искренней веселости—той gaieté gauloise, образцы которой были даны еще Рабле и такъ часто встрѣчаются у Вольтера. Можно находить, что авторъ не всегда разборчивъ въ выборѣ средствъ къ возбужденію смѣха, но нельзя не смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, и отъ всей души; напомнимъ, для примѣра, опыты съ козломъ и овцой или ту сцену, когда вслѣдъ за разговоромъ о катастрофѣ, предстоящей земному шару, Буваръ катится съ осыпающагося холма, а Пекюше гонится за нимъ, крича: «arrête! arrête! la période n'est pas accomplie!» Къ сожалѣнію, Флоберъ не сосредоточился на одной задачѣ; мы видѣли уже, что онъ задумалъ показать, на примѣрѣ Бувара и Пекюше, невозможность достигнуть достовѣрнаго знанія.

Чѣмъ бы ни занялись, на чемъ бы ни остановились Буваръ и Пекюше, они постоянно встрѣчаются съ неразрѣшимыми противорѣчіями, съ взглядами одинаково, повидимому, авторитетными, но непримиримыми между собою. Объ эту преграду разбиваются уже попытки, дѣлаемыя друзьями къ улучшенію своего хозяйства. Какъ удобрять почву, если одинъ авторъ стоитъ за гипсъ, другой доказываетъ его непригодность, если идетъ споръ о необходимости парового поля, если находятся ученые, вовсе отвергающіе пользу навоза? Какъ заниматься разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ, если уходъ, посредствомъ котораго можно увеличить размѣръ плодовъ, уменьшаетъ ихъ сочность? Такіе же проклятые вопросы продолжаютъ преслѣдовать ихъ и въ области наукъ, усложняясь и умножаясь по мѣрѣ расширенія предмета. Противорѣчія, встрѣчаемыя ими въ этой сферѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: одни сводятся къ разногласію между авторами, другія коренятся въ самой сущности дѣла. Буваръ и Пекюше перестаютъ вѣрить въ геологію, какъ только

узнаютъ, что система Кювье имѣетъ противниковъ, и весьма сильныхъ; они разочаровываются въ исторіи, потому что историки несогласны между собою относительно большинства событій и хронологическихъ данныхъ; они признаютъ синтаксисъ—фантазіей, грамматику—иллюзіей, потому что слова могутъ быть произносимы и разставляемы различно, потому что Литтре отвергаетъ орѳографію, какъ сборникъ обязательныхъ для всякаго правилъ. Эстетика кажется имъ чепухой, потому что восхваляемое одними порицается другими, потому что Вугуръ находитъ въ Тацитѣ недостатокъ простоты, Древъ нападаетъ на Шекспира за смѣшеніе серьезнаго съ комическимъ, Низаръ ставитъ Андре Шенье ниже поэтовъ XVII вѣка, Мармонтель жалуется на поэтическія вольности Гомера. Съ другой стороны, нашихъ искателей истины отталкиваетъ въ химіи неопредѣленность самыхъ основныхъ ея положеній (напр. дѣленія тѣлъ на простыя и сложныя), въ физіологіи—невозможность прослѣдить всѣ перемѣны, которымъ подвергается принятая животнымъ пища, въ зоологіи—шаткость понятія о видѣ, въ минералогіи—отсутствіе ясной черты между органическимъ и неорганическимъ. Констатировать нѣкоторыя изъ противорѣчій перваго рода могутъ, пожалуй, и Буваръ съ Пекюше; но какъ только являются на сцену противорѣчія второй категоріи, мы чувствуемъ, что въ союзъ съ героями книги вступаетъ самъ авторъ. Возможно-ли, напримѣръ, чтобы изученіе химіи внушило Пекюше (въ самомъ началѣ его научныхъ блужданій) слѣдующее размышленіе: «если молекула одного тѣла соединяется съ нѣсколькими молекулами другого, то она должна, повидимому, раздѣлиться на нѣсколько частей, т.-е. потерять первичное свое значеніе» (значеніе мельчайшей единицы?). Возможно-ли, чтобы Буваръ дошелъ собственнымъ умомъ до отрицанія медицины, какъ науки, потому что «двигательныя пружины жизни намъ неизвѣстны, болѣзни слишкомъ многочисленны, дѣйствіе лекарствъ слишкомъ загадочно»? «Наука, —говоритъ Буваръ въ другомъ мѣстѣ,—«основана на данныхъ, относящихся къ одному уголку пространства; можетъ быть, она вовсе не примѣнима къ остальнымъ, гораздо болѣе обширнымъ, невѣдомымъ и недоступнымъ для нашего познанія частямъ вселенной». Равнодушно смотря на падающія звѣзды, Пекюше замѣчаетъ, что съ такимъ же равнодушіемъ отнеслись бы, быть можетъ, граждане другихъ міровъ къ гибели земнаго шара. Чѣмъ дальше книга подвигается впередъ, тѣмъ чаще встрѣчаются сужденія, критическія замѣтки, афоризмы, очевидно отражающіе собою задушевныя мысли Флобера. Не Буваръ и Пекюше, конеч-

но, находятъ историческія описанія Тьера—плоскими, буржуазную драму—тривіальной, всеобщую подачу голосовъ—не интеллигентною, народную толпу — неизбѣжно глупою уже въ силу своей многочисленности (par le fait seul de la foule, les germes de bêtise qu'elle contient se développent et il en résulte des résultats incalculables). Не Буваръ и Пекюше называютъ Боссюэ шутникомъ (farceur), везду сующимъ евреевъ и производящимъ отъ нихъ все, даже греческую философію; не они протестуютъ противъ приговоровъ критики и увлеченій массы, не они отказываются видѣть въ рукоплесканіяхъ и свисткахъ мѣрило достоинства комедіи или драмы. Не они, а самъ Флоберъ высказываетъ мимоходомъ свое мнѣніе о Ж. Зандѣ и А. Каррѣ, осуждаетъ тенденціозность первой и постоянное вмѣшательство послѣдняго въ ходъ разсказа; не Флоберъ усматриваетъ въ сочиненіяхъ Бальзака цѣлый Вавилонъ рядомъ съ пылинками, изслѣдуемыми подъ микроскопомъ. «Я нахожу Бальзака химеричнымъ», говоритъ Пекюше, когда первый пылъ восторга уступаетъ мѣсто спокойному анализу: «онъ вѣритъ въ тайныя науки, въ монархію, въ дворянство, увлекается негодяями, сыплетъ милліонами какъ сантимами и обращаетъ своихъ буржуа въ какихъ-то колоссовъ. Зачѣмъ раздувать плоское, зачѣмъ описывать столько глупостей! Темой одного изъ его романовъ служитъ химія, другого—банкъ, третьяго—типографская машина. Можно, пожалуй, написать по роману о каждомъ ремеслѣ и о каждой провинціи, о каждомъ городѣ и о каждомъ этажѣ каждаго дома—только это будетъ уже не литература, а этнографія или статистика». Можетъ ли, хоть на одну минуту, возникнуть сомнѣніе въ томъ, кому принадлежитъ авторское право на этотъ отзывъ о Бальзакѣ или на слѣдующее сравненіе, также влагаемое въ уста Пекюше: «Я провожу въ наклонномъ направленіи волнистую линію. Для тѣхъ, кто идетъ по ней, каждое пониженіе ея закрываетъ горизонтъ; но она опять поднимается, и не смотря на всѣ уклоненія отъ прямой, въ концѣ концовъ достигаетъ вершины. Таковъ ходъ прогресса». Подобныхъ фразъ, внезапно переносящихъ насъ изъ низменности подъ облака, мы могли бы привести еще много; но положеніе, выставленное нами, едва ли требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Изъ-за масокъ Бувара и Пекюше ясно виднѣется по временамъ фигура Гюстава Флобера.

Мы не принадлежимъ къ числу приверженцевъ теоріи безусловно-объективнаго творчества, проповѣдуемой французскими доктринерами натурализма, но это не мѣшаетъ намъ признать,

что въ данномъ случаѣ вторженіе субъективнаго элемента послужило далеко не въ пользу романа. Авторъ можетъ говорить устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ,—чтобы эти лица стояли на одномъ умственномъ уровнѣ съ авторомъ, чтобы выраженіе ими его мыслей не звучало рѣзкимъ диссонансомъ, не было явною несообразностью. Этого условія мы не находимъ въ посмертномъ произведеніи Флобера. Какимъ образомъ Буваръ и Пекюше могутъ высказывать мнѣнія, понятныя только въ устахъ умнаго человѣка, какимъ образомъ они могутъ подмѣчать слабыя стороны научныхъ теорій, усвоивать себѣ широкія обобщенія, смѣло идти на перекоръ общепринятымъ взглядамъ—это остается психологической загадкой, неразрѣшенной и неразрѣшимой. Правда, раза два Флоберъ упоминаетъ вскользь о расширеніи умственнаго горизонта своихъ героевъ, о новомъ свѣтѣ, проникающемъ въ ихъ головы,—но на самомъ дѣлѣ они продолжаютъ летать около знанія, какъ моль около свѣчки, и остроумные афоризмы, въ родѣ вышеприведенныхъ, остаются красивыми лоскутками чужого костюма, на скорую нитку пришитыми къ сѣрой будничной одеждѣ. Умъ, самъ по себѣ ординарный и цѣлые полвѣка сдавленный мелочами жизни, безсиленъ подняться на ту высоту, съ которой иногда говорятъ и смотрятъ Буваръ и Пекюше; какъ бы велика ни была любознательность, какъ бы упорно ни было позднее стремленіе впередъ и вверхъ,—прошедшее, исполненное банальности и пошлости, постоянно должно тянуть внизъ, къ привычному болоту. Такимъ болотомъ является для Бувара и Пекюше профессія переписчика; добровольное возвращеніе ихъ къ ней, намѣченное въ планѣ Флобера, было бы мастерскимъ финаломъ романа, еслибы не двойственность, допущенная авторомъ. Теперь мы видимъ въ этомъ финалѣ только добавочное подтвержденіе тому, что въ сущности горизонтъ Бувара и Пекюше никогда не расширялся, новый свѣтъ въ головы ихъ никогда не проникалъ, и что добрая половина всего сказаннаго ими должна быть поставлена на счетъ Флобера, отнесена къ области, осуждаемаго имъ у другихъ, «авторскаго вмѣшательства въ ходъ разсказа». До извѣстной степени Буваръ и Пекюше и теперь живые типы —но живые именно настолько, насколько они говорятъ и дѣйствуютъ отъ собственнаго лица, безъ подсказываній суфлера.

Этимъ не ограничиваются послѣдствія ошибки, сдѣланной Флоберомъ. Активно выступивъ на сцену, онъ соединилъ двѣ темы, изъ которыхъ каждая требовала иной обстановки, иныхъ условій. Отраженіе современной науки въ умахъ Бувара и Пе-

кюше смѣшивается съ отраженіемъ ея въ умѣ Флобера; передъ нашими глазами мелькаетъ то зеркальце, сплюснутое, тусклое, искажающее предметы, то зеркало высокой, художественной, хотя, можетъ быть, и не во всѣхъ отношеніяхъ правильной работы. Дѣйствіе одной картины положительно вредитъ дѣйствію другой; законченнаго, цѣльнаго впечатлѣнія не получается ни здѣсь, ни тамъ. Намъ хотѣлось бы прослѣдить, напримѣръ, какъ проникаетъ въ ограниченную голову ученіе, отвергающее центральность земли и человѣка. Не много найдется идей, до такой степени противоположныхъ заурядному міросозерцанію, до такой степени неудобоваримыхъ для массы, состоящей изъ Пекюше и Буваровъ. Эта идея можетъ овладѣть и самымъ неподатливымъ мозгомъ, но не безъ сопротивленія,—развѣ если она идетъ отъ учителя, въ котораго безусловно вѣритъ ученикъ. Что же мы видимъ въ разбираемомъ нами романѣ? Мысль о томъ, что земля составляетъ только ничтожную частицу вселенной, воспринимается героями Флобера весьма спокойно, какъ нѣчто вполнѣ естественное и простое; они даже предугадываютъ ее, еще не приступая къ изученію естественныхъ наукъ. Совершается все это по щучьему велѣнью — и психологическій процессъ, глубоко интересный, пропадаетъ для насъ совершенно безслѣдно. Тоже самое можно сказать и о многихъ другихъ этапныхъ пунктахъ въ научныхъ странствованіяхъ пріятелей. Если взглянуть на послѣднее произведеніе Флобера, какъ на выраженіе собственныхъ его взглядовъ, то мы встрѣчаемся съ затрудненіями другого рода. Замѣтимъ, прежде всего, что возможность такой точки зрѣнія доказывается не только содержаніемъ книги, но и свидѣтельствомъ Э. Зола, близко стоявшаго къ автору. Вотъ что говоритъ Зола въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Флобера [1]): «Bouvard et Pécuchet, по идеѣ автора, должны быть для современнаго міра тѣмъ, чѣмъ является «Tentation de Saint-Antoine» для міра античнаго: отрицаніемъ всего или, вѣрнѣе, доказательствомъ всеобщей глупости». Въ томъ же письмѣ Зола называетъ Флобера истиннымъ нигилистомъ, самымъ безпощаднымъ отрицателемъ, какого только имѣла французская литература. Если сопоставить эти слова съ сказаннымъ Зола въ другомъ мѣстѣ [2]) объ «Искушеніи св. Антонія», то намѣреніе Флобера представляется въ слѣдующемъ видѣ: онъ хотѣлъ показать тщету науки, подобно тому, какъ уже показалъ тщету религіи; онъ хотѣлъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1880 г. № 7, стр. 378, 373.

[2]) Въ статьѣ о романахъ Флобера („Парижскія письма", стр. 66).

обнаружить «безсиліе, неразуміе и ничтожество» человѣка и человѣчества во всѣхъ главныхъ областяхъ ихъ умственной жизни. Въ этомъ ли заключалась на самомъ дѣлѣ конечная цѣль Флобера—этого мы рѣшить не беремся; но въ примѣненіи къ «Bouvard et Pécuchet» догадка Зола кажется намъ не слишкомъ далекой отъ истины. Многія изъ мнѣній, очевидно высказанныхъ отъ лица Флобера, направлены, повидимому, не только противъ ученыхъ, но и противъ науки. Если это такъ, то основная мысль романа не согласована съ дѣйствующими лицами и дѣйствіемъ. Изъ неудачи такихъ искателей истины, какъ Буваръ и Пекюше, нельзя вывести заключенія о безнадежности самаго исканія истины. Чтобы доказать недоступность извѣстнаго результата, нужно брать условія, наиболѣе благопріятныя для его достиженія; въ противномъ случаѣ всегда остается возможность утверждать, что при другихъ условіяхъ результатъ былъ бы достигнутъ. Въ «Искушеніи св. Антонія» передъ нами проходятъ разные вѣка, разные народы, разныя ученія и секты; изъ столь широкой картины можно сдѣлать общій выводъ, хотя бы и не тотъ, который Зола приписываетъ Флоберу. Но что же можно заключить изъ того, что двухъ «bonshommes», въ родѣ Пекюше и Бувара, не удовлетворяетъ ни одна отрасль современнаго знанія? Какимъ образомъ это можетъ служить иллюстраціей «безсилія, ничтожества, неразумія» человѣчества? Допустимъ, однако, вопреки очевидности, что Буваръ и Пекюше могутъ считаться представителями средняго современнаго человѣка, или забудемъ ту роль, которую они играютъ въ развитіи основной темы романа; достоинство его отъ этого существенно не поднимется. Стараясь доказать шаткость, недостовѣрность современной науки, Флоберъ не установилъ съ точностью ея предѣловъ, не выдѣлилъ изъ нея всего того, что включается въ ея сферу лишь по недоразумѣнію или по привычкѣ. Отсюда—одинаковость ударовъ, наносимыхъ имъ физіологіи и медицинѣ, геологіи и грамматикѣ, химіи и исторіи (понимаемой въ смыслѣ простого перечня событій). Отрицать научность исторіи, грамматики, медицины или тѣмъ болѣе земледѣлія, огородничества, садоводства, значитъ, по французскому выраженію, ломиться въ открытую дверь (enfoncer une porte ouverte); побѣда здѣсь весьма легка, только она ни на волосъ не подвигаетъ побѣдителя къ желаемой цѣли. Нетрудно также извлечь изъ области науки массу противорѣчій, колебаній, недомолвокъ; но оружіемъ противъ науки они служить не могутъ, развѣ еслибы удалось доказать, что они неизбѣжны, всеобъемлющи и неустранимы, что нѣтъ ни одного научнаго положенія, которое стояло

бы внѣ и выше всякаго спора. Само собою разумѣется, что это Флоберомъ не доказано, да и никѣмъ доказано быть не можетъ. Во всякой точной наукѣ есть начала, установленныя твердо и непоколебимо; число ихъ постоянно ростетъ, по мѣрѣ успѣховъ знанія, и все позволяетъ ожидать, что они будутъ найдены даже для соціологіи. Самый подборъ противорѣчій у Флобера далеко не всегда можетъ быть названъ удачнымъ. Иногда они относятся къ вопросамъ, совершенно неважнымъ,—напримѣръ, къ тому, гдѣ умеръ Коріоланъ, былъ ли раненъ Горацій Коклесъ; иногда они объясняются просто эпохой, когда жилъ тотъ или другой писатель,—таковы, напримѣръ, нападенія Лагарпа противъ Шекспира; иногда матеріалы для нихъ отыскиваются въ источникахъ, вполнѣ и заслуженно забытыхъ,—напримѣръ, у Бугура, котораго нѣсколько разъ цитируетъ Флоберъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ громадномъ большинствѣ читателей посмертное произведеніе Флобера не возбудитъ никакихъ сомнѣній въ достовѣрности точнаго знанія [1]). Нигилизмъ или скептицизмъ, выразившійся въ «Bouvard et Pécuchet», не имѣетъ и тѣни той силы, въ которой никакъ нельзя отказать «Искушенію св. Антонія». Для комическаго эпоса авторъ собралъ много драгоцѣнныхъ данныхъ, но вполнѣ исчерпать ихъ богатство помѣшала тенденція, поверхностно пришпиленная къ нимъ, спутавшая ихъ и сама спутанная ими.

Погоня за знаніемъ—главная, но не единственная тема разбираемаго нами романа. Въ непосредственной связи съ нею стоитъ исканіе религіозной истины. Нѣкоторые его эпизоды очень хороши, но въ цѣломъ и эта часть книги едва ли можетъ быть названа вполнѣ удачною. Буваръ и Пекюше, окончившіе длинный рядъ своихъ научныхъ экскурсій и ни въ чемъ не нашедшіе точки опоры, близки къ самоубійству; они случайно заходятъ въ церковь во время ночной службы на Рождество, и не только рѣшаются жить, но становятся вѣрующими католиками. Не знаемъ, отразилось ли здѣсь воспоминаніе о пасхальномъ пѣніи, останавливающемъ въ рукахъ Фауста чашу съ ядомъ; во всякомъ случаѣ переворотъ совершается слишкомъ легко, если принять въ соображеніе, что именно передъ нимъ вѣра въ самихъ себя, вмѣстѣ съ пренебреженіемъ ко всему окружающему, достигла въ Буварѣ и Пекюше высшей степени своего развитія. Еще менѣе правдоподобно изображено новое отдаленіе ихъ отъ

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о достовѣрности относительной—единственной доступной для человѣка.

церкви и отъ вѣры. Юридическій афоризмъ: «Non bis in idem» имѣетъ примѣненіе и къ душевной жизни; человѣкъ рѣдко переживаетъ два раза одинъ и тотъ же умственный процессъ. Буваръ и Пекюше прошли уже всѣ фазисы скептицизма, научнаго и философскаго, прежде чѣмъ обратиться къ религіи; возвращеніе ихъ къ скептицизму является недостаточно объясненнымъ. Слабыя стороны католицизма, несостоятельность аргументовъ, употребляемыхъ его защитниками, не были новостью для Бувара и Пекюше; до погруженія въ науку они были католиками, во время научныхъ занятій часто спорили съ кюрэ и знали его полемическіе пріемы. Въ область политики Буваръ и Пекюше дѣлаютъ только короткіе набѣги, едва намѣченные авторомъ.

Политическое настроеніе среды, въ которой живутъ пріятели, выступаетъ на сцену лишь изрѣдка; мы видимъ перемѣны, производимыя въ немъ февральскою революціею, торжествомъ реакціи, водвореніемъ Наполеоновскаго режима. Какъ и въ «Сантиментальномъ воспитаніи», Флоберъ изображаетъ только одну сторону медали: глупость буржуазіи, невѣжество рабочихъ, подлость такъ-называемыхъ защитниковъ общества и такъ-называемыхъ враговъ его. Жефроа (кюрэ) благословляетъ дерево свободы, Фуро (мэръ) боится гильотины, Горжю (рабочій, эксплуатирующій слабости Бувара и Пекюше) болтаетъ, пьетъ и выдвигается, благодаря этому, на первый планъ; графъ де-Фовержъ, легитимистъ, братается съ народомъ и оспариваетъ у трактирщика честь избранія въ командиры національной гвардіи. Начинается реакція—всѣ вѣрятъ въ ананасныя пюре Луи Блана, въ золотую кровать Флокона, въ королевскія оргіи Ледрю-Роллена; Пекюше споритъ съ Горжю объ организаціи труда, одинаково съ нимъ не понимая предмета спора. Провинція, однимъ словомъ, является маленькой, но точной копіей съ того Парижа временъ второй республики, который описанъ въ предъидущемъ романѣ Флобера. Оригинальна (и поразительна въ своей простотѣ) только сцена кюрэ съ школьнымъ учителемъ-республиканцемъ, котораго смиряетъ голодъ и опасеніе за участь семьи. Въ обыкновенное время Шавиньоль—такое же мирное гнѣздо или, лучше сказать, такая же стоячая вода человѣческой глупости, какъ Тостъ или Іонвилль въ «Madame Bovary». Иногда Флоберъ какъ будто бы хочетъ противупоставить Бувара и Пекюше окружающей ихъ средѣ. «Очевидное ихъ превосходство казалось оскорбленіемъ; противъ нихъ пустили въ ходъ клевету. Тогда въ нихъ развилась печальная способность: видѣть глупость,

не вынося ея. Ничтожныя вещи—реклам журналовъ, профиль буржуазнаго лица, случайно услышанная пошлость—наводили на нихъ тоску. Когда они думали о томъ, что вездѣ есть свои Мареско, свои Фуро, свои Кулоны (такъ зовутъ представителей шавиньольской «интеллигенціи»), имъ казалось, что они чувствуютъ на себѣ всю тяжесть земного шара». Неровная борьба между единицами и массой могла бы сдѣлаться интересной; но дальнѣйшаго развитія ея мы не видимъ, и притомъ единицы, въ данномъ случаѣ, слишкомъ мало отличаются отъ тяготѣющей надъ ними массы.

Исполненіе «Bouvard et Pécuchet» также несвободно отъ недостатковъ, какъ и замыселъ. Отдѣльныя части разсказа нерѣдко сшиты бѣлыми нитками; его герои переходятъ иногда отъ одного занятія къ другому только потому, что это нужно для цѣлей Флобера, для избіенія еще какой-нибудь науки. Буваръ и Пекюше только-что покончили съ гигіеной и гигіеническими опытами; они опять признали за собою право пить кофе съ водкой, на вольномъ воздухѣ. Ночь тиха и свѣтла; небо, покрытое звѣздами, кажется лазурнымъ моремъ, съ архипелагами и островками. Друзья засматриваются на него, мечтаютъ о безпредѣльности міра—и рѣшаются изучать естественныя науки. Случайная находка стариннаго сундука обращаетъ ихъ въ археологовъ. Чтобы понять памятники кельтійскаго періода, они начинаютъ заниматься позднѣйшей исторіей Франціи. Въ данный моментъ, стоящая на очереди наука всегда становится передъ ними, какъ листъ передъ травой въ народныхъ сказкахъ.—Описаній въ «Bouvard et Pécuchet» сравнительно немного, но они страдаютъ, большею частью, тою банальностью или безцвѣтностью, о которой мы говорили подробно при разборѣ другихъ романовъ Флобера [1]). «Четырнадцать жнецовъ, съ обнаженной грудью и раздвинутыми ногами, косили ячмень. Желѣзо косъ свистѣло въ соломѣ, ложившейся направо. Каждый описывалъ косою обширный полукругъ, и всѣ, образуя одинъ рядъ, подвигались впередъ въ одно и то же время». Прочитавъ такое описаніе, лишенное всякой рельефности, всякой характеристичной черты, невольно спрашиваешь себя, для чего оно понадобилось автору—и невольно вспоминаешь описаніе косьбы въ «Аннѣ Карениной», прелестное само по себѣ и тѣсно связанное съ ходомъ разсказа. Буваръ и Пекюше входятъ въ ферму Гуи; авторъ сопровождаетъ ихъ туда какъ судебный приставъ, записывающій безразлично все попа-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1880 г. № 8, стр. 472—476.

дающееся ему на глаза. «Въ потолку кухни были привѣшены связки конопли. Три старыя ружья висѣли одно надъ другимъ, на высокой печкѣ. Этажерка съ расписными фаянсами занимала средину стѣны; окна изъ бутылочнаго стекла отбрасывали тусклый свѣтъ на жестяную и мѣдную посуду». Прочитавъ эти подробности, приблизились ли мы хоть сколько-нибудь въ пониманію фермера и его жены, узнали ли мы хоть что-нибудь объ особенностяхъ нормандскихъ фермъ? А между тѣмъ, описаніе такъ бѣдно и блѣдно само по себѣ, что оправдать его могла бы только внутренняя связь съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ или ихъ обстановки. Замѣтимъ еще, что Гуи съ женой занимаютъ въ романѣ самое ничтожное мѣсто, и что внутри фермы происходитъ только одна, вовсе неважная сцена. Въ самомъ концѣ романа мы сталкиваемся на одну минуту съ двумя лицами, вся роль которыхъ—служить свидѣтелями ссоры Бувара и Пекюше съ лѣснымъ сторожемъ; однако авторъ считаетъ долгомъ сообщить намъ, что одно изъ нихъ было одѣто въ старый желтый сюртукъ и синіе холстинковые панталоны, а у другого была борода подстриженная какъ у судей. Такихъ ненужныхъ подробностей въ «Bouvard et Pécuchet» очень много; укажемъ еще, для примѣра, на описаніе переѣзда Бувара и Пекюше въ Шавиньоль. Есть, конечно, и такія страницы, которыя могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими мѣстами прежнихъ произведеній Флобера: въ описаніи парижской квартиры Пекюше или жилища шавиньольскаго учителя внутренняя связь между человѣкомъ и его обстановкой чувствуется такъ же живо, какъ у Бальзака; превосходно изображены колебанія Бувара и Пекюше при выборѣ имѣнія, первыя впечатлѣнія ихъ у себя дома, наслажденія, испытываемыя Пекюше въ медовый мѣсяцъ его занятій садоводствомъ, ощущенія обоихъ друзей въ церкви, передъ причащеніемъ. Умѣнье нарисовать въ немногихъ словахъ цѣлое душевное настроеніе проявляется здѣсь съ полной силой, какъ и въ «Madame Bovary», какъ и въ «Education Sentimentale».

Послѣднее произведеніе Флобера стоило ему продолжительной, упорной работы; онъ трудился надъ нимъ, если вѣрить Зола, около десяти лѣтъ, собралъ для него массу матеріаловъ, прочиталъ множество книгъ—между прочимъ, *сто семь* сочиненій объ одномъ земледѣліи! Результатъ не соотвѣтствуетъ усиліямъ и показываетъ еще разъ, что кропотливость—не залогъ литературнаго успѣха, что процессъ работы, свойственный бенедиктинскому монаху, не пригоденъ для романиста. Сумма всевозможныхъ цитатъ и отрывковъ изъ записной книжки—недоста-

точная основа для романа; погоня за безусловною точностью идетъ въ ущербъ художественности, какъ бы тщательна ни была отдѣлка каждой фразы, каждаго слова. Сжатость выраженій— не то же самое, что сила; буквальная передача видѣннаго и слышаннаго—не то же самое, что истинный реализмъ; знаніе фактовъ—не то же самое, что умѣнье художественно пользоваться ими,—вотъ заключенія, вытекающія изъ «Bouvard et Pécuchet», съ большею еще очевидностью, чѣмъ изъ другихъ сочиненій Флобера. Неправильный взглядъ на задачу романа, на условія, которыя онъ долженъ соединять въ себѣ, отразился не только на количествѣ произведеній Флобера, но и на качествѣ ихъ; огромный талантъ добровольно наложилъ на себя путы, не только замедлявшія, но и связывавшія его движеніе. Натуралистическій романъ, чтобы идти впередъ, долженъ избѣгать ошибокъ, сдѣланныхъ Флоберомъ, и цѣнить въ немъ въ особенности черты, общія ему съ великимъ, настоящимъ основателемъ современнаго французскаго реализма — съ Бальзакомъ. Полезнымъ образцомъ для молодыхъ французскихъ писателей, идущихъ по стопамъ Флобера, посмертное произведеніе послѣдняго можетъ служить преимущественно какъ опроверженіе теоріи Зола, устраняющей изъ романа тенденцію или тенденціозность. «Bouvard et Pécuchet» — романъ въ полномъ смыслѣ слова тенденціозный; въ этомъ, при другомъ исполненіи, могла бы заключаться главная его сила. Еслибы Флоберъ завѣщалъ намъ эпопею глупости, идущей на штурмъ современнаго знанія, или поэму ума, неудовлетвореннаго современной наукой, онъ могъ бы перейти въ потомство, какъ авторъ «Bouvard et Pecuchet»; теперь его будутъ называть, по всей вѣроятности—какъ называли и при жизни — авторомъ «Madame Bovary».

Z. Z.

ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ

Очерки современной литературы.

Глѣбъ Успенскій: — Люди и нравы современной деревни: въ сѣверной полосѣ. — Въ степи.—Изъ памятной книжки.—Изъ стараго и новаго. 1879—1880. Деревенская неурядица (три тома). 1882 г.

I.

Имя г. Глѣба Успенскаго давно уже появилось въ русской литературѣ. Его первыя произведенія, если мы не ошибаемся, относятся къ самому началу шестидесятыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ г. Успенскій писалъ безъ перерыва. Въ этотъ длинный періодъ времени изъ-подъ пера талантливаго писателя вышло не мало по-истинѣ замѣчательныхъ разсказовъ, очерковъ, картинъ, посвященныхъ изображенію народной жизни. Безъ преувеличенія можно сказать, что своими произведеніями г. Успенскій много содѣйствовалъ уменьшенію того мрака, который скрывалъ отъ глазъ большинства образованнаго общества существенныя черты народнаго быта. Онъ намѣтилъ новые типы, характеры, но, что̀, быть можетъ, еще важнѣе, онъ съ большимъ знаніемъ дѣла раскрывалъ передъ нами тѣ внутреннія стороны жизни народа, къ которымъ не имѣли возможности, повидимому, подступить писатели сороковыхъ годовъ. Онъ показывалъ, какъ и что̀ думаетъ народъ по тому или другому нравственному, экономическому, общественному вопросу, задѣвающему мужицкую жизнь, какъ онъ относится «къ барину», къ «своему брату», какъ народъ понимаетъ и насколько интересуется общественными явленіями, событіями, совершающимися въ государственной жизни Россіи. Г. Успенскій старается проникнуть въ думы, въ міросозерцаніе простого народа, вполнѣ справедливо увѣренный, что знакомство съ внутреннею стороною народной жизни во сто кратъ важ-

нѣе, чѣмъ самое блестящее, мастерское изображеніе внѣшнихъ сторонъ его быта. Задача, въ высшей степени серьезная и почтенная, хотя вмѣстѣ и необычайно трудная, которою задался г. Успенскій, не оказалась не по плечу писателю. Сомнѣнія нѣтъ, онъ не исчерпалъ богатаго матеріала, встрѣченнаго имъ на своемъ литературномъ пути, но совершенно безспорно, что та узкая, едва примѣтная тропинка, которая проложена была въ народной жизни, какъ предшествовавшими писателями, такъ и писателями, работавшими съ нимъ одновременно, благодаря его произведеніямъ, значительно расширилась и просвѣтлѣла. Казалось бы, что значеніе писателя, работающаго подобно г. Успенскому, впродолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, и, главное, работающаго съ выдающимся талантомъ надъ такою важною задачею какъ изображеніе невѣдомыхъ сторонъ народной жизни, должно было быть давно опредѣлено и вкладъ, внесенный имъ въ родную литературу, не разъ оцѣненъ по достоинству. Съ г. Успенскимъ случилось однако иное. Правда, въ глазахъ читающей публики онъ занимаетъ весьма видное мѣсто среди современныхъ литературныхъ дѣятелей, произведенія его встрѣчаютъ живое сочувствіе; но критика, на обязанности которой лежитъ разъясненіе причинъ, по которымъ тотъ или другой писатель занимаетъ извѣстное мѣсто, которая устанавливаетъ, или вѣрнѣе, объясняетъ право писателя на видное мѣсто въ литературѣ, до сихъ поръ не исполнила своей обязанности по отношенію къ г. Успенскому.

По поводу его произведеній появлялись, правда, небольшія, большею частію фельетонныя критическія замѣтки, но вовсе не такого свойства, чтобы онѣ могли установить правильный взглядъ на литературную дѣятельность г. Успенскаго.

Бѣда этихъ замѣтокъ заключалась вовсе не въ томъ, что это были небольшія замѣтки, а не пространныя статьи. Мы очень хорошо знаемъ, что иная замѣтка на нѣсколькихъ газетныхъ столбцахъ стóитъ гораздо больше, чѣмъ обширная журнальная статья, что замѣтка на двухъ-трехъ страницахъ Бѣлинскаго или Добролюбова гораздо вѣрнѣе оцѣнитъ достоинство произведенія и опредѣлитъ мѣсто писателя, чѣмъ иная критическая статья, написанная по всѣмъ правиламъ искусства. Дѣло не въ количествѣ печатныхъ строкъ или страницъ, а въ правильности сужденія, въ добросовѣстности оцѣнки, чуждой извращеній мысли писателя, недоступной для сознательной фальши ради проведенія той или другой излюбленной идеи. А этого-то всего и не было въ тѣхъ замѣткахъ, о которыхъ мы говоримъ. Одни указывали, что Глѣбъ Успенскій даетъ своимъ читателямъ талант-

ленія фотографіи, но что въ его произведеніяхъ нѣтъ того элемента, который долженъ быть присущъ выдающемуся беллетристу, именно, элемента творчества; другіе говорили, что весь его литературный багажъ заключается исключительно въ мелкихъ разсказахъ, очеркахъ, картинкахъ, но что онъ не далъ ни одного крупнаго произведенія, что онъ предлагаетъ читателю только отрывки, этюды, какіе-то наброски и не развернулъ передъ нимъ ни одной цѣльной картины народной жизни. Наконецъ, его упрекали даже въ легкомысленномъ отношеніи къ той задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ и въ довершеніе всего выставлялось даже обвиненіе, что г. Успенскій своими произведеніями подслуживается извѣстному направленію и съ умысломъ рисуетъ русскій народъ мрачными красками, принося такимъ образомъ свой талантъ въ жертву тому, что съ такимъ по истинѣ удивительнымъ остроуміемъ называютъ «лакейскимъ» либерализмомъ.

Не можетъ быть, разумѣется, ничего легче какъ произносить подобныя легковѣсныя сужденія, которыми замѣняется серьезная литературная оцѣнка произведеній того или другаго писателя. Послѣдняя требуетъ вкуса, пониманія, серьезнаго отношенія къ писателю, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ внимательнаго чтенія его произведеній, т.-е. извѣстнаго труда, между тѣмъ какъ произнесеніе столь же рѣшительныхъ, сколько и бездоказательныхъ приговоровъ предполагаетъ развѣ одно, — гостинодворскую развязность. Мы бы, разумѣется, никогда и не остановились на мнѣніяхъ этого сорта, если бы въ наши литературные нравы послѣдняго времени все больше и больше не въѣдалась эта деморализирующая литературу наклонность не обсуждать, не разбирать произведеніе писателя, а забрасывать самого писателя бурнымъ потокомъ неприличныхъ, бранныхъ словъ. Ни заслуги писателя, ни его талантъ, ни то уваженіе, которымъ чтитъ его общество, ничто не гарантируетъ такого писателя, чтобы какой-нибудь газетный обозрѣватель не обдалъ не только его произведенія, но главнымъ образомъ его самого цѣлымъ ушатомъ литературныхъ нечистотъ. Такъ было съ Тургеневымъ, такъ было еще недавно съ Салтыковымъ. Очевидно, что эти господа предполагаютъ, что отсутствіе таланта, образованія, литературнаго пониманія можетъ быть съ избыткомъ возмѣщено дешевою способностью къ базарной брани. И чѣмъ беззастѣнчивѣе брань, тѣмъ, повидимому, большимъ сознаніемъ своего собственнаго достоинства наполняетъ она ея автора, самодовольно улыбающагося при мысли: «вотъ, дескать, какъ я его отдѣлалъ!» Вотъ что по истинѣ можно назвать сознаніемъ своего «лакейскаго» достоинства. Та-

кіе литературные, или вѣрнѣе, анти-литературные пріемы не только роняютъ тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ, но они незамѣтно свидѣтельствуютъ также объ упадкѣ литературы въ данный моментъ общественной жизни. Они всегда совпадаютъ съ временемъ наибольшаго стѣсненія печатнаго слова, и понятно почему. Отсутствіе сдержанности, страстность въ борьбѣ съ извѣстными идеями, тѣми или другими началами, съ тою или другою напр. политическою системою оказывается весьма естественно при извѣстныхъ условіяхъ. Когда такая борьба становится невозможна, когда эти идеи, начала, система дѣлаются внѣшнимъ образомъ недоступны литературѣ, тогда остается одинъ выходъ—это перенести споръ съ почвы идей на почву болѣе доступную, именно личную, и нападать на литературныхъ представителей этихъ взятыхъ подъ охрану идей. Такія нападенія, такая ожесточенная борьба съ нѣкоторыми литературными дѣятелями никогда никого не обманываетъ. Всякій долженъ отлично понимать, что, если иногда ожесточенно преслѣдуется извѣстный писатель, то вовсе не потому, чтобы именно этотъ писатель былъ особенно интересенъ, а только потому, что въ немъ видятъ представителя тѣхъ идей, которыя намъ ненавистны и лживость и вредъ которыхъ желаютъ изобличить. Вте это объясняется необходимостью, правда, печальною, но все-таки необходимостью. Пусть сняты будутъ сегодня непреодолимые барьеры, разставленные для пущаго обузданія свободнаго слова, пусть предоставленъ будетъ просторъ для критики, тогда всякій, уважающій себя, писатель охотно дастъ клятвенное обѣщаніе никогда даже не упоминать именъ тѣхъ людей, о которыхъ, къ стыду нашему, мы такъ часто вынуждены говорить. Люди порядочные не могутъ сомнѣваться, что всѣ эти «Булгарины», прошедшіе и настоящіе, не представляютъ ни малѣйшаго интереса сами по себѣ, и если приходится о нихъ толковать, то дѣлается это по-неволѣ, съ неизмѣннымъ чувствомъ брезгливости.

Но вотъ что болѣе всего достойно удивленія. У насъ на такіе несчастные литературные пріемы, на эту личную брань, на личныя клеветы, оказываются особенно падкими не тѣ, которые вынуждены для борьбы съ идеями прибѣгать къ борьбѣ съ личностями, а именно тѣ, которые вовсе въ томъ не нуждаются, для которыхъ существуетъ полная возможность вести какую угодно атаку противъ неправящихся имъ идей, оставляя въ сторонѣ личность писателя. Если, слѣдовательно, они прибѣгаютъ къ некрасивымъ литературнымъ пріемамъ, то единственно потому, что въ дѣйствительности они безсильны бороться противъ

тѣхъ идей, нападать на которыя не только разрѣшается, но подчасъ вмѣняется даже въ заслугу. Обозвать «лже-либераломъ» или «нынѣшнымъ либераломъ», хлеснуть именемъ «измѣнника» какому-то особому русскому духу или даже,—вѣдь языкъ безъ костей,—сообщникомъ «крамолы» ничего не стоитъ, для этого не требуется никакихъ талантовъ, кромѣ безшабашной развязности, да нравственной распущенности; но поставить серьезно вопросъ объ условіяхъ и путяхъ нашего національнаго развитія съ здравой критикой, съ честнымъ желаніемъ правды, такая задача куда труднѣе. За нее эти писатели и не берутся..

Благодаря этимъ укоренившимся въ нашихъ литературныхъ нравахъ некрасивымъ пріемамъ, мы точно разучились вести правильный споръ, систематически доказывать нашу мысль, а все норовимъ отдѣлаться какимъ-нибудь крѣпкимъ словцомъ, или поспѣшнымъ, непродуманнымъ, а потому и легковѣснымъ сужденіемъ. Есть, конечно, исключенія, но они такъ рѣдки, что точно тонутъ въ общемъ правилѣ. Появляется у насъ писатель, полный силъ, полный таланта, работающій неутомимо и обогащающій своими произведеніями нашу не такъ ужъ богатую литературу, и что же? Радуемся мы его появленію, рукоплещемъ его успѣхамъ, заботимся о томъ, чтобы придать ему энергіи на новые труды, укрѣпляемъ его нашимъ сочувствіемъ?.. Нѣтъ, онъ встрѣчается только съ злостными нападеніями. Правда, такія нападенія не причиняютъ особаго ущерба, но они вызываютъ чувство отвращенія. Когда эти нападенія направлены на писателя, стоящаго недосягаемо высоко надъ такими критиками, тогда припомнишь развѣ басню Крылова «Слонъ и моська» и съ пренебреженіемъ отвернешься отъ вызванныхъ озлобленіемъ надмывательствъ; но когда такимъ надмывательствамъ подвергается писатель молодой, или начинающій, или не успѣвшій еще вступить на твердый путь, тогда въ особенности становится обидно, досадно на господствующій низкій нравственный уровень нашей современной литературы. Если же паче чаянія черезъ все произведеніе писателя проходитъ честная мысль, серьёзное либеральное направленіе автора, тогда чистое горе. Пожалуйте-ка вашъ паспортъ, скажутъ такому писателю, вы кто такой? Вы, кажется, принадлежите къ лагерю «лже-либераловъ», вы сочувствуете европейскимъ порядкамъ? Такъ?.. Ату его!

Эти некрасивые литературные пріемы невольно припомнились по поводу разныхъ обвиненій противъ г. Успенскаго. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Разсказы и очерки г. Успенскаго, это—фотографіи съ народ-

наго быта, фотографіи, лишенныя главнаго элемента беллетристическаго произведенія, именно творчества. Вотъ одинъ изъ упрековъ, на которомъ стоитъ остановиться. Что хотятъ сказать этимъ словомъ «фотографія», мы, признаемся, не можемъ хорошо понять. Если этимъ словомъ желаютъ выразить, что писатель ограничивается въ своихъ произведеніяхъ перенесеніемъ на бумагу подслушанныхъ разговоровъ, простой передачей, во что были одѣты разговаривающіе и каково было жилище, комната, гдѣ происходилъ передаваемый разговоръ, то очевидно, что такой упрекъ не только не можетъ быть обращенъ къ г. Успенскому, но и вообще ни къ какому сколько-нибудь талантливому писателю. Гдѣ вы найдете такого писателя, который не внесъ бы въ подслушанные разговоры, въ подмѣченныя имъ внѣшнія черты жизни своего личнаго, ему одному присущаго отношенія къ тому, что онъ слышитъ и видитъ. Если же подъ «фотографіей» разумѣть вѣрное изображеніе дѣйствительности, точное, безъ фантастическихъ прикрасъ воспроизведеніе встрѣтившихся писателю лицъ, характеровъ, правдивое описаніе нравовъ, тогда этимъ именемъ придется окрестить произведенія всей реалистической школы, ставящей своею главною задачею отраженіе въ литературныхъ произведеніяхъ неприкрашенной дѣйствительности, жизни какъ она есть, со всѣми ея и темными и свѣтлыми сторонами. Какъ фальшива намъ кажется теперь когда-то модная идиллія, точно такъ же остаемся мы холодны при чтеніи произведеній, въ которыхъ люди и жизнь рисуются преувеличенными, мрачными красками. Въ обоихъ случаяхъ современный образованный читатель скажетъ: это фальшиво, и меньшее, что почувствуетъ къ такому произведенію самый благодушный читатель, это—полное равнодушіе. Сила впечатлѣнія, вызваннаго литературнымъ произведеніемъ, находится въ прямомъ отношеніи съ его правдивостью. Пусть природа, люди, нравы, характеры будутъ вѣрны дѣйствительности — вотъ первое и главное условіе, требуемое отъ литературнаго произведенія. Затѣмъ, намъ нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ достигъ писатель правды жизни, списываетъ ли онъ выводимое имъ лицо съ дѣйствительно существующей типической личности, или онъ изображаетъ лицо, въ дѣйствительности не существующее, но которое въ данное время, при господствѣ извѣстныхъ нравовъ, томъ или другомъ уровнѣ общественнаго развитія можетъ существовать, пусть это лицо встаетъ передъ нами живымъ, остальное для насъ безразлично. Возможно ли однако оставаться вѣрнымъ дѣйствительности, воспроизводить живыя лица, правдиво рисовать нравы, не обладая тѣмъ элементомъ, который зовется твор-

чествомъ? Конечно, нѣтъ. Безъ таланта, безъ творчества нельзя дать вѣрной «фотографіи»; списывать съ дѣйствительности вовсе не такъ легко, какъ нѣкоторые думаютъ, и тотъ, кто описываетъ и списываетъ вѣрно съ дѣйствительности (иначе этого не называли бы, конечно, «фотографіей»), тотъ несомнѣнно творитъ. И лучшее тому доказательство заключается въ томъ, что когда человѣкъ безъ таланта, безъ творческой силы принимается весьма усердно копировать жизнь, то въ итогѣ получается изображеніе случайнаго, произвольно взятаго факта, изображеніе не настоящей, а фальшивой дѣйствительности, въ которой никто не узнаетъ правды жизни. Понимать дѣйствительность, улавливать жизнь не всякому дано. Возьмите двухъ писателей, одного одареннаго талантомъ, надѣленнаго творческою способностью, другого лишеннаго этихъ драгоцѣнныхъ силъ, и пусть оба будутъ свидѣтелями одного и того же разговора, одного и того же событія. Одинаково ли они передадутъ свои впечатлѣнія, одинаково ли воспроизведутъ слышанное и видѣнное? Человѣкъ съ талантомъ схватитъ существенныя черты разговора, дѣйствующихъ лицъ, событія, а потому дастъ такое воспроизведеніе дѣйствительности, что каждый читатель невольно скажетъ: да, это такъ было, это сама жизнь! Писатель ничего не придаетъ, повидимому, отъ себя, не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго вымысла, онъ остался строго вѣренъ дѣйствительности и мы получили правдивую картину жизни. Называйте ее «фотографіей», она оттого ничего не потеряетъ. Другой же писатель, но только лишенный таланта и творчества, изобразитъ тотъ же разговоръ, тѣ же лица, то же событіе, также, повидимому, сфотографируетъ извѣстную картину, но эта картина будетъ блѣдна, мертва и вы никогда не узнаете въ ней дѣйствительности, жизни. Вотъ почему это слово «фотографія» лишено всякаго содержанія, и если несмотря на это оно держится въ литературной критикѣ, то только потому, что оно представляется чрезвычайно удобнымъ; оно избавляетъ критика отъ необходимости вникать въ произведеніе, сдѣлать ему надлежащую оцѣнку. «Фотографія!» и дѣло съ концомъ, и критикъ полагаетъ, что онъ сказалъ нѣчто опредѣленное, глубокомысленное, когда онъ ровно ничего не сказалъ. Упрекъ писателю, которому никто не отказываетъ въ томъ, что онъ рисуетъ живыхъ людей и воспроизводитъ неприкрашенную дѣйствительность, упрекъ въ томъ, что онъ даетъ читателю «фотографію» жизни, сильно отзывается добрымъ старымъ временемъ, когда велась война противъ первыхъ шаговъ нашего художественнаго реализма, или противъ «натуральной школы». Въ то время,

когда правда жизни, неразмалеванная дѣйствительность отождествлялась съ пошлостью жизни, когда «Евгеній Онѣгинъ», «Мертвыя Души», «Шинель» были неслыханною дерзостью геніевъ, бравировавшихъ «чувство приличія», «вкуса», наконецъ, всѣ литературныя преданія, когда Пушкинъ, первый, а за нимъ Гоголь и другіе писатели обвинялись въ lèse-majesté литературы именно за рѣшимость покинуть фальшивую реторику и черпать матеріалъ для своихъ произведеній въ окружающемъ ихъ мірѣ, въ голой дѣйствительности, въ жизни того самаго общества, которому они принадлежали, тогда впервые формулировался тотъ безсодержательный упрекъ, для котораго впослѣдствіи было найдено надлежащее выраженіе—фотографія. Старыя понятія, старыя формы исчезаютъ постепенно, умираютъ медленною смертью. Нельзя потому удивляться, что сторонники ихъ съ ожесточеніемъ нападали на литературныхъ новаторовъ, съ отвагою поднимавшихъ знамя художественной правды. Воспроизведеніе прозы жизни, сѣрыхъ будничныхъ дней, заурядняго люда съ его какъ серьёзными, такъ и мелкими интересами, подчасъ со всею его пошлостью, представлялось тогда упрямымъ приверженцамъ отживавшихъ понятій и формъ ничѣмъ инымъ, какъ унижающимъ литературу и недостойнымъ ея «копированіемъ» нисколько неинтересной для нихъ дѣйствительности. Но что было понятно тогда, то совершенно непонятно теперь, когда реалистическое направленіе съ его главною задачею—правдивымъ, неприкрашеннымъ вымыслами, изображеніемъ дѣйствительности—сдѣлалось господствующимъ. Что сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, люди, бравшіеся говорить о литературѣ, не понимали, что для правдиваго изображенія повседневной жизни обыкновенныхъ людей требуется больше таланта и творчества, чѣмъ для изображенія небывалой жизни и небывалыхъ людей, это совершенно въ порядкѣ вещей; но когда, при современномъ направленіи литературы, такого писателя, какъ г. Глѣбъ Успенскій, которому никто не отказываетъ въ томъ, что жизнь, которую онъ рисуетъ это дѣйствительная народная жизнь, и люди, которыхъ онъ выводитъ, не картонные, а живые люди,—упрекаютъ, что онъ занимается фотографіей, и въ силу этого отрицаютъ въ немъ творческую способность, это доказываетъ только одно—крайнюю сбивчивость понятій, отличающую современную литературную критику.

Чѣмъ другимъ, какъ не тѣмъ же объясняется другой упрекъ, дѣлаемый г. Успенскому, что онъ даетъ читателю только небольшіе очерки, а не крупныя произведенія, въ которыхъ развертывались бы цѣльныя картины народной жизни. Опредѣлять качество количе-

своимъ, это вполнѣ оригинальный критическій пріемъ. Обыкновенно достоинство литературнаго произведенія оцѣнивается сообразно тому, насколько вѣрно и рельефно воспроизведена въ немъ дѣйствительная жизнь, насколько живо затрогиваетъ оно общественный интересъ, насколько типично изображены описываемыя лица, насколько мысль, руководящая писателемъ, сильна и справедлива, но никогда еще литературное произведеніе не оцѣнивалось по количеству заключающихся въ немъ строкъ. Можно оспаривать, конечно, достоинство произведеній г. Успенскаго, можно доказывать, что его изображеніе народной жизни фальшиво, что выводимыя имъ лица не типичны, словомъ, можно находить всевозможные недостатки и убѣждать, что писатель этотъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, но нельзя основывать своего сужденія на томъ, сколько печатныхъ листовъ заключается въ произведеніи автора. Прикладывая подобный критическій аршинъ къ произведеніямъ, напримѣръ, Тургенева, слѣдовало бы сказать, что «Записки Охотника» стоятъ ниже всѣхъ его другихъ произведеній, такъ какъ «Записки Охотника» состоятъ изъ мелкихъ разсказовъ, а другія произведенія могутъ быть изданы отдѣльными томами. Но помимо того, что такой упрекъ доказываетъ крайнюю поверхностность сужденія, онъ еще и несправедливъ. Цѣлая серія очерковъ и разсказовъ, написанныхъ г. Успенскимъ, имѣютъ между собою такую тѣсную, неразрывную связь, одинъ очеркъ такъ явно служитъ продолженіемъ другого, что при сколько-нибудь внимательномъ чтеніи становится совершенно ясно, что вотъ такая-то серія очерковъ задумана одновременно, и что каждый изъ нихъ, хотя, быть можетъ, и носитъ отдѣльное названіе, но составляетъ ничто иное, какъ одну изъ главъ цѣлаго сочиненія. Всѣ подобные упреки доказываютъ, что у насъ слишкомъ часто люди, берущіе на себя роль грозныхъ литературныхъ судей, не отдаютъ себѣ вовсе отчета въ томъ, какія же въ самомъ дѣлѣ требованія должны быть предъявляемы къ писателю. Мало ли у насъ беллетристовъ, поставляющихъ чуть не ежегодно по большому роману, въ родѣ гг. Маркевича, Авсѣенка и другихъ, имя которымъ легіонъ, но оставляютъ ли они по себѣ какой-нибудь прочный слѣдъ въ литературѣ? И не потому, чтобы въ нихъ не было абсолютно никакихъ достоинствъ; часто они обличаютъ въ авторахъ способность къ бойкому разсказу, умѣнье владѣть перомъ, но въ нихъ нѣтъ тѣхъ свойствъ, которыя одни дѣлаютъ литературное произведеніе жизненнымъ. Лица, ими изображаемыя, списаны не съ натуры, а представляются только говорящими манекенами, а нравы, опи-

сываемые ими, неизвѣстно гдѣ существуютъ; благодаря или отсутствію наблюдательности, или избытку неудачно примѣняемой къ дѣлу фантазіи, или, наконецъ, ради желанія во чтобы то ни стало доказать справедливость какой-нибудь измышленной ими идеи, нравы общества являются въ ихъ изображеніяхъ неузнаваемыми и ни одинъ беспристрастный и сколько-нибудь требовательный читатель не признаетъ въ нихъ дѣйствительно существующихъ нравовъ. Правда, у такихъ писателей остается помимо нравовъ еще одно убѣжище, это изображать страсти, вѣчныя человѣческія страсти. Тутъ поле широкое, фантазіи есть гдѣ разойтись, страсти не подчиняются законамъ логики, онѣ также безпредѣльны, какъ безпредѣльна глубина человѣческой души. И чего не пишется, какіе фантастическіе узоры не вышиваются на этой канвѣ. Но бѣда одна: кто не съумѣетъ правдиво изобразить нравы общества, кому не удастся нарисовать живого человѣка, тотъ никогда не совладаетъ съ изображеніемъ страсти; гдѣ картонные люди, тамъ неизбѣжно и картонныя страсти; правдивое изображеніе человѣческихъ страстей есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для писателя и тому, кто не одаренъ способностью живо чувствовать, понимать и изображать дѣйствительность, тому слѣдуетъ постоянно помнить разговоръ Гамлета съ Гильденштерномъ, по поводу игры на флейтѣ и игры на душѣ человѣка.

О вкусахъ, конечно, спорить не слѣдуетъ. Есть люди, избравшіе даже своею спеціальностью литературную критику, которымъ нравятся такія произведенія, благо въ нихъ побиваются ненавистные «лже-либералы», но цѣлую библіотеку такихъ литературныхъ произведеній можно охотно отдать за одинъ небольшой разсказъ въ нѣсколько страничекъ, но въ которомъ правдиво будетъ схвачена жизнь и выведены будутъ люди, а не маріонетки, говорящія голосомъ ихъ творца.

Если приведенные упреки противъ г. Успенскаго свидѣтельствуютъ только о легкомысліи его критиковъ то обвиненіе его въ «лакейскомъ» либерализмѣ говоритъ уже не о легкомысліи, а о другомъ качествѣ современныхъ булгаринскихъ учениковъ. Въ чемъ же однако провинился г. Успенскій, чтобы навлечь на себя такое обвиненіе? Вопросъ, дѣйствительно, любопытный, заслуживающій того, чтобы на немъ остановиться.

Вина г. Глѣба Успенскаго, видите ли, состоитъ въ томъ, что онъ дерзаетъ относиться къ народу нѣсколько иначе, чѣмъ тотъ литературный лагерь съ «идеями», состоящими изъ помѣси славянофильства, обскурантизма и безшабашнаго гаерства, который, какъ мы уже сказали, провозглашаетъ себя единственнымъ заступни-

комъ народа и исключительнымъ выразителемъ и представителемъ его интересовъ. Кто не съ нами, рѣшаетъ эта партія, тотъ противъ насъ, а кто противъ насъ, тотъ—о логика!—врагъ народа, и всѣхъ такихъ *враговъ народа* она величаетъ то «лже-либералами», то «пошлыми либералами», то наконецъ, безъ церемоніи, какимъ-нибудь еще болѣе ругательнымъ словомъ. Такой пріемъ не имѣетъ даже достоинства оригинальности; онъ давнымъ давно извѣстенъ, —онъ усердно практиковался и въ сороковыхъ, и въ тридцатыхъ, и въ двадцатыхъ годахъ, и даже еще раньше, и имѣлъ свое дѣйствіе—въ извѣстныхъ сферахъ, но не въ литературѣ. Но въ прежнее время литературные нравы были все-таки приличнѣе; напр. въ сороковыхъ годахъ представители «самобытнаго» направленія не говорили, что ихъ противники—замаскированные враги отечества, они только доказывали, что у нихъ, славянофиловъ, чувство любви къ отечеству, есть «невольное и прирожденное», а у ихъ противниковъ, «пріобрѣтенное волею и разсудкомъ, такъ сказать, наживное». И тогда они присвоивали себѣ «монополію на симпатію къ простому народу» и обвиняли своихъ противниковъ въ незнаніи народа и даже въ клеветѣ на него, но они все-таки настолько себя уважали, что никогда не унижались до гнусныхъ инсинуацій и зазорнаго науськиванія правительства на интеллигентные общественные кружки.

Не будь значительной разницы въ тонѣ, въ пріемахъ литературной полемики по поводу русскаго народа, можно было бы подумать, читая теперь статьи съ одной стороны «Москвитянина», съ другой—удивительныя по силѣ страницы Бѣлинскаго, что все это написано вчера, сегодня. Современные народолюбцы ничего не забыли и ничему не выучились, а только обогатились съ тѣхъ поръ двумя, тремя десятками бранныхъ словъ, не допускавшихся прежде къ литературному обращенію. Тѣ вопросы, которые ставились славянофиламъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, ставятся и по настоящее время, и по прежнему остаются безъ отвѣта. Мы не сказали ничего новаго, когда говорили, что все, что̀ сдѣлано для болѣе близкаго знакомства съ народомъ, сдѣлано въ литературѣ не тѣми, которые присвоиваютъ себѣ, выражаясь словами Бѣлинскаго, «монополію на симпатію къ простому народу». По поводу этой монополіи Бѣлинскій еще въ 1847 г. говорилъ: «откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ? Все, что̀ дѣлается литераторами для споспѣшествованія развитію первона-

чальной образованности между народомъ, дѣлалось не ими»... И нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ:... «дѣло въ томъ, что литературная партія, на которую они такъ нападаютъ, сдѣлала что могла для народа и тѣмъ показала свое желаніе быть ему полезною; а они, славянофилы, ничего не сдѣлали для него». Какъ теперь требуютъ отъ литературной партіи, лицемѣрно прикрывающей свои нечистыя поползновенія именемъ народа, чтобы она высказалась съ откровенностью, возможною для нея болѣе, чѣмъ для кого-либо другого, по поводу самыхъ капитальныхъ общественныхъ вопросовъ, такъ требовали и тридцать лѣтъ тому назадъ отъ славянофиловъ, чтобы они замѣнили излюбленный ими туманъ яснымъ изложеніемъ своихъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣній. Напрасныя старанія. «Можно указать на выходки, разбросанныя тамъ и сямъ, противъ европеизма, цивилизаціи, необходимости образованія и грамотности для простого народа, противъ реформы Петра Великаго, современныхъ нравовъ, какіе-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назадъ и снова начать свое самобытное развитіе съ той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться съ народомъ, который, будто бы, сохранилъ въ чистотѣ древніе славянскіе нравы, и нисколько не измѣнялся въ продолженіи вѣковъ». Эти строки прекрасно рисуютъ партію патентованныхъ «народолюбцевъ», и по сію минуту. Если же эти мѣткія слова, произнесенныя Бѣлинскимъ, не утратили ни на волосъ своей свѣжести, то это означаетъ только одно, что литературная партія, какъ тогда, такъ и теперь продолжающая кичиться своею болѣе, чѣмъ сомнительною любовью къ народу и безсмысленно ополчившаяся противъ «европеизма», находится въ чистомъ застоѣ. Та мнимая жизненность, которую они обнаруживаютъ въ послѣдніе годы, чтобы не сказать мѣсяцы, служитъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ признаковъ времени.

Въ систему, или, быть можетъ, вѣрнѣе, въ пріемы литературной партіи застоя входитъ фарисейское преклоненіе передъ народомъ. Народъ награждается ею всѣми добродѣтелями; она, какъ извѣстно, не признаетъ въ немъ не только пороковъ, но даже недостатковъ. Это солнце, на которомъ нѣтъ пятенъ. Люди, разсуждающіе такимъ образомъ, если хотите, послѣдовательны. Они не желаютъ движенія впередъ, сохрани Боже, они не желаютъ развитія, они удовлетворяются существующими соціальными и общественными условіями, слѣдовательно, необходимо доказывать, что русскій народъ есть самый совершенный изъ всѣхъ народовъ. Вѣдь, если согласиться, что русскій народъ и въ нрав-

ственномъ, и въ умственномъ, и въ соціальномъ отношеніи находится далеко не на высокомъ уровнѣ развитія, то прямой выводъ отсюда была бы—необходимость движенія впередъ, всевозможнаго содѣйствія къ дальнѣйшему развитію, а этого-то имъ и не хочется. Поэтому, кто рѣшается выставлять на видъ отрицательныя свойства русскаго народа, тотъ провозглашается клеветникомъ, чуть не измѣнникомъ. Это также пріемъ не новый. Когда «натуральная» школа, съ легкой руки Гоголя, стала быстро рости и крѣпнуть, тогда, какъ и теперь, славянофилы, въ фатальномъ единогласіи съ самымъ презрѣннымъ отродьемъ литературы, преслѣдовали своимъ шипѣніемъ талантливыхъ представителей новаго направленія. Полные жизни и воодушевленные самыми лучшими стремленіями, молодые писатели старались своими произведеніями противопоставить правду установленной и строго охраняемой лжи, освѣтить хотя слабымъ лучомъ свѣта обездоленную жизнь многомилліонной массы; но такъ какъ подобныя стремленія находились въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ квасннымъ патріотизмомъ, котораго держались и славянофилы и булгаринская школа, то они и встрѣчались общими злобными криками послѣднихъ. Да и могло ли, впрочемъ, быть иначе? Доказать, что «натуральная» школа извращаетъ истину—они были безсильны, ограничиваться туманными фразами о народѣ, который будто бы «сохранилъ въ себѣ какое-то здравое сознаніе равновѣсія между субъективными требованіями и правами дѣйствительности», было мало пользы. Кромѣ смѣха такія фразы ничего не вызывали, да и не могли вызывать въ людяхъ серьёзныхъ. Что же оставалось дѣлать? Оставалось одно лишь средство, всегда готовое къ услугамъ неразборчивой злобы—это бросить въ противниковъ какой-нибудь сильной, но малоубѣдительной кличкой. Много ли нужно ума, знанія, таланта, чтобы забить набатъ и на всѣ лады кричать: они клевещутъ на русскій народъ! «Изображать однѣ отрицательныя стороны жизни вовсе не значитъ клеветать,—отвѣчалъ имъ Бѣлинскій,—а значитъ находиться только въ односторонности; клеветать же значитъ взводить на дѣйствительность такія обвиненія, находить въ ней такія пятна, какихъ въ ней вовсе нѣтъ. Давать клеветѣ другое значеніе—тоже значитъ клеветать... не на клевету, разумѣется, а на людей не нашего прихода... Находить въ людяхъ тѣ пороки, которые въ нихъ дѣйствительно есть, не значитъ поносить ихъ: поношеніе въ самихъ порокахъ, и кто порочень, тотъ поноситъ самъ себя»...

Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ той поры, когда Бѣлинскій велъ свою горячую борьбу противъ славянофильства и бул-

гарищины, а мы все топчемся на одномъ и томъ же мѣстѣ, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ въ нашей общественной жизни были достигнуты нѣкоторые несомнѣнные успѣхи. И удивляться тутъ нечему, такъ какъ частные успѣхи не измѣнили основныхъ условій, сущности нашей общественности, а пока не измѣнятся эти условія, до тѣхъ поръ и не замретъ давно начавшаяся борьба. Какъ тогда враждебный «европеизму» лагерь съ ожесточеніемъ нападалъ на «натуральную» школу, и нападалъ именно въ силу того, что писатели этой школы были представителями ненавистнаго либерализма, такъ въ силу того же теперь тотъ же лагерь нападаетъ на тѣхъ современныхъ писателей, которые являются наиболѣе сильными представителями либерализма. Ошибочно было бы, однако, думать, что либерализмъ писателей сороковыхъ годовъ совсѣмъ похожъ на либерализмъ современныхъ писателей. Нѣтъ, между ними существуетъ такая же разница, какая существуетъ вообще въ состояніи понятій тогдашнихъ и нынѣшнихъ.

Либерализмъ сороковыхъ годовъ вращался около парламентаризма, конституціонализма, онъ исчерпывался политическими задачами; современный же западный либерализмъ значительно расширилъ свой горизонтъ; онъ не довольствуется политическою задачею, понимаемою имъ несравненно шире, и главное глубже, чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, но онъ выдвинулъ задачу соціальную, касающуюся не того или другого класса, а всей народной массы. Онъ утратилъ поэтому свою исключительно политическую окраску и рядомъ съ ней пріобрѣлъ окраску соціальную. Согласно съ этимъ, не новымъ, но обновленнымъ духомъ европейскаго «либерализма» работаетъ современная, по преимуществу народная, русская литературная школа. Весьма вѣроятно, что среди писателей этой школы, и даже наиболѣе талантливыхъ, встрѣтится не одинъ, который отвергнетъ, пожалуй, свою принадлежность къ этому «западничеству», къ либерализму, но сдѣлалъ бы это только благодаря тому, что смыслъ такихъ терминовъ, какъ «западничество», «либерализмъ», затуманенъ самыми фальшивыми толкованіями. Если же разсѣять тотъ искусственный туманъ, который затемняетъ эти термины, тогда эти наши писатели не отвергнутъ свою принадлежность къ «западничеству», къ «либерализму». Быть «западникомъ», это значитъ быть сторонникомъ той совокупности идей, понятій, воззрѣній, которыя выработаны вѣковою западною цивилизацiею, быть солидарнымъ съ тѣмъ безостановочнымъ развитіемъ, которое совершается въ западной Европѣ въ сферѣ политической, соціальной, религіозной, нравствен-

ной жизни европейскихъ народовъ, купившихъ право на такое развитіе цѣною величайшихъ усилій науки и искусства, величайшихъ переворотовъ и жертвъ. При такомъ пониманіи слова «западничество», которое, по нашему мнѣнію, представляется единственно правильнымъ, очевидно, что и среди западно-европейскихъ обществъ могутъ встрѣчаться люди, цѣлые классы, которые никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ «западникамъ» (т.-е. какъ употребляется это слово у насъ). Для примѣра можно указать хоть нѣмецкую юнкерскую партію, старающуюся всячески противодѣйствовать общественному развитію, не только отвергающую значеніе великаго историческаго развитія Европы въ послѣдніе вѣка, но ненавидящую эти свѣтлыя эпохи человѣчества, партію, безсмысленно стремящуюся удержать господство тѣмъ безжизненнымъ принципамъ, которые уже отжили несомнѣнно свое время: можно ли признавать эту партію «западническою»? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ она идетъ противъ всего того, что́ подразумѣвается подъ этимъ терминомъ. Всѣ такіе люди, будь они нѣмцы, французы или русскіе, представляютъ собою ничто иное, какъ послѣднихъ могиканъ стараго отживающаго міра. О непригодности этого термина къ нашей общественной жизни въ указанномъ смыслѣ можно было бы серьёзно говорить только въ томъ случаѣ, если бы наше развитіе слѣдовало какимъ-нибудь особымъ законамъ, отличнымъ отъ западно-европейскаго развитія. Мы вовсе не думаемъ этимъ сказать, чтобы у русскаго народа, какъ у всякаго другого народа, не было своихъ особенностей, своего характера, своей физіономіи, своего историческаго пути, но каковы бы ни были чисто національныя черты, онѣ нимало не исключаютъ примѣненія къ нашей жизни явленій обще-историческихъ и тѣхъ идей просвѣтительныхъ, которыя составляютъ наслѣдственное достояніе образованнаго человѣчества.

Понимаемый во всякомъ иномъ смыслѣ, терминъ «западничество» утратилъ, намъ кажется, всякое значеніе, и, собственно говоря, онъ долженъ былъ бы быть выброшеннымъ изъ употребленія. Но тѣ, которые чаще всего употребляютъ этотъ терминъ, придавая ему значеніе какой-то неостроумной бранной клички, повидимому, подкладываютъ подъ него какой-то другой смыслъ, но какой, этого они сами не рѣшаются открыто высказывать. Сознаться въ томъ, что, обзывая своихъ противниковъ «западниками», какъ бранью, они понимаютъ этотъ терминъ именно въ указанномъ смыслѣ, значило бы сознаться въ невѣжествѣ; утверждать же, что противники ихъ стремятся пересадить на русскую почву одни лишь плевелы европейской цивилизаціи, значило бы

утверждать явную, ни съ чѣмъ несообразную клевету. Вѣдь если бы они откровенно заявили, что плевелами они признають всѣ лучшіе результаты, добытые наукой, знаніемъ, вѣковымъ опытомъ, а хорошимъ, здоровымъ элементомъ въ западной цивилизаціи считають стремленія и идеалы, напримѣръ, нѣмецкой юнкерской партіи, ну тогда, конечно, туманъ исчезъ бы и положеніе двухъ противуположныхъ лагерей сдѣлалось бы совершенно ясно даже для непосвященныхъ во всѣ изворотливые пріемы литературной борьбы, къ которымъ прибѣгають одни вполнѣ добровольно, другіе вынужденные къ тому условіями борьбы. Но, разумѣется, невозможно ожидать такой откровенности отъ людей, отъ партіи, которая ничто такъ не любить, какъ рядиться въ павлиныя перья, прикрывая свои реакціонныя вожделѣнія свободолюбивыми фразами. При такомъ маскарадѣ, очевидно, что наша литературная борьба превращается въ ничто иное, какъ въ безконечную сказку о бѣломъ бычкѣ.

Въ сороковыхъ годахъ эта партія негодовала противъ натуральной школы, обвиняла ее въ клеветѣ на народъ, такъ точно шипить она и теперь и обвиняеть писателей, продолжающихъ начатое ихъ предшественниками дѣло искренняго изученія народной жизни и только подступившихъ къ нему съ бо́льшимъ запасомъ знанія и съ бо́льшею рѣшимостью не утаивать правды, какова бы она ни была,—въ «лакейскомъ» либерализмѣ.

Совершенно естественно, что и Глѣбъ Успенскій,—прекрасно понимающій, что заниматься только, какъ то дѣлають другіе, превознесеніемъ качествъ русскаго народа, относиться къ нему, какъ къ какому-то языческому богу, значить оказывать ему сознательно медвѣжью услугу, содѣйствуя его нравственному и матеріальному закрѣпощенію,—не ушелъ отъ этого обвиненія въ «лакейскомъ» либерализмѣ.

Для читателя теперь совершенно ясно, что на языкѣ этой партіи такъ именуется всякое серьезное критическое отношеніе къ нашей дѣйствительности, каждое искреннее стремленіе содѣйствовать освобожденію народа отъ связывающихъ его путъ, всякое, наконецъ, честное служеніе своему народу, своему обществу.

Оставимъ же теперь всѣ эти упреки, обвиненія, клеветы и обратимся къ занимающему насъ писателю, къ его произведеніямъ.

II.

Не дѣлая впередъ общей оцѣнки литературной дѣятельности г. Успенскаго, мы постараемся только отмѣтить главныя характерныя черты, присущія этому писателю. Къ такимъ именно чертамъ мы отнесемъ прежде всего ту, если можно такъ выразиться, двойственность, которая заставляетъ часто спрашивать, читая его произведенія, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ публицистомъ или беллетристомъ? Не только въ иностранной, но и въ нашей литературѣ можно указать много примѣровъ писателей, которые въ въ одно и то же время соединяютъ въ себѣ и талантъ беллетриста, и талантъ критика и публициста. Самые знаменитые и великіе писатели XVIII вѣка всѣ почти были и беллетристы, и критики, и публицисты, и философы. Но незачѣмъ ходить такъ далеко. Среди нашихъ современныхъ писателей мы можемъ указать на примѣръ автора «Обломова», написавшаго, одинъ изъ самыхъ удачныхъ и тонкихъ, критическій этюдъ по поводу «Горе отъ ума»; на примѣръ автора «Войны и мира», наполнившаго цѣлый томъ своихъ сочиненій статьями не то публицистическими, не то педагогическими. Перечислять не стоитъ, перечень вышелъ бы слишкомъ длиненъ. Но дѣло въ томъ, что когда тотъ или другой писатель пишетъ романъ, повѣсть, разсказъ, то въ этомъ романѣ, повѣсти, разсказѣ мы видимъ исключительно беллетриста, когда же онъ пишетъ критическую или публицистическую статью, то мы имѣемъ передъ собой исключительно критика или публициста. Были и у насъ пробы соединять, напримѣръ, романъ съ философіей, но всегда оказывалось, что философія портила романъ, а романъ портилъ бы философію, если бы ее возможно было испортить. Стòитъ припомнить то замѣчательное произведеніе, которое мы только что называли, т.-е. «Войну и миръ», чтобы читатель согласился съ нами, что романъ не только ничего не проигралъ бы, но даже много бы выигралъ, еслибы пристегнутая къ нему философія графа Льва Толстого была совсѣмъ устранена. Въ дѣйствительности искусственно привязанная къ произведенію часть при чтеніи просто пропускается, и только благодаря такому пріему, независящему отъ автора, цѣльность впечатлѣнія не ослабляется.

Совсѣмъ иное дѣло, когда посторонній беллетристическому, именно публицистическій элементъ не искусственно введенъ въ произведеніе, а до такой степени тѣсно переплетается съ нимъ, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить повѣсти, разсказа отъ публицистической статьи. При такой неразрывной связи этихъ

двухъ различныхъ видовъ литературной дѣятельности мы, очевидно, не можемъ разсматривать отдѣльно писателя беллетриста и писателя публициста, также точно, какъ не можемъ разграничить у сатирика художественные образы, создаваемые имъ, отъ его публицистическаго, такъ сказать, анализа современныхъ ему явленій общественной жизни. Но то, что у сатирика, какъ напр. Салтыкова, является совершенно естественнымъ, присущимъ сатирѣ элементомъ, то у разсказчика представляется совершенно выходящимъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ мы привыкли видѣть разсказъ, повѣсть, романъ. Такое именно тѣсно сплоченное соединеніе беллетриста съ публицистомъ мы встрѣчаемъ въ г. Успенскомъ, и эта особенность дѣлаетъ, можетъ быть, болѣе трудною правильную оцѣнку произведеній этого писателя. Особенность эту мы никоимъ образомъ не можемъ отнести къ достоинствамъ этого писателя; напротивъ, мы готовы гораздо скорѣе согласиться, что она составляетъ одинъ изъ главныхъ его недостатковъ, но важно знать не то, заключается ли въ извѣстной особенности автора достоинство или недостатокъ, а то, чѣмъ она обусловливается въ писателѣ. Самое легкое, разумѣется, было бы сказать: таково уже свойство писателя! но самое легкое не всегда бываетъ самымъ справедливымъ, и въ данномъ случаѣ оно было бы даже совсѣмъ несправедливо, такъ-какъ подобная особенность вовсе не лежитъ въ свойствѣ таланта г. Успенскаго. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить всѣ произведенія перваго періода дѣятельности г. Успенскаго, когда онъ описывалъ «Московскіе нравы», «Нравы Растеряевой улицы», когда онъ писалъ «Разоренье» и многіе другіе разсказы. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ г. Успенскій является исключительно какъ беллетристъ; жилка публициста совсѣмъ не чувствовалась. Двойственность явилась только въ позднѣйшемъ періодѣ его дѣятельности, именно тогда, когда талантъ его значительно окрѣпъ, горизонтъ его сдѣлался шире, запасъ наблюденій выросъ. Чѣмъ же можно объяснить, что главный недостатокъ писателя сказывается не въ первомъ произведеніи, болѣе слабомъ, а въ позднѣйшемъ, когда талантъ окончательно развился? Объясненіе кроется не въ свойствахъ таланта писателя, а въ тѣхъ сюжетахъ, которые онъ беретъ для своихъ произведеній.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ литературной дѣятельности г. Успенскаго совершенно ясно обозначилось, въ какую сторону направлены стремленія писателя, кому принадлежатъ всѣ его симпатіи. Эти стремленія и симпатіи опредѣлили и выборъ сюжетовъ его очерковъ и разсказовъ. Горячо сочувствуя обдѣлен-

ной матеріально и нравственно народной массѣ, онъ сталъ зорко приглядываться къ ея жизни, и будучи безупречно искреннимъ «народникомъ», надѣленный отъ природы большою наблюдательностью, онъ смѣло, безъ всякой боязни быть заподозрѣннымъ въ какой-либо враждебности къ народнымъ интересамъ, началъ изображать непригляднын, темныя стороны жизни и нравовъ безгласной массы.

Мы не можемъ сказать утвердительно, не имѣя о немъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что вслѣдствіе личныхъ условій жизни г. Успенскаго, знакомство его съ народомъ началось въ городѣ и потому его первыя произведенія отражаютъ собою городскую народную жизнь. Всѣ очерки и разсказы его перваго періода посвящены описанію быта фабричнаго люда, мелкаго мѣщанства, полуграмотнаго чиновничества, стремящагося возвыситься надъ темнымъ людомъ съ единственною цѣлію удобнѣе его обирать и эксплуатировать. Не рѣшаясь утверждать, что жизнь городской народной массы хорошо извѣстна образованному обществу, все-таки можно съ увѣренностью сказать, что она гораздо ближе ему знакома, чѣмъ жизнь народная въ «деревнѣ» или въ деревняхъ. Между городскимъ «народомъ» (понимая это слово въ томъ тѣсномъ, или, вѣрнѣе, исключительномъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его всѣ разсуждающіе на модную тему о розни между народомъ и интеллигенціей) и образованнымъ обществомъ существуютъ постоянныя точки соприкосновенія, благодаря которымъ условія жизни, воззрѣнія, отношеніе къ окружающимъ, нравы городского народа представляются каждому изъ насъ далеко не столь чуждыми, какъ нравы и жизнь «деревни».

Вслѣдствіе такого болѣе близкаго знакомства съ городскою народною жизнію, наблюденія надъ нею пріобрѣтаются легче, пониманіе нравовъ, характеровъ, встрѣчающихся въ этой средѣ, становится доступнѣе, а потому писатель, если только онъ обладаетъ талантомъ беллетриста, имѣетъ полную возможность воспроизводить народную жизнь «города» въ художественныхъ картинахъ и образахъ. Важно при этомъ также и то, что писатель, изображающій городскую народную жизнь, знаетъ, что жизнь эта не чужда его читателямъ, что ему нѣтъ надобности въ подробныхъ объясненіяхъ чтобы быть вѣрно понятымъ, что онъ не долженъ безпокоиться о томъ, что изображаемая имъ жизнь покажется вымышленною, что нарисованные характеры будутъ приняты за плодъ фантазіи автора.

Изображая народную жизнь, какъ она складывается въ сто-

лицахъ и большихъ губернскихъ городахъ, г. Успенскому не приходилось прокладывать новаго, неизвѣданнаго пути. Онъ шелъ той, если не торной, то все-таки намѣченной дорогой, которую пролагали прежде его другіе русскіе писатели. Съ бытомъ мѣщанскимъ, съ жизнію мелкаго духовенства русское общество познакомилось въ талантливыхъ произведеніяхъ Помяловскаго; изображенію городской народной жизни, быту рабочихъ были посвящены такія произведенія Писемскаго, какъ «Питерщикъ», «Плотничья артель», наконецъ, что касается быта мелкаго чиновничества, то онъ много разъ и не однимъ писателемъ воспроизводился въ русской литературѣ. Такимъ образомъ, когда г. Успенскій взялся за воспроизведеніе характеровъ, нравовъ, жизни городского рабочаго люда, мелкаго мѣщанства, а послѣ духовенства или чиновничества, то онъ имѣлъ уже въ произведеніяхъ другихъ писателей готовые образцы, извѣстные пріемы, ему не приходилось блуждать, расчищать себѣ дорогу. Изъ этого нисколько, не слѣдуетъ, чтобы г. Успенскій въ первыхъ своихъ произведеніяхъ былъ только подражателемъ. Мы не думаемъ отрицать самостоятельности его первыхъ произведеній, но мы хотимъ только сказать, что задача его значительно облегчалась существованіемъ въ русской литературѣ болѣе или менѣе однородныхъ произведеній. Вотъ гдѣ, намъ кажется, лежитъ объясненіе того на первый взглядъ страннаго явленія, что первыя произведенія г. Успенскаго, несомнѣнно болѣе слабыя, чужды того недостатка, которымъ отличаются послѣдующія его произведенія, написанныя въ болѣе зрѣломъ періодѣ его таланта, т.-е. двойственнаго характера ихъ беллетристическаго и публицистическаго. Сравнительно болѣе знакомый обществу сюжетъ, а потому болѣе простой и болѣе изслѣдованный давалъ возможность писателю свободнѣе разбираться въ матеріалѣ его наблюденій.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находился г. Успенскій, когда онъ перешелъ къ изображенію нравовъ и быта въ деревенской народной средѣ. Тутъ задача его была совершенно новая. Онъ очутился въ лабиринтѣ, въ которомъ онъ могъ только ступать ощупью, наталкиваясь на все новыя препятствія, одолѣваемый тѣми необъяснимыми, казалось, противорѣчіями, которыя онъ встрѣчалъ въ неизслѣдованной почти средѣ. Готовыхъ образцовъ литературнаго отношенія къ народу, къ «деревнѣ», такихъ, по крайней мѣрѣ, которые удовлетворяли бы его, онъ не находилъ, а тѣ, которые существовали, были совершенно непримѣнимы въ виду измѣнившихся условій народной жизни, измѣнившихся бла-

годаря уничтоженію крѣпостного права и связаннымъ съ нимъ реформамъ.

Онъ имѣлъ передъ собою разсказы и повѣсти, написанные писателями сороковыхъ годовъ, но мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ, насколько различны были ихъ цѣли и пріемы отъ цѣлей и пріемовъ современныхъ писателей. Первые съ необычайнымъ мастерствомъ воспроизводили по преимуществу внѣшнія стороны народной жизни; разсказы Григоровича, Тургенева не столько изображали народную жизнь, сколько отношеніе къ крѣпостной массѣ привиллегированнаго меньшинства. Задача, поставленная себѣ этими писателями, была исполнена превосходно; но все-таки это были повѣсти не столько изъ народной жизни, сколько написанныя по ея поводу.

Къ той же, въ сущности, категоріи должны быть отнесены и нѣкоторыя повѣсти Льва Толстого, какъ напримѣръ, «Утро помѣщика», «Поликушка». Первая повѣсть изображаетъ молодого помѣщика, надѣленнаго добрымъ сердцемъ, отъ всей души желающаго благодѣтельствовать своимъ крестьянамъ, но всѣ его попытки не увѣнчиваются успѣхомъ. Авторъ вводитъ насъ въ нѣсколько избъ, показываетъ нѣсколько крестьянскихъ семей, даетъ возможность присутствовать при разговорахъ помѣщика съ крестьянами, и мы видимъ только одно, что помѣщикъ не понимаетъ своихъ крестьянъ, крестьяне не понимаютъ своего помѣщика и относятся къ нему съ недовѣріемъ. Но почему крестьяне не довѣряютъ добродѣтельному помѣщику, что̀ они думаютъ, какъ сложилась ихъ жизнь—все это предоставляется отгадывать читателю. Положимъ, отгадать и не мудрено, но тѣмъ не менѣе, въ знаніи народной жизни повѣсть эта ни сколько насъ не подвигаетъ. Нѣсколько внѣшнихъ чертъ, вѣрно подмѣченныхъ и талантливо переданныхъ—вотъ и все. Почти тоже слѣдуетъ сказать и по поводу другой повѣсти. Повѣсть эта, повидимому, взята прямо ужъ изъ народной жизни, но можно ли сказать, что она въ дѣйствительности даетъ реальную картину этой жизни? Фабула повѣсти такова, что она съ одинаковымъ удобствомъ могла бы быть примѣнена къ описанію любого общественнаго слоя. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, которыя пріурочивали бы исключительно къ изображенію народнаго быта. Есть, правда, въ повѣсти одна или двѣ сцены, удачно выхваченныхъ изъ дѣйствительности, напр. сцены галдящаго міра, но почему міръ только галдитъ, отчего въ разсужденіяхъ мужиковъ господствуетъ такая безтолочь, отчего, словомъ, получается такая непривлекательная, дикая сцена, объ этомъ въ повѣсти, воспроизводящей по мысли

автора народный быть, нѣтъ и помину. Да, все это схвачено съ натуры, творчество автора несомнѣнно, но все схвачены только внѣшнія черты, нисколько не подвигающія насъ въ знаніи народной жизни.

Оно, впрочемъ, и вполнѣ естественно. Писатели сороковыхъ годовъ не имѣли возможности воспроизводить въ художественныхъ образахъ дѣйствительной народной жизни, такъ какъ у нихъ не доставало одного изъ самыхъ существенныхъ, необходимыхъ элементовъ для такого воспроизведенія, безъ котораго оно совершенно немыслимо, это—близкаго знакомства, знанія этой жизни. Художественное воспроизведеніе характеровъ, типовъ, нравовъ, условій жизни возможно только тогда, когда читатель покончилъ съ процессомъ изученія описываемой имъ среды. Недостаточно быть талантливымъ писателемъ, недовольно поверхностнаго наблюденія надъ народною жизнію, чтобы получить возможность воспроизвести ее въ художественныхъ образахъ и картинахъ. Для этого требуется, чтобы писатель поставилъ себя въ исключительныя условія, чтобы онъ погрузился въ народную жизнь, чтобы онъ проникъ во внутренній, всегда скрытый міръ этой жизни, иначе настроеніе, думы, своеобразное міросозерцаніе деревенской народной массы всегда останутся для него подернуты туманомъ. Такое изученіе есть очень трудная задача, и вотъ почему писатель, какимъ бы художественнымъ чутьемъ онъ ни обладалъ и какъ бы ни былъ требователенъ къ самому себѣ, какъ былъ г. Успенскій, — постоянно колеблется, сомнѣвается, опасается, что воспроизведенные имъ образы и картины недостаточно рельефны, невѣрно будутъ поняты читателемъ, недокончены. Вслѣдствіе такого опасенія, иногда основательнаго, иногда и нѣтъ, писатель, забывая требованія эстетики, начинаетъ досказывать свои мысли, разъяснять выведенныя имъ лица и нравы, нисколько не заботясь о томъ, что такіе комментаріи нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія и противорѣчатъ условіямъ чисто беллетристическаго произведенія. Эти колебанія и сомнѣнія исчезнутъ только тогда, когда запасъ наблюденій, и теперь уже достаточно обильный, значительно разростется, когда всѣ сдѣланныя наблюденія прочно усвоятся писателемъ, когда жизнь народная перестанетъ такъ часто ставить для автора вопросительные знаки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой характеръ, та или другая черта народной жизни окончательно выяснились въ умѣ писателя, мы видимъ, что г. Успенскій даетъ намъ поистинѣ художественные очерки, уже безъ всякой примѣси комментаріевъ, и гдѣ публицистъ совершенно изчезаетъ за беллетри-

стомъ. Но такихъ разсказовъ,—образчики которыхъ мы укажемъ,— сравнительно не много, это и не мудрено въ виду трудной задачи, которую поставилъ себѣ писатель. Онъ не довольствуется правдивымъ изображеніемъ внутренняго строя народной жизни; ему хочется разъяснить, откуда явились тѣ или другія черты этой жизни, отчего жизнь мужика, его воззрѣнія, характеръ, отношенія къ окружающимъ, къ семьѣ, къ общественнымъ явленіямъ стали таковы, а не иные; онъ стремится выяснить связь между темною жизнію мужика и слишкомъ часто безцѣльною жизнію образованнаго члена общества, весь существующій нравственный хаосъ, всѣ послѣдствія стараго, но все еще живучаго гнета, оставшееся современнымъ поколѣніямъ незавидное наслѣдство крѣпостного начала, хотя и умершаго, но все еще не погребеннаго. Задача, поставленная себѣ писателемъ, очень широка, а между тѣмъ, сознательное изученіе народной жизни началось слишкомъ недавно, чтобы доставить такой запасъ наблюденій, такую глубину знанія этой жизни, которые необходимы для того, чтобы дать возможность писателю отвѣтить на волнующіе его вопросы путемъ чисто художественнаго воспроизведенія народной жизни.

Сознавая невозможность для себя разъяснять русскую народную жизнь, оставаясь исключительно на художественной почвѣ, г. Успенскій предпочелъ сойти на болѣе легкую публицистическую почву, лишь бы не отказаться отъ своей задачи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что художественное достоинство его произведеній много бы выиграло, еслибы онъ всегда оставался только беллетристомъ, но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ такомъ случаѣ для уясненія народной жизни его произведенія имѣли бы гораздо меньше значенія, чѣмъ теперь, когда онъ является публицистомъ тамъ, гдѣ беллетристъ оказывается безсильнымъ.

Весьма можетъ быть, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей, прочтя эти строки, не согласятся съ такимъ объясненіемъ причины существующей тѣсной связи беллетристическаго и публицистическаго элементовъ въ произведеніяхъ г. Успенскаго, и, пожалуй, скажутъ: дѣло объясняется гораздо проще, просто-на-просто у писателя не хватаетъ художественнаго таланта и потому онъ волей-неволей хватается за публицистику! Едва ли однако такое возраженіе было бы справедливо. Взвѣшивать на вѣсахъ талантъ писателя, разумѣется, невозможно, сужденіе о размѣрѣ таланта того или другого автора всегда бываетъ субъективно: иначе не было бы той разноголосицы, такъ часто встрѣчающейся, въ мнѣніяхъ о томъ или другомъ писателѣ. Сколько

бывало даже геніальныхъ писателей, которыхъ многіе изъ современниковъ ихъ ставили ни во что, и сколько наоборотъ такихъ, которыхъ услужливые поклонники производили въ геніи, и которымъ, черезъ небольшой періодъ времени, болѣе безпристрастное потомство отводило мѣсто въ самыхъ заднихъ рядахъ литературы, если совсѣмъ не забывало о нихъ. Вотъ почему мы не намѣрены ломать копій, споря о размѣрѣ таланта г. Успенскаго, и утверждаемъ только, что будь даже г. Успенскій въ десять разъ талантливѣе, онъ все-таки не въ силахъ былъ бы оцѣнить народную жизнь во всей ея глубинѣ одними художественными обзорами, одними художественными картинами. Причина этого лежитъ не въ недостаткѣ таланта, а главнымъ образомъ въ далеко не законченномъ еще процессѣ изученія народной жизни, въ сравнительно недостаточномъ знакомствѣ съ нею. Вотъ гдѣ главная причина вмѣшательства публицистики въ произведеніяхъ г. Успенскаго. Чтò писатель не знаетъ вдоль и поперегъ, чтó онъ окончательно не усвоилъ себѣ, того не въ силахъ онъ воспроизвести въ художественномъ образѣ, какъ бы великъ ни былъ его талантъ. Возьмите для примѣра любого изъ писателей нашей знаменитой плеяды романистовъ сороковыхъ годовъ, задававшихся мыслію воспроизвести лицо, характеръ, взятый изъ той части молодого поколѣнія, которая по своимъ воззрѣніямъ такъ рѣзко разошлась съ предшествующимъ поколѣніемъ и дурно ли хорошо ли, не въ этомъ теперь вопросъ, отдалась служенію народному благу. Что выходило изъ всѣхъ такихъ попытокъ? Въ большинствѣ случаевъ пародія, каррикатуры, мы не говоримъ уже о пасквилѣ, въ которомъ также не было недостатка, и только въ видѣ исключенія два, три болѣе или менѣе вѣрныхъ дѣйствительности òбраза, какъ напримѣръ, у Тургенева, но и они тѣмъ не менѣе неизмѣримо болѣе блѣдны, чѣмъ всѣ другія созданія того же первокласснаго художника. А между тѣмъ, такія попытки дѣлались не только гг. Клюшниковыми, Маркевичами, Крестовскими, Авсѣенками, нѣтъ, но такими крупными талантами, какъ творецъ «Обломова», авторъ «Тысячи душъ» и наконецъ авторъ «Бѣдныхъ людей», хотя правда въ ту уже эпоху, когда этотъ писатель напрягалъ, повидимому, всѣ свои усилія, чтобы парализовать глубокія, привлекательныя стороны своего таланта. И чѣмъ объясняется такая неудача? Личнымъ раздраженіемъ, ненавистью, вносившимися въ созданіе новаго типа? Конечно, нѣтъ. Нѣкоторые изъ названныхъ нами писателей не вносили въ дѣло ни тѣни личнаго раздраженія, —мы слишкомъ высоко цѣнимъ ихъ, чтобы не быть вполнѣ

увѣренными, что они съ полною искренностью и безпристрастіемъ желали нарисовать новый типъ, созданный самою жизнью въ нашемъ обществѣ. Нѣтъ, причина была одна—это недостаточное знакомство, или даже просто незнаніе тѣхъ, кого они хотѣли воспроизводить въ художественномъ образѣ. Поэтому, вѣрными съ дѣйствительностью оказывались только чисто внѣшнія черты, легко уловимыя, все же, что касалось внутренняго содержанія, оказывалось фальшью.

Вотъ для избѣжанія такой фальши при изображеніи народной жизни, Глѣбъ Успенскій, встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ явленіемъ, тѣмъ или другимъ характеромъ, мало или вовсе предварительно неизслѣдованнымъ, прибѣгаетъ для выясненія ихъ не къ художественному воспроизведенію, а къ публицистическому анализу. Такое вторженіе публицистики въ область беллетристики могло бы подать поводъ писателю къ тенденціозной окраскѣ своихъ произведеній, но къ счастью г. Успенскій успѣлъ совершенно избѣжать той тенденціозности, которая всегда сопровождается ложью, т.-е. преувеличеніемъ или даже прямымъ искаженіемъ однихъ явленій и умышленно фальшивымъ освѣщеніемъ другихъ. При существующемъ хаосѣ литературныхъ понятій, встрѣчаются люди, которые видятъ тенденціозность даже въ выборѣ сюжетовъ писателя. Зачѣмъ, разсуждаютъ они, онъ все съ мужиками возится, — тутъ явный умыселъ и притомъ самый неблагонамѣренный! И никакъ не хотятъ понять, или дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ, что если цѣлый рядъ искреннихъ писателей обратился къ изученію народной жизни и описанію народнаго быта, то они это дѣлаютъ совсѣмъ по инымъ побужденіямъ, чѣмъ тѣ московско-петербургскіе литературные Колупаевы и Разуваевы, которые играютъ въ народъ и прикрываютъ его именемъ свою ловлю рыбы въ мутной водѣ. Они понимаютъ, что наше развитіе не можетъ двигаться прочно впередъ, пока народъ будетъ находиться на той низкой степени культуры, на которой онъ стоитъ, благодаря печально сложившимся историческимъ судьбамъ Россіи. Слѣдовательно, всѣ усилія должны быть направлены прежде всего на поднятіе его нравственнаго и матеріальнаго состоянія, а первый шагъ для этого въ литературѣ—правдивое, чуждое всякаго лицемѣрія, изображеніе народнаго быта. Но литературнымъ Колупаевымъ до правды нѣтъ никакого дѣла; имъ претитъ правдивое изображеніе непригляднахъ сторонъ народнаго быта и они обвиняютъ въ тенденціозности, въ «пошломъ либерализмѣ» каждаго писателя, который ищетъ понять дѣйствительность народной жизни и не согла-

шается лгать и лицемѣрить. Отъ такого обвиненія, очевидно, не могъ уйдти и г. Успенскій.

Въ чемъ другомъ еще можно обвинять этого писателя; можно доказывать, напримѣръ, и не безъ нѣкотораго основанія, что идеи его не всегда отличаются ясностью, опредѣленностью, что взгляды его подчасъ противурѣчатъ между собою, что отношеніе его къ тѣмъ или другимъ описываемымъ имъ явленіямъ не всегда бываетъ строго послѣдовательно; можно также, уже если считать себя обязаннымъ непремѣнно указать на недостатки талантливаго писателя, обвинить его въ нѣкоторой чисто литературной небрежности,—онъ слишкомъ мало заботится о языкѣ, красота формы стоитъ у него на послѣднемъ планѣ, поэтому его стиль, построеніе разсказовъ часто представляются неудовлетворительными: но въ одномъ никакъ нельзя обвинять этого писателя, это въ фальши, въ тенденціозности.

Коренная черта г. Успенскаго, проходящая черезъ всѣ его произведенія, начиная отъ перваго и кончая послѣднимъ очеркомъ, черта, составляющая главное достоинство его произведеній —это безупречная правдивость, и она-то исключаетъ всякую возможность какой-либо тенденціозности. Рядомъ съ нею стоитъ другое рѣдкое качество писателя—это необычайная простота.

Правдивость всегда составляетъ достоинство, но если рука объ руку съ ней не идетъ серьёзная мысль, если писатель не хочетъ или не умѣетъ заглянуть въ самую глубь жизни, въ сокровенныя стороны изображаемыхъ имъ людей, тогда эта правдивость теряетъ значительную долю своей цѣны. Правдивымъ можетъ быть писатель, легко относящійся къ жизни, онъ нарисуетъ вамъ веселую картинку, изобразитъ свѣтлыми красками и крестьянскую свадьбу, народный праздникъ, пирушку, и все это выполнитъ такъ, что читатель долженъ будетъ сказать: какъ все это вѣрно, это сама правда! но эта правда не заставитъ васъ призадуматься, не заставитъ дрогнуть ваше сердце, не выведетъ васъ изъ безмятежнаго спокойствія, если только вы испытывали его. Передъ вами прошла картинка дѣйствительной жизни—но только ея праздничной стороны; отчего и не писать такихъ развлекающихъ, успокоивающихъ картинъ. Писатели, рисующіе такія картины, всегда были, есть и должны быть, но еслибы они ограничились исключительно изображеніемъ такихъ радужныхъ сторонъ жизни, то очевидно, они не могли бы претендовать на серьёзное общественное вліяніе. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ писатели, у которыхъ съ правдивостью ихъ произведеній соединяется серьёзная мысль, не позволяющая имъ успокоиться

на созерцаніи праздничной стороны жизни, когда, точно въ какомъ-то чаду, забываются заботы, лишенія, тяжелый непосильный трудъ и сознаніе личнаго безсилія, безпомощности, всѣ семейныя и общественныя невзгоды, а напротивъ направляющая ихъ на созерцаніе будничнаго дня съ его суровою и мрачною прозою, приковывающая ихъ вниманіе къ темнымъ сторонамъ жизни, къ людскому страданію. Личное горе людей слишкомъ часто обусловливаются тяжелыми условіями общественной атмосферы и правдивое изображеніе этихъ условій составляетъ великую услугу, оказываемую писателемъ своему обществу. Онъ заставляетъ вдумываться въ эти условія, стремиться къ измѣненію ихъ, и своими произведеніями наноситъ ударъ той лицемѣрной философіи застоя, которая предлагаетъ людямъ не заботиться объ общественныхъ дѣлахъ, а пещись исключительно о самоусовершенствованіи.

Къ такимъ именно писателямъ, соединяющимъ правдивость съ серьёзною мыслію, принадлежитъ и г. Глѣбъ Успенскій. Давая своимъ читателямъ невеселыя картины жизни русскаго мужика, онъ изображаетъ ихъ въ связи съ тѣми условіями общественной атмосферы, которыя не даютъ этой жизни выбиться на болѣе свѣтлую дорогу. Мысль объ этой связи даетъ ему рѣшимость говорить одну только правду, иногда обидную и горькую, о характерѣ, нравахъ, жизни русскаго мужика. Безъ всякаго опасенія быть заподозрѣннымъ въ какихъ-либо анти-народныхъ тенденціяхъ, онъ часто рисуетъ больше чѣмъ непривлекательныя черты русскаго мужика. Онъ показываетъ его погруженнымъ въ непроглядное невѣжество, сплошь и рядомъ дикимъ, жестокимъ, одолѣваемымъ эгоизмомъ, доходящимъ до крайняго бездушія. Казалось бы, что изображеніе этой дикости, эгоизма, безнравственности должно оттолкнуть читателя отъ народа, обладающаго такими свойствами, и вмѣсто симпатіи вызвать къ нему не только равнодушіе, но даже антипатію. Между тѣмъ въ результатѣ оказывается прямо противоположное. Каждый читатель, если только онъ умѣетъ чувствовать и не зараженъ своекорыстными предубѣжденіями противъ народа, прочтя произведенія г. Успенскаго, отнесется къ изображаемому имъ люду не только не враждебно, но напротивъ съ болѣе теплымъ, чѣмъ прежде, чувствомъ. Гдѣ же, спрашивается, кроется секретъ того, что всѣ съ яркостью изображаемыя некрасивыя черты народной жизни не отталкиваютъ, а привлекаютъ къ ней читателя? Прежде всего въ этой глубокой любви писателя къ народу, которая просачивается насквозь въ каждой строчкѣ его произведеній, и которую едва ли рѣшится

отрицать самый рѣшительный противникъ г. Успенскаго. Эта любовь согрѣваетъ всѣ произведенія писателя и заставляетъ читателя относиться къ порочнымъ чертамъ народной жизни не съ ненавистью, а съ чувствомъ состраданія и боли. Она какъ бы яснѣе заставляетъ понимать, что всѣ почти обнажаемыя имъ уродливости не представляютъ собою прирожденныхъ свойствъ, а только привиты къ народному характеру, къ народному быту тяжелымъ историческимъ процессомъ, черезъ который суждено было пройти жизни русскаго народа, прежде чѣмъ она достигнетъ болѣе совершенныхъ формъ общественнаго устройства. По достиженіи такого желаннаго результата, хорошія природныя свойства, придавленныя старыми формами, получатъ, наконецъ, просторъ для своего свободнаго развитія и вытѣснять, нельзя въ этомъ сомнѣваться, уродливыя черты, цѣлыми вѣками привитыя къ народной жизни.

Не одна, впрочемъ, личная теплота, съ которою относится г. Успенскій къ народной жизни, вліяетъ на чувство читателя и заставляетъ его не винить народъ за тѣ уродливыя черты, которыя писатель такъ рѣзко выставляетъ наружу; на то есть и другая причина, лежащая въ самой концепціи его произведеній. Г. Успенскій не обособляетъ эти уродливости, онъ показываетъ ихъ на темномъ фонѣ общихъ условій нашей общественной жизни, отличающейся не меньшими уродливостями; онъ наглядно изображаетъ, какъ относились и продолжаютъ относиться къ народу, много ли было сдѣлано для очеловѣченія народной массы, которой всегда предоставлялась одна лишь пассивная, страдательная роль въ движеніи нашей національной жизни. Всѣ произведенія писателя точно служатъ отвѣтомъ на вопросъ: отчего, выражаясь его же словами, «мужикъ сталъ въ худыхъ»?

Правдивость разсказовъ г. Успенскаго, быть можетъ, не производила бы такого сильнаго впечатлѣнія на читателя, если бы она не соединялась у него съ неподдѣльною простотою. Авторъ нисколько не заботится о томъ, чтобы заинтересовать читателя сложною, запутанною фабулою, поразить его эффектными сценами, тронуть его судьбою описываемыхъ имъ лицъ, хотя въ поводахъ къ тому у него не было бы недостатка. Нигдѣ у него нельзя подмѣтить дѣланности, искусственности; описывая самое настоящее, не выдуманное горе, авторъ никогда не прибѣгаетъ къ жалобному тону,—сами дѣйствующія лица относятся къ своему горю, къ своей темной, неприглядной жизни такъ, какъ будто бы это было не ихъ горе, даже вовсе и не горе, какъ будто бы ихъ суровая жизнь не заключала въ себѣ ничего ненормальнаго.

Нужно ли говорить, что эта простота, вытѣсняющая внѣшній драматизмъ, только усиливаетъ внутренній драматизмъ разсказовъ г. Успенскаго, и что, благодаря этому драгоцѣнному качеству писателя, читатель сплошь и рядомъ бываетъ такъ потрясенъ его незатѣйливыми очерками, какъ никогда бы не былъ потрясенъ самыми эффектными, разсчитанными на то, чтобы потрясти читателя, описаніями трагической судьбы какого-либо дѣйствующаго лица. Г. Успенскій видимо чуждается картинныхъ описаній страданій, всячески избѣгаетъ ихъ, точно опасаясь внести ими фальшь въ свои произведенія, и тѣмъ достигаетъ того, что читатель еще сильнѣе поражается вѣковымъ, укоренившимся страданіемъ, на которое люди давно перестали жаловаться и на которое они смотрятъ, какъ на нѣчто вполнѣ естественное.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, главныя характерныя черты г. Успенскаго, мы можемъ теперь обратиться къ самымъ произведеніямъ этого писателя. Мы знаемъ очень хорошо, что мы не дали нашимъ читателямъ общей характеристики этого писателя, которая объяснила бы его значеніе въ нашей литературѣ, но это и не входило въ нашъ планъ. Мы полагаемъ, что значеніе этого писателя гораздо яснѣе опредѣлится для читателя, когда онъ вмѣстѣ съ нами прослѣдитъ за нѣкоторыми изъ его произведеній. Прежде всего для болѣе полнаго знакомства съ писателемъ мы остановимся на первыхъ его разсказахъ, посвященныхъ преимущественно описанію нравовъ «городского» народа, и затѣмъ уже перейдемъ къ тѣмъ его произведеніямъ, въ которыхъ талантъ автора выразился съ наибольшею силою, т.-е. къ произведеніямъ, посвященнымъ изображенію нравовъ и жизни русской «деревни».

III.

Начало литературной дѣятельности г. Успенскаго совпало съ тою эпохою, которую въ провинціи окрестили именемъ «всемірнаго потопа». «Вода,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ «Другая пора»,—начала прибывать помаленьку. Сначала съ почты принесли объявленіе о какой-то газетѣ, съ почтительнѣйшимъ письмомъ къ управляющему канцеляріей, въ которомъ просили содѣйствія и сочувствія общему дѣлу у чиновниковъ, находящихся подъ его управленіемъ —сочувствія, необходимаго именно теперь, когда настала пора отличить истинное отъ ложнаго, злое отъ незлого, доброе отъ недобраго» и проч. Что бы

ни дѣлалось, кто бы о чемъ ни говорилъ, кто бы о чемъ ни писалъ, всегда и всюду можно было въ то время встрѣтить, какъ неизбѣжную ритурнель, ходячую фразу: «пора намъ наконецъ сознать, что въ настоящее время и проч.»... Это время, для большинства радостное, для довольнаго же прежними, старыми порядками меньшинства скорбное, было временемъ поистинѣ загадочнымъ. Все общество находилось въ какомъ-то напряженномъ состояніи, одни угрюмо покачивали головой, другіе сіяли, но всѣ находились въ ожиданіи чего-то новаго, доселѣ невиданнаго. Большинство предавалось самымъ радужнымъ надеждамъ на внезапное всеобщее обновленіе; новые нравы, новая жизнь должны были вытѣснить все, что̀ давно уже покрылось ржавчиной. Какіе только въ то время не строились воздушные за̀мки, какія сладкія грёзы не убаюкивали русское общество; поистинѣ то былъ періодъ наибольшаго развитія нашей мечтательности. Настроеніе всеобщее было таково, что никто въ то время, какъ двадцать лѣтъ спустя, не рѣшается вывести русское общество изъ сладкаго забытья, и напомнить ему, чтобы оно не предавалось иллюзіямъ. Да, впрочемъ, если бы кто и напоминалъ, все равно бы не повѣрили. Самое невозможное казалось тогда возможнымъ, когда въ дѣйствительности и возможное-то оказалось для насъ невозможнымъ. Бодрость духа, какая-то веселость, смѣнили унынiе и угнетенность, но въ этомъ блаженномъ настроеніи провинція не отставала отъ столицъ. Вездѣ раздавалось одно слово: «пора», съ неизбѣжнымъ къ нему прибавленіемъ, доказывавшимъ какъ дважды два четыре нашу рѣшимость начать новую жизнь. «Всѣ чувствовали,—читаемъ мы у Успенскаго,—что пора; въ доказательство пробужденія провинціи приводилось множество корреспонденцій, въ которыхъ значилось, что вплоть отъ Шадринска до Мозыря и отъ Гиперборейскаго моря вплоть до Понта-Евксинскаго все возликовало, все желаетъ кого-то благодарить, обнять, разцѣловать,—и пользуясь этимъ радостнымъ временемъ, устроиваетъ литературные вечера, на которыхъ читаютъ «Бѣжинъ Лугъ», разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ и «остаются въ восторгѣ». Все видимо совершенствуется, ростетъ не по днямъ, а по часамъ и, по примѣру столичныхъ счастливцевъ, порицаетъ мѣстные тротуарные столбы и покачнувшіеся фонари, и точно также заканчиваетъ эти порицанія желаніемъ, что «пора намъ сознать». Время было превосходное».

Время это уже такъ далеко, что мы видимъ его точно сквозь густой туманъ. Искренность подъема общественнаго духа того свѣтлаго періода нашей жизни, разумѣется, не подлежитъ со-

мнѣнію, хотя тѣмъ не менѣе, онъ и не далъ тѣхъ плодовъ, на которые возлагались такія большія надежды. Напротивъ, этотъ подъемъ проскользнулъ какъ метеоръ, и въ концѣ-концовъ потерпѣлъ самое рѣшительное фіаско. Причины такого фіаско лежали, главнымъ образомъ, внѣ сферы общественнаго вліянія; вмѣсто ожидавшагося содѣйствія такому подъему общественнаго сознанія явилось съ необычайною быстротою крутое противодѣйствіе въ видѣ разнообразныхъ тормозящихъ мѣропріятій, слишкомъ хорошо извѣстныхъ, чтобы нужно было о нихъ говорить. Но извѣстная доля отвѣтственности за такое фіаско не можетъ быть снята и съ самого общества. Оно оказалось слишкомъ неподготовленнымъ, апатическимъ, пришибленнымъ старыми грѣхами, чтобы умѣть отстаивать зарождавшуюся-было самостоятельность и бороться за свою правоспособность. Люди, видѣвшіе вблизи, на мѣстѣ, какъ и въ чемъ проявлялось въ провинціи это оживленіе общественнаго духа, и тогда уже относились не безъ скептицизма къ слишкомъ пылкимъ надеждамъ на новую эру въ нашей жизни. Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ, повидимому, и г. Успенскій, если судить по тѣмъ его разсказамъ, которые относятся къ этой эпохѣ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что такъ какъ хорошему всегда охотнѣе вѣришь, чѣмъ дурному, то по временамъ и г. Успенскій подпадалъ общему настроенію и, какъ увидимъ, изъ-за его недовѣрія вдругъ прорывалась иногда струя самаго чистаго оптимизма.

Не вдаваясь въ подробный разборъ всѣхъ произведеній г. Успенскаго, мы остановимся только на тѣхъ разсказахъ его перваго періода, которые представляются намъ наиболѣе характерными, какъ для оцѣнки самого писателя, такъ и для уразумѣнія той жизни «городского» народа, которую онъ изображаетъ. Къ такимъ разсказамъ безспорно принадлежатъ очерки подъ названіемъ «Нравы Растеряевой улицы».

«Растеряева улица», какъ ее описываетъ г. Успенскій, въ томъ или другомъ видѣ, съ большими или меньшими измѣненіями, но во всякомъ случаѣ несущественными, находится не въ одномъ только городѣ,—такимъ образомъ говоритъ ея бытописатель,—но въ любомъ русскомъ провинціальномъ городѣ. Главныя черты «Растеряевой улицы» являются поэтому не какими-нибудь исключительными, а такъ-сказать типичными чертами жизни «городского» народа. Всѣ эти характерныя черты выражаются въ одномъ словѣ, которое произноситъ герой разсказа, Прохоръ Порфирычъ, именно: въ «полоумствѣ». Оно не есть удѣлъ одного какого-нибудь класса, нѣтъ, оно охватило

собою жизнь всѣхъ классовъ «Растеряевой улицы»: и чиновничество, и духовенство, и купечество, и мѣщанство, и фабричные, все это тонуло въ «полоумствѣ». Оно господствуетъ какъ въ сферѣ семейной, такъ и въ сферѣ общественной жизни, и выражается въ безпредѣльномъ самодурствѣ, въ забвеніи всякихъ нравственныхъ обязанностей, въ полномъ непониманіи человѣческаго достоинства; люди живутъ изо дня въ день, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не размышляя, въ нихъ нѣтъ отзывчивости ни на какія общественныя событія, ничто ихъ не задѣваетъ за живое; оно разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ и на отдѣльныхъ людей и на семью и наконецъ на все общество. Какая можетъ быть семейная жизнь, гдѣ мужъ и отецъ только и думаетъ о томъ, какъ бы завернуть въ кабакъ, служащій ему единственнымъ развлеченіемъ послѣ цѣлой недѣли работы, въ кабакъ, гдѣ онъ оставитъ все, что успѣлъ заработать, и который выпуститъ свою жертву только тогда, когда будетъ пропита послѣдняя заработанная копѣйка; гдѣ жена и мать надрывается надъ своими дѣтьми, ростущими въ чудовищной дикости. Всѣ ея заботы сводятся къ тому, какъ бы мужъ не пропилъ своего заработка и снова на цѣлую недѣлю не заставилъ голодать семью. Она находитъ мужа, тащитъ его домой, но онъ всегда находитъ возможность выскользнуть изъ ея рукъ и укрыться въ кабакѣ отъ своеобразныхъ радостей семейной жизни. Сплошь и рядомъ ей не остается ничего другого, какъ подчиниться безропотно своей судьбѣ, бить дѣтей, быть битой мужемъ и въ свою очередь искать развлеченія въ кабакѣ. Судьба дѣтей не можетъ быть лучше. Отецъ или на работѣ, или въ кабакѣ, мать или сердитая, или плачущая и тщетно выбивающаяся изъ силъ, чтобы дать имъ по куску хлѣба, и ростетъ молодое поколѣніе безъ всякаго и физическаго и нравственнаго призора, и жизнь мало-по-малу вталкиваетъ ихъ въ то же «полоумство». Воспитаніе ихъ начинается со словъ: «ну-ка, будь молодцомъ, стащи!» и мальчуганъ десяти, двѣнадцати лѣтъ начинаетъ таскать, его ловятъ и бьютъ, а онъ старается лишь изловчиться такъ, чтобы таскать и не быть битымъ. Такая школа, а другой въ большинствѣ случаевъ для него вовсе нѣтъ, служитъ прямымъ переходомъ все въ тотъ же всесильный кабакъ.

Кабакъ является господствующимъ элементомъ жизни «городского» народа. Но кабакъ, даже по мнѣнію Прохора Порфирыча, этого дѣльца «Растеряевой улицы», есть только слѣдствіе безобразія и дикости этой жизни, а вовсе не причина, которую слѣдуетъ искать нѣсколько поглубже, въ самыхъ условіяхъ обществен-

ного бита. «Водка, она ни чуть ничего въ этомъ дѣлѣ,—разсуждалъ онъ. Она дана человѣку на пользу... Потому она имѣетъ въ себѣ лекарственное... Какъ это возьмется... А главное дѣло, опять же это полоумство... Какъ вы обсудите: мальчикъ на тринадцатомъ году,—и горя-то настоящаго онъ не видалъ,—а вѣдь норовитъ тѣмъ же слѣдомъ въ кабакъ... И пьетъ онъ «на споръ»,—кто больше»... Но если такой дѣлецъ или просто кулакъ, какъ герой «Растеряевой улицы», понимаетъ уже, что кабакъ не служитъ самъ по себѣ причиною зла, то разумѣется онъ, какъ человѣкъ, выросшій на той же растеряевской почвѣ, не додумался еще, да и какая ему въ томъ нужда, до истинной причины зла. Для него кабакъ и все прочее, что такъ тѣсно съ нимъ связано, есть ничто иное, какъ «полоумство», какъ будто бы оно создано иными условіями, чѣмъ кабакъ, какъ будто бы эти два слова не синонимы. Питье водки «на споръ» и всяческія безобразія «Растеряевой улицы»—все это, какъ говоритъ г. Успенскій, «порождено слишкомъ долгимъ горемъ, все покорившимъ косушкѣ, которая и царила надо всѣмъ, занявъ по крайней мѣрѣ три доли въ каждомъ дѣйствіи, поступкѣ и безъ того отуманеннаго разсудка».

Разсудокъ же не только отуманенъ, онъ спитъ, спитъ вмѣстѣ съ нимъ и всякое нравственное чувство, не спитъ только страстное влеченіе къ кабаку, къ косушкѣ, этой единственной отрадѣ среди мрака тяжелыхъ будничныхъ дней «Растеряевой улицы». Забрать въ руки это сонное царство, показать надъ нимъ свою власть не стоитъ почти никакого труда. Кто взялъ палку, тотъ и господинъ. И показываетъ надъ нимъ свою власть каждый полицейскій чиновникъ, каждый будочникъ, наконецъ, каждый смышленый человѣкъ, который только пожелаетъ эксплуатировать безпомощное растеряевское населеніе. А такихъ охотниковъ всегда найдется вдоволь. Одного изъ нихъ въ этомъ разсказѣ и изображаетъ г. Успенскій. Это тотъ самый Прохоръ Порфирычъ, который оцѣнилъ по достоинству и время и современные нравы и съ улыбкою говоритъ: «время теперь самое настоящее... Только умѣй намѣтить, разжечь въ самую точку»...

Среди лицъ, выводимыхъ г. Успенскимъ въ его первыхъ разсказахъ, фигура Прохора Порфирыча принадлежитъ къ самымъ удачнымъ. Это законченный образъ, въ полномъ смыслѣ слова типическое лицо. Авторъ «Нравовъ Растеряевой улицы» показываетъ въ немъ городского кулака, основывающаго свое благополучіе на «полоумствѣ» растеряевцевъ. Его жизненный кодексъ очень несложенъ, весь онъ заключается въ двухъ сло-

вакъ: обдирай ближняго! Съ молоду онъ уже понялъ, благодаря своей природной смѣтливости, всю сущность той философіи, которая дѣлитъ всѣхъ людей на молотъ и наковальню; а какъ только онъ это понялъ, такъ тотчасъ же и рѣшилъ, что лучше быть молотомъ, чѣмъ наковальнею, благо оно и не трудно при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ живетъ растеряевское населеніе. Для этого не нужно ни знанія, ни особыхъ талантовъ, ни даже капитальца, для этого нужно только одно—пользоваться дикостью и безпомощностью среды. Прохоръ Порфирычъ очень рано убѣдился, что обдираніе ближняго не только на законномъ основаніи, но даже и на незаконномъ, при помощи кражи, подлога, но лишь бы оно было сдѣлано ловко, умно, не только не вызываетъ порицанія, но, напротивъ, одобряется и даже внушаетъ уваженіе. Такой человѣкъ у всѣхъ будетъ въ почетѣ, начальство относится къ нему благосклонно, чиновничество любезно его принимаетъ, мелкій же людъ, рабочій, мастеровой станетъ гнуть передъ нимъ свою шею. Усвоивъ себѣ такія истины, Прохоръ Порфирычъ и велъ уже себя сообразно съ ними. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ уваженіе начальства, распивалъ чай съ чиновниками, бесѣдуя съ ними о «полоумствѣ» народа и о всемогуществѣ рубля, благодаря которому можно этотъ народъ опутать и сѣсть ему на шею, велъ дружбу съ столпами Растеряевой улицы, т.-е. съ цѣловальниками, и съ достоинствомъ обманывалъ и обкрадывалъ мастеровой людъ. «Вообще, достоинство Прохора Порфирыча состояло въ умѣньи смотрѣть на бѣдствующаго ближняго, не съ сожалѣніемъ, а съ равнодушіемъ и разсчетомъ, да еще въ томъ, что такой взглядъ осуществленъ имъ прежде множества другихъ, тоже понимавшихъ дѣло, но не знавшихъ еще, какъ сладить съ собственнымъ сердцемъ». Вооруженный такими принципами, Прохоръ Порфирычъ шелъ твердою стезею по пути устроенія собственнаго благополучія насчетъ невѣжества городского народа. Онъ уже мечталъ объ осуществленіи своей завѣтной мечты—устройства кабака вблизи какой-нибудь фабрики, о томъ, какъ онъ будетъ спаивать рабочихъ, какъ будетъ давать имъ въ долгъ, какъ онъ стакнется съ хозяиномъ фабрики и вмѣстѣ съ нимъ оборудуетъ закрѣпощеніе себѣ фабричнаго люда. Прохоръ Порфирычъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ препятствій какъ бы не существуетъ, для него все ясно, сомнѣній нѣтъ, всѣ несложные вопросы, вертящіеся около средствъ наивѣрнѣйшаго обиранія ближнихъ, давно разрѣшены. Не смотря на все свое внѣшнее добродушіе, Прохоръ Порфирычъ возбуждаетъ, однако,

какой-то инстинктивный страхъ. Чего же тутъ страшнаго, замѣтитъ читатель, мало ли на свѣтѣ ловкихъ плутовъ; Прохоръ Порфирычъ одинъ изъ нихъ, не больше, ни меньше. Не совсѣмъ такъ. Прохоръ Порфирычъ возбуждаетъ страхъ не тѣмъ, что онъ ловкій плутъ, а тѣмъ, что среди обитателей «Растеряевой улицы» онъ является наиболѣе живымъ, мыслящимъ, правда, скверно мыслящимъ, но все-таки мыслящимъ человѣкомъ, всѣ же остальные его сограждане погружены въ спячку и апатію. Онъ имѣетъ свои идеи, какъ бы ни были они отвратительны, а другіе имѣютъ въ головѣ только одну идею—косушку, кабакъ. Страхъ является потому, что Прохоръ Порфирычъ, ужъ если мы говоримъ въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ, не встрѣчаетъ себѣ надлежащаго отпора, что идеямъ его не противопоставляются другія идеи, что онъ находитъ себѣ поддержку во всѣхъ установленныхъ формахъ жизни.

Торжество Прохора Порфирыча тѣмъ и поддерживается, что для другихъ, также начинающихъ размышлять, но только болѣе совѣстливыхъ людей, нѣтъ другого выхода, кромѣ кабака. Бывали примѣры, что среди обитателей «Растеряевой улицы» находились люди, начинавшіе «выискивать въ растеряевскихъ нравахъ такіе проблески жизни, которые не соприкасаются съ кабакомъ, не носятъ въ нѣдрахъ своихъ увѣчья, разбитаго глаза, сибирки и проч., такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ,—не все же кабакъ». Но каково же было изумленіе Кузьки (выражавшееся, впрочемъ, самой неопредѣленной тоской во всемъ тѣлѣ), когда продолжительный опытъ доказалъ, что помимо кабака, помимо проклятій собственной жизни, и пр. и пр.,—въ растеряевскихъ нравахъ нѣтъ жизни.

Такой выводъ можетъ показаться одностороннимъ, можно заподозрить, что Кузька недостаточно энергично принялся отыскивать иные проблески жизни, но вдумываясь въ эту жизнь «городского» народа, какъ ее изображаетъ г. Успенскій, съ ея неизмѣнной нуждой, невѣжествомъ, со всѣми бѣдами, къ которымъ никто не идетъ на помощь, можно, пожалуй, придти къ мрачному заключенію, что единственною отрадою, единственнымъ утѣшителемъ въ этой жизни является кабакъ и что иныхъ настоящихъ проблесковъ свѣта вовсе не существуетъ. Не одинъ, впрочемъ, злополучный Кузька тщетно искалъ ихъ, искали и другіе люди, болѣе страстные, живые, чуткіе къ той вѣковой «прижимкѣ», отъ которой во всевозможныхъ видахъ страдалъ русскій народъ. Одного изъ этихъ искателей показываетъ г. Успенскій въ мастер-

свомъ образѣ Михаила Иваныча, главнаго дѣйствующаго лица въ прекрасномъ, написанномъ съ большою силою разсказѣ, или если хотите повѣсти, «Разоренье».

Въ «Разореніи» г. Успенскій даетъ намъ живую картину того столкновенія съ одной стороны надеждъ и ожиданій новой жизни, съ другой проклятій и вздоховъ, вырывавшихся у тѣхъ, которые испытывали какой-то паническій страхъ, что вотъ-вотъ старое, вѣковое зданіе рушится и всѣ они погибнутъ подъ его развалинами. Въ художественныхъ ббразахъ передаетъ онъ то хаотическое нравственное состояніе, въ которомъ находились какъ люди, стремившіеся къ новой жизни, такъ и тѣ, которые во что бы то ни стало хотѣли отстоять старые порядки и скрежетали зубами при мысли, что новое теченіе унесетъ съ собой все, что столь дорого было имъ, ихъ отцамъ и дѣдамъ. Тѣ и другіе одинаково, разумѣется, заблуждались: одни потому, что слишкомъ вѣрили въ торжество новой жизни, другіе потому, что недостаточно вѣрили въ крѣпость сѣдой старины. Новая жизнь не такъ быстро вступаетъ въ свои законныя права, старыя твердыни не такъ легко поддаются разрушенію. Въ то время, къ которому относится «Разоренье», эта простая истина, несмотря даже на множество являвшихся уже зловѣщихъ признаковъ, казалась еще многимъ едва ли не ложью, и нужна была нѣкоторая прозорливость, чтобы говорить однимъ: погодите радоваться! а другимъ: горевать еще рано, не спѣшите умирать!

Изображая, со свойственнымъ г. Успенскому скептицизмомъ, основаннымъ на близкомъ знакомствѣ съ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ народной массы, первую схватку чего-то народившагося новаго, еще не выяснившагося, съ старымъ зломъ, весьма опредѣленнымъ, авторъ «Разоренья» показываетъ намъ, какъ отзываются въ человѣкѣ простомъ, необразованномъ, первыя смутныя идеи добра и правды, случайно заброшенныя въ его голову.

Михаилъ Иванычъ, описываемый г. Успенскимъ, принадлежитъ къ «городскому» народу. Въ молодыхъ еще годахъ ему случилось повстрѣчаться съ мыслящимъ человѣкомъ, который забросилъ въ его душу добрыя сѣмена, и результатомъ нѣсколькихъ схваченныхъ имъ, но даже не ясно усвоенныхъ имъ идей было то, что онъ «страсть сколько разбойниковъ вдругъ увидалъ».

Но если двухъ, трехъ идей, брошенныхъ на неподготовленную почву, было достаточно, чтобы вывести человѣка изъ «одурѣнія», онѣ были совершенно недостаточны, чтобы твердо по-

ставить его на ноги. Несчастный Михаилъ Иванычъ сдѣлался страстнымъ ненавистникомъ старой «прижимки» и «грабителей», наивно вѣрующимъ, что наступитъ день судный, день разсчета за старые грѣхи, и что вотъ-вотъ взойдетъ солнце правды и освѣтитъ и согрѣетъ всѣхъ долго терпѣвшихъ «неправду» жизни.

Онъ понялъ только одно, что въ вѣковой «прижимкѣ» нѣтъ правды, и онъ обличаетъ, бичуетъ, громитъ. Ему нѣтъ дѣла до того, понимаютъ его или нѣтъ, онъ не задается мыслію, да почему же теперь все должно измѣниться, онъ только слѣпо вѣритъ, что измѣнится, и въ проведеніи «чугунки» видитъ въ томъ ручательство. Онъ ни о чемъ не можетъ говорить безъ того, чтобы не вернуться къ сознанной имъ несправедливости въ людскихъ отношеніяхъ, и съ кѣмъ бы не встрѣтился, у него одинъ разговоръ—объ угнетеніи слабыхъ сильными.

«Почему, говоритъ онъ, простой человѣкъ—дуракъ, болванъ? Почему онъ въ жизнь свою сладкаго куска не ѣдалъ и сапогъ цѣлыхъ не напивалъ? Почему онъ замѣсто этого получалъ по скулѣ?.. Потому что его сапоги-то чужіе носили»...

Но на рѣчи Михаила Иваныча никто не обращаетъ вниманія, и тѣ, которые, казалось бы, наиболѣе должны были отзываться на его слова, смотрѣли на него не то какъ на юродиваго, не то какъ на лающую собаку. Но это его нисколько не смущало и онъ продолжалъ пребывать въ роли обличителя.

«... На какомъ основаніи обязанъ я быть дубьемъ, ходить ощупкой? Предъ кѣмъ я грѣшенъ, предъ кѣмъ виновенъ? А потому что я простой человѣкъ! Простого званія! На этомъ основаніи я и виновенъ... Всякому мой хлѣбъ былъ нуженъ! Кабы я ѣлъ свой-то, трудовой хлѣбъ сполна, значитъ, получалъ бы, что́ мнѣ слѣдуетъ, я, можетъ быть, человѣкомъ бы былъ... Миланка моя... Можетъ быть, и я бы все понималъ, всякую причину, что́ къ чему... А то разсуди ты самъ, какъ мнѣ осломъ дуроломомъ не быть, коли я съ малыхъ денъ нищимъ былъ. Вѣдь мнѣ каши-то съ малыхъ денъ въ ротъ не влетало—дубина! А почему я недостоинъ каши? Почему въ нашей губерніи, коли кашу на столъ, бабъ и ребятъ вонъ? А на томъ основаніи, что она другимъ требуется»...

И пусть читатель, незнакомый съ «Разореньемъ», не подумаетъ, что такъ заставило говорить Михаила Иваныча личное эгоистическое чувство; нѣтъ, онъ волновался и дѣйствительно страдалъ не за себя только, а за всѣхъ ему подобныхъ, за рабочаго, за мужика, за всѣхъ, на комъ особенно сильно отзывалась

«прижимка», результатомъ которой, по его объясненію, было «одурѣніе и обнищаніе простого человѣка». Такое систематическое одурѣніе и обнищаніе заставляло Михаила Иваныча, человѣка не злого, но озлобленнаго, радоваться, если ему случалось слышать, что кому-нибудь изъ «грабителей и разбойниковъ» приходится трудно.

«И очень великолѣпно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припруть! Радъ я! Душевно. Одна мнѣ и утѣха, что на это поглядѣть. Потому опалѣли мы отъ нихъ, дураками и нищими стали... Въ прежнее время чиновникъ-то трифоновскій, онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни за что... А теперича погодишь!.. И слава Богу!.. Теперича еще и простой человѣкъ съ ними, пожалуй, потягается... Да-а!»

И крѣпко вѣритъ Михаилъ Иванычъ, что наступитъ желаемый конецъ «прижимки», что мужикъ будетъ теперь ѣсть свой хлѣбъ «сполна», что другіе не будутъ ходить въ его сапогахъ, что палка сдѣлалась теперь о двухъ концахъ, что если однимъ концомъ она ударитъ по спинѣ мужика, то за то другимъ концомъ мужикъ ударитъ ею по спинѣ «грабителей и разбойниковъ». И радуется онъ разоренію, плачу и стонамъ, раздающимся въ станѣ этихъ послѣднихъ, гдѣ и дѣдъ, и отецъ, и сынъ «были равны въ хищничествѣ» и утѣшается онъ «созерцаніемъ обнищавшаго благородства» Черемухиныхъ, Птицыныхъ, Печкиныхъ, словомъ всѣхъ «грабителей и разбойниковъ». Давно накопившаяся злоба безъ удержу выходитъ теперь наружу и проповѣдуетъ око за око, зубъ за зубъ. «Не нужно нашему брату стыда! зашумѣлъ Михаилъ Иванычъ. Не надо-о! Съ насъ драть стыда нѣту—и намъ требуется вдвое того... Эхъ, тетери!»... Онъ взглянетъ все старое, всюду видитъ онъ въ немъ только взяточниковъ, грабителей, не переставалъ толковать «о новыхъ временахъ, о своихъ планахъ, а главнымъ образомъ о грабежѣ и разбоѣ». Увидитъ стараго чиновника, грѣющагося въ халатѣ на солнцѣ, тотчасъ начинаетъ громить: «Ишь, словно котъ, жмурится... Кости свои оттаиваетъ... Онъ теперича приструненъ, а вы дайте ему оттаять, пойдетъ щелкать по карманамъ... любо два... Надежда Андреевна!—восклицалъ онъ черезъ минуту. Эво-эво... еще! Вонъ грабитель на одѣялѣ растянулся... Ишь, нажевалъ утробу»...

Какъ ни велика была злоба Михаила Иваныча, но она не могла наполнить его существованія, онъ томился, тосковалъ, но не принимался ни за какое дѣло, которое ему было бы по душѣ, да и дѣла-то не было такого, которое пришлось бы ему по пле-

чамъ. Возвратиться въ старую колею... Но вѣдь тутъ ему пришлось бы встрѣтиться съ тою же «прижимкою», которая подняла въ немъ такую ненависть; взяться за другое... но вѣдь злоба не замѣняетъ знанія, образованія, котораго у него не было. Вотъ почему онъ рвался вонъ изъ стараго гнѣзда, рвался въ Петербургъ, гдѣ, казалось ему, новая жизнь вступала уже въ свои права, и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія движенія по чугункѣ. Увы! озлобленный, злополучный Михаилъ Иванычъ не понималъ, что до новой жизни еще далеко, что «прижимка», которую такъ клялъ Михаилъ Иванычъ, осталась все та же, что «грабители», которымъ онъ съ азартомъ пѣлъ отходную, остались цѣлы и невредимы и, потерявъ одни мѣста, получили другія, гдѣ они «обрусяли, водворяли, описывали и проч.»

Пришелъ первый поѣздъ, счастье улыбнулось Михаилу Иванычу; дѣла его устроились такъ, что онъ получилъ возможность осуществить свою мечту и отправиться въ Петербургъ. Время пути было для него временемъ высшаго блаженства. Съ нимъ обращались, какъ съ человѣкомъ. Ему говорили: «позвольте пройти», «прошу васъ», «извините» и т. д. и подобныя выраженія заставили его считать себя не завалящей тряпкой, не собакой, а дѣйствительно настоящимъ человѣкомъ, котораго «не бьютъ по скулѣ». Восторженное состояніе Михаила Иваныча было непродолжительно. Онъ не нашелъ въ Петербургѣ того человѣка, который способствовалъ, по его собственнымъ словамъ, «просіянію» его ума. Человѣкъ этотъ куда-то исчезъ. Другихъ людей, людей новой жизни ему также не посчастливилось встрѣтить, да, наконецъ, и это главное, и самой-то новой жизни не оказалось. И пришелъ Михаилъ Ивановичъ въ крайнее уныніе, и понялъ онъ, конечно, теперь, что одна прилетѣвшая ласточка не дѣлаетъ еще весны. И здѣсь онъ встрѣтилъ все то же, что тамъ, въ провинціи, въ деревнѣ вызывало его озлобленіе; онъ поникъ головой, но врядъ ли злоба его помогла ему разъяснить себѣ, что же мѣшаетъ вторгнуться новой жизни и почему все старое такъ крѣпко держится въ нашихъ нравахъ. Увы! «просіяніе» его ума было слишкомъ для этого поверхностно. Г. Успенскій не сообщаетъ намъ дальнѣйшей судьбы Михаила Иваныча, но ее не трудно отгадать. Одно изъ двухъ: или Михаилъ Иванычъ, подобно Кузькѣ изъ Растеряевой улицы, прійдя къ убѣжденію, что нѣтъ настоящихъ проблесковъ жизни, рѣшился утопить свою злобу и горе въ томъ же кабакѣ, или, если онъ про-

[illegible] власть «прижимку», «грабителей» и «разбойниковъ», то тогда онъ несомнѣнно оказался за произнесеніе дерзкихъ рѣчей водвореннымъ на жительство въ какой-нибудь глухой и безлюдной окраинѣ.

Но въ чемъ же выражается «прижимка?» спроситъ читатель. На это дадутъ отвѣтъ другія произведенія г. Успенскаго, къ которымъ мы придемъ въ слѣдующей статьѣ.

Евг. Утинъ.

СЕЛЬСКОЕ ПРАВОСУДІЕ

Изъ жизни русской деревни.

I.

Переустройство мѣстныхъ учрежденій, направленное къ обновленію и оживленію нашей провинціи, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ, выпавшихъ на долю настоящаго времени. Правильная организація тѣхъ первичныхъ формъ управленія, которыя стоятъ у самыхъ корней народной жизни, представляется крайне мудренымъ дѣломъ вообще, у насъ же оно обставлено еще бóльшими затрудненіями. Крѣпостной бытъ такъ глубоко проникъ въ складъ общественной жизни, что созданіе учрежденій, обезпечивающихъ свободное теченіе народной жизни, встрѣчается и понынѣ съ препятствіями едва устранимыми. Двадцать лѣтъ, истекшіе со времени реформы, сами по себѣ были бы далеко недостаточны для того, чтобы изгладить и смыть остатки крѣпостной старины; но условія, при которыхъ наши реформы проводились въ жизнь, и реакція, наступившая къ несчастію слишкомъ скоро послѣ возникновенія реформаторской дѣятельности,—не только уменьшили значеніе реформъ для поднятія уровня народнаго быта, но во многихъ случаяхъ парализовали это значеніе совершенно. Въ деревнѣ,—на которой болѣе всего тяготѣло растлѣвающее вліяніе крѣпостного быта, въ деревнѣ, гдѣ $^5/_6$ населенія послѣ долгихъ вѣковъ безправія впервые стали на почву гражданственности, къ сожалѣнію нерѣдко вполнѣ призрачной,—со дна разрушеннаго общественнаго строя поднялись тѣ хищническіе элементы, которые держатъ въ экономической кабалѣ и непросвѣтной иглѣ всю массу деревенскаго люда. Подавить это хищничество было бы трудно для каждой страны; у насъ же при условіяхъ которыми,

обставлена деревенская жизнь, борьба съ такого рода зломъ пока почти невозможна. Естественно, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ вопросу о положеніи нашей деревни—на самыхъ первыхъ шагахъ приходится считаться съ этимъ зломъ и преодолѣвать созидаемыя имъ препятствія. Въ томъ хаотическомъ положеніи вещей, когда малочисленная интеллигенція страны должна была умолкнуть, чувствуя свое полнѣйшее безсиліе что либо сдѣлать, когда народъ, о которомъ такъ много говорится и для котораго такъ мало дѣлается, равнымъ образомъ чувствуетъ себя безсильнымъ и безправнымъ—самые ярые поработители и эксплуататоры народнаго благосостоянія получаютъ легкую возможность проводить и осуществлять свои планы, въ основаніи которыхъ лежитъ худо скрытое стремленіе къ наживѣ. Для публициста при такихъ условіяхъ очень трудно уловить истинное настроеніе деревни, дѣйствительныя потребности народнаго быта. Трудность заключается не въ томъ, чтобы установить тѣ основные принципы, которые должны лечь въ основу новаго порядка вещей,—на это есть историческій опытъ другихъ народовъ и нашъ собственный, многочисленныя теоретическія и практическія указанія,—а въ томъ, чтобы въ массѣ высказанныхъ взглядовъ и предположеній, составляющихъ громадный по своему объему матеріалъ, отдѣлить золото отъ лигатуры, радѣтелей о народномъ благѣ отъ враговъ его, слезы истинныя отъ слезъ крокодиловыхъ.

Въ особенности вопросъ усложнился и даже, можно сказать, обострился въ послѣднее время. Въ прежніе не такъ давніе годы, когда русскій прогрессъ былъ преисполненъ надеждъ и увѣренности, истинныя цѣли, преслѣдовавшіяся нашими хищниками, были очевидны и не возбуждали никакого сомнѣнія. Какъ можно больше урвать отъ „пира русскаго прогресса"—такова была цѣль, которая въ то время даже и не скрывалась. О мужикѣ тогда не говорили, личныя цѣли не замаскировывались и не скрывались. Не то мы видимъ теперь. Потому ли, что пиршество прогресса прекратилось и отечественный пирогъ (употребляемъ выраженіе знаменитаго сатирика) оказался съѣденнымъ, или по какимъ-либо другимъ болѣе высокимъ соображеніямъ, но только въ послѣднее время польза мужика сдѣлалась господствующимъ и почти единственнымъ девизомъ для цѣлой фаланги самыхъ разнообразныхъ дѣятелей. „Народное благо" составляетъ въ настоящее время ту скорлупу, въ которую обязательно облекаются всѣ самые разнообразные проекты, предположенія, мѣропріятія и т. п. Насколько искренности во всѣхъ этихъ заботахъ о народѣ, это конечно вопросъ другой, но несомнѣнный фактъ, что служеніе народу есть модный девизъ всякихъ общественныхъ дѣятелей и всякихъ литературныхъ лагерей, начиная отъ литерату-

ры, воодушевленной несомнѣнною и искреннею любовью къ народу, до „докладывающей“ литературы съ ея извѣстными героями. Теперь куда ни взглянешь, вездѣ встрѣтишься съ защитникомъ народныхъ интересовъ. Люди, которые еще недавно съ истинно циническою откровенностью доказывали достаточность крестьянскихъ надѣловъ, вредъ, приносимый развитіемъ въ народѣ грамотности, и вообще поддерживали систему „бараньяго рога“, теперь громче другихъ ратуютъ за благо народа; всюду раздается девизъ переворота 2-го декабря: pour le peuple et par le peuple. Конечно, иногда маска, надѣваемая такими народолюбцами, до крайности прозрачна; но иногда оболочка, за которой скрываются старо-крѣпостныя традиціи и инстинкты, выдѣлана такъ искусно, что возможно впасть въ обманъ. Задача публициста въ этомъ случаѣ чрезвычайно усложняется: ему необходимо путемъ тщательнаго анализа снять ловко пригнанную драпировку, отбросить маску и такимъ образомъ обнаружить заключающееся въ пышной и либеральной формѣ, враждебное народу и его успѣхамъ содержаніе. Діагнозъ такой не легокъ: въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто возьметъ на себя трудъ ознакомиться съ тѣмъ объемистымъ и сложнымъ матеріаломъ, который образовался въ послѣднее время по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Просматривая не только относящуюся къ этому вопросу публицистику, но и болѣе или менѣе оффиціальныя предположенія земскихъ собраній, видишь съ одной стороны, какъ ловко скрываются крѣпостническіе инстинкты въ форму защиты народныхъ интересовъ, а съ другой—какими трудно преодолѣваемыми затрудненіями обставлена работа, одушевляемая дѣйствительною любовію къ народу. Какъ мало, въ числѣ проектовъ о всесословной (иногда и безсословной) волости, такихъ, которые преслѣдовали бы на самомъ дѣлѣ интересы русскаго крестьянскаго народа, его экономическое и умственное развитіе, и какъ много напротивъ такихъ, которые посвящены утонченнымъ изобрѣтеніямъ къ порабощенію огромной народной массы, къ увеличенію существующей надъ ея жизнію и дѣятельностію опеки, подъ самыми разнообразными формами! Можно встрѣтить голоса крѣпостниковъ, не скрывающихъ свою тенденцію возвратиться къ отошедшимъ въ вѣчность временамъ крѣпостного быта, при помощи вотчинно-полицейскихъ правъ крупныхъ землевладѣльцевъ; можно встрѣтить другія не столь циническія стремленія къ исключительному господству въ деревнѣ,—но повторяемъ, слишкомъ мало голосовъ, ратующихъ безкорыстно за великое дѣло облегченія и улучшенія условій быта русскаго крестьянства.

Но если такое разнообразіе мнѣній существуетъ въ вопросѣ о преобразованіи волости, какъ единицы административной и земской,

то въ вопросѣ о переустройствѣ крестьянскаго и вообще сельскаго суда, замѣчается еще большая путаница. Тутъ господствуетъ уже полное столпотвореніе вавилонское, въ которомъ нерѣдко „своя своихъ не познаша“.

Распространять въ деревнѣ опеку дворянскаго элемента, по вопросамъ хозяйства и управленія, чрезвычайно трудно, такъ-какъ ежедневный опытъ доказываетъ, что въ вопросахъ этого рода крестьяне не только не уступаютъ, но даже иногда превосходятъ многихъ представителей культурныхъ слоевъ. На отрицаніе этой способности большинства русскаго народа самостоятельно распоряжаться въ предѣлахъ мелкой единицы рискуютъ немногіе, уже самые ярые крѣпостники. Но по отношенію къ суду вопросъ совершенно измѣняется. Положимъ—говорятъ защитники крестьянскаго порабощенія — мужикъ можетъ еще участвовать въ управленіи и въ обсужденіи вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ общиннымъ владѣніемъ и другими условіями деревенскаго быта, но оставить въ его рукахъ судъ, это святое служеніе правдѣ—совершенно немыслимо, и лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить теперешнее невозможное состояніе волостной юстиціи: въ интересахъ правосудія и самого народа судъ неизбѣжно долженъ находиться въ рукахъ образованнаго сословія. И вотъ, вслѣдствіе этого, создаются проекты объ уничтоженіи или ограниченіи до послѣдняго минимума крестьянскаго самосуда и сосредоточенія сельскаго правосудія въ рукахъ мировыхъ судей. Къ такимъ проектамъ нерѣдко присоединяются и люди безспорно либеральнаго и честнаго образа мыслей, но теоретики, незнакомые съ условіями сельскаго быта и деревенской жизни. Конечно, такого рода людямъ можно возразить, что изъ того, что волостные суды въ настоящее время представляются въ дѣйствительности пародіей на правосудіе и чужды всякой идеи правильной судебной организаціи, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы крестьяне были неспособны къ отправленію правосудія, а слѣдуетъ только одно, что суды эти дурно устроены и дѣятельность ихъ обставлена невозможными условіями, а съ другой стороны можно было бы прибавить, что и дѣятельность значительнаго большинства мировыхъ судей одинаково несостоятельна и требуетъ безусловной реорганизаціи самого учрежденія,—но всѣ эти возраженія мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ.

Однако, величайшая опасность, грозящая крестьянскому суду и вообще нашему сельскому правосудію, далеко не ограничивается одними противниками волостного суда. Съ этими противниками можно было бы еще сладить, но вопросъ усложняется въ значительной степени, когда на арену выступаютъ мнимые защитники крестьянскаго самоуправленія.

Сознавая, что преобразованіе волостного суда на условіяхъ, при которыхъ онъ могъ бы дѣйствительно пріобрѣсти значеніе выразителя правовой жизни народа и какъ всякій правильно организованный органъ правосудія пріобрѣсть громадное воспитательное вліяніе на народныя массы, распространяя въ нихъ идею законности и сознаніе человѣческихъ правъ (что совершенно не согласно съ стремленіями тѣхъ нашихъ охранителей, которые, пользуясь невѣжествомъ народа стремятся вести его на помочахъ),—охранители эти высказываются за сохраненіе крестьянскаго суда въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ въ настоящее время, безъ малѣйшаго въ немъ измѣненія. Такихъ друзей народа, являющихся волками въ овечьей шкурѣ, къ несчастію слишкомъ много. Прежде всего сюда принадлежатъ московскіе охранители, славянофильскаго лагеря. Стоитъ только послушать, какія іереміады воспѣваютъ гг. Аксаковъ и К° о великомъ и святомъ значеніи крестьянскаго суда, выражающаго вѣковую непосредственную мудрость русскаго народа и т. п. Откуда проистекаютъ всѣ заботы о сохраненіи неприкосновенности великихъ основъ крестьянской жизни—волостного суда — очевидно каждому, знакомому съ ученіемъ современныхъ славянофиловъ. Надо быть г. Аксакову признательнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась его новѣйшая „Русь“, туманъ, застилавшій славянофильское ученіе, въ значительной степени разсѣялся и сквозь него ясно для каждаго обозначились крѣпостническія традиціи полу-азіатскаго барства, прикрытыя пестрой шумихой трескучихъ фразъ о народной самобытности, самости, средостѣніи, и другихъ терминовъ ихъ своеобразнаго лексикона. Послѣ того, какъ вожди славянофиловъ явились сторонниками „достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ и заключили неразрывный союзъ съ публицистомъ Страстного бульвара, счеты съ ними русской интеллигенціи могутъ быть признаны вполнѣ оконченными. Маска снята и гг. Аксаковъ и К° оказались тѣмъ, чѣмъ они въ сущности были постоянно, но долгое время крайне искусно драпировались въ совершенно чуждыя имъ тенденціи. Для крѣпостническихъ стремленій нашихъ славянофиловъ, конечно, въ высшей степени важно сохранить волостные суды именно въ томъ видѣ, въ которомъ они существуютъ въ настоящее время. Теперь суды эти не только не вносятъ просвѣтительнаго вліянія въ народныя массы, но напротивъ того, способствуютъ укорененію вѣковыхъ предразсудковъ, растлѣвающимъ образомъ вліяютъ на народные нравы; при этомъ, обособляя крестьянство, суды укрѣпляютъ сословную рознь и совсѣмъ тѣмъ, вслѣдствіе крайне ограниченной юрисдикціи и притомъ исключительно крестьянской, оставляютъ за судомъ, находящимся въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, почти всю массу возникающихъ

въ сельскомъ быту дѣлъ; помѣщичьи же дѣла всѣ безусловно. Какъ же г. Аксакову и его союзникамъ не защищать status quo крестьянскаго суда? Онъ совершенно совпадаетъ съ ихъ цѣлями и тенденціями. Было бы удивительно, еслибы они возстали противъ него.

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что въ вопросѣ о реформѣ крестьянскаго суда иногда держатъ сторону славянофиловъ, конечно, по совершенно другимъ побужденіямъ, и многіе изъ нашихъ дѣйствительно народолюбцевъ, изъ людей, воодушевленныхъ благороднѣйшимъ стремленіемъ принести пользу народу, идеей безкорыстной любви къ народу. Причина, побуждающая такихъ истинныхъ друзей народа защищать нынѣшнее устройство въ волостныхъ судахъ, совершенно понятна: она заключается въ желаніи сохранить за крестьянами хоть какое-нибудь участіе въ правосудіи, въ опасеніи, что съ измѣненіемъ существующаго порядка господа образованные землевладѣльцы заберутъ въ свои руки, подъ той или другой формой, и эту отрасль крестьянскаго управленія, и такимъ образомъ осуществятъ свои патримоніальныя цѣли. Увы! Опытъ показываетъ, что такія опасенія слишкомъ основательны, чтобы возможно было ихъ игнорировать. Однако, изъ такихъ опасеній можетъ вытекать лишь необходимость такого переустройства, при которомъ крестьяне *въ дѣйствительности* не были бы устранены отъ участія въ сельскомъ правосудіи, а послѣднее все-таки было бы поставлено на правильную, раціональную и прогрессивную почву. Очевидно, что эти соображенія или чужды, или же кажутся несущественными для тѣхъ защитниковъ нынѣшняго крестьянскаго суда, о которыхъ мы теперь говоримъ. Указанныя нами опасенія имѣютъ своимъ слѣдствіемъ то, что, не чувствуя для защиты теперешняго положенія волостной юстиціи подъ собой твердой почвы, защитники волостного суда идеализируютъ дѣйствительность, не останавливаясь передъ тенденціознымъ извращеніемъ обнаруженныхъ и извѣстныхъ фактовъ.

Вскорѣ по изданіи „Трудовъ“ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, въ литературѣ нашей появился цѣлый рядъ публицистическихъ работъ о крестьянскомъ правосудіи. Изъ статей этого рода обращаетъ на себя вниманіе статья, озаглавленная „Крестьянскій судъ“, появившаяся въ первой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1874 годъ. Въ то время, когда, благодаря опубликованію 10,000 рѣшеній волостныхъ судовъ, вся читающая Россія могла убѣдиться въ той непросвѣтной мглѣ, которая царитъ въ нашей деревнѣ, въ тѣхъ грубыхъ инстинктахъ, которые, явившись слѣдствіемъ крѣпостного права, господствуютъ и до сихъ поръ въ народныхъ массахъ, неизвѣстный авторъ явился защитникомъ крестьянскихъ судовъ, видя въ нихъ дѣйствительный народный самосудъ.

Невозможно заподозрить въ авторѣ какого-либо побужденія, кромѣ искренней любви къ народу, и со всѣмъ тѣмъ статья его является фальшивымъ диссонансомъ, который могъ бы только повредить правильному развитію народной жизни. Самобытный народный судъ! Да развѣ это свойство представляетъ что-либо особенное? Развѣ есть такой народъ, который бы не имѣлъ своего самобытнаго суда? Вѣдь и папуасы, живущіе на островахъ Тихаго океана, имѣютъ свой самобытный судъ, и однако же никому не придетъ въ голову признавать за ихъ судомъ какія-либо положительныя достоинства. Задача цивилизаціи въ томъ и заключается, что она вноситъ свѣтлый лучъ въ темную бездну народныхъ суевѣрій и предразсудковъ.

Въ недавнее время въ „Русской Мысли“ (1881) появилась другая подобная же статья о волостныхъ судахъ. Статья принадлежитъ г. В. Е. Денскому. Авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ имѣющимися по избранному имъ предмету богатыми источниками, а также и съ бытомъ нашей деревни; въ каждомъ словѣ автора видна истинная любовь къ народу,—но вмѣстѣ съ тѣмъ вся статья представляется тенденціозной до послѣдней степени и носитъ характеръ парадокса, нерѣдко опровергаемаго самимъ авторомъ. Съ одной стороны г. Денскій признаетъ, что въ настоящее время волостной судъ находится исключительно въ рукахъ писаря и старшины, что идея крестьянскаго самосуда въ немъ почти незамѣтна, что господствующій въ деревнѣ кулакъ господствуетъ и въ судѣ; а съ другой стороны восторгается выражающеюся въ приговорахъ этого суда народною мудростью и требуетъ сохраненія его безъ всякихъ намѣреній на будущее время. Но позвольте, г. Денскій, что-нибудь одно: или волостной судъ дуренъ, тогда его необходимо переустроить, или же онъ хорошъ—въ такомъ случаѣ опровергните факты, добытые относительно его дѣятельности. Всѣ такія противорѣчія только и могутъ быть, конечно, объяснены тѣми опасеніями за самостоятельность крестьянскаго суда, о которыхъ мы говорили выше. Благодаря этимъ опасеніямъ и являются указанія на такіе выходы, которые на положеніе волостной юстиціи не могутъ имѣть никакого вліянія. Укажемъ на одинъ изъ такихъ проектируемыхъ г. Денскимъ выходовъ. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о господствѣ въ деревнѣ кулака, авторъ такъ характеризуетъ положеніе вещей: „это-то напрактикованные люди, ненавидящіе немного закона — люди съ индивидуалистическими наклонностями, люди наживы, разгула— руководятся волостнымъ судомъ, сельскимъ и волостнымъ сходами. Честные же элементы крестьянскаго общества парализованы; нерѣдко случается, что порядочные крестьяне не идутъ совсѣмъ на сходы“. Охарактеризовавъ такъ сильно и справедливо положеніе деревни и

волостного суда, авторъ вслѣдъ затѣмъ восклицаетъ: „освободите мужика въ дѣлѣ суда отъ кошмара, отдающаго его въ безконтрольное распоряженіе писаря, старшины, абедника-кулака, и мужикъ добровольно не поднадетъ подъ его тяжелый сапогъ". Но вѣдь если въ судѣ господствуетъ абедникъ—кулакъ и писарь, то, очевидно, что самая организація суда открываетъ возможность такого господства, и безъ коренного измѣненія организаціи устраненіе такого господства немыслимо. Очевидно, авторъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе. Мы могли бы еще привести много примѣровъ подобнаго отношенія къ вопросу о волостныхъ судахъ, но думается намъ, что и приведенныхъ вполнѣ достаточно.

Между тѣмъ, время идетъ и, быть можетъ, близокъ день, когда реформа крестьянскаго суда изъ области предположеній вступитъ въ область совершившихся фактовъ. Поэтому всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе тѣхъ богатыхъ и обширныхъ матеріаловъ, которые имѣются по занимающему насъ вопросу, составляетъ предметъ первой необходимости. Пора разобраться въ этомъ матеріалѣ и установить почву, на которой возможно было бы создать дѣйствительное, а не фиктивное правосудіе въ русской деревнѣ.

Само собой разумѣется, что наше изслѣдованіе будетъ прежде всего чуждо всякой предвзятой тенденціи, всякаго личнаго, субъективнаго взгляда на дѣло. Мы постараемся по мѣрѣ возможности освѣтить вопросъ со всѣхъ сторонъ и изъ анализа недостатковъ существующей организаціи вывести заключеніе о способахъ къ ихъ устраненію. Въ вопросѣ правильно организованнаго сельскаго суда соединено нѣсколько сторонъ и на всѣхъ ихъ необходимо должно остановиться изслѣдованіе. Бытовая, экономическая и правовая стороны суда имѣютъ одинаково важное значеніе въ общемъ складѣ народной жизни и ни одна изъ сихъ сторонъ не можетъ быть упускаема изъ виду.

II.

Существующіе нынѣ волостные суды являются учрежденіемъ новымъ, созданнымъ „Положеніемъ 19 февраля 1861 г."; но образцомъ, по которому они устроены, послужили крестьянскіе суды, организованные въ 1839 году. Составляетъ ли нынѣшній волостной судъ продолженіе древне-русскаго народнаго самосуда, или же онъ является учрежденіемъ, не имѣющимъ преемственной связи съ прежними народными судами? Несмотря на полное разногласіе существующихъ по этому предмету взглядовъ на основаніи выводовъ новѣйшей мето-

рической критики, можно, кажется, безошибочно признать, что существующій нынѣ *формальный* волостной судъ непосредственной связи съ сложившимся исторически народнымъ самосудомъ не имѣетъ. Но повторяемъ: по этому вопросу существуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, такъ что вопросъ можетъ считаться и до сихъ поръ открытымъ.

По нашей задачѣ мы не имѣемъ ни намѣренія, ни даже возможности входить въ подробное изслѣдованіе историческаго развитія нашего народнаго самосуда. Мы можемъ остановить вниманіе читателей только на болѣе выдающихся моментахъ исторіи народнаго самосуда, съ цѣлью выяснить происхожденіе и бытовое значеніе нынѣшняго волостнаго суда [1]). Крайніе защитники крестьянскихъ судовъ, боящіеся всякаго покушенія на ихъ самостоятельность и неприкосновенность, стараются установить генетическую, преемственную связь между судами волостными и прежними формами, въ которыхъ выражалось самостоятельное участіе народа въ отправленіи правосудія. Однако, такой взглядъ, какъ мы сказали, не подтверждается выводами новѣйшей науки. Конечно, по тѣмъ отрывочнымъ и краткимъ законодательнымъ памятникамъ, которые сохранены намъ древнѣйшимъ періодомъ права, нельзя съ точностью опредѣлить то участіе, какое принадлежало народу въ отправленіи самостоятельнаго суда; но обобщая относящіеся сюда факты, кажется, можно безошибочно заключить, что съ древнѣйшихъ временъ параллельно судамъ княжескимъ, позднѣе царскимъ, въ которыхъ выражалась центральная, государственная власть, не переставалъ существовать самобытный крестьянскій самосудъ, чуждый признанія власти, чуждый всякой опредѣленной организаціи, но выражавшійся въ судѣ общины, основанномъ исключительно на началахъ обычнаго права, и коренившійся въ древнѣйшихъ основахъ родового быта. Можно сказать, что съ момента образованія первичныхъ общинъ право самосуда уже принадлежало его членамъ. Способствовалъ этому и самый характеръ возникновенія новыхъ общинъ: „засельники", образовывавшіе новыя колоніи, группировались вокругъ „слободчика", обыкновенно старѣйшаго изъ всѣхъ колонистовъ; слободчикъ этотъ имѣлъ патріархальную судебную власть надъ членами общины, и впослѣдствіи изъ этой патріархальной власти вылилась судебная юрисдикція общины.

---

[1]) Чтобы избѣгнуть косвенныхъ ошибокъ, считаемъ необходимымъ указать, что кромѣ обще-историческихъ сочиненій, при составленіи настоящаго обзора, мы имѣли въ виду еще слѣдующія спеціальныя сочиненія: *Калачова*, „О волостныхъ судахъ въ древней и новой Россіи" („Сборникъ государственныхъ знаній" т. VII); *Бѣляева*, „Крестьяне на Руси" („Русская бесѣда" 1859 г.); *Неволина*, „Исторія Росс. Гражд. законовъ"; *Дмитріева*, „Исторія судебныхъ инстанцій".

Зачатки такого самобытнаго народнаго суда, существовавшаго внѣ всякихъ законодательныхъ опредѣленій, а весьма возможно, что даже и безъ вѣдома власти, можно видѣть въ упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ „вервныхъ судахъ“. Съ тѣхъ поръ судъ этотъ непрерывно дѣйствовалъ въ теченіе всей исторіи русскаго крестьянства, пережилъ многочисленный рядъ правительственныхъ системъ судоустройства и не прекратилъ своего существованія до настоящаго времени: судъ стариковъ (въ великороссійскихъ губерніяхъ) и судъ громады (въ Малороссіи), совершенно непризнанные властію, существуютъ и дѣйствуютъ и теперь, а они составляютъ прямое и, прибавимъ, *единственное* выраженіе нашего самобытнаго народнаго самосуда.

Во всѣхъ остальныхъ видахъ участія общины въ отправленіи правосудія безусловно нельзя видѣть *народнаго самосуда*. Это было только извѣстное участіе народныхъ элементовъ въ судѣ правительственномъ, такое участіе, которое нынѣ выражается, напримѣръ, въ судѣ присяжныхъ, но которое ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествлять съ народнымъ самосудомъ. Правительственный характеръ такихъ судовъ, лежавшее въ основѣ ихъ приказное начало, наконецъ, примѣненіе исключительно писаннаго закона—все это побуждаетъ принять принципіальное различіе между такими формами участія народа въ оффиціальныхъ судахъ и непосредственнымъ народнымъ самосудомъ.

Чтобы убѣдить читателей въ справедливости высказаннаго нами предположенія, которое во всякомъ случаѣ является не больше, какъ гипотезой, хотя и выведенной на основаніи весьма тщательнаго разбора сохранившихся актовъ древняго юридическаго быта, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ видахъ участія, которое принималъ нашъ народъ въ отправленіи правосудія въ московскій періодъ нашей исторіи. Сохранившіяся по этому предмету точныя свѣдѣнія не идутъ древнѣе „Судебниковъ“. На основаніи этихъ свѣдѣній можно признать, что участіе общины въ отправленіи уголовнаго правосудія выражалось въ двухъ видахъ.

Къ первому виду этого участія относятся такъ-называемые „судные мужи“. Это были тѣ старосты, выборные, цѣловальники и лучшіе люди, которые принимали участіе въ судѣ *намѣстниковъ* и *волостелей*. Въ уставныхъ и губныхъ грамотахъ, Судебникахъ—первомъ (1497 года) и второмъ (1550 года)—постоянно встрѣчаются царскія повелѣнія, „чтобы намѣстники и волостели, бояре и дѣти боярскіе, *за которыми кормленіе съ судомъ боярскимъ*, безъ дворского, старостъ, лучшихъ людей или цѣловальниковъ не судили“. Далѣе изъ второго

Судебника видно, что въ какой волости принадлежалъ истецъ и отвѣтчикъ, изъ той же волости должны выбираться „судные мужи“, которые и должны сидѣть на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эти судные мужи представляли значительную гарантію для населенія, такъ-какъ помимо участія въ произнесеніи приговора, ихъ присутствіе и согласіе было необходимо при лишеніи свободы и другихъ судебныхъ функціяхъ. „Намѣстничьи и волостелины люди, недѣльщики и пристава, безъ явки такого человѣка (т.-е. обвиняемаго) старостѣ и цѣловальникамъ, которые сидятъ въ судѣ у намѣстниковъ и ихъ тіуновъ, не имѣютъ права сводить его къ себѣ и у себя его ковать; а если они такого человѣка сведутъ къ себѣ и скуютъ его у себя, безъ предварительной явки суднымъ мужамъ, то эти послѣдніе имѣютъ право освободить скованнаго, если только по жалобѣ рода и племени скованнаго они удостовѣрятся, что онъ былъ скованъ, а имъ не явленъ“. Таковъ смыслъ 70-й ст. второго Судебника. Однако, не смотря на все важное значеніе, которое имѣли „судные мужи“ въ намѣстничьихъ судахъ, за ними безусловно нельзя признать характера народнаго самосуда. Судъ намѣстниковъ и волостелей былъ вполнѣ судъ правительственный, основанный на строго приказномъ началѣ, былъ судъ письменный и ничего общаго съ народнымъ судомъ не имѣлъ. „Судные мужи“ были только народные представители, допущенные къ участію въ судѣ; по своему значенію и характеру они ближе всего напоминаютъ засѣдателей нашихъ прежнихъ палатъ, но никто же не будетъ утверждать, чтобы прежніе сословные представители, засѣдавшіе въ нашихъ палатахъ, выражали собою непосредственное, самостоятельное проявленіе народнаго суда.

Еще меньше можно видѣть проявленіе народнаго самосуда въ введенныхъ Иваномъ Грознымъ губныхъ старостахъ и вообще губныхъ судахъ. Дѣйствительно, учрежденіемъ губныхъ судовъ была предоставлена широкая власть общинамъ въ преслѣдованіи и судѣ уголовныхъ преступленій, но со всѣмъ тѣмъ губная юстиція руководствовалась писаннымъ закономъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приравнена къ народному суду. Губными грамотами Грозный предоставлялъ посадамъ, селамъ и вообще крестьянамъ разныхъ наименованій право судить и наказывать разбойниковъ и вообще уголовныхъ преступниковъ: „и вы-бъ тѣхъ разбойниковъ вѣдомыхъ межъ себя имали, да обыскавъ ихъ и доведчи на нихъ, пытали на крѣпко, и допытався у нихъ, что они разбиваютъ, да тѣхъ бы есте разбойниковъ вѣдомыхъ, бивъ кнутьемъ, казнили смертію, то есмя положилъ на вашихъ душахъ, а вамъ отъ насъ въ томъ опалы нѣтъ“.

Таково содержаніе губныхъ грамотъ Грознаго [1]). Несмотря, однако, на такую судебную автономію, предоставленную этими граматами общинамъ, едва ли кто знакомый съ исторіей русскаго права, въ настоящее время, усумнится въ истинномъ значеніи губныхъ судовъ. Отнять власть, устранить отъ суда ненавистныхъ Грозному бояръ и сосредоточить уголовное правосудіе въ рукахъ наименѣе враждебнаго крестьянскаго элемента—такова была единственная цѣль, которую преслѣдовалъ Грозный введенными имъ губными судами.

Такимъ образомъ, въ организаціи правительственныхъ судовъ московской Руси невозможно видѣть даже тѣни народнаго самосуда: всѣ они были основаны на приказномъ началѣ, всѣ они имѣли письменное производство и, наконецъ, всѣ они вѣдали дѣла, далеко выходящія за предѣлы ближайшихъ интересовъ сельской общины. Эти послѣднія дѣла несомнѣнно разсматривались народнымъ самосудомъ, не имѣвшимъ не только оффиціальнаго правительственнаго значенія, но даже и признанія, но сохранившаго силу въ глазахъ народа—значеніе въ сферѣ сельской общины.

Однако, изложенное нами участіе народа въ отправленіи правосудія въ концѣ московскаго періода начинаетъ уже мало-по-малу вытѣсняться. Къ концу XVI вѣка обѣ формы народнаго участія въ судѣ слабѣютъ. Губной староста утрачиваетъ выборный характеръ и назначается „разбойнымъ приказомъ". Вообще, въ это время наступило уже полное господство приказнаго начала, которое вытѣснило изъ судовъ и судныхъ мужей. Въ Уложеніи 1649 года (Алексѣя Михайловича) о судныхъ мужахъ нѣтъ уже и помину. Наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ реформъ Петра I вытѣснилъ приказное начало и замѣнилъ его началомъ бюрократическимъ, при господствѣ котораго о какомъ-либо законодательномъ признаніи народнаго самосуда не могло быть и рѣчи.

Г. Калачовъ—великій защитникъ генетическаго преемства въ крестьянскомъ судѣ древней и новой Россія—на основаніи вновь розысканныхъ имъ въ разныхъ архивахъ актовъ, старается доказать, что какъ въ первое, такъ и въ самое послѣднее время московскаго періода существовалъ самостоятельный волостной судъ, который можетъ быть названъ истиннымъ выразителемъ самобытнаго народнаго суда. Имъ приводится, между прочимъ, жалованная грамота царя Михаила Θедоровича, данная въ 1622 году крестьянамъ Устьянскихъ волостей, названнымъ такъ отъ рѣки Устьи. Изъ этой граматы дѣйствительно видѣнъ составъ, дарованнаго *въ видѣ привилегіи*, волостного или, вѣрнѣе сказать, слободчинскаго (отъ слободы)

---

1) Грамоты: 1540, 1541, 1552 и мн. др.

суда. „Вы били челомъ, пишетъ царь въ этой грамотѣ, что въ прежнихъ годѣхъ до московскаго разоренія у васъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не было, а судили васъ мірскіе выборные судейки. Теперь же жалуетесь вы, что назначенные къ вамъ приказчики чинятъ вамъ великіе налоги и продажи, и вы хотите брести врозь. Вслѣдствіе сего, мы повелѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, которыхъ крестьяне выберутъ всею землею и которые бы умѣли разсудить ихъ въ правду, безпосульно и безволокитно. Для сего въ каждой волости лучшіе, середніе и молодшіе люди должны выбрать двухъ человѣкъ и списки ихъ за своими руками привезть въ Москву. Они будутъ приведены къ присягѣ, судъ же и управу должны чинить по Судебнику и уложенной вновь уставной о судѣ грамотѣ". Уже изъ одного того, что суды эти обязаны были руководствоваться Судебникомъ и различными судными грамотами, видно, что они имѣли характеръ исключительно правительственныхъ органовъ и не опирались на условія народнаго быта; но еще больше убѣждаетъ въ этомъ разсмотрѣніе личнаго состава этихъ судовъ. Собственно личный составъ суда состоялъ изъ двухъ судеекъ, или излюбленныхъ старостъ, двухъ волостныхъ цѣловальниковъ, земскаго дьячка и доводчика. Всѣ должностныя лица выбиралисъ погодно. Кромѣ того, въ судахъ засѣдали еще земскіе старосты, которые въ нѣкоторыхъ волостяхъ заступали мѣсто судеекъ, и сверхъ того, засѣдало еще нѣсколько „лучшихъ или добрыхъ мужей", которые также выбиралисъ міромъ и по своему значенію въ судѣ назывались „мужами приговорными". Выборы производились на сходѣ всѣхъ волостныхъ людей—домохозяевъ.

Суды эти имѣли право прекращать дѣла примиреніемъ—въ такомъ случаѣ мировая означалась въ самомъ судномъ дѣлѣ. Но, по словамъ самого г. Калачова, мировыя были исключеніемъ, а „при документальности, какою сопровождались въ XVI и XVII столѣтіяхъ разныя сдѣлки, письменные акты, какъ-то: купчія, данныя, мѣновыя, закладныя, прежніе судные списки, правыя грамоты и другія бумаги, нерѣдко составляли единственное доказательство для тяжущихся сторонъ". При недостаточности доказательствъ употреблялся *жеребій*, а въ XVI столѣтіи даже судебный поединокъ (поле), вмѣстѣ съ этимъ существовали и другіе остатки древнихъ ордалій. Приговоръ произносился судейкой. Весь ходъ процесса записывался дьякомъ въ судное дѣло.

Изъ этого устройства, существовавшаго въ видѣ особыхъ *привилегій* волостного суда въ XVII вѣкѣ, видно, что судъ этотъ по своей организаціи составлялъ нѣчто среднее между судомъ намѣстничьимъ и губнымъ.

И такъ, какъ бы тщательно мы ни искали въ созданныхъ княжеской и царской властію судахъ московскаго періода самобытнаго народнаго суда, мы его не найдемъ. Всѣ эти суды были формальные, судили они по чуждому для народа писаному праву и не могутъ быть признаны самосудомъ русской общины. Участіе народнаго элемента въ судѣ было большое и до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ общее, но правительственнаго признанія за основаннымъ на обычномъ правѣ древне-русскомъ общиннымъ самосудомъ—не было. Этотъ судъ существовалъ, но онъ никогда не пріобрѣталъ значенія права, а постоянно сохранялъ характеръ факта, выработаннаго условіями народной жизни и культуры.

Преобразованія Петра I, повлекшія за собою уничтоженіе приказовъ и замѣну ихъ коллегіями, имѣли своимъ слѣдствіемъ устраненіе формальнаго участія народныхъ представителей въ отправленіи правосудія. Въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка бюрократическій характеръ русскаго судоустройства не допускалъ малѣйшаго участія выборнаго начала. Не только крестьяне, но и представители другихъ сословій въ этотъ періодъ времени были устранены отъ всякаго участія въ правосудіи. Къ тому же усилившееся тогда крѣпостное право само по себѣ не допускало возможности большинству русскаго крестьянства быть призваннымъ къ участію въ управленіи и судѣ. Если въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ крестьянскихъ общинахъ и были остатки стариннаго общиннаго самосуда, то это являлось фактомъ, который существовалъ въ теченіе всей исторіи нашего народа и который находитъ себѣ объясненіе въ невозможности для приказнаго и канцелярскаго порядка проникнуть столь глубоко въ крестьянскую жизнь, чтобы обнять всѣ интересы бытовой обстановки. Даже во владѣльческихъ имѣніяхъ самосудъ крестьянской общины, руководствовавшійся исключительно началами обычнаго права, не прекращалъ своего существованія. Формальнаго признанія такого самосуда со стороны помѣщиковъ не было, напротивъ, ими творился судъ или непосредственно, или же черезъ посредство бурмистровъ и управляющихъ. Нѣкоторые „наиболѣе рачительные о благѣ своихъ крѣпостныхъ" помѣщики составляли даже особыя инструкціи и уставы. Сохранились инструкціи, составленныя для крестьянъ Румянцовымъ, Орловымъ, Суворовымъ и нѣкоторыми другими [1]). Конечно, всѣ эти инструкціи были чужды признанія за крестьянами права участія въ судѣ, наполнены они общими разсужденіями ходячей морали, а въ отношеніи наказуемости не идутъ

[1]) *Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II; см. также статью *Шашкова*, „Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II" (Слово, № 2, 1881).

дальше тѣлесныхъ наказаній. Вся сила исправленія заключалась въ розгахъ. Мы имѣемъ по этому поводу нѣкоторыя указанія изъ сохранившихся отъ того времени историческихъ документовъ. Въ имѣніяхъ, напримѣръ, Суворова былъ заведенъ особый штрафной журналъ, копія съ котораго ежемѣсячно отправлялась владѣльцу. Суворовъ дѣлалъ въ ней свои отмѣтки, съ которыми вѣдомость снова возвращалась въ вотчину. Вотъ отрывокъ изъ подобнаго журнала съ замѣчаніями владѣльца, которыя мы для видимости отмѣчаемъ курсивомъ: „Регистръ о виновныхъ и наказанныхъ крестьянахъ 15-го октября 1784 года: 1) Федоръ Кленшинъ. Въ городѣ Темниковѣ пойманъ съ крадеными сапогами и топорами; за оное сѣченъ на сходѣ хорошо. Вторично пойманъ съ деньгами—сѣченъ также. Отмѣтка Суворова: *и впредь таких не щадить*. 2) Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ сноповымъ хлѣбомъ; сѣченъ за оное. *Впредь больше счь*. 3) Алексѣй Медвѣдевъ. Пойманъ съ краденымъ сѣномъ и за оное сѣченъ. *Нешто! и впредь хорошенько таких*" и пр.

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ до Екатерины II въ тѣхъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы крестьянскаго самосуда и которыя не разрѣшались властію помѣщиковъ надъ своими крѣпостными, крестьяне всѣхъ наименованій были лишены какого-либо участія въ правительственныхъ судахъ, которыми эти дѣла разсматривались.

Со временъ Екатерины II начинается поворотъ въ другую сторону и замѣчаются первые проблески оффиціальнаго признанія участія народа въ судѣ. На основаніи указа 5-го марта 1774 года, „для прекращенія крестьянскихъ волокитъ и происходящаго отъ того разоренія, дабы за пространнымъ маловажныхъ и легкому сужденію подлежащихъ дѣлъ письменнымъ производствомъ, не было напрасно канцелярскихъ дѣлъ умноженія" [1]), признано было за крестьянами право въ маловажныхъ ссорахъ и распряхъ судиться на словахъ черезъ своихъ выборныхъ. Затѣмъ указами 1779 и 1786 годовъ, право это было подтверждено и распространено на всѣхъ казенныхъ и экономическихъ крестьянъ. Но важнѣйшимъ изъ Екатериненскихъ законовъ въ дѣлѣ организаціи крестьянскихъ судовъ слѣдуетъ признать указъ 1787 года, о „сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ селеніяхъ". Указомъ этимъ были учреждены сельскія управы, которыя состояли изъ старшины, старостъ, выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ и сборщика. Выборные или словесные разборщики составляли судъ, засѣданія котораго происходили въ сельской сборной избѣ. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію этого суда, не были съ точностью обозначены, и самый характеръ суда былъ почти исключи-

1) П. С. З. Т. XIX, № 14133.

тельно примирительный: выборные обязаны были склонять стороны къ миру; если примиреніе не достигалось, то сторонамъ предоставлялось избрать сельскихъ посредниковъ. Не согласившіеся въ ихъ выборѣ, или не довольные ихъ рѣшеніемъ могли обратиться къ суду нижней расправы.

Изъ дальнѣйшихъ законовъ можно отмѣтить указъ 7-го августа 1797 года, которымъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ были введены волостныя правленія, причемъ обязанность суда была возложена на волостныхъ головъ. Послѣдніе обязаны были производить разбирательство на мірскомъ сходѣ; недовольные ихъ рѣшеніемъ могли развѣдаться въ судахъ. Юрисдикція волостного головы опредѣлялась общимъ выраженіемъ: „маловажныя дѣла“. Мелкія кражи, мошенничества первоначально не подлежали разсмотрѣнію волостного головы, въ указѣ 1797 года прямо сказано, что „воровство и другія обществу вредныя, противузаконныя предерзости подлежать суду нижней расправы“. Закономъ 1812 года, кражи на сумму до 5 руб. и всѣ вообще имущественныя преступленія съ ущербомъ, не превышающимъ этой суммы, были отнесены къ волостному суду. Родъ и размѣръ наказаній, которые могли примѣняться волостными судами, опредѣлены не были: въ указахъ говорилось вообще о наказаніи „домашнимъ образомъ“ или легкомъ полицейскомъ исправленіи.

Въ такомъ видѣ формальные крестьянскіе суды существовали долго, до 1839 года. Въ этомъ году, вновь образованное министерство государственныхъ имуществъ, впервые объединившее всѣхъ государственныхъ крестьянъ, издало для нихъ общее учрежденіе. Какъ дополненіе къ нему, въ слѣдующемъ году былъ изданъ сельскій и судебный уставы. Въ образованныхъ на основаніи этихъ уставовъ волостныхъ и сельскихъ судахъ можно видѣть *первоначальную форму* нынѣшнихъ крестьянскихъ судовъ.

Въ уставѣ 1839 года, сельскій и волостной судъ названъ „судомъ домашнимъ“. Состоялъ этотъ „домашній судъ“ изъ двухъ инстанцій: первую (низшую) составляла сельская расправа, вторую—волостная. Сельская расправа состояла изъ сельскаго старшины, какъ предсѣдателя, и двухъ добросовѣстныхъ — старшаго и младшаго; люди на всѣ эти должности избирались на три года изъ крестьянъ, „отличавшихся хорошимъ поведеніемъ и доброю нравственностью“. Волостная расправа состояла изъ волостного головы и двухъ волостныхъ добросовѣстныхъ. Волостная расправа составляла апелляціонную инстанцію для дѣлъ, разрѣшенныхъ сельской расправой. Крайняя регламентація и письменность, столь сродныя всему нашему управленію той эпохи, отразились и на устройствѣ крестьянскихъ судовъ. Послѣдствія такого непримѣнимаго къ условіямъ сель-

скаго быта канцеляризма привели на практикѣ къ непомѣрной медленности и сложности производства. Съ цѣлью устранить неудобныя послѣдствія такой медленности и вообще упростить систему сельскаго управленія, въ 1859 году были упразднены сельскія расправы и оставлены только одни волостныя. Съ того времени въ условіяхъ быта нашей деревни проявляется отдѣленіе селеній и образуемыхъ ими сельскихъ обществъ отъ волостей. Послѣдняя пріобрѣла характеръ административной и судебной единицы, первое сохранило значеніе хозяйственное, вызываемое интересами общины. Въ такомъ видѣ организованная правительственная сельская юстиція существовала въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, крѣпостные же крестьяне по прежнему продолжали оставаться подъ судебною властію помѣщиковъ. Но въ этомъ заключалась лишь оффиціальная сторона сельскаго правосудія. Въ глубинѣ народнаго быта, въ центрѣ сельской общины сохранялись по прежнему древніе остатки народнаго самосуда, которые, не имѣя ничего общаго съ оффиціальнымъ „казеннымъ“ судомъ, опирались исключительно на начала обычнаго права. Интересы сельской общины разрѣшались въ ней самой путемъ того фактическаго самосуда, который существовалъ въ крестьянскомъ быту независимо отъ юридическаго и экономическаго положенія крестьянъ. Отмѣна крѣпостного права ввела крестьянскіе суды въ новую фазу.

III.

Отмѣна крѣпостного права, повлекшая за собою установленіе крестьянскаго самоуправленія, неизбѣжно должна была повлечь за собою организацію крестьянскихъ судовъ. Образованный по „Положенію 19-го февраля 1861 года“ волостной судъ построенъ отчасти на началахъ, легшихъ въ основу закона 1839 года, отчасти—на началахъ новыхъ, явившихся результатомъ сознанныхъ въ то время общихъ недостатковъ нашей судебной организаціи и признанія тѣхъ принциповъ, на которыхъ долженъ быть построенъ каждый правильный судъ. Сюда относится отдѣленіе суда отъ администраціи, гласность процесса, уменьшеніе письменности и т. п. Образованный въ 1861 году волостной судъ продолжаетъ свое существованіе до настоящаго времени съ незначительными измѣненіями, которыя обусловливаются реформами, происшедшими въ мѣстныхъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Разсмотримъ главныя основанія этого суда.

Сословный крестьянскій судъ 1861 г. состоитъ изъ одной инстанціи—волостного суда, который образуется изъ очередныхъ судей,

избираемыхъ волостными сходами, въ числѣ отъ 4 до 12, на одинъ годъ. Число судей и очередь между ними предоставлены усмотрѣнію волостныхъ сходовъ, отъ которыхъ зависитъ назначить, если это будетъ признано необходимымъ, волостнымъ судьямъ извѣстное вознагражденіе. Никакого ценза для избранія въ волостные судьи не установлено, не требуется даже простой грамотности. Судьей можетъ быть каждый совершеннолѣтній крестьянинъ, состоящій членомъ сельской общины. Волостной старшина не только не принимаетъ участія въ волостномъ судѣ, но, съ цѣлью устранить его вліяніе, законъ воспрещаетъ ему даже присутствовать при разбирательствѣ волостного суда. Приговоры суда вносятся въ заведенную для этого книгу волостнымъ писаремъ.

Подсудность волостного суда стоитъ въ прямой зависимости отъ его сословнаго характера и опредѣляется по сельскому уставу 1889 г., такъ какъ обѣщаннаго „Положеніемъ 19-го февраля 1861 года" новаго сельскаго устава не издано до сихъ поръ. Первымъ признакомъ, служащимъ къ опредѣленію подсудности волостному суду, служитъ принадлежность извѣстнаго лица къ крестьянскому сословію.

Въ дѣлахъ *гражданскихъ* разсмотрѣнію волостного суда подлежатъ всѣ споры между крестьянами, какъ о движимости, такъ и о недвижимости, а равно по обязательствамъ и договорамъ до 100 р. Впрочемъ, волостной судъ не лишенъ возможности разсмотрѣть дѣло и выходящее по цѣнѣ иска изъ предѣловъ его юрисдикціи, если на это будутъ согласны обѣ спорящія стороны; съ другой стороны при томъ же условіи—согласія сторонъ—и дѣло, безусловно подлежащее разрѣшенію волостного суда, можетъ быть изъято изъ его разсмотрѣнія и передано на судъ мирового судьи. По дѣламъ уголовнымъ волостной судъ властенъ присудить виновнаго къ слѣдующимъ наказаніямъ: 1) общественнымъ работамъ до 6-ти дней, 2) денежному штрафу до 3-хъ рублей, 3) аресту до 7-ми дней и 4) наказанію розгами до 20-ти ударовъ. Для подсудности обвиняемыхъ волостному суду необходимы слѣдующія условія: состояніе подсудимаго въ сословіи крестьянъ, входящихъ въ составъ волости; совершеніе проступка, влекущаго за собой наказаніе не выше того, которое въ правѣ накладывать волостной судъ, при условіяхъ, чтобы такой проступокъ былъ совершенъ противъ крестьянина, чтобы соучастниками проступка не являлись лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ, и чтобы проступокъ не имѣлъ связи съ уголовными преступленіями, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Собирается волостной судъ черезъ двѣ недѣли, но можетъ созываться старшиной и раньше. Поводомъ къ разсмотрѣнію дѣла на волостномъ судѣ можетъ быть: жалоба обиженнаго, требованіе во-

лостного старшины или сельскаго старосты и, наконецъ, заявленіе такого лица, которое было свидѣтелемъ проступка, въ томъ случаѣ, если потерпѣвшее лицо не можетъ само принести жалобы. Производство волостного суда словесное, съ запиской состоявшихся приговоровъ въ особую книгу. Въ дѣлахъ гражданскихъ волостные суды могутъ руководствоваться мѣстными обычаями, но на практикѣ обычное право проникло и въ сферу уголовнаго суда.

По закону 1861 года, рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ были „окончательные" и не могли быть обжалованы никакому присутственному мѣсту. Вслѣдствіе цѣлаго ряда злоупотребленій, явившихся слѣдствіемъ такого порядка, въ 1866 году былъ изданъ законъ, которымъ предоставлено было приносить жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ съѣзду мировыхъ посредниковъ, въ случаяхъ, когда волостной судъ приметъ къ своему разсмотрѣнію дѣло ему неподсудное, когда онъ постановитъ рѣшеніе безъ вызова стороны и, наконецъ, когда онъ приговоритъ къ наказанію въ мѣрѣ, превышающей ту, которая опредѣлена закономъ. Съѣздъ посредниковъ разсматриваетъ жалобы исключительно въ порядкѣ кассаціонномъ и въ случаѣ отмѣны приговора возвращаетъ дѣло въ волость для новаго обсужденія. Закономъ 1874 года должности мировыхъ посредниковъ упразднены и замѣнены непремѣнными членами уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, но такая перемѣна въ названіи, наблюдающей за волостными судами должности, никакого вліянія на эти суды не оказала.

Такова въ общихъ чертахъ организація дѣйствующаго въ настоящее время въ нашей деревнѣ *формальнаго* крестьянскаго суда. Слабыя стороны этой организаціи, ея недоконченность, неопредѣленность и неполнота, открывающая широкій просторъ произволу — бросаются въ глаза. Очевидно, что въ моментъ изданія „Положенія 19-го февраля", составители не уяснили себѣ истиннаго значенія крестьянскаго самосуда и не установили тѣхъ общихъ началъ, которыя должны были лечь въ основу новой организаціи.

Оставивъ открытыми цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ самою сущностью отправленія правосудія, составители внесли въ организацію волостного суда тотъ произволъ и то разнообразіе въ практикѣ, которое въ самомъ корнѣ парализуетъ нормальное развитіе правосудія.

Отложивъ въ сторону всѣ теоретическія соображенія, взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія исключительно практической и посмотримъ, въ какомъ положеніи находится волостной судъ въ настоящее время. То тщательное изслѣдованіе, которое было предпринято по отношенію къ волостнымъ судамъ, тѣ 10,000 рѣшеній, которыя находятся

въ „Трудахъ коммиссіи“ по преобразованію этихъ судовъ, даютъ возможность представить положеніе волостной юстиціи вполнѣ безпристрастно и въ совершенно правдивомъ видѣ. Прежде всего, что поражаетъ въ волостныхъ судахъ каждаго, не зараженнаго до мозга костей какой-либо тенденціозностью,—это крайняя несостоятельность личнаго состава. Не въ томъ бѣда, что волостные судьи въ большинствѣ случаевъ безграмотны,—это обусловливается степенью развитія культуры, сами крестьяне называютъ волостной судъ „темнымъ“ и мирятся съ этимъ,—но то составляетъ органическій и неустранимый недостатокъ волостного суда, что судьями являются далеко не лучшіе крестьяне волости. Напротивъ, по заявленію огромнаго большинства лицъ, близко стоящихъ къ волостному суду, наиболѣе самостоятельные и развитые крестьяне положительно не идутъ въ волостные судьи, даже откупаются отъ этихъ должностей. При такихъ условіяхъ въ волостные судьи попадаютъ крестьяне наименѣе зажиточные и лишенные всякаго значенія въ деревнѣ. Понятно, что такіе лишенные всякой самостоятельности крестьяне, отбывающіе судейскую службу, какъ извѣстную „натуральную повинность“, неизбѣжно должны были подпасть подъ вліяніе не только старшины и писаря, но и каждаго мало-мальски сильнаго и имѣющаго вѣсъ крестьянина. Повторяемъ, такой характеръ личнаго состава волостныхъ судей составляетъ прискорбный, но тѣмъ не менѣе безусловно вѣрный и вполнѣ обнаруженный фактъ. Явленіе это объясняется прежде всего тѣмъ, что за самыми рѣдкими и ничтожными исключеніями всѣ волостные судьи исполняютъ свои обязанности, не получая за это никакого денежнаго вознагражденія, не пользуясь за это никакимъ личнымъ почетомъ и уваженіемъ, не имѣя даже преимущества изъятія отъ тѣлеснаго наказанія. Есть волости (солнцевская, рязанской губерніи), въ которыхъ волостныхъ судей сѣкутъ немедленно послѣ того, какъ они постановили приговоръ по другому дѣлу [1]). Естественно, что при такомъ характерѣ судейской должности она въ дѣйствительности является не болѣе, какъ тяжелою и обременительною повинностью, и мало-мальски состоятельные и имѣющіе значеніе крестьяне будутъ постоянно уклоняться отъ принятія этихъ должностей. Спрошенные по этому поводу крестьяне сами объяснили, что „хорошему хозяину нѣтъ расчета идти въ волостные судьи: отрывается отъ дѣла, теряетъ время, а вознагражденія не имѣетъ, да не только благодарности не получишь, а еще враговъ наживешь“.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого личнаго состава волостныхъ

---

[1]) „Труд. коммиссіи“, т. I.

судей должно было явиться полнѣйшее подчиненіе волостного суда вліянію старшины и волостного писаря. „Положеніе“ устранило старшину отъ участія въ дѣлахъ волостного суда, но отъ устраненія, существующаго на бумагѣ, до устраненія фактическаго—цѣлая бездна. Въ настоящее время едва ли можно отыскать хоть одно лицо, знакомое съ бытомъ нашей деревни, которое бы не признало, что весь волостной судъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ старшины. Это фактъ, признаваемый всѣми и прежде всего самими крестьянами. Не меньшее вліяніе на рѣшенія волостныхъ судей оказываетъ писарь. Напрасно крайніе защитники нынѣшнихъ волостныхъ судовъ стараются видѣть въ рѣшеніяхъ этихъ судовъ выраженіе народнаго правового воззрѣнія и вѣковой мудрости нашего народа. Въ рѣшеніяхъ этихъ гораздо больше полуграмотной учености волостного писаря, сквозь которую только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ величайшимъ трудомъ можетъ пробиться блѣдный лучъ народнаго правового сознанія. Однако, вліяніемъ старшины и писаря не ограничивается зависимость волостного суда отъ чуждыхъ и постороннихъ ему элементовъ. Экономическое разстройство нашей деревни, приведшее къ господству кулаковъ и міроѣдовъ, высасывающихъ изъ нашего крестьянства послѣдніе жизненные соки, привело къ тому, что эти паразиты сдѣлались истинными и единственными хозяевами въ сельскомъ быту. Начиная отъ послѣдняго „бобыля“ и кончая волостнымъ старшиной, всѣ элементы крестьянскаго быта находятся въ рукахъ кулака; что же удивительнаго, что тому же вліянію всецѣло поддались и волостные судьи. Эти „Разуваевы“ и „Колупаевы“ самыхъ разнообразныхъ формацій, хозяйничающіе въ нашей деревнѣ, являются полновластными хозяевами и въ волостномъ судѣ. Факта этого не отвергаютъ даже такіе горячіе защитники нынѣшняго волостного суда, какъ, напримѣръ, г. Денскій, объ изслѣдованіи котораго мы говорили въ первой главѣ.

Эта несостоятельность личнаго состава волостного суда, благодаря которой судъ не имѣетъ и не проявляетъ ни малѣйшей самостоятельной иниціативы, должна быть признана кореннымъ и самымъ существеннымъ недостаткомъ нынѣшней волостной юстиціи. При наличности такого условія можно смѣло сказать, что волостной судъ лишенъ способности развитія, лишенъ жизненной силы и въ дѣйствительности является мертворожденнымъ учрежденіемъ.

Крайняя неполнота и неопредѣленность относящихся къ волостному суду законодательныхъ опредѣленій также разрушительно вліяетъ на ходъ крестьянскаго правосудія. Въ то время, когда коммиссія изслѣдовала положеніе волостныхъ судовъ, прошло болѣе 10 лѣтъ со времени ихъ образованія въ нынѣшнемъ видѣ, и однако же со-

бранные матеріалы свидѣтельствуютъ о страшномъ хаосѣ, который господствовалъ въ практикѣ волостныхъ судовъ. Единства и какой-либо системы нѣтъ ни въ чемъ. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Разнообразіе проявляется какъ въ родѣ дѣлъ, принимаемыхъ судами къ разсмотрѣнію, такъ въ опредѣленіи подсудности лицъ и въ порядкѣ обжалованія приговоровъ. Есть губерніи, въ которыхъ приговоры волостныхъ судовъ проходятъ цѣлый рядъ инстанцій и доходятъ до разсмотрѣнія 1 департамента сената, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ, дѣла эти не идутъ дальше уѣзднаго присутствія. Еще въ большей степени встрѣчается разнообразіе въ опредѣленіи наказуемости извѣстныхъ проступковъ: до чего велико разнообразіе въ этомъ отношеніи, видно, между прочимъ, изъ того, что даже столь важный законъ 1866 года, изъявшій женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній, толкуется совершенно различно. Есть мѣстности, въ которыхъ женщины дѣйствительно изъяты отъ этого наказанія, есть и такія—въ которыхъ женщинъ сѣкутъ весьма усердно и въ настоящее время [1]). Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ имѣть случай говорить болѣе подробно.

При такихъ существенныхъ недостаткахъ, отличающихъ у волостного суда всякіе твердые устои, всякую возможность прогрессивнаго развитія, всякую даже самостоятельность въ дѣлѣ отправленія правосудія, можно ли было ожидать, чтобы такой судъ имѣлъ просвѣтительное вліяніе на народныя массы, чтобы онъ вносилъ въ народную жизнь понятія правды, справедливости и милосердія?

Достаточно бѣгло взглянуть на внутреннюю сторону волостной юстиціи, чтобы убѣдиться въ царящемъ тамъ мракѣ невѣжества, суевѣрія и грубости нравовъ, отражающихъ на себѣ слѣды вѣковаго безправія и рабства. Несостоятельность качественной стороны волостного правосудія не отрицается даже самыми рьяными пропагандистами status quo волостного суда. Она объясняется ими неразвитостью и грубостью самого народа. Но развѣ это объясненіе! Развѣ цивилизація могла бы сдѣлать даже малѣйшіе успѣхи, еслибы не было тѣхъ возбужденій, которыми порождается всякое прогрессивное движеніе. Задача правильно устроеннаго суда тѣмъ-то и велика, что она имѣетъ сама по себѣ чрезвычайно большое воспитательное вліяніе на народные нравы и просвѣтительное значеніе для пробужденія народнаго сознанія. Школа и судъ—вотъ тѣ рычаги, которые болѣе всего другого могутъ содѣйствовать духовному развитію народа, если, конечно, не препятствуетъ этому экономическая несостоятельность. На основаніи внимательнаго и безпристрастнаго разбора опубликованныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ, можно безъ преуве-

---

[1]) Зарудный, „Законы и Жизнь“.

личенія сказать, что нынѣшній волостной судъ достигаетъ цѣлей, прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ правосудіе должно стремиться: онъ вноситъ нравственное растлѣніе въ крестьянскую среду, способствуетъ увеличенію грубости нравовъ и даже уничтожаетъ человѣческое достоинство. Чтобы убѣдить читателей въ справедливости нашего взгляда, остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся сторонахъ практики волостныхъ судовъ.

Не будемъ останавливаться на дѣлахъ гражданскихъ. Разрѣшаемыя на началахъ обычнаго права, гражданскія дѣла составляютъ въ дѣйствительности ту область, въ которой исторически выработанное и по преданію переходящее отъ одного поколѣнія къ другому, правовое воззрѣніе нашего народа примѣняется къ даннымъ случаямъ сельскаго быта и, касаясь лишь заинтересованныхъ лицъ, не имѣетъ общаго, такъ сказать, публичнаго значенія.

Практикуются, правда, и въ гражданскихъ дѣлахъ нѣкоторыми волостными судами такія первобытныя судебныя доказательства, какъ божба, жеребій и т. п., но какъ бы то ни было, повторяемъ, сфера гражданскаго процесса—сфера частная. Мы обратимся къ дѣламъ уголовнымъ. Правосудіе уголовное имѣетъ безспорно общественное значеніе и составляетъ ту область, которая болѣе всего вліяетъ на прогрессивное развитіе правового быта.

Посмотримъ сперва на взглядъ волостныхъ судовъ на наказаніе. Читатели помнятъ, что четыре наказанія могутъ быть примѣняемы волостными судами: общественныя работы, денежный штрафъ, арестъ и розги. Изъ всей массы опубликованныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ, изъ собственныхъ показаній крестьянъ, изъ отзывовъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу волостной юстиціи, видно, что изъ всѣхъ этихъ наказаній наиболѣе часто практикуются розги. Какъ это ни досадно, но это неопровержимый фактъ. Общественныя работы примѣняются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и то только къ женщинамъ разгульнаго поведенія: ихъ заставляютъ мыть полы въ волостномъ правленіи и мести улицу. Къ мужчинамъ общественныя работы не примѣняются никогда: крестьяне говорятъ, что „мужику въ пору и съ собственной работой управиться“. Не болѣе часто примѣняется и денежный штрафъ. Крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что взысканіе штрафовъ можетъ повлечь за собой накопленіе недоимокъ, а за недоимки отвѣчаетъ міръ. Вообще денежный штрафъ не примѣняется по соображеніямъ чисто фискальнаго характера. Къ лицу, за которымъ числится недоимка, штрафъ не примѣняется никогда. Существуетъ множество рѣшеній, въ которыхъ прямо выражено, что хотя обвиняемый и подлежалъ бы денежному штрафу, но такъ какъ за нимъ числится недоимка, то въ замѣнъ денежнаго взысканія онъ

долженъ подвергнуться наказанію розгами. Вообще просматривая рѣшенія волостныхъ судовъ, выносимъ безотрадное впечатлѣніе того, что растлѣвающее вліяніе крѣпостного права пустило слишкомъ глубокіе корни въ народную жизнь, и чтобы пробудить въ крестьянахъ сознаніе человѣческихъ правъ, надо сдѣлать много, очень много, во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано до сихъ поръ. Мы не нашли въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ слѣдовъ того, чтобы, примѣняя тѣлесное наказаніе, судьи сознавали всю оскорбительность этого наказанія, всю несовмѣстимость его съ сознаніемъ человѣческаго достоинства. Крестьяне смотрятъ на розги съ точки зрѣнія исключительно экономической. „Деньги мужику самому нужны, его сегодня оштрафуешь, а завтра онъ недоимщикомъ сталъ, а за него міръ отвѣчай, а какъ *всыплешь* ему, такъ оно и не разорительно, и пользительно“ [1],—такъ разсуждаютъ крестьяне. Разсужденія эти не новыя: они съ давняго времени составляли почву, на которой строилась вся общественная мораль нашей жизни. Такой экономическій взглядъ на розгу самъ по себѣ уже обусловливаетъ усердное ея примѣненіе. Въ губерніяхъ сѣверной и средней Россіи, женщина если и подвергается тѣлесному наказанію, то въ случаяхъ рѣдкихъ, которые могутъ быть разсматриваемы, какъ исключеніе. Объясняется это тѣмъ, что законъ 1866 г. истолкованъ крестьянскими учрежденіями въ смыслѣ безусловно исключающаго женщинъ изъ этого рода наказанія и во многихъ губерніяхъ разосланы волостнымъ правленіямъ циркуляры, воспрещающіе наказывать розгами женщинъ. Со всѣмъ тѣмъ, однако, отдѣльные случаи примѣненія къ женщинамъ розогъ встрѣчаются и въ великороссійскихъ губерніяхъ. Крестьяне вообще неохотно отказываются отъ мысли о необходимости сѣчь женщинъ, и во многихъ волостяхъ находились философы, которые обращались къ членамъ коммиссіи съ заявленіемъ, что „безъ розогъ бабы отъ рукъ отбились“ [2]. Въ другомъ положеніи находится вопросъ о тѣлесномъ наказаніи женщинъ въ губерніяхъ юго-западныхъ. Существуетъ множество волостныхъ рѣшеній, въ которыхъ женщины были приговорены къ наказанію розгами. На вопросы коммиссіи тамошніе старожилы говорили, что „есть бабы, которыя мужика хуже и что многихъ бабъ только розгами и можно урезонить“.

Изъ изданныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что тѣлесное наказаніе женщинъ примѣняется въ названныхъ мѣстностяхъ весьма часто и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда „бабъ невозможно уре-

---

1) Труды, т. I, стр. 813.
2) Труды, т. I, стр. 298.

зеніть", но и въ другихъ. Такъ, въ „Трудахъ" коммиссіи мы находимъ одно рѣшеніе волостного суда, по которому нѣсколько замужнихъ крестьянокъ приговорены были къ наказанію розгами за то, что работали въ торжественный день 19 февраля. Рѣшеніе это замѣчательно еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ сквозитъ та малограмотная ученость писаря, которая не только стушевываетъ, но нерѣдко и вполнѣ парализуетъ правовое воззрѣніе самого народа. „Судъ—сказано въ этомъ рѣшеніи—имѣя въ виду, что проступокъ названныхъ крестьянокъ непростительный, такъ какъ день 19 февраля есть день спасенія 23 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостного ихъ состоянія, каковый день каждому изъ насъ долженъ быть незабвенный и присно-памятный, который слѣдуетъ проводить, какъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ праздниковъ, а потому судъ рѣшилъ: означенныхъ крестьянокъ подвергнуть наказанію розгами, по 15 ударовъ каждую, дабы помнили день 19 февраля" (Т. V, стр. 41). Однако, оставимъ эту мрачную и тяжелую сторону волостного суда, въ которой такъ наглядно проявляются грубѣйшіе элементы русской старины. Московско-татарскій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ грубостью нравовъ привилъ къ русскому человѣку палку и кнутъ, а для смягченія нравовъ было сдѣлано до сихъ поръ слишкомъ мало.

Арестъ, по просту „саженіе въ холодную", примѣняется волостными судами не особенно часто. Съ одной стороны, крестьяне находятъ, что для мужика арестъ является лучшимъ средствомъ отдыха, съ другой—они видятъ въ немъ наказаніе, могущее разрушительно повліять на экономическій бытъ крестьянина, такъ-какъ прогулянные дни могутъ повлечь за собой пріостановленіе крестьянскаго хозяйства. Мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ глубоко знаменательнымъ сознаніемъ народа, что экономическій упадокъ и разореніе крестьянства дошло до того напряженія, что малѣйшее ухудшеніе въ немъ можетъ повлечь за собой полнѣйшее разореніе, послѣдствіемъ чего явится несостоятельность въ платежѣ повинностей, а чрезъ это пострадаетъ не только неисправный плательщикъ, но и цѣлый міръ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что при томъ положеніи, въ которомъ находится въ нашей деревнѣ фактическое выполненіе ареста, слишкомъ частое и въ особенности строгое его примѣненіе представляется совершенно немыслимымъ. Арестованные по приговорамъ волостныхъ судовъ содержатся при волостномъ правленіи въ такъ называемыхъ „холодныхъ". Эти „холодныя", какъ своимъ устройствомъ, такъ и размѣромъ, вполнѣ напоминаютъ небольшіе хлѣвы для телятъ, гдѣ два и самое большее три человѣка могутъ съ трудомъ помѣститься. О какихъ-либо гигіеническихъ условіяхъ такихъ арестовъ не можетъ быть и вопроса—это въ полномъ смыслѣ

незапираемые чулани. Еслибы въ такихъ помѣщеніяхъ содержать арестантовъ такъ строго, какъ это требуется какою-нибудь пенитенціарной системой, т.-е. не выпускать никуда изъ помѣщенія, не допускать постороннихъ лицъ и т. п., то можно положительно сказать, что во многихъ случаяхъ такое наказаніе повлекло бы за собой такое физическое разстройство арестованнаго, которое привело бы къ продолжительной болѣзни, слѣдовательно вышло бы далеко за тѣ предѣлы наказуемости, которые имѣлись въ виду при постановленіи приговора. Съ другой стороны, слишкомъ строгому содержанію и изолированности арестованныхъ немало способствуетъ и отсутствіе средствъ на ихъ содержаніе. Пища арестованнымъ приносится изъ дому, такъ какъ волость не отпускаетъ на этотъ предметъ никакихъ суммъ. Во всякомъ случаѣ, крестьяне хорошо сознаютъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ волостныхъ арестовъ, лишеніе свободы является вполнѣ фиктивнымъ наказаніемъ, а потому примѣняютъ его не слишкомъ часто.

Кромѣ этихъ, такъ-сказать, узаконенныхъ видовъ уголовнаго возмездія еще въ весьма недавнее время крестьянскимъ судомъ примѣнялись нѣкоторыя своеобразныя наказанія, заключающіяся главнымъ образомъ въ „срамленіи". Состояло это наказаніе въ томъ, что, напримѣръ, вору привязываютъ къ вороту украденную вещь и въ такомъ видѣ водятъ его по деревнѣ. Въ настоящее время, собственно въ практикѣ волостныхъ судовъ, это варварское наказаніе уже больше не встрѣчается, но оно практикуется еще крестьянскимъ самосудомъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Мы нашли, впрочемъ, крайне характерное рѣшеніе одного изъ волостныхъ судовъ кіевской губерніи, весьма близко подходящее къ понятію „срамленія". „Крестьянка Ц. жаловалась, что крестьянка К. пустила молву, что будто бы она, Ц., когда квартировали солдаты, ходила къ капитану съ безнравственнымъ намѣреніемъ. Солдатка же М., извѣстная по распутной жизни, говорила сіи слова: за хозяйками не успѣютъ и солдатки заработать какого рубля. Волостной судъ нашелъ жалобу справедливою, а потому рѣшилъ, чтобы Ц. въ публичности предъ людьми за опорку ея и дочери ея оттрепала по щекамъ К. и М. въ примѣръ другимъ" (Т. V, стр. 212).

Рѣшеніе это весьма характерно и выражаетъ собою то самоуправство, которое явилось прямымъ слѣдствіемъ слишкомъ продолжительнаго безправія, среди котораго протекала жизнь нашего народа.

Въ такомъ видѣ представляются взгляды волостныхъ судовъ на наказаніе; посмотримъ теперь, какъ тѣ же суды смотрятъ на преступленія. Много своеобразнаго находимъ въ этомъ взглядѣ. Если во взглядѣ на наказаніе сказались историческія условія народной

жизни, то тѣ же бытовыя условія жизни еще въ большей степени отразились и во взглядѣ крестьянъ на преступленія. Почти повсемѣстно наблюдается, что взглядъ крестьянъ на преступленія далеко не совпадаетъ со взглядомъ на этотъ предметъ писаннаго закона. Нельзя сказать, чтобы такая разница замѣчалась въ тѣхъ проступкахъ, которые преслѣдуются въ силу формальнаго требованія закона, —это было бы вполнѣ естественно и понятно, такъ какъ живой народный судъ несомнѣнно не можетъ довольствоваться одной формальной правдой,—но разница замѣчается въ самихъ началахъ, лежащихъ въ основѣ понятія о нравственности и правѣ. То извращеніе нравственныхъ принциповъ, то своеобразное правовое воззрѣніе, которое наблюдается въ крестьянскомъ быту, отражаетъ собою и тяжелыя условія прошедшей жизни и нынѣ существующую дикость нравовъ нашей деревни. Но обратимся къ фактамъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, вступившихъ въ фазисъ гражданственности, преступныя нарушенія имущественныхъ правъ, порожденныя злой волей человѣка, каковы: кражи, всякаго рода обманы и мошенничества запечатлѣны характеромъ извѣстной позорности, наказываются болѣе строго, чѣмъ другіе маловажные проступки, и преслѣдуются общественною властью независимо отъ жалобы лицъ потерпѣвшихъ, причемъ не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ. Вотъ этого-то взгляда и не раздѣляетъ огромное большинство волостныхъ судовъ. Цѣлый рядъ рѣшеній доказываетъ, что на кражу крестьяне смотрятъ весьма легко и приговариваютъ за нее къ наказанію менѣе строгому, чѣмъ, напримѣръ, за буйство, драки, личныя обиды, неисправность въ платежѣ податей и т. п. Самое строгое наказаніе, именно розги, почти никогда не примѣняется къ случаямъ кражи, обмана и другихъ подобныхъ преступленій. Волостные судьи обыкновенно въ этомъ случаѣ не идутъ дальше ареста и главныя заботы направляютъ на восполненіе убытка, причиненнаго преступленіемъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи въ крестьянскомъ быту кража разсматривается какъ обыкновенное нарушеніе гражданскаго права и не заключаетъ въ себѣ тѣхъ элементовъ позорности, которые присвоиваются этому преступленію всѣми цивилизованными законодательствами. Вообще кражи отождествляются въ народномъ воззрѣніи съ самоуправствомъ, вслѣдствіе чего въ огромномъ большинствѣ случаевъ, если обвиняемый вознаградилъ убытки пострадавшаго отъ преступленія и между сторонами заключилось мирное соглашеніе,—волостные суды прекращаютъ дѣло, оставляя виновнаго безъ всякаго взысканія. Чѣмъ объясняется такой взглядъ крестьянъ на преступленія, которыя являются не только нарушеніемъ писаннаго закона, но идутъ въ разрѣзъ съ основными началами обществен-

ной жизни и религіозно-нравственнаго ученія? Объясненія этого явленія надо искать въ прошедшемъ и настоящемъ нашей деревни. Прежде всего здѣсь играютъ первенствующую роль глубоко проникшіе въ народную жизнь растлѣвающіе слѣды крѣпостного права, уничтожившіе въ народномъ сознаніи всякое понятіе о собственности. При крѣпостномъ правѣ, при полномъ безправіи крестьянства не могло проникнуть въ народную среду уваженіе къ собственности. Крестьянинъ зналъ, что какъ бы онъ ни трудился, сколько бы ни пріобрѣталъ имущества, оно все-таки не представлялось его собственностью, личность его и все его „добро“ всецѣло принадлежало помѣщику, отъ произвола котораго зависѣло сегодняшняго богача пустить завтра съ нищенской сумой. Къ несчастью, было слишкомъ много примѣровъ совершенной необезпеченности крестьянскаго заработка и сбереженія. Такое сознаніе имущественной необезпеченности, очевидно, не могло способствовать развитію въ крестьянскомъ быту идеи собственности. Откуда могло явиться уваженіе къ собственности, когда самой собственности не было? Вотъ эта-то легкость отношенія къ имущественному праву другого и проявляется въ настоящее время въ воззрѣніяхъ крестьянъ на имущественныя преступленія. Неуваженіе къ собственности другого проявлялось въ нашей деревнѣ въ безцѣльныхъ и крайне несправедливыхъ передѣлахъ общинной земли, проявляется оно и въ народномъ воззрѣніи на похищеніе чужой собственности. Другую причину такого взгляда крестьянъ на разсматриваемыя нами преступленія надо видѣть въ экономической безпомощности нашего крестьянства, въ его бѣдности. Крестьяне-судьи несомнѣнно ближе входятъ въ интересы обвиняемыхъ и сознаютъ, что въ весьма частыхъ случаяхъ кража является прямымъ слѣдствіемъ несостоятельности обвиняемаго, желавшаго такимъ незаконнымъ путемъ, хоть отчасти, улучшить свое матеріальное положеніе. Идеи законности нѣтъ, обстановка деревенской жизни не способствуетъ ея развитію, а послѣдствіемъ этого является своеобразное и лишенное всякой этической подкладки отношеніе къ преступленіямъ. Во всякомъ случаѣ взглядъ нашихъ крестьянъ на имущественныя преступленія доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ ту страшную темноту невѣжества, ту крайне низкую степень культуры, на которой находится большинство деревенскаго люда. Между тѣмъ, если взглянуть на дѣло практически, то окажется, что, вслѣдствіе изложеннаго нами взгляда на имущественныя преступленія, положеніе уголовнаго правосудія въ нашей деревнѣ представляется въ весьма странномъ видѣ. Крестьянинъ, который украдетъ вещь въ 29 руб. у своего же односельчанина, будетъ принужденъ вознаградить его и при такомъ условіи можетъ не понести никакого наказанія, но тотъ же крестья-

нинъ за кражу предмета въ 60 коп. у лица другого сословія, или даже у крестьянина другой волости, кромѣ гражданскаго вознагражденія, будетъ присужденъ къ наказанію не меньше 3-мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ. Неужели есть въ этомъ хоть капля справедливости и неужели такіе факты могутъ просвѣтительно вліять на народныя массы и пробуждать въ нихъ идею законности, уваженіе къ правамъ другого и къ правовому порядку вообще?

Въ воззрѣніяхъ крестьянъ и на другія преступленія также замѣчается много своеобразнаго; но общій характеръ вездѣ одинаковъ; всюду открывается передъ нами та непросвѣтная мгла, въ которой находится наша деревня. Даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ судъ вполнѣ справедливо разрѣшилъ извѣстное дѣло, замѣчаются факты, свидѣтельствующіе о крайне низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Мы не можемъ не привести здѣсь для образчика одного весьма характернаго рѣшенія, которое мы передадимъ въ томъ видѣ, въ которомъ оно записано въ книгѣ волостного суда. „Дошло до свѣдѣнія волостного управленія, что крестьянинъ К. уже опять началъ прорекать будущее, такъ-какъ онъ, К., прорекалъ въ прошломъ годѣ. Прореченіе его слѣдующее: будто К. знаетъ, что нынѣшней весной постигнетъ ужасное испытаніе народъ и приходскаго священника не станетъ, пойдетъ какой-то моръ и погубитъ все, а онъ только одинъ съ женой своей останется живымъ. Волостной судъ, разсуждая, что прореченія и предвѣщанія только постижимы одному Богу и его св. пророкамъ, а не обыкновенному человѣку, темному пьяницѣ, приговорилъ К. за безразсудный толкъ и поступокъ наказать розгами и внушить ему, чтобы онъ болѣе прореченія не творилъ“ (Т. V, стр. 286). Не менѣе характерно рѣшеніе лялицкаго волостного суда черниговской губерніи. Этимъ рѣшеніемъ крестьянинъ Власъ Моховъ *за околдованіе лошади* приговоренъ къ штрафу въ 10 рублей [1]). Какіе подавляющіе факты народнаго суевѣрія и вѣковыхъ предразсудковъ, и какъ мало такія рѣшенія судовъ могутъ внести свѣта въ темныя стороны народнаго быта!

Въ такомъ видѣ творитъ правосудіе въ русской деревнѣ *формальный* волостной судъ, образованный „Положеніемъ 19 февраля“. Но рядомъ съ этимъ формальнымъ судомъ дѣйствуетъ, ни на минуту не прекращая своего существованія, крестьянскій самосудъ, начало котораго, какъ мы видѣли, надо отнести къ самымъ древнѣйшимъ временамъ нашей исторіи. Въ великороссійскихъ губерніяхъ самосудъ этотъ носитъ названіе „суда стариковъ“, „суда міра“, — въ губерніяхъ южныхъ — „суда громады“. Вліяніе времени отразилось не-

---

[1]) Труды Этнографической Экспедиціи въ Западно-русскій край, Т. VI, стр. 17.

сомнѣнно и на этомъ истинномъ народномъ самосудѣ, но характеръ его остался прежній и значеніе въ народной средѣ — громадное. Отличительною чертою этого самосуда, какъ прежде такъ и теперь, является склоненіе сторонъ къ *миру*, рѣшеніе дѣла *мировою*. Въ дѣлахъ гражданскихъ, вытекающихъ изъ условій общиннаго владѣнія и вообще возникающихъ въ средѣ общины, крестьянскій самосудъ имѣетъ огромное и почти единственное значеніе; дѣла этого рода почти не доходятъ до волостного суда. Само „Положеніе 19 февраля" признаетъ какъ фактъ существованіе народнаго суда, и 93 ст. этого „Положенія" предписываетъ: „оставить въ своей силѣ прежніе мѣстные, обычные суды, гдѣ они сохранились". Хотя при этомъ и оговорено, что оставленіе этихъ судовъ допускается съ тѣмъ, чтобы „въ избраніи судей участвовала вся волость", но этому дополненію очевидно нельзя придавать практическаго значенія, такъ-какъ самобытные народные суды организуются сами собою, безъ всякихъ формальныхъ выборовъ и утвержденій.

Судъ „стариковъ" и судъ „громады" судятъ исключительно на основаніи народнаго обычая. По отношенію къ вопросамъ гражданскаго права, возникающимъ въ условіяхъ крестьянскаго быта, суды эти являются истинными носителями народнаго юридическаго воззрѣнія, и именно ихъ рѣшенія даютъ драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія началъ обычнаго права. Къ сожалѣнію, крайняя неразвитость крестьянскаго люда не подвигаетъ впередъ народнаго воззрѣнія на судебныя доказательства. Такъ, въ числѣ доказательствъ въ судѣ стариковъ до сихъ поръ можно встрѣтить „божбу", „снятіе образа", „хожденіе съ образомъ" и даже „жеребій". Конечно, такія первобытныя процессуальныя формы составляютъ слабую сторону народнаго самосуда, но это является краинимъ слѣдствіемъ народнаго не-просвѣщенія и не можетъ быть поставлено суду въ упрекъ. Судъ стариковъ и громады разсматриваетъ и дѣла уголовнаго характера: въ этомъ отношеніи главная задача такого суда заключается въ склоненіи сторонъ къ миру; въ значительномъ большинствѣ случаевъ стороны подчиняются его авторитету; случаи переноса дѣла въ волостной судъ можно считать исключеніями. Нельзя не замѣтить, что въ дѣлахъ уголовныхъ судъ стариковъ весьма нерѣдко, а въ особенности въ прежнее время, примѣнялъ крайне позорное и обнаруживающее всю дикость деревенскихъ нравовъ наказаніе, состоящее въ „срамленіи" виновнаго. Не только имущественныя преступленія влекли за собою такое „срамленіе", но и другія; такъ, женщину, уличенную въ разгульномъ поведеніи, водятъ съ распущенною косою по селу и т. п. Надо, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время такое „срамленіе" почти уже выве-

лось, что слѣдуетъ приписать вліянію общихъ судовъ, которые преслѣдуютъ случаи подобнаго поруганія человѣческой личности. Во всякомъ случаѣ, въ судѣ стариковъ и громады мы видимъ реальные признаки дѣйствительнаго народнаго суда, который существовалъ постоянно, существуетъ теперь, и въ тѣсномъ кругу ближайшихъ интересовъ крестьянскаго быта будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не возвысится умственный уровень нашихъ крестьянъ до степени, на которой оффиціальный судъ сдѣлается доступенъ для каждаго и не вытѣснитъ собою древняго самосуда.

Въ такомъ положеніи рисуется картина сельскаго правосудія въ настоящее время: произволъ и несправедливость царятъ въ судѣ формальномъ, — невообразимая грубость и дикость проявляется въ старинномъ народномъ самосудѣ. Какъ же быть? Къ этому вопросу мы придемъ далѣе.

Е. Карнѣевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1882.

Начало и конецъ минувшаго года.—Отношеніе внѣшней политики къ внутренней, и толки по этому поводу о берлинскомъ трактатѣ.—Реформы, оконченныя или предпринятыя; отсутствіе полной гармоніи между ними и настроеніемъ общества.—Теченіе, противоположное реформамъ.—Главныя потребности народа и недостаточность, съ этой точки зрѣнія, осуществленныхъ и проектированныхъ преобразованій.—Предстоящее с.-петербургское губернское земское собраніе.

Тяжелый годъ оставляемъ мы позади себя. Онъ начался, однако, при хорошихъ предзнаменованіяхъ. Въ правительственныхъ сферахъ готовились и замышлялись широкія преобразовательныя работы; въ обществѣ появлялись признаки возрождающейся жизни. Земскія собранія встрепенулись, какъ послѣ долгаго, искусственнаго сна; печать пользовалась фактически давно небывалымъ просторомъ и имѣла основаніе разсчитывать на скорое узаконеніе своей свободы. Надежды на будущее, слегка только охлажденныя нѣкоторою медленностью въ ходѣ реформъ, были еще очень велики; ожидался цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ не только къ поднятію народнаго благосостоянія—таковы вопросы о пониженіи выкупныхъ платежей, объ облегченіи крестьянскихъ переселеній, объ общей податной реформѣ, которые уже тогда были поставлены на очередь, вслѣдъ за отмѣной соляного акциза,—но и къ организаціи „общественнаго содѣйствія", совокупной дѣятельности правительства и народа. Катастрофа 1-го марта положила конецъ короткому, но свѣтлому періоду нашей новѣйшей исторіи; послѣдствія катастрофы слишкомъ замѣтны еще до сихъ поръ. Настроеніе умовъ остается по прежнему натянутымъ и тревожнымъ, положеніе дѣлъ—не вполнѣ опредѣленнымъ. Это чувствуется всѣми, признается представителями самыхъ противоположныхъ мнѣній; разногласіе возникаетъ только тогда, когда ставится вопросъ о причинахъ упадка общественнаго пульса и о средствахъ къ новому его повышенію.

Крайне опасно, почти безнадежно, было бы положеніе Россіи, если бы туча, нависшая надъ нею, образовалась будто бы— какъ увѣряютъ наши „націоналы"—еще въ 1878 г., вслѣдствіе печальнаго дипломатическаго финала восточной войны. Единственнымъ средствомъ къ радикальному исцѣленію была бы тогда новая война, т.-е. величайшее изъ золъ, какія только могутъ постигнуть Россію. Ревнители не по разуму, открывшіе недавно причинную связь между берлинскимъ трактатомъ и нашимъ современнымъ общественнымъ недугомъ, останавливаются однако передъ неизбѣжнымъ выводомъ изъ своихъ посылокъ; пустивъ въ оборотъ нѣсколько громкихъ фразъ, они стараются смягчить ихъ смыслъ, говорятъ о необходимости соблюдать однажды заключенный договоръ, о нежеланіи своемъ ссориться съ Австріей. Но логика неумолимо отстаиваетъ свои права; всякій, умѣющій мыслить до конца, долженъ сказать самому себѣ: если берлинскій трактатъ—„одинъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженнаго состоянія общественнаго духа, которыя обратили *русскаго богатыря въ слабосильнаго больного* и приготовили почву для крамолы, для убійствъ и подкоповъ" (см. „Русь", № 53),—то нужно разорвать мечемъ ненавистную бумагу, какихъ бы жертвъ это ни потребовало отъ Россіи. Ошибочны, къ счастію, самыя основы, на которыхъ строится подобное заключеніе. Какъ ни антипатиченъ самъ по себѣ берлинскій трактатъ,—къ нашимъ внутреннимъ болѣзнямъ онъ совершенно непричастенъ; приписывать ему, хотя бы и косвенно, усиленіе преступной агитаціи, инерцію общества, уныніе народа, значитъ разсуждать по шаблону: „post hoc, ergo propter hoc". Правда, убійство генерала Мезенцева весьма близко по времени къ заключенію берлинскаго трактата; но „эра политическихъ убійствъ" была открыта еще раньше—покушеніемъ на жизнь генерала Трепова. Оно было совершено въ январѣ 1878 года, т. е. въ самый разгаръ нашихъ военныхъ успѣховъ, когда наши войска стояли подъ Константинополемъ и никто, конечно, не могъ предполагать, что за санъ-стефанскимъ трактатомъ послѣдуетъ берлинскій. Къ тому же январю мѣсяцу, если мы не ошибаемся, относится первый случай вооруженнаго сопротивленія при арестованіи политическихъ преступниковъ (Ковальскаго и товарищей его въ Одессѣ). Еще раньше, вслѣдъ за окончаніемъ сербской войны и наканунѣ активнаго вмѣшательства Россіи въ восточный вопросъ, произошелъ (въ декабрѣ 1876 г.) безпорядокъ на казанской площади, внутренняя связь котораго со всѣми позднѣйшими проявленіями революціонной пропаганды не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Осенью 1877 года началось слушаніе въ особомъ присутствіи сената такъ-называемаго процесса ста-девяносто-восьми; стоитъ только припомнить образъ

дѣйствій подсудимыхъ во время этого процесса, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что ни война, ни миръ не играли никакой роли въ ходѣ событій, столь трагически заключившихся событіемъ 1-го марта. Къ тому же выводу можно придти еще другимъ путемъ. Полнѣйшимъ контрастомъ берлинскому трактату служитъ, конечно, франкфуртскій договоръ 1871 года, доставившій Германіи Мецъ и Страсбургъ. Никто не рѣшился оспаривать у Германіи плодовъ побѣды надъ Франціей, никто не умалилъ добычи, которую она сама себѣ присудила; дипломатическое торжество ея ничѣмъ не уступало военному. И что же?—предохранило ли оно Германію отъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ наше несчастье? Нѣтъ; покушенія на жизнь императора Вильгельма предшествуютъ выстрѣламъ Соловьева и взрывамъ на южной желѣзной дорогѣ и въ Зимнемъ дворцѣ. Прусско-французская война, вмѣстѣ съ компаніей 1877—78 г., доказываетъ съ полною ясностью, что война перестала быть отвлекающимъ средствомъ—въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее Наполеонъ III, перестала имѣть рѣшающее вліяніе на внутреннюю жизнь народовъ.

Но если берлинскій трактатъ не имѣетъ ничего общаго съ распространеніемъ и обостреніемъ у насъ соціаль-демократической агитаціи, то не слѣдуетъ ли видѣть въ немъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ главныхъ источниковъ унынія, безспорно господствующаго въ русскомъ обществѣ?—И на этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно, уже потому, что воспоминаніе о берлинскомъ трактатѣ тяготѣло надъ Россіей въ 1880 году не меньше, чѣмъ въ 1881 г.,—а между тѣмъ, значительная часть 1880 г. была временемъ всеобщаго оживленія, всеобщей надежды. Формъ выраженія народнаго чувства у насъ такъ немного, сравнительная достовѣрность ихъ такъ невелика, что въ этомъ отношеніи дальше догадокъ идти чрезвычайно трудно; съ увѣренностью говорить отъ лица народа могутъ только тѣ, кто провозглашаетъ необходимость *идеализаціи* его, разумѣя подъ этимъ именемъ приписываніе или навязываніе ему собственныхъ своихъ идеаловъ. Мы видѣли русскую деревню лѣтомъ 1878 г., мы очень хорошо знаемъ, что извѣстіе о берлинскомъ трактатѣ не вызвало въ ней ни негодованія, ни стыда: деревня была просто обрадована заключеніемъ мира; но личныя наши впечатлѣнія по необходимости ограничиваются одной мѣстностью, и мы не станемъ поэтому противуполагать ихъ увѣреніямъ „націоналовъ", хотя *фактическія* данныя, которыми располагаетъ каждый изъ нихъ, едва ли богаче и обширнѣе нашихъ. Мы спросимъ ихъ только: что собственно въ берлинскомъ трактатѣ могло и можетъ быть воспринято каждымъ крестьяниномъ „въ стыдъ и обиду"? О цѣли, во имя которой была предпринята война, крестьяне, безъ сомнѣнія,

шѣли и имѣютъ общее понятіе; они знаютъ, что русскій царь пошелъ освободить православный, родственный намъ народъ отъ турецкаго ига,—но они знаютъ также, что вслѣдствіе войны образовалось новое православное государство, Болгарское княжество. Что оно не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, которые предполагалось дать ему сначала, это извѣстно и понятно, безъ сомнѣнія, немногимъ, потому что здѣсь нужны уже нѣкоторыя географическія свѣдѣнія. Для русскихъ, хорошо знакомыхъ съ прошедшимъ и настоящимъ Европы, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ условій берлинскаго трактата является предоставленіе Босніи и Герцеговины въ руки Австріи; для массы же русскаго народа оно должно казаться безразличнымъ, потому что съ понятіемъ объ Австріи не соединено традиціонныхъ представленій, возбуждаемыхъ въ русскомъ человѣкѣ однимъ именемъ турокъ. Самые крайніе славянофилы едва ли рѣшатся утверждать, что освобожденіе *австрійскихъ* славянъ принадлежитъ будто къ числу задачъ, инстинктивно сознаваемыхъ или предчувствуемыхъ русскимъ народомъ.

Въ другое время, фантазія, разыгранная славянофилами на тэму о берлинскомъ трактатѣ, могла бы быть оставлена безъ вниманія, несмотря на сочувственный отголосокъ, встрѣченный ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати; но въ переживаемую нами минуту приходится считаться съ каждымъ словомъ, могущимъ затемнить положеніе дѣлъ и отвлечь вниманіе отъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ должна сосредоточиться работа общественной мысли. Для вѣрнаго опредѣленія болѣзни нужно устранить прежде всего всѣ произвольныя догадки, мѣшающія добраться до ея настоящей причины. Не случайно притомъ произведенія славянофильствующей печати носятъ на себѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, оттѣнокъ торжества; не случайно слышится въ нихъ явное повышеніе тона. Обстоятельства сложились для нихъ настолько же благопріятно, насколько затруднено свободное выраженіе противоположныхъ взглядовъ. При такихъ условіяхъ, необходимость борьбы зависитъ не отъ вѣскости заявленнаго мнѣнія, а отъ самаго факта его заявленія—и необходимость эта тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ важнѣе спорный вопросъ, чѣмъ дальше отъ истины предложенное его рѣшеніе. Отвергать всякую связь между берлинскимъ трактатомъ и настоящимъ положеніемъ вещей въ Россіи—не значитъ еще признавать русскій народъ „слабосильнымъ больнымъ" и сажать его на больничную порцію. Русскій народъ—не сказочный богатырь; живой и мертвой воды для залеченія своихъ ранъ онъ не имѣетъ, силы его велики, но также и истощимы. Чтобы оправиться отъ напряженій и потерь послѣдней войны, отъ неурожаевъ и естественныхъ невзгодъ всякаго рода, отъ результа-

товъ долгаго внутренняго застоя, ему нужно время, много времени,— но столь же нужна укрѣпляющая пища, свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, энергическое движеніе. Все это можетъ дать ему только мирная работа, предпринятая въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, свободная отъ опасенія новыхъ внѣшнихъ замѣшательствъ. Пускай русская дипломатія понесла бы, три года тому назадъ, пораженіе еще вдвое болѣе чувствительное—не время было бы пока сокрушаться о немъ, какъ не время было бы думать въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ парижскаго трактата, о возстановленіи утраченнаго господства Россіи надъ Чернымъ моремъ. Настанетъ, быть можетъ, моментъ, когда положеніе дѣлъ къ югу отъ Дуная измѣнится такъ же легко и безкровно, какъ пали въ 1870 году стѣснительныя для Россіи статьи парижскаго трактата. Такъ или иначе, теперь и на много лѣтъ впередъ, миролюбивая политика—первая потребность для Россіи; первое,—но, конечно, не единственное условіе ея благосостоянія.

Эра преобразованій, вновь наступившая для Россіи въ началѣ 1880 года, до извѣстной степени силою обстоятельствъ продолжается и въ настоящее время, несмотря на вынужденный перерывъ, испытанный ею десять мѣсяцевъ тому назадъ. Разрѣшено пока еще немного вопросовъ; другіе болѣе или менѣе близки къ разрѣшенію. Прекращена раздача казенныхъ земель чиновникамъ и другимъ привилегированнымъ лицамъ; отмѣнены нѣкоторыя постановленія, затруднявшія арендованіе казенныхъ земель крестьянскими обществами; измѣненъ, въ томъ же смыслѣ, порядокъ сдачи этихъ земель въ арендное содержаніе; облегчена покупка крестьянами казеннаго лѣса; упрощены формальности, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ мелкой поземельной собственности. Тѣмъ же характеромъ заботливости объ интересахъ крестьянства запечатлѣны составленные уже, или составляемые, законопроекты о пониженіи выкупныхъ платежей, объ окончательномъ прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами, о крестьянскихъ переселеніяхъ, о новомъ устройствѣ питейной торговли. Реформа управленія и самоуправленія, подготовляемая особою коммиссіей, имѣетъ болѣе общее значеніе, но всего ближе касается также крестьянскаго населенія. Въ другихъ областяхъ законодательной дѣятельности выдаются впередъ только работы, давно уже начатыя и вступившія въ минувшемъ году лишь въ новый фазисъ своего движенія. Утвержденіе и обнародованіе главныхъ основаній новаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество предрѣшило, въ принципѣ, ипотечный вопросъ, возникшій около двадцати лѣтъ тому назадъ; коммиссія, составъ которой не оставляетъ желать ничего лучшаго, приступила къ составленію новаго уголовнаго кодекса и выработала,

если вѣрить газетнымъ слухамъ, общую часть его, т.-е. покончила съ самой трудной и видной стороной своей задачи. Таково, въ главныхъ чертахъ, *содержаніе* сдѣланнаго и предпринятаго въ минувшемъ году. Съ *формальной* точки зрѣнія характеристиченъ призывъ свѣдущихъ людей, два раза уже осуществившійся и вновь предстоящій въ ближайшемъ будущемъ; характеристична также нѣкоторая доля гласности, какая была дана трудамъ свѣдущихъ людей по питейному и переселенческому вопросамъ.

Господству преобразовательныхъ стремленій въ правительственныхъ сферахъ всегда соотвѣтствовалъ у насъ до сихъ поръ подъемъ общественнаго духа. Въ слабой степени это замѣтно даже въ XVIII вѣкѣ: реформы Петра В. вызвали сатиру Кантемира, размышленія Посошкова; просвѣтительныя тенденціи Екатерины II нашли отголосокъ въ комедіи Фонъ-Визина, въ журнальныхъ статьяхъ Новикова. Начало царствованія Александра I было періодомъ новаго оживленія русской журналистики; русская наука и публицистика впервые стали касаться при немъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Движеніе общественной мысли въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ и до сихъ поръ памятно свидѣтелямъ этой великой эпохи; повтореніе его, въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшимъ блескомъ, мы всѣ видѣли въ прошедшемъ году. Почему же настоящая минута не представляетъ ничего подобнаго? Откуда уныніе, констатируемое даже тѣми, кто всего меньше расположенъ къ критикѣ, къ скептицизму? Отчего оно не уступаетъ мѣсто бодрому, радостному ожиданію лучшаго будущаго, отчего всѣ чѣмъ-то озабочены, одни—сознательно, другіе—инстинктивно? Напрасно было бы скрывать отъ себя, что большую роль играетъ здѣсь опасеніе новыхъ политическихъ преступленій, поддерживаемое недавнимъ покушеніемъ на жизнь генерала Черевина и проникшими даже въ газеты слухами о возобновившемся распространеніи революціонныхъ прокламацій. Успокоенію умовъ въ концѣ 1880 и въ началѣ 1881 года много способствовало предположеніе о прекращеніи, или, по крайней мѣрѣ, полномъ обезсиленіи террористической агитаціи,—предположеніе, такъ жестоко разрушенное цареубійствомъ 1-го марта. Чѣмъ упорнѣе держится зло, тѣмъ яснѣе обнаруживается недостаточность однѣхъ полицейскихъ и карательныхъ мѣръ, необходимость пріисканія другого пути, вѣрнѣе ведущаго къ желанной цѣли. Вопросъ о средствахъ борьбы и защиты растетъ въ ширину и глубину, сливается со всѣми другими задачами государственной и общественной жизни, умножаетъ, усложняетъ ихъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ настоятельность ихъ разрѣшенія. Посмотримъ съ этой точки зрѣнія на то, что сдѣлано, и на то, что остается сдѣлать; мы приблизимся та-

кимъ образомъ къ отвѣту на вопросъ, поставленный нами въ самомъ началѣ обозрѣнія.

Перечисляя законодательныя работы прошедшаго года, мы не назвали одной изъ нихъ: положенія о чрезвычайной и усиленной охранѣ—не назвали именно потому, что она стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ. Чрезвычайная или усиленная охрана—то же самое для государства, что необходимая оборона для частнаго лица; и та, и другая, имѣетъ свои предѣлы, соблюденіе или превышеніе которыхъ—вопросъ первостепенной важности. Въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній [1]) мы имѣли уже случай показать, что положеніе 14 августа идетъ дальше своей цѣли—предупрежденія и пресѣченія политическихъ преступленій, — допуская произвольное удаленіе должностныхъ лицъ, служащихъ въ городскихъ, земскихъ и судебно-мировыхъ установленіяхъ; то же самое замѣчаніе примѣнимо и къ другой статьѣ положенія, ограничивающей гласность судопроизводства. Чтобы понять значеніе этой статьи—въ новой редакціи, данной ей 14 ноября положеніемъ комитета министровъ,—необходимо припомнить, что на основаніи общихъ законовъ двери засѣданія могутъ быть закрываемы только въ случаяхъ, съ точностью опредѣленныхъ, и притомъ только до начала предсѣдательскаго обзора; съ этого момента двери засѣданія непремѣнно должны быть открыты. Во время производства при закрытыхъ дверяхъ въ залѣ засѣданія могутъ оставаться, съ разрѣшенія предсѣдателя, очередные присяжные засѣдатели, не вошедшія въ составъ присутствія лица, принадлежащія къ судебному сословію, присяжные повѣренные и родственники или знакомые подсудимаго и потерпѣвшаго, въ числѣ не болѣе трехъ съ каждой стороны. Положеніе 14 августа уполномочило генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ требовать—въ мѣстностяхъ, гдѣ объявлена усиленная охрана—разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Расширивъ до безконечности кругъ дѣлъ, могущихъ подлежать производству при закрытыхъ дверяхъ, постановленіе это не коснулось условій, которыми уставъ уголовнаго судопроизводства старался по возможности восполнить отсутствіе гласности; дополнительное правило, утвержденное 14 ноября, открываетъ путь къ отмѣнѣ или крайнему ограниченію и этихъ условій. Оно допускаетъ для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ производство при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ безъ исключенія судебныхъ дѣйствій, т.-е. всего процесса, съ самаго начала до самаго конца, съ устране-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1881 г. № 11.

ніемъ примѣненія ст. 621—624 уст. угол. судопр.; оно разрѣшаетъ закрытіе залы засѣданія для всѣхъ посторонних, за исключеніемъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, а также супруговъ и родственниковъ въ прямой линіи, восходящей и нисходящей, подсудимаго и потерпѣвшаго, по одному лицу съ каждой стороны. Отъ высшей административной власти зависитъ такимъ образомъ установить полную негласность всѣхъ политическихъ процессовъ, возвратиться въ этомъ отношеніи къ порядку, существовавшему до 1866 года. Таковы ли были результаты этого порядка, чтобы ожидать отъ возвращенія къ нему много пользы въ настоящее время? Судебныя производства, самые приговоры по дѣламъ Михайлова, Серно-Соловьевича, тверскихъ мировыхъ посредниковъ и друг. не были оглашены ни въ свое время, ни позже; но порвалась ли отъ этого цѣпь политическихъ преступленій? Верховный судъ 1866 года засѣдалъ при закрытыхъ дверяхъ, судебное слѣдствіе и судебныя пренія, происходившія передъ нимъ, нигдѣ не напечатаны; помѣшало ли это образованію тайныхъ обществъ, которыя отчасти создалъ, отчасти соединилъ въ одно цѣлое Нечаевъ? Послѣдующіе политическіе процессы, начиная съ нечаевскаго [1]), производились, бóльшею частью, при открытыхъ дверяхъ; но кто же не знаетъ, что въ сущности гласность, данная имъ, была весьма ограниченная, что къ печатанію допускались только оффиціальные, въ большинствѣ случаевъ далеко неполные отчеты, что въ залы засѣданія, особенно въ послѣднее время, часто имѣла доступъ только избранная публика. Нарушеніемъ порядка, слушаніе политическаго дѣла окончилось только одинъ разъ (процессъ Ковальскаго въ Одессѣ), и притомъ театромъ смуты было не зданіе суда; она произошла на улицѣ, когда распространилась вѣсть о содержаніи приговора — а этого не могло бы предупредить и закрытіе дверей засѣданія. Опытъ полной гласности въ примѣненіи къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ былъ сдѣланъ, если мы не ошибаемся, только одинъ разъ при слушаніи первыхъ двухъ отдѣловъ нечаевскаго процесса; публика допускалась въ судебную палату безъ билетовъ, стенографическій отчетъ хотя и проходилъ черезъ особую цензуру, но печатался почти безъ пропусковъ. Вредныхъ послѣдствій это, сколько намъ извѣстно, никакихъ не имѣло; по окончаніи нечаевскаго процесса въ развитіи революціонной пропаганды наступило сравнительное затишье, продолжавшееся около двухъ лѣтъ; въ послѣдовавшихъ

[1]) Мы называемъ нечаевскимъ процессомъ не дѣло о самомъ Нечаевѣ, рѣшенное московскимъ окружнымъ судомъ въ 1873 г.—оно не имѣло политическаго характера, такъ-какъ Нечаевъ судился только за убійство Иванова, — а дѣло о сообщникахъ Нечаева, разсмотрѣнное с.-петербургскою судебною палатою лѣтомъ 1871 г.

затѣмъ дѣлахъ—Долгушина, Дьякова и др.,—не было такихъ кровавыхъ эпизодовъ, какъ убійство Иванова. На значеніи гласности мы настаивать не станемъ; оно было достаточно объяснено еще двадцать лѣтъ тому назадъ, когда у насъ впервые зашла рѣчь о коренномъ преобразованіи судоустройства и судопроизводства. Напомнимъ только, что гласность служитъ гарантіей не для однихъ подсудимыхъ, но и для суда, для правительства, ограждая ихъ отъ неосновательныхъ нареканій. Говорятъ, ей угрожаетъ опасность не съ одной только стороны; носится слухъ о совершенномъ устраненіи ея въ военныхъ судахъ, при слушаніи дѣлъ о нарушеніи военной дисциплины—и слухъ этотъ подтверждается недавнимъ разсмотрѣніемъ при закрытыхъ дверяхъ въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла о капитанѣ лейбъ-гвардіи московскаго полка Сахаровѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи своему батальонному командиру.

Рядомъ съ положеніемъ 14 ноября, мы поставимъ другой правительственный актъ, не имѣющій, повидимому, ничего общаго съ первымъ, но въ сущности соединенный съ нимъ несомнѣнною внутреннею связью. 21-го сентября, по докладу оберъ-прокурора святѣйшаго синода постановлено: возстановивъ въ прежней силѣ дѣйствіе ст. 155 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, воспретить спектакли и публичныя зрѣлища (кромѣ драматическихъ представленій на иностранныхъ языкахъ) 23, 24 и 25 декабря, наканунѣ воскресныхъ дней, двунадесятыхъ праздниковъ и дня усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ теченіе всего великаго поста и въ недѣлю св. Пасхи. Насъ поражаетъ здѣсь не столько стѣсненіе, которому подверглось самое лучшее, самое безвредное изъ всѣхъ общественныхъ и народныхъ развлеченій, сколько одна черта, общая обѣимъ разбираемымъ нами мѣрамъ: возвращеніе къ прошедшему, къ порядку, уже испытанному и оставленному, къ системѣ ограниченій и запрещеній [1]). Остаться безъ русскихъ драматическихъ представленій нѣсколько лишнихъ дней и недѣль въ году—бѣда, конечно, небольшая; прискорбно то, что отъ столь незначительнаго средства ожидаются, повидимому, значительные результаты. Стремленіе къ поднятію народной нравственности, къ усиленію религіознаго чувства путемъ регламентаціи спектаклей предполагаетъ такую вѣру въ наружныя лекарства, которая трудно совмѣстима съ правильнымъ внутреннимъ леченьемъ. Въ области церковной, какъ и во всѣхъ другихъ, мы страдаемъ скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недо-

[1]) Сюда можно отнести отмѣну избранія благочинныхъ, о которой уже говорилось въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній (см. „Вѣстникъ Европы“ 1881 г. № 6).

статка предписаній и запрещеній. Законодательство, прикрѣпляющее гражданъ къ вѣроисповѣданію, въ которомъ они родились, допускающее отвѣтственность передъ свѣтскимъ судомъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ, преслѣдующее, какъ преступленіе, молитвенныя собранія иначе вѣрующихъ (если они или предки ихъ принадлежали къ господствующей церкви), не можетъ идти дальше по этой дорогѣ; если она не привела къ желанной цѣли, то отсюда можно вывести только необходимость поворота въ другую сторону. Прочитавъ постановленіе 21 сентября, мы подумали не о тѣхъ, которымъ закрыть доступъ въ театръ наканунѣ праздника или воскресенья, а о тѣхъ, которымъ закрытъ доступъ въ храмъ и наканунѣ праздниковъ, и въ самые праздники; мы подумали о раскольникахъ, до сихъ поръ напрасно ожидающихъ разрѣшенія собираться для молитвы, хотя бы въ моленной или часовнѣ. Основываясь на указаніяхъ прошедшаго, мы не могли не вспомнить, что уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, т.-е. та часть его, которая относится къ полицейскому охраненію благочестія—составляетъ одно цѣлое, одушевленное однимъ духомъ; „возстановленіе въ прежней силѣ“ одной статьи его уменьшаетъ надежду на скорую отмѣну другихъ, давно отслужившихъ свою службу. Еще въ 1875 г., вслѣдъ за изданіемъ закона о раскольническихъ метрическихъ книгахъ, была учреждена особая коммиссія съ цѣлью пересмотра въ духѣ терпимости всѣхъ узаконеній о раскольникахъ. Труды этой коммиссіи окончены или близки къ окончанію; сенаторскія ревизіи собрали новый матеріалъ по тому же вопросу,—но дальнѣйшее движеніе его, если вѣрить газетнымъ слухамъ, предположено отложить на неопредѣленное время. Подтвержденіемъ этихъ слуховъ можетъ служить, кромѣ постановленія 21 сентября, извѣстный фактъ появленія брошюры г. Н. С., напечатанной „по распоряженію оберъ-прокурора святѣйшаго синода“.

Теченіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ статьяхъ положенія о чрезвычайной и усиленной охранѣ, въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по духовному вѣдомству, становится еще болѣе замѣтнымъ, если перейти изъ области законодательства въ область административныхъ мѣропріятій. Еслибы намъ предложили опредѣлить въ двухъ словахъ, чѣмъ отличается переживаемый нами теперь періодъ отъ непосредственно предшествовавшаго ему, мы отвѣтили бы указаніемъ на положеніе нашей печати. Коммиссіи, въ послѣднее время, перестали быть могилами законопроектовъ; изъ того же, что коммиссія, учрежденная осенью 1880 г. для пересмотра законовъ о печати, не подаетъ, вотъ уже около года, никакихъ признаковъ жизни, мы смѣло можемъ заключить, что она вовсе не существуетъ или существуетъ

лишь номинально. Законная свобода печати, еще недавно казавшаяся столь близкой, отодвинута такимъ образомъ въ туманную даль; исчезла и фактическая свобода, которою въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовалась печать. Припомнимъ оживленіе, господствовавшее въ ней годъ тому назадъ, появленіе новыхъ газетъ и журналовъ, замѣчательный подъемъ провинціальной періодической прессы —и перечислимъ затѣмъ мысленно удары, понесенные печатью въ 1881 г., пробѣлы, остающіеся въ ней до сихъ поръ, безсрочныя запрещенія розничной продажи, равносильныя монополіи немногихъ привилегированныхъ изданій, и т. д. Читателямъ „Вѣстника Европы" извѣстенъ нашъ взглядъ на печать, какъ на барометръ чистоты или туманности политической атмосферы; они знаютъ, что въ стѣсненіи печати мы видимъ, и не даромъ, общій многознаменательный признакъ. Недовѣріе къ печатному слову, это—недовѣріе къ обществу, котораго здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, нельзя отдѣлять отъ народа. Русскій народъ до сихъ поръ не привыкъ, да и не могъ привыкнуть—говорить самъ отъ своего имени; въ земскихъ собраніяхъ голосъ его раздается едва слышно, еще чаще онъ до нихъ вовсе не доходитъ, заглушаемый или искажаемый никуда не годными избирательными порядками, полновластіемъ мѣстной администраціи, союзомъ ея съ крестьянскимъ міроѣдствомъ. Своихъ собственныхъ органовъ народъ не имѣетъ; за него некому говорить, кромѣ печати—и не было за послѣднія двадцать пять лѣтъ такого момента, въ который она не исполняла бы этой обязанности, насколько правдивая рѣчь была для нея возможна. Попеченіе объ интересахъ народа и рядомъ съ нимъ ограниченіе предѣловъ, въ которыхъ свободно можетъ вращаться общественная мысль, это—аномалія, многое объясняющая въ настроеніи настоящей минуты. Почему призывъ свѣдущихъ людей, въ той формѣ, которая для него пока установилась, не можетъ восполнить пробѣла, обусловливаемаго вынужденными недомолвками печати,—къ этому вопросу мы возвращаться не станемъ, въ виду всего сказаннаго нами недавно о совѣщаніяхъ свѣдущихъ людей; напомнимъ только, что здѣсь играетъ главную роль, съ одной стороны, способъ избранія свѣдущихъ людей, съ другой—характеръ вопросовъ, предлагаемыхъ (и не предлагаемыхъ) на ихъ обсужденіе.

Борьба, или по меньшей мѣрѣ одновременное существованіе двухъ различныхъ теченій въ высшихъ административныхъ сферахъ — не единственное препятствіе къ подъему общественнаго духа. Общество, устраненное отъ дѣятельнаго участія въ преобразовательной работѣ, могло бы примириться, хотя отчасти, съ своимъ положеніемъ, еслибы достигнутые или близкіе къ достиженію результаты обѣщали суще-

ственную перемѣну къ лучшему въ народной жизни. Нашему народу нужны въ особенности четыре блага: свобода вѣроисповѣданія, хорошее и дешевое управленіе, образованіе, матеріальная обезпеченность. —О свободѣ вѣроисповѣданія мы уже говорили; она немыслима, пока остается въ силѣ дѣйствующее законодательство о расколѣ.—Къ измѣненію мѣстнаго управленія и самоуправленія, какъ крестьянскаго, такъ и общаго, сдѣланъ только первый шагъ, нисколько не предрѣшившій направленіе и смыслъ реформы. Для надеждъ и опасеній одинаково открытъ полный просторъ,—но опытъ недавняго прошлаго невольно располагаетъ больше къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Новая административная организація можетъ сдѣлаться гарантіей противъ многихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ народъ — противъ многоначалія, противъ безгласности и безпомощности общества и лица передъ мелкими органами власти, противъ эксплуатаціи, облеченной въ легальную форму, противъ кулачества, опирающагося на старостъ и старшинъ, на волостные сходы и волостные суды, на урядниковъ и ихъ начальство; но она можетъ, точно такъ же, сохранить, подъ новыми именами, сущность старыхъ порядковъ или даже довершить закабаленіе и безправность крестьянства. За проектами нѣкоторыхъ газетъ и даже нѣкоторыхъ земствъ виднѣется непрошенная опека тѣхъ общественныхъ классовъ, которые могутъ принести пользу лишь какъ сотрудники, но отнюдь не какъ начальники массы, которые должны слиться съ народомъ, но отнюдь не господствовать надъ нимъ. Пока не будутъ установлены и обнародованы основныя начала административной реформы, положеніе дѣлъ неизбѣжно будетъ оставаться невыясненнымъ, представлять всѣ невыгодныя стороны неопредѣленности.—Народное образованіе—задача до сихъ поръ почти нетронутая. Прошедшій годъ принесъ съ собою только отмѣну нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ печальную годину гоненій противъ земской народной школы (напримѣръ, циркулярнаго предписанія 1879 г. о способѣ снабженія школъ учебниками и другими книгами). О пересмотрѣ положенія 25-го мая 1874 года, лежащаго неодолимой преградой на пути развитія народной школы, ничего еще пока не слышно; ничто не мѣшаетъ новому обостренію едва смягчившихся отношеній между земствомъ и учебной администраціей; школа грамотности, какъ свободный продуктъ народной иниціативы, все еще остается подъ запретомъ; за раскольнической школой не признано еще формальнаго права на существованіе; программа начальнаго обученія не сдѣлалась болѣе эластичной (въ смыслѣ возможнаго ея расширенія)—и, что всего важнѣе, учрежденіе и содержаніе сельскихъ начальныхъ училищъ продолжаетъ лежать почти исключительно на попеченіи земства, почти вовсе не

поддерживаемаго центральною властью.—Матеріальную обезпеченность народа принятыя и гласно проектированныя мѣры поднимутъ, по всей вѣроятности, весьма немного. Рублевая скидка въ выкупныхъ платежахъ едва замѣтно облегчитъ податное бремя; переселеніе, вмѣстѣ съ арендованіемъ казенныхъ земель, улучшитъ участь сравнительно немногихъ; новое устройство питейной торговли въ самомъ лучшемъ случаѣ приготовитъ путь къ уменьшенію пьянства, но не сдвинетъ массу на этотъ путь, потому что не устранитъ причинъ, влекущихъ народъ къ „гибельному напитку" [1]). Радикально помочь бѣдѣ можетъ только передѣлка всей податной системы, въ связи съ значительнымъ уменьшеніемъ государственныхъ расходовъ. О послѣднемъ много говорилось въ прошедшемъ году, но кромѣ небольшихъ частныхъ сбереженій эти толки до сихъ поръ ни къ чему еще не привели; роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1882 годъ не замедлитъ показать, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ ближайшаго будущаго. Что касается до податной реформы, то благопріятнымъ признакомъ является здѣсь только слухъ о предполагаемомъ установленіи—или, правильнѣе, распространеніи—налога на наслѣдства. Налогъ этотъ существуетъ и въ настоящее время, но имѣетъ крайне ограниченную сферу примѣненія; между тѣмъ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ справедливыхъ, въ особенности, если онъ ростетъ прогрессивно, съ одной стороны, по мѣрѣ увеличенія самаго наслѣдства, съ другой — по мѣрѣ отдаленности родства между наслѣдникомъ и наслѣдодателемъ. Освобожденіе отъ налога небольшихъ наслѣдствъ, напримѣръ, такихъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ трехсотъ рублей, устранило бы тѣ неудобства, которыя повлекло бы за собою взиманіе налога съ наслѣдствъ, открывающихся въ обыкновенномъ крестьянскомъ быту. Дальше извѣстной степени родства, напримѣръ, третьей или четвертой—наслѣдство *по закону* могло бы вовсе не имѣть мѣста, какъ это предлагаютъ Милль и многіе другіе экономисты; имущества лицъ, не оставившихъ завѣщанія, могли бы при отсутствіи близкихъ родственниковъ считаться выморочными и поступать въ собственность государства. Само собою разумѣется, что налогъ съ наслѣдствъ, такимъ образомъ опредѣленный, былъ бы только одною изъ многихъ мѣръ къ устройству на новыхъ началахъ нашей податной системы; мы привѣтствуемъ вѣсть о немъ только потому, что введеніе его могло бы сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскихъ финансовъ и русскаго экономическаго строя.

---

[1]) „А здѣсь—одинъ суровый черный хлѣбъ, да изъ него же гибельный напитокъ" (слова Некрасова въ „Медвѣжьей Охотѣ").

Положить конецъ тяжелой эпохѣ, переживаемой нами, можетъ — таковъ нашъ заключительный выводъ — только движеніе впередъ, проникающее во всѣ сферы народной и общественной жизни, свободное отъ всякихъ дисгармоническихъ элементовъ, допускающее и вызывающее общественную поддержку, не устраняющее отъ участія въ общемъ дѣлѣ ни одной изъ силъ, полезныхъ въ его сферѣ, вредныхъ за его предѣлами. Между формами движенія и содержаніемъ его существуетъ неразрывная, внутренняя связь; замкнуть его въ тѣсную колею давно изъѣзженныхъ и лишь слегка подновленныхъ путей, значитъ ограничить его задачи, до крайности уменьшить шансы его успѣха. Широко задуманная работа, законная и мирная, должна привлечь къ себѣ громадное большинство всѣхъ тѣхъ, которые теперь сидятъ сложа руки, отчаяваясь и не находя выхода для своихъ стремленій, или становятся врагами общества и государства. Въ наше время „соціальные вопросы“ перестаютъ быть пугаломъ, какимъ они считались еще недавно; они ставятся открыто въ правительственныхъ программахъ, необходимость изученія ихъ провозглашена въ одномъ изъ первыхъ государственныхъ актовъ настоящаго царствованія. Отсюда, надѣемся, не далеко до признанія за ними правъ гражданства въ русской наукѣ, въ русской литературѣ, въ русской жизни. Совершенно уничтожить крайнія мнѣнія свобода изслѣдованія безсильна, хотя бы она была доведена до своего идеала; но уменьшить опасность, которою они угрожаютъ, сдѣлать ихъ именно и только *мнѣніями*, а не искрами, безпрерывно поддерживающими страхъ взрыва или пожара, можетъ даже и ограниченная закономъ и судомъ свобода, лишь бы она шла рука объ руку съ дѣйствительнымъ улучшеніемъ народнаго быта.

Въ наступающемъ январѣ должно собраться петербургское губернское земское собраніе. Оно избрало въ 1880 году особую коммиссію для всесторонней разработки вопроса о положеніи мѣстнаго населенія и о необходимыхъ для благосостоянія его перемѣнахъ. На разсмотрѣніе этой коммиссіи поступилъ, если мы не ошибаемся, проектъ г. Бландова объ устройствѣ всесословной волости, содержаніе котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было сообщено въ газетахъ, — поступили, по всей вѣроятности, и отвѣты уѣздныхъ собраній на декабрьскій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы надѣемся, что коммиссія, а вслѣдъ за ней и губернское земское собраніе, не послѣдуютъ примѣру нѣкоторыхъ собраній, напр. уѣзднаго с.-петербургскаго и уѣзднаго московскаго, уклонившихся отъ обсужденія вопроса о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже поставленъ на очередь самимъ правительствомъ и составляетъ предметъ занятій ком-

миссіи, председательствуемой М. С. Кахановымъ. Если бы земскимъ собраніямъ предстояло только отвѣтить простымъ *да* или *нѣтъ* на вопросъ о необходимости реформы, то подобный отвѣтъ, при настоящемъ положеніи дѣла, дѣйствительно могъ бы быть признанъ излишнимъ; но отъ земства зависитъ высказать подробно мотивированное мнѣніе, представить цѣлый проектъ преобразованія,—и удобное для этого время еще не миновало. Коммиссія М. С. Каханова еще не установила програму своей работы—програму, которая должна быть представлена на утвержденіе комитета министровъ: раньше февраля мѣсяца едвали начнется выработка законопроектовъ, составленіе которыхъ возложено на коммиссію, а къ февралю засѣданія всѣхъ губернскихъ собраній, въ томъ числѣ и с.-петербургскаго, могутъ быть окончены, отзывы и заключенія ихъ могутъ быть представлены въ коммиссію. Къ числу земствъ передовыхъ, наиболѣе предпріимчивыхъ и энергичныхъ, с.-петербургское земство, къ сожалѣнію, никогда не принадлежало; но голосъ его, раздаваясь въ столицѣ, можетъ имѣть особое значеніе, и молчаніе было бы для него менѣе позволительнымъ, чѣмъ для какого бы то ни было другого. Всякая торопливость въ столь важномъ дѣлѣ была бы неумѣстна; представители С.-Петербурга и с.-петербургской губерніи не должны расходиться, не высказавшись по всѣмъ частямъ важнѣйшаго изъ всѣхъ очередныхъ земскихъ вопросовъ. Если для этого понадобится продлить законный срокъ сессіи, то къ полученію необходимаго разрѣшенія, конечно, не встрѣтится препятствій со стороны правительства, признавшаго мнѣнія земствъ однимъ изъ главныхъ матеріаловъ для своей преобразовательной работы.

ПО ВОПРОСУ О ВЫКУПНЫХЪ ПЛАТЕЖАХЪ.

Замѣтка.

Вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей близится къ исходу. Судьба его отличается нѣкоторою особенностью. Онъ признанъ подлежащимъ обсужденію съ участіемъ общественныхъ представителей („свѣдущихъ людей"); но основанія существующихъ проектовъ и даже мнѣнія только-что названныхъ представителей остались не опубликованными; общество и интересующіеся дѣломъ люди могутъ пользоваться лишь болѣе или менѣе отрывочными частными свѣдѣніями, появляющимися въ журналахъ и газетахъ, причемъ нельзя имѣть увѣренности ни въ точности, ни въ полнотѣ этихъ свѣдѣній.

Печать довольно внимательно относилась къ вопросу о выкупныхъ платежахъ, но при всемъ томъ она едва ли имѣла возможность охватить предметъ вполнѣ, именно вслѣдствіе незнанія всѣхъ соображеній, какія были введены въ дѣло во время процесса разработки вопроса подъ покровомъ тайны. Можетъ быть, между ними были соображенія особенно вѣскія, но, можетъ быть, также были и неосновательныя, которыя только случайно не встрѣтили достаточно сильныхъ возраженій. Вѣроятность послѣдняго увеличивается въ виду крайне ограниченнаго числа экспертовъ (далеко уступавшаго числу экспертовъ по питейному вопросу), въ которомъ легко могъ получить особенное значеніе случайный подборъ даже маленькой группы взаимно согласныхъ людей.

При такихъ условіяхъ, людямъ, интересующимся удовлетворительнымъ исходомъ дѣла, остается позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобъ было высказано все то, что̀ слѣдуетъ высказать относительно соображеній, уже получившихъ извѣстность въ публикѣ, чтобы было досказано то, что̀ кажется недосказаннымъ. Конечно, тутъ возникаетъ опасеніе—не запоздаетъ ли теперь всякая рѣчь о выкупныхъ платежахъ, не получитъ ли какой-нибудь уже изготовленный проектъ законодательнаго утвержденія прежде, чѣмъ мы успѣемъ договориться до конца, послѣ чего всякая критика утратитъ значеніе? Однако, нѣтъ надобности удерживаться подобнымъ опасеніемъ; пусть замѣчанія и нѣсколько запоздаютъ (это опозданіе легко объясняется выжиданіемъ предварительной публикаціи проектовъ, которой теперь, видимо, уже не будетъ); но во-первыхъ, свойство

вопроса таково, что то или другое его рѣшеніе легко допускаетъ послѣдующія поправки; а во-вторыхъ,—едва ли полное рѣшеніе обсуждавшагося экспертами вопроса можетъ совершиться слишкомъ скоро. Мы знаемъ, что по этому вопросу теперь собираются многія земства, которыя должны опредѣлить—какія именно мѣстности и въ какой степени нуждаются въ пониженіи платежей? Эти мнѣнія сгруппируются въ центральномъ правительственномъ учрежденіи не вдругъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, *та часть пониженія* платежей, которая будетъ зависѣть отъ земскихъ свѣдѣній и заключеній, порѣшится не сейчасъ.

Перейдемъ теперь къ положенію вопроса, какъ оно обрисовывается послѣдними свѣдѣніями.

Коммиссія министерства финансовъ распредѣлила всю предназначенную въ началѣ правительствомъ на пониженіе выкупныхъ платежей сумму, именно 9 милліоновъ рублей, на облегченіе только 3-хъ милліоновъ ревизскихъ душъ населенія наименѣе производительныхъ мѣстностей; при этомъ она руководствовалась главнымъ образомъ тою цѣлью, чтобы выкупные платежи не *превышали* доходности земли, чтобы выкупъ земель пересталъ быть добавочнымъ обремененіемъ населенія, владѣніе земельнымъ надѣломъ было только *выгодою*, но не тягостью. Она находила неправильнымъ, чтобы крестьяне платили за предметъ, обязательно ими пріобрѣтенный — землю—дороже, чѣмъ онъ стоитъ.

Слабое большинство экспертовъ, исходя изъ мысли о необходимости поставить вопросъ *шире* и соразмѣрять платежи не только съ доходомъ отъ земли, но и со всѣми средствами крестьянъ, свело напротивъ къ самому *узкому* рѣшенію, именно—къ ариѳметическому дѣленію всѣхъ 9 милліоновъ рублей по душамъ. Вышло—сочетаніе громкаго заглавія съ весьма скуднымъ содержаніемъ. Но такъ какъ вопросъ объ облегченіи наиболѣе стѣсненной части крестьянъ все-таки не могъ быть совершенно устраненъ, то явилась мысль о добавкѣ къ упомянутымъ 9 милліонамъ еще 3 милліоновъ уже для *спеціальнаго* пониженія платежей крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Такъ, общая сумма пониженія увеличилась до 12 милліоновъ рублей.—Меньшинство же осталось при мнѣніи о необходимости сообразоваться съ достоинствомъ земли и поставить на первый планъ *спеціальное* пониженіе для особенно нуждающихся.

Министры, изъ которыхъ составлено было „совѣщаніе" по вопросу о выкупныхъ платежахъ, отчасти приняли мнѣніе большинства, отчасти измѣнили его въ существенныхъ чертахъ; ихъ заключеніе вышло такое: на пониженіе платежей назначается 12 милліоновъ; изъ нихъ 7 милліоновъ идетъ на равномѣрное, *общее* пониженіе для *всѣхъ* (повидимому, за исключеніемъ только западныхъ губерній),

въ размѣрѣ *одного рубля* на душу, а 5 милліоновъ идетъ на добавочное спеціальное пониженіе платежей для нѣкоторыхъ мѣстностей. Кому же именно нужно это спеціальное пониженіе—должны указать земскія учрежденія, которымъ и посланъ съ этою цѣлью запросъ, съ приложеніемъ програмы требуемыхъ экономическихъ данныхъ.

На этомъ пока остановилось дѣло. Земскія учрежденія собираютъ мѣстныя данныя, а въ государственный совѣтъ поступилъ на разсмотрѣніе общій вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Отсюда мы вправѣ заключить, что если государственный совѣтъ и поспѣшитъ рѣшеніемъ, — онъ порѣшитъ собственно *ту* часть вопроса, которая относится къ *общему*, равномѣрному пониженію (буде оно состоится); часть же, относящаяся къ *спеціальному* пониженію для нѣкоторыхъ мѣстностей, порѣшится уже послѣ разсмотрѣнія мѣстныхъ данныхъ.

Для опредѣленія, въ чемъ измѣнились первоначальныя предположенія, сличимъ послѣдствія примѣненія предположеній коммиссіи министерства финансовъ съ послѣдствіями примѣненія предположеній гг. министровъ.

По предположенію коммиссіи, 3 милліона душъ, особенно нуждающіеся въ облегченіи платежей, получаютъ всѣ 9 милліоновъ рублей, первоначально назначенные на дѣло. А по министерскому проекту эти 3 милліона душъ получаютъ: во-первыхъ, 3 милліона рублей изъ *общей* скидки платежей (по рублю на душу) и во-вторыхъ, большую часть суммъ спеціальнаго пониженія, на которое назначено 5 милліоновъ. Крестьянамъ же, которые не воспользуются спеціальнымъ пониженіемъ, достанется 4 милліона.

Итакъ, если спеціальное пониженіе получатъ тѣ самые крестьяне, которыхъ имѣла въ виду коммиссія, то вся разница будетъ лишь въ томъ, что имъ по министерскому проекту достанется вмѣсто 9 милліоновъ—8 милліоновъ, то-есть, однимъ милліономъ меньше. Этотъ милліонъ пойдетъ на прочихъ крестьянъ—и хорошо и дурно устроенныхъ, которымъ, кромѣ того достанутся и три милліона, добавленные правительствомъ уже во время работъ экспертовъ къ общей суммѣ пониженія по государству.

Такъ-какъ вся разница *для* наиболѣе обдѣленнаго населенія сокращена гг. министрами до одного милліона, мы и считаемъ министерское измѣненіе проекта большинства—существенною поправкою, т.-е. ослабленіемъ того *ухудшенія*, которое сдѣлано было слабымъ большинствомъ экспертовъ.

Правда, очень можетъ быть, что земства укажутъ еще новыя групы нуждающихся крестьянъ внѣ состава тѣхъ 3 милліоновъ душъ, на которыхъ указывала финансовая коммиссія; тогда эти групы оттянутъ на свою долю часть спеціальнаго пониженія, и

упомянутымъ 3 милліонамъ душъ можетъ достаться вмѣсто 9 милліоновъ, напримѣръ, 7 милліоновъ; но это все же больше, чѣмъ назначало имъ большинство экспертовъ, болѣе заботившееся объ облегченіи людей, получившихъ землю высшаго достоинства.

Если проектъ финансовой коммиссіи вполнѣ достигалъ уничтоженія превышеній выкупными платежами доходности крестьянскихъ надѣловъ—уничтоженія, по нашему мнѣнію крайне необходимаго, то министерскія предположенія тоже *не слишкомъ* далеки отъ этой цѣли, и немногія новыя усилія и поправки будутъ достаточны для полнаго ея достиженія. Дѣло только въ томъ, чтобы эта цѣль была дѣствительно *искомою*, чтобы достиженіе ея было признано положительною необходимостью, руководящею нитью въ дѣлѣ ближайшихъ податныхъ облегченій.

Изъ сказаннаго уже видно, что низведеніе выкупныхъ платежей до уровня низшаго противъ доходности земли или мѣстной арендной платы, по нашему мнѣнію, есть первое условіе правильнаго пониженія; это первая экономическая потребность, которой должна бы удовлетворить ожидаемая правительственная мѣра. Прибавимъ лишь немногія крайнія поясненія.

Брать за землю дороже ея стоимости, да еще при обязательномъ надѣлѣ, прежде всего несправедливо. У насъ же, какъ извѣстно, крестьянскіе надѣлы рѣзко раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ одна дороже выкупной оцѣнки, а другая—дешевле. Далѣе, при настоящемъ стѣсненномъ положеніи крестьянъ особенно необходимо стремиться къ тому, чтобы каждая податная мѣра приносила *возможно большіе* результаты, не только прямые, но и *косвенные*; на послѣднихъ слѣдуетъ остановить особенное вниманіе. Извѣстно, что наша податная система давитъ населеніе преимущественно *косвеннымъ* путемъ. Податной рубль дорого обходится мужику не потому, что уменьшаетъ его годовой доходъ на рубль, а потому, что способы добыванія этого рубля и способы его взысканія обходятся мужику въ нѣсколько рублей. Рубль получаетъ казна, а мужикъ отъ этого теряетъ три или четыре рубля. Изъ-за податей запродаютъ будущій трудъ за полъ-цѣны; изъ-за податныхъ недоимокъ задерживаются отправки на свободные промыслы; изъ-за нихъ же начальства кабалятъ крестьянъ невольными контрактами, по которымъ тоже нужно работать за полъ-цѣны. Обложеніе земли налогами выше ея стоимости составляетъ искусственное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, не то здоровое прикрѣпленіе, которое создается *выгодами*, а принудительное, убыточное. Такое обложеніе поддерживаетъ паспортныя стѣсненія, затрудняетъ отмѣну ихъ, поддерживаетъ взяточничество старшинъ и писарей при выдачѣ паспортовъ, мѣшаетъ экономически

здоровымъ переселеніямъ. Вотъ косвенныя послѣдствія излишняго обложенія крестьянской земли, и они обходятся населенію дороже того излишка платежей, противъ доходности земли, который переходитъ изъ мужицкаго кармана въ казенный сундукъ.

„Косвенные" результаты податныхъ и другихъ условій крестьянскаго быта требуютъ наибольшаго вниманія, хотя, къ сожалѣнію, именно они-то мало останавливаютъ на себѣ это вниманіе. Каждая облегчительная мѣра должна захватывать возможно больше этихъ косвенныхъ результатовъ; въ виду этого мы особенно указываемъ на обложеніе земли выше ея стоимости, какъ на ведущее за собою много косвеннаго вреда, помимо прямого убытка для плательщиковъ. Въ усиленномъ пониженіи выкупныхъ платежей въ неплодородныхъ мѣстностяхъ мы видимъ разомъ и дѣло справедливости, и достиженіе значительной части полезныхъ косвенныхъ экономическихъ резулътовъ.

Ограничиваемся этими сжатыми замѣчаніями, потому что о томъ же предметѣ была уже рѣчь во внутреннемъ обозрѣніи октябрьской книжки „Вѣстника Европы" за прошлый годъ.

Отстаивая въ данномъ случаѣ интересы населенія, обладающаго непроизводительными надѣлами, мы вовсе не думаемъ тѣмъ утверждать, чтобы въ черноземной полосѣ, гдѣ доходность земли теперь выше выкупныхъ платежей, все обстояло благополучно. Мы хорошо знаемъ, что и на черноземѣ часть крестьянъ бѣдствуетъ, мы не разъ высказывали это (хотя намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи приписывали чуждую намъ мысль, будто, гдѣ земля хороша, тамъ крестьяне непремѣнно благоденствуютъ). Но причины тяжкихъ затрудненій части крестьянъ черноземной полосы—не въ высотѣ выкупныхъ платежей; съ этими затрудненіями не справится ни рублевая, ни трех-рублевая скидка поземельныхъ платежей; коренная бѣда этихъ крестьянъ—малоземелье, заставляющее покупать на сторонѣ сильно вздорожавшій хлѣбъ и нанимать по быстро возростающей цѣнѣ сосѣднія помѣщичьи земли. Въ массѣ этого возростанія цѣнъ совсѣмъ потеряется тотъ рубль, который предполагается дать черноземному мужику. Дѣйствительную, серьезную помощь тамъ можно доставить развѣ средствами къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія на мѣстѣ или въ чужой, степной губерніи. Тамъ высота выкупныхъ платежей, *сама по себѣ*, не препятствуетъ ни отхожимъ промысламъ, ни переселеніямъ, не привязываетъ населенія къ землѣ *принудительно*, слѣдовательно, тамъ хоть однимъ выгоднымъ условіемъ больше, чѣмъ въ неплодородныхъ губерніяхъ. Когда на облегченіе податной тягости ассигнуется лишь ограниченная сумма, надо

прежде удовлетворить тѣхъ, кто находится въ сравнительно худшихъ условіяхъ.

Обратимся къ конкретнымъ примѣрамъ. Курскій мужикъ, имѣющій 3 десятины на душу, платитъ съ души 7 р. 20 к. выкупного платежа, 3 рубля податей, около рубля земскихъ и столько же мірскихъ сборовъ. Всего выходитъ 12 рублей. Что даетъ ему рублевая сбавка? Рубль—и ничего больше, т.-е. ничтожную долю его повинностей.—Другой курскій мужикъ, имѣющій только одну десятину, платитъ 3 р. 60 к. выкупного платежа, 3 рубля податей и около рубля земскихъ и мірскихъ сборовъ, всего около 7 р. 50 к. Что даетъ ему рублевая скидка? Опять ничтожную долю его повинностей, опять одинъ только *рубль*, безъ всякой къ нему добавочной выгоды; и этотъ мужикъ по прежнему вынужденъ будетъ покупать чужой хлѣбъ за высокую цѣну, по прежнему будетъ каждый годъ набавлять плату за арендуемую чужую землю, по прежнему будетъ стремиться къ выселенію въ степи. Имѣя ту же рабочую силу, что и трех-десятинный мужикъ, но вынужденный терять нѣсколькими десятками рублей больше на пропитаніе и на заплату прорѣхъ своего хозяйства, онъ облегченъ въ платежѣ, сравнительно съ трех-десятинниками, только на $4^1/_2$ рубля. Корень его бѣды, ясно, въ поземельныхъ условіяхъ; онъ это отлично понимаетъ и высказываетъ, хотя вотъ именно въ этого-то рода дѣлахъ не желаютъ справляться съ крестьянскимъ голосомъ тѣ самые люди, которые въ другихъ случаяхъ столько толкуютъ о народномъ голосѣ. Увѣрьте-ка курскаго одно-десятинника, что спасеніе его не въ прибавкѣ земли, а въ изысканіи условій „лучшей культуры" (можетъ быть, травосѣяніе на одной-то десятинѣ!), и отвѣтъ его авторитетному совѣтнику будетъ очень краснорѣчивъ и выразителенъ.

Возьмите теперь хоть смоленскаго 4-десятиннаго мужика. Онъ платитъ выкупныхъ платежей 7 р. 20 к., податей около 2 рублей, земскаго и мірского сбора около рубля, всего около 10 рублей. Уйти съ мѣста къ болѣе выгодному промыслу ему нельзя, не сдавъ надѣла и не приплативъ къ нему; у него связываются отъ того руки, у него стѣснена предпріимчивость, для него невозможно выселеніе, которое, можетъ быть, помогло бы ему быть сытымъ. Но сбавьте ему три рубля платежа (при усиленіи спеціальнаго пониженія на счетъ общаго)— онъ получитъ, во-первыхъ, эти три рубля, и *кромѣ того* у него въ значительной степени развяжутся руки для промысла; уничтожится одно изъ косвенныхъ убыточныхъ вліяній, о которыхъ мы говорили; онъ избавится отъ необходимости дѣлать приплаты при передачѣ надѣла сосѣду, его трудъ станетъ свободнѣе, его выгода будетъ двой-

ная. Лучше же достигать большихъ, чѣмъ меньшихъ послѣдствій одними и тѣми же пожертвованіями.

Нисколько не отрицая необходимости облегчать и населеніе черноземной полосы, мы доказываемъ только, что облегченіе въ нечерноземной составляетъ сравнительно болѣе настоятельную необходимость и обѣщаетъ болѣе значительныя послѣдствія. Надо прежде устранять бóльшую несправедливость, чѣмъ меньшую.

Мысль о несправедливости брать за землю дороже ея стоимости и о необходимости прежде помогать терпящему бóльшія стѣсненія, такъ проста, ясна и не нова, что не она нуждается въ особыхъ доказательствахъ ея основательности, а напротивъ слѣдуетъ требовать особенно сильныхъ доказательствъ со стороны ея противниковъ. Встрѣчая отрицаніе, мы невольно наводимся на мысль— не существуетъ ли какихъ-нибудь особенно вѣскихъ соображеній, требующихъ уклоненія отъ этой мысли? Чѣмъ же руководствовалось большинство экспертовъ въ своемъ заключеніи о необходимости ровной скидки платежа для сытыхъ и голодныхъ, для сидящихъ на трехъ десятинахъ чернозема и для сидящихъ на двухъ десятинахъ песку?—На это мы находимъ покуда единственный отвѣтъ въ статьѣ г. Колюпанова, помѣщенной въ „Русской Мысли“. Воспользуемся этимъ источникомъ и извлечемъ изъ названной статьи тѣ положенія большинства, которыя относятся къ разсматриваемой сторонѣ вопроса.

Выкупной платежъ—по мнѣнію большинства экспертовъ—не есть собственно плата за землю, такъ какъ оброкъ представлялъ собою, между прочимъ, и выкупъ обязательнаго крестьянскаго труда; онъ лежалъ не только на *землѣ*, но и на *личности* крестьянина, и этотъ смѣшанный характеръ всецѣло перешелъ на выкупной платежъ. Поэтому придавать выкупному платежу исключительно поземельное значеніе и распредѣлять его на основаніи цѣнности и доходности земли—не слѣдуетъ, а должно соразмѣрять его со всею совокупностью средствъ плательщиковъ. А такъ-какъ эту совокупность теперь взвѣсить надлежащимъ образомъ невозможно по недостатку данныхъ, то большинство рѣшило употребить всѣ первоначально назначенные правительствомъ 9 милліоновъ рублей на общее, одновременное и однообразное пониженіе выкупныхъ платежей для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Однообразную скидку большинство положило сдѣлать ровную съ каждой *души*, а не въ видѣ извѣстнаго процента съ суммы платежа, въ тѣхъ видахъ, чтобы *сколько-нибудь* сгладить несправедливость пропорціи въ обложеніи полныхъ и неполныхъ надѣловъ. У владѣльца неполнаго надѣла, какъ извѣстно, на одну первую десятину приходится половина всего платежа, какъ бы слѣдовалъ за полный на-

дѣлъ, тогда какъ эта десятина можетъ составлять только треть или четверть надѣла. Оттого, напримѣръ, рядомъ одинъ мужикъ за 4 десятины платитъ 7 р. 20 к., а другой за одну десятину—3 р. 60 к. При ровной скидкѣ съ *души*, а не съ рубля, дѣйствительно въ *нѣкоторой* степени ослабляется несправедливое равенство, такъ-какъ эта скидка относительно платежа за неполный надѣлъ составитъ бóльшій процентъ, чѣмъ въ отношеніи къ платежу за полный.

Ассигнованные правительствомъ 9 милліоновъ рублей составились изъ взносовъ крестьянъ всѣхъ мѣстностей, и потому—по мнѣнію экспертовъ—никакимъ образомъ не могутъ быть обращены въ пользу однихъ губерній съ совершеннымъ исключеніемъ другихъ. Это уже соображеніе юридическаго свойства, имѣющее въ виду не степень *необходимости* въ пониженіи, но „право" всѣхъ на пониженіе.

Наконецъ, введена еще политическая точка зрѣнія—состояніе умовъ, ожиданія и желанія, высказываемыя въ народномъ говорѣ—потребность ознаменовать настоящій моментъ: облегчительная правительственная мѣра не должна оставаться привилегіею только части губерній.

Вотъ все, чѣмъ доказывается необходимость равномѣрной скидки платежей и чѣмъ устраняется соразмѣреніе послѣднихъ съ достоинствомъ надѣловъ. Сдѣлаемъ теперь замѣчанія по каждому пункту.

На какомъ бы основаніи ни выводился первоначально размѣръ оброковъ—выкупной платежъ есть плата *за землю* и по точному опредѣленію закона, и по фактическому обусловленію взиманія его—владѣніемъ надѣльною землею. Кто избавился отъ крѣпостного права, но не получилъ земли, тотъ выкупного платежа не платитъ, а платитъ его лишь тотъ, кто выкупилъ землю. Само большинство, хотя не признаетъ платы *за землю*, однако *не* предлагаетъ отдѣлить выкупного платежа отъ владѣнія землею, слѣдовательно оставляетъ за нимъ тотъ же поземельный характеръ. Не можетъ платежъ быть поземельнымъ въ то время, когда его взыскиваютъ, и не-поземельнымъ, когда дѣло идетъ объ уравненіи его съ доходностью земли. Если обсуждаемый платежъ фактически выплачивается не изъ земельнаго дохода, по недостаточности послѣдняго, а изъ заработковъ, то это указываетъ только на излишество земельнаго налога, и тѣмъ болѣе основанія устранить это несправедливое излишество. Трудъ, личность, заработки имѣютъ уже свое спеціальное обложеніе въ подушной подати; на какомъ же основаніи въ черноземной полосѣ трудъ и личность облагаются только подушною податью, а въ нечерноземной можно, сверхъ подушной подати, валить на личность еще *добавочную подать* въ видѣ излишка выкупного платежа?

Можетъ быть, у насъ и нѣтъ данныхъ для совершенно *точнаго*

соразмѣренія платежей съ земельнымъ или со всѣми доходами (хотя приблизительное опредѣленіе существующей цѣнности земли не представляетъ большого затрудненія), и вслѣдствіе того работа подобнаго соразмѣренія обѣщаетъ нѣкоторыя ошибки. Но опасеніе ограниченныхъ ошибокъ развѣ можетъ быть поводомъ къ сознательному допущенію гораздо бóльшихъ ошибокъ, въ видѣ равной льготы для богатаго, сытаго и голоднаго? Едва ли нужно много распространяться о достоинствѣ правила: если не можешь избѣжать малой погрѣшности—дѣлай большую, если не надѣешься побороть всѣ несправедливости—не борись съ несправедливостью вовсе. Только изъ такого правила и могло выдти сочетаніе широкаго принципа „соразмѣренія со всѣми средствами", съ совершенно противуположнымъ практическимъ результатомъ — несоразмѣренія ни съ чѣмъ. Если только допускать подобную казуистику—она можетъ быть обращена и противъ каждаго изъ выводовъ самого большинства.

Равномѣрная скидка съ *души*, предложенная большинствомъ, конечно, лучше равномѣрной скидки съ *рубля*, потому что она хоть немного увеличиваетъ облегченіе для болѣе отягченныхъ людей, т.-е. владѣльцевъ неполныхъ надѣловъ, у которыхъ каждая десятина оцѣнена дороже. Но разница будетъ очень небольшая: 4-хъ-десятинный мужикъ станетъ платить 1 р. 55 к. (6 р. 20 к.: 4), а одно десятинный—2 р. 60 к. за десятину; прежде первый платилъ вдвое меньше, а теперь въ $1^2/_3$ раза,—результатъ микроскопическій. Почему здѣсь допущена только микроскопичность, когда ничто не мѣшало достигнуть бóльшаго? Отчего не избавить владѣльца неполнаго надѣла отъ всего того излишка платежа, который онъ платитъ именно за ухудшеніе своего устройства? Отчего не уравнить подесятиннаго платежа въ полныхъ и неполныхъ надѣлахъ. Опять на это нѣтъ отвѣта.

Перейдемъ къ нравственно-юридической точкѣ зрѣнія, на основаніи которой, если финансовый источникъ для уменьшенія платежей составился изъ взносовъ *всѣхъ* крестьянъ, то и облегченіе должны получить *всѣ* (по такимъ соображеніямъ иногда крестьяне дѣлятъ продовольственные запасы и помощь во время голода между сытыми и голодными, но за это они постоянно подвергаются укорамъ). Несостоятельность этой точки зрѣнія слишкомъ уже очевидна. Если и всѣ крестьяне участвовали въ образованіи упомянутаго источника, то не всѣ они дѣлали для того одинаковыя *жертвы*. Одинъ платилъ и получалъ при этомъ равную или высшую цѣнность, а другой платилъ и получалъ несравненно меньше, слѣдовательно, первый пріобрѣталъ выгоду, а второй несъ *жертвы*. Надо принимать въ соображеніе не только платежъ, но и выгоды имъ обусловливае-

мыя. Курскій мужикъ платилъ 7 р. 20 к. и получилъ землю, приносящую 30 рублей, а смоленскій за тотъ же платежъ получалъ доходъ въ 4 рубля. Слѣдовательно, послѣдній, принося большія жертвы, имѣетъ право и на бо̀льшее участіе въ пользованіи источникомъ, образовавшимся изъ общихъ платежей.

Что же касается политическихъ соображеній, то о нихъ мы можемъ сказать только то, что политическимъ облегченіямъ всего лучше обращаться на какіе-либо особые источники, а не на тѣ, которые съ большимъ трудомъ отысканы для удовлетворенія настоятельныхъ *нуждъ* населенія. Политика—сама по себѣ, а нужды—сами по себѣ, и первая не должна стѣснять удовлетворенія послѣднихъ въ правильной постепенности. Политика, въ данномъ случаѣ, предполагаетъ милость, а удовлетвореніе нуждъ есть дѣло справедливости и необходимости.

Итакъ, разсмотрѣніе сдѣлавшихся извѣстными соображеній въ пользу равномѣрной для всѣхъ скидки выкупныхъ платежей нисколько не колеблетъ значенія мысли о необходимости прежде всего устранить обложеніе земли выше ея доходности. Можно, конечно, рѣшать вопросы всячески, и мы видали довольно всяческихъ рѣшеній вопросовъ, но правильное рѣшеніе въ данномъ случаѣ было бы слѣдующее:

1) Уменьшить платежи, превышающіе доходность надѣловъ, настолько, чтобы новый размѣръ платежей былъ *ниже* этой доходности;

2) Уничтожить всѣ излишки платежей, образовавшіеся отъ усиленнаго обложенія въ неполныхъ надѣлахъ, первой и второй десятинъ, т.-е. уравнять подесятинное обложеніе въ полныхъ и неполныхъ надѣлахъ;

и 3) за удовлетвореніемъ этихъ потребностей, остатокъ финансовыхъ средствъ, обращенныхъ на пониженіе выкупныхъ платежей, употребить на облегченіе прочихъ группъ податного населенія, по мѣрѣ ихъ нужды въ такомъ облегченіи.

Если же общая душевая скидка платежей уже будетъ рѣшена, слѣдуетъ усилить дальнѣйшее, спеціальное пониженіе настолько, чтобы непремѣнно были удовлетворены потребности, указанныя выше въ первыхъ двухъ пунктахъ. Это усиленіе даже не будетъ особенно крупнымъ (милліонъ, или два), такъ-какъ общая душевая скидка и предназначенный уже размѣръ спеціальнаго пониженія уничтожатъ бо̀льшую часть излишка обложенія земли противъ ея доходности. Вотъ что нужно въ ближайшемъ будущемъ при *первомъ* приступѣ къ облегченію платежнаго бремени народа. Системы дальнѣйшаго облегченія мы здѣсь не касаемся.

Ѳ. Воронововъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Литература и театръ.

I.

Жалобы молодыхъ писателей на политику.—Общая нелюбовь къ Зола и его школѣ.—Рутинная литература.—Группа натуралистовъ.—Зола у себя въ деревнѣ.—Портреты его учениковъ.—Поэты-реалисты.—Гудо и его „Цвѣты асфальта".

Газеты разрослись ужасно. Политика поглощаетъ собой все. Писатели, артисты, если ихъ поразспросить объ этомъ, начнутъ сейчасъ же жаловаться, что творчество, художественная работа, интересъ къ хорошей литературѣ исчезаютъ, что на первомъ планѣ или политиканство, или денежная нажива, погоня за легкими наслажденіями. Но полно, такъ ли это? Каждый, конечно, жалуется про свое. Всякому своя слеза солона, по русской пословицѣ. Политикой, пожалуй, слишкомъ много занимаются въ Парижѣ, но также много и работаютъ. Развитіе промышленности, накопленіе капиталовъ ведетъ, конечно, къ поискамъ легкихъ забавъ; но это же даетъ возможность литературѣ и художественному творчеству находить поддержку.

Посмотрите, какая масса картинъ, скульптурныхъ произведеній, рисунковъ и архитектурныхъ проектовъ выставляется теперь каждый годъ во „Дворцѣ промышленности" на Елисейскихъ поляхъ, въ маѣ. Въ прошломъ году выставлено было до четырехъ тысячъ номеровъ, правда, попало не мало и дряни. Министерство не хотѣло никого стѣснять, чтобы избѣжать нареканій, безконечной возни съ самолюбіемъ артистовъ. Но самая эта производительность развѣ не показываетъ, сколько народу ищетъ въ искусствѣ хорошихъ заработковъ? Стало быть—разсчитываютъ на любовь массы къ произведеніямъ изящнаго. Если послушать слишкомъ строгихъ судей, то, разумѣется, французское искусство окажется въ періодѣ вырожденія. А приложите вы лучшія вещи каждогодной парижевой выставки къ тому, что́ дѣлается въ другихъ странахъ, и Парижъ перевѣситъ въ нѣсколько разъ не только количествомъ, но и высокимъ уровнемъ мастерства, вкуса, воображенія, наблюдательности, всего, что нужно теперь въ одинаковой мѣрѣ и живописцу, и писателю. Выставка каждый годъ—событіе, на ней перебываютъ сотни тысячъ народа, если считать только однихъ парижскихъ жителей. Страсть къ картинамъ,

скульптурнымъ вещамъ, ко всякаго рода рѣдкостямъ, бронзѣ, фарфору, художественной мебели овладѣла всѣми парижскими классами; даже мелкіе чиновники, мелкіе буржуа, люди, проживающіе не больше четырехъ-пяти тысячъ франковъ въ годъ, всаживаютъ всѣ свои экономіи въ какіе нибудь „bibelots". Постоянная толпа тѣснится на аукціонной продажѣ Rue Drouot. Каждому хочется имѣть свою коллекцію. Цѣны картинъ поднялись въ поражающей прогрессіи. То, чтó десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ можно было купить за двѣ, за три тысячи франковъ, то теперь продаютъ за двадцать-сорокъ-шестьдесятъ тысячъ, особенно вещи умершихъ художниковъ. Да и оставшіеся въ живыхъ первостепенные мастера могутъ поднимать свои цѣны до какихъ угодно размѣровъ. Помогли этому также и заграничные покупатели, англичане и американцы; но все-таки Парижъ главный поставщикъ любителей искусства. А такъ-какъ денегъ у парижанъ дѣлается все больше, то трудно и предвидѣть, до какого предѣла дойдутъ цѣны.

Это матеріальная сторона дѣла. Но походите вы по любой ежегодной выставкѣ, посѣтите безчисленные магазины эстамповъ, картинъ, рѣдкостей, послушайте разговоры французовъ, и вы убѣдитесь, какъ художественное чувство все сильнѣе и сильнѣе развивается въ массѣ.

Тоже самое должно быть и съ литературой. Потребность огромная; только она въ послѣдніе двадцать, двадцать-пять лѣтъ была извращена. Фельетонный романъ на далекое время пріучилъ читающую толпу къ пустому щекотанью умственнаго интереса. Беллетристика превратилась на половину въ промышленность; въ Парижѣ кормится разными ея видами масса писателей, у которыхъ весь почти талантъ пошелъ на фабрикацію. Явилась и реакція въ лицѣ такъ называемыхъ „натуралистовъ".

Для насъ, русскихъ, всего занимательнѣе борьба этого направленія съ установившимися родами беллетристики и литературы вообще. До сихъ поръ количественно и, такъ сказать, оффиціально преобладаетъ старая школа. Въ главѣ ея стоитъ поэтъ-солнце, Викторъ Гюго, сдѣлавшійся какъ бы національной святыней. Около него группируются всѣ живые остатки романтизма. Завѣщанные имъ пріемы до сихъ поръ размѣниваются по мелочамъ и стихотворцами, и романистами, и драматургами. Беллетристическая фабрикація имѣетъ своимъ представителемъ „общество писателей", состоящее почти исключительно изъ романистовъ. Оно не только защищаетъ свои матеріальные интересы, но представляетъ собою среднюю пропорціональную литературной рутины, такъ какъ оно состоитъ на четыре пятыхъ изъ людей, лишенныхъ оригинальности или употребившихъ

свой талантъ на производство разныхъ литературныхъ товаровъ по одному и тому же образцу. Писателей-натуралистовъ еще очень не любятъ. Я былъ въ Парижѣ вскорѣ послѣ смерти Флобера. Смерть примирила съ нимъ многихъ, о немъ заново заговорили, какъ о романистѣ съ крупнымъ талантомъ, пролили на его могилу извѣстное количество фальшивыхъ слезъ, но немногіе изъ собратовъ любили его, какъ писателя, и даже читали. Стоитъ только припомнить, что два года передъ тѣмъ на банкетѣ литературнаго конгресса тостъ, предложенный за здоровье Флобера, какъ главы новой натуралистической школы, возбудилъ, если не протестъ, то большое недоумѣніе. Я собственными ушами слышалъ, какъ ничтожные фельетонисты и дюжинные фельетонные кропатели романовъ спрашивали брезгливо: *да что же онъ въ сущности написалъ*? Тоже самое вышло вѣдь и съ Гонкурами и только при новомъ изданіи ихъ сочиненій, послѣ смерти меньшого брата, стали о нихъ говорить и признавать въ нихъ талантъ. Теперешнее раздраженіе во всѣхъ кружкáхъ, начиная отъ академиковъ и кончая газетными репортерами, вызвано было сильнѣе личностью Эмиля Зола, его постоянными полемиками, тономъ, съ какимъ онъ говоритъ о признанныхъ всѣми авторитетахъ, романами его, а главное, въ послѣднее время, ихъ успѣхомъ. Раздраженіе такъ сильно, что трудно человѣку безпристрастному, а тѣмъ болѣе сочувствующему и дарованію и взглядамъ Зола, не имѣть безпрестанныхъ споровъ на эту тему.

Мнѣ пришлось попасть въ разгаръ толковъ, возгласовъ и возмущеній, вызванныхъ послѣднимъ романомъ Зола. Его выдѣляютъ даже тамъ, гдѣ къ другимъ писателямъ, какихъ онъ самъ признаетъ своими предшественниками и учителями, относятся сочувственно. Это мы видимъ въ „Nouvelle revue“. Всѣ остальные писатели этой школы попали въ число сотрудниковъ. Издательница приглашала ихъ, ухаживала за ними, привлекала ихъ въ свой салонъ. Посмертный романъ Флобера печатался прошлой зимой въ ея журналѣ, Но Зола въ немъ уничтожаютъ. Я напомню о критической статьѣ совсѣмъ неизвѣстнаго рецензента, гдѣ не только отрицается въ немъ талантъ, но и доказывается, что онъ не умѣетъ писать, не знаетъ совсѣмъ французскаго языка. А популярность его ростетъ; „Нана“ достигла уже слишкомъ ста изданій; брань не дѣйствуетъ на этого закаленнаго бойца. Онъ самъ нигдѣ не бываетъ и ни въ комъ не заискиваетъ. Но это не мѣшаетъ ему очень сильно сознавать свою личность и довольно часто бесѣдовать о себѣ съ публикой.

Два года передъ тѣмъ, во время выставки, я въ первый разъ посѣтилъ Зола. Мои впечатлѣнія я уже разсказывалъ и повторять здѣсь не буду. Но тогда я видѣлъ Зола въ городской обстановкѣ, на его

парижской квартирѣ. На этотъ разъ я отправился къ нему въ деревню, гдѣ онъ проводитъ большую часть года. Кто интересуется имъ и всей молодой школой, признавшей его своимъ руководителемъ, навѣрно читалъ томъ, составленный изъ разсказовъ всей этой группы, подъ названіемъ „Les soirées de Médan". Вотъ въ этомъ-то Меданѣ и живетъ Зола. Онъ купилъ себѣ домъ, сдѣлалъ къ нему значительныя пристройки и работаетъ въ тишинѣ, живя жизнью подгороднаго помѣщика. Мѣстность эта на берегу Сены, по Западной желѣзной дорогѣ, довольно красивая. Отъ дома спускается луговина къ рѣчкѣ. Хорошаго сада у Зола еще нѣтъ, онъ думалъ тогда прикупить часть земли, отдѣляющей его садикъ и огородъ отъ берега. Домъ съ пристройкой очень похожъ на сотни загородныхъ французскихъ домовъ, но внутри отдѣланъ оригинально и богато. Онъ въ три этажа. Хозяинъ работаетъ въ большомъ кабинетѣ, съ итальянскимъ окномъ, выходящимъ на балконъ. Видно, что Зола все больше и больше вдается въ страсть къ комнатной обстановкѣ, къ произведеніямъ искусства, къ разнымъ „bibelots". Даже множество лѣсенокъ между этажами и отдѣльными заворотами этажей всѣ обиты китайскими и японскими цыновками. А въ кабинетѣ множество цѣнныхъ и красивыхъ вещей. Есть комнаты для друзей, внизу не очень просторная столовая. Тогда Зола жилъ съ женой и матерью, дѣтей у него до сихъ поръ нѣтъ. Къ маленькой собаченкѣ прибавилась еще другая, огромная, сенъ-бернардской породы. Этихъ домашнихъ друзей зовутъ Бертрамъ и Ратонъ. Во всемъ домѣ чувствуется уже прочное довольство. Видно, что хозяинъ любитъ плотно поѣсть и не отказываетъ себѣ ни въ какихъ подробностяхъ домашняго комфорта. Зола мало мѣняется, можетъ быть, немного еще потолстѣлъ, но менѣе, чѣмъ я ожидалъ, судя по его постоянной сидячей жизни. И въ деревнѣ онъ мало ходитъ. Его натура не требуетъ совсѣмъ внѣшнихъ возбужденій, удовольствій, выѣздовъ, безпрестанной смѣны лицъ. Онъ находитъ глубокое наслажденіе въ своей мозговой работѣ. Она беретъ у него весь день до обѣда, а потомъ онъ немного походитъ, поиграетъ съ своими собаками или засядетъ за маленькую партію въ безикъ. Трудъ, чувство своей силы, упорная разработка любимыхъ темъ, матеріальный успѣхъ—все это должно придавать ему съ каждымъ годомъ больше и больше устойчивости и лишать той пріятности, какую обыкновенно каждый привыкъ видѣть во французѣ. Зола совсѣмъ не отличается тѣмъ, что французы называютъ urbanité. Въ разговорѣ онъ почти ничѣмъ не интересуется, кромѣ литературы, романа, своихъ идей, работы молодыхъ писателей, въ которыхъ принимаетъ участіе. Свѣтскаго человѣка, или даже человѣка, привычнаго къ общежительнымъ формамъ, вы въ немъ почти

не видите; немудрено поэтому, что на многихъ онъ производитъ тяжеловатое впечатлѣніе. Но зато отъ такого человѣка вы уже не услышите никакого вздора, никакихъ банальностей, все, о чемъ онъ говоритъ, дѣйствительно его интересуетъ, недостатокъ отзывчивости на многое замѣняется сосредоточенной разработкой того, что̀ ему доступно и что̀ ему дорого. Я рѣдко встрѣчалъ даже между французами человѣка, до такой степени равнодушнаго къ тому, что дѣлается на свѣтѣ. Меня бы весьма удивило, еслибы Зола сталъ разспрашивать кого-нибудь, откуда бы тотъ ни пріѣхалъ и что̀ бы ни видалъ, о чемъ нибудь не относящемся къ его личнымъ умственнымъ интересамъ. Въ этомъ онъ чистѣйшій французскій простолюдинъ. Такую сосредоточенность интересовъ въ чистомъ видѣ всего лучше изучать у крестьянъ.

Въ началѣ іюня 1880 года, когда я посѣтилъ Зола въ Меданѣ, онъ не писалъ никакого романа. Онъ занятъ былъ пьесой. Она до сихъ поръ не появилась ни въ печати, ни на сценѣ, но, вѣроятно, онъ давно уже ее кончилъ, потому что тогда говорилъ о второмъ актѣ. Я пріѣхалъ къ Зола съ однимъ изъ молодыхъ писателей натуралистической школы, Сеаромъ. Мы послѣ завтрака пошли погулять, былъ теплый, почти жаркій день. Зола отправился, какъ былъ, въ короткомъ пиджакѣ, безъ галстуха и въ круглой смятой шляпѣ. Сеаромъ онъ очень интересуется, какъ и другими молодыми натуралистами. Эта черта у него весьма симпатична. Можетъ быть, входитъ сюда и небольшая доля учительскаго самолюбія; онъ желаетъ основать свою школу, хотя нѣсколько разъ и отрекался отъ этого. Но во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть, какъ человѣкъ, уже составившій себѣ имя, обезпеченный, природно самолюбивый и склонный даже къ через-чуръ большой увѣренности въ своихъ достоинствахъ, искренно занимается развитіемъ молодыхъ людей, поддерживаетъ ихъ, толкуетъ съ ними, какъ равный съ равнымъ, даетъ совѣты, разспрашиваетъ объ ихъ работахъ.

Когда мы присѣли на берегу рѣки, подъ деревомъ на траву, Зола заговорилъ о трудностяхъ хорошей постройки пьесы. Но онъ упоренъ. Цѣлыхъ три неуспѣха на сценѣ только пришпориваютъ его. Онъ желаетъ во что бы то ни стало написать хорошую комедію или драму. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, вещь, которую онъ въ это время писалъ,—скорѣе драма, чѣмъ комедія. Объ одномъ положеніи онъ говорилъ одушевившись, хвалилъ его, находилъ свой замыселъ очень выгоднымъ для развитія цѣлой большой сцены. Но, какъ французы выражаются, de fil en aiguille мы коснулись вопроса прямого наблюденія новыхъ типовъ, лицъ и подробностей, созданныхъ парижской жизнью за послѣдніе года. Зная, какъ Зола живетъ уже

не первый годъ, я откровенно замѣтилъ ему, что слишкомъ замкнутая жизнь помѣшаетъ ему въ дальнѣйшихъ романахъ разнообразить свое творчество, въ особенности по части женщинъ.

— Вѣдь вы совсѣмъ не знаете женщинъ,—сказалъ я ему,—по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыхъ создала парижская жизнь въ эти пять-десять лѣтъ. А онѣ уже на нашихъ глазахъ измѣнились чрезвычайно.

Лицо Зола немножко нахмурилось.

— Это неважно,—отвѣтилъ онъ;—существуетъ только нѣсколько типовъ. Каждый знавалъ въ свою жизнь пять-десять женщинъ. Этого совершенно достаточно, остальное все разновидности.

Съ этимъ я не могъ согласиться, у насъ завязалось легкое литературное преніе, но Зола не изъ тѣхъ, кто легко сдается, даже и тогда, когда онъ не правъ. Какъ всякій человѣкъ съ сильной натурой, онъ возводитъ въ принципъ привычки, вытекающія прямо изъ личныхъ побужденій или наклонностей. Онъ не любитъ много выходить, въ женскомъ обществѣ не находитъ онъ интереса, пишетъ очень много и потому ведетъ самую замкнутую жизнь. Вдобавокъ онъ самъ сознавался, даже въ нашемъ разговорѣ и не безъ юмора, что онъ для женщинъ—„совсѣмъ не серьёзный человѣкъ", сравнивалъ себя при этомъ съ Флоберомъ, о чемъ онъ говорилъ въ статьѣ, посвященной памяти его друга и учителя.

Но я не сомнѣваюсь, что если Зола при всемъ своемъ талантѣ будетъ держаться такой же программы, то-есть проводить семь мѣсяцевъ въ деревнѣ, а пять зимнихъ мѣсяцевъ сидѣть почти цѣлый день дома, онъ по необходимости придетъ къ тому, что будетъ писать теоретически. Уже теперь, какъ я слышалъ отъ одного изъ его учениковъ, его занимаетъ тема: изобразить въ рамкахъ одного изъ слѣдующихъ романовъ психологію страданія и связать его съ одной женской личностью. Мысль эта пришла ему заднимъ числомъ, подъ вліяніемъ чтенія книжечки, вышедшей года два тому назадъ и составленной изъ отдѣльныхъ мыслей и афоризмовъ Шопенгауэра.

То, что его землякъ и послѣдователь, Поль Алексисъ, разсказалъ уже въ своемъ біографическомъ очеркѣ, явившемся по поводу иллюстрированнаго изданія „Нана", я раньше слышалъ отъ нѣкоторыхъ молодыхъ писателей-натуралистовъ, составляющихъ какъ бы маленькій дворъ Зола. Такъ, напримѣръ, оказывается, что многія подробности для „Нана" были сообщены Зола его послѣдователями: ужинъ и кутежъ послѣ ужина у Нана, табльдотъ въ rue des Martyrs и еще нѣсколько вещей. Онъ могъ бы попасть всюду самъ; но для этого онъ становится недостаточно подвиженъ.

Какъ цѣльность существованія—жизнь Зола завидная. Его не

любятъ въ писательскихъ и журнальныхъ кружкахъ, но ему и не нужно любви тѣхъ, кто не раздѣляетъ его идей или не признаетъ въ немъ никакого дарованія. Честолюбіе у него высшаго порядка. Онъ не хочетъ умереть, не закончивъ цикла своихъ романовъ, а потомъ, какъ самъ говоритъ, займется чѣмъ-нибудь и кромѣ беллетристики. Это натура—утилитарная, несмотря на свое пристрастіе къ оригинальной художественной формѣ. Отецъ-инженеръ передалъ его головѣ систематичность, логику, вмѣстѣ съ богатствомъ образовъ итальянца. Такой человѣкъ будетъ вездѣ чувствовать себя хорошо, потому что онъ выше всего ставитъ независимость труда, проявленіе своей индивидуальности.

Зола не признается ни въ печати, ни въ частныхъ бесѣдахъ, что ему пріятно быть главой школы; но еслибы онъ даже тѣшился этимъ, дурного тутъ нѣтъ для тѣхъ молодыхъ писателей, которые группируются вокругъ него. Сколько я замѣчалъ, онъ вовсе не налагаетъ на все своей фирмы. Ему нравится всякая оригинальность. Ихъ нѣсколько человѣкъ, и каждый идетъ въ сущности своей дорогой. Неизбѣжное подражаніе манерѣ „учителя" отлетитъ, да и нельзя сказать, чтобы кто-нибудь изъ нихъ грѣшилъ этимъ чрезъ мѣру. Кромѣ Поля Алексиса, человѣка, какъ кажется, очень фантастическихъ привычекъ и времяпрепровожденія, я успѣлъ въ одинъ мѣсяцъ познакомиться съ остальными. Ихъ соединило одно и то же направленіе, сходство симпатій и личныхъ предпочтеній. Всѣ они ставятъ Флобера, послѣ Бальзака, своимъ идеаломъ. Но вышли они изъ различныхъ сферъ, имъ всѣмъ хочется пробиться такъ, какъ это сдѣлалъ Зола. Они пишутъ даже съ нѣкоторымъ уговоромъ. Каждый выпускаетъ по роману, если не ежегодно, то разъ въ два года. Разсказы, изданные подъ однимъ заглавіемъ: „Les soirées de Médan", имѣютъ также единство содержанія; всѣ они взяты изъ эпохи франко-прусской войны. Эти молодые люди очень часто видятся между собой, бываютъ у Зола, прежде нѣкоторые посѣщали Флобера, говорятъ исключительно о романѣ, творческой работѣ, пріемахъ мастерства. Я былъ даже немного удивленъ, когда увидалъ, до какой степени они сдѣлались равнодушны къ текущимъ вопросамъ. Въ нихъ чувствуется такое-же презрѣніе къ буржуа, какое было и въ романтикахъ юной Франціи въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Подъ именемъ буржуа они понимаютъ не однихъ только мѣщанъ, рантьеровъ, биржевиковъ и всякаго рода хищниковъ, но главнымъ образомъ литераторовъ установившагося типа, рецензентовъ и журналистовъ, вышедшихъ изъ Нормальной школы, все академически установленное, сантиментальное, фальшивое, тенденціозное. Въ жизни они совсѣмъ не желаютъ быть эксцентриками; напротивъ, ихъ конекъ—

размѣренная, правильная трудовая жизнь, то, что̀ нѣсколько разъ говорилъ Зола про себя и про каждаго настоящаго литературнаго работника. Равнодушіе къ политикѣ и даже раздраженіе общимъ политиканствомъ сдѣлали ихъ не по лѣтамъ скептичными. Для нихъ оттѣнки журнализма не существенны. Я нашелъ, что нѣкоторые писали, напримѣръ, положительно въ реакціонныхъ газетахъ, въ родѣ „Gaulois“, и не стыдились этого, говоря, что они будутъ писать вездѣ, гдѣ только позволятъ имъ быть оригинальными, не подчиняться литературной рутинѣ. Совершенно также поступилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и Зола, перейдя въ „Figaro“, гдѣ и писалъ цѣлый годъ.

На эту группу молодыхъ литературныхъ реформаторовъ нельзя смотрѣть какъ на совершенно цѣльный и потому вполнѣ здоровый продуктъ. Они еще не представляютъ собой гармоніи идей съ общественнымъ интересомъ. Имъ трудно обойтись безъ односторонности, потому что они выступаютъ во имя правды творчества противъ цѣлой арміи тайныхъ и явныхъ романтиковъ, поддѣлывателей здороваго искусства. Имъ одинаково противна фальшь и литературнаго и политическаго идеализма. За то научное движеніе, философское мышленіе, основанное на фактахъ, употребляющее индукцію, опытъ, наблюденіе—симпатичны имъ.

Теперь посмотримъ, что же это за молодые люди. Это все сверстники по годамъ. Имъ теперь отъ 25 до 30 лѣтъ. Есть тутъ и два литератора по профессіи, есть прикащикъ большой книгопродавческой фирмы, есть чиновникъ, есть молодой дворянинъ, руанскій помѣщикъ. Съ него-то я и начну. Это—Гюи де-Мопассанъ. Его разсказъ, вошедшій въ сборникъ „Les soirées de Médan“ былъ переведенъ по русски подъ невѣрнымъ заглавіемъ „Мыльный пузырь“. Разсказъ называется „Boule de suif.“ Онъ всѣмъ очень понравился. Мопассанъ—богатая натура, прозаикъ и поэтъ, языкъ его я предпочитаю манерѣ всѣхъ остальныхъ его сверстниковъ. Разсказываетъ онъ мастерски, сдержанно и колоритно, безъ обилія словъ, взятыхъ изъ арго, умѣетъ нѣсколькими штрихами создавать физіономію и цѣлые типы. Въ сборникѣ стихотвореній, озаглавленномъ имъ просто „Des vers“, онъ является чувственнымъ потомкомъ Альфреда де Мюссе. Это крикъ молодой плоти и крови, рядъ картинъ и положеній, которыми, конечно, не будутъ довольны моралисты; но поэтъ найдетъ въ нихъ кипучую жизненность. Таковъ и самъ авторъ. Гюи де-Мопассанъ—здоровый малый, коренастый, краснощекій, съ зычнымъ голосомъ, всегда веселый, способный закружиться въ удовольствіяхъ и потомъ нѣсколько дней сряду сидѣть и читать философскія книги. Теперь онъ находится еще въ періодѣ разбрасыванья своихъ силъ,

въ особенности физическихъ; зато онъ пишетъ жизненностью. Все, что выходитъ изъ-подъ его пера,—прямой продуктъ его разносторонней натуры. Но многимъ русскимъ онъ опять не понравился бы. Иные бы даже не повѣрили, что этотъ здоровякъ и циникъ способенъ на серьезную умственную работу.

Совершенная противоположность — Юисмансъ. Русская публика уже знаетъ его. Недавно вышедшій романъ „En ménage" показалъ, на что способенъ этотъ натуралистъ-аналитикъ. Прежніе его романы слишкомъ наполнены болѣзненной старательностью въ извѣстномъ исключительномъ направленіи. Юисмансъ—истое дитя новаго Парижа, внутренно озлобленный, разъѣдающій все своимъ анализомъ, извѣрившійся, ненавидящій пошлость и разложеніе общественнаго тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ со страстью копающійся въ немъ. Еслибы не вѣрность принципу реальнаго творчества, изъ такого писателя вышелъ бы французскій Достоевскій. Но онъ пойдетъ по здоровому пути и, вѣроятно, съ каждымъ новымъ произведеніемъ все будетъ больше и больше отрѣшаться отъ излишества въ деталяхъ и въ пестромъ языкѣ, переполненномъ выраженіями изъ арго. Фигура у него сухопарая, блѣдное лицо, нервный тонъ, почти постоянно насмѣшливая діалектика. Но какъ человѣкъ, это едва ли не самый интересный изъ всей группы. Онъ уже настоящій литераторъ и по профессіи. Къ 1881 году собирался онъ выступить какъ редакторъ литературнаго журнала, но дѣло это разстроилось.

Странные замыслы романовъ Энника заставляютъ предполагать какую-нибудь эксцентричную личность. Но вы находите въ немъ парижскаго благёра, очень извѣстный типъ въ латинскомъ кварталѣ; лѣнивый въ манерѣ держать себя, въ манерѣ говорить, безъ всякихъ рѣзкостей, скептикъ по натурѣ,—онъ болѣе парижанинъ, чѣмъ всѣ остальные. Онъ служитъ секретаремъ у книгопродавца Шарпантье. Не совсѣмъ отвѣчаетъ своему литературному языку и Сеаръ, съ которымъ мы были въ Меданѣ. Языкъ у него колоритный и пріятный, съ огонькомъ и съ оригинальнымъ складомъ; а бесѣда гораздо сдержаннѣе. Зола въ печати призналъ его самымъ „уравновѣшеннымъ" изъ всѣхъ молодыхъ писателей этой группы. Сеаръ служитъ въ какомъ-то министерствѣ и отдаетъ литературѣ всѣ свои досуги. Я рѣдко видалъ такого дѣйствительно уравновѣшеннаго молодого человѣка.

Что хорошо въ этихъ послѣдователяхъ Вальзака, Флобера, Гонкура и Зола, это ихъ горячая преданность литературному творчеству, правдивое отношеніе къ жизни, отсутствіе рисовки, желаніе пользоваться каждымъ человѣческимъ фактомъ или, какъ выражается Зола, документомъ, не отправляясь въ поиски за тенденціей и разными фальшивыми украшеніями дѣйствительности. Съ ними сейчас

же почувствуешь себя гораздо бодрѣе, точно вы вступаете въ лабораторію, гдѣ выработываются хорошіе жизненные продукты. Въ ихъ маленькой натуралистической сектѣ культъ воздается однимъ и тѣмъ же авторитетамъ, я уже назвалъ ихъ сейчасъ. На Альфонса Додэ они вовсе не смотрятъ, какъ на своего человѣка. Онъ для нихъ реалистъ сантиментальнаго пошиба. И вообще они его не долюбливаютъ, считаютъ лукавымъ южаниномъ съ обманчивой симпатичностью.

Никто изъ нихъ еще не добился ни большого заработка, ни обширной извѣстности. Но они не унываютъ. Такой плотный союзъ, если онъ продержится, много значитъ. Уже и теперь у нихъ есть единомышленники между молодежью. Какъ ни увлечены всѣ политикой, какъ ни распространенъ вкусъ къ легкой или рутинной литературѣ, и въ романѣ, и въ поэзіи чувствуется уже другое дуновеніе. Походите по Латинскому кварталу или по кафе Монмартрскихъ высотъ, вы натолкнетесь на молодыхъ людей, страстно преданныхъ литературному творчеству. Стиховъ пишутъ въ Парижѣ очень много, есть уже поэты-реалисты, пошедшіе гораздо дальше, чѣмъ Ришпэнъ, свернувшій теперь въ сторону газетной дешевой работы. Я укажу на одного изъ такихъ поэтовъ, Гудо, совершенно у насъ неизвѣстнаго. Мотивы его стихотвореній сходны съ тѣми, какіе мы находимъ у Гюи де-Мопассана, но съ прибавкой злости на свою бѣдность, съ страстнымъ протестомъ во имя потребности въ наслажденіяхъ и невозможности удовлетворить имъ; вы у него найдете стихотворенія глубокаго трагизма, напримѣръ, одно, гдѣ доносятся по вѣтру разныя мелодіи изъ громаднаго водоворота ночной парижской жизни: тутъ и банкротъ, и голодающій, и покинутая дѣвушка, и уличный разбойникъ, все дышетъ смертью и самоубійствомъ. Онъ и собраніе своихъ стиховъ озаглавилъ чисто по парижски: „Les fleurs du bitume", *цвѣты асфальта*. Это не романтическій напускной трагизмъ Бодлера, а совершенно новыя ноты, часто печальныя въ глазахъ моралиста, но за-то дающія вамъ живое чувство настоящей парижской трагедіи.

Съ этимъ Гудо я познакомился на обѣдѣ, описанномъ мною, гдѣ онъ декламировалъ вслухъ цѣлую пьесу. По направленію онъ почти такой же натуралистъ, какъ и послѣдователи Зола. Но какъ типъ— рѣзко отъ нихъ отличается. Въ немъ еще вы узнаете одного изъ тѣхъ прожигателей жизни, какіе водились двадцать лѣтъ тому назадъ въ Латинскомъ кварталѣ. Цѣлый день сидитъ онъ въ caboulot— въ мелкомъ кафе, гдѣ служатъ женщины, пьетъ абсентъ, страдаетъ страшнымъ безденежьемъ. Въ немъ еще есть та рисовка, какой вы уже не найдете ни въ Сеарѣ, ни въ Юисмансѣ, ни въ Мопассанѣ,

несмотря на то, что онъ большой любитель всякихъ благъ жизни. Прозаики-натуралисты трезвѣе, проще и дѣльнѣе. Они добьются своего, будутъ отцами семействъ, сколотятъ себѣ капиталъ и купятъ, также какъ Зола, деревенскій домъ, а посѣтитель кабачковъ Латинскаго квартала очень легко можетъ окончить весьма печально.

II.

Литераторы со спорной и съ общепризнанной репутаціей.—Эдмонъ Гонкуръ.—Академики—Дюма-сынъ и Викторьенъ Сарду.—Модный полу-натуралистъ А. Додэ.—Салонъ Виктора Гюго.—Литературныя торжества.—Успѣхи и популярность Франциска Сарсэ.—Реакція въ видѣ порнографической литературы.

Люди пожилые, страстно преданные своему литературному дѣлу и призванію, такъ же сторонятся отъ политики, какъ и молодые натуралисты съ ихъ главой. Побывайте въ гостяхъ у Гонкура въ его небольшомъ изящномъ отелѣ, въ тихой загородной мѣстности Парижа. Вы найдете человѣка, ушедшаго въ свои рукописи и книги. Онъ почти совсѣмъ погребъ себя, рѣдко-рѣдко бываетъ въ центрѣ города, видится только съ литературными друзьями, любуется на массу художественныхъ вещей, которыми отдѣлалъ свой домъ. Недавно онъ даже написалъ цѣлыхъ два томика съ подробнымъ описаніемъ своего отеля. Въ такомъ литературномъ отшельникѣ, какъ Гонкуръ, можно было бы подробно изучить новую страсть развитыхъ французовъ къ „bibelots“. Гонкуръ не раздѣляетъ многихъ теоретическихъ взглядовъ Зола и его послѣдователей на романъ; но пріемы творчества у него такіе же. Надо прибавить, что и онъ теперь долженъ будетъ довольствоваться прежними наблюденіями. Онъ слишкомъ мало видитъ людей и входитъ въ ихъ жизнь. Въ мягкой формѣ, джентельменскимъ языкомъ онъ высказываетъ почти такіе же взгляды, какъ и Зола на условность и фальшивую чувствительность французскихъ писателей господствующаго лагеря. Мнѣ приводилось говорить съ нимъ и о Викторѣ Гюго, и о Дюма-сынѣ, и о другихъ корифеяхъ. Гонкуръ давно пережилъ увлеченіе романтизмомъ, но обработка формы, колоритъ его описаній и характеристикъ представляетъ собой реалистическое развитіе той прозы, которую ввелъ когда-то Шатобріанъ. Гонкура многіе упрекаютъ въ излишнемъ равнодушіи къ общественнымъ интересамъ, подозрѣваютъ въ немъ легитимиста или во всякомъ случаѣ человѣка съ сословными взглядами. Въ немъ дѣйствительно чувствуется дворянинъ, человѣкъ хорошаго общества и тона, большой охотникъ до всякихъ тонкостей ума и художественнаго чувства. Толпа, шумъ и гамъ, де-

демократическая нечистоплотность, грубость тона, пріемовъ, вульгарность идей, все это противно ему. Въ послѣдніе годы, послѣ смерти брата, ко всему этому присоединилась еще тихая грусть. Но работаетъ онъ постоянно, собираетъ матеріалъ, все также старательно и любовно отдѣлываетъ фразы, живетъ въ общеніи со множествомъ изящныхъ предметовъ. Потому Гонкуръ никогда и не имѣлъ большой популярности, да и теперь признанъ только меньшинствомъ читающей публики. Жизнь такихъ художниковъ и любителей прекраснаго навѣрно симпатичнѣе, чѣмъ шумная карьера писателей въ родѣ Дюма-сына, достигшаго теперь академическаго ореола.

При мнѣ весь модный и шумливый Парижъ, вся публика первыхъ представленій, скачекъ и салонныхъ пріемовъ гудѣла о свадьбѣ, отпразднованной Дюма-сыномъ—дочери своей, которую онъ отдалъ за какого-то парижскаго еврея. Свадьба была гражданская, въ церковь не ѣздили, въ меріи собралась масса гостей, и острили, называя его дочь лучшимъ его произведеніемъ. Я помню эту дѣвушку еще ребенкомъ; когда мнѣ случилось разъ обѣдать у теперешняго академика, то эта дѣвочка послѣ десерта была, такъ-сказать, показана своимъ отцомъ какъ „милое дитя“. Было это, сколько я помню, въ 1868 году. Тогда Дюма уже написалъ всѣ свои лучшія пьесы. Онъ не былъ еще академикомъ, но уже считался главой современнаго репертуара, безусловно царствовалъ въ театрѣ „Gymnase“, составилъ себѣ состояніе и принимался за разныя парадоксальныя темы во имя чистоты нравовъ, бичуя паразитовъ полусвѣта, съ которыми когда-то жилъ въ большомъ ладу. Недавно въ одной статьѣ „Новаго Обозрѣнія“ былъ сдѣланъ на это весьма прозрачный намекъ. Человѣкъ, до сорокалѣтняго возраста занимавшійся любовными похожденіями, вдругъ возмечталъ о себѣ, какъ о проповѣдникѣ. Эта проповѣдническая роль не пошла ему впрокъ, его пьесы, написанныя на моральныя темы, въ родѣ „La femme de Claude“ и „L'étrangère“, показываютъ почти полный упадокъ творчества. И вотъ онѣ-то и облегчили ему поступленіе въ академію. Его послѣдняя пьеса „Принцесса Багдадская“, не имѣвшая успѣха на сценѣ „Французской Комедіи“, даже критику, не признающую натурализма, заставила высказать академику нѣсколько непріятныхъ истинъ. И книга его о разводѣ, гдѣ онъ, по французской поговоркѣ, опять „перевернулъ кафтанъ“ и является защитникомъ женщины, и недавняя брошюра „Les femmes qui tuent et les femmes qui votent“, разошедшаяся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ:—все это продукты неуравновѣшеннаго ума, большого литературнаго самомнѣнія, натуры, влюбленной въ себя, въ свой блескъ и стиль, дилеттанта морали и парадоксальной діалектики, которую авторъ считаетъ серьёзнымъ мышле-

ніемъ и чуть не гражданскимъ подвигомъ. Контрастъ съ писателями въ родѣ Гонкуровъ—поразительный. Пройдетъ двадцать-тридцать лѣтъ, и пьесы Дюма, за исключеніемъ двухъ-трехъ, нельзя будетъ ни смотрѣть, ни читать, а романы Гонкура останутся художественными документами, гдѣ психологія новой французской жизни была разработана съ такимъ совершенствомъ точности и писательскаго изящества.

Тоже произошло и съ Сарду. У него было всегда больше бойкой наблюдательности, чѣмъ у Дюма-сына, онъ не задавался такъ разными темами и тенденціозными задачами, но за то и не шелъ далѣе скрибовской формулы, комедіи интриги съ цѣлой галлереей типиковъ и портретцовъ. Разница въ томъ, что Дюма съ лѣтами клонится все больше къ освободительнымъ идеямъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ женской эмансипаціи, а Сарду никогда не былъ свободнымъ мыслителемъ, а съ войны впалъ и совсѣмъ въ реакцію, сдѣлался спиритомъ и консервативнымъ моралистомъ. Но тотъ, кто не видалъ его „Даніэля Роша" въ Парижѣ, въ игрѣ тамошнихъ актеровъ и съ тамошней залой, не можетъ понять, до какой степени всѣ тирады автора, направленныя противъ свободныхъ мыслителей, оказываются глупыми и выгодными для тѣхъ, кого желаетъ поражать авторъ. Я въ этомъ лично убѣдился. Чѣмъ горячѣе тирада, вложенная авторомъ въ защиту своихъ идеаловъ, тѣмъ она оказывается банальнѣе и смѣшнѣе. Я нахожу просто, что „Даніэль Роша", хотя и былъ освистанъ на первомъ представленіи,—положительно полезная пьеса для пропаганды анти-клерикальныхъ идей.

Эти два имени, Дюма и Сарду, даютъ поводъ вспомнить о французской академіи. Она теперь уже не такое исключительное гнѣздо орлеанизма, какъ прежде; но все-таки въ ней далеко не господствуетъ двигательный республиканскій духъ, она освобождается не много въ чисто-литературномъ смыслѣ, да и то не особенно. Событіемъ было то, что она приняла въ число сорока безсмертныхъ простого водевилиста Лабиша, послѣ изданія полнаго собранія его водевилей. Ратовалъ за него всего сильнѣе Эмиль Ожье, что дѣлаетъ ему честь. Но припомнимъ, что такой талантливый новаторъ, какъ Флоберъ, до самой смерти не удостоился званія академика, да и не былъ бы признанъ, проживи онъ сотню лѣтъ. Также вѣроятно, что и Гонкуръ умретъ не академикомъ; а ему уже теперь шестьдесятъ лѣтъ. Скорѣе пройдетъ Альфонсъ Додэ.

Про этого моднаго и чувствительнаго натуралиста мнѣ уже приходилось говорить въ печати. Онъ живетъ также какъ и Гонкуръ, и Зола, и всѣ истые писатели — поглощенный своей работой. Въ послѣдній пріѣздъ, когда я зашелъ къ нему, онъ принималъ меня

въ городской квартирѣ, куда являлся два раза въ недѣлю, а жилъ на дачѣ. Въ это время онъ кончалъ свой романъ, гдѣ героемъ является южанинъ, желающій завоевать себѣ Парижъ. Онъ мнѣ разсказывалъ про замыселъ романа, про его детали, передалъ мнѣ въ подробностяхъ манеру или, лучше сказать, систему своего писанья. Онъ пишетъ не такъ, какъ Зола, не довольствуется наполненіемъ своихъ трехъ листковъ въ день послѣ того, какъ матеріалы были собраны и задуманъ въ общихъ чертахъ планъ.

— Я пишу томительно (péniblement),—какъ онъ выразился,—очень много работаю надъ формой и, по крайней мѣрѣ, два раза переписываю весь романъ заново. А сначала, послѣ собранія матеріаловъ, я запишу въ небольшой книжкѣ весь романъ по главамъ, въ видѣ конспекта, но такого, по которому можно было бы сейчасъ всякому опытному романисту писать безъ малѣйшаго затрудненія; тутъ есть и характеристики, и сцены, и подробности обстановки, лицъ, и психологическаго анализа.

Онъ самъ сознавался, что въ послѣднее время работа сильно подкосила его здоровье. Я нашелъ, что онъ сталъ блѣднѣе и говоритъ болѣе слабымъ голосомъ, но все еще также красивъ и моложавъ.

— Когда я кончалъ мои „Les rois en exil",—сообщилъ онъ мнѣ между прочимъ,—случалось работать часовъ по восемнадцати, по двадцати сряду; со мною дѣлались обмороки и раза два кровь шла горломъ.

Пускай читатель припомнитъ, что про Альфонса Додэ толкуютъ молодые натуралисты. Онъ южанинъ, у котораго воображеніе всегда дѣйствуетъ, но врядъ ли много преувеличенія въ томъ, что онъ говоритъ про свою работу. Писатель онъ—страстно преданный своему дѣлу. И въ 1878 году, когда я въ первый разъ былъ у него, и два года спустя, онъ не переставалъ повторять, что для собиранія матеріаловъ, для знакомства съ подлинными документами, то-есть съ лицами, комнатами, всякими деталями обстановки, онъ готовъ пройти черезъ какія угодно непріятности, даже „униженія", какъ онъ выразился, Поэтому все, что у него есть въ романахъ изъ какой бы то ни было жизни, онъ самъ видѣлъ и осязалъ. Для романа „Les rois en exil" ему понадобились такія вещи, какія можно добыть только послѣ большихъ поисковъ. Онъ былъ у разныхъ развѣнчанныхъ особъ. Одинъ изъ министровъ Макъ-Магона давалъ ему копію съ акта отреченія испанской королевы. И когда слушаешь его, то легко вѣрится, что такой романистъ проникаетъ всюду, рискуя даже, что потомъ его знакомые перестанутъ съ нимъ кланяться и онъ наживетъ себѣ массу разныхъ объясненій, протестовъ, оскорбительныхъ писемъ, что и случилось уже съ нимъ послѣ „Набаба".

Альфонсъ Додэ горько жаловался мнѣ на театральный фельетонъ, который онъ все еще ведетъ въ оффиціозной газетѣ. Онъ не можетъ такъ распредѣлять свою работу, какъ Эмиль Зола, у него не такая натура. Когда приходитъ день писать фельетонъ, онъ чувствуетъ почти отвращеніе. Объясняется это легко. Вести срочную работу рядомъ съ творческимъ трудомъ можно только тогда сколько-нибудь сочувственно и горячо, когда писатель ратуетъ во имя дорогихъ ему идей, употребляетъ этотъ фельетонъ орудіемъ въ борьбѣ съ тѣмъ старьемъ, какое желалъ бы вывести изъ литературы или театра. Такъ и поступаетъ Зола. А у Альфонса Додэ это простая обязанность, лишній заработокъ. Онъ пишетъ не какъ боецъ, а какъ стилистъ. Самъ онъ долго ставилъ пьесы въ романтическомъ родѣ и, какъ драматургъ, не могъ добиться успѣха вплоть до́ передѣлки его пьесы „Fromont jeune et Risler aîné". Онъ желаетъ быть со всѣми въ ладу, говоритъ пріятности и автору, и актерамъ.

Но онъ или другой, борецъ или человѣкъ рутины, каждый литераторъ въ Парижѣ, желающій, чтобы объ немъ говорили или читали его до тѣхъ поръ, пока не составитъ себѣ большой ренты, долженъ страшно работать. Вотъ эта-то черта и даетъ чувствовать, какъ сильно здѣсь мозговое напряженіе, сколько расходуется творческихъ силъ. Да и восьмидесяти-лѣтній старикъ Гюго при всемъ томъ, что онъ составилъ себѣ многомилліонный капиталъ, продолжаетъ все также работать, какъ двадцать пять - тридцать лѣтъ тому назадъ. Недавно Эмиль де - Жирарденъ, умершій семидесяти-девяти лѣтъ, оставилъ двадцать милліоновъ и еще наканунѣ смерти справлялъ свои редакторскія обязанности, и за недѣлю до того писалъ горячія передовыя статьи.

Законно возмущаться иногда слишкомъ большимъ подкуриваньемъ поэту - солнцу, тому же самому Виктору Гюго; позволительно ратовать противъ запоздалаго романтизма, трезво разбирать самые знаменитые романы и драмы бывшаго джерсейскаго изгнанника, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не засвидѣтельствовать того факта, что только во Франціи и въ Парижѣ, именно въ Парижѣ, можетъ писатель сдѣлаться до такой степени національнымъ достояніемъ, предметомъ всенароднаго культа, какъ сдѣлался Викторъ Гюго.

Салонъ Виктора Гюго —мѣсто постояннаго богопочитанія поэта. Туда ходятъ, кромѣ его вѣрныхъ поклонниковъ и всѣхъ оставшихся въ живыхъ романтиковъ, и молодые люди, желающіе пробиться, и пожилые политическіе дѣятели изъ республиканской лѣвой. Тамъ каждый день накрытъ столъ человѣкъ на двадцать и больше, и каждый вечеръ хозяинъ принимаетъ. Тамъ-то всего болѣе презираютъ или игнорируютъ натуралистическое направленіе въ романѣ, что́

совершенно понятно. Викторомъ Гюго пользуются теперь, какъ когда-то на купеческихъ свадьбахъ пользовались генераломъ съ лентой черезъ плечо. „Общество писателей", образовавшее международную коммиссію для защиты авторскихъ правъ, стало подъ эгиду его имени. Всякое торжество литературнаго характера непремѣнно связано съ культомъ Виктора Гюго. Эти торжества, сказать правду, носятъ на себѣ довольно-таки устарѣлый, выцвѣтшій характеръ. Попадете ли вы на пріемъ новаго члена во французскую академію или на какую-нибудь matinée littéraire, вы увидите и услышите все то же. Бюро будетъ состоять изъ людей отживающихъ, будутъ произноситься фразистыя рѣчи, читаться стихотворенія съ романтическимъ пошибомъ, все будетъ отзываться взаимнымъ восхваленіемъ и сладковатымъ оптимизмомъ.

Попалъ я, напримѣръ, на торжество въ память годовщины португальскаго поэта Камоэнса. Этотъ литературный праздникъ устроилъ португальскій посланникъ, значащійся фактическимъ президентомъ международной литераторской коммиссіи. Такая matinée littéraire можетъ служить типомъ цѣлаго десятка другихъ. Была тутъ и духовая музыка республиканской стражи, произносились спичи въ родѣ тѣхъ, какіе произносятся на банкетахъ, актеръ „Французской Комедіи" Муне-Сюлли декламировалъ отрывокъ изъ „Лузіады" Камоэнса. Публика всему похлопала; а свѣжій человѣкъ, конечно, не вынесъ ничего изъ такого празднества, кромѣ смутной идеи международнаго литературнаго общенія.

Писатели-натуралисты правы, требуя, чтобы теперешній литературный міръ освободился отъ своего кумовства, чтобы онъ не поблажалъ бульварнымъ вкусамъ публики, не превращалъ себя въ ремесленниковъ. Но эти требованія останутся до тѣхъ поръ пустымъ звукомъ, пока не произойдетъ поворота въ самыхъ идеахъ и пріемахъ. Стоитъ только побывать въ одномъ изъ кафе пассажа Жуффруá, гдѣ собираются обыкновенно члены „общества писателей", чтобы убѣдиться, какъ матеріальный вопросъ, заработокъ, преобладаетъ надъ всѣмъ и какъ громадность конкурренціи, необходимость строчить по нѣскольку часовъ въ день мѣшаетъ романистамъ и драматургамъ, а еще болѣе фельетонистамъ и хроникерамъ разрабатывать свой собственный мозгъ, читать побольше, вбирать въ себя свѣжія идеи. Читать рѣшительно некогда парижскому литератору по профессіи. Его день раздѣленъ на двѣ части. Вечеромъ онъ не работаетъ или только прочитываетъ корректуры. Если у него нѣтъ крупнаго творческаго таланта, или онъ не желаетъ идти по новому пути реалистической работы, онъ долженъ непремѣнно гоняться за чѣмъ-нибудь, что̀ носится въ воздухѣ бульвара. Потому-то вы и

видите, что теперь все больше и больше появляется романовъ и пьесъ съ репортерскимъ оттѣнкомъ. Даже французскіе критики стараго лагеря обратили на это вниманіе. Репортерство рѣшительно овладѣваетъ всѣмъ. Но его не нужно смѣшивать съ пріемами хорошихъ писателей-натуралистовъ. Тѣ изучаютъ все живьемъ, въ натурѣ, но не дѣлаютъ новизны своей цѣлью; они не пишутъ романовъ и комедій затѣмъ только, чтобы посѣтители первыхъ представленій и читатели фельетонныхъ романовъ сейчасъ узнали, кто это такое, какую даму полусвѣта изображаетъ авторъ и на какія модныя вещи онъ откликается.

Понятно, что у большинства такихъ илотовъ литературнаго ремесла является большое равнодушіе не только къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, но и къ своему дѣлу. Всего больше находилъ я это у театральныхъ критиковъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ людей, убѣжденныхъ и страстно преданныхъ театру. Въ главѣ критиковъ стараго лагеря стоитъ Франциекъ Сарсэ. Онъ—не въ счетъ. Пишетъ онъ уже двадцать лѣтъ о театрѣ, работаетъ ужасно много, каждый день долженъ приготовить статью для газеты „XIX-ème Siècle“ и каждый день ходить на какой-нибудь спектакль, и все-таки у него сохранилось еще много энергіи, бойкости, часто юмора, хотя и грубоватаго, а главное, искренней преданности театру, драматической литературѣ, актерамъ, молодымъ дебютантамъ, тѣмъ идеямъ или, если хотите, идейкамъ, какія ему дороги.

Это объясняется также и его натурой. Онъ — довольный своей судьбой толстякъ. Всѣ его считаютъ какъ бы фельдмаршаломъ театральныхъ рецензентовъ. Заработываетъ онъ очень большія деньги и какъ сотрудникъ двухъ газетъ, и какъ пайщикъ одной изъ нихъ. Живетъ холостякомъ, ѣстъ хорошо, любитъ общество веселыхъ женщинъ, всегда у него найдешь за завтракомъ актрисъ и молодыхъ людей. На ежемѣсячномъ обѣдѣ театральныхъ рецензентовъ Сарсэ самый живой человѣкъ. Меня пригласили на одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Въ этотъ вечеръ шла новая пьеса на одномъ изъ бульварныхъ театровъ, и Сарсэ, совершенно какъ начинающій репортеръ, волновался, чтобы поскорѣе все подавали (онъ былъ и распорядителемъ этихъ обѣдовъ). Въ восемь часовъ онъ всталъ и уѣхалъ, желая непремѣнно попасть къ поднятію занавѣса, а пьеса была самая заурядная, какъ я послѣ узналъ. Но другіе рецензенты, когда я съ ними разговорился, далеко не отличались такой преданностью дѣлу. Имъ постоянное хожденіе въ театръ и теперешняя манера газетъ (къ сожалѣнію, и нашихъ) давать отчеты о спектакляхъ на другой же день, набили порядочную оскомину. Всѣ они, не исключая и Сарсэ, сидятъ на скрибовской практикѣ театра, то-есть ставятъ выше всего занимательность,

сценическую бойкость пьесъ, проповѣдують теорію *дара*, то-есть спеціальную способность быть драматургомъ. И въ ихъ среду проникло репортерство и овладѣло многими ежедневными листками. Только въ Парижѣ вы увидите, чтобы журналисты докладывали такъ изо дня въ день о всѣхъ новыхъ туалетахъ актрисъ, о томъ, какъ онѣ были причесаны и кто сидѣлъ въ ложахъ, съ переименованіемъ всѣхъ дамъ полусвѣта. Это уже прямое наслѣдіе эпохи второй имперіи. Жалко даже смотрѣть на такихъ молодыхъ людей, занимающихся театральнымъ репортерствомъ. У нихъ не ищите ни художественныхъ принциповъ, ни смѣлости. Они поддерживаютъ только успѣхъ, бранятъ или восхваляютъ, смотря по тому, куда пошло одобреніе или неодобреніе толпы. Всѣ они—рабы публики, первыхъ представленій и скачекъ, пріятели и куновья безчисленныхъ грѣшницъ парижскаго театральнаго и галантнаго міра.

Не надо быть справедливымъ. Лучшіе рецензенты стараго лагеря сдѣлали многое для критики. Тотъ же Францискъ Сарсэ внесъ въ свои рецензіи здравый смыслъ, сочувствіе къ болѣе смѣлому изображенію жизни. Лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ по своему говорилъ тоже самое, что̀ теперь въ болѣе рѣзкой формѣ говоритъ его принципіальный соперникъ, Эмиль Зола. Но и онъ держится, какъ и прочіе критики, профессіональныхъ взглядовъ на театръ, открещивается отъ новаго реализма, хвалитъ часто устарѣлыя формы, не освободился отъ преклоненія передъ драмами Гюго, слишкомъ много придаетъ значенія такъ-называемому театральному дару, довольствуется почти всегда тѣмъ, чѣмъ довольствуется и первый попавшійся буржуа, если онъ безъ скуки провелъ вечеръ. Сарсэ и два-три другихъ рецензента покрупнѣе позволяютъ себѣ иногда дѣлать замѣчанія знаменитостямъ драматургіи, но всѣ ихъ совѣты ограничиваются скорѣе подробностями. Они не идутъ въ глубь вопросовъ, не считаютъ нужнымъ разслѣдовать, не настала ли уже такая минута, когда теперешнему французскому театру нужно покончить съ прежними пріемами, освободиться отъ условности, заѣдающей всѣхъ, расширить свою наблюдательность, не бояться публики и ея щепетильности? Съ публикой вообще слишкомъ заигрываютъ всѣ теперешніе писатели въ романѣ и въ фельетонѣ, и на сценѣ. А призывы новаго искусства—въ этомъ нельзя не сознаться—къ болѣе живой связи между театромъ и обществомъ и раздаются только изъ устъ Зола и очень немногихъ его сторонниковъ. Борьба пока не ровная,—противъ всего персонала парижской критики какой-нибудь одинъ или два голоса. Но въ извѣстныхъ случаяхъ оба лагеря говорятъ почти-что одно и тоже. Къ такимъ случаямъ принадлежитъ и пріемъ послѣдней пьесы Дюма-сына. И критики старой школы съ Францискомъ Сарсэ

во главѣ находятъ, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, почти то же самое, что̀ сказалъ бы и самый заклятой врагъ той условной сценической литературы, какая держится еще на лучшихъ парижскихъ сценахъ, то-есть, что Дюма-сынъ написалъ старую мелодраму и вставилъ ее въ разговоры свѣтскаго оттѣнка.

Безъ успѣха въ Парижѣ, да и нигдѣ, нельзя ни двигаться впередъ, ни отстаивать свои позиціи. Зола добился сотаго изданія своей „Нана“. Францискъ Сарсэ получилъ громадную популярность у всѣхъ „вольтерьянцевъ“, у всѣхъ либеральныхъ буржуа, у людей, которымъ дорого было въ пятидесятыхъ годахъ многое изъ того, что̀ преслѣдовалось при Бонапартѣ. И вотъ онъ своими ежедневными легкими передовыми статьями, большей частью по вопросу о клерикалахъ, своимъ здравымъ смысломъ и привычкой къ нѣкоторому учительству, вынесенному изъ Нормальной школы, сдѣлалъ то, что газета „XIX-ème Siècle“ даетъ чуть не 100% дивиденда. Въ главѣ ея, какъ редакторъ, стоитъ Эдмонъ-Абу, товарищъ и пріятель Сарсэ —типъ писателя съ генеральскими наклонностями, ловко перешедшій въ лагерь умѣреннаго республиканства, противникъ натуралистической школы, адъютантъ Виктора Гюго во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, будущій академикъ, депутатъ и сенаторъ, человѣкъ, имѣющій салонъ, гдѣ бываютъ министры и посланники. Абу и Сарсэ и весь циклъ драматурговъ, романистовъ, поэтовъ, живущихъ смѣсью романтическихъ пріемовъ и нѣкотораго свободомыслія—вотъ торжествующій лагерь. Но онъ уже сильно подкапывается новыми теченіями и, какъ всегда это бываетъ, рядомъ съ переворотомъ начинаютъ дѣйствовать и никѣмъ не прошенные enfants terribles, являются даже симптомы патологическаго свойства, какъ, напримѣръ, взрывъ такъ-называемой *порнографической* литературы, происшедшій въ недавнее время. Что-то не ладно, надо тѣмъ, кто стоитъ на высотахъ, уступить или обратить свою учительскую строгость не на серьёзныхъ писателей-натуралистовъ, а на всю ту фельетонную, репортерскую и лживо-сантиментальную шумиху, которой питается сытый, элегантный Парижъ.

III.

Театръ.—Его всемірное вліяніе.—Финансовыя дѣла „Французской Комедіи“. — Уровень искусства.—Упадокъ трагической игры.—Протесты натуралистовъ.—Жанровые театры.—Легкія приманки.—Куда идутъ вкусы?—Развитіе хорошей музыки.—Даровое зрѣлище: бульвары вечеромъ.

Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ, какъ французскія театральныя зрѣлища даютъ толчокъ всѣмъ западнымъ сценамъ. Въ это время

въ другихъ странахъ являлись самобытныя дарованія; отдѣльныя расы и національности создавали свою драматургію, въ томъ числѣ и наша. Но все-таки Парижъ не терялъ своего первенствующаго значенія. Онъ—всемірный городъ театровъ. Безъ нихъ онъ положительно немыслимъ, и не одни парижане поддерживаютъ его громадную театральную производительность, если хотите, промышленность. На одну треть міръ этотъ живетъ иностранцами. Попадая въ Парижъ къ концу сезона нельзя не застать представленія какой-нибудь пьесы, надѣлавшей шуму, въ одномъ изъ лучшихъ парижскихъ театровъ. И вся читающая Европа уже знаетъ эту пьесу и въ переводахъ, и въ фельетонахъ, она успѣла быть поставленной и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, и во Флоренціи. Если даже она и не имѣла успѣха, а то и просто была освистана, но дали ее на такомъ театрѣ, какъ „Французская Комедія", то она все-таки идетъ своимъ ходомъ, возбуждаетъ толки, печатается въ цѣломъ рядѣ изданій.

Въ послѣднемъ сезонѣ такая судьба постигла „Принцессу Багдадскую" Дюма-сына и „Le monde où l'on s'ennuie" Пальерона. Театральное дѣло по размѣрамъ достигло значенія огромной индустріи. Можетъ быть, театру, какъ свободному промыслу, вторая имперія принесла всего больше пользы; при Наполеонѣ III освободилась и частная предпріимчивость, рухнула привиллегія, обособились различные роды зрѣлищъ, родилось нѣсколько новыхъ крупныхъ и мелкихъ парижскихъ театровъ. Городъ Парижъ построилъ три большихъ театральныхъ зданія и сталъ давать ихъ антрепренерамъ. „Французская Комедія" также начала гораздо больше процвѣтать, если не по размѣрамъ талантовъ, то по своимъ сборамъ. Послѣ войны и коммуны, съ перемѣной директора, дѣла „Французской Комедіи" пошли еще лучше. Тутъ просто сказалось накопленіе денегъ. Прежде буржуа былъ очень скупенекъ на зрѣлища. Теперь ѣздить во „Французскую Комедію" сдѣлалось всеобщей модой, признакомъ порядочности. Въ тридцатыхъ годахъ, когда начинала Рашель, въ особенности весной и лѣтомъ, „Французская Комедія" давала иногда до трехсотъ франковъ сбора. Теперь же у ней каждый вечеръ полный сборъ. Цифра *семь тысячъ франковъ* сдѣлалась для нея какъ бы обязательной. И европейская ея извѣстность поднялась еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ она въ полномъ своемъ составѣ побывала въ Лондонѣ въ 1879 году: и тамъ она дѣлала максимумъ сборовъ, заработала большія деньги, удивляла и англійскую критику, и массу публики разнообразіемъ репертуара, необыкновеннымъ ансамблемъ и количествомъ даровитыхъ актеровъ и актрисъ. Это путешествіе было настоящимъ торжествомъ, художественной экспедиціей въ страну

болѣе варварскую по части театральнаго искусства. Вмѣстѣ съ труппой ѣздилъ и критикъ, считающійся первымъ въ Парижѣ, Франциско Сарсэ. Въ Лондонѣ прогремѣла и Сара Бернаръ, уже нѣсколько лѣтъ занимавшая исключительное положеніе въ труппѣ. Она тамъ необычайно понравилась; англичане приходили въ неистовый восторгъ отъ ея женственности, дикціи, страстности и „прозрачности", какъ выражался одинъ критикъ. Поѣздка въ Лондонъ и усилила артистическое тщеславіе Сары Бернаръ до такой степени, что она рассорилась съ „Комедіей", заплатила огромную неустойку и отправилась въ Америку наживать милліоны, какъ ея единоплеменница, Рашель, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Блестящія дѣла „Французской Комедіи" прикрываютъ, однако, ложную систему, противъ которой не только революціонеры искусства, въ родѣ Зола, но и такіе критики, какъ Сарсэ, возстаютъ все больше и больше. Директоръ Перренъ, разъ задавшись денежнымъ идеаломъ, максимумомъ сбора въ семь тысячъ франковъ, дѣйствуетъ, какъ ловкій промышленникъ, а не какъ человѣкъ, для котораго выше всего искусство. „Французская Комедія" получаетъ большую государственную субсидію, потому она и должна бы быть равнодушна къ вопросу сборовъ. И безъ того ея общники (сосіетеры) могутъ получать очень хорошее вознагражденіе. Теперь же пьесу, поставленную заново, если она только окончательно не провалится, даютъ безъ перерыва по нѣскольку разъ въ недѣлю. Для стараго репертуара остается всего одинъ день. Истощаютъ силы актеровъ и актрисъ, любимыхъ публикой, не давая хода молодымъ. А между тѣмъ ученики консерваторіи, вышедшіе съ наградой, имѣютъ право на поступленіе въ труппу „Французской Комедіи". Они бездѣйствуютъ, не проходятъ никакой школы. Любимцы же публики старѣютъ и замѣнить ихъ некому. Эта система скажется непремѣнно паденіемъ сцены черезъ какихъ-нибудь пять-десять лѣтъ.

Не особенно выгодно для развитія драматической литературы первой французской сцены и то, что „Французская Комедія" сдѣлалась сборищемъ такой же публики, какая посѣщаетъ пріемы въ академіи. Эта публика слишкомъ чопорна, консервативныхъ политическихъ мнѣній. Съ такой публикой первый французскій театръ врядъ ли придетъ въ органическую прямую связь съ новыми элементами общества. И молодыхъ авторовъ боится теперешній директоръ. Онъ не даетъ имъ хода. Если у него нѣтъ подъ рукой новой пьесы, написанной какой-нибудь знаменитостью, то онъ возобновляетъ вещи академика Дюма, давно шедшія на другихъ театрахъ. Труппа и въ настоящемъ своемъ составѣ еще прекрасная, но только для комедіи, трагедію играютъ какъ бы для очистки совѣсти. Мнѣ

пришлось быть на праздновании годовщины Корнеля. Давали „Сида". Главную роль игралъ нашъ петербургскій Вормсъ. Одно это показываетъ, что въ труппѣ нѣтъ болѣе крупныхъ силъ на трагедію. И другой, болѣе молодой исполнитель Муне Сюлли, съ хорошими внѣшними средствами—далеко не первоклассный артистъ. Манера читать стихи и держать себя въ трагедіи и сильной драмѣ не измѣнилась къ лучшему. Она все также рутинна. Въ консерваторіи учатъ по прежнему условной пѣвучей декламаціи, и вообще за послѣднія десять лѣтъ сравнительно мало новыхъ талантовъ. Не насчитаешь и пяти-шести молодыхъ актеровъ и актрисъ изъ окончившихъ курсъ въ консерваторіи—составившихъ себѣ за это время хорошую репутацію.

Оригинальности вы больше найдете на жанровыхъ, бульварныхъ сценахъ, въ пьесахъ натуралистическаго стиля, въ драмахъ, какія передѣлываются изъ романовъ Зола. На театрѣ „Ambigu" появился своеобразный натуралистическій актеръ, Жиль Наза; но онъ не ученикъ консерваторіи, это самородокъ изъ любителей, какъ слышно, даже бывшій рабочій. А между тѣмъ менѣе рутинная доля публики цѣнитъ гораздо больше, чѣмъ прежде, хорошую простоту. Многіе изъ любителей театра говорили мнѣ, что актеры, игравшіе долго въ Петербургѣ, какъ напримѣръ, Дюпюи и Дьёдоне́, возвращаются съ гораздо бо́льшей художественной простотой. На лучшихъ двухъ жанровыхъ сценахъ въ „Gymnase" и „Водевилѣ" все тѣ же актеры, прибавился только нашъ Дюпюи, занявшій очень высокое положеніе въ парижскомъ актерскомъ мірѣ; ему давно мѣсто во „Французской Комедіи", также какъ и г-жѣ Паска. Эти обѣ сцены не живутъ уже такой интенсивной творческой жизнью, какъ лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ. „Gymnase" только съ прошлаго года сталъ опять бойчѣе подъ новой дирекціей. Монтиньи, создавшій его, окончилъ свою карьеру почти-что разореніемъ. Въ послѣдніе два-три года сцена эта положительно прозябала. „Водевиль" оживился, имѣлъ нѣсколько успѣховъ, но все-таки онъ уже не то, чѣмъ былъ въ старомъ помѣщеніи противъ Биржи, гдѣ ставились лучшія вещи Сарду и Барьера. Причина опять ясная: самый родъ репертуара выдохся. Надо искать другихъ путей. Должна явиться новая драматическая литература, а съ ней явятся и новые исполнители. Даже „Пале-Рояль" въ сущности падаетъ. Лабишъ сдѣлалъ свое дѣло. Форма водевиля истрепалась. Рѣзкій комизмъ, граничащій съ каррикатурой, тоже долженъ превратиться въ болѣе содержательную и смѣлую общественную сатиру. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и отъ прежней труппы „Пале-Рояля" никого не останется.

Парижскіе рецензенты ахаютъ, говорятъ, что всѣмъ овладѣлъ

кафе-шантанъ, что искусство неминуемо должно падать отъ захвата чувственныхъ зрѣлищъ. Врядъ ли это серьезныя сѣтованія. Первый примѣръ— таже „Французская Комедія", которая никогда не давала такихъ сборовъ; второй—бульварные театры въ родѣ „Ambigu", куда весь Парижъ ходилъ смотрѣть на „Assommoir", на двѣ-три пьесы, болѣе живыя и характерныя, чѣмъ мелодрама стараго фасона. Покойниковъ вообще нельзя воскрешать. И навѣрно новая дирекція театра „Gaité" съ подновленными драмами Гюго лопнетъ или должна будетъ перемѣнить характеръ зрѣлищъ. Еслибы масса была до такой степени предана однимъ чувственнымъ или фривольнымъ ощущеніямъ, почему же на нашихъ глазахъ въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ до такой степени сдѣлалась популярной серьёзная, хорошая музыка? Прежде, то-есть въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, одинъ только Паделу давалъ по воскресеньямъ общедоступные концерты классической музыки въ императорскомъ циркѣ. На это смотрѣли, какъ на нововведеніе, какъ на вторженіе нѣмецкаго вкуса. Но хорошая музыка до такой степени привилась, что теперь уже весь зимній сезонъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, даютъ общедоступные концерты. Парижъ сдѣлался такъ музыкаленъ, что въ залѣ „Трокадеро", въ пользу того самаго Паделу, давали музыкальный праздникъ, гдѣ каждый номеръ исполнялся подъ управленіемъ композитора; ихъ было до десяти человѣкъ, и все французы. Публики собралось нѣсколько тысячъ и даже по большимъ цѣнамъ. Тоже самое мы видимъ и въ пластическихъ искусствахъ, о чемъ я уже говорилъ.

Такъ почему же бы парижанамъ не поддерживать и хорошихъ зрѣлищъ? Авторы сами слишкомъ боятся новизны. Они привыкли поблажать публикѣ, ставятъ себя въ слишкомъ рабскія отношенія къ зрителямъ *первыхъ представленій*. Это такъ называемый „весь Парижъ". Онъ остается одинъ и тотъ же. Еслибы какой-нибудь парижанинъ провелъ въ летаргическомъ снѣ цѣлое десятилѣтіе, то очутившись на первомъ представленіи во „Французской Комедіи", въ „Gymnase" и „Водевилѣ", онъ думалъ бы, что продолжается все та же вторая имперія. Вотъ этотъ-то бенефисный людъ, выражаясь по нашему, состоящій изъ свѣтскихъ женщинъ, кокотокъ, клубныхъ игроковъ, спортсменовъ, журналистовъ и репортеровъ,—запугиваетъ директоровъ и авторовъ. Но и онъ долженъ подчиняться таланту, уму, наблюдательности, драматической силѣ. Пьеса, не имѣвшая успѣха, при хорошей игрѣ все-таки поддерживается на цѣлыхъ сто представленій, что̀ мы и видимъ во „Французской Комедіи" вотъ уже второй годъ.

Кто знаетъ Парижъ уже по крайней мѣрѣ пятнадцать лѣтъ, дол-

женъ согласиться съ тѣмъ, что циническія приманки, зрѣлища и фривольная чувственная музыка вовсе теперь не въ бóльшемъ развитіи, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ при второй имперіи. Тогда—припомните только выставку 1867 года—первой приманкой была Шнейдеръ и театръ „Variétés". Оффенбахъ царствовалъ безусловно, все было окрашено опереточнымъ колоритомъ, все подпрыгивало подъ звуки канкана. Опереточные театры существуютъ и теперь. Они даже развились и въ числѣ, и въ музыкальной силѣ, и въ обстановкѣ; но Лекокъ и его послѣдователи измѣнили характеръ оперетки, по моему, къ худшему. Они стали писать въ стилѣ комической оперы. Публика опереточныхъ театровъ увеличилась. Буржуа уже могли возить своихъ женъ и дочерей, потому что содержаніе опереток стало почище, но вмѣстѣ съ тѣмъ и побезцвѣтнѣе, съ прибавкой условной сантиментальности. Не скажу я, чтобы и феерія, представляемыя въ „Шатлэ", съ балетами и выставкой женщинъ, были теперь распущеннѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ. Правда, весь Парижъ бѣгалъ смотрѣть на балетъ, вставленный въ старую, десятки разъ возобновленную феерію „Les pilules du diable"—смотрѣть, какъ пріѣзжая англійская танцовщица летаетъ по воздуху на невидимой проволокѣ. Ее прозвали la mouche d'or. Балетъ блистательный по необыкновенной роскоши обстановки, но онъ гораздо скромнѣе по чувственнымъ приманкамъ, чѣмъ то, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ подносилось публикѣ въ феерiяхъ „Шатлэ" и „Porte St.-Martin.

Да и что же удивляться, что въ такомъ громадномъ пріемникѣ труда и заработка, какъ Парижъ, есть каждый вечеръ десятки тысячъ людей, способныхъ истратить по нѣскольку франковъ, чтобы отдохнуть немного и мышцами, и мускулами отъ дневного труда? Вѣдь даже и феерія, забавляя своими превращеніями, балетами, декораціями, все-таки развиваютъ въ массѣ потребность въ чувствѣ изящнаго. Остальное—дѣло авторовъ и директоровъ. Дошли же въ Италіи до того, что ставятъ балеты на всевозможныя серьёзныя темы, изображаютъ цѣлыя исторіи открытій и политической борьбы. Передѣлки книгъ Жюля Верна—уже приближеніе къ такой реформѣ. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, и пьесы, и роскошныя зрѣлища будутъ тѣшить не одно только праздное любопытство и скучающую чувственность, а дадутъ легкую работу и высшимъ душевнымъ способностямъ.

Несомнѣнно также и то, что кафе-шантановъ теперь въ Парижѣ хоть и „видимо не видимо" (какъ любятъ у насъ выражаться), а въ сущности столько, сколько вытекаетъ изъ потребностей населенія разныхъ кварталовъ, все столько же, сколько и прежде, то-есть хорошихъ—два-три. А на остальные надо смотрѣть, какъ на мѣсто

отдыха для мелкихъ чиновниковъ, лавочниковъ и рабочихъ. Лучше ходить въ кафе-шантанъ, чѣмъ въ кабакъ; что тамъ поется всякій безсмысленный вздоръ, что дѣло сводится къ гримасничанью и къ выкрикиванью нелѣпыхъ припѣвовъ, то опять-таки виновата тутъ не публика. Можно было и для нея работать людямъ съ нѣкоторымъ дарованіемъ. Гораздо лучше писать хорошіе куплеты для кафе-шантана и получать за это немалый гонораръ, чѣмъ прозябать въ разныхъ трущобахъ латинскаго квартала въ званіи непризнаннаго поэта. Но и въ плохенькихъ и въ хорошихъ кафе-шантанахъ прежній канканный характеръ вовсе не такъ уже преобладаетъ. Даются маленькія сценки, оперетки, въ большомъ ходу сцены подражательныя, комическіе монологи, каррикатуры не только на различные уличные типы, но и на извѣстныя личности. Выходитъ, напримѣръ, на эстраду актеръ и, перемѣняя парики, изображаетъ то поэта-солнце, старца въ родѣ Виктора Гюго, и декламируетъ оду или прозаическій отрывокъ съ громкими трескучими фразами, или является въ видѣ главы натурализма, или произноситъ комическую рѣчь, загримировавшись какимъ-нибудь трибуномъ публичныхъ сходокъ. Вообще политическая сатира проникаетъ даже и на литературныя, жанровыя сцены; такъ, напримѣръ, въ театрѣ „Водевиль“ я видѣлъ комедію, гдѣ весьма безпощадно собраны смѣшныя черты политическихъ партій и правой и лѣвой стороны палаты.

Конечно, безъ какой-нибудь пѣсенки, даже очень нелѣпой, не можетъ обойтись лѣтній сезонъ Парижа. Идете вы въ Елисейскія поля, заходите въ „Альказаръ“ и слышите, какъ полная дѣвица, съ открытой шеей и руками, поетъ съ ужимочками:

„Je suis la soeur
„De l'amballeur—
„Bien connu, bien connu dans le quartier
D'la rue d' l'Echiquier!“

И весь Парижъ черезъ мѣсяцъ напѣваетъ уже безсмысленный припѣвъ.

Даже такія зрѣлища, какъ ипподромъ, и тѣ стали гораздо грандіознѣе. Выпускаютъ на арену цѣлые эскадроны всадниковъ и всадницъ, устраиваютъ комическія кавалькады съ каррикатурными головами разныхъ парижскихъ знаменитостей. Все это, при солнечномъ свѣтѣ, въ дообѣденные спектакли, блеститъ переливами яркихъ красокъ, тѣшитъ глаза и даетъ отдыхъ усталому человѣку.

А нѣтъ у него лишнихъ двухъ франковъ заплатить за свое мѣсто, какъ зажгутся фонари и электрическіе шары вдоль Avenue de l'Opéra и противъ Большой Оперы, пойдетъ онъ на бульвары—и вотъ ему да-

ровое зрѣлище. Много тутъ все-таки ничего не дѣлающаго народа, но гораздо больше трудового. Только въ Парижѣ (и нигдѣ въ мірѣ) можно такъ быстро стряхивать съ себя заботы и тягости, ежедневную страду жизни и сейчасъ же почувствовать себя и моложе, и бодрѣе. Пускай тысячи шалопаевъ обоего пола наполняютъ театры, несутся въ колясках и шарабанахъ на скачки, проигрываютъ и выигрываютъ тамъ сотни тысячъ франковъ, просиживаютъ до поздней ночи за баккара̀ и другими азартными играми, все-таки удовольствія, удобства, оживленіе, вкусъ, даровое веселье—предоставляются въ Парижѣ массѣ. Все демократизируется въ настоящемъ, хорошемъ смыслѣ. Куда бы ни пошли, вездѣ вы видите передъ собой, правда, разницу въ деньгахъ, въ состояніи, но и эта разница не оскорбляетъ васъ; то, что̀ одному доступно за двадцать франковъ, то другому за два.

А уличные нравы, спроситъ моралистъ, и эти тысячи женщинъ, обреченныхъ на самый ужасный видъ эксплуатаціи человѣка? Да, все это существуетъ. Но почему же одинъ Парижъ въ томъ отвѣтственъ? Каждая страна, не умѣющая еще иначе распорядиться воспитаніемъ, правами и заработкомъ женщины, непремѣнно въ громадномъ городѣ заявитъ себя той же болячкой. Но даже и эта болячка, хотя она и связана до сихъ поръ съ произволомъ полиціи, съ разными ненужными и возмутительными его видами, все-таки отзывается бо̀льшей человѣчностью, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ. Не полицейскимъ надзоромъ она выведется. Макъ-Магонъ и его супруга хлопотали объ этомъ, старались очистить парижскій бульваръ и кафе. Смѣшно, что и теперь сыскная полиція стала устраивать и производить аресты даже днемъ, чего до сихъ поръ не было. Все это напрасный трудъ. Что̀ общество посѣяло, то и пожинаетъ. А человѣкъ безпристрастный, со стороны глядя на то, что̀ творится въ Парижѣ, побывавъ во всѣхъ мѣстахъ, прогулкахъ, зрѣлищахъ и даже притонахъ, сознается, что самая испорченность, различные виды нравственнаго паденія все-таки получили въ Парижѣ такую *культуру*, обстановку, своеобразность, что вся Европа желаетъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на эти грѣхи цивилизаціи.

А кто не хочетъ разстроивать себя, думать о такъ называемыхъ „проклятыхъ вопросахъ", тотъ, право, въ Парижѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, будетъ отдыхать на болѣе здоровыхъ явленіяхъ жизни. Любитъ ли онъ трудъ, политическую свободу, умъ, живость темперамента или гуманность формъ общежитія, на все это онъ найдетъ отзывъ, все это онъ можетъ изучать не въ рѣдкихъ какихъ-нибудь экземплярахъ, а всюду и вездѣ. Потому-то смѣшно, а потомъ досадно дѣлается, когда читаешь наши доморощенныя нападки на

французовъ, Парижъ, культурные порядки. Разумѣется, не слѣдуетъ вдаваться въ сладковатое расхваливаніе всего. Я, кажется, въ своихъ очеркахъ не погрѣшалъ этимъ. Но я разумѣю не искреннее критическое отношеніе, а ворчанье, ту чисто желудочную требовательность, которая не оправдывается ничѣмъ въ нашемъ собственномъ домѣ, въ той странѣ, гдѣ мы родились и выросли. Тѣ наши идеалы, на основаніи которыхъ можно было бы позволить себѣ безпощадную критику, созданы не нами. Стало быть, по крайней мѣрѣ, странно и смѣшно, третировать теперешнюю Францію и Парижъ тономъ русскаго генерала не у дѣлъ, какъ у насъ дѣлается.

Какъ бы враги „Аѳинской республики“ ни точили на нее зубы, она будетъ жить и справляться сама, одолѣетъ и внутреннюю смуту, если случится такая бѣда, еще больше сознаетъ свои слабыя стороны, отброситъ прежнюю игру въ шовинизмъ и въ завоевательный задоръ; а трудъ націи, и теперь уже громадный, достигнетъ необычайныхъ въ Европѣ размѣровъ; а милліонныя экономіи, остающіяся уже и теперь въ государствѣ, пойдутъ на такое поднятіе трудового народа, о какомъ намъ не мечтать и черезъ сотню лѣтъ,—не въ обиду будь сказано господамъ, съ презрительной жалостью смотрящимъ на нищету и безъисходное положеніе гнилого запада.

П. Б.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Французскія дѣла въ Европѣ и въ Африкѣ.

Истекшій годъ былъ знаменателенъ для Франціи. Она обновила свою палату депутатовъ и подвинула впередъ обновленіе сената; во главѣ ея управленія сталъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и еще недавно одинъ изъ популярнѣйшихъ ея государственныхъ людей; она закончила въ истекшемъ году возстановленіе своихъ военныхъ силъ, и открыла цѣлую кампанію въ Африкѣ, кампанію крайне трудную, которой пока еще не предвидится конца и которую можно будетъ считать оконченною только послѣ покоренія туземныхъ племенъ на всемъ пространствѣ между Марокко и Тунисомъ, отъ Средиземнаго моря вплоть до Сахары. Представляя спеціальный интересъ для военныхъ людей, эта кампанія особенно интересна для насъ въ отношеніи политическомъ и общественномъ: она стала пунктомъ раздора между политическими партіями и повела къ разоблаченію нѣкоторыхъ язвъ настоящаго положенія дѣлъ.

Послѣдніе французскіе выборы, совершенно противоположные германскимъ, о которыхъ мы также говорили въ свое время, дали въ результатѣ такое крупное и сплоченное республиканское большинство, съ которымъ не можетъ помѣряться въ силѣ не только ни одна партія въ отдѣльности, но даже и союзъ партій, недовольныхъ нынѣшней республикой по разнымъ причинамъ: одни, монархисты, потому, что она республика и чурается клерикализма; другіе, радикалы и непримиримые, потому, что она, по ихъ мнѣнію, слишкомъ буржуазна и не довольно радикальна. Искусный политикъ, Гамбетта не даромъ счелъ возможнымъ стать во главѣ министерства именно теперь, когда образовалось такое большинство въ палатѣ депутатовъ, а грядущій годъ сулитъ этому большинству значительное подкрѣпленіе въ сенатѣ. И дѣйствительно, тщетны были всѣ попытки оппозиціи нанести прежнему министерству Ферри, дѣйствовавшему подъ вліяніемъ Гамбетты, чувствительный ударъ при обсужденіи кредитовъ на тунисскую экспедицію. Четырехдневныя пренія по этому дѣлу привели и къ утвержденію кредитовъ, и къ одобренію правительственной политики значительнымъ большинствомъ голосовъ. Напрасно требовала правая сторона преданія министерства суду, обвиняя главныхъ виновниковъ тунисской экспедиціи въ личныхъ корыстолюбивыхъ ви-

дахъ, въ биржевыхъ проискахъ и эксплуатаціи государства; напрасно тоже обвиненіе, но въ формахъ еще болѣе рѣзкихъ, было высказано членами радикальной лѣвой, утверждавшими, что во Франціи господствуетъ теперь не демократія, а плутократія, что необходимо освѣжить республику и вырвать ее изъ рукъ желтой интернаціонали; биржевиковъ и всякаго рода эксплуататоровъ. Сплоченное республиканское большинство, вѣроятно, нашло, что все это легко сказать, но очень трудно исполнить, и отвергло, вмѣстѣ, какъ нападки оппозиціи на самый способъ веденія войны, такъ и политическія ея нападки. Оно не согласилось ни на преданіе министерства суду, ни на назначеніе особой слѣдственной коммиссіи по дѣлу о тунисской экспедиціи; рѣшительное слово Гамбетты склонило его подтвердить договоръ, подписанный беемъ въ Бардо по требованію Франціи и предоставляющій французскому правительству полное господство въ Тунисѣ.

На другой же день послѣ этого рѣшенія палаты, Гамбетта былъ приглашенъ къ президенту республики и принялъ на себя составленіе новаго кабинета, гдѣ онъ занялъ почетное мѣсто президента и министра безъ портфеля, предоставляя своимъ товарищамъ завѣдывать отдѣльными частями управленія подъ общимъ его наблюденіемъ и руководствомъ. Насколько министръ можетъ стать диктаторомъ въ конституціонной странѣ, настолько Гамбетта теперь диктаторъ во Франціи. Имѣя на своей сторонѣ больше двухъ третей всѣхъ членовъ палаты депутатовъ, онъ можетъ считать свое положеніе и свою политику совершенно упроченными. Впереди, правда, предвидится усиленное броженіе радикальной партіи и непримиримыхъ. Процессъ Рошфора, къ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, повелъ къ нѣкоторымъ непріятнымъ для правительства разоблаченіямъ. Монархисты также не сидятъ сложа руки. Въ виду вступленія Гамбетты въ министерство, они устами Кассаньяка уже заявляютъ въ газетѣ „Pays“: „Держите скрипки на готовѣ: медвѣжья пляска начинается“. На сходкахъ замѣтно усиливающееся броженіе, въ сущности неблагопріятное новому министерству. Но это все такіе признаки, которые, если и обѣщаютъ Франціи новыя осложненія и тревоги, то развѣ только въ отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время и, конечно, на нѣсколько лѣтъ впередъ, Гамбетта остается уже не закулиснымъ, какъ прежде, а явнымъ и единственнымъ правителемъ Франціи, имѣющимъ за себя палату депутатовъ и вскорѣ ожидающимъ вполнѣ достаточнаго большинства въ сенатѣ. Онъ даже счелъ себя довольно сильнымъ, чтобы составить кабинетъ безъ многихъ выдающихся и популярныхъ государственныхъ людей современной Франціи, каковы Фрейсинè, Леонъ Сэ и Ферри, которые, предвидя

его диктаторское давленіе, не нашли возможнымъ привлечь къ нему наравнѣ съ „новыми людьми" (homines novi), наполняющими его министерскій кабинетъ. Между членами послѣдняго едва ли окажется какое-нибудь разногласіе: всѣ они очевидно знали, на чтó они идутъ, и заранѣе согласились подчиниться волѣ и планамъ своего президента. Министерство духовныхъ дѣлъ впервые ввѣрено во Франціи человѣку, вышедшему изъ школы свободныхъ мыслителей и способному послѣдовательно проводить въ своей дѣятельности новый во Франціи принципъ равноправности вѣроисповѣданій. Мы разумѣемъ извѣстнаго Поля Бера. Такъ же, какъ онъ, относится къ церковнымъ вопросамъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо. Министръ торговли, Рувье,—сторонникъ свободной торговли, столь понятной въ странѣ, которой промышленность уже достигла высокаго развитія. Новое министерство, въ лицѣ своего президента, обѣщаетъ Франціи рядъ непрерывныхъ преобразованій: преобразованіе судебной части, расширеніе торговыхъ сношеній, сохраненіе внутренняго и внѣшняго мира, преобразованіе сената и пр.

Но мирной политики легче придерживаться на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и Франція принуждена продолжать въ настоящее время тяжелую и ожесточенную войну въ Африкѣ противъ мало извѣстныхъ туземныхъ племенъ, воодушевленныхъ и національнымъ чувствомъ, и религіознымъ фанатизмомъ. Эта война уже заставила Францію принести большія жертвы людьми и деньгами, а ей не предвидится конца. Она же дала оппозиціи поводъ къ такимъ нападкамъ на побужденія, руководившія ея виновниковъ, которыя бросили тѣнь на нравственный характеръ высшихъ должностныхъ лицъ страны. Но эти нападки были уже послѣдствіемъ войны, о которой еще не говорилъ „Вѣстникъ Европы". Мы остановимся на ней въ связи съ тѣмъ завершеніемъ военнаго устройства Франціи, которое состоялось въ истекшемъ году и о которомъ мы сказали нѣсколько словъ въ началѣ настоящаго обозрѣнія.

Послѣ долгихъ совѣщаній, возстановленіе французской арміи заключено въ текущемъ году двумя новыми законами: о производствѣ офицеровъ и объ управленіи арміей. Сами боевые противники французовъ, нѣмцы, признаютъ теперь, что Франція явила рѣдкій примѣръ всесторонняго обновленія такого сложнаго механизма, какъ армія, въ такое относительно короткое время, какъ одно только десятилѣтіе, считая съ весны 1871 года, когда былъ подписанъ франкфуртскій миръ. Въ послѣдніе мѣсяцы тогдашней войны, временное правительство Франціи могло противопоставить германскому войску по большей мѣрѣ 250,000 человѣкъ, располагая, быть можетъ, такимъ же количествомъ мобилизованной національной гвардіи и

волонтеровъ, не сплоченныхъ между собою никакою единообразною организаціей. Большая часть кадровъ прежней императорской арміи частью распалась, частью была распущена; артиллерія и техническія части арміи съ трудомъ снабжались оружіемъ и боевымъ матеріаломъ; огромное количество оружія и боевыхъ запасовъ перешло въ руки побѣдоносной Германіи. Теперь все это исправлено и пополнено, благодаря тремъ основнымъ мѣрамъ, принятымъ во Франціи за послѣднія десять лѣтъ: всеобщей воинской повинности и новому устройству арміи и кадровъ. Франція имѣетъ теперь вполнѣ организованную и отлично снабженную армію, въ составъ которой входятъ и образованнѣйшіе слои націи. Дѣйствительныя боевыя силы ея состоятъ теперь, въ мирное время, изъ 641 батальона пѣхоты (въ германской арміи, на мирномъ положеніи, 503 линейныхъ батальона), въ числѣ 283,563 чел.; изъ 352 эскадроновъ кавалеріи (въ Германіи 465 эскадроновъ), въ числѣ 68,758 человѣкъ; изъ 437 батарей, въ числѣ 68,762 чел. при 2622 орудіяхъ (въ Германіи 340 батарей при 2040 орудіяхъ); изъ 4-хъ полковъ (20 батальоновъ) саперовъ, въ числѣ 11,000 чел. Вся эта боевая сила разбита на двадцать корпусовъ, и въ случаѣ мобилизаціи, въ военное время, быстро можетъ быть увеличена численно до 749,000 чел., за которыми еще оставались бы въ резервѣ 214 четвертыхъ и запасныхъ батальоновъ пѣхоты, 435 батальоновъ территоріальной арміи (по-германски, ландвера), 30 батальоновъ таможенной стражи, и большое число лѣсничихъ, получившихъ теперь военное устройство, съ соотвѣтственнымъ количествомъ кавалеріи, артиллеріи и пр. Армія снабжена ружьемъ системы Грà, которое признано однимъ изъ совершеннѣйшихъ боевыхъ вооруженій настоящаго времени. Прежнія шаблонныя упражненія арміи замѣнены другими, болѣе отвѣчающими требованіямъ войны. Генеральный штабъ совершенно преобразованъ по образцу нѣмецкаго; ученыя работы офицеровъ генеральнаго штаба получили совершенно новое направленіе. Преобразована и усилена самая система военнаго воспитанія и образованія.

Этой-то обновленной арміи пришлось дѣйствовать прежде всего на африканской землѣ. Весной въ Алжиріи вспыхнуло восстаніе, показавшееся сначала въ западной части французскихъ владѣній, на югѣ Оранской провинціи, и потомъ отозвавшееся въ юго-восточномъ Тунисѣ. Лѣтомъ оно разлилось по всему южному склону Атласскихъ горъ, отъ границъ Марокко до Сиртскаго моря при восточномъ побережьѣ Туниса. Ближайшую опасность для Франціи представляло, конечно, движеніе въ южномъ Оранѣ, во главѣ котораго стоялъ смѣлый, жестокій и хитрый Бу-Амема, сгубившій своими набѣгами не одно европейское населеніе и не одно воздѣланное поле. Его пону-

лярное имя взволновало всю западную часть Алжиріи. Какъ электрическая искра сообщилось оно и Константинской провинціи; бродячія шайки туземцевъ производили свои опустошенія чуть не передъ глазами французскаго войска, ловко уклоняясь отъ преслѣдованій и проникая въ возставшія мѣстности Туниса. Отряды, посланные тунисскимъ беемъ противъ возставшихъ, часто переходили на сторону послѣднихъ. На сторонѣ возстанія были при этомъ несомнѣнныя и важныя климатическія преимущества. Европейцы безусловно не въ состояніи дѣйствовать въ лѣтнее время въ непроходимыхъ, спаленныхъ, безплодныхъ и безводныхъ мѣстностяхъ, съ которыми сроднились туземцы и въ которыхъ возставшіе находили себѣ пріютъ и спасеніе. Чтобы дѣйствовать противъ нихъ массою и наступательно, французы были поставлены въ необходимость выжидать осени. Между тѣмъ, съ апрѣля по октябрь, изъ Марсели перевезено въ Африку 473 офицера и 36,400 унтеръ-офицеровъ и солдатъ въ подкрѣпленіе тѣмъ силамъ, которыми уже располагала тамъ Франція. Столько же людей отправлено было еще изъ Тулона и другихъ гаваней, такъ что къ началу октября Франція имѣла въ Африкѣ около 80,000 чел. дѣйствующей арміи.

Французы могли ограничиться своимъ ближайшимъ интересомъ— усмирить возстаніе въ Оранѣ и охранять свои границы со стороны Туниса и Марокко, не допуская бандъ возставшихъ туземцевъ вторгаться въ предѣлы французской территоріи. Но они предпочли значительно расширить кругъ своихъ дѣйствій. Давно задуманное завоеваніе Туниса представилось имъ дѣломъ сравнительно нетруднымъ, а предлогъ къ вторженію былъ на лицо: надо было усмирить тунисскія племена, чтобы предохранить Алжирію отъ опасныхъ покушеній, какъ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ. Тунисъ былъ занятъ, и бей принужденъ подписать договоръ, поднесенный ему французскимъ дипломатомъ Рустаномъ, къ которому и перешла вся власть въ тунисской области. Бею обѣщаны только сохраненіе номинальной власти и безопасность за послушаніе внушеніямъ французскаго правительства.

Чтоже, однако, было причиной возстанія туземцевъ? Чтó заставило это возстаніе принять вдругъ такія огромные размѣры? По словамъ наблюдателей, близко знающихъ дѣло, туземцы тунисскаго и алжирскаго юга были ожесточены не столько посягательствомъ французовъ на Тунисъ, сколько собственными экономическими интересами, близко затронутыми приливомъ европейцевъ въ Африку. Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи Алжирія распадается на три рѣзко разграниченныя полосы: на такъ-называемый Телль—равнину, перерѣзанную невысокими горами и простирающуюся до самаго

Средиземнаго моря на пространствѣ шириною въ 15—20 миль; на лежащія за нимъ невысокія равнины такой же ширины, перерѣзанныя на три этажа малыми и большими Атласскими горами, и на пустынную полосу Сахары, начинающуюся за этими послѣдними этажеобразными высокими равнинами, съ ея оазисами и нѣкоторыми поросшими травою мѣстностями, на которыхъ стада находятъ себѣ пищу извѣстное время въ году. И Телль, и высокія нагорныя равнины еще до французскаго завоеванія имѣли большею частью осѣдлое населеніе. Но кочевники пользовались правомъ вездѣ пасти свои стада въ лѣтній зной, когда въ степи не было воды, и зимой, когда горы покрывались снѣгомъ. Но довольно было 360,000-мъ европейцевъ поселиться и заняться земледѣліемъ, чтобы совсѣмъ изгнать кочевниковъ изъ Телля. Затѣмъ кочевыя племена лишились своихъ пастбищъ во второй полосѣ, благодаря горному дѣлу и травосѣянію европейцевъ, и притомъ пастбищъ наиболѣе плодородныхъ и выгодныхъ. Лишеніе пастбищъ не замедлило неблагопріятно подѣйствовать на стада, составляющія главное богатство кочевниковъ. Они возненавидѣли европейцевъ и, сталкиваясь въ своей кочевой жизни съ марокксками, тунисскими и другими независимыми племенами, умѣли передать и имъ свое чувство. Всякое дальнѣйшее распространеніе европейскаго земледѣлія съ сѣвера на югъ становилось равносильно дальнѣйшему обѣдненію сотенъ тысячъ кочевыхъ туземцевъ, и довольно было самой ничтожной искры, чтобы воспламенить ихъ.

Замѣчательно, что первыя непріязненныя дѣйствія возставшихъ туземцевъ были направлены именно на поля европейцевъ, засѣянныя травами. Изъ этихъ травъ плетутся циновки, одѣяла, корзины и пр., онѣ составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ европейскаго населенія въ Оранѣ. Англичане ежегодно закупаютъ по 250 тыс. тоннъ одного сорта ихъ для своего писчебумажнаго производства; французскія писчебумажныя фабрики также примѣшиваютъ этотъ сортъ къ своей бумажной массѣ, потому что онъ придаетъ бумагѣ блескъ и бѣлизну. Прибыльность этой промышленности побудила акціонерное общество Compagnie Algérienne употребить 300,000 гектаровъ на одно только травосѣяніе. Французской администраціи давно уже извѣстно, что прочный миръ съ кочевниками южной Алжиріи возможенъ только въ томъ случаѣ, если имъ будутъ, такъ или иначе, отведены необходимыя пастбища. Но это требуетъ огромныхъ расходовъ на водопроводныя работы. Такія работы исполнены кое-гдѣ частными лицами, и притомъ съ большимъ успѣхомъ. Но въ цѣломъ эта важная мѣра остается пока непринятою за отдаленностью Алжиріи и непрочностью часто смѣняющихся ея правителей.

Туземцы какъ будто предчувствуютъ дальнѣйшіе виды Франціи на Африку. Они взялись за оружіе изъ самосохраненія. И имъ, дѣйствительно, удалось задержать на время исполненіе французскихъ плановъ, нелишенныхъ, конечно, коммерческаго разсчета, но въ то-же время и грандіозныхъ при нынѣшнемъ состояніи внутренней Африки. Къ числу этихъ плановъ принадлежитъ серьёзное намѣреніе соединить желѣзною дорогой Алжирію съ другимъ африканскимъ владѣніемъ Франціи—Сенегамбіей, и такимъ образомъ открыть европейской промышленности и торговлѣ широкій путь въ глубину темнаго африканскаго материка, до сихъ поръ упорно не дававшагося европейцамъ, и посредствомъ пара и электричества распространить тамъ европейскія понятія и европейское вліяніе. Французы, сверхъ того, уже четыре года занимаются разработкой вопроса о томъ, какъ лучше проложить себѣ дорогу въ мѣстности по обѣ стороны верхняго Нигера. Инженеръ Дюпоншель, которому были поручены предварительныя изслѣдованія по этому предмету, тогда же пришелъ къ заключенію, что желѣзная дорога, соединяющая Алжирію, слѣдовательно и Европу, съ Нигеромъ и Сенегамбіей, давала бы ежегодно до 45 милл. франковъ дохода, т.-е. десять процентовъ съ капитала, употребленнаго на ея сооруженіе. Тогдашній министръ публичныхъ работъ, Фрейсинè, распорядился продолженіемъ этихъ изслѣдованій, и уже въ іюлѣ 1879 года предложилъ президенту республики составить коммиссію изъ представителей торговаго міра, науки, арміи, флота, колоніальной администраціи и техниковъ для дальнѣйшей разработки того же вопроса, подъ предсѣдательствомъ министра публичныхъ работъ. Декретъ былъ подписанъ президентомъ и приведенъ въ исполненіе, а въ январѣ 1880 года изъ Парижа уже была отправлена экспедиція подъ начальствомъ подполковника Флаттерса для избранія наиболѣе удобнаго направленія, въ которомъ слѣдуетъ вести желѣзную дорогу черезъ Сахару. Но результаты этой экспедиціи не соотвѣтствовали ожиданіямъ ея отправителей и участниковъ. Ей удалось проникнуть до озера Менруръ, но пришлось повернуть назадъ, потому что дикари-туареги отказались снабжать ее припасами. Почти одновременно съ экспедиціей Флаттерса пустились въ путь, по распоряженію правительства, три другія колонны: одна по направленію къ мѣстностямъ, лежащимъ на юго-востокъ отъ Алжиріи, другая въ юго-западномъ направленіи; третья выступила изъ Сенегамбіи, въ восточномъ. Эта и другія экспедиціи, отправленныя изъ Сенегамбіи, гдѣ французы утвердились еще въ прошломъ вѣкѣ и гдѣ они уже завязали разнообразныя сношенія съ туземцами, были несравненно удачнѣе отправленныхъ изъ Алжиріи. Флотскому капитану Гальени удалось съ величайшимъ трудомъ проникнуть, въ 1880

году, въ царство Сегу, и результатомъ этой миссіи, возвратившейся только въ маѣ 1881 года, были очень цѣнныя уступки, сдѣланныя Франціи царемъ Сегу (на верхнемъ Нигерѣ), по имени Амаду, и притомъ въ особомъ договорѣ. Французамъ предоставлено право селиться во всемъ царствѣ Сегу и учреждать конторы, право исключительнаго плаванія по рѣкѣ Нигеру до Тимбукту на собственныхъ судахъ и право основывать на рѣкѣ свои поселенія; они получили также возможность имѣть при царѣ Сегу своего дипломатическаго агента, неприкосновенность котораго ограждена договоромъ. Другія экспедиціи производили изъ Сенегамбіи развѣдки о наилучшемъ направленіи будущей желѣзной дороги, для ближайшихъ частей которой уже изготовленъ соотвѣтственный планъ. Нынѣшней зимой предположено проникнуть еще дальше въ направленіи къ верхнему Нигеру.

Проектируемая желѣзная дорога изъ Сенегамбіи внутрь Африки раздѣлена на три отдѣла: первый изъ нихъ, длиною въ 260 километровъ (километръ немного менѣе версты), идетъ вдоль морского побережья отъ Доккара до Сенъ-Люи; второй имѣетъ 580 километровъ въ длину и доходитъ до Мединé; третій, приблизительно въ 520 километровъ, долженъ соединить Мединé съ рѣкой Нигеромъ. Сооруженіе первыхъ двухъ отдѣловъ предоставлено частнымъ компаніямъ; третій, гораздо болѣе трудный, будетъ исполненъ государствомъ. Расходы опредѣлены въ 54 милл. фр., и на предварительныя работы уже ассигнованъ кредитъ. Въ февралѣ 1881 года, во время преній объ этой дорогѣ, адмиралъ Жорегиберри горячо доказывалъ, что вопросъ о предупрежденіи другихъ націй на этомъ пути, въ особенности англичанъ, есть для Франціи вопросъ достоинства и чести; что, кромѣ того, достиженіе ею Нигера прежде другихъ націй есть для нея и вопросъ крупной практической важности: она можетъ получать оттуда хлопокъ и пріобрѣтетъ новыя богатства.

Мы уже сказали, что посланныя изъ Алжиріи экспедиціи были далеко не такъ счастливы, какъ предпринятыя изъ Сенегамбіи. Новая экспедиція Флаттерса, въ началѣ 1881 года, внимательнѣйшимъ образомъ осмотрѣла мѣстность до 26° сѣв. широты и 3° восточной долготы, и удобнѣйшее направленіе для желѣзной дороги найдено. Въ послѣднихъ числахъ января Флаттерсъ достигнулъ резиденціи Иларема, царя гоггаръ-туареговъ, и, принятый благосклонно, отправился далѣе съ приданными ему проводниками. Съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ о немъ ничего не было слышно до мая, когда дошла вѣсть объ его гибели. Туареги съ неслыханною жестокостью перебили французскую колонну въ половинѣ февраля, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Ассіуна. Съ гибелью Флаттерса наступилъ перерывъ въ попыткахъ французовъ проникнуть въ Сахару изъ Алжиріи. Рас-

пространившееся возстаніе туземцевъ заставило отложить эти попытки на нѣкоторое время.

Вся предположенная первоначально французско-африканская дорога должна имѣть до 2,500 километровъ протяженія. Обширный край, который предполагалось перерѣзать ею, почти въ шестнадцать разъ больше Германіи. Обыкновенно мы представляемъ себѣ этотъ край плоской пустыней, покрытой сплошь песками, но въ дѣйствительности песками покрыта только десятая часть его. Онъ наполненъ по большей части волнообразными скалистыми плоскогорьями, которыя покрыты голышомъ и, повидимому, лишены всякой растительности. Между плоскогорьями лежатъ глубокія долины, которыя и служатъ оазисами. Все разрушенное мѣстными климатическими вліяніями превращается въ песокъ, разносимый пассатными вѣтрами. Сахара и не въ такой степени безусловно лишена дождей, какъ думаютъ обыкновенно. Всего больше выпадаетъ дождей въ нагорныхъ мѣстностяхъ, но вода быстро стекаетъ въ долины. При помощи артезіанскихъ колодцевъ почти всегда удается находить воду.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти колоссальные замыслы рано или поздно будутъ приведены въ исполненіе. Но не они, повидимому, руководили нѣкоторыхъ виновниковъ нынѣшней тунисской экспедиціи. Недавній процессъ Рошфора бросилъ на мотивы этого военнаго предпріятія очень незавидную тѣнь. Мы отнюдь не питаемъ большого довѣрія къ Рошфору. Его писанія, особенно за послѣднее время, изобилуютъ такими небылицами, сочиненными въ духѣ партіи, которыя способны поколебать самое упорное довѣріе. Но въ настоящемъ случаѣ онъ явился передъ судомъ, привлеченный къ отвѣтственности укротителемъ тунисскаго бея и города Туниса, Рустаномъ. Опозоренный въ печати самыми тяжкими обвиненіями, которыя раздавались и съ трибуны палаты депутатовъ, Рустанъ вознамѣрился доказать свою правоту и, какъ полагали многіе, вооруженный доказательствами, способными уничтожить Рошфора, какъ публициста. Для него вопросъ заранѣе и ясно ставился такъ: обвиненіе Рошфора будетъ равносильно оправданію его, Рустана; но оправданіе Рошфора послужитъ ему, Рустану, обвиненіемъ. Кто внимательно прочелъ этотъ удивительный процессъ, въ томъ едва ли осталась искра сомнѣнія относительно двусмысленности дѣйствій Рустана, а можетъ быть, и нѣсколькихъ другихъ крупныхъ лицъ во всемъ этомъ тунисскомъ дѣлѣ.

Оппозиціонная печать, и въ томъ числѣ издаваемая Рошфоромъ газета „Intransigeant", обвиняла виновниковъ тунисской экспедиціи въ недобросовѣстности и корыстныхъ видахъ, изъ-за которыхъ они затѣяли эту войну. Основываясь на свидѣтельствѣ людей, бывшихъ въ Тунисѣ, она доказывала, что Рустанъ изъ личныхъ видовъ на-

влекъ странѣ эту войну, и что люди, послѣдовавшіе его совѣту, слѣдовали и его примѣру. Послѣднее было одною изъ обычныхъ оппозиціонныхъ выходокъ Рошфора противъ „буржуазнаго" республиканскаго правительства. Но первое прямо бичевало Рустана. Ему приписывались биржевая игра и то, чтб у насъ называется взятками, въ пользу любовницы, въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе безчестными и постыдными, что изъ-за нихъ французскіе солдаты шли на гибель и тратились народныя деньги. Война, будто бы, была результатомъ недостойной интриги, завязанной биржевиками, владѣльцами тунисскихъ акцій, а Рустанъ—ихъ безсовѣстнымъ агентомъ. Но мы не будемъ приводить всѣ частности процесса. Скажемъ только, что бывшіе министры: Ваддингтонъ и Бартелеми Сентъ-Илеръ дали въ судѣ показанія, вполнѣ благопріятныя для чести Рустана, и признали взведенныя на него обвиненія вопіющею клеветой. Скажемъ также, что нѣкоторые свидѣтели со стороны Рошфора явились въ своихъ показаніяхъ людьми въ высшей степени сомнительной нравственности, потому что лгали на судѣ и были даже уличаемы во лжи. И однако, несмотря на все это, несмотря на обращеніе прокурора и повѣреннаго Рустана къ чести присяжныхъ и къ чести Франціи, которой принадлежитъ этотъ патріотъ и преданный сынъ отечества,—присяжные все-таки оправдали Рошфора, т.-е., какъ объяснилъ имъ заранѣе повѣренный истца,—обвинили послѣдняго...

Всѣ эти присяжные, конечно, не могли быть лично заинтересованы въ оправданіи Рошфора. Присяжные, выбранные по жребію изъ общества и народа, вообще бываютъ, напротивъ, безпристрастнѣе самихъ судей. Отчего же они оправдали Рошфора, т.-е. осудили Рустана, хотя Рошфоръ и не могъ доказать основательности всѣхъ своихъ обвиненій? Во-первыхъ потому, что Рустанъ, предъявивъ суду свою жалобу и начавъ процессъ противъ Рошфора, не могъ очиститься отъ всѣхъ обвиненій, взведенныхъ на него печатью; во-вторыхъ потому, что присяжные почти всегда являются выразителями общественнаго мнѣнія. По ихъ приговору можно заключить безошибочно, хотя бы и заочно, что общественное мнѣніе относится съ большимъ недовѣріемъ и къ Рустану, и къ закулиснымъ виновникамъ тунисской экспедиціи. Увольненіе Рустана французскимъ правительствомъ отъ должности министра Франціи въ Тунисѣ вполнѣ подтверждаетъ этотъ выводъ.

ВЪ СТѢНАХЪ УНИВЕРСИТЕТА.

Отношенія нашего общества къ университетамъ, и именно къ ихъ научной дѣятельности, не приняли еще того задушевнаго характера, какимъ онѣ, какъ извѣстно, отличаются вездѣ въ Европѣ, не исключая даже самыхъ многолюдныхъ и шумныхъ европейскихъ столицъ. Этому недостатку умственной и нравственной связи есть, къ сожалѣнію, не мало причинъ. Нельзя, правда, жаловаться, чтобы хоть часть образованнаго общества не слѣдила внимательно за немногочисленными проявленіями университетской жизни. Всякій факультетскій диспутъ привлекаетъ, кромѣ оффиціальныхъ, такъ сказать, участниковъ домашняго праздника, профессоровъ и студентовъ, еще и постороннихъ слушателей. Нужды нѣтъ, что у многихъ изъ нихъ побудительной причиною является, вѣроятно, скорѣе простое любопытство, чѣмъ сознательное уваженіе къ наукѣ; этотъ обычай заслуживаетъ сочувствія уже потому, что нельзя не придавать важнаго значенія всякому средству сближенія нашихъ университетовъ съ обществомъ. Тѣмъ не менѣе, связь университета съ обществомъ все еще не велика и оставляетъ желать многаго. И у насъ было время, правда, очень короткое, когда повидимому эта связь обѣщала укрѣпиться; но смутныя времена прервали ее,—и объ этомъ надо очень сожалѣть. Университетскіе диспуты остаются и теперь, какъ мы сказали, нѣкоторымъ пунктомъ соединенія общества съ университетомъ, и друзья науки не могутъ не желать развитія одному изъ благороднѣйшихъ элементовъ общественности—интересу къ наукѣ. Поэтому мы рѣшились дать въ „Вѣстникѣ Европы" мѣсто краткимъ отчетамъ объ университетскихъ диспутахъ, желая ознакомить нашихъ читателей съ главнымъ ихъ содержаніемъ, если только оно не вращается въ слишкомъ спеціальныхъ частностяхъ науки,—тѣмъ болѣе, что диссертаціи, служащія основаніемъ диспутовъ, представляютъ иногда весьма серьезный интересъ въ научномъ отношеніи.—Въ послѣднія недѣли въ петербургскомъ университетѣ происходило три диспута, очень любопытныхъ: г. Воеводскаго, гдѣ шла рѣчь о „вѣчно юномъ" Гомерѣ; гг. Грота и Флоринскаго—гдѣ говорилось о старой исторіи славянства, не безъ связи съ нѣкоторыми взглядами на его современную судьбу.—На этотъ разъ даемъ мѣсто замѣткѣ о первомъ изъ этихъ диспутовъ.—*Ред.*

6-го декабря 1881 года, въ историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета состоялся диспутъ по поводу сочиненія, представленнаго доцентомъ новороссійскаго университета Л. Ѳ. Воеводскимъ, подъ заглавіемъ: „Введеніе въ миѳологію Одиссеи. Часть первая“ (Одесса, 1881, 235 стр.). Авторъ этого труда обратилъ на себя вниманіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, замѣчательнымъ трудомъ по классической древности: „Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ“ (Спб. 1874). Тема была чрезвычайно любопытная и новая, авторъ показалъ въ ея изложеніи и защитѣ большія познанія въ своемъ предметѣ и много научнаго остроумія. Этимъ трудомъ онъ пріобрѣлъ уважаемое имя. Другой небольшой его трудъ, появившійся въ запискахъ новороссійскаго университета, былъ опять весьма оригинальнымъ миѳологическимъ изслѣдованіемъ, которое касалось и русскихъ сказочныхъ преданій.—Новая его работа, при тѣхъ же достоинствахъ обширнаго знанія, вызвала болѣе возраженій.

Какъ изъ заглавія книги видно, предметъ касался классической филологіи, не въ той узкой рамкѣ грамматики, противъ исключительнаго господства которой главнымъ образомъ возстаетъ наше общественное мнѣніе, а съ иной болѣе широкой точки зрѣнія. Изслѣдованіе о миѳологіи въ „Одиссеѣ“ возбуждаетъ интересъ и въ русской наукѣ уже тѣмъ, что напоминаетъ подобнаго рода труды въ области народной поэзіи славянской и русской (Аѳанасьева, гг. Буслаева, Ор. Миллера): кто знакомъ съ главными результатами изслѣдованій нашихъ русскихъ миѳологовъ, вызвавшихъ, какъ извѣстно, не мало возраженій и сомнѣній принципіальнаго свойства, для того можетъ представиться весьма любопытнымъ вопросъ,—не заключаются ли въ новомъ миѳологическомъ изслѣдованіи по предмету столько разработанному, какъ гомерическая поэзія, какія-нибудь новыя, болѣе надежныя указанія на пріемы и методъ изученія миѳологіи. Мы полагаемъ не ошибиться, если отчасти и этимъ интересомъ объяснимъ большое участіе публики къ диспуту г. Воеводскаго. Дѣйствительно, тутъ пришлось услышать много любопытнаго и даже неожиданнаго. Г. Воеводскій въ своей вступительной рѣчи познакомилъ прежде всего слушателей съ тѣмъ неожиданнымъ фактомъ, что, несмотря на безпримѣрное усердіе, съ которымъ разработывались гомеровскіе вопросы, основы миѳологіи Гомера до послѣдняго времени остались почти совсѣмъ неизслѣдованными. Еще важнѣе, пожалуй, было то признаніе автора, что и въ тѣхъ немногочисленныхъ изслѣдованіяхъ, которыя были посвящены миѳологіи гомеровской, обнаруживается полная несостоятельность миѳологическихъ пріемовъ. Авторъ русскаго сочиненія считалъ своею задачею ввести въ миѳологію новый методъ изслѣдованія. Вопросъ о методѣ и былъ главнымъ содержаніемъ диспута. Сколько мы

поняли изъ словъ диспутанта, онъ, указывая на параллель съ сравнительнымъ языкознаніемъ, считалъ заслугой своего труда внесеніе въ миѳологическія изслѣдованія того же сравнительнаго метода, на которомъ создана сравнительная филологія. Но вопросъ—въ пріемахъ сравненія. Въ самой филологіи прибѣгали къ сравненіямъ еще до появленія сравнительнаго языкознанія; съ другой стороны, извѣстно, въ какомъ широкомъ смыслѣ пользовался сравненіями, напримѣръ, покойный Аѳанасьевъ въ своемъ обширномъ миѳологическомъ сочиненіи о „поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу". Сущность дѣла, стало быть, не въ сравненіи, оно и для миѳологіи не ново, а въ точномъ опредѣленіи—что̀ сравнивать и какъ сравнивать. Г. Воеводскій привелъ въ вступительной рѣчи примѣры: дочка—точка; дочка—цурка (по-польски), чтобы показать, какъ сравнительное языкознаніе въ одномъ случаѣ, несмотря на звуковое сходство словъ, не находитъ ничего родственнаго, а въ другомъ напротивъ, несмотря на звуковое несходство, утвердительно указываетъ одинъ и тотъ же источникъ. Сравнительное языкознаніе не стѣсняется звуковымъ несходствомъ; оно знаетъ его причины; и такимъ же образомъ, по словамъ автора, насъ не должно удивлять, если намъ въ миѳологіи скажутъ, что слѣдующіе предметы могутъ миѳологически означать звѣзды: *дѣти*, *кармики*, *души*, *овцы*, *рыбы*, *жуки*, *пчелы*, *мотыльки*, *яблоки*, *глаза*, *гвозди*, *камни*, *жемчугъ*, *искры*, *кони*, *орѣхи*, *горохъ*, *хлѣбныя зерна*, *драгоцѣнные каменья*, *окна*, *огоньки*, *свѣтильники*, *стрѣлы*, *приколы*, *золотые кубки*. (Эти примѣры приводятся въ сочиненіи автора, на стр. 5, изъ Шварца и Аѳанасьева). Зная житейское правило nil admirari, мы не стали бы удивляться этому на первый взглядъ дѣйствительно чудовищному сопоставленію, еслибы насъ убѣдили, что дѣйствительно существуютъ *законы*, требующіе перехода звѣздъ-дѣтей въ звѣзды-орѣхи, или звѣздъ-рыбъ въ звѣзды-огоньки, и т. д. Но гдѣ же эти законы? Въ вступительной рѣчи автора они не указаны, а въ самомъ сочиненіи имѣется только общій намекъ на то обстоятельство, что „разныя слова, примѣнявшіяся первоначально совсѣмъ правильно къ описанію небесныхъ свѣтилъ, получили съ теченіемъ времени иное значеніе". Авторъ воспользовался этимъ положеніемъ, вѣрнымъ только въ ограниченномъ смыслѣ, чтобы истолковать передъ слушателями по своему миѳологическому направленію первый стихъ „Иліады", но истолкованіе, имъ данное, было до крайности произвольное. Поэтому намъ кажется основательнымъ замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ оффиціальныхъ оппонентовъ, г. Веселовскимъ, что авторъ, несмотря на его обширную начитанность, засвидѣтельствованную какъ прежними, такъ и настоящимъ ученымъ трудомъ, все же не отличается отъ своихъ предшественниковъ мето-

домъ изслѣдованія, такъ-что его осужденія противъ несостоятельности прежнихъ миѳологическихъ пріемовъ примѣнимы и къ его собственному пріему. Вся разница между нимъ и другими миѳологами въ томъ, что онъ замѣнилъ гипотезу метеорологическую новою, солярною: прежде говорили главнымъ образомъ о грозовыхъ явленіяхъ, онъ же говоритъ о солнцѣ и звѣздахъ; прежде отыскивали въ миѳахъ борьбу тучъ, онъ же видитъ въ нихъ борьбу небесныхъ свѣтилъ. Значитъ, одна гипотеза только замѣнена другою, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ болѣе вѣрной, да очень можетъ быть, что онѣ вовсе и не такъ исключаютъ другъ друга, какъ это предполагается авторомъ; но дѣло и не въ томъ. Антропоморфизма „устарѣвшей науки", чтобы употребить терминъ автора, никто не будетъ совсѣмъ отрицать; никто не станетъ говорить о гомеровской поэзіи, какъ объ исключительномъ продуктѣ поэтическаго творчества, съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали въ ней наслоеніе народной поэзіи грековъ. Спрашивается только, имѣемъ ли мы право въ *данной* „Иліадѣ" и „Одиссеѣ" каждое имя, каждый эпитетъ, каждое сравненіе, со всѣмъ развѣтвленіемъ его, толковать миѳологически, отрицать въ этой поэзіи участіе исторической жизни греческаго народа? Здравая критика должна на это отвѣтить отрицательно.

Возраженія г. Веселовскаго мы поняли такъ, что онъ возставалъ собственно противъ цѣлой миѳологической школы, одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей которой онъ видѣлъ передъ собою; впрочемъ и онъ, какъ и первый оффиціальный оппонентъ, проф. Люгебиль, отдавалъ полную справедливость богатому содержанію сочиненія, возбуждающему новые вопросы, и необыкновенной начитанности автора.

Возраженія проф. Люгебиля, не вдававшагося въ критику миѳологическаго метода этого труда, ограничивались указаніемъ на нѣсколько частныхъ недосмотровъ, которые, конечно, изчезаютъ въ сравненіи съ общимъ достоинствомъ труда. Третій оппонентъ, доцентъ Никитинъ, вращался въ кругу возраженій г. Веселовскаго, примѣняя ихъ только къ частностямъ.

Хотя диспутъ тянулся довольно долго, публика отнеслась къ нему внимательно до самаго конца и поздравила новаго доктора греческой филологіи дружными апплодисментами.

Я.

ПАМЯТИ ПИРОГОВА.

(Вмѣсто некролога).

Не прошло еще и года съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей Пирогова. По этому поводу во всѣхъ почти нашихъ газетахъ и журналахъ передавались тѣ или другія подробности его жизни, выставлялись на видъ его крупныя заслуги какъ ученаго, общественнаго дѣятеля, припоминалось время его самой плодотворной работы, сообщались прекрасныя черты его нравственно богатой жизни; появилась наконецъ его біографія въ отдѣльной книжкѣ. Говорить объ этомъ снова значило бы повторять то, что̀ еще слишкомъ живо въ памяти всего нашего читающаго люда. Вотъ почему мы не сообщаемъ здѣсь біографическаго некролога Пирогова. Тѣмъ болѣе, что память такого избраннаго человѣка, намъ кажется, можетъ быть гораздо лучше почтена, если мы хотя въ немногихъ словахъ припомнимъ то, чему училъ наше общество Пироговъ, тѣ высокія и святыя мысли, которыя онъ какъ бы завѣщалъ не только современному, но и грядущимъ поколѣніямъ, напомнивъ ихъ въ послѣдній разъ, когда онъ говорилъ передъ обществомъ. Счастливая и вмѣстѣ горькая судьба такихъ крупныхъ мыслителей, какъ Пироговъ заключается именно въ томъ, что проповѣдуемыя ими идеи бо̀льшею частью оказываются не по плечу современному имъ обществу. Если велико счастье быть проповѣдникомъ высокихъ идей, то не менѣе велика горечь сознавать и видѣть, что общество не только не воспринимаетъ ихъ, но продолжаетъ думать и дѣйствовать какъ разъ въ противорѣчіе съ ними. Въ этомъ отношеніи судьба нашихъ выдающихся мыслителей бывала нерѣдко еще болѣе трагична, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ цивилизованнаго міра.— На эти мысли наводитъ и судьба дѣятельности Пирогова.

Возьмемъ для примѣра тѣ серьезныя мысли, которыя онъ высказывалъ въ одной изъ своихъ необычайно глубокихъ статей, появившейся почти четверть вѣка тому назадъ, въ 1858 г., въ оффиціальномъ изданіи „Морской Сборникъ" (какъ это далеко!). Статья эта была посвящена вопросу о воспитаніи, являющемуся однимъ изъ самыхъ коренныхъ и важныхъ „вопросовъ жизни". Статья такъ и называлась: „Вопросы жизни". На пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ этого замѣчательнаго человѣка о „Вопросахъ жизни" говорилось мало. Оно

и понятно. Припоминать глубокія мысли, блестящимъ образомъ выраженныя въ этой статьѣ, значило укорять дѣйствительность, клеймить стыдомъ все то, что происходило въ дѣлѣ воспитанія нашего юношества за послѣднія пятнадцать лѣтъ. На оффиціальномъ торжествѣ это было все-таки не совсѣмъ удобно.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ припомнить теперь, когда онъ умеръ, и когда мы не связаны посторонними соображеніями, эту блестящую страницу въ дѣятельности Пирогова. Нужно ли говорить, что „Вопросы жизни", несмотря на то, что эта статья появилась четверть вѣка назадъ, нисколько не утратили своей свѣжести; напротивъ, мысли, высказанныя Пироговымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являются болѣе современными, чѣмъ въ ту эпоху, когда ихъ проповѣдовалъ Пироговъ.

Въ послѣднее время у насъ стали очень много говорить о всяческихъ „хищеніяхъ", совершавшихся въ разныхъ сферахъ нашей общественной жизни. Какъ было о нихъ и не заговорить, когда наружу выходили удивительныя дѣянія этого рода,—которыя все продолжають открываться. Но всѣ эти хищенія могутъ ли сравниться съ тѣмъ хищеніемъ, которое въ теченіи почти пятнадцати лѣтъ производилось въ умахъ русскаго юношества приснопамятною школьною системою? Тѣ хищенія были направлены на матеріальное благо страны, послѣднее же простерло свое владычество надъ несравненно болѣе драгоцѣнными интересами — надъ нравственнымъ благомъ народа; результатомъ его было нравственное изуродованіе юношества, лишеніе возможности образованія для тысячъ молодыхъ людей, наконецъ, эти ужасныя самоубійства 16-лѣтнихъ мальчиковъ, какихъ столько заносилось въ дневникъ нашей общественной жизни.

Да и только ли въ такихъ самоубійствахъ, а подчасъ даже, увы! и въ убійствахъ, совершаемыхъ юношами, отражалось это тяжелое время на русской молодежи? Сколько сгибло ея и нравственно и физически въ мѣстахъ болѣе и менѣе отдаленныхъ, и сгибли они далеко не всѣ въ силу усвоенныхъ ими антиправительственныхъ понятій, а просто благодаря выбрасывавшей ихъ изъ нормальной колеи жизни системѣ воспитанія. Безъ сомнѣнія, много, очень много было „недоучившихся юношей", но кто же былъ виноватъ въ томъ? Виновата была практиковавшаяся система, виноваты были прежде всего тѣ, которые, воспитывая, не умѣли воспитывать.

Теперь, когда послѣ страшныхъ событій, поразившихъ Россію ужасомъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей общественной жизни появляются кое-какіе признаки сознанія всего этого, какъ не вспомнить тѣхъ высокихъ идей, которыя проповѣдывалъ Пироговъ въ дѣлѣ воспитанія—этомъ краеугольномъ камнѣ всего государственнаго строя.

Чтобы понять все значеніе тѣхъ возвышенныхъ мыслей, ко-

торыя высказывалъ Пироговъ, нужно припомнить, что онъ писалъ свои „Вопросы жизни“ тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ той тягостной эпохи, которая обдавала все русское общество холодомъ съ 1848 г. по 1855 г. Наши школы, гимназіи, университеты того времени подпали особенному гнету, всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы вытравить въ нихъ и въ обучавшемся юношествѣ все живое, сильное, энергичное, способное съ сознательнымъ идеаломъ работать для своего общества. Какова *была* въ дѣйствительности задача воспитанія? Создать чиновниковъ, солдатъ, моряковъ, купцовъ, врачей и т. д. Чѣмъ *должна* она была быть? На этотъ вопросъ Пироговъ отвѣчалъ двумя простыми, но полными глубокаго смысла, словами: создать людей.

Развитіе этой мысли составляетъ все содержаніе „Вопросовъ жизни“. Посмотримъ же, какія поученія завѣщалъ намъ Пироговъ въ дѣлѣ воспитанія, развивая и доказывая свою основную мысль.

Воспитаніе,—утверждалъ онъ,—должно главнымъ образомъ приготовлять насъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой въ нашей жизни, доставляя намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой съ окружающими насъ воззрѣніями, направленіями и противоположными теченіями различныхъ общественныхъ группъ. „Приготовить же насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ, значитъ именно: *сдѣлать насъ людьми*“.

Но именно этого-то воспитаніе наше никогда и не дѣлало; думаемъ, что не дѣлаетъ и теперь. Если юноша, преодолѣвъ всевозможныя преграды, разставленныя на пути его еще съ дѣтскихъ лѣтъ, выходитъ наконецъ изъ школы, приготовленъ ли онъ,—спрашиваетъ Пироговъ,—дать самому себѣ отвѣты на возникающіе въ его головѣ вопросы: „въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать мы?“

Нѣтъ, воспитаніе не приготовило его отвѣчать на эти вопросы, которые не возникаютъ только у тѣхъ, кто „получилъ отъ природы жалкую привиллегію на идіотизмъ“, да еще у того сорта людей, „которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчекъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи“.

Внѣ этихъ двухъ категорій люди неизбѣжно задаютъ сами себѣ *вопросы жизни*, на которые въ самихъ себѣ не находятъ отвѣта, и еще менѣе находятъ его, вступая въ жизнь, въ окружающемъ ихъ обществѣ. Чувство внутренней самостоятельности не вымираетъ вдругъ въ человѣкѣ. Оно сталкивается съ принятымъ обществомъ направленіемъ, которое мало или вовсе не отвѣчаетъ тому, чему юношу учили въ школѣ. Волей-неволей приходится подчиняться или „согласовать“ проявленіе внутренней самостоятельности съ направленіемъ общества, такъ какъ безъ этого „мы или разладимъ съ обществомъ и будемъ

терпѣть и бѣдствовать, или основы общества начнутъ колебаться и разрушаться“.

Направленіе общества выражается въ господствующихъ въ немъ разнообразныхъ взглядахъ, раздѣляемыхъ тѣми группами, на которыя оно неизбѣжно распадается, а что юноша, вступающій въ жизнь, при господствующихъ въ нашемъ обществѣ взглядахъ не найдетъ въ нихъ поддержки своимъ лучшимъ стремленіямъ, въ этомъ не трудно убѣдиться. Пироговъ такъ опредѣляетъ эти взгляды для того (и для нынѣшняго?) времени: „Вотъ, напримѣръ, — говоритъ онъ, — *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, чтó необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетитъ и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ для наслажденій и трудовъ. Сонъ опять для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія для счастія. Вотъ *другой* взглядъ, высокій. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте изъ всего самое полезное. Когда умъ вашъ просвѣтлѣетъ, вы узнаете, кто вы и чтò вы. Вы поймете все, чтò кажется необъяснимымъ для черни. Поумнѣвъ, повѣрьте, вы будете дѣйствовать какъ нельзя лучше. Тогда предоставьте только выборъ вашему уму, и вы никогда не сдѣлаете промаха. Вотъ *третій* взглядъ—старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги; но въ смыслъ не вникайте. Это—главное для спокойствія души. Затѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется. Вотъ *четвертый* взглядъ—практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противурѣчитъ другой, избирайте то, чтó вамъ выгоднѣе, или, по крайней мѣрѣ, чтó для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно также какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій. Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ чтó вамъ угодно, и какъ вамъ угодно; но только строго соблюдайте всѣ приличія, и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь, и ни подъ какимъ видомъ имъ не противурѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе нездорово и негодится. Говорите, чтобы скрыть, чтó вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите; только молча, въ кулакъ себѣ смѣйтесь“... Далѣе Пироговъ приводитъ еще три взгляда, одинъ пессимистическій, другой оптимистическій и третій золотой середины. Первый сводится къ тому, что человѣкъ, что червякъ

на кучѣ грязи, зритель и комедіантъ по неволѣ, который не въ силахъ измѣнить окружающаго къ лучшему. Не зная, откуда онъ взялся, онъ умретъ, не зная, зачѣмъ жилъ. Второй сводится къ тому, что все обстоитъ прекрасно въ наилучшемъ изъ міровъ, что все, чтó ни дѣлается—дѣлается къ лучшему, а потому человѣку только остается пользоваться настоящимъ и жить себѣ припѣваючи. Наконецъ, третій выражается въ афоризмѣ: противъ теченія не плывите.—Вотъ къ чему сводится вся практическая философія общества, въ которое попадаетъ юноша, выпущенный изъ школы, и естественно, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, пока онъ не обтерся, или вѣрнѣе не утратилъ многихъ изъ своихъ юношескихъ иллюзій, такая практическая философія мало способна его удовлетворить. Часто онъ не только не удовлетворяется ею,—и какъ жалко было бы будущее страны, если бы онъ мирился съ нею!—но онъ возмущается подобными воззрѣніями, сплошь и рядомъ высказываемыми съ цинизмомъ, и у него является страстное желаніе бороться съ ложью и зломъ, встрѣчаемыми имъ на каждомъ шагу. Но вотъ тутъ онъ и попадаетъ въ бѣличье колесо. Бороться! легко сказать. Для борьбы нужно быть приготовленнымъ и далеко не всякій, кто пожелаетъ, можетъ бороться. А вынесъ ли онъ изъ школы ту нравственную силу, тотъ нравственный закалъ, который способенъ его сдѣлать серьезнымъ и энергичнымъ, разумнымъ и послѣдовательнымъ борцомъ за добро, право и правду. „Люди,—научаетъ насъ Пироговъ,—родившіеся съ притязаніями на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспріимчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаются съ тѣмъ, чтó ихъ окружаетъ и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ, все глубже и глубже роются въ рудникахъ своей души, и неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія; оставляютъ поочередно и то и другое; съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни, стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся *проложить новые пути*.“ По-истинѣ глубокія и пророческія слова. Сколько душевныхъ страданій, сколько мученій отчаянія тратится чуткими къ правдѣ юношами на эти стремленія рѣшить „столбовые вопросы жизни“, на эти поиски „новыхъ путей“. Но душевныя страданія,

муки отчаянія мало помогають для достиженія цѣли. Для разрѣшенія грозно встающихъ передъ молодымъ умомъ вопросовъ жизни требуются убѣжденія, а убѣжденія даются не каждому, да и гдѣ, спрашивается, развѣ въ нашихъ школахъ, при нашей системѣ воспитанія, могъ ихъ пріобрѣсти юноша? Что же мудренаго, если большинство, лишенное убѣжденій, неприготовленное къ борьбѣ, оступается на первыхъ же шагахъ, и, открещиваясь отъ всякихъ вопросовъ жизни, усвоиваетъ практическую философію своего общества и съ головой погружается въ ту „вакханалію", въ которой утопаетъ масса. Что удивительнаго, если съ другой стороны меньшинство, движимое исключительно чувствомъ, съ ненавистью отворачивается отъ господствующаго зла, становится въ ряды заклятыхъ враговъ общества, и съ безуміемъ отчаянія, не заглядывая въ будущее, стремится къ его разрушенію? Но кто виноватъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ явленіяхъ? Виновато воспитаніе, заботящееся только о внѣшней сторонѣ человѣка и не обращающее вниманія на „внутренняго" человѣка, ничего не дѣлающее для того, чтобы подготовить его къ неизбѣжной жизненной борьбѣ, вселить въ него высокую идею, убѣжденія, которыя только и способны сдѣлать изъ юноши серьезнаго и сознательнаго человѣка, способнаго честно работать для общества. „Только тотъ,—высказывается Пироговъ,—можетъ имѣть убѣжденія, *кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя*, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее порою, и быть непринужденно откровеннымъ*, какъ съ *наставниками*, такъ и съ *сверстниками*". Цѣлая пропасть отдѣляла дѣйствительность отъ тѣхъ въ высшей степени гуманныхъ и разумныхъ требованій, которыя предъявляетъ Пироговъ системѣ воспитанія. Наша система воспитанія внушала какъ разъ противное тому, что проповѣдывалъ и чего требовалъ Пироговъ; она силилась убить въ юношѣ то, что составляетъ самое драгоцѣнное свойство человѣка—внутреннюю самостоятельность; весь катехизисъ ея заключался въ словахъ: не разсуждай, повинуйся, не размышляй, безпрекословно исполняй приказанія! Всѣ помыслы въ дѣлѣ воспитанія направлены были на внѣшнюю дисциплину, и изъ-за нея проглядывали другую, несравненно болѣе благотворную дисциплину души и ума человѣка. Какіе плоды даетъ система воспитанія, подавлявшая человѣческую личность, на это отвѣчалъ другой замѣчательный писатель, комментировавшій „Вопросы жизни" Пирогова. „Отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, — говорилъ Добролюбовъ,—вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе

этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ, вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу"... Такой упадокъ характеровъ и совершался въ русскомъ обществѣ: гдѣ же причина „обезличенія" общества?... Все это говорилось, все это писалось почти четверть вѣка назадъ и какой результатъ? Голосъ Пирогова не только не былъ услышанъ, но напротивъ, въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ какъ бы умышленно дѣлалось все для того, чтобы система воспитанія какъ можно рѣзче расходилась съ тѣми требованіями, съ тѣми идеями, которыя высказывались этимъ глубокимъ мыслителемъ. Наконецъ, оказались печальныя послѣдствія. Виноваты тѣ, которые ихъ не понимали и не предвидѣли, и тѣмъ самымъ создали серьезную опасность для нашего общественнаго организма. Опасность эта можетъ быть устранена только однимъ — это выполненіемъ послѣдней заповѣди Пирогова: „противъ зла нужно дѣйствовать добромъ, а не зломъ!" Эта заповѣдь является какъ бы послѣднимъ и достойнымъ выводомъ его „Вопросовъ жизни".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января, 1882.

— *Eugène Hatin*, **Le Journal. Paris**, 1881. (Исторія газеты).

Въ послѣднее время появилось нѣсколько спеціальныхъ сочиненій, посвященныхъ исторіи печати. Имя Атэна занимаетъ въ этой литературѣ не послѣднее мѣсто. Еще въ 1864 году онъ написалъ „Исторію французской газеты“, черезъ нѣсколько лѣтъ издалъ осьмитомное сочиненіе, гдѣ изложилъ исторію французской прессы вообще. Кромѣ того, онъ—авторъ и еще нѣсколькихъ книгъ, все по тому же предмету. Небольшая книга, которую онъ издалъ теперь, есть резюмѐ какъ его собственныхъ сочиненій, такъ и другихъ авторовъ, писавшихъ о газетѣ, и представляетъ популярный и занимательный разсказъ о томъ, какъ и когда возникла газета, какъ она развивалась и какого успѣха достигла въ наше время.

Еще у римлянъ было въ обычаѣ публиковать во всеобщее свѣдѣніе отчеты о различнаго рода событіяхъ общественной и государственной жизни. Эти отчеты назывались „Acta Diurna“, и по словамъ Светонія, издавались, со временъ Юлія Цезаря, ежедневно. Ювеналъ подтверждаетъ этотъ фактъ, говоря въ одной своей сатирѣ о римской дамѣ, которая, слѣдуя модѣ, проводитъ все утро въ чтеніи „Acta Diurna“. Число экземпляровъ этой классической газеты должно было быть очень невелико, потому-что она была, естественно, рукописная, хотя не нужно забывать, что въ то время существовали цѣлыя правильныя учрежденія, гдѣ быстро и красиво переписывались всякаго рода манускрипты, иногда въ количествѣ до двухъ и болѣе тысячъ экземпляровъ. „Acta Diurna“ расходились, во всякомъ случаѣ, не только въ столицѣ, но шли и въ римскія провинціи, и особые торговцы доставляли ихъ даже въ арміи, разсѣянныя по всѣмъ угламъ тогдашняго міра. Съ нашествіемъ варваровъ, „Acta Diurna“ прекратили свое существованіе.

Гдѣ именно впервые возникла затѣмъ газета—послѣ того уже, какъ было изобрѣтено книгопечатаніе—до сихъ поръ съ точностью неизвѣстно. Есть указанія на то, что, до книгопечатанія еще, въ Венеціи были въ употребленіи листки — Fogliettі, содержавшіе въ себѣ изложеніе важнѣйшихъ политическихъ и торговыхъ новостей. Но листки эти назначались только для чиновниковъ и составляли нѣчто въ родѣ государственной тайны. Даже и послѣ введенія книгопечатанія они продолжали приготовляться рукописнымъ путемъ. Тутъ не было характера газеты, потому что не было публичности. По мнѣнію нѣмцевъ, газета впервые явилась въ Германіи. Она была основана во второй половинѣ XVI вѣка Фуггерами, купцами, которые вели тогда торговлю со всѣми коммерческими пунктами міра. Газета Фуггеровъ выходила въ неопредѣленные сроки и исключительно была посвящена торговымъ интересамъ фирмы. По мнѣнію нѣкоторыхъ англійскихъ историковъ, родина газеты—Англія. Въ Британскомъ музеѣ хранятся три разрозненные номера „The English Mercury“ за 1588 годъ. Но Атэнъ оспариваетъ подлинность этого документа. По его мнѣнію, газета впервые возникла въ Голландіи, гдѣ такъ рано развилась свобода вмѣстѣ съ искусствомъ; и въ Антверпенѣ, въ 1605 году, начало издаваться первое періодическое изданіе подъ редакціею мѣстнаго печатника Абрагама Ферговена—„Nieue Tydinghen“. Сначала газета выходила какъ-попало, иногда три раза въ недѣлю, иногда разъ, но потомъ она превратилась въ еженедѣльную, и каждый нумеръ ея украшался на первой и послѣдней страницѣ (всѣхъ страницъ было 8) новыми виньетками.

Во Франціи газета явилась позднѣе, но задолго до этого въ Парижѣ были въ ходу рукописныя „Вѣдомости“: эти вѣдомости появлялись неправильно и распространялись въ публикѣ преимущественно тѣмъ порядкомъ, какимъ у насъ, въ эпоху цензурнаго террора, распространялась, напримѣръ, комедія Грибоѣдова: и желавшіе имѣть ее у себя, сами переписывали ее. Были и предприниматели, у которыхъ можно было абонироваться на полученіе вѣдомостей. А для того, чтобы вѣдомости всегда содержали свѣдѣнія новыя, по Парижу сновали особые промышленники, вербовавшіеся изъ курьеровъ (coureurs de nouvelles). Эти курьеры считались такою-же необходимою принадлежностью каждаго порядочнаго дома, какъ и кучера и лакеи. На ихъ обязанности лежало докладывать господамъ о всемъ, что дѣлается въ городѣ. Курьеры эти имѣли ежедневно свои собранія въ опредѣленныхъ пунктахъ Парижа, и здѣсь они сговаривались, что̀ и какъ имъ сказать, разбирали по сортамъ свои новости и или признавали ихъ болѣе или менѣе достовѣрными, или браковали ихъ.

Такимъ образомъ, почва для газеты была уже подготовлена въ

Парижѣ, когда докторъ хирургіи Теофрастъ Ренодо (Renaudot) сталъ издавать здѣсь первую политическую, общественную газету—„Gazette“. Это случилось 30 мая 1631 года. Нужно замѣтить, что въ это время слово „газета“ сдѣлалось уже довольно популярнымъ словомъ во Франціи. Полагаютъ, что произошла оно отъ gazza—сорока,—сороками-же у всѣхъ южныхъ народовъ называютъ сплетниковъ и вообще разносителей новостей. Но Атэнъ утверждаетъ, что gazzetta была мелкая венеціанская монета, которую начали чеканить въ 1536 году. Листокъ съ новостями продавался по *газеттѣ*, и отсюда возникло названіе самого листка. Однако, достовѣрно и то, что въ Венеціи слово газета, въ теперешнемъ его смыслѣ, было употреблено гораздо послѣ того, какъ Ренодо сталъ издавать въ Парижѣ свою „Gazette“.

Эта Gazette чрезвычайно быстро пошла въ ходъ. Ришельё, сообразившій, что она можетъ сослужить ему хорошую службу, покровительствовалъ Ренодо и самъ писалъ статьи въ его органѣ, съ цѣлью провести въ публику свои политическіе взгляды. Съ другой стороны робкій Людовикъ XIII, не смѣвшій, обыкновенно, высказываться, писалъ въ свою очередь въ газетѣ доктора и этимъ путемъ заявлялъ, какъ онъ смотритъ на общественныя дѣла. Покровительствуемый дворомъ, Ренодо льстилъ королямъ и герцогамъ самымъ отчаяннымъ образомъ. Но онъ былъ недюжинный аферистъ, хорошо понималъ, что онъ становится, мало-по-малу, силой, и уже въ 1633 году писалъ: „Прошу иностранныхъ государей и иностранныя правительства не тратить безполезно времени на усилія закрыть доступъ новостямъ, сообщаемымъ мною, потому-что товаръ мой особый; торговлю имъ нельзя запретить, какъ нельзя измѣнить природу потоковъ, которые разростаются только, встрѣчая преграды“. Этотъ гордый языкъ показываетъ, что Ренодо въ сущности весьма сознательно относился къ своему дѣлу. Но, конечно, праотецъ газетчиковъ прежде всего былъ ловкій человѣкъ, пронырa. Онъ съумѣлъ удержать довѣріе двора послѣ смерти Ришельё и Людовика XIII и сдѣлался любимцемъ Мазарини. Во время Фронды, кардиналъ приказалъ ему переселиться въ Сенъ-Жерменъ. Ренодо повиновался, но въ Парижѣ оставилъ двухъ своихъ сыновей, уже опытныхъ въ газетномъ дѣлѣ, и поручилъ имъ издавать „Courrier François“. Такимъ образомъ онъ издавалъ газету для двора, а сыновья его для парламента. Успѣхъ предпріятія превзошелъ его ожиданія. „Courrier François“ продавался по су за номеръ и доставлялъ редакторамъ такіе барыши, что вызвалъ множество подражаній. Нѣкто Сенъ-Жюльенъ сталъ тоже издавать „Courrier François“, но въ стихахъ. Ренодо выпускали свою газету въ пятницу, а Сенъ-Жюльенъ—черезъ день, въ воскресенье. Это была изумительная быстрота. Надо было написать до восьми-

сотъ стиховъ, набрать и напечатать въ одни сутки эту рпомованную копію. Главное-же то, что стихи были легки, остроумны и оставляли далеко позади себя оригиналъ, состоявшій изъ однихъ голыхъ сообщеній и неосвѣщенныхъ фактовъ. Когда Ренодо, по окончаніи войны, вернулся въ Парижъ, его „Gazette" временно упала и продолжала существовать на счетъ средствъ „Courrier François", пустившаго въ городѣ корни. Къ тому-же Ренодо поддержало правительство, возстановившее монополію для него.

Газета Ренодо выходила разъ въ недѣлю. Порядокъ извѣстій былъ такой, что самыя свѣжія новости были на послѣдней страницѣ, особенно относившіяся къ двору. Ежемѣсячно, кромѣ того, Ренодо выпускалъ особый добавочный нумеръ подъ заглавіемъ: „Relations des nouvelles du monde reçues dans tous les mois". Въ этомъ нумерѣ печатался обзоръ новостей за мѣсяцъ и политическіе отвѣты. Когда случались какія-нибудь выдающіяся происшествія, Ренодо печаталъ особые листки: „Extraordinaires". Газета продавалась розничио, на улицахъ, и газетчики, какъ и теперь, выкрикивали ея названіе. Ренодо умеръ въ 1653 году, но Gazette продолжала существовать, переходя изъ рукъ въ руки, до 1778 года, когда она была преобразована въ открыто оффиціальный органъ подъ названіемъ „Gazette de France".

Между тѣмъ забавныя и шуточныя газеты, въ родѣ газеты Сенъ-Жюльена, пришлись парижской публикѣ по вкусу. То было время удивительно легкихъ нравовъ и повальнаго легкомыслія. Въ будуарахъ хорошенькихъ аристократокъ и въ уборныхъ богатыхъ щеголей толпилась всегда масса молодыхъ людей, съ неутолимымъ аппетитомъ и болѣе чѣмъ скромными средствами. Они всячески прислуживали своимъ покровителямъ, и если между ними находился даровитый юноша, хорошо владѣющій стихомъ (плохими стихами тогда нельзя было никого удивить, потому что было въ модѣ умѣть писать стихи и говорить экспромты), то карьера его была сдѣлана. Имъ гордились, какъ украшеніемъ гостиной, и всюду выставляли его напоказъ; другіе аристократы приглашали его къ себѣ, кормили и поили и восторгались его стихами, въ которыхъ иногда весьма грубо, но игриво разсказывались политическія новости, придворные анекдоты, описывались прелести извѣстныхъ дамъ, разоблачались тайны альковов, воспѣвались балы, пиры, платья, экипажи извѣстныхъ франтовъ и богачей. Къ этой породѣ политическихъ паразитовъ принадлежалъ, очевидно, и Сенъ-Жюльенъ. Его газета существовала очень недолго. Типомъ развеселаго газетчика временъ Фронды, который не можетъ говорить иначе, какъ стихами, который вездѣ принятъ, даже при дворѣ, и котораго всѣ ласкаютъ, въ особенности

дамы (а онъ сыплетъ имъ въ отвѣтъ совершенно неприличными осьмистишіями), является безспорно Жанъ Лоре (Loret). Ему покровительствовала г-жа Лонгвиль, герцогиня Немурская, и свои политическія и иныя стихотворенія онъ всегда обращалъ къ ней. Они расходились по Парижу и имъ дано было собирательное названіе: „Gazette burlesque". Печатались они подъ другимъ заглавіемъ: „Muse historique". Несомнѣнно они имѣютъ важное историческое значеніе. У Лоре было много подражателей; нѣкто Майола (Mayolas) особенно выдвинулся своимъ поэтическимъ дарованіемъ (если приложимъ такой эпитетъ къ этого рода литературѣ). Онъ продолжалъ „Muse historique" Лоре, а затѣмъ началъ издавать собственный органъ подъ названіемъ: „Lettres en vers et en prose, dediées au Roi". Три страницы каждаго нумера этой газеты наполнялись стихами, а на четвертой печатался романъ, состоявшій изъ писемъ въ прозѣ. Письма писались любовниками, страстно влюбленными другъ въ друга. Сюжетъ романа заключался въ отношеніяхъ этихъ любовниковъ другъ къ другу. Романъ былъ безконечный и тянулся годы. Это былъ настоящій фельетонъ, и Майола можетъ считаться праотцемъ всѣхъ послѣдующихъ фельетонистовъ.

Самымъ значительнымъ фельетоннымъ органомъ впослѣдствіи во Франціи былъ „Mercure galant". Интересна судьба его. Серьёзные люди пожимали плечами, читая его. Онъ былъ глупъ и нахаленъ: пошлости и сальности выкрикивались въ газетѣ съ несокрушимымъ апломбомъ. Ла-Брюйеръ находилъ, что онъ ниже всякой критики. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ значительный успѣхъ, который росъ съ каждымъ годомъ. Мало того, „Mercure" привлекалъ даже такихъ сотрудниковъ, какъ Корнель. По смерти его собственника и основателя, онъ продолжалъ развиваться по инерціи. Г-жѣ Помпадуръ пришло въ голову овладѣть газетой. Редакторъ былъ назначенъ отъ правительства, а доходы „Меркурія" были обращены на литературныя пенсіи. Такихъ пенсій въ 1762 году выдавалось на сумму 28 т. фр., а позднѣе—35 т. фр. Надо сказать, что съ теченіемъ времени газета утратила первоначальный характеръ, хотя, конечно, въ извѣстной степени продолжала держаться старыхъ традицій и была ими сильна. Ее не разорила, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, даже правительственная опека.

Собственно литературная и научная пресса во Франціи возникла не раньше половины XVII столѣтія. Первымъ основателемъ научно-литературнаго еженедѣльнаго журнала былъ нѣкто Денисъ Салло, человѣкъ замѣчательной по тому времени образованности. Въ своемъ объявленіи о журналѣ, которому онъ далъ названіе „Journal des Savans", онъ писалъ: „Цѣль этого изданія давать отчеты обо всемъ,

что̀ совершается въ области литературы. Поэтому онъ будетъ состоять изъ точнаго списка главнѣйшихъ книгъ, печатающихся въ Европѣ. Но при этомъ мы не ограничимся однимъ списываніемъ заглавій, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ библіографы. Мы разскажемъ ихъ содержаніе и отмѣтимъ степень ихъ годности. Если умретъ какой-нибудь человѣкъ, прославившійся своимъ ученіемъ и своими трудами, мы воздадимъ ему должное и укажемъ, что̀ онъ сдѣлалъ, а также передадимъ главнѣйшія обстоятельства его жизни. Мы будемъ сообщать объ опытахъ физическихъ и химическихъ, которые могутъ объяснить явленія природы, о новѣйшихъ открытіяхъ въ области искусствъ и наукъ, о полезныхъ и любопытныхъ изобрѣтеніяхъ математиковъ, о наблюденіяхъ надъ небесными свѣтилами и метеорами и о томъ, что̀ анатомія можетъ найти новаго въ строеніи животныхъ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться главнѣйшія рѣшенія свѣтскихъ и духовныхъ трибуналовъ, постановленія Сорбонны и другихъ университетовъ, какъ отечественныхъ, такъ и чужеземныхъ. Однимъ словомъ, мы будемъ стараться, чтобъ все, что̀ происходитъ въ Европѣ достойнаго любознательности образованныхъ людей, не было опущено нашимъ журналомъ". Успѣхъ этого журнала былъ рѣдкій. Это былъ первый серьёзный журналъ въ Европѣ. По образцу его вскорѣ стали издаваться въ Лондонѣ „Philosophical Transactions" и десятки другихъ журналовъ въ Венеціи, Флоренціи, Лейпцигѣ, въ Голландіи. Journal des Savans переводили и поддѣлывали. Салло, чтобъ не вызывать ревности титулованныхъ ученыхъ, профессоровъ, издавалъ журналъ подъ псевдонимомъ, но былъ другой врагъ, болѣе опасный—іезуиты. Они выхлопотали отъ папы запрещеніе журнала, и Салло долженъ былъ прекратить его. Однако, Кольберъ, видѣвшій, что журналъ полезенъ, поручилъ его аббату Галлуа, сотруднику Салло, тоже чрезвычайно образованному и начитанному человѣку, знатоку литературы. Подъ редакторствомъ Галлуа журналъ процвѣталъ много лѣтъ. Въ началѣ XVIII в. онъ былъ преобразованъ и сдѣлался о̀рганомъ академіи.

Кромѣ большихъ газетъ, которыя французское правительство поддерживало тѣмъ, что не разрѣшало другихъ газетъ, въ Парижѣ, отъ времени до времени, появлялись маленькія газетки. Онѣ быстро закрывались, если могли составить конкурренцію монопольнымъ изданіямъ; но ихъ терпѣли, если онѣ были безцвѣтны, ничтожны, или же если пользовались покровительствомъ важнаго лица. Изъ числа этихъ газетокъ нѣкоторую популярность снискала курьёзная: „Lunes du Cousin Jacques". Газетка эта была почти сумасшедшая и сама называла себя о̀рганомъ „періодическаго безумія". Всѣ дикія шутки ея редактора и сотрудниковъ, въ стихахъ и прозѣ, носившія въ

тому же совершенно личный характеръ, находили себѣ мѣсто на столбцахъ этой газетки. Нерѣдко шутки эти были возмутительно площадныя. Газетка выходила иногда съ бѣлыми страницами, иногда съ черными, иногда печать на ней была расположена въ обратную сторону, такъ-что можно было читать ее только съ помощью зеркала. Подписка принималась не только деньгами, но и натурою. Въ каждомъ нумерѣ редакторъ объявлялъ, какіе подарки получилъ онъ отъ подписчиковъ. Одинъ прислалъ ему корзинку шампанскаго, другой бѣлую собачонку съ черными лапками. Однажды редакторъ принялъ, вмѣсто подписной суммы, драповый фракъ, въ другой разъ бархатное нижнее платье...

Первая ежедневная газета въ Англіи появилась въ 1702 году— „Daily Courant". Она была маленькаго формата. Въ Парижѣ ежедневная газета стала выходить только въ 1777 г. Это былъ „Journal de Paris". Хотя газета казалась большою, но она вся могла бы вмѣститься въ столбцѣ любого теперешняго ежедневнаго изданія. Въ первомъ ея номерѣ было напечатано письмо Вольтера къ издателямъ; онъ одобрялъ ихъ предпріятіе. Газета, несмотря на насмѣшки и эпиграммы фельетонныхъ изданій, ставившихъ ей въ вину, напримѣръ, то, что одинъ изъ ея редакторовъ былъ аптекарь, быстро пошла въ ходъ и процвѣтала вплоть до революціи.

Кромѣ монопольныхъ газетъ, т.-е. разрѣшенныхъ правительствомъ, во Франціи обращались еще заграничныя французскія газеты, издававшіяся преимущественно въ Голландіи французами и для французовъ. Ввозъ ихъ не былъ воспрещаемъ, несмотря на постоянныя жалобы монополистовъ. Правительство такимъ образомъ само какъ бы признавало неудобство существующаго монопольнаго порядка, и министры обходили иногда законы, разрѣшая издавать въ Парижѣ большія газеты, но съ тѣмъ, чтобъ на каждомъ нумерѣ ея значилось, что она печатается за границей. Такъ, въ Парижѣ выходила, подъ редакціей Панкука, вліятельная газета—„Journal de Genève". Интересно, что въ это время газетной монополіи въ Парижѣ много было и рукописныхъ листковъ. Нерѣдко эти листки содержали въ себѣ самыя любопытныя и свѣжія новости.

Во время революціи число газетъ во Франціи выросло до 1400. Нѣкоторыя изъ нихъ не шли дальше перваго нумера. Конкурренція была страшная. Уже и прежде конкурренція эта давала себя знать: газетчики, чтобъ провалить другъ друга, прибѣгали ко всякаго рода средствамъ, клеветали одинъ на другого, диффамировали и, по выраженію барона Гримма, ихъ ремесло сравняло ихъ съ проститутками; теперь же паденіе газетчиковъ было полное. Были и среди нихъ замѣчательно сильныя нравственныя личности, съ цѣлями серь-

езными, но дѣятели этого рода были исключеніемъ. Всѣ голодные молодые люди, неудавшіеся учителя, отставные чиновники, парикмахеры (которые, обыкновенно, всегда любятъ пофилософствовать насчетъ политики и знаютъ всѣ городскія новости), грамотные офицеры и сержанты, попы-разстриги,—все это устремилось въ литературу и наводнило Парижъ своими произведеніями. На улицахъ съ самаго ранняго утра стоялъ крикъ продавцовъ газетъ. У кого горло было сильнѣе, тотъ и удачнѣе торговалъ. Газеты наполнялись циническими выходками и льстили самымъ низкимъ страстямъ толпы, приглашая ее, напримѣръ, къ кровавой расправѣ съ „врагами отечества". Онѣ науськивали народъ другъ на друга, и были случаи, когда въ редакціи вдругъ врывалась кучка людей и разносила все и всѣхъ, по наущенію враждебныхъ этимъ редакціямъ листковъ. Газеты эти хвастали своимъ невѣжествомъ, маскируясь поддѣльнымъ демократизмомъ, и отличались поражающимъ нахальствомъ и распущенностью. Одинъ изъ политическихъ людей того времени такъ выражался о нихъ: „каналья, которой удалось сказать въ рифму какую-нибудь чепуху, или тиснувшая гдѣ-нибудь скверную статейку, и не знающая, что съ собой дѣлать, вдругъ берется издавать газету". Директорія, уничтожившая многія политическія газеты, положила, вмѣстѣ съ тѣмъ, конецъ и этимъ литературнымъ лавочкамъ. Консульство затѣмъ закрыло 73 газеты. Въ это время выдвинулся „Journal des Débats", который первый сталъ печататься листами большого формата, въ четыре страницы, и у которой было колоссальное для того времени число подписчиковъ: 8,150. Эта газета ввела у себя фельетонъ и этимъ объясняется ея успѣхъ. Въ верхнемъ этажѣ газеты господствовала сдержанность въ обсужденіи политическихъ вопросовъ; въ нижнемъ сдержанности не было, и шутя говорилось обо всемъ. Фельетонъ велъ Жоффруа. Это былъ пронырливый и даровитый человѣкъ, который слегка судилъ и о литературѣ, и о наукѣ, и объ общественной жизни. Надо сказать, впрочемъ, что говоря обо „всемъ", онъ постоянно разсыпался передъ Наполеономъ въ самыхъ льстивыхъ и гнусныхъ выраженіяхъ; на первомъ планѣ у него были деньги. При имперіи „Journal des Débats" имѣлъ уже 32,000 подписчиковъ. Бертэнъ, редакторъ журнала, получавшій 200,000 чистаго дохода, вызвалъ зависть всемогущаго министра полиціи Фуше, которому не хотѣлъ кланяться. Началась тайная борьба. Въ 1811 году газета вдругъ была конфискована, причемъ правительство присвоило себѣ не только деньги въ кассѣ, но и редакціонную мебель и все имущество имѣвшагося при газетѣ книжнаго магазина. „Journal des Débats" былъ возобновленъ потомъ Бертэ-

номъ при Людовикѣ XVIII, и Наполеонъ, котораго прежде восхваляла газета, назывался ею теперь „корсиканскимъ людоѣдомъ“.

Реставрація на первыхъ порахъ предоставила прессѣ свободу. Это было удивительное время французской печати. Журналисты стали играть очень важную роль, они сдѣлались силой. Лучшіе умы отдались легкой газетной литературѣ. Бурбоны скоро спохватились и стали все сильнѣе съуживать кругъ свободы слова. Но журналисты не хотѣли уступать. Завязалась борьба между правительствомъ и газетами, имѣвшими за себя общественное мнѣніе. Не желая и не имѣя возможности бороться открыто, правительство придумало курьезный планъ—скупить оппозиціонные органы, и дѣйствительно, ему удалось пріобрѣсть нѣсколько такихъ газетъ. Оно затратило на это до 2 милліоновъ единовременно, но вся операція обошлась ему гораздо дороже. За „Oriflamme“ было заплачено 400,000 ф., но у газеты оказалось только 40 подписчиковъ. За „Journal de Paris“, у которой было 7000 подписчиковъ, правительство заплатило полъ-милліона. Однако, какъ только въ газетѣ начались новые порядки, подписка упала, и правительство ежегодно должно было употреблять до 100,000 на поддержаніе этого изданія. Операцію свою правительство совершало секретно, отъ имени какого-то анонимнаго общества, которое Шатобріанъ съ негодованіемъ называетъ „черной шайкой“. Нашлись, конечно, журналисты, которые ни за что не захотѣли продать своихъ газетъ. Между ними особенно выдавался Мишо, редакторъ „Quotidienne“, самаго важнаго оппозиціоннаго органа. Случились и еще неудачи. Тогда министръ Виллель внесъ въ палату законопроектъ, возмутившій даже роялистовъ и названный Шатобріаномъ вандальскимъ закономъ; онъ давалъ правительству возможность совершенно уничтожить во Франціи книгопечатаніе. Депутаты приняли законопроектъ, но пэры были такъ враждебно настроены противъ него, что министръ поспѣшилъ взять его назадъ. Всѣ оппозиціонные, какъ республиканскіе, такъ и монархическіе органы праздновали побѣду. Вечеромъ городъ украсился иллюминаціей. Виллель вышелъ въ отставку, а Мартиньякъ, его преемникъ, уничтожилъ цензуру и монополію. Побѣда журналистовъ кончилась іюльскими днями.

Іюльская монархія, въ свою очередь, не могла быть равнодушной къ возрастающему вліянію печати. Но печать по прежнему оставалась органомъ общественнаго мнѣнія, и сила ея была бы несокрушима, несмотря на безпрерывныя гоненія и судебные процессы, еслибы въ средѣ ея самой не началось разложеніе. Въ отвѣтъ на стѣснительный сентябрьскій законъ 1835 года журналисты понизили цѣну газетъ съ 80 до 40 фр., по почину Эмиля Жирардена, извлекшаго изъ этого огромные барыши: чтобы уравновѣсить убытки,

онъ развилъ въ своей газетѣ отдѣлъ объявленій. Тогда-же, для привлеченія публики, стали печататься въ газетахъ романы. По мнѣнію Атэна, это послѣднее нововведеніе, которому принуждены были послѣдовать и всѣ конкурренты Эмиля Жирардена, въ концѣ-концовъ повредило французской печати, которая хотя и сдѣлалась весьма доступной и демократизировалась, такъ-сказать, но никогда уже не могла достигнуть той высоты могущества, на которой стояла въ эпоху реставраціи. Редакторы, конкуррируя другъ съ другомъ, поневолѣ стали заботиться о занимательности и забавности газеты прежде всего, потому что только этими достоинствами обезпечивался успѣхъ ихъ изданій. Съ другой стороны, забота эта создала особый типъ легкой литературы—фельетонную критику, бульварный романъ, фельетонную науку, чтó все вмѣстѣ не могло не способствовать воспитанію въ обществѣ дурныхъ литературныхъ вкусовъ и того прискорбнаго отношенія къ серьёзнымъ поэтическимъ и ученымъ трудамъ, которое до сихъ поръ составляетъ вѣрную примѣту всякаго способнаго и популярнаго фельетониста, обязаннаго быть немножко неразвитымъ и глупымъ, но такъ, чтобы эта глупость выражалась въ блестящихъ, по возможности, и пикантныхъ формахъ.

Пресса, такимъ образомъ, мало-по-малу деморализировалась, погнавшись за подпиской, и потеряла прежнее вліяніе, потому-что, спустившись до толпы и начавъ вести съ нею вмѣсто серьезныхъ рѣчей пошлые разговоры, она лишилась довѣрія: изъ-за тоги журналиста показалось лицо лавочника. Началось царство Вильмесановъ.

Въ настоящее время во Франціи насчитываютъ 2,500 періодическихъ изданій. Половина ихъ выходитъ въ Парижѣ. Но, конечно, не одна Франція можетъ похвастать числомъ своихъ газетъ. Въ 1878 году въ Японіи, гдѣ первое періодическое изданіе появилось 12 лѣтъ тому назадъ, было уже 278 газетъ, изъ которыхъ только 9 печатались на иностранныхъ языкахъ. Тамъ всѣ любятъ читать, и всякій грамотный японецъ считаетъ теперь необходимымъ выписывать газету. Въ 1879 году число нумеровъ газетъ, разосланныхъ по почтѣ, равнялось въ этой изумительно развивающейся странѣ—2.200,000, а годъ тому назадъ—83 милліонамъ! Въ матеріальномъ отношеніи японскія газеты почти не уступаютъ французскимъ, и между ними есть даже сатирическія, въ родѣ англійскаго Punch'а съ хорошими рисунками. Самая газетная страна въ мірѣ есть Сѣверная Америка, превосходящая въ этомъ отношеніи даже Англію. Въ 1775 году въ Соединенныхъ Штатахъ было 37 газетъ, а теперь число ихъ превосходитъ 6,000. Размѣры этихъ газетъ гигантскіе сравнительно съ французскими и даже англійскими ежедневными изданіями. Фран-

цузскія газеты напирають главнымъ образомъ на полемику, редакторы ихъ проникнуты желаніемъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, выдвинуть напередъ свою личность или своихъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ, проникнутыхъ такими-же тщеславными чувствами; американскія и англійскія газеты ведутся чрезвычайно солидно и главная ихъ задача — давать публикѣ какъ можно больше всевозможнаго рода извѣстій, чтобы ужъ публика сама составила о нихъ какое ей угодно мнѣніе. Но такъ-какъ извѣстіямъ нѣтъ конца, то и газеты англо-американскія необыкновенно какъ разростаются. Объявленія занимаютъ въ нихъ весьма видное мѣсто. А главные и наиболѣе уважаемые ихъ сотрудники — репортеры, получающіе колоссальные гонорары и путешествующіе по всему свѣту. Нью-йоркскій „Herald“, рожденный въ подвалѣ и помѣщающійся теперь во дворцѣ, платитъ иногда по 20 и по 50 тысячъ франковъ за интересныя телеграммы! Доходы этихъ газетъ исчисляются милліонами и десятками милліоновъ, которые всѣ опять идутъ на улучшеніе изданій, и не предвидится конца этимъ улучшеніямъ.

Въ то время какъ континентальныя газеты, достигшія уже болѣе или менѣе идеала газетнаго благополучія (каковы „Figaro“ и „Petit Journal“, приносящіе по милліону чистаго дохода), достигли, вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣла своей популярности, причемъ въ Европѣ всѣ сколько-нибудь образованные люди говорятъ объ ежедневной печати, какъ о „низшей“ литературѣ, въ Англіи и Америкѣ газеты становятся все болѣе популярными, и къ нимъ относятся съ уваженіемъ даже ученые и философы, какъ къ орудію просвѣщенія. Здравый смыслъ англо-саксонской расы спасъ англійскихъ и американскихъ журналистовъ отъ смѣшного положенія, въ которомъ находится большинство ихъ европейскихъ собратовъ, принужденныхъ, въ погонѣ за дешевыми лаврами, не только наряжаться въ костюмъ истолкователей народныхъ судебъ, или въ погремушки литературныхъ клоуновъ, ломающихся передъ публикой, но и пресмыкаться нерѣдко передъ властью, вымаливая у ней субсидію, въ формѣ-ли непосредственной подачки, въ формѣ-ли гарантированной монополіи...

На печальныя мысли наводитъ исторія газеты, передаваемая книгой Атэна. Исторія эта была-бы еще печальнѣе, если-бы ею исчерпывалась и исторія литературы. Но конечно, этого нѣтъ, да и не можетъ быть. Исторія газеты есть только самая ничтожная часть исторіи литературы.

— *Т. Рибо*. Болѣзни памяти. Переводъ подъ редакціею А. Черемшанскаго. Изданіе редакціи журнала „Медицинская библіотека". Спб. 1881.

Эта небольшая книга Рибо представляетъ попытку, собравъ извѣстное число наблюденій и любопытныхъ фактовъ, касающихся болѣзней памяти, и сопоставивъ ихъ, придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ и заключеніямъ по этому предмету. Не смотря на то, что предметъ изслѣдованія Рибо требовалъ и спеціальныхъ знаній, и спеціальныхъ научныхъ пріемовъ, книга можетъ быть названа популярной въ полномъ смыслѣ слова.

Выводы, къ какимъ пришелъ Рибо, состоятъ въ слѣдующемъ.

Память есть общая функція нервной системы. Истинный типъ органической памяти должно искать въ той группѣ фактовъ, которые называются у англійскихъ психологовъ вторичными автоматическими движеніями, которыя составляютъ главную суть нашей повседневной жизни и выражаются въ поддерживаніи на всякомъ шагу равновѣсія нашего тѣла. Основаніемъ ея является свойство элементовъ сохранять полученныя измѣненія и вступать во взаимныя ассоціаціи. Эти ассоціаціи можно назвать динамическими въ отличіе отъ анатомическихъ или прирожденныхъ. Сохраненіе памяти обезпечивается питаніемъ, а воспроизведеніе зависящихъ отъ нея состояній преимущественно кровообращеніемъ. Это—два основныя свойства памяти. Третье свойство—сознаніе, являющееся какъ высшая форма памяти, какъ завершеніе или совершенствованіе ея.

Разрушеніе памяти всегда слѣдуетъ извѣстному закону. Когда разрушеніе памяти общее, то потеря воспоминаній выражается въ забвеніи недавнихъ фактовъ, идей вообще, чувствованій, дѣйствій. Болѣзни памяти, относящіяся къ этому классу (общія амнезіи), могутъ быть временными, періодическими, прогрессирующими и врожденными.

Временныя амнезіи очень часто начинаются внезапно и внезапно кончаются, продолжаясь отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, Линней съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ иногда свои собственныя произведенія и, увлекаясь этимъ чтеніемъ, въ забывчивости восклицалъ: „какъ это хорошо написано! какъ бы мнѣ хотѣлось быть авторомъ подобныхъ сочиненій!" Вальтеръ Скотту прочли однажды вслухъ поэму, которая ему очень понравилась; онъ спросилъ имя автора, и оказалось, что это было пѣсня изъ его „Пирата". Баллантейнъ, служившій у него секретаремъ и написавшій его біографію, сообщаетъ, что романъ „Айвенго" былъ бо̀льшею частью продиктованъ Вальтеръ Скоттомъ въ теченіе острой болѣзни. Книга была окончена и напечатана раньше, чѣмъ авторъ поправился

и всталъ съ постели. Онъ не сохранилъ о своемъ сочиненіи ни малѣйшаго воспоминанія, за исключеніемъ основной идеи романа, которая была задумана еще до болѣзни. Труссо сообщаетъ объ одномъ сановникѣ, который, находясь какъ членъ одного ученаго общества на засѣданіи въ парижской ратушѣ, вдругъ всталъ, вышелъ безъ шляпы на улицу, дошелъ до набережной, затѣмъ вернулся, сѣлъ на свое мѣсто и принималъ участіе въ преніяхъ, совершенно не помня о своемъ выходѣ изъ залы. Одинъ башмачникъ, въ день своей свадьбы, въ приступѣ эпилептической маніи, убилъ сапожнымъ ножомъ своего тестя. Черезъ нѣсколько дней больной пришелъ въ себя; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о совершонномъ имъ преступленіи. Временная амнезія выражается и въ другихъ формахъ. Одна дама послѣ родовъ забыла всю свою прошедшую жизнь и не узнавала ни мужа, ни ребенка, такъ что пришлось перевоспитывать ее. Механикъ одного парохода упалъ на спину, причемъ затылкомъ ударился о какой-то твердый предметъ и за тѣмъ потерялъ на нѣкоторое время сознаніе. Придя въ себя, онъ скоро оправился. Онъ помнилъ отлично всю свою жизнь до этого случая, но начиная съ момента паденія не былъ въ состояніи запомнить ровно ничего, даже фактовъ, самымъ близкимъ образомъ касающихся его личности. Прибывъ въ госпиталь, онъ не могъ сказать, пришелъ ли онъ пѣшкомъ или пріѣхалъ въ экипажѣ или по желѣзной дорогѣ. Послѣ завтрака онъ сейчасъ же забывалъ, что только-что вышелъ изъ-за стола; у него не было никакого представленія о часѣ, днѣ, недѣлѣ. Онъ пробовалъ, подумавъ, отвѣчать на такіе вопросы, но это ему не удавалось. Онъ выздоровѣлъ мало-по-малу. Приведемъ еще одно чрезвычайно любопытное наблюденіе, хотя не единственное въ своемъ родѣ. 24-лѣтняя женщина заснула и спала непрерывно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Пробудившись отъ спячки, больная забыла почти все, что́ прежде знала. Все казалось ей новымъ, она не узнавала даже родныхъ. Она чрезвычайно напоминала ребенка. У ней оказалась весьма хорошая память на все то, что́ она видѣла и слышала со времени своего пробужденія отъ спячки, но за то она не помнила рѣшительно ничего изъ періода, предшествовавшаго болѣзни. Часть того, что́ она знала прежде, она успѣла снова выучить. Сначала съ нею невозможно было разговаривать; вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на вопросъ, она его повторяла слово въ слово. Затѣмъ запасъ ея словъ быстро увеличивался, хотя часто она и смѣшивала ихъ. Она скоро научилась читать и писать, успѣхи ея тутъ были бы слишкомъ быстры для человѣка, который никогда не имѣлъ понятія о письмѣ. На полное перевоспитаніе ея понадобилось до трехъ мѣсяцевъ.

Періодическія амнезіи выражаются, главнымъ образомъ, въ такъ называемомъ раздвоеніи личности, въ двойномъ сознаніи, въ чередованіи двухъ самостоятельныхъ понятій, что зависитъ отъ чередованія двухъ самоощущеній. Типичнымъ примѣромъ можетъ послужить случай одной молодой американки, которая впадала отъ времени до времени въ глубокій сонъ. Послѣ перваго такого сна она забыла все, что знала, и ее пришлось учить всему заново. Послѣ второго сна она стала такою, какою была до перваго: она обладала всѣми прежними своими свѣдѣніями и всѣми воспоминаніями о своей юности, но, наоборотъ, совершенно не помнила того, что происходило въ промежуткѣ между двумя приступами сна. „Въ теченіе болѣе нежели 4-хъ лѣтъ она періодически переходила отъ одного состоянія въ другое, и притомъ всегда послѣ глубокаго и продолжительнаго сна. Она также не сознавала двойственности своей личности, какъ два отдѣльныя лица не сознаютъ нѣкоторыхъ относительныхъ свойствъ другъ друга. Въ старомъ обычномъ своемъ состояніи она обладала всѣми своими первоначальными свѣдѣніями. Въ состояніи же новомъ она знала лишь то, чему успѣла научиться во время своей болѣзни. Въ старомъ состояніи у ней былъ прекрасный почеркъ. Въ новомъ она писала очень плохо, такъ какъ не успѣвала достаточно упражняться въ этомъ. Если ее желали познакомить съ кѣмъ нибудь, то необходимо было представить ей это лицо во время обоихъ ея состояній, иначе знакомство не было полнымъ. Тоже самое относилось и ко всему остальному“.

Прогрессивными амнезіями Рибо называетъ тѣ, которыя, путемъ упорнаго и медленнаго процесса разрушенія, ведутъ къ полному уничтоженію памяти. Сначала упадокъ памяти касается свѣжихъ фактовъ. Но вскорѣ пропадаетъ и основа памяти. Утрачиваются научныя, артистическія и профессіональныя свѣдѣнія. Личныя воспоминанія изглаживаются въ нисходящемъ (удаляющемся) порядкѣ прошедшаго. Послѣдними исчезаютъ воспоминанія дѣтства.

О врожденныхъ амнезіяхъ, которыя встрѣчаются у идіотовъ, у слабоумныхъ отъ рожденія и въ меньшей мѣрѣ—у кретиновъ, Рибо не говоритъ почти ничего. Зато онъ весьма обстоятельно описываетъ частныя амнезіи и приводитъ при этомъ множество пояснительныхъ и курьезныхъ случаевъ. Характеръ частныхъ амнезій зависитъ отъ общаго характера памяти даннаго индивидуума, ибо, въ сущности, сколько людей, столько индивидуальныхъ оттѣнковъ памяти. Нѣкоторыя лица теряютъ способность воспроизводить извѣстные тоны или извѣстные цвѣта и потому имъ приходится отказываться отъ занятій музыкою или живописью. Другіе утрачиваютъ лишь память чиселъ, лицъ, иностраннаго языка, собственныхъ именъ, забываютъ

о существованіи самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ и т. п. Одному классику нанесли ударъ по головѣ и онъ совершенно забылъ греческій языкъ. Г. фонъ-Б., посланникъ въ Мадридѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, въ началѣ одного визита, когда ему пришлось назвать себя по имени, тщетно старался припомнить это имя и, наконецъ, обратился къ своему товарищу: „Ради Бога, скажите мнѣ—какъ меня зовутъ?“ Другой господинъ, съ весьма плохой памятью на лица, сидя съ своей женой, вообразилъ, что это не жена его, а особа, къ которой онъ питалъ тайную симпатію, и подъ вліяніемъ этой идеи, безпрестанно повторялъ: „сударыня, я не могу оставаться у васъ долѣе; мнѣ необходимо вернуться къ женѣ и дѣтямъ“. Амнезія знаковъ—словъ и жестовъ—весьма распространена. Сначала постепенно изчезаетъ разумная, обдуманная рѣчь. Утрачивается одна часть словаря, потомъ другая: вмѣсто „ножницы“ говорятъ „то, чѣмъ рѣжутъ“, или же слова смѣшиваются. Языкъ чувствованій сопротивляется разрушенію дольше всего. Лучшіе наблюдатели отмѣтили много случаевъ, гдѣ люди, совершенно переставшіе говорить, неспособные правильно выговаривать ни одного слова, могутъ еще произносить не только междометія, но и цѣлыя фразы, выражающія гнѣвъ, досаду или жалобы на болѣзнь. Ругательства—самыя стойкія формы этого языка.

Такимъ образомъ, не только при общемъ разрушеніи памяти, но и въ случаяхъ частнаго разрушенія ея (забвенія знаковъ) потеря воспоминаній также слѣдуетъ неизмѣнному пути: это „обратное движеніе отъ болѣе новаго къ старому, отъ сложнаго къ простому, отъ произвольнаго къ автоматическому, отъ менѣе организованнаго къ болѣе организованному“. „Дегенерація (вырожденіе) поражаетъ прежде всего то, что развилось позже всего“.

Главный же выводъ, къ которому приходитъ Рибо, заключается въ слѣдующемъ: память есть процессъ организаціи въ различныхъ ея степеняхъ, лежащихъ между двумя крайними предѣлами: новымъ состояніемъ (памяти) и органическимъ запечатлѣніемъ состояній.

Этимъ своимъ выводомъ, равно какъ и всѣми предъидущими, Рибо заявляетъ тѣсную связь своихъ психологическихъ воззрѣній съ воззрѣніями англійскихъ психо-физіологовъ. Онъ можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ сторонниковъ англійскаго „ассоціаціонизма“, прививающагося въ послѣднее время во Франціи, хотя, надо замѣтить, есть пункты, гдѣ Рибо не сходится съ нимъ и, во всякомъ случаѣ, относится къ нему съ самостоятельностью оригинальнаго мыслителя.

— *Путешествіе А. Э. Норденшильда* вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега" въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго *С. И. Барановскій*, заслуженный профессоръ Александровскаго университета, при содѣйствіи *Э. Б. Коріандера*, горнаго инженера. Разрѣшенное авторомъ изданіе. Спб. 1881. Вып. 1—4.

Немногимъ изъ ученыхъ, не только иностранныхъ, но и отечественныхъ, выпадаетъ на долю такая извѣстность, такая популярность, какой удостоился у насъ профессоръ Норденшельдъ. Стоитъ вспомнить тѣ оваціи, которыми почтили его въ Петербургѣ во время его кратковременнаго пребыванія здѣсь въ началѣ 1881 года. Причина этой популярности, конечно, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что имя профессора Норденшельда связывается съ открытіемъ морского торговаго пути въ Сибирь. У насъ не только публика, но и многіе газетные публицисты, а также нѣкоторые дѣятели ученыхъ и неученыхъ обществъ полагаютъ, что, благодаря Норденшельду, для Сибири настала новая эра прямыхъ торговыхъ сношеній съ Западною Европою. Но достаточно ознакомиться съ исторіей прежнихъ экспедицій въ Ледовитый океанъ и принять во вниманіе тѣ условія, которыя представляетъ этотъ океанъ для плаваній, чтобы увидѣть полную неосуществимость правильныхъ торговыхъ сношеній Сибири и Европы этимъ путемъ.

Профессоръ Норденшельдъ задался широкой задачей: онъ возобновилъ давно оставленныя попытки отысканія такъ-называемаго сѣверо-восточнаго пути. Когда въ исходѣ XV и началѣ XVI столѣтій, были открыты морскіе пути въ Остъ-Индію, одинъ—юговосточный, вокругъ Африки (португальцами), другой — югозападный, вокругъ Южной Америки (испанцами), эти открытія вызвали стремленія двухъ морскихъ государствъ—Англіи и Голландіи отыскать свои пути въ Остъ-Индію. При этомъ Англія и Голландія руководствовались тѣмъ предположеніемъ, что если можно объѣхать Старый и Новый свѣтъ съ юга, то можно совершить подобный объѣздъ и съ сѣвера. Этимъ опредѣлились два направленія будущихъ поисканій новыхъ торговыхъ путей: одно на *сѣверо-западъ*, вдоль сѣверныхъ береговъ Америки, другое—на *сѣверо-востокъ*, вдоль береговъ Европы и Азіи. Мы не станемъ останавливаться на послѣдовательномъ рядѣ попытокъ открыть сѣверо-западный проходъ; для нашей цѣли достаточно напомнить попытки открыть проходъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Около половины XVI вѣка въ Лондонѣ образовалась компанія изъ богатыхъ купцовъ „для открытія неизвѣстныхъ странъ, государствъ, острововъ, и городовъ". Президентъ этой компаніи, извѣстный морякъ Себастіанъ Каботъ, предложилъ компаніи снарядить экспедицію для отысканія сѣверо-восточнаго пути въ Китай и Индію. Предложеніе было

принято, собранъ капиталъ и снаряжена эскадра изъ трехъ судовъ подъ командою Уиллоуби (Willoughby). Въ маѣ 1553 года эскадра пустилась въ путь и спустя два мѣсяца достигла Нордкапа. Тутъ поднялась страшная буря, во время которой одно судно, подъ начальствомъ Ричарда Ченслора, скрылось изъ виду. Выдержавъ бурю, Уиллоуби продолжалъ путь, дошелъ до Новой земли, но встрѣтивъ тутъ льды, повернулъ назадъ и увидѣлъ Мурманскій берегъ, гдѣ и высадился. Здѣсь весь его экипажъ и самъ онъ погибли отъ холода. Счастливѣе былъ Ченслоръ. Онъ достигъ Бѣлаго моря и Сѣверной Двины. Остановясь тутъ въ русскомъ поселеніи св. Николая, онъ провелъ въ немъ зиму, и получивъ приглашеніе ко двору Ивана Грознаго, заключилъ съ Россіею извѣстный торговый договоръ. Такъ кончилась первая попытка отысканія сѣверо-восточнаго прохода. Вторая попытка была сдѣлана голландцемъ Баренцомъ въ 1596 году. Отправясь на сѣверо-востокъ, онъ открылъ Медвѣжій островъ и Шпицбергенъ. Дальнѣйшее его плаваніе было неудачно: около Новой Земли онъ былъ запертъ льдами и долженъ былъ остановиться на этомъ островѣ на зимовку. Изъ 17 человѣкъ экипажа Баренца умерло 4. Самъ Баренцъ скончался уже на возвратномъ пути въ Голландію, въ 1597 году.

Послѣ этого попытки открытія сѣверо-восточнаго прохода были оставлены. Если русскіе мореходы предпринимали плаванія вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи и сдѣлали рядъ замѣчательныхъ открытій, то плаванія эти не были вызваны желаніемъ отыскать сѣверо-восточный путь. Нужно при этомъ замѣтить, что имъ часто приходилось бороться съ страшными препятствіями, а экспедиціи въ Карское море купца Бранта (1832 г.) и лейтенанта Крузенштерна (1862 г.) кончились тѣмъ, что судно, снаряженное первымъ, пропало безъ вѣсти, а втораго—было затерто льдами, такъ что экипажъ спасся по плавучему льду на берегъ. Только въ наше время забытую попытку отысканія сѣверо-восточнаго пути возобновилъ Норденшельдъ. Въ планѣ своего позднѣйшаго путешествія 1879 — 80 г., представленномъ въ іюлѣ 1877 г. шведскому королю Оскару, Норденшельдъ указывалъ, что двѣ его экспедиціи (1875 и 1876 г.) послужили „къ открытію новаго морского пути въ устья великихъ сибирскихъ рѣкъ, Оби и Енисея, которыя судоходны до границъ Китая, чѣмъ, по его мнѣнію, разрѣшилась, наконецъ, многовѣковая задача мореплаванія“. Не довольствуясь этимъ открытіемъ, профессоръ Норденшельдъ задумалъ продолжить свои изысканія далѣе на востокъ вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи. Онъ полагалъ, что надежное паровое судно въ состояніи, безъ особенно большихъ затрудненій, пройти этотъ путь и такимъ образомъ разрѣшить географическую задачу, ожидающую уже цѣлые вѣка своего разрѣшенія. Результатомъ этого плана было снаряженіе подъ его

начальствомъ, на средства шведскаго правительства и частныя пожертвованія (гг. Диксона и Сибирякова), особой экспедиціи. Оставивъ 22 іюня 1878 г. Карлскрону, Норденшельдъ въ сентябрѣ того же года достигъ Колюченскаго залива въ Ледовитомъ океанѣ, неподалеку отъ Берингова пролива, но былъ затертъ здѣсь льдами и остановился на зимовку. Тутъ профессоръ Норденшельдъ составилъ на досугѣ подробный мемуаръ „о возможности торговаго мореходства въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ", въ которомъ онъ уже подробнымъ образомъ разсматриваетъ вопросъ о морскомъ пути по этому океану. Хотя въ этомъ мемуарѣ самъ профессоръ приходитъ къ сознанію, что *въ цѣломъ* сѣверо-восточный путь изъ Атлантическаго океана въ Тихій, насколько до сихъ поръ изслѣдовано положеніе льдовъ въ Ледовитомъ океанѣ Сибири, едва ли будетъ имѣть дѣйствительное значеніе для торговли, но онъ настаиваетъ на возможности устройства торговыхъ сношеній между Атлантическомъ океаномъ и устьями Оби и Енисея—съ одной стороны и устьями Лены и Тихимъ океаномъ—съ другой. О торговыхъ сношеніяхъ между Леною и Тихимъ океаномъ едва ли можетъ быть и рѣчь, потому что условія плаванія въ восточной части сибирскаго Ледовитаго океана еще менѣе благопріятны, чѣмъ въ западной, но и на западную едва ли основательно возлагать тѣ надежды, какія высказываетъ Норденшельдъ. Главное препятствіе къ плаванію въ западной части представляетъ Карское море. Профессоръ Норденшельдъ полагаетъ, что экспедиція „Провена" и „Имера", въ 1875 и 1876 г., плаванія Виггинса, Дальмана, Даля, Шваненберга въ 1876 г., равно какъ и многочисленныя экспедиціи 1878 г., доставили новыя доказательства того, что „воды Карскаго моря вполнѣ доступны для мореходства", что „предразсудки, преобладавшіе до сихъ поръ по отношенію къ Карскому морю, должны, наконецъ, разсѣяться".

Почтенный профессоръ къ сожалѣнію упустилъ совсѣмъ изъ виду то, что Карское море въ періодѣ 1868—1877 гг. только два раза было загружено льдами, чѣмъ и обусловливалась успѣшность морскихъ экспедицій къ берегамъ Сибири въ 70-хъ годахъ. Но основываясь на этомъ, никакъ нельзя было выводить заключеніе, что и на будущее время Карское море не будетъ представлять препятствій для плаванія. И дѣйствительно, 1879 и 1880 гг. показали, что воды Карскаго моря вовсе не могутъ похвалиться „полною доступностью" для мореходства и что „предразсудки относительно Карскаго моря" имѣютъ свои основанія.

Въ 1879 году только капитанъ Дальманъ на пароходѣ „Luise" достигъ до Енисея, хотя и ему пришлось бороться со льдами Карскаго моря. Въ 1880 году пароходъ „Neptun", съ капитаномъ Расмуссеномъ, совершилъ удачный рейсъ; но капитана Дальмана, питав-

шагося снова проникнуть въ Енисей, опять постигла неудача: онъ въ концѣ-концовъ долженъ былъ отказаться отъ своей попытки и 25 сентября вернулся въ Гаммерфестъ. Сообщая объ этихъ плаваніяхъ „Морской Сборникъ" (1881 г., іюнь) замѣчаетъ: „какъ въ 1879, такъ и въ 1880 гг. предположеніе профессора Норденшельда, что морской путь въ Сибирь будетъ ежегодно безпрепятственъ, не сбылось".

Приведенные факты ясно показываютъ, что упованіе на установленіе торговыхъ сношеній Сибири съ Европою черезъ Ледовитый океанъ построены были на очень шаткихъ основаніяхъ. Возможно ли думать объ установленіи *правильныхъ* торговыхъ сношеній, когда успѣхъ плаванія зависитъ отъ случая? Увлеченіе несбыточными надеждами должно было отразиться невыгоднымъ образомъ прежде всего на интересахъ тѣхъ мѣстностей, которыя хотѣли при помощи новаго морского пути облагодѣтельствовать. Представьте себѣ положеніе обитателей Енисейскаго края, которые разсчитывали на прибытіе въ 1880 году капитана Дальмана и остались не причемъ! Такой сюрпризъ долженъ былъ, конечно, повліять на возвышеніе цѣнъ на привозные продукты и упадокъ на отпускные мѣстные. Но многіе наши дѣятели и дѣльцы, конечно, долго еще будутъ находиться подъ внечатлѣніемъ сдѣланнаго Норденшельдомъ открытія, долго еще не перестанутъ ратовать за новый торговый путь.

Хорошо еще, что господствовавшія доселѣ въ нашей печати мнѣнія о значеніи морского пути въ Сибирь начинаютъ уступать уже другому, болѣе трезвому. „Голосъ" въ № 173 замѣчаетъ: „вообще нельзя не согласиться, что многіе изъ плановъ въ Ледовитомъ океанѣ оказались только обманутою надеждою. Въ примѣръ укажемъ пресловутый сѣверный морской путь изъ Европы къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ. Какія надежды возлагались на этотъ путь жителями Сибири, когда тамъ появились привезенные этимъ путемъ европейскіе товары! Сколько выгодъ надѣялись извлечь чрезъ торговлю посредствомъ того же пути русскіе и иностранные купцы, заручившіеся привилегіями отъ нашего правительства на безпошлинный провозъ европейскихъ товаровъ въ Сибирь. Но вотъ уже два года сряду негостепріимное Ледовитое море не пропускаетъ судовъ къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ".

Послѣ этого придавать изслѣдованіямъ профессора Норденшельда *практическое* значеніе, значило бы идти наперекоръ очевиднымъ фактамъ.

Но за трудами его всегда останется великое значеніе въ научномъ отношеніи. Не говоря уже о чисто естественно-историческихъ работахъ, путешествіе проф. Норденшельда внесло много новаго

въ область географіи. До этого путешествія сѣверные берега Сибири были разслѣдуемы въ прошломъ столѣтіи (Мининымъ, Прончищевымъ, Лаптевымъ, Челюскинымъ), но при недостаткѣ научныхъ средствъ, которыми располагали эти разслѣдователи, описи, сдѣланныя послѣдними, не отличались точностью. Профессоръ Норденшельдъ сдѣлалъ новыя съемки сѣверныхъ береговъ, которыя совершенно измѣнили очертанье ихъ на нашихъ картахъ.

Поэтому, предпринятое и въ русскомъ переводѣ со шведскаго изданіе „Путешествія Л. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи" даетъ много матеріала какъ естествоиспытателямъ, такъ и географамъ. Но и читающая серьёзныя вещи „публика" найдетъ въ описаніи путешествія не мало для себя интереснаго. Все изданіе будетъ состоять изъ двухъ частей въ 20-ти главахъ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ четырехъ выпускахъ помѣщено введеніе и закончено семь главъ самаго описанія. Текстъ иллюстрируется хорошо выполненными и очень любопытными рисунками и картами. Вообще съ внѣшней стороны изданіе изящно. Но переводъ отличается нѣкоторою тяжеловатостью языка.

—*Источники русской Агіографіи.* (*Николая Барсукова*). Спб. 1882. f°.

Агіографія означаетъ исторію или „житія" святыхъ. Авторъ книги, г. Барсуковъ, извѣстный разными трудами въ области археологіи, и между прочимъ обширной ученой біографіей Строева, предпринялъ изложить „источники русской агіографіи", другими словами—дать полный, указатель житій русскихъ святыхъ, или тѣхъ старыхъ сохранившихся до нынѣ рукописей, въ которыхъ заключаются эти житія въ ихъ различныхъ редакціяхъ, — такъ какъ для многихъ святыхъ стараго времени имѣется по нѣскольку біографій, составленныхъ въ разное время и представляющихъ извѣстные варіанты не только въ изложеніи или стилѣ, но и въ фактахъ.

Житія русскихъ святыхъ идутъ съ самаго перваго вѣка русскаго христіанства и до настоящаго времени. Можно было бы впередъ предположить, что онѣ должны заключать въ себѣ цѣнный историческій матеріалъ. Дѣйствительно, первыя житія (святыхъ Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба и пр.) совпадаютъ съ княжеской исторіей, какъ другія, напримѣръ заключающіяся въ кіевскомъ Патерикѣ, даютъ картину древняго русскаго монашества и подвижничества. Эти древнѣйшія житія давно обратили на себя вниманіе историковъ. Но за этими первыми памятниками русской агіографіи слѣдовалъ длинный рядъ житій средняго періода, который до недавняго времени мало привлекалъ вниманіе изслѣдователей. Изрѣдка пользова-

лись ими историки церкви—въ сыромъ видѣ, безъ достаточной критики; но ихъ значеніе обще-историческое долго оставалось мало извѣстнымъ и понятнымъ. Одинъ изъ первыхъ указывалъ это ихъ значеніе извѣстный археографъ Строевъ, въ сороковыхъ годахъ; но ближе оно было отмѣчено (въ 1860 годахъ) г. Буслаевымъ, который далъ въ своихъ трудахъ и чрезвычайно любопытные опыты ихъ изученія, открывши въ житіяхъ не только важный матеріалъ для церковной исторіи, но и для исторіи быта, нравовъ и народной поэзіи. Тогда же воспользовался съ этой стороны сѣверными житіями Щаповъ въ своихъ „Очеркахъ народнаго міросозерцанія". Въ 1870 г., Иванъ Некрасовъ издалъ книжку, предметомъ которой было историко-литературное изслѣдованіе нѣсколькихъ сѣверныхъ житій. Въ 1871 г., Ключевскій издалъ чрезвычайно замѣчательную книгу, въ которой предпринялъ надъ житіями первую необходимую, и крайне сложную, работу — опредѣленіе различныхъ редакцій, въ которыхъ дошли до насъ житія русскихъ святыхъ, ихъ взаимнаго отношенія, ихъ исторической цѣнности и ихъ стиля. Работа была до крайности сложная потому, что матеріалъ, съ которымъ пришлось автору имѣть дѣло, былъ почти исключительно матеріалъ рукописный, не изданный, и только въ немногихъ случаяхъ разобранный или отмѣченный другими изслѣдователями, и въ этомъ нелегко обозрѣваемомъ матеріалѣ—безъ годовъ и большею частію безъ именъ авторовъ—надо было распутать большое разнообразіе отдѣльныхъ редакцій.

Въ западной литературѣ, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ предметъ давно уже привлекъ на себя вниманіе, и знаменитыя Acta Sanctorum, въ громадномъ изданіи Болландистовъ, давно открыли историческому изслѣдованію своеобразный матеріалъ западныхъ житій. У насъ эта работа едва начата. Древнія житія составлялись съ цѣлями благочестиваго чтенія, а не исторической критики; для этой послѣдней цѣли онѣ до сихъ поръ почти и не служили, да и не могли служить раньше изданія ихъ текстовъ и критическаго изслѣдованія ихъ источниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Археографическая коммиссія возъимѣла благую мысль издать Макарьевскія „Четьи-Минеи", составляющія богатый складъ старой русской литературы и въ частности агіографіи; но это изданіе шло очень туго, и въ настоящее время, кажется, совсѣмъ остановилось. Къ сожалѣнію, предпріятія подобнаго рода,—гдѣ нужна извѣстная жертва труда и издержекъ для цѣлей науки, съ которыми, какъ здѣсь, должно бы быть связано и національное достоинство,—очень часто оказываются у насъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: кому нужна эта наука! Даже въ самой литературѣ высказываются теперь мнѣнія (если только

это безуміе принадлежитъ къ литературѣ), что у насъ просвѣщенія слишкомъ много, больше, чѣмъ нужно...

Пока мы дождемся полнаго изданія источниковъ нашей агіографіи, потребность историческаго изученія все чаще начинаетъ вызывать отдѣльные труды по разработкѣ и изданію этихъ источниковъ. Въ спеціальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изученію старины, появляются изданія отдѣльныхъ житій и относящіяся къ нимъ изслѣдованія; болѣе и болѣе приводится въ извѣстность матеріалъ, требующій вниманія.

Въ ряду трудовъ этого рода, составляющихъ теперь одну изъ насущныхъ потребностей въ изученіи старой русской жизни и книжности, работа г. Барсукова займетъ весьма почетное мѣсто. Онъ предпринялъ ее въ 1877 г., по порученію князя П. П. Вяземскаго, предсѣдателя Общества любителей древней письменности; этимъ обществомъ и издана книга. Г. Барсуковъ поставилъ себѣ задачей составить инвентарь всѣхъ русскихъ житій, какія существуютъ въ старой и новой нашей литературѣ, съ указаніемъ тѣхъ рукописей, въ какихъ они въ настоящее время существуютъ въ оффиціальныхъ архивахъ, публичныхъ и частныхъ библіотекахъ и собраніяхъ. Въ этомъ указателѣ источниковъ русскихъ житій авторъ отмѣчаетъ рукописи множества библіотекъ государственныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и частныхъ, главнымъ образомъ по существующимъ описаніямъ, но также и по личному пересмотру. Длинный рядъ этихъ библіотекъ перечисленъ авторомъ въ предисловіи. Въ своемъ изложеніи авторъ воспользовался, конечно, и существующей литературой предмета. Книга расположена по алфавиту именъ святыхъ: о каждомъ сообщаются краткія историческія свѣдѣнія, затѣмъ указываются рукописи житій, службъ, похвальныхъ словъ и проч., относящихся къ святому. Книга составила фоліантъ, въ два столбца, болѣе 600 столбцовъ.

Въ нашей литературѣ мало трудовъ подобнаго рода, общихъ инвентарей, сводовъ и т. п. Это очень жаль, и свидѣтельствуетъ между прочимъ, что наши историческія работы еще не установились въ общее сознательно выполняемое дѣло. Польза такихъ сводовъ и инвентарей очевидна: они сразу даютъ понятіе о существующемъ матеріалѣ извѣстнаго рода и избавляютъ ученыхъ, выбирающихъ отдѣльныя темы предмета, отъ безконечныхъ пересмотровъ матеріала для каждаго даннаго случая. Это—большое сбереженіе времени, а часто и указаніе тѣхъ сторонъ предмета, которыя оставались въ тѣни и особенно требуютъ изслѣдованія. Для начинающихъ ученыхъ, которымъ нужно еще впервые освоиться съ научнымъ матеріаломъ, подобные указатели и своды доставляютъ драгоцѣнную помощь. По-

этому люди, которые берутъ на себя такія предпріятія, требующія обыкновенно продолжительной, усидчивой и монотонной работы, оказываютъ наукѣ весьма серьезную услугу.

Труды этого рода рѣдко достигаютъ безусловной полноты и отчетливости; нужна чрезвычайная внимательность, чтобы дѣло обошлось безъ пропусковъ, чтобы не могли возникнуть разнорѣчія о самомъ пріемѣ описанія, бо́льшей или меньшей его подробности, и т. п. Въ настоящемъ случаѣ, выбранъ, кажется, очень разумный пріемъ описанія; но нѣкоторыя частности его могутъ возбуждать недоумѣніе. Укажемъ два-три случая. Цѣль книги—указать существующій матеріалъ, которымъ должно воспользоваться ученое изслѣдованіе, и предполагается, что тѣ или другія библіотеки исчерпываются, по этому предмету, сообщаемыми указаніями. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ указаній едва-ли отвѣчаютъ такому предположенію. Напримѣръ, относительно рукописей императорской Академіи наукъ, авторъ дѣлаетъ указанія на основаніи стариннаго описанія Соколова, 1818 г., хотя, быть можетъ, положеніе академическаго собранія съ тѣхъ поръ измѣнилось. Но если здѣсь надо ожидать, что по крайней мѣрѣ, дѣйствительно существуютъ рукописи, отмѣченныя Соколовымъ; то такая увѣренность едва ли можетъ быть, когда г. Барсуковъ, упоминая рукописи Антоніева Сійскаго монастыря, костромскаго Богоявленскаго монастыря и костромскаго собора, Макарьева Унженскаго монастыря, Паисіева галицкаго монастыря, Саввы сторожевскаго монастыря и друг., ссылается на „Библіологическій словарь“ П. М. Строева. Если, какъ это вѣроятно, свѣдѣнія „Библіологическаго словаря“ объ этихъ церковныхъ и монастырскихъ библіотекахъ идутъ отъ времени археографическаго путешествія Строева, т.-е. отъ начала тридцатыхъ годовъ, и не были провѣрены съ тѣхъ поръ, то можетъ естественно явится недоумѣніе, отвѣчаютъ ли эти указанія *нынѣшнему* состоянію упомянутыхъ библіотекъ. Мало ли могло произойти въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ этими библіотеками при извѣстномъ небрежномъ отношеніи къ памятникамъ старины, на которое приходилось столько жаловаться самому Строеву. Все это требовало бы разъясненія. Мы знаемъ очень хорошо, что настоящая провѣрка показаній „Библіологическаго словаря“ потребовала бы цѣлаго новаго археографическаго путешествія, но можно было бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя справки о состояніи этихъ библіотекъ въ настоящее время, нѣкоторыя сличенія въ библіотекахъ ближайшихъ, и объяснить читателю это положеніе дѣла, на сколько возможно. Такая обширная и плодотворная задача, какъ опредѣленіе источниковъ русской агіографіи, была бы исполнена еще съ бо́льшею пользою для науки, еслибы Общество любителей древней пись-

менности, подъ ауспиціями котораго работалъ г. Барсуковъ, приложило еще эту заботу къ своему замѣчательному предпріятію. Наконецъ, еще замѣчаніе объ одномъ существенномъ обстоятельствѣ. Перечисляя въ предисловіи рукописныя хранилища, которыхъ матеріалъ указывается въ книгѣ, авторъ относительно Императорской Публичной библіотеки замѣчаетъ, что свѣдѣнія объ ея рукописяхъ заимствованы были имъ изъ „Отчетовъ библіотеки" съ 1851 года и изъ „Описанія сборниковъ И. П. Б.", начатаго г. Бычковымъ (два выпуска, 1878 и 1880). Къ этому присоединяется еще одинъ источникъ, которымъ пользовался авторъ, именно—печатное описаніе рукописей графа Толстого (Ѳ. А.), также принадлежащихъ Публичной библіотекѣ. Но эти пособія далеко не исчерпываютъ матеріала Публичной библіотеки. „Отчеты" библіотеки не предназначались быть полными библіографическими отчетами; „Описаніе" г. Бычкова еще далеко не окончено,—такъ что матеріалъ, напр., Погодинскаго собранія не указанъ сполна въ книгѣ г. Барсукова; не указанъ совсѣмъ матеріалъ собранія Дубровскаго и т. п. Надо пожалѣть, что въ книгѣ остается этотъ пробѣлъ; онъ для насъ даже не совсѣмъ понятенъ, потому что Публичная библіотека больше, чѣмъ какое-нибудь хранилище рукописей, могла быть доступна автору и ея матеріалъ могъ быть внесенъ въ книгу хотя бы по рукописнымъ краткимъ каталогамъ.

Но при всемъ томъ, трудъ г. Барсукова, изданный Обществомъ любителей древней письменности, есть чрезвычайно цѣнный вкладъ въ изученіе нашей агіографіи, т.-е. цѣлаго обширнаго разряда старой литературы, до сихъ поръ очень мало изслѣдованнаго.

— *Что такое спиритизмъ?* Бесѣды о спиритизмѣ и медіумическихъ явленіяхъ. Составилъ по „Qu'est ce que le spiritisme", С. Т. *Румиловъ*. Спб. 1882.

Въ заявленіи „отъ издателя" г. Румиловъ объясняетъ, что „съ цѣлью доставить возможность (чего?) лицамъ, интересующимся спиритизмомъ, но которыя не въ состояніи пользоваться иностранными сочиненіями по этому предмету", онъ „задался мыслью издать рядъ отдѣльныхъ дешевыхъ выпусковъ, которые въ сокращенномъ и общедоступномъ видѣ въ состояніи будутъ ознакомить читателя съ теоріею, выработанною французскою школою спиритовъ подъ руководствомъ извѣстныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, какъ Алланъ Кардека, Вабена, Боннера, Евг. Ню и друг.". Настоящая книжка есть первый „выпускъ".

Предпріятіе г. Румилова, вѣроятно, будетъ съ благодарностью принято русскими спиритами, которые не въ состояніи пользоваться ино-

странными сочиненіями по своей *наукѣ* (потому что спиритизмъ и трактуется какъ „наука“ въ томъ кодексѣ, который передается сокращенно г. Румиловымъ и который принадлежитъ именно Аллану Кардеку, одному изъ извѣстныхъ нѣкогда представителей этой „науки“). И какъ не быть благодарнымъ! Спиритизмъ давно уже свилъ гнѣздо въ русскомъ обществѣ; въ послѣднее время пріобрѣлъ нѣсколькихъ пламенныхъ партизановъ даже въ людяхъ съ ученой извѣстностью, которые не одинъ разъ выступали уже и въ печати съ защитой своего ученія; число спиритовъ, вѣроятно, размножается и въ неученомъ кругу, если г. Румиловъ, безъ сомнѣнія адептъ, счелъ нужнымъ издавать „выпуски,“—и несмотря на все это, наши авторитетные спириты до сихъ поръ не дали своимъ спиритическимъ согражданамъ никакого руководства, никакого теоретическаго и практическаго учебника! Наше общество и литературу укоряютъ и бранятъ за подражательность и подчиненіе западу,—и въ самомъ дѣлѣ, несмотря на существованіе школы, несмотря на сверхъ-естественную глубину и высокое значеніе, придаваемое „наукѣ“ ея приверженцами,—ни одного самостоятельнаго русскаго изложенія этой науки, никакого даже небольшого руководящаго сочиненьица,—хоть бы въ родѣ книжонки Аллана Кардека! И здѣсь все-таки надо обращаться къ западу. Жаль!

Книжонка Аллана Кардека не есть что-нибудь новое въ этой области: она явилась еще въ пятидесятыхъ годахъ, и вѣроятно уже „устарѣла“. Впрочемъ, мы этого не знаемъ. Но должно ей отдать справедливость: она составлена съ значительной ловкостью, умѣетъ дать „наукѣ“ широкій горизонтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ отъ „обмановъ и мистификацій духовъ низшаго разряда“. Адептъ долженъ быть всегда на-сторожѣ; когда нужно, долженъ остеречь и постороннихъ или невѣрующихъ отъ „духовъ низшаго разряда,“ и въ случаѣ какой-нибудь медіумической проруxи можетъ на нихъ сослаться и извинить неудачу.

Видимо, для самихъ спиритовъ дѣло не легкое—различать возвышенныя откровенія „науки“ отъ надувательства „духовъ низшаго разряда.“ До сихъ поръ этотъ вопросъ остается, кажется, открытымъ, потому что „медіумическія явленія“ и въ наше время оказывались нерѣдко „мистификаціями,“ и даже не духовъ, а самихъ медіумовъ, какъ признавали иногда и сами ученые спириты. Для людей постороннихъ также остается открытымъ вопросъ, съ какими духами имѣютъ дѣло наши спириты вообще—высшаго или низшаго разряда?

По словамъ книжки, „какъ всякая философская наука, спиритизмъ требуетъ продолжительнаго изученія и точнаго изслѣдованія“ (стр. 97). Что спиритизмъ требуетъ изслѣдованія, это не подлежитъ

ни малѣйшему сомнѣнію, — до такой степени, что спиритамъ ученымъ, — какіе есть въ послѣднее время и у насъ,—никакъ не удается убѣдить въ своихъ чудесахъ, т.-е. въ самой сущности своего ученія, ученыхъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ сектѣ, а желающихъ примѣнять къ ея чудесамъ критику. Пока спиритизмъ остается невинной забавой и фокусомъ, онъ никому не мѣшаетъ и можетъ быть оставленъ совершенно въ покоѣ; но его ученые послѣдователи не довольствуются ролью авгуровъ въ своемъ вѣрующемъ кругу, и обнаруживаютъ прозелитизмъ, не совсѣмъ уже и скромный. Въ русской литературѣ можно было читать нападенія на „казенную (?) науку (т.-е. на нѣсколькихъ спеціалистовъ по естествознанію, не признавшихъ спиритизма здѣсь, въ Петербургѣ), нападенія, исходившія отъ спиритовъ ученыхъ (замѣтимъ, тоже „казенныхъ") и тѣмъ самымъ очень мало приличныя. Тутъ, конечно, требовалось „точное изслѣдованіе,"—но какъ-то странно обыкновенно бываетъ, что духи—высшаго-ли, низшаго-ли разряда—всегда очень старательно избѣгаютъ этого точнаго изслѣдованія: „медіумы" бываютъ обыкновенно не расположены, „духи" капризничаютъ и не являются. Но какъ только авгуры остаются одни, безъ скептическихъ свидѣтелей, все опять идетъ какъ по маслу.

Намъ лично не случалось присутствовать при спиритическихъ чудесахъ,—мы видывали только фокусы Робэра Гудэна, „профессора" Германа и под.,—о спиритическихъ чудесахъ мы знаемъ только разсказы, слышанные и читанные. Газеты разсказывали разные удивительные случаи медіумическихъ явленій, производившихся въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ интересахъ „точнаго изслѣдованія", которые рекомендуетъ спиритамъ самъ Алланъ Кардекъ, мы обратили бы вниманіе ученыхъ спиритовъ на одинъ фактъ, переданный недавно газетами и возбудившій въ насъ большія опасенія за людей, занимающихся спиритизмомъ. Именно, въ московскихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ" (которыя сами помѣстили однажды трактатъ профессора Вагнера по спиритической теоріи) разсказанъ былъ, въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ, замѣчательный примѣръ явленія духовъ въ одномъ домѣ въ городѣ Рязани (см. „Современныя Извѣстія" за ноябрь, 1881). Духи обнаружили свое присутствіе и дѣятельность весьма странными поступками. По теоріи Аллана Кардека это были, вѣроятно, духи низшаго разряда (можетъ быть, духи уличныхъ мальчишекъ или трактирныхъ буяновъ): дѣянія ихъ состояли во-первыхъ въ томъ, что они начали воровать столовую посуду; хозяева случайно нашли потомъ пропажу на огородѣ, гдѣ своровавная посуда была вся выставлена рядкомъ; недоумѣвая, что̀ бы это значило, хозяева стали запирать посуду, но она продолжала исчезать изъ запертого шкафа и очутилась на этотъ разъ на чердакѣ,

въ томъ же порядкѣ. Но это была бы еще не великая бѣда. Другія дѣянія духовъ были уже чистымъ буйствомъ. Они не взлюбили одного изъ жильцовъ дома, молодого человѣка, и кидали въ него кирпичами въ пустомъ корридорѣ, подвертывались ему подъ ноги, такъ что онъ падалъ,—хотя, конечно, не видно было ничего. Обитатели дома не знали, какъ отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ невидимыхъ гостей, и наконецъ отслужили въ домѣ молебенъ. Но, потому ли, что они были мало усердны, или въ молебнѣ отсутствовали какія-нибудь особенныя молитвы, но и это не подѣйствовало. Шалости и буйство продолжались. Наконецъ, хозяева пригласили священника, извѣстнаго благочестіемъ; онъ на молебнѣ прочелъ спеціальныя молитвы противъ *злыхъ духовъ*, и всѣ буйства духовъ разомъ прекратились. Событіе засвидѣтельствовано обитателями дома и другими жителями Рязани.—Въ тѣхъ же „Современныхъ Извѣстіяхъ" сообщался другой случай, уже въ самой первопрестольной столицѣ, гдѣ въ одномъ домѣ духи прекрасно играли цѣлыя пьесы на фортепьяно, въ совершенствѣ подражая игрѣ одной знакомой семейства.

Факты замѣчательные; достовѣрность ихъ указывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что они сообщаются органомъ, гдѣ самъ г. Вагнеръ, какъ выше упомянуто, излагалъ свои идеи о спиритизмѣ. Факты, очевидно, принадлежатъ къ области спиритизма: похищеніе посуды (въ Рязани) вполнѣ отвѣчаетъ похищенію браслета (въ Петербургѣ), описанному спиритомъ и имъ отнесенному къ настоящимъ спиритическимъ духамъ; похищеніе посуды изъ запертого шкафа, очевидно, есть явленіе „четвертаго измѣренія." Но затѣмъ начинаются трудности, объясненія которыхъ можно съ полнымъ правомъ требовать отъ ученыхъ спиритовъ. Рязанскіе духи обнаружили, очевидно, весьма неблагополучное свойство. Они повиновались заклятію, содержащемуся въ молитвѣ противъ *злыхъ духовъ*: кто такіе „злые духи",—это извѣстно каждому, „даже и не бывавшему въ семинаріи". Стало быть, заниматься спиритизмомъ значитъ водиться съ злыми духами? Не будемъ касаться деликатнаго вопроса, хорошо-ли водиться съ ними, и замѣтимъ только, что, значитъ, водиться съ злыми духами можно? Значитъ, то, что въ новѣйшее время стали-было называть средневѣковымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, не было суевѣріемъ? Значитъ, были и есть дѣйствительно чернокнижіе, колдовство, вѣдьмы, ѣзда верхомъ на помелѣ? Боимся продолжать наши вопросы...

— *Ѳ. М. Уманецъ*. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Спб. 1881.

Книга г. Уманца (одного изъ свѣдущихъ людей второго призыва) даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ; кромѣ цѣлаго ряда фактовъ, относящихся къ крестьянскому управленію и самоуправленію въ

юго-восточныхъ уѣздахъ черниговской губерніи, она заключаетъ въ себѣ проекты уставовъ всесословнаго общиннаго самоуправленія и общиннаго землевладѣнія. Авторъ называетъ эти проекты „программами", но совокупность правилъ, предусматривающихъ даже мелкіе детали предполагаемаго порядка (напримѣръ, сроки составленія списковъ и подачи жалобъ, размѣръ платы за копіи и даже число строкъ, изъ которыхъ должна состоять страница), очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ простой программой. „Какъ появленіе солнца обусловливаетъ исчезновеніе ночи,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—такъ и рожденіе въ нашемъ застоявшемся обществѣ трехъ новыхъ двигателей обусловливаетъ конецъ *крестьянскаго дѣла* и начало новой эпохи. Эти двигатели: обязательное прекращеніе временно-обязанныхъ отношеній тамъ, гдѣ они еще остались, всесословныя общинныя учрежденія въ селеніяхъ и равномѣрное распредѣленіе общинныхъ налоговъ на всѣ сословія, пользующіяся общинными учрежденіями". Руководящая мысль г. Уманца выражается въ этихъ словахъ вполнѣ ясно; онъ считаетъ необходимымъ положить конецъ обособленности крестьянства, довершить начатое земскимъ положеніемъ дѣло слиянія сословій, провести его въ самую глубь народной жизни, въ ея первичныя ячейки. Всесословная волость кажется ему недостаточною для достиженія этой цѣли; онъ ставитъ на ея мѣсто всесословную общину. Первымъ основаніемъ для выводовъ г. Уманца служитъ безполезность современной крестьянской волости, на мѣсто которой должна стать всесословная волость. Единственныя функціи, дѣйствительно отправляемыя крестьянскою волостью—это волостной судъ и письменныя сношенія съ высшей администраціей; но границы судебнаго участка могутъ и не совпадать съ границами административнаго участка [1]), а изъ-за одной только отписки бумагъ странно удерживать особую единицу самоуправленія. Противъ всесословной волости авторъ приводитъ, далѣе, слѣдующіе аргументы: съ учрежденіемъ ея вниманіе избирателей будетъ раздроблено между общиннымъ самоуправленіемъ, волостнымъ, уѣзднымъ и губернскимъ; наша повальная болѣзнь — недостатокъ въ людяхъ — обнаружится съ большею еще силой; административная юрисдикція всесословной волости разовьетъ канцеляризмъ и будетъ убійственно вліять на самоуправленіе отдѣльныхъ общинъ; большинство людей, готовыхъ поработать надъ дѣлами своей общины, станетъ уклоняться отъ участія въ волостныхъ собраніяхъ; рѣшеніе волостными собраніями дѣлъ, относящихся исключительно къ инте-

---

[1]) Къ этому слѣдуетъ прибавить, что г. Уманецъ, какъ видно изъ другого мѣста его книги, принадлежитъ къ числу противниковъ волостного, т.-е. крестьянскаго суда.

ресамъ отдѣльныхъ общинъ, наложить на волостное самоуправленіе бюрократическій отпечатокъ. „Въ наилучшемъ случаѣ,—таково заключеніе автора,—всесословная волость будетъ только слабымъ повтореніемъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій". Всесословная община, свободная, по мнѣнію г. Уманца, отъ всѣхъ этихъ недостатковъ, проектируется имъ для селъ и деревень—въ слѣдующемъ видѣ: рѣшающая власть принадлежитъ сельской думѣ, состоящей изъ всѣхъ домохозяевъ общины, т.-е. поселенія (домохозяиномъ считается всякій владѣющій, въ предѣлахъ общины, на правѣ личной собственности или общиннаго владѣнія, землею, обложенною податями и повинностями, или самостоятельно занимающійся промысломъ, доходъ съ котораго также обложенъ податями и повинностями). Исполнительнымъ органомъ является управа, съ пятью по меньшей мѣрѣ членами, избираемыми думою (посадникъ, казначей, тысяцкій, попечитель школы, пожарный староста и т. п.). Очередныя собранія думы происходятъ два раза въ годъ, чрезвычайныя—по требованію правительства или земства, а также по письменному заявленію четвертой части всѣхъ домохозяевъ. На каждый приговоръ думы каждый изъ гражданъ общины можетъ жаловаться суду, до рѣшенія котораго пріостанавливается исполненіе приговора; протесты губернатора и земства (уѣзднаго или губернскаго) противъ приговоровъ думы также разсматриваются судомъ. Обязательными для общины, авторъ признаетъ, между прочимъ, расходы на устройство начальнаго училища, на устройство дорогъ и мостовъ въ предѣлахъ общинной территоріи, на призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ, на содержаніе общинной полиціи, на выписку всѣхъ вновь выходящихъ законовъ.

Не входя въ подробное обсужденіе изложеннаго нами въ главныхъ чертахъ проекта, остановимся только на коренныхъ вопросахъ, имъ возбуждаемыхъ. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ возраженій противъ всесословной волости служитъ опасеніе чрезмѣрнаго преобладанія личныхъ землевладѣльцевъ, фактическаго подчиненія массы меньшинству, чуждому или враждебному ея интересамъ. Если это возраженіе насъ не убѣждаетъ, если мы считаемъ возможнымъ, при извѣстномъ составѣ волостныхъ собраній и крайнемъ упрощеніи волостной администраціи, оградить крестьянское населеніе всесословной волости отъ всякихъ опасныхъ вліяній, то только потому, что разнообразіе элементовъ, соединенныхъ въ волости, допускаетъ уравновѣшеніе однихъ другими, сглаживаетъ неравенства силы, развитія, богатства. Въ небольшой общинѣ—иногда *очень* небольшой, разъ что каждое поселеніе должно составлять отдѣльную общину—для такой гарантіи не было бы мѣста; сосѣдній помѣщикъ, сосѣдній фабрикантъ или купецъ легко могъ бы захватить въ свои руки все общественное

дѣло, и вмѣсто сближенія, слiянія сословій, получилось бы порабощеніе одного изъ нихъ, естественно ведущее къ враждѣ притѣсненныхъ противъ притѣснителей. Вѣроятность такого результата, при системѣ г. Уманца, тѣмъ сильнѣе, что участіе въ думѣ авторъ обусловливаетъ исключительно платежемъ податей и повинностей съ земли или промысла, и, слѣдовательно, священникъ, учитель, фельдшеръ—эти естественные посредники между личными землевладѣльцами и крестьянами—легко могли бы оказаться пассивными членами общины. Съ другой стороны, участіе интеллигенціи въ дѣлахъ общины (употребляемъ этотъ терминъ только потому, что онъ выбранъ г. Уманцемъ; выраженіе: *общество* меньше подавало бы повода къ недоразумѣніямъ) нельзя назвать необходимымъ, въ виду сравнительной простоты этихъ дѣлъ, не выходящихъ, бо̀льшею частью, за предѣлы хорошо знакомой крестьянамъ сферы. Злоупотребленія, слишкомъ обыкновенныя теперь въ сельскомъ самоуправленіи, зависятъ преимущественно отъ неправильной постановки всего крестьянскаго дѣла, отъ экономической безпомощности крестьянъ, отъ поддерживаемаго волостью—и тѣмъ, что надъ волостью—господства міроѣдовъ. Улучшеніе матеріальнаго положенія крестьянъ, вмѣстѣ съ преобразованіемъ волостного и уѣзднаго управленія, съ освобожденіемъ старшинъ и старостъ отъ полицейскаго произвола, упрочитъ самостоятельность сельскихъ обществъ, хотя бы они и остались въ настоящемъ своемъ составѣ. Участіе всѣхъ классовъ населенія въ нѣкоторыхъ расходахъ, лежащихъ теперь исключительно на крестьянахъ, — напримѣръ, въ содержаніи сельской полиціи (включая сюда и сельскихъ старостъ), въ содержаніи сельскихъ пожарныхъ обозовъ, — безъ сомнѣнія справедливо и необходимо; но оно можетъ быть достигнуто путемъ волостного самообложенія, т.-е. отнесеніемъ на волостной счетъ расходовъ, одинаково важныхъ для всѣхъ жителей мѣстности. Другіе расходы, причисляемые г. Уманцемъ къ категоріи сельскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, очевидно, превышаютъ силы отдѣльныхъ общинъ и могутъ быть покрыты только союзомъ нѣсколькихъ общинъ, т.-е. волостью. Сюда относится, напримѣръ, расходъ на призрѣніе больныхъ; нельзя же ожидать, чтобы каждая община имѣла свою больницу, содержала своего доктора или хотя бы своего фельдшера. Авторъ опасается вліянія всесословной волости на сельское самоуправленіе; но не въ бо̀льшей ли еще степени слѣдуетъ опасаться вліянія сельской думы, составленной изъ лицъ всѣхъ сословій, на сельскій сходъ, состоящій изъ крестьянъ—членовъ сельской думы, и рѣшающій всѣ вопросы о владѣніи и пользованіи общинною или мірскою землею? Право обжалованія приговоровъ сельской думы и сельскаго схода, предоставляемое авторомъ каждому члену об-

щины, не даетъ достаточнаго ручательства противъ злоупотребленій; безграничная власть одного лица надъ общиной можетъ обратить это право въ мертвую букву. Намъ кажется, что впредь до установленія болѣе правильныхъ отношеній между сословіями, путемъ слиянія ихъ въ всесословной волости, сельскимъ обществамъ могло бы быть только предоставлено *право* принимать въ свою среду сосѣднихъ жителей или землевладѣльцевъ не-крестьянскаго сословія, изъявляющихъ желаніе приписаться къ обществу; для *обязательнаго* соединенія, въ столь тѣсномъ кружкѣ, элементовъ столь различныхъ и часто противуположныхъ, удобная минута еще не настала.

Мнѣніе „Вѣстника Европы" о достоинствахъ и удобствахъ всесословной волости извѣстно читателямъ изъ внутреннихъ обозрѣній; замѣтимъ только, что при громадности нашихъ разстояній, при разрозненности нашихъ сельскихъ поселеній, при небольшомъ, сравнительно, числѣ центральныхъ административныхъ пунктовъ, необходимо посредствующее звено между общиной и уѣздомъ—и такимъ звеномъ представляется именно всесословная волость. Есть множество дѣлъ, слишкомъ крупныхъ для общины, слишкомъ мелкихъ для уѣзда, которыя могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только въ волости, только волостнымъ собраніемъ и волостною исполнительною властью. Безполезность современной крестьянской волости коренится не въ томъ, что она (по выраженію г. Уманца)—homo novus, не въ маловажности предоставленныхъ ей функцій, а въ недостаткахъ ея устройства и ея состава. Правильно организованное волостное самоуправленіе будетъ, до извѣстной степени, *повтореніемъ* уѣзднаго самоуправленія, въ томъ смыслѣ, что у того и другого будетъ много общихъ предметовъ—дороги, школы, больницы, мѣры предосторожности отъ эпидемій и пожаровъ, и т. п. Не всякое повтореніе, однако, бываетъ неизбѣжно *слабымъ*; въ данномъ случаѣ оно должно восполнить пробѣлы уѣзднаго самоуправленія, должно дать земству недостающую ему живучесть и силу. Оградить всесословное волостное самоуправленіе отъ обычныхъ нашихъ болѣзней—канцелярщины и бюрократизма—дѣло закона и жизни, настолько же осуществимое въ примѣненіи къ волости, какъ и къ общинѣ. Обойтись безъ волости, значило бы сдѣлать общинную власть низшей административной инстанціей, т.-е. открыть формализму возможность доступа именно въ ту среду, которой онъ до сихъ поръ всего менѣе касался.

—Государственная отчетность въ Бельгіи. *В. А. Татаринова*, бывшаго государственнаго контролера. Второе изданіе, съ дополненіями *И. И. Кауфмана*. Спб. 1881.

Государственный контроль предпринялъ новое изданіе матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ В. А. Татариновымъ для переустройства старыхъ нашихъ порядковъ смѣтныхъ, кассовыхъ, счетныхъ и кон-

трольныхъ. Извѣстно, что далеко не вся програмна реформъ, которую составилъ В. А. Татариновъ, получила практическое осуществленіе. Програмна эта, однако, повидимому, не позабыта. О ней врядъ ли было возможно лучше напомнить, какъ выпустивъ новымъ изданіемъ сочиненіе Татаринова о бельгійскомъ контролѣ, давно уже сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью. Сочиненіе это въ первый разъ вышло 25 лѣтъ назадъ и, конечно, въ настоящее время потребовало нѣкоторыхъ, довольно существенныхъ дополненій для приведенія его въ соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ бельгійскихъ учрежденій государственной отчетности. Сверхъ того, должно было быть принято во вниманіе, что дополненія къ тексту Татаринова особенно нужны въ настоящее время по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ теперь преимущественно ждутъ подробной разработки и по которымъ бельгійскій опытъ можетъ давать полезныя указанія. Такимъ образомъ новое изданіе сочиненія Татаринова требовало дополненій, которыя сами могли составить предметъ почтеннаго труда. Эти дополненія составлены И. И. Кауфманомъ не только на основаніи литературы предмета, но, повидимому, и на основаніи практическаго изученія бельгійскихъ учрежденій на мѣстѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цитируется „подлинное дѣлопроизводство“, изъ котораго заимствованы очень любопытныя свѣдѣнія. Особенно значительно расширены въ новомъ изданіи отдѣлы о порядкѣ производства расходовъ, объ устройствѣ кассовой системы при главномъ банкѣ Бельгіи, о финансовыхъ отчетахъ и о счетной палатѣ; очень много прибавленій разсѣяно по всѣмъ другимъ отдѣламъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не остался безъ весьма внимательнаго пересмотра. Болѣе распространенныя свѣдѣнія о предварительномъ контролѣ будутъ теперь прочитаны съ особеннымъ интересомъ. Отъ дополненій сочиненіе Татаринова удвоилось въ объемѣ и представляетъ теперь вполнѣ законченную монографію, обнимающую всѣ части наиболѣе усовершенствованнаго въ Европѣ механизма финансоваго управленія.

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

КИТАЙ-ГОРОДЪ

РОМАНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ [1]).

I.

Утромъ, часу въ десятомъ, передъ подъѣздомъ дома коммерціи совѣтника Евлампія Григорьевича Нѣтова стояла двумѣстная карета. Моросилъ октябрьскій дождикъ. Переулокъ еще не проснулся, какъ слѣдуетъ. Въ немъ, все больше барскіе дома и домики съ мезонинами и колоннами въ александровскомъ вкусѣ. Лавочекъ почти нѣтъ. Бульваръ неподалеку. Домъ Нѣтову строилъ модный архитекторъ, большой охотникъ до древне-русскихъ украшеній и снаружи, и внутри. Стройка и отдѣлка обошлись хозяину въ триста тысячъ, даромъ, что домъ всего двухъэтажный. За то такихъ хоромъ не много найдешь на Москвѣ по фасаду и комнатному убранству.

Кучеръ, въ мѣховомъ кафтанѣ, но еще въ лѣтней шляпѣ, курилъ папиросу. За дышло держался одной рукой конюхъ въ короткой синей сибиркѣ, со щеткой въ другой рукѣ.—Они отрывочно разговаривали.

— Куды-ы?—переспросилъ кучеръ, не выпуская изъ рта папиросы.

— Сказывала Глаша,—за границу.

— Вотъ оно что!..

— Легче будетъ.

---

[1]) См. выше: январь, 86 стр.

— Это точно... Онъ куды проще...

— Однако тоже бываетъ привередливъ...

— Съ такихъ-то милліоновъ будешь и ты привередливъ...

Швейцаръ отворилъ наружную массивную дверь, за которой открылась стеклянная. Онъ улыбнулся кучеру и почистилъ бронзовое яблоко звонка.

— Скоро выдетъ?—крикнулъ ему конюхъ.

— Одѣвается,—смѣшливо отвѣтилъ швейцаръ, не очень рослый, но широкій малый, изъ гусарскихъ вахтеровъ, курносый—въ гороховой ливреѣ—совсѣмъ не купеческій привратникъ.

Онъ потеръ еще суконкой чашку звонка и ушелъ. Дождь немного стихъ; вмѣсто дождя начала падать изморозь.

— Экъ ее!—замѣтилъ флегматично кучеръ и дернулъ возжей: правая лошадь часто заигрывала съ лѣвой и кусала дышло.

Дернулъ ее за узду и конюхъ.

Разговоръ прекратился; только слышно было дыханіе рослыхъ, вороныхъ лошадей и вздрагиваніе позолоченыхъ уздечекъ.

Швейцаръ вернулся въ сѣни. То были монументальные пропилеи. Справа большая комната для сбереженія платья открывалась, на площадку, дверью въ полу-египетскомъ, полу-византійскомъ «пошибѣ». Прямо противъ входа надъ лѣстницей въ два подъема, шла поперечная галлерея съ тремя арками. Свѣтъ падалъ изъ оконъ второго этажа на разноцвѣтный искусственный мраморъ стѣнъ и арки и на бѣлый, настоящій мраморъ самой лѣстницы. Два темномалиновыхъ ковра, на обоихъ подъемахъ, напоминали немного входъ въ дорогой заграничный отель. Но стѣны, верхняя галлерея, арки, столбы, стиль фонарей между арками, украшенія перилъ, мебель въ сѣняхъ и на галлереѣ выказывали затѣю московскаго милліонщика, отдавшаго себя въ руки молодого, славолюбиваго архитектора.

Ступени лѣстницы, стѣны и арки отливали матовымъ блескомъ; ничто еще не успѣло запылиться или потускнѣть. Видны были строгость и глазъ въ порядкахъ этого дома.—Швейцаръ тотчасъ же подошелъ къ мраморному подзеркальнику, отряхнулъ и обчистилъ щетку и гребенку, двѣ шляпы и бобровую шапку, лежавшія тутъ вмѣстѣ съ нѣсколькими парами перчатокъ. Потомъ онъ вынесъ изъ нѣсколько низменной комнаты—гдѣ вѣшалки съ металлическими номерами шли въ нѣсколько рядовъ—стеганную шинель на атласѣ, съ бобромъ, и калоши, бережно поставилъ ихъ около лѣстницы, а шинель сложилъ на кресло, выточенное въ формѣ русской дуги. Другое, точно такое же, стояло симметрично напротивъ. Самъ онъ подошелъ къ зерка-

лу, поправилъ бѣлый галстухъ и застегнулъ ливрею на послѣднюю верхнюю пуговицу.

На галлереѣ видны были снизу два оффиціанта въ темныхъ ливреяхъ, съ большими золотыми тиснеными пуговицами. Одинъ стоялъ спиной влѣво, у входа въ парадныя комнаты, другой въ средней аркѣ.

— Одѣлся?—полушопотомъ спросилъ швейцаръ.

— Нѣтъ еще... Викентій ходитъ у двери. Стало, не звалъ.

— А на женской половинѣ?..

— Не слышно еще...

Вправо, съ галлереи, проходъ, отдѣланный старинными «сѣнями», съ деревянной обшивкой, велъ къ кабинету Евлампія Григорьевича. Передъ дверьми прохаживался его камердинеръ,— Викентій, довѣренный человѣкъ, бывшій крѣпостной изъ дома князей Курбатовыхъ. Викентій—сѣдой старикъ, бритый, немного сутуловатый, смотритъ начальникомъ отдѣленія; бѣлый галстухъ носитъ по старинному, изъ большой косынки.

Онъ прохаживается мелкими шажками передъ дверью изъ корельской березы съ бронзовыми скобами. Не слышно его шаговъ. Больше тридцати лѣтъ носитъ онъ сапоги безъ каблуковъ, на башмачныхъ подошвахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пошелъ «по купечеству», жалованье его удвоилось. Сначала его взяли въ дворецкіе, но онъ не поладилъ съ барыней, Евлампій Григорьевичъ приставилъ его къ себѣ камердинеромъ.

Ходитъ онъ и ждетъ звонка. Изъ кабинета проведенъ воздушный звонокъ. Это не нравится Викентію: затрещитъ надъ самымъ ухомъ, такъ всего и передернетъ, да и стѣны портитъ. Въ эту минуту, по его разсчету, Евлампій Григорьевичъ выпилъ стаканъ чаю и надѣлъ чистую рубашку, послѣ чего онъ звонитъ, и платье, приготовленное въ туалетномъ кабинетикѣ, гдѣ умывальникъ и прочее устройство, подаетъ ему Викентій. Часто онъ позволяетъ себѣ сдѣлать замѣчаніе: что̀ было бы пристойнѣе надѣть въ томъ или иномъ случаѣ.

II.

Кабинетъ Евлампія Григорьевича—высокая длинная комната, родъ огромнаго баула, съ отдѣлкой въ старо-московскомъ стилѣ. Свѣту въ ней гораздо меньше, чѣмъ въ остальныхъ покояхъ. Окна выходятъ на дворъ. Вездѣ обшивка изъ рѣзного дерева:

дуба, корельской березы, орѣха. Потолокъ весь штучный, рѣзной, темныхъ колеровъ, съ переплетами и выпуклыми фигурами, съ тонкой позолотой, стоилъ большихъ денегъ. Онъ выписной, работали его гдѣ-то въ Германіи. Поверхъ деревянной обшивки идутъ до потолка кожаные тисненые обои въ клѣтку, съ золотыми разводами и звѣздами. Ихъ нарочно заказывали во Франціи по рисунку. Такихъ обоевъ не отыщется ни у кого. Отъ нихъ кабинетъ смотритъ еще угрюмѣе, но «пошибъ» вознаграждаетъ за неудобство; разумѣется—«на охотника», кто понимаетъ толкъ. Евлампію Григорьевичу кажется, что онъ изъ такихъ именно «понимающихъ» охотниковъ. Каждый стулъ, табуретъ, этажерка дѣлались по рисункамъ архитектора. Хозяинъ кабинета не можетъ никуда поглядѣть, ни къ чему прислониться, ни на что сѣсть, чтобы не почувствовать, что эта комната, да и весь домъ, въ нѣкоторомъ родѣ—музей московско-византійскаго рококо. Это сознаніе наполняетъ Евлампія Григорьевича особымъ сладострастнымъ почтеніемъ къ собственному дому. Ему иногда не совсѣмъ ловко бываетъ среди такого количества вещей, заказанныхъ и сдѣланныхъ «по рисунку», но онъ все больше и больше убѣждается въ томъ, что безъ этихъ вещей и онъ самъ лишится своего отличія отъ другихъ коммерсантовъ, не будетъ имѣть никакого права на то, къ чему теперь стремится.

По самой срединѣ кабинета помѣщается письменный столъ съ цѣлымъ «поставцомъ», придѣланнымъ къ одному продольному краю, для картоновъ и ящиковъ, съ карнизами и русскими полотенцами, пополамъ изъ дуба и чернаго дерева, съ замками, скобами и ключами, выкованными и вырѣзанными «нарочно». Столъ смотритъ издали чѣмъ-то въ родѣ иконостаса. Онъ покрытъ бронзой и кожаными вещами, массивными и дорогими. До чего ни дотронешься, все выбрано подъ стать остальной отдѣлкѣ. Хозяину стоило только разъ подчиниться, и все, что̀ ни попадало на его столъ, отвѣчало за себя. Фотографическіе портреты, календарь, бювары, сигарочницы, портфели размѣщены были по столу въ извѣстномъ художественномъ порядкѣ. Иногда Евлампію Григорьевичу и хотѣлось бы переставить кое-что, но онъ не смѣлъ. Его архитекторъ разъ навсегда разставилъ вещи, нельзя нарушить стиля. Такъ точно и на счетъ мебели. Гдѣ что было первоначально поставлено, тамъ и стоитъ. Одинъ столикъ въ формѣ коровая, на кривыхъ ножкахъ, очень стѣсняетъ хозяина, когда онъ ходитъ взадъ и впередъ. Онъ, то и дѣло, задѣваетъ его ногой; но архитекторъ чуть не поссорился съ нимъ изъ-за этого столика. Столику слѣдуетъ стоять тутъ, а не въ

другомъ мѣстѣ—Евлампій Григорьевичъ смирился и старается каждый разъ обходить. Даже выборъ того мѣста въ стѣнѣ, гдѣ вдѣланъ несгораемый шкапъ, принадлежалъ не ему лично.

Два рѣзныхъ шкапа съ книгами, въ кожаныхъ, позолоченыхъ переплетахъ, сдавливаютъ комнату къ концу, противоположному окнамъ. Книгъ этихъ Евлампій Григорьевичъ никогда не вынимаетъ, но выборъ ихъ былъ сдѣланъ другимъ руководителемъ; переплеты заказывалъ опять архитекторъ, по своему рисунку. Онъ же выписалъ нѣсколько очень дорогихъ коллекцій по исторіи архитектуры и спеціальныхъ сочиненій. Такихъ изданій «ни у кого нѣтъ», даже и въ Румянцовскомъ музеѣ...

Надъ диваномъ, наискосокъ отъ письменнаго стола, виситъ поясной женскій портретъ—жены Евлампія Григорьевича, Марьи Орестовны, снятый лѣтъ шесть тому назадъ, въ овальной золотой оправѣ. Три-четыре картины русскихъ художниковъ въ черныхъ матовыхъ рамахъ, уходятъ вь полусвѣтъ стѣнъ. Были тутъ и жанры, и ландшафты; но попали они случайно: въ любители картинъ хозяинъ кабинета не записывался—онъ не желалъ соперничать съ другими лицами своего сословія. Эта охотницкая отрасль мало отзывалась вкусами тѣхъ «совѣтниковъ» и руководителей, около которыхъ «выровнялся» Евлампій Григорьевичъ, сталъ тѣмъ, что́ онъ есть въ настоящую минуту...

На столикѣ-табуретѣ, около письменнаго стола, допитый стаканъ чаю говорилъ о томъ, что Евлампій Григорьевичъ въ уборной, надѣваетъ чистую рубашку, послѣ вторичнаго умыванія.—Запахъ сигары ходилъ по кабинету, гдѣ стояла свѣжая температура; не больше тринадцати градусовъ.

III.

Уборная раздѣлена на три части: вправо туалетъ и помѣщеніе для того платья, какое приготовлено камердинеромъ; влѣво мраморный умывальникъ съ кранами холодной и горячей воды, на американскій манеръ, съ разноцвѣтными мохнатыми и всякими другими полотенцами... Спальня передѣлана изъ бывшей гардеробной. Это довольно низкая комната, гдѣ всегда душно.—Но больше некуда было перейти Евлампію Григорьевичу, когда Марья Орестовна, ссылаясь на совѣтъ своего доктора, объявила мужу, что отнынѣ они будутъ жить «въ разноту». Онъ смирился, но съ тѣхъ поръ все еще не утѣшился.

Ему минуло недавно сорокъ лѣтъ. Сложенія онъ сухого;

узкая грудь, жидкія ноги и руки; средняго роста, блѣдное лицо скучнаго сидѣльца. Его русая бородка никакъ не поддается щеткѣ. Она торчитъ въ разныя стороны. Стрижется онъ не длинно и не коротко. Глаза его, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, часто опущены. Онъ не любитъ смотрѣть на кого-нибудь прямо. Ему, то и дѣло, кажется, что не только люди—начальство, сослуживцы, знакомые, половые въ трактирѣ, дамы въ концертѣ, свой кучеръ или швейцаръ,—но даже неодушевленные предметы подмигиваютъ и подсмѣиваются надъ нимъ.

Въ это утро онъ серьезно озабоченъ. Ему предстоятъ три визита. И каждый изъ нихъ требуетъ особеннаго разговора. А наканунѣ жена дала почувствовать, что сегодня будетъ что-нибудь чрезвычайное... И уступить надо!.. Нечего и думать о противорѣчіи... Но и уступкой не возьмешь, не сдѣлаешь этой неуязвимой, подавляющей его во всемъ Марьи Орестовны тѣмъ, о чемъ онъ изнываетъ долгіе годы... Только ему страшно заглянуть ей въ «нутро» и увидать тамъ: какія чувства она къ нему имѣетъ, къ нему, который...

Но сколько разъ попадалъ онъ на зарубку того, что онъ положилъ къ ногамъ Марьи Орестовны—и все-таки облегченія отъ этого не получилъ...

Рубашка застегнута до верхней запонки. Нѣтовъ позвонилъ и перешелъ въ кабинетъ,—у него была привычка одѣваться не въ спальной и не въ уборной, а въ кабинетѣ.

Викентій вошелъ, перенесъ платье въ кабинетъ, положилъ его на древне-русскіе козлы съ собачьими мордами по концамъ и сталъ подавать разныя части туалета, встряхивая ихъ, каждую отдѣльно, какъ это дѣлаютъ старые слуги изъ крѣпостныхъ, бывшіе долго въ камердинерахъ.

Нѣтовъ оглянулся на окно и скосивъ ротъ—зубы у него большіе, желтые—сказалъ:

— На дворѣ-то какая сиверь!

— Упалъ барометръ,—въ тонъ ему замѣтилъ Викентій.

— Какой фракъ приготовилъ?—спросилъ Нѣтовъ.

— Второй-съ.

Онъ часто съ утра надѣвалъ фракъ. Ему приходилось предсѣдательствовать въ разныхъ комитетахъ и собраніяхъ. Заѣзжать переодѣваться—некогда.

— Орденъ прикажете?—освѣдомился Викентій, когда натянулъ на плеча барина фракъ не первой свѣжести—дѣловой фракъ.

— Не надо...

Нѣтовъ надѣлъ бы и свою Анну, и Льва и Солнца второй степени, но Марья Орестовна формально ему приказала: ничего на шею не надѣвать, пока не добьется Владиміра; а персидскую звѣзду пристегивать только при пріемахъ какихъ-нибудь именитыхъ гостей. Ордена лежали у него въ особомъ кованомъ ларцѣ съ серебряными горельефами. Заказалъ себѣ онъ маленькіе ордена для вечеровъ, но и этого не любила Марья Орестовна. Она говорила, что Анну имѣетъ всякій частный приставъ.

— Узнай, можно ли къ Марьѣ Орестовнѣ.

Нѣтовъ никогда не произносилъ имени своей жены передъ камердинеромъ, не смущаясь, безъ внутренней потуги. Ему все сдавалось, что этотъ барскій «хамъ» съ своей чиновничьей наружностью говоритъ ему про себя: «Эхъ ты, кавалеръ Льва и Солнца, въ крѣпостномъ услуженіи находишься у бабенки».

Викентій вышелъ. Нѣтовъ взялъ со стола портфель и ждалъ не безъ волненія.

— Не выходили,—доложилъ, вернувшись, Викентій.

Нѣтовъ вздохнулъ. Этакъ лучше. Не сейчасъ надо испивать чашу.

IV.

Оффиціанты, по знаку Викентія, выпрямились. Мимо одного изъ нихъ прошелъ «баринъ»—прислуга такъ называла Евлампія Григорьевича—не глядя на него. Ему, до сихъ поръ, точно немножко стыдно передъ прислугою... А въ какомъ сановномъ, хотя бы графскомъ или княжескомъ домѣ, такъ все въ струнѣ, какъ у него?

Безъ Марьи Орестовны онъ никогда бы самъ не добился этого, кровь-бы «разночинская» не допустила.

Лакей отвѣсилъ ему поклонъ. Барыня приказала и этому оффиціанту, и другимъ людямъ брить себѣ все лицо и волосы подстригать покороче. У ней зрѣла мысль напудрить ихъ въ одинъ изъ большихъ пріемовъ и разставить по лѣстницѣ. А при этомъ развѣ допустимы усы и даже бакенбарды?

Швейцаръ издали увидалъ Евлампія Григорьевича и встряхнулъ еще разъ шинель. Онъ разсчиталъ, что потребуется шинель, а не пальто: холодно и моросить. Викентій шелъ позади барина; дойдя до лѣстницы, онъ сбѣжалъ по другому сходу и взялъ шинель изъ рукъ швейцара.

— А пальто вычищено?—освѣдомился Викентій на всякій случай.

— Готово.

Поклонъ швейцаръ отвѣсилъ такой же, какъ и оффиціанты. Не мало онъ натерпѣлся отъ барыни. Она долго находила, что онъ кланяется по-солдатски.

— Шинель прикажете?—спросилъ Викентій.

— Шинель.

Камердинеръ накинулъ на него широкую, съ длиннымъ капишономъ, шинель, съ серебристымъ бобромъ, простеганую мелкими клѣтками, самаго строгаго петербургскаго покроя, крытую темнокоричневымъ сукномъ, немного впадающимъ въ бутылочный цвѣтъ. Марья-же Орестовна дала ему совѣтъ заказать такую шинель у Сарра́, въ Петербургѣ.

— Статсъ-секретарь Бутковъ носилъ этакія шинели,—сообщила она ему:—такъ и называются «manteau Boutkoff».

Ему бы никогда не догадаться. И, дѣйствительно, когда онъ въ этой шинели, то ощущаетъ сейчасъ особую пріятность, нѣтъ мѣхового запаха, мягко, руку щекочетъ атласъ подкладки, всего проникаетъ струя порядочности, почета, власти... Пахнетъ статсъ-секретаремъ и камергеромъ...

Швейцаръ выбѣжалъ на подъѣздъ. Конюхъ торопливо потеръ щеткой бокъ одной изъ лошадей и отскочилъ въ сторону. Кучеръ перебралъ возжами и заставилъ пару подпрыгнуть на мѣстѣ. Изморозь все еще шла и начала слѣпить глаза кучеру.

На крыльцо вышелъ за швейцаромъ и Викентій. Онъ неизмѣнно дѣлалъ это. Даже Марья Орестовна должна была сознаться, что не она его этому научила. На лицѣ его всегда былъ вопросъ, обращенный къ барину:

«Не угодно ли что приказать, или что забыть изволили?»

Евлампій Григорьевичъ всегда говорилъ ему:

— Ступай.

Но Викентій подсаживалъ его каждый разъ, вмѣстѣ съ швейцаромъ.

Въ каретѣ Нѣтовъ укутался и сѣлъ въ уголъ. Портфель положилъ въ особое помѣщеніе, ниже подзеркальника, куда можно положить и книгу или газету. Часто онъ читаетъ въ каретѣ, когда отправляется на какое-нибудь засѣданіе.

То, что̀ онъ найдетъ тамъ, куда ѣдетъ по «своимъ дѣламъ» и соображеніямъ, отступило передъ тѣмъ, что̀ ожидаетъ его сегодня дома, до обѣда.

Неужели ему весь вѣкъ такъ поджариваться на какой-то

сковородѣ?.. Точно онъ лещь, положенный живымъ въ кипящее масло. Это уподобленіе онъ самъ выдумалъ.—Все есть, и впереди можно еще многаго добиться... и въ крупномъ чинѣ будетъ, и дворянство дадутъ, и черезъ плечо повѣсятъ, можетъ, черезъ какихъ-нибудь два-три года. Но онъ страдалецъ... Развѣ онъ господинъ у себя въ домѣ?.. Смѣетъ ли онъ поступить хоть въ чемъ-нибудь, какъ самъ желаетъ?.. Да и увѣренности у него нѣтъ... А вѣдь онъ не дуракъ!.. И что же нужно такое имѣть, чтобы обратить къ себѣ сердце женщины, не принцессы какой-нибудь, такой же купчихи, какъ и онъ?

Евлампій Григорьевичъ попалъ на свою зарубку... Что она такое была?.. Родители проторговались!.. Родня голая:—быть бы ей за какимъ-нибудь лавочникомъ или въ учительницы идти, въ народную школу, благо она въ университетѣ экзаменъ выдержала... Въ этомъ-то вся и сила!.. Еще при другихъ онъ употребляетъ ученыя слова, а какъ при ней скажетъ, хоть напримѣръ: слово «цивилизація», она на него посмотритъ искоса, онъ и очутится на сковородѣ...

V.

Первый ранній визитъ сдѣлалъ Нѣтовъ своему дядѣ, Алексѣю Тимоѳеевичу Взломцеву, старому человѣку, по мануфактурному дѣлу главѣ крупнѣйшей фирмы. Отъ него кормилось цѣлое населеніе въ тридцать тысячъ прядильщиковъ, ткачей и прочаго фабричнаго люда. Онъ придерживался единовѣрія, но безъ всякаго задора, позволялъ курить другимъ и самъ курилъ, читалъ «свѣтскія» книжки, любилъ знакомство съ господами, стоящими за старину, за «Россію матушку» и единоплеменныхъ «братьевъ», о которыхъ имѣлъ довольно смутное понятіе. Взломцевъ такъ много занимался по своимъ дѣламъ, что день расписывалъ на часы и даже родственникамъ, и такимъ почетнымъ, какъ Нѣтовъ, назначалъ день и часъ, и сейчасъ заносилъ въ книжечку.—Жилъ онъ одинъ, въ большомъ, богато отдѣланномъ домѣ съ парадными и «простыми» комнатами, безъ новыхъ затѣй, такъ, какъ это дѣлалось лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, когда отецъ его трепеталъ передъ полицеймейстеромъ и даже приставу подносилъ самъ бокалъ шампанскаго на подносѣ.

Нѣтова встрѣтилъ въ конторѣ, рядомъ съ кабинетомъ, высокій, чрезвычайно красивый сѣдой мужчина за шестьдесятъ лѣтъ, одѣтый «по-нѣмецки» въ длинноватый, темно-кофейный сюр-

тукъ и бѣлый галстухъ. Онъ носилъ окладистую бороду, бѣлѣе волосъ на головѣ. Работалъ онъ стоя, передъ конторкой. При входѣ племянника, онъ отпустилъ молодца, стоявшаго у притолки.

Они поцѣловались.

— Чаю хочешь?—спросилъ дядя.

— Пилъ, дяденька.

Евлампій Григорьевичъ не отсталъ отъ привычки называть его «дяденькой» и у себя, на большихъ обѣдахъ, чтó коробило Марью Орестовну. Онъ не разсчитывалъ на завѣщаніе дяди, хотя у того наслѣдниками состояли только дочери и фирмѣ грозилъ переходъ въ руки «Богъ его знаетъ какого» зятя. Но безъ дяди онъ не могъ вести своей политики. Отъ старика Валомцева исходили идеи и толкали племянника въ извѣстномъ направленіи.

— Ну что же скажешь?—спросилъ Валомцевъ, снялъ очки и заткнулъ гусиное перо за ухо. Стальными онъ не писалъ. Глаза его черные, умные и немного смѣющіеся, говорили, что долго ему некогда растобарывать съ племянникомъ.

— Да вотъ,—началъ заикаясь Нѣтовъ и поглядѣлъ на лацкана своего фрака, отчего почувствовалъ себя безпокойнѣе:—какъ насчетъ Константина Глѣбовича, онъ засылалъ просить... пожаловать къ нему... слышно, завѣщаніе составилъ...

— А нешто очень плохъ?

— Плохъ, не доживетъ, говорятъ, до распутицы.

— Чтожъ... мы не наслѣдники, — пошутилъ старикъ,—за честь благодаримъ...

— Я вотъ сегодня хочу къ нему заѣхать въ полдень, такъ... узнать, когда онъ желаетъ васъ просить?

— Да, чтобы вѣрно было... и день и часъ... Коли можетъ, такъ вечеромъ. Тутъ вѣдь исторія-то короткая. Читать мы завѣщаніе не станемъ.

— Конечно-съ. Только у него есть разсчетъ на душеприкащиковъ.

— Я не пойду. Такъ ему и скажи, чтобъ извинилъ меня. Есть люди молодые. Да и своихъ дѣловъ много... Гдѣ мнѣ возиться... Еще кляузы пойдутъ! — Жена остается... А онъ ей врядъ ли много оставитъ.

— Я полагаю, что не много... Такъ, на прожитье.

Помолчали.

— Жаль его,—выговорилъ дядя:—пожилъ бы.

Нѣтовъ вздохнулъ на особый манеръ.

— Съ нимъ много для тебя уходитъ, Евлампій... Чувствуешь ли ты?

— Помилуйте, дяденька!

— Надо тебѣ другого Константина Глѣбовича искать.

— Гдѣ же сыщешь?

— Да, нонѣ, братецъ, не та полоса пошла... Онъ для своего времени хорошъ былъ... Ну и событія... Герцеговинцы... Опять за Сербію поднялись, тутъ, глядишь, война. А нынче тихо, не тѣмъ пахнетъ.

— Да, да,—повторялъ Нѣтовъ, отводя глаза отъ дяди.

— Ты достаточно у Лещова-то въ обученьи побывалъ. Пора бы и самому на ноги встать. Не все на помочахъ. Ты, братъ, я на тебя посмотрю, двойственный какой-то человѣкъ... Честь любишь, а смѣлости у тебя нѣтъ... И не глупъ, не дуракъ-парень... нельзя сказать; а все это, какъ нынче господа сочинители въ газетахъ пишутъ—между двумя стульями садишься. Такъ-то...

Старикъ добродушно разсмѣялся.

VI.

У дяди своего Нѣтовъ чувствовалъ себя меньшимъ родственникомъ. Къ этому онъ уже привыкъ. Алексѣй Тимоѳеевичъ дѣлалъ ему внушенія отеческимъ тономъ, не скрывалъ того, что не считаетъ племянника «звѣздой», но безъ надобности и не принижалъ его. Къ Взломцеву Нѣтовъ всегда обращался за мнѣніемъ; и рѣдко уходилъ съ пустыми руками.

Помявшись на мѣстѣ, онъ сѣлъ въ сторонку и выговорилъ:

— Вотъ опять тоже Капитонъ Ѳеофилактовичъ.

— Что еще?—насмѣшливо спросилъ старикъ.

— Да какъ же, дяденька, вы разсудите... Былъ все съ нашими... Помните пріемъ добровольцамъ дѣлалъ... и по Красному Кресту... И во всѣхъ такихъ... дѣлахъ... рѣчи тоже говорилъ... А мы, кажется, оказывали ему всякое почтеніе. А между прочимъ, онъ между нашими врагами очутился.

— Почему ты такъ думаешь?

— Какъ же-съ! Теперь хоть бы въ этой новой газетѣ пошли разные статейки и слухи... Прямо личность называютъ. Тутъ непремѣнно по внушеніямъ Капитона Ѳеофилактовича дѣлается.

— Можешь ли доказать?

— Видимое дѣло, дяденька.—Евлампій Григорьевичъ заго-

ворилъ горячѣе.—Кто же кромѣ его знаетъ разныя разности... хотя бы и про насъ съ вами?

— А развѣ и про меня есть что?

— Изволите видѣть, прямо-то не смѣли назвать, а обиняками. Но узнать сейчасъ можно.

— Вре-ешь?—все еще весело спросилъ Взломцевъ.

Евлампій Григорьевичъ развернулъ портфель и вынулъ сложенный вчетверо листъ газеты.

— Вотъ извольте взглянуть.

Онъ указалъ Взломцеву столбецъ и строку. Старикъ надѣлъ черепаховое pince-nez, взялъ газету, развернулъ весь листъ, отвелъ его рукой отъ себя на полъ-аршина и медленно, чуть замѣтно шевеля губами, прочелъ указанное мѣсто.

Съ его губъ не сходила усмѣшка, брови не сдвигались. Алексѣй Тимоѳеевичъ не почувствовалъ себя сильно обиженнымъ. Онъ часто говорилъ: «на то и газетки, чтобы быль съ небылицей мѣшать». Въ статейкѣ имени его не стояло, но намеки были ясные. Подсмѣивались надъ славянолюбіемъ и «кваснымъ» патріотизмомъ и его племянника, и его самого.

— Изволили видѣть, дяденька?—началъ въ тотъ же тонъ Нѣтовъ.—И къ чему же это изъ-подъ-тишка?.. И сейчасъ «славянолюбцы» и все такое... А самъ онъ развѣ не въ такихъ же мысляхъ былъ?... Вездѣ кричалъ и застольныя рѣчи произносилъ... Вѣдь это, дяденька, какъ же назвать? Честный человѣкъ пойдетъ ли на такое дѣло?

Взломцевъ промолчалъ.

— И все это одинъ свой интересъ...

— А ты думалъ какъ?—перебилъ дядя и тихо разсмѣялся.

— Ему, изволите видѣть, непремѣнно хотѣлось прямо въ дѣйствительные статскіе... или, чтобъ Станислава черезъ плечо... А вмѣсто того и коллежскаго не получилъ. Такъ мы съ вами, дяденька, тутъ не причинны.

— Ужъ ты меня-то бы не вмѣшивалъ,—порѣзче перебилъ Алексѣй Тимоѳеевичъ.

— Да я говорю вообще, дяденька. Но, между прочимъ, и вы косвенно... Нельзя же такъ именитыхъ людей!.. И послѣ того, что онъ себя выдавалъ...

— А ты постой... Все это ты такъ... Очень онъ тебя испугался, хоть ты теперь и въ почетѣ... Ему надо въ дворяне выдти, или надо ему предоставить мѣсто такое, чтобы дѣла его совсѣмъ наладились.

— Это вѣрно-съ.

— Канючить, слѣдственно, нечего. Надо его ручнымъ сдѣлать.

— Я и думалъ тоже.

— А придумалъ ли что?

— Да если что представится... А теперь вотъ я къ нему собираюсь... заѣхать... На счетъ статейки ничего не скажу, а увижу, какъ онъ себя поведетъ.

— Съ пустыми-то руками явишься... умно!..

— Чинъ-то ему посулить не велика трудность.

— А ты спервоначалу самъ получи.

Евлампій Григорьевичъ покраснѣлъ. Дядя зналъ всѣ его сокровенные разсчеты.

— Лучше же показать ему, что мы всю его тактику понимаемъ.

— А ты вотъ что...

Валомцевъ потеръ себѣ переносицу.

— Ты говоришь, очень Константинъ Глѣбовичъ плохъ?..

— Да какъ же-съ!.. Недѣли двѣ больше не проживетъ.

— Надо будетъ его замѣщать.

— Кандидатъ есть.

— До новыхъ выборовъ... Кандидатъ не въ счетъ... Ты ему и посули... да онъ и не плохой директоръ будетъ... Пожалуй, лучше-то и не найдешь.

«И этого придумать не могъ, дразнилъ себя Евлампій Григорьевичъ, а вотъ дядя сейчасъ же смекнулъ, въ одну секунду! Эхъ!»

Долго не могъ онъ поднять глаза и взглянуть пристальнѣе на дядю.

— Такъ-ли?—спросилъ Алексѣй Тимоѳеевичъ.

Племянникъ заходилъ съ опущенной головой.

— А ты сядь! Въ глазахъ у меня рябитъ, когда ты этакимъ манеромъ поворачиваешься.

— Ваша мысль богатая, дяденька!

— Ну и поѣзжай... Лещову такъ и скажи, что Алексѣй-молъ Тимоѳеевичъ благодаритъ за честь, свидѣтелемъ роспишусь, а отъ душеприкащиковъ пускай избавитъ меня. Довольно и своихъ дѣловъ.

— А вы позволите, если рѣчь зайдетъ о директорствѣ... поставить на видъ, что Алексѣй Тимоѳеевичъ, съ своей стороны, какъ учредитель и главнѣйшій...

— Можешь, только осторожнѣе.

— Да ужъ вы извольте положиться на меня, дяденька.

— Извини, я тебя отпущу.

Старикъ повернулся къ конторкѣ, а потомъ въ бокъ по-

далъ руку племяннику. Нѣтовъ такъ и вышелъ изъ конторы съ опущенной головой.

«Идей у него своихъ не имѣется! Это несомнѣнно. А кажется, чего было проще сообразить на счетъ смерти Лещова?.. Вотъ, дядя, такъ голова!»

VII.

Къ другому родственнику—но уже со стороны отца и болѣе дальнему—Евлампій Григорьевичъ попалъ въ одиннадцать часовъ. Тотъ жилъ около Басманной. Домъ у Капитона Ѳеофилактовича Краснопёраго выстроенъ былъ на славу, съ картинной галлереей и зимнимъ садомъ. Лѣтъ двадцать назадъ, этотъ предприниматель сильно прогремѣлъ въ обѣихъ столицахъ. Чисто-русской изворотливостью отличался онъ. До желѣзно-дорожной лихорадки, до банковскаго приволья, онъ уже пустилъ въ ходъ цѣлую дюжину обществъ, товариществъ и компаній. Одно время дѣла его такъ поразстроились, что онъ вынырнулъ потому только, что успѣлъ ловко продать всѣ свои паи. Года на три, на четыре онъ совсѣмъ притихъ, распродалъ свои картины, пріемы прекратилъ, ѣздилъ лечиться за границу. Потомъ опять поднялся, но ужъ не могъ и на одну треть дойти до прежняго своего положенія.

Никого онъ такъ не раздражалъ и не тревожилъ, какъ Евлампія Григорьевича. Краснопёрый служилъ живымъ примѣромъ русской бойкости и изворотливости, кичился своимъ умомъ, умѣньемъ говорить—хотя говорилъ на обѣдахъ витіевато и шепеляво—тѣмъ, что онъ все видѣлъ, все знаетъ, Европу изучилъ и Россіи открылъ новые пути богатства, за что давно бы слѣдовало ему поставить монументъ.

Честолюбивая, но самогрызущая душа понимала и ясно видѣла другую, еще болѣе тщеславную, но одаренную разносторонней смѣткой душу русскаго кулака.

«Цѣловальникъ, подносчикъ, фальшивый мужиченка», называлъ его про себя Евлампій Григорьевичъ и радовался несказанно, когда вдругъ всѣ заговорили, что Краснопёрый вылетѣлъ въ трубу съ дефицитомъ въ два милліона. Онъ презиралъ этого «выскочку», какъ сынъ купца, хоть и второй когда-то гильдіи, но оставившаго ему прочное дѣло, съ доходомъ, въ худой годъ, до двухъ сотъ тысячъ чистоганомъ. Ему не надо ни компаній составлять, ни людей морочить, ни во вся тяжкая пу-

скаться и Европу удивлять. Онъ, Нѣтовъ,—выше всего этого. Но честь они оба любятъ одинаково. Обоимъ хочется ленту черезъ плечо и дворянство,—для себя самихъ хочется—дѣтей у нихъ нѣтъ. Такъ Красноперый еще пождетъ;—а у него, Нѣтова, и то, и другое будетъ. И онъ, какъ ни какъ, а почетное лицо. Только держать онъ себя и на одну сотую не умѣетъ такъ, какъ этотъ нахалъ. Тотъ у Господа Бога табачку попроситъ. Всѣ министры ему пріятели, съ генералъ-адъютантами за панибрата, брюхо впередъ, фракъ ловко сидитъ, на всю залу, съ кѣмъ хочешь, будетъ своимъ суконнымъ языкомъ рацеи разводить.

Евлампій Григорьевичъ даже плюнулъ въ окно кареты за сто саженъ до дома своего родственника.

Вотъ и теперь... Онъ знаетъ, какъ тотъ его приметъ. Придется проглотить не одну пилюлю. И все это будетъ «негляже». Такъ тебя и тычетъ носомъ: «пойми-де и почувствуй, что ты передо мною, хоть и въ почетѣ живешь,—мразь».

Щеки Евлампія Григорьевича краснѣли и даже пошли пятнами. Онъ хотѣлъ-было взяться за снурокъ и крикнуть кучеру, чтобы тотъ поворачивалъ назадъ. Но сдѣлать визитъ надо. Хуже будетъ. «Дяденька Алексѣй Тимоѳеевичъ не даромъ придумалъ насчетъ мѣста директора. Только каково это будетъ прыгать передъ этакой ехидной? Онъ тебя изъ-за угла помоями обливаетъ; а ты къ нему на поклонъ съ дарами приходишь... «Батюшка, сложи гнѣвъ на милость!». Когда Нѣтовъ страдалъ и сердился про себя, голова его усиленно работала. — Онъ находилъ въ себѣ и бойкія слова, и злость, и язвительность. Еслибы онъ могъ вслухъ такъ кого-нибудь отдѣлать хоть разъ, тогда всѣ бы держали передъ нимъ «ухо востро». Но онъ чувствовалъ, что никогда у него не достанетъ духу.—Вся горечь уйдетъ внутрь, всосется, потечетъ по жиламъ и отдастся въ горлѣ... Вѣкъ не вылѣзешь изъ своей кожи!

Его еще разъ непріятно кольнуло, когда карета остановилась на рысяхъ передъ крыльцомъ. — А онъ не успѣлъ дорогой обдумать и того, въ какомъ порядкѣ сдѣлаетъ онъ свой «подходъ»; съ чего начнетъ: будетъ ли мягко упрекать, или не намекнетъ вовсе на газетную статейку?..—Вылѣзать изъ кареты надо. Дверь отворилась. Его принималъ швейцаръ.

VIII.

И швейцаръ, и остальная прислуга у Капитона Феофилактовича одѣта по-русски, какъ кондукторы и прислуживающіе при шинельной Славянскаго Базара, какъ швейцары конторъ и многихъ московскихъ домовъ—въ высокихъ сапогахъ бутылками и короткихъ казакинахъ. Не лучше ли бы было и ему, Нѣтову, такъ одѣть прислугу?.. А то выдаетъ себя за славянолюбца и хранителя русскихъ «началъ», а всѣ въ ливреяхъ, точно у какого нѣмецкаго принца.—Но Марья Орестовна такъ распорядилась.—Вѣдь и она воспитала себя въ славянолюбіи; но безъ ливреи не соглашается жить. А этотъ вотъ «подносчикъ» по наружности во всемъ изъ себя русака корчитъ. Самъ фракъ носитъ, но въ домѣ у него смазными сапогами пахнетъ. Нѣтъ оффиціантовъ, выѣздныхъ, камердинеровъ, буфетчиковъ, одни только «малые» и «молодцы».

Изъ узкой передней лѣстница вела во второй этажъ. Съ верхней площадки, черезъ отворенную дверь, Евлампій Григорьевичъ вошелъ въ пріемную комнату, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ передъ кабинетами министровъ, съ кое-какой отдѣлкой. Къ одной изъ стѣнъ приставленъ былъ столъ, покрытый полинялымъ синимъ сукномъ. На немъ—закапанная хрустальная чернильница и графинъ со стаканомъ.

Дожидалось человѣка три мелкаго люда. У дверей кабинета стоялъ второй по счету казакинъ. Онъ впустилъ Евлампія Григорьевича съ докладомъ.

Въ кабинетѣ—большой комнатѣ, аршинъ десять въ длину—свѣтъ шелъ справа изъ итальянскаго и четырехъ простыхъ оконъ и падалъ на столъ, помѣщенный поперегъ, огромный столъ въ обыкновенномъ петербургскомъ столярномъ вкусѣ. Мебель сафьянная съ краснымъ деревомъ, безъ особыхъ «рисунковъ», нѣсколько картинъ и позади кресла, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, его портретъ во весь ростъ работы лучшаго московскаго портретиста. Сходство было большое; только Капитонъ Феофилактовичъ снимался лѣтъ десять раньше, когда волосы еще не такъ серебрились. На портретѣ его написали стоя, во фракѣ, съ орденомъ на шеѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ моднымъ вырѣзомъ жилета, и съ усмѣшкой, гдѣ можно было и не злоязычному человѣку прочесть вопросъ:

«А чѣмъ же я, примѣрно, не министръ финансовъ?»

Теперешній Капитонъ Θеофилактовичъ сидѣлъ въ соломенномъ креслѣ, въ полъ-оборота къ столу и лицомъ къ входной двери. Лицо его прямо такъ и выскочило изъ питейной лавочки, курносое, рябоватое; скулы выдавались, но ротъ хранилъ самодовольную и горделивую складку. Волосы, мелкокурчавые, онъ сохранилъ и на лбу, и на темени, носилъ ихъ недлинными и бороду подстригалъ. Его домашній свѣтлосѣрый костюмъ смахивалъ на охотничью куртку. Короткая шея уходила въ широкій косой воротъ ночной рубашки, расшитый шелками, также какъ и края рукавовъ; на пальцахъ остались слѣды чернилъ. Онъ врядъ ли еще умывался; ноги его, съ широкой, мужицкой ступней, засунуты были въ коты изъ плетеныхъ, суконныхъ ремешковъ, какіе носятъ старухи.

При входѣ Евлампія Григорьевича, Красноперый не привсталъ и даже не обернулся къ нему тотчасъ же, а продолжалъ говорить съ прикащикомъ. Тотъ стоялъ налѣво, у боковой двери, въ короткомъ пальто, шерстяномъ шарфѣ и большихъ сапогахъ, малый за тридцать лѣтъ, съ смиренно плутоватымъ лицомъ. Голову онъ наклонилъ, подался всѣмъ корпусомъ и не дѣлалъ ни шагу впередъ, а только перебиралъ ногами. Вся его посадка изображала собою напряженное вниманіе и преклоненіе передъ хозяйскимъ «приказомъ».

Гость остановился и притаилъ дыханіе. Уже самый пріемъ этотъ оскорблялъ его. Развѣ эта «образина» не могла попросить его въ гостиную и извиниться, прикащика сначала отпустить, а не продолжать передъ нимъ, Евлампіемъ Григорьевичемъ, — своихъ домашнихъ распоряженій, да еще въ ночной сорочкѣ и котахъ? Красныя пятна на щекахъ обозначились съ новой силой.

IX.

— Не перепутай,—продолжалъ Красноперый и ткнулъ въ воздухъ грязнымъ указательнымъ пальцемъ.

Когда онъ говорилъ, въ груди у него слышался хрипъ, точно въ засоренномъ чубукѣ. Онъ часто икалъ.

— Какъ можно-съ,—откликнулся прикащикъ.

— Оттуда къ Мурзуеву... Полушубковъ пять-сотъ штукъ, да хорошихъ, не кислыхъ.

— Слушаю-съ.

— Каживную штуку пересмотри и перенюхай.

— Слушаю-съ.

— Отъ Мурзуева къ тому... знаешь, въ Зарядьѣ?

— Знаю-съ.

— Капитонъ-молъ Ѳеофилактовичъ приказали отпустить холста рубашечнаго двѣ тысячи аршинъ... ярославскаго, полубѣлаго, чтобъ безъ гнили.

— Слушаю-съ.

Тутъ только Красноперый обернулся къ гостю и небрежно сказалъ ему:

— А, Евлампій Григорьевичъ! Здравствуй!.. Обожди маленько... присядь.

Всего обиднѣе то, что онъ ему говоритъ «ты». И всегда такъ говорилъ... Они четвероюродные братья, но есть разница лѣтъ. Другой бы давно далъ знать такому «стрекулисту», что пора оставить эту фамильярность, или ему самому отвѣчать такимъ же «ты». И на это не хватаетъ духу!..

— Все искупи седни,—онъ не стѣсняясь говорилъ «седни», а въ сановники мѣтилъ,—и сдай въ складъ, подъ росписку.

— Слушаю-съ,—повторилъ въ двадцатый разъ прикащикъ.

— Для васъ все, для вашей команды,—еще небрежнѣе замѣтилъ Красноперый родственнику.

Евлампій Григорьевичъ хотѣлъ что-то возразить, но лицо хозяина кабинета уже смотрѣло въ профиль на прикащика.

— Съ Богомъ,—отпустилъ Красноперый и не тотчасъ же обернулся къ Нѣтову, а нагнулъ голову, какъ бы что-то соображая.

Прикащикъ взялся за ручку двери.

— Вонифатьевъ!—крикнулъ хозяинъ.

— Что прикажете-съ?

Больше двухъ шаговъ прикащикъ не сдѣлалъ.

— Вотъ еще, что я забылъ, братецъ... По Ильинкѣ проѣзжать будешь, то бишь по Никольской, заверни къ Феррейну и отдай ему... не въ аптеку, а въ магазинъ... матеріаловъ.

— Понимаю-съ.

— Чтобы все по запискѣ было отпущено безъ задержекъ.

— Записочку...

— Что ты мнѣ тычешь?.. Знаю...

Красноперый не спѣша открылъ одинъ изъ ящиковъ, порылся тамъ, досталъ бумажку, сложенную вдвое, и протянулъ.

Прикащикъ подбѣжалъ и взялъ бумажку.

— И такимъ же манеромъ въ складѣ прикажете?

— Да, братецъ, и въ складѣ... ступай...

«Вотъ и ему, Нѣтову, этотъ куценосый будетъ сейчасъ же говорить «ты», какъ и Вонифатьеву въ смазныхъ сапогахъ».

Дверь затворилась за приказчикомъ.

Капитонъ Ѳеофилактовичъ сѣлъ теперь въ кресло лицомъ къ гостю, потянулся и зѣвнулъ.

— Что не куришь?

— Не хочется,—отвѣтилъ Нѣтовъ и почувствовалъ, какой у него школьническій голосъ.

— Добро пожаловать!.. А ты, кажется, въ изумленіе пришелъ, что̀ я тебѣ сказалъ на счетъ склада?.. Да, братъ, я теперь отдуваюсь... Ваши дамы-то... хоть бы и твоя супруга... только ленточки, да медальки носить охотницы; а охотка прошла — и нѣтъ ничего.

— Однако,—началъ было Нѣтовъ.

— Да что тутъ однако, я тебѣ на дѣлѣ показываю... Ты вѣдь тоже соревнователемъ числишься... А заглядывалъ ли ты туда хоть разъ въ полугодіе, вотъ хотя бы съ весны?..

— Вы знаете, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, что у меня у одного кажется...

— Нечего кичиться твоими трудами!.. Сидишь да потѣешь въ разныхъ комитетахъ... Ха, ха!.. А послѣ надъ тобой же смѣются... Лучше бы похлопотать о русскомъ раненомъ воинѣ. Чево! Война прошла... Цѣлымъ батальонамъ ноги отморозило!.. Калѣкъ-перехожихъ надѣлали, что песку морского... Пущай!.. Глядь—ни холста, ни полушубковъ, ни денегъ,—ничего!.. Краснопёрова за бока!.. Онъ христолюбецъ!..

X.

Губы Евлампія Григорьевича совсѣмъ побѣлѣли. Онъ то потиралъ руки, то хватался правой рукой за лацканъ фрака. «Бахвальство» братца душило его. А отвѣчать нечего. Онъ, дѣйствительно, не знаетъ, что̀ дѣлается въ этомъ «складѣ». И Марья Орестовна что-то туда не ѣздитъ. У ней вышла исторія, она не перенесла одной какой-то фразы отъ предсѣдательши. Съ тѣхъ поръ не даетъ ни копѣйки, и не дежуритъ, аршина холста не посылала... А этотъ «Капитошка» угостилъ его цѣлымъ нравоученьемъ, перечислилъ и полушубки, и холсты, и аптекарскіе товары.

— Такъ-то оно и все идетъ у насъ на Руси православной,

—протянулъ Капитонъ Өеофилактовичъ и, прищурившись на гостя, подзадоривающимъ тономъ спросилъ:—читалъ, какъ васъ съ дяденькой-то ловко отщелкали, а-сь?..

Этого не ожидалъ Нѣтовъ даже и отъ Краснопёрова. Самъ онъ—завѣдомо подстрекатель пасквиля, и вдругъ издѣвается, какъ ни въ чемъ не бывало!..

— А что же-съ, вамъ это особенно пріятно?—съумѣлъ онъ спросить, и голосъ его дрогнулъ.

— Да мнѣ что? Не дѣтей съ вами крестить! Ругайтесь промежъ себя, намъ же лучше.

— Однако, такая газета стоитъ того, чтобы ее судомъ...

— Судись, коли охота есть!.. Деньги-то все равно зря тратишь. Ну, найми Өедора Никифоровича. Онъ тебя такъ распишетъ, что хоть сейчасъ въ царствіе небесное... Ха, ха!..

— Дядюшка тутъ припутанъ ни къ селу, ни къ городу.

— Факты вѣрные... Скаредъ и самодуръ... Онъ все въ сторонкѣ, да потихоньку, анъ и его—на свѣжую воду... Радуйся! Вѣдь тебя, братъ, супруга въ альдермены, на аглицкій манеръ произвела... Ну, и стой за свободу слова, за гласность. Ты долженъ это дѣлать, долженъ... Ха, ха, ха!..

Краснопёрый долго смѣялся, покачиваясь на креслѣ. Ногу онъ задралъ кверху.

Блѣдность Евлампія Григорьевича перешла опять въ красноту. Онъ еще сильнѣе краснѣлъ отъ сознанія, что не въ силахъ сдержать себя, съ презрѣніемъ относиться ко всему этому «гаерству» и безнаказанной дерзости «мужлана» и «сивушника».

— Чтожъ вы думаете,—заговорилъ опять Краснопёрый,—вамъ всѣ въ зубы будутъ глядѣть?.. Хозяйничай, какъ знаешь, батюшка!.. Да я бы васъ еще не такъ! Отдали самыя сурьезныя статьи въ чьи руки?..

— Свѣдущіе люди...

— Отчего шпыняютъ васъ?! Оттого, что вы какого-нибудь голоштаннаго кандидатишку пошлете за-границу отхожія мѣста изучать, съ меня же, какъ съ платящаго жителя, сдерете на его содержаніе, а потомъ позволяете ему мудрить и эксперименты производить!.. Эхъ, вы!..

Онъ всталъ, подтянулъ свой костюмъ весьма безцеремонно и пожалъ плечами.

Какъ же говорить послѣ такого пріема? Только срамиться. И переходъ-то нельзя сдѣлать. Къ чему придраться? Или разговоръ перевернуть? На это Евлампія Григорьевича никогда

не ставало и въ засѣданіяхъ, не то что ужъ въ подобномъ случаѣ.

— Вы это напрасно,—выговорилъ онъ съ большимъ усиліемъ. Лучше всего было молчать:—разумнѣе и ловчѣе ничего не придумаешь...

— Да нечего!.. Газетная лапша хорошая штука для вашего брата...

— Мы не такъ къ вамъ относимся...

— Кто мы?

— Да хоть бы дядюшка... и я тоже. До сихъ поръ, кажется, имѣлъ я основаніе, Капитонъ Өеофилактовичъ, считать васъ русскимъ кореннымъ человѣкомъ... Вы же меня и ввели къ такимъ людямъ, какъ хотя бы Лещовъ, Константинъ Глѣбычъ...

— Да ты куда это ударился, сударь мой?

— Нешто мы измѣняли? Или передались, что-ли? Вонъ другіе себя величаютъ всячески: либералы мы, говорятъ, западники... А я, кажется, все въ томъ же духѣ...

— Надоѣлъ, Евлампій Григорьевичъ, надоѣлъ ты мнѣ своимъ нытьемъ... Славянофилъ ты, что ли? Кто тебя этому надоумилъ? Книжки ты сочинялъ или стихи, какъ Алексѣй Степанычъ—покойникъ? Пренія производилъ съ питерскими умниками, аль опять съ начетчиками въ Кремлѣ? Ни пава ты, ни ворона! И Лещовъ надъ тобой же издѣвался!.. Я тебѣ это говорю доподлинно!

XI.

Дальше молчать было невозможно. Евлампій Григорьевичъ задвигался на стулѣ.

— Зачѣмъ-же-съ, зачѣмъ-же-съ,—заговорилъ онъ... Я вовсе въ это не желаю входить. Душевно признателенъ за то, что видѣлъ отъ Константина Глѣбовича. И хотя бы онъ за-глаза... при его характерѣ оно и не мудрено; но мы объ этомъ не станемъ-съ...

— Это твое дѣло!—перебилъ Краснопёрый.

— Не станемъ-съ,—повторилъ Нѣтовъ.—Потому, кто же можетъ въ душу къ другому человѣку залѣзть? А вотъ, Капитонъ Өеофилактовичъ, мы съ дядюшкой Алексѣемъ Тимоѳеевичемъ думаемъ сдѣлать вамъ совсѣмъ другое... сообщеніе.

— Какое такое сообщеніе?

Краснопёрый подперъ себѣ руки въ бока.

— Такъ какъ Константинъ Глѣбовичъ очень плохъ, можно сказать, въ полномъ разстройствѣ здоровья, такъ мы и думали... по прежнимъ нашимъ связямъ съ вами...

— Ну-у?

— Какъ вы полагаете сами насчетъ мѣстовъ, занимаемыхъ теперь Константиномъ Глѣбовичемъ?..

Лицо Краснопёрова измѣнило выраженіе. Онъ подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Какъ же тутъ полагать? Ты говори толкомъ.

— Вѣдь желательно, чтобы, ежели послѣ его кончины, мѣста эти останутся вакантными — человѣкъ стоющій получилъ главную-то силу и могъ сообразно тому дѣйствовать.

— Дальше, что же, сударь мой, дальше-то?

— И чѣмъ раздоры имѣть... и другъ дружку ослаблять, не любезнѣе ли бы было, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, въ соглашеніе войти... Если вы къ намъ въ тѣхъ же чувствахъ, какъ и прежде, то мы, съ своей стороны, окажемъ вамъ поддержку.

— А ты думаешь, для меня ни вѣсть какая благодать на Лещова мѣсто сѣсть?—пренебрежительно спросилъ Краснопёрый. Онъ сразу уразумѣлъ, въ чемъ дѣло, и уже сообразилъ, какъ надо поломаться.—Коли сами залѣзаютъ, стало, онъ имъ нуженъ... Газетныя статейки подѣйствовали...

«Подлецъ ты, подлецъ, — безпомощно бранился про себя Нѣтовъ,—и зачѣмъ я тебя улещаю?.. Надо бы тебя за пасквили къ мировому, а то и въ окружный... Ты же насъ осрамилъ на всю Москву, и я же долженъ прыгать передъ тобою».

— Хуже будетъ, ежели кто-нибудь изъ вашихъ заклятыхъ враговъ да попадетъ...—сказалъ съ усиліемъ Нѣтовъ.—Вѣдь вы опять въ дѣла вошли. Кредитъ поднимется сразу и всякое предпріятіе.

— Тихъ, тихъ, а посулы знаешь!

— Почему же вы это за посулы принимаете? Надо предвидѣть-съ.

— Благопріятель еще живъ, а мы ужъ разсчитываемъ, кого бы намъ посадить, чтобы нашу руку гнули. Объ одеждахъ его мечемъ жребій!..

— Это ужъ совсѣмъ напрасно,—разсердился въявь Нѣтовъ и всталъ.—Вамъ достаточно извѣстно, Капитонъ Ѳеофилактовичъ, что я никакими афёрами не занимаюсь (Марья Орестовна не могла его отучить отъ «афёръ»); ежели я и дядюшка Алексѣй Тимоѳеевичъ объ чемъ хлопочемъ, такъ это единственно, чтобъ

люди стоющіе сидѣли на такихъ мѣстахъ. И потомъ мы полагали, что вамъ съ нами ссориться не изъ-чего. Кромѣ всякаго содѣйствія вы отъ насъ ничего не видали.

— Ладно, ладно!.. Сейчасъ и пѣтушится, ха, ха!..

Краснопёрый перемѣнилъ тонъ.

— Была бы честь приложена!—вырвалось у Нѣтова.

Но онъ тотчасъ же испугался и ушелъ въ себя.

— Да ладно, я вѣдь не кусаюсь... А ты вотъ что мнѣ скажи: это ты самъ придумалъ на счетъ Лещова?.. Врядъ ли!.. Дядюшка надоумилъ?

— Это все единственно... кто... я ли, дядюшка ли, чтó для васъ выгоду имѣетъ, вы сообразите сами...

— Плохъ онъ нешто?.. — спросилъ вдругъ Краснопёрый серьёзно.

— Вы о комъ, о Константинѣ Глѣбовичѣ?

— Да.

— Оченно плохъ... Я вотъ къ нему.

— Удостовѣриться, сколько дней проживетъ?

— Вовсе не такъ, Капитонъ Өеофилактовичъ, вовсе не въ этихъ разсчетахъ, а потому собственно, что өни просили насчетъ завѣщанія.

— Пишетъ?

— Да-съ... И дядюшку желали въ душеприкащики.

— Тотъ не пошелъ... старый аспидъ?

— У нихъ дѣловъ достаточно и своихъ...

— А ты?

— Мнѣ также вмѣшиваться не хотѣлось бы... подписаться свидѣтелемъ, почему не подписаться...

— Улита ѣдетъ — скоро ли будетъ... Лещовъ-то пять разъ ужъ на моей памяти отходилъ, однако, все еще живъ. Онъ Господа Бога слопаетъ.

— Не доживетъ до зимы.

— Ну и пущай его... Вамъ съ дядей вотъ что скажу, другъ любезный: загадывать нечего, можно и провраться... Коли вы оба со мной ладить хотите... такъ мы посмотримъ...

— Мы надѣемся, что вы, какъ и прежде, этихъ-то, которые надъ нами въ издѣвку... и на счетъ русскихъ и славянъ...

— Это ты не гоноши... Я—русакъ. Въ деревнѣ родился... стало нечего меня русскому-то духу обучать... А вы очень не тянитесь... за барами, которые... кричать-то много... Онъ, говоритъ, западникъ... Мы не того направленія... Вы оба о томъ

лучше думайте, чтобъ куръ не смѣшить, да стоющимъ людямъ поперекъ дороги не становиться, такъ-то!..

Краснопёрый всталъ и протянулъ руку Нѣтову. Больше не о чемъ было разговаривать. Хорошо еще, что проводилъ до пріемной.

XII.

Не много пріятности предстояло и у Лещова. Но видно, такой крестъ выпалъ, даромъ ничто не дается.

Всю дорогу—минутъ съ двадцать—на душѣ Евлампія Григорьевича то защемитъ отъ «пакости» Краснопёрова, то начнетъ мутить совѣсть: человѣкъ умираетъ, проситъ его въ свидѣтели по завѣщанію, училъ уму-разуму, изъ самыхъ немудрыхъ торговцовъ сдѣлалъ изъ него особу, а онъ, какъ «Капитошка» сейчасъ ржалъ: «объ одеждахъ его мечетъ жребій»; срамъ—стыдобушка! Сядетъ у его кровати, ровно другъ, а самъ передъ тѣмъ заѣзжалъ къ такому «мерзецу», какъ Краснопёрый, сулитъ ему мѣста Константина Глѣбовича. И зачѣмъ все это?.. Не могъ онъ развѣ жить себѣ припѣваючи? Ни заботъ, ни сухоты, ни обиды. Гдѣ хочешь... въ Ниццу или въ Неаполь, что ли, поѣзжай. Палаццо тамъ выведи, пѣвчихъ своихъ, церковь собственную... Такъ нѣтъ!.. Все подошло одно къ одному; завелся и выросъ внутри червякъ, — какое — цѣлый глистъ ленточный, и гложетъ, гложетъ... И къ людямъ такимъ попалъ въ выучку: Лещовъ, Марья Орестовна. Теперь ужъ и нельзя назадъ, не пускаетъ собственное прошедшее.

Ежится Евлампій Григорьевичъ въ своей мягкой стеганой шинели. Ему не по себѣ, точно онъ передъ припадкомъ лихорадки... Слишкомъ ужъ играли на его нервахъ, да и еще поиграютъ. У Лещова онъ засиживаться не станетъ.. Нѣтъ!.. А дома-то?.. Что такое готовитъ Марья Орестовна?.. Господи!..

Карета въѣхала въ ворота и остановилась у подъѣзда со стариннымъ навѣсомъ деревяннаго крыльца. Домъ у Лещова былъ не большой, одноэтажный, съ улицы штукатуренный, въ переулкѣ, около Новинскаго бульвара, старый, купленный съ аукціона; построенъ былъ какимъ-то еще «бригадиромъ».

Покупщикъ поправилъ его немного внутри, сдѣлалъ потеплѣе, перестлалъ полы и вставилъ новыя окна; но объ убранствѣ не заботился. Расположеніе комнатъ, почти вся мебель, даже запахъ старыхъ дворянскихъ покоевъ, остались тѣ же. Одна зала была

попросторнѣе, остальныя комнаты тѣсныя и воздухъ въ нихъ всегда стоялъ спертый.

Впустилъ Нѣтова лакей съ длинными усами, въ черномъ сюртукѣ.

— Здраствуйте, батюшка Евлампій Григорьевичъ, — сказалъ онъ съ поклономъ.

— Какъ баринъ? — спросилъ Нѣтовъ, войдя въ переднюю, гдѣ еще сохранились «лари».

— Очень мучились... Одышка... Совсѣмъ залило... вода-то... —прибавилъ онъ шопотомъ.—Докторъ въ три часа ночи былъ. Консиліумъ, слышно, хотятъ.

— Кто у него теперь?

— Ждали Качѣева, Аполлона Өедоровича, — изволите знать?

— Адвокатъ?

— Да-съ... А тѣхъ вотъ о сю-пору нѣтъ. Верхового послали...

И въ переднюю проникъ запахъ комнаты трудно-больного. Нѣтовъ нахмурился и сжалъ губы. Онъ боялся покойниковъ и умирающихъ.

Лакей пошелъ впередъ черезъ залу — пустую, скучную комнату, съ ломберными столами и роялемъ, безъ растеній, безъ картинъ, черезъ гостиную съ красной штофной мебелью, проходную, неуютную, и повернулъ налѣво чрезъ комнату, которая у прежнихъ владѣльцевъ называлась «чайной».

Раскатъ желудочнаго кашля остановилъ и испугалъ Нѣтова. Точно у него самого вышло наружу все нутро. Лакей постучалъ въ дверь и пріотворилъ. Оттуда выглянуло молодое лицо. Они пошептались.

— Пожалуйте, батюшка, — пригласилъ лакей Евлампія Григорьевича.

Больной помѣщался на широкой, двуспальной кровати изъ темнаго орѣха. Сторы были подняты, но свѣтъ входилъ въ комнату сѣрый; коричневые обои дѣлали ее еще болѣе тоскливой. Только дамскій туалетъ, съ серебрянымъ зеркаломъ и кисеей на розовой подкладкѣ, немного освѣжалъ общій видъ. Въ воздухѣ двигались невидимыя полосы эѳира, испаренія, микстуръ. Въ подушкахъ, опершись о нихъ спиной, Лещовъ только-что осилилъ страшный припадокъ удушья и кашля. Голова его опустилась на бокъ. Изъ длиннаго отекшаго лица съ рѣдкой бородой, почти совсѣмъ сѣдой, глядѣли два глаза, озлобленные на боль, подозрѣвающіе, полные горечи и брезгливаго чувства ко всѣмъ и ко всему. Глаза эти то расширяли свои зрачки, то разбѣгались и блуждали по комнатѣ. Ротъ кривился. Грудь дышала

коротко и томительно. Можно было замѣтить, что ее «заливаетъ», какъ сказалъ лакей Нѣтову. Животъ, непомѣрно раздутый, указывалъ также на послѣдній періодъ водяной. Фланелевое одѣяло прикрывало тѣло больного до пояса. Онъ разметалъ его. На ногахъ лежало другое, полегче. У изголовья стоялъ столикъ со множествомъ лекарствъ. Въ ногахъ, на табуретѣ лежали игральныя карты и грифельная доска. Подальше, изъ-за кровати, выставлялся сложенный, ломберный столъ; на немъ бумаги, чернильница съ перомъ и два толстыхъ тома.

Жена Лещова смотрѣла дамой лѣтъ подъ тридцать. Она, какъ-то не подъ стать комнатѣ при смерти больнаго, была старательно причесана и одѣта, точно для выѣзда, въ шолковое платье, въ браслетѣ и медальонѣ. Ея бѣлокурое, довольно полное и красивое лицо совсѣмъ не оживлялось глазами неопредѣленнаго цвѣта, немного заспанными. Она улыбнулась Нѣтову улыбкой женщины, не желающей никого раздражать и способной все выслушать и перенести.

— Евлампій Григорьевичъ,—тихо сказала жена, наклоняясь надъ нимъ.

— А? Что?..—раздраженно окликнулъ онъ.

Она повторила, и обернувшись къ гостю показала лицомъ, какъ она хорошо переноситъ послѣдніе дни своихъ мученій.

Нѣтовъ подошелъ къ кровати на цыпочкахъ.

— А! пріѣхалъ!.. Спасибо!..

И Лещовъ говорилъ ему «ты». А онъ ему «вы».

— Какъ?—спросилъ Нѣтовъ больного.

— Видишь... Душитъ... Скоты у насъ доктора... Разбойники!.. Вотъ хочу Маттеи попробовать... А всѣхъ этихъ жидовъ гнать вонъ!.. Сотенныхъ-то!

Лещовъ схватился за грудь и злобно вскинулъ головой на жену.

— Ну, что торчишь?.. Что торчишь! Господи ты Боже мой!.. Ну, сложи все это съ табуретки!.. И уходи! Не мозоль ты мнѣ глаза!

Жена взяла карты и грифельную доску и вышла молча, сохраняя все ту же улыбку.

XIII.

— А дядя, что? Алексѣй Тимоѳеевичъ? ты ему передавалъ мою просьбу?

— Передавалъ-съ, Константинъ Глѣбовичъ.

— И что же?

— Они свидѣтелемъ—съ полнымъ удовольствіемъ...

— Стало въ душеприкащики не хочетъ?

— Изволите видѣть...

— А-а! — перебилъ больной и глаза его сверкнули... Пятится?.. И ты тоже?..

— Я, Константинъ Глѣбовичъ... съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... только позвольте вамъ доложить...

— Ну да, ну да!.. Ахъ, вы христопродавцы!..

Онъ откинулся на подушки. Въ горлѣ у него захрипѣло. Но въ такомъ положеніи онъ оставался недолго. Снова приподнялъ онъ голову и подался впередъ, такъ, что его голова почти ткнулась въ лицо Нѣтову.

— Вотъ вы всѣ таковы! Пока человѣкъ живъ, на ногахъ, нуженъ вамъ, глупость-то вашу отчищаетъ, какъ коросту какую, —вы ему всякое уваженіе. А тутъ въ пустякахъ—отказъ, трусость поганая, моя хата—съ краю... Славно!.. Чудесно!.. И не надо!..

— Константинъ Глѣбовичъ, вы изволите знать дядюшку. У нихъ дѣловъ собственныхъ по горло. И съ судомъ они опасаются всякихъ столкновеніевъ.

— Дѣловъ... Столкновеніевъ! Вотъ они у насъ какъ выражаются... господа коммерсанты...

Больной приподнялся и выпрямился. Правую руку онъ вытянулъ, а лѣвой открылъ еще больше воротъ рубашки.

— И въ васъ-то я двадцать-пять лѣтъ самыхъ лучшихъ всадилъ, въ васъ?! Срамъ вспомнить!.. Меня съ вами начали смѣшивать... въ одну кучу валить... Такой же кулакъ, говорятъ, какъ и всѣ они, воротило, выжига, выкормокъ купеческій. А я магистерскій дипломъ имѣю... Ты это забылъ?..

— Помилуйте, Константинъ Глѣбовичъ...

— А я забылъ!.. За чечевичную похлебку, какъ Исавъ, продалъ свое первородство. Сталъ съ вашимъ братомъ якшаться!.. И благодарности захотѣлъ...

Ротъ больного сводило. Онъ заметался на постели. Нѣтову сдѣлалось очень жутко. Самъ онъ готовъ былъ сейчасъ пойти въ душеприкащики, но за дядю отвѣчать не могъ.

— Христа-ради, Константинъ Глѣбовичъ,—заговорилъ онъ, —не извольте такъ разстраиваться-съ. Я, съ своей стороны, готовъ.

— Не хочу!..—крикнулъ гнѣвно Лещовъ,—не хочу!.. Убирайтесь!.. Найду и другихъ. Дворника позову, кучера, вонъ Андрея своего... не хуже васъ будутъ... и въ безграмотствѣ не уступятъ... Вотъ... умирать какъ пришлось...

— Я за честь почту-съ...,—продолжалъ Нѣтовъ,—быть свидѣтелемъ, коли ваше на то желаніе, Константинъ Глѣбовичъ.

— Не надо!.. Не нуждаюсь... Я васъ насквозь вижу... Вы ужъ и теперь подыскиваете человѣка на мою вакансію. Чего глаза-то опускаешь, Евлампій Григорьевичъ?.. Ваше степенство! Вонъ и щеки у тебя пятнами пошли...

— Помилуйте-съ!..—прошепталъ Нѣтовъ. Ему ужасно захотѣлось съежиться.

— Ха, ха!—разразился Лещовъ, и его смѣхъ перешелъ въ новые раскаты кашля.

Нѣтовъ переполошился, вскочилъ, схватилъ стаканъ съ какимъ-то питьемъ.

Изъ полуотворенной двери показалось лицо жены.

— Микстура бѣлая, — шопотомъ подсказала она Нѣтову и скрылась.

— Прикажете лекарства?—спросилъ тотъ больного.

Лещовъ ничего не отвѣтилъ. Онъ съ усиліемъ откашливался. Жилы налились у него на лбу и вискахъ. Лицо посинѣло. Надо было поддерживать ему голову. Послѣ припадка, онъ упалъ пластомъ на подушки и съ минуту лежалъ, не раскрывая глазъ. Въ спальнѣ слышалось его дыханіе.

На цыпочкахъ отошелъ Нѣтовъ къ двери.

Вдругъ больной схватился за колокольчикъ и позвонилъ. Дверь отворила жена.

— Качѣевъ здѣсь?—чуть слышно спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще!

— Разбойникъ!.. Селадонъ проклятый!..

Онъ уже не обращалъ никакого вниманія на гостя.

— Не угодно ли мой экипажъ?—предложилъ Нѣтовъ, обращаясь къ женѣ.

— Не хочу!—крикнулъ Лещовъ.—Не надо!.. Благопріятели удружили! Оставьте меня! всѣ, всѣ!..

И онъ замахалъ рукой.

XIV.

Нѣтовъ вышелъ за двери съ Лещовой.

Она улыбнулась ему, сложила руки, какъ на картинахъ складываютъ, становясь передъ образомъ, и подняла глаза.

— Ради Бога,—заговорила она, уводя его въ гостиную.—Не раздражайте его. Простите. Онъ внѣ себя.

— Да я понимаю-съ, — заторопился Нѣтовъ, — совершенно вѣрно изволите говорить. Внѣ себя.

— Пожалуйста, прошу васъ... согласитесь...

Она опустилась на диванъ и приложила къ глазамъ батистовый платокъ съ разноцвѣтной монограммой.

— Да я съ полной готовностью. И дядюшка Алексѣй Тимоѳеевичъ согласны въ свидѣтели.

— Какіе свидѣтели?—вдругъ спросила она наивнымъ тономъ и отняла платокъ отъ покраснѣвшихъ глазъ.

— По духовной.

Евлампій Григорьевичъ прикусилъ себѣ языкъ. Онъ, быть можетъ, проврался. Вѣдь этихъ вещей не говорятъ женамъ. Кто ее знаетъ? Живутъ они, кажется, не очень-то ладно.

— По завѣщанію? — томно переспросила она и склонила голову на плечо.

— Собственно... я полагаю такъ,—началъ путаться Евлампій Григорьевичъ.

— Ахъ, monsieur Нѣтовъ... я далека отъ всего этого... я ничего не знаю... мой мужъ никогда меня не посвящалъ въ дѣла... Никогда... Онъ смотритъ на меня какъ на дурочку... И вотъ теперь поймите мое положеніе... въ такія минуты... я какъ въ лѣсу... Волю свою онъ не передаетъ мнѣ на словахъ! О, нѣтъ!.. Я не достойна... Я не ропщу... вы понимаете, Евлампій Григорьевичъ... какая будетъ воля моего мужа — я не знаю... Но выборъ исполнителей... такъ важенъ... ваше участіе...

— Да я всей душой... Только Константинъ Глѣбовичъ разгнѣвались... Они не пожелаютъ меня безъ дядюшки; а Алексѣй Тимоѳеевичъ разъ что́ скажетъ, рѣшенія своего не измѣнитъ.

— Кто же будетъ? — всхлипнула Лещова и опять закрыла глаза платкомъ.

Евлампій Григорьевичъ увидалъ себя въ эту минуту на постели, обложеннаго подушками, больного при смерти... Какое-то онъ будетъ составлять завѣщаніе? А его Марья Орестовна что станетъ выдѣлывать? Она и этакъ, пожалуй, не прослезится. Но на нее онъ не посмѣетъ такъ кричать, какъ Лещовъ. Всѣ онѣ на одинъ ладъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Пожалуйте...—позвалъ онъ барыню. — Гнѣваются... Опять Аполлона Ѳедоровича требуютъ.

— Меня зоветъ? — спросила Лещова съ видомъ жертвы.

— Да-съ! Приказали васъ звать. Звонокъ въ передней. Должно быть Аполлонъ Ѳедоровичъ.

Лакей убѣжалъ.

— Вы не побудете?—спросила Лещова, вставая, и протянула Нѣтову бѣлую, круглую руку, всю въ кольцахъ.

— Да вѣдь теперь что же-съ, бумаги еще не готовы. Константинъ Глѣбовичъ разгнѣвались... Пожалуй, и въ свидѣтели не пожелаютъ... что же ихъ безпокоить? Вы сами изволите видѣть... А если что нужно... дайте знать.

— Ахъ, Евлампій Григорьевичъ,—она оперлась объ его руку и поникла головой,—развѣ я что значу?

— Ну вотъ, быть можетъ, довѣріе имѣютъ къ адвокату.

— Къ Качѣеву?

— Да-съ.

— Не думаю... Я въ сторонѣ... И хочу... чтобы потомъ никто не имѣлъ права...

— Однако, все-таки-съ.. Довѣренный человѣкъ и законъ знаетъ... Да и самъ Константинъ Глѣбычъ разсудятъ, когда поспокойнѣе будутъ, кого имъ лучше выбрать... Я съ своей стороны...

А самъ думалъ: «еще впутаешься съ тобой. Почнешь ты оттягивать имущество, если тебѣ мала покажется твоя доля»...

Онъ торопливо сталъ раскланиваться.

— Пожалуйста... не извольте меня провожать, вашъ больной какъ бы опять не разгнѣвался?..

Нѣтовъ пятился къ двери весь въ испаринѣ, не зная, какъ ему поскорѣе уйдти изъ этого дома, гдѣ еще такъ недавно его, какъ говорилъ Краснопёрый, «натаскивали».

Лещова проводила его до залы и на порогѣ еще разъ подняла глаза къ верху.

XV.

Въ спальнѣ она застала адвоката Качѣева.

На краю постели сидѣлъ, нагнувъ вправо голову и весело глядя на больного, молодой блондинъ небольшого роста. Его бакенбарды расчесаны, точно двѣ пуховки изъ-подъ пудры, на розовыхъ щекахъ. Лоснящіеся, мягкіе волосы лежали на головѣ послушно, на лбу городками, а на вискахъ разбитые проборомъ на двѣ половины. Усы, свѣтлѣе волосъ, кончались тонкими нитями, по которымъ прошелся бриллянтинъ. Голубые глаза смотрѣли на больного, какъ баловники глядятъ на дѣтей. Фракъ со значкомъ сидѣлъ на Качѣевѣ, точно будто онъ ѣхалъ на балъ.

По вырѣзу жилета, въ видѣ сердца, широкій галстухъ съ прямо-обрѣзанными концами падалъ на грудь. Въ манжетахъ желтѣли круглые матовые шарики съ жемчужиной по срединѣ. По всей комнатѣ пошелъ запахъ прѣсныхъ духовъ и смѣшался съ удушливымъ воздухомъ лекарствъ.

Качѣевъ держалъ больного за руку, тамъ гдѣ пульсъ, докторскимъ пріемомъ.

— Вотъ и вижу,—говорилъ онъ на распѣвъ женоподобнымъ голосомъ; въ эту минуту вошла Лещова: — что кипятились на кого-то. За это штрафъ. А! Аделаида Петровна, bonjour! Онъ вскочилъ и приложился къ рукѣ.

Лещова поглядѣла на него съ такимъ же выраженіемъ, какъ и на Нѣтова.

— Дурно ведетъ себя Константинъ Глѣбовичъ...

Мученическое выраженіе разлилось по всему лицу Лещовой.

— Подай бумаги!—прохрипѣлъ больной. Она не разслышала.

— Бумаги!—закричалъ онъ.—Кому я говорю? Рада! Заплела коклисы! Пріятный мужчина явился. Какъ же тутъ хребтомъ не вилять? И браслеты всѣ надо напялить.

Качѣевъ и Лещова обернулись къ больному разомъ. Лицо ея продолжало улыбаться; адвокатъ подошелъ къ кровати.

— Опять начали!—пригрозилъ онъ.—Воля ваша, доктору пожалуюсь. Какъ-же это вы меня приглашаете? Вамъ надо быть въ полномъ обладаніи своихъ духовныхъ способностей, а не такъ себя вести, Константинъ Глѣбовичъ... вы этакъ, до состоянія невмѣняемости дойдете!

Больной стихъ и даже улыбнулся.

— Ахъ, батюшка,—началъ онъ жаловаться,—раздражаетъ она меня, мочи нѣтъ.

Онъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ по направленію жены.

Адвокатъ присѣлъ опять на край постели.

— Уговоръ!—сказалъ онъ.

— Какой?

— О дѣлѣ будемъ толковать—не кипятиться, а то сейчасъ уйду.

— Ладно!

— Или я вашъ повѣренный, или вы меня для одной трепки пригласили!

— Пригласилъ!—повторилъ Лещовъ.—Нарочныхъ гонять надо!.. Семью собаками не сыщешь!... У какой барыни подъ юбкой нашли?

— Константинъ Глѣбовичъ,—остановилъ адвокатъ и кивнулъ головой въ сторону Лещовой.

Она подала шкатулку краснаго дерева съ мѣдной отдѣлкой.

— А на что же поставить-то?—грубо спросилъ больной. Писать-то гдѣ онъ будетъ?.. И этого сообразить не можетъ!.. Господи!.. полудурья, полудурья!..

Лещова ни на каплю не измѣнилась въ лицѣ. Только ея глаза встрѣтились съ глазами адвоката. Качѣеву стало неловко, хотя онъ уже привыкъ къ такимъ супружескимъ сценамъ и до болѣзни своего довѣрителя.

— Я прикажу,—особенно кротко выговорила Лещова.

— А сама не можешь? Лакеевъ звать, чтобы всякій скотъ видѣлъ, что я дѣлаю, и сейчасъ всѣмъ просвирнямъ протрубилъ... Баринъ-молъ съ аблакатомъ запирался. Умна!..

— Да вотъ столъ,—нашелся Качѣевъ:—мы сейчасъ-же приставимъ... Тутъ все есть, что нужно... Пожалуйте.

Они придвинули ломберный столъ къ кровати. Портфель Лещовъ придерживалъ на груди.

— Отлично такъ будетъ!—вскричалъ Качѣевъ и отодвинулъ табуретку.—Ну, Константинъ Глѣбычъ, коли не станете ругаться—я съ вами три короля въ пикетъ сыграю послѣ.

— Ой-ли?—обрадованно спросилъ больной, и въ первый разъ глаза его улыбнулись.

Жена его, не дожидаясь новаго окрика, вышла изъ спальни.

XVI.

Портфель лежалъ уже на раскрытомъ столѣ. Лещовъ сначала отперъ его, держа передъ собой. Ключикъ висѣлъ у него на груди въ одной связкѣ съ крестомъ, ладонкой, финифтевымъ образкомъ Митрофанія и золотымъ, плоскимъ медальономъ. Онъ повернулъ его дрожащей рукой. Изъ портфеля вынулъ онъ тетрадь, въ большой листъ, и еще двѣ бумаги, такого же формата.

— Что-же?—дурачливо началъ Качѣевъ:—мы опять сказку про бѣлаго бычка начнемъ?

— Какого бычка?—полусердито, полушутливо переспросилъ Лещовъ.

— А то какъ-же?—Въ десятый разъ будемъ перебирать пункты духовной.

— Да вы что кричите!—перебилъ его больной.—Дверь-то

хорошенько притворите дверь... За каждой скважиной уши! И Христа ради потише... Не можете, что-ли, теноръ-то вашъ сдержать?.. Подслушиваетъ!.. Все ложь!.. Глазами и такъ и этакъ... И жертву изъ себя... агнецъ на закланіе... Улыбка-то одна все у меня внутри поворачиваетъ! Анъ и будетъ съ фигой.

И онъ злобно разсмѣялся. Разсмѣялся и адвокатъ, но по другому, весело и безцеремонно.

— Вы точно изъ послѣдней пьесы Островскаго,—сказалъ онъ, еле сдерживая смѣхъ.

— Какой пьесы?

— Мнѣ разсказывали, онъ на дняхъ читалъ въ одномъ домѣ, какъ купецъ-изувѣръ собрался тоже завѣщаніе писать и жену обманывалъ, говорилъ, что все ей оставитъ и племяннику милліонъ, а самъ ни копѣйки имъ. Все за упокой своей души многогрѣшной... Ха, ха!..

— Чего вы зубоскалите?.. Развѣ я такъ? Обманываю я?... Боюсь я сказать? Хитрю?.. Небось на вашихъ глазахъ: она знаетъ,—и онъ указалъ на дверь,—что нечего ей разсчитывать. Никакихъ чтобъ разсчетовъ. И улыбками она своими меня не подкупитъ!.. Коли что—такъ я, какъ этотъ самый купецъ... ни единой полушки!..

— Да полноте, Константинъ Глѣбовичъ, что вы юродствуете... Вѣдь завѣщаніе я-же писалъ.

— Разорву, сейчасъ разорву!.. такія минуты находятъ, что кажется, своими бы руками...

— Ха, ха, а купецъ-то зубами хочетъ... желѣзные, говоритъ, у меня зубы.

— Не смѣйте такъ!—грозно оборвалъ больной Качѣева.

Тотъ помолчалъ, сдѣлалъ попріятнѣе мину и выговорилъ:

— Нужно только пожалѣть отъ души вашу супругу!

— Скажите пожалуйста!

— Да, пожалѣть... Ея выдержка изумительна.

— Выдержка!.. Я знаю...

— Ангельское терпѣніе. А у меня его меньше, Константинъ Глѣбовичъ... Довольно и того, чему я бывалъ свидѣтель, хоть-бы сегодняшнимъ днемъ... Я не за этимъ ѣзжу къ вамъ... Если вамъ не угодно...

Онъ началъ подниматься съ табурета.

Лещовъ пугливо оглянулся и привсталъ въ постели.

— Полно, полно... Нечего тутъ кавалера-то изъ себя строить... Не ваша сухота... Давайте о дѣлѣ...

— Да вѣдь все готово?

— Прочтите мнѣ параграфъ... какой бишь...
— О чемъ?
— Объ учрежденіи имени... Константина Глѣбовича Лещова...
— Параграфъ седьмой.
— Да, да...

Адвокатъ началъ перелистывать тетрадь, опустивъ низко голову въ листы. Лещовъ слѣдилъ за нимъ тревожнымъ взглядомъ и дышалъ коротко и прерывисто.

Онъ думалъ:

«Наказалъ же меня Господь. Отнялъ разумъ и соображеніе... Какъ-же было поручить составленіе духовной такому шелопаю, красавчику, Нарциссу? Да вѣдь *она*, Антигона-то облыжная, на него цѣлый годъ буркалы свои пялитъ. Вѣдь они меня еще до смерти отравятъ, подсыплютъ морфію, обворуютъ, сожгутъ завѣщаніе... Развѣ ему, этому шенапану, довольно его практики?.. Что онъ получитъ? Десять, ну пятнадцать тысячъ... А тутъ сотни... И посулитъ ей законный бракъ. Успѣешь умереть съ духовной—онъ же оспаривать будетъ, пополамъ барыши, вытянетъ у нея потомъ, поступитъ къ ней на содержаніе... И пойдутъ трудовыя деньги не на хорошее, на родное дѣло, не на увѣковѣченіе имени Лещова, а на французскихъ дѣвокъ, на карты, на кружева и тряпки этой мерзкой притворщицы и набитой дуры!»...

XVII.

Параграфъ былъ прочитанъ. Въ немъ Константинъ Глѣбовичъ оставлялъ крупную сумму на учрежденіе спеціальной школы и завѣщалъ душеприкащикамъ выхлопотать этой школѣ право называться его именемъ. Когда Качѣевъ раздѣльно, но въ полголоса прочитывалъ текстъ параграфа, больной повторялъ про себя, шевелилъ губами. Онъ съ особенной любовью обдѣлывалъ фразы; по нѣскольку разъ заново передѣлывалъ этотъ пунктъ. И теперь два-три слова не понравились ему.

— Постойте,—перебилъ онъ.—Тутъ надо замѣнить.
— Что?—нетерпѣливо спросилъ Качѣевъ.
— Да вотъ это: «ежели, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній»...
— Облизывали достаточно...
— Кто-я?
— Вы, Лещовъ, Константинъ Глѣбовичъ.

— Какая у меня степень? Вѣдь это между вашей братьей развелись малограмотные скоробрехи; а я не могу; чувство у меня есть художественное. Вы его всѣ утратили... Ремесленники, наймиты вездѣ развелись.

Качѣевъ выпустилъ тетрадь и сложилъ руки на груди.

— Вы забыли уговоръ, Константинъ Глѣбовичъ. Опять ругаться?

— Подайте мнѣ.

Лещовъ потянулся за тетрадью. Адвокатъ подалъ ее.

— Одно слово!.. Все равно надо переписать... отрывисто заговорилъ Лещовъ.

Его уже начинало опять душить.

— Зачѣмъ переписывать... вѣдь вы ждали свидѣтелей?

— А! свидѣтелей!—разразился Лещовъ.—Былъ тутъ сейчасъ Евлашка Нѣтовъ, тля, безграмотный идіотъ. Я его оболванилъ, я его изъ четвероногаго двуногимъ сдѣлалъ. А онъ... отлыниваетъ... зачуяли, что мертвечиной отъ меня несетъ... Съ дядей своимъ, старой Лисой-Патрикѣевной, стакнулся... Тотъ въ душеприказщики нейдетъ... Я его намѣтилъ... Почестнѣе, потолковѣе другихъ... Теперь кого же я возьму?.. Кого?..

— Помилуйте,—перебилъ Качѣевъ,—у васъ полъ-Москвы знакомыхъ... Ну, барина какого-нибудь изъ вашихъ пріятелей, изъ византійцевъ... ха, ха, ха!

— Откуда у васъ такое слово? 61

— Робята одобряли...—продолжалъ смѣшливо Качѣевъ.

— Выдохлись они теперь, болтаютъ все на старые лады... Ужъ коли брать, такъ купца. Этотъ хоть умничать не станетъ и счетъ знаетъ... А кого взять?.. Можетъ ли онъ понять мою душу? Раскуситъ ли онъ—лавочникъ и выжига,—что диктовало, какое чувство... вотъ хоть бы этотъ самый седьмой пунктъ?.. Вы не знаете этого народа?.. Вѣдь это бездонная прорва всякаго скудоумія и пошлости!..

Припадокъ кашля былъ гораздо слабѣе. Лещовъ положилъ голову на ладонь правой руки и смотрѣлъ черезъ бѣлокурую голову Качѣева. Голосъ его сталъ ровнѣе, заслышались тронутые, унылые звуки...

— Молодой человѣкъ, вотъ вы тоже начали съ этимъ народомъ возжаться... Не продавайтесь! Бога для—не продавайтесь... Хотя бы и такъ, какъ я... Я не плутовалъ!.. Свезутъ меня завтра на погостъ, будутъ вамъ говорить: Лещовъ наворовалъ себѣ состояніе, Лещовъ былъ угодникъ первыхъ плутовъ, фальшивыхъ монетчиковъ, не вѣрьте... Ничего я не укралъ, ничего! Но я

пошелъ на сдѣлку... Да. Хоть и тыкалъ ихъ въ носъ, показывалъ имъ ежесекундно свое превосходство, а все-таки ими питался... И опошлѣлъ, каюсь Господу моему и Спасителю! Опустился... Все думалъ такъ: вотъ буду въ стахъ тысячахъ, а потомъ въ двухстахъ, трехстахъ, и тогда все по-боку и заживу съ другими людьми, спасаться стану... Мыслить опять начну... Чувствованія свои очищу... Анъ тутъ болѣзнь подползла. И никакіе доктора меня не подымутъ на ноги—вижу я это. Не хуже ихъ ставлю себѣ діагнозу... Вотъ она трагедія-то. Слушай меня, франтъ-адвокатъ, слушай... коли въ тебѣ душа, а не паръ, гляди на меня, и гляди въ оба и страшись расплаты съ самимъ собою.

Отъ утомленія онъ смолкъ и закрылъ глаза. Лицо еще больше осунулось. Вокругъ глазъ темнѣли бурыя впадины.

Качѣевъ быстро поглядѣлъ на него, положилъ тетрадь въ портфель и перегнулся черезъ столъ.

— Константинъ Глѣбовичъ,—тихо выговорилъ онъ,—право довольно... выправлять духовную... Когда свидѣтели будутъ готовы, пошлите за мной... Да и безъ меня подпишутъ, вы форму знаете; а душеприкащиковъ найдемъ и проставимъ другихъ...

— Кого?—чуть слышно спросилъ Лещовъ.

— Да того же Нѣтова... А второго... ну хоть меня? Я законъ знаю. Теперь лучше въ карточки поиграть... Я схожу за картами.

Качѣевъ вышелъ.

XVIII.

Въ гостиной, гдѣ адвокатъ нашелъ Лещову съ вязаньемъ въ рукахъ, вышелъ разговоръ въ полголоса.

— Раздражался?—спросила она кротко.

— Бѣда! Цѣлое наставленіе мнѣ прочелъ. Точно Борисъ Годуновъ послѣдній монологъ... Пожалуйте намъ карты... Маленькій пикетецъ соорудимъ... Я еще поспѣю въ судъ... Ахъ, барыня вы милая!

Онъ поцѣловалъ ея руку, а она его въ затылокъ, встала и пошла къ двери.

— Карты тамъ... въ спальнѣ... А какъ же съ душеприкащиками?

— Я себя предлагаю.

— Добрый другъ,—протянула она и подняла вверхъ глаза. Глаза адвоката смотрѣли въ бокъ. Въ нихъ мелькнула мысль:

«кто тебя знаетъ, какъ-то ты себя поведешь послѣ вскрытія завѣщанія».

Но они больше между собою не шептались. Лещова вошла первая въ спальню.

— Три короля! — громко произнесъ Качѣевъ, входя вслѣдъ за нею,—не больше, Константинъ Глѣбычъ, вы слышите...

— Какъ тебѣ угодно? — спросила Лещова,—на столѣ или положить доску на постель?

— На постель!.. Знаешь вѣдь.

Она достала небольшую доску изъ-за туалета, помѣстила ее на край постели, придвинула табуретъ, положила на доску двѣ колоды и грифельную доску, взбила подушки и помогла мужу приподняться.

Началась партія. Лещова присѣла у нижней спинки кровати и глядѣла въ карты Качѣева. Больной сначала выигралъ. Ему пришло въ первую же игру четырнадцать дамъ и пять и пятнадцать въ трефахъ. Онъ съ наслажденіемъ обиралъ взятки и клалъ ихъ, звонко прищелкивая пальцами.—И слѣдующіе три-четыре игры карта шла къ нему.—Но вотъ Качѣевъ взялъ девяносто. Поддаваться, еслибъ онъ и хотѣлъ, нельзя было. Лещовъ пришелъ бы въ ярость. Въ прикупкѣ очутилось у Качѣева три туза.

— Ты что намъ обоимъ въ карты глядишь?—спросилъ Лещовъ жену.

— Я не вижу твоихъ картъ, мой другъ.

— Какъ не видишь? Сядь вотъ тутъ.

Онъ указалъ на изголовье.

— Возьми стулъ и сиди... Ковыряй что-нибудь, вяжи, не мозоль такъ глаза.

Жена исполнила его желаніе и сѣла на стулѣ, у изголовья.

— Береженаго Богъ бережетъ,—повторялъ Качѣевъ, сдавая.—Вы, Константинъ Глѣбычъ, оченно ужъ горячитесь!.. Снесли не такъ.

— У васъ, поди, учиться надо?

— А хоть бы и у насъ?..

Послѣ порядочной игры, Лещову, что ни сдача—семерки и осьмерки. Качѣевъ выигралъ короля. Въ счетѣ больной раскричался, началъ самъ считать — они играли по одной восьмой — сбился и страшно раскашлялся.

— Не довольно ли?—замѣтила Лещова.

— Не твое дѣло!—оборвалъ онъ ее.

Она хотѣла уйдти.

— Сиди тутъ! Сиди!

Какъ суевѣрный игрокъ, онъ имѣлъ свои примѣты.

Послѣ третьей сдачи карты опять потянули къ противнику.

— Что ты тутъ торчишь!.. Ступай! Сядь на другое мѣсто!..

Лещовъ началъ рукой толкать жену. Она отошла къ окну и взяла работу.

Третьяго короля не доиграли. Послѣ новаго взрыва игроцкаго раздраженія, съ Лещовымъ сдѣлался такой припадокъ одышки, что и адвокатъ растерялся. Поскакали за докторомъ; больного посадили въ кресло, въ постелѣ онъ не могъ оставаться.—Съ помертвѣлой головой и закатившимися глазами стоналъ онъ и качался взадъ и впередъ туловищемъ. Его держала жена и лакей.

«Не подпишетъ духовной», думалъ Качѣевъ, надѣвая перчатки въ передней: «подкузмила его водяная... Чтожъ! Аделаида Петровна дама въ соку. Только глупенька! А то, кто ее знаетъ, окажется, пожалуй, такой стервозой. Коли у него прямыхъ наслѣдниковъ не объявится, а завѣщанія нѣтъ, въ семи-стахъ тысячахъ будетъ, даже больше».

Онъ самъ затворилъ дверь въ передней. Лакей былъ занятъ съ бариномъ. «Напутствіе» Лещова пришло ему на память.

«Нашелъ время каяться»,—разсмѣялся онъ про себя и выйдя на крыльцо звучно крикнулъ кучеру-лихачу:

— Перфилъ! Давай!

XIX.

Марья Орестовна Нѣтова позвонила. Въ ея будуарѣ были звонки электрическіе, а не воздушные; она находила ихъ «болѣе благородными». Она только-что взяла ванну и отдыхала на длинномъ, атласномъ, стеганомъ стулѣ, съ ногами. Вся комната обтянута голубымъ атласомъ въ бѣлыхъ лѣпныхъ рамкахъ. Такой же и плафонъ. Точно бонбоньерка, вывернутая нутромъ. Туалетъ, большое трюмо, шкафъ, шифоньера—бѣлыя подъ лакъ съ позолотой—кружевныя гардины, гарнитуры и буффы—дѣлаютъ комнату нѣжной и дымчатой. Но погода впускала въ это утро двойственный, грязноватый свѣтъ.

На Нѣтовой капотъ изъ пестрой шелковой матеріи—мелкими турецкими цвѣточками, на головѣ легкая наколка, ноги—она вытянула ихъ такъ, что видны и шелковые чулки съ шитьемъ—въ золотыхъ туфляхъ. Марья Орестовна блондинка, но не очень яркая; волосы у ней свѣтлокаштановые. Всего красивѣе въ ея головѣ: лобъ, форма черепа, проборъ волосъ и то, какъ она

носить косу. Ей за тридцать. На видъ она моложе. Но на переносицѣ то и дѣло ложатся рѣзкія, прямыя морщины. Носъ у ней большой, сухой, съ горбиной, узкими и длинными ноздрями, губы за то яркія, но не чистыя, съ складками, и неправильные, рѣдкіе, хотя и бѣлые зубы. Она смотритъ часто въ одну точку своими карими, узкими и немного подслѣповатыми глазами. Ея нероскошная грудь сохранила пріятныя очертанія, плечи круглыя, невысокія, нѣсколько откинуты назадъ. Она часто пожимаетъ ими на особый ладъ и при этомъ поворачиваетъ въ бокъ голову. Еслибы она встала, то оказалась бы ростомъ выше средняго. Руки ея—съ длинными, почти высохшими пальцами, такъ что кольцы на нихъ болтаются. Сквозь духи и пудру идетъ отъ нея какой-то лекарственный запахъ.

Она допила чашку какао. Она это дѣлала по предписанію доктора и всегда съ гримасой.

Вошла ея первая камеристка, изъ ревельскихъ нѣмокъ, Берта, крѣпкая низкорослая дѣвушка, въ сѣромъ степенномъ платьѣ, и вся въ веснушкахъ.

— Позовите мнѣ экономку, а послѣ—дворецкаго.

Домъ управлялся Марьей Орестовной. Люди у ней ходили въ струнѣ. У Евлампія Григорьевича и не найдется даже такихъ звуковъ, какъ у его супруги, для отдачи приказаній. Она говоритъ иногда въ носъ, чуть замѣтно,—уже совсѣмъ съ барской нервностью и вибраціей.

Экономка дворянка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, въ черной тюлевой наколкѣ и шелковомъ капотѣ, съ пелеринкой пюсоваго цвѣта, еще не сѣдая, съ важнымъ выраженіемъ,—остановилась въ дверяхъ. При себѣ Нѣтова никогда не посадила бы ее, хотя экономка была званіемъ капитанша, и училась въ «патріотическомъ», какъ дочь офицера, убитаго въ кампанію; а папенька Марьи Орестовны умеръ только «потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ».

— Пожалуйста, Глафира Лукинишна, — закартавила Марья Орестовна и наморщила лобъ:—больше мнѣ этого какао не дѣлать... Я прекращаю съ завтрашняго дня...

— Что же будете кушать?—спросила экономка низкимъ груднымъ голосомъ.

— Пока чай... И вотъ еще... я васъ должна предупредить, Глафира Лукинишна, что мнѣ лично... вы, быть можетъ, и не понадобитесь больше.

— Какъ же-съ?

— Если я уѣду за-границу... у Евлампія Григорьевича пріему не будетъ... такого.

— Но, все-таки...—возразила экономка.

— Доложите ему... Пожелаетъ онъ...

— Вамъ стоитъ сказать.

Глаза экономки добавили остальное.

Марья Орестовна нахмурилась.

— Просить я не стану... Вы, во всякомъ случаѣ, получите отъ меня содержаніе... за... три мѣсяца... И прошу сдать тогда все, что́ у васъ на рукахъ,—дворецкому.

Экономка что-то хотѣла возразить, но Марья Орестовна сдѣлала знакъ лѣвой рукой и прибавила:

— Послѣ.

XX.

По уходѣ экономки, Марья Орестовна переложила лѣвую ногу на правую, поправила кружево на груди и поглядѣла въ окно.

Глаза у нея горѣли. Она всю почти ночь не спала. Съ ней это часто бываетъ. Какой-то недугъ подкрадывался къ ней, хотя она ни на что не жалуется. Докторъ къ ней ѣздитъ, иногда и прописываетъ ей; вотъ какао посовѣтовалъ пить по утрамъ. Но она ничѣмъ не больна. Нервы? Да. Но отчего?

Она не сомкнула глазъ до разсвѣта—думы не позволяли. Не легко убѣждаться окончательно, что она не можетъ продолжать такъ жить—подъ одной крышей съ своимъ Евлампіемъ Григорьевичемъ... Еще недавно могла, а теперь не можетъ. Свыше ея силъ! Тянула она его—тянула въ гору, и вдругъ—тошно!

Она еще разъ позвонила и приказала позвать себѣ дворецкаго.

У ней былъ настоящій maître-d'hôtel, обрусѣлый эльзасецъ, Огюстъ, полный блондинъ въ кудряхъ на круглой головѣ, и съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Онъ служилъ когда-то контръметромъ въ ресторанѣ Бореля.

Съ нимъ она говорила по-французски.

Онъ получилъ тоже предувѣдомленіе, что и экономка, смутился этимъ больше, но утѣшился, когда услыхалъ, что «monsieur Niétoff», вѣроятно, оставитъ его у себя, даже если барыня и уѣдетъ за-границу.

За-границу!.. Много разъ она бывала тамъ—сначала съ удовольствіемъ, а потомъ равнодушно, частенько со скукой. Теперь «за-граница» манитъ ее. Она уже видитъ себя въ Позилиппѣ, или въ Ниццѣ на зиму, а на лѣто въ Ишлѣ, въ Дьеппѣ, на островѣ Уайтѣ, осенью во Флоренціи. Тогда только она и будетъ жить, какъ она всегда мечтала. Одна, съ dame de compagnie, изъ умныхъ, пожилыхъ парижанокъ. Развѣ трудно имѣть салонъ. Она и теперь можетъ называться «madame de Niétoff»; а къ тому времени ея «благовѣрному» дадутъ генеральскій чинъ. И онъ не будетъ пришпиленъ къ ней, какъ бывало. Никогда! До конца дней ея!..

Марья Орестовна встала. Въ ногахъ она почувствовала большую слабость; точно ихъ кто искалѣчилъ. И такъ губить свое здоровье! Изъ-за кого?

Она перешла въ свой кабинетъ, комнату строгаго стиля, съ темно-фіолетовымъ штофомъ въ черныхъ рамахъ, съ бронзой Louis XVI. Шкафъ съ книгами и письменный столъ—также чернаго дерева. Картинъ она не любила и стѣны стояли голыми. Только на одной висѣло богатѣйшее венеціанское, рѣзное зеркало. Въ этой комнатѣ сидѣли у Марьи Орестовны ея близкіе знакомые—мужчины; послѣ обѣда сюда подавались ликеры и кофе съ сигарами. Евлампія Григорьевича рѣдко приглашали сюда.

Въ просвѣтѣ тяжелой двойной портьеры открывался видъ на два салона и танцовальную залу. Разноцвѣтные сплошные ковры пестрѣли, уходя въ даль, до порога залы, гдѣ налощенный паркетъ желтѣлъ нѣжными колерами штучнаго пола. Всѣ эти хоромы, еще такъ недавно тѣшившія Марью Орестовну своимъ строгимъ, почти царственнымъ блескомъ, раздражали ее въ это утро, напоминали только, что она не въ своемъ домѣ, что эти ковры, гоблены, штофы, бронзы украшаютъ домъ коммерціи совѣтника Нѣтова. Не можетъ же она сказать ему:

— Пошелъ вонъ!..

Какъ онъ ни дрессированъ, но у него достанетъ духу сказать:

— «Нѣтъ, не желаю-съ».

Ну, и довольно... Но у ней нѣтъ ничего своего!.. Ничего! Или такъ, пустяки, экономія отъ туалета, отъ расходовъ... Какъ-же могла она, въ десять лѣтъ, постоянно работая умомъ и волей, очутиться въ такомъ положеніи?

Нынѣшняя ночь припомнила ей—как...

Нѣтова присѣла къ письменному столу, раскрыла серебряный новый бювар, взяла листъ продолговатой цвѣтной бумаги,

съ монограммой во всю высоту листка, написала записку, позвонила два раза и отдала вошедшему оффиціанту, сказавъ ему:

— Послать сейчасъ выѣздного.—Принимать съ трехъ. Если господинъ Палтусовъ будетъ раньше— принять.

XXI.

«Обѣдъ-то вѣдь не заказанъ», подумала Марья Орестовна и позвонила. Она не ждала сегодня званыхъ гостей. Палтусовъ, вѣроятно, останется.—Еще, быть можетъ, двое-трое.—Но кто-нибудь да долженъ сидѣть. Не можетъ она, да еще сегодня, оставаться съ глазу на глазъ съ Евлампіемъ Григорьевичемъ.

Заказываніе обѣда дѣлалось у ней черезъ экономку. Почти всегда Марья Орестовна входитъ въ подробности. Но на этотъ разъ она сказала появившейся въ дверяхъ Глафирѣ Лукинишнѣ.

— Обѣдъ на пять персонъ... Закуску, какъ всегда...

На письменномъ столѣ лежали газеты, московскія и петербургскія, книжка журнала подъ бандеролью, толстый продолговатый пакетъ съ иностранными марками и большого формата письмо, на синей бумагѣ, тоже заграничное.

Газеты и журналъ Марья Орестовна отложила. Въ пакетѣ оказались образчики матерій отъ Ворта. Она небрежно пересмотрѣла ихъ. Осеннія и зимнія матеріи.—Теперь ей не нужно. Сама поѣдетъ и закажетъ. Въ эту минуту ей и одѣваться-то не хочется. Много денегъ ушло на туалеты. Каждый годъ слали ей изъ Парижа, сама ѣздила покупать и заказывать. А много ли это тѣшило ее? Для кого это дѣлалось?..

Въ синемъ конвертѣ съ французскими марками оказалась фактура башмачника—ея поставщика. Въ Москвѣ она никогда не заказывала себѣ обуви. Марья Орестовна поглядѣла на итогъ— 271 франкъ, и отложила счетъ.

Надо же ей посмотрѣть, сколько накопилось у ней добра въ гардеробной. Неужели все везти съ собою?

Черезъ пять минутъ она входила вслѣдъ за Бертой въ обширную и высокую комнату, обставленную ясеневыми шкафами, между которыми помѣщались полки, выкрашенныя бѣлой масляной краской, покрытыя картонками всякихъ размѣровъ и формъ, синими, бѣлыми, красными. Въ гардеробной стоялъ чистый, свѣжій воздухъ и пахло слегка мускусомъ. У оконъ, справа отъ входа, на особыхъ подставкахъ, развѣшаны были пеньюары и юбки, и имѣлось приспособленіе для глаженія мелкихъ вещей. Все дышало большимъ порядкомъ.

— Отоприте,—приказала Бертѣ Марья Орестовна, указывая ей на первый шкафъ по лѣвую руку.

Въ этомъ шкафу висѣли зимнія платья, укутанныя въ простыни, тяжелыя, расшитыя шелками, серебромъ, золотомъ, съ кружевными отдѣлками. Нѣкоторыя не надѣвались уже болѣе года.—Половину этого надо будетъ оставить. Въ слѣдующемъ шкафѣ помѣщались мантильи, накидки, разныя confections de fantaisie. Многое уже вышло изъ моды. Но у Марьи Орестовны нѣтъ привычки дарить. А продавать она тоже не можетъ. Изъ этого шкафа она выберетъ двѣ-три вещи. Осенніе простые туалеты она возьметъ на дорогу и для ненастныхъ дней въ Ниццѣ, или гдѣ проживетъ зиму; у Ворта закажетъ четыре платья, не больше.

«Закажетъ!.. Будетъ ли ей по средствамъ? Нынче каждое простое платье стоитъ у него тысячу франковъ и больше».

Такъ обревизованъ былъ весь гардеробъ. Одно платье и кофточку она подарила камеристкѣ. Берта густо покраснѣла и сдѣлала книксенъ, подогнувъ правую ногу подъ лѣвую.

Осмотръ гардеробной утомилъ Марью Орестовну. Она вернулась въ кабинетъ и взялась за газеты. Прежде всего за одну, мелкую, московскую, гдѣ за два дня «отдѣлывали» ея мужа и его дядю. И сегодня, вѣроятно, что-нибудь новое. Съ той статейки и начался въ ней переломъ. Ее уязвило не оскорбленіе мужу, а то, что она—жена его. Въ тотъ день она начитала ему какъ слѣдуетъ, дала приказъ какъ поступить, къ кому ѣхать, что говорить. Ее это раздражило, вызвало желчь, помогло обдумать цѣлый планъ дѣйствій. А вчера вся эта пошлость припомнилась ей и, какъ послѣдняя капля, заставила разлиться чашу ея душевнаго недуга.

Стоило почти десять лѣтъ работать надъ такимъ человѣкомъ, какъ ея супругъ. Добьется она того, что ему будутъ писать на пакетахъ: «Его превосходительству»... А потомъ?.. Она-то сама, ея-то личная жизнь причемъ тутъ? Терпѣть, чтобы тебя, въ грошовой газетѣ, всякій пасквилянтъ, получающій по три копѣйки со строки, срамилъ изъ-за ничтожества твоего Евлампія Григорьевича, чтобы надъ твоимъ «ученичкомъ» издѣвались, какъ надъ идіотомъ, и тебя показывали въ «натуральномъ видѣ»—такъ и стояло въ фельетонѣ—со всѣми твоими тайными желаніями, замыслами, внутренней работой, заботами о своей «интеллигенціи», умѣ, связяхъ, артистическихъ, ученыхъ и литературныхъ знакомствахъ?

«Дворянящаяся мѣщанка»—вотъ твоя кличка!..

XXII.

Московская газетка нервно встряхивалась въ рукахъ Марьи Орестовны. Она читала съ лорнетомъ, но pince-nez не носила. Вотъ фельетонъ — «обзоръ журналовъ». Въ отдѣлѣ городскихъ вѣстей и замѣтокъ она пробѣжала одну, двѣ, три красныхъ строки. Что это такое?.. Опять она!.. И ужъ безъ супруга, а въ единственномъ числѣ, какая гадость!.. Нелѣпая, пошлая выдумка!. Но ее всѣ узнають... Даже вотъ что!.. Грязный намекъ... Этого еще не доставало!..

Лицо Нѣтовой разомъ поблѣднѣло. Во рту у ней тотчасъ же явился горькій вкусъ. Она бросила газету на столъ и начала ходить по кабинету.

Какъ ни бодрись, какъ ни ставь себя на пьедесталъ, но вѣдь нельзя же выносить такихъ мерзостей! А развѣ за нее онъ способенъ отплатить? Да онъ первый струситъ. Дѣла не начнетъ съ редакціей. А еслибы началъ, такъ еще хуже осрамится!.. Стрѣляться, что ли, станетъ? Ха, ха! Евлампій-то Григорьевичъ? Да она ничего такого и не хочетъ: ни исторіи, ни суда, ни дуэли. Вонъ отсюда, чтобы ничего не напоминало ей объ этомъ «сидѣльцѣ» съ мелкой душонкой, нищенской, тщеславной, безсильной даже на зло!

Выдумать грязную сплетню на нее, какъ на жену и женщину? На нее!.. Стоило десять лѣтъ быть вѣрною Евлампію Григорьевичу. Да, вѣрной, когда она могла пользоваться всѣмъ... и здѣсь, и въ Петербургѣ, и за границей. Ей вотъ тридцать второй годъ пошелъ. Сколько блестящихъ мужчинъ склоняли ее на любовь. Она всегда умѣла нравиться, да и теперь умѣетъ. Кто умнѣе ея здѣсь въ Москвѣ? Знаетъ она всѣхъ этихъ дамъ стараго, дворянскаго общества. Гдѣ же имъ до нея? Чему онѣ учились, что понимаютъ?..

И тутъ ей представились фигура и лицо мужа, съ приторной улыбочкой, глупо хмурыми бровями и бородкой молодца изъ Ножовой линіи, съ его «изволите видѣть» и «сдѣлайте ваше одолженіе», съ его влюбленнымъ лакействомъ. Онъ влюбленъ! Онъ питаетъ затаенную страсть!.. Онъ смѣетъ!.. Проявлять эту страсть она ему никогда не позволяла. Но вѣдь онъ все-таки мужъ... И было время, въ первые годы, когда они еще не жили въ разныхъ концахъ дома!..

Желчь еще не уходилась. Въ головѣ цѣлый муравейникъ злобныхъ мыслей такъ и кишилъ.

Въ дверяхъ показался оффиціантъ съ небольшимъ серебрянымъ подносомъ. Онъ намѣренно кашлянулъ.

— Что?—почти съ испугомъ крикнула Марья Орестовна и тотчасъ же оправилась.

— Депеша-съ. Прикажете росписаться?

— Я говорила, чтобы швейцаръ росписывался... даже когда я и Евлампій Григорьевичъ дома.

Лакей нырнулъ въ портьеру, вынувъ изъ пакета листокъ квитанціи.

«Отъ Палтусова», подумала Марья Орестовна и подошла читать депешу къ окну.

Но депеша была не городская, а изъ Петербурга.

Вотъ это новость! Она разсчитывала на брата, служащаго за границей, думала вызвать его въ Парижъ; а онъ въ Петербургѣ, экспромтомъ по дѣламъ службы, и будетъ черезъ три дня въ Москву.

Все неудачи!.. А, можетъ, и лучше. Свой человѣкъ. Теперь это придется кстати. Легче будетъ. Онъ могъ бы сослужить ей хорошую службу, но не очень-то она надѣется на его умственныя способности... Братъ Коля... Онъ ея же выученикъ. За то онъ распуститъ хвостъ, какъ павлинъ!.. можетъ оказаться полезнымъ своимъ французскимъ языкомъ, тономъ, подавляющимъ высокоприличіемъ и сладкой деликатностью. Это такъ...

Уже третій часъ, а она еще не въ туалетѣ... Въ капотѣ нельзя принимать, хоть сегодня у ней вокругъ таліи опухоль; трудно будетъ затянуть корсетъ. Надо надѣть простую ceinture и платье полегче.

Она вернулась въ будуаръ и хотѣла позвонить. Но рука ея, протянутая къ пуговкѣ электрическаго звонка, опустилась. Лицо все перекосило, прямыя морщины на переносицѣ такъ и врѣзались между бровями, глаза гнѣвно и презрительно пустили два луча.

Изъ-за портьеры выглядывала наклоненная голова Евлампія Григорьевича и озиралась.

— Можно войдти?

Что за вольность! Никогда онъ не смѣлъ входить до обѣда въ ея будуаръ. Ну, да все равно. Лучше теперь, чѣмъ тянуть.

— Войдите,—сказала она ему сквозь зубы и стала спиной передъ трюмо.

Евлампій Григорьевичъ вошелъ на цыпочкахъ, во фракѣ, какъ ѣздилъ, и съ портфелемъ подъ мышкой.

XVIII.

— Можно?—повторилъ онъ, не переступая порога.

Марья Орестовна ничего не отвѣчала.

Мужъ ея вытянулъ еще длиннѣе шею и вошелъ совсѣмъ въ будуаръ. Портфель и шляпу положилъ онъ на кресло, около двери, и приблизился къ Марьѣ Орестовнѣ.

— Заѣхалъ на минутку...—началъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Очень рада,—отвѣтила Марья Орестовна и тутъ только повернулась къ нему лицомъ.

Евлампій Григорьевичъ быстро вскинулъ на нее глазами и понялъ, что готовится нѣчто чрезвычайное.

— Вы читали сегодняшнія газеты?

Вопросъ свой Марья Орестовна выговорила болѣе въ носъ, чѣмъ обыкновенно.

— Нѣтъ еще...

— Возьмите на столѣ... полюбуйтесь...

Она назвала газету.

— Это успѣется,—откликнулся онъ, чуя бѣду.

— Прочтите, вамъ говорятъ. Подайте мнѣ сюда.

Когда Марья Орестовна обрывала слова и отчеканивала каждый слогъ, мужъ ея зналъ, что лучше съ самаго начала разговора со всѣмъ согласиться.

Газету онъ взялъ на столѣ въ кабинетѣ и подалъ ей. Она нашла статейку и показала ему.

— Извольте прочесть...

— Что же... опять братца Капитона Ѳеофилактовича дѣло?

— Читайте!

Евлампій Григорьевичъ началъ читать. Онъ разбиралъ мелкую печать не очень бойко. Ему про себя надобно всегда прочесть два раза, а писанное и три раза.

— Ну?—нервно окликнула его Марья Орестовна.

Она прилегла на длинный стулъ, гдѣ пила какао.

Волненіе сразу охватило Нѣтова. На лбу показались капли пота. Лицо пошло пятнами, какъ утромъ у Краснопёрова.

— Канальи!

— Прошу васъ не браниться!—удержала она его.

— Да какъ же-съ, помилуйте,—началъ онъ задыхаясь и разводя той рукой, гдѣ у него скомкана была газета.—За это... За это...

— Что за это? Къ мировому потянете, да?

— Нѣтъ-съ не къ мировому... Въ смирительный домъ!..

Въ первый разъ видѣла она у него такую вспышку возмущенія.

— Сядьте, слушайте, Евлампій Григорьевичъ,—охладила она его своимъ голосомъ, гдѣ сквозили обычныя, пренебрежительныя ноты...—Вотъ до чего я съ вами дожила.

Глаза его разбѣжались, ротъ онъ разинулъ.

— Вы?.. Я-съ?.. Да нешто я виновенъ тутъ?.. Я готовъ за васъ...

— Я васъ не спрашиваю, на что вы готовы. Вчера еще я много думала... Эта газетная гадость только новый предлогъ...

— Капитошка!..

— Пожалуйста, безъ тривіальностей! Ваша родня, вы, весь этотъ людъ... я не хочу входить въ разбирательство. Садитесь, говорятъ вамъ. Я не могу говорить, когда вы мечетесь изъ угла въ уголъ.

Евлампій Григорьевичъ сѣлъ у ногъ ея. Глаза его все еще сохраняли растерянное выраженіе. Онъ былъ ей жалокъ въ эту минуту, но она на него не смотрѣла; она опустила глаза и прислушивалась къ своему голосу.

— Страдать изъ-за васъ я не намѣрена,—продолжала она, выговаривая отчетливо и не торопясь:—не перебивайте меня!.. Не намѣрена, говорю я. Вы не можете доставить женѣ вашей ни почета, ни уваженія. Я ли не старалась сдѣлать изъ васъ что нибудь похожее на... на то, чѣмъ вы должны быть?.. Ничего изъ васъ не сдѣлаешь... Вы не стóите ни заботъ моихъ, ни усилій... Но я еще молода, Евлампій Григорьевичъ, я не хочу нажить съ вами чахотку... Вы скомпрометировали мое здоровье. У меня была желѣзная натура, а теперь я чувствую паденіе силъ... Развѣ вы стóите этого!

— Марья Орестовна... Машенька!..

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Евлампія Григорьевича.

— Не перебивайте меня!.. Вы понимаете, чтó я говорю?

— Понимаю-съ!

— Я жить хочу... Довольно я съ вами возилась... Я рѣшила третьяго дня ѣхать на осень за границу, на югъ... А теперь я и совсѣмъ не хочу возвращаться въ эту Москву.

— Какъ-съ?..

Въ горлѣ у него перехватило.

— Очень просто. Не желаю. Вы должны же наконецъ по-

нять, что не могу я теперь имѣть пріемы, когда мы съ вами сдѣлались притчей всего города.

— Да помилуйте-съ... Марья Орестовна, матушка!..

— Дайте мнѣ кончить.

— Мы ихъ въ арестантскую упечемъ!

— Ха, ха!.. Предоставляю это вамъ самимъ... Но меня здѣсь не будетъ. И вы этого сами должны желать, если у васъ есть хоть капля уваженія къ моей личности.

— Уваженія?.. Любовь моя!..

— Не надо мнѣ вашей любви!—гадливо остановила она его и провела ладонью по своему колѣну...—Ваша любовь тяжелый крестъ для меня!

Онъ замолчалъ. Щеки его потемнѣли, глаза стали мутны.

— Я васъ предупреждаю, Григорій Евлампіевичъ, что я ѣду изъ Москвы. Я не могу выносить этого города, я въ немъ задыхаюсь.

— Какъ вамъ угодно... вѣдь и я... что же въ самомъ дѣлѣ, и я могу освободить себя...

— То-есть, какъ это?—насмѣшливо спросила она.—Желаете за мной послѣдовать? Нѣтъ-съ,—протянула она.—Вы можете оставаться... Мнѣ необходимъ отдыхъ, просторъ... Я хочу жить одна...

— До весны, значитъ?

— И весну, и лѣто, и зиму... На это я имѣю полное право. Какъ вы будете здѣсь управляться—ваше дѣло... И безъ меня все пойдетъ, потомственное дворянство вамъ дадутъ, Станислава первой степени, а потомъ и Анну.

— Нешто мнѣ самому?..

— Пожалуйста... вы для этого только и живете.

— Не грѣхъ вамъ?—вырвалось у него.—До сихъ поръ... на васъ молился...

Марья Орестовна опять провела ладонью по своему колѣну и нижняя губа ея выпятилась.

— Очень хорошо,—перебила она.—Мы оставимъ это. Вы знаете теперь мое желаніе—мое требованіе, Евлампій Григорьевичъ. И до сихъ поръ вы не подумали объ одной вещи...

— О какой?—пугливо и скорбно спросилъ онъ.

— О томъ, что ваша жена не можетъ распорядиться пятью копѣйками.

— Что вы-съ? Христосъ съ вами!

Онъ вскочилъ и всплеснулъ руками.

— У нея ничего нѣтъ. Вы ей даете, что̀ вамъ угодно, на ея тряпки... Все ваше...

— Помилуйте, Марья Орестовна!

— Но это фактъ. Вы, Евлампій Григорьевичъ, не понимали моей деликатности. Но пора понять ее... Десять лѣтъ прожить!..

И она въ носъ засмѣялась.

— Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Не удерживаю васъ. Вамъ пора по дѣламъ. Мои слова—не капризъ, не нервы... Я ѣду черезъ недѣлю. Остальное вы понимаете—ваша обязанность.

Марья Орестовна закрыла глаза. Все, что̀ душило ея мужа, осталось у него въ груди. Онъ всталъ и бокомъ вышелъ изъ будуара. Онъ боялся, что если у него вырвется какое-нибудь возраженіе, раздадутся истерическіе крики...

Въ будуарѣ все смолкло. Марья Орестовна открыла сначала одинъ глазъ, потомъ другой, повернула голову, оглянулась, встала и позвонила.

Берта принесла ей черное шелковое платье, ея «мундиръ», какъ она называла.

XXIV.

До кабинета Евлампій Григорьевичъ шелъ чуть не цѣлыхъ пять минутъ.

Ѣдетъ она на зиму, на годъ, навсегда... Ну, можетъ, смилуется... А то и соскучится?.. Но не въ этомъ главное горе. Что же онъ-то для Марьи Орестовны?.. Вещь какая-то? Какъ она рукой-то повела два раза по платью... Точно гадину хотѣла стряхнуть... Господи!..

Голова у него закружилась. Онъ былъ уже на галлереѣ и схватился рукою о карнизъ. Подбѣжалъ ливрейный лакей.

— Воды прикажете?—тревожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно,—выговорилъ съ трудомъ Нѣтовъ.

Ему стало стыдно. Люди подумають, что у него съ женой вышла исторія, что его выгнали.

— Вели подать карету, — приказалъ онъ и прошелъ въ кабинетъ.

Тамъ онъ опрыскалъ себѣ голову одеколономъ съ водой, взялъ чистый платокъ и торопливо спустился съ лѣстницы.

Только-что дверца кареты захлопнулась и вороные взяли съ мѣста, изъ-за угла, отъ бульвара показалась пролетка. Евлампій Григорьевичъ узналъ Палтусова и раскланялся съ нимъ.

«Къ намъ»,—подумалъ онъ и впервые что-то у него ёкнуло въ груди. Онъ не зналъ ревности, не смѣлъ ея знать, да и жена его такъ со всѣми «ровно» держала себя, что никакого подозрѣнія онъ имѣть не могъ. Ѣздили къ нимъ молодые и среднихъ лѣтъ и пожилые мужчины, военные, чиновники, предводители дворянства, писатели, піанисты, художники, профессора, всякіе умные люди... Марья Орестовна только умныхъ и принимаетъ... Этотъ Палтусовъ сталъ недавно ѣздить... Обѣдалъ и запросто. У нихъ многіе такъ обѣдаютъ. Къ нему почтителенъ больше другихъ, обо всемъ солидно толкуетъ съ нимъ, ловко, не стѣснительно. Такого молодого человѣка слѣдовало бы всячески поддержать. И въ дѣла бы не мѣшало ввести. Съ Марьей Орестовной держится степенно. Развѣ когда одинъ останется... Да что же это онъ спрашиваетъ? Кто онъ для нея? Вещь, самая тошная... Обезпечь ее!.. Слѣдуетъ... Говоритъ, что любитъ, а не догадался въ десять-то лѣтъ положить на ея имя въ банкъ... Проценты бы наросли... Деликатности-то ея не понималъ. Довелъ до того, что она сама должна была сказать: «пятью копѣйками распорядиться не могу».

Угрызенія заслонили въ душѣ мужа всѣ другія чувства. Онъ забылъ—куда онъ ѣдетъ, зачѣмъ, что ему надо говорить, чѣмъ распоряжаться?.. Онъ былъ близокъ къ нервному припадку.

Его не жалѣла жена. Берта подавала ей разныя части туалета. Марья Орестовна надѣвала манжеты, а губы ея сжимались и мысль бѣгала отъ одного соображенія къ другому. Наконецъ-то она вздохнетъ свободно... Да. Но все пойдетъ прахомъ... Къ чему же было строить эти хоромы, добиваться того, что ея гостиная стала самой умной въ городѣ, зачѣмъ было толкать полуграмотнаго «купеческаго брата» въ персонажи? Объ этомъ она уже достаточно думала. Надо по другому начать жить. Только для себя...

Черезъ всѣ комнаты дошелъ звонокъ швейцара. Онъ дернулъ два раза—гости.

Это навѣрно Палтусовъ.

— Поскорѣе, Берта, застегивайте,—выговорила Марья Орестовна, озираясь на дверь въ кабинетъ.—Хорошо, я теперь сама... Скажите, чтобъ провели въ кабинетъ.

Берта вышла. Марья Орестовна застегнула сама остальныя пуговки. Ихъ было множество, и на груди, и на бокахъ, и на рукавахъ. Она стерла съ лица пудру и поправила голубую косыночку, стягивавшую ей голову надъ косой. Съ лицомъ ей труднѣе было поладить. Оно не расправлялось. Попробовала она

улыбнуться—выходило и кисло, и фальшиво. А она не хотѣла этого... Лучше пусть лицо будетъ разстроено.

Палтусовъ—другъ... Остальные не понимаютъ ее, а этотъ скоро понялъ, безъ всякихъ особенныхъ изліяній съ ея стороны.

Какъ-то онъ одобритъ ея планъ?

Въ кабинетѣ шаги, смягченные ковромъ, остановились у письменнаго стола.

— Сейчасъ будутъ-съ,—послышался голосъ лакея.

XXV.

Палтусовъ стоялъ лицомъ къ двери въ будуаръ, откуда вышла Марья Орестовна. Онъ одѣлся во все черное. Отъ этого его бѣлокурая голова съ живописной бородой много выигрывала. Ни на чьемъ станѣ не останавливались такъ глаза Нѣтовой, какъ на его складной фигурѣ въ прекрасно сшитомъ сюртукѣ.

Они улыбнулись другъ-другу по-пріятельски. Но Палтусова эта женщина не привлекала.—Ему не нравились ни ея черты, ни выраженіе, ни тонъ, ни какъ она одѣвается. Онъ признавалъ ея умъ, выдержку, искусство, съ какимъ эта купчиха вышколила своего «Евлампія Григорьевича» и завела у себя «салонъ». Но она его скорѣе раздражала. Никогда онъ не встрѣчался съ такой разсудочной, безсознательно-себялюбивой женской натурой. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. По доброй волѣ онъ ни за что бы не взялъ ее въ любовницы. Въ тѣлѣ, онъ считалъ ее гораздо рыхлѣе и болѣзненнѣе, скептически относился къ ея бюсту, хотя и видѣлъ на вечерахъ, что плечи у нея красивы. Около нея онъ ни разу, даже оставаясь наединѣ, не испыталъ никакого пріятнаго волненія, не полюбовался искренно ни туалетомъ ея, ни лбомъ, ни изящной линіей головы. Полное равнодушіе чувствовалъ онъ въ тѣ минуты, когда она не производила въ немъ надсады своимъ «подстроеннымъ» разговоромъ, худо скрытымъ тщеславіемъ, умничаньемъ, сухой злоязычностью, которая въ женщинахъ была ему противнѣе всего. Въ его глазахъ она говорила, думала, двигалась «на пружинахъ».

Но они скоро сошлись. Онъ замѣтилъ, что Нѣтова имъ интересуется. Въ разговорахъ съ нимъ она брала менѣе увѣренный тонъ, спрашивала его совѣта въ разныхъ вопросахъ такта, знанія приличій, даже туалета, узнавала его литературные вкусы, любила обсуждать съ нимъ романъ или новую пьесу, игру актрисы или актера, громкую петербургскую новость, крупный

процессъ... Съ ней онъ держалъ себя почтительно, но безъ всякой поблажки разнымъ ея «штучкамъ». Онъ ей на первыхъ же порахъ сказалъ:

— Марья Орестовна, вы ужъ вашего супруга воспитывайте въ византійскихъ традиціяхъ, а меня оставьте. Перебирать это старье мы не будемъ. Для меня московскіе обыватели одинаковы. А что вы хорошо учились дѣвочкой и съ умными господами дворянами бесѣдовали—это при васъ останется.

Она немного подулась, но съ тѣхъ поръ и стала держать себя съ нимъ на пріятельской ногѣ.

Отъ этого она не сдѣлалась для него симпатичнѣе.—Но онъ ѣздилъ къ Нѣтовымъ часто, обѣдывалъ запросто, провожалъ ее въ театръ, въ концерты. Его подзадоривало—кромѣ выполненія программы: расширять свои связи «въ этихъ сферахъ»—какое-то «охотничье» чувство... Точно онъ ждалъ: до чего у него дойдетъ дѣло съ этой «злючкой», на какую степень самообмана способна будетъ она въ сношеніяхъ съ нимъ, что, наконецъ, выйдетъ изъ ихъ знакомства. Уваженія, настоящаго, честнаго, послѣдовательнаго, у него вообще не было ни къ кому изъ «обывателей», какъ онъ называлъ всѣхъ этихъ *новыхъ* московскихъ буржуа. Онъ не считалъ себя обязаннымъ передъ ними къ совѣстливости человѣка, живущаго въ обществѣ равныхъ себѣ людей.—Онъ смотрѣлъ на себя какъ на «піонера», на одного изъ предпріимчивыхъ выходцевъ, отправляющихся въ Калифорнію, или въ американскій «Дальній Западъ».

Марья Орестовна скоро и близко подошла къ Палтусову съ протянутой рукой.

Прикосновенія этой руки онъ тоже не любилъ. Рука была высохшая, но влажная, болѣе, чѣмъ нужно, и на ея пожатіе онъ отвѣчалъ всегда довольно сильно, но по привычкѣ или чтобы заглушить брезгливое ощущеніе.

— Васъ застала моя записка? Благодарю. Вы у насъ останетесь обѣдать... да? Садитесь...

Палтусовъ видѣлъ, что тонъ ея былъ гораздо нервнѣе обыкновеннаго. Онъ тихо улыбался, идя за хозяйкой къ низкому дивану, около камина, скрытому на половину развѣсистыми листьями пальмы.

— Былъ дома,—спокойно говорилъ онъ,—дѣла всѣ покончилъ... останусь у васъ обѣдать...

Онъ взглянулъ на ея платье и спросилъ:

— Сколько пуговокъ?

— Не знаю!

— Слѣдовало бы сосчитать.

— Ахъ, Андрей Дмитріевичъ, полноте... вы мой юрисконсультъ.

— Вотъ какъ?

— Да... сегодня я прошу васъ настроить себя посерьёзнѣе.

На диванчикѣ могли усѣсться двое. Половина ея шлейфа покрывала его ноги.

XXVI.

Въ немногихъ словахъ, дѣльно и ѣдко, высказала Марья Орестовна свою «претензію». Она не скрывала постояннаго пренебрежительнаго отношенія къ Евлампію Григорьевичу. Не желаетъ она дольше работать надъ его производствомъ въ генералы со звѣздой. Она хочетъ жить для себя. Ея планъ—уѣхать за-границу, основаться сначала тамъ, а позднѣе, гдѣ ей угодно въ Россіи, на средства, которыхъ она, при всемъ своемъ умѣ, не позаботилась получить отъ мужа заблаговременно, изъ гордости.

Палтусовъ уже зналъ достаточно исторію ея дѣвичества и выхода замужъ. Ему разсказывали, что отецъ Марьи Орестовны раззорился не задолго до смерти.—Женатъ онъ былъ на гувернанткѣ, барышнѣ дворянскаго рода, институткѣ, съ музыкой и литературными наклонностями. Мать и поселила въ дочери и сынѣ—Колѣ убѣжденіе въ ихъ дворянскомъ происхожденіи, въ томъ, что они «случайныя» купеческія дѣти. Она же и озаботилась дать имъ тонкое воспитаніе.—Евлампій Григорьевичъ явился якоремъ спасенія отъ неминуемой нищеты. Безъ него и сынъ не кончилъ бы курса въ университетѣ. Передавали Палтусову анекдоты о томъ, какъ Нѣтовъ влюбился, какъ невѣста на всю Москву срамила его, издѣвалась надъ его безграмотствомъ и простотой. Однако, согласіе дала безъ всякой оттяжки.

И вотъ утекло десять лѣтъ. Марья Орестовна задумала «освободить» себя отъ Евлампія Григорьевича, а своихъ денегъ у ней нѣтъ. Она получитъ то, что ей «слѣдуетъ». Мужъ уже извѣщенъ и долженъ распорядиться, почувствовать всю глубину ея деликатности... Но этого ей мало. Она хочетъ дать ему острастку, чтобы онъ зналъ напередъ—что̀ его ожидаетъ.

Говоря это, Марья Орестовна начала тяжелѣе дышать. Въ ней было что-то нездоровое.

«Она кончитъ какой-нибудь болѣзнью крови», подумалъ Палтусовъ.

— Да,—выговорила она въ видѣ заключенія:—я жить хочу, Андрей Дмитріевичъ... Силы мои я хочу тратить... на другія вещи...

— На что?—тихо спросилъ Палтусовъ.

— Ахъ, Боже мой! Что же вы меня совсѣмъ и за женщину не считаете?

— О! женщина вы несомнѣнная. Но будто вамъ нужно то, безъ чего ваша сестра существовать не можетъ?

— Что же это, напримѣръ?

— Напримѣръ... любовное чувство.

Онъ дурачился съ ней не безъ желанія поиграть. Для него это не было опасно.

— Отчего же?

Глаза ея поглядѣли на Палтусова обидчиво.

— Для васъ будетъ слишкомъ ужъ накладно.

И онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Право, Марья Орестовна, невыгодно... Живите въ умъ. А то проиграете.

— Мы это увидимъ позднѣе,—отвѣтила Нѣтова съ усмѣшкой.—Во всякомъ случаѣ вотъ какъ стоитъ дѣло.

— Дѣло,—повторилъ Палтусовъ ея выраженіе,—пока въ вашихъ рукахъ... Но не переступите за градусъ.

— Что вы хотите сказать?

— Ваша матеріальная самостоятельность стоитъ на первомъ планѣ. Преклоняюсь передъ вашей деликатностью и понимаю ее вполнѣ. Вы не хотѣли заикаться объ этомъ передъ мужемъ. Вы ждали.

— Даже и не ждала. Просто не думала. Вы, конечно, не повѣрите.

— Почему-же?

— Потому что вы считаете меня эгоисткой, интриганкой... Но я горда прежде всего. Я стояла выше этого.

— Евлампій Григорьевичъ,—перебилъ ее Палтусовъ, — конечно обезпечилъ уже васъ... на случай смерти.

— Я и этого не знаю. И никогда не справлялась.

Палтусовъ посмотрѣлъ на нее въ бокъ. Она не лгала.

— Сложная вы душа,—выговорилъ онъ,—а все-таки мой совѣтъ вамъ: обезпечить себя, но съ мужемъ не разрывать.

— Носить цѣпи, продавать себя, быть въ необходимости отвѣчать на его письма или рисковать, что онъ явится къ свѣтлому празднику ко мнѣ въ гости? Не хочу!

— Та, та, та!.. Вотъ женщины-то! Даже и умницы, какъ вы, хромаютъ логикой.

— Знаю, знаю... Сейчасъ будетъ Пигасовъ изъ «Рудина» и его стеариновая свѣчка.

— Обойдемся и безъ Пигасова. Разсудите... Вы разводиться не желаете?

— Нѣтъ.

— Просто уѣзжаете за границу, на неопредѣленное время? Прекрасно... Зачѣмъ человѣка, страстно въ васъ влюбленнаго, бить обухомъ по головѣ, объявлять ему, что онъ... для васъ не существуетъ? Не хотите его видѣть, всегда есть на это средства. Денежной зависимости и безъ того не будетъ... Сколько я васъ понимаю, вы требуете обезпеченія сразу.

— Да.

— Тѣмъ паче.

Она задумалась и черезъ минуту сказала:

— Вы, быть можетъ, правы.

XXVII.

Разговоръ наладился. Но ему захотѣлось продолжить «игру».

— Отчего же такъ это вдругъ, Марья Орестовна? Это па васъ не похоже.

Она начала говорить, какъ ей всегда была противна эта грязная, вонючая Москва, гдѣ нельзя дышать, гдѣ нѣтъ ни простора, ни воздуха, ни общества, ни тротуаровъ, ни искусства, ни умныхъ людей, гдѣ не «стоитъ» что-нибудь заводить, къ чему нибудь стремиться, вести какую-нибудь борьбу.

И потомъ... эти пасквили.

Палтусовъ выслушалъ и поглядѣлъ на Марью Орестовну изъ подлобья.

— Ага! Неужели они дали толчекъ?

— И да, и нѣтъ,—отвѣтила Нѣтова.

— Стоитъ!

— Очень стоитъ!—рѣзко повторила Марья Орестовна. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Евлампій Григорьевичъ, я никогда не буду избавлена отъ подобныхъ пріятностей.

Ему были извѣстны статейки московской газеты. Онѣ пришлись кстати, доложили лишнюю щепоть.

Съ этой темы они перевели разговоръ на болѣе пріятныя картины заграничной жизни.

— Что вы любите больше всего? Парижъ, Италію?

— Ничего особенно. Я глупо ѣздила... Всегда являлся Евлампій Григорьевичъ. Теперь я по другому распоряжусь... и...

— Ахъ, знаете что, Марья Орестовна, — перебилъ Палтусовъ... вамъ нигдѣ не будетъ такъ хорошо, какъ здѣсь.

— Не можетъ этого быть.

— Повѣрьте! Надо во что-нибудь вдаться, иначе вы умрете отъ пустоты.

— Найду дѣло!

— Такого, чтобы поглотило васъ — нѣтъ, не найдете! Вы здѣсь—центръ.

— Чего это?—съ гримасой спросила она.

— Своего мірка. И этотъ мірокъ создали вы... Куда вы ни бросите взглядъ, все это дѣло вашихъ рукъ. Вы выбирали, вы приказывали, вы сортировали и обои, и мебель, и людей, и отношенія къ нимъ. Шутка!

— Для себя не жила! И все это мелко.

— Не стану спорить... А люди? Ихъ надо найти!

— Меня не забудутъ и старые друзья...—вырвалось у нея.

«Поиграю немножко», мелькнуло опять въ головѣ Палтусова.

— Друзья-то не забудутъ. Впрочемъ, не трудно и новыхъ завести. Много по Европѣ бродитъ охочаго народа.

— Что это вы, Андрей Дмитріевичъ,—недовольно замѣтила она.—Я съ дрянью никогда не зналась. Вы бы лучше пообѣщали мнѣ навѣстить меня.

— А вы когда сбираетесь?

— Скоро.

— Въ началѣ нашего сезона. Такъ-то вы заботитесь объ интересахъ вашихъ друзей.

— Кого же?

— Да вотъ хоть-бы меня.

— Вамъ отъ моего отъѣзда, я вижу, ни тепло, ни холодно.

— Ошибаетесь!—горячо возразилъ онъ, и только на этотъ разъ искренно.

— Врядъ-ли.

— Ошибаетесь, говорю вамъ. Вашъ домъ былъ для меня самый, какъ бы это сказать... позволите... безъ сантиментальности?

— Говорите пожалуйста.

— Са́мый выгодный.

— Вотъ какъ?

— Вы не обижайтесь... Самый выгодный. Здѣсь я встрѣчалъ разный людъ, нужный для меня. Вашъ супругъ безъ васъ

совсѣмъ будетъ не то, что онъ былъ при васъ. Вы умѣли сдѣлать пріятными и вечеръ, и обѣдъ—тутъ онъ ужъ началъ привирать—вашъ домъ избавлялъ отъ необходимости дѣлать визиты, рыскать по городу, разузнавать.

— Вы говорите, точно тайный агентъ.

— Ха, ха, ха! Да, я отчасти такой именно агентъ. А недавно сдѣлался и настоящимъ дѣловымъ агентомъ.

— Гдѣ, у кого?

— Оставимъ это въ тайнѣ. Вы видите, вашъ отъѣздъ мнѣ невыгоденъ.

— А я сама?

Вопросъ выговоренъ былъ гораздо искреннѣе, чѣмъ Палтусовъ ожидалъ. Онъ засталъ его врасплохъ.

— Вы?

— Да, я?

Ея каріе глаза, прищурясь, глядѣли на него.

— И вы также.

— Выгодна?

— Очень.

Она отодвинулась.

— Андрей Дмитріевичъ... Зачѣмъ у васъ этотъ тонъ?.. Я заслуживаю другого.

— Я только откровененъ... И что же тутъ обиднаго для молодой женщины?

— Выгодно!...

— Полноте, Марья Орестовна... Вы не сантиментальный человѣкъ.

— Вы не знаете,—живо перебила она,—какой я человѣкъ. До сихъ поръ я не жила... Я уже говорила вамъ.

Онъ съумѣлъ остановить разговоръ на этомъ спускѣ. Дальше онъ не хотѣлъ раздражать ее—не стоило. Безъ всякой задней мысли спросилъ онъ ее:

— Кто же будетъ представлять здѣсь ваши интересы?

— Денежные?

— Да?

— Надо сначала обезпечить ихъ, Андрей Дмитріевичъ.

— Это сдѣлается. Только не натягивайте супружеской струны. Вы играли на Евлампіи Григорьевичѣ, какъ на послушномъ инструментѣ, но вы мало наблюдали за нимъ.

— Мало!

— Недостаточно. Съ такими натурами нужна особая сно-

ровка... Въ немъ вообще что-то происходитъ, съ нѣкотораго времени.

Она презрительно повела губами.

— Увѣряю васъ, я говорю совершенно серьезно.

— Пускай его проживаетъ здѣсь, какъ знаетъ... Вы спрашиваете, кто будетъ здѣсь представитель моихъ интересовъ? Вотъ—случай чаще видѣть васъ.

— Меня? Выбираете меня своимъ chargé d'affaires? Для того, чтобы супругъ имѣлъ подозрѣнія?..

— Мнѣ все равно и теперь, а тогда и подавно.

Она встала и прошлась по комнатѣ.

Раздался звонъ швейцара.—Одинъ ударъ—пріѣздъ самого Евлампія Григорьевича.

— Супругъ и повелитель?—спросилъ Палтусовъ.

— Какъ это хорошо, что вы сегодня у насъ обѣдаете,— съ удареніемъ выговорила Нѣтова.

XXVIII.

Внизу въ сѣняхъ Евлампій Григорьевичъ закричалъ на швейцара, зачѣмъ онъ не выбѣжалъ вынимать его изъ кареты.

Этотъ окрикъ изумилъ гусарскаго вахмистра. Никогда баринъ не дѣлалъ ему и простыхъ замѣчаній, а тутъ разгнѣвался попусту.

— Осмѣлюсь доложить, — оправдывался онъ,—кареты я не разслыхалъ-съ. Стѣны толстыя, притомъ же окна замазаны.

— Нечего!—сердито обрѣзалъ его Нѣтовъ.

Сѣни и лѣстницу онъ оглядѣлъ съ нахмуренными бровями, чего опять съ нимъ никогда не было.

— Кто?—спросилъ онъ швейцара.—Кто гость?

— Господинъ Палтусовъ сидятъ у Марьи Орестовны.

Нѣтовъ началъ подниматься медленно, нетвердой походкой. Его испугало и раздосадовало то, что часъ передъ тѣмъ, съ нимъ вдругъ ни съ того ни съ сего сдѣлался обморокъ. Теперь онъ знаетъ, съ чего — разговоръ съ Марьей Орестовной. Но для его «званія» совсѣмъ неумѣстно падать въ обморокъ. И ничего онъ тамъ не слыхалъ въ засѣданіи комитета, гдѣ онъ почетный предсѣдатель, все путалъ, забывалъ, какъ зовутъ членовъ. Два раза онъ такъ подписалъ свое имя подъ исходящими бумагами, что дѣлопроизводитель долженъ былъ показать ему. На одной стояло вмѣсто «коммерціи совѣтникъ» — «коммерціи

сотникъ»,—а на другой имя Евлампій написано было безъ средних буквъ. Ему стало обидно... Неужели же онъ такъ ужъ и не можетъ стряхнуть съ себя гнета своей супруги?... Ну, скучно ей, проѣдется... Какъ же ей не любить его? Только не желаетъ показать этого... Нельзя не любить...

Прежде Евламній Григорьевичъ не замѣчалъ тяжести въ ногахъ, когда поднимался по лѣстницѣ. А тутъ, на верхней площадкѣ долженъ былъ отдышаться, и его опять шатнуло въ сторону.

Подбѣжалъ тотъ же лакей, что подалъ ему стаканъ воды. Нѣтовъ поглядѣлъ на него, и ему показалось, что глаза лакея смѣются надъ нимъ! А кто онъ? Хозяинъ! Баринъ! Почетное лицо!.. И не то что Краснопёрый или Лещовъ, а «хамъ» смѣетъ надъ нимъ подсмѣиваться!..

— Что ты ухмыляешься?—глухо спросилъ онъ ливрейнаго оффиціанта.

Оффиціантъ даже не понялъ сразу вопроса.

Нѣтовъ повторилъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ оффиціантъ.

— То-то! не смѣть!—крикнулъ онъ и пошелъ въ кабинетъ.

Раздражило его и то, что Викентій не встрѣтилъ его на лѣстницѣ.—Пришлось звонить. А Викентій ожидалъ его двадцатью минутами позднѣе. И когда онъ замѣтилъ камердинеру съ горечью:

— Кажется, не много у васъ дѣла,—то ему опять показалось, что Викентій ухмыльнулся.

Щеки Евлампія Григорьевича зардѣлись. Онъ сдержалъ себя и только крикнулъ:—Сертукъ подай! — голосомъ, который ему самому показался страннымъ.

И борода не повиновалась щеткѣ. Онъ ее приглаживалъ передъ зеркаломъ и такъ, и эдакъ; но она все торчала—не выходило никакого вида. Сертукъ сидитъ скверно... Послѣ обѣда надо опять надѣвать фракъ—ѣхать въ другое засѣданіе. Тяжко, за то почетъ. Онъ долженъ теперь самъ объ себѣ думать... Жена уѣдетъ за границу... на всю зиму... Успѣетъ ли онъ урваться хоть на двѣ недѣли? Да Марья Орестовна и не желаетъ...

Въ залѣ, разноцвѣтной мраморной палатѣ, съ нишами, въ два свѣта, съ арками и украшеніями, въ венеціанскомъ стилѣ— Евлампій Григорьевичъ вдругъ остановился. Онъ совсѣмъ вѣдь забылъ, что ему сказала Марья Орестовна на счетъ ея денежныхъ средствъ... Какъ же это могло случиться? Вылетѣло изъ головы! Надо же сдѣлать смѣту... Какой капиталъ и въ какихъ бумагахъ?

Нѣтовъ круто повернулся и пошелъ назадъ, въ кабинетъ... Безъ счетовъ и записной книжки онъ ничего сообразить не можетъ. Къ обѣду еще успѣетъ... Да и объ чемъ ему говорить съ этимъ Палтусовымъ?.. Зачастилъ что-то. Не съ нимъ ли желаетъ Марья Орестовна за границу отправиться?

Вопросъ остался безъ отвѣта. Мысль Евлампія Григорьевича перескочила опять къ счетамъ и записной книжкѣ. Торопливо присѣлъ онъ къ письменному столу; съ большимъ трудомъ окинулъ онъ размѣры своихъ цѣнностей... что-то такое забылъ, и долго не могъ вспомнить что̀ именно.

XXIX.

Обѣдъ подали въ половинѣ шестого. Столовая расписана фресками, вдѣланными въ деревянную свѣтло-дубовую рѣзьбу. Есть тутъ цѣлые виды Москвы и Троицы, занимающіе полстѣны и поуже бытовыя картины изъ древней городской жизни. Вотъ московскій бояринъ угощаетъ заѣзжаго иностранца. Гость посоловѣлъ отъ медовъ и мальвазіи. Сдобная рослая жена выходитъ изъ терема съ опущенными рѣсницами, вся разукрашена въ оксамитъ и жемчуга и несетъ на блюдѣ прощальный кубокъ—посошокъ. Хозяинъ съ красной раздутой рожей хохочетъ надъ «нѣмцемъ» и упрашиваетъ его «откушать». Рѣзной дубовый потолокъ спускается низкими карнизами надъ этой характерной комнатой. Онъ изукрашенъ изразцами также, какъ и стѣны. Затѣйливая изразцовая печь занимаетъ одну изъ узкихъ поперечныхъ стѣнъ. Она вся расписана и смотритъ издали громаднымъ глинянымъ сосудомъ. Столъ съ четырьмя приборами пропадаетъ въ этой хороминѣ. Онъ освѣщенъ большой жирандолью въ двѣнадцать свѣчей. На стѣнѣ зажжены двѣ лампы-люстры, подъ стиль жирандоли и отдѣлкѣ стѣнъ. Открытый поставецъ, съ мраморной доской, заставленъ закуской. Графинчики, бутылки и кувшины водокъ и бальзамовъ пестрѣютъ позади фарфоровыхъ цвѣтныхъ тарелокъ. Посрединѣ приподнимается граненая ваза съ свѣжей икрой. Точно будутъ закусывать человѣкъ двадцать. У противоположной стѣны, между двумя фресками, массивный буфетъ дѣланъ на заказъ въ Нюренбергѣ, весь покрытъ скульптурной и рѣзной работой. Онъ имѣетъ видъ церковнаго органа. Вмѣсто металлическихъ трубъ блеститъ серебряная и позолоченная посуда. Майоликъ по стѣнамъ не видно: ни блюдъ, ни кружекъ. Архитекторъ не допускалъ этого.

Палтусовъ ввелъ Марью Орестовну изъ корридора-галлереи черезъ вторую гостиную. Больше гостей не было. Они подошли къ закускѣ. Въ отдаленіи стояли два лакея во фракахъ, а у столика съ тарелками—дворецкій.

— Докладывали Евлампію Григорьевичу?—спросила Марья Орестовна у лакея.

— Докладывали-съ.

— Кушайте,—обратилась онъ къ гостю и указала на икру.

Въ этотъ день Палтусовъ проголодался. Икра такъ и таяла у него на языкѣ. Доносился и ароматъ свѣжаго балыка и какой-то заливной рыбы. Смакуя закуски, онъ оглянулъ залу, въ головѣ его раздалось восклицаніе: «Какъ живутъ, подлецы!»

Это онъ говорилъ себѣ каждый разъ, какъ обѣдалъ у Нѣтовыхъ. Ихъ столовая и весь ихъ домъ и дали ему готовый матеріалъ для мечтаній о его будущихъ «русскихъ» хоромахъ. До славянщины ему мало дѣла, хоть онъ и побывалъ въ Сербіи и Болгаріи волонтеромъ, квасу и тулупа тоже не любилъ; но палаты его будутъ въ «стилѣ», въ родѣ дома и столовой Нѣтовыхъ. Въ Москвѣ такъ нужно.

Неслышно очутился около него хозяинъ.

— А! Евлампій Григорьевичъ! — вскричалъ онъ.—Какъ вы подкрались...

— Тихонько-съ,—отвѣтилъ Нѣтовъ съ кислой улыбкой, давно надоѣвшей Палтусову...—Такъ лучше-съ...

И онъ засмѣялся отрывистымъ смѣхомъ.

Палтусовъ не считалъ его глупымъ человѣкомъ. Нѣтовъ по своему интересовалъ его. Этотъ смѣхъ показался ему почему-то глупѣе Евлампія Григорьевича. Онъ пристально поглядѣлъ ему въ лицо—и остановился на глазахъ...«Ему сдавалось, что одинъ зрачекъ Нѣтова какъ будто гораздо меньше другого... Что за странность!..

— Гдѣ изволили побывать?—спросилъ онъ.—Все засѣдаете?

— Засѣдаемъ-съ, засѣдаемъ,—подхватилъ Нѣтовъ развязнѣе и молодцоватѣе обыкновеннаго.

«Бодрится,—подумалъ Палтусовъ,—послѣ жениной трепки».

Марья Орестовна садилась за столъ и тихо сказала:

— Милости прошу.

— Не угодно ли-съ по другой?—пригласилъ Палтусова хозяинъ и налилъ ему алашу.

Они выпили, забили себѣ ротъ маринованнымъ лобстеромъ и сѣли по обѣ стороны хозяйки. Четвертый приборъ такъ и остался незанятымъ. Прислуга разнесла тарелки супа и пирожки. Дво-

рецкій приближался съ бутылкой мадеры. Первыя три минуты всѣ молчали.

XXX.

Такой обѣдъ втроемъ выпалъ на долю Палтусова въ первый разъ.—Марья Орестовна не могла или не хотѣла настроиться помягче. Она плохо слушалась совѣтовъ своего пріятеля. На мужа она совсѣмъ не смотрѣла. Нѣтовъ замѣтно волновался, заводилъ разговоръ, но не умѣлъ его поддержать. Его разсѣянность вызывала въ Марьѣ Орестовнѣ презрительное подергиванье плечъ.

«Покорно-спасибо,—сказалъ про себя Палтусовъ послѣ рыбы,—въ другой разъ вы меня на такой обѣдъ не заманите».

Но къ концу обѣда онъ началъ внимательнѣе наблюдать эту чету и бесѣдовать самъ съ собою. Она была въ сущности занимательна... Что-то такое онъ чуялъ въ нихъ, на чемъ, до сихъ поръ, не останавливался. Мужа онъ «допускалъ»... Смѣяться надъ нимъ ему было бы противно. Онъ замѣчалъ въ себѣ наклонность къ великодушнымъ чувствамъ. Да и она вѣдь жалка. У него по крайней мѣрѣ есть страсть, въ рабствѣ у жены, любитъ ее, преклоняется, но страдаетъ. Не даромъ у него такіе странные зрачки. А эта купеческая Рекамье? Что въ ней говорить? Жила, жила, тянулась, дрессировала мужа, точно пуделя какого-то, и вдругъ—все къ чорту!.. И тутъ не ладно... въ головѣ не ладно.

Палтусовъ такъ задумался, что Марья Орестовна два раза должна была его спросить:

— Будете на симфоническомъ?..

— На музыкалкѣ?—переспросилъ онъ.—Буду, если достану билетъ.

— А у васъ нѣтъ членскаго?

— Пропустилъ. Говорятъ, свалка была, на Неглинной, у Юргенсона?..

— Огромный успѣхъ!

— Да-съ, шибко торгуютъ, — пошутилъ Евлампій Григорьевичъ.

— Шибко,—поддержалъ его Палтусовъ.

— Потому что идетъ по своей дорогѣ,—тревожно заговорилъ Нѣтовъ,—идетъ-съ. Извольте видѣть, оно такъ въ каждомъ дѣлѣ. Чтобы человѣкъ только вѣру въ себя имѣлъ; а когда вѣры нѣтъ

—и никакого у него форсу. Какъ будто монета, старая, стертая, не распознаешь, гдѣ значится орелъ, гдѣ рѣшетка.

Марья Орестовна не безъ удивленья прислушивалась.

— Совершенно вѣрно!—откликнулся Палтусовъ.

— Человѣкъ — на помочахъ идти не можетъ... Все равно малолѣтній всегда... А стóитъ ему на свои ноги встать...

«Вонъ онъ куда»—подумалъ Палтусовъ и сочувственно улыбнулся хозяину.

— И тогда все по другому... Хотя бы и не потрафилъ онъ съ разу, да у него на душѣ лучше... И смѣлости прибудетъ!

— Хотите еще?—перебила хозяйка, обращаясь къ гостю.

— Пирожнаго?.. Благодарю. Курить хочу, если позволите.

— Вамъ разрѣшаю.

Евлампій Григорьевичъ смолкъ. Жена не смотрѣла на него. Она нашла, что его болтовня—дерзость, за которую она съумѣетъ отплатить. Но взглядъ Палтусова подсказалъ ей:

«Смотрите, не перейдите градуса. Сначала добейтесь своего. Вы видите—и въ немъ заговорило мужское достоинство».

Евлампій Григорьевичъ предложилъ ему сигару и спросилъ, чего никогда не дѣлалъ:

— Угодно въ кабинетъ?.. Кофейку... и покурить въ свое удовольствіе?

Палтусовъ согласился,—довелъ хозяйку до салона и сказалъ ей шопотомъ:

— Не возмущайтесь, пожалуйста, я вашу же линію веду.

Она сдѣлала гримасу.

Въ кабинетѣ Евлампій Григорьевичъ засуетился, сталъ усаживать Палтусова, наливалъ ему ликера, вынулъ ящикъ сигаръ. Прежде онъ держалъ себя съ нимъ натянуто или неловко-чопорно... Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Нѣтовъ раза два поглядѣлъ на письменный столъ и на счеты, лежавшіе посрединѣ стола передъ кресломъ.

— Вотъ-съ,—заговорилъ онъ прямо,—вы, Андрей Дмитріевичъ, человѣкъ просвѣщенный. Вездѣ бывали. И сообразить можете, какъ по вашему, если дамѣ такой, какъ еслибы Марья Орестовна... примѣрно, за границей проживать? И вообще домъ имѣть свой... Какой годовой доходъ?

Такого вопроса не ожидалъ Палтусовъ. Мужъ положительно нравился ему больше жены. Онъ остается въ Москвѣ, надо его держаться. Это порядочный человѣкъ, прочный коммерсантъ, выдвинулся впередъ такъ или иначе—«на линію» генерала.

— Годовой доходъ?—переспросилъ Палтусовъ.

— Да-съ?

— Двадцать тысячъ. Если тѣ же привычки будутъ, какъ и здѣсь... тридцать...

— Мало-съ. Я полагаю пятьдесятъ?..

— Коли въ Италіи, напримѣръ, жить, такъ на бумажные лиры сумма крупная.

Нѣтовъ разсмѣялся и замолчалъ.

Правый зрачекъ у него опять показался Палтусову меньше лѣваго.

— Что-же-съ?.. По душѣ сказать,—онъ началъ изливаться, —такая сумма четвертая часть того, что мы имѣемъ. И каждый хорошій мужъ обязанъ первымъ дѣломъ обезпечить... Такъ ли-съ? И волю свою выразить, какъ слѣдуетъ... Особливо ежели благопріобрѣтенное... оно и совершено, да, знаете, въ голову другое-то не пришло? При жизни-то? Изволите разумѣть? При жизни мужа можетъ понадобиться... Такой оборотъ выдти?.. Безъ развода... Или тамъ чего... И безъ стѣсненья!.. Уѣдетъ жена пожить заграницу!.. Она и спокойна. У ней свой доходъ. Простая штука... И любилъ человѣкъ... а между прочимъ не сообразилъ.

Онъ смолкъ и всталъ съ дивана, подошелъ къ столу, накинулъ нѣсколько костей на счетахъ, отставилъ ихъ въ сторону и потеръ себѣ руки.—Палтусовъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и недоумѣньемъ.

— Марья Орестовна ждутъ васъ... Извините, что задержалъ... Я въ засѣданіе...

И Евлампій Григорьевичъ началъ жать ему руку, какъ-то присѣдая и улыбаясь.

— Знаете, что,—говорилъ Палтусовъ Марьѣ Орестовнѣ въ гостиной, берясь за шляпу; онъ никогда у ней не засиживался: —вы не найдете нигдѣ второго Евлампія Григорьевича.

И онъ разсказалъ, объ чемъ изливался ему Нѣтовъ.

Марья Орестовна только потянула въ себя воздухъ.

— Ужъ не знаю... Онъ точно какой шальной сегодня!..

«Будешь!»—добавилъ отъ себя Палтусовъ и поцѣловалъ ея руку.

XXXI.

Ровно черезъ недѣлю хоронили Константина Глѣбовича Лещова.

Октябрь ужъ перевалилъ за вторую половину. День выдался съ утра сиверкій, мокрый, съ иглистымъ полумерзлымъ дождемъ.

Часу въ одиннадцатомъ шло отпѣваніе въ старой низенькой церкви упраздненнаго монастыря. По двору, въ каменной оградѣ расположилась публика. Въ церковь вошло не много. Тамъ и не помѣстилось бы, безъ крайней тѣсноты, больше двухъ сотъ человѣкъ. Служили викарный архіерей и два архимандрита. По желанію покойнаго, занесенному въ завѣщаніе, его отпѣвали въ томъ приходѣ, гдѣ онъ родился. Потемнѣлые своды церкви давили и спирали воздухъ, весь насыщенный ладономъ, копотью восковыхъ свѣчей и струями хлорной извести и можжевельника. Кругомъ всѣ жаловались, что не слѣдовало отпѣвать въ такой крохотной церкви. Безпрестанно, мужчины во фракахъ и шитыхъ мундирахъ выходили на паперть, набитую нищими. Дамъ насчитывали гораздо меньше мужчинъ. Слѣва отъ гроба, у придѣла группа дамъ въ черномъ окружала вдову покойнаго. —Аделаида Петровна стояла на колѣняхъ и, отъ времени до времени, всхлипывала.—Ее находили очень интересной...

Пѣли чудовскіе пѣвчіе. Протодьяконъ оттягивалъ длинной минорной нотой конецъ возглашеній. Его «Господу помолимся» производило въ груди томительную пустоту. Когда зажигали свѣчи для заупокойной обѣдни, то архіерею, двумъ архимандритамъ и двумъ старшимъ священникамъ протодьяконъ подалъ по толстой свѣчѣ зеленаго воску.—Такую же получила и вдова.

Много разъ разносились уже по церкви слова «болярина Константина». Потъ шелъ со всѣхъ градомъ. Никто не молился. Кто-то шепчетъ, что будетъ «слово»—и всѣ ужасаются коптѣть еще лишнихъ полчаса.

Но и на дворѣ всѣ раздражались отъ мокрой погоды. У паперти стояла группа бойко болтающихъ мужчинъ. Тутъ встрѣтились знакомые самыхъ разнохарактерныхъ званій. Бритое лицо актера,—съ выдающимся носомъ и синими щеками, въ мягкой шляпѣ съ большими полями,—наполовину уходило въ мерлушковый воротникъ длиннаго черпаго пальто. Рядомъ съ нимъ выставлялась треугольная шляпа съ камеръ-юнкерскимъ плюмажемъ и благообразное дворянское лицо, простоватое и томное. Съ боку морщился плотный полковникъ въ каскѣ и съ рыжей бородой, по петлицамъ пальто:—военный судья. Они говорили разомъ, разсказывали веселые анекдоты, ругали погоду. Къ нимъ присосѣживались выходящіе изъ церкви и вновь прибывающіе.

По двору гуляли другія группы. Народъ облѣпилъ одну стѣну и выглядывалъ изъ-за главныхъ воротъ, обступалъ катафалкъ, крытый бѣлымъ глазетомъ съ бѣлыми перьями по бокамъ и по срединѣ. Экипажи останавливались у воротъ и потомъ

отъѣзжали вверхъ по переулку и внизъ къ Дмитровкѣ.—Было грязно. Большая лужа выдалась на самой серединѣ паперти. Ее обходили влѣво, слѣдуя широко разбросанному можжевельнику. Фонарщики въ черныхъ шляпахъ и шинеляхъ съ капюшонами, завернули подолы и бродили по двору, составивъ свои фонари вдоль стѣны, въ тяжелыхъ порыжѣлыхъ сапогахъ и полушубкахъ. Жандармы покачивались въ сѣдлахъ.

На похороны Лещова приглашено было поименно до шестисотъ человѣкъ. Списокъ составлялъ Качѣевъ. Въ него попали купцы, помѣщики, директора банковъ, литераторы, профессора, актеры. Нѣсколько именъ говорили, что покойный посѣщалъ патріотическія гостиныя. Но оказалось, въ числѣ приглашенныхъ и довольно вольнодумныхъ людей, либерально-мыслящихъ на европейскій ладъ, посѣщающихъ, впрочемъ, и патріотическія гостиныя. Покойный зналъ всю дѣловую Москву и сохранялъ связи съ интеллигенціей. Но по лицамъ, провожавшимъ его въ послѣднюю обитель, трудно было узнать—кому его жаль. Только самые простые купцы, «какъ есть изъ русскихъ», входившіе въ ограду безъ шапокъ и осѣняя себя крестомъ, казалось, соболѣзновали его кончинѣ.

Служба все тянулась. Уже остряки давно напомнили объ адмиральскомъ часѣ. Какой-то лысый господинъ среднихъ лѣтъ выскочилъ съ паперти безъ шапки вслѣдъ за смуглой, долгоносой барыней въ цвѣтной шляпкѣ и началъ ей кричать:

— Не хочу знать этихъ мерзавцевъ!

И пошелъ по можжевельнику, размахивая рукою.

А дама усовѣщивала его, повторяя:

— Глядятъ! Глядятъ! Постыдись!

На что онъ еще задорнѣе крикнулъ:

— А мнѣ наплевать!..

Въ группѣ около паперти актеръ переглянулся съ собесѣдниками.

— Господа литераторы! — выговорилъ онъ съ актерскимъ подчеркиваньемъ.—Народъ сердитый!

— Сердитъ, да не силенъ!..—крякнулъ военный судья, и всѣ трое расхохотались, послѣ чего вдругъ сдержали себя и уныло поглядѣли на входъ въ церковь...

— Претитъ?—спросилъ актеръ камеръ-юнкера.

— И очень!..

— Вы, господа, до кладбища?

— Ну нѣтъ-съ,—отвѣтилъ за всѣхъ судья и запахнулся въ пальто.

Ударили на колокольнѣ, и похоронный гулъ поплылъ по отсырѣлому воздуху.

XXXII.

За полчаса до выноса тѣла изъ церкви, Палтусовъ входилъ въ ограду и осторожно пробирался, обходя тѣ мѣста, гдѣ грязь растоптали какъ мѣсиво. Онъ ожидалъ чего-то другого... Съ Лещовымъ онъ познакомился только въ этомъ году и нашелъ его «очень занимательнымъ». Ему не разъ уже приходило на мысль, что онъ самъ идетъ по той же дорогѣ. Лещовъ представлялъ цѣлую полосу московской жизни. Онъ внесъ съ собою въ дѣла какую-то «идею». Патріоты съ славянскими симпатіями, которыхъ пріятели Палтусова звали «византійцами», считали его своимъ. Черезъ него они воспитали въ своемъ духѣ нѣсколько милліонщиковъ-купцовъ, заставляли ихъ поддерживать общества, посылать пожертвованія, записываться въ покровители «братьевъ», давать деньги на основаніе газетъ, журналовъ, на печатаніе книгъ и брошюръ...

Но теперь что-то покачнулось. Онъ не видитъ ни большого горя, ни большого смущенія. И единомышленниковъ-то Лещова три-четыре человѣка, да и обчелся... Вотъ и на этихъ похоронахъ такъ же. Палтусовъ оглядѣлъ всѣ кучки. Его зоркіе глаза всюду проникли. На дворѣ онъ замѣтилъ только блѣднолицаго брюнета въ очкахъ изъ «ихъ толка», — да старца съ большой бородой въ старомодной шинели и шапкѣ, изъ-подъ которой падали на воротникъ длинные съ просѣдью волосы. Старецъ говорилъ въ кучкѣ университетскихъ, улыбался и прищуривалъ добрые глаза. До Палтусова донесся его хриплый грудной басъ провинціальнаго трагика и отрывки его горячихъ фразъ.

«Навѣрно будетъ говорить на могилѣ, подумалъ Палтусовъ и поспѣшилъ въ церковь.

Онъ не продрался къ серединѣ. Издали увидалъ онъ лысую голову коренастаго старика въ очкахъ съ густыми бровями. Его-то онъ и искалъ, для счету, хотѣлъ убѣдиться — окажутся ли на лицо единомышленники покойнаго. Вправо отъ архіерея стояли въ мундирахъ тщательно причесанные Взломцевъ и Краснопёрый. У обоихъ низко на грудь были спущены кресты, у одного Станислава, у другого Анны.

Но въ церкви Палтусовъ не выстоялъ больше пяти минутъ. Мимо его прошмыгнулъ распорядитель похоронъ Качѣевъ, тоже его знакомый, и замѣтилъ ему смѣшливо:

— Каковъ парничекъ-то! А?

Влѣво отъ паперти Палтусовъ примѣтилъ группу изъ троихъ мужчинъ, одѣтыхъ безъ всякаго парада. Онъ узналъ въ нихъ зачинщиковъ разныхъ «контръ», направленныхъ противъ Нѣтова и его руководителей: покойнаго Лещова и Краснопёраго. Одинъ, съ большой мохнатой головой и рябымъ лицомъ, осматривался и часто показывалъ гнилые зубы. Двое другихъ тихо переговаривались. Они смотрѣли заурядными купцами: одинъ брился, другой носилъ жидковатую бороду. Вслѣдъ за Палтусовымъ спустился съ паперти и Краснопёрый и тотчасъ присталъ къ кучкѣ, гдѣ торчала треугольная шляпа камеръ-юнкера.

— Каковъ?—доносился до него шепелявый голосъ Краснопёраго.—Царство-то небесное какъ захотѣлъ заполучить!.. Перебѣжчикомъ на тотъ свѣтъ явится.

Кто-то изъ группы началъ его разспрашивать.

— Не нашелъ онъ, къ кому обратиться!—кричалъ Краснопёрый.—Меня не пожелалъ, видите ли... Стрекулистовъ какихъ-то въ душеприкащики взялъ... Хоть бы въ свидѣтели пригласилъ.

Черезъ минуту актеръ спросилъ:

— Двѣсти тысячъ?.. На школы?.. Молодецъ!

— Да помилуйте, батюшка... Одна гордыня!—кричалъ опять Красноперый.

«Вотъ оно что», отмѣчалъ про себя Палтусовъ. Все это его чрезвычайно занимало.

— Андрей Дмитріевичъ!—окликнули его.

Съ нимъ раскланивался Нѣтовъ, въ мундирѣ, въ персидской звѣздѣ, очень блѣдный и возбужденный.

— Позвольте познакомить... Братъ супруги моей... Николай Орестовичъ Леденщиковъ...

Палтусову подалъ руку худой блондинъ, въ длиннѣйшемъ пальто съ котиковымъ воротникомъ. Его прыщавое, чопорное лицо, въ золотомъ pince-nez, бритое, съ рыжеватыми усами, смотрѣло на Палтусова, приторно улыбаясь... Сестру онъ напоминалъ развѣ съ носа. Такого вида молодыхъ людей Палтусовъ встрѣчалъ только въ русскихъ посольствахъ за-границей, да за абсентомъ Café Riche, на Итальянскомъ бульварѣ. «Разновидность Виктора Станицына», опредѣлилъ онъ.

— Enchanté,—выговорилъ братъ Марьи Орестовны, съ необычайно старательнымъ и сладкимъ французскимъ произношеніемъ.

— Слышали, Евлампій Григорьевичъ,—спросилъ Палтусовъ, —завѣщаніе-то Лещова? Двѣсти тысячъ на школы!.. Благородно!

— Слышалъ-съ.

— Да развѣ не вы душеприкащикъ?..

— Нѣтъ-съ!.. Покойникъ просилъ... Дядюшка мой отказали... Ну, тому и обидно показалось!.. И всякій-бы на его мѣстѣ... Онъ обратился къ тѣмъ...

Нѣтовъ указалъ глазами на ту кучку, гдѣ стояли трое «враговъ» его.

— Неужели?—удивился Палтусовъ.

— И что-же-съ?.. Каждый воленъ поступать по совѣсти... Да и какія тутъ-съ партіи?.. Только чтобъ честные люди были... А иной и кричитъ: я русакъ, я стою за русское дѣло, а на повѣрку выходитъ...

Онъ не досказалъ и раздраженно оглянулся въ сторону паперти, гдѣ замѣтилъ вырѣзанныя ноздри своего родственника Красноперагo. Палтусовъ прислушивался къ его голосу и смотрѣлъ ему въ лицо. На его глазахъ съ этимъ человѣкомъ что-то происходило... Онъ сбрасывалъ съ себя ярмо...

— Пойдемте въ церковь,—пригласилъ Нѣтовъ своего зятя... На кладбище поѣдете?—спросилъ онъ Палтусова, и не дождавшись отвѣта, пошелъ торопливой, развинченной походкой.

XXXIII.

Палтусовъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Умеръ Лещовъ. Марья Орестовна собралась жить въ раздѣлъ съ мужемъ. На чьемъ же попеченіи останется этотъ задерганный обыватель? Надо его прибрать къ рукамъ, пока не явятся новые руководители. Нѣтовъ раскланялся съ Краснопёрымъ и съ камеръ-юнкеромъ, мимоходомъ, не сталъ съ ними заговаривать, потомъ взялъ въ сторону, раскланялся и съ кучкой, гдѣ выглядывало рябое лицо его врага и «обличителя», кажется, улыбнулся имъ. Подалъ руку всѣмъ троимъ, что-то сказалъ, и сдѣлавъ жестъ правой рукой, перезнакомилъ ихъ съ зятемъ.

Это онъ заявляетъ свою самостоятельность... Въ день похоронъ дядьки показываетъ, что съумѣетъ всячески соблюсти себя и подняться... Говоритъ съ сѣдымъ генераломъ, съ членомъ суда. И очень что-то бойко... Не скоро доберется онъ до церкви. Вошелъ.

На паперти засуетились... Нищіе сбѣжали со ступенекъ и выстроились двумя рядами. Снесли крышку, пѣвчіе въ потертыхъ цвѣтныхъ кунтушахъ съ откидными рукавами, съ фураж-

ками въ рукахъ, начали спускаться, лѣниво поводили головами и подбирали полы. Зазвучало «Со святыми упокой»... Толкотня усиливалась. Показалось духовенство. Протодьяконъ надѣлъ на себя теплую скуфью... Запестрѣли митры и камилавки... Гробъ несли на полотенцахъ артельщики и мелкіе конторщики банка. Распорядитель Качѣевъ что-то кричалъ въ церковь... Вдову поддерживали двѣ дамы... Ея головы не было видно...

На все это глядѣлъ Палтусовъ и раза два подумалъ, что и его, лѣтъ черезъ тридцать, будутъ хоронить съ такой же некрасивой и нестройной церемоніей, стоющей большихъ денегъ... Кисти гроба болтались изъ стороны въ сторону. Иглистый дождь мочилъ парчу. Вѣтеръ развѣвалъ жирные волосы артельщиковъ въ длинныхъ сибиркахъ.

За гробомъ поплелись сановныя лица и пріятели покойнаго. Камеръ-юнкеръ пошелъ слѣва; сзади несъ свой византійскій ликъ Взломцевъ; курносый, нахальный профиль Краснопёраго, въ шитомъ воротникѣ и бѣломъ галстухѣ, говорилъ скорѣй о молебнѣ съ водосвятіемъ, по поводу полученной «святыя Анны», чѣмъ о погребеніи друга и пріятеля... Нѣтовъ шелъ безъ шляпы, все такой же возбужденный, кидая кругомъ быстрые взгляды, говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ знакомымъ.

Народъ снялъ шапки, но изъ приглашенныхъ многіе остались съ покрытыми головами. Гробъ поставили на катафалкъ съ трудомъ, чуть не повалили его. Фонарщики зашагали тягучимъ шагомъ, по двое въ рядъ. Впереди—два жандарма, лѣвая рука—въ бокъ, поморщиваясь отъ погоды, попадавшей имъ прямо въ лицо. За каретами двинулись обитыя краснымъ и желтымъ линейки, онѣ покачивались на ходу и дребезжали. Больше половины провожатыхъ бросились къ своимъ экипажамъ.

— Вы не съ нами-съ?—пригласилъ Палтусова Нѣтовъ, догоняя его на обратномъ пути:—у насъ ландо-съ...

Палтусовъ поблагодарилъ. Ему надо было заѣхать въ городъ; но онъ поспѣетъ на кладбище къ тому времени, когда будутъ опускать гробъ въ могилу.

— Ожидаемъ рѣчей-съ,—сказалъ Нѣтовъ.

— Вы не скажете-ли?—посмѣялся Палтусовъ.

— Можетъ, и скажу-съ!—отвѣтилъ Нѣтовъ съ особеннымъ выраженіемъ.

Заграничный зять усмѣхнулся и протянулъ:

— Интересно...

«Но ты-то интересенъ-ли?» — спросилъ про себя Палтусовъ, усаживаясь въ пролетку...

Похоронное шествіе спускалось къ Большой Дмитровкѣ. Пролетка Палтусова черезъ Тверскую и Воскресенскія ворота была уже на Никольской, когда пѣвчіе поровнялись только съ угломъ Столешникова переулка. Минутъ черезъ пятьдесятъ онъ подъѣзжалъ къ кладбищу; шествіе близилось къ оградѣ. На сниманіе, заколачиваніе и спускъ гроба пошло не мало времени. Погода немного прояснилась. Стало холоднѣе; изморозь уже больше не падала.

Среди чугунныхъ и мраморныхъ памятниковъ, столбовъ, плитъ, урнъ и крестовъ, зіяла глинянная, скользкая яма. Гробъ ушелъ низко; чтобы бросать землю на крышку гроба приходилось или нагибаться, или опуститься на аршинъ.—Послѣ литіи, одинъ изъ архимандритовъ сказалъ краткое слово, восхваливъ «учэность» и благочестіе покойнаго... Настала минута нерѣшительности... Полетѣли горсти песку... Его разносилъ артельщикъ; Качѣевъ наблюдалъ, чтобы всѣмъ хватило. Изъ толпы, топтавшейся въ молчаніи, вышелъ тотъ лысый старикъ съ надвинутыми бровями, котораго Палтусовъ отыскивалъ въ церкви, во время отпѣванія.

Онъ началъ хрипло выкрикивать слова, словно подсказывалъ человѣку крѣпкому на ухо.—Его рѣчь состояла изъ цѣпи сочувственныхъ фразъ; но издали можно было принять ихъ за рядъ окриковъ. Точно онъ сердился на покойника и распекалъ его, какъ подчиненнаго. Сзади многіе ухмылялись... Но старикъ скоро кончилъ и швырнулъ въ гробъ большую горсть песку. — За нимъ забросали опоздавшіе... Всѣ начали переглядываться... На противный конецъ ямы, у ногъ покойника, спустился тотъ баринъ, съ длинными волосами, что горячо разговаривалъ въ оградѣ церкви, въ одной изъ группъ. Онъ долго установлялъ какое-то «исконное начало» и звонкія слова въ родѣ «прекрасное», «торжество», «крѣпость духа», разносились по кладбищу. Иные слушатели стали сомнѣваться—сведетъ ли онъ рѣчь свою къ концу. Поднялся шопотъ, а потомъ говоръ, острили, давали прозвища. Онъ все говорилъ и вдругъ, не докончивъ длиннаго періода, воззвалъ къ «вѣчнымъ началамъ правды, добра и красоты»—и раскланялся.

Раздались аплодисменты... Собирались расходиться... Но на краю могилы стоялъ новый ораторъ. Это былъ Нѣтовъ.

XXXIV.

Палтусовъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Ему сдѣлалось даже неловко. Онъ попятился назадъ, но такъ, что лицо и вся фигура Евлампія Григорьевича были ему видны.

— Вотъ, господа-съ, — слышалось ему, — умеръ человѣкъ рѣдкій... въ своемъ родѣ...

— Кто это говоритъ?—спросилъ кто-то сзади.

— Нѣтовъ!

— Батюшки!

— Какъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ... Даръ получилъ по наитію!..

Но Палтусовъ прислушивался.

— И вотъ могила, господа... Иные сейчасъ скажутъ: нашъ онъ былъ, къ нашему согласію принадлежалъ.

«Согласіе? очень недурно!» одобрилъ Палтусовъ и выдвинулся впередъ.

Евлампій Григорьевичъ скинулъ статсъ-секретарскую шинель съ одного плеча. Его правая рука свободно двигалась въ воздухѣ. Шитый воротникъ, бѣлый галстухъ, крестъ на шеѣ, на лѣвой груди—звѣзда, вся въ настоящихъ, самимъ вставленныхъ, брилліантахъ, такъ и горитъ... Весь выпрямился, голова откинута назадъ, волосы какъ-то взбиты, линіи рта волнистыя, возбужденные глаза... Палтусову опять кажется, что зрачки у него не равны, голосъ съ легкой дрожью, но увѣренный и немного какъ бы вызывающій... Неузнаваемъ!..

— Зачѣмъ,—продолжалъ ораторъ,—намъ всѣ эти прозвища перебирать, господа?.. Славянофилы, напримѣръ, западники, что-ли, тамъ... Все это одни слова. А намъ надо дѣло... Не кличка творитъ человѣка!.. И будто нельзя почтенному гражданину занимать свою позицію? Будто ему кличка доставляетъ ходъ и уваженіе?.. Надо это бросить!.. Жалуются всѣ:—рукъ нѣтъ, головъ нѣтъ, способныхъ людей и благонамѣренныхъ. Мудрено-ли это?.. Потому, господа, что боятся самихъ себя... Все въ кабалу къ другимъ идутъ!..

— Жена написала, а онъ заучилъ,—раздался надъ ухомъ Палтусова чей-то голосъ.

— Здѣсь она на похоронахъ?

— Нѣтъ, не видно что-то.

— Отзубрилъ знатно!

«Нѣтъ, это не Марья Орестовна,—думалъ Палтусовъ, про-

должая слушать,—это экспромтъ. Евлампій Григорьевичъ не писалъ этого на бумажкѣ и не заучивалъ».

— И вотъ, господа,—кончалъ Нѣтовъ,—помянемъ доброй памятью Константина Глѣбовича. Не забудемъ на что онъ половину своего достоянія пожертвовалъ!.. Не очень-то слѣдуетъ кичиться тѣмъ, что онъ держался такого или другого согласія... Тѣмъ онъ и былъ силенъ, что себѣ цѣну зналъ!.. Такъ и каждому изъ насъ быть слѣдуетъ!.. Вѣчная память ему!..

Къ концу рѣчи всѣ смолкли. Потомъ захлопали горячо и дружно.

— Емеля-то дурачекъ какъ расходился!—крикнулъ громко Краснопёрый, взялъ за руку старичка-генерала и пошелъ по мосткамъ къ выходу.

Нѣтову жали руку. Онъ стоялъ все съ непокрытой и откинутой головой. Глаза его перебѣгали отъ предмета къ предмету.

— N'est ce pas?—остановилъ Палтусова, двинувшагося за другими, сладкій братъ Марьи Орестовны...—Moй beau frère a très bien dit son fait? Только, кажется, были намеки... Какъ вы находите?

— Молодцомъ!..—искренно похвалилъ Палтусовъ, протолкался и крѣпко пожалъ руку Нѣтова.

Евлампія Григорьевича окружили. Большая голова и гнилые зубы господина отъ враждебной группы виднѣлись рядомъ съ нимъ.

Когда Палтусовъ подходилъ и протягивалъ ему руку, «вожакъ оппозиціи» смѣялся и трясъ одобрительно волосами.

— Истину, истину изволили изречь... Евлампій Григорьевичъ... Вамъ зачтется... Хорошій баллъ поставимъ... Давно пора такъ-то!..

Нѣтова не обидѣлъ покровительственный голосъ. Его не оставляло возбужденіе... Рука у него вздрагивала.

— Другая полоса теперь! Другая-съ!..—громко провозгласилъ онъ и надѣлъ бобровую шапку, а шляпу взялъ подъ мышку...

— Разскажите вашей сестрицѣ,—тихо сказалъ Палтусовъ его зятю,—какъ отличился ея супругъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ,—выговорилъ тотъ и гостинодворскій акцентъ проскользнулъ въ дикцію, наломанную на дворянскій манеръ.

— Къ намъ откушать?—остановилъ Палтусова Нѣтовъ.

Палтусовъ отклонилъ приглашеніе.

— Не все на помочахъ, Андрей Дмитріевичъ! Не такъ-ли-съ?..

—почти азартно спросилъ его Нѣтовъ и полѣзъ въ свое четырехмѣстное ландо.

Палтусовъ простоялъ еще минутъ съ пять. Жандармы ругались съ кучерами линеекъ. Кареты поѣхали вереницей. Купцы разсаживались въ крытыя дрожки. Пѣвчіе, артельщики, похоронныя старухи и всякій сбродъ чуть не дрались, влѣзая въ линейки; народъ шлепалъ по грязи... Начало опять моросить.

«Надо держаться Нѣтова», рѣшилъ еще разъ Палтусовъ, и уѣхалъ изъ послѣднихъ.

XXXV.

Вечеромъ, за чаемъ, въ будуарѣ Марьи Орестовны, на атласномъ пуффѣ сидѣлъ братъ ея, пріѣхавшій всего три дня назадъ и разсказывалъ ей, какой успѣхъ имѣла рѣчь Евлампія Григорьевича. Къ обѣду сестра его не выходила. Она страдала мигренью. Наканунѣ мужъ пришелъ ей сказать, что ея желаніе исполнено, и передалъ ей пакетъ съ цѣнными бумагами, приносящими до пятидесяти тысячъ доходу.

Легкая побѣда потѣшила ее, но не надолго. Евлампій Григорьевичъ сдѣлалъ это слишкомъ скоро, и когда отдавалъ ей тяжелый пакетъ, то въ лицѣ его она усмотрѣла необычайное выраженіе; оно говорило:

«Извольте, будемъ и безъ васъ жить съ царемъ въ головѣ...»

На брата она и безъ того не особенно надѣялась; но въ эти три дня онъ опять весь выдохся передъ ней. Отъ его тощей фигуры, прыщаваго лица, волосъ, изысканныхъ туалетовъ и батистовыхъ платковъ шелъ, во-первыхъ, ненавистный ей запахъ илангилана... Она уже попросила его перемѣнить духи... Потомъ онъ началъ мямлить ей, приторно и желая соблюсти свое «консульское» достоинство, что ему необходимо камеръ-юнкерство, что безъ этого званія онъ не можетъ существовать. Пять разъ съ разными новыми варіантами разсказалъ онъ ей, какъ его представляли «королевѣ и королю,» какъ ихъ величества удивлялись, что такой «gentleman» до сихъ поръ не отличенъ придворнымъ званіемъ. Ему и безъ того тяжело носить фамилію «Леденщиковъ». Не можетъ же онъ всѣмъ и каждому сообщать, что его мать была столбовая дворянка, племянница одного князя? Еще за границей имя не такъ плохо звучитъ, но въ Россіи, безъ прибавленья на карточкѣ: «Gentilhomme de la cham-

bre de S. M. L'Empereur»—показаться нельзя... И выходило, что хлопотать объ этомъ слѣдуетъ ей, его «чудесной» Мари. А для этого надо нѣсколько большихъ обѣдовъ и вечеровъ, отрекомендовать его «особенно» здѣшнимъ властямъ, поѣхать въ Петербургъ, тамъ завести знакомства въ высшихъ сферахъ, жертвовать, сдѣлаться дамой-патронессой, основать пріютъ, его помѣстить куда-нибудь почетнымъ попечителемъ. Съ милліоннымъ состояніемъ это такъ легко.

Нытье брата открыло вдругъ глаза Марьи Орестовнѣ на то, что̀ ее ожидаетъ за границей. Братъ не оставитъ ее въ покоѣ. Онъ сдѣлается ея прихвостнемъ. Денегъ она же ему будетъ давать. И теперь она даетъ ему три тысячи. Очень ей пріятно будетъ видѣть, что онъ, ничтожный «консулъ», пыжится быть дипломатомъ: онъ съ такимъ куринымъ мозгомъ не можетъ идти по службѣ. Кромѣ уколовъ самолюбія ничего ее не ждетъ. Ужъ и ей разсказали, какъ ея братецъ на одномъ придворномъ балѣ такъ часто забѣгалъ впередъ всюду, гдѣ шла королева, что на него, наконецъ, обратили вниманіе, только не благосклонное. Анекдотъ кто-то завезъ прошлой зимой сюда, и всѣ его знаютъ.

Своихъ плановъ она не сообщила ему вполнѣ. Но братъ засталъ ее еще въ острый періодъ ея душевной тревоги, и она ему намекнула на свое рѣшеніе отдѣлаться отъ Евлампія Григорьевича.

— Я тебя увѣряю,—деликатно выговаривалъ Николай Орестовичъ каждый слогъ, — твой мужъ очень хорошо... a très bien trouvé son discours. Какъ тебѣ угодно, Мари, но здѣсь ты особа. И зачѣмъ тебѣ уѣзжать въ началѣ вашего московскаго сезона? Я не на то разсчитывалъ, дорогая моя. Извини, что я тебѣ противорѣчу.

Она заставила его замолчать и послала въ залу—сыграть ей вальсъ Шопена. Цѣлыхъ три часа слушала она его разведенныя сиропомъ рѣчи. Ея выкормокъ положительно раздражалъ ее. Жить съ нимъ за границей по цѣлымъ мѣсяцамъ врядъ-ли лучше, чѣмъ имѣть около себя такого мужа, какъ Евлампій Григорьевичъ.

И потомъ, въ ея мужѣ есть что-то новое. Оставить его въ покоѣ; только бы зналъ свою роль въ домѣ. Не оставаться съ нимъ за столомъ; а при постороннихъ пропускать мимо ушей его купеческое «изволите видѣть». Теперь она съ собственнымъ большимъ состояніемъ. Какой мужъ сдѣлалъ бы это такъ джентльменски? Палтусовъ былъ правъ.

И съ этимъ человѣкомъ у ней далеко не все кончено. Онъ

какъ будто играетъ съ нею. А, можетъ быть, онъ честный человѣкъ, не хочетъ показывать ей такого чувства, какого не находитъ въ себѣ. Но времени впереди много. Вотъ это—характеръ. Еслибъ онъ кидался на деньги, онъ бы сейчасъ же сталъ подбивать ее уѣхать за границу, съ капиталами. Онъ не бросится за ней. Даже и намека на это нѣтъ. Безъ него тамъ будетъ очень скучно, очень. Знаетъ она этихъ французовъ и англичанъ въ Трувиллѣ, въ Біарицѣ, венгерскихъ гусаръ въ Маріенбадѣ. Тяжело ей съ ними. Когда она говоритъ по-французски, у ней выходитъ всё жидко, тускло, книжно, отзывается русской гувернанткой. И не пріобрѣсти ей блеска. Это дается или не дается. Вотъ Коля какъ старается, а все-таки комми изъ магазина Дарзанса или Море.

Братъ Марьи Орестовны сошелъ съ Шопена на какую-то сладкую мелодію нѣмца Гумберта, а потомъ заигралъ опереточный мотивъ. Головная боль сестры его утихла. Неподвижное положеніе на кушеткѣ усыпляло ее полегоньку. Передъ ея глазами сталъ узкій треугольникъ портьеръ черезъ всю амфиладу комнатъ. Вѣки слипались. Изъ залы долетали, но смягченныя коврами и шелкомъ стѣнъ и драпировокъ, фривольные звуки приторнаго Николая Орестовича. Но заснуть его сестрѣ мѣшали два видѣнія—то опустится ей на грудь пакетъ съ цвѣтными бумагами, то выплыветъ, точно изъ облака, красивая борода съ свѣтлымъ проборомъ на подбородкѣ.

XXXVI.

— Кто тутъ?—пугливо окликнула Марья Орестовна и открыла глаза.

Надъ ней наклонилась борода, но не та благообразная съ изящнымъ проборомъ, а растущая въ разныя стороны борода мужа. Лицо ея было блѣдно и испугано.

— Что съ вами-съ?—спросилъ онъ боязливымъ шопотомъ.—Я думалъ—обморокъ.

— Нисколько,—недовольно выговорила она, и подняла голову,—который часъ?

— Двѣнадцатый.

— Коля играетъ?

— Ушелъ къ себѣ.

— А-а!..

Она потянулась и привстала.

— Какъ свѣжо здѣсь.

— Жарко, можетъ, у васъ?—заботливо спросилъ Евлампій Григорьевичъ.

Марья Орестовна встала и зѣвнула. Потомъ ей вдругъ сдѣлалось зябко, тошно, весь будуаръ завертѣлся у ней въ глазахъ. Ее накренило въ сторону. Руки мужа удержали ее.

Какая-то новая, неиспытанная ею боль отозвалась гдѣ-то въ тѣлѣ и заставила опуститься на кушетку. И такъ ей стало все противно, она сама, этотъ будуаръ, весь домъ, цѣлый рядъ дней, сулящихъ ей какую-нибудь тайную неизлечимую болѣзнь, медленную потерю силъ, нескончаемыя боли, кто знаетъ: душевный недугъ... Она разсердилась на свое малодушіе, но не въ силахъ была встать.

Евлампій Григорьевичъ бросился за горничной. Больную перенесли въ спальню. Мужъ вышелъ и сейчасъ послалъ верхового за докторомъ. Прибѣжалъ братъ, сдѣлалъ глупую мину. Она его прогнала. Въ постелѣ головокруженіе прошло. Она опять забылась.

Пріѣхалъ годовой докторъ, постукалъ грудь, прислушался къ сердцу, ничего не нашелъ подозрительнаго, пошутилъ съ нею и намекнулъ на то, что, быть можетъ, она въ интересномъ положеніи.

Марья Орестовна сначала приняла это съ гримасой, потомъ, по уходѣ доктора, задумалась и вдругъ радостно вздохнула.

Дѣтей у ней не было! Обуза—дѣти, а безъ нихъ какая тоска, какъ она копается въ самой себѣ... Тогда—кровная, живая цѣль, не нужно изводиться въ ѣдкой и себялюбивой заботѣ о томъ—какъ бы мужа вывести на дворянскую дорогу, тревожиться всякой ничтожной газетной статейкой.

Въ будуарѣ она заслышала мужскіе шаги. Тамъ сидѣла ея камеристка.

Она позвонила.

— Берта, кто тамъ?

— Баринъ.

— Попросите его.

Глаза Евлампія Григорьевича загорѣлись въ полутьмѣ спальни. Онъ все еще былъ во фракѣ. — Корпусомъ онъ наклонился впередъ и на цыпочкахъ подходилъ къ кровати. Въ спальнѣ жены онъ не былъ больше мѣсяца. Лицо его смутило Марью Орестовну. Оно казалось ей слишкомъ возбужденнымъ.

— Присядьте,—сказала она ему и указала на край постели.

Нѣтовъ присѣлъ.

— Какъ докторъ?—серьёзно, почти строго спросилъ онъ.

— Онъ вамъ ничего не сказалъ?

— Пишетъ рецептъ въ кабинетѣ...

— Говоритъ ничего... только... быть можетъ...

Щеки Марьи Орестовны зардѣлись.

— Что же такое-съ?

— Можетъ, я въ такомъ положеніи.

— Съ чего бы это-съ,—вырвалось у него.—Нельзя этому быть...

— Почему же?—веселѣе вымолвила она.

Слова ея заставили его вскочить. Онъ метнулся по комнатѣ, въ уголъ, потомъ подошелъ къ кровати, взялся за спинку; ему ударило въ голову.

— Вотъ оно-съ, — вскричалъ онъ.—Божье благословенье! Отчего-же и не намъ-съ?..—Ха, ха!..

Марья Орестовна слѣдила за его глазами. Глаза то вспыхивали, то тускнѣли, руки дрожали.—Ее схватило за сердце... Опять внутри у ней что-то кольнуло и заныло.

Этотъ мужъ больно ужъ не милъ ей! Не можетъ онъ быть отцомъ ея ребенка... Она не мать. Да и весь онъ какой-то чудной сегодня. Непріятно на него смотрѣть!..

Горячія, сухія губы прикоснулись къ ея лбу... Ей захотѣлось плакать. Не желанное рожденье здороваго ребенка представилось ей, а собственная смерть...

П. Боборыкинъ.

ФЕРМЕРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

и

ФЕРМЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ШТАТАХЪ АМЕРИКИ

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось слышать объ одномъ крупномъ администраторѣ и не менѣе крупномъ землевладѣльцѣ, который нанялъ въ управляющіе однимъ изъ своихъ имѣній объамериканившагося нѣмца. Имѣніе было лѣсное, но сильно запущенное предшествовавшими управителями «изъ мѣщанъ», и не давало почти никакого дохода. Новый управляющій взялся ввести въ запущенное имѣніе *лѣсоводство по американской системѣ* и насулилъ генералу такихъ золотыхъ горъ, что этотъ не поморщившись согласился дать американцу болѣе чѣмъ двойное жалованье, и съ облегченнымъ сердцемъ отправился на свой административный постъ. Прошло года два,—американецъ, повидимому, сдержалъ слово; доходы появились довольно порядочные и исправно высылались генералу, который не могъ нахвалиться своимъ управляющимъ. «Вотъ ужъ народецъ, эти американцы! Гдѣ намъ до нихъ!» и т. д. Но чрезъ два года оборотъ колеса фортуны прервалъ административную дѣятельность генерала, и онъ отправился въ свое лѣсное имѣніе отдохнуть «на хозяйствѣ» и полюбоваться американской системой лѣсоводства. Нетрудно себѣ вообразить его ужасъ, когда, вмѣсто за-

вѣтныхъ лѣсовъ, онъ нашелъ пустырь съ торчащими изъ земли голыми пнями. Но представьте же себѣ изумленіе генерала, когда на всѣ его угрозы и ругательства американецъ спокойно возразилъ, что это и есть американская система лѣсоводства и что такимъ путемъ легче всего извлечь выгоду изъ лѣсныхъ имѣній. Генералъ, разсказывая объ этомъ происшествіи, всегда, говорятъ, прибавляетъ: «И чортъ же его зналъ, что лѣсоводство въ Америкѣ означаетъ истребленіе лѣсовъ!»

Я не могу ручаться за то, что описанное происшествіе не есть плодъ праздной провинціальной фантазіи, а дѣйствительно совершившееся событіе. Какъ бы то ни было, оно довольно мѣтко характеризуетъ то преувеличенное мнѣніе, которое не одни только генералы, но и средній русскій образованный человѣкъ вообще составилъ себѣ объ американской культурѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, какая масса американскихъ изобрѣтеній, земледѣльческихъ машинъ и орудій предлагается газетами публикѣ! И прилагательное «американскій» должно въ глазахъ покупателей гарантировать цѣлесообразность и удобопримѣнимость этихъ машинъ и орудій. Какъ часто можно встрѣтить даже въ спеціальной агрономической литературѣ такое же подобострастное отношеніе къ американскому сельскому хозяйству; какъ часто попадаются фразы, въ родѣ: «другое дѣло американскій фермеръ»... «но нашъ землевладѣлецъ (или, смотря по обстоятельствамъ, нашъ крестьянинъ), къ несчастію, не американскій фермеръ»... и т. п.

Насколько въ этихъ фразахъ объ американской культурѣ вообще играетъ роль нечуждая русскому интеллигентному человѣку наклонность къ самоуничиженію, или же просто абсолютное незнакомство съ фактами,—не знаю. Замѣчу только, что такіе готовые, принятые на вѣру, общіе взгляды вредны не столько своими непосредственными результатами, сколько тѣмъ, что, переходя отъ одного человѣка къ другому, изъ одной книжки въ другую, они, наконецъ, принимаютъ видъ аксіомъ. Разъ устанавливаются подобные взгляды, у большей части людей пропадаетъ всякая охота анализировать и провѣрять ихъ основательность; гуляютъ они себѣ въ жизни и литературѣ безданно-безпошлинно, на нихъ воздвигаютъ многоэтажные выводы, и требуется какой-нибудь крупный жизненный фактъ, чтобы, въ болѣе или менѣе увеличенномъ масштабѣ повторился приведенный мною казусъ съ заслуженнымъ администраторомъ и его лѣснымъ имѣніемъ.

Постараюсь въ настоящемъ очеркѣ описать жизнь и хозяйство американскаго фермера въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ удалось ихъ наблюдать. Я буду касаться преимущественно запад-

ныхъ штатовъ, такъ-какъ тутъ была сдѣлана большая часть моихъ наблюденій; къ тому же эти штаты, какъ земледѣльческіе по преимуществу, больше всего и заслуживаютъ вниманія.

Но главная причина, почему западные штаты представляютъ для насъ особенный интересъ, заключается въ томъ, что здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми самобытными формами сельскаго хозяйства и жизни, которыя можно назвать *американскими* по преимуществу, которыя рѣзко отличаются отъ европейскихъ формъ и появляются, благодаря особеннымъ соціальнымъ и экономическимъ условіямъ, выработывающимся на «дальнемъ западѣ». Въ штатахъ восточныхъ формы эти постоянно сглаживаются и принимаютъ характеръ болѣе похожій на европейскій. Самое понятіе *дальняго запада* (the far West) въ глазахъ американца вовсе не связано съ какой-нибудь опредѣленной частью страны; онъ обозначаетъ этимъ словомъ мѣстности, гдѣ въ данное время существуютъ эти соціальныя и экономическія условія и развиваются эти, чисто американскія, формы жизни и сельскаго хозяйства. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ о теперешнихъ центральныхъ штатахъ Иллинойсѣ, Огайо и Индіанѣ говорили какъ о far West, въ началѣ этого столѣтія въ западныхъ графствахъ нью-іоркскаго штата преобладали тѣ же формы сельскаго хозяйства, какія мы теперь встрѣчаемъ въ Канзасѣ, Небраскѣ и Колорадо. Можно, не рискуя ошибиться, предсказать, что чрезъ 50 лѣтъ эти формы передвинутся дальше на западъ, въ Аризону, Войомингъ и Дакоту. Вотъ почему, говоря объ американскомъ земледѣліи и фермерской жизни, необходимо строго разграничить постоянныя, болѣе или менѣе, формы, господствующія въ восточныхъ штатахъ, отъ формъ, которыя существуютъ на «дальнемъ западѣ», какъ самобытное культурное теченіе, постепенно подвигающееся все дальше къ берегамъ Тихаго океана.

Всѣ центральные и почти всѣ восточные штаты уже пережили болѣе или менѣе эту переходную культуру съ ея самобытными формами сельскаго хозяйства и сельской жизни; всѣмъ западнымъ штатамъ и территоріямъ несомнѣнно предстоитъ пережить ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Но нигдѣ культура эта не прошла и не пройдетъ безслѣдно; вездѣ кладетъ она на страну и людей извѣстный отпечатокъ, который остается надолго, можетъ быть, на цѣлые вѣка, и, между прочими факторами, до извѣстной степени опредѣляетъ общественную и культурно-историческую физіономію страны.

Вотъ почему эти переходныя формы сельскаго хозяйства и

фермерской жизни въ западныхъ штатахъ должны, мнѣ кажется, возбуждать особенный интересъ.

Западные штаты и территоріи Америки до первыхъ склоновъ Скалистыхъ горъ представляютъ собою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, одну изъ громаднѣйшихъ и богатѣйшихъ хлѣбородныхъ полосъ земного шара. Долины Миссисипи и притоковъ ея большей частью покрыты глубокимъ слоемъ богатаго наносснаго чернозема, который иногда достигаетъ баснословной глубины въ 10—15 футовъ. Внѣ этихъ долинъ лежатъ высокія, большей частью плоскія преріи, тоже покрытыя толстымъ слоемъ чернозема, образовавшимся изъ накопившихся въ теченіи десятковъ столѣтій и разложившихся остатковъ степной травы. Климатъ, не смотря на рѣзкія континентальныя свойства его, въ большей части мѣстностей также благопріятствуетъ развитію земледѣлія. Европеецъ, попавшій въ эти благословенныя природою мѣста, невольно поражается удивленіемъ при видѣ огромныхъ урожаевъ пшеницы и кукурузы, урожаевъ, получаемыхъ при затратѣ труда, несомнѣнно меньшей, чѣмъ въ Европѣ, и при системѣ земледѣлія, которая, повидимому, должна была бы въ короткое время окончательно истощить какую угодно богатую почву. Но американскій фермеръ посмѣивается надъ опасеніями «зеленыхъ» [1]), и продолжаетъ собирать баснословные урожаи.

При этихъ благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ въ западной Америкѣ развилось и продолжаетъ развиваться мелкое фермерство, составляющее (за исключеніемъ Калифорніи) преобладающую форму землевладѣнія во всѣхъ западныхъ штатахъ.

Земли, входящія въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, или добыты отъ индѣйцевъ на основаніи добровольной уступки этихъ земель со стороны индѣйцевъ союзному правительству, или же были отвоеваны у индѣйцевъ бѣлыми поселенцами и союзными войсками. Въ первомъ случаѣ уступка была безвозмездна только въ первоначальную эпоху исторіи Соединенныхъ Штатовъ; въ послѣднее время уступка дѣлалась въ обмѣнъ за денежное вознагражденіе или другія земли. Какъ бы то ни было, земли поступаютъ въ собственность или извѣстнаго штата или союзнаго правительства. Изъ общей массы земли, часть поступаетъ въ вѣдѣніе школьнаго управленія каждаго штата; это—такъ-называемыя, *школьныя земли* (school lands), изъ постепенной продажи которыхъ образовывается фондъ, служащій для устройства и даль-

---

[1]) Такъ въ Америкѣ называютъ новичковъ.

нѣйшаго содержанія школъ штата. Другая часть земли можетъ быть подарена или уступлена на весьма выгодныхъ условіяхъ разнымъ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ [1]) (railroad-lands) и другимъ промышленнымъ обществамъ въ видѣ вознагражденія за затраты, сдѣланныя при постройкѣ желѣзной дороги или учрежденіи промышленнаго предпріятія. Школьныя управленія и желѣзно-дорожныя компаніи дѣлаются собственниками земель, но продавать ихъ частнымъ владѣльцамъ они могутъ не иначе, какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ, условій, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Остающаяся масса земли считается собственностью штата, или, если земля лежитъ въ территоріи (такъ называются малонаселенныя провинціи, еще не получившія организаціи штата и стоящія въ большей зависимости отъ союзнаго правительства), — то собственностью всего союза (State lands и United States lands). Послѣднія двѣ категоріи земель передаются въ руки частныхъ владѣльцевъ двоякимъ способомъ. Одинъ способъ заключается въ даровой отдачѣ земли частному владѣльцу (homestead grant) съ единственнымъ условіемъ, чтобы владѣлецъ по прошествіи извѣстнаго срока построилъ на своемъ участкѣ домъ и распахалъ извѣстную часть своей земли. Этотъ способъ передачи земель въ руки частныхъ владѣльцевъ преимущественно распространенъ въ отдаленныхъ, малонаселенныхъ мѣстностяхъ и служитъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ колонизаціи этихъ мѣстностей. Второй способъ передачи земельныхъ участковъ, это—продажа ихъ въ частныя руки по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, которая для союзныхъ земель равна $1^1/_4$ доллара за акръ, а для земель штатовъ мѣняется, смотря по мѣстнымъ условіямъ, между $1^1/_4$ и 3 долл. за акръ (т.-е. считая долларъ равнымъ по теперешнему курсу 2 рублямъ, а 1 акръ 0,36 десятинъ, получимъ покупную цѣну въ 6 р. 75 к.—16 р. 20 к. за десятину). Цѣна большей части школьныхъ и желѣзно-дорожныхъ земель тоже варьируетъ между $1^1/_4$ и 5 долл. за акръ. Какъ при безплат-

[1]) Раздача земель желѣзно-дорожнымъ компаніямъ повела къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и создала громадную плутократическую силу,—эти многочисленные railroad-rings (желѣзно-дорожные кружки), которые въ настоящее время держатъ мелкаго фермера въ желѣзныхъ клещахъ. Эта раздача земель въ нѣкоторыхъ штатахъ достигла громадныхъ размѣровъ. Такъ напр. союзная тихо-океанская желѣзная дорога (Union Pacific railroad) получила полосу, шириною въ 5 англ. миль по обѣ стороны полотна; Burlington, Quiney & Chicago railroad (желѣзная дорога, соединяющая Чикаго съ Омага—главнымъ городомъ Небраски) владѣетъ въ штатахъ Иллинойсѣ и Айовѣ полосой чрезвычайно плодородной земли, шириною въ двѣ англійскихъ мили по каждую сторону полотна.

ной передачѣ, такъ и при продажѣ земель всѣхъ четырехъ категорій, законъ требуетъ соблюденія одного условія—ограниченія количества земли, переходящей въ руки одного владѣльца. Въ большей части штатовъ и территорій участокъ, первоначально переходящій въ руки одного владѣльца, не долженъ превышать ¼ секціи или 160 акровъ [1]). Для нѣкоторыхъ мѣстностей максимумъ этотъ удвоивается.

Въ этихъ предупредительныхъ мѣрахъ союзнаго законодательства несомнѣнно видно стремленіе противодѣйствовать развитію крупнаго землевладѣнія и вообще построить все землевладѣніе страны на началахъ мелкаго фермерства. Такіе факты, какъ раздача огромныхъ участковъ земли желѣзно-дорожнымъ и другимъ крупнымъ промышленнымъ компаніямъ, составляютъ нарушеніе общей государственной системы, обусловленное тѣмъ духомъ спекуляціи и общимъ разложеніемъ, которое въ теченіи уже немалаго количества лѣтъ господствуетъ въ законодательномъ механизмѣ Соединенныхъ Штатовъ. Ошибка эта столь важная, что и теперь уже она даетъ себя чувствовать весьма сильно, а впослѣдствіи вѣроятно тѣмъ болѣе.

Но союзное законодательство, признавая въ принципѣ необходимость мелкаго фермерскаго землевладѣнія и сдѣлавши поэтому описанныя ограниченія въ способѣ перехода казенной земли въ частныя руки, считаетъ свою роль по этому вопросу оконченной. Дальнѣйшія ограниченія права перепродажи земли въ частныя руки, хотя бы и крупныхъ владѣльцевъ, было-бы нарушеніемъ личной свободы, несогласнымъ съ духомъ американскаго законодательства вообще. Поэтому всякій, пріобрѣвшій право на участокъ земли, уже воленъ перепродавать его кому ему вздумается безъ всякихъ ограниченій. Такимъ-то образомъ въ старыхъ (т.-е. въ восточныхъ и центральныхъ) штатахъ понемногу начинаетъ образовываться крупное землевладѣніе и неразрывная съ нимъ поземельная аристократія—явленіе столь несогласное съ воззрѣніями и надеждами первыхъ отцовъ республики.

Но въ западныхъ штатахъ крупная поземельная собственность встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія; общее же пра-

---

[1]) Всѣ Соединенные Штаты размежеваны по линіямъ меридіановъ и параллелей на квадратные участки, называемые секціями (sections). Поверхность каждаго участка равна 1 квадратной (англійской) милѣ, или 640 акрамъ. Такой способъ правильнаго межеванія съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ значительно упрощаетъ повѣрку межей и уменьшаетъ возможность споровъ между сосѣдями, тѣмъ болѣе, что секціи должны быть отдѣлены одна отъ другой дорогами извѣстной ширины.

вило,—мелкое фермерское землевладѣніе, съ участками, варьирующими между 80 и 320 акрами, а чаще всего съ участками въ 1/4 секціи или 160 акровъ.

II.

Первые поселенцы, являющіеся въ новую мѣстность, представляютъ намъ тотъ типъ американскихъ піонеровъ или backwoodsman'овъ [1]), который былъ такъ поэтически, можетъ быть, даже черезчуръ поэтически, описанъ многочисленными романистами и путешественниками, начиная съ Фенимора Купера и Габріэля Ферри и кончая нашими соотечественниками, Циммерманомъ и Владиміровымъ. Къ сожалѣнію, въ большей части этихъ описаній американскій backwoodsman до невозможности идеализированъ и пріукрашенъ; онъ въ нихъ столько же похожъ на дѣйствительнаго піонера, сколько мужички юношескихъ романовъ Григоровича похожи на настоящихъ обитателей деревни, или сколько сантиментальные miner'ы Бретъ-Гарта похожи на дѣйствительныхъ калифорнскихъ рудокоповъ. По самымъ условіямъ, въ которыхъ приходится стоять піонеру въ новой странѣ, ему дѣйствительно необходимо обладать особенными качествами, которыми средній европейскій земледѣлецъ вообще не обладаетъ. Піонеръ поселяется въ дикой странѣ, на разстояніи многихъ десятковъ миль отъ человѣческаго жилья, по сосѣдству съ индѣйцами, иногда воинственными, а чаще всего просто вороватыми. Одинъ или вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами поселяется предпріимчивый янки въ этой глуши, и на его долю выпадаетъ задача превратить эти дѣвственные лѣса или первобытныя степи въ болѣе или менѣе культурную страну. Прибавимъ къ этому еще то, что вслѣдствіе врожденнаго американцу стремленія къ личной свободѣ, а можетъ быть и какихъ-нибудь другихъ причинъ, американецъ не селится деревнями, а строитъ свои дома особнякомъ, каждый фермеръ на своемъ участкѣ. Эту привычку сохраняютъ и піонеры, несмотря на несомнѣнную выгоду, которая могла бы для нихъ представлять жизнь селеніями.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ піонеру необходимо быть вооруженнымъ не малой долей смѣлости, предпріимчивости и выносливости; американецъ обладаетъ всѣми этими качествами, и на необозримыхъ преріяхъ запада онъ находитъ обширное

[1]) Backwoodsman—житель лѣсныхъ окраинъ.

поле для примѣненія ихъ. На отдаленныхъ окраинахъ не трудно встрѣтить типъ піонера, подвигающагося все дальше на западъ; по мѣрѣ того, какъ край населяется, онъ принужденъ на каждомъ новомъ мѣстѣ снова переносить всѣ трудности и лишенія піонерской жизни, но, повидимому, вполнѣ доволенъ и даже гордится своей трудной миссіей! Я познакомился въ вагонѣ желѣзной дороги съ однимъ шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ, владѣтелемъ лѣсного участка въ Колорадо. Это уже 16-я ферма, которою онъ послѣдовательно владѣетъ въ теченіи 35 лѣтъ. «Я, сэръ, былъ первымъ поселенцемъ канзасскаго штата,—съ гордостью разсказывалъ онъ,—и однимъ изъ первыхъ фермеровъ Айовы и Небраски. Я люблю первобытную страну и не промѣнялъ бы этой дикой преріи на лучшій домъ въ Омагѣ. Я не люблю желѣзныхъ дорогъ»... На мое замѣчаніе, что вѣдь желѣзная дорога возитъ его пшеницу и скотъ, онъ съ улыбкой отвѣтилъ: «Конечно, я признаю ея пользу, но не люблю жить по сосѣдству съ ней: желѣзная дорога убиваетъ прерію». Но этотъ, повидимому, одичавшій человѣкъ оказался чрезвычайно ловкимъ «дѣльцомъ» [1]), отчаяннымъ спекулянтомъ, нѣсколько разъ наживавшимъ большія состоянія и терявшимъ ихъ въ неудачныхъ затѣяхъ.

Этотъ типъ выработался въ особенно рѣзкой формѣ на американской почвѣ, благодаря непосѣдству, неспособности привязываться къ одному мѣсту, къ родинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, страсти къ перемѣнамъ и наживѣ,—составляющимъ отличительныя свойства американцевъ.

Но люди этого типа, проводящіе всю свою жизнь въ тяжелой борьбѣ съ первобытной природой и находящіе въ этой жизни удовлетвореніе своимъ потребностямъ, составляютъ далеко не большинство населенія новой части страны; они составляютъ лучшую и солиднѣйшую часть. Большинство же состоитъ изъ неудачниковъ всякаго рода,—обанкрутившихся купцовъ, разорившихся фермеровъ изъ восточныхъ штатовъ, городскихъ рабочихъ, оставшихся безъ работы, докторовъ и адвокатовъ безъ кліентовъ, и религіозныхъ проповѣдниковъ всевозможныхъ исповѣданій и сектъ, лишившихся своей паствы. Къ этой массѣ неудавшихся людей нужно прибавить и болѣе или менѣе значительный процентъ всякихъ темныхъ личностей, не любящихъ распространяться о своей прошлой жизни или же разсказывающихъ о ней всевозможныя небылицы; это—скрывшіеся отъ пре-

[1]) Business-man—дѣлецъ, обдѣлыватель „гешефтовъ".

слѣдованія преступники или бѣглые арестанты,—вообще народъ, находящійся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ уставомъ уголовнаго судопроизводства и совершенно вѣрно разсчитывающій скрыть свои слѣды въ отдаленной и малонаселенной мѣстности, гдѣ органъ правосудія слишкомъ слабъ, чтобы накрыть его.

Изъ подобнаго сброда и составляется піонерское населеніе новой мѣстности. Большинство этихъ людей ѣдетъ на западъ, привлеченное выгодными условіями, на которыхъ можно пріобрѣтать поземельную собственность. Американецъ вообще чрезвычайно легко мѣняетъ ремесло и профессію. Доведенная до крайнихъ предѣловъ способность его къ самодѣятельности производитъ то, что онъ не гнушается и не страшится никакой работы, и съ большей легкостью и увѣренностью мѣняетъ свою профессію, чѣмъ нашъ братъ мѣняетъ квартиру. Я зналъ въ южной Айовѣ одного доктора, который послѣдовательно былъ батракомъ на фермѣ, акробатомъ въ странствующемъ циркѣ, затѣмъ докторомъ и, наконецъ, маклеромъ для продажи и залога фермъ; теперь ему всего 40 лѣтъ съ небольшимъ; онъ владѣетъ великолѣпной фермой и очень успѣшно управляетъ ею. Подобные случаи никакъ не исключеніе, а скорѣе общее правило. Можно безъ преувеличенія сказать, что трудно встрѣтить на западѣ человѣка, который во всю свою жизнь не мѣнялъ бы рода занятій. Фактъ въ родѣ того, что Гарфильдъ былъ погонщикомъ муловъ, Линкольнъ—сапожникомъ, а Джонсонъ—портнымъ, факты, приводящіе европейца въ изумленіе и заставляющіе европейскихъ журналистовъ проливать слезы умиленія надъ превосходствомъ американскаго общественнаго строя,—въ Америкѣ никого не удивляютъ. Сапожное или столярное ремесло такое же trade, какъ депутатство въ конгрессѣ или президентство, но только послѣднее ремесло неизмѣримо выгоднѣе (или, какъ янки говорятъ, it pays better—лучше оплачивается).

Я нѣсколько уклонился въ сторону, для того чтобы читателю стало вполнѣ ясно, какимъ образомъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ можетъ составиться первоначальное земледѣльческое населеніе.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что поселеніе, составленное изъ такого разношерстнаго люда, имѣетъ сильно выраженный характеръ кочевья. Болѣе осѣдлые люди остаются на своихъ claim'ахъ [1]) и обрабатываютъ ихъ; люди съ менѣе осѣд-

[1]) Claim—называется участокъ земли, который піонеръ получилъ во владѣніе, или на который онъ имѣетъ притязанія.

дими наклонностями, или менѣе трудолюбивые строять на своемъ участкѣ срубъ изъ бревенъ, а иногда такъ просто кладутъ на землю четыре бревна въ видѣ четыреугольника (этимъ они исполняютъ букву закона, требующаго, чтобъ поселенецъ въ первые полгода выстроилъ на своемъ участкѣ домъ), оставляютъ свою землю необработанной, или отдаютъ ее въ аренду, а сами перебираются въ новоиспеченный городъ, гдѣ они могутъ въ большемъ масштабѣ удовлетворять своимъ наклонностямъ къ аферѣ. Города эти, иногда состоящіе изъ трехъ-четырехъ домиковъ, строятся по предварительно сдѣланному грандіозному плану и всегда въ разсчетѣ, что лѣтъ черезъ 5—10 это будетъ городъ съ 100,000 населеніемъ. Легко себѣ представить, до чего въ первое время доходитъ азартность въ захватываніи городскихъ lot'овъ (lot—участокъ земли, предназначенной для городскихъ домовъ). Иногда дѣйствительно разсчетъ на быстрый ростъ города оказывается вѣрнымъ, но въ большей части случаевъ города эти такъ и остаются недоносками, изъ грандіозно задуманнаго города остаются двѣ-три лавки, saloon (кабакъ), школьный домъ, да еще нѣсколько жилыхъ домовъ; остальные lot'ы превращаются въ пустыри или въ огороды, а опустѣвшіе дома отдаются въ наемъ окрестнымъ фермерамъ подъ амбары для кукурузы или пшеницы.

Возвратимся къ нашимъ поселенцамъ. Мы уже видѣли, что у большей части ихъ мотивомъ къ поселенію служитъ никакъ не намѣреніе осѣсть и основательно заняться земледѣліемъ, но главнымъ образомъ то обстоятельство, что представляется возможность даромъ или по весьма низкой цѣнѣ пріобрѣсть поземельную собственность. Нечего объяснять, что главная цѣль ихъ—перепродать эту землю впослѣдствіи вновьпришедшимъ поселенцамъ, которые найдутъ лучшіе участки въ мѣстности уже захваченными. При подобныхъ цѣляхъ, у первыхъ поселенцевъ или, какъ ихъ называютъ, сквоттеровъ (squatter) вполнѣ естественно должно было выработаться чрезвычайно небрежное отношеніе къ землѣ и ко всему хозяйству. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, сквоттеру предпринимать какія нибудь улучшенія на своемъ участкѣ, строить порядочный домъ, ставить заборъ, беречь лѣсъ и т. п., когда онъ увѣренъ, что останется на этой землѣ годъ-другой, когда онъ только о томъ и помышляетъ, какъ бы сбыть ее подороже и, нагрузивъ на телѣгу свои немногочисленные пожитки, двинуться дальше на западъ, чтобъ захватить новый участокъ.

И дѣйствительно, трудно выдумать форму сельскаго хозяйства безпечнѣе и безалабернѣе той, которая господствуетъ въ большей части піонерскихъ поселеній. Небольшой кусокъ распа-

ханной земли недалеко отъ сквоттерскаго дома составляетъ всю его пашню. Она огорожена заборомъ изъ лежащихъ одна на другой жердей, ничѣмъ не скрѣпленныхъ. Заборы эти валятся отъ вѣтра и разрушаются пасущимся на преріи скотомъ; но сквоттеръ находитъ болѣе удобнымъ держать нѣсколько собакъ, пріученныхъ къ тому, чтобъ выгонять скотъ съ пашни и ежедневно воевать съ врывающимися стадами, чѣмъ построить крѣпкіе заборы.

Съ лѣсомъ сквоттеръ обращается дѣйствительно безбожно. Въ степныхъ и гористыхъ мѣстностяхъ Канзаса, Небраски и Колорадо лѣсъ растетъ только вдоль береговъ рѣкъ и ручьевъ. Піонеръ первымъ дѣломъ вырубитъ всѣ прямыя деревья и изъ нихъ наколетъ жердей для заборовъ, изъ молодого лѣса нарубитъ бревенъ для избы и конюшни, а затѣмъ остальное истребитъ на топливо; иногда даже везетъ дрова въ городъ на продажу. Случается, что въ два-три года отъ порядочной рощицы остаются одни только голые, гніющіе пни, и тогда сквоттеръ зимой въ 15—20 градусный морозъ (такіе морозы, да еще съ вѣтромъ, вовсе не рѣдкость въ Небраскѣ) отапливаетъ свой домъ drift-wood'омъ [1]), а то и просто кукурузными стеблями или пшеничной соломой. «Это ничего,—успокоивалъ меня одинъ знакомый сквоттеръ:—изъ Омаги недавно привезли новыя патентованныя чугунныя печки: онѣ спеціально предназначены для топки соломой и превосходно держатъ тепло». И такое «лѣсоводство» господствуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ изобиленъ мягкій песчаникъ, удобный для всякаго рода построекъ, и гдѣ каменный уголь лежитъ чуть не на поверхности земли!

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ съ лѣсомъ обращаются еще съ большей безцеремонностью. По дорогѣ отъ Мильвоки до Гринъ-Бея (въ штатѣ Висконсинѣ) вы въ теченіи восьми-часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ почти не видите другой картины, кромѣ громадныхъ полей, усѣянныхъ невыкорчеванными голыми пнями деревьевъ. Я спросилъ одного изъ жителей Гринъ-Бея, каковы дѣла. «Да что,—отвѣтилъ онъ,—не особенно блестящи. Четыре года тому назадъ здѣсь работали 70 пильныхъ мельницъ, а теперь остались всего на всего 5, да и тѣ идутъ весьма плохо. Весь лѣсъ вырубили и теперь всѣ мельницы передвинулись дальше на сѣверъ, въ Stephens-Point (въ штатѣ Мичиганъ). Здѣшнія мѣста совсѣмъ пустѣютъ: ни лѣсу, ни пашни нѣтъ, такъ какъ корчевка обходится слишкомъ дорого. Вотъ лѣтъ черезъ

[1]) Сырыя, полусгнившія дрова, пригоняемыя рѣкой во время половодья.

10—15 они сами собою сгніютъ и тогда земля опять поднимется въ цѣнѣ». Мнѣ разсказывалъ одинъ старый фермеръ, жившій 30 лѣтъ тому назадъ въ лѣсистой части штата Огайо, слѣдующій фактъ, которому я бы не повѣрилъ, еслибы не встрѣчалъ аналогичныхъ фактовъ въ другихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. «Вотъ-то весело было намъ, молодымъ людямъ, когда очищали для пашни землю изъ-подъ лѣса. Свалимъ деревья, свеземъ ихъ въ большія груды и запалимъ. Деревья громадныя, все дубы, орѣхи, hackbery, да шелковичныя; иной разъ приходилось запречь 5 паръ воловъ, чтобы сдвинуть дерево съ мѣста. И горятъ себѣ эти груды иной разъ дня 4—5. Да, забавлялись мы таки въ молодости!»—А какъ же вы корчевали такіе огромные пни?—«Да мы и не думали корчевать: пни просто обходили плугомъ, а черезъ 15-20 лѣтъ они сами собой сгнили и теперь тамъ поле такое же ровное, какъ вотъ эта прерія. Не узнаете теперь этихъ мѣстъ». И дѣйствительно нельзя узнать ихъ. Въ той самой части штата Огайо, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ молодые люди такъ добродушно забавлялись, правительство штата назначило теперь премію за искуственное разведеніе лѣсовъ: за каждый акръ насаженнаго и принявшагося лѣса сбавляется фермеру поземельный налогъ, приходящійся на 5 акровъ пахотной земли.

Домъ сквоттера представляетъ одну изъ самыхъ первобытныхъ формъ человѣческаго жилья и съ гигіенической точки зрѣнія немногимъ лучше шалаша индѣйца. Въ большей части случаевъ это—бревенчатая изба (log-cabin), грубо сложенная изъ бревенъ, не только неотесанныхъ, но съ которыхъ даже кора не снята. Бревна кладутъ одно на другое, не вырубая гнѣздъ, такъ что между ними остаются промежутки почти такой же ширины, какъ и самыя бревна. Промежутки эти кое-какъ закладываютъ кусками дерева и дощечками, и замазываютъ известкой. Все это сдѣлано чрезвычайно небрежно, на скорую руку, такъ что известка начинаетъ вываливаться и щели вновь замазываются глиной или просто землею. Печей настоящихъ не ставятъ, а отапливаютъ или при помощи грубо сложенныхъ каминовъ или же чугунныхъ печей, которыя въ то же время служатъ кухонными печами. Въ домахъ устроиваютъ обыкновенно двѣ двери: одна выходитъ на сѣверъ, другая на югъ. Лѣтомъ обѣ двери открыты настежъ, зимою сѣверная дверь запирается, но тѣмъ не менѣе въ log-cabin достаточное количество щелей, чтобы въ ней былъ постоянный сквознякъ и стояла та же температура, какъ и на дворѣ. Американецъ, попадая въ такія условія, повидимому, теряетъ свое характерное національное свойство—любовь къ ком-

форту и умѣнье вездѣ устроивать себѣ этотъ комфортъ. Разъ зимою, въ ненастную погоду, мнѣ случилось переночевать въ избѣ у такого сквоттера и, за неимѣніемъ лучшаго ложа, мнѣ пришлось расположиться на полу. Я замѣтилъ въ стѣнѣ недалеко отъ своего изголовья пропиленную въ бревнѣ четыреугольную дыру, изъ которой всю ночь дулъ вѣтеръ и заливалъ дождь. На мой вопросъ о назначеніи этой дыры хозяинъ спокойно отвѣтилъ: «А, это я сдѣлалъ нарочно, чтобы не надо было вставать ночью впускать и выпускать кошку». Въ этой берлогѣ жилъ онъ съ женой и четырьмя маленькими дѣтьми.

Встрѣчаются сквоттерскія жилища еще болѣе примитивной формы: выроетъ въ откосѣ горы (обыкновенно съ южной стороны откоса) четыреугольную яму, заберетъ переднюю часть досками, покроетъ дранками, поставитъ чугунную печурку и домъ готовъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ недалеко есть пильная мельница, встрѣчаются досчатые дома, сколоченные изъ вертикально поставленныхъ досокъ. Но и такой домъ (box-house) немногимъ лучше log-cabin: онъ обыкновенно строится изъ невысохшихъ досокъ, которыя въ одно лѣто успѣютъ перекоробиться и дать щели, чрезъ которыя можно просунуть руку.

Пища сквоттера такъ же бѣдна и груба, какъ и его жилище. Онъ почти исключительно питается кукурузой въ видѣ лепешекъ и каши на свиномъ салѣ и въ весьма ограниченномъ количествѣ свининой. Маленькіе хлѣбцы изъ пшеничной муки (jams) появляются на его столѣ далеко не каждый день. Иногда, въ видѣ особенной роскоши, появляется патока изъ соргума (sorghum—родъ сахарнаго тростника); чай и кофе онъ пьетъ безъ сахару, чаще же всего обходится безъ нихъ совсѣмъ.

Колодцы встрѣчаются далеко не у каждаго сквоттера. Тѣ изъ сквоттеровъ, участки которыхъ находятся близъ рѣкъ или ручьевъ, употребляютъ для питья рѣчную воду. Но на высокой гладкой преріи весьма трудно найти удобную для питья воду на сравнительно небольшой глубинѣ; поэтому многіе сквоттеры вовсе не роютъ колодцевъ, а обходятся такъ называемыми цистернами. Это неглубокія четыреугольныя ямы, вырытыя недалеко отъ дома и выложенныя камнемъ; въ такую яму собираютъ дождевую воду и эту воду, въ которой зачастую кишатъ миріады насѣкомыхъ, употребляютъ для питья.

Если сквоттеръ такъ мало заботится о своемъ собственномъ жилищѣ и комфортѣ, то само собою разумѣется, что онъ еще меньше заботится о помѣщеніи для своего скота. Крытое помѣ-

щеніе имѣютъ только лошади; оно большей частью состоитъ изъ каменной стѣнки, въ которой съ южной стороны придѣланъ навѣсъ, крытый сѣномъ. Иногда каменная стѣнка замѣняется двумя рядами кольевъ, между которыми плотно набиваютъ сѣно. Коровы и рабочіе волы на ночь загоняются въ открытыя загородки (corral); нѣкоторые сквоттеры ставятъ вдоль сѣверной стороны загородки стогъ сѣна, въ который скотъ зимою въѣдается; съ одной стороны стогъ защищаетъ скотъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, съ другой же избавляетъ хозяина отъ необходимости задавать скоту кормъ. Днемъ скотъ свободно пасется на преріи. Многіе сквоттеры даже на ночь не загоняютъ скота. Конюшня для лошадей или муловъ не вымощена, такъ что въ дождливую погоду отъ воды и накопившагося навоза здѣсь бываетъ топкое болото, гдѣ лошадямъ приходится простаивать ночь.

Сквоттеръ все время питаетъ надежду на то, что прибудутъ новые поселенцы, цѣны на землю поднимутся, и ему удастся спустить свой участокъ. Изъ этого одного уже слѣдуетъ, что ему заниматься земледѣліемъ не за чѣмъ. Ему бы лишь пробиться годъ-другой, а пробиться гораздо легче и пріятнѣе, занимаясь извозомъ или какимъ-нибудь ремесломъ въ городѣ, чѣмъ работая на своей пашнѣ. Поэтому онъ вовсе не занимается земледѣліемъ, если ему удастся пристроиться въ городѣ; если же не удастся, онъ дѣлаетъ запашку какъ можно меньше, лишь бы собрать достаточно кукурузы, чтобы прокормить себя да скотъ. Поле его имѣетъ до невѣроятности запущенный видъ. Сорныя травы душатъ всѣ его посѣвы, и только благодаря чрезвычайному плодородію земли ему удается собрать достаточно кукурузы для прокормленія. А если кукурузы и не хватитъ, онъ тоже не горюетъ: пойдетъ къ болѣе предусмотрительному сосѣду и будетъ работать на него нѣсколько времени, изъ-полу или изъ трети сбора, —такія работы довольно легко найти въ новой мѣстности, гдѣ наемныхъ работниковъ почти нѣтъ,—или заработаетъ нѣсколько на извозѣ. Въ крайнемъ случаѣ можно и часть скота продать: весь вопросъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь пробиться, пока покупатель не пріѣдетъ, а до того времени можно обойтись и одной коровой. Да къ тому онѣ зимой все равно молока не даютъ.

Несмотря на обиліе травы, растущей вокругъ на свободной, неогороженной преріи, сквоттеръ дѣлаетъ какъ можно меньшій запасъ сѣна. Косой работать онъ не любитъ, а косилокъ въ подобныхъ поселеніяхъ весьма мало, или даже вовсе нѣтъ. Впрочемъ, случается иногда, что какой-нибудь піонеръ, изъ болѣе солидныхъ, привозитъ косилку и коситъ на другихъ. Въ такихъ

мѣстностяхъ работа этого рода оплачивается весьма хорошо. За поденную работу владѣтель косилки получаетъ 2 — 3 долларовъ въ день, конечно, не деньгами, а работой или разными продуктами, какъ-то кукурузой, пшеницей, скотомъ и т. под.

Поздней осенью, а то и въ безснѣжныя зимы, всю нескошенную траву выжигаютъ. Фермеръ убѣжденъ, что отъ этого лучше трава ростетъ. Обычай этотъ имѣетъ часто весьма гибельныя послѣдствія: загораются дома, строенія, стога, или же огонь бросается въ лѣсъ и истребляетъ молодыя деревья, которыя, обгорѣвши, ростутъ весьма вяло и дуплятся. Но этотъ обычай настолько вкоренился въ западномъ фермерѣ, что никакіе штрафы и приговоры не помогаютъ. Каждую зиму зажигаютъ прерію и каждую зиму можно слышать о многочисленныхъ пожарахъ и несчастіяхъ, происшедшихъ отъ этихъ prairie-fires.

III.

Большинство сквоттеровъ — страстные охотники. Охота не можетъ приносить ему сколько-нибудь значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ въ подобныхъ мѣстностяхъ дичь обыкновенно въ большомъ изобиліи и цѣны на нее крайне низкія; но это занятіе служитъ для него пріятнымъ препровожденіемъ времени и онъ пристращается къ ней, какъ пьяница къ водкѣ. На цѣлые дни онъ уходитъ на охоту за куропатками, зайцами, маленькими оленями, иногда предпринимаетъ охоту на буйвола, и тогда отлучается на нѣсколько дней.

Но кромѣ охоты у сквоттера есть масса другихъ способовъ, чтобы сократить томительное время ожиданія покупателя. Одно изъ самыхъ пріятныхъ и наиболѣе распространенныхъ времяпровожденій, — это ѣзда въ городъ. Изъ-за всякой мелочи онъ запрягаетъ или сѣдлаетъ лошадь и торжественно отправляется to town (въ городъ). Прибывши въ городъ и сдѣлавши свое дѣло, часто совсѣмъ пустое, онъ не преминетъ обойти лавки, мастерскія и, если онъ не temperance man (членъ общества трезвости), что между сквоттерами встрѣчается сравнительно рѣдко, то и всѣ saloon'ы. Въ каждомъ изъ этихъ заведеній онъ проводитъ по цѣлымъ часамъ, благодушно пожевывая табакъ и разсуждая о политикѣ, о погодѣ, о видахъ на урожай, на проведеніе желѣзной дороги, на появленіе новыхъ покупателей на землю,—чаще же всего просто сплетничаетъ и въ этомъ пустословіи проводитъ цѣлые дни.

Другое излюбленное удовольствіе сквоттера, это такъ-называемое swapping (отъ глагола to swap—мѣнять).

Въ такихъ первобытныхъ поселеніяхъ наличныхъ денегъ весьма мало въ обращеніи и вся мѣстная торговля — мѣновая. Даже серьёзная торговля въ лавкахъ производится въ обмѣнъ сельскихъ продуктовъ на разные товары. Этотъ способъ торговли, замѣтимъ кстати, столь же разорительный для фермера, сколько выгодный для купца, такъ распространенъ въ небольшихъ западныхъ городкахъ, что на фермера посмотрятъ съ удивленіемъ, если онъ вздумаетъ попросить денегъ въ лавкѣ за привезенные для продажи продукты. Наличныя деньги онъ получаетъ только за скотъ отъ скупщиковъ скота, да за пшеницу и кукурузу, доставленную на станцію желѣзной дороги, отъ агентовъ большихъ фирмъ, скупающихъ хлѣбъ. При этого рода мѣновой торговлѣ цѣнность продукта, какъ покупаемаго, такъ и продаваемаго переводится на деньги.

Это — серьёзная торговля (trading), когда фермеръ продаетъ или покупаетъ предметъ, который ему дѣйствительно нужно купить или продать. Конечно, у сквоттера весьма мало продуктовъ, которые онъ можетъ продавать, поэтому размѣры его trading весьма ничтожны. А между тѣмъ «дѣловая» жилка въ немъ такъ сильна, что заставляетъ его искать какой-нибудь суррогатъ торговли. Такимъ суррогатомъ служитъ для него swapping, т.-е обмѣнъ вещи на вещь: онъ производитъ всевозможные обмѣны не столько въ видахъ барыша на промѣнѣ, сколько для удовольствія, которое ему доставляетъ самый процессъ. Къ тому же всѣ эти swappings доставляютъ ему еще одинъ предлогъ лишній разъ съѣздить въ городъ и лишній часъ тамъ просидѣть. Интересно наблюдать, какъ иной сквоттеръ по цѣлымъ днямъ торчитъ въ городѣ, переходитъ изъ кабака въ мелочную лавку, изъ лавки къ кузнецу, отъ кузнеца къ сѣдельнику, и въ каждомъ изъ этихъ заведеній разсаживается и серьёзно углубляется въ таинства swapping. Нерѣдко можно встрѣтить группу въ 5—6 фермеровъ, сидящихъ на корточкахъ у дверей какого-нибудь дома, методически отплевывающихъ табачный сокъ и измышляющихъ разныя комбинаціи для swapping. И какихъ только комбинацій не бываетъ! Мѣняютъ ружье на годовалаго бычка + два дня работы, косилку и пару лошадей на ферму, одну лошадь на другую, стараго вола на два воза кукурузы + чугунную печку, воловье ярмо на сѣнныя вилы и т. д. Иногда swapping превращается въ настоящую азартную игру, въ которой сквоттеръ въ полдня можетъ потерять все свое состояніе.

Семейная и вообще домашняя жизнь сквоттера въ высшей степени сѣра и безрадостна. Большая часть лишеній, съ которыми сопряжена подобная полу-кочевая жизнь, выпадаетъ на долю жены и дѣтей. У завзятаго сквоттера, который часто переселяется на новыя мѣста, дѣти почти вовсе не посѣщаютъ школы, потому что школы являются уже тогда, когда населеніе приняло болѣе осѣдлый характеръ, а до того времени ихъ и вовсе нѣтъ. У такого сквоттера дѣти поэтому обречены или на абсолютную безграмотность, или очень неправильное посѣщеніе школы. Дома ихъ ждетъ крайняя нужда и безалаберное хозяйство. Большая часть семейства ежегодно хвораетъ мѣсяца по два, а то и больше, перемежающейся лихорадкой, которую приписываютъ міазмамъ, образующимся при поднятіи нови. Но болѣе компетентные люди приписываютъ ее плохимъ жилищамъ, дурной водѣ и плохому качеству, или полному отсутствію животной пищи. Какъ бы то ни было, отвратительныя условія жизни несомнѣнно благопріятствуютъ развитію какъ этихъ лихорадокъ, такъ и ревматизмовъ, весьма распространенныхъ въ западной Америкѣ, катарровъ желудка и кишекъ, а вѣроятно и многихъ другихъ болѣзней. Фермеръ до такой степени примиряется съ лихорадкой, что говоритъ: «I have had my chill last night» (вчера ночью у меня былъ *мой* ознобъ) также просто и спокойно, какъ еслибы дѣло шло объ его ужинѣ. Дѣти, конечно, страдаютъ отъ болѣзней еще больше, чѣмъ взрослые. Видъ ихъ чрезвычайно жалкій; блѣдныя, худыя, изможденныя, большей частью оборванныя. Мальчики начинаютъ работать весьма рано. Въ 13 лѣтъ онъ уже исполняетъ почти всѣ работы на фермѣ въ то время, когда отецъ забавляется на охотѣ или пустословитъ въ городѣ.

При подобной жизни и условіяхъ развитія нельзя, конечно, ожидать, чтобы у сквоттера особенно расширился умственный кругозоръ или поднялся уровень нравственнаго развитія. Развивается въ немъ дѣйствительно выносливость, «дѣловая» смѣтка, смѣлость, умѣнье постоять за себя, пожалуй, политическіе инстинкты, но настоящаго расширенія понятій нѣтъ никакого. Всѣ знанія, пріобрѣтаемыя имъ въ жизни и школѣ, узко-практическаго свойства, а во всемъ прочемъ онъ такъ же невѣжественъ, какъ европейскій крестьянинъ. Онъ знаетъ государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ и всѣ тонкости выборной системы, и въ то же время вѣритъ въ духовъ, въ появленіе мертвецовъ, лечится отъ ревматизма и другихъ болѣзней, просиживая по нѣскольку часовъ въ день подъ окномъ, на которое налѣплена синяя

бумага [1]) и т. п. Большая часть западныхъ сквоттеровъ вѣритъ въ колдовство, особенно въ такъ называемыхъ water-witches. Я упомянулъ раньше, что въ безлѣсныхъ преріяхъ, особенно на высокихъ мѣстахъ, отысканіе воды составляетъ весьма важный вопросъ; иной разъ роютъ на глубину 30—40 футовъ, а воды все еще нѣтъ. Сложилось повѣрье, что нѣкоторые люди одарены «магнетическими» свойствами, благодаря которымъ они въ состояніи открыть хорошую воду, находящуюся на небольшой глубинѣ; такого рода «магнетическій» человѣкъ называется water-witch (водяной колдунъ). Способъ открыванія воды слѣдующій. Колдунъ беретъ въ обѣ руки свѣже-срѣзанную развилчатую ивовую вѣтвь, держитъ ее передъ собою горизонтально, основаніемъ отъ себя и такимъ образомъ ходитъ по преріи въ различныхъ направленіяхъ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ мѣсту, гдѣ хорошая вода находится на незначительной глубинѣ, основаніе вѣтви притягивается водою и наклоняется къ землѣ, а когда мѣсто это найдено, то притягательная сила настолько велика, что вѣтвь становится совсѣмъ вертикально, и water-witch не въ состояніи сдвинуть ее съ мѣста; она точно прирастаетъ къ землѣ. Конечно, колдовство исчезаетъ, какъ только до этой вѣтви дотронется постороннее лицо. И подобнаго рода разсказы передаютъ совершенно серьезно люди, которые за минуту передъ тѣмъ съ большой вольностью разсуждали о религіи вообще.

Вспоминается мнѣ другой характерный случай. Въ отдаленной части Канзаса мнѣ случилось пробыть нѣсколько дней у одного фермера средней руки. Это былъ уже не совсѣмъ сквоттеръ, но скорѣе настоящій фермеръ. Между прочимъ зашелъ разговоръ и о мѣстной школѣ; онъ жаловался на плохого учителя и говорилъ, что постарается доставить это мѣсто своему племяннику, недавно пріѣхавшему къ нему откуда-то изъ восточныхъ штатовъ. Затѣмъ онъ сталъ распространяться въ похвалахъ образованности своего племянника. «Знаете ли,—прибавилъ онъ шопотомъ,—онъ даже знаетъ кабалистику. У него есть одна кабалистическая книжка, которая называется Lightning Calculator (молніеносный счислитель); для рѣшенія самой трудной математической задачи, надъ которой обыкновенный человѣкъ прокорпитъ полдня, или для сведенія самыхъ запутанныхъ счетовъ, мой

---

[1]) Впрочемъ, эта вѣра въ цѣлебныя свойства синихъ лучей свѣта и въ тому подобный вздоръ наравнѣ съ спиритизмомъ весьма распространена въ Америкѣ не въ однихъ только западныхъ захолустьяхъ, но и на востокѣ и даже въ большихъ городахъ, гдѣ подобнаго рода суевѣрія эксплуатируются разными шарлатанами—такъ называемыми докторами медицины.

племянника посмотрѣть въ кабалистическую книжку—и въ двѣ секунды рѣшеніе готово! Хотите, покажу вамъ эту книжку». И съ большими предосторожностями хозяинъ вытащилъ и показалъ мнѣ—*краткія таблицы логариѳмовъ*.

Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ сквоттеръ чрезвычайно грубъ. Да и откуда было развиться особенной деликатности у человѣка, проведшаго десятки лѣтъ на окраинахъ цивилизованнаго міра! Въ «дѣловыхъ» вопросахъ онъ можетъ быть хищенъ и безжалостенъ даже къ своимъ ближайшимъ товарищамъ и сосѣдямъ. Во многихъ мѣстностяхъ вырабатывается особенный типъ сквоттера-паразита: это—такъ называемые claim-jumpers (отъ глагола to jump—прыгать, наскакивать). Въ силу закона, всякій фермеръ, владѣющій даровымъ участкомъ, но въ теченіи извѣстнаго срока не построившій дома на своемъ участкѣ или не живущій на немъ и не обработывающій его, теряетъ право на владѣніе имъ. Но, вслѣдствіе бѣдности, болѣзней и другихъ причинъ сквоттеръ часто не въ состояніи исполнить этого требованія закона. Поэтому выработался обычай, по которому первый поселенецъ, облюбовавшій свободный участокъ, записавшій его у мѣстнаго мирового судьи на свое имя и положившій на немъ четыре бревна въ видѣ четыреугольника, считается законнымъ владѣльцемъ участка и никто другой уже не тронетъ его. Claim-jumper, обыкновенно какой-нибудь сквоттеръ, принадлежащій къ самымъ плохимъ элементамъ населенія, является на такой участокъ, завладѣваетъ имъ («прыгаетъ» на него) подъ тѣмъ предлогомъ, что первый владѣлецъ по закону потерялъ право на владѣніе имъ. Общественное мнѣніе не одобряетъ подобныхъ захватовъ, а иногда караетъ ихъ пребольно. Конечно, тутъ о тяжбѣ не можетъ быть рѣчи, во-первыхъ, уже потому, что обиженная сторона съ строго юридической точки зрѣнія не права, а во-вторыхъ, потому, что въ такихъ поселеніяхъ органы правосудія чрезвычайно немногочисленны и примитивны. Единственный представитель судебной власти—мировой судья, выбираемый изъ фермеровъ или жителей городка. Но если судебная власть тутъ слаба, то тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе въ сквоттерскихъ поселеніяхъ американскій самосудъ—такъ называемый судъ Линча. Въ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ полу-кочевыхъ сквоттеровъ, судъ Линча неумолимъ къ похитителямъ участковъ. Мнѣ приходилось слышать и читать о смертныхъ казняхъ, исполненныхъ надъ сквоттерами, относительно которыхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что они—неисправимые jumper'ы. Но даже въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе пріобрѣло болѣе осѣдлый характеръ и гдѣ становится не вполнѣ

безопаснымъ практиковать судъ Линча, названіе jumper считается весьма позорнымъ. Отъ подобнаго человѣка всѣ сторонятся и онъ въ концѣ-концовъ долженъ волей-неволей покинуть мѣстность.

Къ туземнымъ индѣйцамъ сквоттеры относятся чрезвычайно жестоко, а иногда даже звѣрски. Это проявляется особенно сильно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сосѣднія племена индѣйцевъ не приняли еще характера нашихъ бессарабскихъ цыганъ, но болѣе или менѣе сохраняютъ свою независимость и стремленіе отстаивать свои «якобы права». Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ столкновеніяхъ съ «воинственными» племенами піонеры ознаменовали себя большей жестокостью и звѣрствомъ, чѣмъ индѣйцы. Да и самая воинственность индѣйскихъ племенъ, тотъ фактъ, что бывшія мирныя племена вдругъ берутся за ружье и томагаукъ и выступаютъ на путь войны (going on the warpult),—слѣдуетъ приписать скорѣе неслыханнымъ притѣсненіямъ, которымъ эти несчастные дикари подвергаются со стороны носителей цивилизаціи—піонеровъ, чѣмъ какимъ-нибудь, будто врожденнымъ индѣйцу, наклонностямъ къ дракѣ и грабежу.

Исторіи всѣхъ индѣйскихъ восстаній и усмиреній стереотипно похожи одна на другую и во всѣхъ ихъ можно легко видѣть подтвержденіе того, что̀ я говорилъ. Это, по крайней мѣрѣ, абсолютно вѣрно относительно фактовъ этого рода, совершившихся за послѣдніе 20 лѣтъ и совершающихся въ настоящее время. Исторія эта повторяется съ утомительнымъ однообразіемъ.

Живетъ себѣ племя индѣйцевъ на своей преріи, занимая пространство, строго опредѣленное въ формальныхъ трактатахъ, подписанныхъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ съ одной стороны и начальникомъ племенъ — съ другой. На основаніи трактата, этотъ участокъ земли (Indian Reservation) отдается индѣйцамъ въ неотъемлемое владѣніе; изъ бѣлыхъ людей никто не имѣетъ права селиться на этой землѣ и даже для временнаго жительства американецъ долженъ каждые 6 мѣсяцевъ испрашивать разрѣшенія у правительственныхъ агентовъ. Правительство сохраняетъ за собой право построить въ извѣстныхъ мѣстахъ укрѣпленія и содержать въ нихъ войска. Всѣ сношенія индѣйцевъ съ живущими внѣ границы ихъ участка фермерами заключаются въ мѣновой торговлѣ, да и то большей частью незначительной.

Но ненасытная жадность янки высматриваетъ въ предѣлахъ индѣйскаго участка то хорошій лужокъ, то лѣсъ, то долинку, и вотъ онъ мало-по-малу переходитъ черезъ границу, строитъ свой домъ на индѣйской землѣ, рубитъ индѣйскій лѣсъ, коситъ траву

и т. д. За первымъ сквоттеромъ является другой, третій, десятый,—и смотришь, черезъ годъ граница индѣйскаго участка de facto передвинулась мили, на двѣ на три, хотя de jure осталась прежняя граница. Пока сквоттеровъ немного поселилось на ихъ участкѣ, индѣйцы продолжаютъ стоять съ ними въ порядочныхъ отношеніяхъ. Но когда янки повалятъ на ихъ землю цѣлыми десятками, индѣйцы начинаютъ безпокоиться. Они имѣютъ тѣмъ болѣе основанія быть недовольны своими непрошенными сосѣдями, что это сосѣдство тотчасъ же отражается на ихъ матеріальномъ положеніи: фермеры съ своими домами, пашнями, собаками и т. под. аттрибутами культуры загоняютъ дальше внутрь страны стада буйволовъ, составляющія для индѣйцевъ главнѣйшее средство къ жизни. «Бѣлый человѣкъ пугаетъ буйвола», постоянно жалуются они устами своихъ начальниковъ, отправляемыхъ чуть ли не ежегодно въ Вашингтонъ съ жалобами на сквоттеровъ. Союзное правительство, конечно, ничего рѣшительнаго не предпринимаетъ. Индѣйскихъ ходоковъ посылаютъ изъ канцеляріи въ канцелярію; иногда президентъ дастъ имъ аудіенцію, скажетъ имъ многословную рѣчь, поминаетъ великія имена Вильяма Пэни и Вашингтона, надаетъ всевозможныхъ обѣщаній; затѣмъ ихъ приглашаютъ на обѣдъ, водятъ по городу, показываютъ балетъ и отпускаютъ домой. А дома между тѣмъ носитель цивилизаціи, «бѣлый человѣкъ» наступаетъ все нахальнѣе и нахальнѣе. Онъ уже распоряжается въ индѣйской Reservation, какъ у себя дома, раздѣлилъ земли на участки, продаетъ и перепродаетъ ихъ, торгуетъ, «мѣняется», строитъ, охотится, и смѣется надъ нѣжными циркулярами, присылаемыми изъ Вашингтона и призывающими его къ уваженію правъ индѣйцевъ на ихъ Reservation. Количество бѣлыхъ людей быстро увеличивается съ каждымъ мѣсяцемъ, а если еще гдѣ-нибудь на индѣйской землѣ откроютъ какія-нибудь минеральныя богатства (какъ это случилось лѣтъ пять тому назадъ въ Black Hills), то число американцевъ растетъ въ громадной пропорціи и тогда процессъ вытѣсненія краснаго человѣка совершается съ изумительной быстротой. Индѣйцы все терпятъ и ждутъ, что правительство исполнитъ данныя обѣщанія. Но въ большей части случаевъ правительство продолжаетъ благоразумно молчать и бездѣйствовать. Тогда и у индѣйцевъ лопнетъ терпѣніе и они становятся во враждебныя отношенія къ сквоттерамъ. Сквоттеръ съ своей стороны, всегда предполагая, что онъ—носитель цивилизаціи, а индѣецъ—просто «краснокожій песъ», отвѣчаетъ на малѣйшую обиду, мнимую или дѣйствительную, выстрѣломъ изъ ружья. Тогда и индѣецъ начи-

наетъ нападать на сквоттерскія поселенія. Борьба заостряется и увеличивается въ размѣрѣ; сквоттеры организовываются въ военные отряды, врываются въ индѣйскія поселенія и истребляютъ всѣхъ, кто подъ руку попадется. Индѣйцы, конечно, отвѣчаютъ тѣмъ же, и въ одинъ прекрасный день, вы находите въ газетахъ подъ заглавіемъ, напечатаннымъ двухъ-вершковыми буквами, длинныя телеграммы съ извѣщеніемъ о убійствахъ, произведенныхъ «кровожадной ордой краснокожихъ дьяволовъ, среди мирнаго населенія трудолюбивыхъ носителей цивилизаціи». Въ обществѣ и въ печати раздаются громкія требованія о мщеніи; необходимо, молъ, покарать эти преступныя, дикія орды, а то, чего добраго, и вся цивилизація въ опасности. Правительство, до того времени сохранявшее благоразумный нейтралитетъ, посылаетъ войска и, послѣ болѣе или менѣе продолжительной и упорной борьбы, бунтовщики покорены и просятъ о мирѣ. Тогда изъ Вашингтона снова посылаютъ чиновниковъ; пишется новый трактатъ, по которому индѣйцы обязываются уйти со старой границы «въ мѣста болѣе отдаленныя»; трактатъ подписываютъ обѣ стороны съ клятвенными обѣщаніями свято хранить условія его, а чрезъ какой-нибудь годъ-два янки проникаетъ и «въ мѣста болѣе отдаленныя«,—и весь описанный процессъ роста американской территоріи повторяется до мельчайшихъ подробностей. Иногда покоренныя племена переселяются въ переполненную уже десятками племенъ индѣйскую территорію, гдѣ ихъ ожидаетъ общая участь—перемереть съ голоду.

Некрасивая роль, которую при всей этой процедурѣ розыгрываетъ союзное правительство, въ началѣ была чисто вынужденная, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, но въ послѣднее время это поведеніе превратилось въ настоящую систему. Для оправданія этой системы всегда выставляются аргументы въ родѣ того, что все это дѣлается ради успѣховъ цивилизаціи, что индѣйцы—низшая раса и т. п. Очевидно, что тутъ виновата не цивилизація и даже не правительство, а единственно ненасытные хищническіе инстинкты американцевъ вообще и ихъ авангарда, западнаго сквоттера, въ особенности.

Непрерывная, нерѣдко кровавая борьба, которую сквоттеръ ведетъ съ сосѣдними племенами индѣйцевъ, даже независимо отъ разныхъ другихъ условій, способна развить въ немъ въ высшей степени враждебное, безчеловѣчное отношеніе къ этимъ ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ природы. Подстрѣлить «краснокожаго пса» въ его глазахъ вполнѣ обыкновенный и даже похвальный поступокъ. Разсказы объ индѣйцахъ и о подвигахъ, совер-

шенныхъ сквоттеромъ на поприщѣ притѣсненія или истребленія индѣйцевъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто въ репертуарѣ безконечныхъ повѣствованій, которыми онъ сокращаетъ свой досугъ, среди пріятнаго общества въ кабакѣ или лавкѣ. Мнѣ передавали, какъ положительно вѣрный фактъ, что сквоттеры отдаленныхъ территорій Дакоты, Вайоминга и Идаго даже переняли у индѣйцевъ обычай скальпировать своихъ враговъ и съ гордостью показываютъ скальпы убитыхъ ими «краснокожихъ собакъ».

Такова жизнь западнаго піонера-сквоттера въ первоначальный періодъ населенія новой мѣстности. Изображенная мною картина повторялась и повторяется понынѣ во всѣхъ новыхъ мѣстностяхъ съ весьма незначительными варіяціями. Если мѣстность, выбранная для поселенія первыми піонерами, обладаетъ благопріятными для земледѣлія условіями, или если разные «дѣловые» разсчеты первыхъ піонеровъ,—какъ-то разсчетъ на скорое проведеніе линіи желѣзной дороги, на успѣшную эксплуатацію минеральныхъ богатствъ, находящихся въ этой мѣстности, на образованіе большихъ городскихъ центровъ и т. под.,—вскорѣ оправдываются, то сквоттеру не приходится долго ждать. Онъ продаетъ свой участокъ новоприбывшимъ фермерамъ и передвигается дальше на западъ.

Но не всегда pia desideria сквоттера достигаютъ подобной благополучной развязки. Иногда земля оказывается очень плохой, желѣзная дорога проходитъ за сотни миль отъ выбранной мѣстности, найденныя минеральныя богатства оказываются никуда негодными кусками камня, или же мѣстность эта посѣщается такими ужасными гостями, какъ саранча, засуха, эпидемія или эпизоотія, или наконецъ на сквоттерскомъ поселеніи отражается общій экономическій застой, отъ времени до времени появляющійся въ Соединенныхъ Штатахъ. Тогда покупатель заставляетъ дожидать себя очень долго, цѣлые годы, и бѣдному сквоттеру приходится весьма туго, иной разъ такъ туго, что онъ бросаетъ и домъ, и участокъ, и пашню и съ своимъ движимымъ имуществомъ уѣзжаетъ на другое мѣсто, искать лучшихъ условій. Но противъ такихъ несчастій, какъ саранча, засуха и т. п. сквоттеры оказываются совершенно безпомощными и цѣлыми массами бѣгутъ изъ несчастной страны, куда глаза глядятъ.

Трудно представить себѣ болѣе унылую картину, чѣмъ та, которую представляютъ эти покинутыя поселенія; иной разъ на разстояніи многихъ миль не встрѣчаешь ничего, кромѣ опустѣв-

шихъ фермъ. Дома полуразрушены, отъ нѣкоторыхъ остались только тоскливо торчащія каминныя трубы, похожія на какія-то, полуразрушенные древніе памятники; высохшія, точно перегорѣлыя, комья вспаханнаго куска нови лежатъ неподвижно, будто внезапно застывшія волны какой-то расплавленной массы; между ними уныло торчитъ запыленная, точно посѣдѣвшая трава; бревна отъ домовъ и жерди отъ изгородей валяются въ высокой травѣ, на половину сгнившія; большая часть ихъ сожжена проѣзжавшими переселенцами на костры, отъ которыхъ кругомъ остались многочисленные слѣды; возлѣ заросшей травой ямы,—бывшей цистерны,—растянулся бѣлый скелетъ лошади или мула; изъ груды мусора торчитъ сломанное деревянное стремя, разбитая тарелка, фарфоровая головка пяти-центовой дѣтской куклы, разноцвѣтныя тряпки; при вашемъ приближеніи изъ-подъ этой груды выскакиваетъ испуганный степной зайчикъ... А кругомъ этого заброшеннаго, вымершаго, высохшаго клочка земли зеленѣетъ необозримая степь во всей своей знойной красотѣ.

IV.

Я не безъ намѣренія остановился такъ долго на описаніи сквоттерскаго быта во всѣхъ грубыхъ, часто непріятныхъ деталяхъ его. Дѣло въ томъ, что бытъ этотъ слагается такъ, а не иначе столько же вслѣдствіе внѣшнихъ условій, господствующихъ на дальнемъ западѣ, сколько вслѣдствіе извѣстныхъ свойствъ, присущихъ американцу, которыя легли въ основу всего національнаго характера и обнаруживаются во всѣхъ слояхъ американскаго общества и во всѣхъ проявленіяхъ соціальной жизни Соединенныхъ Штатовъ.

Отрицательная подкладка американскаго національнаго характера — отсутствіе историческихъ традицій, непосѣдлость, неспособность привязываться къ родинѣ, къ тому, что онъ самъ создалъ. Положительная сторона его, это — бѣшеная, ненасытная страсть къ наживѣ, къ возможно быстрому обогащенію во что бы ни стало. У сквоттера, стоящаго на первобытной ступени соціальной жизни, обѣ эти стороны національнаго характера проявляются въ чрезвычайно открытой, грубой формѣ. Въ бытѣ западнаго фермера, занимающаго слѣдующую ступень, формы эти нѣсколько смягчены, но сущность остается та же, и, еслибы мы захотѣли отъ фермера подняться выше и выше до самыхъ

сложныхъ формъ американской соціальной жизни,—мы бы въ общемъ ничего другого не встрѣтили.

Хозяйство и весь бытъ западнаго фермера представляютъ болѣе или менѣе видоизмѣненную, исправленную, приглаженную форму сквотерскаго быта и хозяйства. Вѣрность своего взгляда на этотъ предметъ постараемся доказать.

Я уже имѣлъ случай упомянуть, что среди массы сквоттеровъ попадаются и сравнительно солидные люди; эти болѣе осѣдлые элементы устроиваютъ свою жизнь нѣсколько лучше и хозяйство ихъ нѣсколько исправнѣе. Они не сбываютъ своихъ участковъ первому пріѣзжему покупателю, но стараются нѣсколько улучшить ихъ, вспахать какъ можно больше земли съ тѣмъ, чтобы продать уже за болѣе высокую цѣну. По этимъ мотивамъ они совсѣмъ сходятся съ первыми фермерами, купившими земли отъ первоначальныхъ піонеровъ. Было бы большой ошибкой думать, чтобы стремленіе къ полной осѣдлости, намѣреніе остаться на своемъ участкѣ и передать его своимъ дѣтямъ, дѣлалось преобладающимъ свойствомъ фермерскаго населенія, даже въ мѣстности, уже довольно давно населенной и обработываемой. Такіе случаи на западѣ представляютъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Въ юго-западномъ углу штата Миссури можно, за весьма немногими исключеніями, купить какой угодно участокъ, а между тѣмъ мѣстность эта была населена и обработана уже лѣтъ тридцать назадъ. Южная часть штата Айовы стала населяться и обработываться въ началѣ 50-хъ годовъ, составляетъ весьма богатую, черноземную полосу земли, покрыта многими фермами съ порядочными строеніями, а между тѣмъ вы можете купить любую изъ этихъ фермъ. То же самое можно сказать о западномъ Арканзасѣ,—штатѣ, который сталъ населяться еще раньше. Только по мѣрѣ того, какъ вы будете подвигаться на востокъ, вы встрѣтите мѣстности, гдѣ преобладаютъ непродающіяся фермы, мѣстности съ вполнѣ осѣдлымъ фермерскимъ населеніемъ, —однимъ словомъ, земледѣльческую страну съ земледѣльческимъ населеніемъ хоть въ сколько-нибудь европейскомъ смыслѣ.

Но прежде чѣмъ страна приметъ такой характеръ и ферма попадетъ въ руки настоящаго хозяина, проходитъ не мало времени. Иногда въ теченіи 30—40 лѣтъ она переходитъ изъ рукъ въ руки и перепродается то съ барышомъ, то въ убытокъ. Посмотримъ, что съ фермой дѣлается за этотъ періодъ времени и какъ на ней живетъ и хозяйничаетъ западный фермеръ.

При продажѣ своего участка, сквоттеръ заработываетъ значительную сумму денегъ, конечно, если продажа дѣлается болѣе

или менѣе съ разсчетомъ, а не вслѣдствіе крайней нужды. За участокъ въ 160 акровъ, который ему ровно ничего не стоилъ [1]), который его, хорошо ли, худо ли, а все-таки прокормилъ въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, на которомъ онъ не сдѣлалъ почти никакихъ улучшеній (потому что нельзя же назвать улучшеніями то, что онъ вспахалъ 10—20 акровъ, да построилъ избу, похожую на рѣшето), сквоттеръ, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, получаетъ по 3—6 долларовъ за акръ, а если онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ, и, слѣдовательно, успѣлъ захватить хорошій черноземный участокъ, то и всѣ 10 долларовъ за акръ. По мѣрѣ того, какъ край все больше населяется, земля поднимается въ цѣнѣ все выше и выше, такъ что фермеръ въ свою очередь можетъ черезъ два-три года, не тратясь съ своей стороны на сколько-нибудь значительныя улучшенія, перепродать этотъ же самый участокъ за 5—12 долларовъ за акръ и т. д. до тѣхъ поръ, пока большая часть удобной земли не находится въ обработкѣ. Только тогда стоимость земли начинаетъ повышаться менѣе быстро и болѣе правильно, и въ общемъ уже будетъ зависѣть отъ большей или меньшей доходности земли, отъ стоимости рабочихъ рукъ и другихъ болѣе правильныхъ факторовъ.

Для большей наглядности приведу цифры повышенія стоимости акра земли за 10-лѣтній періодъ, 1868—78, въ южной части Канзасскаго штата, составляющей такъ называемыя Osage trust lands. Это—полоса земли, составлявшая часть Индѣйской территоріи и въ 1868 году пріобрѣтенная Канзасскимъ штатомъ отъ индѣйскаго племени Оседжей; она имѣетъ 20 миль ширины и идетъ съ востока на западъ во всю ширину штата вплоть до Колорадо. Приводимыя цифры относятся только къ восточной половинѣ ея, обнимающей около десяти графствъ, такъ-какъ западная часть страдаетъ недостаткомъ воды и еще въ настоящее время чрезвычайно слабо населена.

Годъ.	1 акръ плохой земли на высокой преріи.	1 акръ хорошей земли на преріи.	1 акръ хорошей черноземной земли въ долинѣ.
1868 . . .	$1\frac{1}{4}$ долл.	$1\frac{1}{4}$ долл.	$1\frac{1}{4}$ долл.
1870 . . .	$1\frac{1}{4}$ »	3 »	5 »
1872 . . .	2 »	6 »	10 »
1874 . . .	$3\frac{1}{2}$ »	8 »	16 »
1876 . . .	3 »	8 »	18 »
1878 . . .	5 »	11 »	20 »

[1]) Даже за участки, пріобрѣтенные піонеромъ у союзнаго правительства или у штата не безвозмездно, а съ платой $1\frac{1}{4}$ долл. за акръ, ему de facto почти ничего не приходится платить, такъ какъ уплата производится обыкновенно съ разсрочкой на 5 лѣтъ.

Слабое повышеніе стоимости земли за четырехлѣтній періодъ 1874—1878 года произошло отчасти вслѣдствіе общаго финансоваго кризиса, господствовавшаго во всемъ союзѣ въ началѣ президентства Гейса, но главнымъ образомъ вслѣдствіе двухъ послѣдовательныхъ лѣтъ засухи и саранчи, постигшихъ западные штаты въ 1874—1875 годахъ.

Приведенныя въ таблицѣ цифры относятся къ землямъ, которыя во всѣхъ оффиціальныхъ и статистическихъ отчетахъ значатся improved (улучшенныя) но, какъ я уже сказалъ выше, всѣ улучшенія ихъ заключаются по большей части въ томъ минимумѣ, который отъ фермера требовался закономъ; всѣ эти улучшенія сдѣланы съ затратой незначительнаго количества труда, которое, если переложить на деньги, будетъ варьировать между 100 и 300 долларовъ. Что же касается до земель дѣйствительно улучшенныхъ, хорошо вспаханныхъ, съ прочными постройками и т. д., то цѣны на нихъ значительно выше и измѣняются смотря по разнымъ условіямъ, по величинѣ затратъ, сдѣланныхъ на ихъ улучшеніе и т. п.

Хотя эти цифры относятся къ сравнительно небольшой полосѣ земли, но заключеніе, которое онѣ позволяютъ сдѣлать, можетъ съ абсолютной вѣрностью быть примѣнено ко всѣмъ новымъ мѣстностямъ западныхъ штатовъ. Вездѣ повторяется одно и то же: *цѣнность удобной земли повышается быстро въ первые годы населенія ея и затѣмъ, достигнувъ извѣстной нормы, повышается уже смотря по бо̀льшей или меньшей доходности земли.*

Одного этого факта достаточно, чтобы объяснить то явленіе, что фермеру на новой землѣ довольно выгодно держать въ своемъ владѣніи землю, даже нисколько не заботясь о существенныхъ улучшеніяхъ и правильномъ сельскомъ хозяйствѣ, и затѣмъ, дождавшись повышенія цѣнъ, сбыть ее слѣдующему покупателю; другими словами, принципъ сквоттерскаго землевладѣнія и хозяйства остается безъ измѣненія еще долго послѣ того, какъ сквоттеръ исчезъ изъ данной мѣстности. Очевидно также, что такое правило должно преобладать въ данной мѣстности до тѣхъ поръ, пока для фермера не прекратится возможность спекулировать на повышеніе цѣнъ земли, т.-е. пока цѣна не достигнетъ нормы, опредѣляемой ея доходностью,—только тогда въ хозяйствѣ западнаго фермера выступаютъ другіе принципы.

Этотъ-то чисто сквоттерскій принципъ, съ внѣшней стороны обнаруживающійся въ безолаберномъ, безшабашномъ отношеніи фермера къ своему хозяйству, въ стремленіи выжать какъ можно больше изъ земли за короткое время владѣнія ею, въ готовно-

сти каждую минуту сбыть ее,—читатель будетъ въ состоянiи прослѣдить во всѣхъ важнѣйшихъ проявленiяхъ его въ жизни западнаго фермера.

Что прежде всего поражаетъ иностранца, прибывшаго въ какую-нибудь не особенно давно населенную мѣстность запада, это-то обстоятельство, что почти каждый участокъ имѣетъ нѣсколько названiй (участки называются по имени владѣльца). Какая-нибудь Johnson farm называется и Billy Brown farm, и Mac Kiney farm, и Bunker farm и т. д. Оказывается, что участокъ въ теченiи 5—10 лѣтъ успѣлъ перейти чрезъ руки весьма многихъ лицъ. Иногда вамъ насчитаютъ до десятка именъ фермеровъ, послѣдовательно владѣвшихъ однимъ и тѣмъ же участкомъ, и весьма рѣдко встрѣтятся фермы, принадлежащiя одному владѣльцу въ теченiи многихъ лѣтъ. Конечно, въ этомъ явленiи не послѣднюю роль играетъ страсть американца къ торговымъ мѣнамъ вообще и къ «swapping», когда мѣняются участками сосѣди. Но все-таки большая часть сдѣлокъ происходитъ между мѣстными фермерами и новоприбывшими покупателями.

Продажа поземельной собственности производится съ такой быстротой и легкостью, съ такимъ отсутствiемъ утомительныхъ формальностей и проволочекъ, что человѣку, привыкшему къ европейскимъ, и особенно русскимъ порядкамъ, остается только изумляться. Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ ферма въ одинъ день два раза мѣняла своихъ владѣльцевъ и каждый разъ купчая составлялась съ соблюденiемъ всѣхъ требуемыхъ формальностей. Всѣ наши безконечныя справки въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, печатанiя въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, приговоры окружныхъ судовъ, вводы во владѣнiе и т. д. въ Америкѣ замѣняются слѣдующей простой процедурой: фермеръ-продавецъ, снабженный своимъ title, т.-е. первоначальнымъ документомъ, которымъ союзное правительство или штатъ, или школьное, или наконецъ желѣзнодорожное управленiе передало извѣстный участокъ первоначальному владѣльцу, и своимъ deed'омъ, т.-е. купчей крѣпостью, въ силу которой онъ прiобрѣлъ этотъ участокъ отъ предшествовавшаго владѣльца, вмѣстѣ съ покупателемъ отправляется къ любому мировому судьѣ, или нотарiусу, гдѣ въ присутствiи двухъ свидѣтелей передаются деньги и пишется новая купчая крѣпость. Если продавецъ женатъ, онъ долженъ явиться съ женой, такъ-какъ въ большей части штатовъ мужъ и жена считаются нераздѣльными владѣльцами поземельной собственности. Совершенiе такой купчей стоитъ отъ доллара до двухъ. И вотъ, въ полчаса

времени окончена вся процедура, на совершеніе которой у насъ требуются мѣсяцы и на которую нашъ землевладѣлецъ привыкъ смотрѣть, какъ на очень болѣзненную операцію. Въ нотаріусахъ недостатка тоже нѣтъ, въ каждомъ маленькомъ городкѣ вы можете встрѣтить три-четыре вывѣски съ надписью: Public Notary. Они обыкновенно съ должностью нотаріуса соединяютъ еще какое-нибудь занятіе или должность: они или судьи, или адвокаты, или проповѣдники, чаще же всего—land-agents, или маклера для продажи и заклада фермерскихъ участковъ. Въ любомъ западномъ городѣ можно найти огромное количество этихъ агентовъ; но, несмотря на ихъ многочисленность, каждый изъ нихъ заработываетъ изрядно, благодаря огромному количеству совершающихся сдѣлокъ по продажѣ и закладу фермерскихъ участковъ.

С. К.

БУНТЪ ИВАНА ИВАНЫЧА

ПОВѢСТЬ.

(Посвящ. А. О. Новодворскому).

I.

Иванъ Иванычъ Чуфринъ всталъ рано; ему не лежалось.

Солнце играло на полосатыхъ обояхъ его кабинета, на лакированныхъ частяхъ мягкихъ креселъ, на бронзовой крышкѣ огромной чернильницы, на хрустальной вазѣ, гдѣ въ рыжей водѣ увядалъ букетъ цвѣтовъ, распространяя кругомъ какой-то травянистый, болотный ароматъ, на стеклахъ гравюръ и фотографій, на крашеномъ полу; и воздухъ, въ широкихъ снопахъ свѣта, лившихся косо изъ огромныхъ оконъ, завѣшанныхъ до половины темной драпировкой, былъ нагрѣтъ и сіялъ, слегка туманный отъ пыли.

Иванъ Иванычъ окинулъ недовольнымъ взглядомъ обстановку кабинета и подумалъ:

«Въ послѣдній разъ, слава Богу, дышу этой мѣщанской атмосферой».

И, подойдя къ зеркалу, разгладилъ черные шелковистые усы на своемъ красивомъ, нѣсколько гусарскомъ лицѣ, съ глубокими и темными глазами, съ высокимъ бѣлымъ лбомъ, маленькимъ подбородкомъ и горбатенькимъ носомъ, вздохнулъ и сладостно зѣвнулъ, потянувшись.

Потомъ онъ улыбнулся долгой вдумчивой улыбкой и грузно сѣлъ на диванъ, откинувши голову и протянувъ ноги, обутыя

въ бисерныя туфли, и заломилъ руки, съ счастливымъ и мечтательнымъ выраженіемъ лица.

Онъ сидѣлъ такъ минутъ пять, повторяя:

— Свободенъ, свободенъ!

И ему казалось, что до сихъ поръ онъ былъ въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, окруженный какимъ-то промозглымъ мракомъ, а теперь предъ нимъ раскрыли двери его подземелья, и онъ видитъ въ перспективѣ радужныя дали, въ дымкѣ которыхъ носятся неопредѣленные призраки. Всматриваясь въ ихъ черты, онъ узнаетъ себя и ее, свою дорогую Сонечку, и свѣтъ, которымъ они тамъ дышатъ и живутъ, радуетъ его глазъ и наполняетъ его сердце блаженной тоской.

— Ахъ, когда-бъ ужъ скорѣй выбраться отсюда!—произнесъ онъ, щурясь нетерпѣливо.—Дѣйствительности хочется, настоящей жизни, а не грёзъ!

Но мечты были назойливы и такъ пріятны, что онъ не отгонялъ ихъ, и онѣ снова завладѣвали имъ, усыпляя его тревогу на нѣсколько мгновеній. Онѣ сами то улетали, то прилетали, то по одной, то разомъ, и брови его перестали, наконецъ, хмуриться. Въ сотый разъ перебиралъ онъ въ памяти всѣ обстоятельства знакомства своего съ Сонечкой.

II.

Годъ тому назадъ, онъ увидѣлъ худенькую барышню, съ золотистыми волосами, подрѣзанными и вьющимися, большими ясными глазками и выразительнымъ розовымъ ртомъ, на половинѣ своей жены, Полины Марковны, учившей въ мѣстной женской гимназіи музыкѣ. Барышня поклонилась ему какъ-то бочкомъ, сдѣлавъ очень серьёзное лицо, и продолжала начатый разговоръ. Полина Марковна предложила ей курить, и она закурила. Иванъ Иванычъ повертѣлся въ комнатѣ минутъ пять, спросилъ что̀ ему было надо, и вышелъ.

За обѣдомъ жена сказала ему:

— А замѣтилъ?

— Что̀?—произнесъ онъ, хотя сейчасъ же понялъ, что̀ означаетъ вопросъ жены, но почему-то притворился, что не понимаетъ.

— Да вотъ эту дѣвушку, что была...

— Ахъ, эту дѣвушку! Нѣтъ, почти не замѣтилъ,—отвѣчалъ онъ и вопросительно взглянулъ на жену, какъ бы желая ска-

зать выраженіемъ своихъ глазъ, что дѣвушкой онъ не интересуется, но узнать, что̀ это за птичка такая—не прочь.

— А это Сонечка Свѣнцицкая, нашъ феноменъ,—сказала жена въ отвѣтъ на его взглядъ.—Сейчасъ она получила аттестатъ и заходила проститься. На лѣто ѣдетъ въ деревню. У ней отецъ, кажется, порядочный деспотъ и съ извѣстными взглядами, такъ что его трудно передѣлать, но она хочетъ подкупить его золотой медалью, чтобъ онъ позволилъ ей вернуться осенью сюда—уроками заняться... Премилая дѣвочка, иногда бойкая, а иногда презастѣнчивая... Впрочемъ, къ ней идетъ это. Главное, ужасно начитана и хорошо рисуетъ и лѣпитъ. У меня есть одинъ рисуночекъ ея, акварелью, прелесть! Показать?

— Покажи... когда-нибудь!—сказалъ онъ равнодушно и даже хотѣлъ зѣвнуть, но не вышло.

— Послѣ обѣда покажу. Прелесть, говорю тебѣ,—убѣжденно повторила Полина Марковна, и съѣвъ съ аппетитомъ нѣсколько ложекъ супу, опять начала, пріятно улыбаясь:—А замѣтилъ, какіе у ней глаза? Проницательные и тихіе такіе...

Ему сдѣлалось безотчетно неловко. Онъ нахмурилъ брови, потомъ усмѣхнулся.

— Глазъ-то ужъ совсѣмъ не замѣтилъ, то-есть... мало замѣтилъ... Глаза какъ глаза!—произнесъ онъ, и опять усмѣхнулся и сталъ прилежно ѣсть.

Онъ лгалъ, что не замѣтилъ глазъ Сонечки. Эти глаза произвели на него впечатлѣніе. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился (совсѣмъ юношей), сумракъ окружавшихъ его будней освѣтился на мгновеніе кроткимъ блескомъ этихъ глазъ, и онъ не могъ забыть ихъ ни на секунду. Тревожное чувство волновало его, ему было и стыдно, и досадно.

Жена сказала:

— Нѣтъ, мой душоночекъ, вижу, ты ужасный нелюдимъ. Помилуйте, не замѣтить такой жемчужинки!

И улыбнулась довольной улыбкой и покончивъ съ супомъ, принялась за ножку цыпленка.

Послѣ паузы она начала:

— А вѣдь, пожалуй, если она вернется, то выйдетъ замужъ. Лозовскій за ней серьезно ухаживаетъ. Да мнѣ кажется, и она къ нему неравнодушна. Во всякомъ случаѣ, это не будетъ неожиданностью. Ну, чтожъ, и Господь съ ними, они пара. Онъ тоже умный человѣкъ, и этакой, хоть и шутникъ, но положительный...

Иванъ Иванычъ процѣдилъ:

— Д-да...

И невольно вздохнулъ.

Съ Свѣнцицкой онъ не встрѣчался затѣмъ около полугода, и то впечатлѣніе, которое она сдѣлала на него, изгладилось, хотя не совсѣмъ, потому что скука его жизни грызла его чаще прежняго, окружающій мракъ казался безпросвѣтнѣе, а иногда, въ минуты разлада съ женою, выплывало изъ глубины душевной сожалѣніе, что онъ слишкомъ рано закрѣпостилъ себя и что все могло бы устроиться иначе, будь онъ теперь свободенъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, и общество Полины Марковны только обостряло это чувство. Никогда не смѣя мечтать о радикальномъ переворотѣ, напримѣръ о разводѣ съ женою, онъ, тѣмъ не менѣе, сталъ рваться къ какимъ-то неопредѣленнымъ перспективамъ, откуда, чуть видные, плѣнительно улыбались ему чьи-то глаза...

Была осень. Онъ не пошелъ на службу, а забрался въ казенный садъ, густой и большой, разросшійся на склонѣ крутого берега. Высокіе вязы и дубы протяжно шумѣли. Въ остывающемъ воздухѣ крутились краснобурые листья и шуршали подъ ногами. Лучи солнца обливали землю нѣжно-янтарнымъ блескомъ. Стрекотали сороки, кричали вороны.

Иванъ Иванычъ шелъ, снявъ шапку, скорымъ шагомъ. Онъ негодовалъ на жизнь, находилъ ее пошлой. Вотъ ему теперь двадцать три года, размышлялъ онъ, а ужъ его жизненная пѣсенка спѣта. Возврата нѣтъ. Онъ преждевременно постарѣлъ, чиновно-солиденъ, хотя трепещетъ начальства, и смутился бы, встрѣтивъ въ этотъ часъ, неположенный для прогулокъ, гдѣ-нибудь на поворотѣ аллеи, Павла Кириллыча, управляющаго канцеляріей. Сослуживцы завидуютъ ему, пророчатъ блистательную карьеру, и червь крапивнаго честолюбія уже щекочетъ, по временамъ, его нервы. Онъ вспомнилъ, какъ однажды промечталъ всю ночь о мѣстѣ управляющаго, представлявшемся ему въ далекомъ будущемъ цѣлью его служебнаго усердія. Ему сдѣлалось совѣстно. Вспомнилось также, какъ, въ началѣ его поступленія на службу, секретарь училъ его подавать начальнику газету и какъ онъ сталъ ее подавать, размѣченную синимъ карандашомъ, пріятно изогнувъ станъ. И ему опять сдѣлалось совѣстно.

Деревья все шумѣли. Это былъ тихій, меланхолическій шумъ. Сверкая, проносилась въ воздухѣ паутина. Пахло осенью.

Иванъ Иванычъ сѣлъ на скамейку, влажную кое-гдѣ отъ дождя, который шелъ ночью, и обросшую мохомъ. Онъ закурилъ папиросу, глядя вдаль, въ чащу деревьевъ, гдѣ мѣстами вырѣ-

зывалось свѣтло-голубое небо. Неопредѣленная тоска мучила его. Правда, въ этомъ тоскованіи было что-то пріятное. И онъ готовъ былъ бы просидѣть такимъ манеромъ безконечно долго, лишь бы не тревожили его соображенія о разныхъ антипатичныхъ сторонахъ его дѣйствительности. Но они поочередно занимали его умъ и мѣшали ему забыться.

На первомъ планѣ, незамѣтно для него, стала фигурировать Полина Марковна. Это была высокая, грудастая двадцати-шести-лѣтняя блондинка, съ свѣжимъ красивымъ лицомъ и большими красными руками, ужасно сильными. Ему было девятнадцать лѣтъ, когда онъ встрѣтился съ нею на одномъ сельскомъ вечерѣ въ домѣ, гдѣ былъ учителемъ. Тогда онъ любилъ все американское, и образцомъ человѣка былъ для него дѣятельный и самостоятельный янки. Онъ даже о переселеніи въ Америку подумывалъ. Полина Марковна такъ самостоятельно хохотала, такъ краснорѣчиво отстаивала права женщины, такъ превосходно играла персидскій маршъ (между прочимъ), такъ смѣло смотрѣла на него, не скрывая, что любуется имъ, такъ мило болтала съ нимъ въ темной аллеѣ сада и такъ искренно жаловалась, что ей, пожалуй, придется просидѣть весь вѣкъ въ дѣвахъ и ни разу не узнать, въ чемъ заключается счастье взаимной любви, что онъ тутъ же влюбился въ нее, сталъ ѣздить въ Анисовку, деревню, гдѣ она жила, и черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ предложеніе. Полина Марковна выслушала его, зардѣвшись, схватила, въ радостномъ порывѣ, за обѣ щеки пальцами, точно онъ былъ маленькій мальчикъ, и крѣпко поцѣловала его въ губы долгимъ, ноющимъ поцѣлуемъ, такъ-что съ нимъ чуть обморокъ не сдѣлался. Потомъ повела его къ матери и отрекомендовала, какъ жениха, на что́ старуха, критически взглянувъ на него своимъ единственнымъ глазомъ и пожевавъ губами, произнесла:

— Жиденекъ онъ, Павличка, для тебя. Тебѣ мужчина нуженъ крѣпкій, толстый. А это какой же мужчина! Это красная дѣвушка. Но, впрочемъ, твое желаніе такое, и я не вольна идти вопреки. Господь благословитъ тебя!

И потомъ махнула рукой и потянулась къ своей черепаховой табатеркѣ, какъ бы давая знать, что аудіенція кончилась.

Все это было чрезвычайно по-американски. Но самое американское предстояло впереди. Объявивъ Ивана Иваныча своимъ женихомъ, Полина Марковна стала съ этого момента обращаться съ нимъ съ какой-то материнской предупредительностью. Вечеромъ она не отпустила его домой, потому что поднялся туманъ, и онъ могъ заблудиться въ полѣ, и оставила его ночевать. Она

сама постлала ему постель въ залѣ и долго играла, пока у него не стали слипаться глаза и громъ его любимаго, персидскаго марша не превратился въ грохотъ какой-то фантастической битвы, гдѣ Полина Марковна предводительствовала войсками, вся въ пороховомъ дыму. Замѣтивъ, что онъ засыпаетъ, она ушла. Но едва онъ легъ и вторично заснулъ, какъ почувствовалъ, что не одинъ, что возлѣ него дышетъ чья-то грудь. Ему сдѣлалось страшно, холодный ужасъ стиснулъ его сердце, онъ крикнулъ и проснулся. Дѣйствительно, на колѣняхъ, положивъ голову на его подушку, стояла Полина Марковна въ ночной блузѣ и смотрѣла на него широкими глазами.

— Тише, глупенькій,—прошептала она, улыбаясь.—Зачѣмъ вы кричите и пугаете вашу жену?

И, защипнувъ его щеки сильными пальцами, опять поцѣловала его тѣмъ долгимъ ноющимъ поцѣлуемъ.

Онъ чуть не задохся. Голова его кружилась, но сонъ прошелъ.

Свѣтало. Онъ протянулъ руки къ Полинѣ Марковнѣ...

Когда утромъ онъ возвращался къ себѣ, и золотая рожь волновалась кругомъ, какъ море, вѣя на него медовымъ ароматомъ, онъ горделиво поздравлялъ себя съ побѣдой. Это была его первая побѣда. Но въ глубинѣ души таилось сознаніе, что побѣда эта похожа на пораженіе и что, во всякомъ случаѣ, она и послѣдняя.

Осенью онъ женился. Полина Марковна сказала ему послѣ вѣнца, что онъ честный человѣкъ и сконфузила его этимъ; это показалось ему циничнымъ. Развѣ онъ не по любви женился? И онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на жену и впервые замѣтилъ, что она старовата для него и что другой, на его мѣстѣ, пожалуй, дѣйствительно, «хвостомъ прикрылся бы».

«Ахъ, отчего въ самомъ дѣлѣ?»—съ тоской спросилъ онъ себя теперь. И, вздохнувъ, проворчалъ:—Дуракъ.

Онъ находилъ, что всѣ послѣдующіе четыре года его жизни съ Полиной Марковной неопровержимо доказали только, что поступилъ онъ неразумно, дѣйствительно. Куда дѣвалась его любовь къ Полинѣ Марковнѣ? И вообще ко всему американскому? Не этотъ ли американизмъ,—спрашивалъ онъ себя,—былъ причиною его охлажденія къ ней? Въ самомъ дѣлѣ, ужасно непріятно, когда у жены сильныя руки, и она играетъ тобою, какъ мячикомъ, и, главное, щиплетъ тебя за щеки. Отъ этихъ щипковъ у него случались синяки. Она была самая безукоризненная жена, это правда. Домъ держала въ порядкѣ и даже

нѣкоторомъ шикарномъ блескѣ; всегда у ней были образцовыя кухарки; умѣла принять гостей и сдѣлать такъ, чтобъ имъ не было скучно; была умна и болѣе или менѣе начитана, хотя ничего не смыслила въ поэзіи, но не смыслить въ высокомъ считалось въ то время модной добродѣтелью, такъ-что это не кидалось въ глаза; заработывала въ годъ до тысячи рублей и ни гроша не стоила мужу, принеся еще, кромѣ того, въ приданое, болѣе двухсотъ десятинъ великолѣпнѣйшаго чернозема; считалась первой музыкантшей въ городѣ, нѣсколько бездушной, но съ замѣчательной бѣглостью; и вообще, чуть ли не во всѣхъ отношеніяхъ, стояла цѣлой головой выше дамъ, которыхъ зналъ Иванъ Иванычъ. Наконецъ, она его любила слѣпо, сумасшедшей любовью. Онъ это зналъ и думалъ, что было бы лучше, еслибъ она такъ же простыла, какъ и онъ.

«Я ужасно неблагодаренъ, гнусно неблагодаренъ,—говорилъ онъ себѣ,—что плачу ей такимъ равнодушіемъ, скрытымъ, похожимъ на какую-то тихую ненависть. Но что же дѣлать, когда я не люблю ее? Она для меня такъ вотъ противна, какъ служба, на которую она же меня заставила поступить. Противна, и баста!»

И онъ съ отвращеніемъ припоминалъ разныя мелочи, которыя, накопляясь, воздвигли между нимъ и Полиной Марковной цѣлую стѣну. По утрамъ она долго лежитъ въ постелѣ, въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, и кричитъ оттуда нѣжнымъ голосомъ, чтобъ онъ пришелъ—выслушалъ ея сонъ. И это каждый день, потому что ей всегда снится что-нибудь удивительное. Онъ повинуется и при этомъ даже притворяется, ласкаясь къ женѣ, между тѣмъ какъ въ душѣ его кипитъ досада. Затѣмъ Полина Марковна встаетъ и прежде всего полощетъ горло, но такъ громко, что хоть уши затыкай. Все это смѣшные пустяки, но они раздражаютъ его. За чаемъ она ужасно много ѣстъ и когда онъ уходитъ на службу, то, сіяющая и красная отъ усердной ѣды, цѣлуетъ его жирными губами, отъ которыхъ пахнетъ ветчиной или сыромъ. О персидскомъ маршѣ, который прежде ему такъ нравился, онъ уже и не говоритъ: этотъ маршъ сдѣлался его истиннымъ мученіемъ, такъ часто исполняетъ его Полина Марковна,—конечно, чтобъ восхитить мужа. Привѣтливая со всѣми, она холодна и почти жестока съ прислугой, для которой, за разныя провинности, установила штрафы, взыскиваемые съ неумолимой аккуратностью при выдачѣ жалованья. Иванъ Иванычъ, потихоньку отъ жены, возвращаетъ штрафы прислугѣ подъ предлогомъ платы «на чай», но это все-таки мало прими-

ряетъ его съ некрасивостью факта. Самое же непріятное въ Полинѣ Марковнѣ то, что она имѣетъ привычку разглаживать себѣ пальцами брови, чтобъ онѣ лучше лежали, и дѣлаетъ при этомъ гримасу, крѣпко сжимая губы. Такую же самую гримасу Иванъ Иванычъ наблюдалъ у своей матери, но тогда она не казалась ему невыносимой, а теперь, когда Полина Марковна дѣлаетъ ее, его всего коробитъ. Отчего это? Онъ не могъ себѣ объяснить этого. Но, конечно, думалъ онъ, какая-нибудь гримаса не можетъ же быть причиной, чтобъ взять да и разлюбить человѣка. Нѣтъ, тутъ что-то другое. «Тутъ все вмѣстѣ —вотъ что!»—неопредѣленно рѣшалъ онъ.

Бывали и ссоры между ними—безъ скандаловъ, безъ крика и брани, но все-таки тяжелыя. Они расходились по разнымъ комнатамъ и молчали. Иванъ Иванычъ тихонько рвалъ на себѣ волосы и проклиналъ часъ, когда познакомился съ Полиной Марковной. Грудь его саднѣла отъ нѣмого гнѣва и тупого отчаянія. Полина Марковна кидалась на постель, лицомъ въ подушки, или на диванъ, и плакала, находя, вѣроятно, что мужъ мало ее любитъ, иначе не спорилъ бы съ нею. Къ обѣду или чаю она выходила съ красными глазами и лицомъ, покрытымъ багровыми пятнами. Эти ссоры вызывались преимущественно несогласіями въ политическихъ вопросахъ, такъ какъ Иванъ Иванычъ не выносилъ въ близкихъ людяхъ сколько-нибудь консервативныхъ идей. Чѣмъ сильнѣе втягивался онъ въ чиновничью жизнь, съ ея сплетнями, интригами, попойками, послѣобѣденными снами, картами и прочими аттрибутами, тѣмъ ревнивѣе оберегалъ онъ клочки идеала, оставленнаго ему въ наслѣдство ранней молодостью. Его раздражало, когда неделикатно тревожили эти реликвіи, составлявшія единственное украшеніе его внутренняго міра. Губы его дрожали и онъ говорилъ себѣ съ злостью:

— Все стерплю, Господь съ нею; но *этого*—нѣтъ! *Этого*—нельзя!

Однако же, когда приходило время спать, супруги заключали миръ, и обѣ стороны оставались довольны, потому-что натянутое положеніе терзало ихъ, и они рады были выдти изъ него. Шагъ къ примиренію дѣлала Полина Марковна, обыкновенно за ужиномъ, вдругъ подкладывая мужу лакомый кусочекъ и ласково прося его, чтобъ онъ съѣлъ его. Тогда онъ, радуясь перемѣнѣ вѣтра, начиналъ думать, что не слѣдуетъ ссориться изъ-за убѣжденій, что просто смѣшно оскорбляться неодинаковостью взглядовъ на вещи, что впредь спорить съ женою онъ не будетъ, и

протягивалъ ей руку, улыбаясь, а она отвѣчала, вся сіяющая, чувствительнымъ щипкомъ, отъ котораго онъ слегка морщился.

«Къ чему это я все объ ней, да объ ней?» — подумалъ Иванъ Иванычъ, отгоняя отъ себя навойливый рой воспоминаній, и потускнѣвшихъ отъ времени, и совершенно свѣжихъ, и нетерпѣливо ударилъ по землѣ тросточкой, такъ-что влажный песокъ брызнулъ.

«Нѣтъ, никуда отъ нея не уйдешь, нигдѣ не спрячешься!» —прошепталъ онъ съ тоской и всталъ.

Вдругъ послышались голоса и шорохъ листьевъ. Шли съ правой стороны. Тамъ былъ поворотъ аллеи. Иванъ Иванычъ тревожно прислушался. Голоса становились яснѣе, часто звенѣлъ молодой женскій смѣхъ, мелодично замирая въ тихомъ шумѣ, которымъ осень наполняла желтѣющій садъ, и ему вторилъ мужской хохотъ, счастливый и сочный. Вотъ показалась, наконецъ, и сама пара. Иванъ Иванычъ узналъ Лозовскаго и Свѣнцицкую.

Лозовскій былъ въ черной пуховой шляпѣ и походилъ на красиваго итальянскаго бандита, такой онъ былъ бородатый, черноглазый, и такая у него была походка—твердая и самоувѣренная. Свѣнцицкая расцвѣла за лѣто и производила впечатлѣніе розы, внезапно распустившейся въ этомъ блекнущемъ саду. Тиролька съ огромными полями и розовыми лентами бросала на ея смѣющееся и сверкающее молодостью лицо горячую тѣнь. Золотые волосы, причудливо и граціозно кудрявясь, падали до плечъ и чуть-чуть развѣвались вѣтромъ. Блѣднозеленый бантъ былъ прикрѣпленъ на груди, и кончикъ его теребила загорѣлая ручка съ длинными пальцами. Во всей ея фигурѣ, тонкой и пропорціональной, была бездна чего-то милаго, какой-то своеобразной граціи, чего-то, что не встрѣчается у другихъ женщинъ, что составляетъ ея исключительную особенность.

Иванъ Иванычъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, и сердце его билось какъ отъ испуга.

«Вотъ она, эта дѣвушка», — думалъ онъ. «А вотъ ея женихъ», — подумалъ онъ затѣмъ, ревниво взглянувъ на Лозовскаго, и приподнялъ шляпу въ лихорадочномъ смятеніи, потому что ему вдругъ показалось чрезвычайно важнымъ, узнаетъ его или нѣтъ Свѣнцицкая.

Лозовскій отвѣтилъ на его поклонъ по-пріятельски, сверкнувъ бѣлыми зубами и бросивъ ему радостный взглядъ. Свѣнцицкая сдѣлала серьёзное лицо и кивнула ему головой, бочкомъ, какъ и въ тотъ разъ. А онъ стоялъ и улыбался. Онъ слышалъ шумъ ея платья, и ему казалось, что мимо проходитъ сама весна, су-

щество идеальное, недосягаемое, но все-таки вѣдающее, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ нѣкто Иванъ Иванычъ Чуфринъ.

Когда пара скрылась изъ виду и голосъ дѣвушки совсѣмъ стихъ въ отдаленіи, Иванъ Иванычъ поднесъ платокъ къ лицу. Лобъ его горѣлъ, ему было жарко. Кругомъ садъ казался пустыней. Природа засыпала, слабо борясь еще съ дремотою, но уже чувствовалось, что зима не за горами. Молодой человѣкъ долго съ завистью смотрѣлъ впередъ. Потомъ вздохнулъ, нахмурилъ брови и быстро зашагалъ вонъ изъ сада.

Цѣлую недѣлю затѣмъ онъ тосковалъ самымъ мучительнымъ образомъ, просиживалъ у открытаго окна часы и угрюмо молчалъ, между тѣмъ какъ въ душѣ его слагались фантазіи удивительно яркія, снились золотые несбыточные сны, разсказать которыхъ онъ никому не могъ бы, потому что и словъ не достало бы, и стыдно сдѣлалось бы, какъ бываетъ стыдно дѣвушкѣ, впервые открывшей въ себѣ что-то, что даетъ ей право на мечту о миломъ. И когда онъ покидалъ на время этотъ никѣмъ посторониимъ незримый, фантастическій міръ, благодаря службѣ, или гостямъ, или Полинѣ Марковнѣ, то дѣйствительность только ярче выдѣляла предъ нимъ блескъ этого страннаго міра, такая она казалась темная и пошлая. Но бывали моменты, когда и она загоралась яркимъ свѣтомъ, точно небо, на которомъ въ ненастье вспыхиваютъ радуги. Моменты эти были моментами встрѣчъ съ Свѣнцицкой и разговоровъ съ ней, и иногда длились цѣлые вечера, такъ какъ Свѣнцицкая стала бывать у Чуфриныхъ все чаще и чаще, преимущественно вмѣстѣ съ Лозовскимъ, вѣчно радостнымъ и ликующимъ. Разговоры эти велись обо всемъ—о томъ, что денегъ въ Россіи мало, урожаи плохи, мужикъ голодаетъ, о томъ, что классицизмъ вреденъ (тогда онъ только-что вводился), что Некрасовъ великій поэтъ, что Фурье симпатичнѣйшій соціологъ, что свобода совѣсти—залогъ благоденствія народовъ, что провинціальная среда заѣдаетъ. Велись они весьма обыденно, и больше общими мѣстами. Но Ивану Иванычу не было до этого дѣла. Въ нѣкоторыхъ фразахъ Сонечки онъ узнавалъ свои фразы, которыми выстрѣливалъ шесть лѣтъ тому назадъ и которыя были заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Онъ радовался этому и отвѣчалъ такими же фразами, на которыя Сонечка только вскидывала на него глазами, какъ бы въ знакъ солидарности съ нимъ. А онъ напрягалъ память и опять произносилъ, что-нибудь красивое, опять выхваченное изъ какой-нибудь книжки «Современника» или «Русскаго Слова». Вообще въ присутствіи Свѣнцицкой онъ сильно заботился, чтобъ

произвести хоть небольшой эффектъ своей особой, оживалъ, причемъ глаза его горѣли и пальцы рукъ слегка дрожали, смѣялся немного не натуральнымъ смѣхомъ, шутилъ, разсказывалъ анекдоты, былъ усиленно ласковъ съ Лозовскимъ и замѣчалъ, что и ходитъ, и сидитъ, и говоритъ, и жестикулируетъ иначе, чѣмъ въ обыкновенное время—какъ-то уже черезчуръ красиво, точно, помимо его воли, сама его фигура заботится о томъ, чтобъ быть пріятной.

Встрѣчи съ Свѣнцицкой случались гдѣ-нибудь на улицѣ или въ низенькихъ коридорахъ тускло освѣщеннаго театра. Чуфринъ упразднилъ послѣобѣденный сонъ и въ замѣнъ сдѣлалъ привычку ходить по городу, «безъ всякой цѣли», говорилъ онъ себѣ, «куда глаза глядятъ», но при этомъ всегда внутри его что-то копошилось неугомонное и непрестанно какъ бы заявляющее ему о томъ, что цѣль у него есть и что слѣдуетъ ходить преимущественно вотъ по такимъ-то и такимъ-то улицамъ. Вотъ виднѣется каменный домъ купца Переканаева, съ дочерьми котораго занимается Сонечка, а вонъ квартира генеральши Онупренко, чопорной и смѣшной аристократки, у которой Сонечка тоже даетъ уроки. Невольно проходилъ мимо этихъ пунктовъ Иванъ Иванычъ по нѣскольку разъ, и затѣмъ съ тоской отходилъ прочь, когда ему начинало казаться, что на лицахъ идущихъ и ѣдущихъ играетъ вопросительная улыбка — «съ какой, молъ, это стати господинъ Чуфринъ на этомъ самомъ мѣстѣ вотъ уже цѣлый часъ валандается?» Завидѣвъ вдали женскую фигуру, похожую на фигуру Свѣнцицкой, онъ прибавлялъ шагу и ужасно досадовалъ, если ошибался, но зато былъ безмѣрно счастливъ, когда ошибки не случалось. Радостный смѣхъ неудержимо вылеталъ изъ его груди и онъ произносилъ: «а, здравствуйте!» такимъ тономъ, какъ будто не видался съ дѣвушкой сто лѣтъ. Потомъ осыпалъ ее разными стереотипными вопросами—о здоровьѣ, урокахъ, занятіяхъ, хотя и не думалъ, что это стереотипные вопросы и не считалъ ихъ такими, потому что спрашивалъ, искренно интересуясь всѣмъ, что касалось дѣвушки. Она на все отвѣчала и, значитъ, давала право на дальнѣйшіе вопросы въ томъ же родѣ. Разговаривая, они доходили до самаго того дома, съ зеленымъ палисадникомъ и тополями, въ которомъ квартировала Сонечка. Она толкала калитку и прощалась съ нимъ, повернувъ къ нему голову. Зимній день догоралъ; голубоватый снѣгъ сверкалъ розовыми искорками; небо затягивалось холодными облаками; морозъ лютѣлъ. Но Ивану Иванычу было тепло. И розы на щекахъ Сонечки были ему милѣе настоящихъ розъ. Когда

калитка захлопывалась, улица вдругъ пустѣла. Иванъ Иванычъ, однако, чувствовалъ себя нѣкоторое время хорошо. Улыбаясь, шелъ онъ назадъ и ему было пріятно видѣть на снѣгу слѣды ногъ Сонечки рядомъ съ слѣдами своихъ ногъ.

Въ театрѣ весь сезонъ давались плохо обставленныя пьесы, и мѣстную интеллигенцію привлекалъ своей удивительной игрой только актеръ Шатиловъ, замѣчательный талантъ, которому случай не далъ возможности прогремѣть по всей Россіи, но который былъ выше Шумскаго, по мнѣнію Ивана Иваныча. Сонечка тоже восхищалась Шатиловымъ. Когда явленіе его кончалось и онъ уходилъ со сцены, она покидала ложу и безшумно и медленно бродила по корридору. Иванъ Иванычъ зналъ это, угадывалъ, какъ и почему волнуется душа дѣвушки, сочувствовалъ ей и рвался подѣлиться съ ней этимъ сочувствіемъ. Такимъ образомъ, они встрѣчались опять. Иногда онъ, не смотря на обиліе словъ, готовыхъ слетѣть съ языка, не произносилъ ни звука, и она молчала тоже. Но ему не было неловко. Молчаніе корридора, на стѣнахъ котораго, оклеенныхъ атласной бумагой, трепеталъ блѣдный отсвѣтъ керосиновыхъ огней, глухо нарушалось напряженными голосами актеровъ и актрисъ, которые ссорились на сценѣ, хохотали, говорили «въ сторону» все въ одномъ и томъ-же повышенномъ тонѣ. Сонечка шла возлѣ Ивана Иваныча въ своемъ темномъ платьѣ, съ рукавами, отдѣланными махровой ленточкой, наклонивъ русую головку, такъ что онъ видѣлъ ея нѣжный, мягкій профиль, и не чуждалась его, не стѣснялась его непрошеннымъ сообществомъ. Сомнѣнія на этотъ счетъ не могло быть, потому-что такъ тепло не жмутъ руку, какъ пожимала Сонечка. А ежели она молчала, то, вѣроятно, по той-же причинѣ, что и онъ. Онъ сознавалъ это или, лучше сказать, чувствовалъ это съ какимъ-то тихимъ блаженнымъ ужасомъ и все ждалъ чего-то...

Послѣ одной такой встрѣчи онъ вернулся домой въ странномъ восторгѣ. Ничего особенно необычайнаго не случилось и не было сказано ничего, что могло-бы радовать, но сердце его ликовало, и онъ былъ такъ милъ и любовенъ съ Полиной Марковной, что та сама стала радоваться и крѣпко поцѣловала его. Дѣло въ томъ, что онъ замѣтилъ взглядъ Сонечки, горячій и любящій, точно обнимавшій его украдкой. Когда глаза ихъ встрѣтились, она покраснѣла и сдѣлала серьёзное, почти строгое лицо. Но уже было поздно. Иванъ Иванычъ крѣпко пожалъ ей руку, а она удивленно взглянула на него, и опять отвернулась и покраснѣла еще сильнѣе прежняго, и быстро ушла отъ него, отвѣ-

тилъ, однако, на его рукопожатіе также крѣпко и тепло. Съ этого момента Иванъ Иванычъ выросъ въ собственныхъ глазахъ и всю ночь не спалъ, повторяя: «да, я люблю и любимъ», между тѣмъ какъ изъ сумрака на него ласково смотрѣли чудные глаза дѣвушки—теперь уже совсѣмъ близко.

А Лозовскій? что съ нимъ? Подозрѣваетъ онъ что-нибудь, или ничего не подозрѣваетъ? Чуетъ-ли опасность? И если въ самомъ дѣлѣ Сонечка дружески расположена къ Ивану Иванычу, то есть, не дружески, а любовно, то какъ же относится она теперь къ Лозовскому? Эти вопросы отравляли Ивана Иваныча, не смотря на радость его. Правда, — утѣшалъ онъ себя, — Лозовскаго стало что-то рѣдко видать, и несомнѣнно у него съ Свѣницкой разладилось. Но тѣмъ не менѣе, надо знать все обстоятельно. Можетъ, у него и не было никакихъ серьёзныхъ замысловъ на счетъ Сонечки, и все сочинила городская молва, а можетъ, и были, можетъ, даже далеко заходили. Послѣдняя мысль заставляла Ивана Иваныча вскакивать, сжимать кулаки и съ ненавистью думать о Лозовскомъ.

Лозовскій, какъ нарочно, зашелъ къ нему на другой день, когда онъ собирался дѣлать послѣобѣденную прогулку. Иванъ Иванычъ встрѣтилъ его съ маленькимъ недоумѣніемъ. «Зачѣмъ пожаловалъ? подумалъ онъ. Ужъ не затѣмъ ли, чтобъ помѣшать»? И окинувъ его подозрительнымъ взглядомъ, поспѣшилъ улыбнуться натянутой улыбкой, которая означала и «милости просимъ» и «убирайся къ чорту». Лозовскій тряхнулъ кудрями и при этомъ брызнулъ растаявшимъ снѣгомъ на Ивана Иваныча, подалъ ему руку и тоже улыбнулся, сверкнувъ зубами. Оба ничего не сказали другъ другу, такъ что вышло немножко оффиціально. Однако, когда усѣлись на диванѣ въ гостиной, то разговоръ завязался. Лозовскій вдругъ началъ съ критики новой книжки журнала, гдѣ печатался романъ, чрезвычайно интересовавшій всѣхъ по художественному исполненію и по жгучимъ вопросамъ, которыхъ касался, а Иванъ Иванычъ сталъ оспаривать мнѣнія гостя. Оспаривалъ онъ любезно, не горячась, и думалъ: «нѣтъ, едва ли онъ что-нибудь подозрѣваетъ», хотя и продолжалъ себя чувствовать не совсѣмъ ловко. Это чувство упадало по мѣрѣ того, какъ росла его любезность, и на моментъ исчезло совершенно; но, покончивъ споръ съ гостемъ, онъ замѣтилъ, что усъ у того дрожитъ отъ насмѣшливой улыбки. Чувство неловкости тогда опять возросло у него, и въ головѣ его мелькнуло, что Лозовскій весь этотъ споръ о романѣ завелъ такъ-себѣ, вмѣсто предисловія къ чему-то, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Онъ сталъ ждать, посматривая на ногти, на кончики сапогъ, на давнымъ-давно примелькавшіяся картинки по стѣнамъ, въ окно, откуда виднѣлся бѣлый, какъ молоко, день, и гдѣ снѣгъ падалъ, медлительно и непрерывно, пушистыми хлопьями, задерживаясь на наружной сторонѣ стеколъ. «О чемъ же начнетъ онъ разговаривать теперь?» спрашивалъ себя Иванъ Иванычъ и съ тоской думалъ о Сонечкѣ, которая, пожалуй, возвращается ужъ съ урока, и на ея мѣховомъ бурнусикѣ, бархатной шляпкѣ и на розовыхъ отъ холода щекахъ, и на длинныхъ рѣсницахъ прищуренныхъ глазъ бѣлѣютъ и таютъ снѣжинки. Онъ вздохнулъ нетерпѣливо. Лозовскій между тѣмъ потянулся, зѣвнулъ весьма непринужденно и произнесъ, глянувъ на Ивана Иваныча немного сверху и искоса, такъ-какъ затылокъ его упирался въ спинку дивана, а руки были заложены въ карманы брюкъ, и ему трудно было повернуться.

— Небось, каждый день гуляете?

— Я?—спросилъ Иванъ Иванычъ съ испугомъ, потому что сказанное Лозовскимъ повидимому совершенно не вязалось съ предъидущимъ разговоромъ и слишкомъ прямо вело къ цѣли, то-есть укрѣпляло его сразу въ убѣжденіи, что Лозовскій подозрѣваетъ, какъ онъ относится къ Сонечкѣ.—Нѣтъ, не каждый день,—сказалъ онъ затѣмъ и точно также, искоса и сверху, посмотрѣлъ на Лозовскаго.

— Хорошая погода сегодня! — началъ Лозовскій, помолчавъ.— Ужасно люблю такую погоду. Вотъ и герой этого романа любитъ этотъ бѣлый тонъ, этотъ серебряный сумракъ, располагающій къ мечтамъ. Иногда я не прочь мечтать самъ, хоть и терпѣть не могу мечтать о несбыточномъ. А вы любите мечтать? Страсть какъ любите, и притомъ о несбыточномъ. Замѣчаю по тоскѣ вашихъ глазъ. Вѣдь я проницательный. Да и такъ слыхивалъ отъ васъ сужденьица и упованьица—ого-го-го! Однимъ словомъ, вы не даромъ фурьеристъ. Такъ вы не каждый день гуляете? А мнѣ казалось, каждый день.

Онъ снова замолчалъ. Иванъ Иванычъ нахмурился.

— Видите ли, дружище, вотъ что я вамъ скажу,—вдругъ началъ Лозовскій задушевно и понизивъ голосъ.—Мы хоть почти и ровесники, да я практичнѣе васъ, и поэтому выслушайте меня. Ради неба, дружище!

Онъ крѣпко и мягко пожалъ ему руку и посмотрѣлъ въ глаза дружескимъ взглядомъ. Лобъ Ивана Иваныча разгладился, неловкое чувство пропало на этотъ разъ уже совершенно. Онъ окончательно сообразилъ, къ чему клонитъ Лозовскій. «Хочетъ,

чтобъ я исповѣдался ему», подумалъ онъ. Но расположившись къ нему такъ благожелательно, онъ почувствовалъ въ тоже время инстинктивно, что надо быть на-сторожѣ, и рѣшилъ все скрывать и даже прикрыть все ложью, приписавъ встрѣчи съ Сонечкой, если станетъ спрашивать объ нихъ Лозовскій, простому случаю. Поэтому и лицо онъ сдѣлалъ себѣ такое, что оно, будучи открытымъ, напередъ уже говорило, что «нѣтъ, братъ, шалишь, ничего отъ меня ты не вытянешь, ибо и вытягивать нечего».

И, дѣйствительно, Лозовскій сначала ничего отъ него не вытянулъ. Иванъ Иванычъ кивалъ головой, пожималъ плечами, произносилъ: «ну, нѣтъ!», «помилуйте, батенька, что вы», «клянусь вамъ», «да увѣряю же васъ», все съ оттѣнкомъ въ высшей степени убѣдительной искренности и внутренно недоумѣвалъ, почему такъ легко ломать ему эту комедію, причемъ видѣлъ, что положеніе Лозовскаго постепенно становится двусмысленнымъ и онъ уже не знаетъ, какъ изъ него выпутаться. Лозовскій, впрочемъ, не прямо завелъ рѣчь о томъ, влюбленъ Иванъ Иванычъ въ Сонечку или нѣтъ, и если влюбленъ, то чего отъ нея ожидаетъ, а издали, намеками, вопросами, но, можетъ, оттого ему и труднѣе было покончить съ этимъ разговоромъ солидно и съ сохраненіемъ надлежащаго достоинства. Однако же, когда-нибудь надо было покончить. Иванъ Иванычъ, быстро давая отвѣты Лозовскому, все оставался неуязвимъ, провидя каждый разъ, что означаетъ тотъ или этотъ вопросъ и какіе произойдутъ результаты, если сказать такъ, а не этакъ; и въ душѣ восхищался собою. «Экій я политикъ, думалъ онъ, право, и не подозрѣвалъ!» И сдѣлался смѣлъ, развязенъ и боекъ. Наконецъ, сказалъ со смѣшкомъ, въ которомъ рѣзко прозвучала заигрывающая нотка:

— Однако, послушайте, Илья Петровичъ. Вы вотъ начали съ того, что хотѣли преподать мнѣ нѣчто въ родѣ совѣта — что-жъ именно вы мнѣ посовѣтуете и по какому поводу?

Лозовскій смолкъ, сдѣлалъ недовольную гримасу, взглянулъ на Ивана Иваныча такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «мой совѣтъ — отстать отъ Сонечки» и взявшись за шапку, застегнулъ пиджакъ, что Ивану Иванычу показалось знакомъ, что пора прекратить дружескія изліянія и пріятельскую бесѣду. Онъ пожалѣлъ, что увлекся, хотѣлъ поправить ошибку и сталъ удерживать гостя самымъ искреннимъ образомъ, безъ всякаго уже заигрыванія, прося его высказаться до конца. Но Лозовскій улыбнулся въ бороду, дескать «и изъ этого поведенія твоего могу я заключить, какія у тебя чувства, а больше хитрить съ

тобой незачѣмъ, лицемѣръ ты этакій», и всталъ, глянувъ въ окно.

— Потолковали и довольно,—произнесъ онъ.

И потомъ спросилъ съ оживленіемъ:

— А каковъ романъ-то, а?

Улыбка въ бороду и этотъ вопросъ лишили Ивана Иваныча твердости, съ какой онъ велъ весь предыдущій разговоръ. Вопросъ былъ двусмысленный. Эти двусмысленности и остроты всегда позволяли Лозовскому выходить сухимъ изъ воды. Иванъ Ивановичъ соображалъ нѣкоторое время, что̀ бы такое отвѣтить; наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ нравится, да...

— Прелесть, что такое! — подхватилъ Лозовскій.—Хотя я увѣренъ,—продолжалъ онъ, входя въ залъ,—что этотъ его мечтательный герой кончитъ какой-нибудь гадостью. Оттого заранѣе не симпатизирую ему... Не правда ли?..

— Я съ вами несогласенъ, Илья Петровичъ,—сказалъ Иванъ Иванычъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Герой хорошій человѣкъ...

— Увѣряю васъ, онъ просто дрянь,—сказалъ Лозовскій презрительно и посмотрѣлъ на Ивана Иваныча съ брезгливымъ выраженіемъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ Иванъ Иванычъ, — что дрянь —этотъ вотъ филистеръ, который фигурируетъ въ романѣ въ качествѣ дѣльца и развивателя молодой барышни. Она его не любитъ, а онъ все-таки лѣзетъ къ ней съ своимъ законнымъ бракомъ... Дрянь и даже свинья,—заключилъ Иванъ Иванычъ убѣжденно.

Лозовскій иронически улыбнулся и пытливо взглянулъ на Ивана Иваныча, которому опять между тѣмъ сдѣлалось досадно, зачѣмъ это онъ злится и обнажаетъ такимъ образомъ передъ соперникомъ свою душу.

Въ передней гость, надѣвши пальто и шапку, сказалъ съ небрежнымъ зѣвкомъ:

— Что вамъ не скучно? Поѣхали бы вмѣстѣ со мной куда-нибудь... Поѣдемте!

— Куда?—спросилъ Иванъ Иванычъ съ недоумѣніемъ.

— Поѣдемте къ Сонечкѣ,—сказалъ Лозовскій, понизивъ голосъ и сверкнувъ глазами.—Превеселая дѣвочка!

— Это какая же Сонечка? — спросилъ Иванъ Иванычъ, блѣднѣя.—Я... О комъ вы говорите?

— О Свѣнцицкой!—спокойно отвѣчалъ Лозовскій, очевидно

наслаждаясь смущеніемъ Ивана Иваныча, вдругъ переставшаго владѣть собой.

— О Свѣнцицкой?—сказалъ Иванъ Иванычъ сурово.—Такъ это не Сонечка и не дѣвочка. Это—Софья Павловна... Что за тонъ, какъ это такъ можно!

— Тише, пожалуйста!—благодушно сказалъ Илья Петровичъ, все продолжая наслаждаться гнѣвнымъ видомъ Ивана Иваныча, точно это была та именно исповѣдь, которой онъ тщетно добивался отъ него передъ этимъ.—Вѣдь я же право имѣю называть ее Соничкой. Да и дѣвочка она еще, потому что лѣтъ на шесть моложе меня. Вы знаете, она моя невѣста? Все давно слажено у насъ, даже съ ея отцомъ. Могъ бы хоть сейчасъ жениться, но пусть подростетъ. Ха-ха! Чего же вы такъ распѣтушились? Она была бы очень рада, еслибъ мы пріѣхали къ ней на чай... Увѣряю васъ.

— Неловко,—сказалъ Иванъ Иванычъ упавшимъ голосомъ и подумалъ съ отчаяньемъ: «невѣста, до сихъ поръ невѣста!»

Торжествующій Лозовскій продолжалъ:

— Почему же, спрашивается, неловко? Съ женихомъ вѣдь! Иванъ Иванычъ, вѣдь я женихъ. Слышите? Никому я еще этого не говорилъ, а вотъ вамъ похвастался, потому что вы мой другъ и порадуетесь на насъ. Впрочемъ, до васъ, пожалуй, доходили вѣсти... Меня обручили съ Сонечкой раньше еще, чѣмъ идея эта у меня зародилась. Проницательный народъ наши сограждане, Иванъ Иванычъ!.. И такъ, ѣдемте. Я въ качествѣ жениха, а вы—въ качествѣ кого? Въ качествѣ, напримѣръ... въ качествѣ... въ качествѣ...

Ивану Иванычу былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Лозовскій, казалось ему, видитъ его насквозь и читаетъ въ его мысляхъ все сокровенное. Политика его не удалась, онъ не умѣлъ сдержать себя и все выдалъ своимъ «дурацкимъ волненіемъ» (упрекалъ онъ себя). Теперь онъ ждалъ съ жгучимъ любопытствомъ конца фразы Лозовскаго, глаза котораго, темные и блестящіе, смѣялись изъ-подъ нахлобученной мѣховой шапки. Ихъ странный смѣхъ подтверждалъ его опасенія. И, въ отвѣтъ на него, въ груди его закипѣла злость.

— Нѣтъ, я не поѣду,—сказалъ онъ рѣшительно.—Что-жъ, къ дѣвушкѣ неловко. Сами-жъ насчетъ проницательности сограждань говорите. Городъ подлый. И хотя вы и женихъ тамъ, но и вамъ неловко... Нѣтъ, я не тово... не поѣду!

— Напрасно,—произнесъ Лозовскій и слегка нахмурился.—Впрочемъ, я зналъ, что вы откажетесь.

И ушелъ, посмѣиваясь въ бороду, подтрунивая надъ неумѣстной скромностью Ивана Иваныча.

Иванъ Иванычъ сдѣлался пасмуренъ и чуть не заболѣлъ. «Какъ же это,—думалъ онъ,—неужели она-таки выйдетъ за него? И то, что̀ мнѣ вчера такъ привѣтно улыбнулось—сонъ, плодъ воображенія»!? Онъ похудѣлъ, осунулся. Мучительная тоска грызла его.

По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ затѣмъ по улицамъ и въ лихорадочномъ волненіи все поджидалъ случая увидѣть Сонечку. Но Сонечка ни разу не встрѣтилась. Можетъ быть, она избѣгала встрѣчи съ нимъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и отправился прямо къ ней.

Онъ узналъ ее изъ коридора по тѣни, которую отбрасывала ея фигура на бѣлую занавѣску. Она сидѣла неподвижно, но голова ея слегка качалась, точно въ печальномъ раздумьи. Грудь Ивана Ивановича вспыхнула, ему сдѣлалось страшно.

«Зачѣмъ?—мелькнуло у него.—Назадъ! Вѣдь ты связанъ по рукамъ и ногамъ! Даже еслибъ полюбила она тебя дѣйствительно, то что̀ могъ бы сдѣлать ты? Мечтатель! Но этого мало. Она другого любитъ. Ты ставишь себя въ нелѣпое положеніе. Надъ тобой смѣяться будутъ и она, и Лозовскій. Назадъ! Ради Бога назадъ! Потомъ со стыда сгоришь!»

Но тянуло впередъ, тянуло неудержимо. Онъ вошелъ, ободряемый воспоминаніемъ объ ея взглядѣ, которымъ она осчастливила его недѣлю тому назадъ. Шопотомъ спросилъ у горничной, можно ли видѣть барышню, и уже не помнилъ, какъ очутился въ ея комнатѣ.

Сонечка пошла къ нему на встрѣчу, улыбаясь, но съ глазами широко раскрытыми отъ удивленія. Ярко горѣла стѣнная лампа и освѣщала ее. На ней была сѣрая блуза, стянутая кожанымъ поясомъ, съ стальной пряжкой, и бѣлые воротнички. Отъ этого скромнаго наряда повѣяло на Ивана Иваныча чѣмъ-то строгимъ. И онъ робко протянулъ руку Сонечкѣ и посмотрѣлъ на нее почти умоляющимъ взглядомъ.

Она съ любопытствомъ, взглянула на него, улыбнулась еще разъ, но уже застѣнчиво, и, пріятельски пожавъ его руку,—точно хотѣла дать ему понять, чтобъ онъ не робѣлъ,—сказала:

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ. Садитесь, будете гостемъ. Что, холодно? А какъ здоровье Полины Марковны? У ней, помнится, флюсъ былъ?..

Иванъ Иванычъ ободрился. «Это хорошо, что она не сердится, что я пришелъ»,- подумалъ онъ. Потомъ махнулъ рукой

и произнесъ: «Чтó флюсъ!» и чуть-было не приступилъ къ изложенію главной цѣли своего посѣщенія, но помѣшало что-то въ горлѣ. Онъ кашлянулъ, сѣлъ, сказалъ, что морозъ «ничего себѣ», обвелъ глазами комнату и сталъ разсматривать рисовальныя принадлежности Сонечки — мольбертъ, палитру, кисти, оловянные флакончики съ красками.

— Вы рисуете?—сказалъ онъ затѣмъ любезно.

— Да, мажу...—отвѣчала Сонечка, конфузливо глянувъ на неоконченный этюдъ женской головы, висѣвшій въ простѣнкѣ. —Да и лѣплю,—прибавила она, и также конфузливо посмотрѣла на глиняный бюстъ, стоявшій на высокомъ табуретѣ и, вѣроятно, только-что сдѣланный, потому что онъ былъ мокрый.

Иванъ Иванычъ всталъ, подошелъ, внимательно и даже съ восторгомъ осмотрѣлъ все и горячо похвалилъ. Сонечка пріятно улыбалась, но не признавала за своими произведеніями достоинствъ. Иванъ Иванычъ сталъ съ ней спорить и прочить ей славную будущность. Она краснѣла и качала головой, хотя можно было видѣть, что и она раздѣляетъ эти надежды и что ей нравятся похвалы Ивана Иваныча.

— А вы знаете, и у меня есть одинъ вашъ замѣчательный рисунокъ—я стащилъ его у Полины Марковны...—сказалъ вдругъ Иванъ Иванычъ съ торжествомъ, достаточно краснорѣчивымъ, чтобъ понять, что онъ особенно дорожитъ этимъ рисункомъ.

Сонечка тревожно взглянула на него.

— Какой рисунокъ? Ахъ да, плохой рисунокъ!—произнесла она, покраснѣвъ, и сдѣлала серьёзное лицо.—Вы черезъ-чуръ хвалите меня, Иванъ Иванычъ. Я не стою такихъ похвалъ. Или, можетъ, вы льстите?

— О, нѣтъ, что вы!—воскликнулъ Иванъ Иванычъ съ огорченіемъ.—Вѣдь вы удивительная... Какая тутъ лесть... Я вотъ смотрю на васъ и дышать не смѣю отъ благоговѣнія... Право, какая ужъ тутъ лесть!

Сонечка улыбнулась, взглянувъ неопредѣленно въ пространство, причемъ Иванъ Иванычъ замѣтилъ, что глаза ея какъ-то удивительно прекрасно потемнѣли за время, что онъ не видѣлся съ нею, и лѣниво подошла къ высокому табурету съ бюстомъ.

— Не говорите мнѣ такихъ вещей, Иванъ Иванычъ,—сказала она, не глядя на него, и провела лопаточкой нѣсколько штриховъ по глинѣ.

Онъ отвѣтилъ со вздохомъ:

— Хорошо...

Но затѣмъ, когда лопаточка упала на полъ, и Сонечка на-

клонилась, чтобъ поднять ее, и вставъ тряхнула волосами, глаза его вспыхнули и, подойдя къ ней, онъ произнесъ съ увлеченіемъ:

— Я не лгу, Софья Павловна, клянусь вамъ... Я, напримѣръ, уже счастливъ, что вы не гоните меня вонъ и терпите возлѣ себя... Мнѣ вѣдь и это въ диковинку...

— Молчите,—тихо сказала Сонечка и нахмурилась.

И онъ замолчалъ; но чувствовалъ, что началъ уже скользить по наклонной плоскости, что не можетъ удержаться въ границахъ, предписываемыхъ благоразуміемъ, и потому горѣлъ желаніемъ излить душу—на чистоту, и ожидалъ лишь удобнаго момента, когда разгладятся чуть замѣтныя морщины на лбу Сонечки и блѣдное лицо ея разцвѣтетъ улыбкой и привѣтливо зарумянится. Однако, ждать пришлось очень долго. Сонечка была упорно серьёзна, какъ никогда, и даже неопредѣленная улыбка ея глазъ изчезла. Иванъ Иванычъ подъ конецъ сидѣлъ какъ на горячихъ угляхъ. Разговоръ клеился теперь плохо.

«Нѣтъ, скажу прямо и сразу, думалъ все Иванъ Иванычъ. Если она любитъ меня хоть чуточку, чего нельзя допустить и что̀, положимъ, несбыточно, но о чемъ, однако, можно же мечтать, то признаніе мое лишь ускоритъ развязку. Если же не любитъ, что̀ въ высшей степени вѣроятно, ибо тотъ милый взглядъ былъ просто случайно брошенъ и могъ быть вызванъ мыслью о Лозовскомъ, то все равно—чѣмъ скорѣй освободиться отъ иллюзій, тѣмъ лучше! Мукъ не будетъ, то-есть муки будутъ —и какія муки!—да томленія не будетъ!»

«Томленія не будетъ!» повторилъ онъ мысленно эту же фразу черезъ минуту и все-таки не приступалъ къ своему рѣшительному разговору, а сидѣлъ и терзался. Положеніе его тѣмъ болѣе было неудобно, что Сонечка, точно забывъ объ его присутствіи, вся, повидимому, ушла въ работу и отдѣлывала бюстъ, такъ-что онъ боялся ей мѣшать и не раскрывалъ рта, между тѣмъ, какъ въ умѣ его начинала копошиться назойливая мысль о приличіи, о томъ, что пора уходить,—мысль, глушившая другія его мысли. Къ довершенію же терзанія въ передней послышались знакомые твердые шаги Лозовскаго, и тотъ вошелъ въ комнату безъ доклада, вдругъ распахнувъ двери. Ивана Иваныча точно варомъ обварило, и онъ на секунду принизился, искренно пожелавъ себѣ провалиться сквозь землю.

— А, честна́я компанія!—сказалъ Лозовскій съ веселымъ смѣшко́мъ, кланяясь манерно, по-прикащичьи, и пронизавъ взглядомъ сначала Ивана Иваныча, потомъ Сонечку.

Иванъ Иванычъ всталъ и подалъ ему руку, которая дрожала до самаго локтя. И также дрожали его губы, когда онъ спросилъ, желая быть, по возможности, развязнымъ:

— Какъ поживаете?

На что Лозовскій только усмѣхнулся и кивнулъ головой— дескать «поживаю отлично», и затѣмъ обратился съ вопросомъ къ Сонечкѣ

— Не раздумали?

— Раздумала, — отвѣчала она послѣ паузы, колеблясь, и вообще Ивану Иванычу казалось, что появленіе ея жениха нѣсколько испугало ее.

— Это мы въ театръ собирались, — объяснилъ Лозовскій Ивану Иванычу.—Какъ же это вы раздумали?—обратился онъ опять къ дѣвушкѣ, въ рукахъ которой лопаточка ходила уже не съ такой твердостью, не въ опредѣленныхъ направленіяхъ, а какъ-то ощупью, какъ бы наугадъ.

— Такъ, уже не хочется,—отвѣчала она.

— Шатиловъ роль какую играетъ! Умрете отъ наслажденія! Матушка-а!—протянулъ онъ съ дѣланнымъ увлеченіемъ, все въ той же манерѣ приказчика, которую усвоилъ себѣ при входѣ въ комнату, и въ которой, повидимому, рѣшилъ вести и всю дальнѣйшую бесѣду.

«Этакимъ манеромъ онъ отъ всего отшутится,—подумалъ Иванъ Иванычъ съ отвращеніемъ, чувствуя на себѣ насмѣшливый взглядъ Лозовскаго,—а меня оскорбитъ, намекомъ или чѣмъ нибудь». «Ужъ вотъ взглядомъ онъ меня оскорбляетъ», рѣшилъ онъ, и щеки его вспыхнули, а глаза опустились, и онъ сталъ перебирать флаконы съ красками, отвинчивая и снова навинчивая ихъ оловянныя пробочки.

— Ну, не хотите въ театръ, такъ будемте чай пить,—сказалъ вдругъ Лозовскій и грузно сѣлъ на кровать, такъ-что она затрещала.—Прикажите! Да тамъ вонъ въ пальто книжка—прелесть я вамъ скажу. Захватите по дорогѣ и оставьте у себя. Совѣтую проштудировать.

— Спасибо!—произнесла Сонечка и вышла. Въ походкѣ ея торопливой, какъ и подобало въ данномъ случаѣ, потому что хозяйки всегда любезно суетятся, а въ особенности молодыя, было однако что-то робкое и застѣнчивое, и тутъ, въ этой застѣнчивости Иванъ Иванычъ смутно угадывалъ точку соприкосновенія своего душевнаго міра съ душевнымъ міромъ дѣвушки; а потому и считалъ себя, въ виду грознаго противника, не со

всѣмъ еще безсильнымъ и былъ готовъ, при случаѣ, даже сразиться съ нимъ.

Эта готовность особенно усилилась по уходѣ Сонечки, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не поднять головы и не посмотрѣть на Лозовскаго. Но тотъ уже смотрѣлъ на него. Взгляды ихъ встрѣтились и никто не потупилъ глазъ. Оба молчали. Началась какая-то нѣмая ссора. Лозовскій какъ-бы хотѣлъ выразить: «неловко, братъ, къ дѣвушкѣ ходить, а пришелъ, да притомъ и одинъ. На чужой каравай ротъ разинулъ. Нѣтъ, ужъ тутъ совсѣмъ не чисто». А Чуфринъ какъ бы отвѣчалъ: «ну, такъ чтожъ, и пришелъ, и буду ходить». Ему въ этотъ мигъ стало, во всякомъ случаѣ, ясно, что Лозовскій видитъ его насквозь и ненавидитъ всѣми силами. Тогда онъ рѣшилъ не скрывать своихъ чувствъ, пересталъ напряженно улыбаться, нахмурилъ брови и зло сверкнулъ глазами, сдѣлавъ презрительную гримасу. Лозовскій между тѣмъ продолжалъ все смотрѣть на него, и блескъ его глазъ сдѣлался для Ивана Иваныча почти невыносимъ. Тогда внезапная животная ярость напрягла его жилы и мускулы. Онъ раскрылъ ротъ, чтобъ сказать что-нибудь рѣзкое и обидное, но ничего не сказалъ, понялъ во-время, что вышло бы глупо, и только зѣвнулъ, какъ рыба, и отвернулся, опустивъ глаза. А Лозовскій опрокинулся на подушки и весело захохоталъ. Казалось, что и на этотъ разъ онъ досконально постигъ Ивана Иваныча и проникъ всѣ его мысли.

Тутъ вошла Сонечка. Лозовскій не всталъ и лежалъ на кровати съ видомъ полноправнаго хозяина, продолжая хохотать. Иванъ Иванычъ былъ блѣденъ и искалъ глазами шляпу. Онъ сразился и былъ побѣжденъ. Поведеніе Лозовскаго краснорѣчиво говорило, что тотъ занимаетъ крѣпкую позицію и увѣренъ въ своей силѣ. И ища шляпу, Иванъ Иванычъ чувствовалъ, что руки его холодны.

«Уйду, совсѣмъ нелѣпо оставаться», думалъ онъ.

Но что это съ Сонечкой? Она нахмурила бровки, покраснѣла и тихо сказала глухимъ голосомъ:

— Встаньте, Илья Петровичъ, я не люблю, чтобъ на мою постель съ ногами забирались. Да и не такая близость у насъ...

Иванъ Иванычъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. И перемѣна, послѣдовавшая отъ этихъ словъ въ настроеніи его, была такъ внезапна, онъ почувствовалъ такой приливъ радости, что не могъ сдержать торжествующей улыбки и чуть не бросился стаскивать Лозовскаго съ кровати.

Лозовскій поспѣшно привсталъ.

— Даже еслибъ и близость была, — отшутился онъ, — то при семъ кавалерѣ мнѣ ложиться на вашу постель не подобаетъ, это я понимаю, и приношу милліонъ извиненій... А оправданіемъ мнѣ да послужитъ то обстоятельство, что онъ, Иванъ Иванычъ, уморилъ меня со смѣху! Право! И я долженъ былъ упасть въ изнеможеніи на ваше прелестное ложе...

Онъ поклонился опять по-прикащичьи и мелькомъ взглянулъ на Ивана Иваныча, глаза котораго потемнѣли отъ гнѣва, но который, впрочемъ, сейчасъ же оправился, тѣмъ болѣе, что Сонечка сказала:

— Что вы ломаетесь, Илья Петровичъ? И съ досадой, какъ бы про себя, прибавила:—Ей-Богу, надоѣло все это...

Причемъ Иванъ Иванычъ замѣтилъ, что голосъ ея дрожалъ, точно отъ обиды.

Лозовскій ничего не отвѣтилъ, махнулъ рукой и вздохнулъ глубокимъ вздохомъ.

— Вотъ-что, Сонечка, — сказалъ онъ послѣ паузы,—мнѣ надо съ вами поговорить въ серьёзъ. Вы извините, что я васъ «Сонечкой»... По старой памяти, знаете... Уму-разуму вѣдь два года училъ... Такъ ужъ прикажите господину Чуфрину уйти, онъ лишній тутъ, по крайней мѣрѣ, сегодня...

— Да я вотъ и самъ собираюсь,—сказалъ Иванъ Иванычъ, уязвленный этимъ предложеніемъ и въ тоже время повинуясь взгляду Сонечки, загорѣвшемуся какъ-то не то стыдливо, не то просительно.

— Простите,—сказала она, протягивая ему ласково руку,— приходите въ другое время, всегда рада, а теперь у насъ съ Ильей Петровичемъ что-то обострилось... Пожалуй, ссориться вотъ сейчасъ будемъ,—прибавила она съ улыбкой.

— Просто за чайкомъ потолкуемъ,—объяснилъ Лозовскій, расправляя плечо, точно послѣ гимнастики, и нетерпѣливо посматривая на дверь.

Иванъ Иванычъ ушелъ и сталъ въ передней надѣвать шубу и калоши. Лицо его горѣло. Онъ напрасно силился сообразить, какіе результаты можетъ дать сегодняшній его визитъ. Мысли его спутались, въ головѣ былъ сумбуръ. Чувствовалось только, что сдѣланъ какой-то шагъ, но назадъ или впередъ, онъ не смѣлъ опредѣлить. Сердце его тревожно билось, руки дрожали.

Было темно. Горничная не показывалась, и выходъ изъ передней въ коридоръ едва можно было отыскать ощупью. Онъ долго возился тутъ.

Вдругъ гдѣ-то въ противуположномъ мѣстѣ отворилась дверь,

и къ нему подошла, спѣшнымъ шагомъ, Сонечка. Онъ узналъ ее инстинктомъ, и притомъ сразу. И также инстинктивно и стремительно, объятый невыяснимой радостью, протянулъ къ ней руки, и губы ихъ встрѣтились, и она прошептала, обжигая его этимъ шопотомъ:

— Милый, милый, люблю васъ крѣпко, ужасно люблю!

У него словъ не хватило, чтобъ отвѣтить, дыханье спирало. И опустившись на колѣни, въ восторгѣ, въ уничиженіи, онъ поцѣловалъ край ея платья. Онъ не спросилъ, какъ поступитъ она относительно Лозовскаго. Вопросъ этотъ внезапно упразднился и уже не представлялъ интереса. Вѣдь она же, эта дѣвушка, это божество, любитъ его, Ивана Иваныча, и никого больше, никого!

Онъ ушелъ, пьяный отъ счастья, и всю дорогу пѣлъ и свисталъ, точно подкутившій мастеровой, и не вѣрилъ, чтобъ блаженство, будучи такимъ огромнымъ, могло переноситься такъ легко, и съ радостнымъ страхомъ ждалъ, что онъ изнеможетъ подъ его тяжестью, что оно его раздавитъ.

А снѣжная улица молчала. Одиноко вдали мигалъ керосиновый фонарь, и тополи, чуть бѣлѣя, смотрѣли изъ сумрака ночи, и лаяли собаки. И никогда міръ не казался Ивану Иванычу прекраснѣе и жизнь отраднѣе.

III.

Воспоминанія Ивана Иваныча были прерваны на этомъ мѣстѣ появленіемъ Полины Марковны, наполнившей кабинетъ любимымъ своимъ запахомъ віолеттъ-де-пармъ, запахомъ, который и заставилъ его очнуться сразу, и даже вздрогнуть.

Молодая женщина была одѣта въ бѣлое платье. Въ маленькихъ ушахъ, плоскихъ и прижатыхъ къ большому черепу, сверкали бриллiантовыя сережки. Русая коса была тщательно сплетена и сложена на затылкѣ. Лицо было чуть-чуть присыпано пудрой, чтобъ скрыть багровыя пятна,—Иванъ Иванычъ сейчасъ же увидѣлъ это,—а грудь, слегка декольтированная, согласно требованіямъ лѣтняго сезона, была украшена свѣжимъ розаномъ. Вообще, Полина Марковна была наряжена съ большимъ вкусомъ и производила своей цвѣтущей внѣшностью нѣкоторый эффектъ.

Иванъ Иванычъ не зналъ, какъ ему быть. Вчера еще онъ непремѣнно нахмурилъ бы брови, сдѣлалъ бы непривѣтли-

все лицо и брезгливо спросилъ бы: «вамъ что угодно, сударыня?» потому что до вчерашняго дня онъ былъ въ ссорѣ съ женой. Поссорился же онъ съ ней изъ-за Сонечки, мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ эта дѣвушка призналась ему въ любви. Онъ плохо вѣрилъ, что Полина Марковна, разъ узнавши, что сердце его несвободно, согласится на разъѣздъ и первая предложитъ эту мѣру, какъ самую естественную въ данномъ случаѣ. И не ошибся. Когда, по требованію Сонечки, онъ все разсказалъ женѣ, то привелъ ее въ какое-то бѣшеное отчаяніе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ невиданныхъ имъ дотолѣ нелѣпостей. Полина Марковна поблѣднѣла, схватила лампу и съ силой бросила ее на полъ, такъ что та разлетѣлась въ дребезги, потомъ дико вскрикнула и упала на диванъ, лицомъ внизъ, и стала рыдать съ визгомъ и воемъ. Затѣмъ, вскочивши, сжала кулаки и стремительно направилась къ мужу, крича: «Подай мнѣ ее, подай мнѣ эту тварь, я разорву ее, я задушу ее». Но сама вскорѣ устыдилась своего крика, и скорбь ея стала тише, хотя, можетъ быть, острѣе и болѣзненнѣе; часъ просидѣла она безмолвно. Наконецъ, заключила обильными слезами, причемъ перемѣнила два носовыхъ платка и часто нюхала уксусную соль. Цѣлую недѣлю затѣмъ она не обмѣнялась съ мужемъ ни словомъ, но выходила къ обѣду, и если Ивана Иваныча не было дома, угрюмо ждала его, пока не простывалъ супъ. Тогда она приказывала все убирать, а когда Иванъ Иванычъ возвращался, опять накрывала столъ и, во время ѣды, вздыхала глубоко и протяжно. «Если это такъ будетъ вѣчно, думалъ Иванъ Иванычъ, то отчего же намъ и не разъѣхаться», и написалъ ей въ этомъ смыслѣ письмо, потому что побоялся личныхъ объясненій. Вообще онъ трусилъ жены, и чѣмъ больше трусилъ, тѣмъ больше не любилъ. Она, прочитавъ письмо, захотѣла, однако, переговорить съ нимъ лично, и когда на вопросъ ея, серьёзно ли это онъ, или можетъ быть такъ — можетъ быть, это временная прихоть молодого мужчины, которую она, пожалуй, могла бы еще стерпѣть и простить, — онъ отвѣчалъ, что, конечно, серьезно, то она пожала презрительно плечами и произнесла: «ну, это посмотримъ!» И въ тонѣ, какимъ было сказано это, было столько самоувѣренности, столько, такъ-сказать, американскаго, что Иванъ Иванычъ почувствовалъ неопредѣленный страхъ, почти ужасъ, и, въ свою очередь, грубо закричалъ на жену, чего съ нимъ прежде никогда не случалось, и увѣрялъ ее, что даже изъ ада вырвался бы для Сонечки. Жена вела себя на этотъ разъ чрезвычайно сдержанно

и заключила бесѣду фразой, что пока она видитъ только, какъ онъ губитъ дѣвушку, потому что въ городѣ всѣ уже объ этомъ говорятъ; шила вѣдь въ мѣшкѣ не утаишь. Онъ сознавалъ справедливость упрека, сознавалъ, что былъ неостороженъ, и въ отвѣтъ постучалъ только кулакомъ по столу, а жена саркастически улыбнулась и ушла. Конечно, онъ давно могъ бы бросить жену и уѣхать съ Сонечкой въ Петербургъ, какъ это и было порѣшено между ними въ принципѣ; но мѣшали разныя обстоятельства, а главное—не было денегъ. Какъ ни презрительно относился онъ къ службѣ, однако, сталъ хлопотать о переводѣ въ столицу, и одинъ важный баринъ написалъ ему, что, пожалуй, въ маѣ или іюнѣ для него очистится тамъ незначительное мѣстечко. Иванъ Иванычъ былъ и тому радъ, и ждалъ назначеннаго срока, какъ манны небесной. Сонечка, съ своей стороны, медлила. Она поджидала поры экзаменовъ, когда уроковъ бываетъ особенно много и платятъ дорого, чтобъ собрать рублей полтораста—«себѣ на приданое», шутила она. Кромѣ того, оба ожидали съ горячимъ нетерпѣніемъ отвѣта изъ одной редакціи, куда послали большую поэму, совмѣстно сочиненную и озаглавленную: «Деревня». Поэма должна была принести, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей. Однимъ словомъ, рѣшено было вмѣстѣ жить и вмѣстѣ уѣхать, но когда именно—никто изъ нихъ этого навѣрное не зналъ. Поэтому, когда Полина Марковна вдругъ сдѣлала визитъ Сонечкѣ и обошлась съ ней дружески, и даже поцѣловала, и затѣмъ предложила свои услуги по части снаряженія бѣгства съ нею Ивана Иваныча, съ которымъ тоже круто измѣнила обращеніе и сдѣлалась привѣтлива и пріятельски-любезна, какъ сестра, то Иванъ Иванычъ сначала несказанно этому удивился, а потомъ и несказанно обрадовался. И вотъ какимъ образомъ состоялось его примиреніе съ Полиной Марковной. Раздумывая теперь, какъ ему быть съ нею, т.-е. отнестись ли къ ней, по старой памяти, какъ къ женѣ и лицемѣрно улыбнуться и даже поцѣловать у ней руку, или же запахнуть поспѣшно халатъ и сдѣлать сконфуженное лицо, какъ при посторонней дамѣ, онъ былъ смущенъ ея, очевидно, изысканнымъ, хотя и «простенькимъ» туалетомъ и затѣмъ пудрой, скрывавшей знакомыя пятна—признаки ея сильнаго душевнаго волненія. И потому, встревоженно взглянувъ на нее, онъ забылъ всякую политику и, даже не поздоровавшись, поспѣшно спросилъ, ожидая услышать что-нибудь непріятное:

— А что?

Полина Марковна сама протянула ему руку и, поднявъ брови, какъ бы въ минутномъ недоумѣніи, отвѣчала съ улыбкой:

— Ничего, другъ мой.

И сѣла рядомъ, поправивъ платье и заложивъ ногу за ногу съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ нѣсколько цинической непринужденности, какую позволяютъ себѣ при мужчинахъ только ихъ жены. Все это дало тонъ дальнѣйшей бесѣдѣ супруговъ.

Иванъ Иванычъ сказалъ, улыбаясь успокоенно:

— Когда ты вошла, мнѣ показалось, что ты хочешь сообщить мнѣ что-нибудь неожиданное и тревожное... У тебя видъ взволнованный...

— Я?—произнесла Полина Марковна и приложила платокъ къ лицу.—Нѣтъ, мой другъ. Но, конечно, я не могу же быть равнодушна. Но вотъ что: ты завтра рѣшительно уѣзжаешь? Или, можетъ быть, послѣ завтра?

И опять приложила платокъ къ лицу.

Иванъ Иванычъ почувствовалъ себя неловко. «Быть мужемъ, думалъ онъ, не будучи таковымъ de facto, ужасно странно». И сдѣлавъ лицо не то сострадательное, не то печальное, не то благодарное, протянулъ съ лѣнивой улыбкой:

— Завтра-то, завтра... Непремѣнно завтра!

— Въ которомъ часу? Утромъ?—спросила жена.

— Утромъ.

— На тройкѣ?

— Да, на почтовыхъ.

— Съ колокольчикомъ?

— Вѣроятно,—произнесъ онъ съ усмѣшкой. И затѣмъ прибавилъ:—что, однако, за вопросъ?

Полина Марковна сдѣлала видъ, что не слышитъ этого замѣчанія. И мечтательно устремивъ глаза въ пространство, начала:

— Мы тоже тогда съ колокольчикомъ ѣхали... Помнишь? Музыкальный былъ такой... И ты спалъ у меня на колѣняхъ. А голова у тебя была кудрявая, потому что я тебя сама завивала къ вѣнцу... Помнишь?

— Помню,—отвѣчалъ Иванъ Иванычъ съ нетерпѣливой гримасой, но сейчасъ же загладилъ дурное впечатлѣніе этой гримасы улыбкой.

Полина Марковна продолжала:

— Знаешь, я васъ сама хочу провожать. Понимаешь? Мнѣ кажется, это будетъ мило. Какъ ты думаешь?

— Дѣйствительно, это будетъ мило,—сказалъ Иванъ Ива-

нитъ.—Вообще ты очень милая женщина и твое великодушіе меня поражаетъ, тѣмъ болѣе, что знаю я, чего тебѣ это стоитъ...

Голосъ у него задрожалъ отъ избытка благодарнаго чувства, хотя въ то же время не могъ онъ отдѣлаться и отъ чувства опасливости въ присутствіи жены, которое вдругъ выросло, когда она въ отвѣтъ взяла его за руку и наклонилась къ нему любовно.

— Милый мой мальчикъ,—сказала нѣжно Полина Марковна:—нѣтъ жертвы, которой я не принесла бы для тебя! Клянусь тебѣ! Все тебѣ готова отдать. Вотъ теперь отдаю тебѣ свою жизнь—потому что мнѣ жизнь безъ тебя могила. Сердце мое умретъ. А безъ сердца что за жизнь? Но отдавая тебѣ все, конечно, не безъ борьбы,—я радуюсь, потому что ты будешь счастливъ... Слышишь, радуюсь!

И она еще больше наклонилась къ нему, такъ что голова ея уперлась въ его плечо, а влажные глаза искали его взгляда. Онъ улыбнулся ей, потому что былъ благодаренъ и понималъ, что гнать ее отъ себя сухимъ обращеніемъ было бы безжалостно наканунѣ такого событія, которое осуществлялось, преимущественно благодаря ея неожиданной безкорыстной помощи (она заняла ему денегъ), Однако, чувство опасливости росло въ немъ. И улыбнувшись, онъ поспѣшилъ перевести взглядъ съ жены на портретъ Сонечки, висѣвшій прямо на стѣнѣ.

— Милый мой,—продолжала Полина Марковна, ласкаясь къ нему все больше и больше:—хочу я тебя о чемъ-то попросить...

Онъ сдѣлалъ широкіе глаза и сердце его застучало.

— О чемъ?—спросилъ онъ съ боязнью и тоской.

— У меня есть теперь девятьсотъ рублей,—сказала Полина Марковна, конфузливо опуская глаза,—возьми у меня ихъ въ дополненіе къ тѣмъ тремъ сотнямъ, чтó взялъ на дорогу. Возьми, душоночекъ! Вамъ понадобятся съ Сонечкой! Придется дѣлать обстановку, а тамъ въ Петербургѣ все дорого... Возьми!

Ему сдѣлалось совѣстно, но сердце его перестало стучать. Лицо просіяло.

— Нѣтъ, спасибо тебѣ, милая, но мы больше не возьмемъ... Такихъ денегъ скоро не отдать, а взять ихъ тáкъ—является вопросъ, не похоже ли это ужъ на грабежъ? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, спасибо!

— Возьми!

— Нѣтъ.

— Возьми, милый!

— Нѣтъ и нѣтъ!—сказалъ онъ рѣшительно, хотя и подумалъ: «а купъ хорошій!» и можетъ быть, именно потому и отвѣтилъ такъ рѣшительно: «нѣтъ».

Тогда Полина Марковна неожиданно подкрѣпила свою просьбу поцѣлуемъ. Это его опять напугало. «Неужели ей надо отдать поцѣлуй?» спросилъ онъ себя мысленно. «Очень двусмысленное положеніе... Не поцѣлую!» И нахмурился. Но Полина Марковна не обратила на это вниманія и сама нѣсколько разъ поцѣловала его въ губы и щеки. Онъ привсталъ, крѣпко пожалъ ей руку, въ знакъ того, что поцѣлуи неумѣстны, а имѣетъ мѣсто только дружба, и подумалъ съ облегченіемъ: «кажется, поступилъ съ тактомъ». Полина Марковна сдѣлала грустное лицо, вздохнула и сказала:

— Ну, какъ знаешь, Ваня. Вѣрь, что мнѣ не жалко. Но можетъ быть, Сонечка возьметъ?

— Нѣтъ, и Сонечка не возьметъ... Зачѣмъ намъ?—сказалъ онъ.—Обстановокъ мы заводить не будемъ. Тамъ новой жизнью совсѣмъ заживемъ! Нѣтъ, не нужно, Павличка...

Полина Марковна ничего не отвѣтила и продолжала сидѣть на диванѣ. Иванъ Иванычъ смотрѣлъ въ окно, въ садикъ, гдѣ курица копошилась въ грядкѣ съ цвѣтами, и все думалъ: «ахъ когдабы ужъ скорѣе, мучительно ждать!» И этакимъ манеромъ, въ молчаніи, прошло минутъ пять, можетъ быть, и больше. Онъ слышалъ, какъ прошумѣли юбки, и Полина Марковна вышла изъ кабинета, но не повернулъ головы. А когда потомъ опять пересѣлъ на диванъ, чтобъ продолжать мечтать,—все, конечно, о Сонечкѣ,—то увидѣлъ на полу истрепанный и изгрызенный цвѣтокъ, украшавшій только-что бюстъ Полины Марковны.

IV.

Мечты и воспоминанія Ивана Иваныча перестали теперь развиваться послѣдовательною цѣпью, и выныряли только сцены особенно яркія и милыя. Все это еще было такъ недавно, что казалось настоящимъ. Звуки милыхъ рѣчей жили вокругъ него, какъ живутъ для любителя музыки лучшія мѣста концерта, пока онъ возвращается изъ театра домой и затѣмъ пока ляжетъ и заснетъ. Воспоминанія вспыхивали непрерывно, бремена точно лучи свѣта, и загорались плѣнительные образы, мерцали картины одна другой краше. Никакого усилія для этого не надо

было дѣлать, никакого напряженія ума. Все совершалось само собой, невольно.

Вспомнилась ему, между прочимъ, первая его прогулка съ Сонечкой за городъ.

Была ранняя весна, и уже въ началѣ марта рухнулъ снѣгъ, и на улицахъ и въ оврагахъ зажурчали и запѣнились ручейки. День былъ ясный, солнечный, и небо было синее-синее, въ бѣлыхъ серебристыхъ облакахъ. Откуда-то вѣяло тепломъ, животворнымъ и освѣжающимъ, и кричали птицы въ радостной тревогѣ, и вообще было хорошо. Иванъ Иванычъ, какъ школьникъ, скрылъ отъ жены, что идетъ за городъ, надѣлъ коротенькую бекешку, синюю на ватѣ и съ выпушкой изъ черныхъ барашковъ, длинные сапоги (все потихоньку отъ жены), взялъ пледъ и вышелъ. Онъ чувствовалъ себя отлично, и походка у него была свободная и даже граціозная, какъ у человѣка счастливаго тѣмъ, что его любятъ, между прочимъ, и за наружность. Сонечка медленно шла по огромной площади, что передъ богоугоднымъ заведеніемъ, и улыбнулась ему издали, и остановилась, поджидая его. У него сердце забилось сильно, и онъ ускорилъ шагъ. А когда подалъ ей руку, то самъ улыбнулся, и глаза его сіяли, и на щекахъ игралъ румянецъ, какъ и у Сонечки. Она спросила:

— Куда же?

Онъ въ отвѣтъ кивнулъ головой вдаль, и подалъ ей руку, и ему было несказанно пріятно, когда дѣвушка, не расспрашивая больше, пошла рядомъ съ нимъ. Теперь онъ не робѣлъ, какъ тогда, зимой, а зналъ, что идетъ съ нею по праву взаимной любви, и это маленькое довѣріе къ нему — «ведите-молъ, куда хотите, мнѣ вездѣ будетъ хорошо съ вами» — служило, казалось ему, прямымъ доказательствомъ этой любви. И такимъ образомъ они шли по площади, въ діагональномъ направленіи, и стали вдругъ разговаривать о веснѣ, о томъ, что она наступила ужасно рано и, можно сказать, неожиданно. Широко раскрывъ глаза, они смотрѣли кругомъ съ восхищеніемъ, и подъ талымъ снѣгомъ имъ чудились почки цвѣтовъ, готовыя распуститься; въ воздухѣ точно носился уже ароматъ тѣхъ цвѣтовъ. Разговоръ о веснѣ былъ, въ сущности, разговоромъ о томъ, какъ они неожиданно полюбили другъ друга, — по крайней мѣрѣ, онъ свелся къ этому. Иванъ Иванычъ вспомнилъ, что въ прошломъ году, встрѣтивъ въ казенномъ саду Сонечку, сравнилъ ее мысленно съ уходящей отъ него весной, и разсказалъ ей теперь

это. Она разсмѣялась, но замѣтила, что ей нравится, что онъ поэтъ. А онъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что разъ полюбишь Сонечку, поневолѣ сдѣлаешься поэтомъ. И оба опять разсмѣялись, довѣрчиво и любовно глянувъ другъ другу въ глаза.

Между тѣмъ кончилась площадь, и они пошли по дорогѣ, гдѣ, на откосѣ, было уже совсѣмъ сухо, мимо рѣшетчатой ограды, изъ-за которой смотрѣли на нихъ и ухмылялись желтолицые душевно-больные, въ колпакахъ и халатахъ. Они тоже гуляли. За богоугоднымъ заведеніемъ потянулись новенькіе домики по обѣимъ сторонамъ шоссе, которое блестѣло подъ лучами солнца, само прямое, какъ лучъ. Телеграфные столбы терялись въ свѣтлосизой дали. Открылся горизонтъ, и вонъ направо чернѣетъ рѣка, недвижно лежащая въ своихъ бѣлыхъ еще берегахъ. Завтра она, можетъ быть, тронется. За нею лѣсъ кудрявится, какъ растрепанная тучка и тоже ждетъ-не дождется пробужденія. Направо мягкими волнистыми линіями уходитъ поле въ необозримую даль, мѣстами черное. Такія же черныя пятна и возлѣ телеграфныхъ столбовъ, и вокругъ деревьевъ, что выстраиваются въ двѣ линіи надъ шоссейными канавами, въ которыхъ, подъ рыхлымъ снѣгомъ, уже реветъ и шумитъ грязная вода. Вѣтеръ свѣжѣе, чѣмъ въ городѣ, но все-таки тепло, очень даже тепло, и ожили какія-то золотыя мушки, и вотъ сейчасъ одна изъ нихъ сѣла Сонечкѣ на щеку.

Любуясь примѣтами весны, Иванъ Иванычъ, однако, главнымъ образомъ не сводилъ глазъ съ дѣвушки. Разговаривая, онъ все смотрѣлъ на нее, иногда пристально до неприличія. Въ ея лицѣ есть что-то необычайно привлекательное, и онъ хотѣлъ опредѣлить чтó именно. Эту задачу онъ себѣ уже много разъ задавалъ и всегда рѣшалъ въ томъ смыслѣ, что тайна Сонечкиной обаятельности заключается прежде всего въ ея глазахъ. Онъ и теперь пришелъ къ этому рѣшенію, но замѣтилъ, что въ выраженіи этихъ удивительныхъ глазъ, свѣтло-голубыхъ съ синими искорками, добрыхъ и открытыхъ, и умныхъ, и проницательныхъ, — такихъ, что ни какъ не солжешь подъ ихъ взглядомъ, есть еще что-то особенное, похожее и на грусть, и на робость, точно Сонечка или постоянно носитъ съ собою воспоминаніе о чемъ-нибудь печальномъ и горькомъ, или ждетъ какой-нибудь бѣды, безсознательно ждетъ, потому что угадываетъ ее своими тонкими нервами, своимъ женскимъ инстинктомъ. Это открытіе встревожило его. Сонечка замѣтила его тревогу, прервала разговоръ и вопросительно взглянула на него. Но онъ сказалъ, что «ничего,

миленькая», и не сталъ разспрашивать, потому что считалъ неделикатнымъ. Къ тому же, бесѣда вскорѣ приняла такое направленіе, что Сонечка сама рѣшилась, по собственному почину, разсказать «всю свою подноготную», какъ она выразилась, и ему показалось, когда онъ выслушалъ ея автобіографію, что онъ нашелъ ключъ къ объясненію грустно-боязливаго оттѣнка выраженія ея глазъ. Эта автобіографія была разсказана, когда они уже достаточно далеко ушли за городъ и свернули въ сторону, такъ что, разостлавши пледъ, могли присѣсть на склонѣ обрыва, внѣ поля зрѣнія идущихъ и ѣдущихъ по шоссе.

Максимъ Бѣлинскій.

ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА

ОТКРЫТАЯ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ЭРМИТАЖѢ.

Египетское отдѣленіе Эрмитажа не велико. Три гранитныхъ саркофага, два деревянныхъ гроба, семь статуй и статуэтокъ, коллекція маленькихъ фигуръ боговъ и богинь изъ бронзы, глазированной глины и зеленаго фаянса, 17 вазъ, 29 надгробкыхъ плитъ (стелъ), нѣсколько скарабеевъ и рѣзныхъ камней, наконецъ, 4 папируса, нѣкоторое количество мелкихъ орнаментальныхъ вещицъ—вотъ весь составъ этого небольшого музея. Въ ряду большихъ и малыхъ европейскихъ музеевъ, онъ до послѣдняго времени ничѣмъ особенно значительнымъ не выдавался. Но въ послѣднія 5—6 лѣтъ въ немъ открыты два папируса, до тѣхъ поръ никѣмъ не разсмотрѣнные и необъясненные, но такіе, изъ которыхъ одинъ представляетъ интересъ не маловажный, а второй заключаетъ интересъ уже рѣшительно обще-европейскій.

На оріентальномъ международномъ конгрессѣ 1876 года европейскіе оріенталисты, съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ, получили понятіе о первомъ изъ этихъ двухъ папирусовъ изъ записки, прочитанной передъ ними молодымъ русскимъ египтологомъ, В. С. Голенищевымъ, впервые тогда выступавшимъ передъ ученымъ свѣтомъ. Имъ самимъ развернутый и прочитанный, а потомъ переведенный и объясненный, папирусъ этотъ былъ, по его словамъ, «самый интересный между петербургскими папирусами». Къ сожалѣнію, этотъ папирусъ, принадлежащій по написанію, началу XX-й династіи, сохранился очень худо, и многихъ час-

той его не достаетъ. Въ началѣ онъ содержалъ собраніе разныхъ нравственныхъ правилъ, а въ концѣ—разсказъ объ одномъ событіи, случившемся во времена царя Сенефру III-й династіи [1]). Папирусъ этотъ возбудилъ интересъ въ ученомъ мірѣ. Но другой папирусъ, открытый тѣмъ-же нашимъ ученымъ, 5 лѣтъ спустя, далеко превосходилъ предъидущій во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по сохранности, такъ и по древности и всего болѣе по глубокой значительности, для современной науки, содержанія его. Небольшая, но очень важная по высказаннымъ тутъ результатамъ изслѣдованія, записка В. С. Голенищева (сдѣлавшагося, между тѣмъ, хранителемъ нашего египетскаго музея въ Эрмитажѣ) была представлена имъ международному оріентальному конгрессу, засѣдавшему въ августѣ 1881 года въ Берлинѣ, и тотчасъ-же получила почетную извѣстность въ средѣ европейскихъ ученыхъ, такъ-какъ содержаніе папируса и основанные на немъ соображенія и выводы В. С. Голенищева касаются не однихъ предметовъ спеціально египтологической науки и Египта, но распространяются на гораздо большій, всеміpно-историческій горизонтъ. Эта записка была напечатана (на французскомъ языкѣ) въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно лишь для членовъ конгресса, и не находилась ни въ продажѣ, ни въ общемъ обращеніи; поэтому будетъ, я полагаю, умѣстно, передать здѣсь русскимъ читателямъ содержаніе ея. Къ переводу своему я присоединю нѣсколько замѣчаній.

«Прошедшей зимой (1880—1881) мнѣ удалось,—говоритъ въ своей запискѣ г. Голенищевъ,—сдѣлать совершенно случайно очень важное открытіе въ египетскомъ музеѣ с.-петербургскаго Эрмитажа: это—папирусъ, гораздо болѣе древній, чѣмъ папирусъ открытый мною, въ 1876 г., также въ египетскомъ музеѣ Эрмитажа,—рукопись, гдѣ уцѣлѣли и начало и конецъ, рукопись почти вполнѣ превосходно сохранившуюся, и притомъ такую, которая въ разныхъ отношеніяхъ представляетъ интересъ совершенно исключительный. Уже своею древностью этотъ папирусъ, вполнѣ тождественный по письму съ необыкновенно древними берлинскими папирусами №№ 1—5 [2]), привлекаетъ къ себѣ все наше вни-

---

[1]) Zeitschrift für aegyptische Sprache und Alterthumskunde, 1876: „Le papyrus № 1 de St.-Pétersbourg“ par W. Golenischeff.

[2]) Послѣ окончанія берлинскаго конгресса г. Голенищевъ убѣдился, въ Луврскомъ египетскомъ музеѣ, что новооткрытый петербургскій папирусъ имѣетъ также величайшее палеографическое сходство съ знаменитымъ парижскимъ „папирусомъ Присса“, относимымъ къ XI династіи.

маніе: извѣстно, что эти послѣдніе папирусы, заключающіе любопытную исторію египетскаго эмигранта Синеха, относятся ко временамъ конца Древняго Царства и къ одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ фараоновской литературы. Но берлинскіе папирусы являются только образчиками этой древнѣйшей литературы; нашъ же папирусъ заключаетъ, сверхъ того, интересъ совершенно необычайный вслѣдствіе того, что призванъ (какъ я надѣюсь) пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе нѣсколькихъ, очень извѣстныхъ арабскихъ и древне-греческихъ разсказовъ, съ которыми онъ имѣетъ величайшее родство. Вотъ точный переводъ этого интереснаго папируса.

«Мудрый слуга говоритъ: «Да возрадуется твое сердце, господинъ мой, потому что мы достойны отечества, послѣ того, что такъ долго занимали корму корабельную и такъ долго били (воду) веслами! Носъ корабля нашего наконецъ коснулся земли! Всѣ люди радуются и возносятъ благодарственныя молитвы, а сами обнимаютъ другъ друга. Другіе тоже воротились въ цѣлости, но у насъ не пропало ни одного человѣка, даромъ, что мы достигли послѣднихъ предѣловъ земли Уауатъ, и проѣхали всю страну Сенмутъ. Вотъ мы и воротились въ мирѣ, а нашей земли—вотъ мы ея и достигли.

Выслушай меня, господинъ мой: я лишенъ всего! Обмойся и налей себѣ воды на пальцы, а потомъ обрати и направь свою рѣчь къ фараону! Твое сердце предохранитъ твою рѣчь отъ безсвязности. Потому что, хотя уста иной разъ и спасаютъ человѣка, но рѣчь его можетъ привести его и въ смущеніе (заставляетъ покрыть лицо). Поступай-же какъ велитъ тебѣ сердце: что ты ни скажешь, все успокоитъ меня.

Теперь я стану разсказывать тебѣ, какъ и что со мной случилось—со мной самимъ. Я поѣхалъ къ рудникамъ фараоновымъ, и спустился въ море, въ кораблѣ, въ полтораста локтей длины и 40 ширины, съ полутораста корабельщиками изъ лучшихъ по всему Египту, такихъ, что видали и небо, и землю, и сердце у которыхъ было осторожнѣе, чѣмъ у львовъ.

Они предсказывали, что вѣтеръ не станетъ хуже, или что его и вовсе не будетъ. Но ударилъ вѣтеръ, пока мы были въ морѣ. Только мы стали подходить къ землѣ, вдругъ поднялся вѣтеръ и удвоилъ волны локтей на 8. Я отломилъ (ухватилъ) кусокъ дерева, а тѣ, что были на кораблѣ, всѣ потонули, и ни одного не осталось. Но одной волной меня снесло на островъ, послѣ того, что я оставался цѣлыхъ три дня совсѣмъ одинъ, безъ

товарища, кромѣ своего сердца. Тамъ я легъ въ чащѣ и меня покрыло тѣнью. Наконецъ я вытянулъ ноги, чтобы постараться положить себѣ что нибудь на зубы (я всталъ, чтобъ поискать себѣ пищи). Я нашелъ тамъ фиги и виноградъ, всяческія великолѣпныя растенія «Аакъ», плоды «Кау» и плоды «Неку», дыни, какія только бываютъ, рыбъ и птицъ. Всего было вдоволь. Я поѣлъ досыта, а что осталось у меня лишняго на рукахъ, то я положилъ на землю. Я вырылъ яму, зажегъ огонь и поставилъ костеръ богамъ въ жертву.

Вдругъ я услыхалъ громовый шумъ. Я подумалъ, что это волны морскія. Деревья затряслись и земля поколебалась. Я открылъ лицо мое, и увидалъ, что подходитъ змѣй: въ немъ было 30 локтей длины, а въ бородѣ больше двухъ локтей. Его кольца были выложены золотомъ, а цвѣтомъ онъ былъ настоящая лазурь. Онъ извивался впередъ.

Онъ раскрылъ ротъ, пока я лежалъ, распростершись передъ нимъ, и сказалъ мнѣ: «Кто тебя привелъ, кто тебя привелъ, малый, кто тебя привелъ сюда? Если ты не скажешь мнѣ тотчасъ же, кто тебя привелъ сюда на островъ, я тебя заставлю познать самого себя (заставлю тебя пожалѣть о самомъ себѣ): или ты исчезнешь какъ пламя, или ты мнѣ скажешь то, чего я никогда не слыхалъ, или не зналъ раньше тебя».

Потомъ онъ положилъ меня къ себѣ въ ротъ, снесъ меня въ мѣсто своего отдохновенія, и тамъ положилъ меня, не сдѣлавъ мнѣ никакого вреда: я былъ цѣлъ и здоровъ, и ничего у меня не убавилось.

Тогда онъ раскрылъ ротъ свой противъ меня, пока я лежалъ, распростертый передъ нимъ, и сказалъ мнѣ: «Кто тебя привелъ, кто тебя привелъ, малый, кто тебя привелъ на этотъ островъ, стоящій въ морѣ, и края у котораго поставлены среди волнъ?»

Тогда я ему отвѣчалъ, опустивъ руки передъ нимъ, и сказалъ: «Я поѣхалъ къ рудникамъ, по порученію фараона, на кораблѣ въ полтораста локтей длины и сорокъ ширины. Тутъ было полтораста корабельщиковъ изъ самыхъ лучшихъ по цѣлому Египту, такихъ, что видали и небо, и землю, и сердце у нихъ было осторожнѣе, чѣмъ у львовъ. Они предсказывали, что вѣтеръ не станетъ хуже, или что его вовсе не будетъ. Каждый изъ нихъ (изъ корабельщиковъ) превосходилъ своего товарища осторожностью сердца и силою руки, а я не уступалъ имъ ни въ чемъ. Вдругъ ударилъ вѣтеръ, пока мы были въ морѣ. Только мы стали подходить къ землѣ, вдругъ поднялся вѣтеръ и удвоилъ волны на 8 локтей. Я отломилъ (ухватилъ) кусокъ дерева, а тѣ,

что были на кораблѣ, всѣ погибли, и ни одного изъ нихъ не осталось со мной въ эти три дня. И вотъ я теперь предъ тобою, потому что меня принесло сюда на островъ морской волной».

На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Не бойся, не бойся, малый, и не печаль своего лица, потому что если ты дошелъ до меня, то это богъ далъ тебѣ жизнь. Это онъ тебя привелъ на этотъ островъ генія (волшебный островъ), гдѣ всего есть вдоволь, и который полонъ всякихъ добрыхъ вещей. Вотъ ты проживешь мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока исполнится четыре мѣсяца на этомъ островѣ. Тогда придетъ корабль изъ (твоего) отечества съ корабельщиками, и ты можешь уѣзжать съ ними къ себѣ въ отечество: ты умрешь въ своемъ городѣ.

«Разговоръ дѣло радостное: кто отъ него вкушаетъ, легко проходитъ черезъ печальныя обстоятельства. Такъ вотъ, я разскажу тебѣ, что есть тутъ на островѣ. Я живу здѣсь съ моими братьями и дѣтьми, окруженный ими. Насъ всѣхъ 75 змѣевъ, дѣтей и родныхъ, не говоря про молодую дочь, которую привелъ ко мнѣ случай... [1]).

«Если ты будешь силенъ (духомъ) и если твое сердце останется терпѣливо, ты обнимешь дѣтей своихъ и поцѣлуешь жену. Ты снова увидишь свой домъ, который лучше всего на свѣтѣ, и воротишься въ отечество, гдѣ будешь среди родныхъ».

Тогда я поклонился, распростершись передъ нимъ и дотронулся до земли передъ нимъ (и сказалъ): «Вотъ что я тебѣ на это скажу: я опишу твою особу фараону, я дамъ ему узнать твое величіе и велю свезти тебѣ Абъ, Гекенноу, Юденъ [2]), кассію и ѳиміамъ, употребляемый въ храмахъ богамъ въ честь. Потомъ я разскажу, что мнѣ привелось видѣть по его милости (т.-е. по милости фараона), и тебя поблагодарятъ передъ собраніемъ всей земли. Я заколюословъ тебѣ въ жертву, ощиплю тебѣ птицъ и пошлю тебѣ корабли, наполненные всяческими сокровищами Египта, какъ это подобаетъ дѣлать для бога, друга людей въ дальней странѣ, незнаемой людьми».

Тогда онъ улыбнулся на мою рѣчь, изъ-за того, что у него было на сердцѣ, и сказалъ мнѣ: «Не много у тебя благово-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ папируса текстъ представляетъ такую трудность для пониманія, что г. Голенищевъ оставилъ безъ перевода двѣ или три строки разсказа про маленькую дочь змѣя. Дѣло идетъ тутъ о пламени, въ которомъ сгорѣла эта дѣвочка, чего не могъ предотвратить змѣй, и онъ нашелъ ее потомъ превратившеюся въ кучу золы. Въ началѣ же упоминается какая-то свѣтлая звѣзда.

[2]) Это все снадобья, употреблявшіяся въ храмахъ при изготовленіи священныхъ маслъ.

ній Анти, потому что у тебя только и есть, что простой ѳиміамъ. Но я вѣдь господинъ страны Пунтъ, и тамъ у меня есть благовоніе Анти. Только одного благовонія Гекенъ, которое ты мнѣ обѣщалъ прислать, мало тутъ на островѣ. Но только ты удалишься отсюда, ты уже больше никогда не увидишь этого острова, онъ превратится въ волны».

И вотъ, когда корабль подошелъ, какъ онъ (змѣй) предсказывалъ, я влѣзъ на высокое дерево, чтобъ поразсмотрѣть тѣхъ, кто тамъ (на кораблѣ) были. Потомъ я пошелъ разсказать ему эту новость, но увидалъ, что онъ уже это знаетъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Добраго пути, добраго пути, малый, тебѣ къ твоему дому; повидайся со своими дѣтьми, и пусть твое имя останется добрымъ въ твоемъ городѣ: таковы мои пожеланія тебѣ».

Тогда я распростерся передъ нимъ, опустивъ руки передъ нимъ, а онъ мнѣ далъ въ подарокъ благовонія Анти, Гекенъ, Юденъ, кассію, дерево Тіасъ и Шаасъ, стимми, хвосты животнаго Мама, дерево Мереритъ, множество простого ѳиміама, слоновый зубъ, собакъ Тезему, обезьянъ Гуфъ и обезьянъ Кіу, и всяческія драгоцѣнности. Я велѣлъ все это нагрузить на тотъ корабль, что тутъ случился, и, распростершись передъ нимъ, поблагодарилъ его.

Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ ты пріѣдешь въ свое отечество черезъ два мѣсяца, ты обнимешь своихъ дѣтей, и (послѣ твоей смерти) ты останешься неприкосновеннымъ въ твоей гробницѣ».

Послѣ того я спустился на берегъ къ кораблю, и кликнулъ тамошнихъ корабельщиковъ. Я поблагодарилъ на берегу господина этого острова, и тѣхъ, кто тамъ были.

Когда, вернувшись, мы приблизились къ мѣстопребыванію фараонову, во второй мѣсяцъ, по словамъ змѣя, то мы подошли ко двору. Я вошелъ къ фараону и принесъ съ собою подарки, привезенные съ этого острова на родину. Тогда этотъ (фараонъ) поблагодарилъ меня передъ собраніемъ всей земли.

Сдѣлай же меня (о господинъ мой!) слугой твоимъ и приблизь меня къ царедворцамъ. Обрати взоръ свой на меня, приблизившагося къ твердой землѣ, столько испытавшаго и видѣвшаго. Услышь мою мольбу, потому что это добро—выслушивать людей. Фараонъ и сказалъ мнѣ: «Стань ученымъ, другъ мой»... [1]).

Здѣсь конецъ (сказкѣ) отъ ея начала и до ея конца, какъ это было найдено въ одномъ (старинномъ) писаніи. А написано

[1]) Окончаніе фразы не ясно для г. Голенищева.

это писцомъ съ искусными пальцами Амени-Аменъ-аа; будь онъ живъ, и здравъ, и могучъ».

Таково содержаніе этого чрезвычайно древняго папируса, которому теперь, приблизительно, есть около четырехъ тысячъ лѣтъ отъ роду.

Конечно, неимовѣрныя приключенія Улисса въ «Одиссеѣ», а также фантастическія странствованія моряка-Синдбада въ «Тысячи и одной ночи» тотчасъ же возникаютъ въ памяти каждаго, кто узнаетъ нашу египетскую сказку. Быть можетъ, не встрѣчая въ греческомъ эпосѣ и въ арабскихъ сказкахъ эпизода, безусловно тожественнаго съ тѣмъ, что изображенъ въ нашемъ папирусѣ, иные признаютъ лишь поверхностное сходство между этимъ послѣднимъ и разсказами «Одиссеи» и «Тысячи и одной ночи», и, не входя въ подробнѣйшія сближенія, оставятъ безъ разсмотрѣнія тотъ важный вопросъ: нѣтъ ли все-таки близкой и родственной связи между египетскою сказкою и сказками греческою и арабскою? Но, что касается до меня, то, находя такую родственную связь несомнѣнною, я рѣшаюсь изложить здѣсь, въ немногихъ словахъ, результаты моихъ изслѣдованій относительно этого предмета.

Конечно, невозможно было бы сравнивать египетскую сказку со всею «Одиссеей», въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь знаемъ. Первая содержитъ описаніе всего только одного мореходнаго похожденія, въ «Одиссеѣ» же ихъ нѣсколько, и все разнообразныхъ, при чемъ ни одно не есть точное повтореніе египетской сказки. И все-таки одинъ изъ эпизодовъ «Одиссеи» представляетъ, при первомъ же взглядѣ, два пункта поразительнаго сходства съ египетскою сказкой. Это — эпизодъ пребыванія Улисса у феакійцевъ. Здѣсь встрѣчается описаніе богатой растительности въ садахъ у феакійскаго царя Алкиноя, а также говорится о густой чащѣ на морскомъ берегу, гдѣ Улиссъ засыпаетъ, едва спасшись изъ моря — двѣ картины, тотчасъ же напоминающія намъ и естественныя богатства острова, принадлежащаго пунтскому царю, и чащу, куда египтянинъ залегъ тотчасъ послѣ того, какъ попалъ на островъ.

Вотъ два пункта полнаго тожества между «Одиссеей» и нашимъ папирусомъ, которые не только останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, но побуждаютъ продолжать сравненіе. И дѣйствительно, другіе пункты сходства скоро присоединяются къ первоначальнымъ двумъ. Подобно египтянину нашего папируса,

Улиссъ, передъ тѣмъ чтобы попасть на островъ феакійцевъ, претерпѣваетъ страшную бурю, разбивающую его корабль какъ разъ въ то самое мгновеніе, когда онъ приближается къ конечной цѣли своего путешествія; египтянинъ попадаетъ въ бурю едва только онъ собрался направить свой корабль къ твердой землѣ, Улиссъ же испытываетъ бурю въ самомъ виду своей родной земли—горячо желанной цѣли всѣхъ его долгихъ странствій.

Если же, продолжая наши сравненія, мы на нѣсколько мгновеній оставимъ въ сторонѣ змѣиный образъ царя того острова, куда пріѣхалъ нашъ египтянинъ, сравненіе этой царственной личности съ царемъ Алкиноемъ, къ которому является Улиссъ, даетъ въ результатѣ нѣсколько чертъ значительнаго сходства. Въ пунтскомъ царѣ египтянинъ встрѣчаетъ хозяина, столько же радушнаго, какъ Улиссъ въ царѣ Алкиноѣ. Царь предлагаетъ египтянину точь-въ-точь тѣ самые вопросы (какъ онъ попалъ на неизвѣстный островъ?), какіе царь Алкиной задаетъ въ своемъ дворцѣ Улиссу. Оба царя съ одинакою заботливостью обѣщаютъ своимъ гостямъ счастливое возвращеніе въ ихъ отечество, и съ одинакою тароватостью осыпаютъ ихъ передъ отъѣздомъ подарками. Наконецъ, опуская подробности менѣе важныя (какъ, напримѣръ, кусокъ дерева, на которомъ спасаются и египтянинъ, и Улиссъ, три дня плаванія до острова и т. д.), есть еще одинъ пунктъ сильнаго сходства между египетской сказкой и эпизодомъ «Одиссеи»: именно, предсказаніе о будущей судьбѣ острова послѣ отъѣзда египтянина — это предсказаніе имѣетъ большое сходство съ подобнымъ же предсказаніемъ Алкиноя Улиссу относительно острова Схерія. По словамъ пунтскаго царя, островъ долженъ былъ, послѣ отъѣзда египтянина, исчезнуть въ волнахъ; точно также островъ феакійцевъ долженъ былъ быть покрытъ скалою отъ руки морского бога, Посейдона: другими словами, въ обоихъ случаяхъ, оба острова должны были разрушиться, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться недоступными людямъ.

Наконецъ, островъ Схерія самымъ своимъ положеніемъ «далеко отъ людей промышленныхъ», не напоминаетъ ли острова пунтскаго царя, «жившаго въ далекой странѣ, незнаемой людьми»?

Такое довольно значительное количество сходныхъ чертъ, особливо если мы припомнимъ громадную разницу эпохъ и разницу размѣровъ сравниваемыхъ нами литературныхъ произведеній, не оставляетъ, кажется, сомнѣнія на счетъ одинакаго происхожденія сказки, послужившей образцомъ автору нашего папи-

руса—и той сказки, которая, видоизмѣняясь въ теченіи вѣковъ, наконецъ, нашла себѣ пріютъ въ греческомъ эпосѣ.

Я не скрываю отъ себя того обстоятельства, что нѣсколько довольно значительныхъ пунктовъ эпизода объ Улиссѣ у феакійцевъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ пунктовъ въ египетской сказкѣ: таковы, напримѣръ, знаменитая встрѣча Улисса съ Навзикаей, дочерью царя Алкиноя, разговоръ Улисса съ женою Алкиноевою, игры феакійцевъ, и т. д. Но считаю долгомъ замѣтить, что если у сцены съ Навзикаей нѣтъ соотвѣтствующаго противувѣса въ египетской сказкѣ, то мы можемъ, какъ мнѣ кажется, открыть слѣды таковой сцены, или, лучше сказать, происхожденіе личности Навзикаи: я говорю про ту маленькую дѣвочку, съ прибытіемъ которой къ пунтскому царю связывается какая-то легенда, содержаніе которой остается мнѣ къ сожалѣнію до сихъ поръ не совсѣмъ понятнымъ. Опять-таки, другіе пункты, какъ, напримѣръ, игры феакійцевъ даже по признанію нѣкоторыхъ филологовъ, ничто иное, какъ худая и, сравнительно, поздняя вставка въ текстѣ «Одиссеи». Наконецъ, отсутствіе личности, соотвѣтствующей женѣ царя Алкиноя, можетъ быть объяснено разщепленіемъ въ продолженіи вѣковъ (какъ это иной разъ встрѣчается въ миѳахъ и народныхъ легендахъ) на двое, личности, первоначально единичной. Подобное разщепленіе, по крайней мѣрѣ на Алкиноя и Навзикаю, явно въ личности пунтскаго царя, когда мы вспомнимъ слова, сказанныя египтяниномъ царю, въ благодарность за его радушіе: «я пришлю тебѣ корабли со всяческими египетскими драгоцѣнностями, *какъ это приличествуетъ богу*», и т. д. Замѣтимъ, что это почти тѣ самыя слова, какія произноситъ, передъ своимъ отъѣздомъ, Улиссъ—не къ Алкиною, возвращающему его въ отечество, но къ Навзикаѣ, когда онъ говоритъ ей: «Буду... тебѣ ежедневно, какъ богу, сердцемъ молиться».

Рѣшительное вліяніе на развитіе нашей сказки должно было произойти отъ взгляда на главныя дѣйствующія лица. Если, какъ въ египетской сказкѣ (по причинамъ, которыя я изложу ниже) пунтскій царь имѣлъ видъ змѣя или дракона, такъ какъ онъ былъ съ бородой, а это во всей древности составляетъ истинный типъ дракона, то сказка могла обойтись безъ многихъ подробностей, необходимыхъ или неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, когда та же личность (какъ это мы видимъ въ «Одиссеѣ») являлась въ человѣческомъ видѣ. Въ первомъ случаѣ, эта личность не нуждалась ни въ дворцѣ, описываемомъ въ «Одиссеѣ», ни въ играхъ, ни въ богатомъ городѣ съ гаванью и кораблями.

Но чѣмъ объясняется, спросятъ меня, змѣиный видъ, подъ

которымъ является, въ нашей сказкѣ, пунтскій царь? Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо объяснить здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, что̀ такое египтяне разумѣли подъ именемъ Пунтъ?

Какъ это еще недавно очень хорошо доказано Дюмиxеномъ, однимъ изъ серьёзнѣйшихъ египтологовъ, древніе египтяне называли Пунтомъ оба побережья Краснаго моря, простирающіяся по обѣимъ сторонамъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива. По всѣмъ вѣроятностямъ, страна Пунтъ простиралась также вдоль азіятскаго, равно какъ и вдоль африканскаго берега, нѣсколько далѣе предѣловъ этого пролива. Вотъ именно въ эту далекую страну со временъ глубочайшей древности, вѣроятно, даже въ эпоху IV-й династіи, египтяне отъ времени до времени отправляли экспедиціи за ѳиміамомъ и другими драгоцѣнными предметами. Но самымъ уважаемымъ продуктомъ страны пунтской былъ во всѣ времена ѳиміамъ Анти, который, до позднѣйшихъ эпохъ египетской исторіи, оставался однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли страны Пунтъ. Попытки египтянъ, во время правленія царицы Гатасу, XVIII-й династіи, пересадить въ Египетъ растеніе, производящее Анти, а равно и экспедиціи, предпринятыя ранѣе того, во времена XI-й династіи, въ страну Пунтъ, спеціально для того, чтобъ вывезти оттуда это благовоніе, доказываютъ намъ, какъ высоко египтяне цѣнили это снадобье, равно необходимое имъ и для богослуженія, и для частнаго употребленія. Для того ли, чтобъ возвысить цѣнность продукта, конечно, хорошо оплачиваемаго купцами, ѣздившими за нимъ, или же для того, чтобъ какъ можно болѣе скрыть происхожденіе этого произведенія, жители Пунта, или, лучше сказать, жители южнаго берега Аравіи выдумывали, повидимому, съ древнѣйшихъ временъ всякія сказки на счетъ опасностей, сопряженныхъ съ собираніемъ этого продукта. По крайней мѣрѣ Геродотъ разсказываетъ намъ слѣдующую сказку про собираніе ѳиміама въ Аравіи: «Для того, чтобы получить ѳиміамъ, аравитяне жгутъ подъ деревьями, производящими его, смолу, называемую стираксой и привозимую въ Грецію финикіянами. Они жгутъ эту смолу для того, чтобы отгонять множество маленькихъ летучихъ змѣевъ разныхъ породъ, которые стерегутъ эти деревья и ни за что не удалились бы оттуда безъ стираксоваго дыма». Такую же сказку про змѣевъ, стерегущихъ циннамъ, приплелъ Ѳеофрастъ къ собиранію этого произведенія. Очень, можетъ быть, что нѣсколько подобныхъ же сказокъ, существовавшихъ еще раньше Геродота, дали происхожденіе нашей сказкѣ. Всего же болѣе

должны были усилиться эти сказки въ Египтѣ въ періодъ самыхъ частыхъ сношеній со страною Пунтъ. И, кажется, эти сношенія были всего болѣе оживлены въ ту эпоху, когда писался нашъ папирусъ. Потому что во времена XI-й династіи—къ которой, повидимому, относитъ насъ, приблизительно, палеографическій типъ нашего манускрипта—мы встрѣчаемъ въ одной надписи долины Гаммаматъ, даже описаніе путешествія, предпринятаго нѣкоимъ Ганну, по приказанію фараона Сеанхкара, въ страну Пунтъ: это описаніе своимъ языкомъ чрезвычайно напоминаетъ начало нашей рукописи. Если прибавить къ сказкамъ про змѣевъ, хранителей ѳиміама, еще другія сказочные разсказы, подобные разсказу, приведенному въ «Периплѣ моря Эритрейскаго», по которому на южномъ берегу Аравіи весь ѳиміамъ составлялъ исключительную собственность царя и состоялъ подъ непосредственною охраною боговъ, то мы легче поймемъ, почему повелитель волшебнаго острова, обладатель громадныхъ массъ ѳиміама, является передъ нами царемъ, почему онъ змѣй, какъ и всѣ его ближніе, и почему, будучи вмѣстѣ и змѣемъ, и царемъ страны Пунтъ, онъ сверхъ того обладаетъ божественнымъ даромъ всезнанія и предсказанія будущаго.

Описаніе райскаго острова, какъ мы находимъ его въ нашемъ папирусѣ, объясняется также довольно естественно. По крайней мѣрѣ, описаніе острова Сокоторы, какъ мы его читаемъ въ короткомъ извѣстіи знаменитаго путешественника Швейнфурта, который очень недавно провелъ тамъ нѣсколько времени, не оставляетъ, я думаю, никакого сомнѣнія въ томъ, что египтяне, посѣщавшіе страну Пунтъ, довольно близкую сосѣдку Сокоторы, могли, если не какъ очевидцы, то хоть по разсказамъ, болѣе или менѣе сбивчивымъ, получить представленіе объ этомъ прелестномъ островѣ, трудно доступномъ и единственномъ островѣ сѣверо-восточной Африки, дѣйствительно богатомъ растительностью.

Изложивъ, такимъ образомъ, вкратцѣ мои соображенія о нашей сказкѣ въ сравненіи съ эпизодомъ «Одиссеи», и попробовавъ хоть нѣсколько освѣтить нѣкоторыя странности нашей сказки, я изложу мои замѣтки о нашемъ папирусѣ, если сравнивать его съ арабскими сказками «Тысячи и одной ночи».

Нѣкоторое сходство стиля въ египетской сказкѣ и въ разсказахъ о странствіяхъ моряка-Синдбада не можетъ не обратить на себя вниманія. Стоитъ только вспомнить описаніе въ нашемъ папирусѣ появленія змѣя, сопровождаемое землетрясеніемъ, колебаніемъ лѣса и шумомъ, подобнымъ шуму волнъ морскихъ, и мы

тотчас же найдем въ этомъ описаніи подробности совершенно тожественныя съ арабскими сказками тамъ, гдѣ дѣло идетъ о появленіи великана или змѣя. Обратимъ вниманіе на ту часть нашей сказки, гдѣ разсказывается про свиданіе египтянина съ египетскимъ фараономъ (въ концѣ сказки), и намъ нельзя будетъ не признать, что тутъ есть на лицо величайшая аналогія съ заключеніемъ многихъ Синдбадовыхъ путешествій: тутъ часто говорится, что Синдбадъ, по окончаніи такого-то или такого-то путешествія, вошелъ къ калифу и принесъ ему богатые подарки. Но все это лишь отдѣльныя черты, напоминающія фантастическія похожденія моряка-Синдбада. Нѣтъ ли еще другихъ, болѣе близкихъ сходствъ, которыя заставили бы насъ предполагать, что наша сказка сохранилась цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ, въ одной изъ этихъ арабскихъ сказокъ? Это вопросъ важный, заслуживающій всего нашего вниманія.

Въ описаніи семи Синдбадовыхъ путешествій, Синдбадъ видитъ себя перенесеннымъ много разъ, вплавь, на разные незнакомые острова и столь же часто ему приходится посѣщать разныхъ царей, которые всегда принимаютъ его и потомъ иногда помогаютъ воротиться въ его отечество. Но единственный разъ, когда Синдбадъ является къ царю тотчасъ же послѣ спасенія своего изъ среды волнъ—это во время перваго его путешествія. А вотъ именно это-то путешествіе, какъ мнѣ кажется, представляетъ всего больше сходства съ нашей сказкой. Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Послѣ продолжительной поѣздки моремъ, вмѣстѣ съ многими другими купцами, Синдбаду приходится однажды остановиться близъ великолѣпнаго острова, подобнаго раю, и сюда-то онъ тотчасъ сходитъ вмѣстѣ съ товарищами. Но только-что они принимаются гулять и отдыхать тутъ отъ тяжкаго путешествія, островъ начинаетъ колебаться и вдругъ исчезаетъ подъ ихъ ногами въ морскихъ волнахъ. Потому что весь островъ, какъ объясняетъ кормчій, кричащій имъ, чтобъ они спасались, есть ничто иное, какъ огромная рыба, на спинѣ у которой набралась земля и выросли деревья: почувствовавъ у себя на спинѣ огонь жаровень, она мигомъ нырнула въ пучины морскія. Синдбадъ съ величайшимъ трудомъ спасается отъ угрожающей ему опасности, схватившись за кусокъ дерева, между тѣмъ какъ прочіе путники, благодаря кораблю, на всѣхъ парусахъ отходятъ отъ мѣста гибели. Цѣлыхъ три дня Синдбадъ носится по волнамъ, наконецъ его выбрасываетъ на островъ, столько же прелестный, какъ

и первый, и здѣсь онъ отдыхаетъ отъ усталости, и въ то же время питается великолѣпными плодами, находящимися тутъ въ изобиліи. Прогуливаясь тутъ однажды по берегу, онъ встрѣчаетъ конюховъ царя Михраджа, стерегущихъ у морского берега царскихъ кобылицъ. Эти люди ведутъ его къ царю, который тотчасъ же распрашиваетъ его, какъ это онъ попалъ сюда на островъ? Тогда Синдбадъ разсказываетъ ему все, что съ нимъ случилось со времени его отъѣзда изъ Басры. На это царь отвѣчаетъ ему, что онъ никогда бы не спасся отъ смерти, еслибъ ему не было предопредѣлено не погибнуть, и что онъ одного Бога долженъ благодарить за свое спасеніе. Послѣ того, еще полный удивленія отъ чуднаго разсказа Синдбадова, царь Михраджъ даетъ ему титулъ катиба гавани и позволяетъ приходить къ себѣ всякій день. Во время одной изъ бесѣдъ своихъ съ царемъ и его приближенными, Синдбадъ, распрашивая про положеніе дѣлъ на островѣ царя Михраджа, узнаетъ, что индѣйцы, подданные царя Михраджа, раздѣляются на 42 (по инымъ редакціямъ на 72) отдѣла, одни называются шакирійе (или секарибе, шакирибе), другіе—брахманами. Но всѣ усилія Синдбада узнать что-нибудь про свое отечество или возвратиться туда какимънибудь способомъ, остаются тщетны, потому что никто не знаетъ Басры, и волей-неволей онъ принужденъ дожидаться какого-нибудь корабля, который бы свезъ его назадъ на родину. Наконецъ, однажды, къ великому своему изумленію, онъ видитъ, что входитъ въ гавань тотъ самый корабль, на которомъ онъ уѣхалъ изъ Басры и который покинулъ его въ минуту опасности. Не безъ труда узнаетъ его кормчій, не вѣрящій ему, потому что считаетъ его погибшимъ, и наконецъ ему выдаютъ его товары, остававшіеся на кораблѣ. Обрадованный свиданіемъ съ товарищами, Синдбадъ бѣжитъ къ царю Михраджу, благодаритъ его за радушный пріемъ на островѣ и говоритъ ему о своемъ скоромъ отъѣздѣ. Царь Михраджъ отпускаетъ его и даетъ ему, передъ отъѣздомъ, множество подарковъ. Послѣ того, Синдбадъ садится на корабль и благополучно возвращается въ отечество.

Разсматривая эту сказку, мы не можемъ не замѣтить между нею и египетскою сказкой не мало пунктовъ сходства. Пловучій островъ, превращающійся у арабскаго автора въ громадную рыбу, не можетъ-ли онъ быть эхомъ того, что намъ извѣстно про островъ, куда пріѣхалъ египтянинъ? По предсказанію змѣя, этотъ островъ долженъ былъ превратиться въ волны или, другими словами, исчезнуть въ волнахъ. Тотъ фактъ, что подданные царя Михраджа раздѣляются на 42 или 72 отдѣла, не

напоминаетъ-ли онъ намъ тотчасъ же словъ змѣя, который, описывая все касающееся острова, разсказываетъ египтянину, что число его дѣтей и ближнихъ простирается до цифры 75? Потомъ, тѣ слова, которыми царь встрѣчаетъ Синдбада, не похожи ли они на слова царя пунтскаго, замѣчающаго, что Богъ— главная причина его спасенія? Другія еще подробности арабской сказки, не вполнѣ ли онѣ тожественны съ такими же подробностями египетской сказки, напримѣръ, пріѣздъ Синдбада на островъ при помощи куска дерева, великолѣпные плоды, которыми онъ питается первое время на острову, радушный пріемъ царя Михраджа, довольно продолжительное пребываніе у этого царя, подарки, данные этимъ послѣднимъ передъ отъѣздомъ, наконецъ, счастливое возвращеніе домой безъ всякихъ иныхъ приключеній?

Наконецъ, остается еще одинъ пунктъ, котораго кажущееся разногласіе въ обѣихъ сказкахъ способно даже, по моему мнѣнію, сблизить ихъ одну съ другою. Это вопросъ о происхожденіи корабля, на которомъ египтянинъ возвращается съ волшебнаго острова. Въ арабской сказкѣ цѣпь событій, случающихся съ Синдбадомъ во время перваго его путешествія, складывается такимъ образомъ, что прибытіе того самаго корабля, на которомъ Синдбадъ уѣхалъ изъ отечества, въ ту самую гавань, гдѣ онъ служилъ катибомъ, не заключаетъ ничего необыкновеннаго и нисколько не противорѣчитъ естественной связи событій. Совсѣмъ иное видимъ мы въ египетской сказкѣ. Здѣсь прибытіе корабля изъ Египта предсказано змѣемъ. Но какимъ образомъ этотъ корабль могъ прійти, въ опредѣленное время, къ этому острову, даже мѣстоположеніе котораго совершенно неизвѣстно ни единому человѣку, по выраженію нашего папируса—этого не объясняется въ сказкѣ. Этотъ вопросъ становится даже еще темнѣе, когда мы сравнимъ начало папируса, гдѣ сказано, что египтянинъ воротился, такъ-что «не пропало ни одного человѣка», съ дважды повтореннымъ въ сказкѣ извѣстіемъ, что буря, разбившая корабль египтянина, пожираетъ всѣхъ его спутниковъ, «такъ что ни одного изъ нихъ не осталось въ живыхъ». Не слѣдуетъ ли, для объясненія этого противорѣчія, предположить, что египетская сказка, какъ она сохранилась въ нашемъ папирусѣ, представляетъ лишь извлеченіе изъ сказки болѣе длинной и содержавшей, можетъ быть, нѣкоторыя такія подробности, которыя теперь сохранились для насъ лишь въ соотвѣтствующей сказкѣ арабской? Или же слѣдуетъ предположить (что̀ я считаю вѣроятнымъ), что противорѣчія подобнаго рода не

слишкомъ-то смущали, въ первоначальныя времена, древнихъ слушателей этихъ народныхъ сказокъ, и что эти послѣдніе, прослушивая свои сказки, навѣрное меньше заботились о здравой логикѣ, чѣмъ критики новаго времени, которые слишкомъ часто упорно отыскиваютъ ее въ древнихъ поэмахъ? Въ послѣднемъ случаѣ придется допустить, что если арабская сказка представляетъ болѣе естественную связь событій, чѣмъ папирусъ, то это оттого, что она подверглась подправкамъ человѣка болѣе развитого и внимательнаго, который уже не въ состояніи былъ такъ легко скользить по противорѣчіямъ, слишкомъ явнымъ, какъ это возможно было для древняго автора нашей сказки.

Такимъ образомъ мы нашли, что египетская сказка, составляющая главный предметъ настоящей статьи, имѣетъ, съ одной стороны, нѣкоторое сходство съ однимъ эпизодомъ «Одиссеи», а съ другой стороны сильно напоминаетъ путешествіе Синдбада въ «Тысячи и одной ночи». Посмотримъ теперь: тотъ эпизодъ изъ Синдбадовыхъ путешествій, чтб мы сейчасъ сравнили съ нашимъ папирусомъ, не представляетъ ли онъ, *независимо отъ египетскаго папируса*, черты сходства съ эпизодомъ Улисса у феакійцевъ, родство котораго съ египетскою сказкою мы также, я надѣюсь, установили? Здѣсь, надо признаться, у насъ мало надежды на успѣхъ, потому что оба разсказа значительно удаляются одинъ отъ другого, даже до такой степени, что не будь у насъ египетской сказки, навѣрное никому не пришла бы въ голову мысль сравнивать первое Синдбадово путешествіе, скорѣе всякого другого, съ эпизодомъ Улисса у феакійцевъ. Но теперь, когда у насъ есть посредствующее звено въ египетской сказкѣ, которая въ иныхъ частяхъ своихъ напоминаетъ эпизодъ изъ «Одиссеи», а въ другихъ, совершенно иныхъ, представляетъ родство съ однимъ путешествіемъ Синдбадовымъ, — даже одной характеристической черты *непосредственнаго* сходства между этими двумя разсказами, т.-е. между эпизодомъ «Одиссеи» и первымъ Синдбадовымъ путешествіемъ, было бы, я думаю, достаточно для того, чтобъ довершить кругъ нашихъ сравненій и еще болѣе доказать справедливость нашихъ предположеній на счетъ родственности этихъ различныхъ сказокъ. Найти же такую черту сходства не трудно. Если въ «Одиссеѣ» мы видимъ, что жители острова Схеріи занимаются торговлей, если на этомъ самомъ островѣ, Улиссъ любуется и на корабли, и на великолѣпную гавань феакійцевъ, не можемъ ли мы сблизить со всѣмъ этимъ богатую торговлю, производившуюся на островѣ царя Михраджа и наполненную кораблями гавань, куда царь Михраджъ приста-

вилъ Синдбада катибомъ? Гдѣ мы найдемъ въ египетской сказкѣ ту характеристическую черту, которая независимо сближала бы арабскую сказку съ египетскою? Нигдѣ. И вотъ, именно это-то отсутствіе такой характеристической подробности и заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобъ непосредственно та самая египетская сказка, которую мы знаемъ, произвела на свѣтъ тѣ двѣ другія сказки. Я скорѣе предполагаю, что всѣ три сказки развились изъ одной и той же, а старшая изъ тѣхъ, что произошли изъ нея, есть та, чтó оказывается въ нашемъ папирусѣ. Поразительное сходство, существующее между нѣкоторыми другими частями Синдбадовыхъ путешествій, или вообще нѣкоторыми арабскими и нѣкоторыми другими греческими легендами, наприм., эпизодами Полифема, Лотофаговъ и Аристомена мессенійца—сходство, котораго не слѣдуетъ болѣе объяснять заимствованіями арабовъ у грековъ, заставляетъ предполагать, что всѣ эти сказки очень древни, можетъ быть столько же древни, какъ наша египетская сказка.

Если допускать предположенія, я охотно согласился бы съ тѣмъ, что финикійцы были, по всей вѣроятности, распространителями всѣхъ этихъ древнихъ сказокъ. Но пока у насъ нѣтъ еще достаточныхъ доказательствъ для поддержанія такой мысли, я никакъ не считаю ее единственною возможною.

Кромѣ интереса, представляемаго нашимъ папирусомъ для объясненія происхожденія нѣкоторыхъ частей «Одиссеи», а также нѣкоторыхъ арабскихъ сказокъ, другой еще, не меньшій интересъ можетъ произойти изъ него для библейской экзегезы.

Описаніе острова съ великолѣпными растеніями, гдѣ живетъ змѣй, надѣленный даромъ слова, не напоминаетъ ли очень сильно библейскаго сказанія о земномъ раѣ, съ находящимся тамъ змѣемъ, соблазняющимъ своими рѣчами Адама и Евву?

Такое сближеніе можетъ показаться, на первый взглядъ, очень рискованнымъ, и признаюсь, его никогда нельзя было бы поддержать, если бы другіе еще факты, повидимому, не оправдывали его.

Во-первыхъ, надо замѣтить, что на основаніи нашего папируса мы не можемъ не приписать волшебному острову мѣстоположенія, очень близкаго къ землѣ Пунтъ, такъ-какъ, по нашему папирусу, владыкою этой послѣдней страны былъ именно змѣй, жившій на этомъ островѣ. Но, изучая географическіе списки древнихъ египтянъ, мы не безъ удивленія находимъ, что именно въ сосѣдствѣ со страною Пунтъ египтяне помѣщали землю «Та-нутеръ», или «Тау-нутеру» — «небесную землю», или «страну

боговъ»; что въ своихъ надписяхъ они указывали на эту страну какъ на ту, откуда, по ихъ мнѣнію, пришли разныя божества въ Египетъ: слѣдовательно, она должна была для египтянъ быть какъ бы коренною родиною боговъ, или нѣкоторымъ Олимпомъ. Не можемъ ли мы, поэтому, предположить теперь, что волшебный островъ, служащій мѣстопребываніемъ змѣю, составлялъ лишь часть сосѣдней земли, т.-е. «страны боговъ», подобно тому, какъ Божій садъ, насажденный въ «Эдемѣ», составлялъ по библіи только часть этой послѣдней мѣстности?

И такъ, если принять это послѣднее предположеніе, вотъ еще черта, которая дала бы намъ возможность сравнить нашъ островъ съ библейскимъ Божьимъ садомъ. Но что́, по моему мнѣнію, бросаетъ еще бо́льшій свѣтъ на этотъ вопросъ, это очень древняя и очень важная надпись, только-что опубликованная Бругшъ-пашей на основаніи копіи, снятой имъ въ одной изъ пирамидъ, недавно раскопанныхъ въ Саккарѣ. Тамъ говорится о мѣстопребываніи боговъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть большой островъ среди «полей покоя», и тамъ пребываютъ величественные боги. Эти послѣдніе, будучи звѣздами неподвижными, даруютъ царю N. N. древо жизни, отъ котораго они живутъ, для того, чтобъ и онъ тоже отъ него жилъ». Этотъ чрезвычайно любопытный текстъ тотчасъ же напоминаетъ намъ, по своему упоминанію древа жизни,—библейскій рай; съ другой стороны, онъ показываетъ, что египтяне въ самомъ дѣлѣ представляли себѣ, и даже во времена гораздо болѣе древнія, чѣмъ нашъ папирусъ, что рай находится на островѣ.

Поэтому-то мѣстоположеніе рая, какъ онъ отчасти описанъ въ библіи, повидимому, соотвѣтствуетъ приблизительному мѣстоположенію земель: Пунтъ, Та-Нутеръ и острова нашего папируса. Потому что, если рѣки Хиддекелъ-Тигръ и Фратъ-Евпратъ заставляютъ насъ отыскивать географическое положеніе, предполагаемое для земного рая, очень далеко на сѣверѣ, въ сосѣдствѣ этихъ двухъ рѣкъ, то другая часть легендъ, касающихся рая, повидимому, болѣе древняя, можетъ привести насъ ближе къ упомянутымъ странамъ. Потому что въ этихъ послѣднихъ легендахъ, повидимому, спаявшихся вмѣстѣ съ другими, быть можетъ ассирійскими по происхожденію, упоминаются Кушъ и Хавила, какъ двѣ страны, орошаемыя рѣками, выходящими изъ рая. Но я не вижу серьёзной причины, которая заставляла бы насъ признавать въ Кушѣ этихъ легендъ не ту страну, которая лежитъ на югъ отъ Египта и постоянно носитъ, въ египетскихъ надписяхъ, это самое имя. Между тѣмъ, что касается Ха-

вилѣ, то, по справедливымъ доводамъ Шпренгера, нельзя сомнѣваться, что это одна изъ аравійскихъ земель: тотъ фактъ, что она обилуетъ золотомъ, бедолахомъ (bdellium=anti) и камнями сехемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь земля Хавила есть именно та самая, которая въ другихъ библейскихъ книгахъ поименовывается вмѣстѣ съ Шебой=Савой и Офиромъ=Пунтомъ.

Сравненія волшебнаго острова съ библейскимъ раемъ, невольно приходящія на мысль, естественно приводятъ насъ къ сравненію и другихъ райскихъ легендъ, напримѣръ, Гесперидскаго сада, котораго стражъ, змѣй, по имени Ладонъ, удивительно напоминаетъ своимъ именемъ одно произведеніе, похожее на Анти—именно ладанъ, которое, бывши, можетъ быть, въ началѣ тѣмъ предметомъ, что оберегалъ змѣй, передало ему наконецъ и свое имя.

Остаются впереди другія сравненія между разными разсказами, сохранившимися у классическихъ авторовъ, о едва знаемыхъ островахъ, населенныхъ полу-богами и наслаждающихся разнообразными благами природы. Но болѣе подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ пунктовъ должно быть оставлено до другого случая. Здѣсь я только остановлюсь еще, мимоходомъ, на одномъ маленькомъ, очень интересномъ извѣстіи Геродота, получающемъ изъ нашего папируса неожиданный свѣтъ.

Въ своемъ описаніи Египта отецъ исторіи выражается слѣдующимъ образомъ, говоря про аравійскую цѣпь, удалявшуюся, по его мнѣнію, отъ Нила на югъ отъ Мемфиса и направляющуюся на востокъ: «Съ востока на западъ, аравійская цѣпь занимаетъ, какъ я слышалъ, два мѣсяца пути, а ея восточная оконечность родитъ ѳиміамъ». Ровно два мѣсяца, тоже, нашъ египтянинъ употребилъ, въ нашемъ папирусѣ, на возвращеніе изъ страны, богатой ѳиміамомъ—съ острова царя пунтскаго, въ свое отечество, и, безъ сомнѣнія, такой срокъ назначали египтяне для возвратнаго путешествія изъ земли Пунтъ.

Въ настоящей статьѣ я долженъ былъ соблюдать краткость, и не имѣлъ возможности привести всѣ доводы необходимые для оправданія моихъ положеній. Тѣ, кого интересуютъ вопросы, поднимаемые нашимъ папирусомъ, найдутъ гораздо болѣе полное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ въ моемъ будущемъ трудѣ, посвященномъ этому папирусу. Тамъ я обнародую fac-simile папируса, гіероглифическую транскрипцію текста, и приложу переводы и объяснительныя примѣчанія».

Таково содержаніе въ высокой степени любопытной записки г. Голенищева.

Несомнѣнно, первый и ближайшій интересъ, представляемый новооткрытымъ папирусомъ нашего Эрмитажа, есть интересъ египтологическій. Новый, и очень крупный фактъ вносится въ культурную лѣтопись Египта. Исторія египетской литературы обогащается новымъ и чрезвычайно интереснымъ поэтическимъ созданіемъ, увеличивающимъ собою количество поэмъ, разсказовъ, лирическихъ пьесъ, прочитанныхъ въ послѣдніе годы на египетскихъ стѣнахъ, саркофагахъ, камняхъ, плитахъ и папирусахъ, и образующихъ, въ настоящее время, уже цѣлую библіотеку. Какой отпоръ еще недавнимъ каррикатурнымъ понятіямъ, распространеннымъ и въ средѣ ученыхъ, и въ средѣ публики цѣлой Европы, что у египтянъ никогда не только не бывало никакой литературы, но даже и быть не могло: египтяне-молъ лишены были и «творчества», для того потребнаго, да притомъ-же они «жили въ слишкомъ большомъ непосредственномъ напряженіи, мѣшавшемъ имъ углубляться въ самихъ себя»; наконецъ, у египтянъ никогда-дескать не бывало никакого эпоса, «потому что они очень рано выработали себѣ историческій смыслъ, который и закрѣпился вполнѣ въ однихъ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры, а въ гіероглифахъ утвердилъ свои воспоминанія съ прочностью лѣтописи» и т. д., и т. д. Всѣ эти смѣшныя соображенія и важныя разглагольствованія историковъ вообще, а также историковъ литературы, историковъ искусства, а отчасти даже и самихъ египтологовъ прежняго времени, я подробно излагалъ однажды на страницахъ «Вѣстника Европы», когда передавалъ тамъ знаменитый египетскій «Романъ о двухъ братьяхъ» [1]).

Можно-ли всему подобному удивляться, когда самъ Гёте, не взирая на глубокій умъ и симпатіи ко всему художественному въ мірѣ, говорилъ, не то что уже о египетской литературѣ, но даже о самомъ египетскомъ искусствѣ, что его произведенія точно также, какъ китайскія и индѣйскія, не болѣе, какъ «курьезности» (Curiositäten), слишкомъ мало способныя принести пользу нравственному и эстетическому образованію человѣчества. Таковы были понятія въ Европѣ, еще отъ конца прошлаго вѣка, даже у многихъ лучшихъ людей.

Теперь ничто подобное не возможно болѣе: изученіе египетскаго искусства давно уже стало на настоящую почву, а что

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1868, октябрь.

касается литературы, то въ послѣднія 30 лѣтъ открыто такъ много египетскихъ литературныхъ произведеній всякаго рода, что о старинныхъ ратованіяхъ на счетъ «причинъ несуществованія египетской литературы» можно вспоминать только съ усмѣшкой. Египетская литература заняла одно изъ почетнѣйшихъ и важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду древнихъ восточныхъ литературъ. Между всѣми ея произведеніями, повѣсть петербургскаго папируса играетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ наиболѣе крупныхъ ролей и по глубокой древности (она относится къ концу Древняго, или началу Средняго царства, къ XI династіи), и по своему интересу, литературному, историческому и миѳологическому, въ отношеніи собственно къ самому Египту.

Но едва-ли не еще бо́льшій интересъ представляетъ повѣсть или сказка петербургскаго папируса, когда взглянуть на тѣ сходства, которыя г. Голенищевъ открылъ между этою повѣстью и нѣкоторыми эпизодами «Одиссеи» и «Тысячи и одной ночи». Сходства эти неминуемо ведутъ къ выводамъ первостепенной важности. Что касается еще «Тысячи и одной ночи», то они, конечно, легко способны казаться менѣе неожиданными: собраніе восточныхъ сказокъ, извѣстное подъ именемъ «Тысячи и одной ночи», вовсе не считаютъ произведеніемъ собственно арабскимъ, и о происхожденіи этихъ мозаичныхъ, почти случайно сплоченныхъ разсказовъ, съ древняго востока, наврядъ-ли кто сомнѣвается. Но что̀ поразительно, что̀ вполнѣ неожиданно, это—получаемое теперь убѣжденіе, что одна изъ коренныхъ и древнѣйшихъ частей «Одиссеи» не есть произведеніе самостоятельное, дѣйствительно греческое. Критики древне-греческой литературы, признавая въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» много прибавокъ и вставокъ позднѣйшаго времени и остроумно отдѣляя ихъ, установляли, однакоже, на основаніи долгой и глубоко-ученой работы, твердое и неприкосновенное ядро, которое должно считаться въ каждой изъ этихъ двухъ поэмъ основнымъ, кореннымъ,—то, что̀ они обыкновенно называютъ «первоначальной, древней частью поэмы». И вотъ въ этой-то первоначальной части поэмы отнесенъ у всѣхъ критиковъ и историковъ греческой литературы эпизодъ о прибытіи Улисса, послѣ жестокой бури и кораблекрушенія, на островъ феакійцевъ, на бревнѣ, обломкѣ погибшаго его корабля, пребываніе у царя Алкиноя и благополучное возвращеніе его оттуда прямо на родину. И вдругъ петербургскій папирусъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего спеціально греческаго, самобытнаго въ этомъ эпизодѣ! Эпизодъ оказывается гораздо болѣе древнимъ, нежели «Одиссея», нежели самая

троянская война, нежели древнѣйшія времена всей Греціи [1]). Улиссъ «Одиссеи», по крайней мѣрѣ въ этомъ эпизодѣ, оказывается не грекомъ, возвращающимся съ національной греческой войны, а только передѣлкой, эхомъ какихъ-то сказаній и героевъ, принадлежавшихъ совершенно инымъ національностямъ, несравненно болѣе первоначальнымъ. Какой ударъ всѣмъ исторіямъ греческой литературы, гдѣ, съ непреложностью математической аксіомы излагалось, что «Одиссея» есть поэма такая единичная, такъ строго задуманная и компактно созданная поэтомъ, что немыслимо отдѣлять оттуда ни единаго существеннаго, коренного члена! Въ наше время получается все болѣе и болѣе убѣжденіе, что въ литературѣ, какъ и въ пластическомъ искусствѣ, греки, не изобрѣтая сами ни одного первоначальнаго, основного мотива, брали таковые всегда съ древняго востока, и съ геніальною художественностью обработавъ ихъ, сообразно съ требованіями своей расы и своего тонкаго интеллекта, выносили на свѣтъ созданія, какъ будто совершенно новыя, но въ сущности образовавшіяся поверхъ скелета, принадлежавшаго первоначально чуждымъ народностямъ. Это съ достаточною осязательностью прослѣжено уже художественными историками и критиками въ области архитектуры, скульптуры и живописи. Что мудренаго, если то же самое совершалось и въ литературѣ? И нашему петербургскому папирусу выпала честь принести, для доказательства этого, одинъ очень важный фундаментальный камень.

Вообще говоря, новѣйшія открытія ассиріологовъ и египтологовъ все болѣе и болѣе склоняютъ мнѣніе ученаго міра въ пользу того предположенія, что какъ въ литературѣ и искусствѣ, такъ и въ историческихъ религіозныхъ и миѳологическихъ преданіяхъ, традиція, передача отъ одного народа другому, еще со времени сѣдой древности, играютъ громаднѣйшую роль, и что много литературныхъ памятниковъ, считаемыхъ несомнѣнно самостоятельными, вовсе несамостоятельны, и по коренной основѣ вовсе не принадлежатъ тѣмъ народностямъ, къ которымъ привыкли считать ихъ отъ вѣку принадлежащими.

Въ заключеніе своей замѣтки считаю умѣстнымъ обратить вниманіе людей, интересующихся этими вопросами, на то, что въ эпизодѣ Улисса у феакійцевъ въ «Одиссеѣ» мы находимъ не только ту же коренную основу, что въ египетской сказкѣ

[1]) Читатель сравнитъ эти замѣчанія съ тѣмъ, что говорилось въ прошлой книгѣ „В. Е.“ по поводу сочиненія г. Воеводскаго о миѳологіи „Одиссеи“.—*Ред.*

петербургскаго папируса, но даже нѣкоторыя подробности изложенія. Такъ, напримѣръ, одною изъ очень характерныхъ подробностей египетской сказки являются слова египтянина, разсказывающаго про свои похожденія во время кораблекрушенія и потомъ плаванія по морю: «Я провелъ три дня совсѣмъ одинъ, безъ товарища, кромѣ своего собственнаго сердца». Замѣчательно, что въ этомъ самомъ мѣстѣ «Одиссеи», греческій Улиссъ точно также обращается постоянно къ единственному тогдашнему товарищу своему, собственному своему сердцу:

«Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 297).
«Началъ тогда про себя размышлять Одиссей богоравный,
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 354).
«Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце,
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 406) и т. д.

Эта фраза, нѣчто какъ-бы въ родѣ поэтической формулы, нѣсколько разъ повторяемой почти безъ измѣненія, заслуживаетъ вниманія изслѣдователя.

Напомню еще читателямъ «Вѣстника Европы», что лѣтъ 13 назадъ, я также, на свою долю, имѣлъ случай указать на сходство между произведеніями египетской, азіятской и европейской литературы. Излагая подробное содержаніе знаменитой египетской повѣсти или сказки, извѣстной подъ именемъ «Романъ о двухъ братьяхъ» [1]), я указывалъ на то, что эта повѣсть заключаетъ въ себѣ не мало мотивовъ, встрѣчаемыхъ въ разныхъ современныхъ легендахъ и народныхъ сказкахъ. Соблазненіе добродѣтельнаго юноши замужнею женщиною встрѣчается въ очень многихъ литературныхъ произведеніяхъ европейскихъ и азіятскихъ народовъ (у насъ въ особенности, въ былинѣ *о сорока каликахъ съ каликой*); преслѣдованія мужа невѣрною женою, обмираніе его и превращеніе въ разныя существа, и, наконецъ, полное его торжество надъ всѣми козиями—все это мотивы также намъ извѣстные, *каждый въ отдѣльности*, изъ разныхъ восточныхъ повѣстей и сказокъ. Но всего болѣе сходства я находилъ у египетской повѣсти съ исторіей царевича Сіавуша, въ Шахъ-Намэ. Свои выводы и заключенія о причинахъ такихъ сходствъ я тутъ-же излагалъ во всей подробности. Новооткрытый петербургскій папирусъ подтверждаетъ, мнѣ кажется, вполнѣ мои тогдашнія соображенія.

Теперь одно слово о молодомъ ученомъ, открывшемъ и из-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1868, октябрь, статья: „Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ“.

слѣдовавшемъ петербургскій папирусъ и готовящемся представить его ученому міру въ особомъ изданіи, во всей полнотѣ нынѣшняго научнаго аппарата. Едва покинувъ университетскую скамью, онъ уже своими первыми работами обратилъ на себя вниманіе значительнѣйшихъ современныхъ египтологическихъ авторитетовъ, каковы: Лепсіусъ, Бругшъ, Бирчъ, Масперо и другіе. Онъ участвуетъ съ честью въ извѣстной берлинской «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde». Путешествіе его въ Египетъ, откуда онъ привезъ почти цѣлый маленькій египетскій музей, конечно, еще болѣе расширило его научный горизонтъ, и скоро по возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ сдѣланъ консерваторомъ египетскаго отдѣленія Эрмитажа. Здѣсь онъ дебютируетъ открытіемъ и объясненіемъ папируса, имѣющаго громадное значеніе для всей европейской науки. Можно-ли не пожелать, отъ искренняго сердца, наилучшаго успѣха юношѣ, начинающему такимъ блестящимъ образомъ свою ученую карьеру? У него, между русскими, не было ни одного предшественника по части египтологіи, кромѣ Гульянова (сконч. въ 1841 году). Но Гульяновъ, сынъ молдавскаго господаря, проведшій всю почти жизнь за границей, на счетъ русскаго правительства, былъ скорѣе дилеттантъ, и хотя отличился тѣмъ, что жестоко и безплодно нападалъ на Шампольіонову систему чтенія гіероглифовъ, но ничего самъ не создалъ и не произвелъ, а своими объясненіями египетской миѳологіи, со стороны религіозной, христіанской и «нравственной», оставилъ по себѣ память въ нѣкоторомъ родѣ даже комическую. В. С. Голенищевъ принадлежитъ совершенно другому настроенію, образу мыслей, эпохѣ и совершенно другой наукѣ. Отъ него можно, кажется, по всѣмъ правамъ ожидать многаго, настоящаго.

В. Стасовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МОГИЛА АГАМЕМНОНА.

Отрывокъ изъ Словацкаго.

(Посвящается Василью Степановичу Перфильеву).

Пусть фантастически-настроенная лира
Теперь откликнется мечтамъ моей души:
Стопою робкою вхожу въ обитель мира—
Въ склепъ Агамѐмнона; здѣсь, въ сумрачной тиши,
Атриды грозные мнѣ чудятся невольно,
Ихъ клики, споры, брань... а нá сердцѣ такъ больно!

Рокочетъ пò свѣту далекой славы громъ,—
Тяжелый грузъ вѣковъ ничуть ей не помѣха:
Несется дивный гулъ, вѣщая о быломъ,
И въ этотъ темный гротъ ея заходитъ эхо,
Звучитъ Электры гласъ въ могильной тишинѣ,
А мнѣ... по прежнему все также грустно мнѣ!

Зефиръ, влетѣвъ, потрясъ Арахны тронъ зыбучій,
Зашелестилъ кругомъ по лавровымъ кустамъ
И тихо колыхнулъ чебѐра лѣсъ пахучій:
Цвѣты пушистые въ пещерѣ, здѣсь и тамъ,

Какъ духи витязей приподниматься стали
И надъ великою могилою летали...

Межъ тѣмъ полей и горъ досужіе пѣвцы,
Какъ будто пришлецу молчать повелѣвая,
Въ травѣ подъ камнями трещали кузнецы —
И та рапсодія, та пѣсня полевая
Еще печальнѣе настроила меня:
Я слушалъ, голову смиренно преклоня;

Я былъ въ то время тихъ и нѣмъ, какъ тѣ Атриды,
Что̀ спятъ подъ стражею рапсодовъ полевыхъ;
Я все тогда забылъ, всѣ горькія обиды,
Всю злобу тяжкихъ дней—я былъ и нѣмъ, и тихъ;
Мнѣ стало моего минувшаго невидно
И бѣдности моей, и малости не стыдно.

У входа самаго дубокъ зеленый росъ
И вѣтви темныя раскинулъ вкругъ широко;
Кто знаетъ, голубь ли сюда его занесъ,
Иль перелетный вѣтръ, примчавшись издалёка,—
Могилѣ все равно, откуда онъ и чей,
Лишь только-бъ не пускалъ онъ солнечныхъ лучей

Въ нее заглядывать, пугая мракъ надгробный...
Но вѣтку я сорвалъ—лучъ солнца прорвался
Огнистой полосой, златой струнѣ подобный,
Легла къ моимъ ногамъ живая полоса—
И засіяла вдругъ угрюмая пещера;
Я думалъ: та струна—не съ арфы ли Гомера?

И руки вытянулъ, чтобы схватить струну,
Чтобъ натянуть ее на чуждую ей лиру,
Слезами затопить пустыни тишину,
Оплакать витязей, всему знакомыхъ міру,
Но задрожавъ въ рукѣ, вдругъ лопнула струна—
И воцарилась вкругъ опять обитель сна.

Таковъ, знать, жребій мой и злыхъ судебъ коварство:
Готова молнія слетѣть порой со струнъ,
Но—вкругъ меня гробовъ безжизненное царство!
На землю падаетъ разбившійся перунъ...

Коня лихого мнѣ! Я живо на-конь сяду
И ринусь въ ярый бѣгъ—и въ немъ найду отраду!

Коня! Русломъ давно-изсякшаго ручья,
Гдѣ лавры стелются ковромъ благоуханнымъ,
Лечу, какъ молніи огнистая струя,
Къ мѣстамъ, моей душѣ роднымъ, обѣтованнымъ:
Туда несись, мой конь—и у святыхъ могилъ
Пади, измученный, безъ духу и безъ силъ!

У Термопилъ? О, нѣтъ! Скорѣй на Херонеѣ
Мы остановимся: я родомъ изъ страны,
Гдѣ въ часъ, когда тоска намъ жжетъ сердца больнѣе, —
Моимъ соотчичамъ златые снятся сны
О славѣ прошлаго—и добрые невѣжды
Лелѣютъ безъ конца, Богъ вѣсть на чтó, надежды...

Не зрѣть мнѣ Термопилъ: меня отъ Термопилъ
Отгонятъ призраки спартанскихъ патріотовъ:
Не мнѣ, рабу рабовъ, касаться сихъ могилъ,
Не мнѣ, рожденному въ отечествѣ илотовъ!
У славныхъ Термопилъ героевъ билась рать:
Не мнѣ святой ихъ прахъ ногами попирать!

Тамъ духу вѣщему спартанцевъ слышны клики;
Непобѣдимыхъ горсть была невелика,
Но—всѣ они легли!.. ихъ мужескіе лики
Могли бы пристыдить любого поляка!..
Нѣтъ, жутко, страшно мнѣ стоять межъ ихъ рядами,
Гремя позорными невольника цѣпями!

Чтó отвѣчалъ бы я, какой почуялъ стыдъ,
Когда бы дивная развéрзлася могила —
И предо мною всталъ изъ гроба Леонидъ
И провѣщалъ бы мнѣ: «а много ли васъ было?
И чѣмъ окончили вы ярую борьбу?» —
Что было-бъ отвѣчать мнѣ, жалкому рабу?..

У Термопилъ врагамъ отомщена обида:
Лежитъ безъ пышнаго, златого кунтуша,
Покрытый ранами трупъ голый Леонида!
Въ застывшемъ мраморѣ лица его—душа

Героя свѣтится, что палъ въ неравномъ боѣ—
И долго плакала Эллада по героѣ!..

О Польша! Вѣрь ты мнѣ: покуда дремлешь ты
И душу ангела въ нечистомъ носишь тѣлѣ,—
Покинь о счастіи несбыточномъ мечты
И знай: дни прошлаго на вѣки улетѣли!

. . . .

II.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Въ альбомъ С. Б.

Прошли тѣ дни, какихъ не будетъ болѣ!
Когда, бродя въ лѣсу и въ чистомъ полѣ,
Я цѣлый могъ нарвать себѣ букетъ:
Теперь же—ни цвѣтовъ кругомъ, ни травки нѣтъ!

Реветъ гроза, играетъ непогода
Надъ головой несчастнаго народа;
Щемитъ тоска мнѣ сердце, ноетъ грудь...
Когда-бъ найти мнѣ другу что-нибудь!

Нашелъ! Прими, мой другъ, хоть эту малость!
Имѣй ко мнѣ ты небольшую жалость:
Я долго рылся... Я усталъ... Я старъ...
    Притомъ—послѣдній это даръ!

Въ альбомъ **

Когда узришь, что буря оторвала
И унесла отъ берега челнокъ,—
Ты, милый другъ, не плачь о томъ ни мало,
Что носится онъ въ морѣ одинокъ!
Куда бы рокъ свирѣпый ни направилъ
Его потомъ—какая въ томъ бѣда:
На берегу пловецъ его оставилъ
Все, чѣмъ былые красились года,
Всѣ лучшія надежды и мечтанья,
Остались—слезы, жгучія страданья!..
Скажи, мой другъ: коли судьба *всему*
Судила здѣсь погибнуть,—что-жъ ему
Такъ горевать—скитальцу одному?..
Неужели отраднѣй быть спасеннымъ
И съ берега спокойнаго взирать
На плески волнъ, ихъ шумомъ монотоннымъ
Плѣняться отъ бездѣлья?.. Нѣтъ, играть
Я съ омутомъ хочу неугомоннымъ!..

Н. Бергъ.

ПЕРЕСЪ ГАЛЬДОСЪ

Современный испанскій романистъ.

I.

Послѣ «Писемъ объ Испаніи» Боткина, которыя сперва печатались въ «Современникѣ», а потомъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ (1857), ни одно сочиненіе, посвященное Испаніи вполнѣ или отчасти, не останавливало на себѣ вниманіе русскихъ читателей въ такой мѣрѣ, какъ глава объ Испаніи въ извѣстной книгѣ Бокля (1864). Авторитетъ этого историка, его громадная эрудиція, поразительная яркость и рѣзкость высказаннаго имъ мнѣнія—все соединилось для того, чтобы дать его «Очерку умственнаго движенія въ Испаніи, съ V до XIX столѣтія» исключительное значеніе. Едва ли и теперь—послѣ событій, происшедшихъ въ Испаніи за послѣднія десять лѣтъ, многіе у насъ отказались отъ разъ составленнаго понятія объ Испаніи, какъ о странѣ, въ которой система опеки окончательно погубила все живое и свѣтлое, и навѣки заморила всѣ зародыши лучшаго будущаго. Есть основаніе утверждать однакоже, что при всемъ несомнѣнномъ злѣ, причиненномъ Испаніи духомъ опеки, положеніе этой страны еще далеко не безнадежно, хотя современная дѣйствительность и безъ избытка черной краски, наложенной Боклемъ, можетъ достаточно подтверждать вѣрность общаго положенія англійскаго историка о гибельномъ вліяніи невѣжества и суевѣрія, неизбѣжно порождаемыхъ системою испанскаго правленія. Какъ ни печально положеніе Испаніи, оно не безнадежно: испанскій народъ, прекрасныя качества котораго были нерѣдко достойно оцѣниваемы историками и путешественниками, много

разъ въ XIX вѣкѣ доказывалъ свою жизненность. Въ періоды испытаній, въ самые черные дни, лучшіе люди Испаніи не предавались отчаянію: они были увѣрены, что не останутся одинокими въ борьбѣ, и не ошибались. Съ первыхъ годовъ настоящаго вѣка, или, пожалуй, съ знаменитаго «dos de Mayo», идетъ эта упорная борьба, переходъ отъ глухой и скрытой работы къ взрывамъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ. Время, протекшее съ 1868 года, еще памятно; предшествовавшій же этому году, сравнительно менѣе яркій періодъ, найдя превосходнаго истолкователя въ лицѣ Фернандо Гарридо [1]), можетъ представиться намъ также высоко поучительнымъ и интереснымъ: онъ дѣйствительно доказываетъ, что испанскій народъ вовсе не заслуживалъ бѣдствія тѣхъ тяжелыхъ формъ жизни, которыя сложились для него подъ вліяніемъ ошибокъ прошлаго, несчастныхъ случайностей и многоразличныхъ внѣшнихъ условій.

Живая борьба новыхъ просвѣтительныхъ стремленій со старымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, хотя и не дала еще тѣхъ результатовъ, на которыя разсчитывалъ Гарридо и люди, раздѣлявшіе его воззрѣнія, но она привела къ такому порядку вещей, который, вопреки мнѣнію Бокля, обнаруживаетъ паденіе власти духовенства, а не усиленіе ея, и не даетъ основанія утверждать, будто «малѣйшее нападеніе на іерархію поднимаетъ народъ», будто «въ нынѣшнемъ столѣтіи, ничто не въ состояніи ослабить того суевѣрія и того раболѣпства, которое подъ совокупнымъ давленіемъ многихъ столѣтій, врѣзалось въ умы и въѣлось въ сердца испанской націи». Теперь можно скорѣе ожидать, напротивъ, новыхъ перемѣнъ къ лучшему, нежели попятнаго движенія къ пережитымъ порядкамъ.

Но если долгая и упорная борьба, совершающаяся въ Испаніи въ теченіе настоящаго столѣтія, не безплодна, если испанскому народу удалось уже преодолѣть нѣкоторыя изъ условій, тормозящихъ его развитіе и навязанныхъ ему несчастной его исторіей, и если въ будущемъ открываются перспективы новыхъ успѣховъ, то ознакомленіе съ новѣйшею исторіею и современнымъ положеніемъ Испаніи не можетъ не быть для насъ въ высокой степени назидательнымъ и интереснымъ. Литература не оставляетъ насъ въ этомъ отношеніи съ пустыми руками: матеріалъ, доставляемый ею для всесторонняго изученія Испаніи XIX

[1]) *F. Garrido,* L'Espagne contemporaine, ses progrès moraux et materiels au XIX siècle. 1862.

вѣка, весьма богатъ. Писатели испанскіе и иностранные [1]) могутъ хорошо ознакомить съ политическимъ и экономическимъ состояніемъ Испаніи и дать понятіе объ ея успѣхахъ въ области наукъ, философіи, литературы и искусствъ за послѣднее столѣтіе. Къ источникамъ этимъ слѣдуетъ присоединить еще и сочиненія тѣхъ испанскихъ писателей, которые, какъ напримѣръ: Амадоръ де-лосъ-Ріосъ, Ферреръ дель-Ріо, братья Мигель и Эмиліо Алькантара, хотя и не разработывали новѣйшей исторіи, но въ трудахъ своихъ даютъ намъ свидѣтельство о той степени развитія, на которой стоитъ въ настоящее время въ Испаніи научное изслѣдованіе явленій общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Словомъ, на недостатокъ матеріала нельзя пожаловаться даже и при извѣстной требовательности; для скромной же задачи общаго очерка какого-нибудь отдѣльнаго вопроса можетъ оказаться скорѣе embarras de richesse въ матеріалѣ, чѣмъ недостатокъ его. Въ настоящемъ случаѣ, мы остановимся на художественномъ воспроизведеніи этой жизни и, главнымъ образомъ, наполняющей ее борьбы между суевѣріемъ и просвѣщеніемъ. Это яркое и талантливое воспроизведеніе представляютъ романы современнаго испанскаго беллетриста Пересъ Гальдоса.

Говорить русскому читателю о современномъ испанскомъ романистѣ и сразу стать in medias res, довольно трудно: испанская литература извѣстна у насъ очень мало. Кромѣ «Донъ-Кихота», переводившагося нѣсколько разъ и все-таки хорошо не переведеннаго, нѣсколькихъ драмъ Кальдерона и Лопе-де-Веги, двухъ-трехъ случайныхъ переводовъ изъ новой беллетристики, испанская литература остается у насъ почти совершенно неизвѣстна, и необходимо вспомнить нѣсколько историческихъ фактовъ ея прошедшаго.

Въ Испаніи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, романъ —эта отрасль литературы, стремящаяся къ отраженію въ себѣ жизни личной и бытовой во всей ея широтѣ и разнообразіи— не могъ не подчиниться вліянію тѣхъ психологическихъ и общественныхъ интересовъ, которые теперь вездѣ такъ ясно обозначаются въ литературѣ. Этотъ новый романъ, который называютъ то «реальнымъ», то «соціальнымъ» и который правильнѣе слѣдовало бы назвать общественно-психологическимъ, не остался чуждымъ и Испаніи, хотя возникъ здѣсь довольно поздно. Имѣя

[1]) Напр. Кастеларъ, Пи-и-Маргаль, Ла-Фуэнте, Рико и Амотъ, Гарридо, Ферминъ Кабальеро, Каналехасъ, Хосе дель-Перохо, Хуанъ Валера, Мануэль де-ла-Ревилья, Алькантара Гарсіа, Бенхумеа и др., и изъ иностранныхъ—Лаузеръ, Баумгартенъ, Рейналь, Гюббаръ, Тикноръ, Сугенгеймъ, Вольфъ и др.

блестящее прошедшее въ знаменитыхъ романахъ XVI и XVII вѣка: «Донъ-Кихотъ» (Сервантеса), «Ласарильо де-Тормесъ» (Уртадо де-Мендосы), «Похожденіяхъ Гусмана де-Альфараче (Маттео Алемана), «Приключеніяхъ Марко де-Обрегона (Висенте Эспинеля), «Исторіи великаго плута» (Кеведо) и др., общественно-психологическій романъ въ Испаніи находился до послѣдняго времени въ жалкомъ упадкѣ. «Усилія романтиковъ возстановить эту важную отрасль литературы, — говоритъ де-ла-Ревилья, — не имѣли успѣха. Историческіе романы Ларры, Эспронседы, Эскосуры, Новарро Вильослады и нѣкоторыхъ другихъ, писавшихъ подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, не имѣли того успѣха, который необходимъ для основанія новой школы. Представляя весьма изящныя повѣствованія, романы не давали хода развитію драматическаго интереса, заслоняя его непомѣрною яркостью мѣстнаго колорита. Они не имѣли успѣха и не могли возбудить вниманія публики. «Санчо Сальданья», «Пажъ Энрико Тоскующаго», «Графъ Кандеспина», такъ же какъ и «Донья Бланка Наваррская», никогда не могли пріобрѣсти популярности и низошли въ пропасть забвенія, не оставивъ слѣда въ памяти читателей. Новый романъ, тотъ романъ, который изображаетъ современное общество и воплощаетъ идеалы, одушевляющіе нашъ вѣкъ, который соединяетъ драматическій интересъ происшествій съ психологическимъ интересомъ, возбуждаемымъ удачною рисовкою характеровъ, и связываетъ ихъ съ интересомъ общественнымъ, возникающимъ изъ постановки соціальныхъ вопросовъ, тотъ романъ, наконецъ, который счастливо замѣняя собою древнюю эпопею, изображаетъ яркими красками и съ поразительною правдивостью многосложную жизнь и возбужденное сознаніе общества нашего времени—этотъ романъ до конца 1860-хъ годовъ не имѣлъ въ Испаніи представителей».

«Первостепенная писательница (Бёль фонъ-Фаберъ), скрывавшаяся подъ псевдонимомъ «Фернанъ Кабальеро», пыталась было водворить его, но не имѣла успѣха. Неподражаемый талантъ описанія, нѣжное поэтическое чувство, умѣнье соединять реализмъ съ идеализмомъ—не приносили своего плода при томъ реакціонномъ направленіи, которому она слѣдовала въ своихъ произведеніяхъ. Какъ восторженная почитательница старинныхъ идеаловъ, она мечтала о возстановленіи исчезнувшаго общества и боролась съ обществомъ современнымъ. Ея постоянный протестъ противъ духа нашего вѣка помѣшалъ произведеніямъ ея пользоваться тою популярностью и тѣмъ вліяніемъ, которое достается на долю писателей, способныхъ вдохновляться

идеалами и стремленіями того общества, среди котораго они живутъ. Знатоки восхищались красотами этихъ произведеній; приверженцы старины зачитывались ими; но Фернанъ Кабальеро не могла однако пріобрѣсти популярности или оказать вліяніе на развитіе той отрасли литературы, которую она разработывала.

«Прелестные, хотя и ребяческіе разсказы Труэбы, легонькія и очаровательныя небольшія повѣсти Аларкона, также нисколько не способствовали успѣху новаго романа. Взамѣнъ того, ходъ развитія этой отрасли литературы былъ сильно сбитъ съ пути и попорченъ именно тѣмъ самымъ писателемъ, который отличается не только громадною изобрѣтательностью, но и необычайною плодовитостью—случай, оставляющій печальнѣйшее воспоминаніе въ исторіи испанскаго романа.

«Донъ Фернандесъ-и-Гонсалесъ имѣлъ для испанскаго романа не менѣе гибельное вліяніе, какъ и его французскій образецъ (А. Дюма). Имѣя силы начать возрожденіе испанской беллетристики, писатель этотъ внесъ въ нее порчу. Подъ его перомъ повѣсть перестала быть вѣрною и яркою картиною жизни, и сдѣлалась страннымъ нагроможденіемъ фантастическихъ, невозможныхъ приключеній, которыя, если и способны позабавить фантазію читателя, ровно ничего не говорятъ его сердцу и уму. Пустое любопытство, возникающее изъ осложненій фабулы и неожиданныхъ и необыкновенныхъ происшествій, заняло мѣсто болѣе законнаго любопытства, возбуждаемаго развитіемъ мѣтко очерченныхъ характеровъ и изложеніемъ драматическихъ, хватающихъ за сердце столкновеній. Разсчету на фальшивый эффектъ неожиданностей и неправдоподобій Гонсалесъ пожертвовалъ тѣмъ простымъ и здравымъ эффектомъ, который является слѣдствіемъ борьбы страстей и естественнаго, логическаго хода, вѣрно-схваченныхъ и патетически изображенныхъ, событій. Жизненность и богатство дѣйствія, точная и яркая рисовка дѣйствующихъ лицъ, психологическая и историческая правда, мѣстный колоритъ, и даже вѣрный очеркъ фабулы—все было пренебрежено этимъ писателемъ, и романъ упалъ такъ низко, что совсѣмъ пересталъ находить читателей въ образованной средѣ и могъ удовлетворять лишь вкусамъ публики совершенно невѣжественной.

«Романы и романисты однако же плодились. Люди неспособные, соревнуя главѣ школы, подражали его странностямъ, не имѣя возможности позаимствоваться у него его толковитостью. Искусство выродилось въ промыселъ: лавочки разныхъ «знаменитостей» стали барышничать безвкусіемъ, нерѣдко безнравственностью и скандаломъ, и недобрая слава Февалей, Монтепэновъ,

Понсонъ дю-Террайлей и другихъ плохихъ подражателей Дюма, затмилась въ Испаніи славою жалкихъ послѣдователей Фернандесъ-и-Гонсалеса.

«Въ такомъ положеніи находился испанскій романъ, когда, сжалясь надъ нами, Аполлонъ призвалъ къ жизни молодого писателя, положившаго конецъ всей этой неурядицѣ. Этотъ молодой писатель и есть Донъ Бенито Пересъ Гальдóсъ» [1]).

Гальдóсъ написалъ два историческихъ романа—«Золотой Фонтанъ» (La fontana de oro), «Смѣльчакъ» (El Audaz), и три бытовыхъ—«Донья Перфекта», «Глорія» и «Маріанела». Историческіе романы появились въ 1868 и 1871 году; бытовые—въ 1876—1878. Ранѣе были написаны Гальдосомъ лишь небольшіе очерки, которые помѣщались въ повременныхъ изданіяхъ. Изъ этихъ очерковъ наибольшее вниманіе обратили на себя тѣ, которые появились подъ заглавіемъ «Восковыя фигуры» (Figuras de cera).

Время, которое описываетъ Гальдосъ въ своихъ историческихъ романахъ, относится къ весьма достопримѣчательнымъ моментамъ царствованія Карла IV и Фердинанда VII, а именно: «Смѣльчакъ» къ 1804 году и «Золотой Фонтанъ» къ періоду 1821—23. Въ эти годы борьба старыхъ воззрѣній и отживающаго порядка съ новыми пріобрѣтала особенно острый характеръ,—романисту, представляется такимъ образомъ особенно много яркихъ и характерныхъ данныхъ. Выборъ эпохи и отдѣльныхъ моментовъ въ ней нельзя поэтому не признать весьма удачнымъ.

То ужасное положеніе, въ которомъ находилась Испанія около 1804 года, началось за много лѣтъ ранѣе. Уже съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто Карла III—этого лучшаго изъ государей Испаніи—занялъ сынъ его Карлъ IV (1788), началось то страшное разореніе и униженіе страны, которое послѣ окончанія войны съ Англіей (1797—1802) достигло размѣровъ необычайныхъ. Карлъ IV—добродушный, слабохарактерный, и въ то же время, невѣжественный и глупый человѣкъ, по характеристикѣ Гарридо—идіотъ, проводилъ время въ праздныхъ забавахъ и развлеченіяхъ и не хотѣлъ, да и не могъ, вліять на дѣла государственныя. Все управленіе находилось въ рукахъ любовника королевы, Маріи Луизы—Мануила Годои, который былъ возведенъ въ герцоги, сдѣланъ «княземъ мира» (principe de la paz) и получилъ цѣлую массу отличій, правъ и привиллегій. Безстыдно зло-

[1]) Revista Contemporanea, 1878, № 55.

употребляя своимъ положеніемъ, Годои довелъ Испанію до края гибели и приготовилъ ей жесточайшія испытанія.

«Уже въ теченіи первой войны съ Англіей,—читаемъ въ исторіи Испаніи того времени,—можно было видѣть, какъ быстро процессъ разложенія охватывалъ экономическую и нравственную стороны народной жизни въ Испаніи. Настало рѣдкое матеріальное разстройство, о которомъ можно судить по работамъ безчисленныхъ финансовыхъ хунтъ. Чего только ни дѣлали онѣ, чтобы поднять доходы страны! Воззвали къ патріотизму испанцевъ, которыхъ дворъ старался воодушевить своимъ примѣромъ, отказавшись отъ нѣкоторыхъ доходовъ и продавъ лишнее изъ серебряной посуды. Успѣха не было. Тогда появился цѣлый рядъ постановленій, которыя, между прочимъ, объявляли продажу всѣхъ земель, принадлежавшихъ больницамъ и различнымъ благотворительнымъ и богоугоднымъ учрежденіямъ. И это не помогло. Объявили новый заемъ въ 400 милліоновъ. Результатъ—паденіе государственныхъ бумагъ на 40%. Чиновникамъ выдавали жалованье этими, почти ничего не стоющими, бумажками, ихъ же заставляли еще насильственными мѣрами принимать участіе въ добровольныхъ займахъ и патріотическихъ пожертвованіяхъ. Неурожай увеличивалъ всеобщее бѣдствіе. А между тѣмъ весной 1799 г. всѣхъ поразилъ новый выпускъ государственныхъ облигацій на тысячу слишкомъ милліоновъ. Даже богатые находились въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Всѣ полезныя работы, предпринятыя государствомъ, остановились и, несмотря на это, цѣны на строительный матеріалъ и поденная плата, наравнѣ съ съѣстными припасами, возвысились чуть не вдвое. Наконецъ, новая финансовая хунта издала декретъ, повелѣвавшій принимать бумажки наравнѣ съ золотомъ и серебромъ, со сбавкой лишь 6%. Сопротивленіе строго наказывалось, а всякій доносившій о немъ получалъ въ награду половину всей суммы. Мало того. Конфисковали половину денегъ, получаемыхъ изъ Америки. Затѣмъ объявили новый принудительный заемъ въ 300 милліоновъ и, наконецъ, лотерею со всевозможными соблазнами. И въ это-то время безпримѣрной нужды, когда правительство, при всѣхъ своихъ ухищреніяхъ, добывало всего 600 милліоновъ на расходы въ 1800 милліоновъ, дворъ тратилъ болѣе шестой части всѣхъ доходовъ (105 милліоновъ).

«Въ войскѣ не было и 50,000 человѣкъ, а оно поглощало огромную сумму въ 935 милліоновъ. Большая часть этихъ денегъ шла на содержаніе множества офицеровъ, въ особенности высшихъ чиновъ, число которыхъ зависѣло не отъ количества войска,

а отъ каприза двора. Такъ какъ была военная пора, то временщику всего удобнѣе казалось пристроить свои креатуры въ войскѣ. Такъ въ 1802 г., по случаю свадьбы принца астурійскаго, разомъ было произведено 57 фельдмаршаловъ, 26 генералъ-лейтенантовъ и нѣсколько сотъ полковниковъ. О необъятномъ числѣ армейскихъ офицеровъ всего лучше можно составить понятіе изъ сравненія ихъ съ флотскими, хотя послѣдніе гораздо менѣе пользовались вниманіемъ Годои. Въ 1807 г. флотомъ, который едва ли могъ выставить болѣе 15 кораблей, управляли: 1 старшій адмиралъ, 2 адмирала, 29 вице-адмираловъ, 63 контръ-адмирала, 80 капитановъ линейныхъ кораблей и 134 капитана фрегатовъ. Такая же несоразмѣрность господствовала и въ платѣ. Тогда какъ жалованье нижнихъ чиновъ прямо побуждало ихъ къ подкупности и обману, наверху царствовала величайшая расточительность. Напримѣръ, губернаторъ кастильскаго совѣта получалъ 264,000 реаловъ, министръ иностранныхъ дѣлъ 480,000. Къ тому же, чѣмъ выше стоялъ чиновникъ, тѣмъ выгоднѣе было занимаемое имъ мѣсто. И какъ-бы для того, чтобы излить всѣ бѣдствія на несчастную страну, судьба послала, въ довершеніе финансоваго и политическаго разстройства, моровую язву, неурожаи, голодъ, землетрясеніе. Болѣзнь свирѣпствовала такъ, что принуждены были закрыть главные университеты. Мѣра пшеницы отъ 40 реаловъ дошла до 400.

«И эта вопіющая нужда не только не заставляла правительство раскаяваться, но, казалось, способствовала развитію въ немъ безнравственности. Теперь пали послѣднія преграды, которыя встрѣчали до сихъ поръ недостойныя продѣлки любимца королевы. Годои тѣмъ болѣе благоденствовалъ, чѣмъ мучительнѣе становилось положеніе каждаго испанца. Его доходы стали почти неисчислимы. Теперь онъ былъ уже не только министромъ и капитаномъ гвардіи, за что получалъ болѣе 800,000, но и кавалеромъ всѣхъ испанскихъ орденовъ, секретаремъ королевы, главнымъ интендантомъ дорогъ и почтъ, директоромъ академіи искусствъ, кабинета естественныхъ наукъ, ботаническаго сада, химической лабораторіи и астрономической обсерваторіи. Вообще онъ получалъ больше, чѣмъ всѣ судьи Испаніи, вмѣстѣ взятые...

«Мудрено ли, что правительство отличалось въ это время самою постыдною снисходительностью ко всевозможнымъ преступленіямъ, вызваннымъ всеобщимъ хаосомъ? И въ этомъ выказывались слѣды габсбургскаго деспотизма, который считалъ злодѣяніемъ всякое разумное требованіе націи. Через все правленіе

Карла IV проходитъ рядъ возмущеній отдѣльныхъ провинцій и корпорацій, которыя, насколько извѣстно, окончились всѣ торжествомъ крамолы надъ верховною властью. И какъ бы для того, чтобы еще больше унизить авторитетъ правительства, министры, опозоренные передъ народомъ, преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ» [1]).

Избравъ фономъ романа это всеобщее разстройство и недовольство, выражавшееся въ заговорахъ и возмущеніяхъ, Гальдосъ остановился на одномъ изъ эпизодовъ этого смутнаго времени —неудачномъ возстаніи въ Толедо—и показалъ то разнообразное смѣшеніе общественныхъ теченій, которое сплелось въ общій узелъ въ толедскомъ заговорѣ и окончилось катастрофой. На первомъ планѣ является передъ нами сопоставленіе дѣятельности двухъ конспирирующихъ партій: партіи фернандистовъ, мечтавшихъ объ удаленіи Карла IV, замѣщеніи его наслѣднымъ принцемъ Фердинандомъ и провозглашеніи конституціи именемъ этого послѣдняго, и второй—партіи радикальной, ставившей себѣ задачею совершенное устраненіе династіи Бурбоновъ, провозглашеніе республики и созваніе учредительныхъ кортесовъ. Представителемъ первой, Гальдосъ избралъ опытнаго заговорщика Донъ Буэнавентуру де-Ротондо, дѣйствующаго, повидимому, практично и осмотрительно, широко раскидывающаго сѣти заговора, ловко завязывающаго сношенія въ средѣ разныхъ слоевъ общества и упускающаго изъ виду только одно—что личность Фердинанда, ради котораго производилась вся эта сложная и хитросплетенная махинація, была совершенно неизвѣстна: никто еще не могъ сказать тогда, чего можно ожидать отъ этого принца, жившаго въ полнѣйшей безвѣстности и блиставшаго одними только воображаемыми добродѣтелями, созданными отчасти общимъ свойствомъ человѣческой природы, такъ легко допускающей все то, чего хочется, отчасти пылкою фантазіею жителей юга. Вторая партія имѣетъ въ романѣ представителемъ своимъ Мартина Муріэля: это—человѣкъ столь же юный и неопытный, какъ и сама партія, пылкій, нетерпѣливый, увлекающійся и хотя и самоувѣрен-

---

[1]) *А. Трачевскій*, Испанія девятнадцатаго вѣка. 1872. ч. 1, стр. 83—84.—Трудъ г. Трачевскаго представляетъ отчасти весьма хорошо приспособленную для русскаго читателя переработку „Исторіи Испаніи" Баумгартена (до 1824 г.), но отчасти и самостоятельное изслѣдованіе, благодаря неизвѣстнымъ не только Баумгартену, но даже и Лафуэнте, источникамъ, добытымъ изъ архива нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Для общаго знакомства съ новѣйшею исторіею Испаніи могутъ служить также: *G. Hubbard*, Histoire contemporaine de l'Espagne, и *H. Reynald*, Histoire de l'Espagne depuis la mort de Charles III jusqu'à nos jours.

ный подъ впечатлѣніемъ теоретической опредѣленности своихъ цѣлей, но не соразмѣряющій ихъ съ общимъ уровнемъ умственнаго развитія, какъ и наличной силы, которыми партія располагала для борьбы. Поэтому, хотя Муріэлю и удается захватить руководительство при возстаніи въ Толедо, но возстаніе это кончается пустой вспышкой, безплодной тратой самоотверженія и геройства, приносящей дѣлу скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Самъ Муріэль, а вслѣдъ за нимъ и де-Ротондо такъ же, какъ и многіе другіе, гибнутъ въ общей неудачѣ, оставляя послѣ себѣ память, болѣе поучительную въ отрицательномъ смыслѣ, нежели въ положительномъ; но самый фактъ ихъ существованія и значительный кругъ ихъ вліянія ясно доказывалъ, что испанское общество того времени не могло переносить безмолвно раззоренія и униженія своей страны.

Политическое движеніе, какъ основа романа, выдвигаетъ впередъ общественные интересы и болѣе или менѣе заслоняетъ ими интересы личные. Эти послѣдніе всегда сплетаются съ тѣми вліяніями, которыя возникаютъ изъ общественной среды. Такимъ образомъ автору удается выдержать разработку избранной имъ темы на той высотѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ правильно понятымъ задачамъ современнаго романа.

Понятно, что сообразно съ такою постановкою мотивовъ, опредѣляющихъ ходъ дѣйствія въ романѣ, судьба и приключенія двухъ его главныхъ дѣйствующихъ—Муріэля и де-Ротондо, не идутъ узкою колеею, но широко захватываютъ почти всѣ общественные слои и даютъ весьма обширную картину общества того времени. Передъ нами проходятъ и гордые гранды, злобствующіе противъ Годои и ради этой злобы конспирирующіе противъ короля, и люди средняго класса, болѣе или менѣе ясно сознающіе бѣдствія родины и болѣе или менѣе рѣшительно идущіе къ ней на помощь, и духовные, сообразно своимъ связямъ и положенію, такъ или иначе примыкающіе къ заговору, и, наконецъ, небольшое число лицъ изъ низшихъ классовъ населенія, еще слабо понимающихъ положеніе вещей и увлекаемыхъ въ дѣло непосредственнымъ вліяніемъ такихъ натуръ, какъ «смѣльчакъ» — Муріэль.

Сохраняя старинную, основанную на коренныхъ свойствахъ испанскаго характера, традицію реализма въ искусствѣ, Гальдосъ старался представить намъ всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ во всей яркости ихъ особыхъ характеровъ—и это нерѣдко удавалось ему вполнѣ. Братъ Муріэля—Паблильо (Павлуша), несчастный мальчикъ, испытывающій всѣ муки нищенскаго сиротства на бога-

томъ барскомъ дворѣ; грубый аббатъ Коргонъ, пускающій всѣмъ пыль въ глаза своимъ безконечнымъ трудомъ надъ 14-томнымъ богословскимъ сочиненіемъ и втихомолку дѣлающій карьеру; другой аббатъ, служащій на побѣгушкахъ у всего свѣта и довольствующійся за то сытнымъ обѣдомъ и выпивкой; великосвѣтская барышня, наивно увлекающаяся пасторальною поэзіей—проходятъ передъ нами, какъ живые и дѣйствительно дають понятіе объ испанскомъ старосвѣтскомъ обществѣ, которое едва начинало предвкушать впечатлѣнія бурь, угрожавшихъ ближайшему будущему.

Одною изъ этихъ бурь и было то — связанное съ героическимъ именемъ Ріего—общественное движеніе, которое началось въ 1820 году, т.-е. черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи въ Испанію Фердинанда. Эпизодъ изъ этого движенія и далъ Гальдосу тему для перваго по времени романа его «La fontana de oro», о которомъ мы скажемъ теперь, слѣдуя порядку событій.

Совершенно исключительныя обстоятельства подготовили почву для тѣхъ надеждъ, съ которыми встрѣтилъ народъ возвращавшагося на родину Фердинанда. Долгое время испанцы смотрѣли на него сквозь какой-то туманъ: при дворѣ отца онъ игралъ далеко не видную роль, но несомнѣнно что-то замышлялъ, подвергался преслѣдованіямъ. Въ немъ привыкли видѣть провозвѣстника лучшаго будущаго, зарю новой эры, ему симпатизировали, имъ восторгались... Вблизи же, и для глазъ сколько-нибудь проницательныхъ, Фердинандъ, при всемъ своемъ лицемѣріи, скоро обнаруживалъ свои истинныя свойства. Не много трѣбовалось времени Наполеону, чтобы опредѣлить его, какъ человѣка, который въ одно и то же время былъ «très faux, très bête et très méchant». Послѣ неслыханнаго униженія передъ Мюратомъ въ Мадридѣ, послѣ позора семейныхъ сценъ въ Байонѣ, возмущавшихъ даже Наполеона, Фердинандъ почелъ себя счастливымъ, когда его поселили въ зàмкѣ Талейрана. Испанцы, предоставленные всѣмъ случайностямъ запутанныхъ Бурбонами обстоятельствъ, геройски гибли за независимость и достоинство родины, а Фердинандъ беззаботно наслаждался жизнью. Здѣсь, по порученію Наполеона, устраивались всякаго рода празднества и развлеченія; согласно полученнымъ инструкціямъ, Талейранъ не долженъ былъ брезгать ничѣмъ для его увеселенія. Фердинандъ въ это время, можно сказать, стоялъ на высотѣ своего положенія—онъ праздновалъ побѣды французовъ надъ испанцами съ такимъ избыткомъ усердія, что Талейрану страшно становилось за зàмокъ,

который легко могъ сгорѣть при какой-нибудь блестящей иллюминаціи!..

Что же думали испанцы? Умирая за родину, они продолжали видѣть въ Фердинандѣ олицетвореніе чести отечества и ждали-не-дождались, когда наконецъ прибудетъ къ нимъ ихъ «желанный». Послѣ паденія Наполеона этотъ счастливый день насталъ: «желанный» вступилъ на испанскую почву, привѣтствуемый неистовымъ восторгомъ и криками «viva el rey»... Измученная Испанія до такой степени была сосредоточена на мысли о независимости, до такой степени дорожила *своимъ* наслѣдственнымъ королемъ, какъ олицетвореніемъ этой независимости, что напередъ готова была равнодушно взглянуть на какую бы то ни было участь лицъ и учрежденій періода 1808 — 1814 г.: и конституція и кортесы не представлялись въ это время необходимымъ условіемъ независимости и очень еще незначительно было число тѣхъ, которые способны были отрѣшиться отъ восторженнаго настроенія минуты и спокойно разсчитать шансы будущаго. При видѣ того, что́ происходило, у Фердинанда стало одновременно развиваться и презрѣніе къ своему народу и сладкое сознаніе возможности вполнѣ отдаваться влеченіямъ своихъ вкусовъ. На этой почвѣ могли удобно процвѣтать его врожденные пороки: злость, жестокость, коварство, эгоизмъ, подозрительность и трусливость.

Молча, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, Фердинандъ выждалъ рѣшенія судьбы Наполеона и тотчасъ же началъ давно задуманное гоненіе противъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ считалъ своими врагами: члены регентства, депутаты—за исключеніемъ сервилоновъ (холоповъ)—всѣ игравшіе видную роль со времени бѣгства Бурбоновъ, были арестованы и посажены въ тюрьму; старые порядки были возстановлены повсемѣстно; вездѣ были выдвинуты на первый планъ люди дикаго образа мыслей, представители гнилой старины; всѣ газеты, за исключеніемъ правительственной газеты и двухъ клерикальныхъ (редакторомъ одной былъ начальникъ тайной полиціи), были запрещены...

Насталъ новый порядокъ вещей, вскорѣ нашедшій своего пѣвца: «да здравствуютъ цѣпи, да здравствуетъ угнетеніе, да здравствуетъ король Фердинандъ, да погибнетъ нація [1]).

Въ новомъ «фердинандовскомъ» порядкѣ между прочимъ бросалась въ глаза та особенность, что реакціонныя цѣли осуществлялись не только посредствомъ декретовъ и административ-

[1]) См. Трачевскаго стр. 244; Баумгартена, II, стр. 57.

ныхъ мѣръ, но и посредствомъ возбужденія толпы агентами-подстрекателями. Одинъ разъ агенты вызывали толпу на улицу затѣмъ, чтобы провозгласить Фердинанда свободнымъ отъ узъ конституціи, «чистымъ» королемъ (el rey neto), или затѣмъ, чтобы требовать арестованныхъ на растерзаніе, тогда Фердинандъ одобрялъ волненіе; въ другой разъ агентамъ удавалось увлечь такъ-называемыхъ «восторженныхъ» (los exaltados) и ихъ приверженцевъ и заходила рѣчь о расширеніи правъ народа, тогда Фердинандъ энергически подавлялъ возмущеніе. Махинація усложнялась иногда возстановленіемъ восторженныхъ противъ умѣренныхъ, т.-е. собственно противъ конституціонныхъ министровъ, которыми Фердинандъ очень тяготился—въ этомъ случаѣ, «возстановленіе порядка» могло всегда нѣсколько запоздать и однимъ ударомъ могли побиваться двѣ мухи разомъ. Всѣ эти хитросплетенія замышлялись и организовывались въ комнаткѣ (camarilla), гдѣ король обыкновенно бесѣдовалъ со своими ближайшими совѣтниками: патерами, лакеями, шпіонами и т. п. Комнатка эта, бывшая интимнымъ уголкомъ во дворцѣ, такъ называлась въ противуположность комнатамъ, «камарамъ» оффиціальнымъ, гдѣ принимались конституціонные министры и разыгрывалась вся правительственная комедія. За-то всѣ и знали, что въ камарѣ искать нечего и устремлялись въ камарилью. Даже посланники, чтобы достичь той или другой цѣли, не гнушались водиться съ лакеями, и кто изъ нихъ умѣлъ ладить съ ними лучше, тотъ и обдѣлывалъ свои дѣла.

Результаты правленія камарильи оказались скоро. Не много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ камарилья хозяйничала надъ страною, а уже повсемѣстно разстройство дѣлъ было поразительно: взяточничество, мошенничество, расхищеніе казны и скандальное проявленіе разврата стало уже сильно дискредитировать правительство и подрывать добрую славу «желаннаго», а «желанный» все шелъ своею дорогою, не предвидя оттого никакихъ послѣдствій.

Въ довершеніе всего, внѣшнія дѣла шли отвратительно. Все мечтая еще о вліяніи въ Европѣ, Испанія не захотѣла подписать вѣнскаго трактата. Результатомъ было ея полнѣйшее одиночество въ Европѣ, т.-е. окончательное ослабленіе. «Нѣтъ ничего естественнѣе,—замѣтилъ тогда Гарденбергъ,—прежде чѣмъ заниматься чужими дѣлами, необходимо устроить свои собственныя».

Когда это нравственное паденіе власти и разстройство дѣлъ стало очевидно для всѣхъ, исключая сервилоновъ; когда предан-

нымъ родинѣ людямъ пришлось или гнить въ тюрьмахъ, или прятаться какъ разбойникамъ—тогда Испаніи приходилось или погибнуть, или доказать свою живучесть и попробовать стряхнуть съ себя позорный гнетъ. Совершилось послѣднее: страна покрылась цѣлою сѣтью тайныхъ обществъ, начались возстанія, сперва неудачныя, затѣмъ увѣнчавшееся успѣхомъ — Ріего и Кироги. Въ одинъ мѣсяцъ вся Испанія была объята революціей, а народъ, такъ недавно съ восторгомъ встрѣчавшій короля, ничего не сдѣлалъ для поддержанія его власти. Самого себя Фердинандъ спасъ только тѣмъ, что торжественно возвѣстилъ о своемъ искреннемъ желаніи слѣдовать конституціи. Государственные люди еще разъ были перемѣщены изъ тюремъ на министерскія кресла, кортесы—созваны и всеобщее спокойствіе, повидимому, возстановлено.

Это случилось въ 1820 году. Съ этого времени начинается конституціонный періодъ, окончившійся послѣ вступленіемъ въ Испанію «ста тысячъ сыновъ св. Людовика», явившихся изъ-за Пиренеевъ для возстановленія абсолютной власти Фердинанда. Періодъ этотъ отличался, съ одной стороны, неумѣніемъ Ріего и его партіи повести свое дѣло практично, и, съ другой, постоянными интригами короля, стремившагося погубить конституціонное министерство, кортесовъ и всю либеральную партію. Шпіоны его старательно проникали въ политическіе клубы, между прочимъ и въ клубъ «Fontana de oro», и старались сойтись здѣсь съ людьми крайней лѣвой, съ экзальтадосами или «восторженными», и поднять ихъ противъ умѣренныхъ. Разсчетъ при этомъ заключался въ избіеніи этихъ послѣднихъ, а затѣмъ можно было подавить движеніе тою частью вооруженной силы, въ вѣрности которой не было никакого сомнѣнія. Одинъ изъ эпизодовъ этой махинаціи и былъ избранъ Гальдосомъ для романа, названнаго именемъ того политическаго клуба, который служилъ центромъ главныхъ событій, описываемыхъ въ романѣ.

Гальдосъ беретъ то развѣтвленіе гнусной интриги, которое велось знаменитымъ Эгіей, прозваннымъ за сохраненіе косы XVIII вѣка, Колетильей (косица), и очень ловко сплетаетъ козни этого стараго шпіона съ похожденіями его юнаго племянника, молодого арагонца Ласаро, влюбленнаго въ дѣвушку-сироту, выросшую въ домѣ Колетильи. И здѣсь, такъ же, какъ и въ исторіи «Смѣльчака», главнымъ мотивомъ остается общественный интересъ, съ тою только разницею, что здѣсь этотъ интересъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія: любовь является не послѣднимъ изъ приключеній героя, какъ тамъ, но въ самомъ

началѣ его исторіи, и играетъ большую роль въ испытаніяхъ, которыя приходится переживать несчастному Ласаро.

Главный двигатель интриги, лежащей въ основаніи романа— Колетилья. Онъ самъ посѣщаетъ сборища въ политическихъ клубахъ, самъ подкупаетъ второстепенныхъ агентовъ, самолично дѣлаетъ внушенія, кому какое находитъ нужнымъ, самъ сочиняетъ инструкціи и, наконецъ, самъ, какъ членъ камарильи, обо всемъ доноситъ лично Фердинанду. При всемъ его усердіи, опытности и энергіи, интрига не удается ему только потому, что онъ, зачерствѣвшій въ своемъ ремеслѣ шпіонъ, не способенъ угадать движеній молодого чистаго сердца своего племянника. Онъ даетъ промахъ... Затѣмъ слѣдуетъ плачевное фіаско и палочные удары, которыми не забылъ наградить его король.

Ла́саро, которымъ Колетилья хотѣлъ воспользоваться, какъ орудіемъ для достиженія цѣли своихъ замысловъ, былъ юноша нервный, впечатлительный, по темпераменту склонный къ идеализму, очень способный жить однимъ воображеніемъ. Онъ рано увлекся идеями, произведшими движеніе 1820 года и выдвинувшими впередъ пылкаго и неосмотрительнаго Ріего. Душа Ла́саро глубоко прониклась гражданскимъ героизмомъ, самоотреченіемъ, страстностью, всѣми свойствами, такъ часто отличающими людей въ бурныя историческія эпохи. Онъ сознавалъ въ себѣ живую силу горячей преданности народному дѣлу, сознавалъ себя апостоломъ новыхъ идей, призваннымъ совершить нѣчто, и бросился въ пучину жизненной дѣятельности, преисполненный огня и отваги.

Ласаро не былъ чуждъ честолюбія, но честолюбіе это было не обыденное, не пошлое: оно исходило изъ побужденія къ нравственному самоусовершенствованію и имѣло въ виду признаніе принадлежащей ему заслуги, данное отъ всего народа. Слава, эта «величайшая награда, какая только можетъ достаться въ удѣлъ человѣку», манила Ласаро. «Кто достоинъ ея,—говоритъ Гальдосъ,—тотъ конечно и не минуетъ ея: отдѣльное лицо можетъ оказаться неблагодарнымъ, но народъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ эпохъ—никогда. Заблужденіе—участь жизни личной; въ жизни же народной, гдѣ поколѣніе идетъ за поколѣніемъ, постоянно подвергая пересмотру дѣянія минувшія, оно невозможно. Заслужившій народную признательность, хоть и поздно, непремѣнно получитъ ее».

Для Ла́саро слава была, повидимому, цѣлью достижимою: онъ обладалъ умомъ, энергіею, знаніями и необходимымъ для политическаго дѣятеля даромъ краснорѣчія Уже въ Сарагоссѣ

онъ блисталъ рѣчами своими на сходкахъ и, какъ ораторъ, имѣлъ большую извѣстность. По прибытіи въ Мадридъ онъ не миновалъ, конечно, «Золотого Фонтана» и, хотя дебютировалъ въ немъ неудачно, но впослѣдствіи ему удалось не только овладѣть вниманіемъ слушателей, но и увлечь ихъ. Принимая участіе въ преніяхъ «Золотого Фонтана», Ласаро неизбѣжно втягивается и въ участіе въ демонстраціяхъ, происходившихъ въ то время. Одна изъ нихъ, именно: неудачное шествіе съ портретомъ Ріего, оканчивается арестомъ его. Затѣмъ идетъ сидѣніе въ тюрьмѣ, освобожденіе и неуклонное продолженіе прежней дѣятельности...

Молодой, мало опытный, страстно-увлекающійся, онъ представлялъ удобную жертву для агентовъ-подстрекателей; но вскорѣ Ласаро вступаетъ на путь независимый и самостоятельный. Этотъ поворотъ, произведенный удачнымъ совпаденіемъ фактовъ жизни личной и обстоятельствъ внѣшнихъ, даетъ ему возможность явиться въ роли избавителя при развязкѣ интриги Колетильи, направленной къ истребленію конституціонныхъ министровъ и ихъ партіи.

Но самъ несчастный юноша все-таки погибаетъ: ставши противъ людей, не привыкшихъ останавливаться ни передъ чѣмъ, онъ падаетъ подъ ножомъ подосланныхъ убійцъ.

Плачевная участь Ласаро составляетъ параллель съ трагическимъ концомъ всего того движенія, въ которомъ приключенія этого юноши являются однимъ изъ мелкихъ эпизодовъ. Ріего палъ, абсолютизмъ былъ возстановленъ, либералы подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ,—и черезъ десять лѣтъ, по смерти Фердинанда, вдова его можетъ удержаться во главѣ регентства и даже вести борьбу съ сервилонами только при опорѣ либераловъ. Едва ли справедливо поэтому видѣть въ борьбѣ христиносовъ и карлистовъ одну только династическую распрю. Основные мотивы борьбы были, несомнѣнно, шире и служили выразительнымъ проявленіемъ того труднаго процесса, который цѣлымъ рядомъ трагическихъ событій, погубившихъ не одну тысячу героевъ подобныхъ Ласаро, все шелъ къ виднѣвшемуся впереди вѣрному и неизбѣжному концу, превращенію Испаніи въ такую страну, въ которой могли бы жить не одни только сервилоны, и которая наперекоръ имъ могла бы развивать въ себѣ свои живыя силы и направлять ихъ свободную дѣятельность къ осуществленію идеаловъ, выработываемыхъ совокупною дѣятельностью человѣческаго просвѣщенія.

Характеристика романа, о которомъ идетъ рѣчь, была бы однакоже неполна, если бы мы умолчали объ интересной психо-

логической темѣ, очень удачно связанной у Гальдоса съ повѣствованіемъ о похожденіяхъ своего героя. Тема эта—возникновеніе любви на почвѣ глубоко-созерцательнаго мистицизма—достойна вниманія не только потому, что даетъ поводъ къ весьма тонкому психологическому анализу, но и потому, что даетъ автору случай указать выразительныя черты чисто мѣстнаго характера.

Глубоко-созерцательный, подлинный мистицизмъ, такой мистицизмъ, какимъ онъ является у знаменитыхъ испанскихъ мистиковъ: Хуана де-Авила, Луисъ де-Леонъ, Луисъ де-Гранада, Терезы де-Хесусъ, теоретически исключаетъ всякую чувственность и стремится выработать то особенное состояніе экстаза, которое должно явиться въ душѣ созерцателя, какъ результатъ полнѣйшаго торжества надъ тѣлесными побужденіями. Но если, нѣсколькимъ исключительнымъ натурамъ и можетъ удаваться такая внутренняя переработка, то у людей обыкновенныхъ, или у такихъ, которые предаются мистицизму не по влеченію, а подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, экстазъ, какъ особый видъ возбужденнаго состоянія, легко смѣшивается съ обыкновеннѣйшимъ чувственнымъ возбужденіемъ. Черта эта у натуръ южныхъ, и особенно у женщинъ, проявляется особенно рельефно. Для души, несозерцательной по природѣ, даже и въ сочиненіяхъ Терезы де-Хесусъ найдется столько же толчковъ къ грѣховнымъ помышленіямъ, сколько къ экстатическому созерцанію; очень часто символическій языкъ можетъ идти за слишкомъ откровенный голосъ земныхъ страстей. Такимъ образомъ въ самомъ мистицизмѣ, особенно въ практикѣ его, скрыты уже зародыши мірскихъ чувствъ, и потому-то такъ не много иногда нужно, чтобы мистическое настроеніе перевернулось вверхъ дномъ и, чтобы одна крайность вытѣснила другую. Мистическое настроеніе у женщинъ, держа ихъ въ состояніи постояннаго возбужденія, ставитъ ихъ безпрестанно въ опасность потери равновѣсія: сегодняшній экстазъ можетъ завтра оказаться обыкновеннѣйшимъ вожделѣніемъ, прямо ведущимъ къ тѣмъ бурямъ страсти, которыя у женщинъ съ полумавританскою кровью могутъ имѣть особенно яркій характеръ.

Итальянскій писатель Луиджи Стефанони, въ своей «Критической исторіи суевѣрія», характеризуя экстатическое состояніе южныхъ женщинъ, весьма рельефно выставляетъ его эротическую сторону. Объектъ культа, особенно же въ томъ скульптурномъ раскрашенномъ изображеніи, которое такъ распространено по всему югу, играетъ, по его мнѣнію, очень важную роль.

«Дивный, прекрасный, полный сверхчеловѣческой любви, этотъ объектъ,—говоритъ Стефанони,—неизбѣжно долженъ живѣйшимъ образомъ дѣйствовать на воображенія, глубоко-погруженныя въ сознаніе долга: любить его, возноситься къ нему, соединяться сверхъ-естественными узами съ нимъ — духовнымъ супругомъ, единственнымъ существомъ, любить которое дозволялось женщинамъ, исторгнутымъ изъ жизни природы. Созерцаніе этого неземного супруга поглощаетъ всѣ душевныя способности этихъ безумныхъ экстатическихъ страдалицъ, тщетно сопротивляющихся побужденіямъ плоти. Всемогущая матерія не перестаетъ настаивать на своихъ правахъ; жизненные соки пробѣгаютъ еще по тѣлу, слишкомъ быстро вырванному изъ круга естественныхъ чувствованій и таинственные стимулы сластолюбія, только возбужденнаго, но не удовлетвореннаго, вызываютъ странныя, хотя и пріятныя ощущенія. Душа устремляется въ горніе, но тѣло—слишкомъ бренное—ниспадаетъ на землю. Отуманенымъ глазамъ цѣломудренной Киприды представляется прелестный объектъ ея культа; она придаетъ ему тысячу любвеобильныхъ именъ, она—въ мистическомъ безуміи—призываетъ его къ себѣ, и созерцаетъ его въ безпокойныхъ сновидѣніяхъ»... [1]).

Въ мистическихъ дѣвахъ, изображаемыхъ Гальдосомъ, передъ нами являются различныя степени воплощенія мистицизма: въ старшихъ—степени слабѣйшія, непосредственно граничащія съ ханжествомъ, въ младшей—степень высшую, приближающуюся къ осуществленію стремленій истиннаго, глубоко-созерцательнаго мистицизма. Паулита никогда не жила свѣтской жизнью, никогда не знала ея прелестей и опасностей, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ рѣшилась жить вдали отъ міра, въ безбрачіи и уединеніи, помышляя только «о созданіи оплота противъ соблазновъ діавола». Искренность ея была внѣ всякихъ сомнѣній, репутація—громадна и имя ея украшалось уже тѣмъ почетнымъ прозваніемъ, которое обыкновенно дается въ такихъ случаяхъ. Мистическое самоотверженіе осуществлялось у нея вполнѣ систематически: она была всегда сосредоточена на одной извѣстной идеѣ, упорно развивала въ себѣ одно извѣстное настроеніе и не останавливалась ни передъ какою изъ тягостей аскетической

---

1) *Stefanoni*, Storia critica della superstizione. 1869. II. p. 241. Укажемъ также монографію объ испанскихъ мистикахъ: *Rousselot*, Les mystiques espagnols. 1867. Неполноты этого сочиненія и нѣкоторыя невѣрности указаны Каналехасомъ въ его „Escuelas misticas espanolas“ (Estudios criticos, 1872). Что же касается несогласія Руссло и Каналехаса въ основной точкѣ зрѣнія на мистицизмъ, то оно, исходя изъ невѣрно опредѣляемаго различія теологіи и метафизики, едва ли имѣетъ значеніе.

практики, даже и передъ самобичеваніемъ. Всѣ неизбѣжныя послѣдствія такой сосредоточенности и такого строгаго соблюденія опредѣленнаго образа жизни не замедлили сказаться: экстазъ, галлюцинаціи стали ей обычными явленіями. Сосѣднія монахини являлись въ этомъ случаѣ съ своими комментаріями и давали ей наставленія по поводу соблазновъ дьявола. Послѣднимъ средствомъ противъ этихъ соблазновъ всегда оставался, впрочемъ, стаканъ уксусу.

Три мистическія дѣвы попадаются на скорбномъ пути Ласаро по ихъ общему знакомству съ Колетильей. Онѣ, съ обычною у такого рода отшельницъ суровостью и черствостью, воздвигли сперва гоненіе на несчастнаго юношу, какъ вдругъ совершилось нѣчто совсѣмъ неожиданное: цѣломудренная Паулита почувствовала къ прекрасному «кабальерито» влеченіе, которое на первыхъ порахъ было ей даже совсѣмъ непонятно, а потомъ стало все чаще и чаще сбивать ее съ пути обычныхъ созерцаній, нарушать порядокъ бдѣній и перешло, наконецъ, подъ раздражающимъ вліяніемъ равнодушія молодого человѣка, въ такую пламенную, неистовую страсть, какая только можетъ явиться у южной женщины, долго остававшейся въ указанныхъ выше условіяхъ. Возростаніе страсти до nec plus ultra, изображено у Гальдоса чрезвычайно живо и колоритно. Весь эпизодъ о мистицизмѣ веденъ съ большимъ искусствомъ, полонъ проницательной наблюдательности и представляетъ вполнѣ законченное художественное произведеніе [1]).

Къ историческимъ романамъ Гальдоса примыкаетъ и тотъ рядъ историческихъ разсказовъ, которые онъ издаетъ подъ общимъ заглавіемъ: «Episodios nacionales». Время, къ которому относятся эти разсказы, почти соотвѣтствуетъ тому историческому періоду, который изображается въ разсмотрѣнныхъ романахъ; основная идея ихъ та же и, слѣдовательно, по содержанію они не имѣютъ для насъ особеннаго интереса. Кромѣ того, представляя рядъ очерковъ и силуэтовъ, едва обработанныхъ и, мѣстами, комбинацію событій дѣйствительныхъ и вымышленныхъ, построенную на-скоро и часто неудачно, они и въ художественномъ отношеніи мало интересны. По всѣмъ этимъ причинамъ останавливаться на нихъ мы не будемъ.

Теперь перейдемъ къ бытовымъ романамъ Гальдоса, а именно: къ «Доньѣ Перфектѣ» и «Глоріи». Послѣдняго романа — «Ма-

---

[1]) „Золотой Фонтанъ" явился недавно и въ русскомъ переводѣ, въ „Заграничномъ Вѣстникѣ", 1881.

ріанела», вышедшаго лѣтомъ нынѣшняго (1878) года, мы въ рукахъ не имѣли; по рецензіямъ его знаемъ только, что онъ не примыкаетъ къ двумъ только-что упомянутымъ романамъ и, слѣдовательно, невольный пропускъ его не будетъ чувствителенъ въ картинѣ, которую даютъ взаимно дополняющія себя исторіи двухъ героинь—Доньи Перфекты и Глоріи.

Двѣ эти исторіи вводятъ насъ въ современное испанское общество.

Въ повѣствованіи о приключеніяхъ Муріэля и Ласаро авторъ показалъ намъ участь тѣхъ героическихъ личностей, которые являлись представителями общественнаго движенія во времена Карла IV и Фердинанда VII. Много времени прошло до той поры, когда живутъ и дѣйствуютъ Донья Перфекта и Глорія. Умеръ Фердинандъ; прошли смутные годы борьбы христиносовъ и карлистовъ,—борьбы, выражавшей антагонизмъ двухъ началъ, давно уже вступившихъ въ Испаніи въ смертельный бой; прошло, наконецъ, и безсмысленное, позорное, достойнымъ образомъ закончившееся правленіе Изабеллы;—настала пора осуществленія и примѣненія тѣхъ самыхъ началъ, за которыя было пролито столько крови, насталъ новый фазисъ общественной жизни, достопамятный подвигами и ошибками, полный великихъ уроковъ для всѣхъ народовъ, проникнутый глубокимъ, потрясающимъ драматизмомъ.

Сторонники застоя и мистификаторы, такъ недавно еще торжествовавшіе, такъ далеко распростершіе свои корни, не могли, конечно, признать себя окончательно побѣжденными послѣ первой неудачи, не могли быть устранены однимъ ударомъ съ исторической сцены;—они отступили, примолкли, но не потеряли надежды на новое торжество: борьба не кончилась, формы ея только измѣнились.

Внѣшнія событія, ознаменовавшія доселѣ эту борьбу извѣстны: полу-побѣда съ обѣихъ сторонъ: конституція и coup de théâtre съ Павіей и Мартинесъ-Кампосомъ и въ результатѣ—среднее рѣшеніе, олицетворенное въ Альфонсѣ XII. Эта полу-реставрація, конечно, не прочна; роковой вопросъ все еще ждетъ разрѣшенія.

Въ романахъ, о которыхъ мы теперь будемъ говорить, Гальдосъ выставилъ на первый планъ жгучій въ Испаніи вопросъ объ отношеніи разныхъ общественныхъ группъ къ религіи и церкви, и вокругъ этого вопроса сосредоточилъ картину современной жизни въ Испаніи, охватывая элементы самые разнообразные. Въ первомъ романѣ дѣйствіе происходитъ въ одной изъ сѣверныхъ провинцій и ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ дикимъ обскурантизмомъ и клерикализмомъ карлистской партіи;

во-второмъ — драма разыгрывается на югѣ, гдѣ клерикализмъ является смягченнымъ нравами и извѣстною долею образованія. И тамъ и здѣсь борьба идетъ изъ-за великаго принципа свободы совѣсти, представляющаго для Испаніи — какъ и для всякой страны, выбивающейся отъ мрака къ свѣту — тягостно-разрѣшающійся, острый вопросъ.

До 1869 года въ Испаніи не была еще признана не только свобода совѣсти — эта первѣйшая потребность для всякаго, не лишеннаго будущности, общественнаго строя — но не существовало даже и простой вѣротерпимости, допускаемой и въ государствахъ полу-цивилизованныхъ. Первое проявленіе народной воли въ кортесахъ 1812 г. не поднималось еще до высоты этого просвѣтительнаго принципа: оно признавало еще «религію католическую, апостольскую, римскую» религіей испанскаго народа, исповѣдываемой какъ въ настоящемъ, *такъ и въ будущемъ*, предпочтительно предъ всѣми прочими религіями. Позже, въ 1837 и 1845 г. кортесы все еще оставались при прежней нетерпимости и отбросили только нелѣпое указаніе на будущее. Въ 1854 году сдѣланъ былъ шагъ впередъ: постановлено было, что «никто не можетъ быть преслѣдуемъ за религіозныя убѣжденія», хотя католическая религія все еще по прежнему оставалась религіею государственною. Полное признаніе свободы совѣсти, подготовленное постановленіемъ 1854 г., было провозглашено въ 1869 году, хотя и обнаружило успѣхи умственнаго развитія испанскаго народа даже и въ такой убійственный для него періодъ, какъ правленіе Фердинанда и большая часть правленія Изабеллы, но не могло, конечно, вдругъ устроить того ненормальнаго порядка вещей, который такъ долго продолжался въ Испаніи.

Изображая отношеніе испанцевъ къ религіи и церкви не задолго до переворота 1868 года, Гарридо говоритъ слѣдующее. «Большинство испанцевъ нельзя считать католиками: они дѣлятся на двѣ группы—деистовъ и невѣрующихъ, большинство которыхъ по отношенію къ вѣроисповѣдному вопросу равнодушно. Деисты утверждаютъ, что они вѣруютъ въ Высшее Существо, но понятіе ихъ объ этомъ существѣ совершенно неопредѣленно. Они не вѣруютъ въ чудеса, въ пророчества, въ Мадонну, такъ же какъ и въ другіе католическіе догматы. Невѣрующіе дѣйствительно не вѣруютъ ни во что. Большинство тѣхъ и другихъ совсѣмъ не интересуются религіозными и церковными вопросами. Деисты и невѣрующіе, смѣшиваясь и распадаясь на фракціи, образуютъ новыя группы, изъ которыхъ наибольшею слѣдуетъ

считать группу лицемѣровъ. Эти послѣдніе, видя во главѣ правленія лицемѣровъ же, и ради личнаго разсчета не желая рисковать мѣстами, уже полученными или желая получить новыя, ходятъ къ обѣднѣ, записываются въ братства, покупаютъ свидѣтельства о причащеніи или причащаются не исповѣдываясь. Есть и такіе лицемѣры, которые соблюдаютъ обряды изъ желанія не прикасаться къ предразсудкамъ своихъ матерей и женъ.

«Лицемѣріе—это порожденіе нравственной порчи и индифферентизма—есть явленіе всеобщее. Въ богатомъ и среднемъ классѣ оно произвело наиболѣе сильное опустошеніе. «Религія намъ не нужна; мы смѣемся надъ ея нелѣпостями; но народу необходимъ культъ и намъ слѣдуетъ давать ему примѣръ»,—такова обычная фраза въ средѣ достаточныхъ классовъ и въ особенности классовъ правящихъ; но народъ не умѣетъ лицемѣрить и не вѣритъ ультрамонтанскому шутовству своихъ эксплуататоровъ. При видѣ какого-нибудь Носедаля, прикладывающагося къ перстню архіепископа передъ открытіемъ засѣданій сената, народъ негодуетъ, такъ какъ и Носедаль и архіепископъ слывутъ за полнѣйшихъ лицемѣровъ, невѣрующихъ ни во что.

«Въ Испаніи, большая часть искреннихъ католиковъ состоитъ изъ людей нравственно испорченныхъ. Воры, непотребныя женщины, развратники увѣшаны ладонками; въ домахъ у нихъ можно видѣть аналои и статуи святыхъ, передъ которыми они зажигаютъ свѣчи. Статуи и т. п. находятся во всякомъ альковѣ, посвященномъ сластолюбію.

«Къ счастью, главная масса рабочихъ въ городахъ и значительная часть средняго класса—людей почтенныхъ и честныхъ—должны быть сочтены исключеніями: имъ, патеры и пр. внушаютъ только презрѣніе и отвращеніе. Десятая доля ихъ ходитъ въ церковь и бываетъ у исповѣди, но мотивомъ для нихъ служитъ не религіозная идея, а внѣшній блескъ богослуженія, музыка, пѣніе, цвѣты, церковныя украшенія, дѣйствующія на чувства. Наконецъ, въ церкви можно на людей посмотрѣть и себя показать. Таковы основныя побужденія тѣхъ, которыя посѣщаютъ церковь не изъ личнаго интереса» [1]).

Итакъ, лицемѣріе составляетъ одно изъ главныхъ золъ, порожденныхъ нетерпимостью. Зло это, какъ мы замѣтили уже, не могло скоро изчезнуть: и теперь еще Испанія страдаетъ имъ не мало. Гальдосъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа «Глорія» приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу

---

1) *Garrido*, L'Espagne etc. p. 187—139.

мнѣнія, что Испанію слѣдуетъ считать наименѣе религіозною страною въ свѣтѣ, хотя едва ли есть другая страна, которая превосходила бы ее въ лицемѣріи. Почти всѣ образованные испанцы поголовно нерелигіозны; весь средній классъ, за небольшими исключеніями, равнодушенъ къ религіи. Культъ практикуется, но не въ силу искренней вѣры, а по рутинѣ и изъ вниманія къ публикѣ и семейству. Но и послѣдній мотивъ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе: сплошь и рядомъ, при совершеніи молитвы на дому, мужчины уходятъ въ клубы, въ казино́, въ кафе́. Только женщины предаются еще чрезмѣрной набожности, но и онѣ свыклись уже съ невѣріемъ мужчинъ и даже равнодушно относятся къ обычному богохульству, которое проявляется въ такихъ размѣрахъ, что Испанію можно назвать богохульствующею и кощунствующею страною по преимуществу. Этого мало; доходитъ до того, что женщина не остановитъ вниманія своего на человѣкѣ, который проводитъ по три или четыре часа въ церкви, держитъ въ домѣ всякія святости и читаетъ молитву по поводу каждаго повседневнаго случая, какъ дѣлаетъ даже она сама. Набожный человѣкъ такого пошиба, т.-е. такой, какимъ желаютъ видѣть его религіозныя братства, могъ бы быть только смѣшнымъ... Даже защитники религіи, самые такъ-называемые воины церкви—и тѣ стараются скрыть свою набожность, когда попадаютъ въ общество, изъ боязни уронить себя и потерять ту долю авторитета, которую они успѣли заслужить. Такое положеніе вещей создано не вліяніемъ «философіи», оно произошло не изъ революціоннаго движенія; нѣтъ,—въ другихъ странахъ философія имѣла безконечно бо́льшее вліяніе, революціи были несравненно глубже и свобода гораздо шире; и однако же, сравнительно съ этими странами, Испанія все таки не можетъ не почитаться страною самою нерелигіозною.

Рядомъ со всеобщимъ лицемѣріемъ, другимъ послѣдствіемъ долгаго господства системы, поддерживавшей нетерпимость, историки считаютъ плачевное умственное и нравственное состояніе духовенства. Увѣренное во всеобщемъ молчаніи, охраняемое отъ общественнаго мнѣнія внѣшнею силою, духовенство не имѣло никакого стимула къ самоусовершенствованію; оно не изощрялось въ полемической борьбѣ, не вносило обновленія въ свою литературу, не считало нужнымъ слѣдить за прогрессомъ науки и жизни. Плоды всѣхъ этихъ условій жизни духовенства ярко обнаружились при первомъ серьёзномъ испытаніи—въ кортесахъ 1869 года. Когда препрославленныя свѣтила клери-

кальной партіи — каноникъ Ментерола, епископъ Монсеньо и кардиналъ-архіепископъ Сантъ-Яго — предстали въ палатахъ, какъ поборники интересовъ своей партіи, общество было поражено ихъ невѣжествомъ. «Да будетъ извѣстно конгрессу, — воскликнулъ одинъ изъ этихъ столповъ клерикализма, — что такъ называемая нѣмецкая наука совсѣмъ не имѣетъ корней въ самой Германіи. Германія способна производить одни лишь туманныя мечтанія! Все же порядочное, что только можно найти у нѣмцевъ, заимствовано ими у нашихъ мистиковъ: Терезы де-Хесусъ, Хуана де-ла-Крусъ, Луиса де Гранада». «Прелаты, — воскликнулъ другой, — стоятъ выше кортесовъ, выше Испаніи, выше всего свѣта»... Касались ли люди эти политики, исторіи, современнаго состоянія Европы, во всемъ обнаруживали они, что они дѣйствительно не отъ міра сего: ихъ фіаско было во всѣхъ отношеніяхъ полное [1]).

Отсталость духовенства въ такой странѣ, гдѣ школьный учитель не могъ еще проникнуть во многія захолустья и гдѣ традиціонная мораль часто падаетъ ранѣе, чѣмъ забрезжетъ самый слабый свѣтъ науки, имѣетъ, конечно, столь широкое и глубокое значеніе, что невольно выдвигаетъ вопросъ о будущности католичества въ странѣ, гдѣ, еще такъ недавно, оно казалось болѣе прочнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Невѣріе, индифферентизмъ, лицемѣріе давно уже порѣшили этотъ вопросъ для верхнихъ слоевъ общества, для нижнихъ онъ разрѣшается реформатскою проповѣдью. Въ этой проповѣди въ послѣднее время хотѣли видѣть послѣднюю надежду на возрожденіе испанскаго народа [2]).

Третьимъ послѣдствіемъ господства нетерпимости въ Испаніи является усвоеніе религіею совершенно несвойственной ей политической роли, благодаря которой поборники ея пропитываются политическими страстями и дѣлаютъ изъ религіи орудіе совершенно чуждой ей борьбы. Такимъ образомъ, частныя и общественныя столкновенія, которыя бываютъ непосредственнымъ слѣдствіемъ нетерпимости, еще болѣе обостряются, и религія окончательно теряетъ значеніе провозвѣстницы мира, становясь, напротивъ постояннымъ поводомъ и спутницей всякаго столкновенія и всякой распри. При невѣжествѣ и дикости духовенства нельзя и ожидать, конечно, чтобы оно въ такихъ распряхъ становилось на

[1]) *Lauser*, Geschichte Spaniens von dem Sturz Isabella's bis zur Thronbesteigung Alfonso's. 1877. 1 B. IV Cap.

[2]) *H. Baumgarten*, El desenvolvimiento religeoso en Espagna. (Revista Contemporanea, 1877, №: 38.

сторону свѣта и правды; вездѣ и всегда оно выступало противъ всякаго проявленія прогрессивныхъ началъ, всегда вовлекало сюда и своихъ приверженцевъ и, само не вѣдая, что творитъ, не переставало компрометировать религію и наносить ей удары болѣе жестокіе, чѣмъ могли бы сдѣлать заклятѣйшіе враги ея. Зло это особенно рѣзко проявлялось и продолжаетъ проявляться въ Испаніи; здѣсь, въ обществѣ и въ семействѣ, патеры и вносимый ими духъ вражды и разъединенія не только возбуждаютъ бури, которыхъ могло бы и не быть, но доводятъ распри до трагическаго конца, губящаго жизнь многихъ и многихъ полезныхъ членовъ общества.

Романы Гальдоса—«Донья Перфекта» и «Глорія»,—рисуютъ намъ печальныя столкновенія такого рода и обнаруживаютъ то страшное зло, которое терпитъ испанское общество, благодаря этому пагубному явленію. Въ первомъ романѣ авторъ представляетъ намъ эпизодъ изъ борьбы прогрессистовъ съ карлистами, сосредоточенный въ семейной распрѣ; во второмъ — вводитъ насъ въ жизнь семейства, совершенно истребляемаго на глазахъ нашихъ злымъ геніемъ религіозной ненависти. Мы остановимся на нихъ въ слѣдующей статьѣ.

В. Л.

ЗАКАЛЕНЪ ИЛИ НАДЛОМЛЕНЪ?

Разсказъ Джесси Фотергилль *).

Глава VIII.—Не довѣряйся.

Когда поѣздъ отошелъ отъ телламерской станціи на пути въ Иркфордъ, общество нашихъ туристовъ было разбросано по различнымъ частямъ его, такъ какъ поѣздъ оказался переполненнымъ и публикѣ пришлось отыскивать мѣста гдѣ случится. Тѣмъ не менѣе не въ силу простой случайности Филиппъ и Анджела оказались одни въ отдѣленіи перваго класса; пока всѣ остальные бѣгали и втискивались въ уже и безъ того переполненные вагоны, Филиппъ, обратясь къ Анджелѣ, сказалъ:

— Не возьмете ли мою руку; здѣсь такая давка. Если мы подождемъ спокойно, мы выиграемъ гораздо больше, чѣмъ мечась какъ они.

— О, все что хотите, лишь бы насъ не давила эта толпа!— кротко проговорила миссъ Ферфаксъ, и приняла предложенную ей руку; они стали въ сторонѣ, ожидая, пока не прицѣпятъ лишній вагонъ, причемъ Филиппъ сознавалъ въ душѣ своей безумное желаніе, чтобы поѣздъ спокойно ушелъ, оставивъ ихъ добраться вмѣстѣ до дому—какъ попало.

Онъ не могъ придумать ничего болѣе очаровательнаго, какъ остаться наединѣ съ Анджелой, не предвидя близкой разлуки. Но это была химера, осуществленія которой трудно было ожидать а потому случилось то, что было только одной степенью хуже: они поѣхали въ одномъ поѣздѣ съ остальнымъ обществомъ, но одни.

Сначала между ними царило полное молчаніе, когда поѣздъ

---

*) См. выше: январь, 200 стр.

медленно шелъ между темныхъ полей и уныло-бѣлѣвшихъ дорогъ, мелькавшихъ точно во снѣ. Молчаніе это было нарушено Анджелой, задумчиво проговорившей:

— Какой это былъ дивный день!

— Неужели? Вы не устали? мнѣ показалось, что у васъ утомленный видъ.

— Меня никогда не утомитъ природа и деревня. Дайте мнѣ море или деревья, и мнѣ ничего болѣе не нужно какъ любоваться ими и быть счастливой.

— Какой ужасной должна казаться вамъ городская жизнь, —проговорилъ Филиппъ съ болѣзненной улыбкой.

Первая любовь юности никогда не бывала смиреннѣе и отчаяннѣе любви Филиппа Массей. Вся эта исторія неизбѣжно была бы смѣшна—его слѣпое, безумное, безусловное поклоненіе, и ея холодное, себялюбивое, несимпатичное, потому что корыстное кокетство,—если бы съ его стороны, не примѣшался сюда элементъ страстной пылкости, честнаго простодушія, беззавѣтнаго обожанія. Это придавало всему дѣлу трагическій оттѣнокъ. Филиппъ поклонялся своей богинѣ съ величайшимъ благоговѣніемъ, считая ее гораздо выше себя и всѣхъ другихъ людей; совершенно готовый покинуть отца и мать, брата и сестру и навѣки прилѣпиться къ ней одной—между тѣмъ какъ она!.. Горькіе вздохи бѣдной маленькой Мабель не были лишены справедливаго основанія.

— Да, пожалуй, жизнь въ городѣ была бы жертвой послѣ нашего прелестнаго дома въ Нерсайдѣ, но...

— Но какъ вы думаете, могли бы вы когда-нибудь выносить ее?

— Могли бы быть обстоятельства, при которыхъ... о, мистеръ Массей!

Долгій и задумчивый взглядъ еще длился, когда Филиппъ прервалъ его, взявъ ее за руку.

— Миссъ Ферфексъ, Анджела,—началъ онъ, и послѣ нѣкоторой паузы заговорилъ (что и входило въ ея разсчеты) о своей любви, о своемъ обожаніи, о своемъ полномъ недостоинствѣ, о своей дерзости и пр., и пр., закончивъ рѣчь, какъ и бываетъ въ такихъ случаяхъ, горячей мольбой о томъ, чтобы она оставила безъ вниманія его недостоинство и постаралась полюбить его хотя немножко — черезъ сколько угодно времени, и тѣмъ самымъ сдѣлала бы его счастливымъ отнынѣ и на вѣки.

— Я! О, какъ вы меня удивили! —проговорила она, и не покраснѣла, когда, при этихъ словахъ, глаза ея встрѣтились съ его глазами.

— Быть можетъ, я васъ испугалъ, заговоривъ слишкомъ рано вы были неподготовлены,—пробормоталъ онъ.

«Онъ воображаетъ, что *меня* можетъ испугать что-либо, что онъ вздумаетъ сказать!» съ крайнимъ презрѣніемъ подумала Анджела.

— Но еслибъ вы только сказали, что не совершенно безучастно относитесь ко мнѣ!..

— Этого я отрицать не могу,—проговорила она съ долгимъ взглядомъ и улыбкой, которая исчезла почти прежде, чѣмъ появилась.

— Могу-ли я...

— Постойте!—Я не могу сказать вамъ, что люблю васъ, но...

— Я никогда не ожидалъ, никогда не надѣялся ни на что подобное. Но могу лч я *надѣяться*, Анджела, что когда-нибудь...

— Тише! Не волнуйтесь такъ, Филиппъ. Да, я не въ силахъ отнять у васъ надежды. Я, я подумаю объ этомъ.

— Вы ангелъ!—было все, что могъ сказать Филиппъ, цѣлуя ея руку съ страстнымъ и преданнымъ взглядомъ, который въ сердцѣ болѣе благородной женщины могъ бы возбудить благородный восторгъ; но Анджелу онъ только навелъ на мысль о томъ, какъ однако отчаянно онъ въ нее влюбленъ, и она на этотъ взглядъ отвѣчала улыбкой.

Улыбка была ея единственный отвѣтъ на всякаго рода обращенія, вопросы, признанія—на всѣ виды похвалъ, осужденій, упрековъ. Враждебныя ей и завистливыя женщины, въ родѣ Грэсъ Массей и Теклы Берггаузъ, утверждали, что этотъ видъ отвѣта, отъ постояннаго повторенія, становился однообразнымъ; но какъ можетъ подобная улыбка стать однообразной когда она озаряетъ прелестное личико, повидимому проистекаетъ изъ неизслѣдимой пучины чувства, слабо отражающейся въ божественныхъ глазахъ.

Преданіе гласитъ, что нѣкая «Mater Purissima», одна изъ самыхъ знаменитыхъ картинъ знаменитаго стараго мастера, была писана съ одной изъ самыхъ развращенныхъ женщинъ ея вѣка. Достовѣрно или нѣтъ, это преданіе, но когда его слышишь, оно неизбѣжно наводитъ человѣка на размышленія, и на размышленія печальныя, о многихъ подобіяхъ ему, какія можно видѣть и въ девятнадцатомъ столѣтіи...

— Я не заслужилъ такого счастья,—проговорилъ Филиппъ; —отвѣтъ былъ новая улыбка.

Затѣмъ... сонъ кончился. Поѣздъ остановился; начался шумъ, суетня, крики, разговоры. Они присоединились къ своимъ друзьямъ, вышли изъ вокзала на многолюдную улицу, освѣщенную

фонарями. Такъ дошла очередь до провинціальнаго экипажа-омнибуса, въ которомъ, однако, Филиппу удалось сѣсть возлѣ Анджелы. На половинѣ дороги онъ услыхалъ ея голосъ, шептавшій:

— Филиппъ! Не двигайтесь. Смотрите такъ, будто мы говоримъ о какихъ-нибудь пустякахъ. Я хочу сказать вамъ что-то.

— Да. Слышу. Что же?

— Я не хочу, чтобы вы говорили о томъ, о чемъ мы сегодня вечеромъ толковали. Какъ вамъ извѣстно, ничего еще не рѣшено. Я бы чувствовала себя...—не знаю, какъ выразиться —я бы не могла, вынести еслибъ всѣ на это смотрѣли, какъ на совершившійся фактъ.

— Я исполню ваше желаніе, никому ни слова не скажу, пока вы сами этого не захотите; но Грэсъ—вы позволите сказать Грэсъ?

— Да, да. Грэсъ должна узнать. Это неизбѣжно. Но возьмите съ нея слово, что дальше это не пойдетъ. Вы можете заставить ее обѣщать что угодно.

— Хорошо. Можете положиться на меня.

. . . .

— Господи! Какъ я устала, какая была тоска!—восклицала Анджела, бросаясь на диванъ. — Прибавь свѣта, Мабель, газъ такъ темно горитъ; мнѣ надо осмотрѣть, не испорчено-ли мое платье. Оно дѣйствительно было слишкомъ хорошо для подобной поѣздки. — Мабель молча исполнила приказаніе. Анджела встала и внимательно осмотрѣла платье.

— Не такъ плохо какъ я опасалась. По счастью мы съ Филиппомъ были одни въ отдѣленіи перваго класса, и...

— Вы съ Филиппомъ? Ты очень фамильярно о немъ отзываешься, Анджела.

— Право? Мнѣ слѣдуетъ остерегаться; надѣюсь, что и онъ будетъ остороженъ; онъ такой порывистый, такъ часто дѣлаетъ промахи. Не говорила ли я тебѣ, что онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе? Я никогда еще не ошибалась въ подобныхъ вещахъ, и сегодня не ошиблась. Онъ *сдѣлалъ* предложеніе; и если вѣрить ему,—это для него вопросъ жизни и смерти.

— Онъ сдѣлалъ предложеніе! А ты, Анджела, что ты сказала?

— Я сказала, что подумаю.

— О,—воскликнула Мабель, нервно сжавъ руки и устремивъ испуганные глаза на сестру: — Анджела, онъ не похожъ на людей, съ которыми мы до сихъ поръ встрѣчались.

— Я думаю, что нѣтъ; еще бы,—люди, съ которыми мы до сихъ поръ встрѣчались, не были такъ неловки, не отличались такими рѣзкими манерами, какъ Филиппъ Массей, и...

— Но ни у кого не бывало болѣе теплаго сердца; ни одинъ изъ всѣхъ нашихъ друзей его не стоилъ,—отчаянно проговорила Мабель.—Скажи мнѣ правду!—прибавила она, голосомъ, обрывавшимся отъ подавленнаго волненія... ты не хочешь сказать, что только забавляешься имъ, Анджела? Ты не захотѣла бы быть такой жестокой, такой... такой низкой!

— Ахъ, какъ ты волнуешься! Ты немногимъ лучше его. Я скажу тебѣ чистую правду, дитя. Я ненавижу нашу теперешнюю жизнь, какъ никогда ничего не ненавидѣла, и ничего не буду ненавидѣть; и я рѣшусь на все, чтобы избавиться отъ нея,—конечно, кромѣ чего-нибудь положительно дурного. А что до теплыхъ сердецъ и прочаго, они часто бываютъ только въ тягость. Филиппъ Массей не тотъ человѣкъ, котораго я выбрала бы себѣ въ мужья, еслибъ у меня была свобода выбора, но онъ, бѣдный, отчаянно въ меня влюбленъ, и если я съумѣю завладѣть имъ, я могу заставить его исполнять всѣ мои желанія. Я не обѣщала *ничего*, замѣть это; и я ничего не буду обѣщать, пока не узнаю, въ какихъ онъ находится условіяхъ, каковы его надежды на будущее. Тогда я рѣшу; и если то, что онъ мнѣ предложитъ, будетъ гораздо лучше того, что я теперь имѣю, я приму, если же нѣтъ...

— Если нѣтъ, ты скажешь ему откровенно, что не любишь его и не можешь быть его женой?—задыхаясь проговорила ея сестра.—Конечно, ты это скажешь, дорогая Анджела, не правда ли?

— О да, вѣроятно. Но мнѣ надоѣло соображать, что я сдѣлаю; а что касается до тебя, ты еще слишкомъ молода, чтобы вмѣшиваться въ подобныя дѣла; тебѣ бы лучше думать о своихъ урокахъ. Куда ты идешь? Спать еще рано.

— Я устала; доброй ночи,—сказала Мабель, и выскользнула изъ комнаты, предоставивъ Анджелѣ размышлять о лучшемъ способѣ воспользоваться своей побѣдой, въ то время какъ она, Мабель, закутавшись съ головой въ одѣяло, рыдала, точно сердце ея готово было разорваться, точно никогда не иссякнетъ источникъ ея слезъ.

Глава IX.—Грэсъ о вопросѣ дня.

Прошла недѣля, а дѣла были почти въ томъ же положеніи, какъ и въ день пикника.

Филиппъ сообщилъ Грэсъ обо всемъ, что произошло между нимъ и Анджелой, не исключая обѣта молчанія.

— И она не дала окончательнаго отвѣта?—рѣзко спросила его сестра.

— Нѣтъ; возможно ли это?

— Самая возможная вещь въ мірѣ, полагаю.

— Какъ можетъ она знать, или рѣшить что-нибудь такъ скоро?

— Что-нибудь! Она должна умѣть сказать, любитъ ли она тебя или нѣтъ, и намѣрена ли выходить за тебя или нѣтъ.

— Ты забываешь, Грэсъ, что пока я съ ней не объяснился, она ни о чемъ подобномъ и не помышляла. Это застало ее въ расплохъ.

У Грэсъ на языкѣ было сказать: «Какъ можешь ты говорить или думать такой вздоръ?» но она сдержала себя.

Филиппъ продолжалъ умолять сестру быть ласковой съ его предметомъ.

— Я не понимаю тебя, — говорилъ онъ. — Ты какъ будто ревнуешь или не любишь ее; это такъ на тебя не похоже; мнѣ бы казалось, что дѣвушка въ ея безпомощномъ, одинокомъ положеніи должна бы встрѣтить съ твоей стороны одни лучшія чувства; вспомни, у нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата.

— Я совершенно бы о ней не думала, еслибъ тебѣ не вздумалось въ нее влюбиться. Когда дѣло дошло до того, что ты хочешь на ней жениться, я естественно начинаю критиковать ее, и чѣмъ чаще я ее вижу, тѣмъ сильнѣе чувствую, что она вовсе недостойна тебя и совсѣмъ тебя не цѣнитъ!

— Это пустяки, хуже чѣмъ пустяки, — проговорилъ онъ серьёзно, почти строго,—и я попрошу тебя никогда не говорить ничего подобнаго.

Споръ продолжался. Грэсъ сначала твердо стояла на своемъ, высказала много горькихъ вещей и продолжала держаться этой системы, пока Филиппъ оставался холоднымъ и строгимъ; но какъ только онъ прибѣгъ къ оружію нѣжности и убѣжденія, къ поцѣлую и молящему шопоту, она расплакалась и покорно обѣщала сдѣлать все, что̀ онъ захочетъ, лишь бы онъ не огорчался.

— Только, Филиппъ,—сказала она, обвивая его шею рукой и говоря шопотомъ:—я знаю кого-то другого, кто сто̀итъ десяти тысячъ миссъ Ферфексъ; она такая добрая, у нея такое вѣрное сердце, и я такъ-было надѣялась, что она будетъ твоей женою.

— Полно, Грэсъ! Ты не знаешь, что̀ говоришь. Ты выдашь кого-нибудь изъ своихъ подругъ, если не остережешься,—поспѣшно проговорилъ онъ; но Грэсъ замѣтила, что онъ сильно покраснѣлъ, и съ недоумѣніемъ спрашивала себя: неужели онъ угадалъ?

Еслибъ онъ только пожелалъ видѣть сердца Теклы Бергауэръ и Анджелы Ферфексъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, какъ была бы она счастлива! Но братья, думалось ей, чрезвычайно несносны въ подобныхъ дѣлахъ.

Тѣмъ не менѣе она рѣшилась покориться неизбѣжному и исполнить волю этого заблуждающагося человѣка, потому что нѣжно любила его и желала ему счастія. Она была необыкновенно любезна съ Анджелой, навѣщала ее, сидѣла съ ней, приглашала ее къ себѣ вечеромъ, и всегда приходила къ заключенію, что, повидимому, не существуетъ ни единаго вопроса, который онѣ съ миссъ Ферфексъ могли бы обсуждать къ обоюдному удовольствію, такъ что она, наконецъ, съ отчаянія обращалась къ Мабель, ласкала ее, баловала, недоумѣвая, почему она такъ худа и печальна. Она довѣрила страшную тайну Теклѣ, отъ которой ей, въ самомъ дѣлѣ трудно было бы скрыть эту тайну; едва ли можно было требовать отъ Грэсъ, чтобы она въ своемъ горѣ отказала себѣ въ дѣйствительномъ утѣшеніи открыть своему другу мысли, которыя постоянно вынуждена была хранить въ груди своей.

— Вспомни мое слово, — говорила она, — это кончится катастрофой. Филиппъ околдованъ, Текла, околдованъ, какъ Мерлинъ Вивьеной [1]), только у Вивьены былъ умъ, а у нея его не имѣется. Ты можешь видѣть это по выраженію его глазъ, по тому вздору, о которомъ онъ удостоиваетъ бесѣдовать съ ней. А не то, онъ сидитъ и глазъ съ нея не спускаетъ, и она отъ времени до времени на него взглянетъ и улыбнется. Какъ я ненавижу эту ея улыбку! Можетъ быть, она и кроткая, но она такъ глупа, какъ только можетъ быть глупа улыбка. Точно два человѣческихъ существа могутъ прожить взглядами да улыбками! О чемъ бы имъ слѣдовало толковать, будь это сколько-нибудь серьёзно, сколько-нибудь вѣроятно? Объ его средствахъ, объ ихъ надеждахъ на будущее, о томъ, чѣмъ бы она могла помочь ему, о томъ, какъ имъ начать жить А вмѣсто этого, они разговариваютъ о какомъ-то глупомъ вздорѣ, о музыкѣ, о чувствахъ, о пѣніи, фи! — Она расхаживала по спальнѣ Теклы, гдѣ происходили эти изліянія, тогда какъ сама Текла сидѣла, крѣпко сжавъ губы, повидимому, погруженная въ свое вышиванье.

— Ни о чемъ другомъ я думать не могу, это дѣлаетъ меня несчастной, — продолжала Грэсъ. — Куда ни посмотрю, ничего не

---

[1]) Въ поэмѣ Теннисона.

вижу кромѣ горя. Если она обманетъ его, мнѣ кажется, это разобьетъ его сердце, онъ сойдетъ съ ума. Онъ такой безумецъ, какой милый у меня безумецъ! А если она выйдетъ за него...“

— Ради Бога, говори о чемъ-нибудь другомъ! Я не могу этого выносить, мнѣ это надоѣло. Мнѣ-то какое дѣло? — рѣзко проговорила Текла.

И Грэсъ, оборвавъ свою тираду и утвердившись въ своихъ подозрѣніяхъ, принялась плакать.

Несмотря на свое горе, она нашла въ себѣ силы думать о предстоявшемъ имъ съ Филиппомъ балѣ, который мистеръ Старки долженъ былъ дать въ честь приближавшагося бракосочетанія мистера Грея. Всѣ главные клерки конторы были приглашены, а также много другихъ гостей, и каждому изъ клерковъ было разрѣшено ввести двухъ дамъ. Филиппъ намѣревался ввести Грэсъ и Анджелу, хотя она еще ни разу не сказала ему: — «Я люблю васъ, и буду вашей женой, когда намъ можно будетъ думать о бракѣ». Съ ея прекрасныхъ устъ не сорвалось такихъ обыкновенныхъ и прозаическихъ словъ. Намеки, неопредѣленныя полу-обѣщанія, полуустуцки, утѣшенія, да долгіе, таинственные взгляды, вотъ все, чѣмъ она его удостоивала, но этого было достаточно, чтобы держать Филиппа въ лихорадочно-влюбленномъ состояніи.

Нѣкоторые изъ членовъ семейства мистера Бергтаува также собирались, и было условлено, что они всѣ отправятся въ одно время, а потому и пріѣдутъ почти одновременно въ домъ мистера Старки, находившійся въ одномъ изъ предмѣстій Ирфорда, въ пяти миляхъ разстоянія отъ города. Губки Анджелы раскрылись, чтобы произнести нѣсколько словъ по вопросу о туалетѣ. Она говорила, что такъ какъ она еще въ полу-траурѣ, то ничего другого надѣть не можетъ, кромѣ чернаго съ бѣлымъ, а такъ какъ она *такъ* бѣдна, то и платье ея должно быть просто и сдѣлано дома.

Миссъ Ферфаксъ сильно настаивала на томъ, что оно будетъ «сдѣлано дома». Оно и было сдѣлано дома и исключительно искусными руками Мабель. Оно было просто, это правда; но существуетъ дорогая простота такъ же, какъ дешевая и фальшивая роскошь, и какъ справедливо замѣтила Грэсъ Массей: «Нельзя получить даромъ безчисленныхъ ярдовъ чернаго тюля, и несчетнаго количества водяныхъ лилій съ листьями въ видѣ длинныхъ вѣтокъ, самой изящной работы; а также черныхъ атласныхъ вѣеровъ, отдѣланныхъ въ слоновую кость — его впрочемъ подарилъ ей Филиппъ — ни длинныхъ митенокъ изъ брюссельскихъ кружевъ,

— но она говорить, что онѣ принадлежали ея бабушкѣ, а что до меня касается, то мнѣ рѣшительно все равно, если ихъ носила и жена Ноя передъ потопомъ».

Великій день празднества наконецъ насталъ; должно надѣяться, что бѣдный мистеръ Грей чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ чувствовали себя нѣкоторые изъ приглашенныхъ на празднество въ честь его бракосочетанія.

Глава X. — Прости.

— Вѣроятно начальство-то не будетъ,—замѣтилъ одинъ изъ его товарищей Филиппу въ это достопамятное утро. — Онъ отправился на свадьбу Грея.

— Вѣроятно. Вы будете тамъ вечеромъ?

— Да; я отправляюсь съ сестрой, братомъ и невѣстой.

— Вы женихъ? Я и не зналъ. Кто же *она*?

— Миссъ Уэнрайтъ, Люси Уэнрайтъ,— отвѣтилъ товарищъ Филиппа, съ гордой и радостной улыбкой.

— А, я разъ ее гдѣ-то встрѣтилъ. Она прелестная дѣвушка. Поздравляю васъ.

— Благодарю. Кто съ вами ѣдетъ?

— Сестра моя, и одна дама—пріятельница моей сестры — миссъ Ферфексъ.

— Быть можетъ, я также могу поздравить васъ?—спросилъ его пріятель, съ улыбкой поглядывая на него.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Филиппъ; но онъ имѣлъ основаніе не забыть этого разговора.

Занятія шли своимъ чередомъ подъ руководствомъ мистера Дэя, главнаго клерка, и этотъ несчастный джентльменъ имѣлъ полное основаніе желать, чтобы рабочіе часы могли быть сокращены. Сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ также долженъ украсить балъ своимъ присутствіемъ, и немало было добродушныхъ расспросовъ насчетъ того, что онъ намѣренъ тамъ дѣлать и кого располагаетъ привезти. Мистриссъ Дэй—этого отъ него добились,—должна была ему сопутствовать, и разъ, что этотъ фактъ сдѣлался извѣстнымъ, ничѣмъ кромѣ полнаго описанія предполагаемаго туалета мистриссъ Дэй нельзя было удовлетворить непокорныхъ юношей, будто-бы находившихся подъ командой мистера Дэя. Правдивость вынуждаетъ біографа Филиппа Массей въ этотъ періодъ его жизни допустить, что онъ принималъ большое участіе въ преслѣдованіи несчастнаго мистера Дэя, разсчитывая, вѣро-

ятно, на извѣстное пристрастіе къ нему этого добряка. Онъ только-что выпыталъ у главнаго клерка, что головной уборъ его супруги будетъ снабженъ бѣлымъ перомъ марабу, съ золотыми кончиками, когда одинъ непочтительный юноша неожиданно воскликнулъ:

— Вотъ и экипажъ начальства. Онъ-таки... жалуетъ сюда.

— Господа, пожалуйста!—восклицалъ бѣдный мистеръ Дэй.

Смѣхъ быстро стихъ и замѣнился скромнымъ молчаніемъ, какъ только послышались шаги мистера Старки, а затѣмъ раздался его голосъ, звавшій мистера Дэя.

Главный клеркъ поспѣшно удалился, подавленный смѣхъ и шутки по поводу пера марабу мистриссъ Дэй возобновились. Филиппъ Массей, находившійся въ необыкновенно радостномъ и возбужденномъ настроеніи, только что объявилъ, что будетъ вальсировать съ мистриссъ Дэй до пѣтуховъ, или погибнетъ жертвою своихъ усилій. Онъ смѣялся, предвкушая это удовольствіе, стоялъ съ поднятой головой, слегка раскраснѣвшимся, красивымъ, энергическимъ лицомъ и блестящими, темными глазами, когда дверь конторы отворилась и мальчикъ, прислуживавшій мистеру Старки, спросилъ:

— Мистеръ Массей здѣсь?

— Здѣсь,—отвѣтилъ Филиппъ.

— Мистеръ Старки желаетъ говорить съ вами сію минуту, сэръ.

Филиппъ всталъ, нѣсколько удивленный необычнымъ призывомъ, и черезъ нѣсколько минутъ уже находился въ собственномъ кабинетѣ мистера Старки съ глазу на глазъ съ этимъ джентльмэномъ.

— Вы посылали за мной, сэръ?

— А, Массей,—да, вы мнѣ нужны.

Въ рукѣ онъ держалъ телеграмму, какъ въ тотъ день, когда ему въ первый разъ понадобился Филиппъ, держалъ письмо. На лицѣ его были видны слѣды серьёзнаго смущенія. Филиппъ стоялъ молча и ждалъ; мистеръ Старки перечитывалъ телеграммы, и наконецъ, обратившись къ нему, сказалъ:

— Байвель — вы помните справки, которыя наводили для меня о Байвелѣ?

— Отлично помню, сэръ.

— Байвель оказался гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Онъ убѣжалъ съ значительной суммой нашихъ денегъ и оставилъ мостъ, почти уже оконченный, и всѣхъ рабочихъ на произволъ судьбы — чертовски скверное дѣло, вот, что я могу сказать.

— Да, сэръ.

— Вы ничего другого не находите сказать мнѣ?

— Вдругъ и словъ не находится.

— Ха, ха! Ну, вамъ больше ничего не остается дѣлать, какъ сейчасъ-же отправиться на мѣсто Байвеля, не теряя ни единаго часа. Изъ У— вы пришлете мнѣ донесеніе. Если вы услышите или откроете что-нибудь, что давало бы хотя слабое указаніе на его мѣстопребываніе, телеграфируйте. Остальное я поручу полиціи, но главное надо выслать кого-нибудь ему на смѣну. Вы меня понимаете?

— Я долженъ немедленно отправиться въ...? рѣшительно проговорилъ Филиппъ.

— Да.

— И остаться тамъ, пока вашъ контрактъ не будетъ выполненъ,—а тогда возвратиться домой?

— Совершенно вѣрно.

— Сколько, приблизительно, времени продолжится мое отсутствіе?

— Шесть, восемь мѣсяцевъ. А быть можетъ, и годъ.

— Быть можетъ, и годъ,—повторилъ Филиппъ, проводя рукой по лбу.

— Можетъ быть. Я не говорю, что оно такъ и будетъ. Что-жъ, вы не намѣрены отъ этого уклоняться, неправда ли?

— Далеко нѣтъ. Я готовъ сейчасъ же отправиться, но— извините, сэръ, что я предложу вамъ вопросъ,—не отъ жадности или алчности, увѣряю васъ, но потому, что это для меня почти вопросъ жизни или смерти. Если мнѣ удастся исполнить ваше порученіе и возвратиться цѣлымъ и невредимымъ, будетъ ли мое положеніе... буду ли я...

— Улучшится-ли ваше положеніе? Это все зависитъ отъ того, какъ вы себя поведете. Если очень хорошо, оно улучшится и весьма значительно. Бóльшаго я сказать не могу.

— Благодарю васъ, сэръ. Я былъ въ этомъ увѣренъ. Я только желалъ услышать это отъ васъ самихъ. А теперь, я къ вашимъ услугамъ, когда угодно.

Онъ и былъ совершенно готовъ. Не много вещей, которыя производятъ такое пріятное впечатлѣніе, какъ видѣть молодого человѣка, сильнаго, честнаго, порядочнаго, готоваго исполнить приказаніе, разумно, но не рабски, готоваго въ путь, гдѣ на него ляжетъ большая отвѣтственность и гдѣ онъ подвергнется немалому риску, и готоваго по первому призыву, безъ смущенія, но и безъ излишней самоувѣренности, съ полнымъ

самообладаніемъ, но скромно, и не въ убѣжденіи, что онъ готовиться совершить нѣчто превосходящее все кѣмъ-либо и когда-либо сдѣланное.

Между Филиппомъ и его принципаломъ произошелъ разговоръ непродолжительный, но важный, въ которомъ мистеръ Старки разъяснилъ ему его положеніе, а Филиппъ ознакомился съ нимъ, причемъ получилъ и инструкцію, и полномочіе и деньги. Изъ Иркфорда въ Лондонъ былъ экстренный поѣздъ въ восемь часовъ. Теперь было около пяти. Ему оставалось три часа, чтобы закупить все безусловно необходимое для его внезапнаго путешествія, завернуть домой, проститься съ сестрой и «друзьями», какъ выразился мистеръ Старки, написать отсутствующимъ близкимъ, уложиться и попасть на станцію къ лондонскому поѣзду.

Онъ вышелъ изъ комнаты, пожавъ руку мистеру Старки, и проговоривъ:

— Можете положиться на меня, сэръ; я употреблю всѣ силы, чтобы быть вамъ полезнымъ.

— Этого достаточно,—былъ отвѣтъ, и Филиппъ снова очутился въ конторѣ, изъ которой вышелъ съ четверть часа тому назадъ. Товарищи сидѣли тамъ по прежнему, человѣка два подняли голову, когда Филиппъ вошелъ.

— Что-жь, Массей, что ему понадобилось? что-нибудь насчетъ сегодняшняго вечера? Не просилъ ли онъ тебя привезти нѣсколько комическихъ пѣсенокъ? Сдержанный смѣхъ привѣтствовалъ эту мысль. Комическія пѣсенки были Ахиллесовой пятой мистера Массей. Онъ ничего не отвѣчалъ на ихъ вопросы, но сказалъ:

— Вздоръ какой! Прощайте, всѣ! я отправляюсь знакомиться съ китайцами.

— Что?—послышалось со всѣхъ сторонъ; но Филиппу некогда было объяснять. Онъ пожалъ руки немногимъ друзьямъ и поспѣшно вышелъ, сказавъ всѣмъ остальнымъ: «прощайте, господа».

Наскоро онъ забѣжалъ въ большой магазинъ готоваго платья и всякихъ дорожныхъ принадлежностей, гдѣ объяснилъ свои требованія и получилъ обѣщаніе, что все ему нужное будетъ уложено и отправлено въ Лондонъ ко времени прихода его поѣзда; а затѣмъ точно во снѣ, въ какомъ-то странномъ неестественномъ экстазѣ, онъ сѣлъ въ кэбъ и поѣхалъ въ Лоуренсъ-стритъ Былъ еще день, солнце ярко свѣтило. Ему казалось, точно вѣка прошли съ минуты, когда мистеръ Старки позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. Пріѣхавъ домой, онъ вошелъ въ гостиную и за-

сталъ Гресъ въ крайнемъ deshabillé, сидящей на диванѣ въ красной блузѣ, съ разбросанными вокругъ нея нарядами и громадной рабочей корзинкой, передъ нею на столѣ. Масса желтыхъ лентъ и черныхъ бархатныхъ бантовъ была разбросана въ страшномъ безпорядкѣ, а сама миссъ была поглощена приготовленіями къ вечеру.

— Филиппъ!—воскликнула она, когда онъ вошелъ,— ты здѣсь въ эту пору! Что случилось? Неужели балъ отказанъ?

Она бросила работу и встала.

— Случилось кое-что,—серьезно замѣтилъ онъ,—и балъ несомнѣнно отказанъ, по крайней мѣрѣ для меня. Меня посылаютъ въ Китай, заняться тамъ однимъ дѣломъ.

— Въ Китай, сегодня вечеромъ!—повторила Гресъ, и съ минуту простояла молча, глядя на него. Ея первымъ движеніемъ, почему, она сама не знала, было желаніе зарыдать; но она поняла, что это была бы глупость. Ей показалось, что на лицѣ Филиппа, несмотря на его серьезное выраженіе, она прочла радость. Какъ добрая сестра, отложившая въ сторону всякія личныя чувства и ощущенія, она проговорила:

— Если это тебѣ на пользу, дорогой Филиппъ, поздравляю тебя. Но неужели ты сію минуту ѣдешь? Позавтракай по крайней мѣрѣ, и позволь мнѣ уложить твои вещи. Когда же ты отправляешься?

— Съ восьми-часовымъ экстреннымъ поѣздомъ въ Лондонъ.

— О, такъ остается еще часа два. Я присмотрю за твоими вещами, сейчасъ уберу весь этотъ хламъ и надѣну платье, такъ какъ понятно, что сегодня для насъ бала не будетъ.

— Мнѣ очень жаль лишать тебя удовольствія,—началъ онъ.

— Пустяки! Точно онъ могъ бы доставить мнѣ какое-нибудь удовольствіе, тотчасъ по твоемъ отъѣздѣ въ такой дальній путь.

— Мнѣ надо пойти повидаться съ Анджелой,—разсѣянно проговорилъ Филиппъ.—Я скоро вернусь, Гресъ.

— Съ Анджелой! Да, пожалуй, что надо,—отвѣчала она. Лицо ея приняло холодное выраженіе, сердце судорожно сжалось, когда она поняла, какъ много онъ думалъ объ Анджелѣ, и какъ мало мѣста занимала теперь въ сердцѣ его сестра!

Филиппъ, не прибавивъ болѣе ни одного слова, ушелъ и позвонилъ у дверей сосѣдняго дома. Миссъ Ферфексъ читала. Мабель шила. «Моя дорогая маленькая модистка», какъ съ ласковой шутливостью называла ее сестра. Онѣ обѣ также вздрогнули и изумились, когда Филиппъ вошелъ.

— Что случилось?—сорвалось съ губъ Анджели съ необыкновеннымъ оживленіемъ.

— Могу ли я говорить съ вами наединѣ нѣсколько минутъ?—спросилъ онъ, кротко и серьезно. — Я долженъ сообщить вамъ нѣчто важное.

Мабель собрала свою работу и ушла на верхъ. Филиппъ и Анджела остались одни.

— Не оставляйте меня въ недоумѣніи!—съ печальной улыбкой проговорила она. — Не получили ли вы наслѣдства, Филиппъ, или не лишились ли всего, что имѣли, что у васъ такой ужасно торжественный видъ?

— Ни то, ни другое, дорогая,—сказалъ онъ, садясь возлѣ нея на диванъ и беря ее за руку:—но мнѣ предоставлена возможность значительно улучшить мое положеніе.

— Неужели? какъ?—съ искреннимъ участіемъ воскликнула Анджела.

Онъ въ короткихъ словахъ сообщилъ ей о случившемся.

— Я сказалъ: «улучшить *мое* положеніе»,—добавилъ онъ:—но Анджела, если вы согласитесь остаться мнѣ вѣрной и подождать, и позволите мнѣ сказать «*наше положеніе*», то, когда я возвращусь, — а что могло-бы удержать меня, еслибъ я зналъ что *вы* меня ждете?—я буду имѣть возможность сказать вамъ: Будьте моей женой; теперь же, и...

— Дорогой Филиппъ, колебаться въ такую минуту было-бы не женственно, а жеманно и жестоко. Я говорю: да, я буду ждать васъ.

— О, да благословитъ васъ Богъ!—воскликнулъ онъ, почти съ рыданіемъ, въ первый разъ схвативъ ее въ объятія, и будучи только въ силахъ молча прижимать ее къ своему сердцу.

Анджела держала себя очень прилично и очень мило; трудно было бы представить себѣ что-нибудь прелестнѣе ея обращенія. Она опустила голову ему на плечо и также молчала, несомнѣнно находя лишнимъ увеличивать волненіе своего поклонника восторженными рѣчами или страстными увѣреніями. Она думала... Но кто скажетъ, о чемъ она думала? Одно только вѣрно, она непритворно радовалась улучшенію обстоятельствъ Филиппа и сильно интересовалась вопросомъ: насколько они улучшились?

Тѣмъ не менѣе, когда Филиппъ пошевельнулся и она почувствовала, что настало время бросить на него ласковый взглядъ, въ глазахъ, встрѣтившихся съ ея глазами, было такое выраженіе, отъ котораго странная, легкая дрожь прошла даже и по *ея* нервамъ; изъ этихъ темныхъ глазъ смотрѣла глубокая страсть, они

говорили: на жизнь и смерть, на радость и горе,—выраженія этого даже она не могла видѣть совершенно равнодушно.

— Вы будете писать мнѣ, и позволите мнѣ писать вамъ, дорогая?—сказалъ онъ наконецъ.

— Да, Филиппъ; а какъ часто можно писать?

— Такъ часто, какъ заблагоразсудится; чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Еслибъ вы знали, какимъ для меня счастіемъ будетъ каждое ваше письмо!

Она улыбнулась, настала новая пауза, пока Филиппъ не проговорилъ:

— Ахъ кстати, мнѣ очень жаль, что вамъ не придется ѣхать сегодня на балъ, но...

— Не придется ѣхать!—проговорила она, поднимая голову.— Почему? Никто не знаетъ, что мы—женихъ и невѣста, и, Филиппъ, никто не долженъ знать, кромѣ тѣхъ, кому это уже извѣстно.

— Какъ?—прошепталъ онъ.

— Быть объявленной невѣстой въ ваше отсутствіе, въ этомъ варварскомъ городѣ, это бы меня измучило, почти убило! Право, Филиппъ, объявлять этого не слѣдуетъ.

— Какъ хотите, моя радость. Ни за что въ мірѣ не согласился бы я причинить вамъ минутной тревоги.

— Вы причините мнѣ ее немало, пока будете въ Китаѣ— въ этой ужасной странѣ! Но развѣ вы не понимаете, что если я не поѣду на балъ единственно вслѣдствіе вашего отъѣзда, то что подумаютъ обо мнѣ? Я поѣду съ тяжелымъ сердцемъ. Я буду думать о васъ, буду все время готова плакать; но, Филиппъ, ѣхать я *должна*, это несомнѣнно.

— Но Грэсъ не ѣдетъ. Съ кѣмъ вы поѣдете?

— Грэсъ поѣдетъ, если вы захотите убѣдить ее ѣхать,— сказала дама его сердца, глядя на него съ чѣмъ-то похожимъ на гнѣвный блескъ въ своихъ томныхъ глазахъ.—А насчетъ дуэньи я позабочусь. Мистриссъ Бертгаузъ возьметъ насъ подъ крылышко.

Справедливо говорятъ, что сила нѣкоторыхъ характеровъ обнаруживается только въ важныхъ случаяхъ. Ничто кромѣ *событія*, подобнаго настоящему, не могло бы вызвать всей энергіи характера Анджелы Ферфексъ.

Филиппъ почти не понималъ, что чувствовалъ, слыша, какъ она быстро опровергала всѣ его возраженія и настаивала на положительной необходимости ѣхать на балъ.

Они обмѣнялись еще нѣсколькими фразами и онъ согласился употребить свое вліяніе на Гресъ.

— Но времени у меня не много,— сказалъ онъ наконецъ.— Я долженъ васъ оставить. Гдѣ Мабель? Мнѣ надо съ ней проститься.

Анджела позвала ее, она явилась.

— Мабель, Филиппъ ѣдетъ въ Китай и хочетъ проститься съ тобой.

— Въ Китай!— повторила Мабель.

— Да. Онъ вернется совершеннымъ богачемъ и тогда... Она улыбнулась милой, выразительной улыбкой.

— И тогда, Мабель, надѣюсь, что мы будемъ братомъ и сестрой. Мы всегда были добрыми друзьями, не правда-ли?

— Всегда,— сказала Мабель, съ холодной улыбкой, подавая ему руку.

— Такъ прощайте, дорогая. Знаю, что, оставляя васъ другъ съ другомъ, оставляю обѣихъ въ добрыхъ рукахъ. Можно поцѣловать васъ, Мабель,— кто знаетъ, когда и какъ намъ суждено снова встрѣтиться?

Онъ съ улыбкой наклонился и коснулся щеки ея губами; ему почти смѣшно было видѣть испуганные глаза, встрѣтившіеся съ его глазами. Мабель сказала: «прощайте, Филиппъ», но у нея, казалось, не достало голоса чтобы пожелать ему счастливаго пути, а затѣмъ онъ какимъ-то образомъ очутился на улицѣ.

. . . .

— Ѣхать на балъ! Ни за что,— съ негодованіемъ воскликнула Гресъ, когда онъ предложилъ вопросъ на ея обсужденіе.— Я умерла бы отъ стыда, еслибъ туда попала. Такое бессердечіе! О, это постыдно!

— Но если я прошу тебя, какъ о послѣдней милости передъ отъѣздомъ, Гресъ, какъ о послѣдней и величайшей милости, о которой я когда-либо просилъ?

— Филиппъ, ты— тиранъ, а ты никогда имъ не бывалъ!— гнѣвно проговорила она.— Я ѣхать не могу; ты не долженъ просить объ этомъ.

Но онъ просилъ, и она кончила тѣмъ, что уступила, чего онъ отъ нея и ожидалъ. Съ мрачнымъ лицомъ и камнемъ на сердцѣ она пошла одѣваться. Въ половинѣ восьмого Филиппъ уѣхалъ и на пути въ Лондонъ, когда пламя августовскаго заката заливало созрѣвающій на поляхъ хлѣбъ золотистымъ свѣтомъ, всѣ его мысли были въ домѣ мистера Старки въ бальной залѣ,— онъ думалъ о томъ, какъ тяжело на сердцѣ у Анджелы

и какъ Грэсъ о немъ вспоминаетъ. Несомнѣнно, съ пяти часовъ онъ прожилъ по крайней мѣрѣ сто лѣтъ.

Глава XI.—Отъѣздъ и возвращеніе.

Анджела сказала, говоря о балѣ: «О дуэньѣ я позабочусь»; ей безъ труда удалось это исполнить. Записка, наскоро написанная къ мистриссъ Берггаувъ и отправленная съ горничной хозяйки, несмотря на усиленную воркотню со стороны какъ хозяйки, такъ и самой служанки, вызвала добродушный отвѣтъ этой дамы, писавшей, что она и ея общество намѣрены быть у мистера Старки въ такомъ-то часу, и что, если миссъ Массей и миссъ Ферфексъ прибудутъ туда около того же времени и подождутъ въ уборной, она съ удовольствіемъ возьметъ ихъ подъ крылышко.

Анджела была настоящая Ферфексъ: по матери она происходила отъ знатнаго дома, никогда не оказывавшаго ни малѣйшаго вниманія дочери-отступницѣ, вышедшей замужъ за деревенскаго пастора; все же въ жилахъ Анджелы текла ихъ кровь, она унаслѣдовала отъ нихъ характеръ, по ея увѣренію, слишкомъ пылкій и порывистый. Но вся энергія Ферфексовъ не могла заставить ее съ удовольствіемъ ждать полутора-часовой ѣзды въ обществѣ разсерженной, оскорбленной, недовольной Грэсъ Массей. Грэсъ была готова въ назначенный часъ; и была очень хороша, несмотря на свое горе, въ своемъ желтомъ, полушелковомъ полугазовомъ платьѣ, съ черными бархатными бантами; но глаза ея покраснѣли и опухли отъ слезъ, она была печальна и до крайности холодна.

Анджела такъ плотно была закутана въ длинный бѣлый плащъ, что невозможно было судить объ эффектѣ, какой произведетъ она сама или ея платье; Грэсъ ничего не было видно кромѣ большого, звѣздообразнаго, бѣлаго цвѣтка, покоившагося гдѣ-то среди прядей волнистыхъ черныхъ волосъ, покрывавшихъ ея голову, придававшаго ей видъ наяды или нимфы, во плоти —и въ искусственныхъ цвѣтахъ.

— Какое это испытанье, дорогая!—вздохнула Анджела.

— Что?—спросила Грэсъ.

— Отъѣздъ Филиппа. Это очень печально. Ничто кромѣ чувства долга,—самаго сильнаго чувства долга,—не заставило бы меня ѣхать на этотъ несчастный балъ. Я увѣрена, что вовсе не буду танцовать,—и она тяжело вздохнула.

Грэсъ всѣми силами старалась не сказать чего-нибудь рѣзкаго или горькаго, такого, чтò у нея постоянно просилось съ языка, когда она бывала съ Анджелой. Воспоминаніе о миломъ лицѣ, которое она цѣловала на прощаніе менѣе часу тому назадъ, и цѣловала одна, заставило ее сдержать желаніе дать саркастическій отвѣтъ, и она сказала:

— Да, я должна сказать, что никакого удовольствія отъ него не ожидаю; по моему лучше было бы не ѣхать. Но я не могла отказать Филиппу въ его послѣдней просьбѣ.

— Желала бы я имѣть возможность не ѣхать!—вздохнула Анджела:—но это было бы слишкомъ замѣтно.

— Мнѣ думалось, что вы и братъ мой теперь окончательно помолвлены. Онъ мнѣ такъ сказалъ,—проговорила Грэсъ.

— Мы помолвлены, но помолвка наша не объявлена. Для меня было бы невыносимо быть его объявленной невѣстой, когда его здѣсь нѣтъ, да и уѣхалъ онъ неизвѣстно—на сколько времени!

Грэсъ была уже не въ силахъ совершенно подавить свой гнѣвъ.

— У васъ, должно быть, необыкновенно впечатлительная натура,—сказала она сладчайшимъ голосомъ.

— Ахъ, очень!—согласилась Анджела.

— Но по моимъ понятіямъ,—продолжала откровенная Грэсъ, — люби я человѣка настолько, чтобы выйти за него замужъ, ничто не могло бы быть мнѣ пріятнѣе, чѣмъ объявить всѣмъ и каждому, что я его невѣста. Я гордилась бы этимъ.

— О, моя дорогая Грэсъ, какой ужасъ! Вы такъ молоды, милочка, вы право не знаете, чтò говорите.

Грэсъ засмѣялась короткимъ, горькимъ смѣхомъ и замѣтила:

— Вы хотите сказать, что я въ этомъ отношеніи не такъ опытна, какъ вы? Позвольте вамъ замѣтить, что я совершенно неопытна, если не считать обѣщанія, которое я дала выйти за одного изъ школьныхъ товарищей Филиппа, когда ему было десять, а мнѣ девять лѣтъ. Но я вижу, что мы никогда не сойдемся во мнѣніяхъ по этому вопросу, а потому намъ лучше оставить этотъ разговоръ.

Анджела охотно согласилась на это предложеніе; остальной путь онѣ совершили въ полномъ молчаніи.

Едва онѣ успѣли войти въ дамскую уборную въ домѣ мистера Старки, какъ и Берггаузы также пріѣхали—Текла съ матерью; первая была довольно блѣдна, но съ какимъ-то болѣе глубокимъ, чѣмъ обыкновенно, выраженіемъ въ своихъ голубыхъ глазахъ. Грэсъ бросилась къ ней и начала объяснять ей на-

стоящее положеніе дѣлъ, тихимъ, но энергическимъ шопотомъ; тогда какъ Анджела, изящно оправляя свой изящный и артистическій туалетъ, вполголоса говорила мистриссъ Берггаузъ:

— Мистеръ Филиппъ Массей неожиданно долженъ былъ уѣхать; онъ, кажется, отправился въ Китай, а потому не могъ сопровождать насъ; понятно, что Грэсъ была такъ занята его проводами и разговорами съ нимъ, что я предложила написать вамъ вмѣсто нея.

— Ахъ, да!—отвѣчала ничего не подозрѣвавшая мистриссъ Берггаузъ, оправляя чепецъ передъ зеркаломъ.—Одному я удивляюсь, что Грэсъ пожелала ѣхать безъ него; она такъ горячо его любитъ.

— Онъ настаивалъ на этомъ, а ей не хотѣлось отказать ему. Какъ вы добры, что берете подъ свое покровительство столько дѣвушекъ. Четыре дамы, а сопровождаетъ насъ одинъ только мистеръ Германъ Берггаузъ.

— И мистеръ Фордисъ, онъ пріѣхалъ съ нами, — сказала мистриссъ Берггаузъ, прикалывая чепецъ шпилькой и не безъ удовольствія любуясь результатомъ.—Такъ, что у насъ два кавалера.

— Мистеръ Фордисъ! вотъ какъ! — съ нѣкоторымъ удивленіемъ проговорила Анджела, спускаясь вмѣстѣ съ другими съ лѣстницы вслѣдъ за мистриссъ Берггаузъ.

Въ залѣ онѣ застали Германа и мистера Фордиса; послѣдній казался смущеннымъ, щеки его были красны.

— Что за смѣшной человѣчекъ!—шепнула Грэсъ Теклѣ.

— Неправда ли? Мнѣ кажется онъ въ тебя влюбленъ, Грэсъ. Онъ не собирался ѣхать, но когда мама случайно упомянула, что ты и Филиппъ и Анджела Ферфексъ будете, онъ тотчасъ же выразилъ величайшее желаніе присоединиться къ намъ. Мы много надъ этимъ смѣялись.

Тѣмъ временемъ мистеръ Фордисъ, очень красный, предложилъ миссъ Ферфексъ руку, и она, съ самой милой улыбкой, приняла ее, предоставивъ Герману вести мать, а Грэсъ и Теклѣ слѣдовать за ними.

— Влюбленъ въ *меня*, Текла!—съ короткимъ смѣхомъ шепнула Грэсъ, когда онѣ входили въ бальную залу.

Не радостно провела этотъ вечеръ Грэсъ. Она была сердита, раздосадована, ревновала за брата и, отказываясь почти отъ всѣхъ танцевъ кромѣ одной или двухъ кадрилей, которыя протанцовала съ Германомъ Берггаузомъ, добровольно просидѣла на мѣстѣ, глядя предубѣжденными глазами на всѣ дѣйствія невѣсты

Филиппа. Какого бы это усилія ни стоило истекающему кровью сердцу миссъ Ферфексъ, положительно можно сказать, что она съ великимъ мужествомъ старалась дѣлать видъ, что веселится на балѣ, и что попытка эта, подобно большинству достохвальныхъ попытокъ, увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Пока Грэсъ въ тоскѣ сидѣла въ углу, а Текла Берггаузъ танцовала,—чтò ей было за дѣло до отъѣзда Филиппа Массей въ Китай или куда бы то ни было? — но танцовала механически, и ничего кромѣ колкостей не говорила своимъ кавалерамъ, Анджела также не пропускала ни одного танца и очаровывала всѣхъ, говорившихъ съ нею своей задумчивой улыбкой, милымъ обращеніемъ и прекрасными глазами. Мистеръ Фордисъ, въ особенности, ухаживалъ за нею, и Анджела была съ нимъ очень ласкова, выручала его въ его неловкихъ попыткахъ любезничать и говорить комплименты, съ тактомъ и деликатностью, свойственными однимъ женщинамъ. Свыше силъ ея біографа сказать, чтò она думала, чувствовала, на чтò надѣялась въ данномъ случаѣ. Все, чтò онъ можетъ сдѣлать—это сообщить, чтò молодая особа дѣлала, говорила, какой у нея былъ видъ. На балѣ она много танцовала, очень мало говорила и была замѣчательно красива, по окончаніи его она направилась къ экипажу, опираясь на руку мистера Фордиса; Грэсъ шла впереди съ Германомъ. На обратномъ пути молодыя дѣвушки не обмѣнялись между собой ни единымъ словомъ.

Повидимому Грэсъ и Текла условились, такъ какъ несмотря на утомленіе и на то, что онѣ поздно легли, онѣ на слѣдующее утро сошлись и вмѣстѣ поѣхали въ Фоульгавенъ, приморскій городъ въ Іоркширѣ, въ сосѣдствѣ котораго находился домъ Грэсъ, гдѣ онѣ собирались провести остатокъ каникулъ коллегіи.

Глава XII.—Переводъ Мабель.

Августовская жара смѣнилась болѣе умѣреннымъ, сентябрьскимъ тепломъ; каникулы кончились; занятія и осенніе семестры въ школѣ и коллегіи снова начались. Грэсъ Массей и Текла Берггаузъ возвратились изъ Фоульгавена, одна домой, другая на свою квартиру и къ своимъ занятіямъ, бòльшими друзьями, чѣмъ когда-либо; тогда какъ Мабель съ сестрою опять пришлось приниматься за работу, первой брать, а второй давать уроки. Единственное различіе заключалось въ томъ, что Филиппъ былъ далеко, и что письма его, подобно посѣщеніямъ ангеловъ, были рѣдки; получались они крайне неправильно, благодаря отдален-

ности его мѣстопребыванія и затруднительности для него сообщенія съ міромъ. Понятно, что онъ всего чаще и всего откровеннѣе писалъ Анджелѣ; у Анджелы была манера получать эти посланія съ спокойнымъ, задумчивымъ равнодушіемъ, слегка посмѣиваться надъ ихъ пламенными выраженіями и даже не говорить, что получила отъ него извѣстіе, а упоминать объ этомъ случайно, въ разговорѣ,—привычка, которая по собственному выраженію Грэсъ Массей, «почти сводила ее съ ума». Тщетно пыталась Текла пролить бальзамъ утѣшенія въ оскорбленную душу, утверждая, что Анджела не можетъ инстинктивно угадывать, какъ необыкновенно дорогъ Филиппъ сестрѣ, ни какъ послѣдняя чувствуетъ разлуку и жаждетъ вѣстей отъ него, — что такое пониманіе должно придти со временемъ, и несомнѣнно придетъ.

— Никогда, говорю я тебѣ,—былъ ея неумолимый отвѣтъ.

— Она знаетъ, какъ я его люблю; она знаетъ, какъ она меня ненавидитъ, и я чувствую, что каждый разъ, когда она меня мучитъ, не сообщая вѣстей о Филиппѣ или скупясь на нихъ, точно ей словъ жалко, или ей до него дѣла нѣтъ, она знаетъ, что терзаетъ меня, и наслаждается этимъ.

— Не думаю, чтобы ты имѣла право говорить подобныя вещи,—твердо возражала Текла: — по крайней мѣрѣ вполнѣ очевидно, что она считаетъ себя невѣстой твоего брата, такъ-какъ аккуратно отвѣчаетъ на его письма; оно должно быть такъ, онъ бы ужъ тебѣ пожаловался.

— Неужели ты воображаешь, что она когда-нибудь выпуститъ его, если не явится человѣкъ богаче его? Пусть это случится, и мы посмотримъ!—съ горечью сказала Грэсъ.

— Фи, Грэсъ. Я не считала тебя способной воображать такія вещи, а тѣмъ менѣе открыто высказывать ихъ.

— «Дурное общество развращаетъ добрые нравы». Говорю тебѣ, что я права,—упрямо проговорила Грэсъ.—Я могу сказать только одно: я желала бы, чтобы это все кончилось, такъ или иначе, чтобы Филиппъ снова принадлежалъ мнѣ, или какой-нибудь женщинѣ, достойной его.

Текла на это ничего не отвѣчала, но спокойно продолжала работать; сердце Грэсъ замерло, такъ какъ она за послѣднее время начала замѣчать въ Теклѣ различные признаки и говорить себѣ: «конечно, она не можетъ вѣчно ждать, и если—но ничто никогда не заставитъ меня поссориться съ ней; во всемъ виновата эта женщина, а не она».

Такъ летѣли недѣли, Грэсъ, несмотря на наполнявшія ея

жизнь надежды и желанія, продолжала прилежно посѣщать курсы коллегіи. Иногда онѣ съ Мабель Ферфексъ ходили вмѣстѣ въ школу и коллегію, или возвращались оттуда, когда случалось, что часы ихъ занятій совпадали. Грэсъ не могла устоять противъ Мабель, несмотря на свою сильную антипатію къ ея сестрѣ, ко всѣмъ ея выходкамъ и дѣйствіямъ; и Мабель, казалось, находила величайшее удовольствіе въ обществѣ Грэсъ.

— Она удивительный ребенокъ,—говорила однажды Грэсъ Теклѣ.

— Я увѣрена, что она очень умна. Она, кажется, все на свѣтѣ перечитала; говоритъ, что при жизни отца ей больше нечего было дѣлать, какъ читать для себя и ему вслухъ. Я думаю, что ее держали въ тѣни, а потому она имѣла время развивать свой умъ, и была достаточно разсудительна, чтобы этимъ заняться. Но она страшно стара для своего возраста; ей только минуло шестнадцать лѣтъ.

Дѣйствительно, Мабель была во многихъ отношеніяхъ очень стара для своихъ лѣтъ, тогда какъ въ другихъ была очень молода. Несомнѣнно, какая-то тѣнь падала почти на всю ея молодую жизнь; сношенія съ одними людьми гораздо старше ея заставили рано созрѣть нѣкоторыя изъ ея способностей, тогда какъ энергичная, кроткая, не-себялюбивая натура спокойно приняла ношу бѣдности и измѣнившихся обстоятельствъ, показавшуюся Анджелѣ такимъ бѣдствіемъ, такимъ неслыханнымъ несчастіемъ, что почти всякое средство избѣгнуть ея представлялось ей законнымъ. Съ самаго начала Мабель дѣйствовала и работала, изворачивалась и боролась съ жизнью, а Анджела хваталась за дары, ниспосылаемые богами и только ворчала на ихъ скудость.

Со времени отъѣзда Филиппа, Мабель какъ бы нѣсколько ожила. Невозможно было бы опредѣлить, чтó таилось въ сердцѣ ребенка—какая смутная радость, что Филиппъ находится въ безопасности, или какія смутныя надежды на то, что въ теченіе годовой отлучки, проведенной среди невѣдомыхъ и интересныхъ мѣстностей, онъ, быть можетъ, нѣсколько и позабудетъ страсть, овладѣвшую имъ въ то время, когда онъ уѣзжалъ.

Когда снова наступило время уроковъ, Анджела, подобно прочимъ людямъ, вынуждена была работать, и даже на печальномъ личикѣ Мабель начала по временамъ появляться улыбка. Какъ всѣ здоровыя натуры, она съ удовольствіемъ бралась за работу, находя въ ней лекарство и благотворное вліяніе; подобно многимъ неопытнымъ людямъ, она воображала, что то, чтó для

нея такъ полезно, должно необходимо имѣть магическое вліяніе и на другихъ. Мабель смотрѣла на отношенія между Филиппомъ и сестрою собственными глазами, а не глазами Анджелы; ей казалось хорошимъ и даже прекраснымъ, что человѣкъ ѣдетъ за тридевять земель и тамъ работаетъ, и что женщина, которую онъ оставилъ дома, также не стыдится труда, въ виду цѣли— соединенія и счастія. Такъ смотрѣла она на вопросъ, воображая, что и другимъ онъ представится въ томъ же самомъ свѣтѣ.

Она обдумывала этотъ вопросъ однажды, въ концѣ октября, сидя одна за приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, въ которые все утро Анджелы было занято нѣсколькими уроками музыки; она могла вернуться домой около пяти часовъ, не ранѣе. Часъ этотъ приближался, въ комнатѣ становилось темно, когда Мабель, не желая спустить шторы и изгнать послѣдній проблескъ дневного свѣта, взяла своего Шиллера къ окну, чтобы поймать послѣдній, догоравшій вечерній лучъ, и при свѣтѣ его окончить заданный ей переводъ. Она переводила отрывокъ изъ Jungfrau von Orleans, и покончивъ съ нимъ и утомленная этими однообразными, хотя и строго прекрасными стихами, раскрыла книгу на болѣе короткихъ стихотвореніяхъ. Страницы сами собой раскрылись на ея любимой «Одѣ Радости»; она медленно прочла послѣднія строфы, задумалась надъ самой послѣдней, и сказала себѣ:

— Это истинная поэзія, что за чудный человѣкъ былъ бы тотъ, кто отвѣчалъ бы этому описанію!

Съ этимъ она оперлась подбородкомъ на руку, и спокойно смотрѣла въ окно. Она увидала двухъ человѣкъ, шедшихъ по улицѣ, занятыхъ серьёзнымъ разговоромъ. Въ глазахъ Мабель отразилось недоумѣніе, щеки ея поблѣднѣли, но она не была близорука, и находилась въ здравомъ умѣ. Она знала, что это не обманъ чувствъ. Это была Анджела, двигавшаяся медленно, а мужчина, несшій ея свертокъ нотъ и умильно заглядывавшій ей въ лицо, былъ мистеръ Фордисъ. Несомнѣнно. Ошибиться не было никакой возможности. Они шли тихо, остановились у калитки, чтобъ обмѣняться нѣсколькими словами на прощанье, затѣмъ послѣдовало рукопожатіе, взглядъ джентльмена, сопровождаемый поклономъ, въ которомъ было болѣе добрыхъ намѣреній, чѣмъ изящества, молящій взглядъ леди... Мистеръ Фордисъ быстро удалился, а Анджела позвонила у дверей.

— Что это, дитя, ты почти въ потьмахъ сидишь; я просто не вижу, куда ступить,— сказала она, входя.—Зажги-ка газъ, да дай намъ чаю,—я умираю, такъ хочется чаю.

— Анджела, это мистеръ Фордисъ проводилъ тебя до калитки?

— Мистеръ Фордисъ!—повторила Анджела измѣнившимся голосомъ, стараясь непринужденно разсмѣяться:—да, моя красавица, это былъ онъ. Милый старикашка! Чтожъ изъ этого?

— Далеко онъ провожалъ тебя?

— Съ Карльтонской дороги, какъ разъ пройдя Берггаузовъ. Я тамъ его встрѣтила.

— И онъ вернулся съ тобой?

— Да. Право, съ меня довольно этихъ разспросовъ. Ты не любезная сестра. Я являюсь, полумертвая отъ холоду и усталости, а ты начинаешь меня допрашивать, точно я свидѣтель, подозрѣваемый въ вѣроломствѣ. Ты иногда очень забываешься.

Она сильно позвонила и приказала служанкѣ подать чаю. Затѣмъ собственноручно зажгла газъ, и когда Мабель взглянула на нее, она увидала на щекахъ ея румянецъ и будто искрившіеся торжествомъ глаза.

Прочтенные стихи звучали въ ушахъ Мабель. Неужели сестра ея лишена его—этого нравственнаго качества, заставляющаго видѣть въ договорахъ святыню? Или она одна изъ тѣхъ женщинъ, готовыхъ идти по любой житейской дорожкѣ, которая обѣщаетъ быть мягче другихъ для ногъ, и представляетъ поросшіе самой бархатной травой скаты, на которыхъ пріятно отдохнуть, хотя бы для этого имъ пришлось вѣчно лгать?

Напряженность, сомнѣніе и горе сдѣлались почти невыносимыми для юной дѣвушки. Туча, которая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль начала-было разсѣеваться, нависла мрачнѣе, чѣмъ когда-либо, надъ ея головой. Быть можетъ, Анджела не страдала, но Мабель мучилась. Всякій разъ, когда она видѣла Грэсъ, она чувствовала желаніе закрыть лицо руками, ей хотѣлось провалиться сквозь землю и навѣки исчезнуть у всѣхъ изъ виду. Когда она видѣла письма въ тонкихъ заграничныхъ конвертахъ, съ заграничными марками, съ надписаннымъ на нихъ, круглымъ почеркомъ, именемъ миссъ Ферфексъ, и тѣ другія, мелкимъ, четкимъ, изящнымъ почеркомъ адресованныя «Филиппу Массей, эсквайру; въ консульство ея британскаго величества, У—Китай», Мабель казалось, что міръ перевернулся и представляетъ одну громадную черную, чудовищную ложь, часть которой составляетъ и она.

Первая встрѣча между мистеромъ Фордисомъ и Анджелой, поразившая ее и наполнившая ея сердце тяжелыми предчувствіями, не была послѣдней; но, остерегаясь послѣдствій ея, Анджела никогда болѣе не давала Мабель случая читать ей на-

ставленія. Она искусно устраивала свои дѣла. Дѣвушка могла теперь только догадываться, предполагать, подозрѣвать, терзать свое сердце гаданіями, которыхъ даже словами выразить не могла, и ломать голову надъ разрѣшеніемъ проблемы: должна ли она предоставить Филиппа его участи или высказать свои мысли насчетъ сестры, и, быть можетъ, въ концѣ концовъ оказаться неправой.

Глава XIII.—Ѣдетъ.

На пасхѣ, которая въ этомъ году была поздняя, было получено письмо отъ Филиппа къ Анджелѣ, дышавшее надеждой. Работа его была почти окончена; онъ располагалъ черезъ мѣсяцъ, и самое позднее черезъ шесть недѣль, быть на пути домой.

— Филиппъ возвращается! Вообрази!—воскликнула миссъ Ферфексъ, съ необычнымъ удивленіемъ.

— Филиппъ возвращается? Когда?—воскликнула Мабель, и блѣдное личико ея зарумянилось.

— Скоро, онъ пишетъ. Черезъ шесть недѣль,—отвѣчала Анджела съ смущеннымъ смѣхомъ.

— Слава Богу! Тогда все будетъ хорошо, и ты уже болѣе не будешь испытывать этой неизвѣстности, которая такъ тяжела, такъ невыносима,—съ волненіемъ проговорила Мабель, цѣлуя ее.

— Тяжела! Она томительна, она превратила меня въ чистаго скелета,—сказала Анджела, лицо которой дѣйствительно немного осунулось, но было прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, тогда какъ темные глаза казались больше, задумчивѣе, если возможно—печальнѣе, чѣмъ въ былые дни.

Анджела въ самомъ дѣлѣ страдала. Она билась изъ-за того, что представлялось ей крупной ставкой: изъ-за денегъ, положенія, освобожденія отъ «труда» и бѣдности, отъ необходимости носить дешевыя перчатки и простыя, дурно сшитыя платья, ѣздить въ омнибусахъ или ходить пѣшкомъ, отъ удовольствія видѣть, какъ женщины часто некрасивыя, старыя, или вульгарныя или даже обладающія всѣми этими качествами вмѣстѣ, проѣзжаютъ въ своихъ экипажахъ, тогда какъ она, при всей красотѣ своей, тащитъ сама свои покупки и бредетъ по тротуару. Игру свою Анджела вела отчаянно и съ энергіей, которой не въ состояніи была бы приложить ни къ какой другой цѣли въ подлунной; а теперь это письмо возвѣстило ей, что она ведетъ игру свою, рискуя не успѣть довести ее до конца, съ страшными шансами противъ нея—хотя бы въ томъ отношеніи,

что Филиппъ, пожалуй, вернется и открыто потребуетъ исполненія обѣщанія ея, прежде чѣмъ другой сдѣлаетъ предложеніе, котораго она ожидала.

Когда Филиппъ уѣхалъ, когда вся тяжелая борьба еще ему предстояла, надежда на то, что онъ предлагалъ ей по своемъ возвращеніи, казалась раемъ сравнительно съ ея настоящимъ; но и теперь средства Филиппа были почти еще всѣ въ будущемъ (мало ли что могло случиться); тогда какъ мистеръ Фордисъ, хотя и пожилой, вялый и неловкій, держалъ въ своихъ рукахъ все, чего она жаждала, и однимъ словомъ могъ предоставить ей это *все*. Какъ ей довести дѣло до «счастливаго» конца: продолжать отводить глаза Мабель, обманывать Филиппа, улыбаться Грэсъ, не выпускать мистера Фордиса изъ своихъ сѣтей, не раздражая его? Она была права, утверждая, что процессъ этотъ «*томителенъ*». Грэсъ была въ восторгѣ отъ надежды на скорое возвращеніе Филиппа, но нетерпѣливое ожиданіе Мабель было смѣшано съ тяжелымъ уныніемъ — съ предчувствіемъ близкой катастрофы, которой, какъ она ни старалась, отогнать не могла.

«Онъ скоро сюда будетъ;—говорила надежда,—и все обойдется».—«Онъ не можетъ пріѣхать ранѣе нѣсколькихъ недѣль,—шептало опасеніе,—а въ нѣсколько недѣль можетъ случиться много дурного и рокового». Между этими двумя настроеніями дѣвушка такъ исхудала, что стала походить на тѣнь; она иногда почти впадала въ истерику отъ мучительной нравственной борьбы изъ-за вопроса, что лучше, какъ слѣдуетъ поступить: высказать ли свои подозрѣнія на счетъ сестры—это были не болѣе какъ подозрѣнія въ послѣднюю минуту, когда все можно было такъ скоро исправить,—или молчать, хотя бы все погибло?

Глава XIV.—Признаніе.

Однажды, когда время обѣщаннаго возвращенія Филиппа приближалось, Текла Берггаузъ пришла навѣстить Грэсъ Массей. Она застала ее, какъ и ожидала, дома и одну, съ разбросанными вокругъ нея книгами и лежащимъ передъ ней листомъ бумаги.

— Что ты дѣлаешь?—спросила Текла.—Ты занята? Я тебѣ мѣшаю?

— Ты никогда мнѣ не мѣшаешь. Я теперь занялась этимъ дѣломъ, съ намѣреніемъ сегодня вечеромъ отправиться къ вамъ, но очень рада, что вмѣсто того ты пришла сюда. Сними шляпу, и напьемся чаю.

Текла не отказалась отъ гостепріимнаго предложенія. Она сняла шляпу, сѣла на диванъ и сказала:

— Я рада, что застала тебя. Мнѣ не хотѣлось, чтобы ты была у насъ сегодня вечеромъ, да и вообще, пока я не увижусь и не переговорю съ тобою.

— Да? Отчего?—спросила Грэсъ, поднимая голову съ минутнымъ удивленіемъ.

— Потому что тогда ты открыла бы нѣчто такое, что я хочу сообщить тебѣ сама, а не предоставлять тебѣ объ этомъ догадываться.

— А!—сказала Грэсъ, убирая свои книги и письменныя принадлежности, такъ какъ служанка входила съ чайнымъ подносомъ. Она ничего болѣе не прибавила, но налила чаю Теклѣ, которая казалась нѣсколько взволнованной. Грэсъ отнесла ей чашку, поставила ее возлѣ нея на уголкѣ стола и, положивъ одну руку на плечо Теклы, тихимъ голосомъ проговорила:

— Текла, ты кому-нибудь дала слово?

— Да, дала,—отвѣчала Текла, вдругъ поднимая голову и обвивая руками шею Грэсъ, которую крѣпко судорожно сжала:— дала. Что ты на это скажешь?

— Скажи мнѣ прежде: это мистеръ Рейхардтъ?

— Это—Фрицъ Рейхардтъ, да.

— Такъ я желаю тебѣ такого счастія, какого ты достойна, а если ты его получишь, ты будешь безгранично счастлива. Фрицъ Рейхардтъ—славный малый. Мнѣ кажется, что онъ почти тебя стоитъ.

— Благодарю тебя; я ему это передамъ, — сказала Текла, принимаясь за чай.

Обѣимъ дѣвушкамъ не легко было удержаться отъ слезъ, частью потому, что онѣ были молодыя дѣвушки, толковавшія о помолвкѣ, а частью изъ-за множества воспоминаній—о надеждахъ, опасеніяхъ, нѣжныхъ ощущеніяхъ, волновавшихъ ихъ сердца, на которыя, какъ сознавали онѣ обѣ, было бы страшно опасно даже намекнуть.

Текла знала, что Грэсъ горячо желала, чтобы Филиппъ полюбилъ ее, и просилъ ее быть его женой, а Грэсъ знала, что ей это извѣстно. Грэсъ знала, что Филиппъ болѣе чѣмъ нравился Теклѣ, что она страдала со времени его помолвки съ Анджелой Ферфексъ и что настоящее обрученіе, между прочимъ, означало желаніе выйти изъ положенія, тяготившаго ее; и Текла знала, что Грэсъ все это понимаетъ. Но онѣ обѣ благоразумно

умалчивали объ этомъ предметѣ. Грэсъ налила себѣ чаю и сказала:

— Это, вѣроятно, только-что рѣшено; приди я неожиданно сегодня вечеромъ, я застала бы у васъ мистера Рейхардта въ его новой и удачной роли счастливаго обожателя,—а тебѣ хотѣлось сначала побывать у меня и объясниться?

— Да, пожалуй, что такъ,—согласилась Текла:—но ты тѣмъ не менѣе придешь, и увидишь его и меня въ той роли, о которой говоришь; не правда ли?

— Съ удовольствіемъ; но въ такомъ случаѣ я должна буду просить тебя сейчасъ же уйдти; какъ оно ни кажется грубо, но иначе я не приготовлю моей теоремы къ завтрашнему утру.

— Я сейчасъ иду, — сказала Текла, вставая. — А, вотъ и Мабель Ферфексъ возвращается домой изъ школы. Какимъ несчастнымъ смотритъ этотъ ребенокъ!

— Неправда ли? Сердце мое какъ-то болитъ за нее.

— Можетъ быть, Анджела дурно съ ней обращается?

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; но знаю, что когда Анджела выйдетъ за Филиппа, дурного обращенія не будетъ. Ничто такъ его не возмущаетъ, какъ видѣть угнетеніе слабыхъ.

Текла ушла, а Грэсъ, оставшись одна, возвратилась къ своей теоремѣ съ мыслью:

— Она совершенно права, совершенно. Но еслибъ это могло быть иначе!

Глава XV.—Конецъ сна.

Была половина второго на другой день, когда Грэсъ Массей и Мабель Ферфексъ медленно шли вдоль Лоуренсъ-стрита, возвращаясь, первая изъ коллегіи, вторая изъ школы. Онѣ встрѣтились на Карльтонской дорогѣ и пошли вмѣстѣ.

— Филиппъ теперь скоро будетъ здѣсь,—сказала Грэсъ. — Вамъ слѣдуетъ встрѣтить его съ болѣе веселымъ лицомъ, Мабель. Вы такая блѣдная и слабая.

— О, я совсѣмъ здорова,—сказала Мабель, съ болѣзненной улыбкой.

— Что Анджела получала опять извѣстія отъ Филиппа?

— Не получала послѣ того письма, въ которомъ говорилось, что онъ отправляется въ Гонконгъ и черезъ два дня сядетъ на пароходъ; по крайней мѣрѣ,—добросовѣстно оговорилась Мабель, —насколько я знаю, она не имѣла новыхъ извѣстій; но я ухожу

въ школу до прихода почтальона. Анджела выходитъ изъ дому позже.

— Да. Кстати, мнѣ кажется, что у васъ слишкомъ продолжительны занятія въ школѣ. Когда настанутъ каникулы, вы должны навѣстить насъ въ Фоульгавенѣ. Я увѣрена, что это будетъ вамъ полезно; къ тому времени, Богъ дастъ, помолвка Филиппа будетъ объявлена и вамъ будетъ совершенно прилично пріѣхать къ намъ. Ненавижу я всю эту таинственность, считаю ее положительнымъ оскорбленіемъ моимъ отцу и матери, но вѣрно всему этому скоро конецъ!

— Надѣюсь,—сказала Мабель, съ еще болѣе слабой улыбкой, когда онѣ дошли до дому.

— Садитесь поскорѣй обѣдать, — продолжала практичная Грэсъ, — Можно подумать, что вы умираете съ голоду, а что касается до меня, у меня волчій аппетитъ.

Съ веселымъ кивкомъ разсталась она съ Мабель и пошла къ себѣ. Столъ былъ накрытъ и Грэсъ, сбросивъ шляпу и плащъ, собиралась позвонить и спросить обѣдать—въ Лоуренсъ-стритѣ трапеза эта обыкновенно совершалась среди дня — какъ лежавшее на каминѣ письмо, надписанное рукой ея матери, заставило ее пріостановиться. Она распечатала его, и читала:

«Дорогая Грэси, спасибо за твое милое, длинное письмо; скажи миссъ Берггаузъ, что»....

Звонокъ—странный, дрожащій, а между тѣмъ громкій, настойчивый звонокъ у парадной двери, сначала какъ бы робкій, а затѣмъ громкій. Такъ страненъ былъ этотъ звукъ, что Грэсъ позабыла «волчій» голодъ, о которомъ говорила, позабыла свое письмо и стояла неподвижно, поднявъ голову и прислушиваясь.

Вскорѣ входная дверь отворилась, Грэсъ ничего изъ происходившаго разслышать не могла, кромѣ того, что дверь снова затворилась и кто-то вошелъ. Затѣмъ — все это казалось роковымъ сномъ — дверь пріемной распахнулась, Мабель стояла на порогѣ точно какое-то жалкое, маленькое привидѣніе; она какъ бы стаяла, сдѣлалась меньше ростомъ, похудѣла, въ тѣ пять или шесть минутъ, какъ Грэсъ разсталась съ нею. Лицо ея было блѣдно, губы раскрыты, глаза расширены, вся ея наружность выражала полный ужасъ.

— Дитя, дитя, чтó случилось?—воскликнула Грэсъ, подходя къ ней и хватая ее за руку, испуганная выраженіемъ отчаянія на этомъ молодомъ лицѣ.

— Не прикасайтесь ко мнѣ!—хриплымъ шопотомъ проговорила Мабель, отдаляясь отъ нея.—Я недостойна, чтобы вы ко

мнѣ прикасались, но вы должны узнать. О, ей не слѣдовало бы поручать это мнѣ, не слѣдовало бы!

Въ своихъ дрожащихъ рукахъ она держала бумагу, которую Грэсъ, подъ вліяніемъ непреоборимаго желанія узнать худшее, взяла у нея и прочла, подъ прерывистый акомпанементъ отрывочныхъ словъ и восклицаній Мабель:

«Дорогая Мабель,

«Ты вѣроятно удивишься, найдя письмо вмѣсто меня самой, когда придешь изъ школы. Дорогое дитя, ты должна стараться не чувствовать себя оскорбленной моимъ поступкомъ; не можешь же ты не понимать, что мнѣ, право, не оставалось другого выбора. Ты вѣрно знаешь, какой несчастной я себя чувствовала, бывши невѣстой Филиппа Массей. По мѣрѣ того, какъ приближается время его возвращенія, я сознаю, что невозможно, чтобъ я когда-нибудь соединилась съ нимъ.—Это было бы несчастіемъ; а любовь, которую я научилась питать къ другому, ясно показываетъ мнѣ, что выйти за мистера Массей было бы величайшей ошибкой, какую я могла сдѣлать. Джентльменъ, съ которымъ я обвѣнчаюсь сегодня утромъ,—мистеръ Фордисъ. Мы разсматривали вопросъ со всѣхъ сторонъ и пришли къ заключенію, что всего лучше обвѣнчаться тихо. Я писала мистеру Массей въ тотъ отель, въ Лондонѣ, въ которомъ онъ собирался остановиться. Я оставила тебѣ денегъ вдоволь, дорогая, на все время нашего отсутствія; буду писать тебѣ при первой возможности и сообщу наши планы. Понятно, когда мы вернемся, ты будешь жить съ нами, и если ты будешь счастлива у меня въ домѣ, я сочту, что всѣ жертвы, какія я принесла тебѣ, не были напрасны. И такъ до свиданія. Буду писать изъ Парижа, и куплю тебѣ тамъ что-нибудь хорошенькое.

«Твоя любящая сестра Анджела».

— Лицемѣрка! — сорвалось съ губъ Грэсъ, когда она кончила: — о, безсердечная лгунья, кокетка! — И другія энергическія выраженія были на ея энергическихъ устахъ, но мертвое молчаніе, встрѣтившее ее, заставило ее поднять голову и испугало среди ея бѣшенаго негодованія. Мабель опиралась обѣими руками на спинку стула, блѣдная, дрожащая съ головы до ногъ, и безмолвная—все безмолвная. Казалось, будто грѣхъ ея сестры и стыдъ, съ нимъ соединенный, подобно острію меча вошелъ ей въ душу на-вѣки. Она могла только стоять, точно какая грѣшница, видящая надъ собой руку владыки, готовую поразить

ее,—стоять и покоряться. Безусловное горе дѣвушки поразило сердце Грэсъ. Оно представляло такой контрастъ съ низостью ея сестры.

— Простите меня, Мабель!—воскликнула она, подъ вліяніемъ внезапнаго порыва. — Я люблю моего брата. Богу и мнѣ самой только извѣстно, какая сестра ваша дурная, безнравственная женщина, и своимъ поступкомъ она можетъ разбить его сердце; но вы невинны, я вижу, и это страшно потрясло васъ. Садитесь, и не думайте еще возвращаться домой.

— Нѣтъ, не прикасайтесь ко мнѣ! — сказала Мабель, съ трудомъ произнося слова.—Я знала... я... она...

— Вы знали—вы *знали*!—воскликнула Грэсъ, отдаляясь отъ нея снова и бросая на нее гнѣвный взглядъ.

— Нѣтъ, я хочу сказать—*этого* я не знала. Я знала, что она видѣла мистера Фордиса. Я думала, что она часто видала его, но навѣрное не знала. Я начала думать, что она не пойдетъ за Филиппа, и что мнѣ слѣдуетъ предупредить васъ... я... я... не знала. Я почти съ ума схожу, кажется,—заключила Мабель, бросая на все окружающее странный, дикій взглядъ и прижимая руку къ головѣ.

— Потрудитесь сказать мнѣ, — начала-было Грэсъ, когда тишина на улицѣ была внезапно нарушена стукомъ колесъ, и, какъ оно ни покажется страннымъ при напряженности ихъ настоящихъ чувствъ, обѣ дѣвушки съ любопытствомъ выглянули въ окно, такъ какъ въ сокровенной глубинѣ души обѣихъ таилось невысказанное опасеніе:—А, что если Филиппъ, по какому нибудь случаю, пріѣдетъ, сегодня, сейчасъ? И Грэсъ, завидѣвъ подъѣзжавшій кэбъ и кучера, посматривающаго на нумера домовъ, высказала опасеніе, сковывавшее уста Мабель.

— Что, если это Филиппъ! Господи,—да, кажется, это и есть Филиппъ!

Отъ Мабель все не было отвѣта, тогда какъ Грэсъ кинулась къ окну и убѣдилась, что опасеніе ея оправдалось—кэбъ остановился. Это былъ онъ, загорѣлый, похожій на иностранца — сильно измѣнившійся—человѣкъ, способный теперь обратить на себя вниманіе всюду, куда онъ ни покажется, но все же Филиппъ, ея настоящій братъ Филиппъ, бросавшій нетерпѣливые взгляды на домъ, кинувшій деньги извозчику, поднимающійся по лѣстницѣ. Тогда только настоящее положеніе, во всей силѣ своей, представилось обѣимъ дѣвушкамъ.

— Онъ не былъ въ Лондонѣ—онъ пріѣхалъ изъ Ливерпуля! Письмо—да онъ не могъ и получить письма. Онъ ничего не знаетъ!

Грэсъ быстро проговорила эти слова и, потерявъ всякое присутствіе духа, начала скорыми шагами ходить по комнатѣ, ломая руки и шепча:

— Чтò я буду дѣлать? О, Господи, чтò я буду дѣлать? Какое возвращеніе! Мой бѣдный Филиппъ!

Мабель опустилась на стулъ, не въ силахъ долѣе держаться на ногахъ. Послышались шаги, дверь быстро отворилась, и Филиппъ уже держалъ Грэсъ въ объятіяхъ и, смѣясь отъ радости и цѣлуя ее, говорилъ:

— Ну, дитя мое, не умри отъ удивленія — для меня не умри!

Въ своемъ раздраженіи Грэсъ почти готова была сердиться на него за его слѣпую, радостную торопливость, за его забывчивость, за его полное невниманіе ко всему, кромѣ ликованія по поводу возвращенія и свиданія съ дорогими его сердцу.

— Филиппъ,—сказала она, освобождаясь изъ его объятій и говоря торжественнымъ тономъ:—ты, кажется, не видишь, что у меня гостья—и гостья, явившаяся съ дурною вѣстью.

— Да—ахъ, Мабель! Вы смотрите больной. Чтó съ вами? Съ Анджелой ничего не случилось, неправда ли? Говорите сейчасъ!—прибавилъ онъ, почти сердито.—Больна она?

— Филиппъ... это очень грустно,—начала Грэсъ.—Анджела —о, она поступила очень дурно. Она очень виновата передъ тобой.

— Что ты хочешь сказать? Какъ смѣешь ты говорить что-нибудь противъ нея? Я получилъ отъ нея письмо въ день моего отъѣзда изъ Гонконга, въ которомъ она радовалось моему возвращенію. Я....

Его спокойная рѣчь оборвалась, когда онъ взглянулъ сначала на одну, потомъ на другую; увидалъ блѣдное, суровое лицо Грэсъ, и страшное, измученное, страдальческое выраженіе на лицѣ Мабель.

— Еслибъ я могла остановить это,—начала бѣдная дѣвочка дрожащимъ голосомъ.

— Мабель, вамъ слѣдовало сообщить мнѣ,—сказала Грэсъ, но ее прервалъ сильный голосъ Филиппа, заглушавшій ихъ рѣчи:

— Чтó остановить? Я желаю знать, чтó случилось! Гдѣ Анджела, и чтó она сдѣлала?

— Она убѣжала съ мистеромъ Фордисомъ и обвѣнчалась съ нимъ,—сказала Грэсъ, стоя передъ нимъ блѣдная, съ расширенными глазами и нервно сжатыми пальцами, готовая въ испугѣ спасаться бѣгствомъ, еслибы негодованіе Филиппа приняло буйный характеръ.

— Мы только сегодня утромъ узнали, сейчасъ,— сказалъ голосъ за его спиной,— и узнали отсюда.

Это была Мабель, которая вложила письмо Анджелы ему въ руку. Филиппъ взялъ его молча, не удостоивая отвѣтомъ того, что считалъ гнусной и ужасной ложью.

Но во время чтенія, голова его, довольно смѣтливая, быстро уяснила себѣ все положеніе дѣла. Онъ не разразился проклятіями, не безумствовалъ, не топалъ ногами; но обѣ дѣвушки задрожали, когда онъ подошелъ къ камину, разорвалъ письмо, и, бросивъ его въ огонь, проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Я думалъ, что любимъ чистой сердцемъ женщиной, но, какъ кажется, я одураченъ и обманутъ грубой... ха, ха!

Это былъ ужасный, горькій смѣхъ. Онъ заставилъ всю кровь кинуться въ лицо Грэсъ и вызвалъ только слабый стонъ Мабель; на звукъ этотъ Грэсъ снова обратилась къ ней, проговоривъ:

— О, Мабель, еслибъ вы мнѣ только сказали...

Филиппъ равнодушно взглянулъ на дѣвушку, точно она и всѣ ей близкіе отнынѣ должны были сдѣлаться недостойными его вниманія и даже его презрѣнія. Но когда онъ не увидалъ ничего, кромѣ почти-безжизненной бѣлой фигуры, согнувшейся у стола, онъ подошелъ, поднялъ ее и на рукахъ отнесъ на диванъ.

— Упреки здѣсь неумѣстны, Грэсъ. Развѣ ты не видишь, что съ нею обморокъ? Здоровыя дѣвушки не имѣютъ привычки падать въ обмороки, даже изъ-за подобныхъ вещей! Она вынесла что-нибудь, что было ей не подъ-силу. Пригляди за ней, будь милой дѣвочкой. Я отнесу ее на-верхъ, если хочешь, но устрой такъ, чтобы я болѣе ее не видалъ; или, постой,— спокойно прибавилъ онъ,— я отправлюсь въ контору. Кажется, это лучшее, что я могу сдѣлать теперь. Да, я отправлюсь въ контору и представлю свое донесеніе. Возвращусь я вечеромъ, Грэсъ.

И съ этимъ онъ ушелъ.

Глава XVI.—Реакція.

Онъ ушелъ, и комната показалась Грэсъ необыкновенно безмолвной и пустой. Ей не представлялось, что онъ пробылъ въ ней только нѣсколько минутъ, а затѣмъ снова исчезъ, но скорѣй, будто онъ пробылъ очень долго, а теперь, когда уѣхалъ, она не могла привыкнуть къ его отсутствію. Пока она склонялась надъ безчувственной Мабель, ухаживала за ней, звала хо-

зяйку себѣ на помощь и выслушивала громкія и энергическія восклицанія послѣдней, мысли Грэсъ были всецѣло заняты Филиппомъ. Какимъ счастливымъ, красивымъ, оживленнымъ смотрѣлъ онъ, когда вошелъ, полный здоровья и довольства, надежды и радости! Какая печальная перемѣна произошла въ лицѣ его, пока онъ читалъ письмо Анджелы, и въ тѣхъ словахъ его, когда онъ сжигалъ это письмо, какое заключалось проклятіе! Какое рѣзкое, горькое, непримиримое презрѣніе! Грэсъ нашла утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи; такъ какъ его взгляды, слова и движенія не были взглядами, словами и движеніями человѣка, способнаго пасть хотя бы подъ самымъ предательскимъ ударомъ.

«Не мудрено, что эта бѣдная дѣвочка совсѣмъ лишилась чувствъ», думала Грэсъ: «она—несчастная, маленькая участница этой тайны, измученная цѣлыми недѣлями тревоги. Развѣ у самой Грэсъ, совѣсть которой была совершенно чиста, не горѣли щеки и не билось сердце отъ страха, когда она услышала его слова, развѣ она не задрожала скорѣй отъ того, что онъ давалъ понять, чѣмъ отъ того, что онъ собственно сказалъ?»

Мало-по-малу сознаніе возвратилось къ Мабель, и, когда она совершенно пришла въ себя, сердце Грэсъ переполнилось состраданіемъ при видѣ происшедшей въ ней перемѣны. Теперь, когда страхъ миновалъ, когда буря разразилась, вся ея искусственная сила исчезла, вся возбужденная энергія, поддерживавшая ее до настоящей минуты, подалась, утомленіе, отражавшееся на лицѣ, и слабость во всѣхъ членахъ были полныя.

— Онъ уѣхалъ? Филиппъ уѣхалъ, или онъ еще здѣсь?—спросила она съ прежнимъ, полнымъ ужаса взглядомъ, напоминавшимъ взглядъ преслѣдуемаго звѣря.

— Онъ ушелъ, дитя. Онъ не вернется до вечера. Лежите смирно и выпейте вина.

Мабель покачала головой, провела рукой по лбу и проговорила, утомленно прижимаясь головой къ жесткой и маленькой диванной подушкѣ:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Голова у меня болитъ—ужасно! И я такъ устала. Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую, и не думаю, чтобы могла отправиться сегодня въ школу, въ послѣобѣденный классъ.

— Идти въ школу—какъ можно! Вы здѣсь будете смирно лежать, я посижу около васъ и никто намъ не помѣшаетъ. Да, мистриссъ Ливсей, можете подавать обѣдать, поставьте приборъ для миссъ Ферфаксъ,—она останется у меня.

Но ей не удалось убѣдить Мабель прикоснуться къ ѣдѣ;

она согласилась только спокойно полежать на диванѣ, пока Грэсъ притворялась, что обѣдаетъ, а затѣмъ ни угрозы, ни убѣжденія не могли заставить молодую дѣвушку остаться лишнюю минуту. Она непремѣнно хотѣла пойти къ себѣ «и отдохнуть», какъ она выражалась. Грэсъ твердо замѣтила, что не считаетъ возможнымъ оставлять ее одну, и что пойдетъ съ нею, но отъ этого Мабель также отказалась; и все, чего Грэсъ могла отъ нея добиться, было обѣщаніе, что она пошлетъ за нею, если къ вечеру ей не будетъ лучше. Грэсъ слѣдила за ней глазами, когда та вышла отъ нея — худенькая, согнувшаяся, обезсиленная, и ей вдругъ вспомнилось, какъ она подвела Филиппа къ окну въ утро того понедѣльника послѣ своего пріѣзда и спросила его кто такая эта веселенькая, хорошенькая, молоденькая дѣвушка, что такъ прямо держится. Воспоминанія объ этомъ счастливомъ утрѣ и обо всемъ, что̀ произошло съ тѣхъ поръ, подавили Грэсъ. Бросившись на диванъ, на которомъ лежала Мабель, она закрыла лицо руками и горько плакала.

Около шести часовъ принесли записку отъ Филиппа, изъ конторы:

«Дорогая Грэсъ!

«Оказывается, что я не буду имѣть возможности явиться въ Лоуренсъ-стритъ сегодня вечеромъ. Они всѣ такъ рады моему возвращенію, что мнѣ не вырваться. Грей настаиваетъ, чтобъ я отправился къ нему на нѣсколько дней, хочетъ представить меня лэди Елизабетъ. Помнишь ли ты лэди Елизабетъ и свадьбу Грея? Пришли съ посланнымъ самый маленькій изъ моихъ чемодановъ. Буду писать тебѣ завтра или послѣ завтра. Не упоминай о происшедшемъ сегодня утромъ въ твоихъ письмахъ домой. Я скоро тамъ буду и самъ скажу матери. Это моя обязанность.

«Прощай пока, дорогое дитя,

«Филиппъ.

«P. S. Кстати, не приглядишь ли, изъ дружбы ко мнѣ, за бѣдной маленькой Мабель Ферфексъ? Она показалась мнѣ очень нездоровой, и какъ бы другіе ни были виноваты, она ни въ чемъ не повинна».

Едва Грэсъ отправила требуемыя вещи, какъ явилась хозяйка сосѣдняго дома, пожелала ее видѣть и объявила ей, что миссъ Ферфексъ, повидимому, очень больна, а такъ какъ сестра ея уѣхала, то не зайдетъ ли миссъ Массей и не посовѣтуетъ ли, что дѣлать?

Грэсъ согласилась, и застала Мабель мечущейся, горящей, въ лихорадкѣ, и, какъ ей показалось, серьёзно больной. Она заставила ее лечь въ постель, послала за докторомъ, сѣла у изголовья Мабель и не отходила отъ нея въ теченіе двухъ недѣль. Мабель была почти при смерти больна, и чтобы покинуть ее, сердце Грэсъ должно было бы быть гораздо жестче, чѣмъ было. Она нѣжно ухаживала за молодой дѣвушкой, легко отзываясь о болѣзни въ отчетахъ, которые вынуждена была посылать Анджелѣ, совершенно противъ своего желанія.

Въ первые дни выздоровленія она услыхала отъ Мабель всю исторію ея борьбы и испытаній, и до выполненія своей задачи уже полюбила свою больную, какъ сестру.

«Какъ бы другіе ни были виноваты, она ни въ чемъ не повинна!» Изъ глубины души повторяла она эти слова Филиппа.

Глава XVII.—У мистера Грея.

Филиппъ вышелъ изъ дому, минуты вступленія въ который онъ такъ жаждалъ въ теченіе долгихъ и томительныхъ недѣль, и снова вышелъ на улицу. Въ теченіе десяти минутъ или четверти часа прошедшихъ съ того времени, какъ онъ подъѣхалъ къ дверямъ, въ природѣ не совершилось никакого великаго переворота (вѣроятно ли, чтобы что-нибудь подобное произошло), а между тѣмъ Филиппу показалось (какъ несомнѣнно показалось бы девяти человѣкамъ изъ десяти въ его положеніи) изумительнымъ, что все имѣло прежній видъ — солнце продолжало ярко свѣтить, какъ и подобаетъ въ апрѣлѣ, люди спокойно проходили по знакомой улицѣ, мелькнуло даже два-три знакомыхъ лица, между прочимъ безобразный, одноглазый кондукторъ омнибуса—вотъ онъ на старомъ мѣстѣ. Извнѣ все было по прежнему; только внутри его самого, Филиппа Массей, повидимому, произошли такія страшныя, поразительныя перемѣны.

Понятно, онъ вовсе еще не уяснилъ себѣ того, что произошло; но онъ зналъ, что какое-то ужасное бѣдствіе гдѣ-то тамъ, вдали, нависло надъ нимъ и тяготитъ его и давитъ подобно отдаленной громовой тучѣ на лѣтнемъ небѣ. Туча приблизится и разразится бурей. Также скоро приблизится и его несчастіе, и представится душѣ его во всей своей силѣ. Ложь, предательство, самая чудовищная, страшная ложь—самыя низкія, подлыя интриги—скоро придется ему со всѣмъ этимъ мысленно бороться и сознать, что всѣ эти безобразія совершала женщина, которую онъ

хранилъ въ своемъ сердцѣ точно святыню, которой поклонялся всей душой. Онъ слегка содрогался въ предвидѣніи предстоящихъ ужасовъ, но ухитрялся въ настоящемъ отдалять ихъ отъ себя, и явился въ хорошо знакомую контору спокойнымъ на видъ и полнымъ самообладанія.

Онъ вошелъ въ комнату, наполненную клерками, которые подняли голову при его появленіи, и одинъ изъ нихъ вѣжливо началъ:

— Чѣмъ могу я—ахъ, Филиппъ Массей! Такъ и есть.— Такъ ты воротился, старина! Какъ поживаешь?

Засимъ послѣдовали искреннія рукопожатія и горячія привѣтствія со стороны всѣхъ его старыхъ пріятелей, и взгляды, исполненные одобренія со стороны новичковъ, послѣ чего Филиппъ замѣтилъ, что желалъ-бы видѣть мистера Старки, и былъ немедленно введенъ въ кабинетъ этого джентльмена.

Здѣсь, также привѣтствія были самыя теплыя, такъ какъ Филиппъ хорошо исполнилъ порученную ему работу, и своей исполнительностью, рѣшимостью и присутствіемъ духа избавилъ своихъ довѣрителей отъ значительныхъ матеріальныхъ потерь, а также отъ ущерба ихъ доброй славѣ, который имѣлъ бы для нихъ еще болѣе серьезное значеніе; а они, какъ люди щедрые, готовы были наградить за вѣрную службу.

Пока Филиппъ былъ погруженъ въ объясненія съ мистеромъ Старки, по временамъ испытывая легкую дрожь при мысли о томъ, что его ожидаетъ, когда всему этому возбужденію придетъ конецъ и онъ останется наединѣ съ самимъ собою, среди разговора вошелъ мистеръ Грей. Мистеръ Грей былъ красивый, широкоплечій молодой человѣкъ аристократической наружности, лѣтъ подъ тридцать, про котораго говорили, что онъ сдержанъ и гордъ, но который Филиппу всегда нравился при тѣхъ незначительныхъ и рѣдкихъ сношеніяхъ, какія онъ когда-либо съ нимъ имѣлъ. Онъ дружески привѣтствовалъ Филиппа, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, заинтересованный его разсказами, пригласилъ Филиппа поѣхать сегодня вмѣстѣ къ нему въ имѣніе, провести у него ночи двѣ, познакомиться съ его женою. Во всякое другое время перспектива эта была бы непріятна Филиппу, или вѣрнѣе, сердце его, теплое и безхитростное, какъ сердца всѣхъ мужчинъ, достойныхъ этого имени, возмутилось бы при мысли ѣхать въ чужой домъ, посѣщать постороннихъ людей, тогда когда онъ едва-ли сказалъ десять словъ любимой сестрѣ, а отецъ съ матерью, у себя въ Фоульгавенѣ, даже не знали, что онъ снова на родинѣ. Но настоящія обстоятельства были совсѣмъ ненормальны. Мысль

попасть въ совершенно новую обстановку и незнакомую мѣстность была соблазнительна. Онъ принялъ приглашеніе мистера Грея, и отправилъ Грэсъ записку, о которой уже была рѣчь.

Калліардсъ, помѣстье мистера Грея, находилось въ разстояніи восьми или девяти миль отъ Иркфорда: это было хорошенькое мѣстечко среди свѣжихъ, незараженныхъ городской атмосферой сельскихъ видовъ, окруженное полями и лѣсами. Мистеръ Грей отправился туда, покончивъ съ дѣлами, и поѣздка въ этотъ апрѣльскій вечеръ была пріятная—въ воздухѣ чувствовалась прохлада, солнце садилось во всемъ блескѣ; они быстро неслись по хорошимъ деревенскимъ дорогамъ, и до наступленія сумерекъ въѣхали въ аллею сосенъ и подкатили къ большому, красивому, своеобразной архитектуры, сѣрому, каменному дому. Они прошли черезъ залу въ веселую гостиную, въ которой сидѣла дама и вышивала; Филиппъ былъ ей представленъ — это была лэди Елизабетъ Грей.

Горести Филиппа дѣйствительно на время какъ бы стушевалась, пока онъ стоялъ и разговаривалъ съ этой красивой, прямодушной, чуждой всякаго притворства женщиной, лѣтъ двадцати-двухъ, двадцати-трехъ.

— Дорогая,—сказалъ мистеръ Грей,—позволь представить тебѣ мистера Массей, джентльмена, оказавшаго намъ серьезныя услуги въ Китаѣ.—Массей,—лэди Елизабетъ Грей.

— Я непремѣнно должна пожать вамъ руку, такъ какъ вы совершили такія великія дѣла,—любезно проговорила лэди Елизабетъ.—Мистеръ Массей у насъ погоститъ, Дикъ?

— Онъ, по словамъ его, можетъ пробыть дня два; полагаю, что онъ разскажетъ тебѣ столько приключеній, что удовлетворитъ даже тебя; онъ побывалъ въ дикихъ мѣстахъ. Неужели этотъ звонокъ извѣщаетъ насъ, что пора одѣваться къ обѣду? Мы запоздали больше, чѣмъ я думалъ.

— Да; кстати, у насъ сегодня кое-кто обѣдаетъ. Кого поручу я вамъ вести къ столу, мистеръ Массей? Какихъ именно молодыхъ дѣвушекъ любите вы?

— Совершенно увѣренъ, что мнѣ понравится любая молодая особа, какую вамъ вздумается для меня выбрать,—отвѣчалъ Филиппъ, вспыхнувъ и чувствуя, что сердце его вдругъ больно сжалось, но сознавая въ то же время, что съ этимъ страданіемъ онъ еще легко могъ справиться. Онъ былъ въ состояніи выносить его безъ всякихъ конвульсій на лицѣ, и даже, пока оно его терзало, могъ улыбаться и разговаривать, словно находясь въ мирѣ со всѣми людьми.

Затѣмъ его проводили наверхъ и предоставили ему одѣваться, и этотъ процессъ онъ совершилъ съ наивозможной быстротой, опасаясь каждыхъ пяти минутъ, проведенныхъ наединѣ съ самимъ собою и тѣмъ привидѣніемъ, которое готово было броситься на него въ первую благопріятную минуту.

Далѣе послѣдовалъ обѣдъ, и пріятный, проведенный въ обществѣ вечеръ, въ теченіе котораго Филиппъ, къ своему великому удивленію, оказался совершеннымъ львомъ, и едва успѣвалъ отвѣчать на безчисленные вопросы, предлагаемые ему двумя очень милыми молодыми дѣвушками, увѣрявшими, что сильно интересуются Китаемъ и всѣмъ, до него касающимся, но главная забота которыхъ состояла въ томъ, чтобы разузнать, какіе образчики фарфора и другихъ рѣдкостей онъ вывезъ изъ поднебесной имперіи.

— Мнѣ нравится твой мистеръ Массей, Дикъ,—сказала леди Елизабетъ, во время минутнаго à parte съ мужемъ.—У него одно изъ самыхъ милыхъ лицъ, какія я когда-либо видала, да и одно изъ самыхъ красивыхъ.

— Да; очень радъ что онъ тебѣ понравился, но мнѣ его обращеніе иногда, кажется, нѣсколько страннымъ. Развѣ ты не замѣчала, какъ онъ по временамъ почти вздрагиваетъ, и вдругъ оглянется, точно... трудно описать это выраженіе. Сейчасъ онъ пристально смотрѣлъ на миссъ Удсайдъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и не слышалъ ничего, чтó она говорила.

— О да, я это замѣтила. Но ты, кажется, говорилъ, что онъ только сегодня вернулся домой? А ты потащилъ его сюда, когда онъ, вѣроятно, предпочелъ бы находиться въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ обществѣ?

— Правда! объ этомъ я и не подумалъ. Оно довольно-таки правдоподобно.

— А между тѣмъ не больше года тому назадъ ты сказалъ бы, что очень непріятно, когда тебя тащатъ въ другую сторону, когда ты могъ бы отправиться въ Clevely Park—шутливо возразила леди Елизабетъ.

Вечеръ, какъ показалось Филиппу, кончился очень скоро, а когда гости разъѣхались, а хозяева удалились на покой, понятно, что и онъ былъ вынужденъ послѣдовать ихъ примѣру, хотя мѣшкалъ сколько могъ, принялъ приглашеніе своего амфитріона выкурить сигару въ курительной комнатѣ, и т. д., такъ что было болѣе двѣнадцати часовъ, когда онъ, наконецъ, очутился одинъ въ своей комнатѣ.

Но разъ попавъ туда, онъ почувствовалъ, что страданіе, ко-

торое онъ такъ долго отдалялъ отъ себя, не можетъ уже болѣе быть отдалено. Оно все разомъ нахлынуло на него, и окончательно его подавило.

Попытка описывать часы подобные тѣмъ, какіе переживалъ Филиппъ, всегда бываетъ тяжела и, по большей части, неудачна. Когда мы сами падаемъ, мы можемъ испытывать страданія и угрызенія совѣсти, можемъ обзывать себя нелестными именами, всячески унижать себя, искать кары за грѣхи наши, но за всякимъ сокрушеніемъ сердечнымъ скрывается сознаніе: «Въ сущности, я никогда не бывалъ совершенствомъ; проступокъ мой не выбросилъ меня изъ среды человѣчества, есть будущее, въ теченіе котораго я могу постараться искупить мой грѣхъ». Но когда идеалъ человѣка исчезаетъ, когда то, что было для насъ высшаго, чистѣйшаго, священнѣйшаго, что казалось намъ незапятнаннымъ и безукоризненнымъ, внезапно рушится передъ нашими исполненными ужаса глазами, мы не въ силахъ уже болѣе смотрѣть непредубѣжденнымъ взглядомъ; реакція ослѣпляетъ, и эти несчастные обломки представляются грудой чего-то ужаснаго, истлѣвающаго. Такъ было и съ Филиппомъ, и съ этимъ-то подавляющимъ бѣдствіемъ ему приходилось бороться въ эту ночь. Онъ понималъ, что о снѣ и думать нечего, но замѣтивъ въ своей спальнѣ окно, доходившее до полу, онъ отворилъ его и увидалъ, что его опоясываетъ маленькій, желѣзный балкончикъ. Его охватилъ ночной воздухъ, рѣзкій и свѣжій, но животворный. Онъ вышелъ на балконъ, и опершись локтями на перила его, стоялъ и уныло смотрѣлъ въ темноту. Свѣтила луна, готовившаяся исчезнуть за рядомъ полей, разстилавшихся на западѣ, онъ смутно видѣлъ очертанія деревьевъ въ саду, цвѣточныхъ клумбъ подъ своимъ окномъ, и скошенныхъ лужаекъ. Еще далѣе, онъ видѣлъ блескъ воды, онъ помнилъ, что тутъ былъ прудъ, который онъ замѣтилъ подъѣзжая къ дому. Все было тихо и спокойно, весь домъ, повидимому, спалъ. Прошлой ночью, въ это время, онъ жаждалъ вернуться домой; онъ думалъ объ Анджелѣ, объ удовольствіи, какое доставитъ ей его неожиданный пріѣздъ. Когда переставалъ онъ думать о ней? Объ ней думалъ онъ, высаживаясь на берегъ, объ ней—летя съ такой быстротой, съ какой могли везти его поѣзда и кэбы, въ Ирифордъ, объ ней, единственно объ ней, когда онъ ѣхалъ по темнымъ, хорошо знакомымъ улицамъ, объ ней—тутъ воспоминанія, подобно потоку, хлынули ему въ душу—Грэсъ, Мабель, тѣ нѣсколько короткихъ и ужасныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ онъ изъ свѣта попалъ во мракъ.

«Она обвѣнчалась сегодня утромъ,—шепталъ онъ.—Боже! изъ чего созданы женщины, что онѣ могутъ такъ поступать—обвѣнчалась сегодня утромъ, а три недѣли назадъ писала мнѣ: «дорогой Филиппъ!» Что, если бы я вздумалъ отослать письма старику Фордису, безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, ха, ха! Безумный этотъ міръ, безумный»... Что-жъ, не умирать же человѣку потому, что женщина измѣнила ему, и я думаю, что другіе, какъ мужчины, такъ и женщины, не поставятъ Филиппу Массей въ грѣхъ, что Анджела Ферфексъ сначала дурачила, а потомъ обманула его...

«Я вернулся домой, въ увѣренности, что карьера моя сдѣлана, во всѣхъ отношеніяхъ, а вмѣсто того оказывается, что я потерпѣлъ пораженіе въ томъ единственномъ вопросѣ, гдѣ я дорожилъ успѣхомъ».

Слово «успѣхъ» вызвало другія воспоминанія, онъ вспомнилъ игру свою съ Теклой Берггаузъ и ихъ опредѣленіе успѣха.

«Я сказалъ, что Грей извѣдалъ успѣхъ, а она, казалось, не была въ этомъ увѣрена; но въ сущности я былъ правъ, такъ какъ жена его честная женщина. Вѣроятно, Грэсъ на *это* намекала тогда, когда говорила со мной. Какой я былъ глупецъ!»

Ночь проходила, луна скрылась, заря загорѣлась на востокѣ, принося съ собою новый, радостный день, полный надеждъ и ликованія, всему міру; но когда солнце взошло во всей красѣ своей, оно застало Филиппа Массей съ разбитымъ сердцемъ.

Глава XVIII.—Поѣздка за голубыми розами.

Филиппъ провелъ два дня и двѣ ночи у мистера Грея, вращался въ аристократическомъ обществѣ, имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ лэди Елизабетъ, которая была очень любезна съ нимъ и приглашала его опять какъ-нибудь навѣстить ихъ. Изъ Калліардса онъ писалъ матери, что скоро будетъ въ Фоульгавенъ, и, простившись съ мистеромъ Греемъ, возвратился въ Иркфордъ и въ контору, гдѣ выразилъ желаніе видѣть мистера Старки наединѣ. Во время своихъ скитаній по аллеямъ Калліардса, онъ рѣшилъ, что предприметъ, если это окажется въ предѣлахъ возможнаго.

Желаніе его немедленно было исполнено, и мистеръ Старки началъ:

— Ну, Массей, очень радъ васъ видѣть. Вамъ, вѣроятно, нужно дѣлишки ваши привести въ извѣстность, э? Вы получали свое обыкновенное жалованье, пока были за границей, но вы,

конечно, знали, что по возвращеніи вашемъ произойдетъ перемѣна. Чекъ этотъ васъ удовлетворитъ, а что до будущаго...

Филиппъ взялъ чекъ и взглянулъ на него:

— Вы очень добры, сэръ. Это очень щедро, и я вамъ глубоко обязанъ, но—онъ положилъ чекъ въ карманъ не съ радостной улыбкой, которую мистеръ Старки привыкъ видѣть въ подобныхъ случаяхъ:—я желалъ сказать вамъ еще нѣчто, если позволите.

— Говорите. Вы недовольны чекомъ?

— Это гораздо болѣе, чѣмъ я заслужилъ. Если я дѣйствительно былъ вамъ сколько-нибудь полезенъ—если...

— Вы принесли дѣйствительную, существенную пользу, и вы не должны думать, что мы воображаемъ, будто посредствомъ чека можно заплатить подобный долгъ.

— Вы не сочтете меня дерзкимъ, если я осмѣлюсь сказать, что въ вашей власти болѣе чѣмъ вознаградить меня другимъ способомъ, чѣмъ давая мнѣ чеки или деньги?

— Конечно, нѣтъ! Все, что хотите, лишь бы это было въ предѣлахъ благоразумія. Чего вы желаете?

— Желалъ бы... если у васъ имѣется въ виду другая экспедиція въ родѣ той, изъ которой я только что воротился, чтобы вы снова послали меня—куда угодно—мнѣ все равно, лишь бы подальше.

— Вы опять хотите ѣхать? А я думалъ...

— Знаю, что вы думали, сэръ; прежде я былъ бы того же мнѣнія, но не теперь. Мнѣ хочется уѣхать. Мнѣ безразлично, какая это работа и гдѣ; прикажите вы мнѣ завтра отправиться на поиски за зелеными брильянтами, или голубыми розами, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, я буду въ восхищеніи. Не завтра, быть можетъ, но послѣ-завтра.

— Что-жъ, такое дѣло есть... не поиски за голубыми розами, но...

— Я не то хотѣлъ сказать, сэръ; я нѣсколько времени искалъ голубыхъ розъ и не нашелъ ихъ. Но я очень радъ слышать, что у васъ есть для меня дѣло, — сказалъ Филиппъ, въ мрачныхъ и угрюмыхъ глазахъ котораго мелькнуло выраженіе удовольствія:—гдѣ же это? что такое?

— На этотъ разъ не въ Китаѣ, а въ Австраліи, — сказалъ его принципалъ: — нужно искать каменный уголь въ скалахъ. Это въ...

— А,—проговорилъ Филиппъ, и еще большее удовольствіе

отразилось на лицѣ его. — Это звучитъ хорошо, командировка эта вѣроятно будетъ продолжительнѣе первой?

— Три года,—серьёзно отвѣчалъ мистеръ Старки.

— Три года!—повторилъ Филиппъ. Три года, проведенныхъ въ одиночествѣ, съ однимъ товарищемъ европейцемъ и нѣсколькими мѣстными рабочими; таковы, насколько онъ могъ заключить по замѣчаніямъ мистера Старки, будутъ условія. Три года вдали отъ друзей и домашнихъ, съ слабой надеждой на возможность давать о себѣ, или получать извѣстія. Три года въ безопасности — три года, въ теченіи которыхъ онъ *долженъ* оставаться вдали отъ родины. Тѣмъ лучше, сурово порѣшилъ онъ въ душѣ; что ему сидѣть дома? Кому охота прозябать здѣсь въ Англіи, если можно уйти отсюда? Щеки его, нѣсколько осунувшіяся за послѣдніе дни, зарумянились, а глаза снова засверкали, когда онъ поднялъ голову и взглянулъ на мистера Старки.

— Если только вы считаете меня достойнымъ довѣрія и предоставите мнѣ эту работу,—сказалъ онъ,—я охотнѣе возьму ее, чѣмъ взялъ бы тысячу фунтовъ. Я говорю, что чувствую; право, сэръ. Не знаю, чѣмъ бы я не пожертвовалъ, еслибъ вы, въ этомъ случаѣ, уступили моему желанію.

— Вижу, что вы не шутите,—серьёзно отвѣчалъ тотъ.—Не за чѣмъ вамъ такъ волноваться. Вы получите работу. Если есть кто-нибудь, съ кѣмъ вы желаете повидаться, поѣзжайте теперь же и повидайтесь съ ними, такъ какъ вамъ придется отправляться, приблизительно, черезъ недѣлю.

— Съѣздить? хорошо!—сказалъ Филиппъ, вставая и выпрямляясь, съ лихорадочнымъ, подавленнымъ вздохомъ.—Такъ я сегодня поѣду въ Фоульгавенъ и вернусь сюда въ концѣ недѣли, такъ?

— Да можно и въ началѣ будущей недѣли. Къ чему такъ отчаянно торопиться.

— Прекрасно, такъ въ будущій понедѣльникъ,—сказалъ Филиппъ.

— Гдѣ ваша хорошенькая сестра, которую я какъ-то ѣздилъ встрѣчать за васъ?—благосклонно освѣдомился мистеръ Старки.

— Грэсъ?—сказалъ Филиппъ, повидимому, озадаченный.—О, она совершенно здорова, благодарю васъ,—совершенно здорова.

Наконецъ ему удалось выскользнуть изъ комнаты.

О. П.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ
ВЪ
ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

VII. Альфонсъ Додэ *).

Альфонсъ Додэ—самый популярный изъ современныхъ французскихъ беллетристовъ; его романы расходятся въ громадномъ числѣ экземпляровъ, жадно читаются во всѣхъ концахъ образованнаго міра. Извѣстность, слава досталась ему легко; онъ не зналъ неудачи, такъ долго преслѣдовавшей Бальзака, Зола̀, Гонкуровъ. Каждая школа, каждая партія готова признать его своимъ; ему сочувствуютъ, имъ восхищаются въ самыхъ противуположныхъ литературныхъ лагеряхъ. Французская академія, хранительница традицій, присуждаетъ ему награду за тотъ же романъ («Fromont jeune et Risler aîné»), за который его превозноситъ реалистическая критика. Не повторяя того, что было сказано о Додэ въ нашемъ журналѣ Эмилемъ Зола [1]), не излагая содержанія романовъ, безъ сомнѣнія извѣстныхъ нашимъ читателямъ, попробуемъ опредѣлить, въ чемъ заключается главная ихъ сила и прелесть, разгадка ихъ почти безпримѣрнаго успѣха.

---

*) См. статьи о Фрейтагѣ, Шпильгагенѣ и Ауэрбахѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1879 г. №№ 4, 7 и 10, статьи о В. Гюго, Флоберѣ и Гонкурахъ—въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880 г. №№ 1, 8 и 10.

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1876 г., № 3 (въ отдѣльномъ изданіи „Парижскихъ писемъ“, стр. 103—136) и 1878 г., № 3.

I.

Французскій классицизмъ или псевдо-классицизмъ, въ продолженіе своего вѣкового господства, выработалъ для себя точно опредѣленныя формы, строго соотвѣтствовавшія его содержанію. Избѣгая, такъ называемыхъ, низкихъ сюжетовъ, вращаясь въ высшихъ общественныхъ сферахъ и въ области облагороженныхъ или по меньшей мѣрѣ крупныхъ страстей, онъ устранилъ изъ своего языка все слишкомъ обыденное, житейское, фамильярное, ограничилъ запасъ дозволенныхъ къ употребленію словъ, установилъ неизмѣнный порядокъ, въ которомъ они должны слѣдовать одно за другимъ. Романтизмъ, въ силу самаго происхожденія своего, не могъ заключиться въ столь тѣсныя рамки; формы, созданныя имъ, шире, разнообразнѣе классическихъ—но свободными отъ условности и онѣ названы быть не могутъ; и это вполнѣ понятно, если припомнить, на сколько условно было содержаніе романтизма. Преувеличенія, контрасты, рѣзкіе переходы, сверхчеловѣческія добродѣтели и сверхчеловѣческіе пороки — все это требовало яркихъ, кричащихъ красокъ, и языкъ романтизма сдѣлался на столько же ходульнымъ, на сколько ходульны были его герои. Мѣсто однихъ шаблоновъ заняли другіе, не менѣе обязательные. Совсѣмъ не то мы видимъ въ французскомъ реализмѣ, разсматриваемомъ хотя бы только съ начала XIX вѣка. Намѣренная сжатость и сухость Стендаля не имѣетъ ничего общаго съ образностью Бальзака, иногда доходящею до претенціозности; Шанфлери пренебрегаетъ формой въ такой же мѣрѣ, въ какой поклоняется ей Флоберъ; лаконизмъ Флобера рѣзко отличается отъ многословія Зола, простота Додэ—отъ изысканности Эдмона Гонкура. Объясненія этому слѣдуетъ искать прежде всего въ томъ существенно важномъ фактѣ, что реализмъ во Франціи никогда не составлялъ и не составляетъ теперь замкнутой литературной школы, не имѣлъ и не имѣетъ ни доктрины, ни первосвященниковъ. У него нѣтъ своего «Art poétique» или предисловія къ «Кромвелю»; никто не играетъ въ немъ той роли, какая принадлежала Корнелю и Расину—по отношенію къ классицизму, В. Гюго—по отношенію къ романтизму. Единственный его теоретикъ (Эмиль Зола) регулируетъ его заднимъ числомъ, искусственно склеиваетъ въ одно цѣлое его разновидности, въ самомъ лучшемъ случаѣ—констатируетъ, а не диктуетъ его законы [1]).

[1]) Вокругъ Зола группируется нѣсколько молодыхъ писателей, но они не исчерпываютъ, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, всего современнаго французскаго реализма.

Сила реализма заключается въ его ширинѣ, въ его внутренней свободѣ, въ его способности преслѣдовать самыя различныя цѣли и принимать самыя различныя формы. Изучать природу и человѣка, строить воображаемое на почвѣ существующаго—хотя бы и съ помощью матеріаловъ, не почерпнутыхъ непосредственно изъ дѣйствительности,—оставаться въ предѣлахъ возможнаго, не замыкаясь систематически въ предѣлы будничной, ежедневной жизни, не отступать, въ случаѣ надобности, ни передъ низкимъ и грязнымъ, ни передъ возвышеннымъ и исключительнымъ, не гоняться ни за хладнокровіемъ, ни за увлеченіемъ во что бы то ни стало, выбирать, въ каждомъ данномъ случаѣ, форму, наиболѣе соотвѣтствующую предмету и натурѣ автора—вотъ задача реализма, допускающая субъективность наравнѣ съ объективностью, тенденціозность наравнѣ съ безпристрастіемъ, тщательную отдѣлку каждаго слова наравнѣ съ непринужденностью импровизаціи. Способъ выраженія, напоминающій «крѣпость мрамора или бронзы» (слова Зола о Флоберѣ), точно также совмѣстимъ съ реализмомъ, какъ и способъ выраженія, сходный съ грустнымъ, нѣжнымъ мотивомъ народной пѣсни. Цѣлымъ, единымъ реализмъ является лишь тогда, когда его противополагаютъ классицизму, романтизму, салонной литературѣ—однимъ словомъ, чему-либо искусственному, условному, предвзятому, далекому отъ жизни; въ противномъ случаѣ это—собирательное имя для нѣсколькихъ, одною только общею чертою соединенныхъ между собою литературныхъ направленій. Диккенсъ и Теккерей, Фрейтагъ и Шпильгагенъ, Гоголь и Тургеневъ, Гончаровъ и гр. Л. Толстой—безъ сомнѣнія реалисты въ обширномъ значеніи слова, не смотря на своеобразность каждаго изъ нихъ. Только въ этомъ смыслѣ—а не въ смыслѣ мнимо-научнаго «экспериментализма», «протокольнаго» или «документальнаго» искусства—реализмъ имѣетъ великую будущность во Франціи, какъ и во всей Европѣ; только въ этомъ смыслѣ можетъ быть отнесенъ къ числу представителей его Альфонсъ Додэ.

Если вѣрить Зола, процессъ работы Додэ имѣетъ много общаго съ процессомъ работы Флобера. Наблюденія, впечатлѣнія запоминаются или записываются по мѣрѣ ихъ накопленія, пока одно изъ нихъ, особенно сильное, не становится средоточіемъ будущаго романа; тогда вокругъ него группируется все подходящее изъ прежде собраннаго матеріала, и такимъ образомъ создается цѣлая книга. Допустивъ сходство пріемовъ, приходится признать, что ему отнюдь не соотвѣтствуетъ сходство результатовъ. Въ романахъ Додэ нѣтъ и слѣда той мозаичности, того

подбора или нанизыванія фактовъ, которые особенно замѣтны въ послѣднихъ произведеніяхъ Флобера. Записная книжка, съ ея дѣловымъ оттѣнкомъ, съ ея недомолвками или наоборотъ — съ сухою точностью ея деталей, нигдѣ не выступаетъ на сцену у Додэ. Зданіе каждаго его романа отдѣлано вполнѣ; при постройкѣ, конечно, были употреблены лѣса, но они снесены всѣ безъ остатка. Отыскивать у Додэ черновой матеріалъ, отслужившій свою службу — трудъ столь же безнадежный, какъ возстановленіе, съ помощью мастерски написанной картины, эскизовъ и набросковъ, предшествовавшихъ ея созданію. Лучшимъ пробнымъ камнемъ художественнаго реализма служатъ описанія — и романы Додэ блистательно выдерживаютъ эту пробу. Одинаково свободные отъ безцвѣтной банальности, въ которую иногда впадалъ Флоберъ, и отъ безконечныхъ перечисленій, которыми слишкомъ часто грѣшитъ Зола, они почти всегда необходимы для характеристики дѣйствующаго лица или даннаго момента. Безцѣльными, случайными описанія Додэ никогда не бываютъ; объясняя или отражая въ себѣ опредѣленное душевное настроеніе, они сливаются съ ходомъ разсказа, не нарушая полноты и цѣльности впечатлѣнія. Въ немногихъ словахъ Додэ умѣетъ сказать и показать многое; изъ безчисленныхъ деталей картины онъ беретъ только тѣ, отъ которыхъ всего больше зависитъ дѣйствіе ея на зрителя. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, манера Додэ гораздо ближе къ жизни и правдѣ, чѣмъ манера ультра-реалистовъ, стремящихся перенести на бумагу все замѣченное ими въ дѣйствительности. Представленія, оставляемыя въ насъ пейзажемъ, фигурой, обстановкой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ — не фотографическіе снимки съ видѣннаго, повторяющіе его со всею точностью и полнотою, а воспроизведеніе наиболѣе выдающихся или наиболѣе поразительныхъ очертаній, красокъ, видоизмѣненій предмета. Въ двухъ зрителяхъ, въ двѣ разныя минуты впечатлѣніе, производимое предметомъ, именно потому рѣдко бываетъ одинаково. Задача романиста — поставить себя на мѣсто того, глазами котораго онъ въ данную минуту смотритъ, и выхватить изъ картины именно то, что запечатлѣлось бы изъ нея въ душѣ этого лица. Такимъ лицемъ можетъ быть герой романа — но можетъ быть и читатель, въ которомъ возбуждено или предполагается возбудить извѣстное настроеніе. Нѣсколько штриховъ, выбранныхъ художественнымъ чутьемъ и проведенныхъ искусною рукою, достигаютъ этой цѣли вѣрнѣе и легче, чѣмъ всѣ усилія писателя перенести живопись въ литературу. Пояснимъ нашу

мысль примѣрами, заимствованными изъ романовъ Додэ, Зола и Флобера.

Въ статьѣ о Флоберѣ мы привели описаніе окраинъ Парижа, какими онѣ представляются Фредерику при въѣздѣ въ городъ (въ «Education Sentimentale») — описаніе, лишенное внутренней жизни и силы, соединенное съ разсказомъ чисто внѣшнею связью. Додэ касается той же темы въ «Жакѣ», но видитъ мрачныя, пустыя, на половину незастроенныя улицы глазами мальчика, пробирающагося по нимъ поздно вечеромъ, напуганнаго, дрожащаго при каждомъ звукѣ и еще больше устрашаемаго молчаніемъ. «Улица была окаймлена домами съ обѣихъ сторонъ; но по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подвигался впередъ, зданія все больше и больше отступали одно отъ другого, промежутки между ними наполнялись длинными деревянными заборами, лѣсными складами, навѣсами, точно состоящими изъ одной только крыши. Становясь болѣе рѣдкими, дома уменьшались въ вышину. Попадались еще фабрики съ низкими крышами, съ вытянутыми къ темному небу трубами; потомъ одинокая между двумя лачужками возвышалась громадная шести-этажная постройка, вся пробитая окнами съ одной стороны, мрачная и замкнутая съ трехъ другихъ, потерянная посреди пустоты, зловѣщая и глупая. Дальше, какъ бы истощенный этимъ послѣднимъ усиліемъ, издыхающій городъ не представлялъ ничего кромѣ жалкихъ хижинъ, почти сливавшихся съ землею. Улица также словно умирала, потерявъ свои тумбы и тротуары... Рѣдкіе прохожіе подвигались безъ шуму по сырой, усѣянной лужами землѣ; вдоль заборовъ скользили нѣмыя тѣни, спѣша на какое-то таинственное дѣло. Отъ протяжнаго лая собакъ пустота казалась еще болѣе безконечной, тишина— еще болѣе страшной». Впечатлѣніе получается здѣсь совершенно другое, чѣмъ отъ «кабаковъ цвѣта бычачьей крови, бѣлыхъ жестяныхъ сигаръ, на три четверти разорванныхъ афишъ,» одинаково неинтересныхъ какъ для Фредерика, такъ и для читателей Флобера. Сравнимъ, съ другой стороны, описаніе пряничной ярмарки у Додэ (въ «Rois en exil») и описанія рыбной или колбасной лавки у Зола (въ «Ventre de Paris»). Послѣднія могутъ заинтересовать только лакомку, для котораго сладки самыя названія вкусныхъ предметовъ, или торговца, не ожидавшаго встрѣтить въ романѣ списокъ знакомыхъ ему товаровъ. Обыкновенный читатель останавливается въ недоумѣніи передъ страницами, загромождающими память массою именъ, но не дающими воображенію никакой опредѣленной картины. Нѣсколько удачныхъ сравненій исчезаютъ среди длиннаго ряда техническихъ терми-

новъ и съ очевиднымъ усиліемъ подобранныхъ эпитетовъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Додэ. Вмѣсто перечня всѣхъ сортовъ пряниковъ, который не преминулъ бы развернуть передъ нами Зола, этому «царю празднества» отведено лишь нѣсколько строкъ, рельефно обрисовывающихъ его роль среди веселящагося народа. «Вездѣ, на каждомъ шагу пряникъ во всѣхъ своихъ видахъ и формахъ, пряникъ одѣтый въ атласную, расписанную картинками бумагу, увязанный ленточками, украшенный сахаромъ и жженымъ миндалемъ, пряникъ въ лавкахъ, убранныхъ краснымъ сукномъ и золочеными кистями, пряникъ въ корзинахъ разносчика и на подвижныхъ столахъ, пряникъ, наполняющій окрестность сладкимъ запахомъ меду и вареныхъ фруктовъ, пряникъ въ плоскихъ, смѣшныхъ фигуркахъ, изображающихъ парижскія знаменитости данной минуты». Около этого главнаго героя ярмарки группируются другіе ея корифеи—пирожныя подъ открытымъ небомъ, стрѣльбища, шарманки, балаганы, фокусники, звѣринцы, великаны, продавцы игрушекъ; вокругъ нихъ — суета и толкотня, надъ ними — шумъ и гамъ, заглушающій крики паяца, звонъ колокола, выстрѣлы изъ аркебузовъ и заглушаемый на секунду только свисткомъ локомотива съ сосѣдней желѣзной дороги. Ничего не исчерпывая до дна, ни на чемъ не задерживая насъ до утомленія, Додэ переноситъ насъ въ атмосферу ликующей толпы, толпы парижской, т.-е. добродушной, мягкой, умѣющей жить праздничною жизнью и забывать, въ ея короткія минуты, вчерашнюю усталость, заботу о завтрашнемъ днѣ и политическія антипатіи. Мы видимъ, какъ отражается народная веселость на маленькомъ принцѣ, болѣзненномъ, слабомъ ребенкѣ, воспитанномъ въ тепличномъ воздухѣ этикета и парадной обстановки; мы видимъ, какъ отражается народное добродушіе на королевѣ, до тѣхъ поръ видавшей толпу только изъ оконъ королевскаго замка или королевской кареты. «Въ первый разъ она почувствовала біеніе народнаго сердца, въ первый разъ прикоснулась головою къ плечу льва. Впечатлѣніе осталось въ ней могучее и сладкое, какъ будто кто-то обхватилъ ее нѣжною, покровительственною рукою». Уголокъ парижской жизни, прелестный самъ по себѣ, промелькнулъ передъ нами, такимъ образомъ, не даромъ. Картина «пряничной ярмарки»—въ то же самое время существенно важный эпизодъ романа; любуясь ею, мы не выходимъ изъ круга людей и событій, въ который ввела насъ фантазія автора. Подобныхъ страницъ много въ каждомъ романѣ Додэ; назовемъ, для примѣра, зимнюю картину центральныхъ кварталовъ Па-

рижа, столь удачно связанную съ горемъ Клары Фромонъ; берегъ Сены въ Аньерѣ — эту достойную декорацію для такой актрисы, какъ Сидонія Рислеръ; лѣсной пейзажъ, среди котораго на минуту улыбнулось счастье Дезирэ Делобелль; дортуаръ въ гимназіи Моронваля, гдѣ чахнутъ и вянутъ маленькіе «pays chauds», эти бѣдныя экзотическія растенія, оставленныя безъ ухода подъ непривѣтнымъ, холоднымъ небомъ; зоологическій садъ, между звѣрями котораго Маду въ послѣдній разъ чувствуетъ себя сильнымъ и свободнымъ; желѣзный заводъ, въ тискахъ котораго заканчивается дѣтство Жака; теплый осенній день, рѣшающій судьбу Жака и Сесили; Виѳлеемскій пріютъ—изящную дѣтскую могилу, устроенную свирѣпымъ эгоизмомъ Дженкинса, поддерживаемую наивною довѣрчивостью Жансулэ, восхваляемую продажнымъ перомъ Моессара; отдаленныя аллеи и лужайки Булонскаго лѣса — пріютъ парижанъ, живущихъ какъ бы внѣ Парижа; кабинетъ адвоката Ле-Меркье — эту западню, приготовленную Гемерленгами для набаба; кафе-шантанъ средней руки, въ которомъ неудачно дебютируетъ Вальмажуръ и окончательно разбивается жизнь Гортансы. Сжатость, естественность, рельефность—отличительныя черты всѣхъ описаній Додэ; инвентаремъ, номенклатурой отзывается развѣ одно изъ нихъ—описаніе фруктовой лавки Мефровъ, въ «Numa Roumestan». Ненужное для романа (Одиберта могла бы узнать и иначе объ извѣстной всему Парижу связи Руместана съ Алисой), оно напоминаетъ многословныя описанія Зола, щеголяя, подобно имъ, лишь тщательною отдѣлкою деталей.

Если описанія Додэ свободны отъ недостатковъ, обусловливаемыхъ ультра-реалистическою точностью, то можно-ли допустить, что въ изображеніи человѣка Додэ не идетъ дальше данныхъ, почерпнутыхъ изъ непосредственнаго личнаго наблюденія, что для работы ему необходима, по выраженію Зола, «живая модель», безъ которой у него опускаются руки и молчитъ воображеніе? «Додэ,—говоритъ Зола,—тотчасъ же сбивается съ толку, если измѣнить хоть что-нибудь въ томъ, что онъ видѣлъ. Онъ того мнѣнія, что истинное происшествіе всегда эффектнѣе происшествія вымышленнаго. Уваженіе его къ правдѣ доходитъ до того, что ему дорого самое имя наблюденнаго имъ лица, и если онъ не можетъ удержать этого имени для своего романа, то старается придумать такое, которое бы напоминало настоящее. Онъ стремится втиснуть въ свою книгу всѣхъ тѣхъ, кого ему удалось изучить». Что въ словахъ Зола много невѣрнаго и преувеличеннаго — это чувствуется на каждомъ шагу при чтеніи

Додэ; но лучшимъ матеріаломъ для опроверженія ихъ можетъ служить небольшой очеркъ, вошедшій въ составъ сборника мелкихъ статей Додэ [1]) и озаглавленный: «La mort du duc de M***. Etude historique». Вмѣстѣ съ другой, тамъ же напечатанной статейкой: «Un nabab. Etude historique», онъ составляетъ то маленькое зерно, изъ котораго созрѣло самое крупное произведеніе Додэ: «Le nabab». Это простой разсказъ о болѣзни и смерти Морни, основанный на собственныхъ впечатлѣніяхъ автора. Кое-что изъ него перешло буквально въ ту главу романа, гдѣ изображены послѣднія минуты Мора; но романъ заключаетъ въ себѣ многое, чего нѣтъ и не могло быть въ очеркѣ, какъ въ «историческомъ этюдѣ»,—и вотъ почему сравненіе очерка и романа представляется чрезвычайно интереснымъ, прямо раскрывая передъ нами процессъ творчества Додэ. Мы видимъ, какъ реальный фактъ обставляется вымышленными (конечно, вполнѣ вѣроятными) подробностями, становясь отъ этого не менѣе, а болѣе эффектнымъ, т.-е. болѣе рельефнымъ, болѣе яркимъ; мы видимъ узоры, вышиваемые поэзіею на канвѣ дѣйствительности— тонкіе, художественные узоры, ярко разцвѣчивающіе все то, къ чему они прикасаются; мы видимъ прямыя уклоненія отъ истины, не измѣняющія ничего существеннаго, но усиливающія впечатлѣніе, дающія больше простора фантазіи автора. Такъ, напримѣръ, интимная переписка герцога была уничтожена передъ его смертью, но уничтожена посредствомъ сожженія, а не потопленія, составляющаго такую оригинальную страницу романа (мы еще возвратимся къ ней, по другому поводу). Въ исторію болѣзни герцога вставленъ небывалый эпизодъ послѣдняго посѣщенія имъ сенъ-джемскаго замка въ булонскомъ лѣсу. На доктора-шарлатана, въ романѣ играющаго столь важную роль у постели больного, въ очеркѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека. А между тѣмъ, болѣзнь и смерть Мора безспорно принадлежатъ къ числу лучшихъ мѣстъ «Набаба»; варіаціи, допущенныя Додэ въ данной жизненной темѣ, очевидно не «сбили его съ толку». Съ какимъ искусствомъ извлечены имъ полные, звучные аккорды изъ отрывочныхъ нотъ, мимоходомъ затронутыхъ въ очеркѣ! Въ очеркѣ, какъ и въ романѣ, мысль о смерти въ первый разъ поражаетъ герцога при видѣ нѣсколькихъ капель крови, скатившихся изъ его горла на бороду и подушку. Брезгливое отвращеніе къ болѣзни, свойственное этому изнѣженному, элегантному человѣку, изображено и

---

[1]) Этотъ сборникъ озаглавленъ: „Robert Helmont" и содержитъ въ себѣ нѣкоторые изъ лучшихъ разсказовъ и прозаическихъ поэмъ Додэ.

тамъ, и тутъ почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ; но въ романѣ оно является только первымъ звѣномъ психическаго процесса, совершающагося въ умѣ больного. «Герцогъ скрывалъ свои страданія, низводившія его, въ его глазахъ, на уровень другихъ людей. Какъ африканскимъ царямъ, умирающимъ спрятанными въ глубинѣ своихъ дворцовъ, ему хотѣлось бы скрыться, исчезнуть, преобразившись для толпы въ какого-то полубога. Онъ боялся больше всего сожалѣній, выраженій сочувствія и горя, которыми—онъ это предвидѣлъ—будетъ окружена его постель; онъ боялся слезъ, потому что привыкъ считать ихъ притворными, потому что въ самой искренности ихъ видѣлъ только уродливую гримасу». Въ очеркѣ слегка намѣчена рѣзкость перехода отъ власти, почестей, богатства къ великой уравнительницѣ—смерти; въ романѣ она представляетъ поразительную картину. «Что несчастный, умирающій въ больницѣ, безъ убѣжища, безъ семьи, безъ имени, замѣненнаго номеромъ кровати, встрѣчаетъ смерть какъ свободу или переноситъ ее, какъ послѣднее испытаніе; что старый крестьянинъ, разбитый, въ три погибели согнутый, навсегда засыпающій въ своемъ дымномъ и мрачномъ, какъ нора крота, жилищѣ, заранѣе предвкушаетъ вкусъ земли, столько разъ имъ вспаханной и перепаханной—это понятно. И между ними, однако, сколько такихъ, которыхъ приковываетъ къ жизни именно ея неприглядность, которые отталкиваютъ смерть, цѣпляясь за свои лохмотья, ломая себѣ ногти въ этой послѣдней, отчаянной борьбѣ! Здѣсь—ничего подобнаго. Все имѣть и все потерять; какое крушеніе! Нужно было мужество совершенно исключительнаго закала, чтобы спокойно перенести такой ударъ, даже безъ поддержки со стороны самолюбія. Никого не было при больномъ, кромѣ друга, доктора, слуги, повѣренныхъ всѣхъ его тайнъ; вдали горѣвшія свѣчи оставляли постель въ тѣни,—больной могъ обернуться къ стѣнѣ и оплакать самого себя, никѣмъ не замѣченный. Нѣтъ! Ни минуты слабости, ни одного безполезнаго вздоха. Не сломавъ ни одной вѣтви въ каштановыхъ деревьяхъ дворцоваго сада, не заставивъ поблекнуть ни одного цвѣтка на главной лѣстницѣ дворца, подвигаясь неслышными шагами по мягкимъ коврамъ, смерть пріотворила дверь вельможи и подала ему знакъ: *иди*! Онъ отвѣтилъ ей просто: *я готовъ*. Онъ вышелъ изъ жизни, какъ истый свѣтскій человѣкъ—неожиданно, быстро и безъ шуму». Мы боимся утомить читателей цитатами, но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести еще одну фразу въ подлинникѣ, чтобы сохранить всю ея своеобразность: «Les yeux fixés sur le temps

limité et si court qui lui restait encore, *car la noire visiteuse était pressée, et il sentait sur sa figure le souffle de la porte qu'elle n'avait pas renfermée*, il ne songea plus qu' à le bien remplir et à satisfaire toutes les obligations d'une fin comme la sienne, qui ne doit laisser aucun dévouement sans récompense ni compromettre aucun ami». Неподчеркнутыя нами слова перенесены въ романъ изъ «историческаго этюда», подчеркнутыя — прибавлены романистомъ. Двухъ строкъ, вставленныхъ въ первоначальную фразу, оказалось достаточно, чтобы измѣнить ея характеръ и сообщить ей поэтическій колоритъ, вполнѣ гармонирующій съ общимъ тономъ романа.

Догадка о «живой модели», необходимой будто бы для Додэ, находитъ, повидимому, нѣкоторое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что Додэ часто выводитъ на сцену дѣйствительно существовавшія или существующія лица, иногда подъ едва измѣненнымъ или крайне прозрачнымъ именемъ (герцогъ Морни — герцогъ Мора, король неаполитанскій—король палермскій, и т. п.). Замѣтимъ, однако, что далеко не все равно — изобразить лицо какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ или воспроизвести только отдѣльныя черты его характера, его жизни, его положенія. Заимствованія послѣдняго рода почти неизбѣжны; для того, чтобы допускать ихъ, не нужно быть ультра-реалистомъ, не нужно быть даже просто реалистомъ. Всякій писатель, какъ бы онъ ни старался отрѣшиться отъ окружающей его жизни, черпаетъ изъ нея значительную долю своего матеріала; впечатлѣнія, испытанныя имъ, невольно отражаются на его произведеніяхъ. Весьма невѣроятно, чтобы В. Гюго списалъ своего Гавроша съ какого-нибудь одного парижскаго гамена, своего Анжольра или Комбеферра — съ какого-нибудь одного молодого республиканца тридцатыхъ годовъ; но это не мѣшаетъ Гаврошу, Анжольра, Комбеферру соединять въ себѣ многія черты, несомнѣнно взятыя Гюго изъ личныхъ его наблюденій. Вопросъ, слѣдовательно, заключается не въ томъ, рисуетъ ли Додэ съ натуры, а въ томъ, какъ онъ пользуется ея указаніями—составляетъ ли онъ, по выраженію Зола, *публичные протоколы*, не пропуская ни одной подробности, изображая реальнаго человѣка «съ его именемъ, жестами, платьемъ, исторіей, съ его бородавками», или же сохраняетъ свободу художника, не считающаго для себя обязательными пріемы портретиста. На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ. Возьмемъ, напримѣръ, «les Rois en exil». Мы найдемъ здѣсь, правда, цѣлую галлерею портретовъ, настолько сходныхъ, что никто не задумается под-

писать подъ каждымъ изъ нихъ подходящее имя. Слѣпой король Вестфаліи—безъ сомнѣнія, король Ганноверскій; тучная королева Галиціи—Изабелла испанская; похожій на контрабандиста, герцогъ Пальма—вѣчный претендентъ на испанскій престолъ; мужественная королева палермская—королева неаполитанская. Но всѣ эти развѣнчанныя величества—не дѣйствующія лица романа; они составляютъ только фонъ картины, активной роли не дано никому изъ нихъ. Понятно, что Додэ незачѣмъ было обращать ихъ въ самостоятельныя созданія искусства; для его цѣли достаточно было намѣтить внѣшнія ихъ черты, чѣмъ болѣе общеизвѣстныя—тѣмъ лучше. Художественными образами въ романѣ являются—если не выходить изъ сферы «изгнанныхъ королей»—только король Христіанъ иллирійскій и его жена, королева Фредерика; но именно они-то и созданы Додэ безъ помощи «живой модели». Такой царственной четы, которой соотвѣтствовали бы Христіанъ и Фредерика, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Безъ сомнѣнія, многое и здѣсь подсказала Додэ дѣйствительность: Фредерика, напримѣръ, отчасти похожа на бывшую неаполитанскую королеву; осада Рагузы напоминаетъ осаду Гаэты, похожденія Христіана—похожденія принца Оранскаго, недавно умершаго въ Парижѣ (въ романѣ онъ выведенъ на сцену подъ именемъ принца Акселя); но безъ такихъ точекъ соприкосновенія съ реальными фактами не обходится, повторяемъ, ни одинъ современный романъ. Появленію «Numa Roumestan» предшествовалъ слухъ, что главное дѣйствующее лицо романа будетъ снимкомъ съ Гамбетты; но стоитъ только прочесть нѣсколько страницъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого слуха. Гамбетта и Руместанъ — оба уроженцы юга, наложившаго на нихъ свой отпечатокъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—если не считать толстоты—герой Додэ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ первымъ государственнымъ человѣкомъ современной Франціи. Первообразомъ для Жансулэ (въ «Набабѣ») безспорно послужилъ Бравэ; но въ предисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій романа, Додэ положительно удостовѣряетъ, что къ даннымъ, взятымъ изъ жизни, прибавлено много вымысла, много прикрасъ, что самый типъ Набаба значительно идеализованъ. Что касается до Мора, то онъ представляетъ собою, если можно такъ выразиться, только половину дѣйствительнаго Морни—Морни свѣтскаго человѣка, но не политическаго дѣятеля.

Возводя отсутствіе интриги, преобладаніе вводныхъ сценъ надъ главнымъ дѣйствіемъ романа въ законъ экспериментальнаго искусства, Зола старается отыскать эти черты у Додэ, что-

бы завербовать его въ ряды новой школы. Само собою разумѣется, что онъ ихъ и находитъ—но только потому, что рѣшился найти ихъ во что бы то ни стало. Интрига, въ смыслѣ совокупности событій, средоточіемъ которыхъ служатъ главныя дѣйствующія лица, есть и у Стендаля, и у Флобера, и у самого Зола; но у Додэ она выступаетъ на видъ гораздо ярче, играетъ гораздо болѣе крупную роль, напоминая въ этомъ отношеніи многіе романы Бальзака и Ж. Занда. О нагроможденіи чрезвычайныхъ приключеній, невѣроятныхъ комбинацій у Додэ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; онъ не имѣетъ ничего общаго съ «сочинителями» въ родѣ Дюма, Габоріо или Монтепена; но онъ дорожитъ интересомъ разсказа и не отступаетъ даже передъ эффектами, въ родѣ контраста между смертью Жансулэ и шумомъ театральнаго разъѣзда, въ родѣ погребальной процессіи Мора, преслѣдующей Фелицію по улицамъ Парижа, въ родѣ смерти Элизэ Меро въ самый моментъ появленія у его постели Зара и Фредерики. Вводныя сцены у Додэ рѣдко идутъ въ ущербъ главному дѣйствію; въ большинствѣ случаевъ онѣ вытекаютъ изъ него или подвигаютъ его впередъ, бросаютъ яркій свѣтъ на то или другое лицо, на тотъ или другой моментъ романа. Описаніе художественной выставки въ «Набабѣ» связано съ поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ Фелиціи и Мора, Алины и Поля-де-Жери; засѣданіе французской академіи въ «Rois en exil» прибавляетъ нѣсколько цѣнныхъ штриховъ къ фигурамъ Фредерики, Элизэ, Колетты; празднество въ апскомъ циркѣ сразу переноситъ насъ въ ту сферу, среди которой родился и выросъ Нума Руместанъ; ночь на станціи въ «Fromont jeune et Risler aîné» — живая картина изъ парижской дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ животрепещущая страница романа. Единство дѣйствія— не въ смыслѣ одного изъ трехъ знаменитыхъ правилъ классицизма, а въ смыслѣ той внутренней связи, которою романъ, какъ цѣлое, отличается отъ ряда картинъ, сценъ или характеристикъ—составляетъ черту, общую почти всѣмъ крупнымъ произведеніямъ Додэ. Не въ ней, конечно, заключается главная ихъ сила; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что безъ нея впечатлѣніе, производимое ими, было бы менѣе цѣльно и глубоко.

Одна изъ статей французскаго нео-реалистическаго или натуралистическаго кодекса предписываетъ, какъ извѣстно, полный объективизмъ; сквозь строки произведенія отнюдь не долженъ проглядывать авторъ. Отсутствіе этой черты у Додэ до такой степени очевидно, что ее не пытался приписать ему даже Зола.

Оставаясь послѣдовательнымъ, строгій критикъ долженъ былъ бы произнести надъ лиризмомъ Додэ рѣзкое слово осужденія; но обаяніе поэта обезоружило даже систематическаго отрицателя поэзіи. Зола журитъ Додэ только слегка, замѣчая, что въ его словѣ нѣтъ «большой мощи, бронзовой прочности», что желательно было бы встрѣчать у него «поменьше восклицаній, поменьше личнаго волненія». Дальше такихъ полу-упрековъ Зола не идетъ; признавая Додэ поэтомъ, «вторгающимся въ область фантазіи, видящимъ природу и людей сквозь галлюцинаціи живого воображенія», онъ не ставитъ ему этого въ вину, объясняетъ этимъ его своеобразную прелесть, и лишь слегка намекаетъ на то, что Додэ—только авангардъ натурализма, расчищающій дорогу передъ главными его силами. Зола совершенно правъ, сравнивая Додэ съ Диккенсомъ. Сходство между ними коренится не столько въ содержаніи романовъ, не столько въ намѣреніи авторовъ, сколько въ ихъ манерѣ, въ лирическомъ, страстномъ отношеніи къ лицамъ и предметамъ, въ отступленіяхъ, полныхъ негодованія или сочувствія, въ искусствѣ одушевлять неодушевленное, проникать въ тайны нѣмой, безсознательной жизни. Несчастныя грудныя дѣти въ виѳлеемскомъ пріютѣ не хотятъ питаться козьимъ молокомъ, придуманнымъ для нихъ Дженкинсомъ и другими «благодѣтелями» той же категоріи. «Это было какое-то странное упорство, точно лозунгъ, передаваемый отъ одного къ другому—передаваемый взглядомъ, потому что бѣдняжки еще не говорили, да бо̀льшей части изъ нихъ и не суждено было говорить. *Не будемъ сосать у козъ*, сговаривались они—и дѣйствительно не сосали, предпочитая умереть». У Жансулэ есть старшій братъ, впавшій въ дѣтство, едва сохранившій образъ человѣка; но для Додэ эта душа, потерявшая жизнь, такъ же реальна, какъ и душа ребенка, еще не начинавшаго жить. Онъ спалъ... и во время сна въ немъ очевидно оживало нѣчто, исчезавшее при пробужденіи. Днемъ постоянно погруженный въ вялую неподвижность, онъ теперь вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, и на его мертвомъ, ничего не выражающемъ лицѣ появлялась страдальческая черта, складка тяжелаго, горькаго чувства. Жансулэ приложился губами къ его влажному лбу и, почувствовавъ трепетное движеніе, сказалъ серьезно, почтительно, какъ говорятъ съ главою семейства: *здравствуй, старшій братъ*. Быть можетъ, плѣнная душа услышала его изъ глубины своей мрачной и жалкой темницы. Губы зашевелились, раздался протяжный стонъ, точно принесшійся издалека—отчаянный призывъ, наполнившій безсильными слезами глаза Франсуазы и ея сына».

Семья Жуайеювъ собирается на свою обычную воскресную прогулку,—этого довольно, чтобы передъ глазами Додэ сложилась цѣлая картина парижскаго воскресенья. «Чтобы узнать, что такое воскресенье, нужно его видѣть въ трудовыхъ кварталахъ, въ мрачныхъ улицахъ, которыя оно освѣщаетъ, расширяетъ, запирая лавки, удаляя тяжелыя ломовыя телѣги, очищая мѣсто для дѣтскихъ игръ, смѣшивая съ полетомъ ласточекъ полетъ волановъ. Нужно его видѣть въ лихорадочныхъ, кишащихъ народомъ предмѣстьяхъ, надъ которыми съ самаго утра чувствуется его дыханье, успокоительное и сладкое,—чувствуется въ безмолвіи фабрикъ, въ звонѣ колоколовъ, въ призывномъ свисткѣ локомотивовъ, этой пѣснѣ отдыха и свободы. Парижское воскресенье, воскресенье тружениковъ и бѣдняковъ! я часто проклиналъ тебя безъ причины, проливалъ потоки негодующихъ чернилъ на твои шумныя и назойливыя радости, на пыль станцій, наполняемыхъ твоимъ шумомъ, на тѣсноту штурмуемыхъ тобою омнибусовъ, на твои шарманки, завывающія передъ балконами опустѣвшихъ домовъ. Теперь, каясь въ моихъ заблужденіяхъ, я восхваляю и благословляю тебя за поддержку, которую въ тебѣ находитъ честный, мужественный трудъ, за смѣхъ привѣтствующихъ тебя дѣтей, за гордость матерей, наряжающихъ въ честь твою своихъ малютокъ, за достоинство, вносимое тобою въ самыя бѣдныя жилища». Директоръ завода, на которомъ работаетъ Жакъ, посылаетъ его матери письмо о воровствѣ, въ которомъ обвиняютъ ребенка; Додэ вспоминаетъ о народномъ повѣрьѣ, въ силу котораго письмо, несущее дурную вѣсть, не можетъ затеряться въ дорогѣ—и воображеніе его тотчасъ же устремляется вслѣдъ за письмомъ, сопутствуетъ ему во всѣхъ его переходахъ, перечисляетъ всѣ опасности, ему угрожавшія, всѣ шансы, неблагопріятные для его цѣлости, и останавливается только тогда, когда почтальонъ, съ письмомъ въ рукахъ, звонитъ у дверей д'Аржантона.—Маду (негритенокъ, *воспитывавшійся* въ гимназіи Моронваля) умираетъ, заброшенный, оставленный всѣми. «Въ безмолвномъ, мрачномъ чуланѣ пламя очага вспыхиваетъ, блеститъ, освѣщаетъ поочередно всѣ углы, точно ищетъ кого-то и не находитъ. Оно отражается молніей въ стеклахъ нагроможденныхъ рамъ, заглядываетъ въ глубину цвѣточныхъ горшковъ, ползетъ вверхъ по рѣшеткамъ, приставленнымъ къ стѣнѣ, волнуется, передвигается съ мѣста на мѣсто—и все таки ничего, ничего не находитъ. Оно пробѣгаетъ вдоль желѣзной кровати, по короткой красной курткѣ, вытянутые рукава которой говорятъ о мирномъ, глубокомъ покоѣ. И здѣсь, повидимому, ничего нѣтъ, такъ какъ пламя

продолжаетъ бродить по потолку, по двери, блуждать, вздрагивать, пока наконецъ, усталое, истощенное, оно понимаетъ, что никто больше не нуждается здѣсь въ его теплотѣ, и потухаетъ среди пепла вслѣдъ за маленькимъ, зябкимъ царькомъ, такъ много его любившимъ». Небольшія картинки этого рода разбросаны по всѣмъ романамъ Додэ. Въ салонѣ Клары Фромонъ «стулья, разставленные въ кружокъ, какъ будто шептались между собою, огонекъ пѣлъ прелестную пѣсню, и самый чепчикъ Клары сохранялъ въ своихъ голубыхъ лентахъ нѣжныя улыбки и взгляды ея дѣтства». Когда на устахъ Франсуа признаніе любви къ Дезирѣ, «большое кресло заключаетъ изъ самой близости къ нему низенькаго стула, что ему сейчасъ придется выслушать важную тайну—и даже угадываетъ, можетъ быть, въ чемъ дѣло». Вечеръ застаетъ на улицахъ Парижа несчастную женщину, брошенную Дженкинсомъ и идущую на самоубійство. «Крыши, подъ покровомъ ночи, сближаются одна къ другой, какъ солдаты передъ атакой. Колокольни строго перекликаются между собою; ласточки кружатся около скрытаго гнѣзда; вѣтеръ врывается въ остатки лѣсного склада. Онъ дуетъ сегодня съ жалобами волны, съ содроганіями тумана; дуетъ съ рѣки, точно напоминая бѣдняжкѣ, что туда ведетъ ея дорога». Во время бала, маскирующаго предстоящій отъѣздъ иллирійскихъ роялистовъ, Элизэ Меро смотритъ на рѣку, «смѣшивавшую шумъ своихъ водоворотовъ, своихъ бѣшеныхъ ударовъ объ арки моста, съ вздохами скрипокъ, съ раздирающими жалобами гуслей. Она то разбивалась на мелкія струи, подобныя сдержаннымъ рыданіямъ безнадежнаго горя, то шла могучей волной, какъ кровь изъ широко-открытой раны». Укажемъ еще на обращеніе Додэ къ локомотиву—по поводу мечтаній Франсуа о бѣгствѣ съ Сидоніей, къ полицейскому комиссару—по поводу болѣзни и смерти Дезирэ Делобелль, къ тетѣ Керикѣ—по поводу страданій Маду, къ самому набабу—по поводу короткаго апогея его удачи; на сравненіе піявокъ, эксплуатирующихъ Жансулэ, съ насосами разной величины и разнаго устройства; на описаніе парижскаго тумана въ первой главѣ «Набаба».

Показавъ сходство Додэ съ Диккенсомъ [1]), мы обрисовали,

---

[1]) Извлеченій изъ Диккенса, которыя дополнили бы параллель, мы не дѣлаемъ потому, что безъ того уже были вынуждены отвести цитатамъ очень много мѣста. Къ отрывкамъ, приведеннымъ въ первой главѣ прекраснаго этюда Тэна о Диккенсѣ (этотъ этюдъ вошелъ въ составъ „Исторіи англійской литературы“, переведенной и на русскій языкъ), можно было бы присоединить, для нашей цѣли, множество мѣстъ изъ другихъ романовъ Диккенса—напр. начало седьмой главы „Bleak-house“, опи-

вмѣстѣ съ тѣмъ, одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ французскаго романиста. Подъ его перомъ, какъ и подъ перомъ Диккенса, все получаетъ жизнь и движеніе, все дышетъ, все принимаетъ участіе въ судьбѣ человѣка. Избытокъ чувства, которымъ полонъ поэтъ, точно переливается во все, чего касается его рука. Ощущенія пламени, мебели, вѣтра не звучатъ для насъ фальшивой нотой; поэтъ заставляетъ насъ переживать ихъ вмѣстѣ съ нимъ или съ его героями. Полнота впечатлѣнія отъ этого усиливается, а не ослабѣваетъ. Въ одномъ отношеніи Додэ имѣетъ даже преимущество передъ Диккенсомъ (мы сравниваемъ ихъ пока исключительно съ точки зрѣнія формы); онъ умѣетъ во-время остановиться, сдержать полетъ воображенія, устоять противъ его увлеченій. Отступленія у Диккенса бываютъ иногда слишкомъ длинны; фантастическія его картины напоминаютъ иногда своею подробностью и мелочностью описанія реальныхъ предметовъ; лирическіе порывы не всегда соотвѣтствуютъ обстоятельству или моменту, ихъ вызвавшему. Додэ свободенъ отъ этихъ недостатковъ; у него больше вкуса и такта, больше чувства мѣры. Онъ не настаиваетъ на своихъ сравненіяхъ, не исчерпываетъ ихъ до дна, не преслѣдуетъ ихъ до послѣдней черты возможнаго и вѣроятнаго; онъ бросаетъ ихъ словно мимоходомъ, но тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли. «Видали ли вы когда-нибудь вечеромъ, въ концѣ охоты, бѣлую куропатку, убѣгающую вдоль глубокой борозды? Она скользитъ по землѣ, припадаетъ къ ней, влача окровавленное крыло къ убѣжищу, гдѣ ей можно будетъ умереть въ покоѣ. Колеблющаяся походка этой легкой тѣни (Дезирэ Делобелль, ищущей ночью дорогу къ Сенѣ) производитъ точно такое же впечатлѣніе». — «Балдахинъ (надъ гробомъ Дезирэ) былъ усыпанъ розами и бѣлыми фіалками. Въ полу-мракѣ узкой улицы, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, эти цвѣты, блѣдные, дрожащіе, орошенные святой водой, походили на судьбу бѣднаго ребенка, не знавшаго улыбки, которая бы не была смочена слезами.» — «Тишина нарушалась только трескомъ песка подъ его ногами,—трескомъ, напоминающимъ иногда подавляемый гнѣвъ или разрушаемую мечту» («Numa Roumestan»).— «Какимъ образомъ они могли поссориться, они (Гемерлингъ и Жансулэ), которыхъ, какъ близнецовъ, вскормила одна и та же худощавая, но крѣпкая кормилица—нищета, между которыми она дѣлила свое

саніе обстановки, при которой Эстеръ (въ томъ же романѣ) находитъ трупъ своей матери, картину лондонскаго воскресенья въ „Little Dorrit“, первое появленіе бѣглаго каторжника у Пипа въ „Great expectations“, утро послѣ убійства маркиза въ „Tale of two cities“.

кислое молоко и свои грубыя ласки?» Такими маленькими жемчужинами, цѣнными именно вслѣдствіе небольшого ихъ объема, блестятъ всѣ романы Додэ, какъ и всѣ его лучшія стихотворенія и разсказы.

Писателю-реалисту, свободному отъ условныхъ приличій, приподнимающему завѣсу съ самыхъ непривлекательныхъ явленій дѣйствительной жизни, съ самыхъ низменныхъ свойствъ человѣка, не всегда легко оставаться по сю сторону той черты, за которою оканчивается область искусства—черты, черезъ которую не должна переступать самая смѣлая кисть, подъ страхомъ погруженія въ грязь, ничѣмъ не выкупаемаго и не вознаграждаемаго. Едва ли найдется романистъ, лучше, чѣмъ Додэ, справившійся съ этой задачей. Онъ не ищетъ щекотливыхъ положеній, но и не избѣгаетъ ихъ, когда они попадаются ему подъ перо; онъ только не останавливается на нихъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, не вдается въ подробности, безъ которыхъ можетъ обойтись картина. Припомнимъ, напримѣръ, сцену уничтоженія Монпавономъ и Дженкинсомъ интимной корреспонденціи умирающаго герцога Мора. «Нигдѣ нѣтъ огня; что дѣлать со всѣмъ этимъ?— спрашивали себя Дженкинсъ и Монпавонъ въ большомъ затрудненіи. Наконецъ, потерявъ терпѣнье, Монпавонъ направился къ двери, единственной, которой они еще не отворяли.—Ну что-жъ, тѣмъ хуже! если мы не можемъ ихъ сжечь, такъ утопимъ. Посвѣтите мнѣ, Дженкинсъ.—И они вошли. Куда?.. Сенъ-Симонъ, повѣствующій о крушеніи царственной жизни, о разгромѣ пышности, величія, произведенномъ смертью и въ особенности смертью скоропостижной,—Сенъ-Симонъ одинъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Монпавонъ своими изящными, выхоленными руками накачивалъ воду. Другой передавалъ ему цѣлыя связки писемъ на атласной, разноцвѣтной, надушенной бумагѣ, украшенной шифрами, гербами, бандеролями съ девизами, исписанной тонкимъ, торопливымъ, спутаннымъ, иногда точно извивающимся, вкрадчивымъ почеркомъ,—и всѣ эти легкія странички кружились одна надъ другою въ потокахъ воды, мявшей, пачкавшей ихъ, стиравшей ихъ нѣжныя чернила, прежде чѣмъ унести ихъ, съ икотой сточной трубы, въ самую глубину омерзительной ямы... короны и начальныя буквы, минутные капризы и старыя привычки — все это образовало одну грязную смѣсь, погружалось, при свѣтѣ лампы, при шумѣ прерывистаго потока, въ гнусную пропасть, направлялось къ забвенью постыдной дорогой». Эффектъ, производимый этой сценой, не испорченъ ни одной лишней чертою; реализмъ доведенъ здѣсь до крайняго своего предѣла, но

не дальше. Въ рукахъ Зола подобное положеніе легко могло бы обратиться въ pendant къ той ужасной страницѣ въ «Assommoir», когда Жервеза и Лантье, возвращаясь домой, застають Купо мертвецки-пьянымъ, среди послѣдствій его опьяненія. Додэ ограничился рельефнымъ изображеніемъ контраста между изяществомъ любовныхъ писемъ и грязью, среди которой они исчезаютъ; Зола довелъ бы ощущеніе читателей до физическаго отвращенія, почти до тошноты, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Становясь болѣе тяжелымъ, впечатлѣніе не сдѣлалось бы болѣе сильнымъ; эпизодъ съ письмами особенно поразителенъ именно въ той формѣ, какая дана ему Додэ. Грубо-циничный, онъ выдался бы слишкомъ рѣзко изъ окружающей его среды мишурнаго блеска, салоннаго лоска, театральной условности; теперь онъ отдѣляется отъ нея какъ разъ на столько, чтобы ясно дать почувствовать ея пустоту, ея внутреннее ничтожество. Тою же художественною сдержанностью, далекою отъ боязливой или лицемѣрной стыдливости (pruderie), отличаются у Додэ картины чувственной страсти. Его Сидоніи, Иды, Ирмы, Сефоры также типичны, какъ и Рене, Виржини, Саріетты, Кадины, Клоринды ругонъ-маккаровскаго цикла; но для обрисовки первыхъ не понадобилось того длиннаго ряда черезчуръ подробныхъ и черезчуръ откровенныхъ сценъ, которыми переполнены «Curée», «Assommoir», «Ventre de Paris». Различіе, съ этой точки зрѣнія, между Зола и Додэ сдѣлается особенно нагляднымъ, если сравнить пресловутую Нана̀ съ Алисой Башеллери (въ «Numa Roumestan»). Фигура Алисы—мнимой ingénue, молодящейся на цѣлый десятокъ лѣтъ, подклеивающей себѣ рѣсницы и научающей этому искусству одного изъ министровъ «нравственнаго порядка», спящей съ искусственно вздернутыми губами, чтобы фиксировать на нихъ вѣчную улыбку, ласкающейся публично къ своей мамашѣ и жестоко бранящейся съ нею наединѣ, скрывающей подъ маской наивности и добродушія упорство и жадность старой жидовской торговки,—фигура Алисы такъ же закончена, такъ же характеристична для современнаго Парижа, какъ и фигура Нана̀; но этотъ результатъ достигнутъ Додэ безъ продолжительныхъ и частыхъ остановокъ въ нездоровой атмосферѣ, — нездоровой даже тогда, когда пребываніе въ ней обусловливается ея изслѣдованіемъ. Когда Руместанъ, въ концѣ романа, застаетъ Алису съ Лаппара, мы опять подходимъ вмѣстѣ съ авторомъ къ заповѣдной чертѣ, касаемся ея, можно сказать, руками, какъ и въ цитированной нами сценѣ изъ «Набаба»,—но опять не переступаемъ предѣла, который такъ часто оставляетъ за собою Зола. Въ статьѣ, посвя-

щенной романамъ Зола, мы подробнѣе разовьемъ нашу мысль о требованіяхъ нравственности въ искусствѣ; теперь замѣтимъ только, что практическимъ проповѣдникомъ этихъ требованій является Додэ, доказывая на самомъ дѣлѣ ихъ совмѣстимость съ широкою свободой художественнаго творчества.

II.

Владѣя въ совершенствѣ формой, выработавъ для себя своеобразно красивую, изящную и вмѣстѣ съ тѣмъ сильную манеру, располагаетъ ли Додэ другимъ условіемъ прочнаго успѣха—искусствомъ создавать художественные типы, въ которыхъ отражалась бы эпоха или рельефно выдавалось бы одно изъ вѣчныхъ свойствъ человѣческой природы? Сомнѣнія на этотъ счетъ были возможны только до тѣхъ поръ, пока «Fromont jeune et Risler aîné» не поставилъ Додэ на одинъ уровень съ первостепенными романистами современной Франціи. Образъ Сидоніи Рислеръ, господствующій надъ всѣмъ романомъ, можетъ идти рука объ руку съ образомъ Эммы Бовари. Это не значитъ, чтобы между обѣими женщинами было много общаго; у нихъ различныя натуры, онѣ родились и выросли въ различной средѣ—но все-таки это разновидности одной и той же общественной болѣзни. Эммой Бовари управляетъ чувственный, пылкій, хотя и не глубоко-страстный темпераментъ; элегантность, богатство притягиваютъ ее лишь какъ обстановка, среди которой наслажденіе становится болѣе тонкимъ, болѣе прянымъ, любовь—или то, что она считаетъ любовью—болѣе изящной и нарядной. Сидонія холодна и суха, она неспособна любить даже такъ, какъ любила Эмма; ея идеалъ—роскошь, пошлая буржуазная роскошь, олицетворяемая дорогими нарядами, шикарнымъ экипажемъ, убранной по шаблону пріемной залой, дачей въ Аньерѣ. «Какъ прелестно была разыграна сцена любви!» говоритъ влюбленный въ нее Францъ Рислеръ, возвращаясь съ ней изъ театра и пріискивая предлогъ для признанія. «Сцена любви!» со вздохомъ отвѣчаетъ она. «О да! на актрисѣ были такіе красивые бриліанты!» Свѣтящіеся червячки, при свѣтѣ которыхъ она выслушиваетъ клятвы Жоржа Фромона, снятся ей потомъ всю ночь, какъ предзнаменованія ожидающаго ее блеска. «Въ этой мелкой, продажной душѣ первый поцѣлуй любви возбудилъ только мечту о богатствѣ и почетѣ». Ограниченная во всемъ, что не касается ея завѣтной цѣли, она способна на глубоко разсчитанную хитрость, на удивительно выдер-

жанное притворство, чтобы пріобрѣсти или удержать за собою единственное понятное для нея благо жизни. Какъ тонко она отдѣлывается отъ обѣщанія, даннаго Францу, какъ искусно обманываетъ Рислера до и послѣ свадьбы, какъ неотразимо опутываетъ своими сѣтями Фромона, съ какою виртуозною ловкостью доводитъ Франца до письменнаго признанія и какъ цинически торжествуетъ надъ нимъ послѣ роковой его ошибки! Трусость и злоба—злоба противъ тѣхъ, кого она оскорбляетъ, противъ Клары Фромонъ, противъ мужа—вотъ черты, дополняющія ея характеръ. Брошенная любовникомъ, отвергнутая мужемъ, она не отравляетъ себя, какъ Эмма Бовари, а просто падаетъ все ниже и ниже, становясь кокоткой еще до разрыва съ Рислеромъ, опускаясь въ грязь какъ въ естественную свою сферу. Въ Сидоніи, какъ и въ Эммѣ, нѣтъ ничего необыкновеннаго, исключительнаго; и въ той, и въ другой только особенно ярко выразились заурядныя черты, неизбѣжно вызываемыя извѣстными физіологическими и общественными условіями. Натура Эммы сказывается уже въ ея отцѣ, деревенскомъ эпикурейцѣ; свой хладнокровно-свирѣпый эгоизмъ, свое неудержимое стремленіе къ комфорту, къ показному блеску Сидонія также наслѣдовала отъ отца—неудачника мелкихъ спекуляцій, неисправимаго фразера и фланера, приживальщика, съ вѣчнымъ ворчаньемъ хватающаго изъ чужихъ рукъ лакомые куски, которыхъ онъ не хочетъ и не умѣетъ себѣ заработать. Чѣмъ монастырское воспитаніе, чтеніе плохихъ романовъ, праздное прозябаніе въ глухой фермѣ и почти столь же глухомъ городишкѣ было для Эммы, тѣмъ было для Сидоніи дѣтство, проведенное среди контрастовъ парижской жизни, окно на верхней площадкѣ грязной лѣстницы, откуда она засматривалась на пышность фромоновской фабрики, общество мастерицъ мадмуазель Ле-Миръ, самое ремесло, пріучившее ее къ мишурѣ и поддѣлкѣ. Нужно прочитать въ самомъ романѣ всю «исторію маленькой Шебъ», чтобы понять, сколько горечи, сколько неудовлетворенныхъ желаній должно было накопиться въ дѣвочкѣ, потомъ въ дѣвушкѣ, выросшей между двумя противоположными полюсами парижской буржуазіи. Первое соприкосновеніе ея съ позолоченнымъ міромъ, въ который она такъ давно порывалась, рѣшаетъ ея судьбу—и судьбу всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ на ея дорогѣ.

Не менѣе типиченъ, чѣмъ Сидонія, виконтъ д'Аржантонъ, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Жакѣ». «Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ обозленныхъ, мнимо-разочарованныхъ людей, которые, въ сущности ничего не испытавъ, считаютъ себя

уже все изъѣдавшими. Никѣмъ и ничѣмъ не обиженные, они раздражены противъ всѣхъ и противъ всего, вездѣ видятъ только порчу, упадокъ нравовъ, тщательно выгораживая самихъ себя отъ ничего не щадящихъ приговоровъ». Источникъ ихъ раздраженія—умственное и нравственное безсиліе, котораго они упорно не сознаютъ, приписывая свои постоянныя неудачи всѣмъ возможнымъ причинамъ, кромѣ настоящей. Они ничего не могутъ сдѣлать, потому что имъ мѣшаютъ обстоятельства и люди; сдѣланное ими не оцѣняется по достоинству, потому что слишкомъ рѣзко возвышается надъ всѣмъ остальнымъ, слишкомъ сильно возбуждаетъ общую зависть. «Дѣтство д'Аржантона прошло въ бѣдности и горѣ, безъ свѣта, безъ веселья. Окруженный слезами и заботами—тѣми заботами о насущномъ хлѣбѣ, среди которыхъ такъ скоро вянетъ дѣтская натура—онъ никогда не улыбался, никогда не игралъ. Опредѣленный въ коллежъ на чужой счетъ, онъ и тамъ не переставалъ чувствовать зависимость, непрочность своего положенія. Чтобы загладить такія впечатлѣнія, нужно много счастья, много удачи; д'Аржантонъ до двадцати семи лѣтъ не зналъ ни того, ни другой. Напечатанный имъ томикъ стихотвореній обрекъ его на воду и сухой хлѣбъ въ теченіе полугода и никѣмъ даже не былъ замѣченъ». Сближеніе съ Идой (матерью Жака) застаетъ д'Аржантона застывшимъ и окаменѣвшимъ въ безмѣрномъ самолюбіи и безплодной горечи. Онъ любитъ и въ Идѣ только самого себя; его прельщаетъ восторгъ, съ которымъ она повергается передъ нимъ въ прахъ, готовность ея сдѣлаться его служанкой, его рабыней. Онъ хочетъ обладать ею нераздѣльно, какъ вещью; отсюда—ревность къ ея прошедшему, ненависть къ ея сыну, котораго онъ, наконецъ, удаляетъ изъ дома, обращаетъ въ простые работники. Доде столь же безжалостенъ къ д'Аржантону, какъ д'Аржантонъ—къ Жаку. Невозможно было освѣтить болѣе яркимъ свѣтомъ всю внутреннюю пустоту этой надутой куклы, всю мелочность тщеславія, доведеннаго до мономаніи, всю сухость и злость неудачника, давящагося собственною желчью. Ни одна черта характера, ни одна особенность натуры не упущена здѣсь изъ виду. Мнительность, тѣсно связанная съ самообожаніемъ, заставляетъ д'Аржантона то прислушиваться къ своему здоровью и принимать легкій гастритъ за опасную болѣзнь, то отсылать слугу, подозрѣваемаго въ сообщеніи за деньги другимъ писателямъ излюбленныхъ темъ и сюжетовъ поэта. Вѣдь эти темы,—вѣчно остающіяся темами—такія цѣнныя жемчужины, изъ-за которыхъ можно рѣшиться и на подкупъ! Комическій самъ по себѣ, эгоизмъ д'Аржантона при-

нимаетъ трагическій оттѣнокъ, когда изъ-за него гибнетъ счастье ребенка, потомъ жизнь взрослаго человѣка, когда онъ лишаетъ умирающаго Жака послѣдняго утѣшенія—прощальной материнской ласки.

Романы Додэ не даромъ носятъ большею частью добавочное заглавіе: «moeurs parisiennes» или «roman parisien»; Парижъ далъ имъ цѣлую галлерею дѣйствующихъ лицъ, во главѣ которыхъ, по полнотѣ и всесторонности разработки, стоятъ двѣ названныя нами фигуры. Къ нимъ присоединяются Делобелль, актеръ безъ занятій, эгоистъ изъ категоріи наивныхъ, ухаживающій за самимъ собою, какъ за носителемъ священнаго огня, и принимающій уходъ отъ другихъ, какъ нѣчто должное; Шебъ, съ которымъ мы уже познакомились, какъ съ отцомъ Сидоніи; Жоржъ Фромонъ, «gandin» изъ міра высшей коммерціи, испорченный доставшимся безъ труда богатствомъ, неспособный на сильную привязанность, игрушка въ рукахъ Сидоніи, мужъ Клары въ силу одного изъ тѣхъ «дѣловыхъ» браковъ, которые еще слишкомъ обыкновенны въ французской жизни; цѣлая группа «неудачниковъ» («râtés»), составляющая свиту д'Аржантона—группа, изъ которой особенно выдѣляются Моронваль, Гиршъ и Лабассендръ; свѣтскіе люди въ родѣ Мора, Буа-Ландри и Монпавона, замѣнившіе понятіе о чести понятіемъ о приличіи, о той совокупности требованій, которая выражается непереводимымъ французскимъ словомъ «tenue» [1]); шарлатаны въ родѣ Дженкинса, попавшіе въ тонъ минуты и сдѣлавшіеся парижской модой; дѣльцы въ родѣ Паганетти, Лееманса и Тома Левиса, напоминающіе афоризмъ Жака Жиро (въ «Question d'argent», Дюма-сына): «les affaires—c'est l'argent des autres»; дѣльцы въ женскомъ платьѣ, въ родѣ Сефоры и Алисы, для которыхъ жизнь—скачка съ препятствіями за титуломъ, милліонами или ангажементомъ на оперную сцену; надломанныя натуры въ родѣ Фелиціи Рюисъ, которую ни извѣстность, ни талантъ не предохраняютъ отъ безславнаго и безцѣльнаго паденья. Остановимся на минуту на этой послѣдней фигурѣ, одной изъ самыхъ оригинальныхъ, созданныхъ Додэ. Выросшая въ мастерской художника, среди свободныхъ нравовъ и болѣе чѣмъ свободныхъ разговоровъ, Фелиція выходитъ изъ нея, конечно, не наивною «ingénue», но во всякомъ случаѣ неиспорченною и полною хорошихъ задатковъ. Грубая

---

[1]) „Les explications sont toujours nettes entre gens d'honneur", говоритъ Дженкинсъ Монпавону. „D'honneur est un grand mot", отвѣчаетъ послѣдній, „disons gens de tenue, cela suffit".

попытка насилія со стороны Дженкинса оставляетъ въ ней зародышъ отвращенія къ жизни, скептическаго отношенія къ любви, недовѣрія къ людямъ. Рано развившееся дарованіе быстро зрѣетъ, ставитъ ее на одинъ уровень съ лучшими скульпторами; но работа наполняетъ ея существованіе только до тѣхъ поръ, пока она въ самомъ разгарѣ,—въ промежутки между двумя статуями Фелиція скучаетъ, тоскуетъ, становится раздражительной, неприступной. «Творчество переносило ее въ волшебный міръ; пробуждаясь отъ этого сна, она каждый разъ точно падала на землю и поднималась совершенно разбитою. Она сравнивала себя съ тѣми медузами, прозрачный блескъ которыхъ, столь яркій въ свѣжести и движеніи волнъ, погасаетъ на берегу, въ небольшихъ студенистыхъ хлопьяхъ. Ея жизнь, лишенная миражей искусства, была степью—плоской и унылой степью, монотонная безпредѣльность которой все обезцвѣчивала, все хоронила подъ своими песками». Въ прошедшемъ Фелиціи, какъ и въ ея настоящемъ, есть свѣтлый уголокъ, непохожій на все остальное—въ прошедшемъ дружба съ Алиной Жуайезъ, въ настоящемъ любовь Поля де-Жери; но отъ первой она сама отказалась, послѣдней не даетъ развиться искусственная атмосфера, окружающая Фелицію. Потерявъ, въ лицѣ Поля, единственный якорь спасенія, она бросается въ объятія Мора; нѣсколько словъ въ концѣ романа заставляютъ предполагать, что она нисходитъ, послѣ смерти Мора, даже до Дженкинса. Зола недоволенъ характеромъ Фелиціи. Онъ находитъ невѣроятнымъ то глубокое впечатлѣніе, которое оставляетъ въ ней попытка Дженкинса; намъ кажется на оборотъ, что оно подмѣчено весьма вѣрно, не потому, конечно, чтобы Фелиція считала эту попытку «пятномъ, положеннымъ на ея жизнь», а потому, что въ развитіи болѣзненно-воспріимчивой натуры многое зависитъ отъ формы, въ которой предстало передъ ней въ первый разъ то или другое чувство. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ Зола,—романистъ желалъ изучить дѣйствіе дурного воспитанія, роковое паденіе, ожидающее всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ среди артистической богемы. Фелиція не могла жить какъ буржуазка; но ее нельзя и мѣрить мѣркою, годною для другихъ женщинъ. Она уже не женщина—она артистка, а отъ артистки требуется совсѣмъ иное. Что за дѣло, будутъ или нѣтъ у нея любовники, если только она творитъ мастерскія произведенія! Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Додэ выказалъ больше любви къ Фелиціи, чтобы онъ отнесся къ ней какъ художникъ и не приносилъ ее въ жертву дѣвочкамъ семьи Жуайезовъ». Точка зрѣнія узкаго моралиста приписывается здѣсь

Додэ совершенно напрасно. Онъ вовсе не хотѣлъ представить въ лицѣ Фелиціи то, что нѣмцы называютъ «ein abschreckendes Beispiel», вовсе не хотѣлъ предостеречь противъ послѣдствій дурного воспитанія. Прочитавъ «Набаба», никто не рѣшится бросить камень въ Фелицію; паденіе ея, при данныхъ условіяхъ, было неизбѣжно, и всего меньше виновата въ немъ была она сама. Публикѣ, созерцающей мастерское произведеніе, можетъ не быть дѣла до частной жизни художника; но для психолога она имѣетъ глубокое значеніе, и онъ не долженъ, не въ правѣ забывать, что артистъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, все-таки остается человѣкомъ. Судить Фелицію—Додэ не берется и не призываетъ къ тому читателей «Набаба»; онъ только изучаетъ ее, изучаетъ ее всю, какъ цѣльное, живое существо, не довольствующееся творчествомъ, жаждущее личнаго счастья. За Фелиціей Рюисъ, какъ и за Сидоніей Рислеръ, стоитъ грозная задача современной дѣйствительности, очевидно тяготѣющая надъ воображеніемъ Додэ и затрогиваемая въ большей или меньшей степени каждымъ его романомъ. Мы еще возвратимся къ этому вопросу.

За порожденіями парижской почвы слѣдуютъ ея жертвы: Рислеръ, переносящій въ сложную, лихорадочную жизнь столицы привычки, чувства и взгляды скромнаго эльзасскаго городка, убиваемый однимъ ударомъ громаднаго колеса, до конца остающагося для него непонятнымъ; Францъ, самъ отравляющій себя тѣмъ ядомъ, который другіе подносятъ его старшему брату; жена и дочь Делобелля, скромныя мученицы семейнаго долга, живущія въ Парижѣ какъ бы внѣ Парижа, но чувствующія его давленіе въ причудахъ и иллюзіяхъ вѣчно надѣющагося актера; Клара Фромонъ, такъ легко побѣждаемая Сидоніей; Жакъ, попадающійся въ когти одной изъ самыхъ жестокихъ парижскихъ спекуляцій; мнимая жена Дженкинса, которую онъ бросаетъ какъ выжатый лимонъ или старую тряпку; королева Фредерика, безсильная остановить постепенное паденіе Христіана, и въ его лицѣ—королевскаго достоинства; Гербертъ Розенъ, храбрый, честный малый, котораго Парижъ обращаетъ въ смѣшно-обманутаго мужа, въ кутилу поневолѣ, и наряжаетъ павлиньими перьями чужого успѣха; наконецъ, Бернаръ Жансулэ, высоко поднятый на нѣсколько мгновеній и потомъ сброшенный съ высоты, растоптанный, разбитый. Всего рельефнѣе выдается среди этой группы фигура Набаба, нарисованная Додэ съ большою любовью. Эту любовь Зола ставитъ въ вину автору, находя, что «нѣжность живописца къ своей модели испортила дѣйствительность», что «пріятнѣе было бы видѣть Жансулэ откровенно за-

мѣшаннымъ въ самыя сомнительныя дѣла, нажившимъ груды золота самыми непозволительными средствами», что желая оправдать этого авантюриста, Додэ «роковымъ образомъ его обезцвѣтилъ». На эти упреки можно отвѣчать прежде всего словами самого Додэ, сказанными въ упомянутомъ уже нами предисловіи къ «Набабу»: «можетъ быть, вы и правы, но какое мнѣ до этого дѣло! Пеняйте на газеты, которыя сказали вамъ настоящее имя Жансулэ. Я вамъ далъ романъ, какъ романъ, худой или хорошій, не гарантируя сходства». Исторія Бравэ очевидно послужила для Додэ только поводомъ, предлогомъ къ роману; онъ могъ извлечь изъ нея образъ, рисуемый Зола, но предпочелъ создать другой типъ, и ни передъ кѣмъ не обязанъ отчетомъ въ причинахъ такого предпочтенія. Дѣло критики оцѣнить художественную вѣрность типа, художественный интересъ его, а не большее или меньшее совпаденіе его съ дѣйствительно существовавшимъ или существующимъ лицомъ. Простодушный добрякъ, испытавшій всю тяжесть нищеты, потерявшій, подъ ея вліяніемъ, строгую разборчивость въ выборѣ средствъ, достигшій богатства не высоко честнымъ, но и не грязнымъ путемъ, довѣрчивый, наивно тщеславный—фигура вполнѣ естественная, возможная, живая. Участь его въ Парижѣ—т.-е. въ томъ Парижѣ, куда влечетъ его жажда почестей и блеска—предрѣшена заранѣе, но это нисколько не уменьшаетъ интересъ романа, конечно обусловливаемый не непредвидѣнной развязкой. Трагическое впечатлѣніе борьбы, которую Жансулэ ведетъ противъ Парижа—или, лучше сказать, Парижъ ведетъ противъ Жансулэ—коренится именно въ неравенствѣ силъ, въ несходствѣ оружій; съ одной стороны—неопытность, вѣра въ собственное счастье, способность и готовность видѣть все и всѣхъ въ розовомъ свѣтѣ; съ другой—алчность великосвѣтской и дѣловой богемы, вскормленной всѣми страстями большого города, располагающей цѣлымъ арсеналомъ сѣтей и поддерживаемой, въ добавокъ, ненавистью Гемерленговъ, іезуитскою хитростью Ле-Меркье. Авантюристъ, котораго Зола желалъ бы видѣть на мѣстѣ Жансулэ, защищался бы противъ своихъ враговъ, какъ старый, хитрый волкъ противъ стаи собакъ, и эта защита могла бы составить предметъ завлекательной картины; но развѣ не интересенъ олень, настигнутый и терзаемый собаками? Несостоятельный должникъ, даже подъ рукой одного и того же автора, можетъ явиться или «дѣльцомъ Меркаде» (Mercadet le faiseur), или Сезаромъ Биротто; тоже самое слѣдуетъ сказать и о «Набабѣ». Самыя сильныя сцены романа вытекаютъ, притомъ, именно изъ той постановки сюжета, которая

принята Додэ. Можно ли представить себѣ что-либо болѣе поразительное, чѣмъ засѣданіе законодательнаго корпуса, въ которомъ Жансулэ, не смотря на убійственно ядовитую рѣчь Ле-Меркье, на недоброжелательство вліятельнаго министра, на дряблость большинства, почти одерживаетъ побѣду и выпускаетъ ее изъ рукъ только вслѣдствіе появленія матери, останавливающаго на его устахъ рѣшительное слово? При той постройкѣ романа, какую Зола, еслибы могъ, навязалъ бы Додэ, эта сцена была бы столь же немыслима, какъ и разговоръ Жансулэ съ Гемерленгомъ на кладбищѣ, какъ и ощущенія Жансулэ въ театрѣ, приводящія его къ скоропостижной смерти. Намъ кажется, что въ творческомъ процессѣ, посредствомъ котораго реальный Бравэ превратился въ воображаемаго Жансулэ, ясно сказалась артистическая натура Додэ, особенно воспріимчивая ко всему мягкому, нѣжному, доброму. Его прельстилъ образъ человѣка, вышедшаго неиспорченнымъ изъ самой развращающей обстановки — и мы обязаны этому однимъ изъ самыхъ поэтическихъ произведеній современной литературы.

Въ двухъ послѣднихъ, по времени, романахъ Додэ ярко выступаетъ на видъ, кромѣ Парижа, югъ Франціи, въ лицѣ Элизэ Меро, Нумы Руместана, Бомпара, Межана, тети Порталь, семьи Вальмажуровъ; сюда же могутъ быть отнесены Жансулэ и Поль де-Жери въ «Набабѣ». Самое разнообразіе этихъ типовъ исключаетъ возможность предполагать, чтобы Додэ хотѣлъ олицетворить весь югъ въ наиболѣе выдающемся представителѣ его — Руместанѣ и, такимъ образомъ, захватить въ свою картину прямо не фигурирующаго въ ней Гамбетту. Элизэ Меро во многихъ отношеніяхъ совершенный контрастъ съ Руместаномъ. Они оба прошли черезъ одну и ту же школу—черезъ кофейни латинскаго квартала, эти студенческіе клубы, эти миніатюрные парламенты, въ которыхъ складываются убѣжденія и выработывается краснорѣчіе; но для Нумы они послужили только подножкой къ возвышенію, а Элизэ остался вѣчнымъ студентомъ, мечтателемъ, лишеннымъ всякой практической жилки, живущимъ въ мірѣ иллюзій и самообольщеній. Воспитанный въ легитимистской вѣрѣ — именно вѣрѣ, а не доктринѣ, такъ всецѣло прониклось ею все существо его, — Элизэ сохраняетъ ее, не смотря на всѣ разочарованія, не смотря на слишкомъ очевидную пропасть между идеаломъ и дѣйствительностью. Его отцу, лангедокскому ткачу, легко было оставаться ультра-роялистомъ среди такихъ же, какъ онъ, простыхъ, искреннихъ, беззавѣтно преданныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, легко было свято чтить претендента, котораго онъ

видѣлъ только разъ въ жизни и отъ котораго слышалъ только: «ah, vous voilà!» Сыну пришлось близко познакомиться съ сенъ-жерменскимъ предмѣстьемъ и съ болѣе высокими сферами—и все-таки онъ остался вѣрнымъ отцовскому преданію. Странствующій рыцарь легитимизма, рыцарь, равнодушный не только къ богатству, но и къ славѣ, онъ добровольно остается въ тѣни, пишетъ книги, которыя подъ своимъ именемъ издаютъ другіе, позволяетъ всякому черпать изъ богатаго запаса его мыслей и свѣдѣній, и мечтаетъ лишь объ одномъ: вдохнуть свою душу въ будущаго обладателя власти, воспитать идеальнаго короля — и этимъ путемъ обезпечить торжество своей идеи. Испытавъ жестокую неудачу, онъ обѣщаетъ самому себѣ быть благоразумнѣе на будущее время — и тотчасъ же забываетъ обѣщаніе, какъ только представляется случай вновь взяться за прерванное дѣло. И этотъ человѣкъ, образецъ вѣрности, энергіи и постоянства—южанинъ до мозга костей, всюду и всегда декламирующій, съ жестами, съ крикомъ, въ кафе, на улицѣ, за королевскимъ столомъ, за нѣсколько дней до смерти, пока чахотка не заставляетъ его умолкнуть и довольствоваться перомъ, съ лихорадочною торопливостью дописывающимъ трактатъ о монархической власти.

Руместанъ такъ же шумливъ, какъ и Меро, но средоточіе производимаго имъ шума—онъ самъ, а не идея. Легитимизмъ—мантія, въ которую онъ драпируется, но которую онъ готовъ сбросить, когда она кажется ему помѣхой его возвышенію. Нравственность, религія, порядокъ—все это для него только коньки, на которыхъ онъ выѣзжаетъ сначала въ знаменитости адвокатуры, потомъ въ депутаты, наконецъ въ министры. Ораторъ и государственный человѣкъ «нравственнаго порядка», онъ обманываетъ жену, содержитъ Алису Башеллери и оставляетъ управленіе однимъ изъ важнѣйшихъ театровъ въ рукахъ никуда негоднаго, кругомъ замараннаго человѣка, лишь бы только возвести свою каскадную пѣвицу на степень оперной примадонны. Онъ раздаетъ направо и налѣво обѣщанія, которыхъ никогда и не предполагалъ исполнить, бросаетъ на вѣтеръ слова, отъ которыхъ иногда зависитъ участь человѣка, запутывается самъ и запутываетъ другихъ въ цѣлой сѣти поощреній, призывовъ, нравственныхъ обязательствъ, превозноситъ до небесъ успѣхъ и спѣшитъ отвернуться отъ неудачи. Всего характеристичнѣе то, что онъ дѣлаетъ все это наивно, почти безсознательно; онъ не хитритъ, не разсчитываетъ, не притворяется, никого намѣренно не ловитъ и не обманываетъ, а просто предается влеченіямъ своего пылкаго темперамента и своего добродушнаго, но глубокаго

эгоизма. Онъ любитъ по своему жену, со слезами на глазахъ цѣлуетъ ея руки, называя ее своей святой покровительницей, единственной женщиной, которая его цѣнитъ и понимаетъ—и весь взволнованный еще этимъ разговоромъ, приказываетъ кучеру везти себя къ Алисѣ. Онъ способенъ произносить въ публичной рѣчи, растроганнымъ, торжественнымъ голосомъ, завѣщаніе матери Баяра: «Pierre, mon ami, je vous recommande que devant toutes choses aimiez, craigniez et serviez Dieu, sans aucunement l'offenser»—и въ то же самое время вспоминать съ тайнымъ наслажденіемъ, что день, когда онъ въ первый разъ услышалъ эти слова, былъ днемъ его побѣды надъ маленькой Башеллери. Онъ желаетъ видѣть вокругъ себя довольныя и благодарныя лица; а чѣмъ же такъ легко и дешево можно купить благодарность, какъ не обѣщаніями? У него три секретаря, и каждому изъ нихъ онъ подаетъ надежду на бракъ съ Гортансой (свояченицей Руместана), слишкомъ поздно вспоминая, что она не можетъ выйти замужъ за всѣхъ троихъ. Когда онъ узнаетъ о смертельной болѣзни Гортансы, у него вырывается восклицаніе: «что за преданность я въ ней теряю!» Повторяемъ еще разъ, еслибы Додэ не создалъ типъ Элизэ Меро, эпиграфъ «Numa Roumestan»: «pour la seconde fois, les Latins ont conquis la Gaule», могъ бы показаться предостереженіемъ французскому народу; но теперь мы въ правѣ видѣть въ немъ только намекъ на ту полноту жизненной силы, на тотъ избытокъ огня, ту чарующую, подкупающую симпатичность, которые пролагаютъ южанамъ дорогу къ успѣху во всѣхъ областяхъ политической и общественной жизни. Сдержанная, злобная натура Одиберты имѣетъ такъ же мало общаго съ Руместаномъ, какъ и спокойныя, остывшія, чуждыя всякаго эгоизма натуры Межана и Поля де-Жери.

Додэ упрекаютъ иногда за безцвѣтность его добродѣтельныхъ лицъ. Въ основаніи этого упрека лежитъ доля правды; докторъ Риваль и его внучка въ «Жакѣ», Поль де-Жери и даже Алина Жуайезъ въ «Набабѣ», Розалія въ «Numa Roumestan» нарисованы блѣднѣе, чѣмъ другія фигуры; но можно ли дать яркую окраску тому, что и не заключаетъ въ себѣ ничего яркаго? Преувеличенно, неестественно безпорочнымъ никого изъ названныхъ нами лицъ назвать нельзя; сочувствіе къ нимъ нигдѣ не доводитъ автора до приторности или сентиментальности. Большаго требовать мы не въ правѣ. Оставаясь вѣрнымъ дѣйствительности и изображая ее всю, безъ предпочтенія къ темнымъ сторонамъ ея, писатель не можетъ не встрѣтиться съ такими типами, самая симпатичность которыхъ затрудняетъ художествен-

ную работу, лишаетъ ее тѣней и полу-свѣта. Поли, Алины, Сесили—драгоцѣнные друзья въ реальной жизни, но не совсѣмъ удобныя модели для романиста. Тамъ, гдѣ съ великодушіемъ, съ нравственной чистотой связана какая-нибудь оригинальная черта—упорный провинціализмъ, наивное непониманіе жизни, болѣзненно развитая фантазія, деспотизмъ наслѣдственнаго предразсудка—художникъ въ Додэ тотчасъ же проявляется съ полной силой и создаетъ такіе живые образы, какъ Рислеръ, Планюсъ и его сестра, Жуайезъ, Гортанса, королева Фредерика.

Въ романахъ Додэ почти вовсе нѣтъ лишнихъ фигуръ, статистовъ, неизвѣстно для чего выведенныхъ на сцену. Вмѣсто внѣшней, ничего не выражающей характеристики, которою слишкомъ часто ограничивается Флоберъ (припомнимъ, напримѣръ, наставника виконта де-Сизи и гувернантку Дамбрёзовъ въ «Education Sentimentale»), мы всегда находимъ у Додэ тщательную отдѣлку второстепенныхъ лицъ, часто дѣлающую изъ нихъ миніатюрные, но вполнѣ ясные и опредѣленные типы. Таковы, напримѣръ, дѣдушка Гардинуа въ «Fromont jeune et Risler aîné», разбогатѣвшій парижскій лавочникъ, мелкій деспотизмъ котораго, уничтоживъ всякую самостоятельность въ madame Фромонъ (дочери Гардинуа) и разбившись о пассивное противудѣйствіе Клары, находитъ, наконецъ, удовлетвореніе въ шпіонствѣ за прислугой; madame Добсонъ, сантиментальная учительница пѣнія, вѣрная бьющему ее мужу, но отлично устраивающая чужія любовныя дѣла; дядюшка Совадонъ, покупающій у Меро «des idées sur les choses»; старикъ Розенъ, награбившій себѣ громадное состояніе, но отдающій его потихоньку, даже не требуя благодарности, своему королю и своей королевѣ; Бомпаръ, настоящій южный Хлестаковъ, Руместанъ въ миніатюрѣ, безъ его честолюбія и жажды наслажденій; тетя Порталь, переносящая въ салонную обстановку весь шумъ и крикъ провансальскаго рынка; докторъ Бушеро, напрасно старающійся заглушить въ себѣ то сочувствіе къ чужимъ страданіямъ, котораго не могла искоренить многолѣтняя привычка и которое быстро подвигаетъ его къ смерти. Мы долго не покончили бы съ этимъ спискомъ, еслибы захотѣли сдѣлать его полнымъ; намъ пришлось бы включить въ него чуть ли не всѣхъ непоименованныхъ еще нами дѣйствующихъ лицъ пяти романовъ Додэ.

Для романиста недостаточно создать живые образы; онъ долженъ привести ихъ въ движеніе, показать развитіе и столкновеніе характеровъ, нарисовать положенія, производящія ихъ и въ свою очередь производимыя ими. Дарованіе Додэ является и

здѣсь въ полномъ блескѣ. Процессъ образованія характера рѣдко былъ представленъ съ бо̀льшею художественною вѣрностью, чѣмъ въ исторіи Сидоніи, Элизэ, Руместана, Фелиціи Рюисъ, д'Аржантона. Картина дѣтства Жака имѣетъ немного параллелей въ французской литературѣ, вообще мало и рѣдко занимающейся дѣтьми. Особенно силенъ Додэ въ изображеніи тѣхъ критическихъ минутъ, когда надламывается и рушится жизнь человѣка. Мы упоминали уже о засѣданіи законодательнаго корпуса въ «Набабѣ», о первомъ представленіи «Révolte», во время котораго умираетъ Жансулэ, о смерти Мора, объ ожиданіи Францемъ Сидоніи на станціи желѣзной дороги; прибавимъ ко всему этому двѣ картины, принадлежащія къ числу лучшихъ страницъ Додэ. Дезирэ Делобелль, оставленная Францемъ въ ту самую минуту, когда она начинала вѣрить въ его любовь, въ свое счастье, рѣшается умереть; но прежде она хочетъ окончить свою работу. «Наконецъ, послѣдняя птичка готова,—прелестная, крошечная птичка, крылья которой, зеленыя съ сафировымъ оттѣнкомъ, точно орошены морской водою. Заботливо, кокетливо Дезирэ надѣваетъ ее на проволоку, даетъ ей красивую позу безпокойства и испуга. О, какъ она стремится въ даль, эта птичка, какимъ отчаяннымъ взмахомъ готовится разсѣчь пространство! Какъ ясно видно, что она пускается на этотъ разъ въ дальній путь, въ путь вѣчный и безвозвратный!» Теперь все готово; работа убрана, ужинъ для отца приготовленъ; Дезирэ тихонько вынимаетъ изъ шкафа шаль, завертывается въ нее и уходитъ. «Какъ! ни одного взгляда, брошеннаго на мать, ни слезы, ни нѣмого прощанья?.. Нѣтъ, ничего. Она вдругъ поняла, какой эгоистической любви ея дѣтство и юность были принесены въ жертву. Она чувствуетъ, что одно слово великаго человѣка утѣшитъ эту спящую женщину. Зачѣмъ не просыпается мать, зачѣмъ позволяетъ своей дочери уйти, даже безъ невольнаго содроганія закрытыхъ вѣкъ? Умереть молодымъ, хотя бы и добровольно, нельзя безъ протеста, и бѣдная Дезирэ готовится оставить жизнь, полная негодованія на свою судьбу». Дезирэ, всю жизнь прожившая въ Парижѣ, не знаетъ его улицъ, не знаетъ даже дороги къ Сенѣ. Узкія, слабо освѣщенныя улицы перекрещиваются между собою, спутываются, и она нѣсколько разъ возвращается назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ. «Постоянно что-нибудь точно становится между ней и рѣкой; рѣка словно отступаетъ, окружаетъ себя преградами; высокіе дома, толстыя стѣны загораживаютъ дорогу къ смерти... Вотъ, наконецъ, площадь, за нею мостъ, фонари котораго образуютъ

въ черной водѣ другой мостъ, сотканный изъ свѣта. Сквозь осенній туманъ Парижъ кажется ей такимъ необъятно-большимъ, она сама—такою ничтожной, такою потерянной среди громаднаго, ярко освѣщеннаго, но теперь пустыннаго города. Ей представляется, что она уже умерла. Она приближается къ набережной; внезапно ее охватываетъ запахъ зелени, цвѣтовъ, сырой земли». Она очутилась посреди цвѣточнаго рынка; разноцвѣтныя маргаритки, резеда, запоздалыя розы наполняютъ воздухъ своимъ благоуханіемъ, слегка освѣщенныя луною, вырванныя изъ родной земли, осиротѣлыя, завтрашняя добыча спящаго теперь Парижа. Бѣдная Дезирэ! Вся ея молодость, всѣ немногіе дни ея счастья, ея обманутой любви возстаютъ передъ нею въ ароматахъ этого переноснаго сада. Медленно подвигаясь среди цвѣтовъ, она вспоминаетъ прогулку свою съ Францемъ. Она узнала тогда въ первый разъ дыханіе природы—теперь, передъ смертью, она чувствуетъ его вновь, оно какъ будто бы говоритъ ей: *вспомни*,—и она отвѣчаетъ: *о да, помню*. Она дѣйствительно помнитъ, помнитъ слишкомъ хорошо. Дойдя до конца этой набережной, убранной точно для праздника, легкая тѣнь останавливается на лѣстницѣ, ведущей къ водѣ... Почти вслѣдъ за этимъ крики, шумъ вдоль всей набережной. *Скорѣе лодку, багры!* Со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ люди; лодка отчаливаетъ отъ берега, съ фонаремъ впереди. На вопросъ проснувшихся цвѣточницъ торговка, продающая кофе при входѣ на мостъ, спокойно отвѣчаетъ: женщина бросилась въ воду». Дезирэ не удалось умереть; ночь, проведенная ею въ караульной, между пьяницами и сумасшедшей, допросъ у полицейскаго коммиссара, возвращеніе домой, болѣзнь и смерть—все это изображено съ поразительною силой.

Передъ нами теперь другой самоубійца, не имѣющій ничего общаго съ Дезирэ—тотъ самый Монпавонъ, который замѣнилъ искусственное понятіе о чести, въ салонномъ смыслѣ этого слова, еще болѣе искусственнымъ понятіемъ о приличіи (tenue). Приличіе было бы нарушено, еслибы блестящій маркизъ, другъ Мора, извѣстный всему Парижу, очутился на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ казнокрадствѣ; приличіе требуетъ, чтобы Монпавонъ исчезъ, безшумно и по возможности безслѣдно, какъ солдатъ, показываемый послѣ битвы въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ. «Monsieur де-Монпавонъ идетъ на смерть. Онъ идетъ къ ней длинной линіей бульваровъ, еще разъ чувствуя подъ собою ихъ эластичный асфальтъ—идетъ какъ фланеръ, заложивъ руки за спину, все видя и все замѣчая. Время у него есть, спѣшить некуда; отъ него одного зависитъ часъ послѣдняго сви-

данья. Все восхищаетъ его—ему нравится даже шумъ бочекъ, поливающихъ мостовую, трескъ сторъ, поднимаемыхъ у дверей кафе. Близкая смерть сообщаетъ его чувствамъ чуткость выздоравливающаго, дѣлаетъ его воспріимчивымъ ко всей тонкости, ко всей скрытой поэзіи прекраснаго лѣтняго дня, парижскаго дня, которымъ онъ желаетъ еще разъ насладиться до самой ночи... Онъ идетъ все дальше и дальше, въ отдаленный кварталъ Парижа, гдѣ обниметъ его еще при жизни мрачная, но успокоительная безвѣстность общей могилы... Вѣтеръ свѣжѣетъ, сумерки начинаютъ сгущаться вдали; сзади него бульвары еще освѣщены заходящимъ солнцемъ, впереди все потемнѣло. Монпавону кажется, что онъ вступаетъ въ область ночи. Онъ чувствуетъ легкую дрожь, но продолжаетъ идти съ выпрямленной головой и выпяченной, какъ всегда, грудью... Monsieur де-Монпавонъ идетъ на смерть. Онъ вступаетъ теперь въ лабиринтъ узкихъ улицъ, гдѣ душная атмосфера фабрикъ проникнута лихорадкой борющагося съ голодомъ народа. Внезапно маркизъ останавливается; онъ нашелъ то, чтó ему нужно. Между лавкой угольщика и транспортной конторой—видъ сосновыхъ досокъ, уставленныхъ вдоль стѣнъ послѣдней, заставляетъ его слегка вздрогнуть—возвышаются ворота, съ надписью надъ ними на тускломъ фонарѣ: *ванны*. Онъ входитъ, заказываетъ себѣ ванну, и пока ее приготовляютъ, куритъ сигару у окна, разглядывая жалкія сирени палисадника и высокую стѣну, его замыкающую. По ту сторону — казарменный дворъ, откуда раздается звукъ трубы. Этотъ звукъ переноситъ маркиза за тридцать лѣтъ назадъ, напоминаетъ ему алжирскія его кампаніи, высокія укрѣпленія Константины, пріѣздъ Мора въ отрядъ, и дуэли, и пиры... Ахъ! какъ хорошо начиналась жизнь! Какъ жаль, что эти проклятыя карты... Хорошо, впрочемъ, уже и то, что будутъ соблюдены приличія» (enfin, c'est déja beau d'avoir sauvé la tenue). Когда, черезъ нѣсколько часовъ, продолжительность купанья возбуждаетъ безпокойство въ прислугѣ, она находитъ въ ваннѣ, вмѣсто изящнаго барина, что-то безъимянное, ужасное—«un tas de boue, de sang, de chairs maquillées et cadavéreuses, où gît, méconnaissable, l'homme de la tenue, le marquis Louis-Marie-Agénor de Monpavon».

III.

Мы видѣли, какъ отражаются въ романахъ Додэ современные люди; посмотримъ теперь, какъ отражается въ нихъ современное общество.

Припомнимъ тяжелую сцену, когда Планюсъ, старый другъ Рислера, находитъ его неостывшее еще тѣло и узнаетъ о причинѣ его самоубійства. «Било шесть часовъ утра. Шумъ Парижа доносился до слуха, но городъ еще не былъ видѣнъ изъ-за тумана, тяжелаго, медленно движущагося, окаймленнаго красной и черной бахрамой, какъ дымъ на полѣ битвы. Мало-по-малу колокольни, фасады, купола выдѣлялись изъ тумана, блестѣли яркимъ блескомъ пробужденія. Тысячи фабричныхъ трубъ, возвышаясь надъ волнистой линіей столпившихся крышъ, начинали дымиться, какъ пароходъ, двигающійся въ путь. Жизнь закипала вновь... Впередъ, машина! И тѣмъ хуже для тѣхъ, которыхъ она оставляетъ въ дорогѣ!.. У Планюса вырвалось негодующее движеніе. О чудовище.. чудовище...—вскрикнулъ онъ, потрясая кулакомъ. Къ кому обращался Планюсъ—къ женщинѣ (т.-е. къ Сидоніи) или къ городу?» Этимъ знаменательнымъ вопросомъ заканчивается романъ—и могли бы заканчиваться почти всѣ остальныя крупныя произведенія нашего автора.

Парижъ—вотъ основной фонъ, на которомъ Додэ рисуетъ картины пороковъ и страстей, страданій и ошибокъ. Но Парижъ —цѣлый міръ или, лучше сказать, совокупность міровъ; который изъ нихъ носится передъ воображеніемъ Додэ, налагаетъ свою тяжелую руку на его героевъ, доводитъ ихъ до паденія, до отчаянія, до самоубійства? Это—Парижъ искусственной, извращенной культуры, бѣшеной роскоши, утонченной праздности, Парижъ-паразитъ, живущій на счетъ другихъ Парижей и цѣлой Франціи, Парижъ, получившій окончательную отдѣлку изъ рукъ второй имперіи, но переживившій ее, переживившій осаду, коммуну, переходную эпоху Тьера и Макъ-Магона, живучій и живущій до настоящей минуты, не смотря на торжество республиканскаго режима. Подобно тому, какъ крѣпостное право развращало не однихъ помѣщиковъ, но и крестьянъ, порча *этого* Парижа чувствуется и за его предѣлами, заражая всѣхъ тѣхъ, кто старается проникнуть въ обѣтованную его землю или хотя бы только мечтаетъ о ея тучныхъ пастбищахъ. Поразительный контрастъ между несмѣтнымъ богатствомъ и крайней нищетой, между вѣчной погоней за удовольствіями и вѣчнымъ, непосильнымъ трудомъ—

контрастъ тѣмъ болѣе яркій, чѣмъ тѣснѣе наполняемое имъ пространство—губитъ, по обѣ стороны демаркаціонной черты, тысячи существованій. Подлѣ каждой фабрики есть чердакъ, изъ котораго глядятъ на нее завистливые глаза Сидоній; въ каждой мастерской ростутъ будущія Сефоры или Алисы; вокругъ каждаго богатства группируются Моессары, Монпавоны, Паганетти. Что мы видимъ на самомъ верху того «Парижа въ Парижѣ», къ которому, точно притягиваемое невидимымъ магнитомъ, постоянно возвращается перо Додэ? Сенъ-Жерменское предмѣстье, «заросшее плющемъ, погрязшее въ лѣности и комфортѣ, глухое къ уличному шуму, отдѣленное отъ остального міра массивными дверьми, массивными вслѣдствіе тяжести традицій и столѣтій»; клубы и модные рестораны, «это сборище классически глупыхъ ганденовъ и кокотокъ, этотъ театръ удовольствій, иногда спускающихся до оргіи, но всегда однообразныхъ, безсмысленныхъ, столь же чуждыхъ фантазіи и увлеченія, какъ и самая буржуазная рутина»,—удовольствій, къ числу которыхъ принадлежатъ, между прочимъ, пари о чести женщинъ; салоны, въ которыхъ безраздѣльно господствуетъ или скука, или грязная сплетня, которые ничѣмъ, въ сущности—кромѣ внѣшняго лоска—не отличаются отъ лакейскихъ пирушекъ, описанныхъ Пассажономъ (mémoires d'un garçon de bureau, въ «Nabab»). Припомнимъ балъ у Жансулэ, куда каждый изъ приглашенныхъ является съ спрятаннымъ въ карманѣ номеромъ газеты, заключающимъ въ себѣ гнусную клевету на хозяина дома; вечеръ у Дженкинса, на которомъ теряетъ свои иллюзіи Поль де-Жери; оффиціальный раутъ у Руместана, гдѣ тоскливое настроеніе публики, точно охлажденной тѣнью Фрейсину [1]), исчезаетъ на нѣсколько минутъ только при появленіи «маленькой Башеллери» или при звукахъ южнаго инструмента, пока еще новинки для парижанъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ много говорилось и писалось о парижской богемѣ—оригинальномъ мірѣ никому неизвѣстныхъ поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ, богатомъ только надеждами и бодростью духа, сегодня воспѣвающемъ молодость и жизнь, завтра умирающемъ въ больницѣ, протестующемъ противъ поклоненія золотому тельцу, поддерживающемъ «la vieille gaieté gauloise», старыя, добрыя традиціи французскаго ума и французскаго сердца. Эта богема не исчезла и теперь, мы встрѣчаемся съ нею у Додэ въ лицѣ Андре Маранна, но ее оттѣснили на второй планъ двѣ другія:

---

[1]) Епископъ Фрейсину былъ министромъ народнаго просвѣщенія при Карлѣ X и жилъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ Додэ поселяетъ своего Руместана.

богема неудачниковъ, извѣстная намъ уже по представителю ея—д'Аржантону, и «la haute Bohême», богема промышленная, финансовая, политическая, богема великосвѣтскихъ авантюристовъ, строго приличная на видъ, внутри безнадежно испорченная, богема, въ ряды которой Фелиція Рюисъ ставитъ Монпавона, Буа-Ландри, Жансулэ, самого Мора. Всѣ эти люди хотятъ жить, т.-е. наслаждаться, во что бы то ни стало; для нихъ сложилась даже особая медицина—медицина Дженкинса, медицина тѣхъ «perles à base d'arsenic», съ помощью которыхъ сильнѣе, но короче бьется пульсъ, и завтрашній день приносится въ жертву сегодняшнему.

Чтобы видѣть всѣ оттѣнки этого лихорадочнаго, вѣчно гримированнаго, нарумяненнаго и набѣленнаго Парижа, перенесемся на первое представленіе «Révolte», которымъ такъ эффекно и выразительно заканчивается «Набабъ». Представители клубовъ и салоновъ, банкиры и ихъ жены, залитыя брилліантами, продажные журналисты, падшія королевы, миньоны XIX-го вѣка, изнѣженные какъ придворные временъ Валуа, куртизанки и соперничающія съ ними свѣтскія дамы—всѣ въ полномъ сборѣ. «Надъ толпой—едва замѣтная пыль, мерцаніе газа, его шипѣнье, похожее на дыханіе чахоточнаго, его запахъ, смѣшанный со всѣми парижскими удовольствіями—и скука, монотонная, безвыходная скука, обращающая парижанъ, каждую зиму, въ провинціаловъ, еще болѣе мелкихъ и придирчивыхъ, чѣмъ истые жители провинціи». Старый сатиръ Кардальякъ, директоръ театра, придумалъ поднести этой толпѣ нѣчто давно для нея непривычное—*честную* пьесу, написанную въ добавокъ стихами, и стихами настоящаго поэта. Разсчетъ его оказался вѣрнымъ; слушатели точно отдыхаютъ, внимая забытому языку искренняго, чистаго чувства. Жансулэ появляется въ своей ложѣ; всѣ глаза обращаются на него съ выраженіемъ презрительнаго негодованія. Какъ! онъ смѣетъ показываться среди публики,—онъ, отвергнутый законодательнымъ корпусомъ, заклейменный газетами (больше всего—газетой Моессара), осужденный общественнымъ мнѣніемъ! На самомъ дѣлѣ немного найдется въ залѣ людей лучшихъ, чѣмъ Жансулэ; но не отъ этихъ людей исходитъ протестъ противъ его присутствія—возмущаются всего больше тѣ, которые всего меньше имѣютъ на то права. «Совѣсти, уже проданныя или поступившія въ продажу, всѣ возможные скандалы, всѣ гнусности эпохи, даже въ своихъ порокахъ не умѣющей быть сильною и оригинальною»—вотъ подкладка «благороднаго негодо-

ванія», встрѣченнаго набабомъ и нанесшаго послѣдній, смертельный ударъ его разбитому сердцу.

Парижъ, такимъ образомъ освѣщенный, бросаетъ, въ свою очередь, яркій свѣтъ на героевъ и героинь Додэ. Намъ можно теперь дополнить характеристику Фелиціи Рюисъ. Парижская high-life втянула Фелицію въ свою среду, привила къ ней свои стремленія, пріучила ее къ избытку комфорта, поставила передъ ней ту альтернативу, которою сама Фелиція объясняетъ свое желаніе выйти замужъ за набаба: или нужда (т.-е. отсутствіе роскоши), или золоченая неволя содержанки. Воспитаніе, полученное Фелиціею, сдѣлало ее только болѣе безоружной противъ тлетворныхъ вліяній, но отнюдь не предрѣшило ея участь; еслибы успѣхъ, доставшійся ей такъ рано, не привлекъ къ ея ногамъ «золотую молодежь» и «великосвѣтскую богему», она могла бы остаться вѣрной лучшимъ сторонамъ своей натуры. Искусство не могло ее спасти, потому что оставляло не занятой, не пополненной часть ея жизни—и въ эту-то брешь и проникли нездоровые пары окружающей атмосферы. Однажды отдавшись Мора, Фелиція могла пасть еще ниже; презрѣніе, прежде защищавшее ее отъ Дженкинса, должно было потерять свою жгучую силу, когда она научилась презирать всѣхъ и все, не исключая и самой себя. Съ судьбой Фелиціи имѣетъ нѣчто общее судьба Руместана. Не такъ богато одаренный отъ природы, онъ все-таки могъ бы сдѣлать другое употребленіе изъ своихъ дарованій, еслибы не высшія сферы, въ которыя проложилъ ему дорогу его напускной легитимизмъ. «Вы правы, изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто съ вами день пробыть съумѣетъ», говоритъ Чацкій, обращаясь къ московскому обществу двадцатыхъ годовъ; но что такое это общество въ сравненіи съ парижскимъ «большимъ свѣтомъ» временъ второй имперіи или третьей республики? Тамъ—болото, покрытое плѣсенью и тиной, ничѣмъ не манящее глазъ, хотя, конечно, страшное своей всасывающей силой; здѣсь—армидины сады, съ благоухающими аллеями, красивыми цвѣтами и самыми разнообразными приманками для утонченнаго вкуса. Чтобы выйти невредимымъ изъ этихъ садовъ, нужно быть Элизэ Меро, т.-е. обладать несокрушимымъ щитомъ идеи или убѣжденія,—но людей, какъ Меро, всегда и вездѣ меньше, чѣмъ Руместановъ.

Парижъ мысли, Парижъ труда, тотъ великій и славный Парижъ, который дорогъ не однимъ французамъ и не имѣетъ ничего подобнаго во всей Европѣ, занимаетъ въ романахъ Додэ гораздо меньше мѣста, чѣмъ Парижъ моды, праздности и наживы. Сочувствія автора для насъ, однако, столь же ясны, какъ

и его антипатіи. Ему знакомъ тотъ «невѣдомый героизмъ», о которомъ говоритъ Алина Жуайезъ, когда Поль-де-Жери указываетъ ей на тѣневыя стороны столицы; онъ умѣетъ не только находить такіе оазисы, какъ семья Жуайезовъ, Ривалей или Лекенуа, но и цѣлыя общественныя сферы, не затронутыя или едва затронутыя современнымъ недугомъ. Стоитъ только припомнить сцену «пряничной ярмарки» въ «Rois en exil» или обращеніе къ парижскому воскресенью въ «Набабѣ», чтобы понять, какое мѣсто занимаетъ въ сердцѣ Додэ парижскій народъ. Нельзя сказать, чтобы Додэ идеализировалъ массу, чтобы анализъ его складывалъ оружіе передъ рабочей блузой; картина завода, куда поступаетъ въ ученье Жакъ, картина жизни, которую онъ ведетъ потомъ въ качествѣ кочегара, нарисованы конечно не розовыми красками. Все дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, Додэ умѣетъ не быть одностороннимъ, умѣетъ видѣть свѣтъ рядомъ съ тѣнью. Благодаря этому, мы встрѣчаемъ у него такія симпатичныя фигуры, какъ Белизеръ и madame Веберъ (въ «Жакѣ»). Для Белизера самоотверженная преданность товарищу разумѣется сама собою, какъ любовь матери къ ребенку; въ его устахъ слова: «c'est le camarade»—цѣлая profession de foi, не требующая никакихъ дополненій и поясненій. Свадебный обѣдъ Белизера—прелестная жанровая картинка, свободная отъ идиллическаго оттѣнка, но полная добродушнаго юмора и по меньшей мѣрѣ на столько же вѣрная дѣйствительности, какъ и безконечныя описанія обѣдовъ или объяденій въ «Assommoir». Чтобы узнать рабочій Парижъ, нужно пополнить изображенія Додэ изображеніями Зола, или наоборотъ; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что взятыя въ отдѣльности, первыя ближе къ истинѣ, чѣмъ послѣднія. Читая только Додэ, рискуешь узнать парижскихъ рабочихъ не вполнѣ; читая только Зола, рискуешь составить себѣ о нихъ неправильное въ самой своей основѣ представленіе, слишкомъ окрашенное пессимизмомъ. Для Зола народъ, какъ и высшее общество—только матеріалъ для наблюденій, или такъ называемыхъ экспериментовъ; между Додэ и народомъ существуетъ та тайная связь, которая всегда идетъ рука объ руку съ сочувствіемъ къ страдающимъ, бѣдствующимъ и угнетеннымъ. Это сочувствіе не только выражается въ выборѣ сценъ и дѣйствующихъ лицъ—оно прорывается въ отдѣльныхъ фразахъ, останавливающихъ, можетъ быть, ходъ разсказа, достойныхъ осужденія съ точки зрѣнія натуралистической теоріи, но находящихъ дорогу къ сердцу читателя, не отдавшаго себя во власть сухой доктрины. «La vraie famille

est chez les humbles».—«Одна изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ бѣдности—отсутствіе досуга для страданія. Нужно работать не переставая, хотя бы смерть стучалась въ дверь, нужно непрерывно заботиться о завтрашнемъ днѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба. Богатый можетъ замкнуться въ своемъ горѣ, жить имъ, отдать себя всецѣло слезамъ и душевной боли; бѣдный не имѣетъ на то ни средствъ, ни права».

Сердечно внимательный къ положенію рабочаго класса, Додэ ярко намѣтилъ одну черту, о которой рѣдко говорятъ французскіе писатели,—черту, которую у насъ многіе расположены считать спеціально-русскою особенностью, послѣдствіемъ петровской реформы. Эта черта—оторванность рабочихъ отъ такъ-называемаго образованнаго общества. Д'Аржантонъ задумалъ сдѣлать Жака рабочимъ, именно для того, чтобы радикально отдалить его отъ матери. Риваль, искренній другъ ребенка, угадываетъ этотъ разсчетъ и старается разбить его, апеллируя къ сердцу Иды. «Пошлите вашего сына на край свѣта,—говоритъ онъ,—и онъ будетъ менѣе далекъ отъ васъ, чѣмъ въ мастерской, рядомъ съ вами. Уничтожить дѣйствіе разстояній возможно, для этого есть средства; но общественныя различія безусловно препятствуютъ сближенію. Придетъ день, когда вы будете краснѣть при видѣ вашего сына, когда онъ будетъ стоять передъ вами не какъ передъ матерью, а какъ передъ чужою, какъ передъ женщиной другого міра». Это предсказаніе оправдывается, когда Жакъ появляется въ Парижѣ послѣ десятилѣтней работы на фабрикѣ и на пароходѣ, и только особенно благопріятныя обстоятельства—прежнее воспитаніе, дружба Риваля, любовь къ Сесили—позволяютъ ему черезъ нѣсколько времени опять подняться на прежній уровень. Къ той же самой темѣ, съ другой ея стороны, Додэ возвращается въ «Rois en exil», когда описываетъ засѣданіе французской академіи. Одинъ изъ академиковъ читаетъ отчетъ о присужденіи монтіоновскихъ премій. «Съ какой презрительной скукой аристократическое собраніе присутствуетъ при этомъ дефиле скромныхъ подвиговъ, скрытыхъ существованій, беззавѣтныхъ самоотверженій! Плебейскія имена, потертыя рясы, полинялыя блузы, забытые, отдаленные уголки, стѣны, смазанныя навозомъ—какъ странно все это звучитъ въ великосвѣтской атмосферѣ, подъ холоднымъ свѣтомъ академическаго краснорѣчія! Благородная публика точно удивлена, что въ рядахъ простонародья встрѣчается еще такъ много хорошихъ людей. Какъ, еще?.. еще?.. когда же они, наконецъ, перестанутъ страдать, жертвовать собою, быть героями? Клубы находятъ, что можно лопнуть

съ тоски; Колетта Розенъ открываетъ флаконъ съ духами—ей кажется, что вся эта бѣдность, вся эта дряхлость пахнетъ *мураьемъ*. Скука царитъ на лбахъ, сочится сквозь стѣны; докладчикъ чувствуетъ всеобщую усталость и начинаетъ ускорять шествіе, коверкаетъ имена, пропускаетъ цѣлые параграфы, бросаетъ, какъ бѣглецъ, свое оружіе и пожитки». Книга Герберта Розена объ осадѣ Рагузы—вотъ это другое дѣло; похвалами ей «аристократическое собраніе» готово заслушиваться сколько угодно—до тѣхъ только поръ, впрочемъ, пока вниманіе его не отвлечено еще болѣе интереснымъ предметомъ: появленіемъ «Графини Спалато», т.-е. Сефоры Левисъ, новой избранницы рагузскаго героя.

Читая какой-нибудь отдѣльный романъ Додэ, легко подумать, что авторъ весь живетъ въ своемъ искусствѣ, далекій отъ жгучихъ вопросовъ настоящей минуты; прочитавъ *всѣ* романы Додэ, нельзя не придти къ совершенно другому выводу. Совокупность поэтическихъ картинъ, бо̀льшею частью мягкихъ, нѣжныхъ, успокоительныхъ, оставляетъ глубоко-серьёзное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-печальное впечатлѣніе, похожее на то, которое иногда ощущается передъ грозою. Грозовыя тучи нигдѣ не изображены Додэ; но въ воздухѣ, которымъ мы у него дышемъ, чувствуется ихъ близость или по крайней мѣрѣ ихъ возможность. И въ этомъ отношеніи Додэ напоминаетъ Диккенса; разница между ними заключается въ томъ, что Диккенсъ во многихъ романахъ прямо нападаетъ на несправедливость общественнаго устройства, а Додэ только даетъ понять или почувствовать ее. Диккенсъ—писатель несомнѣнно и рѣшительно тенденціозный; у Додэ тенденція рѣдко выходитъ на поверхность, составляя какъ бы подводное теченіе, согрѣвающее верхній слой воды и носящійся надъ нею воздухъ. Весьма можетъ быть даже, что это не тенденція въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. не сознательное намѣреніе доказать извѣстный тезисъ или повліять извѣстнымъ образомъ на читателей, а просто настроеніе автора, невольно вносимое имъ въ его произведенія. Диккенса тенденціозность приводитъ иногда къ догматизму, обращаетъ иногда изъ художника въ адвоката (припомнимъ, напримѣръ, черезчуръ обстоятельную критику канцлерскаго суда и судопроизводства, въ «Bleak-house»); но онъ обязанъ ей такими могучими страницами, какъ смерть бѣдняка Джо (въ «Bleak-house»), такими могучими произведеніями, какъ «Hard-times». Этихъ высшихъ степеней силы Додэ еще не достигалъ—не достигалъ, можетъ быть, именно потому, что не отдавалъ себя всецѣло во власть идеи. Какъ бы то ни было, романы Додэ—знаменательная страница изъ жизни

современной Франціи. Они свидѣтельствують о томъ, что вопросъ о будущемъ Франціи переносится все больше и больше съ чисто-политической почвы на политическо-соціальную—и вмѣстѣ съ тѣмъ сами способствуютъ такой перестановкѣ вопроса. Парижъ-эксплуататоръ, Парижъ-паразитъ, вмѣстѣ съ развѣтвленіями его по всей Франціи—это тотъ Кароагенъ, къ разрушенію котораго (конечно не вдругъ и не насильственными средствами) призываетъ Додэ, образами Сидоній и д'Аржантоновъ, Монпавоновъ и Мора, Сефоръ и Руместановъ. Пора, говорятъ намъ эти образы—пора сгладить контрасты, положить конецъ крайней роскоши и крайней нищетѣ, сблизить общество съ народомъ, открыть послѣднему болѣе широкій и легкій доступъ къ тому, чтó составляло до сихъ поръ, даже во Франціи, почти исключительную монополію перваго. Съ этой точки зрѣнія Додэ гораздо ближе къ В. Гюго, чѣмъ къ Зола и Флоберу—особенно къ Флоберу, равнодушному зрителю чужихъ страданій, находившему, вмѣстѣ съ Колеттой Розенъ, что народъ «нехорошо пахнетъ».

Мы разсматривали до сихъ поръ романы Додэ какъ одно цѣлое, не останавливаясь отдѣльно на каждомъ изъ нихъ. Пополнимъ, въ немногихъ словахъ, этотъ пробѣлъ; намъ легче будетъ опредѣлить тогда, чего можно еще ожидать отъ автора. Въ продолженіе восьми лѣтъ (1874—1881 г.) Додэ написалъ пять большихъ романовъ [1]), слѣдующихъ одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Fromont jeune et Risler aîné», «Jack», «le Nabab», «les Rois en exil», «Numa Roumestan». Первый изъ нихъ во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ остается непревзойденнымъ. Главные характеры обрисованы ярко и сильно, нѣтъ ни одного лишняго слова, дѣйствіе подвигается впередъ быстро и непрерывно, различныя его части искусно связаны между собою; манера, свойственная Додэ, является уже здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Нѣкоторые эффекты немного искусственны (напр. появленіе Сидоніи у Делобеллей какъ разъ въ ту минуту, когда Францъ готовъ признаться въ любви къ Дезирэ),—но этотъ лег-

---

[1]) Оставаясь въ предѣлахъ нашей задачи, мы не будемъ говорить ни о мелкихъ разсказахъ и очеркахъ Додэ, между которыми столько прелестныхъ жемчужинъ, ни о „Petit Chose“ и „Tartarin de Tarascon“. Не смотря на большій, сравнительно, объемъ двухъ послѣднихъ произведеній, они имѣютъ мало общаго съ романами, составившими славу Додэ. „Tartarin de Tarascon“—милая шутка, „Petit Chose“—симпатичный разсказъ, въ которомъ много искренняго чувства, но нѣтъ ни одного характера, ни одной ярко нарисованной картины.

кій недостатокъ исчезаетъ посреди ряда сценъ естественныхъ, живыхъ, иногда глубоко драматичныхъ. Назовемъ, кромѣ всего упомянутаго нами прежде, свадебный обѣдъ у Вефура, столь удачно завязывающій дѣйствіе—и какъ параллель къ нему, послѣдній обѣдъ Рислера съ Планюсомъ въ Пале-Роялѣ; похороны Дезирэ, съ кортежемъ актеровъ, съ Делобеллемъ, горесть котораго не мѣшаетъ ему замѣтить и указать двѣ «господскія кареты», слѣдующія за гробомъ; первую встрѣчу Сидоніи въ Аньерѣ съ грознымъ «судьей» ея, Францемъ; сцену, когда Рислеръ узнаетъ измѣну жены и бросаетъ ее къ ногамъ Клары; послѣдніе дни жизни Рислера, терзаемаго воспоминаніями о женѣ, чувствомъ неудовлетворенной мести, крушеніемъ всѣхъ привязанностей, всѣхъ вѣрованій,—и все-таки неусыпно трудящагося на пользу фабрики, разворенной Фромономъ и Сидоніей. «Жакъ», какъ цѣлое, значительно уступаетъ «Fromont jeune et Risler aîné». Самъ герой нарисованъ нѣсколько блѣдно, передъ нами проходитъ скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя его исторія; перемѣна, происходящая въ немъ сначала въ одномъ направленіи—когда онъ становится рабочимъ,—потомъ въ другомъ, противоположномъ, только намѣчена, но не изображена рельефно; нѣкоторые эпизоды — напримѣръ, любовь madame Рудикъ къ своему племяннику, исторія дочери Ривалей—пришиты къ роману бѣлыми нитками; рѣшимость Сесили отказаться отъ любви къ Жаку мотивирована слабо и неправдоподобно. Прелестныхъ подробностей и въ «Жакѣ», конечно, много; особенно хороши тѣ части романа, которыя относятся къ дѣтству Жака, къ рабочей его жизни въ Парижѣ и къ кружку «неудачниковъ», съ д'Аржантономъ во главѣ. Изъ дѣйствующихъ лицъ больше всего выдается, послѣ д'Аржантона, Ида де-Баранси, этотъ вѣчный ребенокъ, или, лучше сказать, эта маленькая собачка, умѣющая только рабски любить своего господина.

«Набабъ» замѣчателенъ больше всего какъ первая попытка Додэ расширить область своего творчества, присоединить къ картинамъ интимнаго, частнаго быта изображеніе общественной, публичной жизни. Попытка эта удалась блистательно; выше точки, достигнутой имъ сразу, Додэ не поднялся ни въ «Rois en exil», ни въ «Numa Roumestan». Сфера «изгнанныхъ королей» оказалась для него слишкомъ тѣсной, въ сферу парламентаризма онъ заглянулъ только мимоходомъ. Въ «Набабѣ» отразилась съ необыкновенною яркостью цѣлая эпоха, вліяніе которой до сихъ поръ еще не вполнѣ миновало для Парижа, для Франціи, для Европы. Двѣ странички, посвященныя законодательному корпусу,

останутся, можетъ быть, лучшей характеристикой этого собранія, не меньше палаты 1815, 1816 г. заслуживающаго кличку «chambre introuvable» — этого сборища бездарностей, мелкихъ самолюбій, крошечныхъ талантовъ, надъ которымъ возвышался Морни, какъ школьный учитель надъ запуганными и отупѣвшими учениками. Чего стоитъ одинъ Саригъ, застѣнчивый, заикающійся, почти безголосый, втиснутый въ палату какою-то чужою рукою, смиренно ухаживающій за Жансулэ, которому порученъ докладъ о его избраніи! Римъ временъ упадка, испорченность, возведенная въ систему и переставшая даже стыдиться самой себя, едва замѣтные залоги обновленія, зараждающагося посреди гнили — вотъ въ двухъ словахъ впечатлѣніе, производимое «Набабомъ». Въ «Rois en exil» открывается уголокъ той же картины, съ прибавкой новаго элемента, на который указываетъ самое заглавіе романа. Отживающее начало умираетъ передъ нами на той же почвѣ, которая поглотила уже столько обломковъ и дала столько новыхъ всходовъ. Такого блестящаго цѣлаго, какъ въ «Набабѣ», мы здѣсь не видимъ; положеніе выбрано нѣсколько однообразное — Фредерика съ самаго начала и до самаго конца отчаявается въ своемъ мужѣ, Христіанъ съ самаго начала до самаго конца ищетъ приключеній; Элизэ Мэро, сначала выдвинутый на первый планъ и достойный занимать его собою, скоро перестаетъ быть средоточіемъ романа; его любовь къ Фредерикѣ получаетъ чисто внѣшнюю развязку (нечаянный выстрѣлъ, стоющій зрѣнія сыну королевы). Одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ романа — высадка роялистовъ на берегахъ Далмаціи, разсказанная въ предсмертномъ письмѣ Герберта Розена къ Колеттѣ — испорченъ тѣмъ, что Гербертъ, прежде жалкій и смѣшной, является вдругъ не только героемъ (этотъ переходъ еще возможенъ), но и тонко чувствующимъ, тонко выражающимъ свои чувства человѣкомъ. «Numa Roumestan» страдаетъ однимъ существенно важнымъ недостаткомъ. Авторъ вводитъ насъ на широкую политическую сцену, затрогиваетъ крайне интересный моментъ новѣйшей исторіи — господство такъ-называемаго «нравственнаго порядка», отчаянную борьбу старыхъ партій противъ естественнаго хода событій — и вдругъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на двухъ пунктахъ, не имѣющихъ почти ничего общаго съ первоначальнымъ размахомъ романа: на воображаемой любви Гортансы къ Вальмажуру и на увлеченіи Руместана Алисой Башеллери. Разсказъ какъ бы разрѣзанъ на двѣ, почти равныя части, изъ которыхъ первая совершенно затмѣваетъ вторую.

Если каждый новый романъ Додэ не составляетъ, такимъ

образомъ, шага впередъ сравнительно съ предъидущимъ, то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы дарованіе его клонилось къ упадку. Постоянно держаться на одной высотѣ или постоянно возвышаться—невозможно даже для самаго крупнаго писателя. Между «Валленштейномъ» и «Вильгельмомъ Теллемъ» Шиллеръ написалъ три менѣе выдающіяся трагедіи; между «Misérables» и «Quatre-vingt-treize» В. Гюго вышли въ свѣтъ «Travailleurs de la mer» и «L'homme qui rit». Признаковъ утомленія, признаковъ поворота на другую дорогу, менѣе подходящую къ таланту автора, ни въ «Rois en exil», ни въ «Numa Roumestan» незамѣтно; все, что̀ есть наиболѣе цѣннаго въ Додэ, проявляется и въ этихъ романахъ, только въ менѣе счастливыхъ сочетаніяхъ, чѣмъ въ «Fromont jeune» и въ «Набабѣ». Современная французская беллетристика въ этомъ отношеніи поставлена гораздо лучше нѣмецкой; главные представители ея далеки отъ дряхлости, къ которой склоняются или склонились Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ. Авторская личность Додэ сложилась такъ опредѣленно и крѣпко, что для нея не опасно вліяніе ультра-реалистическихъ теорій; что̀ бы ни проповѣдывали его друзья, Додэ, по всей вѣроятности, останется самимъ собою—останется поэтомъ, дающимъ полный просторъ своему вдохновенію, не обрекающимъ себя на безучастіе и безстрастность, чуткимъ къ голосу современной жизни и къ великимъ вопросамъ близкаго, быть можетъ, будущаго.

Z. Z.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЧТАНІЯ

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

По поводу литературныхъ мнѣній о народѣ *).

III. Г. И. Аксаковъ и его «Русь».

Обязательно для всякаго писателя—не заподозривать честности намѣреній литературнаго противника. Пусть даже—такой случай у насъ еще ли не возможенъ?—пусть даже такое заподозриваніе и было бы по обстоятельствамъ совершенно естественнымъ, но дѣло для читателя не въ томъ, съ какими намѣреніями обращается къ нему авторъ, а въ томъ, *съ чѣмъ* онъ идетъ къ нему; дѣло всякаго читателя судить не личные разсчеты писателя, а его писанія, его общественную дѣятельность. Иначе приходится смотрѣть на дѣло, когда писатель, хотя бы и съ честнѣйшими намѣреніями, съ полнымъ желаніемъ блага родному краю, подтасовываетъ факты, извращаетъ мысли противника, приписываетъ ему мысли и стремленія, которыхъ тотъ не имѣлъ, которыхъ даже чуждается. Пусть будутъ хороши намѣренія, намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Воленъ человѣкъ соглашаться или не соглашаться съ мнѣніемъ, но извращать его онъ права не имѣетъ,—отъ этого ничего не можетъ произойти кромѣ ущерба правдѣ, истинѣ, со всѣми его печальными результатами.

---

*) См. выше: ноябрь, 1881, стр. 300.

Другого способа спорить, характеризовать и соглашаться, мы не понимаемъ и не признаемъ. Считая его единственно честнымъ и обязательнымъ для насъ при разборѣ ученія «Руси», мы потребуемъ того же и отъ нея. Мы согласимся признать все, что̀ можетъ быть истиннаго въ ея воззрѣніяхъ, но съ тою же искренностью укажемъ и всю ложь. Что такая дѣйствительно существуетъ, читатели убѣдятся ниже, какъ убѣдятся и въ томъ, что ложь эта состоитъ именно въ самомъ неправильномъ, самомъ ложномъ истолкованіи мнѣній и стремленій противниковъ, въ слишкомъ уже страстномъ желаніи, во что бы ни стало, выиграть свое дѣло, убѣдить читателей, что мнѣнія противниковъ будто бы абсурдны и вредны. Нелегко, въ сущности, говорить о столь простыхъ вещахъ, выгораживать свое право даже на справедливость безпристрастія къ себѣ. Но таковы уже времена, таковы нравы въ нашей современной жизни и печати!

Характеристичнѣйшею чертою проповѣди Достоевскаго мы признали то, что̀ мы назвали «сумбуромъ чувствъ, движеній душевныхъ, мыслей». «Русь»—это уже совершенно иное дѣло. Достоевскій, очевидно серьёзно не изучавшій славянофильства, былъ подъ вліяніемъ идей его. Въ его воззрѣніяхъ не было послѣдовательности, логики. Онъ не зналъ даже, къ чему обязывали его славянофильскія воззрѣнія. Ученіе «Руси», напротивъ, можетъ показаться, вообще говоря, цѣльною и строгою системой, съ которую можно отвергнуть, только указавъ ея несостоятельность логическую или практическую. Дѣйствительно, это ученіе и можетъ показаться системой. Но, къ счастію, или къ сожалѣнію, это какъ будетъ угодно читателю, большинство ея основныхъ положеній стоятъ на ложномъ основаніи, а логически обязательныя послѣдствія ихъ, т.-е. выводы, опровергаются жизнью; и все ученіе при анализѣ рушится неизбѣжно, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ какого-то проходящаго угара самообольщенія и воздушныхъ замковъ. Мы постараемся разъяснить это.

Если очистить ученіе «Руси» отъ разнородныхъ примѣсей, вызванныхъ вліяніями минуты, увлеченіями, естественными въ спорѣ и т. п., то первое, что̀ представится безпристрастному наблюдателю, будетъ несомнѣнное отрицательное отношеніе къ существующему порядку дѣлъ въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ «Русь» имѣетъ нѣсколько общихъ точекъ съ тѣми, кого она называетъ «лже-либералами», «будто бы либералами», «называющими себя либералами». Еще недавно, въ № 58 отъ 19-го декабря, въ передовой статьѣ, передавая извѣстное товаревское дѣло, «о превышеніи и бездѣйствіи власти», иначе говоря, о незаконномъ

и насильственнымъ отобраніи чужой земли въ пользу казны, а затѣмъ и въ собственность губернатора Токарева, причемъ въ ходъ были пущены и «усмиреніе бунта» воинской командой, и всѣ другія, обыкновенныя въ такихъ случаяхъ мѣры,—говоря объ этомъ дѣлѣ, возбужденномъ по ходатайству комитета министровъ, «Русь» въ слѣдующемъ видѣ представляетъ его общественное значеніе:

«Въ сущности, и это едва ли имѣли въ виду члены комитета министровъ, отдавалась подъ судъ, вмѣстѣ съ лицами, самая система управленія, самый административный, не только строй, но и *бытъ*. Въ чемъ же дѣло? Былъ совершенъ, даже не мѣстными только властями, но представителями *высшей* государственной власти, именемъ *верховнаго правительства* (всѣ курсивы принадлежатъ «Руси») денной грабежъ и разбой въ буквальномъ смыслѣ слова. Какъ это ни ужасно, но гораздо ужаснѣе и замѣчательнѣе именно то, что такое дѣяніе вовсе не носитъ на себѣ характера исключительности, вовсе не представляется чѣмъ-то необычайнымъ, какимъ-либо вопіющимъ противорѣчіемъ съ нашими административными нравами. Будь тайный совѣтникъ Токаревъ и генералъ Лошкаревъ изверги, злодѣи, выродки человѣчества,—все это дѣло представлялось бы только возмутительною *случайностью*, которую обобщать было бы, конечно, несправедливо; но ужасъ именно въ томъ, что по всему судя они—люди совсѣмъ *обыкновенные*, каковыхъ тысячи, общаго прежняго, чиновничьяго и генеральскаго пошиба, можетъ быть даже, въ своемъ родѣ «добрые малые»... Если бы этотъ процессъ происходилъ въ формѣ новаго судопроизводства, то адвокатъ могъ бы съ нѣкоторымъ правомъ развить въ своей защитительной рѣчи такую тему, что упомянутые подсудимые виноваты не лично, т.-е. не индивидуальною виною, а виною—общею цѣлому ряду служебныхъ поколѣній, вскормленною вѣковымъ административнымъ преданіемъ, вошедшею въ кровь и плоть и потому уже не тревожащею и совѣсть»...

Какой языкъ! Какая смѣлость! Ни одинъ «такъ называемый либеральный» органъ печати не рѣшился такъ смѣло возводить въ общій порядокъ дѣлъ отдѣльный фактъ административнаго «быта», не ставилъ такой рѣзкой характеристики этого послѣдняго —«деннымъ грабежомъ и разбоемъ, совершеннымъ представителями государственной власти именемъ верховнаго правительства», не рисковалъ такъ подрывать довѣріе къ существующимъ властямъ! Каковъ же долженъ быть этотъ «бытъ» для тѣхъ, на кого онъ ложится всею своею тяжестью! И каковъ же онъ для всѣхъ, если

онъ такъ общъ во всей Россіи! «Русь» призываетъ кары верховной власти столько же на воровъ и злодѣевъ, именно и преимущественно въ ряду ея услугъ, сколько на самый на административный строй, признавая, что, можетъ быть, и дѣйствительно въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ никто изъ обвиняемыхъ лично очень-то и невиноватъ, развѣ лишь въ нѣкоторомъ «бездѣйствіи» или «нерадѣніи власти». «Не на лица только долженъ обрушиться благодѣтельный гнѣвъ,—заключаетъ свою статью «Русь»:—а пуще всего на это казенное бездушіе, эту казенную отвлеченность, это низкое человѣкоугодничество, на всю эту подлость и пошлость, на эту безгласность, эту нѣмоту, эту темь, которыя такъ благопріятны для распложенія гадовъ, такъ гибельны для населенія и которыя въ казенныхъ донесеніяхъ живописуются словами: «все обстоитъ благополучно»... Покаяніе и возрожденіе—вотъ что нужно намъ всѣмъ, сверху и до низу, намъ, изолгавшимся до мозга костей,—и такого призыва, мощнаго, властнаго, ждетъ не дождется Россія!»

Это не единственное мѣсто, гдѣ «Русь» нападаетъ на казенщину и бездушную отвлеченность, на «*безгласность, нѣмоту, темь* и всѣ благопріятныя для распложенія гадовъ условія нашей жизни». Напротивъ; нѣтъ, кажется, нумера этого изданія, гдѣ бы не было этихъ нападеній. Да едва ли можно найти хоть одну область нашего общественнаго строя, къ которой «Русь» не относилась бы—по временамъ, по крайней мѣрѣ—съ недвусмысленнымъ отрицаніемъ. По поводу бывшаго въ 1868 году процесса газеты «Москва», издававшейся г. Аксаковымъ, «Русь» высказалась, напримѣръ, о положеніи нашей печати въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Этотъ процессъ свидѣтельствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ о неблагонадежности, о шаткости тѣхъ основаній, на которыхъ построена существующая у насъ система карательной цензуры. Она ставитъ печать въ исключительную зависимость отъ «усмотрѣнія», слѣдовательно отъ личнаго «умоначертанія» министра, отъ степени его воспріимчивости и чувствительности, а не отъ какихъ-либо незыблемыхъ, ясно опредѣленныхъ, точно сознанныхъ, руководящихъ правительственныхъ началъ» (№ 55). По поводу этой самой статьи «Русь» обвиняли въ томъ, что она стоитъ за свободу печати не вообще, а лишь той печати, къ которой принадлежитъ сама «Русь» и принадлежала «Москва». Такое заключеніе могло основываться на томъ, что, въ доказательство своей вышеприведенной мысли, «Русь» приводитъ бывшія преслѣдованія славянофильства, въ качествѣ «чуть не секты изъ числа наиболѣе вредныхъ», и выска-

зываетъ опасенія, что «при смѣнѣ высшихъ, вѣдающихъ нашу литературу лицъ, можетъ возобновиться и прежній образъ дѣйствій» по отношенію къ «сектѣ». Должно ли, возможно ли на этомъ основывать какое-либо обвиненіе «Руси» въ стремленіи къ свободѣ печати только для себя? Мы должны допустить, что «Русь», какъ она и высказалась по поводу этихъ обвиненій, никогда не стояла и не хочетъ стоять за административныя стѣсненія печати. Въ той же статьѣ «Русь» совсѣмъ иронически относится къ боязни допустить какой бы ни было судъ въ подобныхъ дѣлахъ. «Не только настоящій, чисто юридическій, формальный судъ,—замѣчаетъ газета по поводу того же процесса, — даже и высшій административный показался неудобенъ *для административнаго произвола*. А, кажется, маститые сановники Правительствующаго Сената не могутъ быть заподозрѣны не только въ сочувствіи къ нигилизму, но и въ увлеченіи моднымъ либерализмомъ,—въ чемъ, какъ извѣстно, наклонны иные обвинять у насъ новые, реформенные суды»... Въ заключеніе газета предлагаетъ, впрочемъ, учредить какой-то особый *административный судъ* по дѣламъ печати, который бы разсматривалъ *объясненія со стороны обвиняемыхъ*. «Можно согласиться и не согласиться съ этимъ рѣшеніемъ вопроса. Но во всякомъ случаѣ — это нѣчто иное, чѣмъ защита существующаго порядка дѣлъ».

Да это чистый человѣкъ прогресса—г. Аксаковъ! подумаетъ, быть можетъ, иной читатель, незнакомый съ «Русью». Какой же онъ консерваторъ?!.. Да, движеніе г. Аксаковъ признаетъ необходимымъ, неотложнымъ. Существующее онъ признаетъ слишкомъ неудовлетворяющимъ живымъ потребностямъ общественной, вѣрнѣе — всенародной, жизни нашей. Ниже мы должны будемъ привести не мало поводовъ къ недовольству г. Аксакова настоящимъ и къ его мечтаніямъ о будущемъ, и не мало рѣшеній имъ жгучихъ вопросовъ нашего времени. Читатель замѣтитъ тамъ повсюду, что рѣшенія, предлагаемыя г. Аксаковымъ, далеко не находятся въ соотвѣтствіи съ рѣзкими нападками на существующее зло, которое затѣмъ перестаетъ иногда быть и «ужаснымъ», какъ онъ самъ называетъ его здѣсь. И вотъ въ этомъ-то все дѣло.

Недостаточно видѣть существующее зло, — нужно знать его причины и слѣдствія, чтобы дѣятельно и плодотворно бороться съ нимъ, содѣйствовать его искорененію. Едва ли нужно слишкомъ много историческаго пониманія нашей жизни, чтобы отнестись съ полной справедливостью къ страннымъ теоріямъ «Руси», имѣющимъ цѣлью разъяснить эти причины и слѣдствія. Достаточно сказать, что, по мнѣнію «Руси», весь нашъ «административный

бить», есть слѣдствіе западничества, какъ отчужденія отъ народной жизни. И помянутое токаревское дѣло является именно слѣдствіемъ того же «западничества». Вотъ слова «Руси» по поводу этого дѣла. «У насъ бюрократизмъ явился логическимъ послѣдствіемъ духовнаго отчужденія власти и всѣхъ «команду имѣющихъ» отъ жизни нашего отечества вообще, а русскаго народа въ частности; можно сказать, что онъ сталъ по преимуществу орудіемъ анти-національной стихіи въ сферѣ русскаго казеннаго управленія. Если прусскій чиновникъ, хотя и бюрократъ, проникнутъ сознаніемъ государственной задачи и національныхъ интересовъ своей страны, то нашъ чиновникъ, въ качествѣ казеннаго человѣка, или же вовсе чуждъ такого сознанія и къ задачамъ русскаго государства совсѣмъ равнодушенъ, или же (что часто бываетъ), отражая въ себѣ безнародность высшихъ казенныхъ сферъ, не разумѣя прямыхъ интересовъ своего народа и государства, дѣйствуетъ имъ рѣзко наперекоръ, какъ бы отъявленный врагъ». Какъ! Неужели же европейское образованіе только и можетъ создать, что стремленіе къ «денному грабежу и разбою»? Этотъ взглядъ для всякаго мыслящаго человѣка представляется до того неожиданнымъ, такъ противорѣчащимъ логикѣ вещей, что только при ближайшемъ знакомствѣ съ логикою «Руси» становится хоть сколько-нибудь понятнымъ это удивительное міровоззрѣніе. И на какомъ основаніи «Русь» считаетъ гг. Токарева, Севастьянова и исправника Капгера носителями западной цивилизаціи, выразителями духа Европы въ его практическомъ и крайнемъ развитіи? Намъ скажутъ: они—представители и результатъ только бюрократизма, а этотъ послѣдній уже есть, какъ и говоритъ «Русь», результатъ приверженности къ Европѣ, давшей въ результатѣ отчужденіе «власти и всѣхъ команду имѣющихъ» отъ жизни нашего отечества и русскаго народа. Эта логика намъ не совсѣмъ понятна. Но, чтобы имѣть хоть какой-нибудь смыслъ, она должна, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь оправдываться фактами; нужно доказать, что до вліянія «западничества» на русскую жизнь не было ни этого бюрократизма, ни этого «грабежа и разбоя». Между тѣмъ, въ исторіи нашего народа существуютъ факты, указывающіе совершенно противоположное. Если современное неустройство нашей жизни объясняется вредомъ западничества, составляетъ прямой результатъ этого послѣдняго, то чѣмъ же объяснить народное негодованіе къ «шемякину суду», этому нашему, *не* западническому явленію? Чѣмъ объяснить эти памятныя народу воеводства и кормленія? Мы хотимъ сказать, что тѣ явленія нашей жизни, на которыя «Русь» указы-

ваетъ какъ на доказательство пагубности западничества, существовали и прежде этого послѣдняго, что «отчужденіе» «командующихъ классовъ» отъ народа—результатъ *всей* нашей исторіи.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что, употребляя слово «грабежъ и разбой» въ примѣненіи къ нашему «административному быту», мы повторяемъ только слова «Руси», для насъ необязательныя и за которыя мы неотвѣтственны. Мы нѣсколько иначе понимаемъ дѣло и считаемъ случающіеся и случившіеся и до сближенія нашего съ Европою во имя власти «грабежи и разбои» злоупотребленіями, зависящими болѣе всего отъ невѣжества, а не какой-то «анти-національной стихіи».

Какъ мы выше сказали, чтобы понять очевидную несообразность смѣшенія идеи «грабежей и разбоевъ» съ идеями западной цивилизаціи, необходимо выяснить себѣ все міровоззрѣніе «Руси» и всю совокупность ея воззрѣній на общественную жизнь вообще и въ частности какъ на русскую, такъ и на европейскую жизнь. Первымъ пунктомъ этого міровоззрѣнія, который привлекаетъ вниманіе читателя, это—историческія понятія «Руси», ея взгляды на русскую исторію, которые и высказаны уже въ первомъ нумерѣ ея, гдѣ очерчена рельефно вся политическая profession de foi новѣйшихъ славянофиловъ.

Мы рѣшаемся сказать, что историческое пониманіе, выраженное «Русью» въ этомъ первомъ нумерѣ, колоссально нелѣпо. Мы не утверждаемъ, что «Русь» именно такъ понимаетъ все историческое дѣло Россіи, какъ высказывается тамъ; напротивъ, мы склонны думать, что вся передовая статья, о которой мы говоримъ—только façon de parler, введшій, однако, многихъ въ заблужденіе, да и самой «Руси» доставившій кое-какія историческія стропила, на которыхъ она строитъ свои теоріи. Дѣло въ томъ, что воспользовавшись намеками тогдашней печати на необходимость (по ея мнѣнію, конечно,—мы говоримъ не отъ себя) «вѣнчать зданіе», т.-е. создать такое верховное управленіе, которое помогло бы верховной власти гарантировать во благо народа исполненіе ея намѣреній и предписаній, нарушаемыхъ теперь съ такой легкостью, какъ въ токаревскомъ дѣлѣ,—воспользовавшись этими намеками, «Русь» распространилась въ архитектурныхъ сравненіяхъ, не имѣвшихъ и не имѣющихъ рѣшительно никакого смысла. Сравнить ростъ общественнаго организма съ постройкою зданія—это уже очень смѣло. Между тѣмъ, «Русь» утверждала, что въ Россіи «зданія-то еще никакого нѣтъ», что «приходится еще кирпичи класть», что «сложенъ прочно только еще одинъ фундаментъ»; она требовала, чтобы ей ука-

заны были «историческія стропила» и пр., и пр. Все это, конечно, не имѣло никакого смысла, но это не помѣшало «Руси» вывести заключеніе, что строить нужно начинать снизу, а потому позаботиться прежде всего объ «уѣздѣ»; а разъ выстроивши этотъ «фундаментъ», можно съ Божьей помощью строить и дальше.

Мы не особенные поклонники нѣмецкой теоріи объ обществѣ, какъ живомъ организмѣ, не поклонники въ томъ смыслѣ, что не согласимся признать господъ славянофиловъ — головою въ организмѣ Россіи, крестьянъ—руками и пр. Однако же, представленіе объ обществѣ, какъ о *своего рода* организмѣ, какъ объ органическомъ цѣломъ, оспаривать немыслимо. Но что̀ вышло бы, если бы теорію «Руси» о начинаніи снизу переложить къ организму? Какъ мы должны были бы представлять себѣ развитіе ребенка? Можно ли было бы утверждать, что въ маленькомъ человѣкѣ «зданія-то еще никакого нѣтъ, а что для развитія его нужны стропила»? Не нужно ли было бы сказать, что сначала нужно выкормить его ноги, а тамъ уже онъ самъ пойдетъ и добудетъ себѣ все необходимое для жизни и развитія? Или еще сравненіе. Согласимся представлять Россію больнымъ организмомъ. Можно ли утверждать, что больной тифомъ долженъ быть исцѣляемъ не весь, а по частямъ и притомъ «снизу»?.. Въ томъ-то и дѣло, что если въ организмѣ страдаетъ хотя одна ничтожная часть, это отражается непремѣнно на всемъ организмѣ. Представьте же себѣ, что учреждая «уѣздъ», мы оставили бы ту самую бюрократію, которую такими яркими красками изобразила сама же «Русь» по поводу токаревскаго дѣла. И не естественно ли предположить, что если нездорова такая существенная, правящая часть организма, то не можетъ организмъ не чувствовать лихорадочныхъ потрясеній, какіе бы уѣзды, какія бы земства и суды, волостныя и иныя правленія вы ни создавали, какія бы «уѣздныя автономіи» ни существовали? Извѣстно каждому, что такъ именно и отражается на всѣхъ нашихъ начинаніяхъ и реформахъ наша бюрократическая болѣзнь. Не очевидно ли, что всѣ мечтанія «Руси» объ историческихъ стропилахъ, о необходимости начать постройку снизу и другія, тому подобныя красивыя «картинки» лишены рѣшительно значенія?

Между тѣмъ для «Руси» не чужда идея объ обществѣ, какъ объ организмѣ. Въ той же самой статьѣ сказано: «Всѣ эти починки и поправки зря съ боку, кое-гдѣ, кое-какъ, безъ *общаго* сознаннаго плана,—къ чему приводятъ или могутъ приводить онѣ? Къ совершенному разрушенію начавшагося самоуправленія,

къ подавленію самого *духа жизни*. А изгоните духъ жизни изъ *организма*,—что останется? А между тѣмъ, какіе богатые задатки будущаго строя даны намъ историческою судьбою, какіе чудные зародыши! Богатыря, на диво міру, могутъ они выростить,—но могутъ выростить и урода отъ тѣснаго пеленанья, отъ ухода невѣжественныхъ нянекъ»... Вотъ и прекрасно! Такъ зачѣмъ же было говорить о стропилахъ и фундаментѣ?

«Русь» блистательно оправдала на себѣ пословицу: «comparaison n'est pas raison»,—сравненіе (особенно неудачное) не доказательство. Мы говорили по поводу этого сравненія потому, что оно не двусмысленно вводило людей въ заблужденіе. Но «Русь» имѣетъ, понятно, иныя основанія для своихъ выводовъ объ «уѣздѣ». Она предлагала «автономію уѣзда»—административно-хозяйственную независимость—для того, чтобы «окончательно завалить ровъ, который два вѣка зіялъ между народомъ и нами». Какъ это устроить, какія формы жизни долженъ принять уѣздъ, «Русь» не рѣшаетъ, а только предлагаетъ поискать, «совокупить всѣ наши разрозненныя умственныя силы для рѣшенія этой уѣздной проблемы». Кого она приглашаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ? Тоже неизвѣстно,—вѣроятно всѣхъ или никого. Очевидно одно, что цѣль уѣздной проблемы—соединеніе съ народомъ, во-первыхъ, и во-вторыхъ—возможное отстраненіе «лже-либераловъ, западниковъ» отъ вліянія на дальнѣйшую нашу исторію. Народъ—вотъ идеалъ «Руси»... на словахъ! Мы ниже увидимъ истинную суть этихъ стремленій къ народу.

Теперь же, по самой сущности занимающаго насъ предмета, мы приходимъ къ тѣмъ элементамъ нашего общества, на которыхъ «Русь» основываетъ наше историческое будущее. Здѣсь, по ея теоріи, мы должны будемъ прежде всего различать интеллигенцію и народъ; далѣе, интеллигенція раздѣляется на два совершенно различныхъ элемента: на желающихъ отреченія отъ иностраннаго пути, и лже-либераловъ, отъ Европы не отрекшихся. Первые, вмѣстѣ съ народомъ, составляютъ, по мнѣнію «Руси», истинную силу страны, «лже-либералы» оказываются врагами родины, отступниками ея.

Характеристичны мнѣнія «Руси» о такъ называемыхъ западникахъ. Извѣстно, что воззрѣнія «Руси», какъ и всего славянофильства, на возникновеніе у насъ отчужденія интеллигенціи отъ народа, основываются также на особенной, славянофильской исторіи, противъ которой спорить стало уже совершенно излишнимъ дѣломъ. Со временъ Бѣлинскаго и Грановскаго, затѣмъ Соловьева и многихъ другихъ неоднократно доказано славяно-

филамъ фактами исторіи фальшивость ихъ воззрѣній на русскую исторію. Но они обыкновенно игнорировали всякія возраженія и снова повторяли свое. Здѣсь намъ нѣтъ никакой возможности говорить о томъ, что того «единенія» высшихъ классовъ съ народомъ, которое будто бы было до петровской реформы, въ дѣйствительности не существовало; что презрѣніе къ народу, къ смердамъ, и эксплуатація его высшими классами восходятъ къ весьма далекимъ до Петра временамъ; что, съ другой стороны, только сближеніе съ Европою дало возможность развиться гуманному отношенію къ низшимъ классамъ и что презрительное или экономически-враждебное отношеніе къ народу, остававшееся весьма сильнымъ на практикѣ въ XVIII вѣкѣ, было результатомъ не европейскаго просвѣщенія, а скорѣе еще отсутствія его, такъ какъ въ огромной массѣ общества, съ ничтожными исключеніями истинной образованности, жила только внѣшность европейскаго просвѣщенія безъ его «духа жизни»; что и самое славянофильство и западничество одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ движеніямъ идей, внесенныхъ въ русскую жизнь умственнымъ развитіемъ. Доказывать все это нѣтъ при томъ и особой необходимости. Какія бы историческія причины ни вызвали къ жизни существующіе элементы общества— вопросъ интересный, конечно; но его отношеніе къ тому, что необходимо предпринять для будущности нашего отечества, только косвенное. Будемъ же разсматривать, насколько справедливы воззрѣнія «Руси» на интеллигенцію и народъ, на ихъ взаимныя отношенія, и на ту роль, которая предстоитъ каждому изъ нихъ въ будущемъ.

Мы сказали, что мнѣнія «Руси» о такъ называемыхъ западникахъ — характеристичны. Дѣйствительно, трудно придумать болѣе ошибочныхъ и ложныхъ мнѣній, высыпаемыхъ на нихъ «Русью»—клеветою эти мнѣнія мы называть не будемъ. Чѣмъ отличается эта интеллигенція отъ народа? По мнѣнію «Руси», «всякій западно-европейскій либерализмъ на русской почвѣ есть прямая противоположность идеѣ свободы: онъ скрываетъ въ себѣ сознательное или безсознательное *презрѣніе къ правамъ русской народной самобытности и своеобразности*, онъ есть отрицаніе народнаго міросозерцанія, народной исторіи; всякое посягательство навязать народу благодѣяніе въ европейско-либеральномъ вкусѣ есть деспотическое посягательство на его свободу. А идеалъ свободы у русскаго народа,—не столько политической, сколько соціальной и, еще вѣрнѣе, земской,—несравненно шире всякаго западнаго политическаго и иного либерализма» («Русь», № 15).

И вотъ, это первая ложь. Ни сознательнаго, ни безсознательнаго презрѣнія ни къ народу, ни къ его самобытности въ западно-европейскомъ либерализмѣ нѣтъ; нѣтъ отрицанія народнаго міросозерцанія, понимая это послѣднее слово не въ смыслѣ невѣжественныхъ предразсудковъ, отрицаемыхъ всегда и всюду и существующихъ, напримѣръ, и въ славянофильствѣ,—каково, напримѣръ, его отношеніе къ Европѣ; нѣтъ, наконецъ, и посягательства навязать народу благодѣяніе, т.-е. деспотическаго посягательства на его свободу. Западно-европейскій либерализмъ не бьетъ тревогу по поводу того, что славянофильство хочетъ-де оттѣснить отъ народа европейскія идеи. Онъ хочетъ просто свободы и для народа, и для всѣхъ. «Русь» постоянно твердитъ о «конституціонныхъ вожделѣніяхъ» западно-европейскаго либерализма. Но въ наше печальное время не объ этомъ приходится толковать, хотя ниже мы и скажемъ нѣсколько словъ по поводу этихъ враговъ въ славянофильскомъ лагерѣ. Но если бы даже «либерализмъ» и допускалъ полезность народнаго представительства, какъ формы того же самаго единенія власти съ народомъ, которое на устахъ славянофиловъ, то нѣтъ ли въ его стремленіяхъ почти самоотрицанія? Вѣдь народъ избралъ бы своими представителями своихъ излюбленныхъ людей, а такъ какъ, по мнѣнію славянофиловъ, они именно и суть истинные защитники народной самобытности, то онъ избралъ бы именно ихъ. Либералы остались бы не причемъ, должны были бы совершенно устраниться. Гдѣ же тутъ презрѣніе, «благодѣяніе» и «посягательство»? Нѣтъ ли, наоборотъ, именно этихъ качествъ у самихъ славянофиловъ? Мы дѣйствительно находимъ въ мечтаніяхъ славянофиловъ нѣчто подобное. Такъ, говоря (въ № 10) объ устройствѣ уѣзда и признавая, что народъ все-таки нуждается въ нѣкоторомъ руководствѣ въ развитіи своей самобытности, «Русь» пишетъ слѣдующее:

«Если надо указать на *контингентъ личностей, которыя бы выдавались надъ народомъ по своему образованію и въ то же время не были ему чужды*, высящихся надъ сельскимъ міромъ и въ то же время ему близкихъ,—его можно найти повсемѣстно, лишь не тамъ, гдѣ обыкновенно ищутъ и, разумѣется, не доищутся никакъ. Его, безъ сомнѣнія, и слѣдуетъ искать на мѣстѣ, въ селахъ, внутри всѣхъ нашихъ областей, объ руку и вмѣстѣ съ самимъ народомъ, — а, напримѣръ, не въ сѣверной столицѣ на Невскомъ проспектѣ, или еще и не въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, ни даже на Одесскомъ взморьѣ близъ памятника дюка де-Ришелье. Безспорно, на всѣхъ исчисленныхъ пунктахъ

можно во всякое время повстрѣчать много гуляющей публики. Это именно тѣ самые пункты, гдѣ кажетъ себя во всемъ блескѣ и во всѣхъ видахъ наша, не по днямъ, а по часамъ размножающаяся, буржуазія. Здѣсь же, разумѣется, и наплывъ размножающагося также не по днямъ, а по часамъ пролетаріата. Это притомъ центры нашей собственно такъ-называемой бюрократіи. Наконецъ, именно здѣсь сосредоточивается многочисленнѣйшее представительство нашего «гелертерства» и «литерата» (т.-е. западники, лже-либералы и пр.). Но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не это нужно для нашего зачинающагося «самоуправленія»; ему, пожалуй, horribile dictu! весь этотъ не по днямъ, а по часамъ размножающійся контингентъ не столько даже на пользу, сколько во вредъ. Для «мѣстнаго самоуправленія» требуется контингентъ иной,—не тотъ, который жуируетъ по городамъ, по своимъ и иностраннымъ, а который трудится на мѣстѣ; это *контингентъ мѣстныхъ «личныхъ землевладѣльцевъ»*, преданныхъ своей родной мѣстности и своему родному дѣлу; другого нѣтъ и быть не можетъ; если кто знаетъ еще другой подобный—пускай назоветъ».

О, намъ знакомъ этотъ идеалъ уѣзднаго и даже «волостного» устройства съ благодѣтельнымъ «мѣстнымъ землевладѣльцемъ»,—знакомъ еще со временъ крѣпостного права, и потомъ газеты «Вѣсть». Вотъ что называется идти вмѣстѣ съ народомъ противъ «презрѣнія» и «деспотизма» западно-европейскаго либерализма. Хозяйственно и административно-автономные уѣзды подъ управленіемъ мѣстныхъ «личныхъ землевладѣльцевъ» — и, Боже, какая идиллія воцарится въ русской землѣ! А между тѣмъ, по поводу одного возраженія,—что некогда дожидаться, когда самъ народъ будетъ въ состояніи рѣшать дѣла нашего будущаго, некогда дожидаться, когда г. Аксаковъ рѣшитъ, какому быть уѣздному устройству; что зло нашей жизни, проявившееся хоть бы въ токаревскомъ дѣлѣ, такъ могуче, «темь, нѣмота» и смертная тишина, «способствующія (по словамъ самой «Руси») распространенію въ нашей родинѣ разныхъ гадовъ», такъ велики, что нужны скорыя и дѣйствительныя мѣры,—«Русь» обличительно взываетъ къ «лже-либераламъ»: «Идти вмѣстѣ съ народомъ! Это не либерально! Это значитъ проповѣдывать «отсрочку!» Такъ что же? Нужно, стало быть, чтобы интеллигенція шла *врозь* съ народомъ, не оглядываясь назадъ и не обращая на него вниманія?.. Признаніе многоцѣнное. Русское общество будетъ теперь знать, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Оно видитъ теперь, сколько, подъ личиною демократизма и либерализма, скрывается вожделѣ-

ній деспотическаго свойства и глубокаго презрѣнія къ русскому народу, къ его душѣ, къ разуму и волѣ».

Да, но западники, послѣ приведенныхъ нами выше словъ «Руси», тоже знаютъ, скольно, подъ личною расположенія къ уѣзднымъ мужичкамъ, существуетъ стремленія въ «контингентѣ личныхъ землевладѣльцевъ» руководить будущими автономными уѣздами.

Почва взаимныхъ обвиненій — самая неблагодарная почва. Но что же дѣлать, когда васъ, страстно преданнаго интересамъ своего отечества, обвиняютъ чуть не въ предательствѣ люди, сами обнаруживающіе очень и очень ясныя поползновенія на нѣчто худшее, чѣмъ въ васъ подозрѣваютъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что подъ «мѣстными личными землевладѣльцами» можно понимать дѣйствительно преданныхъ своей родной мѣстности людей. Но вѣдь и подъ западниками, принявшими такое горячее участіе въ освободительномъ дѣлѣ 1861 года, можно понимать не «мѣстныхъ землевладѣльцевъ», такъ сильно испортившихъ въ практическомъ выполненіи великодушную мысль монарха изъ-за личной выгоды, и притомъ такъ недальновидно испортившихъ, принесшихъ вредъ народу, не принеся выгодъ себѣ...

Какъ мы видѣли выше въ характеристикѣ токаревскаго дѣла, «Русь» плохо отличаетъ бюрократію отъ западнической интеллигенціи, даже сливаетъ ихъ. Это — самая грандіозная ложь. Низшая бюрократія вышла у насъ изъ низшихъ слоевъ общества, ни въ чемъ неповинныхъ, какъ и она сама, по части европейскаго просвѣщенія. Высшіе слои бюрократизма сложились исторически такъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи образованіе, заимствованное отъ Европы высшими классами нашего общества, исходило отъ высшихъ же европейскихъ классовъ, относившихся къ народу (какъ и у насъ въ до-петровскія времена) презрительно и относившихся съ ненавистью къ начинавшимся тамъ освободительнымъ движеніямъ. Западно-европейскій либерализмъ, проникшій къ намъ позже, ничего общаго съ идеями русскаго барства и иностраннаго феодализма, не имѣетъ. Западно-европейская интеллигенція тоже мало общаго имѣетъ съ ними. Нашъ бюрократическій строй, бытъ, происходитъ не изъ идей интеллигенціи, — и этого не слѣдуетъ забывать. А смѣшивать столь различныя вещи, видѣть какія бы то ни было гуманныя идеи въ произведеніи грабежей и разбоевъ — совершенно неестественно. Нужно ли говорить, съ какой горечью читаются ярыя нападки на интеллигенцію, на либерализмъ, по поводу дѣяній г. Капгера!..

Далѣе, «Русь» считаетъ неизбѣжнымъ и необходимымъ свойствомъ западно-европейскаго либерализма на русской почвѣ отрицаніе самобытности и «даже тѣни духовной самобытности» нашего народа (№ 54). Это обвиненіе основывается опять лишь на «конституціонныхъ поползновеніяхъ» интеллигенціи, по выраженію «Руси». По ея мнѣнію, предлагать для улучшенія жизни такія формы, которыя выработаны не самостоятельной жизнью народа, а взяты по образцу, существующему у другихъ, значитъ посягать на свободное развитіе народа. Мы повторяемъ, что эти «вожделѣнія» принадлежатъ къ полезнымъ для «Руси» *изобрѣтеніямъ*. Именно русскій либерализмъ и не отличается особеннымъ стремленіемъ къ конституціи по иностранному образцу. Еще въ пятидесятыхъ, а затѣмъ и въ шестидесятыхъ годахъ, въ либеральной же печати было выражаемо полнѣйшее недовѣріе къ этимъ формамъ. Но идея этой формы, стремленіе къ тому, чтобы въ обществѣ всякіе интересы были представлены и защищены, несомнѣнно есть въ либерализмѣ,—таже идея есть и въ извѣстной баснѣ Крылова, гдѣ «овецъ-то и забыли» спросить, каково имъ живется съ волками. Форму такого общественнаго устройства еще предстоитъ найти опытомъ, и притомъ, конечно, не учрежденіемъ въ автономныхъ уѣздахъ благодѣтельныхъ руководителей изъ «мѣстныхъ личныхъ землевладѣльцевъ, если, по крайней мѣрѣ, нѣтъ надобности воспроизводить на практикѣ басню Крылова. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, какимъ образомъ введеніе какихъ бы то ни было формъ жизни можетъ быть отрицаніемъ самобытности? Развѣ Франція, перенеся къ себѣ формы англійской жизни, перестала быть самобытною? Формы жизни—только формы, и если онѣ не стѣсняютъ свободы развитія, онѣ только способствуютъ самобытности, проявленію и развитію способностей и силъ народныхъ.

Обвиненія идутъ дальше, чѣмъ возможно было бы предположить. Либерализмъ, сейчасъ бывшій солидарнымъ съ бюрократіей, теперь становится на одну доску съ нигилизмомъ и даже дальше. «Зло быстро ростетъ,—восклицаетъ «Русь» въ № 56:—проповѣдь *невѣрія* и отрицанія, подъ знаменемъ «либерализма» и «прогресса», разлагаетъ нравственныя основы нашего общества!» Что сказать по этому поводу? На какомъ основаніи «Русь» предполагаетъ стремленіе къ общественной свободѣ, къ правдѣ и справедливости въ родной странѣ, къ лучшему государственному и мѣстному управленію (а этимъ только и должна, и *смѣетъ* характеризовать «Русь» либеральныя стремленія интеллигенціи), неразрывно связаннымъ съ невѣріемъ и пр.? Есть

что-то злостное и тупое въ этой обвинительной охотѣ на «либераловъ».

«Русь» не признаетъ возможности чего-либо путнаго—отъ «либерализма». Если же передъ нею встаютъ факты, доказывающіе жизненныя стремленія «либераловъ», то источникъ этихъ стремленій немедленно заподозривается. Вотъ нѣкоторые примѣры:

«Сочувствіе къ положенію нашего мужика,—говорится въ № 49 «Руси»,—заботливость объ его нуждахъ, съ нѣкотораго времени такъ сильно овладѣвшія нашею «прессою», конечно, заслуживаютъ похвалы и даже составляютъ ея рѣзкое отличіе отъ газетъ западно-европейскихъ, которыя на сельскій людъ не обращаютъ ровно никакого вниманія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изданій. Желательно, однако, чтобъ это сочувствіе исходило изъ побужденій вполнѣ *серьезныхъ и искренныхъ*, а не только изъ «*либерализма*» или увлеченія «послѣднимъ словомъ» западной науки или иной западной радикальной доктрины—въ своемъ отечествѣ составляющимъ достояніе немногихъ, *считающимися съ знаніемъ*, а у насъ мгновенно овладѣвающимъ всею публикою и слишкомъ легко обращающимся въ *моду*». Другими словами,—увлеченіе изъ «либерализма» не серьёзно и не искренно. «Русь» хотѣла сказать, вѣроятно, объ охотѣ иныхъ «либеральничать», а не о «либерализмѣ»; но она почти постоянно сливаетъ эти двѣ, совершенно различнаго рода вещи.

Говоря объ отношеніи русской печати къ раскольничьему вопросу, «Русь» опять не можетъ не высказать своего презрѣнія къ побужденіямъ печати: «Въ послѣднее время,—говоритъ она,—наши раскольники, которые считаются милліонами, взяты подъ особенное покровительство нашею «либеральною» прессою и вообще всѣми поборниками «европейскаго прогресса»... Они, безъ сомнѣнія, вполнѣ правы, когда ратуютъ за принципъ вѣротерпимости, за свободу вѣрующей совѣсти, но побужденіемъ къ такому ратоборству лежитъ, къ сожалѣнію, начало исключительно «либеральное», т.-е. лишенное той религіозной основы, безъ которой всякій либерализмъ логически, въ концѣ концовъ, обращается въ тираннію» (?!—№ 56). Недостаточно, однимъ словомъ, рѣшать вопросъ правильно; необходимо еще имѣть къ этому то самое побужденіе, которое руководитъ «Русью». Это постоянное залѣзаніе въ чужую душу и произвольное толкованіе происходящаго въ ней, замѣтимъ кстати, составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ славянофильской газеты.

Случилось однажды получить «Руси» письмо, въ которомъ ей указывали, что не одно славянофильство, а и западничество

нѣйше въ послѣднее время отличается стремленіемъ слиться съ народомъ. Это была истинная правда, не допускающая ни малѣйшихъ, какъ мы ниже покажемъ, возраженій. И вотъ что «Русь» отвѣчаетъ на это: «Вы пишете: были года, именно 1874 и 1875, когда преобладающимъ настроеніемъ было идти въ народъ, слиться съ народной массой, поднять умственный и нравственный ея уровень, развить ея общинные инстинкты и наклонности, но все-де зло отъ того, что такому движенію молодежи, «бросившейся искать въ народѣ правды, съ желаніемъ помочь ему, насколько силъ хватитъ», помѣшало правительство!.. При этомъ вы снова указываете на любовь къ народу «славянофиловъ!» Но ваши соціалисты шли «развивать» и «поднимать нравственный уровень народа», однимъ словомъ *учить* его, вести и руководить. Славянофилы же, напротивъ, всегда утверждали, что не учить народъ въ пору нашей интеллигенціи, а изучать народъ и у народа учиться. Юноши, вами защищаемые, и научались бы такимъ образомъ у него уму-разуму, увидали бы, что для него дорого и свято. Но съ какою проповѣдью шли ваши соціалисты къ народу? въ чемъ сказалось ихъ стремленіе *поднять его умственный и нравственный уровень?*» (№ 24).

Это показаніе «Руси» фактически невѣрно и показываетъ или незнаніе, или намѣренное забвеніе простыхъ литературныхъ фактовъ. Незачѣмъ было припутывать «соціалистовъ». Около годовъ, указываемыхъ въ письмѣ, писался, напр., разсказъ г. Златовратскаго: «Золотыя сердца», въ которомъ, въ качествѣ идеала (что весьма характерно), а можетъ быть, и въ качествѣ *типа* (что еще характернѣе), выведенъ одинъ докторъ Башкировъ, который отдалъ всю свою душу и всю свою жизнь народу. Онъ пришелъ въ народъ не съ цѣлью учить его какимъ-нибудь «разрушительнымъ ученіямъ», а служить ему своимъ знаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слиться съ нимъ вполнѣ и безусловно. Онъ принялъ образъ жизни, одежду, міровоззрѣніе и языкъ народа. Онъ не торговался съ народомъ, не дѣлалъ компромиссовъ, не служилъ въ какой-нибудь «канцеляріи» или «въ банкѣ», онъ не понималъ жизни внѣ народа, внѣ даже его міросозерцанія. Не знаю, способны ли на подобный подвигъ славянофилы, но «западники», столь ненавистные «Руси», насколько извѣстно, пытались это дѣлать. Въ тѣ годы такое воззрѣніе на обязанности интеллигенціи по отношенію къ народу, внѣ всякихъ «доктринъ», было дѣйствительно сильно. Тогда возникло мнѣніе, что чистаго западничества болѣе нѣтъ. И это направленіе—хорошо ли оно, дурно ли—разбито теперь именно начавшейся литературной травлей...

Г. Златовратскій—не славянофилъ, и какъ разъ принадлежитъ къ «тѣмъ разнымъ Глѣбамъ Успенскимъ и другимъ семинаристамъ», которыхъ почтенная газета такъ отдѣлываетъ въ № 53, говоря, что будто бы «по описанію ихъ мужики вѣчно смотрятъ въ землю, или разсчитываютъ барыши, и смердятъ духовными язвами и проказой»... Для чего же «Русь», вопреки правдѣ, отрицаетъ и еще пятнаетъ честное исканіе союза съ народомъ въ тѣхъ, кто зовется не «московскимъ славянофиломъ» и не зараженъ мракобѣсіемъ и злобой къ жизненнымъ идеямъ человѣчности, добытымъ наукой и суровымъ опытомъ и Европы, и Россіи, и Греціи, и Рима, и всего человѣчества?

Иногда нападенія на «не-славянофиловъ» доходятъ въ «Руси» до болѣзненнаго комизма. Еще куда бы ни шло объяснять токаревскую исторію «развращающимъ вліяніемъ Запада»; но даже притѣсненія народной школы приписываются «интеллигенціи». Вотъ въ какомъ освѣщеніи передаетъ «Русь» факты, извлекаемые ею изъ разсказа г. Энгельгардта въ «Отеч. Запискахъ»:

«Общество» или, что́ то же самое (?!), «начальство», считающее себя призваннымъ заботиться о народѣ, рѣзко становится на дорогѣ самобытности, и вотъ какъ относится оно къ школѣ: ««Какъ только провѣдаетъ начальство, что въ деревнѣ завелась школа, такъ ее разгоняютъ, гонятъ учителя, запрещаютъ учить. Конечно, пока-то еще начальство узнаетъ о школѣ, пока еще волостной соберется вызвать учителя и заказать ему, чтобъ онъ не держалъ школы, учитель все учитъ, да учитъ, а тамъ, смотришь, Святая близко, все равно ученье кончается. На слѣдующую зиму опять «ученье грамотѣ» заводится, тотъ же или другой учитель учитъ, иную зиму такъ и сойдетъ, начальство не узнаетъ, а запретитъ, такъ опять кое-какъ до Святой дотянется, а тамъ осенью опять заводится школа, и такъ безъ конца. Запрещенія начальства школы окончательно не уничтожаютъ—такъ или иначе ребята грамотѣ учатся—но само собою они служатъ помѣхой мужицкой школѣ. Еслибы не запрещали эту свободную мужицкую школу, еслибы не запрещали учить кому вздумается, то это принесло бы большую пользу народному образованію»». Прилагая тѣ же разсужденія во всѣхъ случаяхъ, гдѣ на дорогѣ народной иниціативы становится иниціатива оффиціальная или, что все равно, интеллигентная (?), мы поймемъ, что міръ, въ которомъ замкнулся Энгельгардтъ, готовъ отречься безусловно отъ всякаго дара, предлагаемаго ему сверху—обществомъ, и проситъ только объ одномъ: «мы вѣдь васъ не трогаемъ; за пламенныя пожеланія благодаримъ,—а лучше всего оставьте насъ

въ покоѣ—не вольнодѣйствуйте; съ нашими нуждами управимся сами» («Русь», № 18).

Видите, какъ прекрасно истолковываются эти поразительныя явленія нашей жизни. Въ обществѣ существуетъ пламенное желаніе обучить крестьянъ, и въ то же время оно, «общество, или, что то же—начальство», мѣшаетъ имъ учиться. И все это происходитъ отъ того, что общество есть «интеллигенція», зараженная тлетворнымъ дыханіемъ Запада. Мы уже упоминали, что по удивительной логикѣ «Руси», интеллигенція смѣшивается то съ либерализмомъ, то съ «начальствомъ», то съ бунтовщиками, и т. д. безцеремонно обращаясь и съ фактами, и съ лицами...

Не чувствуетъ-ли читатель, что съ ученіемъ «Руси» мысль уходитъ куда-то далеко назадъ, къ тѣмъ темнымъ временамъ, когда нашъ народъ, когда-то живой и дѣятельный, искавшій сближенія съ другими народами и въ этомъ стремленіи нашедшій въ Византіи христіанство, переставъ быть живымъ народомъ; когда раздавленный и нравственно уничтоженный *татарщиной*, и теперь еще отзывающейся на насъ, онъ заключился въ себя, и ставя себя выше всѣхъ народовъ, все не русское считалъ «бусурменскимъ», сталъ тяжело опускаться въ вѣковой застой и одеревенѣлость, пока, наконецъ, мысль не была разбужена вторженіемъ въ нее иныхъ жизненныхъ представленій, иныхъ понятій. Дѣйствительно, въ той именно эпохѣ и пребываетъ душа «Руси». Мы льстимъ себя надеждой, что мы открыли истинное міровоззрѣніе славянофильства и тотъ, назади стоящій пунктъ нашей исторіи, возвращеніе къ которому составляетъ его идеалъ. Это—время Іоанновъ III и IV. Въ историческихъ воззрѣніяхъ славянофиловъ мы отмѣтимъ одну грубую ошибку. Нарушеніе ихъ идеальнаго историческаго быта произведено не Петромъ Великимъ, а смутнымъ временемъ, начиная съ царя Бориса и до 1612 года, когда тяжкій историческій опытъ взволновалъ сонное море народной жизни русской. Это пробужденіе, потребовавшее энергіи жизни, привело московское царство въ медленное, но вѣрное движеніе впередъ, которое съ того момента уже не было возможности остановить. Завязалась борьба между старымъ и новымъ, разрѣшившаяся при Петрѣ кровавыми потрясеніями и побѣдою жизни надъ застоемъ. Загляните на страницы исторіи и не найдете тамъ ни одного факта, противорѣчащаго нашей мысли. Борьба эта глухо велась, еще и до нашихъ дней, и старое «противо-бусурманское» движеніе XV—XVI вѣка въ наши дни расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ «славянофильства».

Кстати сказать, исторія всего этого движенія указываетъ и

на мощь русскаго духа. Нужно быть очень сильнымъ народомъ, чтобы не легко отказываться отъ своихъ вѣковыхъ преданій, а усвоивая цивилизацію и гуманныя идеи, оцѣнивать ихъ значеніе не слегка, понимать ихъ существенный, а не внѣшній только смыслъ, чуждаться слишкомъ легкомысленнаго примѣненія ихъ въ жизни, а уже если примѣнять, то примѣнять такъ, чтобы они получили свое полное выраженіе. Нужно притомъ сказать, что сильныя натуры обладаютъ и очень сильными пороками. Мы не меньше славянофиловъ вѣримъ въ будущее нашего народа и отечества, если они не падутъ жертвою безумныхъ увлеченій, хотя бы славянофильствомъ. Мы твердо убѣждены, что въ этомъ будущемъ предстоитъ играть живую и дѣятельную роль вовсе не славянофиламъ, поселяющимъ только смуту въ умахъ и сердцахъ.

При указанномъ идеалѣ славянофильства, всѣ отдѣльные пункты его ученія связываются крѣпкой цѣпью. Чѣмъ можетъ быть западъ въ глазахъ славянофиловъ, когда онъ «бусурманскій»? Конечно, нужно не забывать, что само славянофильство развилось подъ вліяніемъ западныхъ идей. Это—уже не простая «старина», а старина, прошедшая сквозь аналитическую мысль, принесенную къ намъ европейскимъ развитіемъ. И потому Европа отрицается не просто какъ бусурманская, а на основаніи сложнаго воззрѣнія, въ которомъ «бусурманство» разложено на нѣсколько составныхъ элементовъ. Въ рѣчи, сказанной г. Аксаковымъ въ собраніи петербургскаго Славянскаго комитета, указываются несовершенства западной общественной жизни, и между прочимъ и такіе пункты, которые только потому и не нравятся оратору, что они чужіе, причемъ ихъ мрачный характеръ преувеличенъ. Ораторъ говоритъ, что въ Европѣ (напримѣръ, въ Англіи) весь общественный строй будто бы основывается на антагонизмѣ между народомъ и властью, которые ему представляются «тайно враждующими, недовѣряющими другъ другу сторонами». Но это невѣрно. Общественный бытъ Англіи основанъ на соглашеніи, а не на антагонизмѣ. Положимъ, что такое общественное устройство для насъ не годится. Но что же особенно худого въ существованіи тамъ соглашенія, удобнаго для всѣхъ? Вѣдь и на Руси, новгородцы, призывая князей, вступали съ ними въ соглашенія. Но это не тотъ порядокъ дѣлъ, какой былъ при Іоаннѣ IV, и потому онъ не нравится оратору. Смотря на него, какъ на бусурманскій порядокъ дѣлъ, и потому ненавистный, онъ ему приписываетъ и возмутительныя явленія общественной жизни. Но это опять преувеличеніе. Не смотря, на совер-

шенію иной, и тогда еще совсѣмъ русскій строй жизни, Петръ Великій едва не сдѣлался жертвою злодѣя, да еще въ храмѣ. Неужели же винить и въ этомъ печальномъ воспоминаніи нашего историческаго прошлаго — тотъ же «западно-европейскій либерализмъ». Далѣе ораторъ упрекаетъ общественное устройство Европы въ томъ, что тамъ не представлены въ палатахъ интересы преобладающаго слоя населенія, именно простонародныхъ массъ. Это опять не совсѣмъ справедливо, ибо въ идеѣ — это представительство признано, и только несовершенство формы оставляетъ признанное право неосуществленнымъ вполнѣ въ дѣйствительности. Но развѣ при иныхъ формахъ, у насъ въ историческомъ прошломъ, интересы простонародныхъ массъ такъ уважались?

Естественно, что отрицая Европу, ея науку, будто бы обязательно отрицающую Бога и пр., славянофильство отрицаетъ и «интеллигенцію» русскую. Да и что было бы дѣлать интеллигенціи въ тѣ темныя времена, которыя кажутся «Руси» идеальными? Очевидно, въ понятіяхъ славянофиловъ, она можетъ быть дѣйствительно только «средостѣніемъ», зараженнымъ тлетворнымъ бусурманскимъ духомъ. И мы видѣли, какъ жестоко относится «Русь» къ интеллигенціи, ставя на ея именно счетъ все злое въ нашей жизни: и нигилизмъ, и бюрократію, дневной грабежъ, а если возможно, то и стрѣлецкій бунтъ при Петрѣ и разбои Разина и Пугачева.

Изъ всего русскаго, что осталось не затронуто бусурманскимъ или, по терминологіи «Руси» — «иностраннымъ» вліяніемъ, это нашъ народъ. Вотъ потому-то онъ естественно долженъ казаться *единственно* здоровымъ элементомъ нашего общества. И «Русь», признавая необходимою нравственную реакцію въ обществѣ, говоритъ: «Если такъ-называемая «интеллигенція» настолько немощна, что сама произвести ее не въ состояніи, то едва ли найдется иной исходъ, какъ призвать на помощь тотъ неисчерпаемый запасъ *положительныхъ* силъ, который хранится въ нашемъ народѣ, въ громадномъ большинствѣ русскаго населенія, — большинствѣ подавляющемъ, но пока безмолвномъ, еще не обрѣтшемъ себѣ языка и голоса въ современномъ строѣ нашей жизни. И истинная интеллигенція Россіи, т.-е. истинная духовная мощь ея, и истинный историческій, зиждительный разумъ, и истинное просвѣщеніе, истинное уваженіе къ наукѣ и знанію съ залогами истиннаго прогресса, — не на той они сторонѣ, которая на всѣхъ перекресткахъ и газетныхъ листкахъ выкрикиваетъ себѣ пошлую кличку: мы де «интеллигенція», да

трубить о своемъ «либерализмѣ» (отрицая въ тоже время въ Русскомъ народѣ даже тѣнь духовной самобытности)! Истинная русская интеллигенція—*своя* народу» (№ 54). То-есть, истинная интеллигенція—славянофилы, которые поэтому и являются руководителями народа въ качествѣ «мѣстныхъ землевладѣльцевъ»; въ рукахъ ихъ и школы и все. «Интеллигенція» же, такъ-называемая, устраняется совершенно отъ жизни.

Какія же свойства отличаютъ народъ такъ выгодно отъ интеллигенціи и отъ другихъ народовъ міра? Во-первыхъ, «всѣ иные народы стремятся къ народовластію, русскій же народъ самъ государствовать не хочетъ» (№ 43). «Русскій простой народъ, по отзыву даже иностранцевъ, самый толковый, смѣтливый, разумный народъ въ мірѣ, въ сравненіи съ крестьянами другихъ націй» (№ 10). Далѣе, нашъ народъ—православный; онъ же «хранитель самой органической субстанціи нашей земли и нашего государства и зиждительныхъ свойствъ національнаго духа» (№ 2). Вотъ приблизительно всѣ положительныя свойства нашего народа. Мы не можемъ не признать мѣткой характеристики, данной народу «Русью», первымъ его свойствомъ, указаннымъ еще К. Аксаковымъ. Дѣйствительно, нельзя даже представить себѣ, чтобы забытый исторіей народъ, нынѣ не рѣдко голодающій, вдругъ явился съ желаніемъ и претензіей «государствовать». Сравнивать нашъ народъ съ крестьянами другихъ націй—дѣло во всякомъ случаѣ не легкое, и мы въ этой области признаемъ себя не компетентными. О третьемъ свойствѣ—нужно ли что говорить? Всѣ эти опредѣленія, однако, должны бы, очевидно, относиться ко всему народу нашему въ его цѣломъ, къ націи.

«Русь» между тѣмъ нѣсколько ограничиваетъ понятіе народа. Она замѣчаетъ: «Конечно, говоря о народѣ, мы разумѣемъ настоящій русскій народъ, а не лже-народъ, ибо много теперь всякаго рода такъ-называемыхъ «либераловъ», употребляющихъ во зло имя народа. Но и тутъ примѣта простая: всякій, кто предлагаетъ ввести какія-либо мѣры въ смыслѣ западно-европейскихъ либеральныхъ учрежденій, не только аристократическихъ, но и демократическихъ, искажающихъ народный образъ царской власти, или упрочить или же только «либерально» подновить бюрократическое средостѣніе, воздвигшееся со временъ Петра между Государемъ и Его землею,—«*отъ духа лестча есть*»,—не отъ русскаго народа и не отъ духа его...» (№ 18). Затѣмъ необходимо отличать еще «*чернь*». По поводу ея «Русь» говоритъ: «Простонародныя вожделѣнія собственно такъ-называемой

черни, можетъ быть, и сходятся въ извѣстной степени съ вожделѣніями нѣкоторой части нашей самозванной интеллигенціи. Но чернь или собственно такъ-называемое «простонародье» не одно и тоже, что самъ народъ. Такъ-называемыхъ простонародныхъ инстинктовъ, инстинктовъ черни, не должно смѣшивать съ здравымъ смысломъ и здравымъ толкомъ народа; это двѣ вещи розныя. Въ каждомъ сословіи есть свои отбросы и подонки; довольно ихъ и въ сословіи крестьянскомъ. Отбросы и подонки рѣшительно всѣхъ сословій—вотъ изъ чего скучивается гнѣздилище всевозможныхъ дурныхъ инстинктовъ; изъ нихъ-то и слагается *чернь* въ собственномъ смыслѣ этого слова. А наше крестьянство—отнюдь не чернь» (№ 6).

Дальше говорится, что пьяницы и пропоицы (т.-е. чернь), вообще такъ-называемая «кабацкая голь», «умножаются у насъ съ каждымъ годомъ въ удивительной прогрессіи отъ нынѣшняго statu quo, и что бѣда, если, наконецъ, вся совокупность обстоятельствъ слагается такъ, что льститъ инстинктамъ черни, а здравомысленнымъ требованіямъ народа ни отвѣта, ни привѣта». И тутъ опять оказываются виноватыми «либералы». «Между прочимъ, именно отъ *лже*-образованія, *лже*-гуманности и *лже*-либерализма такая совокупность обстоятельствъ и слагается», говорится въ «Руси».

Черезъ нѣсколько нумеровъ читатель, однако, встрѣчаетъ иную характеристику народа, приближающую его къ «черни», и другія причины, производящія «пьяницъ и пропоицъ». «Всѣмъ извѣстно,—говоритъ «Русь»,—что въ послѣдніе годы пьянство въ народѣ развилось до ужасающихъ размѣровъ и что если этому развитію не будетъ положенъ предѣлъ, то «*пьяное море*» въ скоромъ времени затопитъ всю Россію. Но если это такъ и если зло успѣло пустить въ народѣ такія глубокіе корни, то и борьба съ этимъ зломъ, уничтожающимъ народное благосостояніе и низводящимъ человѣка до степени скота, должна быть ведена со всевозможною энергіей... Намъ кажется, что причину пьянства въ народѣ надо искать не исключительно въ кабачномъ обществѣ, а гораздо глубже, именно: въ *народномъ невѣжествѣ*, ничѣмъ не стѣсняемомъ и закрывающемъ своимъ жертвамъ глаза на всю пагубу пьянства, и, кромѣ того, въ неимовѣрно-большомъ количествѣ мѣстъ раздробительной продажи вина, соблазняющихъ и манящихъ къ себѣ русскій людъ чуть ли не на каждомъ шагу! И такъ, съ одной стороны—искушеніе, а съ другой—невѣжество, не могущее противостать ему,—вотъ тѣ причины, которыя развили народное пьянство и устраненіе ко-

торыхъ поэтому является необходимымъ!» (№ 18). Еще черезъ нѣсколько нумеровъ, вы встрѣтите указанія на разложеніе народно-общинныхъ инстинктовъ, исчезновеніе «патріархальности», упадокъ уваженія и любви къ старикамъ и потерю вліянія послѣдними, все это, между прочимъ, подъ вліяніемъ «дворниковъ, жившихъ по долгу въ городахъ и потерявшихъ все деревенское, старыхъ дворовыхъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, приказчиковъ, волостныхъ писарей, и прочихъ личностей, шутующихъ крестьянскій міръ въ разсказахъ, не уступающихъ по юмору и правдивости сочиненіямъ Слѣпцовыхъ, Успенскихъ и другихъ семинаристовъ!..» (№ 30). Читателю, вѣроятно, извѣстна ходячая теорія о «развращающемъ вліяніи городовъ-центровъ», возникшая именно подъ вліяніемъ западническихъ изслѣдователей и описателей народа. «Русь», принимая эту самую теорію, вмѣстѣ съ тѣмъ пятнаетъ лучшихъ изъ тѣхъ самыхъ писателей, которые своими изслѣдованіями и наблюденіями ненамѣренно содѣйствовали развитію этой крайней и, вообще говоря, несправедливой теоріи, смѣшивающей двѣ совершенно различныя вещи: ни въ чемъ неповинное образованіе и, составляющее истинную причину порчи народа, обостреніе хищническихъ инстинктовъ въ упорной жизненной борьбѣ, на которую вызываетъ пришлыхъ крестьянъ скученность городского населенія. Что это—незнаніе теченій нашей литературной и общественной мысли или просто недобросовѣстность со стороны «Руси»? Предоставляемъ судить читателямъ.

Въ концѣ-концовъ читатель теряется въ разнорѣчивыхъ опредѣленіяхъ «Русью» существующаго русскаго народа и долженъ придти къ заключенію, что народъ «Руси»—нѣкоторый фантастическій образъ, придуманный исключительно для оправданія общественныхъ теорій этой газеты. Встрѣчавшіяся въ дѣйствительности противорѣчія этому образу вынудили «Русь» признать существованіе «лже-народа», и дать его признаки въ томъ смыслѣ, что тотъ народъ—лже-народъ, который несогласенъ съ ученіемъ «Руси», который не отрицаетъ, не считаетъ «бусурманскими» западную жизнь и западныя идеи. Затѣмъ дѣйствительность вынудила признать еще какую-то особенную «чернь», ростущую въ огромной пропорціи, и признаками ея, ея характернѣйшими представителями указать «пьяницъ и пропоецъ». Еще дальше описывается, что пьянство въ *«народѣ»* развилось до ужасающихъ размѣровъ и «пьяное море грозитъ затопить всю Россію», такъ что уже невозможно знать, гдѣ кончается народъ и начинается «чернь». Не очевидно ли, что народъ «Руси» собственный

идеалъ для нея, и необязательно-идеальный фантастическій образъ для насъ. Мы въ продолженіи нашей статьи постараемся показать, что̀ такое въ дѣйствительности русскій народъ. Теперь указываемъ только фантастичность воззрѣній славянофильства?

Вотъ, въ такомъ пониманіи элементовъ, изъ которыхъ слагается наше общество, и лежитъ другое, истинное, основаніе для уѣздной общественной теоріи «Руси», о которомъ мы сказали выше. Архитектурное сравненіе, то зданіе, которое «Русь» считаетъ ненужнымъ «вѣнчать», обнаруживаетъ только фальшивость историческихъ воззрѣній «Руси» и ложность, практическую безполезность уѣздной теоріи. Анализъ общественныхъ воззрѣній «Руси», истиннаго основанія этой теоріи, уже *доказываетъ* ея непригодность. Нѣтъ ни одного положенія въ этихъ воззрѣніяхъ, которое выдерживало бы болѣе или менѣе серьёзную критику. Фальшивы и злостны воззрѣнія «Руси» на русскую интеллигенцію, на незначительную дозу образованія, развитія, какая имѣется въ нашемъ отечествѣ. Фантастичны воззрѣнія на народъ. Эгоистичны воззрѣнія на роль славянофиловъ, какъ единственныхъ «пророковъ». Если дѣйствительно основать «уѣздъ», то въ немъ мѣсто найдется исключительно для бывшаго помѣщика, «мѣстнаго личнаго землевладѣльца», отъ котораго въ зависимости очутится народъ. Но что будемъ дѣлать мы въ нашихъ городахъ, что будетъ дѣлать «чернь», въ какое положеніе стали бы всѣ элементы общества, которые не раздѣляютъ славянофильскихъ воззрѣній?

Славянофильскій общественный идеалъ, претендующій на какую-то исключительную свободу, въ дѣйствительности—самый деспотичный изъ общественныхъ идеаловъ. Славянофилъ и теперь уже кричитъ: «нужно же будетъ, наконецъ, заглушить этотъ хоръ!..», противорѣчиво признавая въ принципѣ необходимость свободнаго обсужденія возникающихъ общественныхъ вопросовъ; онъ и теперь уже беретъ на себя роль «руководителя изъ землевладѣльцевъ», торжественно и властно говоря именемъ народа. Такъ, говоря о поставленномъ на очередь вопросѣ объ уменьшеніи пьянства въ народѣ, «Русь» восклицаетъ: «*Народъ* и въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, *проситъ* правительство не примѣнять къ нему либеральной доктрины laissez faire, laissez aller, а оказать ему содѣйствіе прямымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ къ устраненію соблазновъ, именно въ данномъ случаѣ—къ сокращенію кабаковъ. На этотъ разъ, можно вѣрить, не втунѣ будетъ его моленіе» (№ 43). Не примѣнять къ нему либеральной (въ этомъ все дѣло) доктрины

laissez faire просить тотъ самый народъ, который, въ силу своей самобытности, еще такъ недавно въ «Руси» же слёзно просилъ въ дѣлѣ школы оставить его въ покоѣ, освободить его отъ заботъ и благодѣяній. Словомъ, какъ «Руси» хочется, такъ все и выходитъ у народа.

Приписывая народу, по своему собственному произволу, мысли, желанія, чувства, просьбы, распоряжаясь въ этомъ отношеніи съ полнымъ произволомъ, можно оправдать желаніемъ народа что угодно, и что угодно обвинить въ дѣйствіяхъ правительства. Такъ именно поступаетъ «Русь» въ одномъ изъ тревожнѣйшихъ вопросовъ времени,—о той роли, которая принадлежитъ Россіи въ дѣлахъ западныхъ славянъ. Кажется, совершенно ясно, что если бы Россія не была ослаблена предшествовавшею войной, ей принадлежалъ бы несравненно сильнѣйшій голосъ въ дѣлахъ Европы вообще и въ рѣшеніи восточнаго вопроса въ частности. Внутри имперіи было бы несравненно больше устойчивости и силы. Теперь, ослабленные на время войной, мы поставлены были въ необходимость помириться съ Европою на берлинскомъ трактатѣ, а затѣмъ смотрѣть, какъ безцеремонно Австрія пользовалась плодами русскихъ побѣдъ. Это было необходимымъ слѣдствіемъ, потому что не безгранична же сила Россіи, и выдержавши упорную борьбу съ Турціей, она не могла же рисковать вступить на путь новой войны. Дѣло просто и ясно. Но посмотрите, какъ легко объясняются всѣ эти факты «Русью». Война, которая была очень труднымъ дѣломъ, непремѣнно должна была состояться, потому что славянскій благотворительный комитетъ видѣлъ въ народѣ «жажду подвига, правды и добра». Къ нему русскій народъ «движимъ былъ самою историческою стихіей, тѣмъ міровымъ призваніемъ, въ которомъ, конечно, народныя массы не отдаютъ себѣ яснаго, сознательнаго отчета, но который живетъ въ нихъ на степени внутренняго неодолимаго инстинкта... Дошло до свѣдѣнія народнаго, что тамъ гдѣ-то, въ единоплеменной странѣ, гибнутъ христіане, отчаянно сражаясь въ неравномъ бою съ мусульманами за свою свободу и вѣру, и въ этихъ «практикахъ» мужикахъ воспрянула во всемъ величіи и мощи христіанская душа. *Нуженъ* подвигъ русскому человѣку». Естественно должна была произойти война, которая и кончилась берлинскимъ трактатомъ. И въ этомъ невольномъ результатѣ, который былъ отчасти предвидѣнъ «западниками» и «*лже*-либералами», остерегавшими отъ *несвоевременной* войны, оказались однако виновными тѣ же самые западники, на этотъ разъ въ видѣ дипломатовъ:

«Кто вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, купленную кровію полмилліона русскихъ людей и милліардами народнаго достоянія?...—взываетъ «Русь».—Западныя державы? Никто, какъ мы сами. Та именно рознь, то отчужденіе нашей высшей образованной руководящей среды отъ національной мысли и чувства,—вотъ что было виною. *Не хватило вѣры въ себя самихъ и въ свое призваніе, не достало духу, не достало силы народнаго самосознанія*... Восемь мѣсяцевъ стоять побѣдителемъ у воротъ Константинополя и потомъ отступить, оставивъ еще милліоны христіанъ въ рукахъ побѣжденнаго ислама,—затѣмъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и положить, свершенный Русскимъ народомъ, его кровью и достояніемъ, подвигъ во главу угла враждебной намъ и православнымъ славянамъ западно-европейской политики, въ основу порабощенія Балканскаго полуострова австрійцами... Неужели можно было думать, что такое нравственное паденіе Россіи не произведетъ въ ней убійственной деморализаціи?» (№ 52). И немедленно затѣмъ же призывается авторитетъ народа, «не желающаго государствовать», но—желающаго однако рѣшать миръ или войну...

«Не могло безнаказанно совершиться надъ великимъ историческимъ народомъ такое дѣяніе, которому имя берлинскій трактатъ,—продолжаетъ «Русь».—Пусть не говорятъ, что какойнибудь тамбовскій или самарскій мужикъ вовсе и не помышляетъ, да едва ли и вѣдаетъ о такомъ дипломатическомъ актѣ... Такія рѣчи—только самообольщеніе Петербурга. Во сколько народъ вѣдалъ про войну 1876 года, жертвовалъ собою и своимъ достояніемъ, во сколько онъ вѣдалъ войну 1877 года (а не могъ же онъ не вѣдать, когда до милліона сыновъ его, солдатъ, принимало въ ней дѣятельное участіе, а самъ онъ дома жадно ловилъ каждое извѣстіе, и деревни въ складчину выписывали телеграммы и газеты),—во сколько онъ вѣдалъ про войну, во столько же вѣдаетъ онъ про миръ и вѣдаетъ, что онъ намъ въ стыдъ и въ обиду» (№ 53). Очевидно, народъ, не желавшій «государствовать» въ дѣлѣ устройства автономнаго уѣзда, пожелалъ имѣть вліяніе на высшія, столь доступныя его пониманію политическія дѣла, какъ рѣшеніе восточнаго вопроса и берлинскій трактатъ. Если бы мы имѣли право заподозривать намѣренія противниковъ, мы должны бы были подумать: «фарисеи, лицемѣры!»...

Было бы слишкомъ долго указывать или оспаривать различныя подробности ново-славянофильскаго ученія «Руси». Намъ важно было теперь прослѣдить тотъ принципъ, который лежитъ въ основаніи ея мнѣній. Насколько возможно въ небольшой жур-

нальной статьѣ, мы старались это сдѣлать. Читателямъ предоставляется судить.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ на замѣтку «Руси» по поводу начала настоящей статьи. «Русь» находитъ «претенціознымъ» заглавіе статьи. Мы безъ всякой претензіи хотѣли именно указать противорѣчіе между дѣйствительностью и литературными мечтаніями о народѣ, и заглавіе явилось естественнымъ выраженіемъ этой мысли. Далѣе, «Русь» разсказываетъ, что я «стѣсняюсь» открыто отрицать «самобытность» русскаго народа. Въ прежнее время такія заявленія считались просто не приличными для уважающаго себя писателя. Кто далъ право «Руси» копаться въ моей душѣ и рѣшать, стѣсняюсь ли я, или нѣтъ. На дѣлѣ мы считаемъ простой безсмыслицей сомнѣніе въ самобытности русскаго народа, какое «Русь» такъ старается намъ подбросить, но намъ вольно понимать иначе значеніе и дѣятельность ея. Затѣмъ мнѣ адресуется упрекъ, зачѣмъ я не касаюсь вопроса: «дозволяется ли русскому народу *создавать* свои формы общественнаго устройства?» Да не это было предметомъ статьи. Въ концѣ концовъ, «Руси» мѣшаетъ и то, что моя статья—«безъ подписи», что я «неизвѣстный авторъ»! Моя подпись не сдѣлала бы болѣе извѣстнымъ «Руси» автора статьи. Но что это за способъ писанья, по которому полагается не оспаривать сущности, а только привязываться къ каждой строкѣ и къ каждому слову. Кому это нужно и порядочно ли?..

Арс. Введенскій.

СЛѢДЫ ДРЕВНИХЪ КУЛЬТУРЪ

ВЪ

НРАВАХЪ НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

Гриммъ сообщаетъ разсказъ о странномъ обычаѣ, господствовавшемъ въ довольно позднія времена въ одной изъ нѣмецкихъ территорій, въ герцогствѣ Каринтіи (Kärnthen) во время выбора новаго герцога. Для изслѣдователя древнѣйшихъ источниковъ, новѣйшей культуры, путемъ сравнительнаго метода, тутъ является чрезвычайно любопытная и вмѣстѣ трудная задача. Вотъ самый разсказъ, какъ онъ приводится Гриммомъ. «До тѣхъ поръ, пока новоизбранный князь сидитъ на стулѣ, Граднекерцы (жители одного изъ тамошнихъ селъ) имѣютъ *съ давнихъ временъ* (von Alters her) право скашивать повсюду столько сѣна, сколько могутъ, если это право не будетъ своевременно выкуплено у нихъ; грабителямъ предоставляется на волю продать и похищать, а жителямъ Портендорфа пускать краснаго пѣтуха повсюду, во всей странѣ, гдѣ бы они ни пожелали, если по добровольному соглашенію это право не будетъ у нихъ выкуплено.—Происхожденіе этого обычая не перестаетъ быть для насъ темнымъ, хотя мы узнаемъ отъ Леобенскаго монаха, что этотъ обычай возникъ въ царствованіе императора Карла, въ 790 году, при герцогѣ Инго, принявшемъ христіанство» [1]).

Объяснять существованіе этой, такъ-сказать, узаконенной и освященной обычаемъ, анархіи мотивами цѣлесообразности, какъ это мы привыкли дѣлать по отношенію ко всякого рода явле-

---

[1]) Grimm. Rechtsalterthümer, стр. 503, 502, 254.

ніямъ общественной и государственной жизни, нѣтъ никакой возможности. Подобный разгулъ страстей, очевидно, не могъ удовлетворять никакой дѣйствительной общественной потребности. Благодаря этому дикому обычаю разрушались, хотя бы временно, всѣ основы матеріальнаго благосостоянія населенія и общественнаго спокойствія. Похищали, грабили и жгли; давалась пища самымъ алчнымъ животнымъ инстинктамъ, ихъ поддерживали и развивали искусственными мѣрами, чѣмъ отчасти подкапывалась возможность общественнаго порядка во всякое другое время, когда господство анархіи не полагалось. Для всякаго очевидно, что по отношенію къ такому обычаю немыслимы вопросы: зачѣмъ, къ чему? для какой цѣли? Единственными возможными вопросами въ данномъ случаѣ являются только слѣдующіе: какъ, какимъ образомъ возникъ этотъ жестокій и вредный обычай, и при какихъ общественныхъ условіяхъ могъ онъ возникнуть? Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, дѣло съ какимъ-то историческимъ наслѣдіемъ, въ родѣ того, какъ и теперь въ свадебныхъ обрядахъ симулируется древнее похищеніе невѣстъ, которое въ свое время было дѣйствительнымъ похищеніемъ, или на итальянскомъ карнавалѣ допускаются такія дѣйствія, какія въ обыкновенное время не были бы терпимы. Узаконенная анархія можетъ являться также выродившимся остаткомъ болѣе ранняго нормальнаго состоянія, воспоминаніемъ объ обычномъ порядкѣ вещей, господствовавшемъ нѣкогда. Тѣмъ не менѣе до тѣхъ поръ, пока намъ извѣстенъ фактъ существованія условно терпимой анархіи только въ одномъ мѣстѣ и притомъ въ періодѣ довольно позднемъ отъ момента его возникновенія, мы относительно значенія и смысла такого факта все-таки не можемъ придти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Намъ остается обратиться къ другому способу изслѣдованія, который одинъ въ состояніи разъяснить множество непонятныхъ и странныхъ явленій, какъ современной общественной жизни, такъ и болѣе раннихъ историческихъ періодовъ. Если мы крѣпко утвердимся въ той не разъ уже высказанной мысли, что нынѣшніе первобытные народы переживаютъ еще теперь тѣ состоянія, чрезъ которыя прошли предки намъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то путь къ рѣшенію подобныхъ задачъ дѣлается яснымъ самъ-собою. Изъ разсказовъ многихъ путешественниковъ мы узнаёмъ о существованіи у ашантіевъ въ Африкѣ обычая всеобщей анархіи и вражды послѣ смерти одного властителя и до вступленія на престолъ новаго. «Когда властитель ашантіевъ умираетъ, его жены,—по словамъ путеше-

ственниковъ,—истребляютъ всѣ его драгоцѣнности, наступаетъ всеобщая безнаказанная анархія. Грабежъ и разбой свирѣпствуютъ въ странѣ. Въ Видахѣ, Іарибѣ и Бенинѣ въ подобныхъ же случаяхъ возникаетъ такая же всеобщая неурядица, личность и собственность жителей нисколько тогда необезпечены. Но такое отсутствіе гарантій всякой безопасности продолжается въ Видахѣ всего въ теченіе *пяти дней*» [1]). Эти данныя Вайцъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Обычай ограничилъ господство анархіи опредѣленнымъ и притомъ непродолжительнымъ временемъ. Изъ этого прежде всего явствуетъ, что эта анархія не есть результатъ разрушенія всѣхъ узъ общественной жизни, а должна быть разсматриваема, какъ внезапное и временное потрясеніе основъ общественнаго порядка, и не смотря на всеобщую разнузданность страстей, надъ этой неурядицей властвуетъ обычай, вслѣдствіе чего она и не можетъ повести къ дѣйствительному распаденію общественнаго строя»

Что легальная анархія есть только временное потрясеніе общественнаго порядка, мы видѣли и въ разсказѣ Гримма. Разница только въ томъ, что въ Каринтіи она продолжалась только въ теченіе того времени, которое вновь избранный герцогъ просиживалъ на стулѣ—срокъ во всякомъ случаѣ довольно краткій,—между тѣмъ, какъ здѣсь, у африканскихъ народовъ, мы видимъ гораздо болѣе продолжительный срокъ ея господства, а именно, у одного изъ этихъ народовъ пять дней.

Но въ той же Африкѣ есть народы, среди которыхъ узаконенная анархія господствуетъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго срока. Въ Лоанго «со смертью властителя наступаетъ всеобщая анархія, длящаяся *нѣсколько мѣсяцевъ* сряду, въ теченіе которыхъ не занимаются даже и воздѣлываніемъ земли» [2]). Путешественники сообщаютъ о существованіи анархіи и въ дагомейскомъ царствѣ, причемъ разсказываютъ, что о смерти царя тамъ возвѣщаютъ населенію только по истеченіи *18 мѣсяцевъ* со дня его смерти, въ продолженіе которыхъ его именемъ управляетъ страною наслѣдникъ вмѣстѣ съ двумя высшими сановниками [3]). Эти 18 мѣсяцевъ и указываютъ, повидимому, продолжительность господства анархіи, если не въ нынѣшнее, то въ болѣе раннее время. Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ изъ жизни африканскихъ народовъ мы могли убѣдиться уже, что повсюду анархія сопровождаетъ прекращеніе дѣятельности

[1]) Waitz. II. стр., 147.
[2]) Waitz. II, 153.
[3]) Тамъ же, II, 147.

одного властителя и продолжается до вступленія на вакантное мѣсто новаго. Тѣ восемнадцать мѣсяцевъ, о которыхъ мы говорили, и были по всей вѣроятности такимъ промежуточнымъ временемъ и хотя въ настоящее время за умершимъ въ Дагомеѣ непосредственно слѣдуетъ его преемникъ, тѣмъ не менѣе онъ во все продолженіе обычаемъ установленнаго срока управляетъ не отъ своего собственнаго имени, а отъ имени прежняго. Этотъ послѣдній представляется не умершимъ, а только бездѣйствующимъ. Этой фикціей обычай анархіи, какъ мы видѣли, не уничтоженъ окончательно въ Дагомеѣ, но онъ по всей вѣроятности сведенъ этой фикціей на сравнительно меньшій срокъ.

Мы знаемъ также о существованіи анархіи у маровисовъ «подъ прѣдлогомъ *траура* по смерти властителя — Малибо». Наконецъ, Ливингстонъ, говоря о господствѣ временной анархіи у баніейцевъ, прибавляетъ: «Если *до выборовъ* и господствуетъ анархія, то она прекращается съ окончаніемъ ихъ» [1]).

Всѣ тѣ африканскіе народы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, несомнѣнно стоятъ на лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія гораздо ниже, чѣмъ жители герцогства Каринтіи въ ту пору, когда у нихъ господствовалъ обычай легальной анархіи въ описанномъ видѣ. Вотъ почему мы имѣли возможность ознакомиться съ помощью наблюденій надъ жизнью африканскихъ народовъ гораздо подробнѣе съ этимъ обычаемъ. Мы имѣли возможность видѣть его въ дѣйствіи въ пору, гораздо болѣе близкую ко времени его возникновенія, и вслѣдствіе этого наше пониманіе этого явленія значительно расширилось. Мы узнали, что этотъ обычай не связанъ исключительно съ временемъ сидѣнія вновь избраннаго князя на стулѣ, что онъ въ болѣе ранній періодъ простирается на болѣе продолжительный срокъ, что онъ господствуетъ въ теченіе всего промежутка времени, длящагося между уходомъ со сцены одного властителя и появленіемъ другого. А такъ какъ въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, гдѣ преемникъ тутъ же подъ рукою, такой промежутокъ совершенно излишенъ, то возникновеніе этого обычая слѣдуетъ отнести къ такому историческому моменту въ жизни народовъ, когда глава государства получалъ свой санъ по выбору. О томъ, что этотъ обычай связанъ съ выборами новаго главы государства, свидѣтельствуетъ уже фактъ, приведенный Гриммомъ, но онъ получилъ сильное подтвержденіе, благодаря разсказу Ливингстона. Если этотъ институтъ существуетъ и тогда, когда до-

[1]) Waitz. II, 398.

стоинство властителя становится преемственнымъ, то очевидно, онъ является уже остаткомъ болѣе ранняго историческаго періода.

Хотя мы съ помощью приведенныхъ данныхъ и приблизились къ моменту возникновенія этого института, то мы тѣмъ не менѣе къ самому моменту еще не подошли. Да и форма, которую принимаетъ легальная анархія для насъ еще недостаточно ясна. Въ то время, какъ въ нѣмецкомъ разсказѣ мы видимъ спеціализацію разрушительныхъ дѣяній: жители одного села скашиваютъ чужое сѣно, жители другого—жгутъ и только профессіональные разбойники грабятъ, разсказы объ анархіи среди африканскихъ народовъ сообщаютъ о всеобщемъ грабежѣ и разбоѣ и о пріостановкѣ всякой производительной дѣятельности, въ родѣ воздѣлыванія земли. Для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, намъ необходимо воспользоваться наблюденіями надъ жизнью народовъ, стоящихъ въ культурномъ отношеніи ниже тѣхъ африканскихъ народовъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Таковы являются нѣкоторые изъ южно-океанійскихъ народовъ.

Весьма немногимъ обогащаются наши свѣдѣнія, когда мы узнаемъ, что и на Сандвичевыхъ островахъ со смертью властителя наступаетъ всеобщая анархія и всякаго рода преступныя дѣянія совершаются безнаказанно [1]). Но когда мы читаемъ, что въ Таити анархія послѣ смерти властителя выражается въ томъ, что *сосѣднія территоріи ведутъ между собою фиктивныя войны*, которыя оканчиваются, однако, истребленіемъ имущества и грабежомъ [2]), то мы, благодаря этому факту, проникаемъ въ самую суть обычая, о которомъ идетъ рѣчь.

Продолжатель «Антропологіи» Вайца, Герландъ объясняетъ мимоходомъ это явленіе общественной жизни слѣдующимъ образомъ: «Анархія—это, повидимому, ни что иное, какъ проявленіе траура всей страны, наносящей самой себѣ раны, точно также, какъ это дѣлаютъ родственники частныхъ лицъ послѣ ихъ смерти» [3]). Мы дѣйствительно видѣли, что въ одномъ случаѣ трауръ выставлялся предлогомъ анархіи. Точно также и разбиваніе драгоцѣнностей короля женами его у ашантіевъ относится къ этому разряду явленій. Это—остатокъ общепринятаго порядка на болѣе раннихъ ступеняхъ культуры, когда, какъ мы указывали это въ другомъ мѣстѣ, вмѣстѣ со смертью лица уми-

---

1) Waitz-Gerland. VI, 208.
2) Тамъ же. VI, 224.
3) Тамъ же. VI, 203.

раетъ, прекращаетъ свое существованіе и все то, что считается частною собственностью его [1]). Но за то всѣ остальныя явленія, сопровождающія анархію, ни коимъ образомъ не могутъ быть объяснены съ этой точки зрѣнія: какъ уже выше было замѣчено, легальная анархія сопровождаетъ прекращеніе дѣятельности властителя, чѣмъ бы это прекращеніе ни вызывалось, смертью или какимъ бы то ни было другимъ способомъ, и продолжается до появленія новаго. Фиктивныя войны, ведомыя сосѣдними территоріями на островѣ Таити, однѣ только могутъ пролить надлежащій свѣтъ на это загадочное явленіе. Припомнимъ, что въ Таити существуетъ федеральный строй, что со смертью главы союза федерація распадается на свои составныя части, на отдѣльныя территоріи, находящіяся во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Отсюда и фиктивныя войны между прилежащими другъ къ другу территоріями, сопровождающіяся, однако, послѣдствіями отнюдь не фиктивнаго характера. Воскресла исконная вражда, характеризующая отношенія отдѣльныхъ общинъ. Этому способствуетъ и борьба между общинами за гегемонію. Предводитель какой общины долженъ быть главою союза—великимъ княземъ?—вотъ тотъ вопросъ, который стоитъ на очереди съ прекращеніемъ дѣятельности прежняго властителя. Когда этотъ глава союза избранъ и федеративныя связи снова возстановлены, тогда только прекращаются враждебныя отношенія между снова объединенными общинами. Онѣ опять входятъ въ составъ одного и того же политическаго тѣла и должны хотя бы внѣшнимъ образомъ ладить другъ съ другомъ. И такъ, обычай временной легальной анархіи есть остатокъ того наиболѣе ранняго состоянія человѣчества, когда сосѣднія общины ведутъ между собою постоянныя, непрерывныя и отнюдь не фиктивныя войны, предаютъ разрушенію и пламени все, что добываютъ изъ достоянія враждебной имъ общины. При федеративномъ строѣ эта борьба общинъ прекращается на все время существованія федеративныхъ связей и возгарается съ полною силою на все время прекращенія этихъ связей, такъ какъ она поддерживается инстинктивною взаимною ненавистью жителей разныхъ территорій. Вторичное возстановленіе федеративныхъ связей, благодаря избранію новаго главы союза, кладетъ предѣлъ внѣшнему проявленію враждебныхъ чувствъ. Существованіе обычая легальной анархіи въ такихъ странахъ, гдѣ власть главы государства полу-

1) См. Zeitschrift für Ethnologie etc. 1878. Heft III, стр. 214—218. Проф. Ковалевскій въ сочиненіи „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія", 1872 г., проводитъ ту же мысль на стр. 30.

чается не по выбору, а по наслѣдству, ясно указываетъ на то, что и въ этихъ странахъ нѣкогда существовало федеративное устройство съ выборнымъ главою. Прямымъ подтвержденіемъ этого предположенія является то, что у одного изъ тѣхъ африканскихъ народовъ, у которыхъ мы встрѣтили обычай легальной анархіи, у ашантіевъ, мы находимъ старинное преданіе, по которому въ прежнія времена тамъ была федерація, состоявшая изъ 12-ти территорій [1]). Въ настоящее время, власть короля ашантіевъ преемственная.

Не трудно понять, какъ благодаря неизбѣжности обычая временной анархіи при федеративномъ строѣ, этотъ строй долженъ уступить мѣсто другому, разъ въ населеніи союзныхъ территорій, благодаря постоянному общенію, инстинктивное чувство вражды затихаетъ. Не трудно понять, какъ стремленіе отдѣльныхъ семействъ усвоить себѣ верховную власть въ качествѣ наслѣдственнаго достоянія можетъ находить себѣ сторонниковъ въ населеніи, въ виду временной узаконенной анархіи, угрожающей странѣ при каждомъ перерывѣ, при каждыхъ новыхъ выборахъ. Не трудно понять также, какъ уже по установленіи принципа наслѣдственности верховной власти признается важнымъ установить принципъ непрерывности этой власти, принципъ, по которому престолъ не остается вакантнымъ, король никогда не умираетъ. Совершенно независимо отъ европейскихъ юристовъ въ Дагомеѣ признается фикція, что король не умеръ и наслѣдникъ управляетъ страною отъ его имени. Устраняется всякій поводъ къ возникновенію анархіи, устраняется все, чтó могло бы служить поддержкой для стариннаго обычая. Нѣтъ ни выборовъ новаго властителя, связанныхъ съ борьбою и агитаціею, ни смерти стараго властителя. Le roi est mort, vive le roi. И если обычная анархія все-таки существуетъ тамъ, гдѣ приняты всѣ мѣры, чтобы упразднить ее, то только какъ тѣнь прошлаго. Въ странахъ, управляемыхъ деспотически, эта тѣнь становится грозною. Видоизмѣняясь по формѣ, обычай временной анархіи выражается въ тѣхъ кровавыхъ дѣяніяхъ, которыми сопровождается смерть правителей и которыми запятнаны страницы исторіи всѣхъ деспотическихъ государствъ. Промежутокъ времени между вступленіемъ на престолъ и коронаціей главы государства, существующій во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, въ настоящее время по всей вѣроятности является рамками, въ

1) Waitz. II, 55—56, 152.

которыя нѣкогда вставлялись картины невеселыхъ событій. Картины выпали, а рамки остались.

Уже послѣ того, какъ этотъ этюдъ былъ оконченъ, профессоръ И. В. Лучицкій обязательно указалъ намъ на нѣсколько мѣстъ изъ сочиненія Егера, имѣющихъ отношеніе къ предмету этого изслѣдованія. Данныя, приводимыя у Егера, относятся къ ступени культуры болѣе поздней сравнительно съ фактами, приведенными изъ Гримма и послужившими исходной точкой настоящаго этюда. Эти данныя относятся ко времени феодализма и указываютъ на тѣ превращенія, которымъ подвергался первобытный обычай на пути къ окончательному исчезновенію его подъ вліяніемъ духа времени и господствовавшихъ историческихъ условій.

Въ то же время эти данныя показываютъ, что путь, по которому идутъ изслѣдователи въ области сравнительной исторіи культуры, вовсе не такъ рискованъ, какъ это кажется многимъ, привыкшимъ къ рутиннымъ способамъ изслѣдованія; что на основаніи данныхъ, доказывающихъ существованіе извѣстнаго института у одного народа и въ одномъ мѣстѣ, мы можемъ предположить существованіе этого института и у другихъ народовъ и въ другихъ мѣстахъ, хотя бы въ эту минуту, когда мы дѣлаемъ такое предположеніе, у насъ не было подъ рукою соотвѣтствующихъ фактовъ. Эти факты найдутся при большемъ изученіи различныхъ сторонъ народной жизни въ ихъ исторіи и современныхъ формахъ.

Въ виду ограниченности того числа данныхъ, которое мы привели изъ жизни европейскихъ народовъ, мы считаемъ себя обязанными восполнить пробѣлъ тѣми данными, на которыя указалъ намъ проф. Лучицкій.

«Долго,—говоритъ Егеръ,—господствовало въ народѣ воззрѣніе, что со смертью верховнаго главы страны (Landesfürst) всѣ обезпеченныя государственнымъ правомъ и частными сдѣлками права́ охоты исчезаютъ, законы, относящіеся къ этому предмету eo ipso отмѣняются и все, за чѣмъ можно охотиться въ воздухѣ, гоняться на землѣ и ловить въ водѣ, становится безхозяйнымъ. Въ виду этого каждому предоставляется по усмотрѣнію охотиться, забирать въ сѣти и удить всюду, гдѣ ему угодно. Особенно рѣзко господство этого воззрѣнія въ народѣ сказалось послѣ смерти Максимиліана I, въ 1519 году. Крестьяне толпами отправлялись на охоту, нисколько не соображаясь съ тѣмъ, кому территорія, на которой они производили охоту, принадле-

жала по праву, верховному властителю (королю), прелату или свѣтскому владѣльцу.

«Въ нѣкоторыхъ округахъ право охоты въ это время признавалось только по отношенію къ извѣстнаго рода дичи. Такъ въ однихъ округахъ свобода охоты относилась къ Rothwild, въ другихъ къ Gemsen... То-есть, свобода охоты давалась въ это время по отношенію именно къ той дичи, которая въ обыкновенное время особенно бережно и старательно охранялась отъ посягательства крестьянъ-охотниковъ, охранялась съ помощью страшныхъ каръ и жестокихъ казней. Въ округѣ Винтшгау, впрочемъ, также безпрепятственно удили рыбу во всѣхъ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, кому бы они ни принадлежали, духовнымъ или свѣтскимъ владѣльцамъ, и гдѣ бы они ни были расположены» [1]).

Эти послѣднія данныя, впрочемъ, въ большей мѣрѣ могутъ служить доказательствомъ того, что въ былыя времена всѣ эти предметы были предметами общиннаго владѣнія, причемъ наступленіе смерти верховнаго владѣльца временно возстановляло характеръ этихъ предметовъ, какъ общиннаго достоянія, которымъ каждый можетъ пользоваться до вступленія на престолъ новаго властителя. Но отъ этого выставленное нами общее положеніе, что обычай легальной анархіи обязанъ своимъ возникновеніемъ періоду между-общинной вражды, не можетъ пострадать, ибо въ позднѣйшія времена остатки разныхъ институтовъ сливаются и образуютъ односложное цѣлое, въ которомъ трудно разобрать и отдѣлить другъ отъ друга составные его элементы.

М. К.

---

[1]) Jäger, Geschichte der landständigen Verfassung Tirols. I, 65.

СЕЛЬСКОЕ ПРАВОСУДІЕ

Изъ жизни русской деревни.

IV *).

Въ предшествующихъ главахъ мы старались начертить общую картину, которую представляетъ въ настоящее время волостная юстиція въ нашей деревнѣ. Едва ли кто, знакомый съ положеніемъ деревни, упрекнетъ насъ въ томъ, что мы умышленно набрасывали густыя краски на темныя стороны волостного суда. Упрекъ такой былъ бы нами совершенно не заслуженъ, мы излагали дѣло безпристрастно и со всѣмъ тѣмъ картина вышла тяжелая и неприглядная. Но скажутъ намъ, положимъ, что волостной судъ не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ суду для населенія, стоящаго на извѣстной высотѣ культуры, для нашего же крестьянскаго люда суды хороши, а потому и не слѣдуетъ вторгаться въ чуждую намъ сферу народнаго быта и затрогивать судъ, являющійся созданіемъ самого народа.

Читатели знаютъ, насколько нынѣ дѣйствующій волостной судъ можетъ быть признанъ народнымъ созданіемъ, знаютъ, что онъ былъ созданъ „Положеніемъ 19 февраля“ и ни какихъ признаковъ народнаго творчества въ немъ не проявляется. Но со всѣмъ тѣмъ возможность такого возраженія и самая полнота изслѣдованія побуждаетъ насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны и разсмотрѣть взгляды на волостной судъ самихъ нашихъ крестьянъ.

Весьма старая истина, что соціальныя формы не могутъ быть оцѣниваемы теоретически, безъ тѣсной связи съ той средой,

---

*) См. выше, январь, 305 стр.

въ которой должны дѣйствовать. Есть формы, которыя въ одной странѣ, при извѣстной степени культуры, при извѣстномъ экономическомъ положеніи, окажутся вполнѣ несостоятельными, тогда какъ въ другой странѣ, при другихъ условіяхъ общественнаго быта, онѣ окажутся вполнѣ цѣлесообразными. Поэтому намъ необходимо отвѣтить на вопросъ: довольны ли сами крестьяне существующимъ исключительно для нихъ сельскимъ правосудіемъ?

Замѣчательная солидарность проявляется въ этомъ оношеніи въ отвѣтахъ всѣхъ спрошенныхъ по этому предмету крестьянъ. Члены коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ собирали отзывы крестьянъ объ удовлетворительности или несостоятельности волостного суда не только въ тѣхъ 83 волостяхъ, которыя были ими посѣщены, но и у крестьянъ другихъ мѣстностей, пользуясь при этомъ каждымъ удобнымъ случаемъ. Благодаря такому отношенію къ вопросу, добытыя отъ крестьянъ мнѣнія не только могутъ быть сочтены несомнѣннымъ выраженіемъ господствующаго въ нашей деревнѣ мнѣнія, но и пріобрѣтаютъ всю силу безусловной достовѣрности. При всей этой разносторонности предлагавшихся вопросовъ, отвѣты крестьянъ дышутъ полнымъ согласіемъ въ основномъ взглядѣ на волостные суды: въ той или другой формѣ, сущность отвѣтовъ сводилась всегда къ признанію *несостоятельности волостного правосудія*. „Слѣпой слѣпого водитъ“, сказалъ о волостныхъ судахъ крестьянинъ харьковской губерніи, разговаривая случайно съ членами волостной коммиссіи [1]). Въ этихъ простыхъ и немногосложныхъ словахъ сказывается глубокое сознаніе крестьянина въ той полнѣйшей безпомощности, которою обставлена его умственная жизнь. „Темный, неумѣлый“—такъ характеризовали крестьяне волостной судъ въ другомъ мѣстѣ. Въ иныхъ волостяхъ крестьяне сами говорили, что они стараются избрать въ судьи лучшихъ людей, да только изъ порядочныхъ никто нейдетъ, всѣ отстраняются, а попадаютъ въ судьи больше бѣдняки, у которыхъ нѣтъ ни хозяйства, ни земли. „Судьи никакимъ уваженіемъ и почтеніемъ не пользуются, всѣ они народъ не важный, пьющій. Страха судъ никому не внушаетъ, потому хоть кого и присудитъ, а потомъ, коль попросишь маленько, и проститъ“—говорили крестьяне въ другомъ мѣстѣ. „Суда мы волостного почти не знаемъ, вѣры въ него не имѣемъ“. „Судъ намъ, добрымъ людямъ, страхъ, а ворамъ помога; судъ не наказываетъ воровъ, а имъ потакаетъ, праваго засудитъ, а виноватаго правымъ сдѣлаетъ, да онъ и наказывать-то боится“ [2]),—таковы взятые нами на выдержку от-

---

[1]) Труды. Т. IV, стр. 119.
[2]) Труды. Т. VI, стр. 299 и слѣд.

зывы крестьянъ о волостномъ судѣ. Мы бы могли наполнить цѣлыя страницы такими отзывами, но совершенное ихъ однообразіе избавляетъ насъ отъ этой необходимости: вездѣ явственно выражается полнѣйшее недовольство крестьянъ правосудіемъ волостного суда. И послѣ этого, все еще находятся люди, которые рискуютъ защищать существующее status quo!

Но вопросы, предлагавшіеся крестьянамъ, далеко не ограничивались опредѣленіемъ ихъ взгляда собственно на волостные суды; отъ нихъ старались вывѣдать и о лучшей формѣ сельскаго суда вообще. Если огромное большинство спрошенныхъ крестьянъ высказало полнѣйшее единодушіе въ признаніи несостоятельности волостного суда, то почти такое же единодушіе замѣчается и въ отзывахъ ихъ о замѣнѣ волостного суда судомъ мировымъ, въ настоящее время составляющимъ въ нашей деревнѣ единственный безсословный органъ правосудія. Только очень немногія волости, очевидно уже слишкомъ возмущенныя дѣятельностью своего собственнаго суда, выражали желаніе промѣнять его на судъ мирового судьи, большинство же крестьянъ давало по этому предмету хотя и неопредѣленные, но въ высшей степени знаменательные отвѣты. „Мировой судья далеко“, у „мирового судьи адвокаты заѣдятъ“, „коли судиться у мирового судьи—судъ перестанетъ быть крестьянскимъ“, „мировой нашихъ дѣловъ не пойметъ“, „кабы мировой судъ не былъ такъ дорогъ, всякій бы въ немъ судился, никто бы и въ волостной судъ не пошелъ“—вотъ единогласные (изъ 83—80) отвѣты крестьянъ по вопросу о преимуществахъ мирового суда передъ волостнымъ [1]). Въ этихъ отвѣтахъ, данныхъ крестьянами, заключается единственный и безусловно вѣрный ключъ для разрѣшенія сложнаго вопроса объ организаціи сельскаго суда, соотвѣтствующаго бытовымъ условіямъ нашей деревни. Крестьяне единогласно заявляютъ, что ихъ волостные суды несостоятельны, съ другой стороны тѣ же крестьяне открещиваются и отъ мирового судьи, рельефно выставляя всѣ неудобства и невыгоды этого органа правосудія. Какой именно судъ былъ бы для нихъ удовлетворительнымъ, они не говорятъ, да и сказать этого не могутъ, такъ какъ въ тѣсномъ кругѣ ихъ сельскаго быта они такого суда не видали, хотя общія указанія на непремѣнныя условія, которымъ должно удовлетворять сельское правосудіе, они высказываютъ, и эти условія составляютъ драгоцѣнный матеріалъ при обсужденіи вопроса о формѣ сельскаго суда. Не инстинктивно, но глубоко сознательно высказываютъ свои мнѣнія крестьяне о существующихъ въ деревнѣ судахъ и говорятъ это безъ тенден-

[1]) Труды. Т. VI, стр. 299 и слѣд.

ціозности, безъ сословной вражды, а стоя на почвѣ исключительно практическихъ интересовъ своего быта.

Справедливость такого приговора по отношенію къ волостному суду должна быть для читателей вполнѣ очевидна; а теперь бросимъ бѣглый взглядъ на то, насколько такой приговоръ оправдывается положеніемъ нашей мировой юстиціи. Ближе всѣхъ стоящіе къ мировому суду крестьяне, конечно, не могутъ не видѣть лучше всякаго другого всѣхъ органическихъ недостатковъ этого учрежденія. Они не могутъ не видѣть, что если въ уѣздѣ, имѣющемъ въ діаметрѣ 300 верстъ протяженія (мы беремъ среднюю величину уѣзда; есть уѣзды, въ которыхъ протяженіе гораздо значительнѣе), находится всего отъ 3 до 5 мировыхъ судей, считая въ томъ числѣ и городъ, то такой судъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ судомъ удобнымъ, близкимъ и доступнымъ. Участвуя въ платежѣ земскихъ сборовъ и повинностей, тѣ же крестьяне не могутъ не знать, что содержаніе каждаго мирового участка обходится минимумъ 1500 руб. ежегодно; слѣдовательно увеличеніе числа участковъ немыслимо безъ непомѣрнаго обремененія плательщиковъ. Далѣе, ежедневнымъ опытомъ крестьяне убѣждаются, что институтъ „почетныхъ" мировыхъ судей даетъ носящимъ это званіе лицамъ мало почету, пользы же въ деревенскомъ быту не приноситъ никакой. Эти почетные судьи, если и участвуютъ въ отправленіи правосудія, то исключительно на съѣздахъ; проявленіе же единоличной судейской власти въ деревнѣ составляетъ исключеніе, крайне рѣдко встрѣчающееся на практикѣ. Не менѣе того хорошо понимаютъ крестьяне, что нынѣшній мировой судъ, хотя и носитъ характеръ всесословный, земскій, въ сущности является судомъ сословнымъ, исключительно дворянскимъ. Для нихъ ясно, что удовлетворить существующимъ цензовымъ условіямъ, какъ въ имущественномъ отношеніи (400—500 десятинъ земли), такъ и въ образовательномъ (окончаніе курса средняго учебнаго заведенія) ни одинъ крестьянинъ не въ состояніи. Не можетъ скрыться отъ крестьянъ и дѣятельность мировыхъ судей: хорошо они видятъ, что мировой судъ съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе формальный характеръ, что онъ давно порвалъ всякія связи съ условіями народной жизни и деревенскаго быта, что онъ совершенно забываетъ обычное право и вообще отражаетъ на себѣ всѣ недостатки *общей* судебной организаціи, не имѣя ни одного изъ ея достоинствъ [1]). Однимъ словомъ, всѣ слабыя сто-

[1]) Въ трудахъ волостной коммиссіи находятся показанія нѣкоторыхъ крестьянъ о томъ, что они даже никогда не слыхали, чтобы мировые судьи при разрѣшеніи дѣла руководствовались мѣстными обычаями.

роны мирового суда, вполнѣ уже обнаружившіяся на практикѣ и приведшія къ сознанію о необходимости его преобразованія, вполнѣ извѣстны крестьянамъ; можно ли послѣ того требовать, чтобы они сочувственно къ нему относились и желали замѣнить одно несостоятельное учрежденіе другимъ, столь же несостоятельнымъ? Нѣтъ, именно здравый смыслъ народа подсказываетъ ему, что перенесенный на нашу почву судебно-мировой институтъ не принялся какъ слѣдуетъ, что вмѣсто правильнаго развитія въ немъ замѣчается постоянное ухудшеніе, послѣдствіемъ котораго это учрежденіе все больше и больше падаетъ въ глазахъ населенія.

И такъ, изъ существующихъ въ нашей деревнѣ формъ правосудія выбора нѣтъ: мракъ и крайняя дикость царятъ въ волостныхъ судахъ; не удовлетворяютъ потребностямъ правосудія и мировые судьи. Но если обѣ формы оказываются несостоятельными, то гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Гдѣ найти указанія для созданія такой формы сельскаго суда, который, будучи судомъ народнымъ, удовлетворялъ бы высшимъ задачамъ правосудія и со всѣмъ тѣмъ, по словамъ Бентама, „находился у дверей каждой деревенской хижины“. Разрѣшить эту сложную задачу нельзя путемъ теоретическимъ; для ея разрѣшенія необходимо вникнуть въ сущность тѣхъ соціальныхъ условій, которыя представляетъ наша деревня и при этомъ имѣть въ виду тѣ простые и правдивые отзывы и мнѣнія, которые были высказаны самими крестьянами.

V.

Если бы выработка тѣхъ началъ, которыя должны лечь въ основу правильно организованнаго сельскаго суда, была возможна внѣ тѣхъ условій, которыя представляются въ нашей деревнѣ, то, конечно, теорія и опытъ другихъ странъ могли бы дать въ этомъ отношеніи драгоцѣнныя указанія. Но сельскій судъ болѣе, чѣмъ какое либо другое учрежденіе связанъ съ почвою, на которой дѣйствуетъ и стоитъ въ прямой зависимости отъ общаго характера общественнаго устройства. Правосудіе въ нашей деревнѣ въ настоящее время несостоятельно, это очевидно для каждаго; но если мы взглянемъ на тѣ отношенія, которыя создались въ нашей деревнѣ послѣ 19-го февраля 1861 г., то должны будемъ признать, что другого положенія суда невозможно было бы и ожидать.

Желая обезпечить крестьянскіе интересы не только въ сферѣ общины и вытекающихъ изъ нея отношеній, но и въ смыслѣ *сословнаго* самоуправленія, „Положеніе 19-го февраля“ создало крестьян-

скую волость, сосредоточивъ въ ней дѣла крестьянской администраціи, полиціи и суда. Не говоря уже о томъ, что на той слабой степени умственнаго и экономическаго развитія, на которой стояли наши крестьяне, только-что освобожденные отъ крѣпостной зависимости, невозможно было ожидать, чтобы волостное управленіе проявило какіе-нибудь задатки прогрессивнаго развитія. Обособленіе волости, приданіе ей исключительно сословнаго характера произвело въ уѣздѣ чрезвычайно странную аномалію. Оказалось, что дурно или хорошо, но до нѣкоторой степени сплоченнымъ и организованнымъ въ уѣздѣ явилось одно крестьянство; всѣ же прочіе общественные элементы, помимо своихъ сословныхъ учрежденій, которыя въ сельскомъ быту совершенно незамѣтны, могли объединяться только въ земствѣ. Но вѣдь земство единица слишкомъ большая. Такимъ образомъ, благодаря тому, что при созданіи волости, ей приданъ былъ исключительно сословный характеръ, произошли слѣдующія ненормальныя и въ высшей степени прискорбныя послѣдствія: самоуправленіе крестьянъ оказалось фиктивнымъ, оно подпало подъ самую строгую опеку посредника и сосредоточилось въ рукахъ писаря; *всѣ же остальные элементы, не принадлежащіе къ крестьянству*, оказались не имѣющими въ деревнѣ никакихъ органовъ самоуправленія. Мало этого, произошло то комическое явленіе, что для прочихъ общественныхъ элементовъ не существовало, напримѣръ, полиціи. Въ самомъ дѣлѣ, обширная власть волостного старшины простирается только на однихъ крестьянъ. Помѣщики его власти не подчиняются совершенно. На глазахъ старшины помѣщикъ можетъ тѣмъ или другимъ способомъ нарушать общественный порядокъ, и старшина не въ правѣ его остановить. Очевидно, что такое положеніе вещей не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ признано нормальнымъ. Затѣмъ само собою разумѣется, что при такомъ исключительномъ характерѣ волости—волостной судъ долженъ былъ отразить на себѣ всѣ темныя стороны крестьянскаго быта, всю слабость умственнаго и общественнаго развитія этого сословія. Волостной судъ не могъ оказаться лучшимъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Конечно, при болѣе усердномъ надзорѣ со стороны мировыхъ посредниковъ, онъ могъ бы *съ формальной стороны* находиться въ нѣсколько лучшемъ положеніи, но въ такомъ случаѣ онъ уже утратилъ бы значеніе суда крестьянскаго; сохранивъ же за собой сословную самостоятельность, онъ неизбѣжно долженъ былъ стать пародіей на истинное правосудіе, и можно даже сказать, что недостатки волостного суда прямо пропорціональны его самостоятельности. Вообще можно смѣло сказать, что устройствомъ волости на началахъ, легшихъ въ основу „Положенія", дѣло волостного суда было загублено въ самомъ началѣ.

Другимъ столь же неблагопріятнымъ слѣдствіемъ сословнаго характера волости явилось то, что первичная единица земскаго управленія оказалась непомѣрно обширной. Существеннѣйшимъ недостаткомъ нашихъ земствъ является именно эта ни съ чѣмъ не сообразная величина первичной единицы самоуправленія. Уѣздъ, имѣющій въ діаметрѣ *нѣсколько сотъ* верстъ протяженія, составляетъ у насъ въ настоящее время первый органъ мѣстнаго самоуправленія. Можно ли послѣ этого говорить о томъ, чтобы земство было дѣйствительно народнымъ учрежденіемъ, чтобы оно проникало во всѣ сферы народнаго быта и имѣло характеръ жизненный, а не исключительно формальный. Очевидно, формальность земской дѣятельности была безусловно предрѣшена самой организаціей уѣзднаго земства. Оффиціальное отношеніе къ самымъ животрепещущимъ вопросамъ хозяйства и управленія, характеръ чиновничества, который соединился съ земскою дѣятельностью, потеря связей съ населеніемъ— все это является прямымъ слѣдствіемъ того, что истинной и нормальной единицы самоуправленія въ Россіи въ настоящее время не существуетъ.

Несомнѣнно, что изъ всѣхъ земскихъ должностей чиновническій характеръ проявился больше всего на представителяхъ мирового суда. Мы не хотимъ сказать, что мировые судьи сами стремятся стать чиновниками, хотя огромное большинство судей не свободно и отъ этого упрека, но самый характеръ должности, не могъ не создать изъ мировыхъ судей чиновниковъ. А коль скоро мировой судъ сдѣлался судомъ оффиціальнымъ, казеннымъ, то трудно ожидать, чтобы онъ могъ пріобрѣсти популярность въ глазахъ народа. Въ настоящемъ случаѣ можно положительно сказать, что качественная сторона дѣятельности мировыхъ судей совершенно неудовлетворительна, но если бы даже мировой судъ былъ удовлетворителенъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи то и тогда онъ бы не могъ пріобрѣсти довѣріе населенія. Фактически мировой судъ является все-таки судомъ сословнымъ, а не земскимъ.

И такъ существеннѣйшая причина, парализовавшая возможность развитія нормальнаго и истиннаго правосудія въ деревнѣ, заключается въ той сословной розни, которая не столько вытекаетъ изъ естественныхъ условій общественнаго устройства, сколько поддерживается закономъ. Обособивши крестьянскій элементъ, создавъ волость, какъ учрежденіе сословное, исключительно крестьянское, правительственная власть тѣмъ самымъ преградила всякую возможность совокупной дѣятельности разнородныхъ элементовъ нашей деревни и устранивъ возможность усовершенствованія крестьянскаго суда вмѣстѣ съ тѣмъ парализовала дѣятельность и мировыхъ судей. Такимъ

образомъ, вопросъ о правильной постановкѣ сельскаго суда стоитъ въ прямой зависимости отъ устройства волости, какъ мелкой земской единицы. Въ настоящее время вопросъ этотъ стоитъ на первой очереди: онъ обсуждался на земскихъ собраніяхъ, усиленно трактовался въ литературѣ, и, кажется, можно высказать полную увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ вопросъ этотъ съ почвы теоретическихъ обсужденій перейдетъ въ область практическаго осуществленія. Подробное разсмотрѣніе вопроса о волости не входитъ въ програмку нашей статьи: разборъ такого сложнаго вопроса отвлекъ бы насъ слишкомъ въ сторону, но въ виду того, что преобразованіе волостной и мировой юстиціи, по нашему мнѣнію, возможно только съ преобразованіемъ волости, какъ административной единицы, мы позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ о ненормальномъ положеніи *волости*.

Мы уже говорили о всѣхъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ, которыя проистекаютъ, изъ того, что за первичную земскую единицу принять уѣздъ, представляющійся слишкомъ большою величиною, какъ по пространству, такъ и по населенію. Очевидно, такое положеніе ненормально; единицею земскою долженъ быть не уѣздъ, а именно волость. Только съ того момента, когда наша волость утратитъ сословный характеръ и изъ мертворожденнаго крестьянскаго учрежденія сдѣлается живымъ земскимъ органомъ, можно будетъ говорить о правильной и нормальной постановкѣ нашего самоуправленія. Несостоятельность крестьянской волости сказалась слишкомъ очевидно и убѣдительно, чтобы можно было серьёзно говорить о необходимости сохранять это крайне вредное учрежденіе. Уже одно то, что волостное устройство заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе вслѣдствіе того, что, имѣя значеніе территоріальное, волость простираетъ свою дѣятельность не на всѣхъ лицъ, живущихъ на территоріи и связанныхъ съ ней, а только на извѣстный классъ жителей,—дѣлаетъ волость несостоятельнымъ учрежденіемъ въ самомъ корнѣ; но еще больше въ этомъ убѣждаетъ разсмотрѣніе причинъ, повліявшихъ на устройство волости въ ея нынѣшнемъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ: для чего была создана крестьянская волость, какія цѣли должна была преслѣдовать ея организація? На это „Положеніе 19-го февраля“ категорически отвѣчаетъ, что цѣль волости заключается въ защитѣ крестьянскихъ интересовъ. Но какіе интересы этого рода вѣдаетъ волость? Крестьяне несомнѣнно имѣютъ свои, отличные отъ другихъ классовъ общества, интересы: они вытекаютъ изъ общиннаго владѣнія, круговой поруки, вообще изъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыми обставленъ ихъ общественный и хозяйственный бытъ; но всѣми этими вопросами завѣдуетъ не волость, а спеціально крестьянское учрежденіе—сельское общество, собственно же волости до

этихъ интересовъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, и они никогда не вступаютъ на ея разсмотрѣніе. Затѣмъ, если отбросить эти весьма, впрочемъ, немногіе исключительно крестьянскіе интересы, то чтó же останется на долю собственно волости? Мы знаемъ, что разсмотрѣнію ея подлежитъ еще цѣлый рядъ другихъ дѣлъ, но вникая глубже въ сущность этихъ дѣлъ, мы найдемъ, что ни одно изъ нихъ не касается исключительно интересовъ крестьянскаго сословія, а равно важны для всѣхъ элементовъ, составляющихъ населеніе нашей деревни. Въ самомъ дѣлѣ, продовольствіе, медицина, школа, исправное содержаніе дорогъ, сельская почта, призрѣніе бѣдныхъ—все это такіе предметы, въ которыхъ нуждаются крестьяне столько же, сколько и лица всѣхъ другихъ сословій. Очевидно, что предметы эти не могутъ составлять сущность дѣятельности строго обособленной крестьянской волости. И дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ эти предметы почти не входятъ въ кругъ дѣятельности теперешней волости; они перешли въ завѣдываніе земства, которое только одно и является прямо въ нихъ заинтересованнымъ. Но, скажутъ читатели, какая же дѣятельность остается въ такомъ случаѣ на долю волости? Отвѣтъ одинъ, и онъ вытекаетъ изъ всей кратковременной исторіи крестьянской волости: волость никогда не была, и въ томъ видѣ, какъ она устроена, никогда не будетъ, учрежденіемъ общественнымъ; она носила и носитъ характеръ исключительно *фискальный*. Волость—это для центральной правительственной власти даровой óрганъ для взиманія податей, и въ этомъ надо видѣть единственную причину ея существованія. Отнимите отъ волости обязанность взысканія податей, и волость de facto почти прекратитъ свое существованіе, такъ же какъ многіе волостные суды въ настоящее время проявляютъ свою дѣятельность лишь тѣмъ, что, по представленію старостъ, сѣкутъ недоимщиковъ, а дѣлъ судебныхъ совсѣмъ не рѣшаютъ.

Фискальный характеръ волости является прямымъ слѣдствіемъ исторически сложившагося и не прекратившагося до сихъ поръ правительственнаго взгляда на нашего крестьянина. Отмѣна крѣпостного права уничтожила личную зависимость крестьянина отъ помѣщика, но въ глазахъ власти общественное его положеніе осталось прежнее. По прежнему мужикъ не является полноправнымъ гражданиномъ государства, а лишь объектомъ обложенія, средствомъ для покрытія расходовъ государственнаго бюджета, „казеннымъ человѣкомъ", прикованнымъ къ мѣстности и общинной, и круговой порукой, и всѣми тѣми многочисленными ограниченіями, которыя въ конецъ подрываютъ свободное развитіе и самостоятельное проявленіе народной жизни. Устройство крестьянскихъ волостей желѣзнымъ

кольцомъ сжало личную иниціативу и, при помощи тяготѣющаго надъ нимъ полицейскаго надзора, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что ядро русскаго народа, ⁵/₆ всего населенія, ведется на помочахъ органами административной власти. Измѣнить такое ненормальное положеніе вещей возможно только путемъ уничтоженія сословнаго характера волости.

Въ настоящее время, когда безъ исключенія *всѣ* земскія собранія, на обсужденіе которыхъ былъ переданъ вопросъ о преобразованіи земской единицы, высказались за полную отмѣну сословнаго характера волости, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что находимся наканунѣ преобразованія волостного устройства. Когда это преобразованіе совершится, когда волость перестанетъ быть сословнымъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ исключительно фискальныя цѣли, а пріобрѣтетъ значеніе дѣйствительной мелкой единицы, обнимающей собою всѣ элементы, входящіе въ ея составъ безъ сословнаго и имущественнаго различія; вообще, когда изъ учрежденія искусственнаго волость сдѣлается учрежденіемъ земскимъ, народнымъ,—тогда возможно будетъ приступить къ созданію правильнаго сельскаго правосудія. Тогда сами собою разрѣшатся всѣ тѣ вопросы, которые въ настоящее время представляются неразрѣшимыми, и судъ пріобрѣтетъ характеръ народнаго учрежденія.

Существующія теперь въ нашей деревнѣ двѣ самостоятельныя формы юстиціи: волостная и мировая, о печальномъ состояніи которыхъ мы уже говорили достаточно, должны будутъ прекратить свое ненормальное существованіе и замѣниться новымъ устройствомъ, которое сольетъ въ себѣ всѣ разнородные общественные элементы также, какъ они сольются въ безсословной волости. Въ тѣхъ нехитрыхъ отвѣтахъ, которые даны были крестьянами на предлагавшіеся имъ вопросы о томъ, какой бы судъ былъ для нихъ болѣе удобнымъ, какія требованія предъявляются ими къ суду, надо видѣть указаніе на тѣ начала, которыя должны лечь въ основу судебнаго устройства, предназначаемаго для деревни, для условій нашего сельскаго быта. „Всякій будетъ судиться тамъ, гдѣ лучше судятъ", „мировой судья далеко живетъ", „у мирового судъ дорогой", „мировой нашихъ дѣлъ не пойметъ"—вотъ тѣ стереотипные отвѣты, которые были даны крестьянами самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ, изъ этихъ отвѣтовъ мы можемъ вывести указаніе на тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять правильно устроенный сельскій судъ. Судъ долженъ быть прежде всего *народнымъ*, такъ какъ иначе онъ не будетъ въ состояніи проникнуться потребностями и интересами народной жизни; далѣе судъ долженъ быть *близокъ* для каждаго сельскаго жителя, безусловно

денегъ, потому что онъ вѣдаетъ самые незначительные интересы, возникающіе въ сельскомъ быту; наконецъ, судъ долженъ быть *доступенъ* каждому, самому темному поселянину, по простотѣ процессуальныхъ формъ, и со всѣмъ тѣмъ, судъ долженъ удовлетворять высшей цѣли своего назначенія—правосудію, и такимъ образомъ воспитательно вліять на народныя массы. Опытъ другихъ странъ указываетъ, что цѣли эти вполнѣ достижимы, коль скоро въ устройствѣ суда не играетъ роль сословная рознь и судъ является общимъ для всѣхъ гражданъ народнымъ учрежденіемъ.

Главная и, можно сказать, единственная причина несостоятельности нашего сельскаго правосудія заключается въ томъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ народнаго, земскаго суда. Волостной судъ, несмотря на свой крестьянскій составъ, не имѣетъ значенія и довѣрія даже въ глазахъ самихъ крестьянъ: послѣдніе по прежнему чуждаются этого суда, а въ его рѣшеніяхъ, вмѣсто выраженія народной мудрости, въ большинствѣ случаевъ проявляются малограмотныя разсужденія волостного писаря. Не имѣетъ земскаго характера и мировой судъ. При существующей юрисдикціи, въ дѣлахъ гражданскихъ большинство вступающихъ въ него дѣлъ соприкасаются съ интересами крупныхъ собственниковъ, по дѣламъ же уголовнымъ онъ носитъ характеръ бюрократическаго учрежденія, возбуждающаго и карающаго преступленія, выходящія за предѣлы волостной подсудности. Оба эти неудавшіеся органы правосудія должны быть уничтожены и замѣнены однимъ общимъ для всѣхъ сельскихъ жителей безсословнымъ волостнымъ судомъ, который долженъ находиться въ каждой волости и составлять неотъемлемую часть волостного управленія. Устройство такого суда должно неизбѣжно удовлетворять всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя выставлены нами выше и являются требованіями не теоретическими, но выведенными изъ указаній опыта и воззрѣній на судъ самого народа.

Судъ долженъ быть народнымъ; говоря иначе, онъ не долженъ выходить изъ рукъ крестьянства, въ томъ смыслѣ, что послѣднее должно имѣть въ судѣ своихъ представителей, и со всѣмъ тѣмъ устройство суда должно избѣгнуть той вопіющей безграмотности и грубости, при наличности которыхъ самостоятельное проявленіе дѣятельности суда исчезало бы совершенно и судъ неминуемо подпалъ бы вліянію состоящаго при немъ писаря. Такая комбинація можетъ быть достигнута выборнымъ коллегіальнымъ судомъ и при условіи, чтобы въ составъ его вошли разнородные по степени образованія и общественному положенію элементы. Такимъ образомъ первое условіе, которому долженъ удовлетворять судъ въ нашей деревнѣ, состоитъ въ томъ, чтобы онъ былъ выборный и коллегіальный. Разли-

чіе цензовъ, которое будетъ требоваться отъ предсѣдателя и членовъ такого суда, будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что въ него войдутъ разнородные элементы. Образовательный цензъ для членовъ волостного суда не долженъ идти дальше обыкновенной грамотности, тогда какъ для предсѣдателя этого суда (волостного судьи), онъ можетъ быть значительно повышенъ и даже признанъ тѣмъ же, который въ настоящее время требуется отъ судьи мирового т.-е., окончанія курса средняго учебнаго заведенія. Очевидно, что такая комбинація съ одной стороны даетъ возможность крестьянамъ принять активное участіе въ сельскомъ правосудіи, такъ какъ нельзя даже представить себѣ такой волости, которая не имѣла бы среди крестьянъ грамотныхъ людей, которые могли бы занять должности членовъ волостного суда, съ другой стороны возвышенный цензъ, установленный для волостного судьи, неминуемо долженъ будетъ привлечь на эту должность лицъ, принадлежащихъ къ болѣе образованному классу общества. При этомъ мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что разница должна быть въ одномъ образовательномъ цензѣ, всѣ же остальныя условія, требуемыя для избранія, должны быть совершенно одинаковы, въ особенности имущественный цензъ долженъ быть доведенъ до послѣдняго минимума и ни въ какомъ случаѣ не превышать того ценза, который будетъ установленъ для пріобрѣтенія голоса на волостномъ сходѣ. Устроенный, такимъ образомъ, судъ устранитъ всякое вліяніе не только писаря, но и волостной администраціи и со всѣмъ тѣмъ не перестанетъ быть судомъ народнымъ. Само собой разумѣется, что такъ какъ всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ, то и всѣ члены волостного суда должны получать соотвѣтствующее вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, который будетъ установленъ волостными сходами. Нечего опасаться, что содержаніе, положенное судьямъ, увеличитъ количество сходящихъ съ земли податей. Если наши крестьяне въ настоящее время обременены непосильными налогами, то это происходитъ, во-первыхъ, вслѣдствіе общей неравномѣрности податной системы, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что всѣ волостныя повинности, благодаря сословному характеру волости, сходятъ только съ однихъ крестьянскихъ земель, тогда какъ всѣ остальныя земли, составляющія по пространству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ $^2/_3$ волостной территоріи, въ уплатѣ сборовъ не участвуютъ. Устройство безсословной волости уничтожитъ эту вопіющую несправедливость и, включивъ въ обложеніе всѣ остальные элементы, входящіе въ составъ волости, тѣмъ самымъ повліяетъ на значительное уменьшеніе сборовъ, сходящихъ въ настоящее время съ однихъ крестьянъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія экономической, установленіе содержанія во-

лостнымъ судьямъ, при безсословномъ характерѣ волости, никоимъ образомъ не повлечетъ за собою обремененія крестьянъ усиленными налогами, въ особенности, если принять въ соображеніе уничтоженіе расходовъ по содержанію крайне дорого-стоющаго судебно-мирового учрежденія.

Юрисдикція сельскаго суда, устроенная по указанному нами образцу, должна обнимать всѣ интересы сельскаго быта и совмѣстить въ себѣ какъ юрисдикцію нынѣшнихъ волостныхъ судовъ, такъ и подсудность мировыхъ судей. По дѣламъ гражданскимъ можно было бы даже увеличить ее, именно оставивъ нынѣ существующую максимальную цифру мировой подсудности (500 руб.), распространить ее не только на дѣла о движимомъ имуществѣ, но и о недвижимости. Смотря по роду и характеру дѣлъ, суды должны руководствоваться или дѣйствующими законами, или обычнымъ правомъ, прямыми выразителями и истолкователями котораго будутъ крестьяне, состоящіе членами суда.

Пусть намъ не говорятъ о томъ, что при соединеніи въ одномъ и томъ же судѣ интеллигентнаго элемента, которымъ въ большинствѣ случаевъ явится помѣщикъ, и едва грамотныхъ крестьянъ, послѣдніе или будутъ безмолвными свидѣтелями того, что будетъ дѣлать предсѣдатель, подпавъ совершенно подъ его вліяніе, или же будутъ проявлять безцѣльную оппозицію, благодаря которой всѣ мало-мальски образованные люди откажутся отъ судейскихъ должностей. Предположеніе такое обидно для нашего народа и совершенно не подтверждается всѣми предшествующими фактами. Мы видимъ, что въ составѣ присяжныхъ простой, даже неграмотный крестьянинъ нерѣдко сидитъ рядомъ съ человѣкомъ высокаго общественнаго положенія, и, однако же никто изъ лицъ, знакомыхъ съ ходомъ суда присяжныхъ, не будетъ утверждать, чтобы въ подобныхъ случаяхъ авторитетный голосъ лица, высшаго по образованію и общественному положенію, уничтожалъ самостоятельно сложившееся убѣжденіе человѣка простого и необразованнаго. Ничего подобнаго нѣтъ: высокія обязанности судьи сближаютъ людей, уничтожаютъ рознь, происходящую отъ образованія, имущественной состоятельности и общественнаго положенія. Огромное большинство дѣлъ, возникающихъ изъ условій неприхотливаго сельскаго быта, полны такого однообразія, являются такими простыми для ихъ уразумѣнія, что нельзя даже допустить предположенія, чтобы избранные волостью изъ лучшихъ крестьянъ члены суда были не въ состояніи высказать по нимъ свое судейское мнѣніе. Если состояніе нынѣшней волостной юстиціи представляетъ безотрадно-грустную картину, то причина этому лежитъ не въ томъ, что судьями являются крестьяне,

а въ самомъ устройствѣ суда, въ условіяхъ его дѣятельности, на которыя мы подробно указывали, и главнымъ образомъ въ томъ, что крестьяне-судьи не въ состояніи сами оформить своихъ рѣшеній, вслѣдствіе чего писарь пріобрѣтаетъ первенствующее въ судѣ значеніе. Мы съ своей стороны глубоко вѣримъ въ природный здравый смыслъ русскаго простого человѣка, въ его способность различить правду отъ неправды, и убѣждены, что въ правильно устроенномъ сельскомъ судѣ крестьяне будутъ дѣйствительными, а не фиктивными членами. Практика выработываетъ сама раздѣленіе вопросовъ факта отъ права, и крестьяне-судьи, проявляя самостоятельность сужденія въ вопросахъ перваго рода, не будутъ вдаваться въ разсужденія по малодоступнымъ и незнакомымъ имъ вопросамъ писаннаго права.

Всякая излишняя письменность должна быть устраняема во всякомъ судѣ, въ судѣ же исключительно сельскомъ она совершенно нетерпима; поэтому процессуальныя формы проектируемаго нами суда должны быть самыя простыя. Едва ли можно сомнѣваться, что при такомъ устройствѣ судъ явится дѣйствительно народнымъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ удовлетворять всѣмъ другимъ условіямъ, которыя выставлены нами, какъ необходимыя принадлежности сельскаго суда. Онъ будетъ близокъ къ населенію, потому что будетъ находиться въ каждой волости, которая будетъ являться самою первою территоріальною единицею; онъ будетъ доступенъ, потому что несложность производства и простота процессуальныхъ формъ предоставятъ каждому возможность явиться непосредственнымъ защитникомъ своего дѣла; наконецъ онъ будетъ народнымъ, потому что выборные члены его будутъ дѣйствительно земскіе люди, представители народа. Такой судъ, примѣняя общіе для всѣхъ судовъ законы, налагая наказанія по существующему для мировыхъ судей уставу, изгонитъ изъ сельскаго быта ожесточающее и деморализующее господство розги и внесетъ свѣтлый лучъ въ темную мглу крестьянской жизни.

Въ такомъ видѣ устроенный сельскій судъ долженъ составить низшую инстанцію въ общей системѣ мирового суда (если придерживаться прежняго названія); обжалованіе рѣшеній должно быть предоставлено особому учрежденію, составленному на тѣхъ же началахъ, на которыхъ въ настоящее время составлены съѣзды мировыхъ судей, съ тою лишь разницею, что послѣдніе будутъ замѣнены предсѣдателями волостныхъ судовъ. Чтобы устранить то вполнѣ сказавшееся неудобство, которое заключается въ крайней отдаленности съѣздовъ, имѣющихъ свои засѣданія въ уѣздныхъ городахъ, отъ нѣкоторыхъ мѣстностей уѣзда, необходимо измѣнить те-

прежній порядокъ засѣданій съѣздовъ. Теперь съѣздъ имѣетъ постоянное и неподвижное мѣстопребываніе въ уѣздномъ городѣ и для своихъ засѣданій вызываетъ какъ тяжущіяся стороны, такъ и самихъ судей. Такая неподвижность мѣста, въ которомъ происходятъ засѣданія съѣзда, не вызывается необходимостью. Съѣздъ по самому своему характеру представляется учрежденіемъ крайне подвижнымъ: кадры мирового съѣзда образуются изъ предсѣдателя, непремѣннаго члена и секретаря; всѣ же остальные члены пришлые и перемѣнные; но вѣдь эти кадры обладаютъ способностью движенія и вмѣсто того, чтобы иногда слишкомъ за 100 верстъ вызывать нѣсколько десятковъ человѣкъ свидѣтелей и другихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, было бы гораздо удобнѣе и цѣлесообразнѣе открывать періодически временныя засѣданія съѣзда въ извѣстныхъ центральныхъ пунктахъ уѣзда на подобіе того, какъ въ настоящее время дѣлаются выѣзды временныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ. Если предсѣдатель съѣзда, должность котораго должна несомнѣнно сохранить выборный характеръ, не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ участковымъ судьей, то такіе выѣзды будутъ составлять одну изъ существеннѣйшихъ его обязанностей. Намъ могутъ замѣтить, что открытіе засѣданій съѣзда не въ городѣ, а въ различныхъ пунктахъ уѣзда можетъ встрѣтить затрудненіе со стороны лицъ прокурорскаго надзора, обязанныхъ по уголовнымъ и нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ давать на съѣздѣ заключенія и не могущихъ совершать разъѣзды, которые кромѣ того, что будутъ дорого стоить, потребуютъ отъ нихъ столько времени, что они не будутъ въ состояніи исполнять другія лежащія на нихъ обязанности. Не говоря уже о томъ, что подобное возраженіе касается уже подробностей, а мы, установляя лишь общія начала, которыя должны лечь въ основу сельскаго правосудія, ни въ какія подробности не вдаемся,—мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣмъ лицамъ, сколько-нибудь знакомымъ съ дѣятельностью мировыхъ съѣздовъ, хорошо извѣстна та пассивная роль, которая выпадаетъ на долю лицъ прокурорскаго надзора. Въ виду этого представляется совершенно возможнымъ уменьшить до послѣдняго минимума кругъ дѣлъ, которыя должны обязательно разсматриваться съ прокурорскимъ заключеніемъ, напримѣръ, ограничивъ это уголовными дѣлами, влекущими за собой наказаніе не ниже тюремнаго заключенія, и такія дѣла разсматривать въ мѣстѣ постояннаго пребыванія мирового съѣзда, т.-е. въ городѣ. Во всякомъ случаѣ, это такая подробность, которая безусловно не можетъ быть разсмотрѣна въ предѣлахъ журнальной статьи.

Указывая общія начала, на которыхъ должно быть построено правосудіе въ нашей деревнѣ, мы старались прежде всего удовлетворить тѣмъ практическимъ потребностямъ населенія, тому правовому

сознанію, которое живётъ въ народѣ и имъ высказывается. Мы думаемъ, что проектированная нами форма сельскаго суда составляетъ единственное средство вывести правосудіе въ нашей деревнѣ изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оно находится въ настоящее время. Новый судъ будетъ удовлетворять необходимымъ условіямъ близости и доступности, онъ всецѣло будетъ судъ земскій, народный, чуждый всякихъ сословныхъ перегородокъ, а со всѣмъ тѣмъ въ этомъ судѣ крестьяне будутъ принимать активное и широкое участіе. Подобное устройство, кромѣ своихъ практическихъ достоинствъ, обезпечиваетъ вполнѣ и цѣли правосудія. Нельзя и сомнѣваться, что оно имѣло бы всѣ данныя для поднятія качественнаго уровня судебныхъ рѣшеній. Уже одно то, что новая организація волостного суда вводитъ его въ общую систему судоустройства, составляетъ такое провѣренное опытомъ теоретическое достоинство, которое само по себѣ не можетъ не повліять на болѣе успѣшный ходъ правосудія. Съ другой стороны и разнородность тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ будетъ образованъ составъ волостного суда, даетъ полное ручательство, что такой судъ не превратится въ сухое, формальное, бюрократическое учрежденіе, а будучи отзывчивъ на всѣ вопросы жизни и сельскаго быта, явится истиннымъ выразителемъ народнаго правового воззрѣнія.

Изложенное нами устройство сельскаго суда не выработано нами a priori, не является созданіемъ нашего субъективнаго взгляда на дѣло; напротивъ того, подобное устройство существуетъ, и мы только примѣнили къ условіямъ нашего сельскаго быта вполнѣ развившіеся образцы, существующіе въ другихъ мѣстностяхъ. Дѣйствующіе въ настоящее время во Франціи „tribunaux des cantons" построены на началахъ, весьма сходныхъ съ тѣми, которыя мы изложили. Но собственно ближайшей параллелью можетъ послужить организація сельскихъ судовъ въ одной изъ нашихъ окраинъ, именно въ Польшѣ. Существующіе тамъ гминные суды, съ дѣятельностью которыхъ авторъ имѣлъ случай познакомиться весьма близко, представляются по отношенію къ началу, на которомъ основаны, такимъ удачнымъ типомъ сельскаго суда, полны такой жизненной силы, что не смотря на всѣ неблагопріятныя условія ихъ дѣятельности, которыя объясняются исключительнымъ положеніемъ, донынѣ дѣйствующимъ въ Польшѣ, пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все бо́льшую популярность и довѣріе населенія. Гминные суды, являющіеся о́рганами безсословной гмины, безспорно являются судами вполнѣ народными, и при этомъ не составляютъ исключенія въ общей системѣ судоустройства, а являются органическою частью одного цѣлаго. Такъ какъ большинство русскихъ читателей почти совершенно незнакомо съ

гминной организаціей, то да позволено будетъ намъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Гминное самоуправленіе, введенное въ Польшѣ указомъ 1864 г., положило начало и гминному суду; но образованный на основаніи этого указа судъ являлся простымъ сколкомъ съ русскаго волостного суда, видоизмѣненнымъ лишь настолько, насколько польская гмина отличается отъ нашей волости. Обособленный отъ общихъ судебныхъ учрежденій, построенныхъ на началахъ французскаго кодекса, гминный судъ 1864 года имѣлъ крайне ограниченную юрисдикцію, а вслѣдствіе крайней тенденціозности нашей администраціи, подъ вліяніемъ которой онъ находился, только по имени могъ считаться безсословнымъ земскимъ судомъ. Рѣшительный переворотъ въ устройствѣ гминнаго суда положила судебная реформа, введенная въ царствѣ польскомъ въ 1876 году. На основаніи „Положенія о судебной реформѣ“, гминные суды вошли въ общую систему судоустройства и сдѣлались сельскими органами мировой юстиціи, имѣющими совершенно одинаковую юрисдикцію съ мировыми судьями, дѣйствующими въ городахъ. Устройство этихъ гминныхъ судовъ въ общихъ чертахъ совершенно сходно съ тѣми положеніями, которыя мы предположили для преобразованія суда волостного. Тамъ также, при коллегіальномъ началѣ, различіе образовательнаго ценза, требуемаго отъ гминнаго суда и лавниковъ (членовъ суда) имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что составъ суда образуется изъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ, благодаря чему судъ въ дѣйствительности пріобрѣтаетъ характеръ земскій, народный. Близость и доступность для населенія составляютъ другія условія гминнаго суда. Безспорно, что тѣ ненормальныя условія, которыми обставлено теченіе всей гражданской жизни въ нашей Польшѣ, не могли не отразиться на гминномъ судѣ, стѣсняя и даже парализуя свободное развитіе его дѣятельности; несомнѣнно и то, что особенности сельской жизни и деревенскаго быта Польши не могутъ не повліять на нѣкоторыя исключительныя особенности гминнаго устройства, но со всѣмъ тѣмъ принципъ учрежденія остается неизмѣненъ, и даетъ всѣ шансы къ широкому жизненному развитію.

Такимъ образомъ та форма сельскаго правосудія, которую мы предположили какъ наиболѣе соотвѣтствующую быту нашей деревни, была уже провѣрена опытомъ другихъ странъ и оказалась вполнѣ достигающею тѣхъ главныхъ цѣлей, которыя должно преслѣдовать человѣческое правосудіе. Мы убѣждены, что такая форма, потребность которой высказывается самимъ народомъ, прольетъ дѣйствительный лучъ свѣта на темныя стороны народнаго быта.

VI.

Мы изложили нашъ взглядъ на тотъ путь, слѣдуя которому правосудіе въ нашей деревнѣ могло бы стать на нормальную почву и пріобрѣсти значеніе дѣйствительнаго народнаго учрежденія. Ошибочно было бы думать, что мы всю силу правовой жизни народа возлагаемъ на усовершенствованіе формальной стороны судебнаго устройства. Мы хорошо сознаемъ, что никакая, даже самая лучшая форма сама по себѣ не гарантируетъ успѣшнаго хода правосудія, если въ нее не будетъ влито соотвѣтствующаго содержанія, если развитію ея не будутъ содѣйствовать всѣ тѣ бытовыя, экономическія и образовательныя условія, которыми обставлено теченіе народной жизни. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится въ настоящее время наша деревня, наилучшимъ образомъ устроенный судъ будетъ встрѣчать въ своей дѣятельности массу самыхъ разнообразныхъ и серьёзныхъ препятствій. Для устраненія ихъ необходимо поднятіе уровня народной культуры, необходимо улучшеніе экономическаго положенія нашего крестьянства. Но постановка сельскаго суда на правильныхъ и разумныхъ началахъ явится однимъ изъ могущественныхъ стимуловъ, способствующихъ общему возвышенію народнаго быта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и при новомъ судебномъ устройствѣ существующій нынѣ крестьянскій самосудъ въ тѣсномъ смыслѣ не прекратитъ своего существованія. Посягать на него было бы также преступно, какъ посягать на народныя вѣрованія, обычаи, вообще на всѣ проявленія непосредственнаго народнаго творчества; притомъ, это было бы и совершенно безцѣльно. Судъ стариковъ и громады въ дѣлахъ, непосредственно вытекающихъ изъ тѣснаго круга общинныхъ интересовъ, имѣетъ за себя прошедшее, коренящееся въ древнѣйшихъ моментахъ исторической жизни русскаго народа, является фактомъ, существующимъ въ настоящее время и который будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не уничтожится разладъ между обычнымъ и писаннымъ правомъ, между жизнью и закономъ, вообще до тѣхъ поръ, пока не возвысится уровень народной культуры.

Но правильно устроенный формальный судъ, воспитательно дѣйствуя на правовое сознаніе народа, тѣмъ самымъ окажетъ вліяніе и на непосредственный крестьянскій самосудъ, устранивъ изъ него существующіе теперь остатки суевѣрія, предразсудковъ, грубости нравовъ, которые составляютъ дикую сторону народнаго быта. Экономическая подавленность нашего крестьянина въ настоящее время также явится могущественнымъ тормазомъ для дѣятельности новаго

судебнаго устройства и установленія въ деревнѣ правового порядка. Кулакъ, господствующій теперь во всѣхъ проявленіяхъ сельскаго быта, будетъ несомнѣнно стремиться господствовать и въ новомъ судѣ, но борьба съ этимъ зломъ, совершенно немыслимая для теперешней, забитой и приниженной, крестьянской волости, будетъ совершенно возможна для волости безсословной, для суда земскаго, народнаго, вобравшаго въ себя разнородные и независимые отъ кулака элементы. Очевидно, что и съ этой экономической стороны преобразованіе сельскаго правосудія окажетъ неизмѣримо важное значеніе на возвышеніе народнаго быта.

Въ томъ трудномъ положеніи, которое переживаетъ нашъ общественный организмъ, когда старыя формы жизни оказались сгнившими и негодными, а новыя еще не установились, частичныя улучшенія не могутъ оказывать рѣшительнаго вліянія на обновленіе организма, не могутъ сами по себѣ вывести народъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ находится. Но каждое такое правильно-проведенное частичное улучшеніе является однимъ изъ тѣхъ факторовъ, совокупное дѣйствіе которыхъ создаетъ новыя условія общественной жизни и народнаго быта. Въ числѣ такихъ факторовъ одно изъ первыхъ мѣстъ выпадаетъ на долю сельскихъ судовъ, которые, правильно опредѣляя возникающія въ гражданскомъ быту отношенія, обезпечиваютъ успѣшное развитіе экономическаго оборота, а вліяя на распространеніе въ народныхъ массахъ правового сознанія, обнаруживаютъ общее просвѣтительное значеніе, а на этихъ двухъ устояхъ—экономической обезпеченности и умственномъ развитіи—покоится вся сила человѣческаго прогресса.

Ев. Карцевъ.

ВОПРОСЪ

О

НАРОДНОМЪ ИСКУССТВѢ

ПО ПОВОДУ НАРОДНАГО ПЬЯНСТВА.

I.

Странно сказать, но вопросъ о „народномъ искусствѣ" поднятъ былъ въ послѣднее время по поводу народнаго пьянства, и поднятъ очень послѣдовательно. Въ нашей народной массѣ пьянство почти смѣнило тѣ развлеченія и здоровыя возбужденія, какія у другихъ народовъ даются серьезнымъ и популярнымъ искусствомъ; и если противъ безмѣрнаго пьянства должно дѣйствовать улучшеніемъ матеріальныхъ и нравственныхъ условій народной жизни, то въ ряду послѣднихъ важное мѣсто, несомнѣнно, должно бы принадлежать народному искусству.

Судьба разсужденій о народномъ пьянствѣ,—давно поднятыхъ въ литературѣ и теперь въ совѣщаніяхъ свѣдущихъ людей,—въ связи съ самими фактами жизни, составитъ любопытную страницу въ исторіи нашей культуры. Однимъ изъ характерныхъ образчиковъ новѣйшихъ сужденій является та постановка вопроса, какая сдѣлана въ письмахъ г. Евг. Маркова, извѣстнаго публициста, призваннаго въ совѣщанія „свѣдущихъ людей" [1]). Эти письма о „народномъ искусствѣ"

---

[1]) „Народное искусство. По поводу народнаго пьянства. Письмо въ редакцію". „Порядокъ", 1881, № 316—317.—Вслѣдствіе пріостановки газеты, куда было предназначаемо настоящее возраженіе на эти „письма", мы помѣщаемъ его въ журналѣ.—*Ред.*

въ связи съ народнымъ пьянствомъ, въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаютъ вниманія. Во-первыхъ, мы имѣемъ въ нихъ отзывъ „свѣдущаго человѣка“, слѣдовательно отголосокъ взглядовъ, какіе ходили въ совѣщаніяхъ, изъ которыхъ правительственная власть хотѣла узнать мнѣнія людей общества. Во-вторыхъ, мы имѣемъ *типическій* образчикъ той новѣйшей національной романтики, которая значительно распространилась въ послѣднее время, въ сосѣдствѣ и въ извѣстной связи съ славянофильствомъ и съ ученіями Достоевскаго, соединяя въ себѣ въ извѣстной степени и ихъ двусмысленность—съ одной стороны какъ будто исканіе свободы и просвѣщенія, и рядомъ явное недовѣріе къ нимъ. Нѣкоторый успѣхъ этой романтики показываетъ, что въ обществѣ есть среда, къ ней воспріимчивая. Въ самомъ дѣлѣ, общественные предметы стали теперь гораздо болѣе общимъ интересомъ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Въ людяхъ средне-образованнаго класса, думавшихъ прежде по простой готовой рутинѣ, возникаютъ запросы, потребность опредѣлить или пріобрѣсти идеалы; они возникаютъ и среди молодежи, въ которой теперь, за недостаткомъ правильной школы и разумнаго руководства, идетъ такое броженіе умовъ:—одна часть ея, по этой и по другимъ причинамъ, склоняется къ идеаламъ радикальнымъ; другая, болѣе спокойная, или теряетъ всякіе идеалы и являетъ собою мало сочувственный типъ двадцати-лѣтнихъ практиковъ и аферистовъ, или остается на распутьѣ. И когда болѣе критическая сторона общественнаго мнѣнія и литературы такъ связана и стѣснена, что лишается всякой возможности высказать сколько-нибудь свободно и прямо свой кругъ воззрѣній, то эти люди средняго уровня, по недостатку свѣдѣній, по непривычкѣ къ мысли, не умѣя разобраться въ своихъ исканіяхъ, увлекаются звонкими и туманно-мистическими фразами во вкусѣ Достоевскаго и новѣйшаго славянофильства,—фразами, подъ которыя иной разъ можно подложить самыя либеральныя идеи, но за которыми, въ сущности, скрывается весьма обыкновенный обскурантизмъ, или нѣчто очень на него похожее. Въ этомъ мало сознательномъ стремленіи людей средняго уровня пріобрѣсти какой бы ни было идеалъ, который бы давалъ исходъ изъ вопіющихъ противорѣчій, была причина успѣха мистическихъ идей Достоевскаго; въ этомъ же мало сознательномъ стремленіи находитъ свою почву и національная романтика, какой слѣдуетъ г. Марковъ. Немного мистическая неясность этой романтики можетъ обманывать и тѣхъ, кто вовсе не присоединился бы къ ней, если бы она развернула свои алгебраическія формулы; притомъ она именно и свойственна такимъ періодамъ общественной жизни, когда ясное слово невозможно. Писатели, принимающіе эту романтику, обыкновенно и не заботятся о бóльшей ясно-

сти своихъ теорій для читателя: неопредѣленная темнота можетъ сойти, и часто сходитъ, за поэтическую ширь и философскую глубину; подъ темнотой легче также укрываются теоріи, которыя имѣютъ основаніе бояться прямой фактической критики. Къ сожалѣнію, этому пріему слѣдуютъ иногда и такіе писатели, которые—въ другое время, въ другихъ произведеніяхъ — бывали способны къ трезвому взгляду на вещи.

Мы послѣдуемъ сначала за изложеніемъ г. Маркова.

Авторъ прежде всего установляетъ фактъ: „и земскіе (т.-е. „свѣдущіе") люди, и цѣлыя земства въ лицѣ своихъ собраній, и провинціальная администрація, и сами крестьяне (и прибавимъ: цѣлая литература),—всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, что *нашъ народъ спился*". Этотъ фактъ, эту „горькую, но прямую правду", мы и будемъ считать установленнымъ.

Авторъ упоминаетъ далѣе, что совѣщаніе „свѣдущихъ людей" укоряли въ томъ, что оно почти не останавливалось на *общихъ* причинахъ пьянства, — и самъ находитъ эти укоры несправедливыми. Совѣщаніе дѣйствительно рѣшилось „остаться на тѣсной почвѣ дѣловитости (?), не разбрасываясь слишкомъ широко въ общія соображенія" (т.-е. собственно, вовсе отъ нихъ уклонившись). Но вѣдь если существуютъ, по сознанію самого автора, *общія* причины пьянства, то настоящая „дѣловитость" разсужденій и состояла бы именно въ заявленіи этихъ причинъ той правительственной власти, которая пожелала выслушать „свѣдущихъ" людей; а такая „дѣловитость", которая занялась бы однимъ „переустройствомъ питейной торговли", была бы мнимая и занималась только перешиваніемъ Тришкина кафтана.

Съ этого пункта мы вступаемъ въ статьѣ г. Маркова (которую именно беремъ какъ типическое выраженіе извѣстныхъ взглядовъ) въ цѣлый лабиринтъ софистическихъ разсужденій, не доведенныхъ до конца силлогизмовъ и патетическихъ неправдъ или ошибокъ.

Упомянутыя *общія* причины столь обширны, что, по словамъ самого автора, „нѣтъ такой сферы (въ государственной, общественной и семейной жизни русскаго народа), которой бы не пришлось коснуться съ *общей* точки зрѣнія на вопросъ". Почему же совѣщаніе не коснулось ни одной? „Ничего нѣтъ *легче* (?),—отвѣчаетъ авторъ,—а для членовъ многихъ нашихъ собраній (?), пожалуй, и соблазнительнѣе, какъ обратить всякое собраніе, всякую коммисію въ обсужденіе разныхъ общихъ вопросовъ. Ничего нѣтъ *справедливѣе и неоспоримѣе*, какъ доказывать, что съ общимъ просвѣщеніемъ народа, съ развитіемъ его гражданскаго самосознанія, съ поднятіемъ его

благосостоянія, уничтоженіемъ тяготѣющихъ надъ нимъ несправедливостей и т. д., пьянство народа ослабнетъ само собою",—но, дескать, „совѣщанію" нельзя было говорить объ этомъ, и по слѣдующей причинѣ: странно было бы ему вмѣсто того, чтобы оказать правительству помощь въ его „совершенно реальныхъ заботахъ о сокращеніи пьянства" — „отдѣлаться отъ своей задачи указаніями на всѣми признанныя (?) общія мѣры, которыя гораздо обстоятельнѣе и доказательнѣе излагаются въ любой (?) журнальной статьѣ". Члены совѣщанія „не настолько мало образованы и не настолько глухи къ высшимъ интересамъ народа, чтобы могли упустить изъ виду плодотворное значеніе общихъ реформъ въ нашей народной жизни". Это— азбука, по словамъ автора; но эта азбука „есть общій множитель для всевозможныхъ явленій общественной жизни, а вовсе (??) не специфическое средство противъ развитія пьянства".—Неужели, спросимъ на минуту, такое средство есть—кабакъ общественный, кабакъ-трактиръ, кабакъ-чайная, кабакъ въ рукахъ еврейскаго или въ рукахъ отечественнаго кулака, словомъ, та или другая форма продажи сивухи—при сохраненіи всѣхъ *общихъ* причинъ пьянства?

Для развитія гражданственности нѣтъ предѣла, замѣчаетъ авторъ; на какой бы ступени ея мы ни были, передъ нами будутъ разстилаться далекіе горизонты,—но: „практическія общественныя силы, если онѣ имѣютъ будущность, и если онѣ должны имѣть значеніе въ судьбѣ настоящаго, вообще не должны (?) искать опоры въ слишкомъ расплывающихся (?) и слишкомъ общихъ тезисахъ, маскируя ими свою собственную неспособность къ жизни" (?). Иначе, дескать, „мы никогда не выберемся изъ царства *фразы* и *утопій*. За пьянство (т. е. за его уменьшеніе) невозможно браться, пока народъ не сталъ богатъ, пока не возвысилось его религіозное и научное міросозерцаніе; за народное богатство нельзя браться, пока мужики пьянствуютъ, пока у мужика нѣтъ истинной религіи, истинной школы; за школу, за церковь опять нельзя браться, пока народъ бѣденъ и пьянъ и т. д.,—безвыходный ложный кругъ, бѣличье колесо, забавляющее дѣтей, но нисколько не убѣдительное для взрослаго человѣка, а главное, ни на волосъ не помогающее дѣлу, только безъ нужды задерживающее его".

Ясно,—говоритъ авторъ,—что вопросы надо раздѣлить, тѣмъ больше, что „ни для кого не тайна, что правительство само теперь убѣдилось въ важныхъ и неотложныхъ потребностяхъ нашей народной жизни, давно указываемыхъ и разработываемыхъ нашею литературой и нашимъ земствомъ".

Высказавъ дальше желаніе, чтобы труды коммиссій, разработывающихъ эти разные вопросы, подверглись свободному обсужденію

литературы, авторъ приводитъ, наконецъ, еще одинъ аргументъ въ защиту „совѣщанія“ отъ вышеупомянутаго укора. А именно, совѣщанію было бы не политично входить въ общіе вопросы: „Было бы очень трудно и, по всей вѣроятности, очень невыгодно для дальнѣйшей судьбы этого начинающаго участія мѣстныхъ общественныхъ силъ въ дѣлахъ государства, если бы первая же попытка собранія ихъ убѣдила правительство въ томъ, что оно не можетъ разсчитывать на дѣйствительную помощь этихъ силъ, на плоды ихъ знанія и опыта, а что оно въ состояніи получать отъ нихъ только *шаблонныя* нравоученія (?) и широковѣщательныя фразы“. „Всякое новое растеніе при своей посадкѣ, требуетъ особенной осторожности и внимательнаго ухода“... и т. д.

Въ этомъ рядѣ мыслей, какъ мы замѣтили, на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ или софизмы, или неправильную передачу фактическаго положенія вещей. Если нѣтъ такой сферы, которой не пришлось бы коснуться, говоря о народномъ пьянствѣ, значитъ дѣло серьёзно до послѣдней степени; значитъ, *каждая* сфера жизни, своими обстоятельствами, толкаетъ народъ на этотъ несчастный путь, который есть путь физическаго и нравственнаго упадка и разложенія. Авторъ самъ считаетъ „справедливою“ и „неоспоримою“ мысль, что пьянство ослабѣетъ только съ улучшеніемъ общественнаго и гражданскаго быта народа, — но со страннымъ усердіемъ отталкиваетъ мысль о томъ, чтобы „совѣщаніе“ сказало объ этомъ хоть нѣсколько словъ въ своемъ докладѣ правительству. Онъ дѣлаетъ даже шпильку „нашимъ собраніямъ“, что ничего нѣтъ „легче“ и „соблазнительнѣе“, какъ возбуждать общіе вопросы, — какъ будто, если это дѣлалось когда-нибудь, то именно по верхоглядству и легкомыслію, и какъ будто наши собранія только это и дѣлаютъ.

Но если бы они это дѣлали, то что̀ же означалъ бы этотъ голосъ о необходимости общихъ мѣръ, общихъ новыхъ преобразованій (т.-е. въ сущности, только сохраненія и развитія преобразованій прошлаго царствованія), — какъ не глубоко проникшее въ общественную мысль сознаніе о тяжкомъ бремени существующихъ условій, давящемъ общество на всѣхъ путяхъ его дѣятельности? Въ *реальности* этого тягостнаго положенія, къ сожалѣнію, невозможно никакое сомнѣніе; и со стороны „земскаго свѣдущаго человѣка“ относиться къ этому съ такимъ высокомѣрнымъ небреженіемъ, — очень легкомысленно, если не больше. — Но „свѣдущій“ человѣкъ сдѣлалъ и большую неточность въ своемъ представленіи дѣла. Будто бы ужъ было много случаевъ, чтобы „наши собранія“ всякое дѣло обращали въ обсужденіе „разныхъ общихъ вопросовъ“? Напротивъ, факты говорятъ совсѣмъ иное. „Наши собранія“ поставлены такъ, что они имѣютъ

возможность говорить только о мѣстныхъ практическихъ дѣлахъ, и если логическій смыслъ вещей и чистая необходимость вынуждали иногда, напримѣръ, земства касаться общихъ вопросовъ, то ближайшая власть всегда могла остановить сужденія и закрыть самыя собранія,—что̀ и бывало, такъ что для „общихъ вопросовъ" не было никакого поощренія и они пропадали. Напомнимъ случай, когда харьковское земство коснулось общихъ вопросовъ—и конечно, въ самой скромной формѣ—по извѣстному вызову самого правительства о „содѣйствіи" общества: земское собраніе было немедлено закрыто и его постановленіе не получило хода. Напомнимъ подобный случай съ черниговскимъ земствомъ. И развѣ ихъ постановленія были легкомысленны?

Чтобы еще небрежнѣе отнестись къ „общимъ вопросамъ", авторъ говоритъ, что посвятить имъ нѣсколько вниманія значило бы для „свѣдущихъ" людей „отдѣлаться" отъ своей задачи такими вещами, которыя, дескать, гораздо основательнѣе излагаются „въ любой журнальной статьѣ". Опять крайне невѣрное изображеніе *фактовъ*. Подумаешь, что журнальныя статьи такъ разъяснили всѣ *общіе* вопросы, что объ нихъ уже и говорить нечего! Но это можно сказать или съ ироніей, или по совершенному незнанію, или... неужели по лицемѣрію? О положеніи нашей журнальной литературы говорилось такъ много, и оно столь ясно, что авторъ, который самъ есть не только „свѣдущій" человѣкъ, но и очень дѣятельный журнальный писатель, долженъ бы очень хорошо его знать. Опять припомнимъ факты. Положеніе журнальной литературы вовсе не таково, чтобы она имѣла возможность говорить о нашихъ *общихъ* вопросахъ съ какой-либо достаточной свободой. Не одинъ разъ журнальнымъ издателямъ было съ оффиціальнымъ авторитетомъ сообщаемо къ руководству и исполненію (еще со времени министерства генерала Тимашева), чтобы печать совершенно не касалась нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ; потомъ печать настоятельно была остерегаема отъ „иллюзій". Внѣшнее юридическое положеніе печати извѣстно. Законъ 1865 года уже вскорѣ вышелъ изъ употребленія—замѣненный административными распоряженіями; коммиссія, которой въ концѣ прошлаго царствованія поручено было выяснить положеніе печати, прекратила свое существованіе безъ всякихъ результатовъ. Публицистика окружена сѣтью предупрежденій, закрывающихъ отъ нея не только общіе, но иногда и самые частные вопросы. Нарушенія предписаннаго режима сопровождаются самыми строгими взысканіями: сколько было дано предостереженій, запрещеній розничной продажи, пріостановокъ, неутвержденій редакторовъ и проч., довольно извѣстно и людямъ, нэ близкимъ къ журналистикѣ. Многія изъ подобныхъ мѣръ

равнялись совершенному уничтоженію изданій. И однако же авторъ, журнальный дѣятель, ссылается на „любыя журнальныя статьи"! Недоумѣваемъ.

Какъ ничтожно вліяніе журналистики на ходъ вещей въ общихъ, или по крайней мѣрѣ, крупныхъ вопросахъ нашей общественной жизни (въ *общихъ* вопросахъ она не имѣла ни малѣйшаго значенія), можно увидѣть, припомнивъ нѣсколько частныхъ примѣровъ. Въ теченіе цѣлыхъ 14 лѣтъ большинство журналистики высказывалось противъ классической системы обученія и противъ стѣсненія народной школы, высказывалось, конечно, сколько могло (а иные наконецъ совсѣмъ перестали говорить, или изъ боязни, или считая это безполезной тратой времени);—но все это не имѣло на практическій ходъ вещей ни малѣйшаго вліянія, а *послѣ* паденія того министерства, печать приравнивала это событіе избавленію отъ монгольскаго ига! Въ крупныхъ вопросахъ, печати обыкновенно приходилось высказывать *настоящія* мысли и настроеніе общества только post facto, заднимъ числомъ. Таковъ былъ единодушный восторгъ въ 1880 году послѣ уничтоженія III отдѣленія, восторгъ, который нашелъ отголосокъ даже въ „Моск. Вѣдомостяхъ". Опять была открыта Америка, о которой никогда не рѣшалась заикнуться „журнальная статья".

Въ той же степени, конечно, и теперь журнальныя статьи могутъ обсуждать общіе вопросы; и ссылаться на эти статьи, со стороны автора, болѣе чѣмъ странно. Журналистика вовсе не составляетъ у насъ такой общественной силы, которая бы вліяла на правительственныя мѣропріятія; указанное положеніе печати свидѣтельствуетъ напротивъ, что она не пользуется довѣріемъ, и аргументъ нашего автора относительно журнальной печати слѣдуетъ поставить совсѣмъ обратно. „Свѣдущіе" люди не могли мотивировать своего нежеланія говорить объ общихъ вопросахъ ссылкой на печать—потому что печать никогда не могла говорить объ „общихъ вопросахъ" съ должной свободой и, слѣдовательно, съ нѣсколько широкой точки зрѣнія, а напротивъ могла говорить только отрывочно и случайно,—иногда сама изумляясь, что сказанное могло „пройти"; не могли дѣлать этой ссылки и потому, что печать, какъ очень извѣстно, не пользовалась довѣріемъ бюрократіи и, слѣдовательно, не могла оказать никакого вліянія на ея рѣшенія. „Свѣдущіе" люди, напротивъ, „отдѣлывались" бы отъ своей задачи, забывая объ „общихъ вопросахъ"; и если журнальныя статьи дѣйствительно сказали нѣчто „обстоятельное и доказательное", они, какъ люди, призванные самой властью и облеченные ея довѣріемъ, именно были бы обязаны, хотя немногими словами, подтвердить передъ властью важное значеніе того, о чемъ „доказательно" говорила литература. Отъ нихъ не требовалось

нимало „объявленія человѣческихъ правъ", но для здравой и правдивой оцѣнки вопроса объ ослабленіи пьянства общія указанія были необходимы.

Далѣе, какое опять извращеніе смысла вещей въ тѣхъ словахъ автора, что практическія силы общества не должны искать опоры въ „расплывающихся" общихъ тезисахъ, и что этимъ онѣ будто только „маскировали бы свою неспособность къ жизни". Неизвѣстно, какія особыя практическія силы общества разумѣетъ авторъ. Если онъ разумѣетъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ „практиками", то они одни никакъ не могутъ считаться лучшими представителями внутренней жизни общества и его наиболѣе глубокихъ, наиболѣе искреннихъ и жизненныхъ стремленій. Внутренняя жизнь общества не можетъ существовать безъ извѣстныхъ идеаловъ (сколько бились люди того самаго лагеря, къ которому принадлежитъ г. Марковъ, обличая общество наше въ неимѣніи будто бы этихъ идеаловъ!); но „практики" тѣмъ именно и отличаются, что отъ идеаловъ совсѣмъ отучились и окончательно потеряли способность понимать ихъ. „Практики" не разумѣютъ широкихъ и благородныхъ стремленій общества; ихъ притупленныя чувства не воспринимаютъ общественнаго зла, возмущающаго лучшіе умы и сердца; они слишкомъ привыкли къ сдѣлкѣ, а съ этимъ всего чаще теряютъ способность искренно понять общественное дѣло и служить ему. „Общіе вопросы" легко могутъ показаться имъ расплывающимися тезисами и утопіей. Но объ этомъ можно судить разно: практики смотрятъ на вещи сухо и съ разсчетомъ и видятъ только ближайшія отношенія; идеалисты погружаются въ „расплывающіяся" теоріи, мечтаютъ о народномъ благѣ и простираютъ свою извѣстную непрактичность до вреда собственному интересу, навлекая на себя разныя непріятности,—но идеалисты въ сороковыхъ годахъ мечтали объ освобожденіи крестьянъ и приготовили умы къ совершенію великой реформы гораздо больше, чѣмъ „практики" тѣхъ годовъ, которые находили эту реформу „несвоевременной". Нечего говорить о комъ позднѣйшая исторія, т.-е. справедливость, скажетъ съ бóльшимъ сочувствіемъ.

Но вовсе несправедливо, что мысль объ общихъ вопросахъ есть именно „расплывающійся тезисъ", „фантазія" и „утопія". Логическая связь мыслей безконечна и, разумѣется, можетъ расплываться но никакъ нельзя сказать, чтобы мысли лучшей и умѣренной части русскаго общества относительно нашихъ „общихъ вопросовъ" расплывались теперь въ какія-нибудь утопіи. Напротивъ, идеальныя или прогрессивныя желанія русскаго общества весьма опредѣленны, и кромѣ практическихъ обскурантовъ, были высказываемы (насколько

возможно) и до сихъ поръ высказываются очень сходно весьма различными оттѣнками общественнаго мнѣнія и печати: это—обезпеченіе собственности (въ томъ числѣ литературной) и личной свободы; замѣна административнаго произвола точнымъ соблюденіемъ закона и судомъ; свобода совѣсти; возможность общественной самодѣятельности; и въ томъ числѣ больщій просторъ для печати; широкое распространеніе народнаго просвѣщенія; податное облегченіе народныхъ массъ и т. п. Все это ни мало не фантазія и не утопія, потому что сама правительственная власть не однажды вступала на эту дорогу и въ этомъ смыслѣ отчасти уже и совершала благотворныя реформы (освобожденіе крестьянъ, земскія учрежденія, законъ о печати 1865 года, судебная реформа),—къ сожалѣнію потомъ попорченныя практическими обскурантами. Все это не фантазія потому еще, что русская жизнь безъ всякаго труда усвоивала все прекрасное, чтó давали эти реформы, и съ ужасомъ вспоминаетъ о прошедшихъ, отмѣненныхъ ими, порядкахъ; наконецъ и потому, что всѣ перечисленныя стремленія, далеко еще не выполненныя у насъ, давно выполнены и составляютъ обычную форму общественности у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ стараго и новаго свѣта.

Авторъ совершенно напрасно пугаетъ „безвыходнымъ ложнымъ кругомъ“. Въ жизни народовъ и государствъ никогда не бывало и не бываетъ, чтобы развитіе и совершенствованіе шло по точнымъ послѣдовательнымъ рубрикамъ, чтобы брались напр. сначала отдѣльно за улучшеніе церкви, потомъ за школу, потомъ за финансы и народное богатство, потомъ за борьбу противъ пьянства и т. д. Всякій разумный человѣкъ и разумный политикъ понимаетъ очень хорошо тѣснѣйшую связь всѣхъ отправленій государственнаго и народнаго организма, и если иной разъ внутренняя политика берется за исправленіе какой-нибудь одной особенно попорченной части цѣлаго, то это вовсе не исключаетъ общаго дѣйствія, и трудъ, положенный на исправленіе одной части, отзывается улучшеніемъ и въ другой. Въ настоящемъ случаѣ приведенные авторомъ примѣры „безвыходнаго круга“ дѣйствительно могутъ забавлять только дѣтей, а взрослыхъ не убѣждаютъ. Дѣйствовать противъ пьянства—самымъ *реальнымъ* образомъ—можно и въ данную минуту не одним только придумываніемъ „типа кабаковъ“, а также, или даже несравненно больше, заботами объ улучшеніи экономическихъ отношеній, объ исправленіи церковнаго быта, о народномъ просвѣщеніи (о сельской и воскресной школѣ, о школѣ ремесленной и т. п.). Эта послѣдняя забота всегда совершенно возможна—часто нужно только, чтобы вѣдомство просвѣщенія не мѣшало и не вредило земствамъ и частнымъ лицамъ, полагающимъ на это дѣло свои средства и заботы. *Факты*,

сюда относящіеся, достаточно извѣстны и мы ихъ приводить не будемъ. И если бы „свѣдущіе" люди, хотя въ общихъ чертахъ, представили свои отзывы и объ этой сторонѣ дѣла, они лучше послужили бы вызвавшему ихъ правительству, лучше выразили бы взгляды общества и, можетъ быть, помогли бы вѣрному разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса,—потому что 14 лѣтъ недавней министерской практики достаточно свидѣтельствуютъ, что эта сторона дѣла въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ не принималась въ соображеніе, хотя „журнальныя статьи" и очень много объ этомъ говорили. Авторъ даетъ весьма утѣшительныя свѣдѣнія о томъ, что „правительство само теперь убѣдилось въ неотложныхъ потребностяхъ нашей народной жизни, давно указываемыхъ литературою и земствомъ",—этому отрадно вѣрить; но, напримѣръ, относительно взглядовъ нынѣшняго вѣдомства просвѣщенія на народную школу общество до сихъ поръ находится въ неизвѣстности.

Послѣднія соображенія автора о томъ, какъ слѣдуетъ совѣщанію держаться, чтобы не компрометтировать въ глазахъ правительства „участіе мѣстныхъ общественныхъ силъ въ дѣлахъ государства", и о томъ, какого ухода требуетъ при своей посадкѣ новое растеніе,—эти соображенія, мы, признаемся, считаемъ очень мало удобными и мало приличными, какъ относительно правительства, такъ и самаго „совѣщанія". Авторъ забываетъ прежде всего, что „свѣдущіе люди" питейной коммиссіи только съ извѣстной оговоркой могли бы считать себя „мѣстными общественными силами": они получили свое мѣсто въ совѣщаніи вовсе не по выбору „мѣстнаго общества", а по выбору самой правительственной власти; они—просто частные эксперты, а не „излюбленные" общественные люди. Слѣдовательно, они должны бы смотрѣть на свою дѣятельность съ меньшими притязаніями: они давали голоса сами за себя, а не за общество. Дѣйствительно, въ печати и въ обществѣ такъ ихъ и понимали, и недавно харьковское земство оффиціально высказало свое пожеланіе (раздѣляемое, какъ оказалось, и другими земствами), чтобы въ будущихъ возможныхъ случаяхъ правительство предоставило земству выборъ „свѣдущихъ" людей: очевидно, что настоящій выборъ нѣкоторыхъ лицъ не отвѣчалъ взглядамъ „мѣстнаго общества". Говорятъ, что нѣкоторымъ изъ „свѣдущихъ лицъ" и было высказано это самими собраніями земства. Во-вторыхъ, надо полагать, что правительство, приглашая „свѣдущихъ" людей, вовсе не думало, что они примутся за политиканство и разсчеты оппортунизма, а выскажутъ искренно и прямо то, что оно желало слышать отъ людей, взятыхъ во всякомъ случаѣ не изъ бюрократической, а изъ общественной среды. И взамѣнъ этого оказывается, что „свѣдущіе" люди (мы говоримъ, ко-

нечно, не о дѣйствительныхъ членахъ совѣщанія—о нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ обществѣ было извѣстно нѣчто иное—а только о текстѣ г. Маркова) занимаются соображеніями о внимательномъ уходѣ за растеніемъ... Это не ихъ забота, и авторъ, кажется, не чувствуетъ, что этими соображеніями онъ дѣлаетъ довольно странную неловкость относительно правительственной власти. Наконецъ, два слова о „шаблонныхъ фразахъ и нравоученіяхъ". Какія это фразы? Неужели фразы о народномъ просвѣщеніи, о народномъ благосостояніи, общественной самодѣятельности и т. д.? Онѣ „шаблонны" только въ одномъ случаѣ, когда говорятся людьми безъ сердца и убѣжденія, въ сущности совершенно равнодушными къ страданіямъ и будущему своего народа, когда говорятся для моды и по разсчету. Но эти „шаблонныя" слова могутъ стать многозначительными, великими словами, когда они мужественно говорятся людьми общества предъ лицомъ власти (и въ этомъ случаѣ дѣлали бы честь и самимъ этимъ людямъ, и вызвавшей ихъ власти), или говорятся самою властью въ искреннемъ пониманіи ихъ значенія. Эти слова становятся тогда историческими; они обозначаютъ эпохи народнаго и государственнаго развитія. „Шаблонныя фразы"—это тѣ „побасенки", о которыхъ говоритъ Гоголь. Г. Марковъ, человѣкъ литературный, вѣроятно помнитъ эти знаменитыя слова автора „Ревизора".

Отъ этой стороны разсужденій „свѣдущаго" человѣка, гдѣ было для насъ столько несимпатичнаго, намъ пріятно перейти къ другому предмету его статьи, гдѣ многое сказано очень хорошо, очень справедливо,—хотя и здѣсь нѣкоторымъ частностямъ мы опять будемъ противорѣчить.

II.

Переходъ отъ народнаго пьянства къ вопросу о народномъ искусствѣ—очень естественный.

Народъ пьетъ не только отъ бѣдности и съ отчаянія; спивается а потомъ бѣднѣетъ и богатый мужикъ;—народъ пьетъ и для веселья. „Деревенскіе пьяницы почти всегда люди мастеровые, рѣчистые, охотники до всякихъ штукъ, до пѣсни, до пляски, до балагурства; чѣмъ лучше кузнецъ или сапожникъ, тѣмъ обыкновенно онъ лучшій и пьяница". Авторъ находитъ, что „русскій человѣкъ не пьяница только, но и художникъ; и даже въ сильной степени пьяница отъ того, что художникъ". Послѣднее замѣчаніе слишкомъ романтически-рискованное, разумѣется; въ родѣ того, какъ нѣкоторые славянофильскіе историки наши объясняли полоумныя свирѣпства Грознаго его „художественной натурой"... Проще и вѣрнѣе было сказать, что

(кромѣ бѣдъ) отсутствіе всякой умственной пищи, всякихъ условій для болѣе человѣческаго веселья, гонитъ всѣхъ къ худшему изъ возбужденій—кабаку. Какъ бы то ни было, въ русскомъ народѣ авторъ указываетъ широкія художественныя дарованія, которыя обнаруживаются въ обильной и разнообразной пѣснѣ, которая поется сельскимъ людомъ и на работѣ, и въ праздникъ, и солдатомъ на походѣ, и бурлакомъ на лямкѣ, и нищимъ на церковной паперти („вся Русь поетъ“, замѣчаетъ авторъ);—обнаруживаются и въ замѣчательно яркой простонародной рѣчи, въ пословицахъ и поговоркахъ („даже настолько, насколько народное слово воплотилось въ нашихъ поэтахъ —въ Крыловѣ, Пушкинѣ, Некрасовѣ,—оно часто достигаетъ скульптурной образности“). Далѣе, не смотря на тѣсноту, убогость и грязь жизни русскаго человѣка, его жилище разукрашено и убрано какъ картина... Пляска, игры, безконечные свадебные и другіе обряды— для русскаго человѣка первая радость“ и т. д.

Авторъ забылъ прибавить, что всѣ эти художественныя подробности народнаго быта не составляютъ исключительной черты русской народности, но встрѣчаются одинаково у всѣхъ народовъ — въ той или другой степени (въ той же, или въ меньшей, но иногда и въ *большей* степени); но вообще фактъ вѣренъ, и въ нѣкоторыхъ сторонахъ этой художественности русской народъ дѣйствительно проявилъ большую даровитость, напримѣръ, въ богатствѣ народной поэзіи, которое могло бы считаться залогомъ для широкаго дальнѣйшаго развитія этой художественности.

„Но что же имѣетъ этотъ народъ-художникъ для удовлетворенія своихъ художественныхъ вкусовъ, которыхъ не успѣла задавить даже крѣпостная неволя трехъ столѣтій?“

Этотъ вопросъ могутъ поставить, и не разъ уже ставили, люди весьма несходныхъ взглядовъ, и одинаково отвѣчали на него сожалѣніемъ или негодованіемъ, что умственная и нравственно-общественная жизнь народа такъ страшно заброшена или подавлена, что огромная народная масса лишается удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей ума, вкуса и чувства, и остается въ первобытномъ состояніи, какъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ; что народъ дичаетъ, въ безшабашномъ пьянствѣ „приходитъ въ состояніе скота“ (выраженіе г. Маркова); что, наконецъ, отъ всего этого, вмѣстѣ съ бѣдами хозяйственными, идетъ страшная перспектива упадка народныхъ силъ.

Нашъ авторъ также сожалѣетъ и скорбитъ объ этой заброшенности; но при мысли о томъ, чѣмъ же можно и должно было бы помочь этому бѣдствію, его воображенію представляется картина противоположности старой и новой Россіи, картина, совершенно

фальшивая и по фактамъ и особенно по тому, что́ желаетъ авторъ ею намекнуть.

У насъ издавна существуетъ разрядъ людей, сложившійся, наконецъ, въ извѣстную литературную группу, которая задолго предварила славянофильство и съ послѣднимъ не совершенно сливалась и сливается. Это любители старины, ея предполагаемой патріархальной простоты (по нынѣшнему, „цѣльности"), равной для всѣхъ, высшихъ и низшихъ, отъ царя до мужика, народной, не знавшей ничего заморскаго и отметавшей всякую иноземщину; неподдѣльной народности ея быта и правленія; ея благочестивыхъ нравовъ и т. д. Въ искренней и послѣдовательной формѣ, такими приверженцами старины были во времена *самого Петра* противники его нововведеній, раскольники, или твердые фанатики своихъ убѣжденій. Въ формѣ простодушной, таковы бывали въ XVIII столѣтіи люди „стараго вѣка", которымъ рѣдко случалось сталкиваться съ преобразованной Россіей и которые жили по старинѣ, замкнувшись въ своихъ исключительныхъ нравахъ и бытѣ (какъ купечество) или въ своихъ помѣщичьихъ захолустьяхъ. Позднѣе, въ книжнической формѣ, это былъ Шишковъ, считавшій Карамзина дурнымъ писателемъ (въ сравненіи съ нимъ) и дурнымъ патріотомъ. На этой струнѣ очень часто, особливо въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, игралъ Погодинъ, хотя самъ ярый поклонникъ Петра Великаго, и т. д. Въ новѣйшее время особенно пошла въ ходъ эта книжническая мода на старину, отчасти въ связи съ славянофильствомъ, отчасти мимо его; эта мода, всегда наклонная къ нравамъ „добраго стараго времени", теперь получаетъ положительно нѣкоторую политическую подкладку, — она привержена къ строгому консерватизму, болѣе или менѣе ожесточенно враждуетъ съ „либерализмомъ", присоединяется къ призывамъ — „назадъ, домой" по выраженію г. Ив. Аксакова, или во „мракъ временъ", по выраженію Салтыкова.

Нѣчто въ родѣ такого призыва во „мракъ временъ" дѣлаетъ и нашъ авторъ. Какъ хорошо было въ старину! Вотъ бы возвратиться къ этимъ блаженнымъ временамъ, когда все было такъ народно, не было разлада и т. д.!—Можно было бы предоставить этимъ любителямъ ихъ пристрастіе, еслибъ оно заключалось только въ платоническихъ вздохахъ объ московской Аркадіи XVII-го вѣка; но на дѣлѣ, эти обращенія къ старинѣ составляютъ только риторическое украшеніе къ стремленіямъ вовсе не романтическимъ и не археологическимъ, а весьма новымъ, реальнымъ и—зловреднымъ. Боже избави отъ московскихъ порядковъ XVII вѣка! — еслибъ только было возможно ихъ возвращеніе. Къ счастію, оно совершенно невозможно; но

подогрѣваніе этихъ преданій можетъ однако и теперь имѣть большой практическій вредъ, потому что можетъ сбивать многихъ съ толку и фантазіями отвлекать умы отъ настоящаго, настоятельнаго дѣла. Эти книжническіе любители старины указываютъ обществу идеалы не впереди, гдѣ только и возможно стремленіе къ нимъ путемъ нашего труда и нашихъ усилій, а назадъ, гдѣ они будто бы уже напередъ изготовлены для насъ нашими предками, такъ что намъ нечего хлопотать, нечего учиться, а остается только получить прямо, не двигая пальцемъ, все, что̀ требуется для нашей народной общественной и государственной жизни... Какой бываетъ результатъ этихъ обращеній назадъ, это довольно извѣстно и по опыту европейскихъ обществъ, и по нашему собственному: тамъ хлопоты этихъ любителей всегда бывали на руку феодальнымъ притязаніямъ и самому заклятому обскурантизму; у насъ довольно осязательно обнаруживается то же самое. И иначе быть не можетъ: стремиться къ давнопрошедшему можно, только отрицая накопившіеся въ настоящемъ результаты историческаго развитія и образованности.

Книжническіе любители старины, какъ мы сказали, считаютъ себя наивѣрнѣйшими представителями и народности, и общественнаго образованія. Они глубоко заблуждаются и въ томъ, и въ другомъ. Трудно, конечно, сказать, *какъ* смотритъ народъ на вопросы, которые ставятся въ литературныхъ кругахъ, — эти вопросы бываютъ обыкновенно недоступны понятіямъ простыхъ, неучившихся людей; но не можетъ быть тѣни сомнѣнія, что народъ—еслибъ дѣло было ему выяснено—не пожелалъ бы пятиться назадъ, т.-е. никакъ не пожелалъ бы возвращаться — прежде всего, конечно, къ крѣпостному праву, а затѣмъ и къ другимъ безобразіямъ, которыя не уступятъ его нынѣшнимъ бѣдамъ, и къ тому полному отсутствію всякихъ средствъ имъ противодѣйствовать, до которыхъ все-таки додумывается наше время. Что касается общества, то въ его массѣ никогда не имѣли прочнаго успѣха консервативно-романтическіе фантазеры, соединяющіе въ себѣ и Манилова, и Молчалина, и Собакевича. Отношеніе лучшей части общества къ старинѣ самымъ яснымъ образомъ выразилось и выражается старательнымъ и строго-критическимъ *изученіемъ* нашей *исторіи:* въ послѣднія десятилѣтія это изученіе развивается все шире и глубже, и въ своихъ замѣчательнѣйшихъ трудахъ и результатахъ относится съ великой любовью къ дѣлу,—такъ какъ въ этомъ дѣлѣ совершается работа національно-общественнаго сознанія,—но остается здраво критическимъ и совершенно чуждымъ той ретроградной маниловщинѣ, какую намъ хотятъ выдать и за лучшей пробы патріотизмъ и за глубокую проникновенность самобытнымъ русскимъ духомъ.

Какъ же представляется нашему автору параллель стараго и новаго? Параллель, правда, только намѣчается, но типъ разсужденія ясенъ.

Нѣкогда, т.-е. въ древней Руси, „всѣ духовныя силы народа служили вкусамъ и потребностямъ цѣлаго народа" (?). Древняя Русь „не знала различія между русскими людьми разныхъ состояній и положеній въ смыслѣ общаго направленія" (такъ ли? и если такъ, то почему это было?). Думный бояринъ и черносошный крестьянинъ веселились однимъ и тѣмъ же, имѣли одни убѣжденія и обряды, развлеченія и языкъ, пѣсни и сказки, и молитвы. Княжну отдавали замужъ съ тѣми же обрядностями, какъ крестьянку; царевичъ носилъ такую же рубашку, какъ пастушонокъ, только шелковую, вмѣсто посконной.—Такимъ образомъ, существовалъ „одинъ цѣльный народъ, съ одними общими вкусами", и „геній народа свободно создавалъ все то, чтò было ему нужно, въ его тогдашнемъ историческомъ возрастѣ и чтó онъ могъ создать по своимъ силамъ" (оговорка вѣрная, но съ гораздо болѣе важнымъ смысломъ, чѣмъ принято у автора). Это живое творчество удовлетворяло равно и простолюдина и высшіе классы.

Въ новой Россіи мы видимъ совсѣмъ иное. „По тѣмъ или другимъ причинамъ", въ Россіи явилось „два рѣзко отличные другъ отъ друга народа" — простой народъ съ его бытомъ, и цивилизованное общество съ его новымъ костюмомъ, особой литературой, образомъ жизни, вкусами и нуждами. „На сторонѣ послѣдняго была власть и сила, и въ эту сторону былъ невольно *отторгнутъ* творческій геній народа. Вся способность художественнаго изображенія жизни сосредоточилась въ литературѣ и искусствѣ высшихъ привиллегированныхъ классовъ общества. Даже мужикъ Ломоносовъ поднялся словно затѣмъ, чтобы послужить дѣлу цивилизаціи тѣхъ же высшихъ классовъ, *отторгнувшихся* отъ народной массы".

„Въ итогѣ получилось нынѣшнее двойственное и неправильное состояніе общества: съ одной стороны, образованная Россія, съ довольно высоко развитымъ искусствомъ, съ итальянскими, нѣмецкими и французскими операми на русскомъ языкѣ и на русской сценѣ, съ тонкимъ знаніемъ Бетховеновъ и Шумановъ, съ цѣлымъ обильнымъ репертуаромъ европейской каскадной музыки, водевилей, комедіи, драмы—отъ Оффенбаха и Лекока до Шекспира и Гёте, съ академіями художествъ, съ художественными выставками и музеями, въ которыхъ почти ничего непонятно, не нужно (?) и не доступно (?) русскому простолюдину, въ которыхъ ничего не дѣлалось и не предназначалось для русскаго народа (??); съ другой стороны—наше сѣрое,

много-милліонное, деревенское мужичество съ прежними своими художественными вкусами и потребностями, но безъ всякихъ художественныхъ силъ на службѣ ему, безъ всякихъ (??) попытокъ съ чьей-либо стороны удовлетворить и насытить эти законныя потребности... никакихъ другихъ удовлетвореній художественнаго вкуса народнаго, кромѣ кабака! Ну, и повалили въ кабакъ такъ, какъ никогда не валили! И сдѣлали кабакъ средоточіемъ всего крестьянскаго досуга, символомъ всѣхъ радостей, развлеченій и наслажденій русскаго народа"...

Въ общемъ, антитеза вѣрна, но совершенно фальшива вся ея окраска. Авторъ не нашелъ нужнымъ разбирать, точно ли „не нужно" народу то, чтó работалось въ художествѣ образованныхъ классовъ, точно ли, они, мнимо „отторгшіеся", виноваты въ этомъ положеніи вещей, точно ли они именно загоняли народъ въ кабакъ. Мы остановимся дольше на этихъ фатальныхъ вопросахъ, и обратимся пока къ главному положенію автора.

Такимъ образомъ, при всѣхъ оговоркахъ остается, что высшіе классы „отторглись" отъ народа, и такъ-какъ народъ, по новѣйшимъ толкованіямъ, есть именно безграмотная (а по мнѣнію самого г. Маркова, еще и спившаяся) масса, не знающая „европеизма" и „лакейства передъ западомъ", есть соль земли, хранитель національной святыни, то „отторгнуться" отъ него, значитъ, по тѣмъ же новѣйшимъ толкованіямъ, измѣнить національной святынѣ, предать ее, — слѣдовательно, совершить возмутительнѣйшій актъ противъ своего народа.

Очень жаль, что писатель, которому нельзя отказать и въ свѣдѣніяхъ, и въ значительномъ дарованіи, присоединяетъ въ этой темѣ свой голосъ къ юродивымъ идеямъ полу-образованныхъ пророковъ и лицемѣрныхъ шарлатановъ, къ этой злостной враждѣ противъ образованія, первымъ источникомъ котораго была для насъ европейская наука и искусство, къ этимъ страннымъ возбужденіямъ противъ „отторгнувшихся" классовъ, въ которыхъ, при всемъ хаосѣ нашего развитія и при всѣхъ недостаткахъ этихъ классовъ, все-таки наиболѣе дѣлалось и дѣлается для *общенародной* образованности — единственнаго вѣрнаго средства достигнуть національнаго сознанія.

Эти якобы истинно-народныя теоріи,—чуждыя и дѣйствительному національному духу нашего историческаго развитія и наукѣ,—свидѣтельствуютъ только о незнаніи исторіи, или о лицемѣріи своихъ творцовъ, или о томъ и другомъ вмѣстѣ. Онѣ и разсчитываютъ (къ сожалѣнію, иногда не безъ успѣха, какъ приходится видѣть теперь) на такое же незнаніе и лицемѣріе, поощряя кстати

и неохоту учиться, и вражду къ просвѣщенію, всегда свойственную невѣжеству и которой у насъ и безъ того довольно.

Но дѣло въ томъ, что критическая, а не романтически воображаемая, исторія даетъ совсѣмъ иное понятіе о судьбѣ и характерѣ народнаго искусства, чѣмъ то, какое внушаютъ мнимые народолюбцы и какое повторяетъ нашъ авторъ. Объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

А. В—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1882.

Нашъ государственный бюджетъ на 1882 годъ.—Характеристическая черта нашихъ бюджетовъ вообще.—Особенность новаго бюджета.—Законъ о сверхсмѣтныхъ кредитахъ.—Средства къ его дѣйствительному выполненію.—Чрезвычайные доходы и расходы.—Финансовая сторона обязательнаго выкупа. — Сессія нашихъ губернскихъ собраній.—Земскія мнѣнія о всесословной волости.—Вопросъ о народномъ образованіи нынѣ и годъ тому назадъ. — Уличные безпорядки въ Варшавѣ и результаты ихъ изслѣдованія.

I.

Трудно пріискать другой примѣръ, когда правительство, желая уяснить себѣ податныя силы страны, должно было бы разбираться съ такими усиліями, какихъ стоило это намъ со времени послѣдней войны. Сравненіе съ другими странами невольно при этомъ приходитъ на мысль. Весьма быстро и энергично видоизмѣнена была финансовая система Соединенныхъ-Штатовъ Сѣверной Америки, когда возникла надобность покрыть большіе расходы междуусобной войны за свободу негровъ. Никакихъ колебаній не обнаружила и Франція, когда послѣ войны 1870 года для покрытія расходовъ оказалась потребность предъявить новыя требованія податнымъ силамъ страны. Наконецъ, на нашихъ глазахъ и Германія вынуждена была, хотя и не непосредственно для покрытія расходовъ войны (но все-таки въ связи съ послѣдствіями войны), значительно поднять доходность налоговъ и для этого переустроить всю ихъ систему. Во всѣхъ этихъ случаяхъ изысканіе новыхъ податныхъ источниковъ, конечно, вызывало различныя мнѣнія и споры. Но различіе мнѣній лишь выражало, что существуютъ разные пути для достиженія цѣли. У насъ, напротивъ, не безъ основанія можно утверждать, что прежде всего для финансоваго управленія далеко еще не вполнѣ выяснилось, дѣйствительно ли у насъ возможна какая-либо иная система обыкновенныхъ

государственныхъ доходовъ, кромѣ той, при которой насъ застала послѣдняя война? Извѣстно, что до войны полагали, будто М. Х. Рейтернъ уже дошелъ до крайнихъ предѣловъ испытаній того, сколько способна дать эта система? Въ отчетѣ государственнаго контроля за 1875 годъ, стоявшій тогда во главѣ этого вѣдомства С. А. Грейгъ предупреждалъ, что „упругость“ государственныхъ доходовъ имѣетъ предѣлъ, „но увеличенія доходовъ годъ изъ года въ размѣрахъ послѣдняго десятилѣтія едва ли можно ожидать *безъ открытія новыхъ* или усиленія существующихъ источниковъ“. Опытъ не оправдалъ этого предсказанія. Если въ теченіи пяти лѣтъ, окончившихся 1875 годомъ, увеличеніе косвенныхъ налоговъ прибавило новыхъ доходовъ на 63.343,379 р., то въ слѣдующіе за тѣмъ пять лѣтъ, окончившіяся въ 1880 году, повторенное возвышеніе косвенныхъ налоговъ принесло новыхъ доходовъ 81.733,180 рублей. И это пользованіе „упругостью“ старыхъ источниковъ пока составляло *единственный* способъ снабженія казначейства средствами для наросшихъ расходовъ. Объ „открытія *новыхъ* источниковъ“ можетъ быть еще также мало рѣчи, какъ объ „усиленіи существующихъ источниковъ“. Усилились не источники, а энергія ихъ вычерпыванія. Новые же источники все еще продолжаютъ оставаться въ области неизвѣстнаго.

Отсюда тотъ совершенно своеобразный характеръ, который у насъ получила обнародываемая въ началѣ каждаго года государственная роспись доходовъ и расходовъ. Вообще, интересъ этого документа всего менѣе заключается въ вопросѣ: вполнѣ ли точно въ немъ предусмотрѣны отдѣльныя цифры предстоящихъ доходовъ и расходовъ? Финансы зависятъ отъ слишкомъ многихъ случайностей, чтобъ въ нихъ была возможна какая-либо иная, кромѣ очень условной, гипотетической и, слѣдовательно, довольно субъективной оцѣнки. Но роспись тѣмъ не менѣе представляетъ большой интересъ, служа выраженіемъ того, какъ финансовое управленіе страны въ данное время понимаетъ свое положеніе. Припомнимъ впечатлѣніе, производимое бюджетами Соединенныхъ-Штатовъ, Англіи, Франціи и Германіи. Въ первыхъ трехъ государствахъ, министрамъ финансовъ приходится каждый годъ наглядно указывать странѣ, какъ финансовая машина, раціонально устроенная и двинутая въ извѣстномъ направленіи, дѣйствуетъ исправно, а поэтому на предстоящій новый годъ остается только сообразить, должны ли ея движенія быть замедлены или ускорены. Въ Германіи теперь кипитъ преобразовательная работа въ тѣхъ же видахъ раціональнаго устройства финансовой системы, и обнародованіе росписи представляетъ лишь новый поводъ обсуждать нѣкоторыя частности этой работы. У насъ, напротивъ, въ послѣдніе годы всякій беретъ государственную роспись въ

руки съ однимъ стереотипнымъ вопросомъ: „какимъ образомъ министерству финансовъ *удалось* свести роспись на нынѣшній годъ"? Никто не сомнѣвается, что это именно дѣло удачи, случайности. Предстоящій годъ какъ будто никакой связи не имѣетъ ни съ тѣмъ, который ему предшествовалъ, ни съ тѣмъ, который за нимъ послѣдуетъ. Тотъ—прошлый, онъ пережитой и, слава Богу, его можно забыть; будущее же покрыто полнѣйшимъ мракомъ. Хотя одинъ и тотъ же финансовый механизмъ у насъ дѣйствовалъ, дѣйствуетъ и, можетъ быть, еще долго будетъ дѣйствовать, но вѣра въ него ни у кого не крѣпка, даже у финансоваго управленія, осуждавшаго его неоднократно и громко: является опасеніе, какъ бы этотъ механизмъ именно въ наступающемъ году не обнаружилъ слишкомъ ужъ чувствительной неудачи. Соотвѣтственно этому настроенію, и задача всякой нашей государственной росписи въ послѣдніе годы какъ будто заключалась въ представленіи доказательства, что предстоящій годъ прожить еще можно будетъ и даже недурно, а если впрочемъ и дурно, то изъ этого тоже ничего не слѣдуетъ. Съ одной стороны, публика сознаетъ, что въ сущности нѣтъ никакихъ основаній ждать многаго отъ росписи. Съ другой стороны, и финансовое управленіе какъ будто исходитъ изъ убѣжденія, что озаботившись о данномъ годѣ, оно исполнило все, что отъ него основательно можно требовать. И въ самомъ дѣлѣ, почему бы оно должно было считать себя болѣе отвѣтственнымъ за прошлое и будущее? Конечно, каждый министръ финансовъ по своему группируетъ въ государственной росписи данныя для успокоенія страны и для внушенія ей надежды, что въ наступающемъ году ничего необычайнаго не произойдетъ. И въ этомъ отношеніи роспись на 1882 годъ не менѣе, чѣмъ предшествовавшія ей, характеризуетъ индивидуальные взгляды, взятые основаніемъ при ея составленіи.

Самая отличительная особенность росписи на 1882 годъ заключается въ той рѣшительности, съ которою финансовое управленіе, повидимому, желало бы дать въ ней отпоръ сильно вкоренившейся у насъ привычкѣ относиться къ бюджету, какъ еслибы онъ былъ неисчерпаемый. Финансовое управленіе у насъ никогда особенно не любило ясно показывать всю совокупность средствъ, которою оно располагало; но удерживая въ тѣни нѣкоторую часть своихъ суммъ и избѣгая обнаруживать, легко ли или трудно будетъ добывать новыя средства, если они потребуются, министерство финансовъ этимъ лишь поддерживало привычку къ легкомысленному взгляду публики, будто нужныя суммы „всегда найдутся" и нечего стѣсняться требованіемъ ихъ для новыхъ расходовъ. Нынѣшній министръ финансовъ, повидимому, желалъ избѣгнуть упрека въ поддержаніи такого взгляда. Перечисливъ ожиданія отъ обыкновенныхъ доходовъ, министръ

финансовъ поясняетъ, что, признавая необходимость „для надежнаго устраненія дефицитовъ заблаговременно отыскивать способы для увеличенія государственныхъ доходовъ", онъ предполагаетъ внести еще въ настоящую сессію государственнаго совѣта представленія „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующихъ налогахъ, которыя могутъ увеличить доходы государственные на сумму отъ 10 до 15 милліоновъ рублей". Это не очень много, но это все, что онъ можетъ пока обѣщать.

Этимъ заявленіемъ устраненъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ пороковъ нашихъ государственныхъ росписей со времени послѣдней войны. Всѣ онѣ внушали ошибочную мысль, будто внесенныя въ нихъ увеличенія обыкновенныхъ доходовъ еще не представляютъ самаго главнаго увеличенія, необходимаго для возстановленія того положенія, въ которомъ нашъ бюджетъ находился до войны: самое главное еще будто бы предстояло впереди, отъ совершенно новыхъ налоговъ и преобразованія всей системы. И, въ разсчетѣ на эти, предстоявшіе будто бы впереди, обильные новые источники, *пока* не стѣснялись увеличеніемъ расходовъ. Роспись 1882 года по крайней мѣрѣ избавляетъ насъ отъ этого миража на предстоящій годъ. Никакого обилія новыхъ источниковъ она не ожидаетъ.

Равновѣсіе въ бюджетѣ на нынѣшній годъ министръ финансовъ желалъ бы установить не на почвѣ мечтательныхъ упованій, а примиряясь съ мыслью, что значительныхъ прибытковъ ожидать не откуда. До сихъ поръ самая значительная сумма обыкновенныхъ доходовъ получена была въ 1879 году, когда ихъ поступило 644.700,000. При всѣхъ стараніяхъ вывести эту сумму въ наивысшемъ размѣрѣ, допускаемомъ условіями вѣроятности, ее однако на 1882 годъ оказалось возможнымъ исчислить лишь въ размѣрѣ, очень близкомъ къ цифрѣ 1879 года. Разница въ пользу 1882 года составляетъ не болѣе 5.000,000 рублей. За такую умѣренность врядъ ли кто-нибудь упрекнетъ роспись на 1882 годъ въ пессимизмѣ. Откуда она могла бы ожидать бо̀льшаго? Отъ нашей системы прямыхъ податей взято все, что̀ она можетъ дать, и въ наилучшемъ случаѣ доходъ отъ нея не можетъ превосходить 140.000,000 р. Относительно же косвенныхъ налоговъ, въ настоящее время приходится дѣлать почти невѣроятныя усилія, чтобъ удержать ихъ доходность на уровнѣ 390 милліоновъ. Въ 1879 году, въ составъ этой суммы входили $13^1/_2$ милліоновъ рублей отъ соляного акциза, и правительство еще не должно было мириться съ нѣкоторыми жертвами въ питейномъ акцизѣ въ видахъ уменьшенія пьянства. Теперь нѣкоторая дань справедливости уплачена, и эту плату приходится выручать чувствительнымъ возвышеніемъ окладовъ питейнаго акциза, таможенныхъ пошлинъ и сахарнаго ак-

циза. Даже если возмѣщеніе окажется удачнымъ, оно только возвратитъ потерянное, а новаго ничего не дастъ.

Итакъ, 650 милліоновъ рублей, да еще 10 или 15 милліоновъ рублей отъ какихъ-нибудь новыхъ предположеній (въ томъ числѣ, вѣроятно, отъ налога на наслѣдства), всего 660—665 милліоновъ рублей,—вотъ *все*, что нынѣшній министръ финансовъ считаетъ раціональнымъ ждать отъ нашего обыкновеннаго бюджета. Сравнивая эти 660—665 милліоновъ съ суммою обыкновенныхъ доходовъ до послѣдней войны (въ 1875 году), мы находимъ, что она представляетъ приращеніе въ 102—107 милліоновъ рублей.

Между тѣмъ, одни только расходы на платежи по государственнымъ долгамъ, сильно наросшимъ со времени послѣдней войны, уже теперь требуютъ до 100.000,000 рублей больше, чѣмъ требовали до войны. Слѣдовательно, почти все приращеніе въ обыкновенныхъ государственныхъ доходахъ поглощается нуждами наросшаго государственнаго долга. Но впереди еще остается обязательство, которое правительство на себя приняло по урегулированію безпроцентнаго долга за кредитные билеты, выпущенные для послѣдней войны. На это урегулированіе потребуется новаго ежегоднаго расхода не менѣе 18 милліоновъ рублей.

Выводъ, изъ этого вытекающій, ясенъ и категориченъ. Подъ страхомъ безнадежнаго хроническаго дефицита, наши государственные расходы на войско, флотъ и гражданское управленіе должны возвратиться въ тѣ рамки, въ которыхъ средства для нихъ имѣлись, какъ ихъ застала послѣдняя война.

Рамки эти въ круглой цифрѣ выражаются суммою 450—460 милліоновъ рублей [1]). Отъ этой-то нормы расходы на войско, флотъ и гражданское управленіе обнаружили стремленіе сильно уклониться: въ 1880 году при дѣйствительномъ ихъ исполненіи, а для 1881 года даже и при самомъ составленіи росписи. Оттого исполненіе росписи 1880 года обнаружило очень крупный дефицитъ, а для 1881 года уже и самое сведеніе росписи должно было произойти при очень крупномъ дефицитѣ.

Такой же крупный дефицитъ угрожалъ и росписи нынѣшняго года, еслибъ движеніе расходовъ продолжалось въ направленіи 1880—1881 гг. Избѣгнуть дефицита мы теперь можемъ лишь подъ единственнымъ условіемъ возврата къ вышеуказанной нормѣ расходовъ на войско, флотъ и гражданское управленіе. Министръ финансовъ,

[1]) Въ 1875 году обыкновенные доходы составляли 558 милл., изъ которыхъ для государственнаго долга требовалось лишь 108 милл., и для остальныхъ нуждъ оставалось 450 милл. Но эта сумма далеко не вся расходовалась, въ первый разъ она получила практическое значеніе не ранѣе 1879 года.

конечно, не верховный судья для сужденія объ этихъ расходахъ. Но онъ несомнѣнно всего лучше можетъ судить о средствахъ, которыми мы для расходовъ располагаемъ. И если онъ полагаетъ, что „для *надежнаго* устраненія дефицитовъ" намъ необходимо приспособиться къ росписи, располагающей лишь 660—665 милліонами, то это лишь извѣстный способъ сказать, что въ противномъ случаѣ намъ угрожаютъ дефициты *безнадежные*.

Такъ какъ въ росписи на 1882 годъ обыкновенныхъ доходовъ исчислено 654.217,870 рублей, то, по исключеніи изъ этой суммы 198.776,287 р. для платежей по государственнымъ долгамъ, остается для расходовъ на войско, флотъ и гражданское управленіе 455,411,583 рубля. Съ этою-то суммою и приведены въ нѣкоторое соотвѣтствіе предполагаемые на 1882 годъ расходы на войско, флотъ и гражданское управленіе. Они исчислены въ размѣрѣ 459.818,864 рублей. Въ росписи на прошлый 1881 годъ этихъ расходовъ исчислялось 477.386,959 рублей, а при дѣйствительномъ исполненіи росписи на 1880 годъ ихъ оказалось даже 498.552,448 рублей. По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣйствительные расходы въ 1881 году были выше предположенныхъ и ближе къ цифрѣ дѣйствительныхъ расходовъ 1880 года. Такимъ образомъ, предположенная на нынѣшній годъ сумма расходовъ должна была быть основана на сильномъ уменьшеніи ихъ сравнительно съ предшествовавшими двумя годами. Но сама по себѣ означенная сумма ничего необычайнаго не представляетъ. Въ 1879 году расходы на войско, флотъ и гражданское управленіе составляли лишь 454.196,804 р., въ 1878 году—даже лишь 435.448,180 р., въ 1877 году 446.643,542, а въ 1876 году—444.650,162 рубля. И всѣ эти цифры представляли еще значительное увеличеніе противъ 1875 года. Если возвышеніе расходовъ въ 1876—79 годахъ еще сколько-нибудь могло быть оправдано, то во всякомъ случаѣ скачёкъ ихъ въ 1880 и 1881 годахъ былъ тѣмъ болѣе неестественный, что онъ совершался какъ разъ во время разгара толковъ о необходимости экономіи. Выходило, что чѣмъ болѣе теоретически говорятъ о сокращеніи расходовъ, тѣмъ сильнѣе практически стараются объ ихъ увеличеніи.

Это-то болѣзненное движеніе роспись на 1882 годъ и стремится нѣсколько задержать. Даже и на предполагаемые ею расходы въ суммѣ 459.818,864 р., она не имѣетъ достаточно средствъ: она ихъ предполагаетъ, какъ выше сказано, лишь 445.441,583 р., слѣдовательно на 4.377,281 р. меньше, чѣмъ нужно. Для покрытія этого дефицита въ росписи назначена равная сумма изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, конечно, только временно, такъ какъ имѣются въ виду предположенія, которыя должны увеличить обыкновенные доходы еще на 10—15 милл. рублей.

Чтобы уменьшить расходъ на войско, флотъ и гражданское управленіе до суммы 459.818,864 р., въ смѣтѣ ихъ, сравнительно со смѣтами предшествовавшаго года, всего сокращеній внесено на 26.632,331 руб., въ томъ числѣ по смѣтамъ военнаго и морского министерствъ на 24.624,671 р. Такъ какъ, однако, въ то же время по нѣкоторымъ вѣдомствамъ (главнымъ образомъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) допущено увеличеніе расходовъ на 9.064,239 р., то въ окончательномъ выводѣ уменьшеніе расходовъ противъ росписи предшествующаго года составляетъ 17.568,092 руб. Если государственному совѣту удастся устранить дефицитъ дальнѣйшимъ сокращеніемъ расходовъ (о чемъ по газетнымъ слухамъ онъ продолжалъ заботиться въ теченіе января), то сокращеніе будетъ простираться до 21.945,373 рублей. Такимъ образомъ сокращеніе расходовъ преимущественно произведено на счетъ военнаго и морского вѣдомствъ. Не очень утѣшительно, однако, что и это сокращеніе достигнуто чисто механическими пріемами: уменьшеніемъ штатнаго состава войскъ, приготовленія оружія, крѣпостныхъ работъ, кораблестроенія и т. п. Подобные пріемы въ отношеніи экономіи тѣмъ особенно неудобны, что они могутъ имѣть лишь очень кратковременное значеніе и всего лучше иллюстрируютъ шаткость основаній, на которыхъ у насъ строится роспись. Соглашаясь на подобные пріемы, какъ на жертву, великодушно приносимую для общей пользы, вѣдомства, съ ними примиряющіяся, очевидно, лишь соглашаются на нѣкоторое съуженіе простора ихъ дѣятельности, но это ни къ чему ихъ не обязываетъ относительно направленія и характера дѣятельности. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, они, въ виду росписи, израсходуютъ въ теченіе даннаго года 25 милл. рублей менѣе; но израсходуютъ ли они остальныя предоставленныя ими суммы такъ, чтобъ ихъ хватило, или такъ, чтобъ осязательно обнаружить ихъ „недостаточность", это зависитъ, конечно, не отъ росписи, а отъ ихъ собственнаго внутренняго строя, отъ дѣйствующихъ въ нихъ нравственныхъ силъ. — Если даже въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ сокращенія получены только посредствомъ механическихъ пріемовъ, то совершенно естественно, что вѣдомства гражданскія (внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи, контроля, коннозаводства и иностранныхъ дѣлъ) остались нетронутыми.

Само собою разумѣется, что не отъ финансоваго управленія зависитъ, будутъ ли соблюдены назначенія расходныхъ смѣтъ, или они окажутся мертвою буквою. Но насколько отъ государственнаго совѣта, министерства финансовъ и государственнаго контроля зависитъ усилить обязательность назначеній росписи,—ими принята мѣра, которая имѣетъ цѣлью устранить легкость, съ какою различныя вѣ-

домства исхлопотывали себѣ „дополнительные", „сверхсмѣтные" кредиты. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что во избѣжаніе пререканій съ государственнымъ совѣтомъ, министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, нѣкоторыя вѣдомства иногда предпочитали идти „кратчайшимъ" путемъ, прямо испрашивая сверхсмѣтные кредиты у высочайшей власти. Законъ уже давно этого имъ не дозволяетъ, но законъ не исполнялся. Теперь опредѣлено „подтвердить" этотъ законъ. Мы не знаемъ, какъ велики были сверхсмѣтные кредиты, проходившіе до сихъ поръ мимо государственнаго совѣта. Но мы сомнѣваемся, чтобъ одно только устраненіе этой категоріи кредитовъ могло оказать большое вліяніе на ограниченіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ вообще: самая значительная ихъ часть всегда зависѣла отъ государственнаго совѣта. Если онъ ихъ неумѣренно допускалъ, то отчасти вина падаетъ и на него, отчасти и на финансовое управленіе, отчасти наконецъ и на дѣйствующія у насъ въ этомъ отношеніи правила закона. Важнѣе всего, конечно, что у насъ законъ слишкомъ легко допускаетъ сверхсмѣтные кредиты. Во Франціи законъ опредѣляетъ, по какимъ расходамъ допускаются сверхсмѣтные кредиты, по какимъ они категорически отвергаются. У насъ такого опредѣленія нѣтъ, хотя оно не менѣе нужно. Конечно, законъ, къ сожалѣнію, у насъ гарантія не вполнѣ могущественная; но все же лучше слабая гарантія, чѣмъ всякое ея отсутствіе. Далѣе, государственный совѣтъ и министерство финансовъ настолько отчасти раздѣляютъ вину въ излишествѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, насколько до сихъ поръ мало исполнялось требованіе уже и нынѣ дѣйствующаго закона: а именно, чтобы при разрѣшеніи расхода въ точности было извѣстно, изъ какихъ суммъ онъ будетъ производиться. У насъ, кажется, въ этомъ отношеніи вкоренился обычай, позаимствованный тоже изъ Франціи: ссылаться при разрѣшеніи сверхсмѣтныхъ расходовъ въ неясныхъ выраженіяхъ на „общія средства государственнаго казначейства", не разбирая далѣе, дѣйствительно ли они имѣются на лицо, или они существуютъ только въ предположеніи. Изъ такихъ воображаемыхъ средствъ, конечно, нетрудно назначать, какіе угодно кредиты. Между тѣмъ оперированіе воображаемыми средствами у насъ само является послѣдствіемъ такихъ причинъ, которыя нетрудно устранить. Во-первыхъ, центральное счетоводство государственнаго казначейства должно было бы быть настолько усовершенствовано, чтобъ оно могло своевременно въ теченіе года оглашать, какъ идетъ поступленіе государственныхъ доходовъ. Говоримъ: оглашать, разумѣя, конечно, во всеобщее свѣдѣніе. Если это признано возможнымъ для таможенныхъ сборовъ, о поступленіи которыхъ свѣдѣнія печатаются ежемѣсячно, то почему бы это было

менѣе возможно для акцизныхъ сборовъ и прямыхъ податей? Неудобствъ отъ этого никакихъ бы не было; напротивъ, общественное мнѣніе, оповѣщенное своевременно о томъ, какъ идетъ поступленіе доходовъ, всегда представляло бы союзника для государственнаго совѣта и финансоваго управленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они считали бы невозможнымъ разрѣшеніе добавочныхъ расходовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ не менѣе важно было бы и оглашеніе всѣхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ немедленно по ихъ испрошеніи. Одного только расширенія финансовой гласности было бы, однако, недостаточно, чтобъ доставить государственному совѣту возможность разрѣшать сверхсмѣтные кредиты только тогда, когда для нихъ имѣются средства. По настоящее время поступленіе значительной категоріи средствъ совершенно изъято изъ его сужденія: мы говоримъ о суммахъ отъ государственныхъ займовъ. Заключеніе займовъ составляетъ предметъ вѣдѣнія особаго учрежденія, финансоваго комитета, подобія которому ни въ какой странѣ не встрѣчается, и въ пользѣ котораго вполнѣ позволительно сомнѣваться. По назначенію своему этотъ комитетъ долженъ усиливать независимость министра финансовъ отъ государственнаго совѣта. Но удобства этой „независимости“ въ настоящее время сильно перевѣшиваются тѣмъ неудобствомъ, что пропорціонально ей велика и отвѣтственность, падающая на министра финансовъ, если онъ не находитъ возможнымъ заключать столько займовъ, сколько ихъ требуется для всѣхъ расходовъ. Еслибъ на государственномъ совѣтѣ лежала обязанность не только обсуждать всѣ расходы, которые придется производить изъ займовъ (теперь многіе изъ нихъ, напримѣръ, желѣзно-дорожные, почему-то изъяты изъ его вѣдѣнія и для удобства администраціи подчинены комитету министровъ), но и самая возможность заключенія этихъ займовъ, то это, конечно, ставило бы его въ болѣе нормальное отношеніе и къ разрѣшаемымъ имъ сверхсмѣтнымъ расходамъ.

Заговоривъ о займахъ и производимыхъ изъ нихъ расходахъ, мы приблизились ко второй части государственной росписи, касающейся чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ. Роспись на 1882 годъ и въ этой части представляетъ не малый интересъ. Въ нее включены не только обычные обороты желѣзно-дорожнаго фонда, доходы и расходы котораго на этотъ годъ исчислены въ 22.744,293 руб., но и 50.000,000 руб. на погашеніе равной части безпроцентнаго долга за кредитные билеты, выпущенные для послѣдней войны. Сумма желѣзно-дорожнаго фонда въ нынѣшнемъ году значительно превышаетъ тѣ, которыя до сихъ поръ вносились въ росписи, и къ которымъ обыкновенно послѣ присоединялись сверхсмѣтные кредиты, въ 5 разъ, а иногда и въ 10 разъ больше: можетъ быть, имѣется въ виду

въ нынѣшнемъ году нѣсколько умѣрить сверхсмѣтные кредиты и въ этой области. Наиважнѣйшій интересъ, представляемый обыкновенно экстраординарнымъ бюджетомъ, заключается въ сообщаемыхъ имъ данныхъ для сужденія о вопросѣ, возможно ли будетъ обойтись въ текущемъ году безъ новыхъ займовъ, или ихъ необходимо будетъ заключить на ту или иную сумму. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи наши экстраординарные бюджеты не отличаются особенною ясностью, и ихъ данныя очень трудно поддаются повѣркѣ. Такъ, въ роспись на 1882 годъ внесена чрезвычайнымъ поступленіемъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда сумма въ 22.744,293 руб. Но объ этой суммѣ очень трудно сказать: такая ли она, какая уже имѣлась ко времени составленія росписи, или ее еще придется добывать займомъ? Мы склонны понимать ее въ послѣднемъ смыслѣ, потому что въ напечатанной недавно въ „Прав. Вѣстникѣ" особой вѣдомости о желѣзно-дорожномъ фондѣ не только всѣ его средства (въ томъ числѣ и отъ консолидированныхъ облигацій 6-го выпуска) показаны всецѣло израсходованными, но у него обнаруживается еще перерасходъ 86.230,822 руб., составляющихъ долгъ фонда другимъ рессурсамъ казначейства. Еще меньшею ясностью отличается другая, внесенная въ экстраординарный бюджетъ 1882 г., сумма въ 60.377,281 руб. изъ средствъ, „состоящихъ въ распоряженіи министерства финансовъ за границею и остатковъ отъ 5-го выпуска 5% банковыхъ билетовъ". Мы не можемъ скрыть нашего недоумѣнія предъ этою значительною суммою вдругъ обнаруживающихся *свободныхъ* остатковъ, представляющихъ излишекъ надъ всѣми расходами за время до 1882 года и поэтому имѣющихся для нуждъ 1882 года. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, обыкновенные и чрезвычайные расходы (въ томъ числѣ и по желѣзно-дорожному фонду) значительно превышали имѣвшіяся для нихъ средства отъ обыкновенныхъ доходовъ и заключенныхъ займовъ. Этимъ-то и объясняются понадобившіеся временные выпуски кредитныхъ билетовъ, которыми средства казначейства должны были быть подкрѣплены. Если же теперь обнаруживается „свободный остатокъ" въ 60.377,281 руб., то онъ можетъ лишь означать, что на такую сумму были въ излишествѣ выпущены кредитные билеты, которые и остались неизрасходованными. Вѣроятно, они были превращены въ цѣнности, переданныя за границу, и оттого теперь показываются такъ состоящими. Такъ ли это, или не такъ, мы повѣрить не можемъ, къ сожалѣнію. Данныя о соотношеніи между выпусками кредитныхъ билетовъ, которые производились въ 1876—80 годахъ, и нуждами различныхъ бюджетовъ этого времени до крайности сбивчивы и запутаны. Видимо, наше государственное счетоводство въ этомъ отношеніи представляетъ несовер-

шенства, и не ощущается пока никакой потребности привести его хоть въ такой же порядокъ, какой удалось установить для обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

II.

Если данныя нашей государственной росписи не настолько опредѣлительны, чтобъ дозволить сужденіе о размѣрѣ предстоящихъ займовъ, то это не значитъ, что нашему денежному рынку дано основаніе ожидать нѣкотораго покоя въ ближайшемъ будущемъ. Высочайшій указъ 1 января нынѣшняго года объ обязательномъ выкупѣ, напротивъ, своею финансовою стороною вызываетъ новые вопросы. Обязательный выкупъ отличается тѣмъ, что если онъ, съ одной стороны, принуждаетъ помѣщиковъ скорѣе покончить прежнія ихъ отношенія къ крестьянамъ, то съ другой стороны, онъ принуждаетъ и правительство въ томъ же ускоренномъ срокѣ покончить разсчеты съ помѣщиками и выдать имъ выкупныя ссуды. Если добровольному выкупу соотвѣтствовала постепенная и продолжительная финансовая операція, то обязательному выкупу, напротивъ, соотвѣтствуетъ операція быстрая и короткая. А такъ какъ основою операціи служатъ выкупныя бумаги, то слѣдовательно въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ быстрый выпускъ ихъ на довольно значительную сумму. Это придаетъ довольно существенное значеніе вопросу о пригодности того механизма выпуска процентныхъ бумагъ, для вознагражденія помѣщиковъ, который до сихъ поръ былъ въ употребленіи. Пригодность эта при рѣшеніи вопроса объ обязательномъ выкупѣ, повидимому, не возбуждала никакихъ сомнѣній. Между тѣмъ, вѣроятно, у очень многихъ еще сохранился въ памяти печальный опытъ, пережитый помѣщиками при реализаціи выкупныхъ бумагъ въ первые годы по освобожденіи крестьянъ. Конечно, не желательно, чтобъ этотъ опытъ въ настоящее время опять повторился. Далѣе, нельзя не принять въ соображеніе и того, что для финансовой стороны выкупа далеко не безразлично, въ какомъ положеніи въ данное время находится денежный рынокъ.

Что касается условій прежней реализаціи выкупныхъ бумагъ, то извѣстно, что, въ первое десятилѣтіе 1861 г., они отличались весьма сильною неблагопріятностью. Всего въ первое десятилѣтіе послѣ крѣпостной реформы можно считать, что помѣщикамъ было передано выкупныхъ бумагъ на сумму до 300 милліоновъ руб., на реализаціи которыхъ помѣщики потеряли не менѣе 60 милліоновъ рублей. По крайней мѣрѣ, половину этой потери, то-есть 30.000,000 рублей,

должно прямо отнести къ неосмотрительной постановкѣ дѣла, угрожающей и теперь новыми потерями, если противъ нихъ не будетъ принято никакихъ мѣръ. Мы теперь свыклись съ фактомъ, что въ послѣдніе годы выкупныя бумаги имѣли хорошую цѣну. Но фактъ этотъ представляетъ очень ненадежное основаніе для сколько-нибудь основательнаго разсчета. Во второе десятилѣтіе послѣ крѣпостной реформы, выкупная операція пошла болѣе мѣрнымъ ходомъ, и новыхъ бумагъ для помѣщиковъ выпускалось ежегодно среднимъ числомъ на сумму не болѣе 10.000,000 рублей. Естественно, что такіе умѣренные выпуски были возможны при хорошей цѣнѣ, особенно при обиліи денежныхъ средствъ, вслѣдствіе непрерывавшагося увеличенія количества кредитныхъ билетовъ. Умѣренные выпуски и обиліе денежнаго рынка, при сильномъ развитіи биржевой спекуляціи, въ состояніи были парализовать дѣйствіе той неосмотрительности, о которой выше упомянуто. Напротивъ, въ первое время послѣ реформы 1861 года, достаточно было, чтобъ выпуски новыхъ выкупныхъ бумагъ простирались даже лишь до 50—60 милліоновъ руб. въ годъ, и реализація ихъ должна была происходить по курсу 60—65—70, то-есть, по такимъ цѣнамъ, которыя теперь вызвали-бы самый страшный кризисъ на нашемъ фондовомъ рынкѣ. Эти низкіе курсы не были случайностью, а были необходимымъ послѣдствіемъ того пріема, который былъ принятъ для выпуска выкупныхъ бумагъ. Бумаги, какъ извѣстно, *выдавались на руки* помѣщикамъ, которымъ предоставлялось самимъ позаботиться объ ихъ реализаціи, гдѣ и какъ угодно. Естественно, что отъ этого предложеніе выкупныхъ бумагъ получило самый неправильный характеръ: помѣщики волею-неволею должны были дѣлать другъ другу самую немилосердую конкурренцію и ронять цѣну своихъ бумагъ. При учрежденіи впослѣдствіи нашихъ нынѣшнихъ учрежденій ипотечнаго кредита, финансовое управленіе хотѣло бы и ихъ заставить идти по тому же неблагоразумному пути, при реализаціи закладныхъ листовъ. Но ипотечные банки на-отрѣзъ отказались слѣдовать за финансовымъ управленіемъ, и—хорошо сдѣлали, какъ показываетъ опытъ. Опытъ этотъ достаточно осязателенъ и убѣдителенъ, чтобъ сдѣлать совершенно умѣстнымъ вопросъ: не слѣдовало-ли бы и министерству финансовъ теперь отказаться отъ своего стараго пріема? Не слѣдовало-ли бы правительству позаботиться, чтобъ предстоящее увеличеніе выпусковъ выкупныхъ бумагъ происходило съ бо́льшимъ вниманіемъ къ требованіямъ осторожности?

Вопросъ этотъ дѣлается еще болѣе настоятельнымъ отъ того обстоятельства, что выкупъ теперь предстоитъ обязательный, то-есть—*ускоренный*. Въ ближайшіе два или три года, а можетъ быть, и еще

скорѣе, правительство должно будетъ выдать помѣщикамъ выкупныхъ ссудъ на 225—250 милліоновъ рублей. По свѣдѣніямъ государственнаго банка, такихъ помѣщичьихъ долговъ старымъ кредитнымъ установленіямъ, которые могутъ быть переведены на крестьянъ. теперь осталось менѣе 50.000,000 рублей. Слѣдовательно, въ ближайшіе два или три года предстоитъ новый выпускъ выкупныхъ бумагъ на сумму до 175—200 милліоновъ рублей, или по меньшей мѣрѣ по 60—100 милліоновъ рублей въ годъ. Опытъ внутреннихъ государственныхъ займовъ послѣдняго пятилѣтія, да и опытъ ипотечныхъ банковъ показываютъ, что такіе выпуски вполнѣ возможны на сравнительно хорошихъ условіяхъ, если для реализаціи бумагъ денежный рынокъ сколько-нибудь подготовляется. Но очевидно, что если въ теченіе короткаго времени на рынокъ съ разныхъ концовъ одновременно будетъ брошена значительная масса новыхъ бумагъ безъ всякаго порядка, то ждать, чтобъ эти бумаги могли быть реализованы по 90 за 100, значитъ глубоко ошибаться. Естественнѣе ждать, что реализація новыхъ бумагъ не только вызоветъ тяжелыя потери для ихъ первоначальныхъ владѣльцевъ, но непосредственно повліяетъ и на цѣны всѣхъ другихъ правительственныхъ и ипотечныхъ бумагъ. А разнаго рода подобныхъ бумагъ, въ послѣднее десятилѣтіе, въ публикѣ было размѣщено на $1^1/_2$ милльярда рублей. Паденіе цѣны такой массы имущества, которая была пріобрѣтаема по курсамъ не менѣе 90 за 100, представляетъ достаточно грозное явленіе и, о немъ стоитъ подумать заранѣе. Даже если паденіе составитъ не болѣе 5 проц., то оно обременитъ владѣльцевъ значительной собственности потерею, доходящею до 75.000,000 рублей. Не говоримъ уже о томъ, что всякая возможность операцій правительства для собственныхъ нуждъ, или операцій ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій, можетъ совершенно исчезнуть. Если же еще вспомнить, что пріостановленіе выпусковъ кредитныхъ билетовъ вынуждаетъ къ особенной осторожности въ обращеніи съ денежнымъ рынкомъ,—то всего этого достаточно, чтобы предстоящіе выпуски выкупныхъ бумагъ не были предоставлены собственной судьбѣ.

III.

Конецъ одного года и начало другого имѣютъ одинаковое значеніе какъ въ государственномъ, такъ и въ земскомъ хозяйствѣ: время составленія бюджета является вмѣстѣ и временемъ усиленной дѣятельности земства. Собственно говоря, въ системѣ нашего земскаго самоуправленія губернскія земства занимаютъ менѣе важное

мѣсто, чѣмъ уѣздныя, меньше вліяютъ на ходъ земскаго дѣла; но въ силу самаго положенія своего, они гораздо больше обращаютъ на себя вниманіе общества. Уѣздныхъ земствъ слишкомъ много, слѣдить за дѣятельностью ихъ слишкомъ трудно; свѣдѣнія о ней попадаютъ въ печать сравнительно рѣдко, отрывочно, случайно. Губернскія земства доступнѣе для изученія; о сессіяхъ губернскихъ земскихъ собраній почти всегда доходятъ вѣсти и до провинціальной, и до столичной печати. Эта неравномѣрность освѣщенія затрудняетъ правильную оцѣнку прошедшаго и настоящаго земскихъ учрежденій. Читая въ газетахъ о незначительномъ числѣ гласныхъ, посѣщающихъ губернскія земскія собранія, о собраніяхъ не состоявшихся или преждевременно закрытыхъ, о массѣ вопросовъ, оставшихся неразрѣшенными, невольно удивляешься равнодушію земскихъ дѣятелей къ ввѣренной имъ задачѣ, невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ они принимаютъ на себя обязанности, которыхъ не намѣрены исполнять. Прислушиваясь къ рѣчамъ, произносимымъ въ губернскихъ собраніяхъ, часто жалѣешь о времени, употребляемомъ на обсужденіе микроскопическихъ интересовъ—ничтожной субсидіи тому или другому учрежденію, небольшой затраты на мостъ, дамбу или плотину. Изъ суммы этихъ впечатлѣній слагается иногда предубѣжденіе противъ земства, скептическое отношеніе къ его силамъ. Чтобы остеречься отъ ошибки, необходимо не упускать изъ виду, что наибольшая часть плодотворной земской работы совершается—и должна совершаться—уѣздными земствами, что отъ нихъ исходитъ почти все сдѣланное для народной школы, для народной медицины, организація которыхъ—безъ сомнѣнія, главная заслуга земскихъ учрежденій. Нельзя не признать, однако, что и въ той сферѣ дѣйствій, которая отведена губернскимъ земствамъ, они могли бы сдѣлать, говоря вообще, гораздо больше. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ крайнее разнообразіе результатовъ, достигнутыхъ земствами разныхъ губерній. При обстановкѣ болѣе или менѣе одинаковой, одни губернскія земства успѣли основать на прочныхъ началахъ земскую статистику, ввести извѣстную равномѣрность въ распредѣленіе земскихъ сборовъ, правильно организовать взаимное страхованіе, произвести цѣлый рядъ санитарныхъ изслѣдованій, открыть хорошо устроенныя учительскія, фельдшерскія, ремесленныя школы; другія губернскія земства, не сдѣлавъ и даже не предпринявъ ничего подобнаго, съумѣли только обременить населеніе непроизводительными расходами (напр., платежемъ гарантіи по земской желѣзной дорогѣ).

Неблагопріятно вліяютъ на дѣятельность большинства губернскихъ земскихъ собраній прежде всего общіе, всѣмъ извѣстные не-

достатки земской избирательной системы. Низкій, сравнительно, уровень уѣздныхъ земскихъ собраній, далеко не представляющихъ собою всего населенія уѣзда, избираемыхъ малочисленными или не самостоятельными группами выборщиковъ, не можетъ, конечно, не отражаться и на уровнѣ губернскихъ собраній, образуемыхъ изъ среды уѣздныхъ гласныхъ. Помимо этого, расходы, сопряженные съ поѣздкой въ губернскій городъ и довольно продолжительнымъ пребываніемъ тамъ—расходы, принятіе которыхъ на земскій счетъ воспрещено земству—закрываютъ для многихъ уѣздныхъ гласныхъ, можетъ быть даже для большинства, доступъ въ губернскіе гласные, значительно съуживаютъ кругъ лицъ, могущихъ быть призванными къ исполненію этой обязанности, мѣшаютъ иногда даже избраннымъ прибыть въ собраніе или дождаться разрѣшенія имъ всѣхъ очередныхъ вопросовъ. Во многихъ губернскихъ собраніяхъ почти вовсе нѣтъ крестьянъ, составляющихъ существенно важный элементъ уѣздныхъ собраній и отличающихся, между прочимъ, аккуратнымъ посѣщеніемъ ихъ. Другая, не менѣе важная преграда на пути земства, это—сложившееся постепенно, вслѣдствіе опыта многихъ лѣтъ, убѣжденіе въ безцѣльности земскихъ ходатайствъ. Право ходатайства принадлежитъ по закону, какъ уѣзднымъ, такъ и губернскимъ земскимъ собраніямъ, но пользованіе имъ гораздо удобнѣе для послѣднихъ, чѣмъ для первыхъ. Самая многочисленность уѣздныхъ собраній уменьшаетъ шансы вниманія къ ихъ ходатайствамъ, отклоненіе которыхъ зависитъ, притомъ, отъ усмотрѣнія одного министра, тогда какъ ходатайства губернскихъ собраній подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ. Уѣздныя собранія предпочитаютъ, поэтому, представлять свои ходатайства черезъ посредство губернскаго собранія, въ особенности если они затрогиваютъ какой-нибудь общій вопросъ, а не касаются исключительно мѣстнаго, уѣзднаго интереса. Обсужденіе ходатайствъ уѣздныхъ собраній, равно какъ и возбужденіе ходатайствъ по собственной иниціативѣ губернскаго земства, составляетъ, такимъ образомъ, одну изъ важнѣйшихъ функцій губернскихъ земскихъ собраній—функцію столь важную, что она одна должна быть признана достаточною raison d'être для этихъ собраній, достаточнымъ опроверженіемъ мнѣній, направленныхъ противъ самаго существованія губернскихъ земскихъ учрежденій [1]). Между тѣмъ, именно эта функція потеряла свое значеніе, свою цѣнность въ глазахъ земства и общества, вслѣдствіе отношенія высшей администраціи къ земскимъ ходатайствамъ, рѣдко удовлетворяемымъ, всего

[1]) Таково, напримѣръ, мнѣніе Н. П. Колюпанова, противъ котораго мы возражали въ одномъ изъ прошлогоднихъ внутреннихъ обозрѣній (см. „В. Евр." 1881 г., № 8).

чаще оставляемымъ безъ отвѣта. Зимнія сессіи 1880—81 г. отличались особеннымъ оживленіемъ именно потому, что въ средѣ губернскихъ земскихъ собраній возникла надежда на иное отношеніе администраціи къ земству, къ его желаніямъ и просьбамъ. Судя по извѣстнымъ до сихъ поръ результатамъ послѣднихъ сессій, эта надежда опять ослабѣла, а вмѣстѣ съ нею ослабѣла и энергія собраній, уменьшилось число наличныхъ гласныхъ, увеличилось число случаевъ преждевременнаго закрытія засѣданій. Нельзя сказать, однако, чтобы дѣятельность губернскихъ собраній не представляла на этотъ разъ ничего интереснаго. Всего болѣе характеристично отношеніе ихъ къ главному вопросу минуты—къ вопросу о свѣдущихъ людяхъ, насколько то намъ извѣстно изъ напечатанныхъ въ газетахъ отчетовъ. Вездѣ, гдѣ этотъ вопросъ былъ поставленъ—въ Харьковѣ, въ Херсонѣ, въ Полтавѣ, въ Смоленскѣ, въ Казани, въ Новгородѣ, въ Псковѣ—губернскія собранія высказались въ пользу *выбора* свѣдущихъ людей, выбора ихъ самимъ земствомъ. Новгородское губернское собраніе пошло еще дальше: оно выразило желаніе, чтобы предсѣдатель и члены губернской управы, ограничиваясь исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, не принимали приглашеній въ коммиссіи свѣдущихъ людей безъ уполномочія на то со стороны земства. Это постановленіе новгородскаго земства, вызванное рѣчью гласнаго Рагозина, было понято нѣкоторыми органами нашей печати какъ признакъ недовѣрія собранія къ способностямъ предсѣдателя губернской управы—недовѣрія, всею тяжестью своей падающаго на само собраніе. Если на самое видное мѣсто земскаго управленія могло попасть, по выбору собранія, лицо, не соединяющее въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для того качествъ, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда—такова аргументація обвинителей земства,—что земскіе выборы производятся небрежно? Гдѣ ручательство въ томъ, что избраніе земствомъ свѣдущихъ людей было бы свободно отъ той же небрежности? Осторожно ли было бы, при такихъ условіяхъ, измѣнять соблюдавшійся до сихъ поръ способъ приглашенія свѣдущихъ людей? Нетрудно замѣтить, что въ основаніи всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ явное недоразумѣніе. Ни въ рѣчи г. Рагозина (напечатанной in extenso въ № 57 „Земства"), ни въ постановленіи новгородскаго губернскаго собранія нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что предсѣдатель новгородской губернской управы не оправдалъ ожиданій земства, избравшаго его на эту должность. Губернская управа—органъ исполнительный; отъ предсѣдателя ея, какъ и отъ членовъ, требуются преимущественно административныя способности, опытность, трудолюбіе, знаніе земскаго хозяйства. Всѣ эти условія далеко не излишни въ „свѣдущемъ человѣкѣ", но не они необходимы

ему прежде всего и больше всего. Для участія въ законодательной работѣ желательна извѣстная ширина взгляда, извѣстная способность обобщенія, безъ которыхъ весьма легко обойтись въ ежедневномъ земскомъ обиходѣ. Отличается ли этими качествами предсѣдатель новгородской губернской управы—мы не знаемъ, да и не въ томъ дѣло; для насъ важно только то, что во главѣ земской администраціи можетъ стоять лицо, не обладающее ими и все-таки заслуженно пользующееся, въ отведенной ему сферѣ дѣйствій, довѣріемъ земства. Земское собраніе, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, не уличая себя въ недобросовѣстности или небрежности, можетъ находить, что избранный имъ предсѣдатель управы хорошъ *только* на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ, совершенно различномъ. Еслибы приглашеніе свѣдущихъ людей изъ числа предсѣдателей или членовъ губернскихъ управъ вошло въ обычай, сдѣлалось общимъ правиломъ, земскія собранія стали бы, по всей вѣроятности, иначе относиться къ избранію на эти должности; болѣе важная, болѣе крупная функція затмила бы собою менѣе выдающуюся, и сравнительное достоинство кандидатовъ опредѣлялось бы бо̀льшею или меньшею способностью ихъ именно къ законодательной работѣ. Само собою разумѣется, что земское хозяйство выиграло бы отъ этого очень мало, а потеряло бы много; текущія земскія дѣла легко могли бы перейти въ руки лицъ, поверхностно съ ними знакомыхъ и нерасположенныхъ къ административной дѣятельности. Свободный выборъ земствомъ свѣдущихъ людей исключаетъ возможность такихъ неудобствъ; на каждый родъ дѣятельности ничто не мѣшало бы избирать лицъ, именно къ нему способныхъ и подготовленныхъ.

Единственнымъ серьёзнымъ аргументомъ противъ выбора земствомъ свѣдущихъ людей представляется, повидимому, составъ губернскихъ земскихъ собраній, неудовлетворительность котораго не подлежитъ и въ нашихъ глазахъ никакому сомнѣнію. Основнымъ мотивомъ земскихъ ходатайствъ, относящихся къ этому вопросу, служитъ, однако, не избраніе свѣдущихъ людей именно *губернскими земскими собраніями*, а только *избраніе* ихъ, противуполагаемое назначенію. Главный недостатокъ губернскихъ земскихъ собраній—отсутствіе или крайне незначительное число губернскихъ гласныхъ изъ среды крестьянъ. Этотъ недостатокъ—особенно чувствительный именно теперь, когда идетъ рѣчь о преобразованіи крестьянскаго управленія—весьма легко могъ бы быть устраненъ или распущеніемъ губернскихъ земскихъ собраній и производствомъ новыхъ выборовъ, причемъ уѣзднымъ собраніямъ вмѣнено было бы въ обязанность избрать въ губернскіе гласные извѣстное число крестьянъ (хотя бы пропорціональное численности ихъ въ

уѣздномъ собраніи), или присоединеніемъ къ существующимъ губернскимъ собраніямъ, для выбора свѣдущихъ людей, извѣстнаго числа гласныхъ крестьянъ отъ каждаго уѣзда (напримѣръ, тѣхъ, которые получили наибольшее число голосовъ на крестьянскихъ избирательныхъ съѣздахъ). Мы уже высказывали эту мысль въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній (1881 г., № 11), но возвращаемся къ ней въ виду софизмовъ, настойчиво проводимыхъ нѣкоторыми ôрганами нашей печати. Возставать противъ земскаго выбора свѣдущихъ людей или отодвигать его въ неопредѣленную даль будущаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ громить земство яко бы съ демократической точки зрѣнія—роль, безспорно, весьма удобная, но столь же безспорно и фальшивая. Въ эпохи, подобныя настоящей, необходимо приступать къ давно созрѣвшимъ реформамъ рѣшительно и прямо, пользуясь всѣми наличными силами, призывая ихъ къ живой, дѣятельной роли, комбинируя ихъ такъ, какъ этого требуетъ данная минута. Наше земство далеко не идеально, оно нуждается въ коренной передѣлкѣ—но успѣхъ передѣлки все-таки зависитъ отъ степени участія въ ней земства, потому что другой, однородной силы, которая могла бы замѣнить его въ преобразовательномъ процессѣ, на лицо нѣтъ. Отстранять земство отъ этой работы подъ предлогомъ его несостоятельности, неудовлетворительности его состава и его устройства, значитъ вращаться въ заколдованномъ кругѣ, стремиться къ цѣли—и отвергать лучшее средство къ ея достиженію. Формы, въ которыхъ дѣйствуетъ земство, не составляютъ чего-то окаменѣлаго, неподвижнаго, неприкосновеннаго; приспособить ихъ къ новой потребности, устранить ихъ пробѣлы можно однимъ почеркомъ пера, посредствомъ простой перемѣны въ группировкѣ существующихъ уже элементовъ. Указаніе на односторонній составъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ на препятствіе поручить имъ, въ настоящую минуту, избраніе свѣдущихъ людей, очевидно не имѣетъ никакой цѣны, разъ что ничто не мѣшаетъ немедленному пополненію этого состава. Само собою разумѣется, что ввести въ губернскія собранія недостающій имъ крестьянскій элементъ нужно не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ; другими словами, необходимо позволить губернскимъ земскимъ собраніямъ, или даже вмѣнить имъ въ обязанность, назначать губернскимъ гласнымъ вознагражденіе за пріѣздъ въ губернскій городъ и за каждый день, тамъ проведенный. Вознагражденіе это должно быть опредѣлено въ возможно-меньшемъ размѣрѣ, въ обрѣзъ достаточномъ для покрытія самыхъ скромныхъ путевыхъ и житейскихъ расходовъ,—но должно быть выдаваемо всѣмъ губернскимъ гласнымъ, во избѣжаніе слишкомъ явнаго различія между крестьянами и гласными другихъ сословій.

Полныхъ свѣдѣній о томъ, какъ отнеслись губернскія земства къ

вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія и въ особенности о всесословной волости, мы еще не имѣемъ; извѣстно изъ газетъ только, что нѣкоторыя земства высказались въ принципѣ за всесословную волость, нѣкоторыя отвергли самую мысль о ней, нѣкоторыя вовсе не коснулись этого вопроса. Выраженіе: „всесословная волость" обнимаетъ собою столько существенно различныхъ понятій, что судить о намѣреніяхъ и цѣляхъ земскихъ собраній, ставшихъ на сторону реформы, можно будетъ только тогда, когда будутъ оглашены составленные или одобренные ими проекты. Настроеніе противниковъ реформы, на оборотъ, выяснилось уже довольно ярко; оно окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что вопросъ о всесословной волости поставленъ теперь на совершенно другую почву, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Тогда пропагандистами ея выступали послѣдніе могикане крѣпостничества, представители нашего псевдо-аристократизма; сообразно съ этимъ, противъ нея возставали всѣ тѣ, кому дороги основныя начала Положеній 19-го февраля, кто желаетъ для крестьянъ не опеки, а разумнаго самоуправленія. Теперь роли перемѣнились; всего упорнѣе отвергаютъ всесословную волость именно прежніе сторонники ея. Конечно, между противниками ея есть и до сихъ поръ искренніе друзья крестьянства, опасающіеся извращенія ея принципа, обращенія ея въ орудіе для достиженія чуждыхъ, враждебныхъ ей цѣлей; и между защитниками ея есть лица, или даже цѣлыя группы, дающія поводъ къ такимъ опасеніямъ; но и то, и другое скорѣе исключенія, чѣмъ общее правило. Въ тамбовскомъ губернскомъ собраніи главнымъ противникомъ всесословной волости явился г. Чичеринъ, провозгласившій ее проводникомъ нигилизма въ массу народа [1]); въ рязанскомъ губернскомъ собраніи, партія „ретроградовъ", усматривающая во всесословной волости „нѣчто въ родѣ чумы", настояла на томъ, что докладъ губернской управы, предлагавшей созданіе мелкой земской единицы, былъ отвергнутъ даже безъ преній. За представленіе этого доклада губернская управа подверглась „дикимъ" обвиненіямъ; пренія о реформѣ мѣстнаго управленія, въ которыхъ, подъ конецъ, принимало участіе одно только „торжествующее" большинство, привели къ чисто-отрицательному результату. Собраніе отклонило всѣ предложенія, относившіяся къ этому вопросу, и признало себя, такимъ образомъ, несостоятельнымъ, безсильнымъ къ его разрѣшенію [2]). Отчаяваясь достигнуть желаннаго исхода, т.-е. созданія всесословной волости въ смыслѣ петербургскихъ дворянскихъ проектовъ 1874 года, противники земскаго еди-

1) См. корреспонденцію изъ Тамбова въ газетѣ „Новое Время", № 2115.

2) См. „Земство" № 57.

ненія очевидно предпочитають всякой реформѣ сохраненіе status quo, дающаго хотя и не полный, но все же достаточный просторъ преобладанію меньшинства надъ большинствомъ, юридически привилегированныхъ сословій и фактически привилегированныхъ группъ надъ массою крестьянства.

Вопросъ о народномъ образованіи, надъ которымъ такъ много потрудились губернскія земскія собранія прошлогодней сессіи, въ нынѣшнемъ году оставался на заднемъ планѣ; и это вполнѣ понятно, если припомнить, какъ велики были надежды, возбужденныя въ 1880 году перемѣной въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія—и какъ невелико число осуществившихся послѣ того или хотя бы близкихъ къ осуществленію ожиданій. Рязанское губернское земское собраніе—одно изъ немногихъ, остановившихся и въ этомъ году на положеніи начальной школы; оно постановило возобновить ходатайство о пересмотрѣ закона 25 мая 1874 года. Подъ вліяніемъ того же духа, который проявился въ преніяхъ о всесословной волости, оно высказалось за сохраненіе обязательнаго предсѣдательства предводителей дворянства въ училищныхъ совѣтахъ. Въ сопоставленіи этихъ фактовъ мы видимъ сильный аргументъ въ пользу школьной реформы. Еслибы ея домогались только такъ-называемыя передовыя земства, противники ея могли бы выставить все дѣло въ видѣ тенденціозной, вредной затѣи, не заслуживающей серьезнаго вниманія; но когда необходимость ея признается земствами, во многомъ другомъ стоящими за существующіе порядки, то безусловное отрицаніе ея становится крайне труднымъ. Отдѣльныя собранія могутъ ошибаться, отставать, уклоняться въ сторону отъ прямой дороги; но то единодушіе, съ которымъ земскія учрежденія высказались въ 1871 г. за податную реформу, въ 1880 г.—за новое устройство школьнаго дѣла, служитъ въ нашихъ глазахъ залогомъ жизненности земства, ручательствомъ широкаго и правильнаго развитія земской дѣятельности.

IV.

Въ самые послѣдніе дни истекшаго года уличные безпорядки въ Варшавѣ явились какъ бы эпилогомъ къ такимъ же безпорядкамъ у насъ на югѣ, вызваннымъ тѣмъ же самымъ „антисемитскимъ" движеніемъ. Въ Варшавѣ, нападеніе черни на евреевъ подало поводъ образованнымъ классамъ, вслѣдъ за укрощеніемъ толпы, устроить комитетъ вспомоществованія пострадавшимъ во время уличныхъ грабежей; этотъ комитетъ составилъ подробный отчетъ о провѣренныхъ имъ потеряхъ и убыткахъ, причиненныхъ жестокою катастрофою. Цифры,

добытыя такимъ путемъ, представляютъ много любопытнаго для характеристики самого движенія, которое на первый взглядъ является чѣмъ-то стихійнымъ, безсознательнымъ результатомъ такъ-называемаго „табуннаго" чувства.

Комитетъ, собравъ всѣ данныя сполна, раздѣлилъ пострадавшихъ на 84 класса, по названіямъ и роду промысловъ и занятій; въ каждомъ классѣ пострадавшіе подраздѣлены еще на 4 разряда, по степени обнищанія, въ которое они повергнуты постигшимъ ихъ погромомъ. Общее число пострадавшихъ семействъ или хозяйствъ 2011; такъ какъ на семейство полагается обыкновенно 5 человѣкъ, то число пострадавшихъ превышаетъ 10,000 человѣкъ (одинъ человѣкъ на 35 жителей, такъ-какъ народонаселеніе Варшавы простирается до 350,000). Не всѣ пострадавшіе—евреи; изъ общаго числа 2011 слѣдуетъ выдѣлить 83 домовладѣльцевъ христіанъ, потерявшихъ въ совокупности 6,208 р. Всѣхъ убытковъ заявлено пострадавшими свыше милліона; комитетъ при повѣркѣ призналъ доказанной потерей только 767,339 руб. Если изъ этой общей суммы вычесть потери домовладѣльцевъ христіанъ (6,208 р.) и изъ общаго числа пострадавшихъ вычесть этихъ домовладѣльцевъ христіанъ, то получимъ 1928 еврейскихъ семействъ, потерявшихъ въ постигшемъ ихъ бѣдствіи 761,131 р., или около 400 рублей на семейство. Малозначительность послѣдней цифры, изображающей среднюю потерю на каждое семейство, указываетъ на то, что разрушенію и разграбленію подверглись не богачи, а бѣдные, пролетаріатъ, люди едва имѣющіе пристанище и голодающіе, какъ только бѣднякъ-еврей можетъ голодать. Разграбленію не подверглись ни одинъ богатый домъ, ни одна торговая контора, разбиты только 3 молитвенные дома, и убытокъ всего на 600 р., и пострадали 103 еврея домовладѣльца на 91,361 р.; главныя потери пришлись на долю совсѣмъ необезпеченныхъ бѣдняковъ, что всего явственнѣе при распредѣленіи общаго числа пострадавшихъ по степенямъ обнищанія. Комитетъ отнесъ къ 1-му разряду тѣхъ, которые потеряли при катастрофѣ безусловно все: жилье, пожитки, орудія труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность добывать хлѣбъ трудомъ; изъ 2011 пострадавшихъ семействъ на этотъ разрядъ приходится 948 семействъ, то-есть, 47%. Ко 2-му разряду причислены семейства, которыя лишились своихъ пожитковъ или орудій труда, но не всѣхъ,—у нихъ кое-что осталось, но они принуждены выдерживать самую жестокую борьбу съ первѣйшими потребностями жизни. Въ 3-й разрядъ помѣщены семьи, которыя хотя и не доведены до полнѣйшей нищеты, но понизились значительно въ своемъ благосостояніи и низошли на степень лицъ необезпеченныхъ. Наконецъ, въ 4-й разрядъ помѣщены либо люди достаточные, либо такіе, которымъ

комитетъ не счелъ себя въ правѣ оказать какое-либо вспомоществованіе (занятія темныя, проститутки и т. под.). По этимъ четыремъ категоріямъ пострадавшіе (2011) распредѣляются такимъ образомъ:

1 разрядъ—47%, сумма котораго равна 33% общей цифры доказанныхъ убытковъ (767,339); потеря на каждую семью среднимъ числомъ—26 руб.

2 разрядъ—23½%; его потери равны 19% общихъ потерь; среднимъ числомъ по 309 руб. на семью.

3 разрядъ—15%; его потери равны 22% общихъ потерь, по 556 руб. на семью.

4 разрядъ—14½%; его потери равны 26% общихъ потерь, по 690 руб. на семью.

Для объясненія того, что почти половина всѣхъ пострадавшихъ (47%) были люди до такой степени неимущіе, что среднимъ числомъ все состояніе семьи простиралось цѣною до 26 руб., но не смотря на свою бѣдность подвергшіеся хищенію, вопреки пословицѣ, что голый разбоя не боится,—необходимо принять въ соображеніе особенный характеръ движенія. Оно вовсе не коснулось ни главныхъ красивыхъ улицъ Варшавы, ни сплошь евреями заселенныхъ околотковъ, но свирѣпствовало въ мѣстностяхъ внизъ по Вислѣ и въ отдаленныхъ кварталахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Главными дѣятелями были, кромѣ немногихъ предводителей загадочнаго характера, которые распоряжались дѣйствіями толпы, либо уличные мальчишки, которыми столь богата Варшава, народъ весьма неугомонный и дерзкій, либо взрослые люди, принадлежащіе къ подонкамъ общества, которыхъ оно почти никогда не видитъ во очію и которые вдругъ выступили изъ своихъ трущобъ. Мы по наслышкѣ знаемъ, напримѣръ, о Петербургскихъ трущобахъ; представимъ себѣ, что цѣлыя улицы съ домами, похожими на домъ князя Вяземскаго, выпустили вдругъ своихъ жильцовъ на улицу. По свидѣтельству лицъ, наблюдавшихъ травлю евреевъ въ первые два дня на Рождествѣ, движеніе варшавское имѣло именно этотъ характеръ.

Группировка пострадавшихъ, сводя всѣ 84 класса отчета въ немногія группы, приводитъ къ слѣдующимъ весьма интереснымъ результатамъ:

1) Наиболѣе пострадали семейства, промышляющія съѣстными припасами (мелочные торговцы, лоточники, мясники, булочники, трактирщики, рыбопромышленники, продавцы овощей, молока и т. п.). На нихъ приходится 25,8% пострадавшихъ семействъ.

2) Затѣмъ слѣдуютъ мелкіе ремесленники, занимающіеся рукодѣльнымъ трудомъ—22,5%.

3) Люди, работающіе по личному найму—16,5%.

3) Прочіе, кромѣ исчисленныхъ въ 1 п., торговцы—14,5%.

5) Кабатчики—12,5%.

6) Домовладѣльцы—6%.

7) Сомнительныя занятія—2,2%.

Разоренію, такимъ образомъ, подверглись два класса трудящіеся и всего менѣе возбуждающіе зависть: ремесленники и продавцы съѣстныхъ припасовъ. Это обстоятельство подвергаетъ большому сомнѣнію предположеніе о томъ, что анти-еврейское народное движеніе вызвано было главнымъ образомъ экономическими причинами, противодѣйствіемъ лихвѣ и эксплуатаціи. Экономическія причины понятнѣе были бы въ селеніяхъ и объясняли бы движеніе со стороны крестьянъ, но онѣ едвали мыслимы въ городахъ. На мѣстѣ въ Варшавѣ не было замѣтно, чтобы еврейское народонаселеніе за послѣднее время усилилось вслѣдствіе того, что послѣ побіенія евреевъ въ Одессѣ и Кіевѣ, могли еврейскія семейства въ западной полосѣ имперіи предпочитать селиться въ Варшавѣ, оставляя западный край для большей личной и имущественной безопасности. По мнѣнію варшавскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ производство на фабрикахъ, хотя и не идетъ теперь особенно бойко, но не пріостанавливается и не испытываетъ никакого кризиса. Притомъ фабричные и заводскіе рабочіе въ безпорядкахъ вовсе почти не участвовали.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

Берлинъ, 20 января, 1882.

Состояніе умовъ въ Германіи.

Страннымъ,—для большинства, вѣроятно, совершенно неожиданнымъ—образомъ закончился въ Германіи роковой 1881-й годъ. Вотъ какъ характеризуетъ положеніе органъ кн. Бисмарка, „Сѣверогерманская Всеобщая Газета". Она, правда, говоритъ только о кратковременной, трехнедѣльной сессіи парламента, но ея слова вполнѣ примѣнимы ко всему положенію, да она видимо и сама понимаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ. „Вліяніе того факта,—говорится въ газетѣ,—что рейхстагъ не стоитъ на высотѣ своей задачи, что его пренія, и по содержанію, и по формѣ, представляютъ, сравнительно съ его предшественниками, шагъ назадъ въ средѣ представительства германской имперіи, — вліяніе этого факта сильнѣе и раньше чувствуется за границей, чѣмъ внутри самой Германіи. За границей придаютъ народному представительству больше значенія, чѣмъ у насъ; справедливо, или нѣтъ, это покажетъ будущее. Несомнѣнно, однако же, что уже исходъ выборовъ произвелъ за границей впечатлѣніе слабости и болѣзненнаго состоянія германской имперіи. Наши противники встрѣтили его съ злораднымъ удовольствіемъ, а въ средѣ друзей европейскаго мира уменьшилось довѣріе, которое они питали къ германскому могуществу, какъ вѣрнѣйшему оплоту мира. Это впечатлѣніе, произведенное выборами, еще усилилось какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, при видѣ разрозненности партій во всѣхъ положительныхъ вопросахъ, и—единенія ихъ только въ оппозиціи противъ имперскаго правительства. Нѣтъ надобности обращаться къ дипломатическимъ сферамъ, чтобы убѣдиться, что въ Парижѣ и въ Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ, начинаетъ колебаться довѣріе къ прочности новой имперіи, вѣра въ возможность для нѣмецкой націи остаться единой хотя бы въ теченіе жизни одного поколѣнія. Но вмѣстѣ съ этой вѣрой исчезаетъ и престижъ, которымъ десятилѣтняя исторія окружила имперію, а вмѣстѣ съ престижемъ исчезаетъ и почтеніе къ ней, накладывавшее узду на враговъ ея, и безопасность, которую друзья ея думали найти, опираясь на крѣпкій, мощный организмъ".

Мы будемъ имѣть случай вернуться впослѣдствіи къ увѣренію газеты, будто нынѣшній рейхстагъ „представляетъ, сравнительно съ своими предшественниками, шагъ назадъ", и посмотрѣть, дѣй-

ствительно ли это такъ; не показываетъ ли, напротивъ, хорошая дѣятельность рейхстага шагъ впередъ, сдѣланный принципомъ народнаго представительства въ Германіи. Но что касается до впечатлѣнія, произведеннаго событіями послѣднихъ мѣсяцевъ за границей, то нельзя не отдать справедливости „Сѣв. Газетѣ“: она изображаетъ его вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, прежнее представленіе о Германіи, какъ о какомъ-то сказочномъ богатырѣ, который, того и смотри, заполонитъ весь міръ, видимо поблѣднѣло. Нельзя сказать, чтобы теперь уже составилось представленіе прямо противуположнаго свойства, чтобы кто-нибудь считалъ уже Германію разслабленной и готовой развалиться отъ перваго толчка. Если подобная мысль или, вѣрнѣе, надежда и мелькаетъ у кого-нибудь, то ее еще никто не рѣшился высказать вслухъ, кромѣ самой почтенной берлинской газеты, которой принадлежитъ и честь почина въ этомъ случаѣ. Въ сущности, въ массѣ высказываемыхъ о внутреннихъ дѣлахъ Германіи мнѣніяхъ — ими теперь такъ много занимаются вездѣ — ясно покуда одно: престижъ, „которымъ 10-лѣтняя исторія окружила новую имперію“, пошатнулся и пошатнулся весьма сильно, но дальше ничего нельзя разобрать. Вездѣ проявляется какая-то удивительная путаница мнѣній самыхъ противорѣчивыхъ. Одни и тѣ же органы, одни и тѣ же лица то рѣзко осуждаютъ насильственный образъ дѣйствій кн. Бисмарка, то превозносятъ его до небесъ за какіе-то будто бы новые принципы, которые онъ вводитъ въ политику,—новые, необыкновенно раціональные и благодѣтельные пути, которые онъ указываетъ государственной дѣятельности; то одобряютъ оппозицію, то опять накидываются на нее, упрекаютъ партіи въ разрозненности, обвиняютъ нѣкоторыя изъ нихъ въ принципіальной анти-государственности, другія—въ неумѣніи и нежеланіи понять высокое превосходство началъ, проводимыхъ правительствомъ. Словомъ, можно подумать, что, примирившаяся съ мыслью о непоколебимой мощи какъ бы волшебствомъ возникшаго среди нея сказочнаго богатыря, Европа вдругъ увидала за его плечами еще неясную, неоформившуюся, но уже страшную фигуру какого-то таинственнаго призрака, который сразу затмилъ блескъ богатыря и навелъ на всѣхъ нѣчто въ родѣ ужаса. Та же самая сбивчивость мнѣній, осложненная паническимъ страхомъ, замѣчается и внутри самой Германіи, среди консервативныхъ и такъназываемыхъ умѣренныхъ либеральныхъ элементовъ. Разверните любую нѣмецкую газету, вы въ каждой подмѣтите это смѣшанное чувство если не прямо высказаннымъ, то ясно проглядывающимъ между строкъ. Въ устныхъ бесѣдахъ все это выражается, разумѣется, гораздо опредѣленнѣе и откровеннѣе. Даже говоря о внѣшней политикѣ своей, помянутые нѣмцы взбираются ужъ не на такія высо-

чайшія ходули, какъ дѣлали это еще недавно, а когда взоръ ихъ обращается къ внутреннимъ дѣламъ, они не видятъ впереди ничего, кромѣ ужасовъ, бѣдствій и вѣроятной гибели. „Мы стоимъ наканунѣ катастрофы. Еще покуда живъ Бисмаркъ, все можетъ кое-какъ идти, но въ тотъ день, какъ онъ умретъ, у насъ вспыхнетъ революція!“ Это—фраза, которую вы здѣсь услышите почти отъ каждаго, т.-е. изъ консерваторовъ и умѣренныхъ все-таки. Но кто проявляетъ превосходящую все прочее сумятицу, такъ это правительство, правильнѣе—кн. Бисмаркъ, такъ какъ здѣсь все дѣлается по его мановенію. Каждое его дѣйствіе, почти каждое его слово показываетъ полнѣйшую неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, крайнюю степень раздраженія на эту неувѣренность и лихорадочную поспѣшность не-скорѣе, поскорѣе сдѣлать все, чтó еще можно, чтобы связать руки грядущему будущему. И это, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, не разбирая никакихъ средствъ. Невозможно назвать политикой то, чтó дѣлается здѣсь теперь. Это азартная игра, въ которой разгорячившійся игрокъ понтируетъ какъ попало, безпрестанно мѣняетъ ставки и, наконецъ, объявляетъ va banque! ставя все свое состояніе на одну карту.

Уже во время выборной агитаціи начались попытки вовлечь корону и личность маститаго монарха въ игру партій. Съ усердіемъ и настойчивостью, по-истинѣ заслуживающими лучшаго примѣненія, оффиціозные óрганы печати старались убѣдить избирателей, что, подавая голоса за либеральныхъ кандидатовъ, они тѣмъ самымъ нарушаютъ вѣрность монарху и заявляютъ себя противниками монархическаго принципа. Министерская „Провинціальная Корреспонденція“ и канцлерская „Сѣверогерманская Всеобщая Газета“ чуть не въ каждомъ № напоминали, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому, сказанныя слова императора, что „оппозиція противъ его правительства несовмѣстима съ вѣрностью и преданностью къ его особѣ“, и выворачивали эти слова на всѣ лады, доказывая, что они обязываютъ избирателей придерживаться при выборахъ правила, въ нихъ заключающагося. При этомъ тѣ же óрганы неоднократно принимались „историческимъ путемъ“ доказывать, что принципы парламентаризма и либерализма въ прогрессистскомъ смыслѣ несовмѣстимы съ сущностію прусской монархіи — именно прусской, замѣтьте, не монархіи вообще—и несогласны съ традиціями дома Гогенцоллерновъ. Все это производило въ высшей степени непріятное впечатлѣніе и раздражало общество. Но такъ-какъ говорила одна печать, хотя и оффиціозная, то это раздраженіе относилось исключительно къ тѣмъ, кто, съ вѣдома всѣхъ, внушаетъ оффиціозамъ ихъ недостойныя словоизверженія. Никому не приходило на мысль переносить неудовольствіе

выше, и прогрессисты, напротивъ, при всякомъ удобномъ, а частенько и неудобномъ случаѣ, заявляли свою преданность монархическому принципу и царствующей династіи. Ихъ паролемъ сдѣлалось: „Мы хотимъ быть управляемыми Гогенцоллернами, а не майордомами, какъ бы таковые ни назывались". Къ тому же, не смотря на присутствіе имени императора въ избирательной борьбѣ, послѣдняя все же велась во имя Бисмарка. Онъ выставлялся знаменемъ, за которымъ долженъ слѣдовать нѣмецкій избиратель, великимъ геніемъ и волшебникомъ, которому онъ долженъ, безъ разсужденій и размышленій, ввѣрить свою судьбу. Но послѣ выборовъ, когда это знамя оказалось никого не увлекающимъ, а имя кн. Бисмарка потерявшимъ свой авторитетъ, уже не оффиціозы только, а министры, начиная съ канцлера, стали говорить не отъ своего имени, не отъ имени правительства, а прямо отъ имени императора, волей котораго прикрываютъ теперь каждое свое дѣйствіе.

Всему міру извѣстно, какое огромное вліяніе имѣетъ кн. Бисмаркъ на императора Вильгельма. Оно и понятно. Генію этого человѣка, его изумительной ловкости, смѣлости и рѣшительности, обязанъ престарѣлый монархъ тѣмъ лучезарнымъ блескомъ, которымъ озарилось его царствованіе, тѣмъ величіемъ и славой, до которыхъ достигла скромная Пруссія. Десятилѣтнимъ мальчикомъ, нынѣшній императоръ германскій вмѣстѣ со своими родителями бѣжалъ въ Кёнигсбергъ, спасаясь отъ громившихъ Пруссію французовъ, и тамъ, произведенный въ корнеты на Рождество, получилъ отъ отца, въ видѣ подарка на елку, 5 *талеровъ*,—„потому что, дитя мое, у меня больше нѣтъ, мы теперь бѣдны". Его мать, героическая красавица, королева Луиза, которую онъ обожалъ всю жизнь, принуждена была сама смотрѣть за кухней, тщательно взвѣшивая провизію, потому что средствъ не было; королевской семьѣ приходилось жить въ долгъ, и нельзя было позволить себѣ больше скромныхъ трехъ блюдъ въ день. И послѣ такихъ-то воспоминаній дѣтства, быть приведеннымъ Бисмаркомъ въ самое сердце того самаго врага, который влилъ въ эти воспоминанія столько горечи и обиды, стать предъ лицомъ этого врага, униженнаго и раздавленнаго, въ его собственныхъ владѣніяхъ, занятыхъ прусскими войсками, получить императорскую корону, корону великой, объединенной Германіи... Это такія дѣла, которыя не забываются. Было бы неестественно, еслибы императоръ Вильгельмъ не поддался всецѣло вліянію своего канцлера, не довѣрялъ безусловно его генію, не слѣдовалъ во всемъ его указаніямъ. Въ одной изъ своихъ первыхъ рѣчей въ нынѣшнемъ рейхстагѣ, Бисмаркъ сказалъ, что онъ, въ 1866 и 1870 годахъ, рисковалъ всей своей судьбой, что, потерпи тогда Пруссія пораженіе, весь позоръ и вся тя-

жесть неуспѣха пала бы на него, Бисмарка, и онъ былъ бы навсегда погибшимъ человѣкомъ. Это, положимъ, болѣе звучная, чѣмъ согласная съ исторической истиной, фраза. Въ первомъ случаѣ его рискъ былъ обезпеченъ тайнымъ договоромъ съ Наполеономъ III и враждебностью Россіи къ Австріи; во второмъ—русской арміей, занимавшейся маневрами какъ разъ на австрійской границѣ, причемъ онъ лучше самого Наполеона зналъ слабость и деморализованность тогдашней Франціи. При такихъ условіяхъ довольно нетрудно было „рисковать", зная заранѣе, что успѣхъ несомнѣненъ. Но, такъ какъ на свѣтѣ ничего вполнѣ достовѣрнаго нѣтъ, и могли встрѣтиться какія-нибудь непредвидѣнныя препятствія, то пожалуй можно признать, что до извѣстной степени рискъ дѣйствительно былъ. Пруссія, конечно, не погибла бы, но карьера Бисмарка могла быть прервана въ самомъ началѣ. Естественно, что императоръ столько же изъ благодарности, сколько и изъ безусловнаго довѣрія, счелъ, такъ сказать, своей монаршей и человѣческой обязанностью прикрыть своимъ личнымъ авторитетомъ политику человѣка, который когда-то рисковалъ для него всѣмъ. Съ великодушіемъ, истинно царственнымъ, онъ выступилъ впередъ, самъ заговорилъ къ народу, объявляя все, что дѣлаетъ Бисмаркъ и его подручные товарищи, своимъ личнымъ дѣломъ, своей монаршей волей. Монаршее посланіе, замѣнившее тронную рѣчь, и указъ отъ 4 января—именно этому чувству, какъ мнѣ кажется, обязаны своимъ происхожденіемъ. Со стороны императора Вильгельма, это безспорно поступокъ возвышенный и благородный. Но таковъ ли онъ со стороны кн. Бисмарка?

Здѣсь всѣ увѣрены, что императоръ не самъ вздумалъ, безъ всякой надобности, выставлять передъ народомъ великій авторитетъ короны въ такую минуту, когда этотъ авторитетъ нигдѣ и никѣмъ не подвергался сомнѣнію, и въ такихъ вопросахъ, которые, хотя и волнуютъ глубоко общество, но государственной важности отнюдь не представляютъ. Еще монаршее посланіе до нѣкоторой степени можетъ быть объяснено собственнымъ желаніемъ императора. Соціальныя реформы, имѣющія цѣлью обезпеченіе рабочихъ классовъ, исправленіе вѣковыхъ общественныхъ несправедливостей, это такое великое, славное и святое предпріятіе (предполагая, что оно проводится добросовѣстно, какъ цѣль, а не какъ средство),—что главѣ государства весьма естественно пожелать помочь ему даже цѣною личнаго вмѣшательства. Но чтобы монархъ по собственной иниціативѣ сталъ покрывать министерскія и чиновничьи злоупотребленія подобныя тѣмъ, какія я описывалъ вамъ въ прошломъ письмѣ, взялъ подъ свою высочайшую защиту полицейскій произволъ и беззаконіе, это совершенно невѣроятно. Указъ 4 января объясниимъ только лич-

ной просьбой кн. Бисмарка, на которую любящій его и довѣряющій ему императоръ согласился. И вотъ эти-то любовь и довѣріе, которыми онъ злоупотребилъ, бросаютъ на поступокъ кн. Бисмарка особенно неблагопріятный свѣтъ. Нынче нѣтъ Гарунъ-Аль-Рашидовъ, которые ходили бы переодѣтыми по своему государству и присматривались бы къ тому, какъ живутъ ихъ подданные, прислушивались бы къ ихъ разговорамъ и мнѣніямъ. Придворный этикетъ изолируетъ государей отъ массы подданныхъ, давая доступъ къ нимъ только приближеннымъ лицамъ. Не можетъ государь бывать и въ парламентѣ. Остается читать, узнавать общественное мнѣніе изъ газетъ. Но развѣ есть человѣческая возможность перечитать нѣсколько десятковъ газетъ въ день! У монарха не осталось бы времени ни на какія иныя занятія, если бы онъ вздумалъ самолично прочитывать газеты, чтобы узнавать изъ нихъ настроеніе общества. Очевидно, онъ поставленъ въ необходимость полагаться въ этомъ отношеніи на своихъ министровъ, на тѣ органы, которые составляютъ правительство. И они, министры, не имѣютъ права игнорировать общественное мнѣніе, они обязаны знать настроеніе страны и народа во всякую данную минуту, потому что въ ихъ рукахъ находятся всѣ средства для этого. Къ нимъ посылаются всѣ просьбы частныхъ лицъ или группъ таковыхъ; къ нимъ приходятъ обширныя петиціи, они присутствуютъ въ парламентѣ, слушаютъ и сами ведутъ пренія; они, наконецъ, располагаютъ цѣлымъ сонмомъ субсидируемыхъ газетъ, наблюденіе за которыми одно уже вынуждаетъ необходимость знакомиться и съ органами оппозиціи. Кн. Бисмаркъ, изобрѣтатель „фонда пресмыкающихся“, лучше чѣмъ кто либо на свѣтѣ понимаетъ значеніе и силу печати, и онъ не игнорируетъ ее. У него собрана цѣлая коллекція—или нѣтъ, цѣлый архивъ всякихъ каррикатуръ, гдѣ-либо и когда-либо появившихся на него, и наиболѣе рѣзкихъ статей, противъ него написанныхъ. Кромѣ того, для него ежедневно дѣлаютъ обзоръ печати, причемъ онъ требуетъ подробныхъ извлеченій именно изъ оппозиціонныхъ органовъ, справедливо говоря, что мнѣнія дружественныхъ, и тѣмъ менѣе правительственныхъ, ему не нужны—и безъ того извѣстно, что они говорятъ тоже самое, что и онъ. Не говоря уже о результатѣ выборовъ, одно это условіе, т.-е. обстоятельное знакомство съ печатью, дѣлало невозможнымъ для кн. Бисмарка не знать, какъ глубоко было возмущено общество недостойными выходками оффиціозной печати, и какое негодованіе возбудили во всѣхъ классахъ беззаконія чиновниковъ и полиціи при выборахъ. Это негодованіе отразилось, какъ въ фокусѣ, въ преніяхъ рейхстага по вопросу о правительственномъ вліяніи на выборы. Тамъ поднималась цѣлая буря,

когда Путкаммеръ провозгласилъ, будто чиновники обязаны употреблять свое вліяніе на избирателей, согласно съ видами правительства, будто къ этому обязываетъ ихъ присяга государю, и будто за исполненіе такой обязанности ихъ ждутъ монаршее благоволеніе и административныя милости. Крикъ негодованія раздался со всѣхъ концовъ залы, не изъ однихъ рядовъ оппозиціи. „Какъ можно смѣть (wie kann man wagen) взводить подобныя вещи на монарха!" говорили даже консерваторы въ унисонъ съ радикалами. И въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлиться устанавливать солидарность главы государства съ какими-нибудь ландратами (нѣчто въ родѣ нашихъ исправниковъ), полицейскими лейтенантами и т. п.! Можетъ ли онъ становиться отвѣтственнымъ за дѣйствія всѣхъ этихъ господъ! Даже въ Турціи, гдѣ искони вѣковъ царствовалъ и царствуетъ безграничный произволъ, даже и тамъ собственный здравый смыслъ и внутреннее чувство справедливости народа заставляютъ его выдѣлять личность государя изъ окружающихъ его безправія и беззаконія. Мусульмане и христіане одинаково говорятъ: „Да чтожъ султанъ? Султанъ не виноватъ, онъ не можетъ знать всего; это вотъ наши да министры все рѣшаютъ; они и насъ грабятъ и угнетаютъ, и султана обманываютъ". Какъ же то, чего народное сознаніе не допускаетъ въ Турціи, возводить въ принципъ въ благоустроенномъ конституціонномъ государствѣ?

Князь Бисмаркъ съ своимъ почтеннымъ зятемъ (княгиня Бисмаркъ—родная сестра министра Путкаммера) вызвали однако, и не только вызвали, но убѣдили императора именнымъ указомъ подтвердить ихъ странное, противорѣчащее самымъ элементарнымъ основаніямъ избирательнаго начала толкованіе обязанностей гражданскихъ чиновниковъ.

Дѣйствіе указа на общество было громадно. О немъ нельзя судить по газетамъ. Тѣ, по причинамъ весьма понятнымъ (изъ категоріи „независящихъ"), говорятъ не столько *объ* указѣ, сколько *по поводу* его о разныхъ другихъ вопросахъ. Но въ обществѣ—и притомъ во всѣхъ классахъ, безъ исключенія—этотъ актъ произвелъ впечатлѣніе необыкновенно сильное и глубокое. Такое впечатлѣніе должно производить на небольшую армію, борющуюся съ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ въ ожиданіи помощи, извѣстіе, что все кончено, помощь, на которую она разсчитывала, придти не можетъ, остается надѣяться только на себя. Оффиціозные корреспонденты иностранныхъ органовъ извѣщали своихъ читателей, будто рождественскіе праздники были нынѣшній годъ особенно оживлены, будто никогда Берлинъ такъ не веселился, никогда столько не закупалъ разныхъ праздничныхъ бездѣлушекъ, никогда не рвался такъ въ

театры, маскарады и т. п. Это не правда, какъ и все, что повѣствуютъ оффиціозы. Берлинъ дѣйствительно былъ оживленъ, но это было оживленіе политическаго волненія, а не праздничнаго веселья. Отъ убогихъ харчевенъ и пивныхъ, гдѣ собираются по праздникамъ самые бѣдные рабочіе-поденщики, до великосвѣтскихъ салоновъ включительно, только и было рѣчи, что о политическихъ событіяхъ дня: о Путкаммерѣ съ его новой теоріей чиновничьихъ обязанностей; объ Эйленбурговой инструкціи чиновникамъ, изданной въ самый разгаръ конфликта и нынѣ выкопанной изъ архивовъ, какъ нѣчто имѣющее силу закона; о томъ, что за все это Путкаммеръ удостоенъ высшей награды, звѣзды ордена дома Гогенцоллерновъ; о новомъ продленіи осаднаго положенія; о томъ, что блестящая рѣчь Рихтера напечатана и распространяется по всей имперіи, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ рейхстага на монаршее посланіе". Послѣднее обстоятельство, т.-е. распространеніе рѣчи Рихтера, многими порицалось. Его находили черезъ-чуръ дерзкимъ, говорили, что надо дѣйствовать помягче, болѣе примирительно. Но относительно Путкаммера мнѣніе всѣхъ классовъ и кружковъ было вполнѣ единодушно: всѣ безусловно порицали его. Въ высоко консервативныхъ гостиныхъ, обитатели и посѣтители которыхъ насквозь проникнуты несомнѣнной преданностію правительству, громко говорили, что путь, на который вступили канцлеръ и министры, ложенъ и опасенъ, что не должно вызывать самимъ тѣнь конфликта и давать лишнее оружіе въ руки оппозиціи, что отрицаніемъ нравственной самостоятельности чиновниковъ и свободы ихъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи министерство можетъ добиться только двухъ вещей: усиленія оппозиціоннаго теченія и окончательнаго крушенія консервативной партіи. Даже такіе столпы реакціи, какъ Штекеръ и его сторонники, защищая правительство, все же, однако, какъ бы мимоходомъ, роняли замѣчаніе, что „конечно, министерскія инструкціи, строго говоря, не могутъ быть разсматриваемы, какъ законы". Что касается до кружковъ либеральной буржуазіи и до рабочихъ, то тамъ все кипѣло, мнѣнія выражались шумно и рѣзко. Печать, это вѣрнѣйшее зеркало общественнаго настроенія вездѣ, гдѣ она свободна, отражала состояніе общества какъ нельзя лучше. Обычной праздничной болтовни въ ней не было и помину, всѣ статьи посвящались политическимъ вопросамъ, даже фельетонные романы и тѣ пріобрѣли политическую окраску. Кромѣ завѣдомыхъ „пресмыкающихся", существующихъ на средства фонда того же названія, всѣ консервативные органы, безъ исключенія, неодобрительно отзывались о дѣйствіяхъ министерства въ „чиновничьемъ вопросѣ". Либеральная печать всѣхъ оттѣнковъ громко говорила, что принципы, уста-

навязываемые Путкаммеромъ, представляютъ нѣчто „неслыханное и невиданное“ въ Пруссіи, выискивала разные факты изъ древней исторіи и изреченія прежнихъ королей, доказывающіе, какъ искони вѣковъ уважалась въ Пруссіи свобода мнѣній и политическая самостоятельность чиновничества. Органы центра съ нескрываемымъ злорадствомъ въ униссонъ напоминали либераламъ, какъ они, во времена своего господства, употребляли противъ католиковъ всѣ пружины административной машины, и приглашали ихъ полюбоваться теперь, въ примѣненіи къ нимъ самимъ, на превосходства этой обоюдуострой системы. „Что посѣешь, то и пожнешь“, печатали въ одинъ голосъ три главные органы центра. „Вамъ (либераламъ) не нравится толкованіе г. министра. Признаемся, и намъ тоже. Но суть вѣдь не въ толкованіи, а въ фактѣ. Вы прежде мирились съ фактами, вамъ ничего не остается, какъ примириться и съ толкованіемъ. Это, мы можемъ протестовать, вы—нѣтъ“. За то органы „народной“ партіи вдругъ очутились на сторонѣ правительства. Единогласно, подобно органамъ центра, они объявили, что Путкаммеръ вполнѣ и совершенно правъ. Ничего не можетъ быть вѣрнѣе и согласнѣе съ исторической истиной, какъ то, что онъ заявилъ въ рейхстагѣ и продолжаетъ заявлять въ правительственныхъ газетахъ. Его заявленія и Эйленбургова инструкція [1]) представляютъ лишь двѣ стороны одной и той же медали. Гр. Эйленбургъ грозилъ чиновникамъ карами за ослушаніе, Путкаммеръ манитъ ихъ обѣщаніями наградъ. Это въ порядкѣ вещей: гдѣ барскій гнѣвъ, тамъ и барская милость. Но главное, исторически это вполнѣ вѣрно. Въ Пруссіи конституція существовала всегда лишь въ воображеніи либераловъ. На дѣлѣ Пруссія была и есть неограниченная монархія. Слѣдовательно, и конституціонныхъ порядковъ въ ней быть не можетъ. Въ неограниченной монархіи гражданская армія чиновниковъ служитъ такимъ же политическимъ орудіемъ въ рукахъ власти, какъ и армія военная. Обѣ приносятъ присягу не конституціи, а монарху, и обѣ, поэтому, должны исполнять волю монарха. Прикажутъ имъ быть либеральными, они должны быть либеральными. Потребуютъ реакціи, они обязаны безъ разговоровъ удариться въ реакцію. Это ясно, какъ день, и справедливо, какъ сама Θемида. Прусскіе либералы очень хорошо поняли, куда клонятъ такія рѣчи. Ихъ органы съ жаромъ напали на народниковъ. „Фоссова Газета“ съ пѣной у рта поставила вопросъ: кто такой „мы“, отъ имени которыхъ говорятъ „Франфурт-

[1]) Изданная гр. Эйленбургомъ I въ 1862 г., во время конфликта. Въ ней министръ внутреннихъ дѣлъ вмѣняетъ въ обязанность чиновникамъ, подъ страхомъ отставки и всяческихъ административныхъ каръ, вести среди избирателей политическую агитацію согласно съ видами правительства.

ская Газета", „Наблюдатель", „Южно-германская печать", „Штутгартскій Журналъ", „Народная Газета" и пр. органы народниковъ? —„Мы", отъ имени которыхъ мы говоримъ, отвѣчала за всѣхъ „Франкфуртская газета" (главный органъ народной партіи и вождь всей вообще оппозиціи, прежде только на югѣ, а теперь во всей имперіи), это—демократическая нѣмецкая партія, партія людей, стоящихъ на почвѣ народныхъ принциповъ 1848 года. Наши имена очень хорошо извѣстны редакціи „Фоссовой Газеты". Если нѣтъ, мы готовы сообщить ихъ. А намъ интересно бы знать, отъ чьего имени говоритъ и какіе принципы проводитъ сама „Фоссова Газета", украшающая свой заголовокъ словами: „Королевско-прусскій привилегированный органъ". Кого представляютъ ея „мы": буржуазію только, весь нѣмецкій народъ, или королевско-прусское правительство?

Посреди всего этого волненія, столь знаменательнаго въ различныхъ своихъ проявленіяхъ, раздались вдругъ слова императорскаго указа. Появился этотъ указъ въ буквальномъ смыслѣ внезапно—нежданно и негаданно ни для кого. Ни одинъ министръ, кромѣ кн. Бисмарка и Путкаммера, не подозрѣвалъ, что готовится нѣчто подобное. Эти два родственника и друга все смастерили (точно также, какъ съ замѣной тронной рѣчи монаршимъ посланіемъ), подписанный уже указъ продержали въ тайнѣ до 6 числа, вечеромъ этого дня отдали его въ печать, и 7-го онъ, къ общему изумленію, появился въ оффиціальной газетѣ. Дѣйствіе было истинно поразительное. Философъ, историкъ и психологъ могли бы извлечь много поученія для себя изъ наблюденій за нѣмецкимъ обществомъ въ дни, послѣдовавшіе за 7 января. Всякое волненіе моментально стихло. Его мѣсто заняло сдержанное, холодное спокойствіе. Ни криковъ, ни возгласовъ не было слышно и теперь не слыхать. Но... это спокойствіе таково, что отъ него какъ-то холодно на сердцѣ становится. Судя по рѣчамъ лицъ, изъ „близко стоящихъ" и „компетентныхъ", мнѣ кажется, что и въ высокихъ сферахъ предпочли бы, пожалуй, видѣть побольше горячности, побольше проявляющагося во внѣ раздраженія, и поменьше этой твердой, безповоротной рѣшимости, которою дышетъ теперь все общество и каждый отдѣльный человѣкъ въ немъ. „Надѣемся, конституціонныя иллюзіи пройдутъ наконецъ", снисходительной ласковостью, точно обращаясь къ больнымъ или къ расшалившимся и наказаннымъ дѣтямъ, замѣтили вышеназванные органы народниковъ, ничего больше не прибавляя, никакихъ комментаріевъ. Ихъ надежда основательна. Конституціонныя иллюзіи прошли. Что ихъ поддерживало раньше, это одному Богу извѣстно. Вѣроятно, надежда, „кроткая посланница небесъ", которая хоть и „жжется, какъ крапива, и колется, какъ ежъ", но тѣмъ не менѣе не переставала

всюду „юношей питать, отраду старцамъ подавать". Изъ Пруссіи эта посланница улетѣла теперь. Старцы и юноши перестали надѣяться и начали готовиться. Къ чему? Къ—*самодѣятельности*. „Народъ самъ себѣ поможетъ", говоритъ одинъ мой знакомый изъ рабочихъ, разсуждая послѣ выборовъ о томъ, будетъ или не будетъ сдѣлано что-нибудь для рабочаго класса въ предстоящую законодательную сессію. Нельзя не видѣть, что теперь всѣ сословія дошли до этой мысли—„помочь самимъ себѣ". Поговорите съ любымъ рабочимъ, все равно самостоятельный ли это ремесленникъ, имѣющій въ сберегательной кассѣ копѣйку на черный день, или нищій-поденщикъ, едва перебивающійся со дня на день. Васъ поразитъ выраженіе глубочайшаго неизмѣннаго убѣжденія, съ которымъ каждый изъ нихъ говоритъ: „Ist nichts zu machen, s'kommt dazu, unvermeidlich". Съ той же безапелляціонной увѣренностью и съ тѣмъ же спокойствіемъ говорятъ и люди средняго сословія, отъ купцовъ, торгующихъ въ лавкахъ, до профессоровъ университета включительно. У всѣхъ одна мысль и однѣ рѣчи: „Нечего дѣлать, иного выхода нѣтъ". На дняхъ одинъ старикъ профессоръ въ слѣдующей метафорической формѣ объяснялъ мнѣ положеніе: „Вотъ видите ли, когда разъ взошло солнце, нельзя насильственно устроить ночь. Сколько ни завѣшивай окно, какъ ни запирай ихъ ставнями, на дворѣ все-таки будетъ яркій день. Можно, конечно, загнать людей въ погребъ, и тамъ они не въ состояніи будутъ отличить дня отъ ночи. Но мы въ погребъ себя загнать не желаемъ позволить. Не для того мы въ потѣ лица строили великолѣпныя палаты, чтобы жить подъ ними въ погребѣ. *Стыдъ передъ людьми* не позволитъ, не говоря ужъ о собственной любви нашей къ теплу и солнцу".

Я нарочно привелъ эти слова, потому что въ нихъ отмѣчено весьма важное обстоятельство, составляющее самую выдающуюся черту нынѣшняго общественнаго настроенія именно въ Пруссіи. Эта черта выражается тѣми словами, которыя я подчеркнулъ: „стыдъ передъ людьми". Недовольство царствуетъ вездѣ. Безъ преувеличенія вся Германія находится въ состояніи кипѣнія. Нѣтъ уголка въ ней, гдѣ не происходила бы своя частная борьба (мы увидимъ ниже, какая и въ какомъ направленіи). Но вездѣ общественные элементы борются другъ съ другомъ, пожалуй ненавидятъ, но не презираютъ другъ друга, и въ особенности не стыдятся самихъ себя. Въ Пруссіи именно чувство стыда преобладаетъ надъ всѣми остальными, и оно-то сообщаетъ людямъ ту рѣшительность, о которой я упоминалъ выше. Пруссаки народъ, по природному характеру своему, властолюбивый, исключительный и деспотическій. Это сухопутные норманны нашего времени. Но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ обра-

зованный и развитый. Они понимаютъ всю низменность роли, которую ихъ заставляютъ играть въ Германіи и передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра, и стыдятся этой роли. Это чувство жгучаго стыда, стыда цѣлаго народа, краснѣющаго за свое положеніе, такъ рѣзко бросается здѣсь въ глаза, что иностранцу невозможно воздержаться отъ жалости. Даже французы, живущіе здѣсь, и тѣ говорятъ часто: „Savez-vous, on ne peut prèsque pas leur garder rancune, ils sont vraiment trop à plaindre“.

На дняхъ мнѣ случилось быть въ рейхстагѣ, гдѣ разсматривалось предложеніе одного товарища прокурора, спрашивавшаго разрѣшенія парламента на преслѣдованіе судомъ одного летучаго соціалистскаго листка за оскорбленіе представительнаго собранія. Вы читаете здѣшнія газеты, слѣдовательно знаете, что цѣлый сонмъ субсидируемыхъ органовъ почти ничѣмъ инымъ не занимается, какъ только осыпаетъ грубыми оскорбленіями каждаго выдающагося оппозиціоннаго депутата поименно и самыми беззастѣнчивыми насмѣшками не только здѣшній парламентъ, но и вообще принципъ представительства. И при этомъ-то условіи преслѣдовать судомъ и подвергать наказанію за оскорбленіе парламента какой-то никому не вѣдомый, Богъ знаетъ кѣмъ написанный листокъ! Согласитесь, что это немножко слишкомъ. Депутаты всѣ вообще рѣшили отказать въ требуемомъ разрѣшеніи. Рихтеръ въ рѣчи, полной негодованія и презрѣнія, просилъ „избавить рейхстагъ отъ подобныхъ предложеній и, указавъ, какъ пристрастно дѣйствуетъ прокуратура и какъ давно уже она стала безгласнымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ правительства, воскликнулъ: „Мы, по крайней мѣрѣ, избранные представители народа, не хотимъ становиться такими же орудіями. Мы не хотимъ произвола“... Вслѣдъ за Рихтеромъ, поднялся министръ Бётихеръ: „Господа“, началъ онъ, „правительство тоже не хочетъ произвола“...—Ха, ха, ха,—раздалось по всей залѣ. Смѣялись люди всѣхъ партій: радикалы, либералы, консерваторы, даже члены союзнаго совѣта не могли удержаться отъ улыбки. „Да, господа“, продолжалъ сконфуженный министръ, „не хочетъ. Мы живемъ въ правовомъ государствѣ...“ — Ха, ха, ха! еще громче, еще неудержимѣе раздалось ему въ отвѣтъ. „Боевые церковные законы“, „исключительные законы противъ соціалистовъ“, „законы, воспрещающіе употребленіе польскаго языка въ польскихъ провинціяхъ“, „диктатура въ Эльзасѣ-Лотарингіи“, „законъ о безконтрольныхъ расходахъ“, „семилѣтнія военныя полномочія“, „канцлерскіе параграфы“,—дождемъ сыпались восклицанія среди общаго смѣха. И сколько было въ этомъ смѣхѣ горечи, и глубокой, затаенной, но рвущейся наружу злобы въ этихъ восклицаніяхъ. Не могу вамъ выразить, какъ тяжело ста-

новилось на душѣ при видѣ этихъ сотенъ человѣкъ, образованныхъ. частью ученыхъ, въ огромномъ большинствѣ богатыхъ, которые смѣялись тутъ сами надъ собой, надъ своимъ положеніемъ, надъ своей ролью. И тутъ не нужно было спрашивать, который депутатъ откуда. По выраженію лицъ, по манерѣ смѣяться можно было отличить чистыхъ нѣмцевъ отъ наполовину лишь нѣмецкихъ пруссаковъ. Центръ, съ примыкающими къ нему поляками, эльзасцами, ганноверцами и датчанами, и южане-народники хохотали откровенно, весело, насмѣшливо. Пруссаки либералы—горько и злобно. „Стыдъ передъ людьми" явственно слышался въ ихъ смѣхѣ. Я взглянулъ въ сторону консерваторовъ. Истые столпы реакціи, въ родѣ Клейстъ-Рецова и его ближайшихъ товарищей, цинически вызывающимъ образомъ смотрѣли прямо въ глаза смѣющимся, слишкомъ цинически и слишкомъ вызывающе для того, чтобъ быть вполнѣ искренними. Такъ не смотрятъ люди, сознающіе свое право. Остальные либо отвернулись, либо уткнулись въ свои пюпитры, кто читаетъ, кто пишетъ, но всѣ стараются не встрѣчаться ни съ кѣмъ глазами. Нѣтъ, подумалось мнѣ, и на этихъ плоха надежда: „стыдъ передъ людьми" пройметъ и ихъ. Да ужъ и пронялъ, впрочемъ. Независимые консервативные органы, въ родѣ „Консервативной корреспонденціи", „Всеобщаго консервативнаго журнала" (ежемѣсячный) „Всеобщей евангелическо-лютеранской газеты" и пр., даже „Прусскій ежегодникъ" Трейчке, одинъ за другимъ заявляютъ, повторяя по многу разъ, въ длинныхъ статьяхъ, что консервативная партія тогда только пріобрѣтетъ снова вліяніе и значеніе, когда она сниметъ съ себя, въ глазахъ народа, подозрѣніе, нынѣ вездѣ распространенное и, къ сожалѣнію, оправдываемое ихъ поведеніемъ, что консерваторы не болѣе какъ безгласные слуги правительства, покорные рабы канцлера, волю котораго безпрекословно исполняютъ. И это говоритъ не одна лишь печать. Въ кратковременную сессію рейхстага тоже теченіе выдѣлилось и среди депутатовъ. Что касается до общества, то оно въ консервативныхъ кружкахъ, повторяю, не менѣе, чѣмъ въ либеральныхъ исполнено недовольства и стыда.

Лабулэ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что „нѣтъ ничего опаснѣе, какъ народъ, недовольный своими законами и чувствующій себя униженнымъ ими, стыдящійся правительственнаго режима, подъ которымъ онъ вынужденъ жить". Не знаю, извѣстно ли это справедливое замѣчаніе князю Бисмарку, но онъ видимо не принимаетъ вовсе въ разсчетъ чувствъ своего народа и точно нарочно унижаетъ и оскорбляетъ всѣхъ и все вокругъ себя.

Торговыя камеры доставляютъ ежегодно въ министерство отчеты о состояніи промышленности и торговли въ ихъ округѣ. Нѣкоторые

изъ этихъ отчетовъ противорѣчатъ экономическимъ фантазіямъ князя Бисмарка. Ему хочется, чтобы весь свѣтъ (въ особенности нѣмецкій) вѣрилъ, будто экономическое состояніе Германіи необыкновенно улучшилось за послѣдніе два года, т.-е. со времени увеличенія таможенныхъ пошлинъ, фабричная и вообще промышленная дѣятельность оживилась, рабочая плата поднялась, и все достигло или на пути къ достиженію самаго цвѣтущаго состоянія. Между тѣмъ, по отчетамъ большей части торговыхъ камеръ выходитъ совсѣмъ не то. Грюнбергъ жалуется на застой въ промышленности, происходящій отъ вздорожанія сырыхъ матеріаловъ; Данцигъ извѣщаетъ о полномъ почти упадкѣ своей торговли, вслѣдствіе уменьшенія круга его сношеній съ Россіей и т. д. Что дѣлаетъ князь Бисмаркъ? Онъ, въ качествѣ министра торговли, пишетъ строжайшій выговоръ торговымъ камерамъ, въ которомъ обвиняетъ ихъ въ *пристрастномъ* изложеніи дѣла, въ несоотвѣтствіи мрачныхъ выводовъ съ свѣтлыми и радостными цифровыми данными (все это бездоказательно), объявляетъ, что не нуждается знать ихъ *мнѣнія*, а желаетъ получать только цифры и больше ничего, наконецъ, „требуетъ (ich fordere Sie auf), чтобы онѣ были осмотрительнѣе и *добросовѣстнѣе* (gewissenhafter) въ исполненіи своихъ обязанностей". Обратите вниманіе, что торговыя камеры—учрежденія не правительственныя, а чисто общественныя, въ которыхъ и предсѣдатель, и члены служатъ по выборамъ и безъ всякаго жалованья, что всѣ эти люди—купцы, негоціанты, фабриканты, заводчики, которыхъ прямой интересъ въ сохраненіи покровительственнаго тарифа, если онъ въ самомъ дѣлѣ способствовалъ улучшенію промышленности или, по крайней мѣрѣ, не вредилъ ей. Не успѣли подвергшіяся опалѣ камеры отвѣтить, какъ ко всѣмъ президентамъ провинцій разосланъ приказъ министра (опять былъ Бисмарка) наблюдать, чтобы торговыя камеры собирались отнынѣ не подъ осень, какъ прежде, а лѣтомъ; чтобы засѣданія ихъ были непремѣнно публичныя (по статутамъ они таковыми могутъ быть, но рѣдко бываютъ, главнымъ образомъ, по недостатку публики); чтобы онѣ присылали свои отчеты никакъ не позже, какъ за два мѣсяца до составленія общаго годового отчета министерства, такъ чтобы министерство имѣло время разсмотрѣть отчеты камеръ и потребовать исправленія ошибокъ, которыя оно найдетъ тамъ, и чтобы до такого разсмотрѣнія и исправленія отчеты не смѣли нигдѣ быть печатаемы. Въ то же время назначена коммисія для выработки проекта измѣненія системы выбора въ торговыя камеры. Полагаю, лишнее прибавлять, какъ все это оскорбило и раздражило весь торговый міръ.

Статистическія работы добросовѣстнѣйшаго въ мірѣ человѣка,

знаменитаго проф. Энгеля, директора прусскаго статистическаго бюро, тоже не совпадают съ экономическими видами канцлера, также какъ и съ болѣе чѣмъ двусмысленными заботами министерскаго статистическаго бюро (натурально, подгоняющаго свои выводы къ канцлерскимъ планамъ). Князь Бисмаркъ преслѣдуетъ его цѣлые три года, оттираетъ его отъ всякой практической дѣятельности и, наконецъ, на дняхъ отдаетъ подъ дисциплинарный судъ „за злоупотребленіе ввѣренными актами". Злоупотребленіе состояло въ томъ, что проф. Энгель статистическія данныя, приготовленныя для раздачи рейхстагу, наканунѣ назначеннаго для того дня, сообщилъ одному изъ депутатовъ, именно, извѣстному учредителю рабочихъ кассъ, Максу Гиршу.

Въ городкѣ Даркеменѣ избирается въ окружное собраніе (въ родѣ нашихъ уѣздныхъ земствъ) депутатъ прусскаго сейма, прогрессистъ Дирихлетъ. Министерство не утверждаетъ этотъ выборъ, „потому что г. Дирихлетъ ведетъ торговлю лошадьми". Городокъ выбираетъ его во второй разъ, выборъ кассируютъ съ выговоромъ.

Протестанты въ Шлезвигъ-Голштейнѣ отличаются особеннымъ свободомысліемъ и ненавидятъ обскурантную бранденбургскую лютеранскую ортодоксію. Въ одномъ скромномъ маленькомъ мѣстечкѣ тамъ, въ Экернфёрдѣ, проживалъ многіе годы пасторъ Люръ, отличный человѣкъ, чрезвычайно любимый своими прихожанами. Центральный синодъ внезапно отрѣшаетъ этого пастора отъ должности на томъ основаніи, что онъ будто бы въ своихъ проповѣдяхъ не придерживается догматовъ церкви. Пасторъ апеллируетъ въ министерство исповѣданій и вмѣстѣ вся община посылаетъ петицію, прося, чтобы ей оставили ея пастора, что она лучшаго не желаетъ. Вы думаете, эта просьба исполняется? Ничуть! Люръ отрѣшается и министерствомъ. Весь Шлезвигъ-Голштейнъ обратился въ одно негодованіе. Въ газетахъ, на публичныхъ сходкахъ громко говорятъ, что 17 лѣтъ тому думали отстоять свободу національности, а теперь приходится отстаивать нѣчто еще болѣе дорогое: свободу совѣсти и мысли. Правительство, какъ бы въ отвѣтъ на это движеніе оскорбленнаго населенія, административнымъ порядкомъ (не забудьте, что тамъ нѣтъ осаднаго положенія) выслало изъ Гадерслебена 5, споконъ вѣку живущихъ тамъ, какихъ-то датскихъ подданныхъ за то, что они вмѣстѣ со множествомъ другихъ своихъ согражданъ подписались на демократическомъ избирательномъ воззваніи.

Въ Лауэнбургѣ одинъ ландратъ передъ выборами напечаталъ въ газетахъ цѣлый рядъ недостойнѣйшихъ клеветъ на прогрессистскаго депутата (я вамъ писалъ объ этомъ происшествіи). Обиженный подаетъ жалобу въ судъ, который ее, разумѣется, принялъ и назначилъ

день разбирательства. Министерство юстиціи возбудило вопросъ о компетентности—по его мнѣнію это дѣло подсудно суду административному, а не общему—и принудило судъ отложить дѣло на неопредѣленный срокъ. Въ то же время въ Берлинѣ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ происходитъ судъ по меньшей мѣрѣ надъ полутора дюжинами журналистовъ, будто бы оскорбившихъ князя Бисмарка (это сдѣлалось здѣсь особеннымъ преступленіемъ, Bismarksbeleidigung), и въ Берлинѣ именно прокуратура требуетъ примѣненія „системы устрашенія". „Въ послѣднее время,—говоритъ прокуроръ,—въ печати вошло въ обычай при всякомъ удобномъ случаѣ стараться непочтительными отзывами уменьшить авторитетъ и вообще всячески задѣвать великаго человѣка, на котораго съ благоговѣніемъ снизу вверхъ взираетъ (emporblickt) вся нація. Необходимо употребить до нѣкоторой степени систему устрашенія, чтобы положить конецъ этой недостойной привычкѣ. Поэтому я предлагаю усилить подсудимымъ наказаніе". Судъ, разумѣется, ничего подобнаго не дѣлаетъ, но требованіе прокуратуры повторяется и становится извѣстнымъ всей странѣ. Между тѣмъ въ Штутгартѣ, по распоряженію изъ Берлина, полиція арестовываетъ депутата рейхстага Дица и сажаетъ его въ тюрьму, по обвиненію въ напечатаніи и распространеніи „революціонныхъ изданій". Революціонныя изданія представляются маленькимъ народнымъ календаремъ, вышедшимъ въ свѣтъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ вѣдома полиціи, и съ тѣхъ поръ не запрещеннымъ и не конфискованнымъ. Депутатъ протестуетъ. Тщетно! Наконецъ, дѣло доходитъ до свѣдѣнія рейхстага, который требуетъ отъ правительства отчета: по какому праву арестовали депутата во время сессіи и даже не увѣдомили бюро рейхстага? Отвѣта не получается. Никто ничего не знаетъ, видите ли, и знать не обязанъ: это—дѣло полиціи и прокурорское; они, конечно, объяснятъ, когда будетъ нужно. Рейхстагъ возмущенъ весь, безъ различія партій, и постановляетъ просить канцлера сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь, по крайней мѣрѣ во время сессіи, депутаты не были подвергаемы аресту безъ предварительнаго увѣдомленія рейхстага.

На одномъ изъ своихъ „парламентскихъ вечеровъ", послѣ выборовъ, но до открытія сессіи, канцлеръ заявляетъ, что въ виду противодѣйствія буржуазіи его соціальнымъ планамъ и въ виду очевидно тоже противнаго его политикѣ результата выборовъ, онъ не намѣренъ болѣе возобновлять осадное положеніе и, напротивъ, потребуетъ отмѣны исключительныхъ законовъ. Это былъ бы по истинѣ мастерской ходъ въ его игрѣ, единственный, которымъ онъ можетъ болѣе или менѣе расположить къ себѣ рабочихъ. Но онъ его, однако же, не дѣлаетъ. Наоборотъ, едва открылся рейхстагъ, какъ въ него

внесенъ былъ докладъ, извѣщающій о продленіи осаднаго положенія и мотивирующій такое распоряженіе. Въ мотивахъ по обыкновенію приводятся указанія на то, чтó говорится и пишется въ Женевѣ, въ Цюрихѣ и въ Лондонѣ, упоминаются русскіе нигилисты, съ которыми будто бы нѣмецкіе соціалисты находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ, безъ приведенія хотя бы малѣйшаго доказательства такихъ сношеній; о томъ, чтó происходитъ собственно въ Германіи, объявляется только, что за всѣ четыре года существованія исключительныхъ законовъ и осаднаго положенія правительству „не удалось добраться даже до корня тайной организаціи"; и затѣмъ подробно разсказывается, какъ соціаль-демократы, по мѣрѣ распространенія осаднаго положенія на одну мѣстность, переселялись въ другую, сосѣднюю, свивали тамъ себѣ гнѣздо и распространяли во всей окрестности свои разрушительныя теоріи. Казалось бы, въ этомъ докладѣ заключался лучшій приговоръ самимъ законамъ. Какой въ нихъ смыслъ, если они служатъ только къ расширенію круга дѣятельности опасныхъ агитаторовъ? Для чего они, если за 4 года не удалось и добраться до корня? Гдѣ гарантія, что это удастся въ слѣдующіе три года? И не ведетъ ли все это къ укрѣпленію раздраженія въ рабочихъ и къ извращенію правосознанія въ народѣ? На всѣ эти вопросы Путкаммеръ отвѣчаетъ краснорѣчивыми, но ничего ровно не говорящими фразами, въ которыхъ выдается только одно—изъ конца въ конецъ невѣрныя цифры, долженствующія доказать, какъ мягко примѣнялся законъ объ изгнаніи. По этимъ цифрамъ выходитъ, будто изгнано было всего 200 съ чѣмъ-то человѣкъ, когда на дѣлѣ ихъ разогнано по разнымъ мѣстамъ около тысячи изъ одного Берлина. Рабочіе приходятъ въ ярость, а ихъ депутаты на секретномъ засѣданіи постановляютъ: не поддерживать даже и соціальныхъ реформъ, покуда онѣ будутъ служить фундаментомъ для политики Бисмарка. Въ рейхстагѣ двое изъ нихъ опровергаютъ существованіе такого постановленія, объявляя, что вовсе не имѣютъ въ виду вести принципіальную оппозицію, а будутъ разбирать вопросы по существу. Въ частныхъ же разговорахъ, на вопросъ: почему они поступили такъ, да еще выражали благодарность канцлеру?—они отвѣчаютъ, что пусть себѣ онъ продолжаетъ работать, это служитъ хорошимъ возбуждающимъ средствомъ для буржуазіи, она станетъ податливѣй и сама пойдетъ на уступки. А что касается до голосованій въ рейхстагѣ, то это другое дѣло. Если бы, паче чаянія, образовалось консервативное большинство по какому-нибудь важному вопросу, и ихъ голоса могли бы дать перевѣсъ оппозиціи, они, разумѣется, пристанутъ къ ней.

На желѣзныхъ дорогахъ, скупленныхъ правительствомъ, гдѣ, каза-

лось бы, всего удобнѣй показать на практикѣ великія преимущества государственнаго соціализма, введя и всеобщее страхованіе рабочихъ, и широкую отвѣтственность предпринимателя (т.-е. государства) за несчастные случаи, и увеличенную заработную плату, и пониженный тарифъ, по крайней мѣрѣ, для пассажировъ 3 и 4 классовъ, и пожалуй даже участіе служащихъ и рабочихъ въ барышахъ,—на желѣзныхъ дорогахъ господствуетъ такая система: проектъ страхованія рабочихъ не распространяется на желѣзныя дороги. Служащіе, т.-е. смотрители станцій, ихъ помощники, завѣдывающіе пакгаузами, инспекторы и т. п., зачислены не состоящими на государственной службѣ (etatsmässig), а по найму, т.-е. могущими быть лишенными мѣста во всякое время. Восемь оберъ-кондукторовъ, присоединившихся къ петиціи младшихъ чиновниковъ, просившихъ прибавки жалованья, немедленно были прогнаны, да еще вдобавокъ оштрафованы за дерзость противъ начальства. Въ видахъ сокращенія расходовъ, вездѣ убавленъ подвижной матеріалъ, такъ что его не хватаетъ на перевозку законтрактованныхъ фрахтовъ. Дѣло дошло до того, что въ Эссенѣ, одной изъ самыхъ промышленныхъ мѣстностей Германіи, нынѣшней осенью нѣсколько фабрикъ принуждены были пріостановить работы, по неимѣнію угля, который желѣзная дорога не могла доставить во-время въ достаточномъ количествѣ. А въ Бокумѣ, тоже промышленномъ городѣ, газовый заводъ вынужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней освѣщать только частные дома и магазины, а освѣщеніе улицъ прекратить, потому что опять-таки и по той же причинѣ не хватало угля для выработки газа. Въ тѣхъ же видахъ сокращенія расходовъ, количество рабочихъ вездѣ уменьшено почти вдвое, безъ уменьшенія работы, однако, и жалованье имъ тоже сбавлено. Кромѣ того, ужъ неизвѣстно въ какихъ видахъ, рабочіе принимаются не иначе, какъ безъ контракта. Эти контракты представляютъ не особенную гарантію для рабочаго, но они имѣютъ ту выгоду, что хоть на двѣ недѣли обезпечиваютъ его отъ произвола хозяина. По контракту хозяинъ, желающій, безъ грубой вины со стороны рабочаго, отказать ему отъ мѣста, обязанъ предупредить его объ этомъ за двѣ недѣли, въ противномъ же случаѣ заплатить ему за этотъ срокъ жалованье. Такъ вотъ эта-то жалкая гарантія отнята у рабочихъ на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Хочешь получить работу, отдавайся на милость и немилость начальства, не хочешь—ступай вонъ. Преимущество отдается отставнымъ солдатамъ. Мнѣ лично извѣстны случаи, когда отличные рабочіе были прогоняемы единственно потому, что ихъ мѣсто понадобилось солдатамъ. Послѣднимъ и жалованье идетъ бóльшее. Предоставляю вамъ судить, какъ такой образчикъ государственно-бюрократическаго соціализма соблазняетъ публику торговую, служащую и

рабочую, и какой эффектъ производитъ торжественное заявленіе въ бюджетѣ великихъ барышей, доставленныхъ желѣзными дорогами. Хорошій способъ наживать барыши, совсѣмъ не манчестерскій!

Таможенное вѣдомство самымъ рѣшительнымъ образомъ стремится создать себѣ анекдотическую славу. Оно совершаетъ вещи, рѣшительно невѣроятныя, невозможныя нигдѣ, кромѣ какой нибудь Турціи, или Персіи. Можете себѣ представить, что многіе товары облагаются ввозной пошлиной не по тарифной стоимости ихъ самихъ, а по стоимости ихъ облежки. Напримѣръ, говяжьи консервы разныхъ сортовъ по тарифу оплачиваются 12 мар. со 100 килограмовъ, тогда какъ жестяныя издѣлія 24. Консервы помѣщаются въ жестяныхъ коробкахъ, и на этомъ основаніи тарифъ взыскивается съ коробокъ, а говядина ужъ идетъ въ придачу, для вѣса. Недавно вошли въ моду китайскіе духи, которые присылаются во флаконахъ, обернутыхъ въ тончайшую ткань не то бумагу, не то шелкъ, съ напечатанными на ней китайскими фигурками и буквами. Такъ вотъ эти духи, совсѣмъ со стклянкой и съ жидкостью, таксируются въ таможнѣ какъ—шелковый атласъ. Конфекты, драже, засахаренные фрукты и т. п. оплачиваются 60 мар. со 100 кил., а дамскіе наряды, туалетныя украшенія и пр., ровно вдесятеро, т.-е. 600 мар. И вотъ шелковые и иные мѣшечки, которыми въ послѣдніе годы вздумали замѣнить бонбоньерки, также какъ и сами бонбоньерки причисляются германскими таможнями къ числу „дамскихъ нарядовъ", и съ нихъ, какъ таковыхъ, взыскивается пошлина. Только на этотъ разъ почему то сдѣлано милостивое исключеніе. Конфекты высыпаются и свѣшиваются отдѣльно, а мѣшки и коробки отдѣльно, Къ „дамскимъ" же нарядамъ причисляются и куклы, одѣтыя въ платья. Подобныхъ курьезовъ множество, всѣхъ не перечесть. И не подумайте, чтобъ они представляли лишь злоупотребленіе или недомысліе не въ мѣру усердныхъ чиновниковъ. Отнюдь нѣтъ: это законъ. Пострадавшіе получатели товаровъ, оплаченныхъ такимъ оригинальнымъ образомъ, обратились съ жалобой въ министерство, требуя возврата излишне взысканныхъ съ нихъ денегъ, и получили въ отвѣтъ, что никакихъ лишнихъ денегъ съ нихъ не взыскивали, а поступили согласно инструкціи, выработанной и постановленной союзнымъ совѣтомъ. Спрашивается, что̀ можетъ выгадать государственная казна при помощи подобныхъ весьма неловкихъ продѣлокъ? И есть ли такія денежныя выгоды, которыя могли бы хоть приблизительно уравновѣсить нравственную невыгоду подобныхъ мѣръ? Не говоря уже о томъ, что при такой произвольной таксировкѣ товаровъ невозможенъ никакой коммерческій расчетъ, судите, что долженъ чувствовать гражданинъ при видѣ такого рода—назовите ихъ сами—поступковъ правительства?

Они убійственны именно своей мелочностью! При первомъ извѣстіи о „таможенныхъ курьезахъ“ (въ газетахъ это стало рубрикой), читатели смѣялись, но когда за первымъ послѣдовало второе, третье, десятое, тогда смѣхъ смѣнился отвращеніемъ и стыдомъ, опять, всегда стыдомъ!

О переговорахъ съ папой и объ отношеніяхъ къ центру подробно распространяться не стоитъ. О передвиженіяхъ разныхъ секретныхъ пословъ, о невѣроятныхъ, хотя явно внушенныхъ статьяхъ „Почты“, совѣтовавшей папѣ покинуть Римъ, гдѣ, по ея словамъ, тотчасъ же затѣмъ вспыхнетъ революція, и царствующая династія будетъ свергнута,—столько писалось во всей Европѣ, что здѣсь повторять еще разъ по меньшей мѣрѣ безполезно. Поэтому перейдемъ прямо къ результатамъ. Чѣмъ, вы думаете, разрѣшилась вся эта, волновавшая Европу и чуть не на смерть напугавшая бѣдную Италію, исторія? Внесеніемъ въ открывшійся на дняхъ прусскій сеймъ законопроекта, которымъ правительство требуетъ продленія полномочій дѣйствовать въ отношеніяхъ къ церкви, какъ ему заблагоразсудится: захочетъ примѣнить въ данномъ случаѣ и къ данному лицу майскіе законы— примѣнитъ, не захочетъ—нѣтъ. О пересмотрѣ „боевыхъ законовъ“ нѣтъ и помину. Опять то же стремленіе къ чистѣйшему произволу, не только съ ограниченіемъ компетенціи парламента, но и прямо съ устраненіемъ дѣйствія писанныхъ законовъ. Требуется просто отдать все въ руки министерскаго соизволенія. Въ мотивахъ говорится, между прочимъ, что, „въ виду политическаго положенія различныхъ мѣстностей государства, и именно въ провинціяхъ съ польскимъ населеніемъ, правительству необходимо имѣть полную свободу дѣйствій распоряжаться въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ укажетъ надобность“. Можно себѣ представить положеніе 45 милліоновъ нѣмцевъ, принужденныхъ узаконивать произволъ изъ опасенія 3 милліоновъ поляковъ! Что, кромѣ стыда, можетъ чувствовать всякій порядочный нѣмецъ при мысли, что его великая, могущественная, единая Германія дожила до пресловутой „польской интриги“ и должна гнуть голову подъ деспотизмомъ, должна допускать дальнѣйшее разстройство всѣхъ внутреннихъ отношеній, принесшихъ уже столько неисчислимаго вреда культуркампфомъ, единственно для того, чтобы правительство могло по прежнему наполнять Познань и западную Пруссію нѣмцами изъ Вестфаліи. Центръ за кулисами убѣждаютъ согласиться на „дискреціонныя полномочія“, соблазняя его пересмотромъ майскихъ законовъ въ будущемъ, если онъ не будетъ препятствовать сохраненію этихъ, майскихъ законовъ, во всей силѣ по отношенію къ польскимъ провинціямъ и раздѣленію познанской и бреславльской эпархій такимъ образомъ, чтобъ поляки и тамъ, и тутъ,

составляли меньшинство. Поляки, разумѣется, возмущены до глубины души и громко говорятъ, что ужъ если имъ предназначено тонуть, то они во всякомъ случаѣ предпочитаютъ утонуть въ безбрежномъ, синемъ морѣ, чѣмъ въ грязной лужѣ, ни мало не скрывая при этомъ, что подъ грязной лужей подразумѣвается Пруссія, а подъ безбрежнымъ моремъ „славянское море". Центръ и вообще всѣ католики возмущены явнымъ стараніемъ обойти ихъ лживыми обѣщаніями съ тѣмъ, чтобы, при помощи частныхъ, временныхъ уступокъ, заставить ихъ голосовать все, что угодно правительству, а потомъ, когда они окажутся безоружны, напасть на нихъ съ новой, болѣе безпощадной „культурной" борьбой. А протестанты, не исключая и консервативныхъ, возмущены нескрываемымъ стремленіемъ къ произволу и упорствомъ въ борьбѣ, гибельность которой всѣми признана, и которая уже расшатала все государство.

Стремленіе къ произволу, впрочемъ, проявляется теперь вездѣ и во всемъ. Для возвѣщенныхъ чуть не барабаннымъ боемъ соціальныхъ реформъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не было собрано рѣшительно никакихъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить сколько-нибудь годный проектъ. Кн. Бисмаркъ теперь только, съ божіею помощію, началъ „учиться", какъ самъ заявилъ на дняхъ въ рейхстагѣ (между прочимъ, наука привела его къ сознанію, что его прошлогодній проектъ страхованія рабочихъ былъ весь основанъ на совершенно фальшивыхъ началахъ). Такъ вотъ, чтобы имѣть какія-нибудь точныя данныя для будущихъ реформъ, напали на мысль собрать обстоятельныя статистическія свѣдѣнія о различныхъ профессіяхъ. Выработали законопроектъ, коротенькій, въ 4 §§ всего, объ учрежденіи „коммиссіи профессіональной статистики". И что же въ этомъ законопроектѣ значится? § 1 объясняетъ необходимость коммиссіи; 2—расходы, потребные для этого; 3—лаконически заявляетъ, что „союзный совѣтъ долженъ издать предписанія, необходимыя для приведенія въ исполненіе этого дѣла"; 4—гласитъ что „лица, которыя на вопросы, поставленные имъ на основаніи этого закона, завѣдомо отвѣтятъ неправду, или не исполнятъ какихъ-либо иныхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ имѣющими быть изданными предписаніями, подвергаются денежному штрафу до 100 марокъ, или тюремному заключенію". И только! Какія сдѣлаются предписанія, какіе будутъ задаваться вопросы, все покрыто мракомъ неизвѣстности. Это рейхстагъ долженъ предоставить на усмотрѣніе союзнаго совѣта, т.-е. кн. Бисмарка, который приказываетъ ему все, что хочетъ. Отъ рейхстага требуется утвержденіе денежныхъ суммъ на расходы, да внѣшней формы закона, а содержаніе ужъ вложитъ въ него непогрѣшимый канцлеръ, который можетъ, если пожелаетъ,

воспользоваться закономъ для подготовленія новыхъ налоговъ или табачной монополіи, а пожалуй и того, и другого вмѣстѣ.

Натурально, всѣ эти абсолютистскія попытки встрѣчаютъ твердый отпоръ въ рейхстагѣ и рѣзкое осужденіе въ либеральной печати. На это имъ отвѣчаютъ—первому министры, а второй оффиціозы, что политика правительства не лично министрамъ принадлежитъ, а предписана имъ монархомъ. Это теперь стереотипная фраза: не говорятъ больше просто „правительство“ или „министерство“ и менѣе всего „канцлеръ“, а—„правительство, исполняя предначертанія императора“... И парламентскіе столпы реакціи иначе не говорятъ, какъ: „воля императора“... „Желаніе нашего возлюбленнаго монарха“... Словомъ, личность императора вездѣ, противъ нея ведется оппозиція, и на нее же взваливается отвѣтственность не только за диктаторскія мѣропріятія кн. Бисмарка и его зятя, но и за дикія выходки разныхъ Штекеровъ, Миннигероде и т. п. Но если вы думаете, что кн. Бисмаркъ удовлетворяется этимъ, вы ошибаетесь. Ему мало выставить престарѣлаго императора Вильгельма въ качествѣ прикрытія для себя, онъ еще старается, гдѣ и сколько можетъ, компрометировать кронпринца. При каждой министерской выходкѣ оффиціозы непремѣнно всѣмъ хоромъ возвѣщаютъ, что „имперскій канцлеръ удостоился посѣтить или принять посѣщеніе его высочества принца, въ бесѣдѣ съ которымъ провелъ часъ, полтора или два“, смотря по важности выходки. И къ этому неизмѣнно прибавляется комментарій, что „его высочество вполнѣ согласенъ (einverstanden) съ политикой канцлера“. Не проходитъ дня, чтобы это „lasciate ogni speranza“ не прозвучало въ ушахъ и безъ того раздраженнаго общества. Прежде либеральныя газеты сильно старались опровергнуть всѣ эти сообщенія. Послѣ монаршаго посланія стали стараться менѣе, а послѣ указа и совсѣмъ перестали...

Въ виду всего изложеннаго, я, кажется, былъ правъ, говоря, что кн. Бисмаркъ ведетъ теперь не политику, а азартную игру, въ которой ставитъ на одну карту все состояніе, и свое собственное, и ввѣренное ему, чужое. Что же подвигаетъ его на такой рискъ, на этотъ разъ дѣйствительный и очень опасный рискъ? Ужели только самомнѣніе и деспотическій характеръ, какъ увѣряютъ многіе здѣсь? Я думаю, не совсѣмъ, хотя и это играетъ, конечно, большую роль. Я думаю, азартность кн. Бисмарка происходитъ оттого, что онъ давно уже почувствовалъ присутствіе того призрака, который, какъ я выше сказалъ, Европа только теперь увидала за плечами сказочнаго богатыря прусской Германіи. Вслѣдствіе долгой отвычки видѣть его въ своей средѣ, Европа не узнала этой фигуры и принимаетъ ее за призракъ. Но кн. Бисмаркъ знаетъ, что это существо

совершенно реальное. Онъ давно заглянулъ ему въ лицо и узналъ хорошо изученныя имъ черты, черты старой народной Германіи, той самой, которая всего четверть вѣка тому назадъ была главной носительницей преобладающихъ идей нашего вѣка, идей свободы и равенства, и только поддавшись вліянію кн. Висмарка, неожиданно для самой себя явилась представительницей кулачнаго права въ новѣйшей формѣ: милитаризма и теоріи желѣза и крови. Кн. Висмаркъ выступилъ на политическое поприще въ то же время, когда Германія, стоявшая первой на исторической очереди внутренняго преобразованія, вся бродила и волновалась, вся находилась въ томъ состояніи, которое такъ хорошо выражается нѣмецкимъ словомъ: im Werden. Народъ, почувствовавшій себя созрѣвшимъ къ политической жизни, искалъ освободиться отъ стѣснявшихъ его слишкомъ узкихъ формъ, искалъ новыхъ формъ, въ которыя должна отлиться его дальнѣйшая жизнь. При этомъ, демократическое стремленіе къ равенству перепуталось съ національнымъ стремленіемъ къ объединенію, и такъ какъ послѣднее, подъ вліяніемъ предшествовавшихъ событій, горькихъ униженій и страданій, испытанныхъ во время наполеоновскихъ войнъ, всѣмъ казалось болѣе важнымъ, то оно превозмогло и на время совсѣмъ скрыло отъ глазъ, какъ постороннихъ зрителей, такъ и самого народа, болѣе глубокое движеніе, т.-е. стремленіе къ равенству. Кн. Висмаркъ какъ нельзя искуснѣе воспользовался этой путаницей и заставилъ ее послужить цѣлямъ Пруссіи. Пруссія и до него очень ловко старалась привлечь къ себѣ симпатіи нѣмецкаго народа напускнымъ либерализмомъ, а онъ все это усилилъ вдесятеро, ставъ во главѣ національнаго движенія и даже прицѣпивъ къ нему частицу и демократическаго. Буржуазный либерализмъ слѣпо дался въ сѣти. Затѣмъ началась духъ захватывающая, одуряющая игра въ побѣды, славу, величіе, могущество. Отуманенная, очарованная, приведенная въ гипнотическое состояніе этими блестящими погремушками, безпрерывно носившимися передъ ея глазами, Германія лишилась на время сознанія, и безъ силъ, безъ воли упала къ ногамъ геніальнаго гипнотиста, котораго приняла за своего благодѣтеля и повиновалась малѣйшему его знаку, даже мысли. Будь кн. Бисмаркъ иной человѣкъ, онъ повелъ бы дѣло осторожнѣе и весьма возможно, даже вѣроятно, что убилъ бы народную Германію въ конецъ, навсегда исказилъ бы ея духъ, пропитавъ его прусскимъ милитаризмомъ. Къ счастію Германіи и всей Европы, онъ увлекся въ свою очередь. Власть отуманила и его, и онъ принялся безпощадно гнуть и ломать злополучную страну. Нестерпимая боль заставила Германію очнуться. Кн. Бисмаркъ вмѣсто того, чтобъ податливостью и лаской усыпить ее снова, продолжалъ наносить ей

ударъ за ударомъ. Тогда страна окончательно стряхнула съ себя послѣдніе слѣды такъ долго тяготѣвшаго надъ ней кошмара и стала опять на ноги. Съ этой минуты она вернулась снова къ тому самому пункту, на которомъ засталъ ее магнетическій сонъ: sie ist wieder im Werden begriffen! Только теперь—уже свободная отъ иллюзій единства, разочарованная въ прелестяхъ милитарнаго могущества и съ сознательнымъ стремленіемъ къ одному—къ демократіи. Напрасно канцлеръ и его оффиціозы стараются выставить начинающуюся здѣсь борьбу борьбой парламента съ властью короны. Если они не умышленно вводятъ другихъ въ заблужденіе, а сами вѣрятъ своимъ словамъ, то они жестоко ошибаются: одна буржуазія, та, которую здѣсь оффиціально называютъ манчестерской, желала бы придать именно этотъ характеръ разгорающейся борьбѣ, сдѣлать ее борьбой двухъ властей, не болѣе. Но народъ, масса, стремится совсѣмъ не туда: онъ идетъ гораздо, гораздо далѣе. Бисмарковская система: развращеніе политическихъ партій, подрываніе авторитета представительнаго собранія, посредствомъ принужденія его къ узаконенію произвола, сдѣлала свое дѣло. Народъ не желаетъ поступиться ни однимъ изъ своихъ пріобрѣтенныхъ политическихъ правъ, хочетъ расширить эти права и сдѣлать ихъ фактически общимъ достояніемъ; но парламентаризмъ, чисто буржуазный, его отнюдь не соблазняетъ болѣе. Не соблазняетъ, главнымъ образомъ потому, что онъ тоже носитъ въ себѣ элементы унитаризма и прусской гегемоніи.

Первоначально собственно политическое движеніе имѣло рѣзкій анти-прусскій характеръ и проявлялось въ одной чисто нѣмецкой Германіи, въ Пруссіи же встрѣчало общій и дружный отпоръ. Кн. Бисмаркъ съумѣлъ распространить его и на Пруссію. Онъ весь народъ прижалъ, такъ сказать, къ стѣнѣ. Нѣтъ сословія, нѣтъ класса, нѣтъ группы общественной, почти, можно сказать, нѣтъ отдѣльной личности, которые не были бы такъ или иначе задѣты, унижены, оскорблены. Ни у кого не осталось даже надежды, потому что единственную, какая могла быть—надежду на перемѣну системы въ близкомъ будущемъ, отнимаютъ, теперь даже совсѣмъ отняли, убѣдили всѣхъ, что нечего ждать, надо защищаться самимъ. И общество готовится къ защитѣ. Желанная кн. Бисмаркомъ ассимиляція Германіи съ Пруссіей происходитъ только обратнымъ противъ предположеннаго имъ путемъ. Не Германія пруссифицируется, а Пруссія германизируется. Ея передовые общественные элементы сливаются съ германскими, пристали къ тамошнему демократическому движенію и вмѣстѣ со старыми народниками стараются развить и усилить его. Не думаю, чтобы его можно было теперь остановить. Болѣе, чѣмъ

вѣроятно, что кн. Бисмаркъ испробуетъ опять, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, возобновить обычную игру въ побѣдныя погремушки. Восточный вопросъ даетъ ему безподобный случай для этого. Но это только отсрочитъ народное движеніе, не убьетъ его. У кн. Бисмарка безусловно нѣтъ больше опоры въ народѣ, онъ опирается на одну армію, да и то по стольку лишь, по скольку общій духъ времени не успѣлъ еще проникнуть и въ нее,—а до извѣстной степени онъ уже туда проникъ, чему тоже не мало способствовалъ культуркампфъ. Солдаты католики, которыхъ приводятъ къ присягѣ „государственные попы", не считаютъ себя связанными этой присягой, въ ихъ глазахъ не только незаконной, но и грѣховной, такъ какъ она принесена передъ лицомъ отлученныхъ отъ церкви „отступниковъ". А молодые рекруты, набираемые изъ рабочихъ классовъ, насквозь пропитаны идеями соціаль-демократіи. Офицеры не-пруссаки, которымъ не даютъ ходу дальше майорскаго чина, тоже представляютъ не особенно надежный элементъ. Наконецъ, остается еще одинъ очень важный факторъ, монархи меньшихъ государствъ. Они крѣпко держатся за власть, за почести и за матеріальныя выгоды, сопряженныя съ короной; но Бисмарковская система видимо стремится къ поглощенію всѣхъ мелкихъ государствъ единою прусскою имперіей, и всѣхъ отдѣльныхъ коронъ одною великою, блистательной короной—императорской. Судя по человѣчеству, разсудите, чѣмъ легче сдѣлаться развѣнчаннымъ монархамъ: гражданами будущихъ германскихъ штатовъ, или подданными прусскаго короля?

Н. С.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 января, 1882.

Мертвый сезонъ въ Англіи.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ отдавать отчетъ о такъ называемомъ „мертвомъ сезонѣ“ въ Англіи: приходится говорить о такихъ предположеніяхъ, проектахъ, которые еще не успѣли оформиться. Сезонъ этотъ, по обыкновенію, наполняется рѣчами „лидеровъ“ различныхъ партій; въ виду предстоящаго открытія парламентской сессіи, всѣ они щупаютъ пульсъ общественнаго мнѣнія и намѣчаютъ свои будущія программы. То же самое дѣлаютъ и министры, рѣчи которыхъ позволяютъ предугадывать, какіе вопросы сдѣлаются главными предметами занятій предстоящей сессіи. Этотъ безконечный рядъ рѣчей внушилъ „Пончу“ каррикатуру, изображающую типическаго Джона Буля: онъ идетъ между двумя рядами попугаевъ, затыкая себѣ уши, чтобы не слышать ихъ криковъ. Я увѣренъ, однако, что публика, внимающая этимъ рѣчамъ на митингахъ, далеко не испытываетъ такой томительной скуки, какую испытываютъ читатели газетъ, столбцы которыхъ сверху до низу наполняются этими ораторскими упражненіями. Подобное обиліе рѣчей служитъ, впрочемъ, хорошимъ признакомъ: оно свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ классы населенія начинаютъ принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и что законодатели сознаютъ свою отвѣтственность передъ избирателями.

Либеральные ораторы прославляютъ, въ своихъ рѣчахъ, результаты прошлой сессіи, ограничиваясь одними намеками на задачи сессіи предстоящей; но это потому, что многое будетъ зависѣть отъ оборота, какой примутъ къ тому времени дѣла въ Ирландіи и вопросъ о парламентской реформѣ, который долженъ будетъ первымъ поступить на обсужденіе. Этому вопросу была по преимуществу посвящена рѣчь перваго министра на годичномъ банкетѣ у лорда-мэра, 28-го октября. Во времена Биконсфильда заявленія премьера на этомъ банкетѣ обыкновенно имѣли важное значеніе; но послѣдняя рѣчь не представляла большого интереса оттого, что для какихъ-нибудь положительныхъ заявленій на счетъ правительственныхъ проектовъ еще не пришло время. Относительно парламентской реформы, Гладстонъ надѣется, что необходимость поддержать достоинство и силу законодательнаго собранія будетъ всѣми признана равно,

какъ и то, что съ одной стороны, съ наростаніемъ населенія, его интересы, сношенія и требованія къ парламенту постоянно ростутъ, а съ другой—средства палаты общинъ отвѣчать на эти требованія постоянно уменьшаются. Вопросъ этотъ требуетъ, чтобы къ нему отнеслись безпристрастно, а не въ духѣ партій, замѣтилъ первый министръ.

На эту условную фразу можно отвѣтить только улыбкой, такъ какъ она повторяется при всякой сколько-нибудь важной реформѣ. Говоря о томъ, какъ много вредятъ общественной пользѣ настоящія условія парламентской процедуры, тормозящія ходъ дѣлъ, первый министръ указалъ на законъ о банкротствѣ, который такъ долго ждетъ своей очереди, и на законъ о мѣрахъ противъ наводненій, которыя ежегодно, во время весенняго разлива рѣкъ, затопляютъ поля и губятъ жатву. Оба эти вопроса—чужды всякихъ интересовъ партій, а между тѣмъ ихъ изъ года въ годъ приходится откладывать. О томъ же предметѣ говорилъ и лордъ Гартингтонъ, которому положеніе его позволило высказаться яснѣе, чѣмъ первому министру. „Вопросъ,—сказалъ онъ,—состоитъ въ томъ: желаетъ ли нація, чтобы были проведены тѣ великія законодательныя реформы, въ пользу которыхъ она высказалась во время послѣднихъ выборовъ. Только тѣ, кто постоянно посѣщаетъ засѣданія палаты, могутъ судить о невѣроятной медленности парламентской процедуры. Не говоря уже объ умышленныхъ затяжкахъ, самыя формальности, требуемыя парламентскимъ уставомъ, до нельзя тормозятъ ходъ преній. Въ каждомъ изъ фазисовъ, чрезъ которые долженъ проходить билль, представляются безчисленные случаи къ затяжкамъ; билль, какъ извѣстно, проходитъ черезъ три чтенія и при каждомъ изъ этихъ чтеній всякій изъ членовъ имѣетъ право говорить, сколько пожелаетъ. При подробномъ обсужденіи въ комитетѣ опять-таки каждый членъ можетъ произнести рѣчь о каждомъ пунктѣ, хотя бы уже рѣшенномъ въ принципѣ. Въ добавокъ, билль, не прошедшій въ какомъ-нибудь изъ фазисовъ въ одну сессію, можетъ быть снова внесенъ въ слѣдующую, причемъ вся процедура прохожденія его въ парламентѣ начинается съ начала, а не съ той точки, на которой она передъ тѣмъ остановилась. Вообще правила парламентскаго устава были составлены въ томъ предположеніи, что ими никто никогда не будетъ злоупотреблять; другими словами, что каждый изъ членовъ будетъ проникнутъ уваженіемъ къ мудрости большинства. Но противъ этого нѣмого соглашенія выставляется множество возраженій со стороны людей, отстаивающихъ права меньшинства, и необходимо устранить эти возраженія, чтобы достигнуть совершенной формы народнаго представительства“. Лордъ Гартингтонъ еще

не придумалъ рѣшенія этой задачи и можетъ пока только сожалѣть о томъ, что палата утратила духъ „вѣжливости", заставлявшій ее склоняться передъ волей большинства. Едва ли, однако, англійскій парламентъ далъ бы Ирландіи земельный законъ, еслибы ирландскіе депутаты не отступили отъ правилъ „вѣжливости", по которымъ вздыхаетъ благородный лордъ. Онъ надѣется, впрочемъ, что зло не имѣетъ слишкомъ упорнаго характера и что его можно уменьшить посредствомъ раздѣленія труда, т.-е. такимъ образомъ, чтобы часть трудовъ палаты была перенесена на комитеты. „Но кореннымъ лекарствомъ противъ зла можетъ быть, по мнѣнію лорда Гартингтона, только то, которое не ослабитъ, а подкрѣпитъ власть большинства, позволитъ ему свободнѣе располагать своимъ временемъ и дастъ ему право самому рѣшать, какіе вопросы должны поступить на обсужденіе и сколько времени должно быть этому посвящено. При настоящемъ же порядкѣ вещей, авторитетъ, которымъ палата общинъ пользовалась цѣлые вѣка, быстро падаетъ, къ чему отнюдь нельзя относиться равнодушно".

Рѣчи консервативныхъ ораторовъ предначертываютъ два главныхъ направленія, которыя приметъ оппозиція въ предстоящую сессію. Во-первыхъ, она обнаруживаетъ рѣшительное намѣреніе противиться парламентской реформѣ, прежде даже чѣмъ выяснилось, какихъ подробностей она коснется; во-вторыхъ, торіи очевидно рѣшились настоять на вознагражденіи лэндлордовъ за потери, которыя они несутъ вслѣдствіе постановленій коммиссій земельнаго суда. Доказательствомъ того, что консервативная партія надпишетъ на своемъ знамени именно эти два лозунга, служитъ успѣхъ, который имѣли въ послѣднее время, ниже чѣмъ посредственныя, рѣчи ея ораторовъ. Консерваторы сильно нуждаются въ настоящее время въ хорошемъ вождѣ. Ни одинъ изъ настоящихъ лидеровъ не въ состояніи будетъ замѣнить Биконсфильда. Лордъ Сольсбэри и Стаффордъ Норскотъ, предводительствующіе этой партіей, одинъ—въ палатѣ лордовъ, другой—въ палатѣ общинъ, совершенно равносильны другъ другу, и ни тотъ, ни другой не только не ведетъ за собою большой массы избирателей, но даже не въ силахъ контролировать своей собственной партіи въ парламентѣ. Послѣднее въ особенности относится къ Стаффорду Норскоту, которому нерѣдко приходится обнаруживать странную непослѣдовательность, благодаря необузданности нѣкоторыхъ изъ членовъ его партіи. Изъ этихъ необузданныхъ членовъ замѣтно выдвинулось впередъ, въ послѣднее время, имя лорда Рэндольфа Чорчилля, человѣка безспорно талантливаго, но не достигшаго еще серьезности зрѣлыхъ лѣтъ и не обладающаго тою сдержанностью, которая могла бы замѣнить эту серьезность. Этотъ моло-

дой пэръ болѣе заботится пока о пріобрѣтеніи извѣстности, чѣмъ о прочномъ политическомъ вліяніи; но онъ такъ успѣшно идетъ къ своей цѣли, что, пожалуй, съ будущей же сессіи сдѣлается счастливымъ соперникомъ настоящаго лидера торіевъ въ палатѣ общинъ.

Ни одинъ изъ предводителей консервативной партіи не имѣетъ за собою такой долгой и богатой заслугами жизни, какъ два главныхъ ветерана противнаго лагеря, Гладстонъ и Брайтъ. Первому пошелъ недавно 72-й годъ, а второй праздновалъ въ ноябрѣ 70-ю годовщину своего рожденія. Это празднество было очень характеристично. Брайтъ постоянно живетъ въ Рочдэлѣ, людномъ, мануфактурномъ городѣ Ланкастера, гдѣ онъ родился и тѣсно сжился съ интересами своего округа. Земляки его гордятся имъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ гордятся англичане другими своими политическими людьми. Чувство рочдэльцевъ къ Брайту имѣетъ болѣе личный характеръ; они считаютъ его *своимъ*, потому что онъ, во всю свою славную политическую карьеру, никогда не измѣнялъ ихъ скромному городу для столицы. Поэтому и общественное празднество въ день его рожденія имѣло какой-то особенный, семейный характеръ, хотя цѣлый городъ праздновалъ этотъ день. Онъ начался поднесеніемъ Брайту адреса отъ рабочихъ его собственной фабрики, на которой занято около 1500 рукъ; а вечеромъ ему былъ поднесенъ адресъ отъ рочдэльскихъ жителей. Отвѣчая на этотъ адресъ, Брайтъ коснулся принципа, которому онъ служилъ всю жизнь:— принципа свободы торговли. Глядя на положеніе дѣлъ съ нѣсколько оптимистической точки зрѣнія, Брайтъ считаетъ побѣду принципа свободной торговли—началомъ эры мира и довольства, и всюду усматриваетъ плодотворное вліяніе дѣла, совершоннаго имъ и его друзьями. Онъ не хочетъ вѣрить, чтобы этому дѣлу могла повредить ничтожная горсть людей, называющихся „фэртредерами". День заключился иллюминаціей и процессіей съ факелами, въ которой принялъ участіе весь городъ.

Къ числу биллей, отложенныхъ въ прошлую сессію за недостаткомъ времени, принадлежитъ билль противъ избирательныхъ подкуповъ. Принято думать, что со времени введенія баллотировки подкупы значительно уменьшились, однако открытія, сдѣланныя слѣдствіемъ надъ злоупотребленіями во время послѣднихъ выборовъ, говорятъ совсѣмъ другое. Десять человѣкъ приговорены къ заключенію на срокъ отъ двухъ до девяти мѣсяцевъ, за подкупъ избирателей въ Сэндвичѣ и Мэкльсфильдѣ. Приговоръ этотъ надѣлалъ много шуму, оттого, что четверо изъ главныхъ виновныхъ занимали видное общественное положеніе. Трое изъ нихъ—извѣстные адвокаты, а четвертый—членъ городского совѣта. Притомъ же, по ха-

рактеру наказанія, вина ихъ приравнена не къ простому нарушенію законовъ, а къ уголовному преступленію, за исключеніемъ каторжной работы. Этотъ случай показалъ до очевидности, что большинство нашей публики не только не считаетъ подкупа преступленіемъ, но даже не видитъ въ немъ ничего безнравственнаго. Съ практической точки зрѣнія, этотъ взглядъ можно себѣ до извѣстной степени объяснить, если не оправдать. Большинство избирателей въ мѣстечкахъ не имѣютъ и не способны имѣть никакихъ политическихъ убѣжденій; подавая голосъ за того или другого кандидата, они дѣлаютъ это по какимъ-нибудь личнымъ или другимъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ политикой. Поэтому расположеніе этихъ людей въ пользу того или другого кандидата посредствомъ нѣсколькихъ совереновъ вовсе не считается такимъ великимъ преступленіемъ, чтобы изъ-за него стоило поднимать истерію. Таковъ общепринятый взглядъ на этотъ вопросъ въ Англіи. Само собою разумѣется, что взглядъ этотъ совершенно ложенъ; подкупъ, располагающій людей легкомысленно относиться къ своимъ политическимъ обязанностямъ, служитъ важнымъ препятствіемъ къ политическому воспитанію народа. Тѣмъ не менѣе, даже судъ не рѣшился въ данномъ случаѣ прямо признать подкупъ уголовнымъ преступленіемъ, а призналъ его только злоумышленнымъ нарушеніемъ закона, хотя въ Мэкльсфильдѣ изъ 6,000 избирателей 5,000 были подкуплены. Но и этотъ приговоръ нашли слишкомъ страннымъ. „Респектабельность" главныхъ подсудимыхъ побудила многіе классы общества соединиться для подписи петиціи къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ резолюціи суда.

Англійскій законъ противъ подкуповъ почти никогда не примѣнялся, и публика едва ли даже не забыла объ его существованіи. Впрочемъ, въ 1870 г., министръ юстиціи приговорилъ одно лицо за подобное преступленіе къ заключенію въ тюрьму на одинъ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно предупредивъ публику, что на будущее время послабленій въ этомъ отношеніи не будетъ. Разумѣется, это предостереженіе было тотчасъ позабыто. Петиція, поданная министру внутреннихъ дѣлъ въ пользу нынѣшнихъ осужденныхъ, покрыта безъ малаго 44,000 подписей, въ числѣ которыхъ стоятъ имена 32 лордовъ и 75 членовъ парламента. Въ ней выставляется на видъ, что осужденные дѣйствовали не для своей личной пользы, и что несправедливо наказывать нѣсколькихъ лицъ изъ множества другихъ виновныхъ. Консервативная печать поддержала эту петицію, стараясь сдѣлать изъ нея орудіе политической агитаціи; но министръ внутреннихъ дѣлъ оставилъ ее безъ послѣдствій, объявивъ, что онъ не видитъ надобности вмѣшиваться въ постановленіе суда.

Это самое благоразумное, что могъ сдѣлать въ этомъ случаѣ мистеръ Гаркортъ; иначе онъ создалъ бы опасный прецедентъ. Къ министру внутреннихъ дѣлъ нерѣдко обращаются съ апелляціями противъ судебныхъ приговоровъ, но онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ принимаетъ на себя роль апелляціоннаго судьи. Чаще всего случается это, когда къ нему взываютъ противъ приговора къ смертной казни. Въ Англіи въ рѣдкомъ случаѣ не находится филантроповъ или людей, заинтересованныхъ въ судьбѣ осужденнаго, которые осаждаютъ министра внутреннихъ дѣлъ просьбами о помилованіи. Онъ удовлетворяетъ эти просьбы не иначе, какъ по совѣщаніи съ судьями, если судъ самъ не ходатайствовалъ о снисхожденіи.

Въ декабрѣ истекшаго года, судамъ нашимъ не разъ приходилось разбирать вопросъ, въ какой мѣрѣ должна пользоваться избирательнымъ правомъ та огромная часть населенія, которая носитъ названіе „жильцовъ". Законъ даетъ право голоса хозяевамъ квартиръ (householder) и жильцамъ (lodger), платящимъ за комнаты не менѣе 10 фунт. въ годъ. Но недоразумѣнія происходятъ отъ неопредѣленности выраженія „dwelling-house" (жилище), подъ которымъ слѣдуетъ понимать, какъ поясняетъ законъ, „всякую часть дома, образующую отдѣльное помѣщеніе". При такомъ опредѣленіи многіе обитатели комнатъ требуютъ себѣ права голоса, ссылаясь на то, что комнаты или комната, которыя они занимаютъ, образуютъ отдѣльное отъ другихъ помѣщеніе. Вообще англійскіе суды имѣютъ не мало хлопотъ съ толкованіемъ нашихъ законовъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, сэръ Уильямъ Гаркортъ обратилъ вниманіе на увеличившееся число лицъ, имѣющихъ право, въ качествѣ нанимателей квартиръ, на избирательный голосъ. Непосредственнымъ результатомъ этого было то, что въ одномъ только изъ лондонскихъ подгородныхъ мѣстечекъ пришлось прибавить къ избирательнымъ спискамъ свыше 10,000 человѣкъ, большая часть которыхъ не отвѣчаетъ установленному цензу въ 10 фунтовъ, дающему „жильцамъ" право голоса. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ревизоры избирательныхъ списковъ отказались признать эти притязанія; но рѣшеніе ихъ было обжаловано въ королевскомъ судѣ, который рѣшилъ дѣло противъ ревизоровъ и въ пользу истцовъ. Однако дѣло этимъ не кончилось и было перенесено въ апелляціонный судъ. Дирекція избирательныхъ списковъ рѣшила вопросъ такимъ образомъ, чтобы различіе между жильцами и хозяевами квартиръ опредѣлялось проживаніемъ или непроживаніемъ въ домѣ самого домовладѣльца. Если онъ не живетъ въ домѣ, то всѣ его наниматели должны считаться хозяевами квартиръ; если же живетъ,—то „жильцами" (lodger), хотя бы онъ не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній. Понятно, что подобнымъ разграниченіемъ нельзя

удовлетвориться и оно не уменьшитъ числа судебныхъ разбирательствъ. Вспомнимъ только, что при подобномъ разграниченіи довольно домовладѣльцу, если онъ временно отсутствовалъ, возвратиться въ свой домъ, чтобы лишить избирательнаго права всѣхъ его жильцовъ, не представляющихъ 10-ти фунтоваго ценза.

Положеніе дѣлъ въ Ирландіи продолжаетъ занимать всѣ умы и служить предметомъ всѣхъ разговоровъ. Эта страна, отъ самаго завоеванія ея сдѣлавшаяся занозой въ тѣлѣ Англіи, мститъ намъ за свои страданія, держа насъ въ постоянной тревогѣ. Положеніе дѣлъ почти нисколько не улучшилось. Во многихъ отношеніяхъ, земельный законъ даже усложнилъ затрудненія. Насилія не прекращаются; ирландскіе лэндлорды требуютъ подкрѣпленій для принужденія фермеровъ къ уплатѣ рентъ и вознагражденія за потери, которыя они несутъ вслѣдствіе резолюцій земельнаго суда. Однако все же разочарованіе, съ которымъ многіе относятся теперь къ земельному закону, можно объяснить себѣ только слишкомъ преувеличенными надеждами, которыя возлагались на него. Отъ этого закона ожидали какого-то магическаго превращенія, моментальнаго успокоенія страны. Не такъ-то легко исцѣлить язвы, назрѣвавшія въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Земельный судъ дѣлаетъ свое дѣло и отвѣчаетъ своему назначенію — защищать фермеровъ противъ лэндлордовъ; но тѣ, кто ожидалъ, что тронутые фермеры тотчасъ же успокоятся, разумѣется, разочаровались. Если земельный законъ и способенъ исцѣлить хроническое зло, которымъ страдаетъ Ирландія, (на что, впрочемъ, люди дальновидные мало надѣются), то на это, во всякомъ случаѣ, нужно время, и время мирное; а ирландскій народъ, къ несчастью, обнаруживаетъ мало желанія мирно пользоваться плодами дарованной имъ реформы.

Раздраженіе, вызванное арестомъ Парнелля, усилилось арестами другихъ членовъ лиги, и на дублинскихъ улицахъ произошли такія шумныя сборища, что полиціи пришлось прибѣгнуть къ оружію, чтобы разсѣять ихъ. Разсвирѣпѣвшіе служители порядка позволили себѣ при этомъ неизвинительныя крайности, которыя далеко не способны успокоивать разбушевавшуюся толпу. Не смотря на запрещеніе сходокъ, онѣ продолжаютъ собираться, и полиція нерѣдко бываетъ безсильна противъ нихъ, такъ какъ сборища эти доходятъ иногда до 5,000 человѣкъ. Въ октябрѣ лига издала манифестъ, которымъ она пригласила фермеровъ надписать на своемъ знамени: „Не платить ренты!“ Подъ этимъ документомъ стояли подписи не только Парнелля и другихъ, заключенныхъ въ дублинской тюрьмѣ, но также и неизвѣстно какимъ способомъ добытая подпись Дэвитта, заключеннаго въ Портлэндѣ. Отъ ирландскихъ фермеровъ требова-

лось этимъ манифестомъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не платили ренты, пока правительство не откажется отъ настоящей системы терроризма и не возвратитъ Ирландіи ея конституціонныхъ правъ. „Нельзя выселить или заключить въ тюрьму цѣлую націю, говорится въ манифестѣ, а тѣ, кто будетъ выселенъ, найдутъ достаточную поддержку въ фондахъ лиги. Никакая сила не можетъ побѣдить васъ, кромѣ вашей собственной слабости. Подъ вашими ударами лэндлордизмъ уже борется со смертью. Изгоняющіе васъ лэндлорды сдѣлаются нищими, и правительство, поддерживающее ихъ своими штыками, убѣдится въ одну зиму, что оно безсильно передъ единодушной волей націи". Президентъ сходки, на которой былъ прочитанъ этотъ манифестъ, объявилъ, что сходки прекращаются, но организація лиги сохраняется и будетъ продолжать свою дѣятельность. Закрытіе сходокъ лиги было признано необходимымъ, такъ какъ иначе правительство могло бы арестовать всѣхъ ея вождей. Манифестъ этотъ былъ разосланъ ко всѣмъ двумъ тысячамъ отдѣловъ лиги. Составители его выражали надежду на поддержку со стороны католическаго духовенства, которое, въ началѣ, энергически высказалось въ пользу фермеровъ. Однако надежда эта не оправдалась. Въ письмѣ архіепископа Кэшельскаго, которое было обнародовано тотчасъ вслѣдъ за манифестомъ, эта мѣра далеко не одобрялась,— фактъ, тѣмъ болѣе знаменательный, что архіепископъ былъ до той поры самымъ пламеннымъ приверженцемъ Парнелля и даже отказался присутствовать на епископскомъ съѣздѣ, гдѣ было заявлено въ свое время, что ирландскіе епископы одобряютъ земельный законъ и совѣтуютъ фермерамъ воспользоваться имъ. Теперь же архіепископъ сожалѣетъ въ своемъ посланіи, что аграрная лига уклонилась отъ своей первоначальной программы и „измѣнила той благоразумной и справедливой политикѣ, которая снискала ей общее сочувствіе". Новая же политика ея должна привести ее, по его мнѣнію, только къ упадку и пораженію. Лига не обратила вниманія на этотъ протестъ. Вліяніе католическаго духовенства въ Ирландіи значительно ослабѣло и члены его тогда только пріобрѣтаютъ популярность, когда они, вмѣсто совѣтовъ умѣренности, подаютъ примѣръ необузданныхъ крайностей рѣчи. Правительство отвѣтило на манифестъ лиги запрещеніемъ ея, какъ противузаконной ассоціаціи, подстрекающей гражданъ къ неповиновенію закону.

Въ одинъ день съ обнародованіемъ запрещенія аграрной лиги, 20-го (8-го) октября, открылись засѣданія ирландскаго земельнаго суда. Открытіе ознаменовалось довольно комическимъ эпизодомъ. Регистраторъ, который долженъ былъ возвѣстить объ открытіи суда, поднялся съ своего мѣста и торжественно провозгласилъ: „Объявляю,

что судъ *аграрной лиги* открывается". Всеобщій смѣхъ и отчасти рукоплесканія, вызванные этой обмолвкой, заставили его спохватиться и поспѣшно прибавить: „Я подразумѣваю судъ земельной коммиссіи". Судя по первому пріему, сдѣланному аграрному суду, фермеры вовсе не были намѣрены пренебрегать этимъ суррогатомъ аграрной лиги. Они толпами сошлись на его открытіе и съ первыхъ же чиселъ ноября въ него поступило свыше 11,000 дѣлъ. Внушенія Парнелля, требовавшаго, чтобы фермеры отнюдь не обращались къ суду, пока лига не внесетъ въ него своихъ пробныхъ исковъ, очевидно остались безъ всякаго дѣйствія. Съ перваго же дѣла, рѣшеннаго судомъ, фермеры почувствовали довѣріе къ нему, и прошенія стали поступать массами. Случалось, что засѣданія суда продолжались до полночи. Правительство, не предвидѣвшее такого накопленія дѣлъ, нашлось вынужденнымъ увеличить число коммиссаровъ, разбирающихъ иски въ различныхъ частяхъ страны; въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣсколько исковъ поступало изъ одного и того же имѣнія, коммиссары разбирали лишь нѣкоторые изъ нихъ, предоставляя землевладѣльцамъ и фермерамъ вступать между собою въ полюбовное соглашеніе на основаніи этихъ прецедентовъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что коммиссіи рѣшаютъ дѣла только въ первой инстанціи, предоставляя сторонамъ апеллировать въ центральный земельный судъ въ Дублинѣ. Покажемъ способъ процедуры, принятый коммиссіями для опредѣленія „справедливой" ренты. Коммиссія освѣдомляется у фермера: оцѣненъ ли занимаемый имъ домъ отдѣльно отъ фермы; давно ли установлена настоящая рента; измѣнялась ли она въ послѣдніе 30—40 лѣтъ; когда и какія именно улучшенія сдѣланы на фермѣ въ этотъ періодъ времени; кѣмъ они сдѣланы и что̀ стоили; существуютъ ли по близости фермы какіе-нибудь промышленные заработки; какъ велика была средняя цифра ренты, которую получали лэндлорды въ послѣднее десятилѣтіе; а также средняя цифра налога для бѣдныхъ, за тотъ же періодъ времени; наконецъ, входитъ ли въ пространство фермы большая дорога, и на какомъ протяженіи? Не довольствуясь этими справками, коммиссары должны лично осмотрѣть ферму, чтобы судить объ ея стоимости. Во многихъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ коммиссарами, они имѣли возможность вполнѣ убѣдиться въ чрезмѣрности требованій, которыя предъявляются фермерамъ лэндлордами. Такъ, напримѣръ, владѣлецъ одной фермы, отданной въ аренду на 21 годъ за 430 фунт. стерл., вздумалъ, въ 1862 г. увеличить арендную плату до 640 фунт., хотя улучшеній на фермѣ никакихъ не было сдѣлано и самъ владѣлецъ находился въ отсутствіи, въ Австраліи. Коммиссія, разсмотрѣвъ это дѣло, постановила уменьшить арендную плату до 472 фунт. стерл. Другой примѣръ: въ одномъ

имѣніи фермеры уже нѣсколько лѣтъ, какъ отказались платить ренту, предложивъ, вмѣсто требуемой землевладѣльцемъ, ту сумму, въ которую земли были оцѣнены нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительственною коммиссіею. Лэндлордъ отказался, и съ тѣхъ поръ фермеры перестали платить ренту. Дѣло это поступило въ коммиссію земельнаго суда, которая предложила лэндлорду получать ренту, включая недоимки въ той нормѣ, которая стояла 15 лѣтъ тому назадъ, — другими словами, уменьшила на 50% требуемую имъ сумму. Подобные примѣры побудили многихъ изъ лэндлордовъ вступать въ сдѣлки съ своими арендаторами, чтобы не входить въ напрасныя издержки, сопряженныя съ судебнымъ искомъ. Въ одномъ подобномъ случаѣ рента въ 6 фунт. стерл. была уменьшена до 2 фун. Но были и такіе случаи, когда фермеры теряли отъ обращенія къ суду. Такъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ рента, стоявшая въ 3 фунта 15 шилл., была увеличена до 3 ф. 17 шилл., безъ всякихъ притязаній на это со стороны лэндлорда. Съ 1-го ноября по Рождество коммиссіи разсмотрѣли 503 дѣла, понизивъ ренту въ среднемъ выводѣ до $24\frac{1}{2}\%$. Половина этихъ рѣшеній была обжалована въ апелляціонной инстанціи.

Не на однихъ фермерахъ отозвались благодѣтельные результаты земельнаго закона, но и на другомъ, еще болѣе обездоленномъ и безпомощномъ классѣ людей. Мнѣ уже случалось говорить прежде о тяжелой долѣ ирландскихъ рабочихъ-земледѣльцевъ, которые столько же терпятъ отъ фермеровъ, сколько послѣдніе отъ лэндлордовъ. Человѣческая природа вездѣ одинакова; поэтому нечего удивляться, что люди, которые горько жалуются на притѣсненія, въ свою очередь—и едва-ли даже не хуже—притѣсняютъ другихъ людей, поставленныхъ въ зависимость отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коммиссіямъ удалось нѣсколько облегчить положеніе этихъ бѣдняковъ и настоять по крайней мѣрѣ на устройствѣ для нихъ лучшихъ помѣщеній. Въ графствѣ Килькенни, напримѣръ, коммиссары встрѣчали во многихъ мѣстахъ такой порядокъ вещей, „который,—какъ говорится въ ихъ отчетахъ,—оскорбляетъ всякое человѣческое чувство. Несчастные крестьяне живутъ у фермеровъ въ маленькихъ конурахъ, отдѣленныхъ отъ хлѣва каменною стѣной и не имѣющихъ другого выхода, какъ черезъ хлѣвъ, по толстому слою навоза. Въ такихъ конурахъ спятъ по пяти человѣкъ". Коммиссія распорядилась, чтобы для рабочихъ устроивались отдѣльныя хаты, при которыхъ находилось бы не менѣе полу-акра земли.

Въ настоящее время политическая дѣятельность тѣхъ немногихъ членовъ аграрной лиги, которые еще остаются на свободѣ, внушается скорѣе чувствомъ мести, чѣмъ безкорыстнымъ служеніемъ

своему дѣлу. Они приглашають ирландскихъ избирателей подавать голоса за консервативныхъ кандидатовъ, увѣряя, что консервативная политика тождественна, въ практическомъ отношеніи, съ политикою Парнелля. Лэндлорды будто бы ничего не имѣютъ противъ отвода отъ нихъ земель для крестьянъ, подъ условіемъ соотвѣтственнаго вознагражденія настоящихъ землевладѣльцевъ. Согласно съ консерваторами предводители лиги утверждаютъ, что земельный законъ не способенъ привести къ замиренію страны, если въ законъ этотъ не войдетъ система *выкупа земель*, основанная на широкихъ началахъ. Подобную тактику могло внушить лидерамъ только отчаяніе. Никакое консервативное правительство не захотѣло бы, да и не могло бы, приступить къ систематическому выкупу земель у ирландскихъ лэндлордовъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, сами консерваторы съ удивленіемъ смотрятъ на своихъ новыхъ союзниковъ.

Между тѣмъ, безпорядки въ несчастной Ирландіи не прекращаются и цѣлые столбцы газетъ заполняются описаніями убійствъ, поджоговъ, изувѣченія скота и всяческихъ насилій. Хуже всего то, что никогда нельзя знать навѣрное, сколько во всемъ этомъ правды и сколько—лжи. Преувеличенія и присочиненія въ этомъ родѣ, въ интересахъ той или другой стороны, стали самымъ обычнымъ дѣломъ и уже сами по себѣ служатъ весьма неутѣшительнымъ симптомомъ. Такъ, напримѣръ, Гербертъ Гладстонъ (сынъ премьера) слышалъ отъ одного изъ полицейскихъ инспекторовъ въ Ирландіи, что въ 22 случаяхъ поджоги оказались чисто фиктивными. Фермеры сами поджигали свои строенія, чтобы имѣть поводъ оправдываться въ неплатежѣ ренты застращиваньемъ. Однимъ изъ послѣдствій соціальной борьбы въ Ирландіи сдѣлалось полное прекращеніе охотъ, отнявшее у этой страны около милліона стерлинговъ, бо̀льшая часть которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отправилась въ Англію, гдѣ ирландскіе лэндлорды принуждены искать удовлетворенія своей страсти къ охотѣ. Мало того, существовалъ проектъ проведенія новой вѣтви желѣзной дороги спеціально для удобства охотниковъ, который далъ бы заработокъ множеству бѣднаго народа. Но теперь проектъ этотъ покинутъ.

На сколько можно судить по извѣстнымъ фактамъ, преступленія въ Ирландіи утрачиваютъ въ послѣднее время чисто аграрный характеръ и принимаютъ оттѣнокъ феніанизма,—безъ сомнѣнія, вслѣдствіе ожесточенія, вызваннаго крутыми мѣрами правительства. Виновниками терроризма и насилій дѣлаются не столько фермеры, сколько агенты тайныхъ обществъ, дѣятельность которыхъ даетъ себя чувствовать многими способами. Полиція уже открыла нѣсколько складовъ оружія американскаго происхожденія. Аграрный вопросъ

въ Ирландіи, вѣроятно, могъ бы быть улаженъ безъ большого труда, при помощи такихъ мѣръ, какъ земельный законъ, если бы американскіе ирландцы не раздували въ Ирландіи національнаго духа и вѣковой вражды къ Англіи, грозящихъ въ будущемъ гораздо болѣе важными опасностями, чѣмъ аграрныя смуты.

Я уже упоминалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ объ организаціи женской аграрной лиги, во главѣ которой стоитъ сестра Парнелля. Эта лига образовалась подъ предлогомъ оказывать поддержку семействамъ выселенныхъ фермеровъ, но вскорѣ дѣятельность ея приняла другой характеръ и она стала продолжать агитацію центральной лиги. Въ декабрѣ правительство объявило женскую лигу противузаконною, пригрозивъ ея членамъ заключеніемъ въ тюрьму. Нѣкоторыя изъ участвовавшихъ въ ней женщинъ уже арестованы за подстрекательство фермеровъ къ неплатежу ренты.

Въ началѣ настоящаго года ирландское правительство приняло новый планъ противодѣйствія безпорядкамъ. Оно раздѣлило наиболѣе анархическія изъ графствъ на пять округовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ особаго резидента, съ правомъ принимать мѣры по своему усмотрѣнію. Резиденты, которымъ подчинены войска и полиція, обязаны доносить, если у нихъ недостаточно этихъ силъ для поддержанія порядка. На нихъ лежитъ также обязанность объѣзжать свой округъ, предлагать мѣры для защиты жизни и собственности жителей и составлять доклады о дѣйствіи принудительнаго и земельнаго законовъ. Повѣстки о выселеніи фермеровъ отправляются теперь по почтѣ, чтобы не подвергать опасности приставовъ, съ которыми онѣ прежде посылались. Упомянутые пять округовъ составляютъ около половины Ирландіи и имѣютъ болѣе двухъ милліоновъ жителей, изъ которыхъ слишкомъ 93% католики. Ихъ невѣжество поразительно. Болѣе чѣмъ на 38% всего населенія неграмотны и около 55% земли лежитъ подъ выгонами. Поэтому большая часть жителей ведетъ праздную жизнь пастуховъ, дѣлающую ихъ, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, особенно доступными вліянію агитаторовъ.

Въ декабрѣ, лондонскій лордъ-мэръ созвалъ въ Мэншонъ-Гаузѣ, митингъ подъ предлогомъ образованія фонда для вспоможенія семействамъ ирландскихъ лэндлордовъ и для содѣйствія имъ въ принужденіи фермеровъ къ уплатѣ ренты. Много говорилось при этомъ о крайней нуждѣ, терпимой семьями ирландскихъ землевладѣльцевъ, которыя вынуждены существовать благотворительностью своихъ друзей. Противъ этого можно бы возразить, что временная нужда этихъ семействъ ничто въ сравненіи съ той нуждой, которую терпѣли въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ массы бѣднѣйшихъ фермеровъ; но это соображеніе, разумѣется, не было принято въ разсчетъ собраніемъ

въ Мэншонъ-Гаузѣ. Однако большинство публики отнеслось къ плану новой ассоціаціи съ недовѣріемъ, въ особенности, когда стало извѣстно, что нѣкоторыя части рѣчей лэндлордовъ, присутствовавшихъ на митингѣ въ Мэншонъ-Гаузѣ,—рѣчей весьма воинственныхъ,—были выпущены въ оффиціальномъ отчетѣ. Вскорѣ для всѣхъ стало ясно, что это движеніе есть не что иное, какъ интрига партіи, съ цѣлью повредить правительству въ глазахъ страны. На первомъ митингѣ лордъ-мэръ прикрылся именемъ Гладстона, объявивъ, что первый министръ не находитъ въ его проектѣ „ничего противузаконнаго". Оказалось однако, что эти слова перваго министра относились къ ассоціаціи „защиты правъ собственности въ Ирландіи", не имѣющей ничего общаго съ затѣей лорда-мэра. Названная ассоціація, не принесшая, впрочемъ, большой пользы, имѣетъ цѣлью только взаимную охрану между лэндлордами отъ непосредственныхъ опасностей ихъ положенія. Ассоціація же, затѣянная лордомъ-мэромъ, имѣла чисто воинственный характеръ и могла бы только усилить взаимную вражду между двумя народами. Ничего не можетъ быть опаснѣе въ настоящую минуту, какъ связывать споръ между лэндлордами и фермерами со взаимными счетами между ирландцами и англичанами. Ирландская печать тотчасъ взглянула на дѣло съ этой точки зрѣнія и подняла тревогу противъ новой опасности. „Основаніе фонда Мэншонъ-Гауза,—заявила газета „United Ireland",—есть не что иное, какъ переходъ отъ сословной борьбы въ Ирландіи къ борьбѣ не на животъ, а на смерть, между ирландскимъ народомъ и англійскимъ гарнизономъ въ 60,000 штыковъ". За это „мятежное" заявленіе газета была запрещена, а редакторъ ея арестованъ. Впрочемъ, затѣя лорда-мэра не удалась. Публика, заподозривъ въ ней интригу партіи, не оказала ей никакой поддержки.

3-го января въ Ирландіи произошла сходка лэндлордовъ подъ предсѣдательствомъ лорда Аберкорна, въ которой участвовало до 3,000 человѣкъ. Цѣлью сходки было осужденіе способа примѣненія земельнаго закона въ Ирландіи. Ораторы заявили, что способъ этотъ похожъ на насмѣшку, такъ-какъ въ рѣдкихъ случаяхъ рента не уменьшается отъ 20 до 40 и даже до 50%. Сходка приняла резолюцію, напоминающую объ обѣщаніи правительства не понижать цѣны земель и протестующую противъ образа дѣйствій коммиссаровъ земельнаго суда, которые понижаютъ ренту по поверхностной оцѣнкѣ земли, не имѣя понятія объ ея дѣйствительной стоимости. Ораторъ, мотивировавшій эту резолюцію, высказалъ предположеніе, что коммиссарамъ внушено уменьшать ренту „во всякомъ случаѣ". Вмѣсто того, чтобы оставить безъ вниманія это смѣлое предположеніе, мистеръ Форстеръ любезно поспѣшилъ опровергнуть

его. Въ другой резолюціи лэндлорды потребовали, чтобы дѣйствія земельной коммиссіи были пріостановлены и, чтобы въ случаѣ неудовлетворенія по поданнымъ на нихъ апелляціямъ парламентъ постановилъ вознаградить лэндлордовъ за уменьшеніе ихъ доходовъ. Само собою разумѣется, что правительство не можетъ уважить этихъ требованій, такъ какъ пріостановка дѣятельности коммиссій земельнаго суда равнялась бы осужденію ея, даже не дожидаясь рѣшеній апелляціонной инстанціи. Наконецъ, въ третьей резолюціи постановлено подать королевѣ петицію съ изложеніемъ требованій лэндлордовъ.

Въ одинъ день съ этой сходкой дублинскій городской совѣтъ постановилъ поднести Парнеллю и Диллону почетное гражданство (уже поднесенное послѣднему городомъ Коркомъ) и ходатайствовать у правительства о временномъ освобожденіи ихъ для личнаго принятія почетныхъ грамотъ. Само собою разумѣется, что Форстеръ не исполнилъ этой просьбы, но во всякомъ случаѣ рѣшеніе дублинскаго муниципальнаго совѣта, такъ рѣзко идущее въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи, служитъ весьма характеристичнымъ симптомомъ національнаго чувства, охватившаго всѣ классы ирландскаго населенія.

Въ первыхъ числахъ января представители крайней либеральной партіи въ министерствѣ, Брайтъ и Чэмберлэнъ, произнесли рѣчи передъ своими избирателями въ Бирмингэмѣ, и оба разсуждали объ ирландскихъ дѣлахъ. Брайтъ старался оправдать перемѣну своего взгляда на примѣненіе въ Ирландіи принудительнаго закона, заставившую радикаловъ примириться съ этой мѣрой. Правительство, основываясь на донесеніяхъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Ирландіи, не видѣло другого средства для защиты мирной части населенія, кромѣ подкрѣпленія исполнительной власти. Прибѣгнувъ ко временному насильственному подавленію смутъ, правительство съ самаго начала имѣло въ виду воспользоваться успокоеніемъ для прочнаго улучшенія положенія ирландскаго народа. Да и кто первый прекратилъ дѣйствіе законовъ въ Ирландіи, какъ не сами ирландцы, представители которыхъ открыто похвалялись въ парламентѣ ниспроверженіемъ въ ихъ странѣ англійскихъ законовъ?

Такова сущность оправданій Брайта. Какъ видимъ, онъ далеко ушелъ отъ своего прежняго лозунга: „насиліе не лекарство". Приблизительно такими же соображеніями объяснялъ свой поворотъ къ принудительной политикѣ и мистеръ Чэмберлэнъ. Онъ былъ противъ принужденія, пока дѣло шло о справедливыхъ жалобахъ фермеровъ; но теперь, когда фермеры удовлетворены свыше всякаго ожиданія, когда миновало голодное время и хлѣбъ уродился въ изобиліи, когда,

наконецъ, фермеры сами похваляются тѣмъ, что у нихъ въ карманѣ довольно денегъ для уплаты ренты,—онъ не можетъ объяснить себѣ продолженія смутъ и принятаго ими жестокаго характера ничѣмъ другимъ, кромѣ агитаціи въ пользу отдѣленія отъ Англіи,—агитаціи, противъ которой правительство обязано бороться смѣло и рѣшительно. Чэмберлэнъ обсуждалъ также вопросъ о вознагражденіи лэндлордовъ. Рѣшенія земельнаго суда уменьшили ренту въ среднемъ выводѣ до 25%, что̀ составляетъ на всю Ирландію около 4.000,000 въ годъ. Четыре милліона ренты представляютъ капиталъ во сто милліоновъ фунт. стерл. Спрашивается: согласится ли англійская нація призвать министерство торіевъ лишь для того, чтобы оно вынуло изъ кармана англійскихъ и шотландскихъ плательщиковъ налоговъ сто милліоновъ стерл. для удовлетворенія ирландскихъ лэндлордовъ? „Pall-Mall Gazette", одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ радикальныхъ о̀ргановъ, разсуждая о томъ же предметѣ, напоминаетъ, что лэндлорды дѣлятся на два различные класса: наслѣдственныхъ, и тѣхъ, которые пріобрѣли свои помѣстья сравнительно недавно. Послѣдніе, купившіе заложенныя родовыя земли у прежнихъ владѣльцевъ при посредствѣ правительственныхъ коммиссій, учрежденныхъ лѣтъ 30 тому назадъ спеціально для продажи такихъ земель, громче всѣхъ требуютъ вознагражденія лэндлордовъ за ихъ настоящія потери. Многія изъ заложенныхъ имѣній перешли въ руки фермеровъ-капиталистовъ, которые, сдѣлавшись собственниками и имѣя въ виду только наиболѣе выгодное помѣщеніе своего капитала, значительно увеличили ренту, отказавъ отъ аренды тѣмъ изъ прежнихъ фермеровъ, которые отказались принять новыя условія. Эти-то кулаки и считаютъ себя наиболѣе обиженными, ссылаясь на то, что они купили земли подъ правительственной гарантіей, не предвидя ничего подобнаго настоящему земельному закону. Возможно ли предположить, что правительство потребуетъ отъ англійскихъ плательщиковъ налоговъ вознагражденія людей, заявившихъ себя эксплуататорами? Во всякомъ случаѣ, принять во вниманіе этотъ крикъ о вознагражденіи значило бы прямо признать, что земельный законъ въ своей настоящей формѣ несправедливъ. Если лэндлорды въ правѣ требовать вознагражденія, то это должно было быть предусмотрѣно въ законѣ, а не опущено совершенно. Вопросъ о вознагражденіи разсматривался при обсужденіи закона, но былъ исключенъ, и съ тѣхъ поръ не произошло ничего такого, что могло бы измѣнить это рѣшеніе. Нельзя также не обратить вниманія и на весьма мѣткія замѣчанія, сдѣланныя на этотъ счетъ лордомъ Дерби на одномъ либеральномъ митингѣ. „При всемъ моемъ уваженіи къ правамъ собственности,—сказалъ онъ,—справедливость требуетъ, чтобы во времена революціонныхъ смутъ, какія происхо-

дять теперь въ Ирландіи, люди, для защиты которыхъ правительство беретъ на себя столько заботъ и хлопотъ, покорялись необходимости принесть и съ своей стороны нѣкоторыя жертвы. Предоставьте ирландскимъ лэндлордамъ самимъ вѣдаться съ своими фермерами,—и вы увидите, что изъ этого выйдетъ: не только платежъ ренты прекратится окончательно, но и самому существованію лэндлордовъ въ Ирландіи будетъ положенъ конецъ. Люди, которымъ бросаютъ доску для перехода съ тонущаго корабля на твердую землю, не должны бы такъ много кричать о потерѣ части своей собственности".

Лордъ Дерби вообще отличается трезвостью и безпристрастіемъ своихъ сужденій, но не смотря на то, онъ, ни въ бытность свою консерваторомъ, ни теперь, съ переходомъ на сторону либераловъ, не является особенно сильнымъ столпомъ своей партіи. Обладая рѣдкимъ здравомысліемъ, онъ не терпитъ преувеличеній, свойственныхъ политическому возбужденію умовъ. Онъ ясно видитъ, что люди, вдавшіеся въ политическую борьбу, относятся къ рѣшаемымъ вопросамъ не искренно и не безпристрастно; его собственный темпераментъ предохраняетъ его отъ увлеченій въ задачахъ, которыя могутъ быть рѣшены только холоднымъ разсудкомъ. Упомянутую рѣчь онъ произнесъ на банкетѣ ливерпульскаго клуба реформы и, разумѣется, прежде всего коснулся въ ней своего перехода на сторону либераловъ. „Я не вижу надобности,—сказалъ онъ,—отрекаться отъ того, что̀ я говорилъ въ прежніе года. Я былъ консерваторомъ, но торіемъ не былъ никогда. Прерогативы высшихъ классовъ и церковныя привиллегіи никогда не находили во мнѣ защитника. Еще менѣе сочувствовалъ я новѣйшему понятію, будто государство не можетъ быть сильнымъ, не воюя постоянно съ своими сосѣдями. Наблюденія и опыты многому выучили меня. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ безполезности противодѣйствія прогрессу народныхъ идей, и въ томъ, что массы, закрѣпивъ за собою власть, будутъ пользоваться ею съ умѣренностью и справедливостью". Лордъ Дерби не замѣчаетъ въ Англіи и Шотландіи той сословной вражды, коренящейся въ зависти бѣдныхъ классовъ къ богатымъ, которая сказывается въ континентальной политикѣ. „Если наши богатые и образованные классы,—прибавляетъ онъ,—будутъ дѣйствовать осторожно; если они сами станутъ во главѣ движенія, ведущаго къ необходимымъ реформамъ, то истинные интересы ихъ мало пострадаютъ и они удержатъ за собою большую долю вліянія въ государственныхъ дѣлахъ".

Въ настоящее время, эта оптимистическая точка зрѣнія кажется довольно вѣрной; но оправдается ли она въ будущемъ,—это остается еще вопросомъ.

G. R. G.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Возрожденіе итальянскихъ финансовъ.

Новый годъ начался въ Европѣ среди тревожныхъ предзнаменованій. На такъ-называемомъ турецкомъ востокѣ, въ томъ самомъ пунктѣ, откуда вышли событія, повлекшія за собою послѣднюю войну между Россіей и Турціей, собрались грозовыя тучи и разразились народнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ австрійскаго владычества. Франція, продолжающая воевать въ Африкѣ, пережила въ теченіе одного мѣсяца два крупныхъ министерскихъ кризиса и одинъ биржевой. Въ Германіи внутренній политическій кризисъ остается по прежнему явленіемъ хроническимъ и угрожаетъ перейти въ открытый разладъ между народнымъ представительствомъ и короной. Но мы не остановимся пока ни на одномъ изъ этихъ явленій, смыслъ и значеніе которыхъ далеко не опредѣлились. Мы предпочитаемъ обратить вниманіе читателей на явленіе, болѣе положительное и болѣе близкое къ тому вопросу, которымъ озабочена теперь и русская публика, къ вопросу финансовому, на поучительныя преобразованія, которымъ подверглись за послѣднее время итальянскіе финансы, послѣ десятилѣтія упорныхъ усилій привести ихъ въ порядокъ и дать имъ болѣе правильное направленіе на будущее время.

Извѣстно, что со времени объединенія Италіи, ею управляютъ бывшая піемонтская династія и бывшіе піемонтскіе государственные люди. Піемонтъ былъ политической школой, подготовившей для Италіи людей и систему, которые привели ее къ единству и политической независимости. Его финансы, серьёзно контролируемые народнымъ представительствомъ, были въ порядкѣ, и маленькая страна, бюджетъ которой не превышалъ парижскаго городского бюджета, пользовалась кредитомъ на европейскихъ денежныхъ рынкахъ. Война за независимость и присоединеніе другихъ итальянскихъ государствъ вызвали несоразмѣрное съ доходами увеличеніе расходовъ, многочисленные внѣшніе и внутренніе займы и введеніе принудительнаго курса бумажныхъ денегъ. Итальянскому правительству и палатамъ надо было вводить единообразное законодательство и одинаковую систему налоговъ въ новыхъ провинціяхъ, бывшихъ прежде независимыми государствами и имѣвшихъ каждая свои особенные фискальные порядки, свои привычки и преданія. И надо отдать имъ справедливость: они умѣли

составить новый, общій для всей Италіи, законъ, опредѣлившій порядокъ составленія бюджетовъ, правила отчетности и контроля, очень близко подходящія къ тѣмъ, какія приняты въ Англіи и въ Бельгіи, и чуждыя того излишняго формализма, который мало-по-малу проникъ, по отзывамъ самихъ французскихъ финансистовъ, въ финансовую систему Франціи, пропитанную недовѣріемъ казны и къ частнымъ лицамъ, и къ ея собственнымъ агентамъ. Во Франціи бюджетъ составляется за полтора года до того срока, когда начинается его примѣненіе. Бюджетъ на 1883 годъ долженъ быть представленъ на обсужденіе палатъ въ началѣ 1882 года; поэтому министерства приступаютъ къ его составленію, каждое по своей части, полгода раньше, а такое преждевременное составленіе смѣты исключаетъ возможность вносить въ нее точныя цифры. Мало ли что можетъ измѣниться и дѣйствительно измѣняется въ теченіе полутора годовъ! Оттого цифры французскихъ бюджетовъ, по преимуществу приблизительны, гадательны, и мало предохраняютъ отъ чрезвычайныхъ кредитовъ, вызываемыхъ непредвидѣнными обстоятельствами. Самое дѣйствіе утвержденнаго палатами бюджета слишкомъ продолжительно во Франціи. Кредиты, разрѣшенные палатами на одинъ годъ, остаются въ распоряженіи министровъ до іюля слѣдующаго года. Мѣра эта допущена тамъ въ интересѣ за-океаническихъ владѣній Франціи, не смотря на существованіе телеграфовъ и пароходства, и ведетъ къ тому, что счетная палата можетъ приняться за провѣрку исполненія бюджета лишь къ концу года, слѣдующаго за годомъ, въ которомъ бюджетъ былъ примѣненъ и исполненъ. Исполненіе даннаго бюджета обыкновенно бываетъ въ точности извѣстно только три года спустя послѣ его примѣненія. Исполненіе и провѣрка бюджета въ Англіи не знаютъ такихъ проволочекъ. Въ англійскомъ финансовомъ управленіи все ясно во всякую данную минуту, какъ въ правильно поставленномъ и благоустроенномъ банкѣ. Англійскій финансовый годъ, начинающійся 1-го апрѣля, заключается 31-го марта. Излагая парламенту въ началѣ апрѣля финансовое положеніе Англіи, министръ финансовъ въ точности знаетъ цифру прихода и расхода за истекшій финансовый годъ. Такъ какъ большая часть расходовъ ежегодно повторяется въ бюджетахъ, то парламентъ обсуждаетъ собственно тѣ статьи расходнаго бюджета, которыя по чему-либо подверглись измѣненію противъ прежнихъ лѣтъ, и обсужденіе бюджета на будущій финансовый годъ происходитъ не задолго до 1-го апрѣля. Доходный бюджетъ, опредѣленный палатой общинъ, остается въ силѣ и на будущіе годы, пока не будетъ измѣненъ особымъ закономъ, предложеннымъ министрами и утвержденнымъ палатой. Обсужденію бюджета рѣдко посвящается больше,

чѣмъ одно засѣданіе. Палата общинъ утверждаетъ предложеніе канцлера казначейства (министра финансовъ), предоставляя ему отвѣчать впослѣдствіи за вѣрность его разсчетовъ. Утвержденныя измѣненія въ бюджетѣ примѣняются уже черезъ двадцать-четыре часа. Если палата, во время сессіи, признаетъ нужнымъ сдѣлать въ бюджетѣ другія перемѣны по предложенію своихъ членовъ, то эти измѣненія облекаются въ форму резолюцій, примѣнимыхъ съ будущаго финансоваго года и потому не нарушающихъ экономіи текущаго.

Итальянское правительство приняло для своихъ бюджетовъ существенныя черты англійской системы. По закону, утвержденному итальянскими палатами въ 1876 году, министръ финансовъ обязанъ ежегодно представлять свою бюджетную смѣту на будущій годъ президенту палаты депутатовъ не позже 15-го сентября. Финансовая коммиссія палаты, избираемая на всю сессію, тотчасъ приступаетъ къ обсужденію этой бюджетной смѣты, вносимой затѣмъ, въ концѣ октября, въ полное собраніе палаты, которая должна окончить ея обсужденіе къ 1-му января будущаго года. Въ составъ этой смѣты входятъ сначала только приблизительныя цифры; но законъ вмѣняетъ министру финансовъ въ обязанность представлять къ 15-му марта окончательный бюджетъ и излагать передъ палатой общее положеніе финансовъ въ данную минуту, вмѣстѣ съ результатами исполненія бюджета за прошлый годъ. На случай какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ нуждъ и расходовъ, представившихся въ промежуткахъ между парламентскими сессіями, законъ даетъ правительству возможность обходиться безъ чрезвычайнаго созыва палатъ и безъ чрезвычайныхъ кредитовъ. Въ бюджетъ обыкновенно вносятся, подъ именемъ „резервнаго фонда", два кредита: одинъ въ три милліона на обязательные, но непредвидѣнные расходы, другой—въ четыре милліона на расходы не обязательные и также непредвидѣнные. Такимъ образомъ, въ случаѣ какихъ-нибудь неожиданныхъ катастрофъ—наводненія, землетрясенія и т. п.—правительство всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи до семи милліоновъ франковъ даже и въ такое время, когда не засѣдаютъ палаты.

Удобства подобной бюджетной системы очевидны. Она даетъ правительству и палатѣ депутатовъ полную возможность составлять бюджетныя смѣты, очень близкія къ послѣдующему дѣйствительному расходу. Сверхъ того, бюджетный годъ строго опредѣленъ въ итальянскомъ законѣ. Внесенные въ него счеты доходовъ и расходовъ должны быть закончены 31 декабря, безъ всякаго переноса суммъ на будущій годъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ каждаго года парламентъ уже имѣетъ передъ собою докладъ счетной палаты объ исполненіи бюджета за предшествовавшій годъ. Спеціальное назначеніе кредитовъ,

назначенныхъ въ бюджетѣ, строго ограждено итальянскимъ закономъ. Онъ не допускаетъ ни переноса суммъ изъ одной расходной статьи въ другую, ни такъ-называемыхъ возмѣщеній, при которыхъ сбереженія по какой-нибудь статьѣ употребляются на производство какого-нибудь не утвержденнаго бюджетомъ расхода. Полтора года тому назадъ, въ іюлѣ 1880 года, палата депутатовъ подкрѣпила особою резолюціей всѣ эти прежнія постановленія. Прежніе министры признавали, что они не имѣютъ права выходить, безъ разрѣшенія парламента, изъ кредитовъ, назначенныхъ имъ на такъ-называемые факультативные, не обязательные расходы; но они не считали себя связанными этимъ правиломъ по отношенію къ расходамъ обязательнымъ, и находили возможнымъ производить расходы этого рода безъ особаго разрѣшенія парламента. Такое отношеніе къ дѣлу было неправильно съ точки зрѣнія министра финансовъ, Мальяни, и онъ самъ просилъ палату депутатовъ о разъясненіи этого сомнительнаго пункта въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Вслѣдствіе того палата утвердила резолюцію, въ силу которой министры обязаны, въ случаѣ полнаго израсходованія резервнаго фонда, испрашивать особое разрѣшеніе парламента на всякій дальнѣйшій расходъ, относится ли онъ къ числу обязательныхъ или только факультативныхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливость итальянскому министерству финансовъ: оно не только по необходимости подчиняется контролю, но и само напрашивается на контроль. Въ апрѣлѣ прошлаго года Мальяни сказалъ объ этомъ въ палатѣ: „По моему мнѣнію, министръ финансовъ долженъ постоянно заботиться объ усиленіи и подкрѣпленіи гарантій, ограждающихъ управленіе общественными суммами. По моему мнѣнію, онъ всегда долженъ желать, чтобы парламентскій контроль доходилъ до самаго крайняго своего предѣла, потому что такое огражденіе порядка и уваженія къ закону служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существенной основой процвѣтанія и доброй славы финансовъ“.

При такомъ порядкѣ, финансовыя реформы предлагаются не одновременно съ бюджетомъ, но, какъ это дѣлается и въ Англіи, въ видѣ особыхъ законопроектовъ, обсуждаемыхъ парламентомъ независимо отъ бюджета и съ которыми министръ финансовъ соображается потомъ при составленіи смѣтъ на будущіе годы.

Послѣ соединенія Италіи въ одно королевство, ея финансы находились въ ужасающемъ положеніи. Съ 1866 по 1870 годъ, всѣ ея бюджетные годы оканчивались большими дефицитами, изъ которыхъ самый меньшій (1869 года) превышалъ 148 милл. лиръ (франковъ), а самый бо́льшій—721 милліонъ. Въ общей сложности за все это пятилѣтіе расходы превысили государственный доходъ слишкомъ на

полторы тысячи милліоновъ лиръ. А между тѣмъ, Италія уже и прежде была обременена неоплатными государственными долгами. Приближалось время, когда новые займы могли оказаться совершенно недоступными по тягости условій, на которыхъ могъ быть оказанъ кредитъ государству, близкому къ разоренію и банкротству. Итальянская рента падала до 45, даже до 36 лиръ за сто. Государству пришлось прибѣгнуть, подъ видомъ національнаго займа, къ настоящему принудительному внутреннему займу и къ усиленнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ, которыхъ къ 1870 году было въ обращеніи не менѣе 445 милліоновъ. Страшные дефициты, возрастающій долгъ, упадокъ кредита, усиленный вывозъ звонкой монеты и безпрерывное умноженіе ассигнацій—вотъ что представляли собою итальянскіе финансы не дальше какъ десять лѣтъ тому назадъ. И однако же Италія съумѣла выйти изъ этого страшнаго положенія при всей относительной скудости своего промышленнаго развитія, при сравнительно низменномъ уровнѣ народнаго образованія. Строжайшая бережливость и дѣятельный контроль народнаго представительства въ короткое время возвратили ея финансамъ столь желанное и, повидимому, недосягаемое нормальное положеніе.

Исторія этого возрожденія итальянскихъ финансовъ чрезвычайно поучительна, и мы остановимся на ней подробнѣе. Исключительное положеніе дѣлъ требовало и героическихъ средствъ для своего превращенія въ нормальное, и Италія принесла, для достиженія этой цѣли, громаднѣйшія жертвы. Такъ-называемые неизбѣжные расходы были уменьшены до возможно скромной нормы; многіе расходы, считавшіеся необходимыми, напр., подновленіе матеріальной части флота и арміи, были отложены; содержаніе чиновниковъ сокращено до крайности, и сокращалось еще и оттого, что выдавалось не звонкой монетой, а ассигнаціями, съ вычетами въ видѣ уплаты и ими подоходнаго налога. Параллельно придумывались и всевозможныя средства для увеличенія доходовъ. Новые налоги вводились одинъ за другимъ, возбуждая общее недовольство, но сокращая мало-по-малу дефициты. Все было обложено: итальянскіе продукты и произведенія, вывозимые за границу, хлѣбъ, мясо, соль, напитки, табакъ. Государство наложило руку на имущество духовенства, монастырей и духовныхъ орденовъ, въ надеждѣ извлечь изъ него много дохода, но эти надежды не оправдались. Между духовными имуществами оказалось много такихъ, которыя имѣли историческую или художественную цѣну, но не приносили дохода и потребовали, напротивъ, новыхъ расходовъ на свое содержаніе. Обращеніе монастырей въ тюрьмы и казармы повело къ значительнымъ расходамъ на приспособленіе зданій къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ;

въ самомъ Римѣ нѣкоторыя изъ импровизированныхъ такимъ образомъ казармъ рѣшено замѣнить, по ихъ негодности, новыми помѣщеніями для войскъ. Между тѣмъ, государство обязалось выдавать содержаніе и пенсіи духовенству и орденамъ, лишеннымъ своего имущества. Конечно, со временемъ эта финансовая мѣра сдѣлаетъ государство обладателемъ художественныхъ сокровищъ и крупныхъ имѣній и зданій, но до сихъ поръ она не оправдала его ожиданій. Вмѣсто облегченія бюджета, она послужила только къ его обремененію, и потому можетъ быть отнесена къ числу самыхъ неудачныхъ мѣръ, принятыхъ въ Италіи для поправленія финансовъ.

Гораздо болѣе благопріятные результаты дали другія мѣры, особенно контроль и налоги на предметы потребленія. Сами по себѣ, независимо отъ опаснаго положенія итальянскихъ финансовъ, эти налоги были страшно тяжелы для народа; но правительство предлагало, а палаты утверждали ихъ, ссылаясь на крайнюю необходимость выйти изъ критическаго положенія. Сокращеніе расходовъ одновременно съ увеличеніемъ дохода посредствомъ новыхъ налоговъ, привело уже въ теченіе слѣдующаго пятилѣтія (1870—75) къ постепенному уменьшенію дефицита. Въ 1871 году онъ не превышалъ 74 милліоновъ, въ 1874 году уменьшился до 13 милл., а съ 1875 года итальянскіе бюджеты ни разу не заканчивались дефицитомъ. Съ этого года прекратились и новые выпуски бумажныхъ денегъ, при помощи которыхъ государство покрывало свои нужды. Въ 1870 году, какъ мы сказали выше, бумажныхъ денегъ было въ обращеніи 450 милліоновъ, а къ 1875 году это количество удвоилось: оно дошло до 940 милліоновъ. Къ счастію для итальянскихъ финансовъ, оно было остановлено на этой цифрѣ. Государственные люди Италіи хорошо понимали, что рано или поздно придется изъять изъ обращенія эти денежные знаки, что они—скрытый заемъ, уплата котораго есть дѣло національной чести; они не были ослѣплены безвозмездностью и временной легкостью такихъ займовъ и не могли не видѣть невыгодныхъ сторонъ бумажнаго обращенія въ странѣ. Во-первыхъ, государство теряло очень много на лажѣ при своихъ ежегодныхъ уплатахъ по иностраннымъ займамъ. При размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету, оно приплачивало иногда до 20 проц. Во-вторыхъ, страна и частныя лица терпѣли еще больше въ своихъ коммерческихъ сношеніяхъ съ другими государствами, вслѣдствіе отлива звонкой монеты и необходимости или уплачивать бумажными деньгами за границею, или покупать золото и серебро по высокому ихъ курсу сравнительно съ ассигнаціями. И тяжелые налоги, и принудительный курсъ бумажныхъ денегъ были дѣломъ консервативной партіи, такъ-называемой правой стороны, къ которой принадлежали почти

всѣ итальянскія министерства, управлявшія страной до 1876 года. Непопулярность этой партіи росла не по днямъ, а по часамъ, и политическіе противники ея, такъ-называемая лѣвая сторона палаты депутатовъ, естественно внесли въ свою программу отмѣну непопулярнѣйшаго изъ налоговъ—налога на помолъ, и принудительнаго курса. Выборы 1876 года, не смотря на всю консервативность итальянскаго избирательнаго закона, дали такой результатъ, который надолго устранилъ правую сторону отъ управленія страною. Всѣ министерства, смѣнившіяся съ тѣхъ поръ въ Италіи, были составлены изъ членовъ лѣвой стороны; всѣ они обѣщали странѣ, кромѣ политическихъ преобразованій, еще и реформы экономическія и финансовыя. Послѣ 1876 года, когда бюджетъ закончился нѣкоторымъ перевѣсомъ доходовъ надъ расходами, тогдашній министръ финансовъ Депретисъ представилъ въ палату депутатовъ проектъ закона, подготовлявшій отмѣну принудительнаго курса ассигнацій. Онъ предложилъ палатѣ ежегодно вносить въ бюджетъ по 20 милліоновъ лиръ на постепенный выкупъ бумажныхъ денегъ впредь до того времени, когда улучшенное общее положеніе финансовъ дастъ возможность заключать заемъ для окончательнаго изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія. Но этотъ проектъ остался безъ послѣдствій. Ассигнованіе 20 милліоновъ въ годъ на погашеніе внутренняго безпроцентнаго долга суммою почти въ милліардъ представлялось многимъ мѣрою недостаточной; курсъ итальянской ренты колебался въ 1877 году между 70 и 75 за сто, и возможность значительнаго внѣшняго займа на изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія, займа на условіяхъ не обременительныхъ и не рискованныхъ, казалась еще очень отдаленною. Депретисъ принялъ на себя завѣдываніе другимъ министерствомъ и уступилъ свой финансовый постъ Мальяни, который съ тѣхъ поръ занималъ и занимаетъ его съ небольшимъ лишь перерывомъ. Возрожденіе итальянскихъ финансовъ было собственно его дѣломъ.

По мнѣнію Мальяни, для того, чтобъ отмѣнить принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, необходимо привлечь въ Италію достаточное количество золота и серебра и разомъ изъять изъ обращенія если не всѣ выпущенныя ассигнаціи, то бо̀льшую часть ихъ. Для этой цѣли необходимъ былъ внѣшній заемъ, вносимый звонкою монетой. Но кредитъ Италіи былъ еще слишкомъ слабъ для успѣшнаго заключенія такого займа, и Мальяни рѣшился не торопиться нѣкоторое время съ желанной реформой. Онъ предложилъ ограничиться пока исполненіемъ другого пункта въ программѣ лѣвой стороны: отмѣной налога на помолъ. Вопросъ этотъ былъ не только крупнымъ финансовымъ, но и политическимъ вопросомъ. Налогъ на

помолъ возбуждалъ сильный ропотъ въ тѣхъ частяхъ Италіи, гдѣ онъ не существовалъ раньше ея объединенія. Въ южной Италіи, бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ населеніе привыкло платить не болѣе 6 лиръ съ человѣка при прежнемъ правительствѣ и которое теперь платитъ вчетверо больше налоговъ, народъ относился съ ненавистью къ налогу на помолъ и отчасти переносилъ это чувство на новый порядокъ вообще; въ Сициліи населеніе относилось къ нему еще хуже. Налогъ на помолъ былъ одною изъ главныхъ причинъ систематической оппозиціи сицилійскихъ депутатовъ всѣмъ министерствамъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Въ рукахъ республиканской партіи и приверженцевъ прежнихъ династій онъ былъ серьёзнымъ оружіемъ противъ итальянскаго правительства. Но онъ давалъ до 80 милліоновъ ежегодно, т.-е. десятую часть всего бюджета доходовъ, и установившая его консервативная партія горячо отстаивала его необходимость, вопреки всѣмъ заявленіямъ народнаго недовольства. Къ тому же, у всѣхъ на виду были неотложныя государственныя нужды, требовавшія удовлетворенія и, слѣдовательно, увеличенія расходовъ, а не уменьшенія доходовъ. За послѣднія десять лѣтъ, итальянскіе чиновники находились въ самомъ стѣснительномъ положеніи; число ихъ было недостаточно; отъ нихъ требовали усиленнаго труда, который вознаграждался самымъ мизернымъ образомъ. Надо было подумать и о расширеніи итальянской желѣзно-дорожной сѣти, въ интересахъ не только промышленности и торговли, но и политическаго объединенія государства, составленнаго изъ многихъ прежде независимыхъ государствъ, которыя при сооруженіи своихъ дорогъ имѣли въ виду лишь свои мѣстныя задачи и цѣли. Дальнѣйшее расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ было дѣломъ такой огромной важности, что откладывать его долѣе было невозможно. Правительство проектировало всѣ линіи, сооруженіе которыхъ необходимо для пополненія національной сѣти и равномѣрнаго удовлетворенія провинцій. Исполненіе этого обширнаго проекта, которое должно было стоить около одного милліарда, было распредѣлено на десять лѣтъ. Всѣ проектированныя линіи, по степени ихъ важности, раздѣлены на двѣ категоріи, и на провинціи возложена десятая часть расхода по сооруженію линій первой категоріи и пятая часть расходовъ по сооруженію линій второй. Отъ государства предположено ежегодно расходовать на это дѣло 60 милл. лиръ, которые, конечно, не могли быть взяты изъ скуднаго обыкновеннаго бюджета доходовъ. Но они не могли быть отнесены къ разряду расходовъ безвозвратныхъ: сооружая новыя дороги, государство оставалось владѣльцемъ ихъ, и могло ихъ эксплуатировать или отъ себя, или черезъ посредство частныхъ ком-

паній. Поэтому министерство финансовъ и палаты признали возможнымъ поставить этотъ расходъ во главѣ чрезвычайныхъ расходовъ и покрывать его ежегоднымъ выпускомъ пяти-процентной ренты.

Только по разрѣшеніи этого насущнаго для страны вопроса можно было думать объ отмѣнѣ налога на помолъ. Общее финансовое положеніе Италіи продолжало улучшаться. Исполненіе бюджетовъ 1876—78 гг. обнаружило довольно сильное возростаніе обыкновенныхъ доходовъ, при низменномъ уровнѣ расходовъ; но государство все-таки не рѣшалось разомъ вычеркнуть изъ доходнаго бюджета 80 милліоновъ, приносимыхъ налогомъ на помолъ. Въ 1878 году этотъ налогъ далъ уже 83 милліона, и такъ какъ расходы на его взиманіе составили 8 милліоновъ, то изъ бюджета пришлось бы вычеркнуть 75 милліоновъ. Мальяни предложилъ разложить это сокращеніе бюджета доходовъ на четыре года, т.-е. съ 1-го іюля 1879 года совсѣмъ освободить отъ налога низшіе сорта зеренъ и уменьшить на 25 процентовъ налогъ на высшій сортъ ихъ, а съ 1-го января слѣдующихъ затѣмъ трехъ лѣтъ уменьшать послѣдній ежегодно на такую же цифру процентовъ, такъ что полная отмѣна налога состоялась бы въ 1883 году. Убыль, причиняемая этою мѣрой въ доходномъ бюджетѣ, пополнялась, по плану Мальяни, нѣкоторымъ возвышеніемъ другихъ существующихъ, преимущественно косвенныхъ налоговъ, которое обѣщало доставлять государству свыше 30 милліоновъ ежегодно. Но это возвышеніе падало не на одинъ только бѣднѣйшій классъ, какъ налогъ на помолъ, о которомъ Мальяни прямо заявилъ палатѣ, что онъ былъ настоящею поголовною податью и прогрессивнымъ налогомъ на-выворотъ, потому что падалъ на бѣдныхъ соразмѣрно ихъ бѣдности. „Я утверждаю,—сказалъ онъ въ палатѣ депутатовъ,—что отмѣна этого налога доставитъ рабочему выгоду, равняющуюся его двухнедѣльной заработной платѣ; я утверждаю, что эта мѣра усилитъ потребленіе другихъ предметовъ, что трудъ возростетъ, что явятся новые предметы, пригодные для обложенія, и что изъ этого ряда явленій проистекутъ послѣдствія, благопріятныя для государства, потому что общее улучшеніе экономическихъ условій всегда обращается въ пользу національныхъ финансовъ".

Проектъ Мальяни показался рутинистамъ слишкомъ смѣлымъ и встрѣтилъ многочисленныхъ противниковъ въ палатѣ депутатовъ, а сенатъ отвергнулъ его, допустивъ только отмѣну, съ 1-го іюля 1879 года, налога на низшіе сорта зеренъ, приносившаго не болѣе 22 милліоновъ лиръ. Палата депутатовъ согласилась съ сенатомъ, но въ то же время постановила распредѣлить отмѣну налога на четыре года, начиная съ 1-го января 1880 г., и утвердила лишь

нѣкоторые изъ новыхъ сборовъ, предложенныхъ министромъ финансовъ. Мальяни подалъ въ отставку. Но удаленіе его изъ министерства финансовъ продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Признаваемый человѣкомъ дѣла, „нужнымъ человѣкомъ", онъ вновь былъ призванъ къ управленію министерствомъ финансовъ, и въ самомъ началѣ 1880 года выдержалъ настоящую борьбу съ сенатомъ. Рѣчи, произнесенныя имъ однимъ въ верхней палатѣ, поглотили цѣлыхъ три засѣданія. Эти пренія обнимали не одинъ только частный вопросъ о спорномъ налогѣ, отмѣны котораго домогались и министръ финансовъ, и большинство палаты депутатовъ; они касались, главнымъ образомъ, общаго положенія итальянскихъ финансовъ въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ. Освобожденіе зеренъ низшихъ сортовъ отъ налога на помолъ уменьшило приходъ по этой статьѣ государственнаго дохода съ 83 до 60 милліоновъ. Отсрочивъ полную отмѣну его до 1883 года и согласившись на постепенное его пониженіе съ 1-го іюля 1880 года, палата уменьшила доходный бюджетъ этого года всего только на восьмую долю 60-ти милліоновъ, т.-е. на $7^1/_2$ милл. Дѣло шло, слѣдовательно, не о томъ только, можетъ ли вынести такую жертву бюджетъ 1880 года, но и о томъ, могутъ ли послѣдующіе бюджеты обойтись безъ этого прихода и въ то же время покрывать предусматриваемое увеличеніе расходовъ на разныя неотложныя нужды государства, т.-е. объ общемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи Италіи.

Нужды государства очень велики, говорили противники проектовъ министра финансовъ:—онѣ могутъ и должны еще возрости; наше административное устройство слишкомъ недостаточно, наши вооруженія оставляютъ желать многаго. Чтобъ удовлетворить эти нужды, необходимо будетъ увеличивать расходы. Равновѣсіе въ нашемъ бюджетѣ зависитъ отъ нѣсколькихъ милліоновъ лиръ, и вы достигаете его искусственными средствами, ничего не оставляя на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Малѣйшая ошибка въ вашихъ разсчетахъ, малѣйшее разочарованіе въ вашихъ надеждахъ могутъ причинить намъ серьёзныя и продолжительныя затрудненія. Благоразумно ли жертвовать вѣрнымъ приходомъ въ 60 милл. при такомъ финансовомъ положеніи страны? Вы освободили отъ налога пищу низшихъ классовъ народа; другіе классы могутъ подождать. Въ лицѣ Мальяни, сторонники предложенной имъ мѣры противопоставляли этимъ соображеніямъ результаты пяти послѣднихъ бюджетныхъ годовъ. Пора бюджетныхъ дефицитовъ окончательно миновала, говорили они; съ 1875 года всѣ бюджеты заканчивались излишками доходовъ противъ расходовъ, не смотря на коммерческій кризисъ 1878 года, на неурожай и наводненія 1879 года; ясно, что равновѣсіе

въ бюджетѣ—не случайность, а явленіе нормальное. Не смотря на два несчастныхъ года въ теченіе одного пятилѣтія, доходы превысили расходъ за это пятилѣтіе на 99 милліоновъ, изъ которыхъ 51 милліонъ потраченъ на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ путей, а 48 на погашеніе государственнаго долга. Развѣ искусственно достигнуты эти результаты? Содержаніе короля увеличено на два съ половиной милліона; на увеличеніе жалованья чиновникамъ уже затрачено семь милліоновъ; государство выкупило желѣзныя дороги Верхней Италіи, ежегодно удѣляетъ 3 милліона на вспомоществованіе Флоренціи, постоянно увеличиваетъ расходы на армію и флотъ. Отнынѣ расходы уже не могутъ болѣе возростать, какъ росли они въ прежнее время; къ тому же новое возвышеніе нѣкоторыхъ налоговъ, предложенное министерствомъ, доставитъ 30 милл. дохода. Принимая за норму бюджетъ 1880 года, можно заранѣе предсказать, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, каковы будутъ приходъ и расходъ въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ до 1884 года, говорилъ Мальяни, и дѣйствительно привелъ сенату цифры, показавшія, что всѣ эти четыре бюджета должны заключиться избыткомъ доходовъ надъ расходами. И такъ, продолжалъ министръ, предлагаемая кабинетомъ реформа не можетъ повредить финансамъ страны въ ближайшемъ будущемъ. И если реформа не осуществится, то сборъ налога на помолъ будетъ только увеличивать собою избытокъ доходовъ надъ расходомъ. Что же намѣрены вы дѣлать съ этими излишками? спрашивалъ онъ своихъ противниковъ. Министръ публичныхъ работъ не можетъ употребить ихъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ,—закономъ уже назначены суммы на удовлетвореніе этой государственной потребности. Вамъ останется только употребить ожидаемые излишки доходовъ или на уменьшеніе неотвержденнаго долга, или на преобразованіе налоговъ. Но нужно ли ускорять уменьшеніе долга, когда въ бюджетѣ уже назначены значительныя суммы на погашеніе? Развѣ не лежатъ на насъ извѣстныя обязанности по отношенію къ плательщикамъ налоговъ? Развѣ не пришло время обратить вниманіе на ихъ тяжелыя жертвы? Или никогда не настанетъ день, когда можно отмѣнить какой-нибудь налогъ, слишкомъ тяжелый, слишкомъ ненавистный, лежащій непосильною ношей на бѣдныхъ классахъ? Или мы никогда не почувствуемъ желанія, не смотря на прямой нашъ долгъ, разрѣшить какой-нибудь великій вопросъ общественной справедливости? Остается, слѣдовательно, употребить излишки на облегченіе налоговъ. Министерство къ нему-то и стремится:—оно упраздняетъ налогъ, особенно ненавистный народу,—налогъ на хлѣбъ.

Мальяни трудился не напрасно. Его проектъ прошелъ и приво-

дится теперь въ исполненіе. Покончивъ съ тяжелымъ, несправедливымъ и ненавистнымъ народу налогомъ, министерство перешло къ другому пункту своей программы—къ отмѣнѣ обязательнаго курса бумажныхъ денегъ. Въ январѣ 1880 года Мальяни считалъ преждевременной всякую попытку въ этомъ родѣ. Незадолго передъ тѣмъ, Италіи пришлось вывезти до 200 милліоновъ звонкою монетой въ уплату за хлѣбъ, который былъ купленъ ею за границей по случаю неурожая 1879 года. Но страна быстро оправилась отъ этого удара. Особенно обильный вывозъ винъ во Францію, плодовъ и скота въ Германію и Швейцарію, возстановилъ ея утраты. Въ 1880 году деньги были дешевы во всей Европѣ, и курсъ всѣхъ государственныхъ фондовъ значительно повысился; можно было ожидать, что заемъ состоится на выгодныхъ условіяхъ. Въ теченіе года министерство и самъ король въ своей тронной рѣчи заговорили о необходимости положить конецъ обязательному курсу ассигнацій. Въ ноябрѣ, при открытіи парламента, министерство дѣйствительно внесло законопроектъ, который уполномочивалъ правительство занять 644 милліона лиръ, изъ которыхъ 400 милліоновъ должны быть внесены золотомъ, прекратить дѣйствіе конвенціи, заключенной государствомъ въ 1874 году съ шестью банками о выпускѣ ассигнацій, и опредѣлить порядокъ выкупа послѣднихъ въ количествѣ 600 мил. и размѣна тѣхъ ассигнацій, которыя еще останутся въ обращеніи. Проектъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ и страною, и ея представительными учрежденіями. Въ Италіи едва ли найдется хотя одинъ политическій человѣкъ, который бы не жаловался горько на потери, причиняемыя государству и торговлѣ изчезновеніемъ звонкой монеты. Премія на золото, колебавшаяся между 10 и 11 процентами въ 1879 году и до осени 1880 года, понизилась до 2, даже до 1 процента тотчасъ по представленіи министерскаго проекта парламенту. Проектъ благотворно подѣйствовалъ на кредитъ даже прежде, чѣмъ былъ утвержденъ законодательною властью. Коммиссія палаты депутатовъ, обсуждавшая проектъ, поручила своему докладчику энергически защищать его. Во время преній Мальяни отвѣчалъ тѣмъ, кто находилъ проектъ неполнымъ, такъ какъ онъ оставляетъ въ обращеніи 350 милліоновъ лиръ въ видѣ ассигнацій, что цѣль его—не столько изъять изъ обращенія всѣ бумажныя деньги, съ которыми свыклось населеніе, сколько прекратить существованіе лажа. Дѣло не въ изъятіи, а въ обезпеченіи размѣна, которое уравняетъ цѣну золота съ цѣной бумажныхъ денегъ. Министръ надѣялся достигнуть этого результата привлеченіемъ въ Италію значительнаго количества металловъ, изъятіемъ изъ обращенія двухъ третей всего количества ассигнацій и допущеніемъ уплаты налоговъ (кромѣ та-

ложенныхъ пошлинъ) бумажными деньгами, которыя останутся въ обращеніи и будутъ признаны частью неотвержденнаго долга, постепенно выкупаемаго на бюджетные излишки доходовъ надъ расходами. По мысли Мальяни, предположенная операція требовала двухъ-лѣтняго срока для своего исполненія; онъ желалъ, чтобы правительству была предоставлена полная свобода въ выборѣ наиболѣе удобнаго момента для осуществленія предложенной имъ мѣры сообразно условіямъ европейскаго денежнаго рынка и положенію итальянскаго кредита; сразу, говорилъ онъ, невозможно добыть всю массу необходимой звонкой монеты, а государство должно имѣть ее въ запасѣ прежде, чѣмъ приступить къ размѣну, такъ какъ въ противномъ случаѣ одно и тоже золото въ монетѣ можетъ перейти нѣсколько разъ изъ кассъ казначейства въ руки заимодавцевъ и обратно. По мѣрѣ поступленія золотой монеты въ казначейство, правительство будетъ выпускать въ обращеніе, въ обмѣнъ на мелкія ассигнаціи въ 50 сантим., 1 лиру и 2 лиры, мелкую серебряную монету, вывоза которой за-границу опасаться нечего; такимъ образомъ можно будетъ изъять изъ обращенія ассигнаціи на сумму 144 милліона лиръ. Затѣмъ правительство приступитъ къ выпуску крупной серебряной и золотой монеты, появленіе которой на рынкѣ должно, по его мнѣнію, исцѣлить робкихъ людей отъ несчастной страсти прятать и копить звонкую монету, и положить конецъ всякой преміи на золото. Министръ финансовъ разсчитывалъ, что довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ не замедлитъ возвратиться, и что тогда государство можетъ смѣло открыть свои кассы для размѣна ассигнацій на звонкую монету.

Законопроектъ о займѣ и размѣнѣ былъ принятъ въ началѣ прошлаго года огромнымъ большинствомъ голосовъ и въ палатѣ депутатовъ, и въ сенатѣ, тотчасъ же утвержденъ королемъ и обнародованъ. Новый заемъ прибавляетъ къ итальянскому расходному бюджету еще 32 съ половиной милліона лиръ; но этотъ расходъ предположено покрыть слѣдующимъ образомъ. При объединеніи Италіи, государство приняло на себя уплату пенсій чиновникамъ прежнихъ правительствъ, которыхъ оно удалило отъ службы, и своимъ чиновникамъ; выдавая пенсіи, оно въ тоже время дѣлало вычеты изъ жалованья чиновниковъ, именно, въ виду ихъ будущихъ пенсій. Вмѣстѣ съ проектомъ о займѣ, Мальяни внесъ въ парламентъ законопроектъ объ учрежденіи пенсіонной кассы, независимой отъ министерства финансовъ и имѣющей свою собственную отчетность. Кассой долженъ завѣдывать особый совѣтъ подъ контролемъ парламентской коммиссіи. Государство, до сихъ поръ тратившее на пенсіи 61 милліонъ, можетъ при новомъ устройствѣ пенсіонной кас-

сы, сократить свой расходъ по этой статьѣ до 42 милліоновъ, сберегая такимъ образомъ 19 милл. ежегодно. Остальная сумма новаго расхода, причиняемаго займомъ, покрывается, по проекту Мальяни, прежнимъ расходомъ на фабрикацію бумажныхъ денегъ (3 милл.) и расходами на курсовую премію при уплатѣ процентовъ итальянской ренты на заграничныхъ рынкахъ (12 милл.). Сбереженіе въ размѣрѣ семи милліоновъ, назначаемыхъ по бюджету для такой же преміи при уплатѣ за иностранные заказы военнаго министерства, Мальяни оставляетъ въ резервѣ на непредвидѣнные расходы, хотя, по его мнѣнію, отмѣна принудительнаго курса сама покроетъ издержки на свою реализацію тѣми сбереженіями, которыя будутъ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Къ сожалѣнію, министерства лѣвой стороны, смѣнявшіяся въ Италіи съ 1876 года, далеко не были такъ счастливы въ исполненіи политическихъ пунктовъ своихъ программъ. Избирательный законъ до сихъ поръ остается почти въ томъ же видѣ, какой онъ имѣлъ еще въ Піемонтѣ, когда не начиналось объединеніе Италіи. Чтобы быть избирателемъ въ Италіи, надо имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду (во Франціи 21 годъ), умѣть читать и писать, и платить по меньшей мѣрѣ 40 лиръ налоговъ государству или своей провинціи, независимо отъ общинныхъ налоговъ. Лица, занимающіяся торговлей, искусствомъ, промышленностью, могутъ быть избирателями, если наемная цѣна ихъ помѣщеній достигаетъ извѣстной цифры, которая измѣняется между 200 и 600 лиръ, смотря по важности той общины, гдѣ они имѣютъ осѣдлость. Избирательнымъ правомъ пользуется также всякій, кто, не имѣя торговаго или промышленнаго заведенія, платитъ ту же сумму за одно свое жилое помѣщеніе, и кто втеченіе не менѣе пяти лѣтъ сряду владѣетъ государственною рентой въ 600 лиръ. Цензъ отмѣненъ только для незначительной части населенія: члены академій и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, профессора университетовъ и учителя гимназій, военныя и гражданскія должностныя лица, адвокаты, нотаріусы, врачи, аптекаря признаны избирателями независимо отъ ценза. Если хотите, это лучше, чѣмъ ничего; мы видѣли сейчасъ, что и узкій избирательный законъ не помѣшалъ Италіи приводить въ порядокъ и поправить свои финансы, даже возстановить у себя металлическое обращеніе. Но эта пестрая смѣсь правилъ, изъ которыхъ мы извлекаемъ только самое существенное, лишаетъ избирательнаго права огромное большинство итальянскаго народа, и всѣ попытки недавнихъ министерствъ расширить заколдованный кругъ итальянскихъ избирателей разбивались о парламентское большинство, избранное подъ вліяніемъ давно устарѣвшаго закона, кото-

рымъ очень недовольна страна. Но продолжаться такое положеніе, конечно, не можетъ. Страна громко требуетъ широкой избирательной реформы, и собственный интересъ парламента, теряющаго общее уваженіе и твердую почву подъ ногами, заставитъ его въ скоромъ времени уступить напору общественнаго мнѣнія.

ВЪ СТѢНАХЪ УНИВЕРСИТЕТА.

Диспуты гг. К. Грота и Т. Флоринскаго.

Въ послѣднія недѣли минувшаго года историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета подарилъ намъ двухъ новыхъ магистровъ по славянской исторіи: 13 декабря состоялся диспутъ г. Константина Грота, и 26 того же мѣсяца—г. Тимоѳея Флоринскаго. Оба молодые ученые появились не впервые съ печатными трудами въ русской литературѣ. Кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ ими на страницахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", существуетъ разсужденіе К. Грота о византійскомъ историкѣ Константинѣ Багрянородномъ, изданное въ 1880 году въ „Запискахъ географическаго общества"; г. Флоринскій разобралъ, въ видѣ приготовительныхъ работъ для спеціальнаго историческаго изслѣдованія, рукописный матеріалъ греческихъ и славянскихъ грамотъ, привезенный когда-то съ Аѳона покойнымъ Севастьяновымъ, но не попавшій здѣсь тотчасъ, какъ желательно было, въ типографію, а снова въ различныя библіотеки и архивы, и нужны были вторичныя розысканія библіографическія, чтобы привести его окончательно въ извѣстность. Этотъ-то трудъ и былъ исполненъ г. Флоринскимъ очень добросовѣстно и удачно.

Диссертаціи, съ которыми молодые питомцы петербургскаго университета приступили къ диспуту, относятся къ исторіи юго-западныхъ славянъ, изслѣдуютъ отдѣльные періоды ихъ исторической жизни, разсуждаютъ объ историческомъ значеніи нѣкоторыхъ событій или личностей. К. Гротъ задался цѣлью обслѣдовать и выяснить вопросъ о пришествіи мадьяръ въ Паннонію, о значеніи этого событія для дальнѣйшихъ судебъ тѣхъ славянъ, въ область которыхъ

они вторглись въ концѣ IX вѣка [1]). Т. Флоринскій остановился на исторіи сербовъ и избралъ себѣ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ сербской исторіи среднихъ вѣковъ, эпоху сербскаго царя Душана [2]). Справедливость требуетъ констатировать, что удовлетворительное рѣшеніе послѣдняго вопроса представляло несравненно больше трудностей. О погромѣ, постигшемъ западныхъ славянъ при нашествіи мадьяръ, писалось уже довольно много въ исторической литературѣ, вопросъ подвергался обсужденію съ различныхъ точекъ зрѣнія, не исключая той, съ которой коснулся его г. Гротъ; такимъ образомъ его не манила выгодная роль открытія и внесенія въ науку новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ или неупотребленныхъ матеріаловъ, на его долю выпала лишь обязанность новаго свода всѣхъ извѣстій, новой провѣрки всѣхъ источниковъ и правильной оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ переселеніе мадьяръ въ Паннонію. Совсѣмъ въ другомъ положеніи очутился историкъ эпохи царя Душана. Сербская исторія XIII-XIV вѣковъ вообще еще мало разработана, до сихъ поръ все еще главная забота идетъ о собираніи матеріала, грамотъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ, разныхъ историческихъ записокъ, хранящихся въ архивахъ Италіи, Далмаціи, и т. д.; даже давно извѣстными разсказами современныхъ тѣмъ событіямъ византійцевъ никто еще до сихъ поръ не воспользовался въ полной мѣрѣ и критическимъ образомъ. Погрузиться въ этотъ разнообразный матеріалъ, справиться съ нимъ и на основаніи подробнаго изученія его представить вѣрное изображеніе избранной эпохи—вотъ въ чемъ заключалась нелегкая задача второго магистранта. Эта важная разница между обоими сочиненіями относительно трудности исполненія не могла, конечно, быть предметомъ разсужденій на диспутѣ, гдѣ о каждомъ изъ нихъ рѣчь шла особо и оцѣнка не выходила изъ предѣловъ даннаго содержанія; но передъ нами оба изслѣдованія, и совмѣстный отчетъ возлагаетъ на насъ обязаность не обойти молчаніемъ этого сравненія.

Но обѣ диссертаціи допускаютъ еще одно общее замѣчаніе.— Дѣло въ томъ, что въ нихъ отражается одинаковымъ образомъ вліяніе одной и той же историко-политической школы. Оно видно, пожалуй, уже въ выборѣ спеціальности—славянской *политической* исторіи, но еще гораздо замѣтнѣе становится, если обратить вниманіе на общіе взгляды, высказываемые молодыми славистами о славянствѣ, его роли въ исторіи человѣчества, его культурно-политическихъ и

---

[1]) Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. Спб. 1881.

[2]) Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. Спб. 1882. Два выпуска.

религіозныхъ идеалахъ. Предметъ изслѣдованія обѣихъ диссертацій не имѣетъ много общаго: событія, о которыхъ разсказывается, разстоятъ на нѣсколько столѣтій и относятся къ различнымъ славянскимъ племенамъ; но все-таки одна главная мысль руководитъ изложеніемъ обоихъ авторовъ, подсказанная имъ вліяніемъ упомянутой школы. Ее можно охарактеризовать приблизительно слѣдующими словами: славяне принадлежатъ своею прошедшею, настоящею и будущею жизнью къ восточному, греко-византійскому міру; воспитанники и отчасти преемники Византіи, они представляютъ вмѣстѣ съ нею одно неразрывное цѣлое, одну духовную единицу, такъ-называемый греко-славянскій міръ; всякое столкновеніе славянъ съ европейскимъ, романо-германскимъ, западомъ было всегда гибельно для первыхъ: славянскія племена, вышедшія изъ рамки греко-византійскихъ религіозныхъ, культурныхъ и политическихъ началъ, потерпѣли неудачу, крушеніе.—На эту тему, какъ извѣстно, написано уже нѣсколько историко-политическихъ разсужденій. Та же мысль легла также въ основаніе трудовъ обоихъ диспутантовъ. Если бы было задачею нашего отчета писать критику, мы могли бы подтвердить сказанное выписками изъ самихъ сочиненій; намъ не стоило бы много труда подобрать тѣ мѣста, гдѣ говорится неоднократно объ опасностяхъ „духовнаго порабощенія“, грозившихъ южнымъ и западнымъ славянамъ отъ „вѣчно властолюбиваго“ запада, и доказать, что, по воззрѣнію авторовъ, все несчастіе, обрушившееся когда-либо на славянъ, имѣло свой источникъ въ ненавистномъ западѣ; зло принимало, по показанію авторовъ, очень разнообразные виды, но въ концѣ-концовъ всегда сводилось къ одному результату, къ духовному, экономическому или политическому порабощенію: распространялось ли христіанство, конечно, западное, тотчасъ угрожала опасность и народности славянской и внутреннимъ, духовнымъ началамъ славянской жизни; завязывались ли сношенія торговыя, эксплуатація экономическая самаго гибельнаго свойства казалась неминуемою; о германизаціи, грозившей путемъ колонизаціи, конечно, нечего и говорить. По неволѣ становится страшно за такую хрупкую вещь, какою были эти славяне. Какъ не желать имъ помощи, которую дѣйствительно оказывали имъ противъ запада—мадьяры, монголы, турки! На счетъ первыхъ, т.-е. мадьяръ, г. Гротъ взялся доказать, что ихъ пришествіе въ Паннонію для тамошнихъ славянъ было событіемъ вовсе не пагубнымъ, а полезнымъ, спасительнымъ. Это и понятно. Молодой авторъ проникнутъ вѣрою въ начала школы, что всякое соприкосновеніе славянъ съ нѣмцами могло только испортить славянскую самобытность, что всякая попытка нѣмецкой колонизаціи непремѣнно должна была повлечь за собою полную германизацію всей страны, что всякое, хотя бы временное

признаніе нѣмецкаго политическаго владычества уже навсегда приковывало славянъ къ нѣмцамъ; поэтому онъ и считалъ долгомъ добросовѣстнаго изслѣдователя доказать это на одномъ примѣрѣ изъ исторіи. Легко было остановиться на моравскихъ и паннонскихъ славянахъ, положеніе которыхъ онъ по неволѣ рисуетъ очень мрачными красками, потому что a priori уже считаетъ ихъ погибшими, какъ скоро начали вмѣшиваться въ ихъ дѣла нѣмцы. На диспутѣ вышло нѣчто для многихъ, вѣроятно, неожиданное. Оба оппонента, т.-е. не только В. Г. Васильевскій, но и В. И. Ламанскій, восстали рѣшительно противъ главной мысли автора, назвавъ ее „предвзятой" и недоказанной!

Подобная „предвзятая" мысль владѣетъ также вторымъ сочиненіемъ, — только здѣсь ей не отведено первое мѣсто, здѣсь она не стоитъ во главѣ цѣлаго изслѣдованія и не выставлена какъ главная цѣль его. Но въ частностяхъ можно встрѣтиться съ ней очень часто, т.-е. тамъ, гдѣ говорится о вмѣшательствѣ запада въ дѣла Византіи и южныхъ славянъ, о козняхъ и проискахъ латинскаго міра противъ греко-славянскаго. Такъ, напр., авторъ считаетъ торговыя сношенія Венеціи съ византійскою имперіею „однимъ изъ гибельнѣйшихъ послѣдствій латинскаго господства" въ Византіи. Обвиненіе дѣйствительно тяжелое,—но въ этомъ г. Ламанскій не былъ согласенъ съ молодымъ авторомъ; по крайней мѣрѣ, намъ казалось, что онъ имѣлъ это мѣсто въ виду, когда старался внушить молодому послѣдователю школы нѣсколько больше любви къ республикѣ венеціанской. Противъ этого и подобныхъ обвиненій трудно было бы возражать, если бы они вытекали изъ безпристрастнаго, объективнаго наблюденія фактовъ, изъ осторожнаго взвѣшиванія всѣхъ аргументовъ pro et contra. Но именно этого въ сочиненіи не видно: оно производитъ скорѣе внечатлѣніе изслѣдованія, написаннаго подъ вліяніемъ уже заранѣе приготовленной формулы. По нашему выходитъ какъ-то странно, что авторъ запасается всегда крѣпкими выраженіями, когда ему приходится говорить о вліяніи запада на южныхъ славянъ, а между тѣмъ, вопросъ о гораздо болѣе сильномъ вліяніи Византіи остается нетронутымъ. Если всякое вліяніе запада уже a priori полагается вреднымъ, можно ли точно такъ всякое вліяніе востока a priori считать выгоднымъ и полезнымъ? Едва ли. Этого, кажется, не требуетъ отъ насъ ни самъ авторъ, допускающій, что возлѣ свѣтлыхъ могли быть и темныя стороны вліянія Византіи на славянскій міръ. Какъ жаль, что онъ въ этомъ отношеніи удовольствовался оговоркою, что такой трудъ, какъ изслѣдованіе всѣхъ проявленій византійскаго вліянія на сербскій бытъ и образованность, еще до сихъ поръ не сдѣланъ. По нашему, и изслѣдованія о всѣхъ

проявленіяхъ латинскаго вліянія на сербскій бытъ и образованіе тоже еще не имѣется, но авторъ все-таки не стѣсняется на этотъ счетъ судить и высказывать свое мнѣніе очень опредѣленно. Отчего бы ему не выступать съ той же смѣлостью и противъ Византіи, гдѣ она этого заслуживаетъ? Конечно, это противорѣчило бы теоріи греко-славянскаго міра. Но въ томъ-то и дѣло, что теорія о греко-славянскомъ мірѣ, намъ, славянамъ, приноситъ столь же мало пользы, какъ и теорія о римо-славянскомъ противувѣсѣ, которая въ новѣйшее время стала зарождаться въ нѣкоторыхъ головахъ. Изучать исторію Византіи и ея вліяніе на бóльшую половину славянскаго міра, и преклоняться передъ ея идеалами и началами, считая ихъ во всемъ безусловно превосходными—это двѣ совсѣмъ различныя вещи, которыя мы только тогда перестанемъ смѣшивать, когда на мѣсто „греко-славянскаго“ или „римо-славянскаго“ поставимъ просто славянскій міръ, и этотъ міръ опять не какъ силу враждебную развитію человѣчества, гдѣ бы оно ни проявлялось, а какъ почву воспріимчивую для всего благороднаго и высокаго.

Надѣемся, что продолжительное изученіе не только политической, но и культурной исторіи славянъ, близкое ознакомленіе со всѣми условіями прошедшей и настоящей жизни славянскихъ народовъ убѣдитъ нашихъ авторовъ въ несостоятельности ихъ нынѣшнихъ идеаловъ вслѣдствіе ихъ односторонности. Напомнимъ имъ одно замѣчаніе, сдѣланное какъ-то вскользь проф. Ламанскимъ на диспутѣ. Упрекая въ чемъ-то одного изъ диспутантовъ, почтенный профессоръ высказалъ мысль, что такое, молъ, невѣрное сужденіе было бы простительно для какого либо западно-славянскаго историка. Значитъ, онъ требуетъ отъ русскихъ славистовъ больше, чѣмъ отъ западно-славянскихъ. Вполнѣ согласны, что это и можетъ, и должно бы быть такъ. Но въ чемъ другомъ должно заключаться это преимущество, если не въ болѣе безпристрастномъ и объективномъ отношеніи къ предмету изслѣдованія, въ болѣе реальномъ пониманіи историческихъ судебъ славянскихъ народовъ, въ болѣе трезвой оцѣнкѣ положенія славянъ въ средѣ европейскихъ народовъ? Идеалы, вносимые въ славянскую исторію для освѣщенія ея тѣмъ направленіемъ, котораго придерживаются пока молодые авторы, едва ли даютъ право свысока смотрѣть на дѣятельность западно-славянскихъ ученыхъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ диспутахъ. Оффиціальными оппонентами были гг. Ламанскій и Васильевскій. Ихъ отзывы о научномъ достоинствѣ представленныхъ трудовъ сходились въ полномъ признаніи. Въ сочиненіи К. Грота указывалось на вторую часть какъ самую удачную, въ которой излагается исторія переселенія мадьяръ

съ востока Россіи (съ Волги и Оки на Донъ) черезъ южную Россію (по Днѣпру) въ южно-дунайскую и потомъ средне-дунайскую, паннонскую равнину. Эта часть сочиненія представляетъ первое подробное изложеніе вопроса въ русской литературѣ; спеціалисты же историки найдутъ здѣсь нѣкоторыя новыя соображенія, вызванныя внимательнымъ изученіемъ источниковъ. Авторъ воспользовался критически богатою литературою вопроса у западныхъ историковъ, кромѣ того, внесъ въ свой трудъ все высказанное по тому же предмету въ исторической литературѣ русской, что должно представлять не малый интересъ для западныхъ ученыхъ. Менѣе рельефно выступаетъ въ первой части сочиненія изображеніе моравскихъ и паннонскихъ славянъ. Если до сихъ поръ обыкновенно преувеличивалось значеніе моравскаго государства, то у г. Грота развился въ противоположную сторону слишкомъ пессимистическій взглядъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ предвзятой мысли о неминуемой гибели, угрожавшей тамошнимъ славянамъ отъ нѣмцевъ.—Къ оффиціальнымъ оппонентамъ присоединился нѣсколькими словами В. И. Ягичъ; онъ указалъ какъ на главную причину пробѣловъ въ первой части труда на то, что авторъ слишкомъ ограниченно понялъ задачу свою какъ славистъ-*историкъ* и не обратилъ вниманія на тотъ важный запасъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ, которымъ располагаетъ славянская *филологія*; впрочемъ и онъ отдавалъ полную справедливость добросовѣстному исполненію задачи.

Возраженія г. Ламанскаго на трудъ г. Флоринскаго не коснулись, къ сожалѣнію, вопросовъ общихъ. Уловилъ ли авторъ вѣрно всѣ черты характера главнаго лица своей диссертаціи, царя Душана, представилъ ли въ настоящемъ свѣтѣ цѣлую многознаменательную эпоху его царствованія, отыскалъ ли вездѣ истинные мотивы, руководившіе образомъ дѣйствій сербскаго царя — вотъ рядъ вопросовъ, которые такъ и остались незатронутыми на диспутѣ. И это жаль! При столь мало разработанномъ предметѣ, какъ сербская исторія XIV столѣтія, было бы вовсе неудивительно услышать, что глубже проникающій глазъ учителя кое въ чемъ усмотрѣлъ другой смыслъ или другіе мотивы, чѣмъ молодой, хоть и даровитый ученикъ. Изъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній можно только догадываться, что едва ли всѣ черты въ характерѣ Душана вѣрно подмѣчены. Признаться, мы вообще не умѣемъ согласовать разные отзывы автора о Душанѣ. Въ началѣ изслѣдованія онъ называетъ его храбрымъ, дѣятельнымъ, не упускающимъ никогда изъ виду своихъ интересовъ, систематически преслѣдующимъ свои завоевательныя цѣли и т. д. Но вотъ царь сталъ мечтать о завоеваніи Царьграда; для этой цѣли онъ нуждался въ союзѣ Венеціи или Генуи, и обратился

къ первой изъ нихъ, потому что она ему была ближе. Какъ отзывается объ этомъ нашъ авторъ? Вотъ его слова: „Выборъ Душана былъ весьма неудаченъ, разсчеты его оказались вполнѣ несостоятельными. *Въ нихъ ярко обнаружилась недальновидность мечтательнаго царя, его ограниченное пониманіе современнаго ему положенія вещей*". Откуда вдругъ такое недовольство? Но черезъ нѣсколько страницъ авторъ съумѣлъ и самъ удачно подобрать всѣ обстоятельства, естественно указывавшія Душану на Венецію, какъ на ту силу, союза съ которою онъ долженъ былъ домогаться. И такъ мы не видимъ въ этихъ попыткахъ никакой недальновидности, скорѣе удивляемся упорной настойчивости, съ которою Душанъ, потерпѣвъ нѣсколько разъ неудачу, все еще не отказывался отъ надежды склонить когда-нибудь эту могущественную царицу Адріатическаго моря въ свою сторону. Нашъ авторъ напротивъ такъ недоволенъ всѣмъ этимъ, что обвиняетъ Душана въ „политическомъ недомысліи, сумасбродномъ преслѣдованіи одной фантастической идеи, неразборчивомъ принесеніи въ жертву ей интересовъ своего государства". Позволяемъ себѣ послѣ всего этого спросить, что же за человѣкъ былъ этотъ Душанъ?

Второй оппонентъ, г. Васильевскій, ограничился византійскою частью въ трудѣ Флоринскаго, но сдѣлалъ одно важное возраженіе, указавъ, какъ на чувствительный пробѣлъ сочиненія, на отсутствіе если не полнаго критическаго разбора главныхъ источниковъ, на которыхъ основано цѣлое сочиненіе, то по крайней мѣрѣ сжатаго опредѣленія ихъ взаимной зависимости и степени ихъ достовѣрности. Оппонентъ доказалъ важность подобнаго требованія на примѣрѣ отношенія Григоры къ Кантакузину. Можно бы прибавить, что критическое значеніе славянскихъ источниковъ и ихъ отношеніе къ греческимъ также не выяснилось изъ сочиненія г. Флоринскаго.

Возражали еще проф. Горчаковъ и г. Сырку.

Я.

НЕКРОЛОГЪ.

Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій.

Декабря 24 минувшаго года умеръ замѣчательный русскій государственный человѣкъ и одинъ изъ старѣйшихъ и полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, А. П. Заблоцкій-Десятовскій.

Плодотворна была 74-лѣтняя жизнь покойнаго и велики оказанныя имъ русскому обществу услуги. Стóитъ только вспомнить, что еще сорокъ лѣтъ назадъ, когда никто въ Россіи не смѣлъ громко говорить о возможности освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, когда императоръ Николай Павловичъ, искренно желавшій этого освобожденія, не рѣшался даже касаться этого вопроса иначе какъ въ стѣнахъ секретныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ немногихъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ, въ большинствѣ, однако, несочувствовавшихъ стремленіямъ государя,—въ это-то время подалъ свой голосъ за освобожденіе народа скромный чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ. А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ 1841 году объѣхавъ по порученію тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа П. Д. Киселева, значительную часть внутреннихъ губерній Россіи, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ, составившемъ обширную записку подъ заглавіемъ „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи", подробно описалъ тяжкое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ хозяйственной, нравственной и политической стороны и яркими красками обрисовалъ всю несостоятельность крѣпостного права. Доказывая неотложную необходимость его отмѣны, отвергая всякую мысль объ освобожденіи крестьянъ безъ земли и отрицая надежду на возможность освобожденія крестьянъ самими помѣщиками, Заблоцкій оканчивалъ свой отчетъ министру слѣдующими словами:

„Требованія вѣка и настоянія нуждъ государственныхъ призываютъ самодержавную власть защитить крѣпостныхъ людей отъ своеволія господъ, поставить законъ выше произвола, открыть широкія врата нравственному образованію народа. Одна только самодержавная власть въ состояніи пролить новый источникъ жизни, обезпечивъ свободное и разумное развитіе народной дѣятельности. Одна она въ силахъ привести въ исполненіе идеи, связывающія поколѣнія отжившія, историческія съ поколѣніями грядущими, направляя свои дѣйствія по вѣчнымъ законамъ порядка и истины, хотя бы при осуществленіи

нихъ она встрѣтилась съ болѣзненнымъ ропотомъ какой-нибудь забытой, частной корысти" [1]).

Эти смѣлыя, честныя слова имѣли одно только послѣдствіе: Заблоцкій пріобрѣлъ себѣ на всю жизнь рядъ сильныхъ враговъ, не раздѣлявшихъ его воззрѣній и боявшихся освобожденія крестьянъ. Самая записка А. П. Заблоцкаго не была представлена государю: любимый министръ императора Николая, пользовавшійся его довѣріемъ, графъ П. Д. Киселевъ не рѣшился, побоялся это сдѣлать.

Нужно было, чтобы прошло почти двадцать лѣтъ прежде, нежели предсказанія и надежды Заблоцкаго осуществились.

Но искренно преданный народу и стараясь ему быть полезнымъ всюду, гдѣ только представлялась къ тому возможность, А. П. Заблоцкій-Десятовскій скоро нашелъ себѣ дѣло по душѣ: онъ обратилъ свою дѣятельность на народное образованіе. Въ ту пору еще громко раздавались у насъ голоса, что грамота народу вредна, что учить его не нужно, что съ государственной точки зрѣнія безопаснѣе и удобнѣе оставлять его во мракѣ невѣжества. Только небольшой кружокъ развитыхъ людей, понимавшихъ, что „ученье — свѣтъ, а неученье—тьма", тьма, въ которой безплодно погибаютъ тысячи умовъ и талантовъ, старались распространять грамотность, учреждать народныя школы, привлекать народъ къ чтенію. Къ этому кружку искреннихъ ревнителей народнаго просвѣщенія принадлежалъ и Заблоцкій. Прилагая всѣ старанія къ распространенію грамотности и школъ въ средѣ государственныхъ крестьянъ, онъ встрѣтилъ въ этомъ дѣлѣ одно существенное препятствіе: грамотному крестьянину нечего было читать, не было почти книгъ, доступныхъ его пониманію, прямо для него полезныхъ. А. П. Заблоцкій принялся тогда за сочиненіе этихъ книгъ.

Составленная имъ „Ручная книжка грамотнаго поселянина", изданная извѣстнымъ книгопродавцемъ И. Глазуновымъ, отцомъ нынѣшняго петербургскаго городского головы, расходилась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Онъ же, вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ, предпринялъ съ 1843 года изданіе сборника для крестьянъ подъ названіемъ „Сельское Чтеніе". Какъ исполнялъ онъ принятое на себя дѣло составленія народныхъ книгъ, лучше всего свидѣтельствуетъ отзывъ такого строгаго критика какъ Бѣлинскій. Вотъ что писалъ Бѣлинскій:

„Сельское Чтеніе" составляетъ собою эпоху въ исторіи едва начинающагося у насъ образованія низшихъ классовъ. Эта книга при-

---

[1]) Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Т. II, стр. 292 и Т. IV, стр. 271—344.

надлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ современной литературы и вѣсомъ своей внутренней цѣнности перетянетъ многіе пуды романовъ, повѣстей, драмъ, даже „патріотическихъ". Явленіе такой книжки какъ „Сельское Чтеніе", должно радовать всякаго истиннаго патріота, всякаго друга общаго добра... Колоссальный успѣхъ „Сельскаго Чтенія" основанъ на глубокомъ знаніи быта, потребностей и самой натуры русскаго крестьянина и на талантѣ, съ какимъ умѣли издатели воспользоваться этимъ знаніемъ. Поэтому въ два года разошлось до 30,000 двухъ первыхъ книжекъ „Сельскаго Чтенія". Подобный успѣхъ имѣетъ великое значеніе, свидѣтельствуя, что издатели „Сельскаго Чтенія" умѣли угадать, что̀ нужно для чтенія простому народу, а во всякомъ важномъ дѣлѣ, для котораго не было прежде образца, въ томъ-то и состоитъ все дѣло, чтобы угадать... [1]).

Изданіе книгъ для народнаго чтенія, книгъ и нынѣ не утратившихъ своего значенія и интереса [2]), а также постоянная работа въ періодическихъ изданіяхъ министерства государственныхъ имуществъ (Журналъ министерства, Лѣсной Журналъ и Земледѣльческая газета), имѣвшихъ цѣлью распространеніе необходимыхъ свѣдѣній государственнаго и сельскаго хозяйства, не отвлекали А. П. Заблоцкаго отъ его завѣтной мечты,—освобожденія крестьянъ. Не имѣя возможности открыто проповѣдывать любимую идею, онъ проводилъ ее путемъ косвеннымъ и рядомъ экономическихъ статей доказывалъ всю невыгодность хозяйства, построеннаго на рабствѣ народа. Таковы были его статьи о „Причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи", напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1847 г. [3]). Просматривая теперь эти статьи, прошедшія чрезъ горнило строжайшей цензуры, недопускавшей даже намековъ противъ крѣпостного состоянія, самое наименованіе котораго скрывается подъ выраженіемъ „обязательная рента", можно только представить себѣ, какъ тяжко было жить и дѣйствовать въ это время мыслящему и желающему добра человѣку. Много лѣтъ спустя, на дружескомъ обѣдѣ 23 ноября 1877 года, по случаю 50-лѣтія службы Заблоцкаго, онъ сдѣлалъ такую характери-

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго. Т. VII, стр. 242—246; X, стр. 170—177; XI, стр. 452.

[2]) Право изданія „Ручной книжки" и „Сельскаго Чтенія" осталось за книгопродавцемъ И. И. Глазуновымъ, который выпустилъ 9-е изданіе „Ручной книжки" въ 1872 г. и 11-е изданіе 1 книги „Сельскаго чтенія" въ 1864 г. Кромѣ этихъ книгъ для народнаго чтенія, Заблоцкій издалъ еще вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ для дѣтскаго чтенія дома и въ школѣ въ 1849 г. „Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ" и съ К. Домонтовичемъ „Памятную книжку для сельскихъ хозяевъ".

[3]) Въ этомъ же журналѣ напечатаны его разборъ сочиненія графа Д. Толстого: „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи" (1847) и „Воспоминанія объ Англіи" (1849).

стику того времени и небольшого кружка своихъ друзей, которымъ впослѣдствіи пришлось выступить на поприще государственной и общественной дѣятельности.

„Для всѣхъ насъ памятно время, когда тяжелый гнетъ лежалъ надъ свободнымъ проявленіемъ мысли, когда противъ него, какъ противъ контрабанды, воздвигались заставы разнаго рода. Но это время было то, когда по выраженію поэта:

Тяжелый млатъ,
Дробя стекло, ковалъ булатъ.

„Въ это время были люди, которые занимались самою опасною для нихъ контрабандою, именно: изученіемъ вопросовъ администраціи и политики, а главное—изученіемъ положенія народа, его нуждъ и желаній. Эти люди не имѣли между собою никакой внѣшней связи, но ихъ соединяла связь нравственная—служеніе одному дѣлу; у этихъ людей было то, безъ чего самая жизнь не представляетъ ничего нравственно привлекательнаго, а лишь скопленіе безцѣльныхъ случайностей. Другими словами, у этихъ людей былъ идеалъ, къ которому они стремились, какъ библейскій народъ стремился въ обѣтованную землю чрезъ пустыни, преслѣдуемый фараонами. Въ чемъ же состоялъ этотъ идеалъ? Эти люди не были ни революціонерами (хотя впослѣдствіи клеймили ихъ этимъ именемъ), ни конституціоналистами; они не мечтали о перестройкѣ общества на новыхъ началахъ; эти люди не были одержимы любоначаліемъ, не стремились къ достиженію власти для самоуслажденія; они не были одержимы страстью къ обогащенію; они не были и тѣмъ, что̀ нынѣ называютъ карьеристами. Идеалъ ихъ былъ—водвореніе правды въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать. Идеалъ этотъ былъ простъ, какъ проста самая правда; объ этомъ идеалѣ никто не проповѣдывалъ, онъ, какъ выражаются натуралисты, зарождался у нихъ самопроизвольно.

„На пути къ этому идеалу у нихъ были два охранителя: трудъ и чувство долга. Въ трудѣ они видѣли не только средство, безъ котораго нельзя законно упрочить свое положеніе въ обществѣ, но и необходимую составную часть полнаго наслажденія жизнью.

„Въ исполненіи долга они видѣли основной законъ нравственности.

„Эти люди глубоко оскорблялись несправедливостями, съ которыми они встрѣчались; но это оскорбленное чувство не доводило ихъ до отчаянія, ибо они вѣрили въ силу правды, точно такъ, какъ мы теперь, не смотря на тучи, покрывающія въ настоящую минуту мракомъ весь горизонтъ, вѣримъ, что надъ ними сіяетъ солнце, что

эти тучи или разойдутся сами собою, или разгонитъ ихъ вѣтеръ, и лучи свѣта озарятъ насъ.

„Когда поднялись у насъ великіе вопросы объ уничтоженіи вѣковой несправедливости въ той или другой сферѣ гражданской жизни Россіи, когда для разрѣшенія этихъ вопросовъ понадобились умственные матеріалы, оказалось, что ихъ можно было достать только у тѣхъ, которые тайною контрабандою провозили ихъ чрезъ всякаго рода заставы и преграды, копили, берегли ихъ въ чаяніи, что наступитъ время, когда понадобится пустить этотъ капиталъ въ оборотъ.

„И вотъ почему эти люди явились въ передовыхъ рядахъ дѣятелей, и безъ всякихъ масонскихъ или иныхъ знаковъ узнали другъ друга, сошлись какъ старые знакомые".

Въ числѣ этихъ „умственныхъ контрабандистовъ", въ первыхъ рядахъ стоялъ онъ самъ, и въ эпоху преобразованій явился однимъ изъ самыхъ энергическихъ, дѣятельныхъ работниковъ.

А. П. Заблоцкій принималъ близкое участіе въ давно имъ желаемомъ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Въ то же время онъ не забывалъ литературы и ея работниковъ, и, составивъ вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ уставъ, положилъ въ 1859 году основаніе „Обществу пособія литераторамъ и ученымъ", въ которомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ избираемъ два трехлѣтія предсѣдателемъ комитета.

Совершилось, наконецъ, народное воскресеніе 19 февраля 1861 года; но еще во всеоружіи стояло другое, страшное зло, разорявшее народъ и развращавшее администрацію: винный откупъ. Заблоцкій съ горячностью принялся за разрушеніе этого зла. Его преимущественно трудами составлено обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи", разъяснявшее исторически развитіе этихъ сборовъ; ему удалось поколебать главное опасеніе, выставлявшееся защитниками откуповъ, а именно объ уменьшеніи съ ихъ отмѣною государственнаго дохода отъ продажи питей. Не смотря на всѣ усилія откупщиковъ и ихъ приверженцевъ, съ одной стороны пугавшихъ уменьшеніемъ государственнаго дохода, а съ другой—сулившихъ всевозможныя блага и въ томъ числѣ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ за сохраненіе откупа еще на нѣкоторое время,—откупъ палъ, однимъ великимъ зломъ на Руси стало меньше, и предсказанія Заблоцкаго сбылись: государственный доходъ отъ продажи крѣпкихъ напитковъ съ отмѣною откупа не только не уменьшился, но значительно увеличился.

Если послѣ отмѣны откуповъ и замѣны ихъ акцизною системою А. П. Заблоцкій не принималъ непосредственнаго, прямого участія

въ послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованіяхъ земскомъ и судебномъ, которымъ онъ горячо сочувствовалъ, то не безъ его участія совершилось преобразованіе государственнаго контроля. Основныя положенія контрольной реформы были написаны покойнымъ В. А. Татариновымъ въ кабинетѣ А. П. Заблоцкаго и при его прямомъ сотрудничествѣ, если не руководствѣ.

Назначенный въ 1867 году въ комитетъ финансовъ, А. П. Заблоцкій не могъ оставаться въ бездѣятельности. Еще и раньше онъ удѣлялъ часть своего времени литературнымъ трудамъ: такъ 1865 году онъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" очень интересную и поучительную для насъ статью „о финансахъ Австріи". Теперь, не имѣя, какъ членъ финансоваго комитета, постоянныхъ занятій, онъ могъ посвящать больше времени литературной работѣ. Въ 1868 году онъ издалъ „Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи", въ которомъ ясно и наглядно показалъ, что крестьянинъ есть главнѣйшій источникъ прямыхъ и косвенныхъ сборовъ и что на немъ лежитъ вся тяжесть государственнаго бюджета. А въ 1869 году Заблоцкій испросилъ себѣ, черезъ министра финансовъ, порученіе собрать свѣдѣнія о способахъ взиманія прямыхъ налоговъ въ Пруссіи, и плодомъ его поѣздки за-границу явился въ печати въ 1871 году замѣчательный трудъ „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи",—трудъ, имѣющій полное право занять почетное мѣсто въ европейской экономической литературѣ [1]). Въ этомъ сочиненіи онъ старался выяснить, какимъ образомъ растерзанная и разоренная наполеоновскими войнами Пруссія, благодаря добросовѣстному управленію, честности администраціи и бережливому охраненію народнаго достоянія, въ короткое время не только успѣла залечить свои раны и привести въ порядокъ свои финансы, но и достигла силы и значенія могущественнѣйшаго государства Европы.

Назначенный въ 1875 году членомъ государственнаго совѣта, А. П. Заблоцкій не оставилъ своихъ трудовъ. Съ величайшимъ вниманіемъ онъ относился ко всѣмъ вопросамъ и дѣламъ, подлежавшимъ его обсужденію; не было самаго незначительнаго вопроса, который бы онъ не изучилъ со всѣхъ сторонъ прежде подачи по немъ своего мнѣнія.

Въ 1879 году, А. П. Заблоцкій былъ назначенъ членомъ финансовой коммиссіи, учрежденной съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ, и не его, конечно, вина, что дѣло это, какъ извѣстно, затянулось, и коммиссія доселѣ не показала еще замѣтныхъ результатовъ своей дѣятельности.

---

[1]) Отдѣльныя главы этого труда появились въ „Вѣстникѣ Европы" въ апрѣльской книгѣ 1871 г., незадолго до выхода сочиненія въ свѣтъ.—*Ред.*

Среди всѣхъ этихъ постоянныхъ занятій Заблоцкій не оставлялъ литературной работы, которую всегда любилъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ составленію біографіи любимаго и уважаемаго имъ графа П. Д. Киселева. Недавно изданный имъ этотъ трудъ [1]) представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу: въ немъ ярко рисуется русскій государственный человѣкъ стараго времени, который, не получивъ никакой научной подготовки въ юности, но надѣленный искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ слугою родины, сильною волею и характеромъ, съумѣлъ самъ себя образовать и подготовить къ государственной дѣятельности, на которой явился хорошимъ администраторомъ, благимъ реформаторомъ чужой страны, достойнымъ дипломатомъ, врагомъ всякаго произвола и защитникомъ законности, никогда не думая о своихъ личныхъ интересахъ.

Кромѣ того, Заблоцкій въ послѣдніе годы жизни писалъ отрывками „Письма о деньгахъ", гдѣ хотѣлъ изложить въ популярной формѣ главныя основанія экономической науки, нерѣдко вкривь и вкось перетолковываемыя нашими даже присяжными финансистами. Первыя изъ этихъ писемъ читалъ еще покойный Чевкинъ, горячо ихъ одобрялъ за ихъ ясность и доступность и непремѣнно уговаривалъ автора ихъ напечатать. Впослѣдствіи Заблоцкій окончилъ ихъ и собирался печатать послѣ выпуска въ свѣтъ біографіи П. Д. Киселева. Смерть остановила его намѣреніе.

Такова была одна сторона дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго,—дѣятельность государственная и литературная. Но ни та, ни другая его не удовлетворяли вполнѣ. Не смотря на свою сдержанность и внѣшнюю холодность, онъ не могъ довольствоваться одною кабинетною работою; онъ искалъ дѣла болѣе живого, гдѣ бы онъ своими глазами видѣлъ плоды своей работы. „Человѣкъ онъ былъ во всемъ значеньѣ слова" и самъ любилъ людей вообще, мечталъ о ихъ благосостояніи съ такимъ же подъ часъ увлеченіемъ, съ какимъ ненавидѣлъ хищниковъ, тунеядцевъ, ханжей и лжецовъ.

При первой возможности онъ вступилъ въ ряды городскихъ дѣятелей: въ 1853 году онъ былъ въ первый разъ избранъ въ гласные петербургской городской общей думы и въ теченіе почти 30-ти лѣтъ до самой смерти сохранялъ это званіе. Это прежнее, на сословія раздѣленное городское собраніе, первый зародышъ городского самоуправленія, и притомъ зародышъ довольно уродливой формы,

---

[1]) Наши читатели познакомились съ этимъ трудомъ по отрывку, напечатанному въ „Вѣстникѣ Европы", сентябрь 1881 г. *Ред.*

тѣмъ не менѣе представлялся какою-то аномаліею въ общемъ административномъ строѣ стараго времени. Съ этимъ зачаткомъ самоуправленія не мирилась тогдашняя администрація, и не мало нужно было энергіи и устойчивости, чтобы охранить хотя-бы признакъ самостоятельности общественнаго управленія. Въ числѣ первыхъ защитниковъ городского самоуправленія и городской казны постоянно стоялъ Заблоцкій въ качествѣ гласнаго, товарища старшины и старшины I отдѣленія (потомственныхъ дворянъ). Конечно, эта защита не рѣдко отзывалась невыгодно на самихъ защитникахъ, вредила ихъ служебной карьерѣ, устанавливала имъ репутацію людей „безпокойныхъ" (названіе „неблагонадежныхъ" было изобрѣтено впослѣдствіи), и требовалось много выдержки и честнаго отношенія къ дѣлу, чтобы отстаивать свои законныя права. Стоитъ только взглянуть на старыя городскія смѣты, чтобы удивиться, какіе только разнообразные расходы, не имѣющіе ничего общаго ни съ обязанностями, ни съ интересомъ города, не далѣе, какъ двадцать лѣтъ назадъ, по произволу администраціи относились на городскую казну. Много нужно было времени, знанія и труда, чтобы городская казна, путемъ изъ года въ годъ повторяемыхъ ходатайствъ и домогательствъ, избавлялась постепенно отъ такихъ неправильныхъ и непроизводительныхъ расходовъ. Въ этомъ отношеніи петербургская дума и городское населеніе много обязаны А. П. Заблоцкому. Въ качествѣ члена и предсѣдателя городской финансовой коммиссіи, онъ вызывалъ ходатайства думы объ освобожденіи городской казны отъ того или другого неправильно на нее возложеннаго расхода, и затѣмъ, въ качествѣ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, на утвержденіе котораго въ прежнее время представлялась городская смѣта, имѣлъ возможность разъяснять основательность и справедливость такихъ ходатайствъ.

Постоянно въ теченіе почти тридцати лѣтъ охраняя городскую казну отъ всякихъ непроизводительныхъ расходовъ, А. П. Заблоцкій интересовался не одною только финансовою частью городского хозяйства. Напротивъ того, не было почти сколько-нибудь важнаго или полезнаго для города дѣла, въ которомъ не проявлялось бы его участія или даже почина. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ „Извѣстія городской думы", обязанныя А. П. Заблоцкому своимъ появленіемъ на свѣтъ: по его предположенію, сдѣланному въ 1862 году о необходимости знакомить предварительно гласныхъ и городское общество съ дѣлами, подлежащими рѣшенію городской думы, „Извѣстія" начали издаваться съ 1863 года. Перелистывая эти „Извѣстія" за первыя десять лѣтъ, мы постоянно встрѣчаемся съ

А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, то дѣлающимъ какое-либо полезное городу предложеніе, то избираемымъ въ ту или другую коммиссію. Такъ онъ участвовалъ въ составленіи мѣръ противъ холеры, въ организаціи мирового института, въ составленіи правилъ переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ и въ производствѣ самой переоцѣнки, въ коммиссіяхъ о введеніи квартирнаго налога, о примѣненіи къ Петербургу новаго городового положенія, объ устройствѣ больничной части, по дѣламъ столичнаго управленія и пр., и пр. Не перечисляя всѣхъ коммиссій, въ которыхъ, въ качествѣ члена или предсѣдателя, онъ участвовалъ, упомянемъ еще, что ему принадлежитъ первоначальная мысль объ устройствѣ при городской управѣ статистическаго отдѣленія, объ изслѣдованіи съ санитарною цѣлью водъ въ петербургскихъ рѣкахъ и каналахъ, о производствѣ періодически переписи въ Петербургѣ. Въ послѣдніе годы состояніе здоровья и засѣданія государственнаго совѣта препятствовали А. П. Заблоцкому бывать на всѣхъ собраніяхъ думы; но онъ не переставалъ интересоваться городскими дѣлами, и на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ, возлѣ записокъ по различнымъ дѣламъ государственнаго совѣта, нерѣдко можно было видѣть и раскрытыя „Извѣстія", которыя онъ всегда читалъ отъ начала до конца. Не принимая въ послѣднее время близкаго, дѣятельнаго участія во всѣхъ городскихъ дѣлахъ, Заблоцкій не переставалъ, однако, участвовать въ дѣлѣ, тѣсно связанномъ съ городскимъ благосостояніемъ: въ дѣлѣ взаимнаго страхованія. Онъ былъ долгое время предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета „С.-Петербургскаго общества взаимнаго страхованія", въ средѣ котораго пользовался большимъ уваженіемъ за его многостороннія познанія.

Вся религіозная сторона А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго ушла на помощь бѣдному и нуждающемуся люду. При его доступности, готовности помочь каждому нуждающемуся и несомнѣнномъ организаторскомъ талантѣ, ему удалось широко развить благотворительность основаннаго въ 1868 году „Общества вспоможенія бѣднымъ прихода Андреевскаго собора" на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ. Избираемый постоянно со дня основанія общества предсѣдателемъ его совѣта, Заблоцкій сдѣлался центромъ, душою этого общества. Благодаря необыкновенной его способности пріискивать для каждаго дѣла соотвѣтствующаго человѣка, способнаго предаться всецѣло этому дѣлу, общество развилось быстро: менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ, въ 1877 году, оно выстроило каменный домъ, стоющій 42,000 рублей, устроило въ этомъ домѣ дешевыя квартиры, богадѣльню и пріютъ. Какъ видно изъ отчета за прошлый годъ,

кромѣ единовременныхъ пособій нуждавшимся въ нихъ, общество оказывало постоянное пособіе 192 лицамъ, въ томъ числѣ 15 дѣтямъ, платило за бѣдныхъ дѣтей въ школахъ и гимназіяхъ, содержало въ богадѣльнѣ 30 престарѣлыхъ женщинъ и въ пріютѣ 14 дѣвочекъ, круглыхъ сиротъ, въ возрастѣ начиная отъ двухъ лѣтъ, причемъ дѣвочки постарше обучались грамотѣ и рукодѣльямъ.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, нельзя не пожалѣть о его кончинѣ, хотя и въ преклонныхъ лѣтахъ. Эту потерю почувствуютъ и русское общество, и городская дума, и бѣдное петербургское населеніе.

Не богата наша земля такими людьми и не велико отводимое имъ у насъ поле дѣятельности.

В. Лихачевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1882.

I.

Задачи украинофильства.

— Луна. Украинскій альманахъ на 1881 годъ. Кіевъ, 1881.

Едва ли въ свѣтѣ есть языкъ, несчастнѣе малороссійскаго. Вѣка проходили одинъ за другимъ; всѣ признавали, что на свѣтѣ существуетъ малороссійскій народъ и говоритъ своею рѣчью; цари обращались къ этому народу съ своими грамотами и царское слово именовало его „малороссійскимъ народомъ", а для сношенія съ малороссіянами и уразумѣнія ихъ рѣчи, въ Москвѣ при посольскомъ приказѣ были особые переводчики. Никому въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что такой народъ со своимъ языкомъ существуетъ. Но въ недавнее время книжные мудрецы выдумали, будто малороссійскаго народа нѣтъ вовсе и никогда не было, а въ краѣ, называемомъ Малороссіей, живетъ все такой же народъ, какъ и въ Москвѣ, и въ Твери, и въ Нижнемъ—вездѣ въ русскомъ государствѣ одинъ только народъ русскій. Отыскивать въ Россіи какія-то двѣ русскія народности—нелѣпо, позорно и преступно; въ народной рѣчи жителей малороссійскаго края, если и есть какія-нибудь отличія, то онѣ не важнѣе тѣхъ, какія можно встрѣтить не только между губерніями, но даже между уѣздами и волостями въ Великой Россіи. Это никакъ не языкъ, даже не нарѣчіе; это просто—говоръ, въ незначительной степени оттѣняющійся отъ обще-русскаго языка. Только нѣкоторые злонамѣренные люди, ненавистники единства Россіи, враги отечества выдумываютъ, будто это какое-то особое, отличное нарѣчіе и пытаются создать изъ него отдѣльный языкъ и особую литературу. Народъ въ малороссійскомъ краѣ, будучи чисто-русскимъ,

не сочувствуетъ такимъ затѣямъ, не хочетъ учиться вымышленному языку, который хотятъ навязать ему коварные недруги Россіи; напротивъ, народъ самъ хочетъ забыть тѣ отличія, которыя наложила на него прошедшая исторія, какъ плодъ долговременнаго соединенія съ Польшею. Лучшимъ доказательствомъ тому ставятъ тотъ признакъ, что народъ бросаетъ свои пѣсни и съ жадностію перенимаетъ пѣсни великорусскія, народъ желаетъ учиться на обще-русскомъ языкѣ, а не на старомъ испорченномъ жаргонѣ, который хотятъ поднять до степени языка злонамѣренные украинофилы. Это повторялось много разъ и печатно и словесно. До какой степени утверждались такія понятія, можно видѣть изъ того, что лѣтъ около восьми тому назадъ представленное въ географическое общество сочиненіе, отданное на просмотръ господину, считающемуся ученымъ филологомъ, не было напечатано, не смотря на признанное за этимъ сочиненіемъ внутреннее достоинство. Это сдѣлалось на томъ только основаніи, что авторъ отозвался о малороссійской рѣчи, какъ объ одномъ изъ нарѣчій славянскаго корня, а не какъ о случайной временной отмѣнѣ русскаго языка, какъ рѣшилъ мудрый филологъ, который, какъ намъ достовѣрно извѣстно, самъ между близкими людьми сознавался, что поступилъ такъ потому только, что такъ слѣдовало сообразно текущему времени, и главное потому, что такъ смотрятъ на этотъ вопросъ сверху.

Такой взглядъ на малорусскую рѣчь довелъ, наконецъ, до того, что власти, руководясь отзывами лицъ, считавшихся компетентными, наложили запрещеніе не только на малорусскую письменность, но даже на ноты малороссійскихъ пѣсенъ и сочли недозволительнымъ и вреднымъ устройство концертовъ съ пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ и спектаклей съ малорусскими пьесами. Мы далеки отъ того, чтобы легкомысленно обвинять за это власти; знаемъ, что высшія власти при самыхъ благихъ намѣреніяхъ не могутъ изслѣдовать всѣхъ мелкихъ подробностей дѣла и неизбѣжно должны руководствоваться сообщеніями подчиненныхъ имъ низшихъ органовъ. Намъ болѣе всего хотѣлось бы разъяснить себѣ источникъ, откуда исходитъ такое гоненіе на малорусскую рѣчь.

Всякому общественному явленію непремѣнно можно отыскать историческую причину въ прошлой жизни общества и народа. Какое отличительное явленіе замѣчаемъ мы въ теченіи малорусской исторіи? То, что интеллигентное общество, всегда составлявшее меньшинство, нѣсколько разъ отрывалось отъ народа и даже становилось ему враждебнымъ. Интеллигенція всегда почти ограничивалась однимъ привиллегированнымъ классомъ: это, впрочемъ, явленіе не мѣстное, не исключительное, а нѣкогда бывшее общимъ всей евро-

пейской исторіи. Въ Малороссіи такой привиллегированный классъ былъ нѣкогда извѣстенъ подъ названіемъ *земянъ*, потомъ, при тѣснѣйшей политической связи съ Польшею, переименовался въ названіе шляхты или шляхетства. Польша стояла ближе къ западу, откуда приходила образованность, а потому шляхетство малороссійское, заимствуя эту образованность чрезъ Польшу, стало усвоивать и польскій языкъ, а благодаря ничѣмъ неудержимой пропагандѣ іезуитовъ—и польскую, т.-е. римско-католическую, религію. Это открыло между нимъ и остальнымъ народомъ страшную пропасть, въ которую упалъ привиллегированный классъ малороссійскаго народа, потому что сталъ врагомъ этого народа и за то потерпѣлъ отъ него кару. Народъ истреблялъ его, изгонялъ, хотѣлъ стереть его съ лица своей земли и до извѣстной степени успѣлъ въ этомъ. Въ немалой части южно-русскаго края не стало шляхетства; мѣсто его заступило вольное казачество, пополнявшееся изъ народной толпы и въ началѣ показывавшее въ себѣ болѣе зачатковъ единенія, чѣмъ розни съ остальнымъ народомъ. Но среди этого самаго казачества выдвинунулись казацкіе старшины и войсковые товарищи: они положили зачатокъ новому привиллегированному классу въ странѣ своей. Занимая высшія служебныя должности въ казацкомъ званіи, они пріобрѣтали земельную собственность, утверждали ее за собою и за своими потомками жалованными царскими грамотами, и такимъ образомъ стали богатыми и вліятельными владѣльцами. Русское правительство преобразило ихъ въ дворянство и сравнило по значенію съ дворянствомъ остальныхъ частей русскаго государства. Оно сдѣлало ихъ рабовладѣльцами, отдавши имъ въ крѣпостную зависимость обезземеленное уже прежде поспольство (мужиковъ), которое поселилось на земляхъ, упроченныхъ въ собственность за новосозданнымъ дворянствомъ. Вотъ это-то малороссійское дворянство составляло привиллегированный и вмѣстѣ интеллигентный классъ въ Малороссіи. Соединившись въ одно государственное сословіе съ великорусскимъ дворянствомъ, оно усвоило общіе послѣднему признаки и пріемы. Оно стало оставлять языкъ, на которомъ говорили его предки, и заимствовало языкъ великорусскій, который, будучи языкомъ государственнымъ, съ почина славнаго Ломоносова, сдѣлался въ Россіи общимъ языкомъ литературы и интеллигенціи. Слѣдуя за великорусскимъ дворянствомъ, малороссійское дворянство почувствовало недостаточность домашнихъ средствъ къ образованію и стало подчиняться увлеченію западной иноземщиной, за которое въ наше время такъ укоряютъ все русское дворянство и всю русскую интеллигенцію сторонники отечественной самобытности. Словомъ, малороссійское дворянство поступило также, какъ нѣкогда поступали

его предшественники земяне и шляхтичи, промѣнявшіе свою южнорусскую національность на польскую, съ тою только разницею, что тѣ, усвоивая польскій языкъ, отрекались не только отъ своей народности, но и отъ своей прежней религіи. Новое дворянство въ этомъ отношеніи не было въ такихъ условіяхъ и не могло также поступать, какъ прежнее, во-первыхъ, потому, что у него религія съ великорусскимъ дворянствомъ была одна, а во-вторыхъ, потому, что переходъ въ иную религію изъ православной преслѣдовался закономъ. (Мы думаемъ, что такіе случаи были бы не рѣдки, еслибы это дозволялось). Такой поворотъ открылъ между привиллегированнымъ классомъ и остальнымъ народомъ снова пропасть и только сохранявшееся единство церковное воспрепятствовало этой пропасти расшириться до такой степени, до какой она когда-то расширилась между ополяченнымъ шляхетствомъ и казаками. Отъ этого же единства церковнаго произошло то, что къ интеллигентному дворянству стало примыкать и духовенство, чего не было съ прежнимъ шляхетствомъ. Теперь учившійся поповичъ въ интеллигентномъ отношеніи старался походить на дворянина и также отшатывался отъ народа, хотя медленнѣе и менѣе рѣзко.

Какъ бы то ни было, но въ сущности малороссійскій дворянинъ (и притомъ чѣмъ болѣе былъ образованъ, тѣмъ рѣзче) переставалъ уже принадлежать малороссійскому народу. Народность малороссійская сосредоточилась исключительно въ одномъ такъ-называемомъ простонародіи. Станемъ ли обвинять малороссійское дворянство за такое отступничество? Ни мало; еще меньше, чѣмъ его ополячившихся и окатоличившихся предшественниковъ. Можно ли было каждому, взятому въ частности, удержаться противъ силы высшей культуры и образованности? Неужели станемъ ругаться надъ малороссійскимъ дворяниномъ, вспоминая, какъ онъ краснѣлъ, когда по забывчивости, произносилъ малороссійское слово, непонятное и смѣшное для ушей его товарища по сословію, великорусскаго дворянина? Неужели поставимъ ему въ вину (какъ дѣлаютъ нѣкоторые московскіе патріоты), вспоминая, какъ онъ гордился успѣхами своихъ сыновей и дочерей, умѣвшихъ правильно сложить нѣсколько „фразъ на французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ"? Ни мало, тѣмъ болѣе, что даровитѣйшіе изъ его дѣтей, учась этимъ діалектамъ на столько, чтобы читать на нихъ книги, могли изъ этихъ книгъ познакомиться съ болѣе гуманными идеалами, стоявшими чрезмѣрно выше идеаловъ ихъ предковъ, войсковыхъ товарищей. Всего возмутительнѣе кажется намъ, что рядомъ съ такими жизненными явленіями малороссійскіе дворяне воспитали въ себѣ то пренебреженіе къ малороссійскому народу, которое высказывалось въ такихъ выраженіяхъ:

хохолъ мужикъ, хохолъ дуракъ! Какой грубый, дурацкій, у него языкъ! Иные даже стыдились своихъ фамильныхъ прозвищъ, обличавшихъ ихъ происхожденіе отъ одного корня съ этимъ хохломъ мужикомъ и прибавляли къ окончанію *енко* слогъ *въ*, чтобы казаться великоруссами. Не станемъ винить ихъ и за это, потому что то было дѣло исторіи. Можно ли винить дворянина стараго времени за то, что онъ считалъ себя по происхожденію имѣющимъ исключительное право на званіе свободнаго человѣка, а на остальной народъ смотрѣлъ, какъ на скотъ полусмысленный? Такъ учили его съ дѣтства, такой взглядъ поддерживало въ немъ и правительство своими законоположеніями. Не всѣ способны стать выше предразсудковъ своего времени; это—призваніе только немногихъ избранныхъ натуръ; остальные, составляющіе массу—всегда только дѣти своего вѣка и судить ихъ можно только сообразно тѣмъ идеаламъ, которые были усвоены въ то время, когда суждено было имъ жить и дѣйствовать.

Но духъ времени измѣнился. Интеллигентный человѣкъ вездѣ, наконецъ, додумался, что простолюдинъ мужикъ—такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Путемъ науки интеллигентный человѣкъ узналъ, что въ этомъ запачканномъ черною работою мужикѣ—основныя силы общества, что это—корень, безъ котораго не можетъ существовать дерево съ его листвою и цвѣтами. Интеллигентный человѣкъ понялъ, что знаніе французскаго и нѣмецкаго діалектовъ не даетъ права относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ, которые не учились этимъ діалектамъ и вообще находятся на болѣе низкой степени умственной образованности, образованности, говоримъ, но не развитія, потому что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ грубый мужикъ въ сущности показывается развитѣе, чѣмъ утонченно образованный человѣкъ. Истину послѣдняго подтвердятъ намъ народныя поэтическія произведенія, гдѣ можно встрѣтить такія высоконравственныя идеи, которыя по неволѣ заставятъ насъ преклоняться передъ природною духовною силою человѣка, еще не тронутаго ученіемъ. Знаніе того, чтó произвело это необтесанное, это неуклюжее мужичество, все болѣе и болѣе становится одною изъ необходимостей научнаго образованія. Этнографія стала одною изъ важнѣйшихъ наукъ нашего времени. Естественно, что при такомъ направленіи для истинной образованности дѣлается до-нѐльзя противною та старая точка зрѣнія, когда признакомъ высшаго образованія считалось пренебреженіе къ тому, чтó составляетъ духовное, хотя бы и скудное достояніе простонародія. Такое направленіе коснулось и Малороссіи. И здѣсь, какъ и вездѣ въ образованномъ мірѣ, стали заниматься изученіемъ простого народа, а вмѣстѣ его языка и словесности. Тутъ во-очію показалось, что народность малороссійская была окончательно све-

дена на низшій уровень простонародія. Съ расширеніемъ правъ учиться всѣмъ безъ разбора происхожденія, стали получать образованіе не одни дворянскіе и поповскіе дѣти, но также и происходившіе изъ простонародія. Они не могли позабыть и не любить того, что̀ всосали съ матернимъ молокомъ. Кромѣ нихъ, многіе изъ принадлежавшихъ по рожденію къ привиллегированнымъ классамъ полюбили всѣмъ сердцемъ простонародіе съ его духовными признаками. Рядомъ съ этнографическимъ изученіемъ народа, его языка и произведеній, естественно явилось стремленіе развивать народное слово далѣе, вести его по тому пути, по которому шли языки всѣхъ другихъ народовъ. Отсюда явились зачатки малороссійской литературы. Какъ бы ни увертывались ея недоброжелатели, какъ бы ни старались чѣмъ-нибудь благовиднымъ оправдать свое недоброжелательство, источникъ его видѣнъ ясно. Это въ сущности все тотъ же старый, отжившій, уничтоженный наукою взглядъ прежняго малороссійскаго дворянина на мужика, взглядъ, который побуждалъ перваго считать признакомъ своей образованности презрѣніе ко всему мужицкому и даже хвастаться тѣмъ, что онъ, какъ образованный человѣкъ, не понимаетъ того, что̀ говоритъ мужикъ на своемъ дурацкомъ нарѣчіи. До какой степени безосновательны и несостоятельны подозрѣнія, поднимавшіяся на украинофильство въ политическомъ смыслѣ, объ этомъ уже толковано было много и нами и другими, и потому мы считаемъ излишнимъ возвращаться къ этой сторонѣ вопроса. Едвали сами тѣ, которые это проповѣдуютъ, едвали они вѣруютъ въ то, чѣмъ другихъ пугаютъ. Путь, по которому дошли люди до идеи развитія украинскаго языка и литературы, слишкомъ очевиденъ, а какіе-нибудь отдѣльные примѣры, на которые станутъ намъ указывать, могутъ относиться исключительно къ тѣмъ или другимъ личностямъ, но никакъ не къ цѣлому направленію.

Малороссійское нарѣчіе имѣетъ право на существованіе уже по тому одному, что оно существуетъ, а право выражать на немъ мысли основано на той простой аксіомѣ, что способность слова дана Богомъ человѣку для того, чтобъ выражать свои мысли. Къ большому сожалѣнію, въ послѣднее время мы замѣчаемъ такое явленіе: чуть только появится въ свѣтъ малороссійская книжка—въ газетѣ считаютъ обязанностію говорить не о томъ, хороша ли она или дурна, а начинаютъ толковать, что писать по-малорусски отнюдь не слѣдуетъ. Недоброжелательство ко всему малорусскому доходитъ до того, что, кажется, скоро станутъ признавать неприличнымъ въ порядочномъ обществѣ заводить рѣчь о малороссійскомъ народѣ и его языкѣ. Пора бы, хотя людямъ здравомыслящимъ, оставить такой фальшивый путь и начать обращаться съ произведеніями малорус-

скаго слова также, какъ и съ произведеніями на каждомъ другомъ языкѣ.

Передъ нами новая малорусская книжечка, изданная въ Кіевѣ: „Луна, украинскій альманахъ на 1881 годъ, частина перша". Этого литературнаго явленія мы дожидались уже не малое время. Объявляли въ газетахъ, что подъ этимъ названіемъ (луна—по малороссійски значитъ отголосокъ) предполагался журналъ на малорусскомъ нарѣчіи, а теперь намъ даютъ только альманахъ, впрочемъ, съ означеніемъ, что это только его первая часть, и мы такимъ образомъ въ правѣ ожидать второй книжки того же сборника. Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядомъ, господствующимъ, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты, и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародномъ нарѣчіи такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суетную и неумѣстную. Создавать новыя слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достояніемъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы. Много новыхъ словъ и оборотовъ вошли во всеобщее употребленіе, но они почти всегда появлялись въ началѣ на страницахъ нашихъ лучшихъ писателей, которыхъ произведенія и по своему содержанію оставляли по себѣ безсмертную память. Такъ, много словъ и оборотовъ созданы Ломоносовымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ... Но что̀ сталось съ такими на живую нитку измышленными словами, какъ „мокроступы, шарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе" и т. п.? Ничего, кромѣ позорнаго безсмертія, какъ образчики неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болѣзнію и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укоризны. По крайней мѣрѣ у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка Вовчка едва ли найдется что-нибудь такое, о чемъ бы можно было съ перваго раза сказать, что малоруссъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться вотъ хоть на это произведеніе современнаго поэта, котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не посмѣемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сыділи мы, каганчикъ миготівъ,
Дві тіні, тремтячи, сягали ажъ до мура,
А у вікно дывылась нічъ понура
І вітеръ щось сумне, гробкове (?) вывъ.

Якъ помники (!) холодні та німі
Сыділи мы безъ слова і безъ думы...
Іще чорнішъ тіеі ночи-стумы (?!)
Прыйдешнье (!) намъ вбачалося въ пітьмі, (!)

Безъ пробсвітку, безъ жадноі меты,
Якъ мертвый шляхъ въ безлюдний (!) пустыні;
Въ минулому руіна на руіні,
І сылою (?) поставлені хресты.

Чого-жъ ще ждать? боління тільки мить... (!?)
Але мы все сыділы біля мура,
Дывылась нічъ черезъ вікно понура
І не вгававъ (!) сердитий вітеръ вытъ. (стр. 62),

Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совершенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ нарѣчій существительныя: есть, напримѣръ, нарѣчіе: байдужѐ, т.-е. все ни по чемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное „байдужесть". Чтò бы сказалъ русскій читатель, если бы увидалъ въ русской книгѣ существительное *всенипочемность*? Въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ словъ вставляя туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собственнаго издѣлія, какъ напримѣръ, „*напечатокъ*" вмѣсто *отпечатокъ* (какъ будто напечатокъ для малорусса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), „задуманість, поетычна мрія про історічну минувшість, узькі глибокі щілыны манылы до себе очи своею чарівнычею свіжыною" (мы слышали слово *свіжына* только въ смыслѣ свинины).

Въ „Лунѣ" напечатанъ хорошій разсказъ изъ народной жизни подъ названіемъ *Прыятелі*, написанный И. С. Левицкимъ. Два крестьянина, носящіе одно имя Кузьма, одинъ Кузьма Коваль,—другой Кузьма Гуляй, вмѣстѣ росли, разомъ женились, но пошли по разнымъ путямъ: Коваль былъ человѣкъ трудолюбивый и расторопный, Гуляй—лѣнивый и безалаберный. Послѣдняго жидъ соблазняетъ легкимъ способомъ пріобрѣтать деньги; сначала онъ уговариваетъ его, вмѣстѣ съ сыномъ, принимать подъ сохраненіе краденыя вещи, потомъ, мало по малу овладѣвши совѣстію отца и сына, подбиваетъ ихъ самихъ

на воровство. Сынъ при участіи отца обокралъ церковь. Скоро, однако, преступленіе открылось и отецъ былъ обличенъ своимъ давнимъ пріятелемъ Ковалемъ, узнавшимъ покинутыя похитителями въ притворѣ церкви щипцы, утащенныя у него Кузьмою Гулаемъ изъ кузницы. Разсказъ живой, написанный съ знаніемъ пріемовъ народной жизни, хотя не полонъ и кажется болѣе наброскомъ, чѣмъ оконченнымъ сочиненіемъ. Г. Левицкій—безспорно талантливѣйшій изъ современныхъ малорусскихъ писателей. Его первыя произведенія явились въ отдѣльной книжкѣ, изданной во Львовѣ подъ псевдонимомъ Ивана Нечуя. Тамъ помѣщено было три малорусскихъ разсказа: „Дві Московкі,“ „Панасъ Крутъ“ и „Причепа“. Первый вѣрно и трогательно изображаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ; второй—превосходная картинка съ натуры, изображающая бытъ малорусскихъ рыболововъ; въ послѣднемъ выводятся точки соприкосновенія людей польскаго происхожденія съ малороссами въ западной Украйнѣ. Вслѣдъ за первыми опытами г. Левицкій издалъ большую повѣсть „Хмары“. За тѣмъ появились его два небольшихъ разсказа изъ народнаго быта: „Не можна бабі Парасці вдержатысь на селі“ и „Благословіть бабі Парасці вмерты“. Разсказы эти—лучшее произведеніе талантливаго автора, и, по неподражаемому юмору, вѣрности красокъ, могутъ стать въ уровень съ Гоголевскимъ разсказомъ о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Г. Левицкій написалъ еще повѣсть, напечатанную во Львовѣ: „Кайдашева семья“ и комедію „На Кожемякахъ“, которая отличается большими комическими достоинствами; желательно, чтобъ она была поставлена на сценѣ. Въ галицкомъ періодическомъ изданіи „Правда“ мы познакомились съ повѣстью того же автора „Мыкола Джеря“, гдѣ изображены похожденія малорусскаго крестьянина кіевской губерніи, который, вслѣдствіе несправедливостей и утѣсненій, перенесенныхъ на родинѣ, началъ вести бродячую жизнь, сначала работая на сахарныхъ заводахъ, потомъ проживая въ Бессарабіи, и, наконецъ, уже подъ старость воротился на родину, гдѣ засталъ новые порядки послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тотъ же авторъ составилъ еще нѣсколько короткихъ популярныхъ очерковъ изъ исторіи Малороссіи и помѣстилъ въ галицкой „Правдѣ“ большое сочиненіе „Світоглядъ“, гдѣ представилъ міровоззрѣніе малорусскаго народа. Мы, къ сожалѣнію, не читали этого сочиненія, не имѣвши возможности получить галицкой „Правды“. Послѣднее изъ отдѣльныхъ извѣстныхъ намъ сочиненій г. Левицкаго—„Бурлачка“, гдѣ изображена жизнь малороссійской дѣвушки, которую жиды увлекли на работы сначала въ панское имѣніе, а потомъ на сахарный заводъ. По нашему мнѣнію

г. Левицкій, какъ писатель, посвятившій свою дѣятельность изображенію простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россіи, и очень жаль, что имя его, кромѣ Малороссіи, не достаточно извѣстно публикѣ другихъ частей нашего отечества. Мы высоко цѣнимъ произведенія такихъ писателей какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ, А. Потѣхинъ, Г. Успенскій, и другихъ, посвятившихъ себя спеціально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и пріемовъ жизни великорусскаго простолюдина со всѣми оттѣнками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малорусса въ своихъ произведеніяхъ. Никто, надѣемся, не станетъ возражать, что это большой пробѣлъ въ нашей народной литературѣ. Только такіе писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ пробѣлъ и притомъ произведеніями на мѣстномъ нарѣчіи: малоруссъ, изображенный говорящимъ по-русски, не будетъ представлять правды, такъ-какъ рѣчь его имѣетъ много мѣстныхъ особенностей, касающихся его жизни, которыя непонятны для русскаго читателя, незнакомаго съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, его силою, лаконизмомъ и юморомъ. Какъ ни великъ былъ талантъ Гоголя, но и въ его изображеніяхъ малоруссовъ знатоки открываютъ не мало чертъ, обличающихъ недостатокъ правды. Малороссія, эта колыбель всей русской націи, особенно достойна ея вниманія: Малороссія должна быть вѣрно изображаема со всѣми признаками своей мѣстной народности и слѣдовательно съ своею мѣстною народною рѣчью.

По поводу другихъ помѣщенныхъ въ „Лунѣ“ статей считаемъ излишнимъ распространяться. Мы уже указали на тѣ черты, которыя считали бы не желательными. Во всякомъ случаѣ за всѣми участниками этого альманаха надобно признать то важное достоинство, что они выказываютъ любовь къ родному слову, которое подвергается незаслуженному пренебреженію.

Но теперь слѣдуетъ рѣшить вопросъ: если можетъ и имѣетъ право существовать малорусская литература, то какія ея задачи и какіе пути должна она избрать? Въ настоящее время въ малорусскомъ краѣ языкъ сталъ только достояніемъ простонародья, хотя не малочисленнаго, но все-таки стоящаго на довольно низкой степени развитія. Мы уже выше замѣтили, что интеллигентные классы давно отрѣзались отъ своей народности: одни примкнули къ русской образованности и стали одинакими съ великоруссами; для другихъ роднымъ языкомъ сталъ польскій, нѣкоторые онѣмечились, а иные даже омадьярились. Взывать къ нимъ и возбуждать ихъ обратиться снова къ народности своихъ предковъ было бы по меньшей степени неумѣстно. Это походило бы на возбужденіе къ такому-же донкихот-

ству, къ какому возбуждають великорусскихъ дворянъ московскіе славянофилы, указывая имъ идеалы прошедшей жизни Московскаго государства XVI и XVII вѣка. Нѣтъ, мы оставимъ ихъ быть тѣмъ, чѣмъ они стали и притомъ не по своей винѣ. Кромѣ того, тѣхъ, которые нѣкогда пренебрегли своею народностью; давно уже нѣтъ на свѣтѣ, остались ихъ потомки, воспитанные съ новыми культурными понятіями. Мы ограничимся только желаніемъ, чтобъ они не показывали вражды къ малорусской литературной дѣятельности. Наша малорусская литература есть исключительно мужицкая, такъ какъ и народа малорусскаго, кромѣ мужиковъ, почти, можно сказать, не осталось. А потому эта литература должна касаться только мужицкаго круга. Есть два пути, на которыхъ она может выказать свою дѣятельность. Первый путь—знакомить интеллигентное общество, какъ посредствомъ произведеній чисто научныхъ, такъ и художественно-литературныхъ, съ народною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Второй путь—поднимать умственный горизонтъ самого народа, сообщая ему въ доступной для него формѣ общечеловѣческія знанія. Мы бы считали важнѣйшимъ дѣломъ въ настоящее время изданіе хорошаго малорусскаго словаря и грамматики, чтобы дать языку прочную установку, и составленіе въ популярномъ изложеніи свѣдѣній, касающихся вѣры, сельскаго хозяйства, и законовъ, подъ которыми народъ живетъ. Обстоятельства впереди укажутъ, что должно будетъ писать далѣе. Не нужно задаваться такими соображеніями, при которыхъ являлась бы необходимость, какъ теперь думаютъ нѣкоторые, насильственно дѣлать изъ малорусскаго языка нѣчто похожее на языки, давно уже имѣющіе сформировавшуюся литературу и науку. Чѣмъ по языку ближе малорусскіе писатели будутъ къ простому народу, чѣмъ менѣе станутъ отъ него отдаляться, тѣмъ успѣхъ ихъ въ будущемъ будетъ вѣрнѣе. Возьмемъ въ примѣръ незабвеннаго Г. Ѳ. Квитку. Во всѣхъ его произведеніяхъ не отыщете ни одного выкованнаго слова или оборота, ни одной чуждой народу мысли: онъ, какъ многіе обвиняютъ его, былъ через-чуръ мѣстенъ; онъ пишетъ и думаетъ такъ, какъ думалъ бы и выразился умный мужикъ-слобожанинъ харьковской губерніи. Однако, не смотря на это, его произведенія съ равнымъ удовольствіемъ читаются и въ Заднѣпровской Украйнѣ и въ Галичинѣ. Для всѣхъ онъ равно понятенъ и близокъ сердцу каждаго малорусса. А это потому, что въ немъ—живая правда, что онъ изображаетъ народъ такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ хотѣлось бы создать его какому-нибудь идеалисту. Въ числѣ его сочиненій есть одно, оставшееся какъ-то въ тѣни и не всѣмъ, быть можетъ, извѣстное. Это — „Листы до любезныхъ моихъ землякiвъ“.

Это—нравоучительная проповѣдь, обращающая вниманіе на то, какъ простолюдинъ долженъ себя вести и чего долженъ избѣгать. Между прочимъ, научая народъ избѣгать пьянства, онъ съ неподражаемымъ юморомъ и вѣрностію превосходно изобразилъ отвратительно-комическое состояніе пьяницы. На эти „Листы" мы бы совѣтовали современнымъ писателямъ обратить вниманіе не для того, чтобы подражать Основьяненку—подражаніе всегда бываетъ хуже оригинала, а для того, чтобы замѣтить, такъ-сказать, узенькую тропинку, которую можно превратить въ широкую дорогу.

Въ „Лунѣ" помѣщено нѣсколько переводовъ. Мы замѣчаемъ, что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особенная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусскій языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы имѣемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ по-малорусски, между тѣмъ тотъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую рѣчь произведенія европейскихъ знаменитостей, какъ Шекспира, Байрона, Андерсена, Мицкевича и другихъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ желаніе видѣть малорусскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ натяжки можно было передавать все, что составляетъ достояніе культурнаго языка, но на это нужно время и значительное поднятіе умственнаго горизонта въ народѣ. Поэтому извѣстная латинская поговорка festina lente или русская: тише ѣдешь, дальше будешь—должна служить девизомъ для малорусскихъ писателей.

Намъ, быть можетъ, возразятъ: есть и малорусская пословица: покі сонце зійде, роса очи выість! Пока разовьется народъ до такой степени, чтобы на его нарѣчіи можно было передавать все, составляющее достояніе культурнаго человѣчества, онъ потеряетъ свой языкъ и усвоитъ государственный, обще-русскій. На такое возраженіе, если бы оно послѣдовало, мы заранѣе даемъ отвѣтъ. Если малорусскому нарѣчію суждено испариться и исчезнуть, то пусть такъ и будетъ,—лишь бы это произошло по истинному влеченію народа безъ всякаго внѣшняго давленія и принудительныхъ способовъ. Но мы не видимъ, чтобъ это произошло и въ особенности произошло бы скоро. Малорусскій простолюдинъ, правда, перенимаетъ многое отъ великоруссовъ и вноситъ въ свою обыденную рѣчь великорусскія слова и обороты; но тѣмъ не меньше онъ истинно любитъ свою родную рѣчь и свою народность. Достаточно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ слушаютъ неграмотные малоруссы книжку, писанную на ихъ нарѣчіи. Это совсѣмъ не то, если то же станете излагать имъ по-русски:

быть можетъ, и тогда нельзя сказать, чтобы они вовсе не понимали того, чтó слышатъ, но видите съ перваго раза, что оно принимается ихъ сердцемъ совсѣмъ не такъ какъ свое родное. Малоруссы перенимаютъ много великорусскихъ, особенно солдатскихъ пѣсень, собственно увлекаясь ихъ мелодіею, и безобразнѣйшимъ образомъ коверкаютъ ихъ содержаніе, такъ что очевидно не понимаютъ и, кажется, вовсе не хотятъ понимать смысла того, чтó поютъ. Между тѣмъ мы сами видѣли такіе примѣры: былъ въ помѣщичьемъ дворѣ сторожъ малоруссъ; въ домѣ часто слышалась музыка, игрались разныя нѣмецкія, италіянскія произведенія, играли и Глинку; этотъ сторожъ проходилъ мимо открытыхъ оконъ совершенно безучастно; но когда заиграли малорусскіе народные мотивы, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что, не смотря на свои преклонные годы, подставилъ къ открытому окну лѣстницу и слушалъ въ продолженіе часа, а потомъ съ восторгомъ разсказалъ о томъ другимъ, и на слѣдующій затѣмъ вечеръ, окно дома, находившееся вблизи инструмента, было осаждено цѣлою толпою слушателей. Между тѣмъ ни Россини, ни Бетховенъ, ни самъ, какъ казалось бы, близкій намъ всѣмъ Глинка далеко не производили такого вліянія. Малоруссъ вѣренъ своему царю, всею душею преданъ государству; его патріотическое чувство отзывчиво и радостью и скорбью къ славѣ и къ потерямъ русской державы ни на волосъ не менѣе великорусса, но въ своей домашней жизни, въ своемъ селѣ или хуторѣ онъ свято хранитъ завѣты предковской жизни, всѣ ея обычаи и пріемы — и всякое посягательство на эту домашнюю святыню будетъ для него тяжелымъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ. Говорятъ: онъ охотно учится по-русски, перенимаетъ великорусское—слѣдовательно есть возможность слить его съ великоруссами въ одинъ народъ. Ошибаются тѣ, которые такъ думаютъ. Малоруссъ дѣйствительно не питаетъ никакой вражды къ великоруссу, онъ будетъ съ нимъ вести хлѣбъ-соль, принимать его съ братскимъ радушіемъ въ своей убогой хатѣ, радъ поучиться отъ него всему доброму, но великоруссомъ быть онъ не хочетъ, а желаетъ остаться тѣмъ, чѣмъ есть. Это рѣзко высказывается въ томъ, что примѣры семейной связи между простолюдинами обѣихъ народностей чрезвычайно рѣдки. Много есть селеній, особенно въ Слободской Украйнѣ, гдѣ великороссіяне поселились между малороссіянами: мы знаемъ даже такія слободы [1]), гдѣ одна линія улицы состоитъ изъ малорусскихъ, другая изъ великорусскихъ дворовъ. И чтоже? намъ говорили сами слобожане—не было примѣра брачныхъ связей между

[1]) Въ уѣздахъ ворон. губ. бирюченскомъ и валуйскомъ, харьковской въ волчанскомъ уѣздѣ и другихъ.

молодежью тѣхъ и другихъ. Еще кое-гдѣ случалось, что малороссіянка выходила за великороссіянина, но обратнаго примѣра мы даже не знаемъ. Между тѣмъ въ слободахъ, населенныхъ обѣими народностями, никогда не происходитъ ни ссоръ, ни дракъ, которыя бы указывали на племенную вражду между ними. Не показываетъ ли этотъ многознаменательный фактъ, какъ народъ хочетъ жить и какъ поэтому надлежитъ вести его. Если малоруссъ будетъ усвоивать обще-русскій интеллигентный языкъ не путемъ безтолковаго перениманія, а путемъ школьнаго образованія чрезъ училища, гимназіи, университеты—туда ему скатертью дорога, мы противъ этого ничего не имѣемъ, тѣмъ болѣе, что, какъ образованный человѣкъ, онъ и не станетъ относиться съ пренебреженіемъ къ своей народности, а напротивъ, станетъ сердечно желать ея сохраненія и развитія. Намъ возразятъ, указывая на прежніе примѣры, когда малорусская интеллигенція покидала свою народность, и скажутъ, что то же должно статься и съ новою, которая въ будущемъ времени возникнетъ черезъ образованіе изъ простонародья, и что слѣдовательно весь нынѣшній малорусскій народъ можетъ такимъ путемъ слиться съ интеллигентнымъ классомъ остальной Россіи. Мы этого не думаемъ вотъ почему: во-первыхъ, всеобщая полная образованность всей огромной массы малорусскаго племени есть недосягаемый идеалъ; во-вторыхъ, времена измѣнились, и теперь новая малорусская интеллигенція едва ли пойдетъ подобно прежнимъ по пути обезличенія: того взгляда, какой руководилъ прежними, теперь по духу времени ожидать нельзя; пренебрегать роднымъ языкомъ на томъ только основаніи, что онъ языкъ мужичій—образованный человѣкъ не станетъ, особенно тогда, когда еще его родители и родные употребляютъ этотъ языкъ въ домашнемъ быту. Примѣромъ, подтверждающимъ наше предположеніе, можетъ служить то же украинофильство, которое сдѣлалось пугаломъ для такъ называемыхъ обрусителей-патріотовъ не по разуму. Само собою разумѣется, что общій литературный русскій языкъ будетъ вполнѣ усвоенъ людьми, происходящими изъ простонародья и получившими высшее образованіе; но родное нарѣчіе не только не будетъ забываемо въ ихъ домашнемъ быту, а еще подъ вліяніемъ пріобрѣтенной образованности станетъ развиваться и обогащаться. Въ наше время, къ сожалѣнію, попадаются грамотные полуобразованные люди, которые смотрятъ на своихъ безграмотныхъ собратій такъ же свысока, какъ бывало смотрѣла прежняя интеллигенція. Изъ такихъ лицъ обыкновенно вырабатываются кулаки—зловредный классъ въ народѣ; умноженіе этого класса отнюдь не желательно. При дѣйствительномъ образованіи, такого взгляда на народъ быть не можетъ. Таково наше желаніе,

таковъ нашъ идеалъ въ будущемъ. Впрочемъ, пока такой идеалъ можетъ быть когда-либо достигнутъ, слѣдуетъ употребить всѣ силы на пользу ближайшаго къ намъ поколѣнія и составлять такія малорусскія книги, которыя бы практически пригодились теперешнему народу, такія книжечки, которыя бы могъ каждый малоруссъ читать въ своей семьѣ и всѣ слушали бы его съ пользою и удовольствіемъ. По нашему мнѣнію, такая книга, какъ „Луна", мало соотвѣтствуетъ этой цѣли. Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны. Что касается до интеллигентнаго класса въ Малороссіи, то для него такіе переводы еще болѣе не нужны, потому что со всѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на обще-русскій языкъ, который ему также хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе.

Н. Костомаровъ.

II.

—*О вліяніи школъ* на физическое развитіе дѣтей. Изслѣдованіе, произведенное по порученію санитарной коммиссіи С.-Петербургскаго уѣзда въ 20 народныхъ школахъ. Д-ра В. *Нагорскаго*, земскаго санитарнаго врача. Спб. 1881.

Надо отдать полную справедливость нашимъ гигіенистамъ, которые въ своихъ трудахъ обратили, между прочимъ, вниманіе на гигіеническую или, собственно, анти-гигіеническую сторону современной школы. Напомнимъ въ особенности труды гг. Эрисмана и Лесгафта. Вопросъ, на который они настойчиво указывали, дѣйствительно чрезвычайно важенъ. Общественная школа — неизбѣжная ступень, черезъ которую проходитъ каждый, сколько-нибудь образованный человѣкъ (за ничтожнымъ исключеніемъ людей, получающихъ среднее образованіе у себя дома,—потому что теперь въ общественную школу часто идутъ и дѣти высшихъ сословій). Не слѣдуетъ ли позаботиться, чтобы эта школа давала не только болѣе совершенное умственное образованіе, но не забывала и о физическомъ здоровьѣ своихъ питомцевъ, по крайней мѣрѣ, не вредила ему. Но послѣднее къ сожалѣнію оказывалось: школа—обыкновенная, довольно хорошая вообще школа, которую случалось изслѣдовать гигіенистамъ—вредила здоровью несомнѣнно, развивала близорукость, искривляла позвоночникъ, ослабляла развитіе груди и т. д.

Г. Нагорскій произвелъ изслѣдованіе на небольшомъ матеріалѣ

народныхъ школъ, но произвелъ его весьма внимательно, и въ результатѣ пришелъ къ тѣмъ заключеніямъ, какія выставлены были другими изслѣдователями нашей школы. Санитарные врачи настаиваютъ на необходимости улучшенія гигіенической стороны школы: ей нужно больше простора и воздуха, болѣе опрятности, больше физическихъ упражненій для дѣтей—или въ формѣ гимнастики, или (для деревенскихъ школъ) въ формѣ разумно организованныхъ игръ и упражненій въ ремеслахъ; нужно распространеніе въ школахъ пѣнія и т. п.

Но есть другая сторона школьнаго періода, которая труднѣе поддается изслѣдованію, чѣмъ внѣшнее физическое развитіе, но требовала бы не меньшаго вниманія. Гигіенисты наблюдаютъ отношенія роста, вѣса, зрѣнія, окружности груди, емкости легкихъ—то, что̀ поддается непосредственному механическому измѣренію; но остаются въ высокой степени важныя иныя стороны—умственное развитіе, нравственное чувство, характеръ. Что̀ дѣлаетъ школа съ ними? Эти вопросы, къ сожалѣнію, не подвергнуты изслѣдованію, какъ гигіенисты изслѣдуютъ физическое здоровье дѣтей. Для опредѣленія результатовъ духовнаго развитія остаются оффиціальныя данныя о „зрѣлости", и затѣмъ тѣ наглядные результаты школы, которые общество можетъ само наблюдать въ ея питомцахъ. Эти результаты бываютъ нерѣдко чрезвычайно характерны и даютъ поводъ къ весьма серьезнымъ выводамъ,—но, къ сожалѣнію, эти результаты остаются разбросанными, трудно обобщимыми, и если при этомъ они оказываются (какъ очень часто и бываетъ на дѣлѣ) неблагопріятными для школы, она обыкновенно желаетъ отдѣлаться отъ своей солидарности съ этими результатами и свалить ихъ на кого-нибудь другого, напр., на само общество. Не смотря на то, есть, конечно, возможность и здѣсь установить критеріумъ, достаточно прочный, и литература уже не разъ поднимала этотъ важный вопросъ.

Если господствующія свойства нашей школы (въ среднемъ счетѣ) оказываются неблагопріятными для физическаго здоровья учениковъ, то едва ли сомнительно, что они далеко не безвредны и для ихъ здоровья нравственнаго и умственнаго. Много было, напр., говорено о „классическомъ" обученіи (по существу, процвѣтающемъ и до нынѣ), и нѣтъ сомнѣнія, что оно, въ своей принятой формѣ и объемѣ, вліяетъ гнетущимъ образомъ на умственное развитіе учениковъ. Но и кромѣ классическихъ языковъ, преподаваніе другихъ предметовъ поставлено такъ, что опять не можетъ быть особенно благотворно. Изученіе педагогіи очень распространилось у насъ въ послѣднія десятилѣтія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ принесло не мало пользы для школьнаго дѣла,—но увы, сопровождалось и не малой долей вреда. Въ рукахъ людей, мало даровитыхъ или просто не умныхъ,

новѣйшія дидактическія системы превратились въ тяжелое школярство, и верхомъ успѣшности преподаванія является загроможденіе памяти учениковъ вещами, на добрую половину ненужными. Сами господа педагоги обыкновенно не замѣчають этого до такой степени, что однажды, помнится, само министерство просвѣщенія сочло нужнымъ воздержать ихъ ревность, и чрезмѣрное отягощеніе учениковъ; а кому приходится видѣть домашнія занятія учениковъ, того эти дидактическія излишества могутъ привести иногда въ настоящее негодованіе на тупую школьную систему. Педагоги серьезные не могутъ не видѣть этого, но они безсильны устранять излишества, которыя становятся настоящимъ зломъ.

Изслѣдованіе и обнаруженіе этого зла составило бы большую заслугу людей, которые положили бы на это свой трудъ. Для этого потребовались бы усилія разумныхъ педагоговъ и гигіенистовъ *вмѣстѣ*, потому что и для послѣднихъ мало ограничиться внѣшними физическими наблюденіями учениковъ; полное гигіеническое изученіе должно бы точно также обнять мозговую и нервную системы, которыя именно страдаютъ отъ дурного школьнаго плана и отъ неразумія его примѣненія у слишкомъ многихъ господъ педагоговъ.

—*Jules Verne*.—„La maison à vapeur“ (Паровой домъ). Paris, 1881.—„La Jangada“. 2 vols. (Жангада). Paris, 1881.

Почти уже двадцать лѣтъ, какъ извѣстно русской публикѣ имя Жюля Верна. Первый изъ его разсказовъ, появившійся въ русскомъ переводѣ, было „Воздушное путешествіе черезъ Африку“, потомъ „Англичане на сѣверномъ полюсѣ“, а затѣмъ стали переводить у насъ почти все, что́ вновь писалъ этотъ авторъ. Такой успѣхъ очень естествеенъ. Жюль Вернъ талантливый разсказчикъ, прекрасно понявшій вкусы читающаго юношества, для котораго онъ предназначалъ свои сочиненія: требовалось разнообразіе необыкновенныхъ приключеній, героизмъ характеровъ, неожиданные эффекты и т. п. Обычная тема Верна — разсказы о фантастическихъ путешествіяхъ, обставленныхъ, однако, по возможности правдоподобно. Но ко всему этому Жюль Вернъ присоединялъ совсѣмъ новый элементъ, не тронутый въ этой степени никѣмъ изъ его предшественниковъ въ литературѣ для юношества: фантастичность его разсказовъ связана съ настоящими и предполагаемыми въ будущемъ успѣхами естествознанія и научныхъ открытій.—Въ занимательности и фантастичности необыкновенныхъ приключеній не уступятъ ему Майнъ-Ридъ и Густавъ Эмаръ; но Жюль Вернъ имѣетъ свою особую увлекательную

сторону: онъ является одновременно и занимательнымъ романистомъ для юношества, и ловкимъ научнымъ популяризаторомъ. Разсказъ построенъ такъ, что онъ касается въ нихъ той или другой научной области, или геологіи („въ Путешествіи къ центру земли") или физической географіи и естественной исторіи моря („Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой"), или космографіи и астрономіи („Гекторъ Сервадакъ") и т. п. Обыкновенной завязкой послужитъ какой-нибудь особенный случай, заставляющій дѣйствующихъ лицъ пускаться въ необыкновенныя странствія, и разсказъ развивается съ такою реальностью подробностей, что она заставляетъ забывать всѣ невѣроятности. Разумѣется, эти необычайности не всегда одинаково невѣроятны. Такъ въ „Сервадакѣ"—столкновеніе земли съ кометой, уносящей съ собою въ пространство кусокъ земли съ дѣйствующими лицами, совершенно фантастично; но завязка разсказа „Восемьдесятъ дней вокругъ свѣта" весьма правдоподобна—споръ въ клубѣ о томъ, возможно ли совершить кругосвѣтное путешествіе въ восемьдесятъ дней и рѣшимость богатаго, англичанина принять огромное пари и доказать возможность такого путешествія своимъ примѣромъ. Много живости даетъ разсказамъ Верна очень удачная иногда обрисовка характеровъ. Любимые типы, на которыхъ часто держится весь разсказъ — типъ ученаго чудака или находчиваго, умѣлаго, чуть не всезнающаго ученаго практика, какъ это и требуется самымъ родомъ невѣроятныхъ приключеній. Къ нимъ въ помощь естественно являются на сцену честные, преданные, внушающіе къ себѣ невольное уваженіе, слуги. Охотно также выводитъ на сцену Вернъ мужественныхъ, любящихъ женщинъ и прекрасныхъ, умныхъ и отважныхъ юношей.

Надо отдать справедливость Верну и въ томъ, что въ своихъ любимыхъ типахъ онъ умѣетъ иногда весьма ловко избѣгать повтореній. Для драматической живости разсказа, Вернъ пользуется также и нѣкоторыми, очень обыкновенными, но все-таки удобными для этого пріемами,— напримѣръ, когда путешественниковъ сопровождаетъ какой-нибудь тайный врагъ, вовлекающій ихъ во всевозможныя злоключенія, которыя всегда, впрочемъ, счастливо кончаются къ удовольствію читателей; или когда въ разсказъ вводится какой-нибудь загадочный важный документъ, своего рода ребусъ, на разгадкѣ котораго вертится значительная доля интереса. Такимъ ребусомъ является въ „Путешествіи къ центру земли" старый пергаментъ, гдѣ говорится о прежнемъ подобномъ путешествіи; въ „Дѣтяхъ капитана Гранта"—испорченная водой записка, которую невозможно хорошенько разобрать. Элементъ ненужной и всего чаще фальшивой тенденціозности, столь обыкновенной въ разсказахъ для юношества, благополучно оставляется Верномъ въ сторонѣ,—хотя и онъ не из-

бѣжалъ ея совсѣмъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Пятьсотъ милліоновъ индѣйской принцессы". Здѣсь проводится параллель между французскимъ національнымъ характеромъ и германскимъ, разумѣется, къ большой невыгодѣ для послѣдняго. На наслѣдство въ 500 милліоновъ являются двое претендентовъ, французъ и нѣмецъ, каждый изъ нихъ получаетъ половину. Французъ употребляетъ свое огромное богатство на пользу человѣчества и строитъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ городъ; а нѣмецъ по сосѣдству устраиваетъ исполинскій пушечный заводъ, и желая уничтожить сооруженіе француза, самъ погибаетъ жертвой своихъ замысловъ. Многіе возстаютъ противъ крайней фантастичности Верна и не считаютъ его разсказы здоровымъ чтеніемъ для юношества; но не знаемъ, чѣмъ его фантастичность вреднѣе другой, и во всякомъ случаѣ онъ содержательнѣе Майнъ-Рида.

„La maison à vapeur" принадлежитъ къ числу наименѣе удачныхъ изъ разсказовъ Верна. Дѣйствіе происходитъ въ Индіи и связывается съ возстаніемъ сипаевъ въ 1857 году. Главныя лица—полковникъ Мунро, потерявшій въ этомъ возстаніи жену, и его друзья, инженеръ Банксъ и капитанъ Ходъ: они совершаютъ путешествіе по сѣверной Индіи съ небывалыми удобствами въ „паровомъ домѣ". Нѣкогда одинъ раджа фантазеръ задумалъ проѣхаться по Индіи; инженеръ Банксъ выстроилъ ему, по его заказу, огромнаго парового стального слона, который могъ тащить за собою два вагона въ видѣ индѣйскихъ пагодъ; одна изъ нихъ, назначенная для самого раджи, была отдѣлана, какъ настоящій комфортабельный домъ, только стоящій на колесахъ и передвижной. Съ помощью воздушныхъ резервуаровъ слонъ со всѣмъ поѣздомъ могъ переплыть и черезъ рѣки. Раджа умеръ, не успѣвъ воспользоваться своимъ слономъ, а наслѣдники его за безцѣнокъ продали весь поѣздъ тому же инженеру Банксу, который купилъ его для Мунро. Послѣдній отправляется въ путь съ затаенной и неопредѣленной надеждой встрѣтиться со своимъ врагомъ, однимъ изъ начальниковъ возстанія, набобомъ Динду-паномъ, котораго считаетъ виновникомъ смерти жены. Динду-панъ подсылаетъ къ Мунро своего клеврета индуса, который становится затѣмъ проводникомъ путешественниковъ и предаетъ Мунро въ руки Динду-пана. Въ концѣ-концовъ все обходится благополучно, благодаря преданности и отважности слуги Мунро, индуса Гумми. Мунро находитъ свою жену, оставшуюся въ живыхъ, но потерявшую разсудокъ отъ испытанныхъ ею ужасовъ; но послѣ она выздоравливаетъ, благодаря заботливости мужа. Нѣкоторыя страницы разсказа очень живы и интересны, но вообще онъ слишкомъ растянутъ и въ немъ въ сущности такъ мало дѣйствія, что интересъ возбуждается слабо.

Новѣйшій разсказъ, „La Jangada", гораздо живѣе, и можетъ счи-

таться одниамъ изъ наиболѣе удачныхъ. На этотъ разъ мѣсто дѣйствія въ южной Америкѣ. Лѣтъ за двадцать до начала описываемыхъ событій, въ Бразиліи было совершено преступленіе, возбудившее всеобщее негодованіе. Почта, съ алмазами изъ государственныхъ пріисковъ, была ограблена, а конвой перебитъ. Подозрѣніе пало на одного молодого чиновника на этихъ пріискахъ, по имени Дакоста. Улики такъ сложились противъ него, что онъ, хотя въ дѣйствительности былъ совершенно неприкосновенъ къ преступленію, былъ присужденъ къ смертной казни. Ему удалось бѣжать въ Перу, гдѣ, принявши другую фамилію, онъ женился на дочери богатаго землевладѣльца и сдѣлался его наслѣдникомъ. Онъ былъ бы счастливъ, если бы его не тяготила необходимость играть чужую роль, невозможность, даже на время, вернуться въ свое отечество. Послѣ двадцати лѣтъ безупречной жизни, вполнѣ свидѣтельствовавшей въ его пользу, онъ рѣшается на попытку возстановить честь своего имени или погибнуть. Съ этой нравственной рѣшимостью его вернуться въ отечество и заставить вновь разобрать свое дѣло, совпадають и внѣшнія обстоятельства, которыя побуждають его сдѣлать это—его дочь выходитъ замужъ, и по общему желанію семьи, не подозрѣвающей его трагическаго прошлаго, свадьба должна происходить въ Белемѣ, бразильскомъ городѣ въ низовьяхъ Амазонки, гдѣ живетъ мать жениха. Дакоста соглашается на просьбу жены ѣхать въ этотъ городъ. Строится огромный плотъ изъ сплавного лѣса, „jangada", на мѣстномъ нарѣчіи,—и на немъ хорошенькій домикъ для путешественниковъ. Плотъ отправляется въ путь. На одной изъ стоянокъ къ путешественникамъ присоединяется нѣкто Торресъ, играющій въ этомъ разсказѣ роль „тайнаго врага". Дѣйствительный виновникъ грабежа почты, его товарищъ по службѣ, Ортега, умирая и мучимый совѣстью, открылъ этому Торресу свое преступленіе. Боясь выдать себя неосторожностью при жизни, Ортега написалъ исторію своего преступленія въ видѣ хитрой криптограммы (тайнописаніе шифромъ). Ключь къ этой криптограммѣ, число, при помощи котораго ее можно прочесть, онъ назвалъ Торресу. Послѣдній хочетъ дорогой цѣной продать Дакостѣ доказательство его невинности, угрожая въ случаѣ несогласія предать его въ руки правосудія. Когда виды Торреса на руку дочери Дакосты и вмѣстѣ съ тѣмъ на его богатство не удаются, онъ исполняетъ свою угрозу. Дакоста въ тюрьмѣ и на краю гибели. Наконецъ, все объясняется, криптограмма отыскивается, и при помощи имени „Ортеги", на котораго указываютъ нѣкоторыя обстоятельства, какъ на виновника, остроумный судья Харрикецъ прочитываетъ свидѣтельство полной невинности Дакосты за нѣсколько минутъ до испол-

нія приговора. Кромѣ общаго интереса, многія подробности этого разсказа выполнены очень остроумно. Эпизодъ съ чтеніемъ судьей сначала вполнѣ неразрѣшимой загадочной записки остроуменъ; личность судьи, вообще суроваго и подозрительнаго къ подсудимымъ, который сначала сильно предубѣжденъ противъ Данесты и затѣмъ постепенно переходитъ къ убѣжденію въ его невинности, не имѣя, однако, къ своему отчаянію средствъ доказать ее, обрисована почти художественно. На этотъ разъ, какъ видимъ, разсказъ выстроенъ уже не на естествознаніи, а на замысловатыхъ трудностяхъ и сплетеніяхъ уголовной юстиціи.

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1882.

Книга первая.—январь.

Книга вторая.—Февраль.

Женщина, ея жизнь и нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Соч. Л. Ф. Швейгеръ-Лерхенфельдъ. Пер. съ нѣм. М. И. Мерцаловой. Съ 200-ми рисунками. А. Ванюра. Съ приложеніемъ статьи о русскихъ женщинахъ. Сост. В. И. Немировичъ-Данченко. Съ картиною С. Ф. Александровскаго. Лейп. 1882 г. Ц. 5 р. въ переп. 6 р. съ пересылкою.

Жизнь за океаномъ. Очерки религіозной, общественно-экономической и политической жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Сочиненіе А. Лопухина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

За рубежемъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Третье стереотипное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Земскіе вопросы. Очерки и обозрѣнія. В. Ю. Скалона. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 1878 гг. Бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія полковника де-Прерадовича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп. Въ изящномъ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

☛ **Миражи**. Повѣсть. Сочиненіе О. Забытаго (Г. И. Недѣтовскаго). Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 коп.

О сочиненіи г. Шафранова: о складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. Рецензія Ал. С. Фаминцина. Спб. 1881 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

☛ **Письма къ будущей невѣстѣ**. Юліяна Мохорта. (Переводъ съ польскаго, съ разрѣшенія автора). Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Повѣсти и разсказы. Л. Снитко. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Николая Васильевича Гоголя. Въ четырехъ томахъ. Москва. 1880 г. Ц. за всѣ четыре тома 5 р., съ пер. 6 р.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ портретомъ и біографіей автора, составленной Н. А. Благовѣщенскимъ. Въ двухъ томахъ, четвертое изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Письма о современномъ состояніи Россіи. 11 апр. 1879—6 апр. 1880. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 к.

☛ **Сочиненія** Г. П. Данилевскаго. (1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. за всѣ четыре тома 6 р., съ пер 7 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

☛ **Сочиненія А. С. Пушкина**. Въ 6 томахъ. Изданіе третье исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. всѣхъ томовъ 10 р., съ пер 12 р.

Сборникъ. Разсказы, очерки, сказки. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Часть 1-я. Жители юга. Съ 24 оригинальными рисунками. 3-е изданіе. Цѣна книги 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к., съ перес. 5 руб. Часть 2-я. Жители сѣвера. Съ 24 оригинальными рисунками. Ц. 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к., съ перес. 5 р.

☛ **Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время**. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія матеріализма до Канта. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Нашего Времени отъ вступленія на престолъ королевы Викторіи до Берлинскаго конгресса, съ 1837 по 1878 г. Соч. Макъ-Карти. Т. I. Переводъ съ 12-го англійскаго изданія. Кронштадтъ. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.. съ пер. 1 р. 75 коп.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

☛ **Моравія и Мадьяры**. Съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. Спб. 1881 года. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Русскія историческія женщины. Популярные разсказы изъ русской исторіи. Составилъ Д. Мордовцевъ. Женщины до-Петровской Руси. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Т. I.—Господство дома Св. Владимира X—XVI столѣтія. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к. Т. II.—Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-ое столѣтіе. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп. Продолженіе второго тома: Господство дома Романовыхъ. XVIII-ое столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р. Спб. 1881 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 7 р. 10 к., съ перес. 8 р.

Руководство къ древней исторіи востока. Ф. Ленормана. Два тома съ приложеніями. Кіевъ. 1879 г. Ц. 5 р., съ пересылкою 5 р. 50 к.

☞ **Семейство Разумовскихъ.** А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кириловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

К. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

„Югъ". Картины изъ историческаго прошлаго южныхъ славянъ. Чешскаго писателя Прокопія Хохолоушка. I. Послѣдній король Босніи. Съ чешскаго перевелъ Г. И. Гиллякъ. Съ портретомъ автора по заграничному клише. Москва. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега"— въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій при содѣйствіи Э. В. Коріандера. Вышло 4 вып. Спб. 1881 г. Ц. каждаго выпуска 1 р., съ пер. 1 руб. 25 к.

Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи Мекензи и Эрби. Съ предисловіемъ Гладстона. Въ двухъ томахъ. Съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. за оба тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Жилыя помѣщенія рабочихъ. Л. Федоровича. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Питейное дѣло и акцизная система. 1) Кабаки и вопросъ о сокращеніи ихъ. 2. Несостоятельность акцизнаго контроля. 3) Акцизные чиновники. 4) Злоупотребленія и акцизный дефицитъ. 5) Что дѣлать? Барона Эд. Фед. Нольде. Спб. 1882 г. Ц. 60 к., съ перес. 70 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Экономическія и финансовыя замѣтки. Б. М. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

☞ **Анна.** Романъ для дѣтей. А. Н. Анненской. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 80 к., съ пер. 2 р. 20 коп.

☞ **Ариѳметика для начальныхъ народныхъ училищъ.** Составленная А. Лёве. Шестое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Армія и казаки. Разсказъ для дѣтей А. Круглова. Спб. 1881 г. Ц. 65 к. съ пер. 80 коп.

☞ **Братъ и сестра.** Повѣсть для дѣтей. А. Н. Анненской. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

☞ **Бабушкины сказки.** Составила по Гофману, Годену и Лаушу Софія Макарова. Съ 4 раскрашенными рисунками. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ переплетѣ 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Батрачка. Повѣсть Тараса Григорьевича Шевченко. Перевелъ съ малороссійскаго Л. Мей. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Борьба съ дикарями. Техазскіе разсказы Купера. Передѣланное для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго Софіи Ма-

харовой. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Волшебныя сказки Музеуса. Сокращенныя для дѣтей Ф. Гоффманомъ. Съ предисловіемъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). И 8-ю рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 коп.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Герберта Спенсера. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1881 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Дѣтская гимнастика. Руководство для родителей, учителей и дѣтскихъ садовницъ. К. Г. Шильдбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шабановой. Подъ редакціей д-ра медицины А. Руссова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Докторъ Оксъ и драма въ воздухѣ, Жюль Верна. Съ рисунками Н. Панова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 40 к., въ перепл. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. (Необходимое пособіе при наглядномъ обученіи и бесѣдѣ съ дѣтьми). Составилъ К. К. Веберъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Двѣнадцать мѣсяцевъ. К. К. Вебера. (Опытъ характеристики 12-ти мѣсяцевъ въ картинахъ природы, очеркъ изъ жизни человѣка, животныхъ и растеній). — Для средняго возраста. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Другъ первой учебной книжкѣ. Классное пособіе при обученіи началамъ родного языка. Составилъ I. Паульсонъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 коп.

Дѣтскій альманахъ. Ѳ. Н. Острогорскаго. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Составлено В. А. Александровымъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Иванъ Ротозѣй. Книга для малыхъ дѣтей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ дней. Э. Эггера. Переводъ съ 3-го французскаго изданія съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ перес. 95 к.

Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей Е. Н. Водовозовой. Съ 16 картинками. 4-е изданіе. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к., въ изящномъ перепл. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Иванъ Ивановичъ и компанія. Повѣсть для дѣтей. А. В. Круглова. Съ картинками Н. Каразина и И. Панова. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 90 к., съ пер. 1 р. 20 к.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ К. Ѳ. Ярошевскій. Съ 207 политипажами въ текстѣ. Изданіе третье. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Книжка для малютокъ. Составила А. К. Владимірова. Съ рисунками въ текстѣ и четырьмя хромолитографированными картинами. Спб. 1881 г. Цѣна книги въ папкѣ 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Конекъ - Горбунокъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве. Ч. I. Курсъ ариѳметики. Шестнадцатое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Методъ преподаванія русской литературы. Х. Ящуржинскій. Варшава. 1881 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 коп.

Наблюденія надъ жизнью ребенка. Чарльзъ Дарвина. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

На отдыхѣ. Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Съ 40 картинками въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Въ изящномъ перепл. 3 р. 20 к., съ перес. 3 р. 80 к.

Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве. Четвертое изданіе, значительно передѣланное. Часть I. Курсъ алгебры. Спб. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Некрасовъ. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе. А. А. Буткевичъ (урожд. Некрасова). Съ 16 картинами, работы Барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Въ изящномъ переплетѣ. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Образцовыя сказки русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Авенаріусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Одноголосныя пѣсни съ русскими народными мелодіями, съ акомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Со-

ставила Е. Н. Водовозова. Изданіе 3-е. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

☞ **О причинахъ заразныхъ болѣзней.** М. П. Чернова. (Съ таблицей рисунковъ). Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

☞ **Пѣсни для школы дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса.** Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Пиратъ. Разсказъ капитана Маррьета. Обработалъ для юношества Гофманъ. Переводъ съ нѣмецкаго Софіи Дестунисъ. Съ 4-мя картинками по акварелямъ Барча, Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Разсказы изъ русской исторіи. Б. А. Павловичъ. Спб. 1879 г. Цѣна книги въ бумажкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

☞ **Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя.** Съ тремя портретами. Т. Толычевой. Москва. 1881 г. Цѣна 40 к., съ пер. 50 коп.

Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ. Т. Толычевой. Москва. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

☞ **Робинзонъ Крузе.** А. Анненской. Новая переработка темы Де-Фое. Съ 10-ю картинами и 35 политипажами, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ переп. 3 руб., съ пересылкою.

☞ **Родная Старина. Отечественная исторія въ разсказѣ и картинахъ.** Составилъ В. Д. Сиповскій. Часть I, съ IX по XIV ст. 53 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова на отдѣльныхъ листкахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Часть II, съ XIV по XVII ст. 78 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листкахъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Русскія прописи. Чистописаніе и скорописаніе. И. Н. Малиновскаго. Рига, 1881 г. Съ объясненіями ц. 65 к., съ пер. 80 к., безъ объясненія ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Русскій языкъ. Хрестоматія. Составленная изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей. Составилъ Александръ Тарновскій. Курсъ двухклассныхъ училищъ Юго-Западнаго края. Изданіе 2-е исправл. и дополн. Кіевъ 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

☞ **Русскимъ дѣтямъ.** Разсказы для дѣтей перваго возраста. Составила А. Ишимова. Съ картинками въ текстѣ. Спб. 1882 годъ. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Сост. К. Ѳ. Петровъ. 160 стр. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ по програмѣ среднихъ учебныхъ заведеній. С. Весинъ. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Сельскіе дѣятели. Повѣсть для дѣтей. Народнаго учителя Павла Вересова. Чер. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

Сельская школа. Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Составили учителя начальныхъ училищъ. Н. Ерминъ и А. Волотовскій. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Сельцо Любимье. Повѣсть для дѣтей М. Ростовской. Съ рисунками Н. Панова. Спб. 1882 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к.

☞ **Сказки и разсказы для дѣтей.** Надежды Крыловой. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Сказки Вильгельма Гауфа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею В. Зотова. Съ 27 фотогравированными рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 коп.

☞ **Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы.** Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

☞ **Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста** Е. Н. Водовозовой. Изданіе 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Учебная карта Европейской Россіи для самообученія. Составилъ А. Михайловъ. Съ объяснительнымъ текстомъ, пояснительными чертежами и съ нагляднымъ обозначеніемъ главнѣйшихъ отраслей промышленности жителей Россіи. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Учебникъ русской исторіи для III класса женскихъ гимназій Мин. Народ. Просвѣщенія, для II класса городскихъ училищъ. Составилъ Николай Баженовъ, Преподаватель Кронштадтскаго реальнаго училища. Кронштадтъ. 1881 г., Ц. 50 к. съ пер. 60 к.

Употребленіе знаковъ препинанія въ рус-

скомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и систематическаго диктанта. Курсъ среднихъ классовъ гимназіи. Составилъ П. И. Богдановъ. Изд. второе исправлен. и дополненное. Кіевъ 1879 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

☛ **Элементарный курсъ естественной исторіи.** Составленный профессоромъ Э. К. Брандтомъ. Выпускъ I, заключаетъ въ себѣ три отдѣльныя книжки. 1) Міръ неорганическій Ц. 45 к., съ пер. 55 к. 2) Ботаника. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. 3) Зоологія. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. Каждая книга продается отдѣльно. Спб. 1882 годъ.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

☛ **Лингвистика.** Абеля Овелака. Переводъ со второго французскаго изданія. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Синтаксическія изслѣдованія А. В. Попова († 26 сентября 1880 года). Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія залоговыхъ значеній и безличныхъ оборотовъ. Въ санскритѣ, зендѣ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ. Воронежъ. 1881 г. Ц. 2 р. 25 коп., съ перес. 2 р. 50 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Алгебраическій анализъ. О. Л. Коши. Переведенъ съ французск. Ѳ. Эвольдомъ. В. Григорьевымъ, А. Ильинымъ. Л. 1864 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

☛ **Конструкторъ.** Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Профессора Рело. Съ третьяго тщательно обработаннаго и дополненнаго изданія перевели инженеръ-механики Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Зиминъ. Съ 714 политипажами въ текстѣ. Москва. 1881 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 руб.

☛ **Лекціи о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ.** Сочиненіе, изданное по иниціативѣ д-ра Э. Винклера. Первая тетрадь: Нижнее строеніе. Вторая тетрадь: стрѣлки и крестовины. По лекціямъ д-ра Э. Винклера. Переводъ съ третьяго исправленнаго нѣмецкаго изданія, инженера Л. Вурцеля. Спб. 1878 г. Ц. первой тетради 3 р. 50, к. съ пер. 3 р. 80 к. Ц. второй тетради 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

☛ **Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ.** Разсужденіе И. Пташицкаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

☛ **Общепонятная теорія перспективы и тѣней.** Сочиненіе А. Лёве. Второе изданіе. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 коп.

☛ **О нѣкоторыхъ полиномахъ съ одною и многими перемѣнными.** Разсужденіе Герасима Орлова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

☛ **Популярная астрономія.** К. Фламмаріона. Книга I. Земля. Переводъ Л. Вурцеля. Варшава. 1880 г. Цѣна 90 к., съ пер. 1 р. 10 коп.

Практическая ариѳметика. Составилъ П. С. Гурьевъ. Книга I. Низшій курсъ доступный для всѣхъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Книга II. Высшій курсъ. Ц. 1 руб. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к. Спб. 1881 г.

Руководство къ геометрическому черченію И. П. Дурова. Съ 16-ю таблицами гравированныхъ на камнѣ чертежей. Спб. 1870 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

☛ **Элементарная теорія и разсчетъ желѣзныхъ строительныхъ и мостовыхъ фермъ.** Сочиненіе Августа Риттера. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія, инженера Л. Вурцеля. 495 политипажей въ текстѣ. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

☛ **Библіотека военно-санитарныхъ познаній для врачей и офицеровъ.** W. Derblich. Выпускъ первый: Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по воинской повинности. Переводъ съ нѣмецкаго съ приложеніемъ русскихъ законоположеній. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Выращиваніе крупнаго рогатаго скота и уходъ за нимъ. Профессора Ф. Проша. Переводъ—извлеченіе съ нѣмецкаго. В. Ковалевскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ **Глухонѣмота и воспитаніе глухонѣмыхъ.** Сочиненіе Гартмана. Переводъ М. А. Фронштейна. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 коп.

Домашній уходъ за больными. Д-ра Курвуазье. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія М. Ловцовой. Съ предисловіемъ профес. Манассейна. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Кожевенное производство. Практическое руководство для выдѣлки разнаго рода. Съ 87 рисунк. въ текстѣ рѣзанными на деревѣ политипажами и 2-мя таблицами чертежей. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе второе. Составилъ кожевенный мастеръ М. А. Рыловъ. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

☞ **Краткое руководство по ситценечатанію.** Составилъ инженеръ-технологъ П. П. Петровъ. Съ 100 рисунками въ текстѣ и 48 образцами ситцевъ. Москва. 1881 г., 2 р. съ пер. 2 р. 30 коп.

☞ **Кумысолечебныя заведенія.** Приволжскаго края. Съ очеркомъ химическаго состава кумыса, показаній и противопоказаній къ его употребленію для врачей и публики. Д-ра Д. М. Герценштейна. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 коп.

Крахмальное и декстринное производства. Руководство къ устройству крахмальныхъ заводовъ и къ производству крахмала и декстрина. Составилъ К. Веберъ (съ 60-ю политипажами въ текстѣ). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

☞ **Леченіе важнѣйшихъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ у грудныхъ дѣтей.** Для практическихъ врачей. Dr. Otto Soltmann. Переводъ съ нѣмецкаго врача Шабановой. Спб. 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученія. Составилъ по сочиненіямъ Грота и Карморша П. К. Соколовъ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Основанія біологіи. Сочин. Герберта Спенсера. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ал. Герда. т. I и II. (Съ 297 рисунками въ текстѣ). Спб. 1870 г. Ц. 5 р.

☞ **Приготовленіе различнаго рода чернилъ,** туши, штемпельной и типографской красокъ. Составилъ технологъ В. П. Ипполитовъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

☞ **Производство каучуковыхъ и гуттаперчевыхъ издѣлій.** Съ 12-ю рисунками. Составилъ технологъ А. Яковлевъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ п-р. 1 р. 40 коп.

☞ **Производство халвы, рахатъ-лукума и кунтужнаго масла.** Съ приложеніемъ чертежей, политипажей, хромолитографирован. таблицы завода халвы, рахатъ-лукума и кунтужнаго масла и образцовъ очищеннаго и неочищеннаго кунтужнаго масла. Составлено въ бюро инженеръ-технолога Н. П. Мельникова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 35 к.

☞ **Производство сургуча.** Составилъ технологъ А. Яковлевъ. Спб. 1881 г. Ц. 75 коп., съ пер. 85 коп.

Простѣйшіе методы для распознаванія поддѣлки важнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ. Обработано д-ромъ К. Бирнбаумомъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія врача П. В. Мокіевскаго. Кіевъ. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

☞ **Ребенокъ отъ колыбели до перваго шага.** Dr. H. Ploss. Способы ухода за грудными дѣтьми у разныхъ народностей. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 122 рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☞ **Сельско-хозяйственная архитектура.** Руководство къ построенію всѣхъ сельско-хозяйственныхъ зданій. Съ атласомъ чертежей. (180 рисунковъ). Составилъ Флоріанъ Федоровичъ Спб. 1881 г. Ц. книги съ атласомъ 6 р., съ пер. 7 руб.

Самоучитель полнаго русскаго сельскаго хозяйства. Составилъ агрономъ М. Русаковъ. Въ четырехъ частяхъ. Съ 120 пояснительными рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Судебно-медицинское изслѣдованіе пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ. Д-ра Л. Медикуса. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Н. Крузенштерна. подъ редакціей и съ дополненіями А. Доброславина Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1. р. 20 к.

Способность растеній къ движенію. Сочиненіе Чарльса Дарвина и Франсиса Дарвина. Перевелъ съ англійскаго Г. Милорадовичъ и А. Кобеляцкій. Въ двухъ выпускахъ. Кіевъ. 1881 г. Цѣна за оба выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Учебникъ физіологіи. Профессора М. Фостера. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія и дополненія профессора И. Тарханова. Т. I съ билетомъ на томъ II-й. Ц. 7 р. 50 к., съ пер. 8 р. Спб. 1882 г.

Цвѣтоводства на воздухѣ и въ комнатѣ. Составилъ А Ринеръ. Кіевъ 1881 г. Ц. 75, к. съ пер. 90 к.

☞ **Чертежи винокуренныхъ заводовъ.** Съ XI хромолитографированными таблицами. Инженеръ-технолога Н. П. Мельникова. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

☞ **Алфавитный указатель юридическихъ вопросовъ,** разрѣшенныхъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената въ 1879 и 1880 годахъ. Составили Е. Шайкевичъ и А. Поворинскій. Второе дополненное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. 1866—1880 гг. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Курсъ русскаго лѣсного законодатель-

ства. Составилъ М. Романовскій. Спб. 1881 г. Ц. 2 р 50 к., съ пер. 3 р.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ дѣйствіемъ при отправленіи должности. По русскому праву. Этюдъ И. Соболева. Канд. пр. Радомъ. 1881 г. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

Паріи въ человѣчествѣ. Луи Жакольо. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ со всѣми относящимися къ нему узаконеніями. Составилъ М. И. Мышъ. Спб. 1875 г. Ц. 3 руб., съ перес.

Систематическій сборникъ Правительствующаго Сената и распоряженій правительства, разъясняющихъ городовое положеніе. Составили баронъ В. Майдель и В. Бѣлюстинъ. 2-е значительно дополненное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената, съ подлиннымъ текстомъ рѣшеній и извлеченными изъ нихъ тезисами. Изданіе А. Б. Думашевскаго. Т. I (гражд. и торг. право) Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. II (гражд. судопроизвод.) Ц. 5 р., съ перес. 5 руб. 50 к. Т. III (уставъ уголовн. судопроизводства) Ц. 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.

Систематическій сводъ рѣшеній гражд. кассац. департамента 1873 — 1880 гг. съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Въ двухъ томахъ. Т. I. Часть первая: Сводъ зак. Т. X, ч. I. Часть вторая сводъ зак. Т. I—XIII и законы дѣйствующіе въ Ц. П. Т. II. Часть первая: Уставъ гражд. судопр. Часть вторая: учрежденіе суд. установ. Составилъ А. Б. Думашевскій. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Систематическій сводъ узаконеній для тяжущихся и повѣренныхъ съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассаціонныхъ департаментовъ по 1878 годъ и другимъ источникамъ. Соч. Н. М. Сементовскаго. Кіевъ. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

☛ **Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года.** Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства на основаніи личнаго опыта. Составилъ д-ръ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Кржижановскій. Кіевъ. 1881 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

☛ **Сиротка.** Дѣтскій театръ. Сцены изъ народнаго быта. П. Г. Васильева. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

☛ **„Gwiazda" Kalendarz Petersburski.** Premjowy. Illustrowany, literacki, społeczny i informacyjny—na rok zwyczajny 1882. (na rok drugi). Pod redakcią. Henryka Glinskiego. Petersburg 1882 r. cena 60 kop., z. przesyłką, 80 kop.

Ежедневная записная книжка на 1882 г. Цѣна книжки въ полъ-листа 75 коп., съ пер. 1 р. Книжка въ цѣлый листъ 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

☛ **Календарь для хозяекъ на 1882 годъ.** Книга приходо-расходная и для бѣлья. 4-й годъ Е. К. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ папкѣ 75 коп., съ пер. 1 р. въ переп. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Отрывной календарь на 1882 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Полный карманный путеводитель для желѣзнодорож., пароходныхъ и почтовыхъ сообщеній въ Россіи съ ноября 1881 г. по май 1882 г., и 1200 маршрутовъ прямыхъ сообщеній, внутреннихъ и заграничныхъ. Спб. 1881 г., Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Спутникъ по Россіи. В. П. Ланцерта. Зимнее движеніе 1881 — 82 г. Изданіе, составленное по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и одобренное Министерствомъ Путей Сообщенія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ перес. 55 к.

Семейный отрывной календарь на 1882 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

☛ **365 обѣдовъ за 1 рубль.** Составленные Люциною Ц. Переводъ съ польскаго. Спб. 1872 г. ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Съ приложеніемъ статьи о русскихъ женщинахъ. Сост. В. И. Немировичъ-Данченко. Съ картиною С. Ф. Александровскаго. Лейп. 1882 г. Ц. 5 р. въ перепл. 6 р. съ пересылкою.

За рубежемъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Третье стереотипное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Земскіе вопросы. Очерки и обозрѣнія. В. Ю. Скалона. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 1878 гг. Бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія полковника де-Прерадовича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп. Въ изящномъ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Миражи. Повѣсть. Сочиненіе О. Забытаго (Г. И. Недѣтовскаго). Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 коп.

Письма къ будущей невѣстѣ. Юліяна Мохорта. (Переводъ съ польскаго, съ разрѣшенія автора). Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Письма о современномъ состояніи Россіи. 11 апр. 1879—6 апр. 1880. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Повѣсти и разсказы Л. Ситко. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ портретомъ и біографіей автора, составленной Н. А. Благовѣщенскимъ. Въ двухъ томахъ, четвертое изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. (1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. за всѣ четыре тома 6 р., съ пер 7 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія А. С. Пушкина. Въ 6 томахъ. Изданіе третье исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. всѣхъ томовъ 10 р., съ пер 12 р.

Сборникъ. Разсказы, очерки, сказки. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Часть 1-я. Жители юга. Съ 24 оригинальными рисунками. 3-е изданіе. Цѣна книги 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к., съ перес. 5 руб. Часть 2-я. Жители сѣвера. Съ 24 оригинальными рисунками. Ц. 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к., съ перес. 5 р.

Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія матеріализма до Канта. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Нашего Времени отъ вступленія на престолъ королевы Викторіи до Берлинскаго конгресса, съ 1837 по 1878 г. Соч. Макъ-Карти. Т. I. Переводъ съ 12-го англійскаго изданія. Кронштадтъ. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.. съ пер. 1 р. 75 коп.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Моравія и Мадьяры. Съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. Спб. 1881 года. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Т. I.—Господство дома Св. Владиміра X—XVI столѣтія. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к. Т. II.—Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-ое столѣтіе. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп. Продолженіе второго тома: Господство дома Романовыхъ. XVIII-ое столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р. Спб. 1881 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 7 р. 10 к., съ перес. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II.

Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

К. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега"— въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій при содѣйствіи Э. В. Коріандера. Вышло 4 вып. Спб. 1881 г. Ц. каждаго выпуска 1 р., съ пер. 1 руб. 25 к.

Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи Маккензи и Эрби. Съ предисловіемъ Гладстона. Въ двухъ томахъ. Съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. за оба тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

☞ **Разсказы изъ путешествій М. Ростовской.** Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Жилыя помѣщенія рабочихъ. Л. Федоровича. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Аня. Романъ для дѣтей. А. Н. Анненской. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 80 к., съ пер. 2 р. 20 коп.

Ариеметика для начальныхъ народныхъ училищъ. Составленная А. Лёве. Шестое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Армія и казаки. Разсказъ для дѣтей А. Круглова. Спб. 1881 г. Ц. 65 к. съ пер. 80 коп.

Братъ и сестра. Повѣсть для дѣтей. А. Н. Анненской. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Бабушкины сказки. Составила по Гофману, Годену и Лаушу Софія Макарова. Съ 4 раскрашенными рисунками. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ переплетѣ 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Батрачка. Повѣсть Тараса Григорьевича Шевченко. Перевелъ съ малороссійскаго Л. Мей. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Борьба съ дикарями. Техаскіе разсказы Купера. Передѣланное для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго Софіи Макаровой. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Волшебныя сказки Музеуса. Сокращенныя для дѣтей Ф. Гоффманомъ. Съ предисловіемъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). И 8-ю рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1880 г Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 коп.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Грберта Спенсера. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1881 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Дѣтская гимнастика. Руководство для родителей, учителей и дѣтскихъ садовницъ. К. Г. Шильдбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шабановой. Подъ редакціей д-ра медицины А. Руссова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

☞ **Дѣтскій отдыхъ,** ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. Журналъ за 1881 годъ — три тома. Москва 1881 г. Цѣна всѣхъ трехъ томовъ 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. (Необходимое пособіе при наглядномъ обученіи и бесѣдѣ съ дѣтьми). Составилъ К. К. Веберъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Двѣнадцать мѣсяцевъ. К. К. Вебера. (Опытъ характеристики 12-ти мѣсяцевъ въ картинахъ природы, очеркъ изъ жизни человѣка, животныхъ и растеній). — Для средняго возраста. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Дружка первой учебной книжкѣ. Классное пособіе при обученіи началамъ родного языка. Составилъ І. Паульсонъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 коп.

Дѣтскій альманахъ. Ѳ. Н. Острогорскаго. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Составлено В. А. Александровымъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

☞ **Злодѣй и Петька.** Повѣсть Александра Ѳомича Погоскаго. Изданіе Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Иванъ Ротозѣй. Книга для малыхъ дѣтей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ дней. Э. Эггера. Переводъ съ 3-го французскаго изданія съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ перес. 95 к.

Иванъ Ивановичъ и компанія. Повѣсть для дѣтей. А. В. Круглова. Съ картинками Н. Каразина и И. Панова. Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 90 к., съ пер. 1 р. 20 к.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ К. Ѳ. Ярошевскій. Съ 207 политипажами въ текстѣ. Изданіе третье. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

☞ **Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ,** въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 23-мя картинками и планами. Составилъ К. К. Абаза. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Спб. 1882 г.

Книжка для малютокъ. Составила А. К. Владимірова. Съ рисунками въ текстѣ и четырьмя хромолитографированными картинами. Спб. 1881 г. Цѣна книги въ папкѣ 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Конекъ - Горбунокъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве. Ч. I. Курсъ ариѳметики. Шестнадцатое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

☞ **Маленькій оборвышъ.** Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

☞ **Маленькія женщины уже взрослыя.** Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго Ольги Кларкъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Методъ преподаванія русской литературы. Х. Ящуржинскій. Варшава. 1881 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 коп.

Наблюденія надъ жизнью ребенка. Чарльзъ Дарвина. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

На отдыхъ. Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей. Е. Н. Водовозовой. Съ 40 картинками въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Въ изящномъ перепл. 3 р. 20 к., съ перес. 3 р. 80 к.

☞ **Начальная школа.** Учебная книга для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, приготовительныхъ классовъ гимназій и другихъ элементарныхъ школъ и классовъ, а также и для домашняго обученія. Составилъ А. Страховъ. Спб. 1882 г Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве. Четвертое изданіе, значительно передѣланное. Часть I. Курсъ алгебры. Спб. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

☞ **Начальныя свѣдѣнія по скотоводству.** Составилъ В. Г. Котельниковъ съ 56-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Некрасовъ. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе. А. А. Буткевичъ (урожд. Некрасова). Съ 16 картинами, работы Барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Въ изящномъ переплетѣ. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Образцовыя сказки русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Авенаріусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

☞ **О вліяніи школъ на физическое развитіе дѣтей.** Изслѣдованіе д-ра В. Нагорскаго. Спб. 1881 г. Ц.. 40 коп., съ пер. 50 коп.

☞ **Осьминогъ Вакула.** Ив. Маляревскаго. Изданіе второе, съ картинами. Спб. 1882 г. Ц. 12 к. съ пересылк.

О причинахъ заразныхъ болѣзней. М. П. Черинова. (Съ таблицей рисунковъ). Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

☞ **Очеркъ практической педагогики.** Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Сочиненіе д-ра Ф. Диттеса. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею I. Паульсона. Четвертое, исправленное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ **Подарокъ милымъ дѣтямъ.** Е. А. С...ой. (Четыре разсказа). 1) Рождественскій подарокъ. 2) Не откладывай помощи

ближнему. 3) У страха глаза велики. 4) Лягушка спасительница корабля. — Спб. 1882 г. Ц. 35 к., съ перес. 45 коп.

Пѣсни для школы дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Пиратъ. Разсказъ капитана Марръета. Обработалъ для юношества Гофманъ. Переводъ съ нѣмецкаго Софіи Дестунисъ. Съ 4-мя картинками по акварелямъ Барча, Спб. 1881 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

☛ **Подснѣжникъ.** Разсказы для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ. Составила А. Я. Гудвиловичъ. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Разсказы изъ русской исторіи. Б. А. Павловичъ. Спб. 1879 г. Цѣна книги въ бумажкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

☛ **Работы и ремесла для дѣтей различныхъ возрастовъ**, футлярное и переплетное ремесла. Составилъ И. Я. Гердъ. Съ 63 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. М. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя. Съ тремя портретами. Т. Толычевой. Москва. 1881 г. Цѣна 40 к., съ пер. 50 коп.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка тэмы Де-Фое. Съ 10-ю картинами и 35 политипажами, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

☛ **Родное.** Разсказы для дѣтей Ил. Смирнова, съ раскрашенными картинами Н. Мартынова: 1) въ овинѣ, 2) христославы, 3) дрова плывутъ, 4) на мельницѣ. Моск. 1882 г. Въ папкѣ, Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Родная Старина. Отечественная исторія въ разсказѣ и картинахъ. Составилъ В. Д. Сиповскій. Часть I, съ IX по XIV ст. 53 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова на отдѣльныхъ листкахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Часть II, съ XIV по XVII ст. 78 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листкахъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

☛ **Русскія учебныя картинки.** Рисовалъ В. С. Шпакъ. Спб. 1882 г. Цѣна картинъ въ папкѣ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Русскія прописи. Чистописаніе и скорописаніе. И. Н. Малиновскаго. Рига, 1881 г. Съ объясненіями ц. 65 к., съ пер. 80 к., безъ объясненія ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Русскимъ дѣтямъ. Разсказы для дѣтей перваго возраста. Составила А. Ишимова. Съ картинками въ текстѣ. Спб. 1882 годъ. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Русскій языкъ. Опытъ практическаг учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Сост. К. Ѳ. Петровъ. 160 стр. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. С. Весинъ. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Сельскіе дѣятели. Повѣсть для дѣтей. Народнаго учителя Павла Вересова. Чер. 1881 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

Сельская школа. Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Составили учителя начальныхъ училищъ. Н. Ерминъ и А. Волотовскій. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Сказки и разсказы для дѣтей. Надежды Крыловой. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Сказки Вильгельма Гауфа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею В. Зотова. Съ 27 фотогравированными рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 коп.

Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

☛ **Трудъ и знаніе основы достатка.** Книга для упражненія въ чтеніи въ сельскихъ школахъ. Допущена Мин. Нар. Просв. для употребленія въ начальныхъ народ. училищахъ. Сост. А. Путята. Изданіе второе исправленное и дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 65 к., съ пер. 80 коп. въ переплетѣ 75 к., съ пер. 90 к.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста Е. Н. Водовозовой. Изданіе 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Учебная карта Европейской Россіи для самообученія. Составилъ А. Михайловъ. Съ объяснительнымъ текстомъ, пояснительными чертежами и съ нагляднымъ обозначеніемъ главнѣйшихъ отраслей промышленности жителей Россіи. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Употребленіе знаковъ препинанія въ рус-

скомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и систематическаго диктанта. Курсъ среднихъ классовъ гимназіи. Составилъ П. И. Богдановъ. Изд. второе исправлен. и дополненное. Кіевъ 1879 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

Элементарный курсъ естественной исторіи. Составленный профессоромъ Э. К. Брандтомъ. Выпускъ I, заключаетъ въ себѣ три отдѣльныя книжки. 1) Міръ неорганическій Ц. 45 к., съ пер. 55 к. 2) Ботаника. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. 3) Зоологія. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. Каждая книга продается отдѣльно. Спб. 1882 годъ.

☛ **Элементарный учебникъ географіи.** Сост. по новѣйшимъ свѣдѣніямъ Е. Ф. Николаева. Мин. народ. просв., допущенъ въ библіот. начальныхъ училищъ. Второе изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Лингвистика. Абеля Овелака. Переводъ со второго французскаго изданія. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія.** Соч. Карл. Аппель. Вар. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Синтаксическія изслѣдованія А. В. Попова († 26 сентября 1880 года). Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія залоговыхъ значеній и безличныхъ оборотовъ. Въ санскритѣ, зендѣ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ. Воронежъ. 1881 г. Ц. 2 р. 25 коп., съ перес. 2 р. 50 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Алгебраическій анализъ. О. Л. Коши. Переведенъ съ французск. Ѳ. Эвольдомъ. В. Григорьевымъ, А. Ильинымъ. Л. 1864 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

☛ **Кометы и падающія звѣзды.** С. П. Глозенапъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Конструкторъ. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Профессора Рело. Съ третьяго тщательно обработаннаго и дополненнаго изданія перевели инженеръ-механики Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Зиминъ. Съ 714 политипажами въ текстѣ. Москва. 1881 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 руб.

Лекціи о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Сочиненіе, изданное по инціативѣ д-ра Э. Винклера. Первая тетрадь: Нижнее строеніе. Вторая тетрадь: стрѣлки и крестовины. По лекціямъ д-ра Э. Винклера. Переводъ съ третьяго исправленнаго нѣмецкаго изданія, инженера Л. Вурцеля. Спб. 1878 г. Ц. первой тетради 3 р. 50, к. съ пер. 3 р. 80 к. Ц. второй тетради 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ. Разсужденіе И. Пташицкаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Общепонятная теорія перспективы и тѣней. Сочиненіе А. Лёве. Второе изданіе. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 коп.

О нѣкоторыхъ полиномахъ съ одною и многими перемѣнными. Разсужденіе Герасима Орлова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

☛ **Опытъ физической теоріи электрическаго тока,** П. Фанъ-деръ-Флита. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Популярная астрономія. К. Фламмаріона. Книга I. Земля. Переводъ Л. Вурцеля. Варшава. 1880 г. Цѣна 90 к., съ пер. 1 р. 10 коп.

Элементарная теорія и разсчетъ желѣзныхъ строительныхъ и мостовыхъ фермъ. Сочиненіе Августа Риттера. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія, инженера Л. Вурцеля. 495 политипажей въ текстѣ. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Библіотека военно-санитарныхъ познаній для врачей и офицеровъ. W. Derblich. Выпускъ первый: Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по воинской повинности. Переводъ съ нѣмецкаго съ приложеніемъ русскихъ законоположеній. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Выращиваніе крупнаго рогатаго скота и уходъ за нимъ. Профессора Ф. Прошa. Переводъ—извлеченіе съ нѣмецкаго. В. Ковалевскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Глухонѣмота и воспитаніе глухонѣмыхъ. Сочиненіе Гартмана. Переводъ М. А. Фронштейна. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 коп.

Домашній уходъ за больными. Д-ра Курвуазье. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія М. Ловцовой. Съ предисловіемъ профес. Манассеина. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

☛ **Дѣтскія болѣзни ихъ гомеопатическое**

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

☛ **Административная юстиція въ западной Европѣ.** I административная юстиція во Франціи. Соч. Н. Куплевскаго. Харьк. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Алфавитный указатель юридическихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената въ 1879 и 1880 годахъ. Составили Е. Шайкевичъ и А. Поворинскій. Второе дополненное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. 1866—1880 гг. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

☛ **Государство и общество.** Управленіе, самоуправленіе и судебная власть. Статьи Безобразова. Спб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

☛ **Гражданскія ограниченія желѣзно-дорожныхъ предпріятій.** Часть первая: Право вещное. Сравнительно-законодательное изслѣдованіе Александра Борзенко. Ярославль. 1880 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 к.

☛ **Дополненіе къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ,** съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената. Составилъ В. Вешняковъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Курсъ русскаго лѣсного законодательства. Составилъ М. Романовскій. Спб. 1881 г. Ц. 2 р 50 к., съ пер. 3 р.

Систематическій сборникъ Правительствующаго Сената и распоряженій правительства, разъясняющихъ городовое положеніе. Составили баронъ В. Майдель и В. Бѣлюстинъ. 2-е значительно дополненное изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Сост... ное профессоромъ Н. С. Таганце... Изданіе четвертое дополненное. Спб. ... года. Ц. 4 р. съ пер.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТР...

☛ **Наброски изъ поѣздки по Малор...** Альбомъ, состоящій изъ 14-ти кар... Работы Е. Мальцевой, выпускъ 1-й. ... 1881 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

О сбереженіи и возстановленіи го... для артистовъ и любителей искусст... основаніи личнаго опыта. Составилъ ... Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ н... каго д-ръ А. Кржижановскій. К... 1881 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Сиротка. Дѣтскій театръ. Сцены ... народнаго быта. П. Г. Васильева. ... 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Gwiazda“ Kalendarz Petersburs... Premjowy. Illustrowany, literacki, społe... ny i informacyjny—na rok zwyczajny 18... (na rok drugi). Pod redakcią. Henry... Glinskiego. Petersburg 1882 r. cena 60 ko... z. przesyłką, 80 kop.

Календарь для хозяекъ на 1882 год... Книга приходо-расходная и для бѣлья. 4... годъ Е. К. Спб. 1882 г. Цѣна книги ... папкѣ 75 коп., съ пер. 1 р. въ перепл. 1 р... съ пер. 1 р. 25 коп.

Полный карманный путеводитель д... желѣзнодорож., пароходныхъ и почтовых... сообщеній въ Россіи съ ноября 1881 г. п... маѣ 1882 г., и 1200 маршрутовъ прямых... сообщеній, внутреннихъ и заграничныхъ... Спб. 1881 г., Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Спутникъ по Россіи. В. П. Ланцерт... Зимнее движеніе 1881 — 82 г. Изданіе, со... ставленное по оффиціальнымъ свѣдѣнія... и одобренное Министерствомъ Путей Со... общенія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ перес... 55 к.

365 обѣдовъ за 1 рубль. Составлен... ные Люциною Ц. Переводъ съ польскаго. Спб. 1872 г. ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ тридцать второй. XXXI и 638 стр. Томъ тридцать третій. IV и 551 стр. Томъ тридцать четвертый. XI, XLVII и 560 стр. Спб. 1881. Ц. за каждый томъ 3 руб.

Новые томы изданія Историческаго Общества даютъ по обыкновенію высокой важности матеріалъ для изученія нашей исторіи прошлаго вѣка. Тридцать второй томъ посвященъ продолженію извѣстной работы Д. В. Полѣнова объ Екатерининской законодательной коммиссіи,—продолженіе, исполняемое проф. Сергѣевичемъ, имѣетъ то великое преимущество передъ началомъ этого труда, что даетъ не *пересказъ* дѣлъ коммиссіи (какъ было у Полѣнова), а *подлинныя* записки, съ полнымъ сохраненіемъ ихъ языка. Это послѣднее обстоятельство придаетъ издаваемому матеріалу и большой интересъ историко-литературный.—Тридцать третій томъ, изданный подъ наблюденіемъ Я. Грота и г. Штендмана, секретаря общества, представляетъ очень важное дополненіе къ изданной прежде г. Гротомъ перепискѣ имп. Екатерины II съ Мельхіоромъ Гриммомъ, именно отвѣтныя письма Гримма къ императрицѣ, отыскавшіяся позднѣе. Кромѣ того, въ этомъ же томѣ помѣщены письма Гримма къ вице-канцлеру князю А. Н. Голицыну, письма Бирона къ посланнику Кейзерлингу, и письма Дидро къ Екатеринѣ II.—Томъ тридцать четвертый занятъ документами, относящимися къ царствованію Петра Великаго. Это—донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Россіи о международныхъ и торговыхъ сношеніяхъ; бумаги о пріѣздѣ Петра во Францію въ 1717 г.; инструкціи французскаго правительства своимъ агентамъ при русскомъ дворѣ, съ 1681 по 1717 г., наконецъ, записка одного чиновника французскаго министерства, составленная въ 1726 году, о переговорахъ для заключенія договоровъ между Россіею и Франціею.

Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Москва, 1881. XIV, 762, 96 и X стр. больш. 8°.

Митрополитъ Даніилъ, извѣстный политическій дѣятель и церковный писатель первой половины XVI вѣка, уже не одинъ разъ вызывалъ болѣе или менѣе обстоятельныя монографическія изслѣдованія; но настоящій трудъ г. Жмакина заслоняетъ ихъ всѣ и обширностью, и многосторонностью изслѣдованія. Авторъ разобралъ всѣ историческія извѣстія о дѣятельности митрополита Даніила и подробно разсмотрѣлъ всѣ его сочиненія, и въ приложеніяхъ помѣстилъ рядъ неизданныхъ статей Даніила и другихъ памятниковъ той эпохи. Политическая и литературная роль Даніила объясняется въ связи съ событіями его времени, такъ что книга даетъ изображеніе цѣлой эпохи, со стороны церковно-общественнаго быта. Безпристрастный взглядъ, чрезвычайно внимательное изученіе предмета и рядъ новыхъ свѣдѣній о Даніилѣ дѣлаютъ сочиненіе г. Жмакина капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы.

Гимназическая переписка, собранная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи Иваномъ Линейкинымъ, съ дополненіями, почерпнутыми изъ юридической практики судебнаго слѣдователя Петра Линейкина. Кіевъ, 1881. VI и 134 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Начало этой „Переписки" явилось лѣтъ двадцать тому назадъ въ одномъ тогдашнемъ журналѣ; другая часть была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы" 1880 года. Теперь „Переписка" является въ полномъ составѣ съ нѣкоторыми дополненіями. Понятно, что цѣль книжки публицистическая—изображеніе внутренняго состоянія нашей школы въ шестидесятыхъ годахъ и до послѣдняго времени. Форма удачно выбрана для подобнаго сюжета; хотя вообще искусственность этой формы бываетъ иногда тяжела, и въ настоящемъ случаѣ нѣкоторыя письма, быть можетъ, черезчуръ длинны. Въ подобныхъ предметахъ однако русское литературное произведеніе нельзя никакъ судить по обычнымъ требованіямъ эстетики,—къ послѣднимъ надо присоединить еще требованія „независящихъ обстоятельствъ"; они были и въ 1880 году, продолжаются и теперь. Но въ этой формѣ заключено весьма серьезное содержаніе. Авторъ очень близко знакомъ съ положеніемъ нашей школы въ послѣднія десятилѣтія, особенно въ западномъ краѣ, съ его особенными общественными условіями; горячо принимаетъ къ сердцу истинные интересы просвѣщенія, и даетъ новое освѣщеніе многимъ сторонамъ дѣла, о которыхъ въ печати говорилось большею частію вкривь и вкось. Книжка учителя Линейкина можетъ быть весьма назидательна для господъ педагоговъ и любопытна для тѣхъ, кого интересуетъ судьба нашего „просвѣщенія" за послѣднее время.

Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія. (Историко-литературные очерки). Н. Булича. Казань, 1881. 8°. 48 стр. Ц. 40 к.

Эта брошюра представляетъ рѣчь, читанную на актѣ казанскаго университета 5 ноября 1881 года. Въ ней заключается только начало предполагаемаго цѣльнаго труда о Достоевскомъ, именно излагается „первая литературная дѣятельность" его, въ 1845—49 годы. Авторъ такимъ образомъ еще далекъ отъ той эпохи этой дѣятельности и тѣхъ произведеній Достоевскаго, которыя въ недавнее время были предметомъ споровъ, но въ его изложеніи уже высказался отчасти взглядъ, заставляющій ожидать отъ цѣлой работы безпристрастнаго изложенія спорнаго предмета. Историку литературы и подобаетъ это безпристрастіе: въ правдивомъ историческомъ разборѣ условій воспитанія и среды, въ опредѣленіи свойствъ личнаго характера и таланта, средствъ и запаса образованія, въ точномъ изложеніи идей и содержанія произведеній, должна открыться правдивая оцѣнка писателя, его дѣйствительныхъ заслугъ и не менѣе дѣйствительныхъ недостатковъ. Со многими положеніями автора мы согласились бы буквально. Желательно только, чтобы продолженіе труда не заставило себя ждать.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1882 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.
Съ доставкою	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою	17 » — »	10 »	6 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ"

ежедневная газета, политическая и литературная.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 к.; съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 75 к.; за-границей—3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту и Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; а изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА":
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

История материализма и критика его значенія въ настоящее время Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія матеріализма до Канта. Спб. 1881. XII и 386 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Первое изданіе нѣмецкаго подлинника вышло еще въ 1865 году, и если только теперь появляется русскій переводъ его, то это замедленіе объясняется, безъ сомнѣнія, только условіями нашей литературы: книга не была дозволяема къ переводу.—Сочиненіе Ланге уже при первомъ появленіи обратило на себя вниманіе въ нѣмецкой литературѣ, выдержало въ сравнительно короткое время три изданія, было переведено на французскій языкъ. Предпріятіе гг. издателя и переводчика усвоить эту книгу русской литературы заслуживаетъ полнаго сочувствія: у насъ не великъ выборъ серьезныхъ книгъ по исторіи философской мысли, и книга Ланге займетъ между ними видное мѣсто. Особенно полезно было дать эту книгу въ переживаемый нами періодъ безшабашнаго мракобѣсія. — Мы возвратимся къ книгѣ по окончаніи русскаго перевода.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (съ XIV до XVII ст.). Составилъ В. Д. Сиповскій. (Изданіе редакціи журнала „Женское Образованіе". 78 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1882. 4 и 410 стр., больш. 8°. Ц. 1 руб. 75 коп.

Имя г. Сиповскаго пользуется заслуженной извѣстностью по издаваемому подъ его редакціей журналу „Женское Образованіе" (вступающему теперь въ 6-й годъ изданія) и по педагогической дѣятельности въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ. Новый трудъ его заслуживаетъ полнаго вниманія какъ прекрасное пособіе въ преподаваніи русской исторіи и вообще какъ популярная книга по русской исторіи. Первая часть „Родной Старины" вышла въ 1880 г.; она обнимаетъ древнюю исторію до XIV столѣтія. Вышедшая теперь вторая часть доводитъ разсказъ до избранія на царство Михаила Ѳедоровича. Въ своемъ трудѣ г. Сиповскій пользовался и самыми источниками, и новѣйшими изслѣдованіями, примыкая въ особенности ко взглядамъ Соловьева. Гораздо больше посвящено вниманія явленіямъ внутренней жизни, чѣмъ событіямъ внѣшней политики. Изложеніе отличается точностью, оживлено бытовыми картинами и историческими сценами, и даетъ вообще очень полезное и занимательное чтеніе.—Внѣшность изданія прекрасная.

Руссо. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1881. 443 и XIX стр. Ц. 2 р. 50 к.

Джонъ Морлей, издатель одного изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ „The Fortnightly Review", извѣстенъ въ англійской литературѣ какъ литературный критикъ и публицистъ. Въ послѣдніе годы онъ обратился къ изученію французскаго XVIII вѣка и написалъ три историко-біографическія книги („Вольтеръ", „Руссо", „Дидро и Энциклопедисты"), которыя имѣли большой успѣхъ. Вторая изъ нихъ является теперь въ переводѣ г. Невѣдомскаго. — Огромное вліяніе Руссо на литературу и умы въ концѣ XVIII вѣка распространялось нѣкогда и на образованные круги нашего общества и новая біографія Руссо можетъ такимъ образомъ имѣть и особенный интересъ для русскаго читателя, въ связи съ ея общимъ историческимъ интересомъ. Книга Морлея отличается большими достоинствами: біографія связана съ анализомъ сочиненій Руссо, съ характеристикой современнаго общества, съ его вліяніемъ на умы; авторъ внимательно воспользовался старой литературой и новыми изслѣдованіями о томъ времени.

Поѣздка къ Пирамидамъ. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1881. 192 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Мы упоминали недавно „Поѣздку въ Іерусалимъ" г. Мордовцева. Настоящая книжка заключаетъ описаніе первой половины его путешествія отъ Петербурга до Пирамидъ и до отъѣзда изъ Александріи въ Палестину. Книжка отличается тѣмъ же характеромъ живого разсказа, гдѣ пересыпаны впечатлѣнія пути, историческія и поэтическія воспоминанія, сопровождающія автора по дорогѣ—въ Константинополѣ, въ Малой Азіи, на родинѣ Гомера, на морскихъ переѣздахъ, въ Египтѣ, и не покидающей автора шуткой, которая направляется и на приключенія странствія, а иной разъ и на трогающія автора воспоминанія славной исторіи. Книжка читается легко и съ интересомъ.

Наши отравители. Очерки аптечной жизни. М. Лазарева. Спб. 1882. 12°. 206 стр. Ц. 80 к.

Обличительная литература коснулась наконецъ и аптечной жизни. „Все, угрожающее съ какой бы то ни было стороны общественному здоровью,—говоритъ авторъ въ предисловіи,— должно, конечно, являться предметомъ первостепенной важности для общества и для печати... Между тѣмъ, аптеки и аптечныя злоупотребленія какъ-то игнорируются. Причина этого явленія заключается въ томъ, что аптеки, прикрываясь вѣковою рутиною и своимъ особеннымъ тарабарско-латинскимъ языкомъ, составляютъ совершенную terra incognita для массы нашего общества, и продѣлки аптекарей не возбуждаютъ въ послѣднемъ даже и подозрѣнія о своемъ существованіи". Обличенію этихъ злоупотребленій и посвящена книжка. Большая доля книжки занята исторіей двухъ аптекарей-соперниковъ въ небольшомъ провинціальномъ городѣ. Не знаемъ, насколько обличенія автора приложимы къ *большинству* аптекъ; но предметъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и болѣе подробнаго изученія.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. В. Ѳ. Корша. Выпускъ XII. Спб. 1881.

Заносимъ вышедшій недавно XII-й выпускъ прекраснаго изданія, о которомъ столько разъ говорили. Въ новомъ выпускѣ продолжается изложеніе „Средневѣковыхъ литературъ западной Европы и Византіи", составленное А. И. Кирпичниковымъ.

